UDF

Изображение: freepik.com

ФАКТОРЫ И МЕХАНИЗМЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Российская академия наук
Уральское отделение
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ

Отделение общественных наук

2022–2031 десятилетие науки и технологий

Российская академия наук
Уральское отделение
Институт экономики

ФАКТОРЫ И МЕХАНИЗМЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Сборник научных статей

Екатеринбург
2025

УДК 314
ББК 60.7 (2 Рос)
У 81

Десятилетие науки и технологий в Российской Федерации

Сборник подготовлен в рамках выполнения НИР по госзаданию Института экономики УрО РАН на 2024–2026 гг. No 0327-2024-0009 «Механизмы регулирования экономического поведения населения в условиях структурных изменений».

Редакторы: д-р экон. наук, проф. О. А. Козлова, д-р экон. наук, проф. А. П. Багирова, д-р истор. наук, проф. Г. Е. Корнилов, д-р экон. наук, проф. И. А. Кулькова, д-р философ. наук, проф. Б. Ю. Берзин, канд. экон. наук Н. П. Неклюдова

Рецензенты: д-р экон. наук Т. А. Коркина, д-р экон. наук Е. Л. Андреева

ISBN 978-5-94646-700-1
© Институт экономики УрО РАН. 2025

СОДЕРЖАНИЕ

I. Исторические факторы демографического развития

Араловец Н. А. Российское здравоохранение в 1960-е гг. 6
Баранов Е. Ю. Демографические исследования в России / СССР: генезис и трансформация на региональном уровне (постановка научной проблемы) 14
Вербицкая О. М. Сельские миграции в России (1990 — 2000-е гг.) 27
Воронин С. А. Решение актуальных демографических проблем на примере села Пустошь Ивановской области: исторический аспект 41
Жарков А. В. Рождаемость и уровень образования женщин в РСФСР в 1979 г.: связь между показателями 54
Задкова Т. Ю. Население Мордовской АССР накануне и в годы Великой Отечественной войны (1939–1945 гг.): основные демографические характеристики 61
Исянгулов Ш. Н. Аборты в Башкирии в конце 1930-х — 1960-е гг. (историко-демографический аспект) 72
Кышпанаков В. А. Территориальная мобильность коренного населения Хакасии и его размещение по федеральным округам России (2002–2020 гг.) 82
Лыткина У. В. Ведущие причины смерти населения Коми АССР в 1940–1980-е годы 93
Ножкина Н. В., Зарипова Т. В. Особенности демографических процессов на Среднем Урале в XIX — начале XX веков 104
Роднов М. И. Численность населения горных заводов Южного Урала в 1917–1920 годах (Оренбургская губерния) 116
Сулейманова Р. Н. Демографические процессы в Башкортостане на рубеже XX–XXI вв.: динамика, общие и региональные особенности 124
Тараканов М. Ю., Малеева Е. В., Туркина Л. В. Младенческая смертность в городе Нижний Тагил в годы Великой Отечественной войны 131
Фаузер Г. Н. Расселение населения Республики Коми в координатах переписей населения: 1939–2021 годы 143
Филиппова Е. В. Ретроспективный анализ численности населения Псковской земли по данным переписей 152
Черезова О. Г. Медицинские учреждения Свердловской области во второй половине 1950 — начале 1970-х годов как фактор развития демографических процессов 164
Чернышева Н. В., Ажигулова А. И. Постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 27 июня 1936 года и его реализация до начала Великой Отечественной войны 173
Шукюров К. К. Нефть и демография: население Азербайджана в последней трети XIX — начале XX веков 182

II. Социально-экономические факторы демографического развития

Абдулманапов П. Г. Взаимосвязь демографического и социально-экономического развития региона 189
Афанасьева Л. А., Ершова И. Г. Социально-экономические факторы демографического развития региона 201
Баранова И. С. Влияние социально-экономических факторов на демографические процессы в Свердловской области 211
Белехова Г. В. Забота о здоровье в контексте ответственности и материальных возможностей: кейс лиц старшего возраста (на примере Вологодской области) 221
Буглак Д. В., Козлова О. А. Перспективы развития рынка труда Свердловской области в условиях демографического старения 233
Ванкевич Е. В., Зайцева О. В. Демографическое измерение рынка труда Республики Беларусь и роль демографического дивиденда в экономическом росте 244

Васильева Е. Н., Васильева Е. Е. Факторы изменения численности населения в Российской Федерации в 2000–2021 гг. 259
Дорошенко С. В., Санаева О. В., Соломатин Я. И. Долголетие, образование, доход как факторы развития малого и среднего предпринимательства в российских регионах 266
Котомина О. В. Проблемы функционирования вузов в интересах устойчивого развития региона (на примере субъектов Уральского экономического района) 276
Логинов В. Г. Арктика: оценка демографического потенциала в изменившихся границах 286
Лопаева В. А. Дивергенция трудовой занятости (региональный опыт) 296
Лупандина И. С., Загородний В. В. Демографическая политика Российской Федерации 311
Масленникова Е. В., Антонова О. А. Демографические вызовы и их влияние на рынок труда Челябинской области: риски и возможности 324
Петухова С. В. Гендерные проблемы высшей школы: региональный аспект 343
Сарвари Р. Д. Демографическая устойчивость: показатели и их влияние на социально-экономическое развитие 354
Соколова А. А. , Груздева М. А. Цифровое потребление в предпенсионном и пенсионном возрасте: практики, риски, негативные последствия 368
Тельнов В. И. Сравнительный анализ динамики показателей смертности населения России и Франции 381
Трутнев А. Ю. Демографический портрет населения современной России 391
Уваров С. Н. Сельская молодежь России: демографическая характеристика (история и современность) 400
Фаузер В. В. Ресурсы труда: фактор роста или ограничения экономического развития северных территорий России 406
Шевченко О. В. Социально-демографические факторы цифровой трансформации региона 420
Широкалова Г. С., Шкурин Д. В. Студенты о факторах семейной интеграции 432
Шубат О. М., Носкова К. В. Участие малого бизнеса в поддержке российской рождаемости: потенциал и возможные корпоративные практики 441

III. Рождаемость в регионах: решения для формирования новых трендов

Архангельский В. Н. Статистическая оценка влияния региональных мер демографической политики на рождаемость 453
Домнич Е. Л. Общий коэффициент рождаемости в крупнейших городах Дальнего Востока в начале XXI века 473
Захаров С. В. Изменения уровня брачной и внебрачной рождаемости в России: оценки с учетом данных переписей и микропереписей населения о брачном состоянии женщин 483
Карпова В. М., Ляликова С. В. Особенности мотивационной сферы родителей в семьях с разным числом детей 502
Крупко А. Э. Проблемы, прогнозы и перспективы демографического развития России 512
Кулькова И. А. Информационная и психологическая помощь в подготовке к рождению ребенка как инструмент пронаталистской политики 524
Меренков А. В. Создание семьи и рождение детей в жизненных планах выпускников школ 535
Натсак О. Д. Институциональные основы политики по достижению макро-демографических целей: подходы к решению проблемы низкой рождаемости 543
Рашитова Л. К. Феномен внебрачной рождаемости как социальное явление 557
Русанова Н. Е., Ерофеева Л. В. Регулирование рождаемости при снижении естественной фертильности 568

Трушкова Е. А. О роли механизмов финансовой поддержки семей с детьми в выборе стратегии социально-экономической адаптации: обзор научных исследований 576

IV. Социально-психологические аспекты демографического развития

Галкин К. А. Использование цифровых технологий для здоровьесбережения пожилых людей в сельской местности 589

Камарова Т. А., Тонких Н. В. Статистическая оценка неиспользованного потенциала деторождений среди целевых групп женщин 598

Китаева М. П. Социально-психологические аспекты маргинальности 609

Колесник Е. А., Елисеева Е. Н. Социальные приоритеты студентов вузов и новые возможности по их реализации на основе педагогического подхода «Обучение служением» 620

Кузнецов Р. А. Влияние цифровой среды на приверженность традиционным российским ценностям детей и молодежи РФ 633

Куприна Т. В. Перенниалы: поколение next 645

Молодец К. В. Одиночество как результат скрытого социального сиротства: анализ влияния отсутствия поддержки со стороны социума 652

Пышминцева О. А., Макарова М. Н. Влияние состояния здоровья на восприятие населением социальных рисков 668

Сысоева Е. А., Ипполитова В. С. Статистическое исследование социальных девиаций в современном обществе 678

Шматова Ю. Е. Факторы риска тревоги и депрессии у старшего поколения 696

V. Миграция и миграционная политика в условиях современных вызовов

Алаи Е., Бедрина Е. Б. «Новая» миграция из Китая в регионы России 709

Журавлев Н. Ю. Взаимосвязь системы образования и миграционных процессов: обзор публикаций 719

Ишуков А. А., Мендес Калдерон Д. А. Анализ образовательной миграции иностранных студентов УрФУ на региональном уровне 727

Керимов Р. Мотивы и ожидания потенциальных мигрантов: миграция из Азербайджана в страны ЕС 735

Реутов Е. В. Социально-демографическое воспроизводство регионов Центрального Черноземья: проблемы и перспективы 743

Смирнов А. В. Миграция населения геостратегических территорий России 753

Струин Н. Л., Поддубный А. В., Сморудова Н. И., Забродин О. В. Риски миграционной политики и проблемы региональной наркоситуации 763

VI. Вклад государственных программ и национальных проектов в здоровьесбережение нации

Кузьмин К. В., Харченко В. С., Петрова Л. Е. Социальное самочувствие среднего медицинского персонала государственных организаций здравоохранения Свердловской области: по результатам социологического исследования 777

Левченко Т. В., Щукина А. И. Детские центры на базе высших педагогических учебных заведений как фактор повышения рождаемости среди молодёжи 793

Нацун Л. Н. Влияние реализации национального проекта «Здравоохранение» на здоровье населения Вологодской области 802

Ростовская Т. К. Молодые мужчины с приобретенной инвалидностью: методологические аспекты проведения исследования 812

Струин Н. Л., Струина Н. Н., Сморудова Н. И. «Санитарный щит» Роспотребнадзора и проблема завоза в Россию социально значимых и инфекционных заболеваний трудовыми мигрантами по регионам Уральского федерального округа 819

I. ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

УДК 311.4, 314.1
JEL classification: И15, J18, R23
https://www.doi.org/10.17059/udf-2025-1-1

Российское здравоохранение в 1960-е гг.[1]

Н. А. Араловец
Институт российской истории РАН (г. Москва, Российская Федерация).
Автор для корреспонденции: Н. А. Араловец (aralovetz@yandex.ru).

Аннотация. *Организация системы здравоохранения имеет первостепенное значение для сохранения здоровья населения, увеличения продолжительности жизни. В статье на основании, прежде всего, данных переписи учреждений здравоохранения на 1 октября 1963 г. показано, что в 1960-е гг. в РСФСР сохранялась государственная система здравоохранения. Такая система характеризовалась государственным контролем за деятельностью лечебно-профилактических учреждений и оказанием медицинской помощи, а также бесплатным, доступным, квалифицированным обслуживанием населения. Учреждения здравоохранения в основном относились к Министерству здравоохранения, реже — к другим министерствам и ведомствам. Отмечалось, что созданная система здравоохранения, обеспечивавшая медицинское обслуживание населения, имела разнообразные типы и разветвленную сеть лечебно-профилактических учреждений. Вместе с тем административное управление системой здравоохранения, значительное преобладание экстенсивных методов, направленных на численное увеличение лечебно-профилактических учреждений, медицинских кадров не всегда было эффективным. Всё это заметно снижало своевременность и качество оказываемой населению помощи, отражалось на уровне заболеваемости и смертности. Статья адресована научным работникам, преподавателям, студентам и аспирантам.*

Ключевые слова: РСФСР; здравоохранение; управление; население; здоровье

Russian Healthcare in the 1960s

N. Aralovets
The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).
Corresponding author: N. Aralovets (aralovetz@yandex.ru).

Abstract. *The organization of the healthcare system is of paramount importance for maintaining public health and increasing life expectancy. Based primarily on the data from the census of healthcare institutions as of October 1, 1963, the article shows that in the 1960s the RSFSR maintained a public health system. Such a system was characterized by State control over the activities of medical institutions and the provision of medical care, as well as free, affordable, qualified public services. Healthcare institutions mostly belonged to the Ministry of Health, less often to other ministries and departments. It was noted that the established healthcare system, which provided medical care to the population, had various types and an extensive network of medical and preventive institutions. At the same time, the administrative management of the healthcare system, the significant predominance of extensive methods aimed at numerically increasing treatment and preventive institutions, and medical personnel have not always been effective. All*

[1] © Араловец Н. А. Текст. 2025.

this significantly reduced the timeliness and quality of care provided to the population, reflected in the level of morbidity and mortality. The article is addressed to researchers, teachers, students and postgraduates.

Keywords: RSFSR; healthcare; management; population; health

Введение

Здоровье населения и здравоохранение играют исключительную роль в обществе. Их исключительность усиливается и в научном, и в общественном смыслах в условиях широкого распространения в мире онкологических заболеваний, болезней системы кровообращения, новых инфекционных вызовов и т. д. В таких условиях изучение состояния здоровья населения и системы здравоохранения представляется особенно своевременным. Научное значение имеет ретроспективное изучение проблем российского здравоохранения в 1960-е гг. За межпереписной период с 1959 г. по 1970 г. произошли существенные изменения в численности и составе населения. К тому же в 1963 г. в РСФСР произошла перепись медицинских учреждений. Ее данные отразили определенный итог функционирования системы здравоохранения, зафиксировали позитивные и негативные явления, повлиявшие на ее дальнейшее развитие. Важно рассмотреть основу системы здравоохранения в РСФСР и, прежде всего, численность, типы, функции, особенности лечебно-профилактических учреждений в 1960-е гг. Тем более, что в исследовательской литературе проблемы российского здравоохранения второй половины XX в., эффективности его организации и помощи больным, влияния на состояние здоровья населения, особенно на рождаемость и смертность, разработаны недостаточно полно.

Обзор литературы

В 1960-е — 1980-е гг. в РСФСР и в СССР в целом это явление было обусловлено, прежде всего, существенной нехваткой необходимых для исследования и архивных, и опубликованных источников. Возникшей ситуацией объясняется и тот факт, что проблемы здравоохранения преимущественно изучались медиками, социологами, философами и другими специалистами. Историки к таким проблемам обращались мало. В этот исторический период появлялись работы общего характера, в т. ч. приуроченные к юбилейным датам. В таких публикациях главным образом рассматривались успехи и достижения здравоохранения (Трофимов, 1967; Петровский, 1973; Серенко & Соболевский, 1975). Вместе с тем изучалась история здравоохранения XX в., выделялись наиболее важные проблемы здоровья населения и их решения органами здравоохранения (Лисицын, 1973). Раскрывались отдельные аспекты истории и организации здравоохранения в общих работах, посвященных истории медицины (Мультановский, 1961). Затрагивались и отдельные проблемы управления здравоохранением, а также его финансирования (Калью, 1975; Бабановский, 1976, Серенко и др., 1982). Исследовалось соотношение здоровья населения и социально-экономических проблемы здравоохранения (Кулагина, 1975). Ставились вопросы, связанные с медицинским обслуживанием разных категорий населения (Богатырев, 1962; Захаров & Хотько, 1963; Казнев, 1963).

В конце XX и в XXI вв. в условиях значительных изменений в российском обществе у исследователей расширились возможности изучать ранее недоступные архивные данные. В этот период к исследованию вопросов здравоохранения

подключились историки. Усложнился рассматриваемый круг вопросов, изучались разные типы, функции медицинской помощи населению, подготовка медицинских кадров, отношение населения к здоровью и др. (Васильев, 2001; Лисицын, 2002; Араловец, 2023). Раскрывались особенности здравоохранения в отдельных регионах РСФСР (Гуменюк, 2015; Рубан, 2024). Однако в научной литературе сохраняется малочисленность работ историков. Ощущается нехватка исследований, рассматривающих отдельные проблемы здравоохранения, влияния медицинской помощи на состояние здоровья населения, на заболеваемость и смертность. Слабо затрагивается изучение регионального здравоохранения. Мало изучено состояние здравоохранения в отдельные исторические периоды, в т. ч. в 1960-е гг.

Материалы и методы

Вопросы российского здравоохранения в 1960-е гг. изучаются преимущественно на законодательных материалах, а также на данных статистики, особенно переписи медицинских учреждений РСФСР, проведенной в 1963 г., информационно-справочных сведениях. В статье применяются исторические, статистические, демографические методы исследования. Используемые источники и методы позволили нам раскрыть особенности организации медицинской помощи населению в РСФСР в изучаемое десятилетие.

Результаты

В мире выработаны разные формы медицинской помощи населению. Государственная существует в таких странах, как Великобритания, Бельгия, Канада, Италия, Норвегия. Страховая характерна для Германии, Франции, большинства европейских стран. Частная имеет распространение в США. В XX в. в России существовала государственная медицинская помощь населению.

Революционные события октября 1917 г. заметно изменили организацию медицинской помощи населению. В России была создана государственная система здравоохранения с высоким уровнем централизации управления. В системе централизованного управления здравоохранением решались все вопросы материально-технического, лекарственного, штатного, финансового обеспечения медицинских учреждений (Лисицын, 2002).

В 1960-е гг. в РСФСР, как и в СССР, здравоохранение, т. е. система социально-экономических и медицинских мероприятий, имеющих целью сохранить и повысить уровень здоровья каждого отдельного человека и населения в целом, традиционно основывалась на принципах: «Научный характер, бесплатность и общедоступность квалифицированной медицинской помощи, профилактическое направление, участие общественности в здравоохранении»[1].

В РСФСР существовала сеть лечебно-профилактических учреждений. Ее деятельность была направлена на удовлетворение потребностей населения во всех видах медицинской помощи. Лечебно-профилактические учреждения состояли из трех основных типов — амбулаторного, стационарного и комбинированного. К лечебно-профилактическим учреждениям амбулаторного типа относились:

[1] Большая советская энциклопедия, далее – БРЭ. (1972) (Т. 9). Москва: Советская энциклопедия, 624.

амбулатория, поликлиника, здравпункт, станция скорой помощи, женская консультация. В таких учреждениях пациент проживал и лечился дома, получал медицинские услуги. Стационарный тип лечебно-профилактических учреждений состоял из больниц, клиник, госпиталей, санаториев. В этих лечебно-профилактических учреждениях пациент оставался, проживал и получал медицинские услуги. В комбинированный тип лечебно-профилактических учреждений входили медико-санитарные части, диспансеры, объединенные больницы. Эти учреждения в своем составе сочетали и амбулатории (поликлиники), и стационары.

Медицинские учреждения выполняли разные задачи и имели разные функции. Исходя из этого, в лечебно-профилактических учреждениях выделялись, прежде всего, больничные учреждения (городские и сельские больницы различной мощности). Затем диспансерные учреждения (противотуберкулезные, кожно-венерические, онкологические, психоневрологические и др.). Далее амбулаторно-поликлинические учреждения (городские, районные поликлиники, амбулатории, врачебные здравпункты на предприятиях); учреждения охраны материнства и детства (родильные дома, женские, детские консультации, ясли, дома ребенка). Потом санаторно-курортные учреждения; лечебные учреждения скорой помощи. Вслед за всеми учреждениями располагались санитарно-противоэпидемические (центры санитарно-противоэпидемического надзора, дезинфекционные, противомалярийные станции и др.)[1].

Медицинские учреждения в большинстве случаев подчинялись Министерству здравоохранения СССР и союзных республик. Однако сеть лечебно-профилактических учреждений здравоохранения имела сложный и разветвленный характер. Лечебно-профилактические учреждения были ведомственными, территориальными (по месту жительства), производственными (по месту работы).

1 октября 1963 г. в РСФСР прошла перепись учреждений здравоохранения. Она зафиксировала 96,5 тыс. медицинских учреждений всех типов. Из ее данных видно, что 87,7 тыс. медучреждений (90,9 % от их общего числа) подчинялись Министерству здравоохранения РСФСР, в т. ч. большинство больниц — 12,4 тыс. (90,0 %), диспансеров — 1,3 тыс. (98,6 %), фельдшерско-акушерских пунктов — 49,9 тыс. (98,4 %), санитарно-эпидемиологических станций — 2,6 тыс. (92,3 %), станций и отделов скорой медицинской помощи — 1,1 тыс. (98,6 %). Вместе с тем небольшое число профилакториев (18,8 %) и особенно домов отдыха и пансионатов (1,1 %) находилось в подчинении Министерству здравоохранения РСФСР.

Медицинские учреждения, подчинявшиеся другим министерствам и ведомствам, составляли заметно меньшее число: Министерству путей сообщения (МПС) — 3,3 тыс. (3,4 %), Всесоюзному центральному совету профессиональных союзов (ВЦСПС) — 1,3 тыс. (1,3 %), прочим министерствам и ведомствам — 4,2 тыс. (4,4 %)[2].

Часть амбулаторий и поликлиник, здравпунктов, судовых медпунктов подчинялись МПС и другим министерствам и ведомствам; санатории, профилактории, дома отдыха — ВЦСПС. В соответствии с постановлением Совета Министров

[1] БРЭ (1974) (Т. 15). Москва: Советская энциклопедия, 632.

[2] Краткие итоги переписи учреждений здравоохранения РСФСР на 1 октября 1963 г. (1964). Москва, 619 (подсчеты автора).

СССР «О передаче профсоюзам санаториев и домов отдыха» от 10 марта 1960 г. (позднее — Положение о курортах от 5 сентября 1973 г.) профсоюзы приняли 1500 санаторно-курортных учреждений с оборудованием и вспомогательными службами. Исключение составляли туберкулезные санаторно-курортные учреждения. С 1960 г. их управление перешло к Министерству здравоохранения СССР и союзным министерствам[1]. Таким образом, в РСФСР и в целом в СССР действовала государственная система здравоохранения с подчинением большинства лечебно-профилактических учреждений Министерству здравоохранения. Вместе с тем учреждения здравоохранения были ведомственными, территориальными, производственными. Сеть здравоохранения характеризовалась разнообразием типов медицинских учреждений.

В созданной государственной системе здравоохранения был заложен определенный потенциал. Он проявлялся прежде всего в высокой степени социальной защищенности населения, бесплатной медицинской помощи, государственном контроле за условиями ее оказания, в проведении массовой иммунизации, а также в мобилизационной готовности в чрезвычайных ситуациях, в т. ч. в военных условиях. Важно отметить, что принимались государственные меры по улучшению медицинского обслуживания населения. О таком подходе свидетельствует постановление Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему улучшению медицинского обслуживания населения и охране здоровья населения СССР», принятое 14 января 1960 г.[2]

Советская система здравоохранения развивалась экстенсивными методами. Отмечался численный рост больниц (особенно крупных), коек в них, врачей, среднего медицинского персонала. Укреплялась материально-техническая база медицинских учреждений. Однако в этой системе отсутствовали экономические стимулы, конкурентная среда, дополнительные медицинские услуги, медицинское страхование, что снижало эффективность медицинской помощи населению.

В 1960-е гг. в РСФСР усилились негативные проявления в функционировании созданной системы здравоохранения. Эти проявления выражались в первую очередь в низкоэффективном управлении здравоохранением; в неравномерном распределении врачей, медицинской техники и современной аппаратуры по территории страны, между городами и сельскими местностями. В то же время здравоохранение недостаточно финансировалось. Эта ситуация порождало социальные проблемы, выражавшиеся в низкой заработной плате медработников, в качестве медицинских услуг, нехватке медоборудования, в т. ч. новейших видов. Перепись учреждений здравоохранения выявила, что в течение 1963 г. в РСФСР из-за отсутствия медицинских кадров и помещений не работали 3,4 тыс. врачебных, фельдшерских, фельдшерско-акушерских пунктов, колхозных родильных домов, здравпунктов при предприятиях, трахоматозных пунктов. Эти медицинские учреждения, в основном подчиненные Министерству здравоохранения, располагались в сельских местностях.

[1] Свод законов СССР (1990). (Т. 4). Москва: Известия, 686.

[2] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сб. документов за 50 лет (1968). (Т. 4). Москва: Политиздат, 784.

В РСФСР неравномерное размещение сети медицинских учреждений было особенно выражено в Тюменской, Костромской, Саратовской, Калужской, Новгородской и Астраханской областях, а также в Карельской АССР. Существовали заметные разрывы в медицинском обслуживании населения между отдельными районами. Так, в Чечено-Ингушской АССР, в Ножай-Юртовском р-не на одну больницу приходилось свыше 21 тыс., а в Введенском — 6 тыс. чел. Кроме того, в таких российских регионах, как Сибирь, Дальний Восток, неравномерное распределение по территории медучреждений заметно усугублялось большими расстояниями между населенными пунктами[1].

Сложная разветвленная сеть лечебно-профилактических учреждений, разные типы учреждений здравоохранения, нередко слабо связанные между собой — всё это отрицательно сказывалось на оказании медицинской помощи населению, вызывая его острое недовольство. Тем более, что в эти годы в РСФСР ухудшались экологические условия жизни населения, усиливалось загрязнение окружающей среды, особенно в город. Распространялись болезни системы кровообращения и онкологические заболевания, особенно злокачественные, увеличивалась смертность населения от них. В таких условиях заметно возрастала потребность населения в эффективной медицинской помощи. Следует отметить, что в 1947–1949 гг. в СССР было проведено укрупнение системы здравоохранения, состоялось объединение поликлиник и больниц. Больничное учреждение в случае объединения с поликлиникой оказывало населению и больничную, и амбулаторно-поликлиническую помощь. В областных (краевых, республиканских) и центральных районных больницах поликлиника была обязательным структурным подразделением. В городских больницах это подразделение могло отсутствовать. Однако в РСФСР в структуре лечебно-профилактических учреждений преобладали объединенные больничные учреждения. В этот период такое объединение считалось наиболее целесообразным и, по сути, было попыткой улучшить медицинское обслуживание населения.

Заключение

В 1960-е гг. в РСФСР, как и в СССР в целом, традиционно сохранялась государственная система здравоохранения, бесплатная, общедоступная, квалифицированная, с государственным контролированием условий ее оказания. Учреждения здравоохранения подчинялись разным министерствам и ведомствам при доминировании Министерства здравоохранения. Созданная система здравоохранения имела разнообразные типы и разветвленную сеть лечебно-профилактических учреждений, обеспечивавших медицинское обслуживание населения. Вместе с тем административное управление, недостаточное финансирование, преобладание экстенсивных методов, направленных на численное увеличение лечебно-профилактических учреждений, медицинских кадров приводили к малоэффективным результатам деятельности учреждений здравоохранения. Отмечалось неравномерное размещение медицинских учреждений по территории РСФСР, в центре

[1] Краткие итоги переписи учреждений здравоохранения РСФСР на 1 октября 1963 г. (1964). Москва, 619.

и регионах, в городах и сельских местностях и т. д. Существовавшие методы управления здравоохранением сказывались на качестве оказываемой населению помощи, уровне заболеваемости и смертности, состоянии здоровья в целом.

Список источников

Араловец, Н. А. (2023). *Здравоохранение и здоровье населения РСФСР в 1959–1989 гг.* Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 530. EDN: NRQHOC

Бабановский, И. В. (1976). *Вопросы финансирования здравоохранения в СССР.* Москва: Медицина, 128.

Богатырев, И. Д. (1962). *Заболеваемость и лечебно-профилактическое обслуживание промышленных рабочих.* Москва: Медицина, 392.

Васильев, К. Г. (2001). *История эпидемий и борьбы с ними в России в XX столетии.* Москва: Медицина, 255.

Гуменюк, А. А. (2015). Развитие здравоохранение в СССР во второй половине 1950-х-первой половине 1980-х гг. (по материалам Нижнего Поволжья). *Известия Саратовского государственного университета. Новая серия. Серия: История Международных отношений, 15* (4), 108–116.

Захаров, Ф. Г., Хотько, Н. К. (1963). *Медицинское обслуживание трудящихся промышленных предприятий.* Москва: Медгиз, 235.

Казнев, М. Я. (1963). *Борьба с заболеваемостью на предприятиях.* Москва: Профиздат, 111.

Калью, Р. Б. (1975). *Современные проблемы управления здравоохранением.* Москва: Медицина, 248.

Кулагина, Э. Н. (1975). *Здоровье и экономика: социально-экономические проблемы здравоохранения.* Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 112.

Лисицын, Ю. П. (2002). *Здравоохранение в XX в.* Москва: Медицина, 216.

Лисицын, Ю. П. (1973). *Социальная гигиена и организация здравоохранения.* Москва: Медицина, 456.

Мультановский, М. П. (1961). *История медицины.* Москва: Медицина, 348.

Петровский, Б. В. (1973). *Советское здравоохранение за 50 лет в СССР.* Москва: Медицина, 112.

Рубан, А. А. (2024). Развитие системы здравоохранения в документах исполнительного комитета Красноярского Совета депутатов трудящихся в 1960–1968 годах. *Исторический курьер: сетевой научный журнал по истории.* http://doi.org/10.31518/2618-9100-2024-3-17. EDN: OPSMVO

Серенко, А. Ф., Ермаков, В. В., & Петраков Б. Д. (1982). *Основы организации поликлинической помощи населению.* Москва: Медицина, 380.

Серенко, А. Ф., Соболевский, Г. Н. (1975). *Здравоохранение социалистического общества.* Москва: Медицина, 312.

Трофимов, В. В. (1967). *Здравоохранение Российской Федерации за 50 лет.* Москва: Медицина, 332.

References

Aralovets, N. A. (2023). *Zdravookhranenie I zdorove naseleniya RSFSR v 1959–1989 gg. [Healthcare and public health of the RSFSR in 1959–1989].* Moscow; S-Peterburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 530. EDN: NRQHOC (In Russ.)

Babanovskiy, I. B. (1976). *Boprosy finansirovaniya zdrabookhrahehiya v SSSR [Issues of financing healthcare in the USSR]*. Moscow: Medicine, 128. (In Russ.)

Bogatyrev, I. D. (1962). *Zabolevaemost i lechebno-profilakticheskoe obsluzhibanie promyshlennykh rabochikh [Morbidity and therapeutic and preventive maintenance of industrial workers]*. Moscow: Medicine, 392. (In Russ.)

Gumenyuk, A. A. (2015). The development of healthcare in the USSR in the second half of the 1950s-the first half of the 1980s (based on materials from the Lower Volga region). *Izvestiya Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya Mezhdunarodnykh otnosheniy [Proceedings of Saratov State University. A new series. Series: History of International Relations], 15*(4), 108–116. (In Russ.)

Kaznev, M. Ya. (1963). *Borba s zabolevaemostyu na predpriyatiyakh [Disease control in enterprises]*. Moscow: Profizdat, 111. (In Russ.)

Kalyu, R. B. *Sovremennye problemy ypravleniya zdravookhraneniem [Modern problems of healthcare management]*. Moscow: Medicine, 248. (In Russ.)

Kulagina, E. N. (1975). *Zdorove i ekonomika; sotsialnye problem zdravookhraneniya [Health and economics: socio-economic problems of healthcare]*. Gorky: Volga-Vyatka Publishing House, 112. (In Russ.)

Lisitsyn, Yu. P. (2002). *Zdravookhraneniya v XX v. [Healthcare in the XX century]*. Moscow: Medicine, 216. (In Russ.)

Lisitsyn, Yu. P. (1973). *Sotsialnaya gigiena i organizatsiya zdravookhraneniya [Social hygiene and healthcare organization]*. Moscow: Medicine, 456. (In Russ.)

Multanovskiy, M. P. (1961). *Istoriya meditsyny [Medical history]*. Moscow: Medicine, 348. (In Russ.)

Petrovsky, B. V. (1973). *Sovetskoe zdravookhranenie za 50 let v SSSR [Soviet healthcare for 50 years in the USSR]*. Moscow: Medicine, 112. (In Russ.)

Ruban, A. A. (2024). The development of the healthcare system in the documents of the Executive Committee of the Krasnoyarsk Council of Workers' Deputies in 1960–1968. *Istoricheskiy kurer: setevoi nauchnyi zhurnal po istorii [Historical Courier: online scientific journal on history]*. http://doi.org/10.31518/2618-9100-2024-3-17. EDN: OPSMVO (In Russ.)

Serenko, A. F., Ermakov, V. V. & Petrakov B. D. (1982). *Osnovy organizatsii poliklinicheskoi pomoshchi naseleniyu [Fundamentals of the organization of polyclinic care for the population]*. Moscow: Medicine, 380. (In Russ.)

Serenko, A. F. & Sobolevskiy, G. N. (1975). *Zdravookhraneniya sotsialistitseskogo obshchestva [Health care of the socialist society]*. Moscow: Medicine, 312. (In Russ.)

Trofimov, V. V. (1967). *Zdrafookhraneniya Rossiyskoi Federatsii za 50 let [Healthcare of the Russian Federation for 50 years]*. Moscow: Medicine, 332. (In Russ.)

Vasilev, K. G. (2001). *Istoriya epidemiy I borby s nimi v Rossii v XX stoletii [The history of epidemics and their control in Russia in the 20th century]*. Moscow: Medicine, 255. (In Russ.)

Zakharov, F. G. & Khotko, N. K. (1963). *Medithinskoe obsluzhivanie trudyashchith rabochikh [Medical care for industrial workers]*. Moscow: Medgiz, 235. (In Russ.)

Араловец Наталья Аркадьевна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН (Российская Федерация, 117292, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19; e-mail: aralovetz@yandex.ru).

Natalia A. Aralovets — Dr. of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (19, Dm. Ulyanova str., Moscow, 117292, Russian Federation; e-mail: aralovetz@yandex.ru).

УДК 930(470) «18/20»:314.148
JEL classification: B15, B25, N01
https://www.doi.org/10.17059/udf-2025-1-2

Демографические исследования в России / СССР: генезис и трансформация на региональном уровне (постановка научной проблемы)[1]

Е. Ю. Баранов

Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия).

https://orcid.org/0000-0001-7241-8498

Автор для корреспонденции: Е. Ю. Баранов (eubaranov@yandex.ru)

Аннотация. *В статье конструируется предметно-проблемное поле фундаментальной научной работы по истории демографических исследований в России / СССР, реализуемой на региональном уровне. Показано, что демографические исследования на Урале в 1870-е — 2020-е гг. ранее не были темой специального научного исследования. Формулируется научная гипотеза о трансформации исследований народонаселения в этот период, заключавшейся в переходе от научных работ описательно-статистического характера к специализированным демографическим исследованиям и обернувшейся формированием их разветвленной многоотраслевой системы. Основу источниковой базы составляют демографические, экономические, социологические, географические, исторические, медицинские исследования народонаселения Урала, реализованные в 1870-е — 2020-е гг. и направленные на изучение развития населения региона в целом или на анализ отдельных его аспектов. Осуществлена оценка информационного и аналитического потенциала исследования. Сделан вывод, что заявленная тема представляет научный интерес, реализация исследования позволит представить научному сообществу актуальную и оригинальную фундаментальную работу по проблеме генезиса и трансформации демографических исследований на Урале в 1870-е — 2020-е гг. и изученности народонаселения региона на различных этапах трансформации исследовательских практик.*

Ключевые слова: историческая демография; демографические исследования; история демографической науки; народонаселение; трансформация

Demographic research in Russia / USSR: genesis and transformation at the regional level (statement of the scientific problem)

E. Yu. Baranov

Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia).

https://orcid.org/0000-0001-7241-8498

Corresponding author: E. Yu. Baranov (eubaranov@yandex.ru)

Abstract. *The article constructs the subject field of fundamental studies on the history of demographic research in Russia / USSR, implemented at the regional level. It is shown that demographic research in the Urals in the 1870s–2020s had not previously been the subject of special scientific study. A hypothesis is formulated about the transformation of demographic research during this period, which consisted in the transition from descriptive statistical studies to specialized demographic research and led to the formation of their extensive multi-sector system. The source base consisted of demographic, economic, sociological, geographical, historical and medical studies of the Urals population carried out in the 1870s–2020s. The informative and analytical potential of the study is assessed. It is concluded that the stated topic is of scientific interest, the implementation of the study will allow us to present a relevant and original fundamen-*

[1] © Баранов Е. Ю. Текст. 2025.

tal study on the problem of the genesis and the transformation of demographic research in the Urals in the 1870s — 2020s and the degree of knowledge of the region's population at various stages of the transformation of research practices.

Keywords: historical demography; demographic research; history of demographic science; population; transformation

Введение

Кризисные тенденции в демографической сфере современной России наблюдаются на протяжении более чем трех десятилетий и наносят народонаселению страны демографический урон, грозящий сокращением его численности в катастрофических масштабах. Подобные обстоятельства обуславливают актуальную необходимость постоянного мониторинга демографической ситуации и проведения демографических исследований, соединяющих характеристику текущей демографической обстановки с анализом современных и исторических тенденций развития народонаселения страны и глобальных демографических закономерностей. В связи с этим в научном сообществе сохраняется устойчивый исследовательский интерес к изучению демографического развития России в страновом и региональном аспектах, а в научном и медийном пространствах постоянно появляются новые публикации по демографической проблематике. В стране действуют научно-исследовательские центры, сложились творческие научные коллективы, занимающиеся демографическими исследованиями. К настоящему моменту демографической наукой России, представляющей многоотраслевую отрасль знаний, накоплен колоссальный научно-исследовательский опыт. Учеными созданы обширные комплексы научных трудов, анализ которых имеет научную значимость и представляет собой актуальную исследовательскую задачу, как и фундаментальное осмысление исследовательских практик в этой области науки.

Демографические исследования на Урале в 1870-е — 2020-е гг. ранее не были темой специального научного исследования. Разработка отдельных аспектов данной тематики встречается в лучшем случае на уровне отдельных обзорных статей или в разделах диссертаций и монографий по различным проблемам демографического развития региона, при анализе историографии его демографической истории (Баранов, 2019; Голикова, 2001, 2012; Журавлева, 2016; Корнилов, 1993; 2021).

При определении объекта и предмета исследования попытаемся синтезировать науковедческий и социокультурный подходы. В связи с таким синтетическим подходом исследовательское поле является сложно структурированным. Оно включает как научные труды, содержащие результаты изучения конкретных демографических ситуаций, работы, отражающие итоги ретроспективных исследований, так и факторы проведения научно-демографических изысканий и появления научных работ, а также дискурсивные практики в отношении исследования населения региона, возникшие в различных областях демографической науки. Объектом исследования выступает комплекс демографических исследований о народонаселении Урала, результаты которых были объективированы в форме научных трудов (монографий, статьей, тезисов, научных докладов, диссертаций, отчетов о НИР и других работ) в 1870-е — 2020-е гг. Демографическое исследование — это комплексное понятие. Оно включает в себя процесс получения нового знания о народонаселении (населении), основанный

на применении демографических методов и предоставляющий научную информацию, имеющую фундаментальное или прикладное значение, а также предоставляющий теории для объяснения демографического развития, его закономерностей. Демографическое исследование охватывает весь цикл процесса производства нового научного знания о населении, включающий сбор, обобщение, анализ и интерпретацию демографических данных. Одновременно демографическое исследование — это и результат научной деятельности, оформленный в виде научного труда.

Предметом исследования являются организационные и теоретико-методологические основания демографических исследований, реализованных на Урале в 1870-е — 2020-е гг., результаты этих исследований, современные и исторические концепции демографического развития Урала, оформившиеся в научной среде, степень изученности демографического развития региона на различных этапах трансформации исследовательских практик.

Материалы и методы

Основу источниковой базы исследования по заявленной теме составляют демографические, экономические, социологические, географические, исторические, медицинские исследования народонаселения Урала, осуществленные в 1870-е — 2020-е гг., и направленные на изучение развития населения региона в целом или на анализ отдельных его аспектов (в т. ч. численности, состава, демографического и миграционного поведения, размещения, здоровья).

Исторические источники включают делопроизводственные материалы о реализации демографических исследований в регионе или касающиеся профессиональной деятельности ученых. Также к историческим источникам относятся учетно-статистические материалы (в т. ч. переписи, текущий учет населения), делопроизводственная документация органов статистики, обращение к которым является необходимым в связи с изучением развития статистики и учета населения как фактора демографических исследований. Проведение исследования по заявленной теме предполагает обращение к анализу законодательных и иных нормативно-правовых актов, касающихся регламентации научно-исследовательской работы и деятельности органов статистики, а также к изучению материалов периодической печати, содержащих сведения о развитии демографической науки в Уральском регионе.

В ходе настоящего исследования используются общенаучные и специальные исторические методы, основными являются историко-генетический, историко-системный и сравнительно-исторический методы.

Результаты

В России в XVIII–XIX вв. проводились подушные переписи (ревизии), осуществлялся текущий административный и церковный учет. Полученные в ходе этих регистраций данные о населении были неполными, и они достаточно редко обобщались. В 1870-е — 1910-е гг. по нашей гипотезе началась трансформация исследовательских практик в сфере изучения населения. В этот период начался переход от выборочного сбора данных о населении, зачастую неполного его учета

и статистического описания к статистическому наблюдению, систематизации и обобщению демографических данных на основе принципов и методов формировавшейся демографической науки.

Следует заметить, что сам термин «демография» появился только в середине XIX в. В 1855 г. была опубликована книга французского статистика, демографа и естествоиспытателя Ж.К. А. Гийяра (1799–1876) «Элементы статистики человека, или Сравнительная демография». Считается, что это было первое упоминание этого термина. Официальное признание этот термин нашел в наименовании Международного конгресса гигиены и демографии 1882 г., а распространение получил в конце XIX — начале XX вв. В русскоязычную литературу термин вошел с 1870-х гг., и первоначально он использовался как синоним статистики населения (Валентей, 1985). Всеобщее распространение этот термин получил во второй половине XX в., когда обострились глобальные проблемы народонаселения.

Определение 1870-х гг. в качестве нижней временной границы исследования связано с активизацией в этот период исследовательского интереса к демографическим проблемам, проявленного со стороны государственных органов и земств, и всплеском публикаций по демографической тематике. Важным фактором институционализации демографической науки в стране в последние десятилетия XIX в. стали проектные и организационные работы по проведению научно организованных переписей населения, в т. ч. проведение переписей населения в отдельных городах (Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге) и подготовка к первой всеобщей переписи населения.

Выдающуюся роль в этом отношении сыграл виднейший российский ученый и государственный деятель П.П. Семенов (1827–1914), который на протяжении нескольких десятилетий, занимая высокие посты, отстаивал необходимость организации и проведения всеобщей переписи населения. По его инициативе и при активном участии в 1870 г. в Санкт-Петербурге состоялся первый российский статистический съезд, на котором обсуждались основные вопросы проведения переписи. Он был инициатором проведения Международного статистического конгресса 1872 г. в Санкт-Петербурге. Именно в связи с работами этого конгресса в отечественной литературе стал распространяться термин «демография». В 1874 г. П.П. Семенов, будучи главой Центрального статистического комитета МВД (ЦСК), представил проект всеобщей переписи населения России, который через двадцать с лишним лет был положен в основу программы первой и единственной всеобщей переписи населения Российской империи, состоявшейся в 1897 г. (Медков, 2004; Меликьян, 1994). В конце XIX — начале XX вв. и в последующие периоды переписи населения задавали импульс изучению процессов и тенденций в демографической сфере общественной жизнедеятельности, они стали фактором проведения демографических исследований. На рубеже XIX–XX вв. начали зарождаться отраслевые статистики: сельскохозяйственная, промышленная, бюджетная, железнодорожного транспорта, торговли, труда, населения.

Кроме государства, актором институционализации демографии в России и на Урале в том числе стали представители земств и врачи. В ходе деятельности земств собирались и обобщались данные о населении региона, периодически

публиковались материалы информационного и аналитического характера. Так, земские органы Пермской губернии к полувековому юбилею организации земского самоуправления в России готовили к изданию сводные отчетные материалы о результатах своей деятельности, содержащие в т. ч. сведения о народонаселении. В систематизированном виде такие «итоги» были опубликованы только по Екатеринбургскому уезду (Черноухов, 2020). В Пермской губернии в 1870-е гг. стали проводится съезды врачей, которые с течением времени имели различные названия. Первый съезд земских врачей состоялся в Перми в 1872 г. С IX съезда (1907) — это съезды врачей и представителей земств. Итоги работы этих общественных органов публиковались в трудах съездов[1].

Исследовательский интерес представляют труды врачей И.И. Моллесона (1842–1920), Д.П. Никольского (1855–1918), Н.А. Русских (1857–1916), П.Н. Серебренникова (1848–1917), а также И. Андржеевского, Н.Л. Золотавина, М. Керстена, М.М. Чашницкого, Г. Хлопина, А.М. Шагова (Голикова, 2012; Черноухов, 2020). Итоги исследований медицинских аспектов развития населения, представленные в виде отчетных материалов, статей, можно также выявить в различных земских сборниках, журналах уездных земских собраний, санитарных обзорах Пермской губернии. В этих сборниках изданы доклады, исследования врачей об актуальных проблемах здравоохранения, характеризующие состояние медицины, заболеваемость и смертность населения, особенное внимание уделялось характеристике детской смертности, борьбе с отдельными заболеваниями, говорилось о необходимости статистического изучения «движения населения».

Развитие демографической науки в советский период истории страны в рамках официальной государственной идеологии и политически «допустимых» в СССР научных парадигм было охарактеризовано в трудах В.З. Дробижева и Д.К. Шелестова (Дробижев, 1987; Шелестов, 1983; 1987). В третьем десятилетии XX в. советское государство стало уделять существенное внимание изучению народонаселения. Значимым фактором проведения демографических исследований стала деятельность Центрального статистического управления СССР (ЦСУ РСФСР в 1918–1923 гг., ЦСУ при СНК СССР в 1923–1926 гг.) и его органов на местах, в задачу которых входили сбор данных текущего учета населения, проведение переписей и разработка этих данных. Государству были необходимы сведения о населении для реализации хозяйственно-экономических стратегий и прогнозирования социального и экономического развития страны. Во многом в связи с этим авторами демографических работ в этот период являлись в основном статистики и экономисты, также ими были врачи и географы. Появились публикации, посвященные тематике воспроизводства населения, состоянию его учета в стране, в которых нашел отражение анализ демографических процессов в Уральском регионе.

На Урале в 1920-е гг. статистики М.П. Антонов, В. Кайгородов, А.И. Князев, В.Н. Смирнов, Р. Шубин на основе данных текущего учета и переписей проанализировали изменения численности населения, его социально-классовый и этнический состав, половозрастную структуру, уделили внимание характеристике

[1] См., например: Первый съезд земских врачей в г. Перми в августе 1872 г. Пермь, 1872.

процессов рождаемости и смертности населения. Также были опубликованы работы медиков о заболеваемости и смертности, профессиональных заболеваниях в регионе, влиянии абортов на здоровье женщин репродуктивного возраста и, соответственно, на рождаемость. Для характеристики этих вопросов врачи анализировали показатели воспроизводства населения. Это статьи М.М. Виленского, К.П. Гаврилова, Н. Каменевой, В.Н. Космодемьянского, И.К. Курдова, М.С. Моделевича, Н.К. Накорякова, Г. Щербиной. Демографической тематике уделено внимание в публикациях географов (П. Степанова, Б. Третьякова) и краеведов (В.П. Бирюкова) (Журавлева, 2016).

Особенное место в демографических исследованиях на Урале в этот период занимают публикации заведующего отделом демографической статистики Уральского областного статистического управления Ф.Н. Лебедева. Они посвящены различным аспектам демографического развития Уральской области. В них представлены результаты анализа семейной и социально-экономической структуры, возрастного и социального состава населения, методических аспектов изучения населения, отдельных вопросов его воспроизводства и миграционного движения.

В целом в 1920-е гг. эволюционным путем происходила дальнейшая профессионализация демографической науки, базировавшаяся на расширении методического аппарата, детализации исследований, формировании кадрового потенциала.

В 1930-е гг. в стране решающим для научно-исследовательской деятельности стал общественно-политический фактор. В этот период в условиях нарастания негативных тенденций в социальной сфере резко сокращается число демографических исследований. В частности, это было связано с отсутствием систематических публикаций статистических данных о населении, а также с усилением идеологического давления на исследователей. В 1934 г. был закрыт учрежденный в 1930 г. Демографический институт АН СССР (Ленинград). В 1930 г. (и до 1948 г.) статистические органы были переданы в структуру Госплана СССР. Демографическая тематика в научных исследованиях стала исчезать. Можно отметить, что в Челябинской области в конце десятилетия готовилось к печати трехтомное издание, посвященное этому региону («Челябинская область»). Но в 1939 г. был издан только первый том «Природные богатства и их использование». Второй же том, который должен был содержать сведения о населении, так и не был издан (Журавлева, 2016).

Вплоть до конца 1950-х гг. демографические исследования оказались, по сущности, «свернутыми», демографию в стране свели практически до уровня учета населения. Некоторую активность в 1940–1950-е гг. сохраняли ученые-географы, которые продолжали заниматься изучением поселенческой сети Урала (труды О.А. Константинова и И.В. Комара), они уделяли внимание демографической характеристике народонаселения региона.

В лучшую для отечественной демографической науки сторону ситуация изменилась в седьмом десятилетии. В редакции журнала «Коммунист» в 1963 г. прошло совещание с участием выдающихся советских демографов А.Я. Боярского, Д.И. Валентея, Б.Д. Петрова, Б.Ц. Урланиса, на нем было признано отставание в области демографической науки и необходимость его устранения (Шелестов, 1983). Период 1960-х — 1980-х гг. характеризуется ростом научных кадров,

организационных структур — научных центров[1], оживлением научно-исследовательской и научно-организационной работы, введением в оборот новых документальных комплексов, совершенствованием демографического инструментария, существенным усилением публикационной активности, формированием новых для отечественной демографии теоретических и концептуальных представлений о развитии народонаселения. В это время проявился активный исследовательский интерес к демографической истории страны, научным сообществом была осознана необходимость ее изучения для понимания современных демографических тенденций и состояний.

На Урале исследованием численности населения, его состава, демографического поведения и миграционного движения занимались экономисты (И.П. Агеева, Г.Н. Вагина, Л.И. Гаврилова, А.И. Кузьмин, П.М. Кузовлев, А.Г. Оруджиева, Я.Б. Сотникова и др.). Проблемы заболеваний и летальности от них в контексте изучения развития здравоохранения поднимали медики (Ф.Ф. Гудошников, Р.С. Новоселов, В.Т. Селезнева, П.Н. Тарасенков и др.) (Журавлева, 2016).

Следует отметить, что в 1970-е — 1980-е гг. Уральским научным центром АН СССР были подготовлены и опубликованы сборники научных трудов по проблемам демографического и миграционного поведения населения Урала (Мокеров, 1980; 1986; Толмачева, 1987). В этих исследованиях анализировались текущие демографическая и миграционная ситуации, а также перспективы демографического развития городской и сельской местности региона. Исследования демографов были посвящены изучению вопросов брачного и репродуктивного поведения населения, форм, видов и направлений миграций, состава, мотивации и адаптации мигрантов, экономисты анализировали проблемы перемещения трудовых ресурсов, географы — роль миграции в системе расселения (Баранов, 2019). Значимый вклад в демографические исследования на Урале в этот период внес И.П. Мокеров (1928–2002), специалист в области демографии, экологии человека и здоровья населения.

Вопросы развития народонаселения в регионе попали в поле зрения историков. Они опирались на марксистско-ленинскую идеологию и формационный подход и сосредоточили основное внимание на исследовании социально-классовой структуры (А.В. Бакунин, Д.В. Гаврилов, Е.Г. Захарова, В.В. Фельдман, Н.М. Щербакова и др.). Исследования историков также были посвящены деятельности партийно-государственного руководства по развитию здравоохранения и народного образования, по улучшению материально-бытовых условий трудящихся (А.В. Бакунин, В.А. Цибульникова, И.М. Яскина и др.). Появились историко-демографические исследования по сельскому населению региона в 1920–1930-е гг. (Г.Е. Корнилов, И.Л. Шеврин).

Результаты, полученные учеными в советский период, повлияли на формирование современных представлений о демографических процессах, составе

[1] В 1963 г. были образованы Отдел демографии НИИ ЦСУ СССР и Координационный совет по проблемам народонаселения при Министерстве высшего и среднего специального образования СССР, в 1965 г. — проблемная лаборатория народонаселения в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова. В 1984 г. начал работать Научный совет АН СССР по исторической демографии и исторической географии (Журавлева, 2016).

населения, пространственно-территориальных перемещениях в регионе, их труды сохраняют свое историографическое значение и сегодня.

Современный этап демографических исследований характеризуются поликонцептуальностью, полиметодологичностью, значительным расширением источниковой базы и проблематики, ростом профессиональных научных кадров, усилением профильной научно-организационной деятельности.

Глобальное расширение источниковой базы, произошедшее в постсоветском научном пространстве в результате «архивной революции», стало основой для роста демографических исследований, усиления исследовательского потенциала ретроспективного анализа. Существенной особенностью этого этапа стала активизация исследований по историко-демографической проблематике демографического развития страны и регионов, к анализу которой обратились не только специалисты историки, но и профессиональные демографы, статистики, социологи. В фокус внимания научной общественности попали проблемы демографических кризисов и катастроф и потерь населения в СССР, насильственных переселений, спецпоселенчества, «демографического перехода», семьи и брака, религиозности людей, младенческой смертности, борьбы с эпидемиями в стране и другие.

В региональной историографии с начала 1990-х гг. появилось множество публикаций по историко-демографической проблематике. Одной из первых в постсоветской историографии научно-исторических работ, базирующихся на теории «демографического перехода», стала книга «Население Урала. XX век. История демографического развития» (Кузьмин и др., 1996), подготовленная в Институте истории и археологии УрО РАН. В ней обозначены основные исторические тенденции демографических процессов и демографических структур в регионе, анализируются проблемы миграций и динамики населения в стабильных и кризисных социально-экономических условиях. Главным идеологом этой работы стал крупный ученый-демограф А.И. Кузьмин (1953–2019), признанный аналитик в сфере демографического поведения семьи и личности. Он являлся главным инициатором организации и проведения Уральского демографического форума, который сегодня регулярно проходит в Екатеринбурге и стал общепризнанной международной коммуникационной площадкой, собирающей отечественных и зарубежных специалистов в области демографии и смежных наук, а также общественных и политических деятелей.

Сегодня можно говорить, что в Уральском регионе оформилось несколько научных центров, в сферу деятельности которых входит проведение демографических исследований. Они активно реализуются в Институте экономики УрО РАН и Институте истории и археологии УрО РАН. Профильная научная лаборатория «Международный центр демографических исследований» была образована в Уральском федеральном университете имени первого Президента России Б.Н. Ельцина в 2014 г.

Итак, в стране в 1870-х — 2020-х гг. в подходах к получению новых знаний о народонаселении произошло не простое логическое развитие, а трансформация, которая заключалась не только в расширении знаний, а была связана с формированием и развитием новой социально значимой области знаний, имеющей

научную основу своего функционирования и включающей сложную многоотраслевую систему исследований. По сущности, состоялся переход от документального фиксирования информации о населении, осуществлявшегося в фискальных, военно-учетных целях, от церковного учета и статистического описания народонаселения к проведению научно организованных переписей населения, его целенаправленному системному изучению на основе принципов и методов сформировавшейся демографической науки, к реализации профильных демографических исследований, направленных на решение фундаментальных задач, к осуществлению научных интерпретаций демографических данных и демографических изменений, к концептуальному осмыслению демографического развития.

Обсуждение

Анализ историографии и источников по заявленной проблеме позволил сформулировать цели и задачи предстоящего исследования, обозначить его хронологические и территориальные рамки, а также разработать первичный (проектный) вариант периодизации истории демографических исследований на Урале в 1870-е — 2020-е гг. Цель исследования состоит в выявлении факторов и этапов развития демографических исследований на Урале в 1870-е — 2020-е гг., определении результатов изучения народонаселения региона и оценке степени изученности его демографического развития на различных этапах трансформации исследовательских практик. Задачи исследования заключаются в следующем:

— выявлении институциональных основ демографических исследований, реализованных в регионе;

— анализе основных теоретико-методологических принципов и подходов к изучению населения Урала, используемых в демографической науке на разных этапах ее развития;

— выявлении проблематики демографических исследований на Урале;

— анализе представлений исследователей о факторах, тенденциях и этапах демографического развития Урала;

— характеристике демографических концепций, оформившихся в региональной научной среде;

— выявлении и характеристике основных направлений деятельности научно-исследовательских центров и научных коллективов, связанных с изучением населения Урала;

— определении вклада ученых Урала в формирование научных представлений о демографическом развитии России;

— восстановлении научных биографий выдающихся ученых-демографов Урала;

— оценке результатов демографических исследований населения региона, реализованных в 1870-е — 2020-е гг., и перспектив дальнейших исследований его демографического развития.

Хронологические рамки исследования охватывают 1870-е — 2020-е гг. В этот период в стране произошла институционализация демографической науки, формирование и развитие ее достаточно разветвленной структуры в виде сложной системы знаний, профильных организаций и учреждений, механизмов

профессиональных внутриотраслевых и межотраслевых, а также массовых коммуникаций. В связи с обширностью территорий Уральского региона и с учетом существенных изменений в его административно-территориальном делении, происходивших в изучаемый период, предполагается, что территориальные рамки исследования будут более четко конкретизированы в ходе его реализации. Первые стадии разработки темы будут связаны со сбором и научным анализом источников по территории Среднего Урала. В региональной историографии это географическое понятие часто определяется границами Пермского края, Свердловской и Челябинской областей. По предварительной оценке, источниковая база исследования уже в рамках этих территориальных границ достаточно обширна. А учитывая глубину исследовательских задач и объем анализируемой информации, есть вероятность ограничения только этими рамками. Однако в ходе научно-исследовательской работы может возникнуть необходимость корректировки территориальных границ в сторону их расширения. Тогда будет рассматриваться вариант с границами современных Курганской, Оренбургской, Свердловской, Челябинской областей, Пермского края и республик Башкортостан и Удмуртия.

Приводимый ниже предварительный концепт периодизации истории демографических исследований на Урале нуждается в научно-исследовательской апробации, по итогам которой существует вероятность его корректировки:

1 — этап формирования институциональных основ научно-демографических исследований народонаселения в 1870-е — 1910-е гг.;

2 — этап эволюции исследовательских практик в области изучения народонаселения в 1920-е гг.;

3 — этап генезиса тенденции «свертывания» демографических исследований в 1930-е — 1950-е гг.;

4 — этап «ликвидации» отставания в области демографической науки в 1960-е — 1980-е гг.;

5 — постсоветский этап демографических исследований.

Заключение

Отметим, что настоящая статья в значительной степени содержит, по сути, аналитическое теоретизирование в отношении предполагаемой исследовательской работы, задает ее вектор, во многом представляет собой гипотезу, нуждающуюся в фундаментальном осмыслении и эмпирической верификации и апробации.

В целом же заявленная тема представляет научный интерес. Достижение цели исследования и решение поставленных исследовательских задач позволит представить научному сообществу актуальное и оригинальное фундаментальное исследование по проблеме генезиса и трансформации демографических исследований на Урале в 1870-е — 2020-е гг. и изученности народонаселения региона на различных этапах трансформации исследовательских практик.

Список источников

Баранов, Е. Ю. (2019). Миграции населения на Урале в XX в.: проблемы современной историографии. *Genesis: исторические исследования, 11,* 11–28. https://doi.org/10.25136/2409-868X.2019.11.31467

Валентей, Д. И. (гл. ред.). (1985). *Демографический энциклопедический словарь.* Москва: Советская энциклопедия, 608.

Голикова, С. В. (2012). *Детская смертность в Пермской губернии (вторая половина XIX — начало XX в.): источниковедческий и методический аспекты.* Екатеринбург: РИО УрО РАН, 176.

Голикова, С. В. (2001). *Семья горнозаводского населения Урала XVIII–XIX веков: демографические процессы и традиции.* Екатеринбург: УрО РАН, 196.

Дробижев, В. З. (1987). *У истоков советской демографии.* Москва: Мысль, 222.

Журавлева, В. А. (2016). *Городское население Урала в 1920–1930-е гг.: историко-демографический анализ:* дисс. … д-ра ист. наук: 07.00.02, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН. Репозиторий ИИиА УрО РАН. Екатеринбург, 698. http://www.ihist.uran.ru/files/2016_Zhuravleva_Diss.pdf (дата обращения: 01.02.2025).

Корнилов, Г. Е. (1993). *Уральское село и война. Проблемы демографического развития.* Екатеринбург: Уралагропресс, 175.

Корнилов, Г. Е. (2021). Трехсотлетняя демографическая история Екатеринбурга: источники и историография. В *Парадигмы и модели демографического развития: сб. статей XII Уральского демографического форума: том 1* (с. 91–99). Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 323. https://doi.org/10.17059/udf-2021-1-12

Кузьмин, А. И., Оруджиева, А. Г., Корнилов, Г. Е., Алферова, Е. Ю., & Голикова, С. В. (1996). *Население Урала. XX век. История демографического развития.* Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 212.

Медков, В. М. (2004). *Демография: учебник.* Москва: ИНФРА-М, 576.

Меликьян, Г. Г. (гл. ред.). (1994). *Народонаселение: энциклопедический словарь.* Москва: Большая Российская энциклопедия, 640.

Мокеров, И. П. (отв. ред.). (1986). *Особенности воспроизводства и миграции населения на Урале: сб. науч. трудов.* Свердловск: УНЦ АН СССР, 103.

Мокеров, И. П. (отв. ред.). (1980). *Региональные особенности движения населения Урала: сб. статей.* Свердловск: УНЦ АН СССР, 120.

Толмачева, Р. П. (отв. ред.). (1987). *Население и трудовые ресурсы уральской советской деревни: сб. науч. трудов.* Свердловск: УНЦ АН СССР, 132.

Черноухов, Д. Э. (2020). *Земская медицина Пермской губернии в последней трети XIX — начале XX вв.:* дисс. … канд. ист. наук, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина: 07.00.02. Екатеринбург, 253. Электронный научный архив УрФУ. https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/97226/1/urfu2236_d.pdf (дата обращения: 30.01.2025).

Шелестов, Д. К. (1983). *Демография: история и современность.* Москва: Финансы и статистика, 271.

Шелестов, Д. К. (1987). *Историческая демография: учеб. пособие для вузов по спец. «История».* Москва: Высшая школа, 288.

References

Baranov, E. Yu. (2019). Population migrations in the Urals in the 20th century: problems of modern historiography. *Genesis: istoricheskie issledovaniya [Genesis: historical studies], 11,* 11–28. https://doi.org/10.25136/2409-868X.2019.11.31467 (In Russ.)

Valentey, D. I. (ed.). (1985). *Demograficheskij enciklopedicheskij slovar [Demographic encyclopedic dictionary]*. Moscow: Soviet encyclopedia, 608. (In Russ.)

Golikova, S. V. (2012). *Detskaya smertnost v Permskoj gubernii (vtoraya polovina XIX — nachalo XX v.): istochnikovedcheskij i metodicheskij aspekty [Infant mortality in the Perm province (second half of the 19th — early 20th century): source study and methodological aspects]*. Yekaterinburg: RIO UB RAS, 176. (In Russ.)

Golikova, S. V. (2001). *Sem'ya gornozavodskogo naseleniya Urala XVIII–XIX vekov: demograficheskie processy i tradicii [The family of the mining population of the Urals in the 18th–19th centuries: demographic processes and traditions]*. Ekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 196. (In Russ.)

Drobizhev, V. Z. (1987). *U istokov sovetskoj demografii [At the origins of Soviet demography]*. Moscow: Mysl, 222. (In Russ.)

Zhuravleva, V. A. (2016). *Gorodskoe naselenie Urala v 1920–1930-e gg.: istoriko-demograficheskij analiz [Urban population of the Urals in the 1920s-1930s: Historical and demographic analysis]* [Dissertation for the degree of Doctor of historical sciences, Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences]. Repository of the Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of RAS. http://www.ihist.uran.ru/files/2016_Zhuravleva_Diss.pdf (date accessed: 01.02.2025). (In Russ.)

Kornilov, G. E. (1993). *Uralskoe selo i vojna. Problemy demograficheskogo razvitiya [The Ural village and the war. Problems of demographic development]*. Yekaterinburg: Uralagropress, 175. (In Russ.)

Kornilov, G. E. (2021). Three-hundred-year demographic history of Yekaterinburg: sources and historiography. In *Paradigmy i modeli demograficheskogo razvitiya: sb. statej XII Uralskogo demograficheskogo foruma: tom 1 [Paradigms and models of demographic development: collection of articles of the XII Ural demographic forum: volume 1]* (pp. 91–99). Yekaterinburg: Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 323. https://doi.org/10.17059/udf-2021-1-12 (In Russ.)

Kuzmin, A. I., Orudzhieva, A. G., Kornilov, G. E., Alferova, E. Yu., Golikova, S. V. (1996). *Naselenie Urala. XX vek. Istoriya demograficheskogo razvitiya [Population of the Urals. XX century. History of demographic development]*. Yekaterinburg: Yekaterinburg Publishing House, 212. (In Russ.)

Medkov, V. M. (2004). *Demografiya: uchebnik [Demography: textbook]*. Moscow: INFRA-M, 576. (In Russ.)

Melikyan, G. G. (ed.). (1994). *Narodonaselenie: enciklopedicheskij slovar [Population: encyclopedic dictionary]*. Moscow: Great Russian Encyclopedia, 640. (In Russ.)

Mokerov, I. P. (ed.). (1986). *Osobennosti vosproizvodstva i migracii naseleniya na Urale: sb. nauch. trudov [Peculiarities of population reproduction and migration in the Urals: Collection of scientific papers]*. Sverdlovsk: Ural Scientific Center of the USSR Academy of Sciences, 103. (In Russ.)

Mokerov, I. P. (ed.). (1980). *Regionalnye osobennosti dvizheniya naseleniya Urala: sb. statej [Regional peculiarities of population movement in the Urals: Collection of articles]*. Sverdlovsk: Ural Scientific Center of the USSR Academy of Sciences, 120. (In Russ.)

Tolmacheva, R. P. (ed.). (1987). *Naselenie i trudovye resursy uralskoj sovetskoj derevni: sb. nauch. trudov [Population and labor resources of the Ural Soviet village: Collection of scientific papers]*. Sverdlovsk: Ural Scientific Center of the USSR Academy of Sciences, 132. (In Russ.)

Chernoukhov, D. E. (2020). *Zemskaya medicina Permskoj gubernii v poslednej treti XIX — nachale XX vv. [Zemstvo medicine in the Perm province in the last third of the 19th — early 20th*

centuries] [Dissertation for the Degree of Candidate of Historical Sciences, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin]. UrFU Electronic Scientific Archive. https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/97226/1/urfu2236_d.pdf (Accessed: 30.01.2025). (In Russ.)

Shelestov, D. K. (1983). *Demografiya: istoriya i sovremennost [Demography: History and Modernity]*. Moscow: Finance and Statistics, 271. (In Russ.)

Shelestov, D. K. (1987). *Istoricheskaya demografiya: ucheb. posobie dlya vuzov po spec. «Istoriya» [Historical demography: A textbook for universities in the specialty «History»]*. Moscow: Higher School, 288. (In Russ.)

Баранов Евгений Юрьевич — кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН; https://orcid.org/0000-0001-7241-8498 (Российская Федерация, 620990, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16; e-mail: eubaranov@yandex.ru).

Evgenij Yu. Baranov — Cand. Sci. (Hist.), Docent, Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; https://orcid.org/0000-0001-7241-8498 (16, S. Kovalevskoy St., Yekaterinburg, 620990, Russian Federation, e-mail: eubaranov@yandex.ru).

УДК 93/94
JEL classification: J11, R23
https://www.doi.org/10.17059/udf-2025-1-3

Сельские миграции в России (1990 — 2000-е гг.)[1]

О. М. Вербицкая
Институт российской истории РАН (г. Москва, Российская Федерация).
Автор для корреспонденции: О. М. Вербицкая (verb-olga@yandex.ru)

Аннотация. *В статье проанализированы миграционные потоки сельского населения России в 1990-е и 2000-е гг. Кроме общероссийской ситуации, отражена также региональная специфика. В качестве источников использовались опубликованные и неопубликованные статистические материалы. Утверждается, что в 1990-е гг. в связи с неблагоприятной экономической ситуацией произошел некоторый отток населения из города в сельскую местность. Сделаны выводы о том, что в целом в рассматриваемый период произошло существенное сокращение сельского населения, в том числе по причине его миграции в города. Однако в большей степени убыль имела место на Дальнем Востоке и в малых сельских поселениях, находившихся на периферии.*

Ключевые слова: сельское население; миграция; переписи населения

Rural Migrations in Russia (1990 — 2000s)

O. Verbitskaya
The Institute of Russian History of the RAS (Moscow, Russian Federation)
Corresponding author: O. Verbitskaya (verb-olga@yandex.ru)

Abstract. *The article analyzes migration flows of the rural population of Russia in the 1990s and 2000s. In addition to the all-Russian situation, regional specifics are also reflected. Published and unpublished statistical materials were used as sources. It is argued that in the 1990s, due to the unfavorable economic situation, there was some outflow of population from the city to the countryside. Conclusions are made that, in general, during the period under review, there was a significant reduction in the rural population, including due to its migration to cities. But to a greater extent, the decline took place in the Far East and in small rural settlements located on the periphery.*

Keywords: rural population; migration; population censuses

Введение

Наступлению индустриальной эпохи во всем мире предшествовал постепенно нараставший отток населения из сельской местности в город, где развивавшимся предприятиям остро требовались дополнительные работники. Жители деревни, со своей стороны, тоже были заинтересованы переехать в город, найти себе новое занятие и за счет этого изменить к лучшему свою жизнь. Благодаря миграционному притоку жителей села постоянно повышалась общая численность городского населения, и это создавало необходимые предпосылки к ускорению развития урбанизационных процессов. В России с конца XIX в. миграционный переход из сельской местности в город превратился в один из важнейших факторов, способствовавших радикальной смене традиционного облика страны, поскольку крестьянство, в результате непрестанного сокращения своей численности, теряло свой прежний статус как ее главного и наиболее многочисленного сословия. Характерно,

[1] © Вербицкая О. М. Текст. 2025.

что значительный отток сельского населения в город вызывал не только его общую количественную убыль, но и негативные изменения в его общем составе. Известно, что в ходе миграции из села уезжали прежде всего его наиболее активные и молодые представители, что губительно отражалось на возрастном составе сельского населения. В нем стремительно снижался удельный вес детей и молодежи при одновременном повышении доли лиц старших возрастных групп.

Цель статьи: выяснить размах миграции сельского населения в конце XX — начале XXI столетий, изменение ее роли в формировании населения страны. Исторических исследований проблемы практически нет. Основным источником изучения послужила государственная статистика механического движения населения. Это материалы всероссийской переписи населения 2002 г.; отчеты статорганов о передвижении населения, отложившиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) только за 1990-е гг. и некоторые результаты социологических обследований деревни.

Непрерывная убыль сельского населения в России уже более 100 лет фиксируется демографической статистикой, начиная с Первой Всеобщей переписи населения России (1897 г.), вплоть до современных переписей. Так, в конце XIX в. в сельской местности проживало еще 85 % общего числа подданных Российской Империи, но к 1989 г. там оставалось всего 27 % от общей численности жителей РСФСР, т. е. в 3,1 раза меньше[1]. Одновременно с сокращением численности российское крестьянство всё больше отступало на второстепенные позиции в обществе, поскольку его количественная убыль не компенсировалась адекватным ростом производительности труда, что соответствующим образом отражалось на сокращении объемов сельскохозяйственного производства. Именно поэтому страна, как известно, постоянно сталкивалась с продовольственными затруднениями, причем не только в 1930-е и послевоенные годы, но даже в 1970–1980-е гг.

Соответственно количественному оттоку из деревни росла концентрация населения в российских городах: с 16,5 млн чел. (в 1926 г.) до практически 108 млн чел. (в 1989 г.), т. е. произошел рост в 6,5 раз. Важнейшим итогом непрестанных перемещений сельских жителей в города стало окончательное превращение России из преимущественно аграрной страны, какой она входила в XX в., в современную высокоразвитую индустриальную державу, со значительным преобладанием удельного веса горожан (Зайончковская, 2002)[2].

Однако в начале 1990-х гг. значимость традиционного для России миграционного оттока сельского населения, многие десятилетия служившего основным каналом пополнения городского населения, заметно померкла. Дело в том, что в это время общая ситуация с миграционными перемещениями по стране стала серьезно меняться по мере массового прибытия в Россию беженцев из бывших союзных республик СССР. Уже в 1988 г. в Россию прибыл поток вынужденных переселенцев — жертв армяно-азербайджанского вооруженного конфликта, вспыхнувшего в Нагорном Карабахе, сопровождавшегося актами агрессии по отношению к русским

[1] Сводные итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 14. Москва, 2005. С. 10.

[2] Подсчитано по: Сводные итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 14. Москва, 2005. С. 10.

и другим некоренным нациям. После распада СССР аналогичные потоки беженцев, хоть и меньшего масштаба, в поисках спасения ежегодно прибывали в Российскую Федерацию, в т. ч. и на село. Количество прибывавших из-за рубежа переселенцев оказалось настолько мощным, что оказалось в состоянии развернуть в противоположном направлении основной вектор сельской миграции, ранее постоянно нацеленный лишь в направлении «из села в город». Иными словами, если ранее долгие годы российская деревня лишь постоянно теряла свое население, то в последнем десятилетии XX в. действие данной закономерности, по крайней мере, на время было прекращено. И это новое для российского села явление стало главной особенностью всех миграционных перемещений в 1990-е гг.

Масштабы притока мигрантов и, соответственно, коэффициенты миграционного прироста сельского населения РФ стабильными не были, а в разные годы заметно отличались. Расселение протекало в основном стихийно, регионы с благоприятным климатом и высокой плотностью населения пользовались особым спросом у беженцев. Среди прибывавших на тот момент армяне насчитывали 13,5 тыс. чел., русскоязычные беженцы — 12,7 тыс. чел., азербайджанцы — 11,1 тыс. чел. и т. д. Наибольшей среди беженцев из стран СНГ была доля русского населения — около 60 % от общего состава[1].

Особую массовость миграция из ближнего зарубежья приобрела в 1992–1994 гг., когда она достигала 260–290 тыс. чел. в год, что позволяло ей практически полностью восполнять естественные потери в сельском населении (от высокой смертности и резкого падения рождаемости). Но в 1995 г. общий масштаб миграционного прибытия из стран ближнего зарубежья уже резко уменьшился, и ситуация стабилизировалась уже на относительно низком уровне. Тем не менее прибытие мигрантов из ближнего зарубежья в целом положительно отразилось на сельском населении за это время. Они всё же частично компенсировали естественную убыль населения на многих сельских территориях России. Но в силу своей незначительности общую демографическую ситуацию масштабы внешней миграции изменить не смогли[2]. С середины и до конца 1990-х гг. региональными центрами массового притока мигрантов из стран СНГ и Балтии служили еще и равнинные территории Северного Кавказа (Ставрополье), области Черноземного Центра России, в первую очередь Белгородская область, а также Приволжье, юг Урала (Оренбургская область) и Западная Сибирь (Алтайский край)[3].

Однако при этом депопуляционные и трудонедостаточные районы Европейской России, особенно их сельская местность, у переселенцев популярностью не пользовались, поскольку их социальная инфраструктура оставалась крайне слаба, рабочих мест и жилья в них не хватало, да и заработки там были мизерные[4].

Подчеркнем, что из-за массового недоучета в стране прибывавших из нового зарубежья мигрантов, по вопросу их общего вклада в численность населения

[1] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 10128. Оп.1. Д. 530. С. 8, 14, 21.

[2] Состояние социально-трудовой сферы села и предложения по его регулированию. Ежегодный доклад по результатам мониторинга 1999 г. Москва, 2000. С. 127.

[3] ГАРФ. Ф. 10128. Оп.1. Д. 3049. Л. 30; ГАРФ. Ф. 10026. Оп.5. Д. 1169. Л. 47–48.

[4] ГАРФ. Ф. 10026. Оп.5. Д. 1169. Л. 47–48.

РФ единого мнения нет. По оценке демографов группы А.Г. Вишневского, с 1991 по 2000 гг. в Россию их прибыло около 3,3 млн чел. В то же время официальная статистика признавала единовременное присутствие в России лишь 300 тыс. трудовых мигрантов, хотя ФМС РФ при этом официально заявляла, что их фактическое число было в 10–15 раз выше (Вишневский, 2002, с. 125).

Однако, несмотря на массовое прибытие, притоки мигрантов и вынужденных переселенцев в российские регионы решить проблему нормального воспроизводства их сельского населения и трудовых ресурсов не смогли. К концу 1990-х гг. приток вынужденных мигрантов на постоянное проживание в Россию практически иссяк, особенно по сравнению с пиковыми показателями 1992–1994 г., когда он достигал 1 млн чел.[1]

Результаты и обсуждение

Причины и особенности миграционных процессов на селе

В конце XX в. определенное своеобразие характеру миграционных процессов на селе на некоторое время сумело придать и такое нетипичное явление, как определенный приток на село городских жителей. В это время в российские села прибывали группы горожан преимущественно из числа тех, кто сравнительно недавно его покинул. В изменившихся экономических условиях они возвращались в село, надеясь там легче пережить невзгоды «шоковой терапии», организовав, к примеру, собственное фермерское хозяйство. В 1991 г. приток в сельскую местность недавних горожан наблюдался всего в 16 регионах РФ, а в 1992 г. — уже практически по всей ее территории. Наряду с прибытием беженцев из бывших республик СССР, в 1991 г. приток горожан в «свои» сёла впервые за многие годы помог механическому приросту сельского населения, который в 1992 г. увеличился еще в 3 раза. Однако реально ощутимой прибавки к общей численности сельского населения данный приток горожан в сельскую местность обеспечить не смог (Вербицкая, 2017, с. 139).

Город для сельского жителя даже в 1990-е гг. при сложнейшей социально-политической ситуации в стране и предельном обострении экономического кризиса, дополненного массовой безработицей и обнищанием населения, своей привлекательности всё же не терял. Для многих аграриев, особенно из числа потерявших работу в подвергшихся реорганизации и ликвидации колхозах и совхозах, переезд в город с целью трудоустройства оставался практически единственным реальным способом экономического выживания. Особенно охотно деградирующую деревню покидала сельская молодежь, которая всегда легче и быстрее приживалась в городских условиях. При этом масштабы миграционного оттока из села в город, как и ранее, особую массовость имели преимущественно в таких высокоурбанизированных регионах, как Центр и Северо-Запад России, где в городах всё еще нужна была дополнительная рабочая сила. Однако в условиях экономического кризиса миграционные перемещения из села в город заметно сократились даже в этих регионах. К примеру, в целом за 1990-е гг. на некоторое время

[1] Российская газета. 1995. 25 января; ГАРФ. Ф. 10128. Оп.1. Д. 530. С. 8, 14, 21.

произошло ощутимое снижение миграционного оттока из сёл Восточной Сибири (в 2 раза), Урала (в 1,5 раза), а в Поволжье общее снижение масштаба перемещений из села в город достигало вообще 10 раз (Тарасова и др., 2000, с. 21–25).

Из этого следует, что в 1990-е гг., несмотря на ощутимое снижение темпов миграции в город, российское село всё равно продолжало терять свое население, причем в количестве, превосходившем общий масштаб прибытия в него мигрантов из других мест. За период с 1989 по 2002 гг. общая численность сельского населения Российской Федерации, несмотря на происшедший в этот период миграционный разворот в сторону прибытия населения на село, всё же снизилась, хотя и не так значительно (всего на 325 тыс. чел.)[1]. Фактически это число тоже подтверждало отсутствие в нем общего прироста — не только естественного, но и миграционного.

Вследствие экономического кризиса, чрезвычайно усиленного неудачными рыночными реформами 1990-х гг. на селе, в аграрном секторе практически полностью были разрушены сложившиеся за советский период хозяйственные структуры. Одновременно проходили массовые увольнения работников-аграриев, и свыше миллиона сельских жителей России потеряли свои рабочие места и зарплаты. Радикальная смена экономического уклады вызвала крайне болезненное падение уровня жизни селян, что еще больше провоцировало среди них рост миграционных настроений. Тяжелые испытания крайне негативно отразились на их демографическом статусе — быстро нарастал уровень заболеваемости и смертности. Особую опасность на селе в это время представляла высокая смертность мужчин, в значительной мере обусловленная распространением алкоголизма. С другой стороны, многие медицинские работники, не получавшие зарплаты, стали активно уезжать из села, что еще губительнее отражалось на состоянии здоровья аграриев. В итоге коэффициенты общей смертности на селе повысились с 13,2 ‰ (в 1990 г.) и 16,5 ‰ (в 1995 г.) до 17,1 ‰ (в 2005 г.), т. е. практически на 30 %, и на таком уровне держались вплоть до середины 2000-х гг. Показатели рождаемости на селе, напротив, постоянно падали — с 16,5 ‰ (1990 г.) до 10,9 ‰ (1995 г.), т. е. сразу на 1/3 относительно дореформенного периода, и продолжал падать дальше. Во многих сельских районах России показатели общей смертности населения ежегодно на 60–80 % превышали общее число рождавшихся детей, и по этой причине превалирование смертности над рождаемостью достигало 10 раз. При таком характере воспроизводства сельское население быстро убывало, и в нем на всем протяжении периода 1991–2010 гг. ни разу не был зафиксирован естественный прирост[2].

В кризисные периоды население особенно часто использует миграцию в качестве традиционного механизма, способного улучшить качество своей жизни, а в 1990-е и особенно в 2000-е гг. миграция уже трансформировалась в главную и практически единственную для жителей села возможность «выживания». Но даже на фоне многолетней социально-бытовой и производственной

[1] Сводные итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 14. Москва, 2005. С. 10.

[2] Российский статистический ежегодник, 2012. Москва, С. 93.

запущенности сельской местности в России последствия «шоковой терапии» оказались для сельского населения чрезмерно болезненными. И, как показывают социологические опросы жителей села, основными причинами, которые подталкивали многих из них к отъезду в город, являлись как раз те конкретные и весьма серьезные проблемы, не решавшиеся властью десятилетиями. По мнению опрошенных, нормальное течение сельской жизни серьезно осложнялось следующими факторами: 1) низкий уровень доходов, бедность; 2) пьянство; 3) безработица; 4) тяжелый физический труд. В 2010 г. дополнительно к названным проблемам почти четверть всех респондентов добавила еще один аргумент — они уже перестали верить, что жизнь на селе может скоро улучшиться; еще 53 % участвовавших в опросе считали, что сейчас их материальное положение хуже, чем они заслуживают. В 2009 г. уже 28,8 % опрошенных (вместо 25 % годом ранее) заявляло о твердом желании уехать из села[1].

Общий рост миграционных настроений на селе в 2000-х гг. усиливался еще и тем, что селяне уже были в курсе о существующей весьма серьезной разнице в уровне экономического развития отдельных регионов страны, которая во многом определяла в них общий уровень жизни. В целом набор региональных факторов, определявших силу миграционного «притяжения» или «выталкивания», во многом определялся не столько степенью развития или развала определенного производственного уклада в регионе, сколько силой «продвинутости» новых рыночных отношений, прежде всего, в сфере распределения, обмена и потребления. Иными словами, в годы экономического кризиса мигрантов больше притягивала не столько производственная сфера, сколько отношения, уже укрепившиеся в сфере распределения (Тарасова и др., 2000, с. 8).

В начале 2000-х гг. на фоне общего недовольства сельских жителей своим жизненным уровнем уже активно и стабильно формировались миграционные потоки в обратном и традиционном для них направлении — из села в город. Особый масштаб они получили в Приволжском, Уральском, Сибирском и Дальневосточном федеральных округах, откуда сельские жители мигрировали в города, причем не только своего, но и других регионов России.

На «отход» в город обычно решались наиболее работоспособные представители села, которые в иных условиях могли бы послужить ему надеждой и опорой. Такие жители не только преследовали цели повышения собственного благосостояния, но и думали о будущем детей. Массовые опросы селян подтверждали, что отходничество было для многих из них осознанным выбором, особенно у выходцев из мелких деревень, несмотря на то что в ряде семей такое решение главы семьи нередко приводило и к разводу (Нефедова, 2017, с. 29).

Что касается интенсивности встречного потока — прибытия мигрантов на село, то за 2000–2004 гг., по имеющимся данным, число въезжавших в него по сравнению с 1996–2000 гг. уже заметно сократилось. В 2000–2005 гг. максимальный

[1] Состояние социально-трудовой сферы села и предложения по ее регулированию. Ежегодный доклад по результатам мониторинга 2009 г. Вып. 11. Москва, 2010. С. 250; Состояние социально-трудовой сферы села и предложения по ее регулированию. Ежегодный доклад по результатам мониторинга 2010 г. Вып. 12. Москва, 2011. С. 28; Состояние социально-трудовой сферы села и предложения по ее регулированию. Ежегодный доклад по результатам мониторинга 2012 г. Вып. 14. Москва, 2013. С. 229.

миграционный прирост сельского населения происходил преимущественно на европейской территории РФ — в Центральном, Северо-Западном и Южном федеральных округах. При этом на Урале, например, объем внутрироссийской миграции за это же время снизился на 20 %. Одновременно в Северо-Западном и Южном ФО отличительной чертой миграционных перемещений становилось сочетание оттока сельского населения в город с параллельно происходившими многотысячными выездами горожан в другие части России (Борзунова и др., 2005, с. 16–17).

Массовая миграция молодежи

Возобновление миграционных потоков в город, особенно для предстоящего развития села, означало неисчислимый вред, учитывая, что основной контингент мигрантов во многом формировался из молодежи до 30 лет. Но вследствие создавшейся на селе реальной ситуации это было неизбежно, поскольку среди сельской молодежи, особенно в возрасте до 20 лет, был чрезвычайно высокий уровень безработицы — в 2,6 раза выше, чем ее средние показатели по всему экономически активному сельскому населению России. Даже в сравнении с чуть старшим поколением (20–29 лет), доля нетрудоустроенной сельской молодежи была на 40 % выше. Социологический опрос 2005 г. на селе показал, что слабый и неустойчивый спрос на молодую рабочую силу оказывал на самую молодую часть его населения крайне удручающее впечатление, тем более что рабочие места в несельскохозяйственных сферах села вообще практически отсутствовали (Бондаренко, 2009, с. 28–29)[1].

В 2000-е гг. массовая миграция молодежи — наиболее грамотной, дееспособной и перспективной части сельского населения, воспринималась уже не просто как острая социальная проблема, но как вызов и угроза устойчивому развитию сельских территорий всей России. Миграция молодежи являлась серьезной проблемой и для решения кадровой проблемы села, резко усиливавшей и без того острую нехватку квалифицированных работников. Однако рабочих мест, для которых требовалось бы специальное образование или профессиональная подготовка, на селе было крайне мало, и там решительно преобладал спрос лишь на неквалифицированный и низкооплачиваемый труд, что буквально «выталкивало» молодежь из села, не видевшую для себя никакой реальной перспективы. Кроме того, молодежная политика государства 1990-х гг. учитывала в основном интересы лишь городской молодежи, совершенно не вдаваясь в детали положения молодых поколений села, не желая замечать обострившегося несоответствия между современными запросами сельской молодежи и запущенностью социально-трудовой сферы в аграрном секторе (Силласте, 2004, с. 95).

Сельская молодежь весьма болезненно реагировала на фактическое отношение государства к селу, а за годы разрушительных реформ там резко упал и общий престиж аграрного труда — низкооплачиваемого и практически немеханизированного. Понятно, что всё это еще больше укрепляло решение молодых селян уехать в город. В итоге многие молодые люди по окончании средней школы

[1] Состояние социально-трудовой сферы села и предложения по ее регулированию. Ежегодный доклад по результатам мониторинга 2004 г. Вып. 6. Москва, 2006. С. 173.

старались любой ценой переехать в город, найти там интересную и достойно оплачиваемую работу. Специальное исследование Института социальной политики РАН (2003 г.) показало, что влияние СМИ на сельскую молодежь, особенно телевидения, было основным средством ее интеграции в информационный мир и происходящие события (Силласте, 2004, с. 96).

По мере развития и укрепления рыночных отношений в стране в миграционных потоках сельской молодежи, настроенной на переезд в город, тоже происходили свои изменения, особенно касавшиеся конкретной ориентации на будущее место жительства. Из общего числа сельской молодежи Алтайского края, ориентированной на город, всего 7 % планировало после учебы или работы вернуться для дальнейшего проживания обратно на село (Сергиенко, 2019, с. 136–137).

В 2000-е гг. переход к рыночным отношениям для трудовых мигрантов из села создавал дополнительные и очень серьезные препятствия, осложнявшие адаптацию в городе. Теперь проблему с проживанием приходилось решать самостоятельно, тем более что его аренда стоила им немалой части заработка (Пискунов, 2017, с. 9–10, 21)[1].

В новых условиях формировавшегося рынка реализация миграционной активности сельских жителей уже осуществлялось не только в стационарных формах, т. е. как переселение в город на постоянное жительство, но и в других, временных видах миграции. В 2000-е гг., наряду с закрепившимися в городе выходцами из села, уже имевшими свою крышу над головой, довольно много прибывавших, особенно из близко расположенных пригородных сельских поселений, активно пополняли ряды «маятниковых» мигрантов. Подобная практика позволяла «маятниковым» мигрантам, постоянно жившим на селе, работать всё же в городе. Что касается масштаба данного вида миграции, то его весьма точно и образно сумел отразить один из руководителей сельского совета, расположенного вблизи Барнаула: «Каждое утро из таких сел на работу в город выезжает от 1/3 до 1/2 их жителей и села пустеют» (Сергиенко, 2019, с. 146).

Наряду с ежедневной маятниковой миграцией из села в город в 2000-е гг., определенное распространение получила и обратно направленная миграция — из города на работу в село. Нередко после завершения учебы и получения специальности часть бывших сельских мигрантов оставалась жить в городе, но зарабатывать по каким-то соображениям предпочитала всё же на селе — собственным трудом у фермеров или в созданных ими же с помощью родителей, мелких торговых и транспортных организациях. Иногда молодые люди — начинающие фермеры и предприниматели даже получали для этого специальные гранты в 1,5–3 млн руб.[2]

Как показывают многолетние обследования сёл Нечерноземной зоны РФ, там выбытие мигрантов в город всегда имело серьезные масштабы. Однако при этом характерно, что практически половина прописанного там трудоспособного сельского населения в рассматриваемые годы по месту жительства не работала. Причины были стандартные: закрытие сельхозпредприятия, низкие зарплаты,

[1] Состояние социально-трудовой сферы села и предложения по ее регулированию. Ежегодный доклад по результатам мониторинга. Вып 8. Москва, 2007. С. 25.

[2] Состояние социально-трудовой сферы села и предложения по ее регулированию. Ежегодный доклад по результатам мониторинга 2009 г. Вып. 11. Москва, 2010. С. 154–155.

вынуждавшие искать работу в городе и др. При этом одна часть сельских мигрантов работала и проживала в городе, а другая только периодически уезжала «в отход» из деревни (Великий, 2010, с. 44–49).

В целом же итоги межрегиональных перемещений по территории России 2000-х гг. подтверждают традиционную особенность — масштабы выбытия из села практически всегда оказывались ощутимо выше, чем количество прибывавших в него из других мест. С 2000 по 2005 гг. из сёл России выбыло на 215 тыс. чел. больше, чем туда прибыло (Борзунова и др., 2005, с. 14)[1].

Во второй половине «нулевых» годов миграционный отток из российских сёл продолжался, но его общий масштаб в 2009 гг. вдруг резко уменьшился — до 51,3 тыс. чел., хотя еще в 2008 г. эта цифра была значительно выше. Скорее всего, это было связано с последствиями мирового финансового кризиса 2008 г., затронувшего целый ряд развитых стран, в которых произошло существенное замедление общих темпов роста ВВП. Аналогично и в России, к 2009 г. объем ВВП упал почти на 9 % относительно 2007 г., что незамедлительно отразилось на общей экономической конъюнктуре. Городские предприятия тут же резко сократили привлечение дополнительных работников (почти на 10 %). В свою очередь это отразилось и на снижении общего миграционного потока из села: с 28,1 тыс. чел. (в 2006 г.) до 22,1 тыс. чел. (в 2008 г.). Впоследствии исследователи отмечали, что столь масштабного спада миграционного выбытия из села после 1996 г. еще не было[2].

В целом благодаря активным разнонаправленным потокам сельских трудовых мигрантов из села в город и обратно в 2000-е гг. по России уже сформировались две противоположные группы территорий: первая — сельские регионы-реципиенты, активно принимавшие население, прибывавшее из других мест. За счет миграционного притока на территорию-реципиент происходило определенное пополнение их сельского населения. Напротив, другая группа территорий быстро теряла свое сельское население, которое уезжало крайне недовольным безнадежной безработицей и низким уровнем жизни. Экономисты и демографы называют эти территории регионами-донорами, поскольку по экономическим причинам они невольно «отдавали» собственных сельских мигрантов в пользу развития других регионов России[3].

На основании имеющихся данных о количественном перемещении миграционных потоков из сёл отдельных субъектов РФ можно сделать вывод, что на протяжении 2000-х гг. интенсивной миграционной убылью из села уже было охвачено подавляющее большинство — не менее 63 (из 84) регионов страны. Этот факт напрямую выражался и в сокращении общего числа субъектов России, еще сохранявших миграционный прирост своего сельского населения[4]. При этом в первом

[1] Состояние социально-трудовой сферы села и предложения по ее регулированию. Ежегодный доклад по результатам мониторинга. Вып. 5. Москва, 2003. С. 17–18.

[2] Состояние социально-трудовой сферы села и предложения по ее регулированию. Ежегодный доклад по результатам мониторинга 2009 г. Вып. 11. Москва, 2010. С. 32.

[3] Состояние социально-трудовой сферы села и предложения по ее регулированию. Ежегодный доклад по результатам мониторинга 2009 г. Вып. 11. Москва, 2010. С. 32.

[4] Состояние социально-трудовой сферы села и предложения по ее регулированию. Ежегодный доклад по результатам мониторинга 2006 г. Вып. 8. Москва, 2008. С. 32.

десятилетии XXI в. особого сокращения в масштабах и направлениях миграционных перемещений сельского населения по России в целом не отмечалось[1]. Общая численность сельского населения РФ на протяжении 1990–2000-х гг. в решающей степени зависела от действия двух факторов — естественной убыли и миграционного оттока в город (табл.).

Насколько можно судить по данным таблицы об изменении численности сельского населения России в 2000-е гг., общий негативный эффект от естественной убыли сельского населения, как правило, в среднем был в 7,2 раза выше, чем его потери от миграционного перемещения в город. Например, в 2003 г., доля миграционного оттока в общем сокращении сельского населения России составляла лишь 8,5 %, а общие потери людского ресурса от превышения уровня смертности над рождаемостью — более 90 %. Иными словами, «выморочный» фактор убыли жителей села от 7 до 10 раз превосходил его потери от миграции. Кроме того, общий подсчет ежегодных данных показывает, что отрицательный прирост, точнее, естественная убыль сельского населения, за первое десятилетие XXI в. суммарно составила 2317,2 тыс. чел., в то время как от миграции — всего 319,9 тыс. чел., или в 7 раз меньше.

Кстати, приведенные суммарные данные о потерях в численности сельского населения на протяжении 2000-х гг., полученные благодаря ежегодным мониторингам села, полностью коррелируют с оценкой их многолетнего организатора и руководителя — д.э.н. Л.В. Бондаренко. Согласно ее компетентному мнению, сумма количественных потерь сельского населения за весь постсоветский период (с 1991 по 2010 гг.) общим «накопительным итогом» составила порядка 4,7 млн чел. (Бондаренко, 2012, с. 3). И, как видно из таблицы, практически половина этого, или 2317,2 тыс. чел., пришлась как раз на период 2000-х гг.

Что касается прямого влияния миграционных процессов на общую численность сельского населения в 2000-е гг., можно лишь подтвердить, что они, по сравнению с естественной убылью, имели второстепенное значение. Это убедительно подтверждается ведомственной статистикой ВНИИЭСХ и Министерства сельского хозяйства РФ, т. е. результатами ежегодных мониторингов социально-трудовой сферы российского села (табл.).

Если же проследить динамику общей численности сельского населения по данным Всероссийских переписей населения, то его сокращение непосредственно в нулевые годы XXI в. всё же представляется более значительным, чем в 1990-е гг. Если в 1989 г. общая численность сельского населения РСФСР насчитывала 39063 тыс. чел., то в 2002 г. уже 38737 тыс. чел., т. е. за 1990-е гг. сократилась всего на 326 тыс. чел. Однако сопоставление соответствующих данных за 2002 г. и 2010 г. показывает, что здесь динамика уже была другой: абсолютное уменьшение с 38738,0 тыс. чел. (в 2002 г.) до 37542,8 тыс. чел. (в 2010 г.). Иными словами, за период «нулевых» годов сокращение общей численности сельского населения РФ достигло уже 1195,2 тыс. чел. (3,2 %). В то же время в процентном отношении

[1] Состояние социально-трудовой сферы села и предложения по ее регулированию. Ежегодный доклад по результатам мониторинга 2010 г. Вып. 12. Москва, 2011. С. 31.

Таблица

Изменение численности сельского населения РФ в 2000-е гг. (тыс. чел.)

Годы	Численность насел.	Изменения Общее сокращение	(+,-) за год Естеств. убыль	Миграц. убыль
2000	39470,6	–238,7	–274,2	–2,6
2001	39231,9	–307,9	–271,7	–51,9
2002	38924,0	–281,6	–281,9	–26,7
2003	38642,4	–292,6	–281,6	–34,7
2004	38349,8	–405,1	–260,2	–28,6
2005	38754,9	–106,2	–287,7	–22,6
2006	38648,7	–206,1	–230,3	–28,1
2007	38442,6	–206,8	–145,7	–9,1
2008	38235,8	–22,2	–113,3	–22,1
2009	38213,6	–4,4	–88,9	–2,6
2010*	37587,8	–190,0	–81,7	–90,9
Всего	—	–2055,5	–2317,2	–319,9

*Предварительные итоги Всероссийской переписи населения 2010 г.: Стат. сб. Москва, 2011. С. 6–9.

Источник: Состояние социально–трудовой сферы села и предложения по ее регулированию. Ежегодный доклад по результатам мониторинга 2011 г. Вып. 13. Москва, 2012. С. 9.

доля жителей села в общей численности населения РФ менялась мало: с 27 % (в 1989 г.), 26,7 % (в 2002 гг.) и до 26,3 % (в 2010 г.)[1].

В региональном разрезе сокращение общей численности сельского населения тоже выглядело не особенно внушительным. Всё определялось масштабом миграционного оттока из сельской местности. Как уже отмечалось, максимальные масштабы он имел прежде всего в сельских районах Дальнего Востока, Центрального, Северо-Западного и Приволжского ФО. При этом в регионах Северокавказского и Южного ФО складывалась иная картина[2].

Куда более интересными оказались итоги изменений в возрастном составе сельских жителей: за 2000-е гг. в нем прежде всего произошел довольно заметный прирост удельного веса наиболее дееспособной части, т. е. в возрастных группах от 16 до 60 лет включительно. Подчеркнем, что за указанные годы доля трудоспособных в сельском населении поднялась во всех без исключения федеральных округах РФ, но в разной мере. В целом по Российской Федерации общая доля лиц трудоспособного возраста в составе сельского с 2000 по 2010 гг. повысилась с 54,1 % до 59,2 %, т. е. на 5,1 %. В каждом из федеральных округов данный прирост имел свои конкретные значения, что тоже зависело от той роли, которую данный регион играл в перемещении сельских миграционных потоков. Иными словами, был ли данный ФО реципиентом, принимавшим поток прибывавших мигрантов из села, или же он выступал всего лишь как регион-донор, вынужденно отдававший часть своего сельского населения другим регионам?

[1] Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. в 14 томах. Т. 14. Сводные итоги. Москва, 2005. С. 10; Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. Т. 2. Возрастно-половой состав и состояние в браке. Москва, 2012. С. 11.

[2] Состояние социально-трудовой сферы села и предложения по ее регулированию. Ежегодный доклад по результатам мониторинга 2010 г. Вып. 12. Москва, 2011. С. 31.

Определенный прирост удельного веса наиболее работоспособных возрастных групп в сельском населении РФ следует оценивать, как весьма позитивное и своевременное событие. Дело в том, что после жестких рыночных реформ 1990-х гг. с их абсолютно разрушительными экономическим последствиями для аграрного комплекса страны 2000-м гг. предстояло стать временем скорейшего их устранения и начала экономического возрождения сельского хозяйства России. И для этого, естественно, требовался максимум наиболее дееспособных и активных работников.

Но нельзя упускать из виду и то, что миграционные перемещения сельского населения, так или иначе, определяли не только его общую численность и численность по отдельным регионам России, но еще и общее соотношение сельских поселений по числу проживавшего в них населения. И если в 1959 г. в РСФСР еще насчитывалось почти 294,1 тыс. населенных пунктов, то менее чем через полвека (в 2002 г.) их уже оставалось 155,3 тыс., лишь половина. При этом в 13,1 тыс. сельских населенных пунктов уже никто не жил, их бывшие жители по разным причинам разъехались в другие места. В целом в 2000-е гг. свое население потеряло очень много деревень: по оценке Всероссийской переписи населения, «только за период с 2008 по 2010 г., Россия фактически потеряла еще 8,5 тыс. сельских населенных пунктов». И хотя часть их «де-факто» еще вроде была жива, поменяв статус при включении их в состав соседних городов, судьба таких сельских населенных пунктов — без жителей чаще всего решалась местными властями, их просто удаляли с карты данной местности «в связи с отъездом жителей». В ходе следующей переписи населения (2010 г.) было обнаружено еще 19,4 тыс. таких безлюдных населенных пунктов, т. е. прирост на 48 % против 2002 г. (Щербакова, 2011)[1].

Заключение

Иными словами, развитие миграционных процессов всё же негативно отражалось на состоянии поселенческой структуры российского села, поскольку убыль населения происходила преимущественно из периферийных сельских районов, и поэтому в стране постепенно всё меньше оставалось мелких и даже средних сельских поселений. Но главным было то, что с каждой переписью населения обнаруживались всё новые «мертвые» деревни, уже полностью покинутые своими жителями. При этом особенно многое теряло село при отъезде молодежи, активное переселение которой в город или даже в другие, более крупные сёла неизбежно ставило под угрозу уже само существование их трудового потенциала. В ходе миграционных перемещений населения значительная часть сельской России неизбежно подвергалась общему сокращению, «сжатию» ранее освоенного и обжитого сельского пространства. Всё это приводило к еще большему нарастанию количественного несоответствия между громадными пространствами сельских территорий и численностью проживавшего на них сельского населения. Данное явление постепенно приобретает всё более опасный характер. В этой связи крайне необходимо больше уделять внимания всестороннему развитию села, выделяя для этого более масштабные финансовые и материальные ресурсы, чтобы

[1] Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. в 14 томах. Т. 14. Сводные итоги. Москва, 2005. С. 44.

сдерживать его население от миграционного оттока. Без принятия надлежащих государственных мер в перспективе это способно привести к полной утрате контроля над сельскими территориями нашей страны.

Список источников

Бондаренко, Л. В. (2012). *Занятость, доходы и потребление сельского населения.* Москва: ГНУ ВНИИЭСХ, 128. EDN: QVCYSD

Бондаренко, Л. В. (2009). Проблемы развития сельских территорий. *АПК: эконо-мика, управление, 12,* 24–31. EDN: LRGTXX

Борзунова, Т. И. и др. (2005). *Миграционные процессы в сети сельских поселений РФ в 1995–2004 гг.* Москва: ИСПИ РАН, 35. EDN: QOPBZX

Великий, П. П. (2010). Неоотходничество, или лишние люди современной деревни. *Социологические исследования, 9,* 44–49. EDN: MULYVV

Вербицкая, О. М. (2017). *Сельская семья на этапе социально-экономических трансформаций 1985–2002 гг.* Москва-Санкт-Петербург: ИРИ РАН, Центр гуманит. инициатив, 402. EDN: ZTDNZT

Вишневский, А. Г. (Ред.) (2002). *Население России 2001. Девятый ежегодный демографический доклад.* Москва: Книжный дом «Университет», 215.

Зайончковская, Ж. А. (2002). Миграция и урбанизация, которые изменили Россию В *Демографическая модернизация, частная жизнь и идентичность в России. Научная конференция (Москва, 27–28 февраля 2002 года).* Москва: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 289. https://www.demoscope.ru/weekly/knigi/konfer/konfer_03.html#0 (дата обращения: 02.02.2025).

Нефедова, Т. Г. (2017). *Десять актуальных вопросов о сельской России. Ответы географа.* Москва: ЛЕНАНД, 452.

Пискунов, С. А. (2017). *Государственная политика переселения и ее реализация на территории РСФСР (вторая половина 1940–1980-е гг.):* автореферат дис. … д-ра ист. наук. Тамбов, 51. EDN: IWAYUN

Сергиенко, А. М. (Ред.) (2019). *Миграция сельской молодежи: в фокусе – Алтайский край.* Барнаул: Изд. Алт. гос. ун-та, 325.

Силласте, Г. Г. (2004). Влияние СМИ на жизненные планы сельской учащейся мо-лодежи. *Социологические исследования, 12,* 95–102. EDN: OWWCPT

Тарасова, Н. В., Гришанова, А. Г., Макарова, Л. В. и др. (2000). *Миграция в сельской местности России на рубеже XX-XXI вв.* Москва: ИСПИ РАН, 31.

Щербакова, Е. (2011). Численность сельских населенных пунктов и поселков городского типа продолжает снижаться. *Демоскоп WEEKLY,* 475–476. https://www.demoscope.ru/weekly/2011/0475/barom03.php (дата обращения: 02.02.2025).

References

Bondarenko, L. V. (2012). *Zanyatost', dohody i potreblenie sel'skogo naseleniya [Employment, Income and Consumption of the Rural Population].* Moscow: GNU VNIIESH, 128. EDN: QVCYSD (In Russ.)

Bondarenko, L. V. (2009). Problems of Development of Rural Territories. *APK: ekonomika, upravlenie [AIC: Economics, Management], 12,* 24–31. EDN: LRGTXX (In Russ.)

Borzunova, T. I. et al. (2005). *Migracionnye processy v seti sel'skih poselenij RF v 1995–2004 gg. [Migration Processes in the Network of Rural Settlements of the Russian Federation in 1995–2004].* Moscow: ISPI RAS, 35. EDN: QOPBZX (In Russ.)

Velikiy, P. P. (2010). Neo-seasonal Work, or Superfluous People of the Modern Village. *Sociologicheskie issledovaniya, 9,* 44–49. EDN: MULYVV (In Russ.)

Verbitskaya, O. M. (2017). *Sel'skaya sem'ya na etape social'no-ekonomicheskih transformacij 1985–2002 gg. [Rural Family at the Stage of Socioeconomic Transformations in 1985–2002]*. Moscow-Saint Petersburg: IRI RAS, Center for Humanitarian Initiatives, 402. EDN: ZTDNZT (In Russ.)

Vishnevsky, A. G. (Ed.) (2002). *Naselenie Rossii 2001. Devyatyj ezhegodnyj de-mograficheskij doklad [Population of Russia 2001. Ninth Annual Demographic Report]*. Moscow: University Book House, 215. (In Russ.)

Zayonchkovskaya, Zh. A. (2002). Migration and Urbanization that Changed Russia In *Demograficheskaya modernizaciya, chastnaya zhizn' i identichnost' v Rossii. Nauchnaya konferenciya (Moskva, 27–28 fevralya 2002 goda) [Demographic Modernization, Private Life, and Identity in Russia. Scientific Conference (Moscow, February 27–28, 2002)]*. Moscow: N.N. Miklouho-Maclay Institute of the Russian Academy of Sciences, 289. https://www.demoscope.ru/weekly/knigi/konfer/konfer_03.html#0 (accessed: 02.02.2025). (In Russ.)

Nefedova, T. G. (2017). *Desyat' aktual'nyh voprosov o sel'skoj Rossii. Otvety geografa [Ten topical questions about rural Russia. Answers of a geographer]*. Moscow: LENAND, 452.

Piskunov, S. A. (2017). *Gosudarstvennaya politika pereseleniya i ee realizaciya na territorii RSFSR (vtoraya polovina 1940–1980-e gg.) [State resettlement policy and its implementation on the territory of the RSFSR (second half of the 1940s-1980s)]*. Abstract of dis. ... Doctor of History. Tambov, 51. EDN: IWAYUN (In Russ.)

Sergienko, A. M. (Ed.) (2019). *Migraciya sel'skoj molodezhi: v fokuse – Altajskij kraj [Migration of rural youth: in focus - Altai Krai]*. Barnaul: Alt. State Publ. University, 325. (In Russ.)

Sillaste, G. G. (2004). The Influence of Mass Media on the Life Plans of Rural Student Youth. *Sociologicheskie issledovaniya, 12,* 95–102. EDN: OWWCPT (In Russ.)

Tarasova, N. V., Grishanova, A. G., Makarova, L. V. et al. (2000). *Migraciya v sel'-skoj mestnosti Rossii na rubezhe XX-XXI vv. [Migration in Rural Areas of Russia at the Turn of the 20th-21st Centuries]*. Moscow: ISPI RAS, 31. (In Russ.)

Shcherbakova, E. (2011). The Number of Rural Settlements and Urban-Type Settlements Continues to Decrease. *Demoscope WEEKLY,* 475–476. https://www.demoscope.ru/weekly/2011/0475/barom03.php (accessed: 02.02.2025). (In Russ.)

Вербицкая Ольга Михайловна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт российской истории Российской академии наук (Российская Федерация, 117218, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19; e-mail: verb-olga@yandex.ru).

Olga M. Verbitskaya — Dr. Sci. (Histor.), Chief Research Associate, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (19, Dm. Ulyanova St., Moscow, Russian Federation; e-mail: verb-olga@yandex.ru).

УДК 314.172
JEL classification: J11, J13
https://www.doi.org/10.17059/udf-2025-1-4

Решение актуальных демографических проблем на примере села Пустошь Ивановской области: исторический аспект[1]

С. А. Воронин

Ташкентский филиал РЭУ им. Г. В. Плеханова, Институт бюджетно-налоговых научных исследований (г. Ташкент, Республика Узбекистан).

https://orcid.org/0000-0003-2288-8365

Researcher ID: M-7927-2017

Автор для корреспонденции: С. А. Воронин (sergey_voronin63@yahoo.com).

Аннотация. *В статье рассматриваются актуальные демографические проблемы на примере села Пустошь Ивановской области. В качестве предмета исследования приняты рождаемость и младенческая смертность в крестьянской ветви Турлаповых-Ворониных, проживавших в течение последних двух веков в селе Пустошь. Выявлены наиболее существенные причины, повлиявшие на миграцию представителей членов данной родословной ветви в Узбекистан и Латвию. Рассмотрено участие отдельных представителей общины Турлаповых-Ворониных в Великой Отечественной Войне. На основе хронологического анализа сформулированы выводы. Разработаны принципы, учет которых позволит улучшить демографические показатели в регионах и избежать масштабных катастроф для родовых ветвей и местных сообществ (бегство населения из деревень и сёл).*

Ключевые слова: рождаемость; демографические проблемы; крестьяне-старообрядцы; устойчивость рода; рыночная экономика; миграция населения

Solution of Current Demographic Problems on the Example of the Village of Pustosh Ivanovo region: Historical Aspect

S. Voronin

Tashkent branch of the G. V. Plekhanov Russian University of Economics, Institute of budgetary and tax scientific research (Tashkent, Republic of Uzbekistan).

https://orcid.org/0000-0003-2288-8365

Researcher ID: M-7927-2017

Corresponding author: S. Voronin (sergey_voronin63@yahoo.com).

Abstract. *The article considers current demographic problems on the example of the village of Pustosh, Ivanovo region. The subject of the study is the birth rate and infant mortality in the peasant branch of the Turlapov-Voronins, who lived in the village of Pustosh for the last 2 centuries. The most significant reasons that influenced the migration of representatives of this family tree branch to Uzbekistan and Latvia are revealed. The participation of individual representatives of the Turlapov-Voronin community in the Great Patriotic War is considered. Conclusions are formulated based on the chronological analysis. Principles have been developed, the consideration of which will improve demographic indicators in the regions and avoid large-scale disasters for family branches and local communities (flight of the population from villages and towns).*

Keywords: birth rate; demographic problems; Old Believer peasants; stability of the family; market economy; population migration

[1] © Воронин С. А. Текст. 2025.

Введение

В ряде стран мира, в т. ч. и на пространстве бывшего СССР, усиливаются демографические проблемы. Среди них такие актуальные вопросы, как низкая рождаемость, прирост миграционных потоков, что характерно для Российской Федерации и ряда стран Европейского Союза. Это отчасти связано как с ростом уровня жизни, расширением потребности семей в творческом развитии, так и с падением уровня жизни, межгосударственными конфликтами, ухудшением экологической обстановки, техногенными и природными катастрофами, повышением уровня неопределенности в будущем развитии страны и действием других факторов.

Как известно, население России за последние столетия пережило ряд масштабных внутренних и внешних потрясений, которые сказались на демографических показателях. Это прежде всего прошедшие войны с такими странами, как Франция (нашествие армии Наполеона: начало XIX в.), Германия (Первая мировая война и Великая Отечественная война: первая половина XX в.), интернациональная операция в Афганистане (конец XX в.), СВО в Украине (20-е гг. XXI в.) и другие конфликты. На миграционные потоки повлияли и внутренние противоречия, такие как восстания крестьян и других слоев населения в Российской империи, распад СССР, противостояния ветвей власти и элит. Кроме того, на демографию оказали воздействие революции, а также принимаемые правительством масштабные меры: НЭП, коллективизация, индустриализация, рыночная трансформация и другие крупнейшие проекты, инициированные органами государственной власти. Нередко проведение таких реформ сопровождается введением жестких, командно-административных мер, иногда с применений гонений и репрессий, других форм деспотизма для несогласных, а иногда и массовым переселением целых народов (например, крестьян-старообрядцев, корейцев, крымских татар, уйгур и граждан других национальностей).

Бывают ситуации, когда лидеры государств передавали, продавали или присоединяли целые большие территории вместе с проживающими на них населением (например, территории Аляски, Синьцзян-Уйгурского автономного района и др.). Вышеперечисленные действия, конечно, повлияли на поведение супружеских пар, их инициативы по рождению детей, выбор мест для проживания семей. Если влиянию внешних негативных факторов (например, войн, неблагоприятных природно-климатических условий) трудно противостоять, то действие внутренних негативных факторов можно сглаживать, ослаблять или не допускать вообще.

Во многом принятие решений о проведении реформ, действительно необходимых для большинства населения, зависит от активности граждан, мобилизации их усилий в целях выбора наиболее благоприятных мер и достижения поставленных целей. В случае выбора приемлемых вариантов развития возникает ситуация, которая способствует формированию у населения уверенности в успешном будущем развитии страны. Это в свою очередь создает предпосылки для улучшения демографической ситуации и соблюдению традиционных связей в семейных отношениях (полная семья, верность, патриотизм, забота о детях и пожилых, духовное, физическое и нравственное развитие), что будет способствовать устойчивому развитию общества в долгосрочной перспективе.

Цель исследования заключается в том, чтобы выявить условия, при соблюдении которых в обществе будет формироваться благоприятная среда для позитивного решения демографических проблем, в частности, таких как повышение рождаемости, сокращение детской смертности, в особенности, в сельских регионах страны. Ожидается, что при расширении уровня прозрачности при принятии решений о необходимых реформах, широком вовлечении населения в этот процесс будут создаваться предпосылки для повышения уровня и качества жизни. Наличие положительных тенденций для достижения лучшего будущего (в перспективе), сокращение неравенства, улучшение экологической обстановки, рост доходов — всё это способствует повышению стабильности и согласия в обществе, а значит, расширенному воспроизводству человеческого потенциала. По итогам исследования разработаны основные принципы, соблюдение которых будет способствовать позитивному решению в обществе демографических проблем.

Обзор литературы

Решению демографических проблем, вопросов миграции посвящены труды многих ученых, в частности, Д. Рикардо, М. Миллера, Э. Равенштейна и других (Ravenstein, 1889). Методологические вопросы межгосударственной миграции исследованы такими зарубежными исследователями, как: Дж. М. Кейнс, Дж. Харрис, Д. Солоу, И. Валлерстайн, Беккер и другими экономистами (Кейнс, 1997; Harris & Todaro, 1970).

Теоретические вопросы миграции исследованы рядом ученых из стран СНГ, в частности, В. Ионцевым, Э. Плетневым, Ю.А. Яновским, В.Б. Супяном, Е.В. Виноградовой (Ионцев, 1999; Супян, 2015; Виноградова, 2002). За последние годы в научной сфере было опубликовано множество работ, в которых рассматриваются отдельные актуальные демографические проблемы, в частности, выявление глубинных причин миграции, падении рождаемости.

Тенденции развития миграции в Узбекистане освещены в научных трудах таких ученых, как К.Х. Абдурахманов, Л.П. Максакова, Н.К. Зокирова (Abdurakhmanov, 2019; Максакова, 2001; 2002; Зокирова, 2021).

В. Столбов в своем труде отмечает о проживании и жизнедеятельности старообрядцев Иваново-Вознесенского района в XVIII–XIX вв. (Столбов, 2008). Многие крестьяне-старообрядцы активно трудились на благо экономики России. Активная деятельность граждан старообрядческого вероисповедования началась сразу после утверждения в 1762 г. Указа Екатерины II «О материнских щедротах», в соответствии с которым старообрядцам разрешалось возвращаться на их родные места, отправлять религиозные обряды и заниматься торгово-промышленной деятельностью.

Непосредственно о жизни населении Шуйского района написано множество трудов. Среди них книги В. Рыжова, Г. Сурина, В. Борисова, Н. Звездина и других авторов (Борисов, 1851). Борисов провел глубокое исследование прошлого Шуйского района на основе документов в исторической последовательности. В советское время В. Маяковский в своем стихотворении «Теперь. Раньше» также обратил внимание читателей на преобразования, проводимые в Шуе[1].

[1] На электрофикацию глазками пучится. «Утопия! — говорит, — ничего не получится!» Дождётесь, буржуи! Будет Нью-Йорк в Тетюшах, Будет рай в Шуе. © В. Маяковский. Стихотворение «Теперь. Раньше».

Материалы и методы

В процессе исследования были использованы методы логического анализа и синтеза, экспертной оценки, индукции и дедукции, хронологического анализа, исторического материализма, диалектики и другие инструменты.

Для формирования мотивов родителей касательно числа детей в семье, выбора места жительства и других решений в сфере демографии большое значение имеют события, происходящие на соответствующие моменты времени. Проведем анализ начиная с дореволюционного периода (1917 г.) до настоящего времени.

Многие страницы истории Ивановской области дореволюционного периода глубоко изучены и представлены в виде научных и публицистических статей (Кабанов, 2017). Известно, что Иваново-Вознесенский экономический район до 1917 г. не являлся самостоятельной административной единицей. Центром его формирования было село Иваново и Вознесенский посад (с 1871 г. город Иваново-Вознесенск), а также торговые сёла Середа, Тейково, Вичуга, Родники, г. Шуя и др. В них занятые граждане издавна занимались ярмарочной торговлей и текстильным производством (выпуск холста). По числу жителей село Иваново превосходило соседние уездные центры, в нем в 1795 г. проживало 4388 чел., в уездном г. Шуя — 1365 чел. В селе Пустошь проживало менее 500 чел., т. к. данная территория только начинала осваиваться людьми для проживания. В административно-правовом отношении все эти сёла относились к Владимирской, Ярославской и Костромской губерниям.

Начиная с 1905 г. на многих территориях России стала происходить легализация старообрядческих центров, что связано с выходом в свет манифеста «Об укреплении начал веротерпимости» (опубликованного 17 апреля 1905 г.). В Шуйском уезде стали функционировать 3 центра — в Иваново-Вознесенске, Шуе и Пустоши[1]. В Пустоши Турлаповы-старообрядцы более 200 лет создавали семьи по предварительной договоренности. Они в своих семьях сохраняли многолетние традиции — религиозность, трудолюбие, неприятие спиртного и табака. Самым распространенным наказанием для детей того времени была долгая молитва на горохе[2]. В результате дети вырастали, как правило, дисциплинированными, трудолюбивыми, ведущими здоровый образ жизни.

Автором было проведено исследование изменения демографической ситуации на примере старообрядческой крестьянской родовой ветви Турлаповых по мужской линии, которые проживали в селе Пустошь. Прежде всего, представляет интерес изменение количества детей в семьях Турлаповых по отдельным периодам времени[3]. В архивном фонде Шуйского уездного казначейства Владимирской губернии в ревизской сказке 7-й ревизии по д. Пустошь от марта 1818 г. «полковницы кн. Е.А. Куракиной» значатся крепостные крестьяне, включая Савелий (Савва), который был женат на девице Анне Андреевне (1815 г.р.).

[1] К истории старообрядческих храмов Шуйского уезда. 28.06.2024. https://molitva-ivanovo.narod.ru/churchs/old-shuya.htm (дата обращения: 25.01.2025).

[2] Хроники семьи Турлаповых села Пустошь и г. Шуя. 28.06.2024. http://sergeybasov.flogiston.ru/MyTrip/Text/2011-09/2011-09-002.html (дата обращения: 25.01.2025).

[3] В качестве источника была использована информация, полученная из Государственного архива Ивановской области (ГАИО).

В их семье было четверо детей: Марфа (1839 г.р.), Иван (1840 г.р.), Аграфена (1848 г.р.) и Вера (1851 г.р.)[1]. Данный период характеризовался восстановлением экономики России после разгрома французской армии Наполеона. В этот период семьи старались заводить как можно больше детей из-за их высокой смертности.

В последующем у Ивана (1840 г.р.) в браке на крестьянской девице Татьяне Михайловне родилось уже восемь детей: Евдокия (1866 г.р.), Андрей (1873 г.р.), Дарья (1876 г.р.), Ирина (1878 г.р.), Иван (1879 г.р.), Параскева (1881 г.р.), Павел (1886 г.р.) и Василий (1884 г.р.)[2]. Все дети Ивана родились после отмены крепостного права (во второй половине XIX в.). Иван Савельевич умер 24 января 1909 г. в селе Пустошь от «удушья» в возрасте 65 лет[3]. Это свидетельствует о том, что улучшение условий позволило Ивану создать большую семью, а он сам прожил довольно долгую жизнь (для того времени).

В дальнейшем Иван (1879 г.р.), сын Ивана, также создал большую многодетную семью. 22 октября 1900 г. крестьянин Иван Иванович (20 лет, 4 месяца) и крестьянская девица Евдокия Захаровна Юлова (18 лет 8 месяцев) сочетались законным браком. В их семье родилось шестеро детей: Параскева (5 октября 1901 г.р.), Николай (24 апреля 1903 г.р. — 10 июня 1903 г.с.), Борис (23 июля 1905 г.р. — 26 октября 1905 г.с.), Мария (5 мая 1910 г.р. — 18 июля 1910 г.с.), Василий (4 марта 1912 г.р.) и Александр (9 апреля 1914 г.р. — 3 июня 1978 г.с.). Из 6 детей данной семьи трое умерли в младенчестве от «слаборождения», «расстройства желудка» и других болезней. Это говорит о том, что и в начале XX в. условия для семей с детьми были очень тяжелые, что приводило к высокой смертности. Поэтому родители старались заводить как можно больше детей, заботясь о продолжении рода, что было выгодно и государству. У родителей были большие надежды на благополучное развитие страны в перспективе.

Необходимо отметить, что Февральская и Великая Октябрьская революции 1917 г. сказались на жизни всех слоев населения России, в т. ч. и на общине Турлаповых, проживавших на тот момент в селе Пустошь. Как известно, первыми декретами Советской власти стали декрет о мире (08.11.1917 г.), декрет о земле (08.11.1917 г.), декларация прав народов России (15.11.1917 г.), обращение Председателя СНК «К населению» (18.11.1917 г.), декрет об уничтожении сословий и гражданских чинов (24.11.1917 г.), декрет об отмене права частной собственности на городские недвижимости (06.12.1917 г.), положение о земельных комитетах (25.12.1917 г.), декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа (16.01.1917 г.), декрет об организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии (28.01.1918 г.), основной закон о социализации земли (09.02.1918 г.), декрет «Социалистическое отечество в опасности!» (21.02.1918 г.), постановление о переходе к всеобщей мобилизации рабочих и беднейших крестьян в РККА (29.05.1918 г.), постановление о порядке переселения в Сибирь (03.06.1918 г.),

[1] Ревизская сказка 9-ой ревизии от 21 сентября 1850 г. помещицы А. В. Бутурлиной.

[2] Записи коллекции метрических книг церквей сёл Шуйского уезда Владимирской губернии, книгах Воскресенской церкви села Афанасьевское за 1886–1886 гг. и Преображенской церкви села Пустоши за 1909 г.

[3] Данные взяты из 10-й ревизской сказки, проведённой 26 декабря 1857 г. по крестьянам помещицы А. В. Бутурлиной.

резолюция Ленина о борьбе с голодом (04.06.1918 г.), декрет об организации и снабжении деревенской бедноты (11.06.1918 г.), постановление V Всероссийского съезда Советов об организации Красной Армии (10.07.1918 г.) и другие решения[1].

В 20-х гг. прошлого века в СССР осуществлялась масштабная коллективизация и индустриализация, которые привели к чрезмерной нагрузке на труд сельского населения (перераспределение имущества, увеличение работы в поле при низких зарплатах или трудоднях). В 1930-х гг. правительство начало жестокую борьбу со «средним крестьянством», сопровождающаяся нередко обобществлением или конфискацией имущества у «середняка». Аграрная политика, проводимая правительством СССР, привела к плачевным результатам. Зерно вывозилось на экспорт, а у самих крестьян сложился неурожай, в частности, в Оренбургских степях, Нижнем Поволжье, в Украине. Голод 1921–1922 гг. повторился в стране в 1932–1933 гг., когда всех крестьян объединили в колхозах и совхозах, а сомневающихся и самостоятельных середняков подвергли гонениям (Баделин, 2024).

Данные преобразования негативно сказались на демографической ситуации, что во многом связано с обострением классовой борьбы, голодом и репрессиями (превышение служебных полномочий местных органов власти, названное впоследствии «головокружением от успехов»). И.В. Сталин отмечал в своем примечательном труде, что «эти успехи нередко пьянят людей, причем у людей начинает кружиться голова от успехов, теряется чувство меры, теряется способность понимания». В перспективе еще предстоит дать оценку, кто является реальным автором таких реформ, которые под благовидные целями привели к масштабным потрясениям.

В 1937 г. был издан Приказ НКВД № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов»[2]. В результате принятия данной меры, наряду с реальными нарушителями общественного порядка (за противодействие реформам), пострадали и отдельные невиновные граждане (в особенности собственники, которые владели имуществом, использовали труд наемных работников или оказывали противодействие реформам). К сожалению, лучшая часть общества не смогла остановить раскрутку «маховика репрессий» из-за отсутствия баланса между ветвями государственной власти, слабости общественных организаций, а также прозрачности, конкуренции, альтернативности и реальной ответственности авторов реформ и исполнительных структур, реализующих их на практике. До начала Великой отечественной войны уровень образования в Шуйском районе (уезде) оставался низким. Только во второй половине 1950-х гг. среднее образование было предоставлено всем жителям. Однако в целом у населения бывшего СССР сохранялся энтузиазм и патриотизм, которые в дальнейшем привели к улучшению социально-экономической ситуации как в Шуйском районе, так и по всем территориям бывшего СССР. Во времена правления страной Н. Хрущева (1950–1960 гг.), запомнившиеся современникам целиной, кукурузой, малогабаритными квартирами, энтузиазм людей нарастал.

[1] Декреты Советской власти 1917–1918 гг. 13.07.2024 г. https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/index.html (дата обращения: 25.01.2025).

[2] Документ № 144. Приложение 2. Составы троек НКВД-УНКВД 1937–1938 гг., созданных для рассмотрения дел арестованных в ходе массовой операции по приказу НКВД СССР № 00447 от 30.07.1937 г.

Так, жители Шуи строили Братскую ГЭС на Ангаре (1961 г.) в составе 120 тыс. комсомольцев-добровольцев. В период управления страной Л. Брежневым жители Шуи участвовали в строительстве БАМ в Сибири, выполняли интернациональный долг в Афганистане.

Действие данных факторов также повлияло на демографическую ситуацию в данном регионе бывшего СССР. В послевоенное время под влиянием роста уровня жизни стала улучшаться и демографическая ситуация (увеличение числа законных, зарегистрированных браков, рост рождаемости и снижение младенческой смертности, ослабление миграционного процесса).

В результате принятых советским правительством решений жизнь рода Турлаповых кардинально изменилась. В списке репрессированных и пострадавших среди населения Ивановской области в исторических источниках упоминаются 9 представителей Турлаповых по линии промышленников и купцов, а также несколько человек по крестьянской ветви, среди которых Иван Иванович Турлапов и Иван Карпович Воронин, у которого были кровные связи с родом Турлаповых. Судьбы ряда семей многочисленных ветвей Турлаповых до сих пор остаются неизвестными.

Старшая дочь И.И. Турлапова (1879 г.р.) — Параскева (Прасковья) Турлапова (1901 г.р.) 15 июня 1918 г. вышла замуж за крестьянина села Пустошь Ивана Карповича Воронина[1]. Известно, что род занятий И.К. Воронина — крестьянский труд, а его супруги — домохозяйство[2]. Согласно актовой записи № 191 о рождении 22 ноября 1923 г. в их семье родился первенец — Александр, затем Анастасия (29 декабря 1924 г.) и Фиса (29 декабря 1925 г.). Всего родилось трое детей. Однако Настя Воронина померла 7 января 1925 г. от «слаборождения». Другие их дети — Саша и Фиса смогли выжить в то трудное время, и они дожили до глубокой старости[3]. После смерти матери (Параскевы Ивановны) и гибели при невыясненных обстоятельствах отца (Ивана Карповича) их двое детей были размещены в детском доме № 2 г. Шуя (в 1930-х гг.). Эти факты свидетельствуют о том, что государство в данный период оказывало услуги населению на чрезвычайно низком уровне (в частности, медицинские услуги, социальная поддержка материнства и детства и другие). Неопределенность в будущем развитии, низкий уровень защиты населения, применение репрессивных мер к населению привели к высокой миграции населения, сокращению рождаемости и высокой смертности детей в сельской местности.

Однако, несмотря на трудное детство и подростковый период, многие граждане поддерживали государственное устройство и общественный порядок. Так, несмотря на потерю родителей и близких родственников, Александр Иванович Воронин и Александр Иванович Турлапов приняли активное участие в боевых действиях и внесли свой посильный вклад в разгром фашистской Германии. Большая беда объединила подавляющую часть населения бывшего СССР, несмотря

[1] Архивная справка ГАИО от 05.08.2021 г. № 857/773-06. Основание: Ф.Р-2252. Оп.24.Д.5.Л.39. Акт зарегистрирован 28 ноября 1923 г. Основание: Ф. Р-2252.Оп.24. Д.2. Л.115.

[2] Архивная справка ГАИО от 05.08.2021 г. № 857/773-06. Основание: Ф. Р-2252.Оп.24. Д.9. Л.17 об.-18.

[3] Архивная справка ГАИО от 11.05.2021 г. №349/344-06 по актовой записи № 41.

на перенесенные внутренние бедствия, мобилизуя усилия людей на борьбу с немецко-фашистскими оккупантами.

После Великой отечественной войны многие члены общины Турлаповых и Ворониных не вернулись обратно в родные края, выехав на постоянное место жительства в другие регионы бывшего СССР. Это касается и детей Ивана Карповича и Параскевы Ворониных (Александра и Анфисы). Они больше не вернулись в родные места (село Пустошь и г. Шуя). Вероятнее всего, они утратили уверенность в возможности достижения благополучной жизни в родном крае и решили создать свои семьи на территории других регионов. Так, Александр Иванович Турлапов-Турланов (сын Ивана Ивановича) после войны выехал на постоянное место жительства в г. Мценск (умер в 1978 г.). Там он женился, и у него в браке с Валентиной Артемовной родилось двое детей. У Александра Ивановича Воронина (сына Ивана Карповича, умер в Узбекистане в 1988 г.) в браке с Еленой Красновой родилось пятеро детей, у Анфисы Ивановны Ворониной (дочь Ивана Карповича) в браке с Владимиром появилось трое детей (Анфиса умерла в Латвии в 2001 г.). Данная тенденция говорит о том, что после Великой отечественной войны во второй половине XX в. по мере восстановления экономики и улучшения жилищных условий, повышения уровня жизни, развития медицины и сферы образования многие семьи, потомки Турлаповых и Ворониных, допускали рождение от 3 до 5 детей. Несмотря на низкий уровень владения имуществом, но в условиях получения благ из общественных фондов потребления у населения бывшего СССР формировалась уверенность в благополучной жизни, что отражалось на росте рождаемости и снижении смертности. Данная тенденция впоследствии привела к появлению так называемого демографического «окна», обеспечивающего республики бывшего СССР трудовыми ресурсами вплоть до его распада, а также в первые десятилетия после образования новых независимых государств. В дальнейшем уровень рождаемости практически во всех странах СНГ стал сокращаться, а в некоторых странах прирост населения стал отрицательным (например, в России).

Результаты

Обобщая результаты развития крестьянского рода Турлаповых до 1917 г., можно сказать, что данная община, начиная от Савелия (1815 г.р.), Ивана (1840 г.р.), Ивана (1879 г.р.), Параскевы (1901 г.р.) и Александра (1914 г.р.), оставила определенный след в истории села Пустошь Афанасьевской волости, Шуйского уезда, Иваново-Вознесенской губернии (в настоящее время Ивановской области). Несмотря на все трудности соответствующего периода проживания, в их семьях было много детей, в частности:

— Савелий и Анна Турлаповы — 4 ребенка;
— Иван и Татьяна Турлаповы — 8 детей;
— Иван и Евдокия Турлаповы — 6 детей;
— Параскева Турлапова и Иван Карпович Воронин — 3 детей.

После объединения в 1918 г. общин Турлаповых и Ворониных их потомки также пытались найти свое место в жизни, внося свой посильный вклад в развитии России. Так, по линии Ворониных наметилась следующая тенденция по числу детей в семье:

— Александр Иванович и Елена Алексеевна Воронины — 5 детей;

— Анфиса Ивановна Воронина и Владимир Игнатьевич Очеретных — 3 детей.

Таким образом, после Великой отечественной войны в семье Александра Воронина сохранилась тенденция на высокую рождаемость. В семье Анфисы Ивановны также родилось трое детей. Видимо, стабильность в стране, уверенность в «завтрашнем дне», широкий спектр предоставляемых государством услуг даже при низких зарплатах и пособиях позволяли формировать многодетные семьи. Кроме того, резко сократилась смертность детей при рождении и в младшем возрасте (1952–1985 гг.).

То же самое можно сказать и про прямых потомков Турлаповых. Так в семье Александра Турлапова-Турланова и Валентины Артемовны было двое детей. Вероятно, небольшое число детей в этой семье связано с более высоким уровнем образования родителей и членов семьи (высшее), стремлениями к творческому развитию и действием иных факторов.

Род Турлаповых-Ворониных пережил вместе со всем населением многонациональной страны (Россия, затем СССР и СНГ) сложные времена «крепостного права», нашествия французов, другие крупные войны, несколько революций (1905 и 1917 гг.). Еще более тяжелые времена наступили после революции 1917 г. (гражданская война, НЭП, голодные годы (1922, 1930), индустриализация и коллективизация страны, репрессии, ВОВ, восстановление экономики бывшего СССР), развал СССР и появление новых независимых государств. Данные факторы повлияли на демографические показатели, количество детей в семьях, продолжительность и качество жизни.

Особенно сильно на судьбы общины Турлаповых-Ворониных сказались Великая октябрьская социалистическая революция 1917 г. и преобразования, которые осуществлялись сразу после нее. Лучшая часть общества не смогла остановить беспощадную Гражданскую войну, непродуманную коллективизацию крестьянских хозяйств, репрессии и преследования целых слоев населения и отдельных граждан.

Несмотря на бедствия, которые были вызваны «головокружением от успехов» 1920-х и 1930-х гг., крестьянская община Турлаповых-Ворониных приняла активное участие в разгроме немецко-фашистских захватчиков. Так, например, Александр Турлапов участвовал в Великой отечественной войне в должности топографа инженерно-сапёрного батальона (до августа 1944 г.), а Александр Воронин — командира взвода управления 2 батареи 275 гвардейского Печенгского ордена Александра Невского минометного полка 58 гвардейской бригады 107 гвардейской стрелковой Первомайской дивизии. Оба они имеют боевые ордена и медали храбрость в ходе боев за освобождение территории бывшего СССР, а также других стран от немецко-фашистских захватчиков.

Необходимо отметить, что едва немецко-фашистские войска напали на СССР, мужики-шуяне и молодые парни отправились в военкоматы, чтобы записаться добровольцами на фронт. Многие из жителей села Пустошь погибли на фронтах ВОВ[1].

[1] В селе Пустошь Шуйского района состоялось открытие мемориала. https://ivteleradio.ru/news/2024/06/28/v_sele_pustosh_shuyskogo_rayona_sostoyalos_otkrytie_memoriala (дата обращения: 25.01.2025).

Когда в 1942 г. на Шуйской земле высадился фашистский десант для проведения диверсий, то уже через короткое время он был уничтожен на ковровской территории. Шуянки-текстильщицы военной поры выполняли «пятилетние планы» за 2–3 года, чтобы приблизить разгром захватчиков (Баделин, 2024).

Однако после ВОВ и Александр Турлапов, и Александр Воронин, и Анфиса Воронина не вернулись в село Пустошь и г. Шуя, выбрав для создания семьи другие территории. Значит, у них не было уверенности в наличии подходящих условий в родном крае. Неблагоприятное детство, отсутствие собственного жилья и привлекательной работы повлияло на выбор решения о месте жительства.

Заключение

Решение о выборе количества детей в семье и места проживания членов семьи зависит от уровня свободы, правовой защиты граждан и справедливости в обществе, наличия гарантий для жизнедеятельности, степени образования родителей, наличия работы с достойной оплатой труда, комфортных жилищных условий, уровня предоставления государственных услуг, уровня социальной защиты семей с детьми, уверенности в благополучности «завтрашнего дня», экологической ситуации, степени развития страховых механизмов, человечности осуществляемых государством реформ и масштабных мер, имеющихся возможностей для повышения уровня знаний и развития творческих способностей граждан. Если уровень данных факторов низкий, то это резко сокращает у населения инициативы по созданию семьи с детьми, и граждане начинают искать новые территории для проживания и выбора партнеров для долгой совместной жизни.

Хотелось бы также высказать предложения по недопущению в будущем ситуации, которая в XX в. привела к революции, гражданской войне, голоду, необоснованным репрессиям отдельных граждан, общин, родов и даже отдельных народов. На наш взгляд, к фундаментальным принципам формирования справедливого, гуманного, социально-ориентированного общества можно отнести:

— формирование реальной многопартийной системы формирования представительных органов власти с реальным механизмом отчетности правящей партийной организации перед обществом, четким разделением и качественным выполнением властями возложенных на них функций;

— решения органов государственной власти, затрагивающие жизнь большей части населения, должны приниматься путем общественной экспертизы и на конкурентной основе;

— формирование социально-справедливого механизма выборов представительной ветви власти на альтернативной основе, обеспечивающего максимальный учет интересов и мнения большинства населения;

— создание действенного механизма защиты мнения меньшинства в представительных органах власти;

— все призывы к революциям (незаконная смена власти) и террористическим действиям должны быть уголовно и административно наказуемыми;

— все крупные проекты, направленные на проведение масштабных преобразований, должны проходить оценку с точки зрения воздействия на человека и окружающую среду;

— следует ввести ответственность за принятие ошибочных, непроверенных решений (указов, постановлений, распоряжений соответствующих структур), которые привели к негативным последствиям для населения или окружающей среды;

— не препятствовать функционированию религиозных и других форм общественного сознания, используемые инструменты которых не являются насильственными, экстремистскими или пропагандирующими низкие моральные нормы жизнедеятельности человека, навязывающие обществу нетрадиционные семейные ценности;

— пропагандировать полезность изучения гражданами своих родословных, выявления ими положительных и отрицательных образов, исследования их патриотических поступков для укрепления местных общин, родов и общества в целом;

— расширить и углубить практику изучения истории региона и края (города, села) с использованием альтернативных источников в сфере начального, среднего и высшего образования, подняв престиж профессии историка;

— оказывать всяческую поддержку граждан, которые своими действиями и поступками прославили свою династию, принесли пользу народу, а значит, и стране, в особенности в трудные периоды ее развития;

— разработать и ввести эффективный механизм сокращения неравенства в обществе, обеспечивая доступ для всех граждан к общечеловеческим ценностям (в зависимости от уровня достигнутого потенциала экономики);

— создавать эффективные механизмы поддержки семей с детьми, обеспечивая им достойный уровень жизни;

— ввести практику изъятия у юридических и физических лиц избыточных доходов, нацеливая усилия людей на духовное, культурное и физическое развитие, а не на обогащение и чрезмерное потребление благ цивилизации.

На наш взгляд, внедрение в систему государственного строительства и общественного устройства страны вышеперечисленных принципов, наряду с другими мерами, будет оберегать общество от реализации ошибочных решений, приводящих к революциям, масштабным реформам с негативными последствиями для больших групп населения и родовых общин. Тем самым это будет способствовать укреплению государственности и безопасности страны, созданию благоприятных условий для решения демографических проблем в условиях нарастающих вызовов на глобальном уровне.

Список источников

Баделин, В. И. (2024). *Шуя дворянская, купеческая, советская*. Иваново: ИД «Наша Родина», 272.

Борисов, В. (1851). *Город Шуя и его окрестности.* Москва: [Б. и.], 477.

Виноградова, Е. В. (2002). Международная трудовая миграция. *Мировая экономика и международные отношения, 7,* 110–117.

Зокирова, Н. К. (2021). Направления развития образования и рынка труда: профессионализм и цифровые компетенции. *Наука XXI века: общество и цифровизация, 1,* 21–24.

Ионцев, В. А. (1999). *Международная миграция населения: теория и история изучения*. Москва: Диалог-МГУ, 470. EDN: NLVNHJ

Кабанов, А. Ю. (2017). Территориальная реорганизация Суздальского уезда во второй половине XVI-начале XVII века: создание новых уездов. *Вестник нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, 1,* 15–22. EDN: YKJZKB

Кейнс, Дж. М. (1997). Общая теория занятости, процента и денег. *Вопросы экономики, 5,* 213–215.

Максакова, Л. П. (2001). *Миграция населения: проблемы регулирования.* Ташкент: Эльдинур, 185.

Максакова, Л. П. (2002) *Миграция и рынок труда в странах Средней Азии.* Ташкент: Брейд-Стайл, 136.

Столбов, В. П. (2008). «Капиталистые» крестьяне-старообрядцы и их влияние на развитие промышленного Иваново-Вознесенского района в XVII–XIX вв. В *Судьба старообрядчества: история и современность. Вып. 2.* Киев, 336. http://yakov.works/history/18/3/stolbov.htm (дата обращения: 31.01.2025).

Супян, В. Б. (2015). Глобализация экономики США: масштабы, достижения и проблемы. *Российский внешнеэкономический вестник, 9,* 8–27. EDN: ULDXEX

Abdurakhmanov, K. X. et al. (2019). Labor Migration of the Population and Evaluation of Supply Chain on the Labor Market. *International Journal of Supply Chain Management, 8* (2), 896–907. EDN: UMRKIA

Harris, J. R., & Todaro, M. P. (1970), Migration, Unemployment and Development: A Two – Sector Analysis. *American Economic Review, 60* (1), 126–142.

Ravenstein, E. (1889). The laws of migration: Second Paper. *Journal of the Royal Statistical Society, 52,* 241–305.

References

Abdurakhmanov, K. X. et al. (2019). Labor Migration of the Population and Evaluation of Supply Chain on the Labor Market. *International Journal of Supply Chain Management, 8* (2), 896–907. EDN: UMRKIA

Badelin, V. I. (2024). *Shuya dvoryanskaya, kupecheskaya, sovetskaya [Shuya is noble, merchant, and Soviet].* Ivanovo: Publishing house "Our Motherland", 272. (In Russ.)

Borisov, V. (1851). *Gorod Shuya i ego okrestnosti [The city of Shuya and its surroundings].* Moscow: [B. I.], 477. (In Russ.)

Harris, J. R., & Todaro, M. P. (1970). Migration, Unemployment and Development: A Two – Sector Analysis. *American Economic Review, 60* (1), 126–142.

Iontsev, V. A. (1999). *Mezhdunarodnaya migraciya naseleniya: teoriya i istoriya izucheniya [International population migration: theory and history of study].* Moscow: Dialog-MSU, 470. EDN: NLVNHJ (In Russ.)

Kabanov, A. Y. (2017). Territorial reorganization of Suzdal uyezd in the second half of the XVI-early XVII century: creation of new counties. *Vestnik nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], 1,* 15–22. EDN: YKJZKB (In Russ.)

Keynes, J. M. (1997). The general theory of employment, interest and money. *Voprosy Ekonomiki, 5,* 213–215. (In Russ.)

Maksakova, L. P. (2001). *Migraciya naseleniya: problemy` regulirovaniya [Population migration: regulatory issues].* Tashkent: Eldinur, 185. (In Russ.)

Maksakova, L. P. (2002) *Migraciya i ry`nok truda v stranax Srednej Azii [Migration and the labor market in Central Asian countries].* Tashkent: Braidstyle, 136. (In Russ.)

Ravenstein, E. (1889). The laws of migration: Second Paper. *Journal of the Royal Statistical Society, 52,* 241–305.

Stolbov, V. P. (2008). The "capitalist" peasants of the Old Believers and their influence on the development of the industrial Ivanovo-Voznesensky district in the XVII-XIX centuries. In *Sud`ba staroobryadchestva: istoriya i sovremennost` [Fate of the Old Believers: History and Modernity]. Issue 2.* Kiev, 336. http://yakov.works/history/18/3/stolbov.htm (accessed: 31.01.2025). (In Russ.)

Supyan, V. B. (2015). The globalization of the US economy: scale, achievements and challenges. *Rossijskij vneshnee`konomicheskij vestnik [Russian Foreign Economic Journal], 9,* 8–27. EDN: ULDXEX (In Russ.)

Vinogradova, E. V. (2002). International labor migration. *Mirovaya e`konomika i mezhdunarodny`e otnosheniya [World Economy and International Relations], 7,* 110–117. (In Russ.)

Zokirova, N. K. (2021). Areas of education and labor market development: professionalism and digital competencies. *Nauka XXI veka: obshhestvo i cifrovizaciya [Science of the 21st Century: Society and Digitalization], 1,* 21–24. (In Russ.)

Воронин Сергей Александрович — доктор экономических наук, старший научный сотрудник, и.о. профессора, Ташкентский филиала РЭУ имени Г. В. Плеханова; главный специалист, Институт бюджетно-налоговых научных исследований; https://orcid.org/0000-0003-2288-8365 (Республика Узбекистан, 100164, г. Ташкент, Мирзо-Улугбекский район, Навнихол-3, д. 14, кв. 37; e-mail: sergey_voronin63@yahoo.com).

Sergey A. Voronin — Dr. Sci. (Econ.), Acting Professor, Senior Researcher, Tashkent branch of G. V. Plekhanov Russian University of Economics; Chief Specialist, Institute of Budget and Tax Research; https://orcid.org/0000-0003-2288-8365 (100164, Tashkent, Uzbekistan, Mirzo Ulugbek district, Navnixol-3, h. 14, f. 37, e-mail: sergey_voronin63@yahoo.com).

УДК 94 (470+571) «1979»
JEL classification: I21, J13
https://www.doi.org/10.17059/udf-2025-1-5

Рождаемость и уровень образования женщин в РСФСР в 1979 г.: связь между показателями[1]

А. В. Жарков

Институт истории и археологии УрО РАН; Уральский государственный университет путей сообщения (г. Екатеринбург, Российская Федерация).

https://orcid.org/0000-0002-7401-3854

Автор для корреспонденции: А. В. Жарков (alessandro2017@mail.ru).

Аннотация. *Статья посвящена выявлению связи между средним уровнем рождений на 1 женщину и уровнем образования женщин в РСФСР в 1979 г. В качестве основного источника использовались материалы Всесоюзной переписи населения 1979 г. В исследовании были применены статистические методы, в том числе корреляционный анализ. Сделан вывод о наличии сильной положительной корреляции между высокой рождаемостью и низким уровнем образования, с одной стороны, низкой рождаемостью и высоким уровнем образования — с другой. Также утверждается о необходимости учитывать изменения в образовательной политике, которые влияют на динамику демографических процессов.*

Ключевые слова: уровень образования; рождаемость; РСФСР

Fertility and Education Level of Women in the RSFSR in 1979: the Relationship between the Indicators

A. Zharkov

Institute of History and Archeology of the UB of the RAS; Ural State University of Railway Transport (Yekaterinburg, Russian Federation).

https://orcid.org/0000-0002-7401-3854

Corresponding author: A. Zharkov (alessandro2017@mail.ru).

Abstract. *The article is devoted to identifying the relationship between the average level of births per woman and the level of education of women in the RSFSR in 1979. The main source used was the materials of the All-Union Population Census of 1979. It is concluded that there is a strong positive correlation between high birth rate and low level of education, on the one hand, and low birth rate and high level of education, on the other. It is also stated that it is necessary to take into account changes in educational policy that affect the dynamics of demographic processes.*

Keywords: educational level; fertility; RSFSR

Введение

В XXI в. связь между рождаемостью и уровнем образования женщин кажется очевидной. Если женщина получила образование, значит, рожать не будет, а если не получила, то будет — примерно таково распространенное мнение. Но в какой степени это действительно так? И как складывалась ситуация в России почти полвека тому назад? Ответ на данный вопрос является весьма актуальным.

[1] © Жарков А. В. Текст. 2025.

При проведении Всесоюзной переписи населения 1979 г. в рамках выборочного опроса 25 % населения женщинам впервые задавался вопрос о количестве рожденных детей. Наличие этих сведений позволяет произвести сравнения между показателем рождаемости и уровнем образования по всей территории РСФСР. Помочь в этом смогут статистические методы.

Обзор литературы

Вопрос связи рождаемости и уровня образования нашел отражение в отечественной литературе. На материалах демографических исследований, а также переписей населения выявляется связь между данными показателями в работах В.Н. Архангельского (2006; Архангельский и др., 2020), Т.М. Малевой, О.В. Синявской (2006), А.О. Тындик[1], Я.М. Рощиной, А.В. Бойкова (2005), А.В. Смирнова (2014) и др. Вместе с тем в них изучается главным образом ситуация в России и отдельных регионах на рубеже XX–XXI вв. и в первые десятилетия XXI в., а не в 1970-х гг., и в основном это работы экономистов и демографов, а не историков. Среди зарубежных исследований необходимо выделить работы австрийского демографа В. Лутца и его коллег (Lutz et al., 2007; Lutz et al., 2014), которые считают уровень образования одной из важнейших демографических характеристик, наряду с возрастом и полом. Ими производился анализ демографических показателей населения для ряда стран мира за 1970–2000 гг. и прогноз по рождаемости в зависимости от уровня образования на XXI в. Таким образом, следует констатировать, что степень влияния образования на рождаемость в России в конце 1970-х гг. изучена недостаточно.

Материалы и методы

Главным источником для исследования послужили опубликованные материалы Всесоюзной переписи населения 1979 г. В них представлены сведения об уровне образования населения, т. е. о доле лиц, получивших образование определенной ступени (от начального до высшего), и сведения о количестве детей у женщин разных возрастных когорт. Другим важным источником послужили законы и партийно-правительственные постановления, определявшие развитие образования в советский период.

В исследовании были применены историко-сравнительный метод и группа статистических методов: метод группировки (выбор определенного массива данных из статистической совокупности и его распределение на группы), метод получения относительных статистических показателей, корреляционный анализ. Учитывая, что связь между сравниваемыми показателями имеет нелинейный характер, был использован коэффициент корреляции Спирмена. Корреляционный анализ проводился исходя из вероятности ошибки в 0,05 (5 %); для этого уровня значимости и имевшегося числа измерений (по количеству возрастных когорт — 12) было выбрано критическое значение 0,580 (Бараз, 2005, P. 97).

Применение указанных методов осуществлялось с использованием программ Excel и STATISTICA.

[1] Тындик, А. О. (2012). Образовательный фактор репродуктивного поведения населения России: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Москва, 27. EDN: QIAYZB

Результаты и обсуждение

В таблице 1 представлены сведения об уровне образования женщин и среднем числе рожденных ими детей в РСФСР на момент проведения переписи в 1979 г. Хорошо видно, что среднее число детей увеличивается с возрастом. Это обусловлено, во-первых, тем, что представительницы молодых возрастных когорт еще не реализовали себя в качестве матерей либо реализовали не в полной мере, откладывая следующие роды на будущее, а во-вторых — явлением демографического перехода, в рамках которого в целом и происходит снижение рождаемости. Из данных таблицы также ясно, что уровень образования женщин очень сильно различался с возрастом: подавляющее большинство лиц от 15 до 34 лет имели образование от неполного среднего до высшего, больше половины обладали законченным средним (общим и специальным, а также незаконченным высшим) образованием, а среди 30–34-летних также была весома доля обладательниц высшего образования. Начиная с 35 лет снижается численность лиц с высшим и полным средним образованием, но существенно растет численность обладательниц неполного среднего и начального, а также лиц без образования. Начиная с 60 лет большинство женщин либо не имели образования, либо имели только начальное.

Чтобы выявить возможную связь между показателями образования и средним числом рождений на 1 женщину, был произведен корреляционный анализ, результаты которого представлены в таблице 2. Очень высокие значения

Таблица 1

Среднее число рожденных детей на 1 женщину и уровень образования у женщин на 1000 чел. в РСФСР в 1979 г.

Возраст, лет	Среднее число рожденных детей на 1 женщину	Всего с образованием	В том числе имеющие				Не имеющие начального образования
			высшее	среднее общее, специальное и незаконченное высшее	неполное среднее	начальное	
15–19	0,045	995	0	440	516	40	5
20–24	0,586	996	52	764	166	14	4
25–29	1,220	996	139	619	216	21	4
30–34	1,554	994	184	538	230	42	6
35–39	1,896	984	136	406	314	129	16
40–44	2,029	963	114	322	316	210	37
45–49	2,171	908	78	179	267	383	92
50–54	2,232	912	57	189	301	365	88
55–59	2,266	834	54	208	225	347	166
60–64	2,588	582	29	114	115	322	418
65–69	2,952	380	20	66	51	244	620
70 и старше	3,679	289	16	54	28	191	711

Источник: сост. по: Всесоюзная перепись населения 1979 г. Распределение населения СССР и союзных республик по возрасту и уровню образования. РСФСР. Приложение Демоскопа Weekly: сайт. https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_edu_79.php?reg=2 (дата обращения: 25.01.2025); Всесоюзная перепись 1979 г. Женщины отдельных национальностей по возрасту и числу рожденных детей, РСФСР. Приложение Демоскопа Weekly: сайт. https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_chi_79.php (дата обращения: 25.01.2025)

корреляции были получены при сравнении среднего числа рождений, с одной стороны, и общей доли женщин с образованием и без образования — с другой: они составили –0,970 и 0,970 соответственно. В первом случае очевидна сильная отрицательная связь — с возрастом росло среднее число рождений и падала доля лиц, получивших образование, во втором — сильная положительная, т. к. доля лиц без образования, наоборот, увеличивалась. Статистически значимая положительная связь обнаружена и с показателями начального образования, но причиной для нее также был рост доли обладателей начального образования в старших возрастных категориях.

Показатели неполного среднего и высшего образования не обнаружили статистически значимой связи со средним числом рождений; больше полученных коэффициентов корреляции было и значение возможной ошибки. Это могло произойти по следующим причинам. В случае с неполным средним образованием самый высокий его показатель приходился на возрастную когорту 15–19 лет, потом он снижался и вновь достигал пиковых значений в возрастных группах 40–44 и 50–54 года, что связано с явлением образовательного перехода: в 1979 г. в стране было обязательным получение полного среднего образования, тогда как несколькими десятилетиями ранее (в годы молодости представителей старших поколений) обязательным было получение начального и неполного среднего образования. Поэтому данный показатель мог не иметь связи с рождаемостью, т. к. к 1979 г. неполное среднее образование было промежуточным, подавляющее большинство женщин получало среднее общее, среднее специальное либо даже высшее образование. В случае же с высшим образованием причина отсутствия статистически значимой связи может быть объяснена тем, что в возрастной когорте 15–19 лет его показатель равнялся 0, сравнения в такой ситуации могут быть некорректными.

Поэтому было дополнительно произведено сравнение показателя высшего образования и среднего числа рождений на женщину по 11 возрастным категориям, без лиц 15–19 лет. Была получена корреляция -0,736 (при критическом значении 0,609 для уровня значимости 0,05 и числа измерений 11 (Бараз, 2005, с. 97)), свидетельствующая о существенной отрицательной связи, т. е. наличие высшего образования = меньшее среднее число рождений.

Таблица 2

Корреляция между средним числом рожденных детей и уровнем образования женщин в РСФСР в 1979 г.

Показатель	Коэффициент корреляции	Критическое значение для уровня значимости 0,05 и числа измерений 12
Всего с образованием	–0,970	0,580
Высшее	–0,336	0,580
Среднее общее, специальное и незаконченное высшее	–0,930	0,580
Неполное среднее	–0,573	0,580
Начальное	0,692	0,580
Не имеющие начального образования	0,970	0,580

Источник: сост. автором.

Очень высокое значение корреляции было получено при сравнении среднего числа рождений и доли женщин, закончивших полную среднюю школу, техникум или получивших незаконченное высшее образование — -0,930, т. е. наличие образования указанных ступеней обратно пропорционально среднему числу рождений.

Резюмируя сказанное, необходимо отметить следующее. На наличие сильной или слабой связи между средним числом рождений и долей образования той или иной ступени в рассматриваемом случае влияет, во-первых, возраст, а во-вторых, процесс образовательного перехода, т. е. повышение необходимого образовательного ценза, уровня грамотности и образования населения (Жарков, 2023, с. 30). Кроме того, что представительницы более старших поколений рожали больше, а представительницы более молодых либо стали рожать меньше либо откладывать первые и вторые роды по разным причинам (построение карьеры, получение образования), важно учитывать, какой с точки зрения государства уровень образования был минимально необходимым. В 1930 г. в СССР были приняты постановление ЦК ВКП(б) «О всеобщем начальном обучении» и аналогичное постановление ЦИК и СНК СССР, которыми вводилось всеобщее начальное обучение, а также всеобщее семилетнее (неполное среднее) в городах[1]. Планом развития народного хозяйства РСФСР на 1949 г. было предусмотрено введение всеобщего семилетнего обучения[2]. «Законом об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР», принятым в конце 1958 г., в стране устанавливалось всеобщее обязательное восьмилетнее обучение[3]. Позднее постепенно начался переход ко всеобщему обязательному полному среднему образованию, отразившийся в принятии целого ряда постановлений (постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О мерах дальнейшего улучшения работы средней общеобразовательной школы» (1966 г.)[4], «О завершении перехода ко всеобщему среднему образованию молодежи и дальнейшем развитии общеобразовательной школы» (1972 г.)[5] и др.); в конечном итоге оно было закреплено в Конституции СССР 1977 г.[6] Происходившие изменения в законодательстве и их последствия могут несколько искажать полученные результаты, т. к. представительницы молодых и старших поколений находились в разных условиях относительно возможности получения образования, особенно высоких его ступеней.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование показало, что в 1979 г. в РСФСР связь между средним числом рождений и уровнем образования женщин была,

[1] Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов 1917–1973 гг. (1974). Сост.: А.А. Абакумов и др. Москва, С. 109–111.

[2] Константинов, Н. А., Медынский, Е. Н., Шабаева, М. Ф. (1982). История педагогики: учебник для студентов пед. ин-тов. Москва, С. 407.

[3] Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. … С. 53–57.

[4] Там же. С. 220.

[5] Там же. С. 236–240.

[6] Конституция СССР в редакции от 7 октября 1977 г. Сайт Конституции Российской Федерации. https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/?ysclid=l6qbvcy 9ng749760281 (дата обращения: 15.04.2023).

причем очень существенная. Была выявлена прямая зависимость между сравнительно высоким числом рождений и отсутствием образования либо наличием лишь начального, и обратная связь — с наличием среднего полного общего, специального и незаконченного высшего образования. Вместе с тем при проведении подобных исследований следует принимать во внимание происходившие изменения в образовательной политике государства, которые влияют на динамику демографических процессов.

Список источников

Архангельский, В. Н. (2006). *Факторы рождаемости.* Москва: ТЕИС, 399. EDN: QOPDZV

Архангельский, В. Н., Шульгин, С. Г., Зинькина, Ю. В. (2020). Репродуктивное поведение российских женщин в зависимости от образовательного статуса. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология, 20*(3), 546–559. http://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-3-546-559

Бараз, В. Р. (2005). *Корреляционно-регрессионный анализ связи показателей коммерческой деятельности с использованием программы Excel: учеб. пособие.* Екатеринбург: ГОУ ВПО «УГТУ–УПИ», 102.

Жарков, А. В. (2023). *Образовательный переход на Среднем Урале в XX в.: историко-статистическое исследование: дис. ... канд. ист. наук.* Екатеринбург, 264. EDN: WHUQKS

Малева, Т. М., Синявская, О. В. (2006). Социально-экономические факторы рождаемости в России: эмпирические измерения и вызовы социальной политике. *SPERO. Социальная политика: Экспертиза. Рекомендации. Обзоры, 5,* 70–98. EDN: TTAKXN

Рощина, Я. М., Бойков, А. В. (2005). *Факторы фертильности в современной России.* Москва: EERC, 64.

Смирнов, А. В. (2014). Институт образования как фактор региональных демографических процессов. В *Институты развития демографической системы общества: V Уральский демографический форум: сборник материалов* (с. 504–508) Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 517. EDN: TOQACN

Lutz, W., Butz, W. P., KC, S. (Eds) (2014). *World Population & Human Capital in the Twenty-First Century.* New York: Oxford University Press, 1072. http://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198703167.001.0001

Lutz, W., Goujon A., KC, S., Sanderson, W. (2007). Reconstruction of populations by age, sex and level of educational attainment for 120 countries for 1970–2000. *Vienna Yearbook of Population Research, 5,* 193–235. http://doi.org/10.1553/populationyearbook2007s193

References

Arkhangelsky, V. N. (2006). *Faktory rozhdaemosti [Fertility factors]*. Moscow: TEIS, 399. EDN: QOPDZV (In Russ.)

Arkhangelsky, V. N., Shulgin, S. G., & Zinkina, Yu. V. (2020). Reproductive behavior of Russian women depending on their level of education. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriia: Sotsiologiia [RUDN Journal of Sociology], 20*(3), 546–559. http://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-3-546-559 (In Russ.)

Baraz, V. R. (2005). *Korreliatsionno-regressionnyi analiz sviazi pokazatelei kommercheskoi deiatelnosti s ispolzovaniem programmy Excel: uchebnoe posobie [Correlation and regression analysis of the relationship between business performance indicators using the Excel program: a textbook]*. Yekaterinburg: State Educational Institution of Higher Professional Education “UGTU–UPI”, 102. (In Russ.)

Lutz, W., Butz, W. P., KC, S. (Eds) (2014). *World Population & Human Capital in the Twenty-First Century.* New York: Oxford University Press, 1072. http://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198703167.001.0001

Lutz, W., Goujon A., KC, S., Sanderson, W. (2007). Reconstruction of populations by age, sex and level of educational attainment for 120 countries for 1970–2000. *Vienna Yearbook of Population Research, 5,* 193–235. http://doi.org/10.1553/populationyearbook2007s193

Maleva, T. M., & Sinyavskaya, O. V. (2006). Socio-economic factors of fertility in Russia: empirical measurements and challenges to social policy. *SPERO. Sotsialnaia politika: Ekspertiza. Rekomendatsii. Obzory [SPERO. Social policy: Expertise. Recommendations. Reviews], 5,* 70–98. EDN: TTAKXN (In Russ.)

Roshchina, Ya. M. & Boikov, A.V. (2005). *Faktory fertilnosti v sovremennoi Rossii [Fertility factors in modern Russia].* Moscow: ERKE, 64. (In Russ.)

Smirnov, A. V. (2014). The Institute of education as a factor of regional demographic processes. In *Instituty razvitiia demograficheskoi sistemy obshchestva: V Uralskii demograficheskii forum: sbornik materialov [Institutions for the development of the demographic system of society: V Ural Demographic forum: collection of materials]* (pp. 504–508) Yekaterinburg: Encyclopedia of Ural, 517. EDN: TOQACN (In Russ.)

Zharkov, A.V. (2023). *Obrazovatelnyi perekhod na Srednem Urale v XX v.: istoriko-statisticheskoe issledovanie [Educational transition in the Middle Urals in the XX century: historical and statistical research]:* dissertation of the Candidate of Historical Sciences. Yekaterinburg, 264. EDN: WHUQKS (In Russ.)

Жарков Александр Владимирович — младший научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН; старший преподаватель, Уральский государственный университет путей сообщения; https://orcid.org/0000-0002-7401-3854 (Российская Федерация, 620108, г. Екатеринбург, ул. Ковалевской, 16; 620034, г. Екатеринбург, ул. Колмогорова, 66; e-mail: alessandro2017@mail.ru).

Alexander V. Zharkov — Junior researcher, Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Science; senior lecturer, Ural State University of Railway Transport; https://orcid.org/0000-0002-7401-3854 (16 Kovalevskaya St., Ekaterinburg, 620108; 66 Kolmogorov St., Ekaterinburg, 620034; Russian Federation; e-mail: alessandro2017@mail.ru).

УДК 314+94(470.345).084«1941/1945»
JEL classification: J11, N94
https://www.doi.org/10.17059/udf-2025-1-6

Население Мордовской АССР накануне и в годы Великой Отечественной войны (1939–1945 гг.): основные демографические характеристики[1]

Т. Ю. Задкова

Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск, Российская Федерация).

https://orcid.org/0009-0002-1420-3661

Автор для корреспонденции: Т. Ю. Задкова (tatyana.25.01@mail.ru).

Аннотация. *В статье дана демографическая характеристика населения Мордовской АССР в предвоенные годы и во время Великой Отечественной войны. Основу источниковой базы исследования составили документы, хранящиеся в фонде Государственного комитета Республики Мордовия по статистике Центрального государственного архива РМ. В качестве объекта исследования выступает население республики, а предмета — такие демографические показатели, как рождаемость и смертность, брачность и разводимость. Цель статьи заключается в комплексной характеристике воздействия Великой Отечественной войны на демографические процессы в МАССР. Использованный источниковый материал позволил сделать заключение, что Великая Отечественная война не только привела к депопуляции населения МАССР, но также увеличила разницу в его возрастном и половом составе, сложившуюся еще накануне войны.*

Ключевые слова: Мордовская АССР; Великая Отечественная война; рождаемость; смертность; естественный прирост

Population of the Mordovian ASSR Before and During the Great Patriotic War (1939–1945): Main Demographic Characteristics

T. Zadkova

Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia (Saransk, Russian Federation).

https://orcid.org/0009-0002-1420-3661

Corresponding author: T. Zadkova (tatyana.25.01@mail.ru).

Abstract. *The article examines demographic processes among the population of the Mordovian ASSR in the pre-war years and during the Great Patriotic War. The source base of the study is based on documents stored in the collection of the State Statistics Committee of the Republic of Mordovia of the Central State Archive of the RM. The object of the study is the population of the republic, and the subject is such demographic indicators as birth and death rates, marriage and divorce rates. The purpose of the article was to study the impact of the Great Patriotic War on demographic processes in the MASSR. The reviewed source material allowed us to conclude that the Great Patriotic War not only led to a reduction in the population of Mordovia, but also increased the difference in the age and sex composition of the population, which had formed in the pre-war years.*

Keywords: Mordovian ASSR; Great Patriotic War; birth rate; death rate; natural increase

Введение

Одним из последствий Великой Отечественной войны явились существенные изменения в области демографии. Отличительной чертой динамики численности

[1] © Задкова Т. Ю. Текст. 2025.

населения МАССР в этот период было его значительное сокращение. К сожалению, имеющаяся в нашем распоряжении статистика не позволяет в полном объеме проанализировать численность городского и сельского населений в предвоенный период и в годы войны, исследовать его половозрастную структуру, изучить причины смертности. Даже в двухтомной коллективной монографии «Мордовия в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» отсутствует раздел, посвященный демографическим процессам. Поэтому в данной статье мы попытались восполнить имеющийся пробел.

Обзор литературы

Демографическим потерям нашей страны в период Великой Отечественной войны посвящено достаточно много научных работ. Демографические процессы в тыловых районах России в 1941–1945 гг. рассмотрены во 2-м томе коллективной монографии «Население России в XX веке: Исторические очерки» (Жиромская, 2001). В журнале «Российская история» (2019, № 3) опубликован ряд статей, посвященных проблемам изучения численности населения России в годы войны (Жиромская и др., 2019; Ракачев, 2019). Оценку людских потерь населения СССР в годы Великой Отечественной войны приводят в своем исследовании Е.М. Андреев, Л.Е. Дарский, Т.Л. Харькова (Андреев и др., 1993). Анализ демографической ситуации в стране в годы войны дается в статье А.И. Репинецкого (2005). Численность населения России в данный период исследовали В.А. Исупов и Г.Е. Корнилов (2017). Демографическим процессам в различных регионах России посвящены работы С.Н. Уварова и Н.В. Чернышевой (Уваров, 2014; Чернышева Н. В., 2012). Демографические последствия Великой Отечественной войны стали предметом рассмотрения в статье А. Вишневского (2016). На региональном уровне военные потери населения Мордовии в годы войны стали предметом изучения Л.Г. Скворцовой (2004). Некоторые сведения о населении Мордовии в годы Великой Отечественной войны содержатся в статье В.К. Абрамова (2006). Этот же автор анализирует демографические потери Мордовии в годы Великой Отечественной войны (Абрамов, 2011). Сведения о естественном движении населения республики содержатся в сборнике, опубликованном территориальным органом Федеральной службы государственной статистики по Республике Мордовия (Государственная…, 2020) и в монографии В.Ф. Разживина и И.В. Широковой (2007).

Материалы и методы

Цель и исследовательские задачи статьи были достигнуты благодаря изучению извлеченных из Центрального архива Республики Мордовии документов: сведений о естественном движении населения республики и единовременных отчетов о возрастном и половом составе сельского населения. К сожалению, отсутствие некоторых данных не позволяет провести сравнение по ряду демографических показателей. При написании статьи были использованы проблемно-хронологический, сравнительно-исторический и системный методы, а также принципы историзма, объективности, полноты, аргументированности выводов.

Результаты

Наиболее полные и точные сведения о населении МАССР накануне Великой Отечественной войны дает Всесоюзная перепись населения 1939 г. В ней содержатся данные об общем количестве населения, соотношении городского и сельского населения, его половозрастной структуре. Перепись зафиксировала сложившееся неравенство в соотношении мужского и женского населения республики: в 1939 г. 45,9 % жителей составляли мужчины и 54,1 % — женщины; в городской местности — соответственно 49,2 и 50,8 %, в сельской — 45,6 и 54,4 %[1]. За годы Великой Отечественной войны население республики сократилось на 25,9 % (табл. 1). Если городское население увеличилось на 21,1 %, то сельской сократилось на 29,4 %. При этом необходимо упомянуть, что на фронт из Мордовии ушли 241 тыс. чел., из них более 120 тыс. погибли. Численность населения на 01.01.1942 г. несколько увеличилась за счет эвакуированных, которых прибыло 59,5 тыс. чел. (3,6 тыс. в городскую и 55,9 тыс. в сельскую местность)[2]. По мере освобождения территории страны начался процесс реэвакуации и на 01.12.1945 г. число эвакуированных составило 10,68 тыс. чел. (1,22 тыс. в городской и 9,46 тыс. в сельской местности).[3].

Согласно данным таблицы 2, за годы Великой Отечественной войны в республике произошли изменения в численности сельского населения, а также в его половозрастной структуре. За три года (с 1939 г. по 1942 г.) количество сельского населения возросло на 2,8 %. Однако за 1942 г. это произошло в основном за счет прибытия в республику эвакуированного населения (55,9 тыс. чел.)[4]. Н 1 января 1947 г. число сельчан составляло 890,3 тыс. чел., или 83,4 % к 1 января 1941 г. Сельское население делилось на наличное и отсутствующее. К 1 января 1947 г. численность отсутствующего населения сократилась до 97,4 тыс. чел., что было вызвано завершившейся демобилизацией. На протяжении всего военного периода войны и женское, и мужское наличное население постепенно уменьшалось, причем мужское — более быстрыми темпами. А на 1 декабря 1947 г. наличное женское население вновь сократилось по сравнению с предыдущим периодом, а вот мужское увеличилось на 12,8 %, что опять-таки было связано с процессом демобилизации.

Великая Отечественная война сильно сказалась на тенденциях воспроизводства населения Мордовской АССР (табл. 3). Начиная с 1942 г. естественный прирост населения сменяется убылью, которая прекращается в 1945 г. При этом снижение рождаемости началось еще в довоенный период. Рождаемость резко сократилась в 1942 г., особенно к концу года, что объясняется тем, что в начале года родились дети, зачатие которых пришлось еще на довоенный период. Показателен следующий факт: в 1942 г. рождаемость снизилась с 4646 младенцев в январе до 695 в декабре (в 6,7 раз), особенно резкие скачки зафиксированы в феврале, когда количество родившихся по сравнению с предыдущим месяцем уменьшилось на 1451 чел., или на 31,2 %, и в октябре (на 460 чел., или 31,4 %)[5].

[1] Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги (1992). Москва: Наука, С. 25.

[2] ЦГА РМ. Ф. Р-662. Оп. 91. Д. 237. Л. 42.

[3] Там же. Д. 1262. Л. 6.

[4] ЦГА РМ. Ф. Р-662. Оп. 11. Д. 1243. Л. 2.

[5] ЦГА РМ. Ф. Р-662. Оп. 122. Л. 8.

Таблица 1

Население Мордовской АССР в 1938, 1940–1941, 1944–1945 гг., тыс. чел.

Год	Все население	В том числе	
		городское	сельское
17.01.1939	1188, 0	82,4	1105,8
01.01.1941	1158,2	89,4	1068,8
01.01.1942	1231,7	93,9	1137,8
01.01.1945	877,9	92,7	785,2*
01.01.1946	880,4	99,8	780,6*

Примечание: * — наличное население.

Источник: Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги (1992). Москва: Наука, с. 25; ЦГА РМ. Ф. Р-662. Оп. 9.Д. 237. Л. 10; Оп. 11. Д. 1243. Л. 3; Д. 1262. Л. 5.

Таблица 2

Сельское населения Мордовской АССР в 1940–1941, 1942–1945, 1946 гг. (на начало года), тыс. чел.

Показатель	Значение показателя по годам					
	1941	1942	1943	1944	1945	1947
Все население	1068,8	1137,8	1088,9	1039,1	993,5	890,3
в том числе отсутствующее	—	—	222,8	216,4	208,3	97,4
наличное	—	—	866,1	822,7	785,2	793,3
мужское	—	—	311,8	295,6	273,2	308,2
женское	—	—	554,3	527,1	507,0	485,1

Примечание: — = нет данных.

Источник: ЦГА РМ. Ф. Р-662. Оп. 11. Д. 1243. Л. 3; Оп. 41. Д. 123. Л. 7; Д. 126. Л. 2; Д. 128. Л. 2; Д. 135. Л. 2 — 2 об.

Таблица 3

Естественное движение населения в 1939–1945 г., чел.*

Год	Рождаемость*	Смертность	Браки	Разводы	Естественный прирост (убыль)
1939	45236	25509	6127	320	19727
1940	38910	25336	4303	328	13574
1941	38171	24676	4160	243	13495
1942	24537	29169	2080	185	–4632
1943	11940	17457	2630	291	–5517
1944	11159	16104	3235	275	–4945
1945	11897	9516	5253	7	2381

Примечание: * — без мертворожденных.

Источник: сост. по: ЦГА РМ. Ф. Р-662. Оп. 21. Д. 2. Л. 219 об.; Оп. 41. Д. 119. Л. 11 об.; Д. 121. Л. 19 об.; Д. 122. Л. 12 об.; Д. 124. Л. 16 об.; Д. 127. Л. 20 об.; Д. 129. Л. 9 об.

В 1942 г. резко сократилось число заключенных браков, что было связано с мобилизацией мужчин в Красную армию. Увеличение в 1945 г. количества браков связано с принятием Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении высшей степени отличия — звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства»». Со времени вступления указа в силу

признавались исключительно зарегистрированные браки[1]. Это и побуждало людей заключать официальные браки. Количество разводов в республике было невелико: в 1945 г. их было зафиксировано всего 7, причем все — в городской местности.

Количественные показатели смертности населения МАССР во время войны прошли несколько этапов: в 1939–1941 гг. уровень смертности снизился, в 1942 г. увеличился, а с 1943 г. началось постепенное его сокращение (табл. 4). Изменения произошли и в соотношении умерших мужчин и женщин: в 1939–1941 г. оно было примерно равным, с 1942 г. вплоть до 1945 г. среди умерших преобладают мужчины (в 1942 г. — в 1,3 раза, в 1943 г. — в 1,4 раза, в 1944 г. — в 1,1 раза). Младенческая смертность в довоенный период постепенно снижалась: с 38,6 % в 1939 г. до 16,9 %, затем в 1942 г. произошел резкий скачок — с 16,9 до 23,4 %, а с 1943 г. — сокращение до 9,5 % в 1945 г. Подобные процессы характерны в соотношении рождаемость — смертность детей до 1 года. Здесь также фиксируется сокращение с 21,8 % в 1939 г. до 10,9 % в 1941 г., рост — в 1942 г. до 27,8 %, далее начинается снижение до 7,6 % в 1945 г.

Великая Отечественная война одним из демографических последствий имела трансформацию показателей смертности людей в различных возрастных группах (табл. 5). В довоенный период и в начале войны наибольшая смертность была характерна для детских возрастов, когда более 50 % умерших приходилось на детей в возрасте до 5 лет. Начиная с 1942 г. их удельный вес уменьшился, достигнув в 1945 г. 18,4 %. Параллельно увеличилась доля лиц, умерших в рабочих и особенно в старческих возрастах.

Мобилизация мужчин в армию и их гибель на фронте трансформировала половозрастную структуру населения Мордовской АССР, что нашло отражение в изменении динамике брачности. По сравнению с довоенным периодом количество заключенных браков существенно сократилось (табл. 6). С началом войны происходят изменения в возрасте вступающих в брак мужчин: в 1942 г. сокращается количество молодых людей, заключивших брак в возрасте 25–29 лет, в 1943 г. — в возрасте 18–19 лет, в то же самое время постепенно растет количество брачующихся лиц мужского пола в возрасте 20–24 лет. Среди женщин постепенно сокращается число невест в возрасте 18–19 лет, 35–39 и 40–49 лет, растет — в возрасте 20–24 лет. За период войны существенно возросло количество мужчин, впервые вступивших в брак, с 76,4 %до 87,8 %, у женщин это соотношение было меньше. На 1943 г. приходится наименьшее число первых браков как и у мужчин, так и у женщин.

Интересные данные о возрасте разводящихся представлены в таблице 7. На протяжении всего периода более половины мужчин разводилось в возрасте 25–39. Тем не менее количество разводов в этих возрастных группах постепенно снижается, особенно в группе 25–29 лет. За время войны увеличилось число разводов у мужчин более старших возрастов. Подавляющее большинство распавшихся браков были первыми. В отличие от мужчин, наибольшее количество распавшихся браков

[1] Президиум Верховного Совета СССР Указ от 8 июля 1944 года «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении высшей степени отличия - звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства»». Журнал «Юрист компании»: сайт. https://www.law.ru/npd/doc/docid/9033536/modid/99 (дата обращения: 31.01.2025).

Таблица 4

Сведения об умерших в 1939–1945 г., чел.*

Год	Умерших — всего			В т. ч. детей до 1 года		
	мужского пола	женского пола	обоего пола	мужского пола	женского пола	обоего пола
1939	12883	12626	25509	5213	4648	9851
1940	12991	12345	25336	4480	3783	8263
1941	12827	11849	24676	3893	3275	4160
1942	16367	12802	29169	3673	3151	6824
1943	10070	7387	17457	895	788	1683
1944	8265	7839	16104	581	546	1127
1945	4741	4775	9516	485	422	907

Источник: ЦГА РМ. ЦГА РМ. Ф. Р-662. Оп. 21. Д. 2. Л. 219 об.; Оп. 41. Д. 119. Л. 11 об.; Д. 121. Л. 19 об.; Д. 122. Л. 12 об.; Д. 124. Л. 16 об.; Д. 127. Л. 20 об.; Д. 129. Л. 9 об.

Таблица 5

Сведения об умерших по возрасту 1940–1945 г., чел.*

Возраст	Значение показателя по годам											
	1940		1941		1942		1943		1944		1945	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
До 1 года	8263	32,6	7168	29,0	6824	23,4	1683	9,6	1127	7,0	907	9,5
1–4 года	6110	24,1	6192	25,1	6399	21,9	2551	14,6	1764	10,9	852	8,9
5–9 лет	1144	4,5	1281	5,2	1620	5,5	700	4,0	808	5,0	385	4,0
10–14 лет	475	1,9	470	1,9	529	1,8	291	1,7	314	2,0	215	2,3
15–19 лет	404	1,6	444	1,8	680	2,3	508	2,9	381	2,4	291	3,1
20–24 лет	278	1,1	275	1,1	552	1,9	502	2,9	320	2,0	255	2,7
25–29 лет	393	1,6	392	1,6	573	2,0	503	2,9	259	1,6	201	2,1
30–34 года	435	1,7	510	2,1	824	2,8	730	4,2	504	3,1	299	3,1
35–39 лет	497	2,0	494	2,0	862	3,0	776	4,4	557	3,5	341	3,6
40–44 года	472	1,9	526	2,1	941	3,2	808	4,6	663	4,1	376	4,0
45–49 лет	464	1,8	553	2,2	955	3,3	904	5,2	682	4,2	419	4,4
50–54 лет	616	2,4	567	2,3	984	3,4	915	5,2	756	4,7	428	4,5
55–59 лет	800	3,2	858	3,5	1276	4,4	1153	6,6	1189	7,4	596	6,3
60–64 года	979	3,9	1012	4,1	1471	5,0	1225	7,0	1360	8,4	819	8,6
65–69 лет	1034	4,1	1172	4,7	1433	4,9	1231	7,0	1470	9,1	890	9,3
70–74 года	998	3,9	1039	4,2	1308	4,5	1038	6,0	1602	10,0	846	8,9
75–79 лет	761	3,0	766	3,1	867	3,0	694	4,0	1056	6,5	605	6,4
80–84 года	483	1,9	515	2,1	498	1,7	482	2,8	637	4,0	335	3,5
85–89 лет	259	1,0	235	1,0	230	0,8	179	1,0	269	1,7	160	1,7
90–94 года	80	0,3	103	0,4	90	0,3	103	0,6	97	0,6	45	0,5
95–99 лет	39	0,2	43	0,2	48	0,2	27	0,2	45	0,3	22	0,2
100 лет и старше	19	0,1	14	0,1	17	0,1	10	0,1	12	0,1	7	0,1
Неизвестен	133	0,5	47	0,2	188	0,6	444	2,5	232	1,4	222	2,3
Итого	25336	100,0	24676	100,0	29169	100,0	17457	100,0	16104	100,0	9516	100,0

Источник: ЦГА РМ. Ф. Р-662. Оп. 41. Д. 119. Л. 14 — 14 об.; Д. 121. Л. 23 — 23 об.; Д. 122. Л. 15 — 15 об.; Д. 124. Л. 19 — 19 об.; Д. 127. Л. 38 — 38 об.; Д. 129. Л. 23 — 23 об.

Таблица 6

Сведения о возрасте вступления в брак в 1940–1945 г.

Возраст	Значение показателя по годам											
	1940		1941		1942		1943		1944		1945	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Мужчины												
Моложе 18 лет	10	0,2	11	0,3	20	1,0	34	1,3	38	1,2	47	0,9
18–19 лет	683	15,9	734	17,6	410	19,7	245	9,3	345	10,6	455	8,7
20–24 года	1336	31,0	1365	32,8	738	35,5	1135	43,1	1373	42,4	2277	43,3
25–29 лет	1316	30,6	1145	27,5	413	19,9	570	21,7	712	22,0	1182	22,5
30–34 года	398	9,3	400	9,6	186	8,9	273	10,4	336	10,4	634	12,1
35–39 лет	235	5,5	192	4,6	94	4,5	108	4,1	138	4,3	239	4,5
40–49 лет	173	4,0	200	4,8	109	5,2	118	4,5	126	3,9	204	3,9
50 лет и более	135	3,1	111	2,7	104	5,0	127	4,8	136	4,2	174	3,3
Неизвестен	17	0,4	2	0,1	6	0,3	20	0,8	31	1,0	41	0,8
Итого	4303	100,0	4160	100,0	2080	100,0	2630	100,0	3235	100,0	5253	100,0
В т. ч. не состоявшие в браке	3286	76,4	3405	81,9	1633	78,5	1940	73,8	2633	81,4	4612	87,8
Женщины												
Моложе 18 лет	34	0,8	44	1,0	21	1,0	16	0,6	30	0,9	29	0,6
18–19 лет	1049	24,4	1018	24,5	545	26,2	524	19,9	533	16,5	700	13,3
20–24 года	1753	40,7	1767	42,5	893	42,9	1314	50,0	1701	52,6	2890	55,0
25–29 лет	726	16,9	666	16,0	287	13,8	360	13,7	460	14,2	879	16,7
30–34 года	306	7,1	322	7,7	129	6,2	185	7,0	226	7,0	356	6,8
35–39 лет	191	4,4	136	3,3	72	3,5	88	3,4	83	2,6	149	2,8
40–49 лет	162	3,8	148	3,6	82	3,9	74	2,8	115	3,5	128	2,4
50 лет и более	60	1,4	53	1,3	37	1,8	40	1,5	47	1,5	63	1,2
Неизвестен	22	0,5	6	0,1	14	0,7	29	1,1	40	1,2	59	1,1
Итого	4303	100,0	4160	100,	2080	100,0	2630	100,0	3235	100,0	5253	100,0
В т. ч. не состоявшие в браке	3501	81,4	3539	85,1	1678	80,7	1919	73,0	2681	82,5	4479	85,3

Источник: ЦГА РМ. Ф. Р-662. Оп. 41. Д. 119. Л. 53 — 53 об.; Д. 121. Л. 57 — 57 об.; Д. 122. Л. 40 — 40 об.; Д. 124. Л. 45 — 45 об.; Д. 127. Л. 61 — 61 об.; Д. 129. Л. 47 — 47 об.

Таблица 7

Сведения о возрасте разводящихся в 1940–1945 гг.

Возраст	Значение показателя по годам											
	1940		1941		1942		1943		1944		1945	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Мужчины												
18–19 лет	6	1,8	10	4,1	6	3,2	4	1,4	6	2,2	—	—
20–24 года	57	17,4	48	19,7	42	22,7	60	20,6	53	19,3	—	—
25–29 лет	112	34,2	83	34,2	53	28,7	67	23,0	79	28,7	3	42,9
30–39 лет	92	28,1	59	24,3	45	24,3	109	37,5	76	27,6	3	42,9
40–49 лет	27	8,2	25	10,3	22	11,9	23	7,9	25	9,1	1	14,3
50–59 лет	6	1,8	9	3,7	6	3,2	10	3,4	9	3,3	—	—

Окончание табл. 7 на след. стр.

Окончание табл. 7

Возраст	Значение показателя по годам											
	1940		1941		1942		1943		1944		1945	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
60 лет и более	3	0,9	2	0,8	6	3,2	4	1,4	6	2,2	—	—
Неизвестен	25	7,6	7	2,9	5	2,7	14	4,8	21	7,6	—	—
Итого	328	100,0	243	100,0	185	100,0	291	100,0	275	100,0	7	100,0
Состоят в 1-м браке	279	85,1	201	82,7	154	83,3	240	82,5	225	81,8	4	57,1
Во 2-м браке	42	12,8	35	14,4	30	16,2	47	16,1	46	16,7	3	42,9
В 3-м браке	7	2,1	7	2,9	1	0,5	4	1,4	4	1,5	—	—
Женщины												
18–19 лет	12	3,7	15	6,2	15	6,2	11	3,8	13	4,7	—	—
20–24 года	85	25,9	79	32,5	79	32,5	81	27,8	80	29,1	4	57,1
25–29 лет	107	32,6	69	28,4	69	28,4	86	29,6	59	21,4	—	—
30–39 лет	76	23,2	50	20,6	50	20,6	62	21,3	66	24,0	3	42,9
40–49 лет	21	6,4	18	7,4	18	7,4	27	8,9	26	9,5	—	—
50–59 лет	2	0,6	4	1,7	4	1,6	6	2,1	4	1,5	—	—
60 лет и более	2	0,6	1	0,4	1	0,4	2	0,7	—	—	—	—
Неизвестен	23	7,0	7	2,8	7	2,9	17	5,8	27	9,8	—	—
Итого	328	100,0	243	100,0	243	100,0	291	100,0	275	100,0	7	100,0
Состоят в 1-м браке	295	89,9	212	87,2	212	87,2	241	82,8	232	84,4	7	100,0
Во 2-м браке	29	8,8	29	11,9	29	11,9	44	15,1	38	13,8	—	—
В 3-м браке	4	1,2	2	0,8	2	0,8	6	2,1	5	1,8	—	—

Источник: ЦГА РМ. Ф. Р-662. Оп. 41. Д. 119. Л. 52 — 52 об.; Д. 121. Л. 53 — 53 об.; Д. 122. Л. 45 — 45 об.; Д. 124. Л. 48 — 48 об.; Д. 127. Л. 63 — 64 об.; Д. 129. Л. 48–48 об.

Таблица 8

Сведения о продолжительности брака в 1940–1945 гг., чел. (%)

Продолжительность брака	Значение показателя по годам											
	1940		1941		1942		1943		1944		1945	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
До 1 месяца	11	3,4	44	18,1	4	2,2	7	2,4	5	1,8	—	—
1–5 месяцев	26	7,9	27	11,1	15	8,1	29	10,0	31	11,3	—	—
6–11 месяцев	16	4,9	11	4,5	15	8,1	20	6,9	21	7,6	—	—
1–2 года	50	15,2	46	18,9	23	12,4	37	12,7	44	16,0	2	28,6
3–4 года	50	15,2	33	13,6	26	14,1	33	11,3	32	11,6	1	14,3
5–9 лет	75	22,9	41	16,9	33	17,8	65	22,3	42	15,3	1	14,3
10–19 лет	36	11,0	32	13,2	15	8,1	35	12,0	31	11,3	1	14,3
20 лет и более	8	2,4	7	2,9	7	3,8	11	3,8	14	5,1	—	—
Неизвестно	56	17,1	2	0,8	47	25,4	54	18,6	55	20,0	2	28,6
Итого	328	100,0	243	100,0	185	100,0	291	100,0	275	100,0	7	100,0

Источник: ЦГА РМ. Ф. Р-662. Оп. 41. Д. 119. Л. 52; Д. 121. Л. 53; Д. 122. Л. 45; Д. 124. Л. 48; Д. 127. Л. 63, 64; Д. 129. Л. 48.

у женщин падает на возрастную группу от 20–29 лет. Также, в отличие от мужчин, значительно больше разводились женщины в возрасте 18–19 лет, 20–24 лет, меньше — в 25–29 лет, 30–39 лет, 50 лет и старше. У женщин больше распадалось первых браков и меньше — вторых.

За время войны изменения произошли в продолжительности брака (табл. 8). Почти неизменным оказалась доля распадающихся браков длительностью 1–2 года и 10–19 лет. В то же время сократилось число непродолжительных браков — до 1 месяца и продолжающихся от 3–4 и 5–9 лет, увеличилось — от 1–5 месяцев и 20 лет и более.

Заключение

Война нанесла непоправимый урон населению, в том числе районов, оказавшихся в глубоком тылу, к которым относилась и Мордовская АССР, став таким образом крупнейшей в истории страны демографической катастрофой. За годы войны сократилась численность сельского населения республики, естественный прирост сменился убылью, которую удалось прекратить лишь в 1945 г. Существенные изменения претерпели смертность и рождаемость. Самый низкий уровень рождаемости был зафиксирован в 1944 г. Смертность достигла своего максимума в 1942 г., затем началось ее снижение. Постепенно сокращалась детская смертность. После своего снижения в 1942 г. увеличилось количество заключенных браков, что во многом объяснялось принятием Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. Существенно сократилось число разводов (в 1945 г. было зафиксировано всего 7 разводов, причем ни одного в сельской местности). Необходимо отметить, что демографические потери, нанесенные войной, республика до сих пор еще не преодолела.

Список источников

Абрамов, В. К. (2006). Людские потери Мордовии в годы Второй мировой войны. *Современные проблемы науки и образования, 3,* 57–58. EDN: IIWWPJ

Абрамов, В. К. (2011). Демографические потери Мордовии в годы Великой Отечественной войны. *Экономическая история, 2* (13), 8–14. EDN: OMVFJN

Андреев, Е. М., Дарский, Л. Е., Харькова, Т. Л. (1993). *Население Советского Союза, 1922–1991.* Москва: Наука, 139.

Вишевский, А. Г. (2016). Демографические последствия Великой Отечественной войны. *Демографическое обозрение, 3* (2), 3–42.

Государственная статистика Республики Мордовия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (2020). Саранск, 43.

Жиромская, В. Б. (Ред.) (2001). *Население России в XX веке: Исторические очерки: в 3 т. Т. 2.* 1940–1959. Москва: РОССПЭН, 416.

Жиромская, В. Б., Исупов, В. А., Корнилов, Г. Е. (2019). Население России в 1939–1954 гг. *Российская история, 3,* 3–17. DOI: 10.31857/S086956870005112-4 EDN: CYSBPX

Исупов, В. А., Корнилов, Г. Е. (2017). Численность населения России в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.) *Уральский исторический вестник, 4,* 46–53. EDN: ZSVYZB

Разживин, В. Ф., Широкова, И. В. (2007). *Народ Мордовии: социокультурная динамика (первая четверть XX – начало XXI столетия).* Саранск: НИИГН, 286. EDN: QOGZZD

Ракачев, В. Н. (2019). В поисках истины: региональные особенности анализа демографических изменений населения России в 1939–1945 гг. Российская история, 3, 29–36. http://doi.org/10.31857/S086956870005141-6 EDN: QWAJRQ

Репинецкий, А. И. (2005). Демографическая ситуация в России в годы великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. *Известия Самарского научного центра Российской академии наук, 7* (2), 279–288.

Скворцова, Л. Г. (2004). *Безвозвратные потери уроженцев Республики Мордовия в годы Великой Отечественной войны:* автореф. … канд. ист. наук. Саранск, 28. EDN: NHROHV

Уваров, С. Н. (2014). *Сельское население Удмуртии в годы Великой Отечественной войны: демографический аспект*. Ижевск: ФГБОУ ВПО Ижевская ГСХА, 170.

Чернышёва, Н. В. (2012). *Социально-демографические процессы в Кировской области в годы Великой Отечественной войны*. Киров: Изд-во Вятского гос. гуманитарного ун-та, 203. EDN: QPVZQV

References

Abramov, V. K. (2006). The human losses of Mordovia during the Second World War. *Sovremenny`e problemy` nauki i obrazovaniya [Modern Problems of Science and Education], 3,* 57–58. EDN: IIWWPJ (In Russ.)

Abramov, V. K. (2011). Demographic losses of Mordovia during the Great Patriotic War. *E`konomicheskaya istoriya [Economic History], 2* (13), 8–14. EDN: OMVFJN (In Russ.)

Andreev, E. M., Darskiy, L. E., Harkov, T. L. (1993). *Naselenie Sovetskogo Soyuza, 1922–1991 [The population of the Soviet Union, 1922–1991]*. Moscow: Nauka, 139. (In Russ.)

Chernysheva, N. V. (2012). *Social`no-demograficheskie processy` v Kirovskoj oblasti v gody` Velikoj Otechestvennoj vojny` [Socio-demographic processes in the Kirov region during the Great Patriotic War]*. Kirov: Publishing House of Vyatka State University of the Humanities, 203. EDN: QPVZQV (In Russ.)

Gosudarstvennaya statistika Respubliki Mordoviya v gody` Velikoj Otechestvennoj vojny` 1941–1945 gg. [State statistics of the Republic of Mordovia during the Great Patriotic War 1941–1945] (2020). Saransk, 43. (In Russ.)

Isupov, V. A., Kornilov, G. E. (2017). The population of Russia during the Second World War (1939–1945) *Ural`skij istoricheskij vestnik [Ural Historical Bulletin], 4,* 46–53. EDN: ZSVYZB (In Russ.)

Rakachev, V. N. (2019). In search of the truth: regional features of the analysis of demographic changes in the Russian population in 1939–1945. *Rossijskaya istoriya [Russian History], 3,* 29–36. http://doi.org/10.31857/S086956870005141-6 EDN: QWAJRQ (In Russ.)

Razzhivin, V. F., Shirokova, I. V. (2007). *Narod Mordovii: sociokul`turnaya dinamika (pervaya chetvert` XX – nachalo XXI stoletiya). [The people of Mordovia: socio-cultural dynamics (the first quarter of the twentieth - the beginning of the twenty-first century)]*. Saransk: NIIGN, 286. EDN: QOGZZD (In Russ.)

Repinetsky A. I. (2005). The demographic situation in Russia during the Great Patriotic War. 1941–1945 *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk [Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 7* (2), 279–288. (In Russ.)

Skvortsova, L. G. (2004). *Bezvozvratny`e poteri urozhencev Respubliki Mordoviya v gody` Velikoj Otechestvennoj vojny` [Irretrievable losses of natives of the Republic of Mordovia during the Great Patriotic War]:* abstract. ... Candidate of Historical Sciences. Saransk, 28. EDN: NHROHV (In Russ.)

Uvarov, S. N. (2014). *Sel`skoe naselenie Udmurtii v gody` Velikoj Otechestvennoj vojny`: demograficheskij aspekt [Rural population of Udmurtia during the Great Patriotic War: demographic aspect]*. Izhevsk: Izhevsk State Agricultural Academy, 170. (In Russ.)

Vishevsky, A. G. (2016). Demographic consequences of the Great Patriotic War. *Demograficheskoe obozrenie [Demographic Review], 3* (2), 3–42. (In Russ.)

Zhiromskaya, V.B. (Ed.) (2001). *Naselenie Rossii v XX veke: Istoricheskie ocherki: v 3 t. T. 2. 1940– 1959. [The population of Russia in the twentieth century: Historical essays: in 3 volumes. Vol. 2. 1940– 1959]*. Moscow: ROSSPEN, 416. (In Russ.)

Zhiromskaya, V. B., Isupov, V. A., Kornilov, G. E. (2019). The population of Russia in 1939–1954 *Rossijskaya istoriya [Russian History], 3,* 3–17. DOI: 10.31857/S086956870005112-4 EDN: CYSBPX (In Russ.)

Задкова Татьяна Юрьевна — кандидат исторических наук; старший научный сотрудник отдела истории, Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия; https://orcid.org/0009-0002-1420-3661 (Российская Федерация, 430005, г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3; e-mail: tatyana.25.01@mail.ru).

Tatyana Yu. Zadkova — PhD (Hist.), Senior Researcher of Department of History of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia; https://orcid.org/0009-0002-1420-3661 (3 L. Tolstogo Str., Saransk 430005, Russian Federation; e-mail: tatyana.25.01@mail.ru).

УДК 94(470.57) «1936/1960»: 314.3
JEL classification: J13
https://www.doi.org/10.17059/udf-2025-1-7

Аборты в Башкирии в конце 1930-х — 1960-е гг. (историко-демографический аспект)[1]

Ш. Н. Исянгулов

Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (г. Уфа, Российская Федерация).

https://orcid.org/0000-0001-5691-5566

Автор для корреспонденции: Ш. Н. Исянгулов (isangul-schamil@mail.ru).

Аннотация. *В статье рассматривается динамика распространения произведенных зарегистрированных абортов в Башкирской АССР с 1936 по 1960-е гг. Основными источниками стали отчеты Наркомата (Министерства) здравоохранения республики о производстве абортов, для определения соответствующих коэффициентов использованы сведения о родившихся и возрастном составе женского населения. Временно снизившись в годы Великой Отечественной войны, число абортов в послевоенный период постоянно повышалось, особенно стремительно после 1955 г., и достигло пика во второй половине 1960-х гг.*

Ключевые слова: аборт; Башкирия; рождаемость; город; деревня

Abortions in Bashkiria in the Late 1930s and Early 1960s (Historical and Demographic Aspect)

Sh. Isyangulov

Order of Honor Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Ufa, Russian Federation).

https://orcid.org/0000-0001-5691-5566

Corresponding author: Sh. Isyangulov (isangul-schamil@mail.ru).

Abstract. *The article examines the dynamics of the spread of registered abortions in the Bashkir ASSR from 1936 to the 1960s. The main sources were the reports of the People's Commissariat (Ministry) of Health of the Republic on the production of abortions, information on births and the age composition of the female population was used to determine the corresponding coefficients. Having temporarily decreased during the Great Patriotic War, the number of abortions in the post-war period steadily increased, especially rapidly after 1955 and peaked in the second half of the 1960s.*

Keywords: abortion; Bashkiria; birth rate; city; village

Введение

В постсоветский период в Республике Башкортостан, как и в стране в целом, произошло значительное снижение зарегистрированных абортов. Так, если в 1990 г. в республике было зафиксировано 125,5 тыс. искусственных прерываний беременности, то в 2015 г. лишь 19,1 тыс. В относительных цифрах в 1990 г. на 1000 женщин в возрасте 15–49 лет приходилось 134 аборта, в 2015 г. — 19. В то же время обращает на себя внимание, что после 1955 г. вплоть до начала 1990-х гг. в тогдашней Башкирской АССР число абортов оставалось очень высоким. Научный интерес вызывает и период с 1936 г. по 1955 г., когда аборты были

[1] © Исянгулов Ш. Н. Текст. 2025.

запрещены, кроме как по строгим медицинским показаниям. Однако, несмотря на это, аборты получили в это время значительное распространение, особенно в городских поселениях.

Обзор литературы

В советский период (после 1936 г.) в отечественной науке, в т. ч. в работах по истории медицины, изучению распространенности абортов в стране уделялось недостаточное внимание. Статистические сведения об абортах не подлежали опубликованию в открытой печати. В таких условиях исследователь Е.А. Садвокасова обратилась к изучению первичных материалов — карт учета аборта за 1937–1939 гг. Обработка указанных источников, а также результатов выборочного опроса женщин, которым была прервана беременность в лечебных учреждениях в 1958–1959 гг., позволили ей показать динамику распространенности абортов в стране в 1930–1950-е гг. (Садвокасова, 1969). Монография Е.А. Садвокасовой долгое время оставалась одной из немногих крупных работ, посвященных искусственному прерыванию беременности в СССР. Е.А. Садвокасова оставалась на позиции так называемой концепции «помех», получившей распространение еще в 1920-е гг. Согласно данной концепции, распространению числа абортов благоприятствовало ухудшение условий жизни, а их улучшение должно было привести к исчезновению искусственного прерывания беременности и повышению рождаемости.

В региональном же аспекте аборты в Башкирии в советский период не изучались. Тема абортов вновь привлекла внимание исследователей в конце 1980-х гг. В настоящее время она изучается с точки зрения демографии, истории повседневности, активно исследуется также государственная политика в СССР в отношении абортов (Авдеев, 1989; Корнилов, 1993, с. 61; Блюм, 2005, с. 112–124; Лебина, 2007; Араловец, 2009, с. 78–82, 200; Вербицкая, 2009, с. 89–94, 199–206; Вишневский и др., 2017; Накачи, 2022; Хасбулатова & Смирнова, 2024 и др.). Появились работы и на региональном уровне (Гниятуллина, 2013; Кузнецова, 2014; Исянгулов, 2024). Однако в них главное внимание уделяется реализации государственной политики в отношении абортов в довоенный период. Демографические аспекты распространения абортов в Башкирии в 1930–1960-е гг. в местной историографии практически не получили освещения.

Данная статья посвящена изучению демографических аспектов распространения искусственного прерывания беременности в Башкирской АССР с 1936 по 1960-е гг.

Материалы и методы

Основными источниками стали статистические сведения из годовых отчетов Наркомата (Министерства) здравоохранения Башкирской АССР о сети, деятельности и кадрах медицинских учреждений. В них имелась специальная графа «Аборты». С 1936 г. в табличной форме, кроме общего числа абортов в городских поселениях и в сельской местности, отмечались аборты по разрешению врачебных комиссий, а также начатые и начавшиеся вне лечебных учреждений. В виде приложения давались записи об установлении криминального характера абортов и количества переданных прокурору дел. Статистическое управление республики

получало данные об абортах из вышеупомянутых годовых отчетов Наркомата (Министерства) здравоохранения. За отдельные годы встречаются достаточно подробные сведения, например, за 1954 г. Иногда соответствующие графы об абортах оставались незаполненными. В частности, не были заполнены графы за 1941 г., по сельской местности — за 1944 г.[1]

Позднее, с 1956 г. стали заполнять отдельные отчеты по родовспоможению формы № 90-обл (таблицы № 41), в IV разделе которого отмечались статистические сведения об абортах. Отчетность, с одной стороны, упростилась: исчезла графа «по разрешению врачебных комиссий»; с другой стороны, добавились и другие пункты: «умерло после абортов»: «всего», «в том числе после абортов, начатых и начавшихся вне лечебного учреждения».

В целом отчетность по абортам, по мнению Статистического управления республики, была простой, т. к. содержала незначительное число показателей. Несмотря на это, как районные (городские) отделы здравоохранения, так и лечебные учреждения при заполнении отчетов допускали ошибки и неточности. Так, в отчете Нуримановского районного отдела здравоохранения за II квартал 1956 г. было показано на 10 абортов меньше, чем получается путем подсчета данных по отдельным лечебным учреждениям, представившим отчеты. Погрешность составила 4,3 % от общего числа произведенных абортов[2]. Так или иначе, отчеты органов здравоохранения остаются единственными источниками о зарегистрированных абортах и являются, по нашему мнению, вполне надежными.

В статье подсчитано число абортов на 1000 родившихся, а также частота абортов на женщин фертильного возраста. Как известно, для определения последних показателей необходимо знать среднегодовую численность женщин в возрасте 15–49 лет. В качестве таковых за 1939, 1959 и 1970 гг. использованы материалы Всесоюзных переписей населения. Для сельского населения за 1943, 1960–1962 гг. источниками явились единовременные отчеты сельсоветов на начало года (по городскому населению за межпереписной период в нашем распоряжении сведений о возрастном составе населения не оказалось).

Результаты

Производство аборта было разрешено в стране в 1920 г. Однако в последующие годы советская власть постепенно вносила коррективы в сторону ограничения искусственного прерывания беременности. И наконец, ЦИК и СНК СССР 27 июня 1936 г. своим постановлением запретили производство абортов как в больницах и специальных лечебных заведениях, так и на дому у врачей и на частных квартирах беременных. Отныне производство абортов допускалось исключительно в тех случаях, когда продолжение беременности представляло угрозу жизни или грозило тяжелым ущербом здоровью беременной женщины, а также при наличии передающихся по наследству тяжелых заболеваний родителей и только в больницах и родильных домах. За производство абортов как врачам, так и беременным женщинам грозило уголовное наказание.

[1] Государственный архив РФ. Ф. Р-8009. Оп. 6. Д. 566. Л. 5 об; Д. 1051. Л. 5 об

[2] НА РБ. Ф. Р-472. Оп. 9. Д. 1701. Л. 43

Запретительные меры в целом оказали значительное влияние на производство абортов. Уже во втором полугодии 1936 г. в Башкирской АССР число абортов сократилось, по сравнению с первым полугодием, в городских поселениях в 2,7 раза, а в сельской местности — в 4,7 раза[1]. В основном искусственное прерывание беременности оставалось городским явлением. Данное обстоятельство частично объясняется и тем, что большинство больниц и родильных домов находились в городских поселениях, а часть сельчанок обращалась за медицинской помощью в городские лечебные учреждения (Садвокасова, 1969, с. 31, 117–118). При этом 87 % абортов в городах и 83 % в деревне в Башкирской АССР во втором полугодии 1936 г. были начаты вне лечебных учреждений[2]. Однако с 1938 г. число зарегистрированных искусственных прерываний беременности начинает расти (табл. 1). Одновременно увеличивается процент абортов, начатых и начавшихся вне лечебных учреждений. При этом в деревне этот процент был выше, чем в городе (табл. 2). Этот показатель в Башкирии был даже выше, чем по СССР в целом (Садвокасова, 1969, с. 178). Такое же положение сохранялось и в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период вплоть до 1955 г. Примечательным является 1945 г., когда более 99 % искусственных прерываний беременности в сельской местности были начаты вне лечебных учреждений (табл. 2).

Борьба с так называемыми криминальными абортами велась достаточно вяло. За 1939 г. был установлен криминальный характер абортов в 281 случаях, что составляло 6,8 % от числа всех абортов, начатых и начавшихся вне лечебных учреждений, а прокурору передано 306 дел[3]. Накануне Великой Отечественной войны за самоаборт беременных женщин приговаривали обычно к принудительным работам от 1 до 2 лет (Сулейманова, 2008, с. 248).

В годы Великой Отечественной войны абсолютное число абортов в Башкирии уменьшилось по сравнению с 1940 г. в 1942 г. — на 14,6 %, в 1945 г. — на 34,1 %, в городских поселениях — на 12,3 % и 29,6 % соответственно, в сельской местности — на 20,8 % и 46,3 %. Однако число рождений упало еще больше. В 1944 г. в республике родилось детей почти в 4 раза меньше, чем в 1940 г., в т. ч. в городах в 2,5 раза, на селе — в 4,4 раза. Именно данным обстоятельством объясняется то, что в годы Великой Отечественной войны число абортов по отношению к числу родившихся повысилось (табл. 1). Одновременно возрос процент выявленных криминальных абортов и переданных прокурору дел. Так, в 1942 г. был установлен криминальный характер абортов в 402 случаях, что составило 13,7 % от общего числа абортов, начатых и начавшихся вне лечебных учреждений. Столько же дел было передано прокурору. Несколько выше эти показатели оказались в 1943 г.[4] (табл. 2). В 1945 г. прокурору передано в 2,3 раза больше дел, чем был установлен криминальный характер абортов[5].

[1] ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 10. Д. 2712. Л. 5 об

[2] Там же.

[3] ГА РФ. Ф. Р-8009. Оп. 6. Д. 67. Л. 7

[4] ГА РФ. Ф. Р-8009. Оп. 6. Д. 760. Л. 4 об; Д. 909. Л. 5 об

[5] ГА РФ. Ф. Р-8009. Оп. 6. Д. 1289. Л. 5 об

Таблица 1

Аборты в Башкирской АССР в 1936–1960-е гг.

Годы	Число абортов, тыс.			Число абортов на 1000 родившихся		
	Город	Село	Всего	Город	Село	Всего
1936	4,0	2,8	6,8	261,3	21,0	46,0
1938	3,1	1,9	5,0	150,3	15,3	34,6
1939	2,9	1,6	4,5	135,2	12,6	29,8
1940	3,2	1,2	4,4	173,1	12,0	37,1
1942	2,8	1,0	3,8	213,3	15,3	50,0
1943	2,9	0,8	3,7	309,4	27,5	92,5
1944	2,2	Нет св.	Нет св.	288,6	—	—
1945	2,3	0,6	2,9	196,8	23,3	74,0
1950	10,9	2,8	13,7	422,9	45,4	158,1
1952	10,1	3,3	13,4	323,0	47,5	134,0
1953	12,5	3,9	16,4	387,8	63,1	173,4
1954	14,4	4,9	19,3	404,6	71,7	185,6
1956	42,3	13,8	56,1	1272,6	199,1	548,1
1957	44,2	17,7	61,9	1234,7	237,9	561,4
1958	61,2	24,7	85,9	1667,7	330,5	771,3
1959	63,9	26,0	89,9	1798,7	350,9	820,0
1960	71,5	30,5	102,0	1968,9	397,0	901,1
1961	76,0	35,4	111,4	2108,9	485,7	1022,9
1962	94,9	37,8	132,7	2818,2	547,0	1291,4
1963	105,4	39,8	145,2	3354,7	623,0	1523,8

Источники: ГА РФ. Ф. А-374. Оп. 32а. Д. 3033. Л. 130 об; Д. 7000. Л. 147; Ф. А-482. Оп. 10. Д. 2712. Л. 5 об; Оп. 29. Д. 18. Л. 1, 5, 13; Ф. Р-8009. Оп. 6. Д. 67. Л. 7; Д. 760. Л. 4 об; Д. 909. Л. 5 об; Д. 1051. Л. 5 об; Д. 1289. Л. 5 об; НА РБ. Ф. Р-472. Оп. 6. Д. 1594. Л. 7 об; Оп. 9. Д. 1068. Л. 8, 22; Д. 2234. Л. 94; Д. 2743. Л. 85; Оп. 20. Д. 556. Л. 3; Ф. Р-444. Оп. 2. Д. 26. Л. 102; Оп. 6. Д. 185. Л. 2, 8, 13, 15, 17, 23, 31; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 394. Л. 133–135; Д. 790. Л. 214, 231, 260; Оп. 27. Д. 1448. Л. 60–60 об; Исянгулов, 2024, с. 93–94.

В первые послевоенные годы число абортов в Башкирской АССР оставалось небольшим: в 1947 г. их всего было произведено 4,3 тыс., в 1949 г. — 4,1 тыс. (Ганиев, 2018, с. 373) [1]. В 1949 г. на 1000 родившихся приходилось 43,4 случая искусственного прерывания беременности[2]. Однако уже в 1950 г. число абортов в республике повысилось по сравнению с предыдущим годом в 3,3 раза. В первой половине 1950-х гг. число абортов растет быстрыми темпами. В 1955 г. в Башкирии было произведено более 27,7 тыс. абортов, в 1,4 раза больше, чем в предыдущем году[3]. В то же время искусственных прерываний беременности в республике на 1000 родившихся было намного меньше, чем по стране в целом. Так, в Башкирской АССР в 1954 г. на 1000 родившихся приходилось 185,6 абортов, тогда как в СССР — 383 (Блюм, 2005, с. 123) (табл. 1). За 1954 г. 23,9 % искусственных прерываний беременности было произведено в Башкирии по медицинским показаниям, 5,6 %

[1] НА РБ. Ф. Р-472. Оп. 6. Д. 1593. Л. 17

[2] Подсчитано по: НА РБ. Ф. Р-472. Оп. 6. Д. 1593. Л. 17; Оп. 20. Д. 556. Л. 3

[3] НА РБ. Ф. Р-472. Оп. 9. Д. 2234. Л. 94

Таблица 2

Внебольничные и криминальные аборты в Башкирской АССР

Годы	Аборты, начатые и начавшиеся вне лечебных учреждений в % от их общего числа			Криминальные аборты в % от их общего числа	Число дел по абортам, переданных прокурору
	Город	Село	Всего		
1936	51,8	45,7	49,3	Нет св.	Нет св.
1939	89,8	94,6	91,6	6,3	306
1940	90,8	97,3	92,6	5,3	843
1942	72,2	92,2	77,2	10,6	402
1943	81,1	90,5	83,2	11,9	425
1945	76,7	99,1	81,7	6,2	418
1950	91,4	92,6	91,7	10,2	1345
1952	82,2	83,9	82,6	Нет св.	Нет св.
1956	35,1	31,8	34,3	—	—
1958	24,1	22,2	23,5	—	—
1959	25,1	20,2	23,7	—	—
1960	26,2	19,6	24,2	—	—
1961	23,1	18,1	21,5	—	—
1962	18,4	17,5	18,1	—	—
1963	17,1	16,0	16,8	—	—

Источники: ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 10. Д. 2712. Л. 5 об; Ф. Р-8009. Оп. 6. Д. 67. Л. 7; Д. 138. Л. 7; Д. 760. Л. 4 об; Д. 909. Л. 5 об; Д. 1289. Л. 5 об; НА РБ. Ф. Р-472. Оп. 6. Д. 1594. Л. 7 об; НА РБ. Ф. Р-444. Оп. 2. Д. 26. Л. 102; Оп. 6. Д. 185. Л. 2, 8, 13, 15, 17, 23, 31.

оказались самопроизвольными, 10,0 % — криминальными, 60,5 % остались неустановленными[1].

В середине 1950-х гг. произошли изменения в законодательстве: в августе 1954 г. была отменена уголовная ответственность женщин за искусственное прерывание беременности, а 23 ноября 1955 г. — запрет абортов. Уже в 1956 г. в Башкирской АССР было произведено абортов в 2 раза больше, чем в 1955 г., тогда как в СССР — в 1,8 раза больше (Блюм, 2005, с. 123). По мнению Е.А. Садвокасовой, после 1955 г. в стране рост абортов произошел за счет легализации ранее подпольных искусственных прерываний беременности, истинное количество которых до этого времени оставалось неизвестным (Садвокасова, 1969, с. 178).

Число абортов в Башкирской АССР превысило число родившихся детей в 1961 г. (в СССР — в 1957 г.), в городских поселениях — в 1956 г. (табл. 1). На селе в 1963 г. число родившихся детей еще превышало число произведенных абортов. По данным таблицы 1 видно, что в 1961 г. в городских поселениях Башкирии число искусственных прерываний беременности превысило число рождений в 2 раза, а уже в 1963 г. — более чем в 3 раза (табл. 1). Максимальное число абортов (153 тыс.) в Башкирии было произведено в 1965 г., на 1000 родившихся их тогда приходилось 1905. В 1970 г. абортов было несколько ниже — 145,3 тыс., однако быстрое снижение рождаемости в 1960-е гг. привело к тому, что на 1000 родившихся искусственных прерываний беременности было больше — 2288 (Ганиев,

[1] НА РБ. Ф. Р-472. Оп. 9. Д. 1068. Л. 8

2018, с. 373). Таким образом, к 1970 г. число абортов превысило число рождений в республике более чем в 2 раза. Тогда как некоторые авторы ошибочно полагают, что в республике двукратное превышение абортов по отношению к родам произошло еще в 1957 г. (Кузнецова, 2014, с. 45).

С 1955 г. происходит значительное снижение процента искусственных прерываний беременности, начатых и начавшихся вне лечебных учреждений (Кузнецова, 2014, с. 45) (табл. 2). По данному показателю Башкирия отставала от цифр по СССР, процент внебольничных абортов по стране снижался быстрее (Садвокасова, 1969, с. 118).

Более объективно представить ситуацию с абортами помогает другой коэффициент: частота абортов у женщин фертильного возраста. По нашим подсчетам, в 1939 г. число абортов на 1000 женщин в возрасте 15–49 лет в Башкирской АССР составило 6,1, в т. ч. в городских поселениях — 18,9, а в сельской местности — 2,8[1]. За годы Великой Отечественной войны данный коэффициент снизился, в частности на селе. Так, в 1943 г. в сельской местности Башкирской АССР на 1000 женщин в возрасте 16–49 лет приходилось всего 1,5 аборта[2]. Таким образом, к 1943 г. по сравнению с 1939 г. в деревне число искусственных прерываний беременности снизилось почти в 2 раза. В 1959 г. на 1000 женщин фертильного возраста в республике приходилось уже 98,3 аборта, в т. ч. в городских поселениях — 163,8, в сельской местности — 49,6[3]. Быстро рос данный коэффициент в этот период и в деревне. В 1960 г. в сельской местности Башкирской АССР на 1000 женщин в возрасте 15–49 лет приходилось уже 63,5 аборта, в 1961 г. — 76,1, в 1962 г. — 82,3[4]. Максимума коэффициент достиг в республике в 1970 г., когда составил 152,2 аборта на 1000 женщин фертильного возраста[5].

Аборты негативно влияли на здоровье женщины, особенно подпольные (криминальные), случались и летальные исходы. Так, в 1957 г. в сельской местности Башкирской АССР умерло 0,1 % женщин, выбывших после аборта, в городских поселениях — 0,05 %. В последующие годы эти показатели уменьшились, однако были выше, чем по РСФСР, как в городах, так и в деревне. Ежегодно во второй половине 1950-х — начале 1960-х гг. в республике умирало после искусственного прерывания беременности от 30 до 60 женщин. Для сравнения, в 1938 г. в городских поселениях Башкирской АССР было зарегистрировано 16 случаев смертности от абортов, в 1939 г. — 11, что составило на 10000 жителей 0,3 и 0,2, соответственно[6]. В стране женщины (а также мужчины) практически не использовали противозачаточные средства. Медицинские работники не вели в данной области практически никакой работы (Садвокасова, 1969, с. 180; Сулейманова, 2024). В таких условиях аборт являлся основным способом регулирования рождаемости. Между тем женщины, особенно с 1950-х гг., не только в городах, но и в сельской

[1] Подсчитано по: ГА РФ. Ф. Р-8009. Оп. 6. Д. 67. Л. 7

[2] Подсчитано по: ГА РФ. Ф. Р-8009. Оп. 6. Д. 760. Л. 4 об; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 2632. Л. 38, 101

[3] Подсчитано по: НА РБ. Ф. Р-444. Оп. 6. Д. 185. Л. 13

[4] Подсчитано по: НА РБ. Ф. Р-472. Оп. 9. Д. 4264. Л. 1–1 об; Д. 4463. Л. 1–1 об; Д. 5363. Л. 2–2 об; Ф. Р-444. Оп. 6. Д. 185. Л. 15, 17, 23; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 27. Д. 1439. Л. 93–93 об

[5] Подсчитано по: (Ганиев, 2018, с. 373).

[6] НА РБ. Ф. Р-444. Оп. 6. Д. 185. Л. 2, 8, 10, 13, 15, 17, 23, 25, 29, 31

местности начали активно регулировать индивидуальную рождаемость. Данное явление, несомненно, было одним из признаков демографического перехода, перехода от многодетной к малодетной семье.

Заключение

Стремительный рост как абсолютных, так и относительных показателей по абортам в республике после 1955 г., достигнув максимума в 1965–1970 гг., несколько снизившись в 1970-е гг., оставался все же на высоком уровне вплоть до конца 1990-х гг. Такое же положение отмечалось по всей стране (Блюм, 2005, с. 123). Дело в том, что на протяжении всего советского периода аборт оставался основным способом регулирования рождаемости в СССР, другие же способы не получили широкого распространения. Более того, советское государство сдерживало развитие альтернативных способов регулирования рождаемости (Авдеев, 1989; Вишневский и др., 2017). Статистические материалы свидетельствуют, что законодательные меры в период с 1936 по 1955 г. в целом серьезно влияли на положение с искусственным прерыванием беременности в Башкирской АССР. Рост или снижение уровня рождаемости, изменения в репродуктивном поведении населения в связи с переходом к малодетной семье, ставшие особенно заметными в 1960-е гг. и в последующие годы, влияли на широкую распространенность абортов с 1955 г. Так, резкое снижение рождаемости в годы Великой Отечественной войны, несмотря на уменьшение числа абортов, привело все же к их росту на 1000 родившихся детей. Тогда как коэффициент абортов у женщин фертильного возраста снизился, по крайне мере, на селе, по сравнению с довоенным периодом. В послевоенные годы число абортов как в абсолютных, так и в относительных цифрах всё время повышалось, особенно стремительно после 1955 г. Превышение числа абортов над числом родившихся в начале в городах, а в 1961 г. и по республике в целом должно было явиться серьезным сигналом для изменений в демографической, семейной и социальной политике советского государства. Однако этот сигнал властными структурами своевременно не был услышан.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00153, https://rscf.ru/project/25-28-00153/.

Acknowledgements

The research was supported by the Russian Science Foundation (project No. 25-28-00153, https://rscf.ru/project/25-28-00153).

Список источников

Авдеев, А. А. (1989). Аборты и рождаемость. *Социологические исследования, 3,* 54–63.

Араловец, Н. А. (2009). *Городская семья в России, 1927–1959 гг.* Тула: Гриф и К, 304.

Блюм, А. (2005). *Родиться, жить и умереть в СССР.* Москва: Новое издательство, 172. EDN: QOPCTN

Вербицкая, О. М. (2009). *Российская сельская семья в 1897–1959 гг.* Москва; Тула: Гриф и К, 296.

Вишневский, А., Денисов, Б., Сакевич, В. (2017). Контрацептивная революция в России. *Демографическое обозрение, 4* (1), 6–34. EDN: ZGFNJB

Ганиев, А. М. (Ред.). (2018). *Башкортостан в цифрах. Статистический сборник*. Уфа: Китап, 768.

Гниятуллина, Г. Г. (2013). Реализация абортной политики в БАССР в 1920–1930 гг. *Вестник ВЭГУ, 1,* 168–172. EDN: PUGFDZ

Исянгулов, Ш. Н. (2024). Аборты в Башкирии в 1930-е годы. В *Научное наследие А. И. Харисова и актуальные проблемы гуманитарного знания. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием)* (с. 92–95). Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 228.

Корнилов, Г. Е. (1993). *Уральское село и война. Проблемы демографического развития*. Екатеринбург: Уралагропресс, 175. EDN: RRWYDB

Кузнецова, И. П. (2014). Государственная политика в области охраны материнства и детства во второй половине 1940-х — первой половине 1960-х годов (на примере Башкирской АССР). *Вестник Челябинского государственного университета, 8(337), История, 59,* 41–48. EDN: SFKIYT

Лебина, Н. (2007). «Навстречу многочисленным заявлениям трудящихся женщин…» Абортная политика как зеркало советской социальной заботы. В *Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность* (с. 228–241). Москва: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 432.

Накачи, М. (2022). Анализ пронаталистской семейной политики в СССР в 1940-х — 1960-х годах. *Демографическое обозрение, 9* (1), 34–55. https://doi.org/10.17323/demreview.v9i1.14572

Садвокасова, Е. А. (1969). *Социально-гигиенические аспекты регулирования размеров семьи.* Москва: Медицина, 192.

Сулейманова, Р. Н. (2024). «Многодетным матерям — должное внимание». Как в Башкирии выполнялся Указ Президиума Верховного Совета СССР 1944 г. *Женщина в российском обществе, 1,* 93–102. https://doi.org/10.21064/WinRS.2024.1.6

Сулейманова, Р. Н. (Ред.). (2008). *Женское движение в Башкортостане. 1900–1941. Сборник документов и материалов.* Уфа: Гилем, 272.

Хасбулатова, О. А., Смирнова, И. Н. (2024). Семейная политика в СССР (1936–1955): историко-социологический анализ. *Женщина в российском обществе, 2,* 43–54. https://doi.org/10.21064/WinRS.2024.2.4

References

Avdeev, A. A. (1989). Abortions and fertility. *Sociologicheskie issledovaniya, 3,* 54–63. (In Russ.)

Aralovets, N. A. (2009). *Gorodskaya sem`ya v Rossii, 1927–1959 gg. [Urban family in Russia, 1927–1959]*. Tula: Grif and K, 304. (In Russ.)

Blum, A. (2005). *Rodit`sya, zhit` i umeret` v SSSR. per. s francz. [To be born, live and die in the USSR. translated from French]*. Moscow: New Publishing House, 172. EDN: QOPCTN (In Russ.)

Ganiev, A. M. (Ed.). (2018). *Bashkortostan v cifrax. Statisticheskij sbornik. [Bashkortostan in numbers. Statistical collection]*. Ufa: Kitap, 768. (In Russ.)

Gniyatullina, G. G. (2013). The implementation of abortion policy in the BASSR in 1920–1930. *Vestnik VEGU, 1,* 168–172. EDN: PUGFDZ (In Russ.)

Isyangulov, S. N. (2024). Abortions in Bashkiria in the 1930s. In *Nauchnoe nasledie A.I. Xarisova i aktual`ny`e problemy` gumanitarnogo znaniya. Materialy` Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii (s mezhdunarodny`m uchastiem) [Scientific legacy of A.I. Kharisov and current problems of humanitarian knowledge. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (with international participation)]* (pp. 92–95). Ufa: IIAL UFITS RAS, 228. (In Russ.)

Khasbulatova, O. A., Smirnova, I. N. (2024). Family policy in the USSR (1936–1955): a historical and sociological analysis. *Zhenshhina v rossijskom obshhestve [Woman in Russian Society], 2,* 43–54. https://doi.org/10.21064/WinRS.2024.2.4 (In Russ.)

Kornilov, G. E. (1993). *Ural`skoe selo i vojna. Problemy` demograficheskogo razvitiya [The Ural village and the war. Problems of demographic development]*. Yekaterinburg: Uralagropress, 175. EDN: RRWYDB (In Russ.)

Kuznetsova, I. P. (2014). State policy in the field of maternity and childhood protection in the second half of the 1940s — the first half of the 1960s (on the example of the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic). *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Chelyabinsk State University], 8(337), History, 59,* 41–48. EDN: SFKIYT (In Russ.)

Lebina, N. (2007). "Towards the numerous statements of working women..." Abortion policy as a mirror of Soviet social concern. In *Sovetskaya social`naya politika 1920–1930-x godov: ideologiya i povsednevnost` [Soviet Social Policy of the 1920s and 1930s: Ideology and Everyday life]* (pp. 228–241). Moscow: OOO "Option", TSPGI, 432. (In Russ.)

Nakachi, M. (2022). Analysis of the pronatalist family policy in the USSR in the 1940s - 1960s. *Demograficheskoe obozrenie [Demographic Review], 9*(1), 34–55. https://doi.org/10.17323/demreview.v9i1.14572 (In Russ.)

Sadvokasova, E. A. (1969). *Social`no-gigienicheskie aspekty` regulirovaniya razmerov sem`I [Socio-hygienic aspects of family size regulation]*. Moscow: Medicine, 192. (In Russ.)

Suleymanova, R. N. (Ed.) (2008). *Zhenskoe dvizhenie v Bashkortostane. 1900–1941. Sbornik dokumentov i materialov [The women's movement in Bashkortostan. 1900–1941. Collection of documents and materials]*. Ufa: Gilem, 272. (In Russ.)

Suleymanova, R. N. (2024). "Mothers with many children should receive due attention." How Bashkiria implemented the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR in 1944. *Zhenshhina v rossijskom obshhestve [Woman in Russian Society], 1,* 93–102. https://doi.org/10.21064/WinRS.2024.1.6 (In Russ.)

Verbitskaya, O. M. (2009). *Rossijskaya sel`skaya sem`ya v 1897–1959 gg. [The Russian rural family in 1897–1959]*. Moscow; Tula: Grif and K, 296. (In Russ.)

Vishnevsky, A., Denisov, B., Sakevich, V. (2017). The contraceptive revolution in Russia. *Demograficheskoe obozrenie [Demographic Review], 4*(1), 6–34. EDN: ZGFNJB (In Russ.)

Исянгулов Шамиль Наилевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН; https://orcid.org/0000-0001-5691-5566 (Российская Федерация, 450054, г. Уфа, пр. Октября, 71; e-mail: isangul-schamil@mail.ru).

Shamil N. Isyangulov — PhD (Hist.), Senior research associate, Order of Honor Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences; https://orcid.org/0000-0001-5691-5566; (71, Oktyabrya Ave., 450054, Ufa, Russian Federation; e-mail: isangul-schamil@mail.ru).

УДК 331.556.2-054(=571.513)
JEL classification: R23
https://www.doi.org/10.17059/udf-2025-1-8

Территориальная мобильность коренного населения Хакасии и его размещение по федеральным округам России (2002–2020 гг.)[1]

В. А. Кышпанаков
Хакасский НИИ языка, литературы и истории (г. Абакан, Российская Федерация).
https://orcid.org./0000-0002-1233-9875
Автор для корреспонденции: В. А. Кышпанаков (kyshpanakovv@mail.ru).

Аннотация. *В статье на основе материалов трех Всероссийских переписей населения 2002, 2010 и 2020 гг. исследуются вопросы территориальной мобильности коренного хакасского населения Республики Хакасия и размещения хакасов по федеральным округам России, в том числе и по Уральскому федеральному округу. Выяснено, что происходит рост показателя этнической компактности, характеризующего национальную консолидацию народа. Однако вместе с тем происходит снижение численности хакасов, проживающих как в России в целом, так и в самой республике. Дано понимание характера причинно-следственных связях этого явления, имеющего для небольшого по численности народа критически важное значение.*

Ключевые слова: территориальная мобильность; размещение; федеральные округа; хакасы

Territorial Mobility of the Indigenous Population of Khakassia and its Distribution Across the Federal Districts of Russia (2002–2020)

V. Kyshpanakov
Khakass Scientific Research Institute of Language, Literature & History (Abakan, Russian Federation).
https://orcid.org./0000-0002-1233-9875
Corresponding author: V. Kyshpanakov (kyshpanakovv@mail.ru).

Abstract. *The article, based on the materials of the two latest All-Russian population censuses of 2002, 2010 and 2020, examines the issues of territorial mobility of the indigenous Khakass population of the Republic of Khakassia and the distribution of Khakass people across the federal districts of Russia, including the Urals Federal District. It is shown that there is an increase in the ethnic compactness indicator, which characterizes the national consolidation of the people. But, at the same time, there is a decrease in the number of Khakass people living both in Russia as a whole and in the republic itself. An understanding of the nature of the cause-and-effect relationships of this phenomenon, which is of critical importance for a small nation, is given.*

Keywords: territorial mobility; placement; federal districts; Khakass

Введение

Образование Хакасского уезда (1923 г.), а затем и округа (1925 г.) произошло в первые годы установления Советской власти в Сибири. Проведенная вскоре первая Всесоюзная перепись населения в декабре 1926 г. показала, что хакасов в Хакасском округе проживало 44173 человека, или 49,7 %, что составляло практически половину его населения. Русских было 46,6 % от всего населения округа. Украинцы, которые переселялись сюда особенно активно в годы Гражданской войны, на момент переписи были в абсолютном большинстве неместными

[1] © Кышпанаков В. А. Текст. 2025.

уроженцами и составляли около 1 %. Хакасы же как коренное, автохтонное население в абсолютном большинстве состояли из местного населения, а среди русских аналогичный показатель составлял немногим более 40 %. Это говорило о весьма низко территориальной мобильности хакасов и, наоборот, о высоком удельном весе пришлого (русского и славянского в целом) населения.

В последующие десятилетия Хакасия была активно вовлечена в бурный процесс хозяйственного освоения Сибири, что повлекло интенсивный миграционный обмен с другими регионами страны. В конечном итоге это привело к радикальной трансформации национального состава населения республики уже по данным переписи 1939 г. Коренное население — хакасы, из мажоритарного населения превратилось в миноритарное, наиболее компактно проживающее в основном в пределах одного административного (Аскизского) района. Негативной тенденцией в постсоветский период является систематическое снижение численности и удельного веса хакасов, проживающих в республике. Это происходит в результате оттока коренного населения за пределы региона и расселения его по всем федеральным округам России.

Целью статьи является изучение географии размещения хакасского населения по территории Российской Федерации и установление возможных причин снижения численности хакасского населения в Республике Хакасия. Источниковой базой являются переписи населения 2002, 2010 и 2020 гг.

Основная часть

Вопросы территориальной мобильности коренного населения Хакасии в разные периоды истории с конца XIX в. и по настоящее время привлекали внимание ученых. К ним обращались такие известные исследователи прошлого хакасов, как С.К. Патканов и Н.Н. Козьмин (Патканов, 1911-1912; Козьмин, 1916).

В советский период после длительного «простоя» вновь обратились к теме территориальной мобильности коренного населения уже в 1970–1980-е и последующие годы. Наибольшее количество работ по вопросам изучения национального состава трудовых коллективов Сибири и размещения национальных кадров за пределами Хакасии принадлежит Д.М. Карачакову. Это было связано с формированием на юге Красноярского края Саянского территориально-производственного комплекса, куда на строительство гигантов отечественной индустрии приезжали люди, преимущественно молодежь, со всех союзных республик СССР, что повлекло за собой формирование трудовых коллективов как по интернациональному, так и по национальному признакам (Карачаков, 1998).

Индустриальное развитие национальных районов Саяно-Алтая в контексте в 1960–1980-х гг. в ходе промышленного освоения всего сибирского макрорегиона неизбежно повлекло за собой территориальные перемещения населения, в т. ч. и наиболее мобильной части коренных народов Тувы, Горного Алтая и Хакасии — молодежи. Проблемы и последствия этого крайне важного социально-экономического явления для национальных регионов были подняты в статье этого же автора (Карачаков, 2002).

Эта тема, но уже в более широком ракурсе социально-экономического развития национальных автономий Саяно-Алтая во второй половине XX в. получила освещение в его другой монографии (Карачаков, 2007).

Вопросы межэтнического взаимодействия в республике, миграционной ситуации в 2000-х гг. и в контексте этих проблем — состояние хакасского этноса рассматривались в работах Л.В. Анжигановой, носивших междисциплинарный характер социофилософского направления. К их числу относится монография об этнических диаспорах в Хакасии, вопросах их межкультурного взаимодействия (Анжиганова, Шоев, 2006). Этносоциальной ситуации в Республике Хакасия в оценках и представлениях массового сознания посвящена другая коллективная работа (Анжиганова, 2006). Сложная проблема адаптации мигрантов в Республике Хакасия продолжала оставаться и в дальнейшем в поле зрения ученого (Анжиганова, 2009).

Этнографические процессы в Хакасии в конце XX — начале XXI вв. были рассмотрены в статье В.Н. Тугужековой (Тугужекова, 2018).

Интересные данные социологических исследований среди хакасского населения получены В.П. Кривоноговым, длительное время занимающегося изучением социальной и территориальной мобильности хакасов, что нашло отражение в его монографии (Кривоногов, 2011).

Однако конкретные результаты территориальной мобильности хакасов, их размещения в результате этого процесса по регионам страны могут дать только переписи населения. Именно переписи 2002, 2010 и 2020 гг. в постсоветской России зафиксировали те моментные «срезы», своего рода «фотографии» всех противоречивых и сложных процессов миграции коренного населения Республики Хакасия, результаты которых рассматриваются в настоящей статье.

Первый показатель, который необходим для рассмотрения вопроса о национальной консолидации — это численность и динамика этноса. За почти вековой период с момента проведения первой всесоюзной переписи населения 1926 г. численность хакасов, проживающих на территории своей исторической родины (в данном случае динамика рассматривается в административных границах соответствующих лет. — прим. авт.), выросла на 24,8 %, тогда как все население Хакасии — в 6 раз. Подобный шквалообразный рост всего населения региона, обусловленный прежде всего миграцией в Хакасию, привел к тому, что удельный вес коренного населения резко сократился: с 49,7 % в 1926 г. до 10,3 % по переписи 2020(21) г.

Второй показатель национальной консолидации — этническая компактность. Он показывает удельный вес каждого этноса, проживающего на своей исторической территории (см. выше) ко всей численности народа в стране. Динамика этого показателя по данным переписей 2002–2020 гг. такова: 2002 г. — 86,5 %; 2010 г. — 87,2 %; 2020 г. — 89,9 % (Кышпанаков, 2022). Сравним эти показатели с аналогичным коэффициентом по последней советской переписи 1989 г., который составлял 78,3 % [1] Если же еще более интерполировать данный показатель, то получим следующие его величины: 1979 г. — 80,9 %; 1970 г. — 82,1 % и т. п.

[1] Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по республикам СССР. https://www.demoscope.ru (дата обращения: 07.02.2025); Всесоюзная перепись населения 1989 года. Распределение городского и сельского населения областей и краев РСФСР по полу и национальности. https://www.demoscope.ru (дата обращения: 07.02.2025).

Такое сравнение показывает две разнонаправленные тенденции. Если для советского периода 1970–1980-х гг. было характерно снижение этнической компактности хакасского народа, то в постсоветский период этот показатель начал возрастать. Снижение показателя этнической компактности в советский период отражало рост территориальной мобильности коренного населения, связанной прежде всего с выездом на учебу хакасской молодежи и на работу за пределы Хакасии в рамках существовавших тогда форм квотирования на учебу в ведущие вузы страны и оргнабора рабочей силы на новостройки.

По данным переписи 1989 г., численность хакасов, проживавших в союзных республиках, составляла: Украинская ССР — 299 чел., Белорусская ССР — 79 чел., Узбекская ССР — 288 чел., Казахская ССР — 525 чел., Киргизская ССР — 296 чел., Таджикская — 84 чел., Туркменская — 42 чел., Грузинская — 22 чел., Армянская — 6 чел., Азербайджанская — 27 чел., Молдавская — 24 чел., Латвийская — 24 чел., Литовская — 10 чел. и Эстонская ССР — 14 чел.[1] Однако наибольшее количество коренного населения Хакасии, проживавшее за ее пределами, приходилось на РСФСР, а в ней — на Красноярский край, в который на тот момент входила Хакасская автономная область — 6466 чел. С одной стороны, этот факт свидетельствовал о том, что в многонациональном государстве границы расселения народов не совпадают с административными границами их исторической родины, которые к тому же меняются в разные периоды истории. Более того, небольшие и малочисленные этносы, не говоря уже об этнографических группах, и вовсе не имели таковых. В царской России хакасы не только не имели административных границ, но и даже своего самоназвания, наиболее компактно проживая в так называемом «Инородческом районе» Минусинского уезда Енисейской губернии. По мнению Д.М. Карачакова, «на современном, очень сложном и ответственном этапе эта особенность является одним из объективных противоречий развития государственности» (Карачаков, 1998). Данные о численности хакасов по переписям 2002–2020 гг. приведены в таблице 1.

Данные таблицы 1 показывают, что в 2000-е гг. сложилась четкая и однонаправленная тенденция снижения численности хакасов, проживающих в России, в самой республике и за ее пределами, причем среднегодовые темпы снижения как по России, так и тех, кто проживает вне Хакасии, практически одинаковы. Если среднегодовой темп снижения численности хакасов по России за рассматриваемый период составил 2,4 %, то в республике — 0,95 %, а вне ее — 2,7 %.

Велики ли эти цифры, показывающие темп снижения численности хакасского этноса по всем территориальным уровням? Прежде всего, необходимо отметить сам факт такого отрицательного явления, как убыль этноса. Если в советский период происходил пусть и медленный, но прирост численности хакасов (см. выше), то в постсоветской России происходит снижение численности, принявшее уже системный и устойчивый характер, что и показывают все три переписи населения.

Во-вторых, численность какого-либо этноса зависит от многих факторов, прежде всего, от двух: степени участия в переписи представителей данного этноса и самоопределения своей национальности.

[1] Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по республикам СССР. https://www.demoscope.ru (дата обращения: 07.02.2025).

Таблица 1

Численность хакасов в России и Республике Хакасия, чел. (по данным переписей 2002–2020 гг.)

Годы переписей	в России		из них:			
	человек	%	в РХ	%	за пределами РХ	%
2002	95 622	100,0	65 421	86,5	10 201	13,5
2010	72 959	100,0	63 643	87,2	9 316	12,8
2020	61 365	100,0	55 144	89,9	6 221	10,1
2020 к 2002, %	64,2	—	84,3	—	61,0	—

Источник: Кышпанаков, В. А. (2022). Население Хакасии: из прошлого к современности (1897-2022). Абакан: Хакасское книжное издательство им. В. М. Торосова, С. 105.

Однако вернемся к данным таблицы 1. Численность коренного населения республики за годы между переписями 2002 и 2020 гг. снизилась на 10277 чел., а по России — на 34257 чел. При этом численность хакасов, проживающих за пределами республики, уменьшилась на 3,4 %, или на 3980 чел.

Для понимания степени убыли численности коренного населения, проживающего вне республики, обратимся к переписи 1989 г. Последняя советская перепись населения зафиксировала наибольшую численность хакасов, находящихся на момент переписи в различных регионах СССР — 17,5 тыс. чел., или 21,8 % от общей их численности в Советском Союзе. То есть практически каждый пятый хакас проживал за пределами своей автономной (на тот момент) области. Такая тенденция сложилась уже давно, и среди национальных автономий Сибири хакасы имеют самый высокий показатель миграционной активности и как обратную сторону этого процесса — низкий уровень оседлости.

Миграционные процессы, как известно, в своей основе имеют много факторов, среди которых в мирное время наибольшее значение имеют социально-экономические. Бурные 90-е гг. XX в. коренным образом изменили социальную основу жизни в постсоветской России. Преобразования экономического базиса, радикальные изменения надстроечных институтов государства, ликвидация монопольной власти одной партии — эти и другие явления, обрушившиеся в виде гайдаровских реформ на страну, вызвали поистине тектонические сдвиги во всех сферах общества. Депопуляция населения как больших (русского), так и малых народов и народностей, системный кризис в политической и экономической сферах, локальные войны на Северном Кавказе и бывших союзных республиках в Средней Азии вызвали отток русского (русскоязычного) населения из этих регионов. Многие уехавшие ранее предпочли возвращение на свою историческую родину, где им пришлось в свою очередь преодолеть немало трудностей при обустройстве на новом «старом» месте и поисках работы. Это отмечает В.П. Кривоногов по результатам своих социологических исследований среди коренных жителей республики. Вывод, который он сделал, заключается в том, что городские жители чаще уезжают за пределы Хакасии, чем сельские. Большинство респондентов ответили, что за пределами Хакасии у них есть родственники: в сельской местности — 74,3 %, в городской — 81,9 % (Кривоногов, 2011). Подобные центробежные

и центростремительные процессы, действуя в разные стороны, то выталкивали, то притягивали население в разнонаправленные стороны. Проведенный подсчет расселения хакасов по регионам России позволил сгруппировать их по федеральным округам (табл. 2).

Данные таблицы 2 показывают, что численность хакасов, проживающих в федеральных округах, за период 2002–2020 гг. снизилась на 14757 тыс. чел., или на 19,3 %. Привлекает внимание большая убыль хакасов за этот период из Москвы — почти в два раза и из Санкт-Петербурга — на 35,9 %. При этом убытие из Москвы наполовину компенсируется за счет увеличения численности хакасов в Московской области. Если в 2002 г. их численность в Московской области составляло всего 94 чел., то по переписи 2020 г. она выросла в два раза — 180 чел. при почти двукратном снижении численности хакасского населения в столице России. Такое перемещение, внутрирегиональная миграция может быть вызвана удорожанием уровня жизни в г. Москве и регистрацией в самом городе, тогда как в Московской области эти условия для проживания, а также возможности трудоустройства более доступны. Подобная ситуация, вероятно, характерна и для Санкт-Петербурга, и Ленинградской области в целом.

По данным исследования В.П. Кривоногова, которое он проводил в начале 2000-х гг., за пределы республики планировали уехать 6,6 % взрослого городского хакасского населения (6,9 % мужчин и 6,5 % женщин). Из сельских жителей выразили желание переехать за пределы республики 4,7 % опрошенных (5,8 % мужчин и 3,9 % женщин). К побудительным мотивам потенциального желания уехать

Таблица 2

Численность хакасов, проживающих по федеральным округам России, (по данным переписей 2002, 2010 и 2020 гг., чел.)

Федеральные округа	Значение показателя по годам			
	2002	2010	2020*	2020 к 2002, %
Центральный	269	208	276	102,6
Северо-Западный	138	98	144	104,3
Приволжский	245	195	121	49,4
Южный	201	135	118	58,7
Северо-Кавказский	144	74	52	36,1
Уральский	604	532	291	48.2
Сибирский	73416	70859	59367	80,9
Дальневосточный	689	670	786	114,1
г. Москва	330	244	170	51,5
г. Санкт-Петербург	128	117	82	64,1
г. Севастополь	—	—	11	—
Всего	76164	73132	61407	80,6

Примечание: * — на 01.10.2021 г.

Источник: Численность и размещение населения. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. В 14 т. Т. 1. Москва: ИИЦ «Статистика России», 2004. С. 25–122; Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. В 11 т. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. Кн. 1. Москва: ИИЦ «Статистика России», 2012. С. 29–137; Итоги ВПН-2020. Т. 5. Национальный состав и владение языками. Федеральная служба государственной статистики. https://rosstat.gov.ru/Том5_tab3_VPN_2020 (дата обращения: 01.02.2025).

из Хакасии относились в первую очередь материальные (желание заработать на жизнь) и смена обстановки (Кривоногов, 2011).

Сегодня очевидно, что спустя 20 лет мотивы возможного выезда у части коренного населения Хакасии, прежде всего, у молодежи, вряд ли изменились. Более того, в современных экономических условиях они, скорее всего, еще более усилились. Однако для более точной оценки и градации побудительных мотивов выезда из республики (и возможно на длительный срок или на постоянное место жительства в другом регионе) необходимо массированное социологическое исследование.

Возвращаясь к вопросам размещения хакасов по федеральным округам России, отметим, что больше всего хакасского населения проживает в Сибирском федеральном округе, что вполне объяснимо, поскольку Республика Хакасия входит в состав этого округа. Кроме проживавших на момент переписи 2020 г. в самой Хакасии (см. табл. 1), наибольшее количество хакасов проживало в Красноярском крае, особенно в его соседних близлежащих южных районах — 2742, в республиках Саяно-Алтая: Тыве — 359 чел. и Алтае — 35 чел.1

На втором месте по числу хакасов находится Дальневосточный федеральный округ — 786 чел., причем хакасы расселились по всем субъектам округа, вплоть до Чукотки, где было зарегистрировано 47 лиц хакасской национальности. В самом западном регионе России — Калининградской области — зарегистрирован 21 хакас.

Интересно проследить расселение хакасов в таком индустриально развитом федеральном округе как Уральский, в который входит 6 субъектов России (табл. 3).

Как видно из данных таблицы 3, переписью 2020 г. в Уральском федеральном округе было зарегистрировано 490 лиц хакасской национальности, что на 18,9 % меньше численности хакасов по переписи 2002 г. Причем убыль идет по всем субъектам округа, в т. ч. и по нефтегазоносным автономным округам — Ханты-Мансийскому и Ямало-Ненецкому. Наиболее вероятной причиной оттока хакасского населения может быть возвращение на свою родину в Хакасию в связи с истечением или прекращением трудовой деятельности, ведь в таких регионах с суровыми климатическими условиями преобладает вахтовый метод работы, что достаточно непривлекательно для молодежи, а уровень зарплаты уже не является главным стимулом для приезда.

Не менее интересно сравнить показатели этнической компактности среди народов Саяно-Алтая — алтайцев, хакасов и тувинцев (табл. 4).

Данные таблицы 4 показывают существенную разницу в показателях этнической компактности между алтайцами, хакасами и тувинцами. В течение всего периода 2002–2020 гг. хакасы были мобильнее, чем их соседи по Саяно-Алтайскому нагорью. Здесь сказывается целый комплекс причин, среди которых немаловажную роль играют и исторические. Тува длительное время находилась в изоляции, во времена императорской России это был Урянхайский край, затем Тувинская Народная Республика, вошедшая в состав СССР в 1944 г. В советский период для тувинцев в целом была характерна низкая территориальная мобильность, учитывая очень прочные исторические традиции способа хозяйствования.

[1] Всесоюзная перепись населения 1989 г. распределение городского и сельского населения областей и краев РСФСР по полу и национальности. https://www.demoscope.ru (дата обращения: 07.02.2025).

Таблица 3

Расселение хакасов в Уральском федеральном округе (2002–2020 гг.)

Субъекты округа	Значение показателя по годам		
	2002	2020	2020 к 2002, %
Свердловская обл.	92	70	76,1
г. Екатеринбург	—	24	—
Курганская обл.	14	4	28,6
Тюменская обл.	256	199	77,7
Челябинская обл.	35	18	51,4
ХМАО	125	95	76,0
ЯНАО	82	80	97,6
Всего по УФО	604	490	81,1

Источник: Итоги Всероссийской переписи 2002 г. В 14 т. Кн. 1. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. Москва: ИИЦ «Статистика России», 2004. С. 88–93; Итоги ВПН-2020. Т. 5. Национальный состав и владение языками. Табл. 1. Национальный состав населения. Федеральная служба государственной статистики. https://rosstat.gov.ru (дата обращения: 01.02.2025).

Таблица 4

Показатели этнической компактности среди народов Саяно-Алтая, 2002–2020 гг.

Народы	Значение показателя по годам		
	2002	2010	2020
Алтайцы	92,5	92,7	93,7
Тувинцы	96,7	94,4	97,1
Хакасы	86,5	87,2	89,9

Источник: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. В 14 т. Кн. 1. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. Москва: ИИЦ «Статистика России», 2004. С. 8, 16, 17, 95, 98–99; Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. В 11 томах. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. Кн. 1. Москва: ИИЦ «Статистика России», 2012. С. 10, 18, 19, 113, 116, 117; Итоги ВПН-2020. Т. 5. Национальный состав и владение языками. Табл. 1. Национальный состав населения. Федеральная служба государственной статистики. https://rosstat.gov.ru (дата обращения: 01.02.2025).

Индустриальное развитие этого анклавного региона в 1960–1970-е гг. во многом изменило образ жизни коренного населения Тувы, особенно городского. Но, только начиная с 2000-х гг. территориальная мобильность тувинцев стала быстро расширяться и в первую очередь за счет ближайшего региона — Хакасии (табл. 5).

Численность же хакасов в Республике Тыва за рассматриваемый период сократилась почти в такой же, но обратной пропорции, в какой выросла тувинская

Таблица 5

Численность тувинцев и хакасов в республиках Тыва и Хакасия (по данным переписей 2002 и 2020 гг.)

Народность	Значение показателя по годам		
	2002	2020	2002 к 2020, %
Тувинцев в РХ	494	2051	в 4,1 раза
Хакасов в РТ	1219	359	29,5

Источник: Управление Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва. Всероссийская перепись населения 2020 года. https://www.24.rosstat.gov.ru (дата обращения: 07.02.2025).

диаспора в Хакасии. Главная причина такого бурного роста численности тувинцев в соседнем регионе — учеба в местных учебных заведениях, прежде всего, в Хакасском государственном университете им. Н.Ф. Катанова, и предпринимательская деятельность.

Горный Алтай как труднодоступный район Алтайского края был так же, как и Тува, своего рода автаркией, т. е. замкнутым и труднодоступным для хозяйственного освоения регионом. Именно Хакасия, в силу богатства и разнообразия природных ресурсов и транспортной доступности, начиная со второй половины 20-х гг. прошлого столетия оказалась втянутой в орбиту бурного развития производительных сил Сибири, что и повлекло за собой их пространственное размещение, в т. ч. и главной производительной силы — человека, трудовых ресурсов.

Заключение

Таким образом, период, прошедший между переписями населения в постсоветской России, внес принципиальные изменения в направления территориальной мобильности коренного населения Хакасии. Если в советский период шло нарастание оттока хакасов из своей автономной области за ее пределы во все регионы СССР и интенсивность его достигла апогея к 1989 г., то в постсоветский период направление изменилось в обратную сторону. Материалы переписей 2002, 2010 и 2020 гг. показали это со всей очевидностью. Глубинными причинами миграции стали в первую очередь причины социально-экономического характера. Однако нельзя сбрасывать со счетов и факторы социально-психологического, ментального характера, присущего хакасской молодежи из сельских районов республики. В этом плане заметным явлением стало нарастание темпов межрегиональной миграции среди тувинцев, что и зафиксировали переписи населения. Их присутствие в районах Урала, Западной Сибири, Севера и Дальнего Востока стало значительно большим, нежели хакасов. Это относится и к самой республике Хакасия, где диаспора тувинцев растет намного более быстрыми темпами, чем хакасов в Туве.

В целом же география мест расселения хакасов за последние четверть века не изменилась и по-прежнему охватывает всю территорию Российской Федерации от Чукотки до Калининграда, но уже с меньшим представлением своей республики.

Список источников

Анжиганова, Л. В. (2006). *Этносоциальная ситуация в Республике Хакасия в оценках и представлениях массового сознания*. Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 96.

Анжиганова, Л. В. (2009). Мигранты в Республике Хакасия: проблемы адаптации. В *Хакасия в XX-XXI веках: язык, история, культура: Материалы 3-й Межрегиональной научной конференции* (30 апреля) (с. 64–69). Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 189.

Анжиганова, Л. В., Шоев, В. В. (2006). *Этнические диаспоры Республики Хакасия: проблемы социокультурной адаптации*. Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 91.

Карачаков, Д. М. (1998). *Индустриальное развитие и формирование кадрового потенциала национальных районов Сибири: исторический опыт и уроки (1961-1985 гг.)*. Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 184.

Карачаков, Д. М. (2002). О миграции коренных народов Тувы, Горного Алтая и Хакасии в 60-70-е годы XX века. В *Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы истории Саяно-Алтая и сопредельных территорий»* (6–12 октября 2001 г.) (с. 11–13). Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 231.

Карачаков, Д. М. (2007). *Социально-экономическое развитие Тувы, Горного Алтая и Хакасии во второй половине XX века.* Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 159.

Козьмин, Н. Н. (1916). К вопросу о «вымирании» инородцев. *Сибирские записки, 2,* 99–108.

Кривоногов, В. П. (2011). *Хакасы в начале XXI века: современные этнические процессы*. Абакан: Хакасское книжное издательство, 252.

Кышпанаков, В. А. (2022). *Население Хакасии: из прошлого к современности (1897–2022)*. Абакан: Хакасское книжное издательство им. В. М. Торосова, 320.

Патканов, С. К. (1911–1912). *Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. Т. 1.* Санкт-Петербург: Типография «Ш. Буссель», 185.

Тугужекова, В. Н. (2018). Этнографические процессы в Хакасии конца XX-XXI вв. *Гуманитарные науки в Сибири, 25*(2), 87–91. http://doi.org/10.15372/HSS20180215

References

Anzhiganova, L. V. & Shoev V. V. (2006). *Etnicheskie diaspory Respubliki Khakasiya: problemy sotsiokul'turnoy adaptatsii [Ethnic Diasporas of the Republic of Khakassia: Problems of Sociocultural Adaptation]*. Abakan: Publishing House of Khakass State University named after N. F. Katanov, 91. (In Russ.)

Anzhiganova, L. V. (2006). *Etnosotsial'naya situatsiya v Respublike Khakasiya v otsenkakh i predstavleniyakh massovogo soznaniya. [Ethnosocial situation in the Republic of Khakassia in assessments and representations of mass consciousness]*. Abakan: Publishing house of Khakassian state university named after N. F. Katanov, 96. (In Russ.)

Anzhiganova, L. V. (2009). Migrants in the Republic of Khakassia: problems of adaptation. In *Khakasiya v XX-XXI vekakh: yazyk, istoriya, kul'tura: Materialy 3-y Mezhregional'noy nauchnoy konferentsii (30 aprelya 2009 g.) [Khakassia in the XX-XXI centuries: language, history, culture: Proceedings of the 3rd Interregional Scientific Conference* (April 30, 2009)] (pp. 64–69). Abakan: Publishing House of Khakass State University named after N. F. Katanov, 189. (In Russ.)

Karachakov, D. M. (1998). *Industrial'noe razvitie i formirovanie kadrovogo potentsiala natsional'nykh rayonov Sibiri: istoricheskiy opyt i uroki (1961–1985 gg.)[Industrial development and formation of human resources potential of national regions of Siberia: historical experience and lessons (1961–1985)]*. Abakan: Publishing house of Khakass State University named after N. F. Katanov, 184. (In Russ.)

Karachakov, D. M. (2002). About the migration of indigenous peoples of Tuva, Gorny Altai and Khakassia in the 60-70s of the 20th century. In *Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya «Aktual'nye problemy istorii Sayano-Altaya i sopredel'nykh territoriy (6-12 oktyabrya 2001g.) [The International scientific and practical conference "Actual problems of the history of Sayano-Altai and adjacent territories" (October 6-12, 2001)]* (pp. 11-13). Abakan: Publishing house of Khakass State University named after N. F. Katanov, 231. (In Russ.)

Karachakov, D. M. (2007). *Socio-economic development of Tuva, Gorny Altai and Khakassia in the second half of the 20th century [Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Tuvy, Gornogo Altaya i Khakasii vo vtoroy polovine XX veka]*. Gorno-Altaysk: RIO GAGU, 159. (In Russ.)

Koz'min, N. N. (1916). *On the question of the "extinction" of foreigners. Sibirskie zapiski [Siberian notes], 2,* 99–108 (In Russ.)

Krivonogov, V. P. (2011). *Khakassians at the beginning of the 21st century: modern ethnic processes [Hakasy v nachale XXI veka: sovremennye jetnicheskie process]*. Abakan: Khakassian book publishing house, 252. (In Russ.)

Kyshpanakov, V. A. (2022). *Population of Khakassia: from the past to the present (1897–2022) [Naselenie Hakasii: iz proshlogo k sovremennosti (1897–2022)]*. Abakan: Khakass Book Publishing House named after V. M. Torosov, 320. (In Russ.)

Patkanov, S.K. (1911–1912). *Statistical data showing the tribal composition of the population of Siberia, the language and clans of foreigners [Statisticheskie dannye, pokazyvayushchie plemennoy sostav naseleniya Sibiri, yazyk i rody inorodtsev]* Vol. 1. St. Petersburg: Printing house "Sh. Bussel", 185. (In Russ.)

Tuguzhekova, V. N. (2018). Ethnographic processes in Khakassia at the end of the XX-XXI centuries. *Gumanitarnye nauki v Sibiri [Humanities in Siberia], 25*(2), 87–91. http://doi.org/10.15372/HSS20180215 (In Russ.)

Кышпанаков Владимир Алексеевич — доктор исторических наук, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник сектора истории, Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории; https://orcid.org/0000-0002-1233-9875 (Российская Федерация, 655017, г. Абакан, ул. Щетинкина, 23; e-mail: kyshpanakovv@mail.ru).

Vladimir A. Kyshpanakov — Dr. Sci. (Histor.), Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher, Khakass Scientific Research Institute of Language, Literature & History; https://orcid.org./0000-0002-1233-9875 (23, Schetinkin St., Abakan, 655017, Russian Federation; e-mail: kyshpanakovv@mail.ru).

УДК 314.148(470.13)«1946/1989»
JEL classification: J11
https://www.doi.org/10.17059/udf-2025-1-9

Ведущие причины смерти населения Коми АССР в 1940–1980-е годы[1]

У. В. Лыткина

Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН
(г. Сыктывкар, Российская Федерация).

https://orcid.org/0000-0002-4875-6929

Автор для корреспонденции: У. В. Лыткина (ulytkina@yandex.ru).

Аннотация. *В статье на основе материалов Национального архива Республики Коми и Российской базы данных по рождаемости и смертности рассматриваются ведущие причины смерти населения Коми АССР с 1940-х по 1980-е гг. Анализ вклада отдельных причин в итоговую смертность позволил объяснить происходивший в изучаемый период эпидемиологический переход в структуре причин смертности. Выявлены недостатки статистического учета смертности населения региона в послевоенные годы. Показано, что как в начале, так и в конце периода была высокой смертность от предотвратимых причин: сначала от инфекционных болезней, позже — от причин, связанных с употреблением алкоголя, которые были несколько нивелированы в результате антиалкогольной кампании государства в 1980-е гг. Дальнейшие исследования должны быть нацелены на анализ вклада разных причин смерти в ожидаемую продолжительность жизни населения и на изучение возрастных закономерностей в смертности населения.*

Ключевые слова: смертность; причины смерти; эпидемиологический переход; Коми АССР

The Leading Causes of Death of the Komi ASSR Population in the 1940s–1980s

U. Lytkina

Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre
"Komi Science Centre of the Ural Branch of the RAS" (Syktyvkar, Russian Federation).

https://orcid.org/0000-0002-4875-6929

Corresponding author: U. Lytkina (ulytkina@yandex.ru).

Abstract. *Based on data from the National Archive of the Komi Republic and the Russian Fertility and Mortality database, the article examines the leading causes of death in the Komi ASSR from the 1940s to the 1980s. The analysis of the contribution of individual causes to the total mortality made it possible to explain the epidemiological transition in the structure of causes of mortality. The article reveals the shortcomings of statistical accounting of mortality in the region in the post-war years. The study shows that both at the beginning and at the end of the period there was a high mortality rate from preventable causes. First, from infectious diseases, and later from alcohol–related causes, which were somewhat offset as a result of the government's anti–alcohol campaign in the 1980s. Further research should focus on analysing the contribution of various causes of death to the life expectancy of the population and on studying age-related patterns in mortality.*

Keywords: mortality; causes of death; epidemiological transition; Komi ASSR

Введение

Республика Коми в советский период стала одним из главных в стране центров добывающей промышленности, что кардинальным образом повлияло

[1] © Лыткина У. В. Текст. 2025.

на ее демографические структуры. Быстрые изменения численности и состава населения сначала под влиянием принудительных миграций, а затем в результате добровольной трудовой миграции сопровождались изменениями в качестве и образе жизни населения. Улучшалась социальная инфраструктура территорий, что приводило к трансформации структуры смертности.

В предыдущих исследованиях изучались в основном группы причин смерти (Фаузер, 2023; Лыткина, 2023), а не отдельные причины. Использование более дробной классификации причин смерти, содержащей сотни причин, позволяет лучше понять происходившие изменения. Цель статьи — выявить ведущие причины смерти населения Коми АССР в 1946–1989 гг. С одной стороны, хронологические рамки исследования ограничены Великой Отечественной войной, с другой — годом проведения последней Всесоюзной переписи населения. Источниками данных стали материалы из Национального архива Республики Коми (1946–1959 гг.) и Российская база данных по рождаемости и смертности (1969–1989 гг.). В статье анализируются ведущие причины смерти, на которые приходилось не менее 1 % смертей. При этом внешние причины смерти из-за их небольшого числа и важности для объяснения закономерностей смертности рассматриваются по всей номенклатуре.

В начале статьи систематизированы основные факторы смертности на Севере. Затем дана методика исследования и выполнен обзор источников данных. Результаты представлены по годам с разбиением на мужчин и женщин. Внешние причины смерти анализируются отдельно от остальных. В заключении статьи обобщены основные закономерности эволюции причин смертности в Коми АССР и сформулированы перспективы дальнейших исследований.

Основная часть

2.1. Факторы смертности в северном регионе

Эволюция структуры причин смерти обычно рассматривается в рамках концепции эпидемиологического перехода (Омран, 2019). Сначала ведущими причинами являются эпидемии и голод. Затем эпидемии отступают, возрастает роль хронических заболеваний, вызванных стрессом и деятельностью человека. Позднее происходит снижение смертности и от болезней системы кровообращения, возникают новые заболевания, прежде всего онкологические. Если для сокращения смертности от эпидемий достаточно охватить здравоохранением и санитарией большую часть населения, то для снижения смертности от болезней системы кровообращения требуются целенаправленные изменения в образе жизни населения, такие как отказ от курения и злоупотреблений алкоголем, диета, регулярные аэробные упражнения. Эпидемиологический переход описывает эволюцию смертности в глобальном масштабе, но имеются и специфические для Севера факторы.

Первая группа факторов — природно-климатические. Жители Крайнего Севера сталкиваются с холодом, колебаниями атмосферного давления, недостатком или избытком света, повышенной влажностью воздуха в летний период и сухостью в зимний (Солонин & Бойко, 2015). Всё это приводит к более высокому

распространению у северян некоторых хронических заболеваний. Вторая группа причин — экологические. Добыча полезных ископаемых часто связана с загрязнением воздуха, воды и почвы. В Республике Коми уже в советский период наблюдалось превышение предельной концентрации по многим загрязняющим веществам в десятки раз (Братцев и др.,1990). Третья группа факторов связана с обеспеченностью социальной инфраструктурой. Из-за больших расстояний между населенными пунктами и низкой транспортной доступности медицинская помощь может не оказываться своевременно (Timonin et al., 2018). Четвертая группа факторов — социально-экономическая. Самосохранительное поведение населения зависит от уровня и качества жизни. На Севере значим и этнический фактор. Как в России, так и в других северных странах высока смертность коренных народов Севера от внешних причин, таких как убийство и самоубийство (Park, 2021). Это может быть связано с бедностью, безработицей, отсутствием перспектив развития и маргинализацией населения отдаленных районов. Имеются культурные особенности северных народов, повышающие риск суицидального поведения (Любов и др., 2015).

Можно сделать вывод, что уровень смертности на Севере определяется сочетанием множества взаимосвязанных факторов и процессов. Выявление вклада отдельных причин смерти позволит понять, какие факторы были определяющими в разные периоды времени.

2.2. Методика и источники данных

До 1958 г. регистрация причин смерти в СССР охватывала в основном города. Позднее средние медицинские работники, наряду с врачами, получили право заполнять свидетельство о смерти, что позволило учесть и сельскую местность. Советская номенклатура причин смерти отличалась от международной. Всего в Советском Союзе использовались семь разных номенклатур. В изучаемый период 1946–1989 гг. применялись пять из них. До 1954 г. использовалась 2-я ревизия советской классификации причин смерти, включающая 87 причин. С 1955 г. по 1964 г. действовала 3-я советская ревизия, включающая уже 116 рубрик. В 1965–1969 гг. применялась номенклатура, основанная на 7-ой ревизии Международной классификации болезней (210 рубрик), в 1970–1980 — основанная на 8-й ревизии (185 рубрик), в 1981–1987 гг. — на 9-ой ревизии (185 рубрик). Начиная с 1988 г. номенклатура была модифицирована, в результате чего число рубрик сократилось до 175 (Милле и др., 1996).

Для изучения структуры смертности в 1946–1959 гг. использовались данные текущего статистического учета из Национального архива Республики Коми[1]. За 1946 г. имеются данные о причинах смерти только по Сыктывкару, в 1950 г. известна причина смерти у 17 % умерших в сельской местности, в 1955 г. — у 52 %. К 1959 г. с учетом причин смерти было охвачено всё население республики. Для анализа были отобраны причины, на которые пришлось более 1 % от всех смертей за период либо более 4 % в любой из годов у мужчин или женщин.

[1] Национальный архив Республики Коми, ф. Р-140, оп. 2, д. 2153, с. 39–40; д. 3227, л. 80–85; д. 5218, л. 59–62; д. 5233, л. 44–51.

Внешние причины смерти из-за их небольшого числа (от шести в 1946 г. до девяти в 1959 г.) не исключались из рассмотрения. Все причины были упорядочены по убыванию общего числа умерших и сведены в одну таблицу с разбиением по полу и годам.

Для изучения причин смерти в 1969–1989 гг. использовались сведения из Российской базы данных по рождаемости и смертности (РосБРиС)[1]. Преимущество этой базы в том, что более ранние данные были переклассифицированы в соответствии с номенклатурой 1980-х гг. Метод переклассификации включал три этапа: построение двух таблиц соответствия, определение элементарных ассоциаций рубрик и оценка коэффициентов перехода (Милле и др., 1996). В итоговую таблицу были отобраны причины, на которые приходилось более 1 % от всех смертей или более 2 % от смертей за 2-летний временной промежуток у мужчин или женщин. Внешние причины смерти (16 причин), как и в предыдущем случае, рассматривались полностью, редкие причины не исключались.

2.3. Результаты и обсуждение

В 1946 г. ведущей причиной смерти населения Коми АССР был туберкулез дыхательных органов (19,7 % умерших мужчин и 16,3 % женщин). На втором месте оказалась причина «прочие болезни сердца», которая объединяет широкий класс заболеваний. Среди мужчин она унесла 14,9 % жизней, а среди женщин — 18,7 %, что даже выше, чем у туберкулеза. На третьем месте — очаговое воспаление легких. Любопытно, что на четвертое место попала «старческая дряхлость». Эта причина фиксировалась даже у населения в возрасте 40–49 лет. Для сравнения, сегодня причина смерти «старость» используется только для населения старше 80 лет. Широкое применение этой причины может свидетельствовать о некачественной диагностике заболеваний, что неудивительно для первых послевоенных лет. Среди ведущих причин смерти также фигурируют крупозное воспаление легких, артериосклероз, прочие болезни пищеварительных органов, токсическая диспепсия у детей. Высокая смертность от инфекционных заболеваний демонстрирует, что в послевоенные годы в Коми АССР еще не в полной мере был завершен первый эпидемиологический переход. На неточно обозначенные причины пришлось 7,4 % смертей (табл. 1).

В 1950 г. место ведущей причины смерти заняло очаговое воспаление легких (13,7 % у мужчин и 15,9 % у женщин). Второе место — у токсической диспепсии детей (11,0 % и 13,2 % соответственно), только третье — у туберкулеза (8,6 % и 6,4 %). Были распространены прочие болезни сердца (6,6 % от общего числа смертей), дизентерия (5,2 %), гастроэнтероколит и преждевременное рождение (по 3,4 %). Почти на порядок снизился вклад «старческой дряхлости» — до 0,7 %. Удельный вес неточно обозначенных причин смерти остался примерно на том же уровне (7,6 %). Структура причин смерти в 1950 г. по-прежнему демонстрирует высокий вклад инфекционных заболеваний, но их состав изменился. Также повысилось качество учета причин смерти.

[1] Российская база данных по рождаемости и смертности. https://www.nes.ru/demogr-fermort-data-descrip (дата обращения: 10.02.2025).

Таблица 1

Число умерших в Коми АССР по ведущим причинам (кроме внешних), 1946–1959 гг.

Причина смерти	Значение показателя по годам							
	1946		1950		1955		1959	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Все причины	356	289	1665	1323	2083	1709	2882	2332
Очаговое воспаление легких	23	21	228	210	219	196	250	209
Токсическая диспепсия у детей (до 1 года)	9	5	183	175	128	121	155	134
Туберкулез дыхательных органов	70	47	144	85	65	55	108	62
Преждевременное рождение без других указаний (до 1 мес.)	4	4	48	54	88	65	78	49
Прочие болезни сердца	53	54	110	88	—	—	—	—
Артериосклероз и др. сосудистые поражения мозга (кроме гипертонической болезни)	11	6	33	40	30	28	56	83
Гипертоническая болезнь с преимущественным поражением мозга	—	—	—	—	28	33	80	145
Дизентерия (все формы)	—	—	66	74	18	12	43	44
Рак желудка	—	—	—	—	48	39	70	87
Хронические нагноительные заболевания легких, пневмосклероз, эмфизема легких	—	—	—	—	32	29	95	76
Прочие болезни новорожденных (до 1 мес.)	—	—	4	1	64	50	65	44
Гастроэнтероколит	11	7	62	40	31	29	20	15
Прочие болезни органов кровообращения	1	—	9	14	43	84	28	29
Пороки сердечных клапанов приобретенные	—	—	—	—	41	54	35	48
Прочие болезни пищеварительных органов, болезни зубов и полости рта	8	7	22	10	24	17	24	19
Туберкулез мозговых оболочек и центр нервной системы	7	1	35	25	21	20	11	10
Крупозное воспаление легких	10	12	19	16	15	17	10	9
Старческая дряхлость	13	30	6	15	—	—	—	—
Прочие причины смерти	12	9	87	68	34	19	26	16
Неточно обозначенные и не вошедшие в классификацию болезни и причины	35	13	132	96	250	228	209	227

Источник: Национальный архив Республики Коми, ф. Р-140, оп. 2, д. 2153, с. 39–40; д. 3227, л. 80–85; д. 5218, л. 59–62; д. 5233, л. 44–51.

В 1955 г. причинами наибольшего число смертей в Коми АССР по-прежнему были очаговое воспаление легких и токсическая диспепсия у детей, но их удельный вес снизился. Более чем вдвое снизился и удельный вес туберкулеза. Доля дизентерии уменьшилась почти в шесть раз. При этом выросла доля преждевременных рождений. Эта причина стала третьей по потерям населения. Среди остальных причин можно отметить прочие болезни органов кровообращения, прочие болезни новорожденных и пороки сердечных клапанов приобретенные. Удвоилась доля смертей по неточно обозначенным и не вошедшим в классификацию болезням и причинам, что можно объяснить тем, что средний медицинский персонал в сельской местности чаще выбирал эту рубрику. Причина «старческая дряхлость» в новой классификации причин смерти не использовалась.

В 1959 г. продолжил снижаться удельный вес воспаления легких (до 8,1 %), диспепсии (до 5,1 %) и туберкулеза (до 3,0 %). Начался рост вклада болезней сердца и системы кровообращения. Например, на гипертоническую болезнь с преимущественным поражением мозга приходилось 2,8 % смертей у мужчин и 6,2 % — у женщин. Резко выросла доля смертей от хронических нагноительных заболеваний легких, пневмосклероза, эмфиземы легких, рака желудка. Можно сделать вывод, что в 1946–1955 гг. произошел сдвиг в причинах смерти населения Коми ССР — от экзогенных к эндогенным. Однако в этот период эпидемиологический переход еще не был завершен полностью. В разы меньше, но по-прежнему много жизней уносили такие заболевания, как туберкулез и дизентерия, что свидетельствует о недостатках системы здравоохранения и санитарии в регионе.

Удельный вес внешних причин в структуре причин смерти в 1946–1959 гг. увеличивался. У мужчин он вырос с 6,5 % до 26,3 %, у женщин — с 3,5 % до 9,5 % (табл. 2). Более высокая смертность у мужчин вызвана как занятостью в более травмоопасных отраслях, так и большей склонностью мужчин к потреблению алкоголя и рискованному поведению. В 1946, 1950 и 1955 гг. наибольшее число смертей как у мужчин, так и у женщин приходилось на причину «травмы и отравления неустановленного характера (умышленная смерть или несчастный случай)». В 1959 г. на первое место вышла причина «прочие немеханические травмы и отравления неустановленного или непроизводственного характера и отравления

Таблица 2

Число умерших в Коми АССР по внешним причинам, 1946–1959 гг.

Причина смерти	Значение показателя по годам							
	1946*		1950		1955		1959	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Все причины	356	289	1665	1323	2083	1709	2882	2332
Внешние причины смерти	23	10	193	63	432	187	759	221
Самоубийство	2	2	27	8	64	17	130	52
Прочие немеханические травмы и отравления неустановленного или непроизводственного характера и отравления (кроме наркомании)	—	—	—	—	69	34	142	54
Травмы и отравления неустановленного характера (умышленная смерть или несчастный случай)	10	5	61	15	49	59	52	5
Механические травмы непроизводственного характера (кроме умышленных и родовых)	5	1	23	6	51	21	108	29
Производственные травмы и отравления	4	—	19	7	50	8	128	16
Утопление случайного характера	—	—	—	—	53	22	120	34
Убийство	1	2	10	5	37	10	53	24
Механические травмы неустановленные на производстве или нет характера	—	—	26	7	53	15	23	7
Умышленная смерть неустановленного характера	1	—	27	15	6	1	3	—

Источник: Национальный архив Республики Коми, ф. Р-140, оп. 2, д. 2153, с. 39–40; д. 3227, л. 80–85; д. 5218, л. 59–62; д. 5233, л. 44–51.

(кроме наркомании)». Существенно вырос удельный вес самоубийств — с 0,6 % до 3,5 % от числа всех смертей. Участились случаи утоплений случайного характера (с 2,0 % до 3,0 %), производственных травм и отравлений (с 0,6 % до 2,8 %), убийств (с 0,5 % до 1,5 %). Внешние причины смерти относят к числу предотвратимых и социально обусловленных. Их рост связан с замещением инфекционных заболеваний, смертность от которых сокращалась, а также с распространением алкоголизма, особенно среди мужчин.

В 1969–1970 гг. наибольшее число смертей пришлось на кардиосклероз атеросклеротический без гипертонической болезни (табл. 3): у мужчин — 7,8 % смертей, у женщин — вдвое больше (16,2 %). На втором месте у обоих полов были сосудистые поражения мозга с гипертонической болезнью, на третьем — сосудистые поражения мозга без гипертонической болезни. Можно констатировать, что к этому моменту эпидемиологическая революция была завершена, болезни системы кровообращения стали превалировать над инфекционными заболеваниями. Помимо рака желудка, в число ведущих причин смерти вошли рак трахеи,

Таблица 3

Число умерших в Коми АССР по ведущим причинам (кроме внешних), 1969–1989 гг.

Причина смерти	Значение показателя по годам					
	1969–1970		1978–1979		1988–1989	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Все причины	3416	2632	5019	3677	4720	4174
Кардиосклероз атеросклеротический без гипертонической болезни	265	427	313	594	389	689
Сосудистые поражения мозга без гипертонической болезни	69	164	238	429	397	902
Сосудистые поражения мозга с гипертонической болезнью	183	329	274	476	263	472
Другие формы ишемической болезни сердца без гипертонической болезни	17	24	343	189	287	114
Острый инфаркт миокарда без гипертонической болезни	111	44	139	53	224	98
Злокачественные новообразования желудка	106	97	126	91	139	105
Злокачественные новообразования трахеи, бронхов, и легких	86	19	151	30	285	53
Кардиосклероз атеросклеротический с гипертонической болезнью	34	70	59	140	53	132
Другие острые пневмонии	135	99	108	68	40	22
Застойные и гипостатические болезни легкого и послевоспалительный легочный фиброз	92	78	126	88	47	27
Туберкулез органов дыхания	88	28	83	16	51	9
Бронхит хронический, эмфизема легких	24	32	18	19	100	78
Болезни артерий, артериол и капилляров	25	35	41	31	51	82
Злокачественные новообразования других органов пищеварения	32	27	51	35	69	51
Хронические ревматические болезни сердца	40	54	37	54	13	28
Гипертоническая болезнь сердца	46	53	19	31	11	10
Симптомы и неточно обозначенные состояния	51	20	48	12	33	15

Примечание: в таблице приведены среднегодовые значения по периодам.

Источник: Российская база данных по рождаемости и смертности. https://www.nes.ru/demogr-fermort-data-descrip (дата обращения: 10.02.2025).

бронхов и легких, которые чаще встречались у мужчин и обычно обусловлены курением. Вклад туберкулеза сократился до 1,9 %, острой пневмонии — до 3,9 %.

В 1978–1979 гг. список из трех ведущих причин остался неизменным. Болезни системы кровообращения намного больше жизней отбирали у женщин, поскольку мужчины чаще умирали в ранних возрастах от внешних причин и туберкулеза. В девять раз выросла доля умерших от других форм ишемической болезни сердца без гипертонической болезни. Продолжила сокращаться смертность от туберкулеза и пневмонии. В 1988–1989 гг. список лидирующих причин смерти тоже не претерпел значительных изменений. На 6,9 п.п. выросла доля сосудистых поражений мозга без гипертонической болезни. В пять раз (до 2 %) вырос вклад в смертность хронического бронхита и эмфиземы легких. Доля пневмоний и туберкулеза уменьшилась до 0,7 %. Вклад неточно обозначенных состояний уменьшился до 0,5 %.

А.Г. Вишневский доказывает, что в России произошла только первая эпидемиологическая революция (до 1960 г.), а вторая, которая началась в странах Запада в 1960-х гг. и заключается в снижении смертности от неинфекционных причин, так и не состоялась (Вишневский, 2014). Проведенный анализ ведущих причин смерти позволяет заключить, что в Коми АССР первая революция произошла с некоторым запозданием даже относительно среднероссийского уровня, а вторая тоже не совершилась. Ее признаком стало бы прежде всего снижение смертности от ряда болезней системы кровообращения.

Вклад внешних причин смерти с 1969 по 1979 гг. был практически неизменен и составлял 39 % у мужчин и 13–14 % у женщин. Он сократился в 1988–1989 гг. до 28 % и 8 % соответственно (табл. 4). У мужчин во всех трех периодах ведущей внешней причиной смерти было самоубийство и самоповреждение. У женщин исключением стал период 1978–1979 гг., когда по числу умерших лидировали случайные отравления алкоголем. В целом за два последних советских десятилетия (с 1969 по 1989 гг.) сократилась доля смертей от большинства внешних причин: самоубийств (на 30 %), случайных отравлений алкоголем (на 67 %), случайных утоплений и погружений в воду (на 48 %); механических удушений, закупорки дыхательных путей (на 77 %); автомототранспортных несчастных случаев (на 53 %); несчастных случаев, вызванных огнем (на 49 %), электрическим током (на 50 %), огнестрельным оружием (на 61 %). Доля убийств за период почти не изменилась. Улучшения по большинству внешних причин обусловлены реализацией антиалкогольной компании в 1985–1990 гг.

Выросла смертность от ДТП с наездом на пешехода (в 2,4 раза). Начали регистрироваться несчастные случаи во время лечения. Рост смертности от некоторых причин может быть связан с изменением практик кодирования причин смерти в целях улучшения показателей смертности от алкоголя (Вишневский и др., 2016). К примеру, одновременно с сокращением случайных отравлений алкоголем вырос удельный вес других случайных отравлений (в 3,1 раза). В 1,8 раза выросла доля случайных падений. Однако даже при суммировании показателей по смежным причинам наблюдается существенное сокращение смертности.

Таблица 4

Число умерших в Коми АССР по внешним причинам, 1969–1989 гг.

Причина смерти	Значение показателя по годам					
	1969–1970		1978–1979		1988–1989	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Все причины	3416	2632	5019	3677	4720	4174
Внешние причины	1337	348	1972	526	1301	351
Самоубийство и самоповреждение	313	65	420	93	303	84
Другие несчастные случаи	190	54	283	73	147	37
Случайные отравления алкоголем	184	62	286	114	87	31
Случайное утопление и погружение в воду	199	24	214	22	146	24
Убийства и преднамеренные повреждения, нанесенные другим лицом и предусмотренные законом вмешательства	91	50	150	68	166	42
Автомототранспортный несчастный случай на общественной дороге в результате наезда на пешехода	36	10	76	26	128	37
Повреждения без уточнения их случайного или преднамеренного характера	74	22	112	27	55	14
Другие случайные отравления	18	7	90	23	86	28
Случайное механическое удушение, закупорка дыхательных путей	62	15	93	30	17	9
Автомототранспортные несчастные случаи	60	11	76	14	44	5
Несчастные случаи, вызванные огнем	34	10	55	19	26	7
Несчастные случаи, связанные с мототранспортом	30	9	55	8	39	7
Случайные падения	15	2	33	7	30	17
Несчастные случаи, вызванные электрическим током	25	6	25	3	21	2
Несчастные случаи, вызванные огнестрельным оружием	6	1	4	1	4	–
Несчастные случаи во время лечения	–	–	–	–	2	6

Примечание: в табл. приведены среднегодовые значения по периодам.

Источник: Российская база данных по рождаемости и смертности. https://www.nes.ru/demogr-fermort-data-descrip (дата обращения: 10.02.2025).

Заключение

Проведенный анализ показал, какие причины смерти уносили больше всего жизней жителей Коми АССР в разные периоды. Результаты продемонстрировали эпидемиологическую революцию, которая произошла в Коми АССР с небольшим запозданием относительно большей части России. После 1970 г. прогресс практически прекратился. Дальнейшие улучшения требовали целенаправленного изменения образа жизни населения (отказ от курения, диета), развития ранней профилактики и лечения не только заболеваний, но и факторов риска. Главным достижением последних советских лет в отношении роста продолжительности жизни можно назвать снижение смертности от причин, связанных с алкоголем. Однако результат антиалкогольной компании был краткосрочным. Дальнейшие исследования должны быть нацелены на изучение вклада отдельных причин смерти в ожидаемую продолжительность жизни населения.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН по теме №FUUU-2025-0026 «Государственная политика развития Европейского Севера России: актуальные проблемы социально-политической, экономической, социокультурной и демографической истории в XVI-XX вв.».

Acknowledgements

The research was carried out within the frames of the implementation of the state task of the Federal Research Centre Komi Science Centre, Ural Branch, RAS on the topic "State policy for the development of the European North of Russia: actual problems of socio-political, economic, socio-cultural and demographic history in the XVI-XX centuries" (No. FUUU-2025-0026).

Список источников

Братцев, А. П. (отв. ред.) и др. (1990). *Эколого-экономические аспекты природопользования на Европейском Севере*. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 106.

Вишневский, А. Г. (2014). Смертность в России: несостоявшаяся вторая эпидемиологическая революция. *Демографическое обозрение, 1* (4), 5–40. https://doi.org/10.17323/demreview.v1i4.1801

Вишневский, А. Г., Андреев, Е. М., Тимонин, С. А. (2016). Смертность от болезней системы кровообращения и продолжительность жизни в России. *Демографическое обозрение, 3* (1), 6–34. https://doi.org/10.17323/demreview.v3i1.1761

Лыткина, У. В. (2023). Естественное движение населения Коми АССР в 1946–1959 годах. *Известия Коми научного центра УрО РАН. Серия «Историческая демография», 8* (66), 69–79. https://doi.org/10.19110/1994-5655-2023-8-69-79

Любов, Е. Б., Сумароков, Ю. А., Конопленко, Э. Р. (2015). Жизнестойкость и факторы риска суицидального поведения коренных малочисленных народов Севера России. *Суицидология, 6* (3), 23–30. EDN: UNVVWH

Милле, Ф., Школьников, В. М., Эртриш, В., Валлен, Ж. (1996). *Современные тенденции смертности по причинам смерти в России 1965–1994*. Париж: INED, 140.

Омран, А. Р. (2019). Теория эпидемиологического перехода: взгляд 30 лет спустя. *Демографическое обозрение, 6* (1), 177–216. https://doi.org/10.17323/demreview.v6i1.9117

Солонин, Ю. Г., Бойко, Е. Р. (2015). Медико-физиологические аспекты жизнедеятельности в Арктике. *Арктика: экология и экономика, 17* (1), 70–75. EDN: TUUTMT

Фаузер, В. В. (2023). *Республика Коми на рубеже веков: демография, миграция, расселение*. Ижевск: ООО «Принт», 308. EDN: TUUTMT

Park, J. (2021). Mortality among First Nations people, 2006 to 2016. *Health Reports, 32* (10), 3–13. https://doi.org/10.25318/82-003-x202101000001-eng

Timonin, S., Kontsevaya, A., McKee, M., Leon, D. A. (2018). Reducing geographic inequalities in access times for acute treatment of myocardial infarction in a large country: the example of Russia. *International Journal of Epidemiology, 47* (5), 1594–1602. https://doi.org/10.1093/ije/dyy146

References

Brattsev, A. P. et al. (1990). *Ekologo-ekonomicheskie aspekty prirodopolzovaniya na Evropeiskom Severe [Ecological and economic aspects of nature management in the European North]*. Syktyvkar: Komi SC UB RAS, 106. (In Russ.)

Fauzer, V. V. (2023). *Respublika Komi na rubezhe vekov: demografiya, migratsiya, rasselenie [The Komi Republic at the Turn of the Century: demography, migration, settlement system]*. Izhevsk: OOO «Print», 308. (In Russ.)

Lytkina, U. V. (2023). Natural movement of the population of the Komi ASSR in 1946–1959. *Izvestiya Komi nauchnogo tsentra UrO RAN [Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Division of the Russian Academy of Sciences], 8*(66), 69–79. https://doi.org/10.19110/1994-5655-2023-8-69-79 (In Russ.)

Lyubov, E. B., Sumarokov, Yu. A. & Konoplenko, E. R. (2015). Resilience and suicide behaviour risk factors in indigenous peoples of the Russian North. *Suitsidologiya [Suicidology], 6*(3), 23–30. EDN: UNVVWH (In Russ.)

Meslé, F., Shkolnikov, V. M., Hertrich, V. & Vallin, J. (1996). *Sovremennye tendentsii smertnosti po prichinam smerti v Rossii 1965–1994 [Current trends in mortality by cause of death in Russia 1965–1994]*. Paris: INED, 140. (In Russ.)

Omran, A. R. (2019). The epidemiologic transition theory revisited thirty years later. *Demograficheskoe obozrenie [Demographic Review], 6*(1), 177–216. https://doi.org/10.17323/demreview.v6i1.9117 (In Russ.)

Park, J. (2021). Mortality among First Nations people, 2006 to 2016. *Health Reports, 32*(10), 3–13. https://doi.org/10.25318/82-003-x202101000001-eng

Solonin, Yu. G. & Boyko, E. R. (2015). Medical and physiological aspects of vital activity in the Arctic. *Arktika: ekologiya i ekonomika [Arctic: Ecology and Economy], 17*(1), 70–75. EDN: TUUTMT (In Russ.)

Timonin, S., Kontsevaya, A., McKee, M. & Leon, D. A. (2018). Reducing geographic inequalities in access times for acute treatment of myocardial infarction in a large country: the example of Russia. *International Journal of Epidemiology, 47*(5), 1594–1602. https://doi.org/10.1093/ije/dyy146

Vishnevsky, A. G. (2014). Mortality in Russia: the second epidemiologic revolution that never was. *Demograficheskoe obozrenie [Demographic Review], 1*(4), 5–40. https://doi.org/10.17323/demreview.v1i4.1801 (In Russ.)

Vishnevsky, A. G., Andreev, E. M. & Timonin, S. A. (2016). Mortality from cardiovascular diseases and life expectancy in Russia. *Demograficheskoe obozrenie [Demographic Review], 3*(1), 6–34. https://doi.org/10.17323/demreview.v3i1.1761 (In Russ.)

Лыткина Ульяна Владимировна — младший научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН; https://orcid.org/0000-0002-4875-6929 (Российская Федерация, 167982, г. Сыктывкар, ГСП-2, ул. Коммунистическая, 26; e-mail: ulytkina@yandex.ru).

Uliana V. Lytkina — Junior Researcher, Institute of Language, Literature and History, Federal Research Centre "Komi Science Centre of the Ural Branch of the RAS"; https://orcid.org/0000-0002-4875-6929 (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar, Komi Republic, Russian Federation; e-mail: ulytkina@yandex.ru).

УДК 614.1:314.4:314.382
JEL classification: I15, J11
https://www.doi.org/10.17059/udf-2025-1-10

Особенности демографических процессов на Среднем Урале в XIX – начале XX веков[1]

Н. В. Ножкина [а], Т. В. Зарипова [б]

[а, б] Уральский государственный медицинский университет (г. Екатеринбург, Российская Федерация).

[а] https://orcid.org/0000-0001-8579-7618

[б] https://orcid.org/0009-0005-9332-5596

Автор для корреспонденции: Т. В. Зарипова (konisheva@list.ru).

Аннотация. *В Российской империи второй половины XIX века активизируются процессы развития в сфере оказания медицинской помощи населению. Для оценки их результативности на территории Пермской губернии изучена динамика демографических показателей за 1861–1909 годы. Источниками информации послужили статистические данные Пермского Губернского статистического комитета, опубликованные в изданиях 1863–1912 годов. Демографическая ситуация в Пермской губернии в изучаемый период характеризовалась высокими уровнями показателей рождаемости, общей и младенческой смертности, низкой выживаемостью детского населения. В городах вплоть до последнего десятилетия XIX века наблюдалась естественная убыль населения. Несмотря на развитие сети лечебных учреждений в городах и земской медицины в сельской местности, обеспеченность населения врачами оставалась низкой. К 1909 году происходит снижение младенческой смертности, а ситуация со смертностью среди населения в возрасте старше 1 года не претерпевает существенных изменений. Это свидетельствует о недостаточной эффективности имеющихся во второй половине XIX века организационных форм оказания медицинской помощи населению для решения проблемы высокой смертности.*

Ключевые слова: рождаемость; смертность; младенческая смертность; Пермская губерния; история медицины

Features of Demographic Processes in the Middle Urals in the 19th – Early 20th Century

N. Nozhkina [a], T. Zaripova [b]

[a, b] Urals State Medical University (Yekaterinburg, Russian Federation Russia).

[a] https://orcid.org/0000-0001-8579-7618

[b] https://orcid.org/0009-0005-9332-5596

Correspondence author: T. Zaripova (konisheva@list.ru).

Abstract. *In the Russian Empire in the second half of the 19th century, the processes of development in the field of providing medical care to the population intensified. To assess their effectiveness in the territory of the Perm province, the dynamics of demographic indicators for the years 1861–1909 was studied. The sources of information were statistical data from the Perm Provincial Statistical Committee, published in publications from 1863–1912. The demographic situation in Perm province during the period under study was characterized by high levels of fertility, total and infant mortality, and low survival of the child population. There was a natural population decline in cities until the last decade of the 19th century. Despite the development of a network of medical institutions in cities and zemstvo medicine in rural areas, the provision of doctors to the population remained low. By 1909, infant mortality was decreasing, and the mortality*

[1] © Ножкина Н. В., Зарипова Т. В. Текст. 2025.

situation among the population over the age of 1 year was not significantly changing. This indicates the insufficient effectiveness of the organizational forms of medical care available in the second half of the 19th century to address the problem of high mortality.

Keywords: birth rate; mortality; infant mortality; Perm province; history of medicine

Введение

Оценка демографических показателей является важным критерием как экономического развития страны, так и деятельности системы здравоохранения.

В Российской империи второй половины XIX в. активизируются процессы развития в сфере оказания медицинской помощи широким слоям населения, выражающиеся в открытии лечебных учреждений в городах и развитии земской медицины в сельской местности (Веселовский, 1909). Пермская губерния находилась среди наиболее прогрессивных в этом плане губерний страны (Плотникова & Плотников, 2010).

Российское врачебное сообщество XIX в. активно обсуждало пути решения проблемы высокой смертности в Российской империи (Соколов & Гребенщиков, 1901). Набирало силу движение в защиту жизни детей, создан всероссийский «Союз для борьбы с детской смертностью», наиболее активным региональным представительством которого стал Уральский отдел в Пермской губернии. В городах и селах открывались больницы и амбулатории (Голикова & Дашкевич, 2014).

Цель исследования — изучить особенности динамики демографических процессов на Среднем Урале во второй половине XIX – начале XX вв. для оценки результативности реализуемых мероприятий по обеспечению населения медицинской помощью.

Обзор литературы

В XIX в. в Российской империи учет статистических данных о родивших и умерших приобретает систематический характер. В земский период (1864–1917 гг.) эти данные начинают активно публиковаться и становятся доступны широкому кругу читателей, благодаря чему в настоящее время они открыты для изучения (Плотникова & Плотников, 2020; Степнов & Нямцу, 2017).

Однако большинство исследователей того периода интересуются в основном смертностью детей в возрасте до 1 года. Так, еще ученые конца XIX в. отмечали чрезвычайно высокую младенческую смертность в Пермской губернии, которая по уровню этого показателя занимала первое место среди всех губерний страны — в 1887–1896 гг. на уровне 437 на 1000 родившихся живыми (Соколов & Гребенщиков, 1901).

Современные ученые продолжают изучать феномен младенческой смертности в Пермской губернии. Так, по данным 1894–1900 гг. среди родившихся детей в возрасте до года умирало в городах около 40 %, в уездах — более 50 % (Плотникова & Плотников, 2010). С помощью корреляционного анализа данных по Екатеринбургскому уезду за 1890–е гг. высказаны предположения о значительно более низкой смертности младенцев в горнозаводских поселениях по сравнению с сельскими, а среди последних — в хозяйствах с повышенным личным благосостоянием, позволяющим кормить детей коровьим молоком (Бахарев, 2019).

Более низкий уровень младенческой смертности в 1890–1900 гг. имели также уезды с большой долей старообрядцев и нерусского населения (Бахарев, 2018).

Показано, что реформы Александра II привели в период с 1867 до 1915 гг. к резкому снижению младенческой смертности в городах горнозаводского Урала, что связывают с модернизационными факторами, такими как создание родильных домов, диверсификация экономической занятости (Бахарев, 2023). При этом с 1889 г. городской показатель младенческой смертности находился в стагнации, с периодами незначительного повышения или понижения (Бахарев & Главацкая, 2021).

В сельской местности в отсутствии реальных мероприятий, направленных на снижение смертности детей, младенческая смертность в 1894–1915 гг. целиком зависела от неурожаев и социальных катаклизмов, одним из которых стало начало Первой мировой войны (Корнилов, 2014).

Однако для изучения влияния развивающейся сети лечебных учреждений и предпринимаемых врачебным сообществом мероприятий на здоровье населения в целом требуется изучить динамику более широкого круга демографических показателей за более длительный период времени.

Материалы и методы

Исследованием охвачен пятидесятилетний период с 1861 по 1909 гг. Базой исследования выбраны территории Среднего Урала, в начале XX в. находившиеся в административных границах Пермской губернии. Благодаря выбору длительного периода изучения получена возможность сравнить демографические показатели на фоне сложившейся к 1910-м гг. системы медицинских мероприятий с периодом до активизации организационных мероприятий в области медицины.

Источниками информации послужили исторические документы: статистические сборники и публикации, содержащие статистическую информацию, изданные в XIX в. — первые два десятилетия XX в., представленные в оцифрованном виде на официальных порталах электронных библиотек, а именно: статистические данные Пермского Губернского статистического комитета, включенные в Памятные книжки Пермской губернии на 1862–1912 гг. (Коллекция Памятных книжек Свердловской областной универсальной научной библиотеки им. В.Г. Белинского, https://elib.uraic.ru/handle/123456789/7291), 29 документов; а также «Санитарно-статистический ежегодник Пермской губернии: Статика и динамика населения, его заболеваемость и врачебно-санитарная организация в губернии. 1909 год» (Пермь, 1912) из фондов электронной библиотеки Пермского государственного национального исследовательского университета (https://elis.psu.ru/node/228961). Всего изучено 30 документов.

В исследование включены годы, за которые в представленных документах имеется необходимая статистическая информация.

Рассчитаны и проанализированы в динамике погодовые показатели рождаемости (на 1000 населения), общей смертности (на 1000 населения), а также смертности мужчин и женщин, смертности городского и сельского населения (на 1000 населения соответствующей группы). Для расчетов показателей использовались сведения о численности населения по данным Губернского статистического комитета и полицейским сведениям, представленные в использованных документах.

Также проведено сравнение дореформенных показателей 1861 г. и показателей спустя полвека с начала реформ (1909 г.), а именно структуры умерших по возрасту и повозрастной смертности. В связи с особенностями статистического учета в Российской империи второй половины XIX в. — начале XX в., не позволяющими оценить численность населения по возрастным группам, из повозрастных показателей смертности были рассчитаны только младенческая смертность (на 1000 родившихся живыми) и смертность среди населения в возрасте старше одного года (на 1000 населения соответствующего возраста).

Данные для расчета структуры умерших по возрасту за 1861 г. и младенческой смертности в связи с особенностями системы сбора данных о возрасте умерших в Российской империи (по данным Метрических книг, осуществляющих регистрацию рождений среди православного населения) посчитаны по представленным в источнике сведениям среди православного населения. Учитывая, что православные составляли 88,0 % населения (по данным Памятной книжки Пермской губернии на 1863 г. https://elib.uraic.ru/handle/123456789/6374), полученное распределение умерших по возрасту отражает реальную ситуацию среди всего населения губернии. Данные за 1909 г. в источнике представлены по всем умершим вне зависимости от вероисповедания.

Численность врачей и лечебных учреждений была посчитана по данным пофамильных списков должностных лиц, представленных в разделе «Адрес-календарь» Памятных книжек Пермской губернии на 1863 и 1910 гг.

Статистическая обработка проводилась с использованием программы Microsoft Excel. Оценка достоверности осуществлялась по критериям хи-квадрат и Стьюдента.

Результаты

Общая численность населения губернии по данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи в 1897 г. составила 2994,3 тыс. чел., среди которых преобладали женщины — 51,9 % по сравнению с 48,1 % мужчин. Подавляющую массу населения составляли жители сельской местности — 94,0 %.

Как показали результаты исследования, в Пермской губернии на протяжении второй половины XIX — начала XX вв. (1861–1909 гг.) рождаемость находилась на высоком уровне и устойчиво преобладала над общей смертностью населения (рис.), причем без существенной динамики на протяжении изученных 50 лет. Ее уровень в среднем составлял 55,0±0,5 на 1000 населения, а в отдельные годы достигал 57,9 на 1000 населения (1880 г.). Единственным исключением стал 1892 г., когда в результате неурожая 1891 г. губернию охватил голод, а рождаемость снизилась до 47,2 %; другие периоды неурожаев такого влияния на рождаемость не оказали.

Как видно из данных рисунка, уровень общей смертности также был высоким и составлял в среднем 39,9±0,8 на 1000 населения. Показатель на протяжении изученного периода имеет волнообразный характер, с колебаниями от 35,4 на 1000 населения в 1893 г. до 48,6 на 1000 населения в 1890–1892 гг.; пики смертности совпадают с периодами неурожаев.

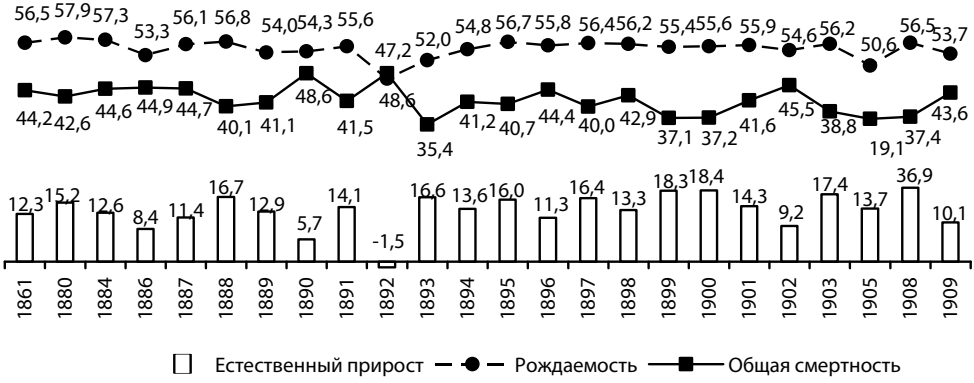

Рис. *Показатели рождаемости и общей смертности населения Пермской губернии в 1861–1909 гг., на 1000 населения (источники: Памятные книжки Пермской губернии на 1862–1915 гг. https://elib.uraic.ru/handle/123456789/7291 (дата обращения: 29.01.2025); Санитарно-статистический ежегодник Пермской губернии: Статика и динамика населения, его заболеваемость и врачебно-санитарная организация в губернии. 1909 год. Пермь, 1912. https://elis.psu.ru/node/228961 (дата обращения: 29.01.2025))*

Несмотря на высокую смертность, высокий уровень рождаемости обеспечивал устойчивый прирост населения — он практически постоянно был положительным (кроме голодного 1892 г.) и колебался от 5,7 на 1000 населения (в 1890 г.) до 19,1 на 1000 населения (в 1908 г.), в среднем составляя 10,5±1,5 на 1000 населения. Благодаря этому население губернии стабильно увеличивалось и за период с 1861 по 1909 гг. возросло в 1,7 раза.

На протяжении всего периода исследования, как представлено в таблице 1, рождаемость существенно выше в сельской местности — в среднем 55,6±0,5 на 1000 сельского населения по сравнению с 45,0±1,0 на 1000 городского населения ($p < 0{,}001$). При этом в городах наблюдается тенденция к снижению рождаемости — с 55,9 на 1000 городского населения в 1861 г. до 47,0 на 1000 городского населения в 1909 г. ($p < 0{,}001$), в то время как в сельской местности ее уровень в целом остается неизменным.

Согласно таблице 1, смертность среди мужчин, аналогично ситуации в современной России, устойчиво превышала смертность среди женщин — в исследуемый период в среднем 44,2±0,8 на 1000 мужчин по сравнению с 39,9±0,8 на 1000 женщин ($p < 0{,}001$).

Вплоть до 1889 г. смертность в городах превышала аналогичный показатель в сельской местности; в последующие годы вследствие снижения смертности в городах показатель становится несколько ниже, чем в сельской местности, однако сохраняя высокий уровень.

В результате в сельской местности наблюдается устойчиво высокий уровень естественного прироста населения (за исключением 1892 г.) — в среднем 13,1±1,0 на 1000 сельского населения. В то же время в городах до 1892 г. он имел в основном отрицательное значение с довольно значительными колебаниями — от -12,2 до +3,8 на 1000 городского населения. Только в 1893 г. в городах естественная убыль

Таблица 1

Показатели рождаемости, общей смертности и естественного прироста населения Пермской губернии по месту проживания и полу в 1861–1909 гг., на 1000 населения соответствующей группы

Год	Рождаемость		Общая смертность				Естественный прирост	
	город	сельская местность	мужчины	женщины	город	сельская местность	город	сельская местность
1861	55,9	56,6	46,3	40,7	72,3	43,0	–16,4	13,5
1884	50,9	57,6	46,9	42,5	52,4	44,2	–1,5	13,4
1886	51,8	55,0	47,1	42,8	50,6	44,6	1,2	10,4
1887	48,5	56,6	46,9	42,7	45,4	44,7	3,1	11,9
1888	43,9	57,4	42,4	38,0	40,1	40,1	3,8	17,3
1889	43,6	54,6	44,4	40,7	44,9	42,4	–1,3	12,2
1890	43,3	54,9	50,7	46,6	43,9	48,8	–0,5	6,1
1891	42,4	56,3	43,1	39,9	43,0	41,4	–0,5	14,9
1892	37,2	47,8	51,0	46,4	49,4	48,6	–12,2	–0,8
1893	39,7	52,7	37,2	33,7	33,4	35,6	6,3	17,2
1894	41,3	55,6	43,2	39,3	37,1	41,4	4,1	14,2
1895	42,0	57,6	42,7	38,7	35,5	41,0	6,6	16,6
1896	42,8	56,5	46,3	42,6	39,3	44,7	3,5	11,8
1897	52,2	56,6	41,5	38,6	42,0	39,9	10,2	16,7
1898	42,3	57,1	45,1	40,8	37,7	43,2	4,6	13,9
1899	42,1	56,2	39,3	35,0	35,4	37,2	6,7	19,0
1900	42,4	56,3	39,3	35,2	34,6	37,3	7,7	19,0
1901	44,1	56,6	43,8	39,6	40,2	41,7	3,9	14,9
1902	43,1	55,3	47,8	43,2	43,0	45,6	0,1	9,7
1909	47,0	53,5	46,1	40,4	43,7	43,1	3,3	10,4

Источник: Памятные книжки Пермской губернии на 1862–1915 годы. https://elib.uraic.ru/handle/123456789/7291 (дата обращения: 29.01.2025); Санитарно-статистический ежегодник Пермской губернии: Статика и динамика населения, его заболеваемость и врачебно-санитарная организация в губернии. 1909 год. Пермь, 1912. https://elis.psu.ru/node/228961 (дата обращения: 29.01.2025).

населения сменилась естественным приростом — в среднем 5,8±0,8 на 1000 городского населения, оставаясь, однако, ниже уровня прироста в сельской местности.

В возрастной структуре умерших значительно преобладают дети в возрасте до 15 лет (табл. 2): в 1861 г. — 75,2 %, большинство из них — дети в возрасте до года (54,8 %) и от года до 4 лет включительно (16,7 %). За пятьдесят лет ситуация практически не поменялась: в 1909 г. доля детей в возрасте до 14 лет среди умерших составила 72,4 %, в т. ч. дети в возрасте до года — 49,0 %, дети в возрасте от года до 4 лет включительно — 15,6 %. Несколько выше доля детей среди умерших мужчин — 77,8 % по сравнению с 72,6 % среди женщин.

Как видно из данных таблицы 2, доля детей среди умерших была ниже в городах — 64,6 % по сравнению с 75,0 % среди умерших жителей сельской местности ($p < 0{,}001$), в т. ч. в возрасте до года — 50,3 % по сравнению с 55,1 % соответственно ($p < 0{,}001$). К 1909 г. наблюдается значимое уменьшение среди умерших доли детей в возрасте до года, более выраженное в городах — с 50,3 % до 35,7 % ($p < 0{,}001$).

Таблица 2

Распределение умерших в Пермской губернии по возрасту, 1861[1] и 1909 гг. (%)

Возрастные группы	1861 год					1909 год				
	всего	в том числе				всего	в том числе			
		мужчины	женщины	город	сельская местность		мужчины	женщины	город	сельская местность
	n = 83545	*n* = 42604	*n* = 40941	*n* = 4375	*n* = 79170	*n* = 157792	*n* = 81668	*n* = 76134	*n* = 8884	*n* = 148878
дети до 14 лет	75,2	77,8	72,6	64,3	75,0*	72,4	72,9	71,7	54,3**	73,4*
в том числе:										
— до 1 года	54,8	56,9	52,7	50,3	55,1*	49,0**	50,1**	47,8**	35,7**	49,6*
— от 1 до 4 лет	16,7	17,1	16,2	10,2	17,0*	15,6	15,2	15,9	11,2	15,8*
15 лет и старше	24,8	22,2	27,4	35,7	25,0*	27,6	27,1	28,3	45,7**	26,6*
в том числе: 60 лет и старше	9,6	8,8	10,5	10,6	10,1	10,3	9,9	10,8	14,2**	10,1*
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Примечания: [1] только православное население;

* — различия между городом и сельской местностью достоверны ($p < 0{,}001$);

** — различия между 1861 и 1909 годом достоверны ($p < 0{,}001$).

Источник: Памятная книжки Пермской губернии на 1863 год. https://elib.uraic.ru/handle/123456789/6374 (дата обращения: 29.01.2025); Санитарно-статистический ежегодник Пермской губернии: Статика и динамика населения, его заболеваемость и врачебно-санитарная организация в губернии. 1909 год. Пермь, 1912. https://elis.psu.ru/node/228961 (дата обращения: 29.01.2025).

Люди, пережившие детский возраст (особенности сбора информации о возрасте умерших во 2-й половине XIX в. — начале XX в. не позволяют выделить отдельно подростков), в основном умирали в трудоспособном возрасте. В результате возраста 60 лет достигали только 9,6 % родившихся, а 80-летний рубеж жизни переживали только 1,9 % родившихся (по данным 1861 г.).

Вследствие массовой гибели детей в возрасте до года в Пермской губернии складывалась негативная ситуация по младенческой смертности — в 1861 г. она составляла 423,0 на 1000 родившихся живыми (табл. 3). При этом в дореформенный период в городах младенческая смертность была выше, чем в сельской местности — 462,2 на 1000 родившихся живыми по сравнению с 421,2 на 1000 родившихся живыми соответственно ($p < 0{,}001$). В 1909 г. показатель младенческой смертности снизился до 398,0 на 1000 родившихся живыми ($p < 0{,}001$), причем в городах положительная динамика более выражена, чем в сельской местности: до 332,9 на 1000 родившихся живыми в городах ($p < 0{,}001$) и до 401,3 на 1000 родившихся живыми в сельской местности ($p < 0{,}001$).

Как представлено в таблице 3, смертность населения в возрасте старше 1 года в 1861 г. составляла 21,6 на 1000 соответствующего населения и аналогично показателю общей смертности была выше в городах — 27,5 на 1000 населения в возрасте старше 1 года по сравнению с 21,4 на 1000 населения в возрасте старше 1 года в сельской местности ($p<0{,}001$). В отличие от младенческой смертности,

Таблица 3

Повозрастная смертность в Пермской губернии, 1861 и 1909 гг.

Показатели смертности	1861 год[1]			1909 год		
	город	сельская местность	всего	город	сельская местность	всего
Младенческая смертность, на 1000 родившихся живыми	462,2	421,2*	423,0	332,9	401,3*	398,0**
Смертность населения в возрасте старше 1 года, на 1000 населения соответствующего возраста	27,5	21,2*	21,5	29,5	22,8*	23,2

Примечания: [1] только православное население;

* — различия между городом и сельской местностью достоверны ($p < 0,001$);

** — различия между 1861 г. и 1909 г. достоверны ($p < 0,001$).

Источник: Памятная книжки Пермской губернии на 1863 год. https://elib.uraic.ru/handle/123456789/6374 (дата обращения: 29.01.2025); Санитарно-статистический ежегодник Пермской губернии: Статика и динамика населения, его заболеваемость и врачебно-санитарная организация в губернии. 1909 год. Пермь, 1912. https://elis.psu.ru/node/228961 (дата обращения: 29.01.2025).

к 1909 г. смертность населения в возрасте старше 1 года не претерпевает изменений в положительную сторону.

Оценка обеспеченности населения медицинской помощью показала, что накануне реформ в 1861 г. в Пермской губернии имелось только 2 лечебных учреждения (Александровская больница г. Перми и госпиталь в г. Екатеринбурге) и 65 врачей на всю губернию, среди которых 72,3 % при заводах; для обслуживания незаводского населения на уезд имелось по одному врачу, а городовой врач был только в пяти наиболее крупных городах (Пермь, Екатеринбург, Красноуфимск, Шадринск и Ирбит). К 1909 г. сеть лечебных учреждений в губернии расширилась до 32 (без учета госпиталей при заводах), а число врачей возросло в 3,8 раза. Однако обеспеченность врачами в условиях постоянно увеличивающейся численности населения повысилась только до 0,7 на 10000 населения (по сравнению с 0,3 на 10000 населения в 1861 году, $p < 0,001$).

Обсуждение

Полученные результаты исследования свидетельствуют о том, что на протяжении второй половины XIX в. и первого десятилетия XX в. демографические тенденции в Пермской губернии сохранялись практически без изменений. Традиционный нерегулируемый тип воспроизводства населения, сопровождающийся высокой рождаемостью, несмотря на высокую смертность, обеспечивал непрерывный, стабильный и достаточно высокий прирост населения.

Вследствие высокой младенческой и детской смертности три четверти родившихся в дореволюционной России не доживали до трудоспособного и репродуктивного возраста, не имея возможности реализовать заложенный в них потенциал.

Вследствие сложных условий жизни в городах, производственного травматизма и повышенного риска распространения инфекционных заболеваний

отмечалась высокая смертность горожан и снижение рождаемости, что сопровождалось естественной убылью населения городов вплоть до конца XIX в.

Развитие лечебных учреждений и большая доступность для горожан медицинских знаний, распространяемых врачебным сообществом, к концу первого десятилетия XX в. приводят к снижению в городах смертности, однако преимущественно за счет снижения младенческой смертности.

В сельской местности, где в это время развивалась земская медицина, положительные тенденции по некоторому снижению младенческой смертности также наблюдаются, но они менее выражены. Современники связывали такую ситуацию с инертностью крестьянского населения и приверженностью традициям и обрядам, негативно сказывавшимся на здоровье новорожденных детей (Соколов & Гребенщиков, 1901), что не позволяло крестьянам воспользоваться преимуществами, которые давала им медицинская помощь.

Ранее нами было установлено, что случаи смерти детей в возрасте до года в основном обусловлены нарушениями принципов кормления детей, а среди детей в возрасте старше года и взрослых преобладающей причиной смерти были инфекционные заболевания (Антонова и др., 2024), специфических методов лечения которых в то время не было.

Отсутствие положительной динамики к началу XX в. по показателям смертности населения в возрасте старше 1 года обнаруживает слабую результативность предпринимаемых во второй половине XX в. мероприятий в области оказания медицинской помощи, реализация которых была затруднена в связи с очень низкой обеспеченностью населения врачами и незначительным количеством лечебных учреждений. Наиболее яркий пример в этом плане — ситуация с натуральной оспой, от которой, несмотря на усилия врачей по пропаганде вакцинации, ежегодно в губернии умирали тысячи детей (Плотникова & Плотников, 2010).

Всё это показывает, что отдельных инициатив разрозненных структур по улучшению медицинской помощи населению в царской России было явно недостаточно для решения проблем высокой смертности населения и требовало комплексного государственного подхода, который был осуществлен только в советской России.

Заключение

Демографическая ситуация в Пермской губернии во второй половине XIX в. характеризуется высокими уровнями показателей рождаемости, общей и младенческой смертности и низкой выживаемостью детского населения. При этом высокая рождаемость среди сельского населения обеспечивала стабильный прирост населения губернии, в то время как в городах вплоть до последнего десятилетия XIX в. наблюдалась естественная убыль населения. Смертность среди мужчин устойчиво была выше смертности среди женщин. Возраста 60 лет достигали только 9,6 % родившихся.

С развитием сети лечебных учреждений в городах и земской медицины в сельской местности ко второму десятилетию XX в. происходит постепенное снижение смертности городского населения за счет снижения младенческой смертности.

Смертность населения в возрасте старше 1 года не претерпевает существенных изменений.

Существующие в Российской империи формы организации оказания медицинской помощи были недостаточно эффективны для решения проблемы высокой смертности населения ввиду крайне низкой обеспеченности населения врачами и незначительного количества лечебных учреждений. Требовался комплексный государственный подход, который был осуществлен в советское время.

Список источников

Антонова, А. Е., Уланова, А. В., Зарипова, Т. В. (2024). Причины смерти населения дореволюционной России в XIX-XX веках на примере Пермской губернии. В *Актуальные вопросы современной медицинской науки и здравоохранения: Сборник статей IX Международной научно-практической конференции молодых ученых и студентов* (с. 1344–1348). Екатеринбург: Уральский государственный медицинский университет, 1467. EDN: OXCJDE

Бахарев, Д. С. (2018). Младенческая смертность в Пермской губернии в конце XIX - начале XX в.: опыт пространственного анализа. В *Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: Сборник материалов Всероссийской молодежной научной школы-конференции с международным участием*. (с. 75–82). Новосибирск: Издательско-полиграфический центр Новосибирского национального исследовательского государственного университета, Институт истории СО РАН, 432. EDN: YSLOPB

Бахарев, Д. С. (2019). Влияние экономических факторов на младенческую смертность в Екатеринбургском уезде в конце XIX в. В *Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: Сборник материалов Всероссийской молодежной научной школы-конференции с международным участием* (с. 193–203). Новосибирск: Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 374. EDN: YOTAEH

Бахарев, Д. С. (2023). Модернизационные факторы снижения младенческой смертности в Пермской губернии в конце XIX – начале XX в. *Известия Уральского федерального университета. Серия 2, Гуманитарные науки, 25* (4), 59–76. https://doi.org/10.15826/izv2.2023.25.4.060

Бахарев, Д. С., Главацкая, Е. М. (2021). Младенческая смертность в русском позднеимперском городе: уральский контекст. *Вестник Томского государственного университета, 72,* 5–14. https://doi.org/10.17223/19988613/72/1

Веселовский, Н. И. (1909). *История земства за сорок лет. Том первый.* Санкт-Петербург: Издательство О. Н. Поповой, 741. https://runivers.ru/lib/book19747/592788/ (дата обращения: 29.01.2025).

Голикова, С. В., Дашкевич, Л. А. (2014). Спасение жизни детей: опыт уральских губерний в конце XIX – начале XX века. *Вестник Пермского университета. История, 1* (24), 124–134. EDN: SCPCVB

Корнилов, Г. Е. (2014). Эволюция младенческой смертности на Урале в первой половине XX в. *Уральский исторический вестник, 3* (44), 80–89. EDN: SXLFHF

Плотникова, Г. Н., Плотников С. Н. (2010). Борьба земства с высокой смертностью населения в Пермской губернии во второй половине XIX в. *Историческая демография, 2* (6), 17–19. EDN: SXLFHF

Плотникова, Г. Н. Плотников, С. Н. (2020). «Екатеринбургская неделя» как Источник по демографии населения Пермской губернии последней четверти XIX века. *Историческая демография, 1* (25), 54–58. https://doi.org/10.19110/23045922202015458

Соколов, Д. А., Гребенщиков, В. И. (1901). *Смертность в России и борьба с ней: доклад в соединенном собрании Общества русских врачей, Общества детских врачей в Санкт-*

Петербурге и Статистического отделения Высочайше утвержденного Русского общества охранения народного здравия. Санкт-Петербург: Типография М. М. Стасюлевича, 76. https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003700308/ (дата обращения: 29.01.2025).

Степнов, С. М., Нямцу, А. М. (2017). Сбор и анализ статистических данных о случаях смерти и рождения в конце XIX – начале XX века в Пермской губернии. *Пермский медицинский журнал, 34* (2), 74–79. EDN: YLOSKH

References

Antonova, A. E., Ulanova, A. V., Zaripova, T. V. (2024). Reasons of death of the population of pre-revolutionary Russia in the 19th-20th centuries on the example of Perm province. *Aktual'nye voprosy sovremennoj medicinskoj nauki i zdravoohraneniya: Sbornik statej IX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferencii molodyh uchenyh i studentov [Topical issues of modern medical science and healthcare: Collection of articles of the IX International Scientific and Practical Conference of Young Scientists and Students]* V. 1. (pp. 1344–1348). Yekaterinburg: Ural State Medical University, 1467. EDN: OXCJDE (In Russ.)

Bakharev, D. S. (2018). Infant mortality in the Perm province in the late 19th - early 20th centuries: the experience of spatial analysis. *Aktual'nye problemy istoricheskih issledovanij: vzglyad molodyh uchenyh: Sbornik materialov Vserossijskoj molodezhnoj nauchnoj shkoly-konferencii s mezhdunarodnym uchastiem [Actual problems of historical research: the view of young scientists: Collection of materials of the All-Russian Youth Scientific School-conference with international participation]*. (pp. 75–82). Novosibirsk: Publishing and Polygraphic Center of Novosibirsk National Research State University, Institute of History SB RAS, 432. EDN: YSLOPB (In Russ.)

Bakharev, D. S. (2019). The influence of economic factors on infant mortality in the Yekaterinburg district at the end of the 19th century. *Aktual'nye problemy istoricheskih issledovanij: vzglyad molodyh uchenyh: Sbornik materialov Vserossijskoj molodezhnoj nauchnoj shkoly-konferencii s mezhdunarodnym uchastiem [Actual problems of historical research: the view of young scientists: Collection of materials of the All-Russian Youth Scientific School-Conference with International Participation]* (pp. 193–203). Novosibirsk: Novosibirsk National Research State University, 374. EDN: YOTAEH (In Russ.)

Bakharev, D. S. (2023). Modernisation Factors of Infant Mortality Transition in Late Imperial Perm Province. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2, Gumanitarnye nauki [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts], 25* (4), 59–76. https://doi.org/10.15826/izv2.2023.25.4.060 (In Russ.)

Bakharev, D. S., Glavatskaya, E. M. (2021). Infant mortality in a late imperial russian city. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal of History], 72,* 5–14. https://doi.org/10.17223/19988613/72/1 (In Russ.)

Golikova, S. V., Dashkevich, L.A. (2014). Saving children''s lives: the ural provinces'' experience in the late 19th - early 20th centuries. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya [Perm University Herald. History], 1* (24), 124–134. EDN: SCPCVB (In Russ.)

Kornilov, G. E. (2014). The evolution of infant mortality in the Urals in the first half of the twentieth century. *Ural'skij istoricheskij vestnik [Ural Historical Journal], 3* (44), 80–89. EDN: SXLFHF (In Russ.)

Plotnikova, G. N., Plotnikov, S. N. (2010). The struggle of the Zemstvo with the high mortality rate in the Perm province in the second half of the 19th century. *Istoricheskaya demografiya [Historical Demography], 2* (6), 17–19. EDN: SXLFHF (In Russ.)

Plotnikova, G. N., Plotnikov, S. N. (2020). "Yekaterinburg week" as a source for population demography Perm province of the last quarter of the 19th century. *Istoricheskaya demografiya [Historical Demography], 1* (25), 54–58. https://doi.org/10.19110/23045922202015458 (In Russ.)

Sokolov, D. A., Grebenshchikov, V. I. (1901). *Smertnost' v Rossii i bor'ba s nej: doklad v soedinennom sobranii Obshchestva russkih vrachej, Obshchestva detskih vrachej v Sankt-Peterburge i Statisticheskogo otdeleniya Vysochajshe utverzhdennogo Russkogo obshchestva ohraneniya narodnogo zdraviya [Russian Russian mortality and the fight against it: a report at the joint meeting of the Society of Russian Physicians, the Society of Pediatricians in St. Petersburg and the Statistical Department of the Highly approved Russian Society for the Protection of Public Health]*. St. Petersburg: Printing House M. M. Stasyulevich, 76. https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003700308/ (accessed: 29.01.2025). (In Russ.)

Stepnov, S. M., Nyamtsu, A. M. (2017). Collection and analysis of statistical data on death and birth cases at the end of 19th – beginning of 20th century in Perm province. *Permskij medicinskij zhurnal [Perm Medical Journal], 34* (2), 74–79. EDN: YLOSKH (In Russ.)

Veselovsky, N. I. (1909). *Istoriya zemstva za sorok let [The history of the Zemstvo for forty years]*. Volume one. St. Petersburg: O. N. Popova Publishing House, 741. https://runivers.ru/lib/book19747/592788/ (accessed: 29.01.2025). (In Russ.)

Ножкина Наталья Владимировна — доктор медицинских наук, профессор, профессор кафедры общественного здоровья и здравоохранения, Уральский государственный медицинский университет Минздрава России (Российская Федерация, 620028, г. Екатеринбург, ул. Репина, д. 3; e-mail: nojkina@yandex.ru).

Зарипова Татьяна Викторовна — кандидат медицинских наук, доцент, доцент кафедры общественного здоровья и здравоохранения, Уральский государственный медицинский университет Минздрава России (Российская Федерация, 620028, г. Екатеринбург, ул. Репина, д. 3; e-mail: konisheva@list.ru).

Natalia V. Nozhkina — Dr. Sci. (Medicine), Professor, FSBEI «Urals State Medical University» of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation (3, Repina St., Ekaterinburg, 620028, e-mail: nojkina@yandex.ru).

Tatjana V. Zaripova — Ph. Sci. (Medicine), Associate Professor, FSBEI «Urals State Medical University» of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation (3, Repina St., Ekaterinburg, 620028, e-mail: konisheva@list.ru).

УДК 33(09):314(09):94(470.57)
JEL classification: R23
https://www.doi.org/10.17059/udf-2025-1-11

Численность населения горных заводов Южного Урала в 1917–1920 годах (Оренбургская губерния)[1]

М. И. Роднов

Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН (г. Уфа, Российская Федерация).

https://orcid.org/0000-0001-7654-4782

Автор для корреспонденции: М. И. Роднов (rodnov@ufacom.ru).

Аннотация. *Исследование построено на сравнении материалов переписи 1920 года с данными 1901 и 1917 годов по восьми горным заводам Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии, затем Малой Башкирии. Оно показало стабильную численность населения. Эпоха революции и Гражданской войны не привела к убыли жителей заводских посёлков, разбросанных в горах Южного Урала. Хотя в ряде мест происходили активные военные действия, власть неоднократно менялась, резко ухудшилось экономическое положение предприятий. Все заводы находились в хлебопотребляющей зоне, нуждались в постоянном подвозе продовольствия. Свои огороды и полевые посевы не могли прокормить рабочих. Но лишь в двух заводах в 1920 году по сравнению с 1917 годом численность населения уменьшилась и то всего на 5 % и 9 %. Автор доказывает, что никакой демографической катастрофы на территории южноуральских металлургических заводах в годы Гражданской войны не было зафиксировано.*

Ключевые слова: демография; экономика; металлургические заводы; Гражданская война; Южный Урал

Population of Mining Plants of the Southern Urals in 1917–1920 (Orenburg Province)

M. Rodnov

Order of the Badge of Honor Institute of History, Language and Literature Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (Ufa, Russian Federation).

https://orcid.org/0000-0001-7654-4782

Corresponding author: M. I. Rodnov (rodnov@ufacom.ru).

Abstract. *A comparison of the 1920 census data with the data of previous studies in 1901 and 1917 for eight mining plants in the Verkhneuralsk district of the Orenburg province, then Malaya Bashkiria, shows a stable population. The era of revolution and civil war did not lead to a decrease in the population of the factory settlements scattered in the mountains of the Southern Urals. Although active military actions took place in a number of places, power changed repeatedly and the economic situation of the enterprises sharply worsened. All the plants were located in the grain-consuming zone and needed a constant supply of food. Their own vegetable gardens and field crops could not feed the workers. But only in two plants in 1920 compared to 1917 the population decreased, and then only by 6 % and 9 %. There was no demographic catastrophe at the South Ural metallurgical plants during the Civil War.*

Keywords: demography; economy; metallurgical plants; civil war; South Urals

Введение

Потерям населения России в XX в. уделяется особое внимание в отечественной демографии. Последовавшие после Первой мировой войны революция

[1] © Роднов М. И. Текст. 2025.

и Гражданская война привели к огромным демографическим изменениям, в первую очередь в районах, где непосредственно происходили военные действия. Урал оказался в эпицентре политического противоборства, последствиями стали гибель и массовые миграции сельского и городского населения. Изучение этой проблемы в значительной мере затрудняется естественной нехваткой источников, неслучайно в Интернете эту проблему называют «кошмарный сон статистиков».

В последние десятилетия в отечественной историографии снизилась политическая составляющая (обвинения в терроре враждующих сторон), больше внимания уделяется последствиям эпидемий, голода, хозяйственной разрухе, сопутствующих любым войнам. В результате в еще большей степени возрастает значение исторических источников (Эрлихман, 2004; Кривошеев и др., 2010), которые в условиях военно-политического противоборства просто не могут не быть разрозненными и неполными.

Аналогичная ситуация в уральской историографии (Нарский, 2001), неслучайно демография эпохи революций и войн — одна из редких тем Уральского демографического форума, в основном затрагиваются последствия Великой Отечественной войны (Исянгулов, 2024; Корнилов, 2024), реже — Первой мировой войны (Жиров, 2024). Проблемы демографии всегда в центре внимания уральских генеалогов и краеведов (Антипин, 2024; Демаков, 2024).

Мы уже обращались к демографическим последствиям Гражданской войны на Южном Урале на примере сельских поселений (Роднов, 2013). В этой статье приводятся новые данные о численности населения горных заводов Оренбургской губернии (Верхнеуральский уезд).

Материалы и методы

Из-за позднего появления земства в Оренбургской губернии земская статистика развернула свои работы только к началу Первой мировой войны. Тем не менее местные исследователи оставили большое научное наследие. Они сумели обработать и даже издать материалы переписи 1917 г. по гражданской территории (без земель Оренбургского казачьего войска)[1]. А во время первой сплошной советской переписи 1920 г. северная часть бывшей Оренбургской губернии оказалась в составе так называемой Малой Башкирии, административного образования, существовавшего в 1919–1922 гг. После присоединения / объединения ее с Уфимской губернией в 1922 г. архив Малой Башкирии был перевезен из Стерлитамака в Уфу.

Основную часть материалов переписи 1920 г. составляют подворные карточки, составлявшиеся на каждую семью / домохозяйство. В исследование попали все неаграрные поселения, не имевшие статуса города (заводы, рудники, станции железных дорог, поселки углежогов и пр.). Эти данные были включены в список населенных мест Башреспублики, вышедший в 1926 г. в Уфе[2]. В ходе сплошной обработки коллекции подворных карточек в уфимском архиве (НА РБ, Национальный

[1] Алфавитный список населенных мест Оренбургской губернии по данным сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года. [Оренбург, 1917]; [Поселенные итоги Оренб. уезда по сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г.]. Б. м. и г.

[2] Список населенных пунктов Башреспублики. Уфа, 1926 (переиздание: Населенные пункты Башкортостана. Ч. III. Башреспублика, 1926. Уфа: Китап, 2002. 400 с.).

Таблица 1

Население горных заводов Тамьян-Катайской волости Малой Башкирии в 1920 г. (сравнительные данные)

Завод	Число дворов (справочник 1926 г. / авт. подсчет)	Число жителей (справочник 1926 г. / авт. подсчёт)
Верхний Авзян	1400 / 1356	7980 / 8272
Нижний Авзян	395 / 569	2503 / 3827
Инзерский	324 / 304	1671 / 1609
Лапыштинский	194 / 194	1059 / 1089
Ка́га	917 / 872	4878 / 4982
Зигазинский	219 / 218	1300 / 1336
Тирлян	1821 / 1759	7218 / 8946
Узян	1070 / 1044	5961 / 6033

Источник: Населенные пункты Башкортостана. Ч. III. Башреспублика, 1926. Уфа, 2002. С. 161, 168, 171, 172; подсчитано по: НА РБ. Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 862, 864, 866, 867, 870, 871, 873.

архив Республики Башкортостан) получены итоговые данные по всем горным заводам, кроме Белорецка.

В изданном в 1926 г. в Уфе справочнике приведены данные переписи 1920 г. по Белорецку (12864 чел. с разбивкой на мужчин и женщин, 2729 дворов)[1]. В издании 1926 г. в таблицах везде указано, что сведения приведены «по переписи 1920 г.» Однако это не так. В предисловии в 1926 г. сказано: «В основу сведений, относящихся к каждому населенному пункту, взяты данные переписи населения 1920 года, а по селениям части Тамьян-Катайского и Зилаирского кантонов, где перепись в 1920 г. не была произведена, приведены данные сельскохозяйственной переписи 1917 г. с указанием числа хозяйств и жителей (без подразделения по полу)»[2]. То есть в таблицах под заголовком якобы переписи 1920 г. скрываются данные переписи 1917 г. В Белорецкой волости в 1920 г. перепись состоялась, сохранились карточки на окрестные селения[3], но самого города нет. Поэтому Белорецк исключен из материалов данной статьи. По остальным восьми заводам сравнительные данные приведены в таблице 1.

Почти по всем заводам данные практически совпадают или очень близки (с учетом ручного подсчета), как в Лапыште, Зигазе, Каге, Узяне, Верхнем Авзяне и Инзере (чуть меньше), лишь в двух заводах есть существенные расхождения в цифрах. По Нижнему Авзяну сохранилось значительно больше карточек и, соответственно, численность населения выше. В архиве карточки на два Авзяно-Петровских завода лежат вперемежку, возможно, поэтому в начале 1920-х гг. статистики ошиблись в подсчетах. И по Тирляну в справочнике 1926 г. численность населения почти на 20 % меньше, чем подсчитано нами по сохранившимся подворным карточкам.

Пока не удалось обнаружить черновые подсчеты статистиков 1920-х гг., поэтому трудно судить об их работе, но предъявлять какие-либо претензии подвижникам той голодной эпохи, сумевшим провести большое научно-статистическое

[1] Населенные пункты Башкортостана. Ч. III. Башреспублика, 1926. С. 160.

[2] Там же. С. 9.

[3] Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 865.

исследование, ни в коей мере нельзя. Наши цифры — это верифицированные сведения, которые сохранились в архиве и могут легко быть проверены исследователями по любому населенному пункту. По крайней мере, эти подворные карточки в наличии и являются важным источником при проведении историко-краеведческих или генеалогических изысканий.

Результаты

Для анализа демографической ситуации на указанных восьми заводах необходимо отталкиваться от предыдущих источников. Имеются материалы списка населенных мест Оренбургской губернии за 1901 г. и итоги сельскохозяйственной переписи 1917 г., где есть данные по Верхнеуральскому уезду. В таблице 2 приведены сведения о численности населения по указанным трем источникам.

Среди указанных заводов пять старые, но были и три новых, относительно недавно возникших (Инзерский, Зигазинский и Лапыштинский). Население последнего в 1901 г. вообще невелико. Первые два действовали с 1890-х гг. (Неклюдов, 2013, с. 581–586), и там сформировалось стабильное население численностью свыше тысячи человек. На Лапыштинском чугуноплавильном заводе первую плавку провели в 1898 г. (Гудков, Гудкова, 1985, с. 417–418). В годы Первой мировой войны они поставляли металл по оборонным заказам. Однако анализ карточек переписи 1920 г. показывает, что заводские поселки (и предприятия) полнокровно функционировали в годы революционной «смуты».

Ситуация на заводах в годы Гражданской войны известна крайне отрывочно. На примере расположенного относительно недалеко Богоявленского (уже стекольного) завода очевидно, что в условиях смены властей производство сохранялось (Курмаев, 2024). Хотя все перечисленные в таблицах заводы выпускали не конечную продукцию, которую можно было реализовать в обмен на продовольствие, а полуфабрикат. Тем не менее население выживало, занимаясь в т. ч. сельским хозяйством. Материалы переписи 1920 г. свидетельствуют, к примеру, о развитии в заводах табаководства, явно на продажу.

Таблица 2

Население горных заводов Южнаго Урала в начале XX в. (чел.)

Завод	Значение показателя по годам		
	1901	**1917**	**1920**
Верхний Авзян	8509	8678	8272
Нижний Авзян	3043	3997	3827
Инзерский	1661	1772	1609
Лапыштинский	231	951	1089
Кага	5190	4939	4982
Зигазинский	1246	1129	1336
Тирлян	6632	9785	8946
Узян	5762	5411	6033

Источник: Списки населенных мест Оренбургской губернии. Оренбург, 1901. С. 94, 96, 97, 98, 109; Алфавитный список населенных мест Оренбургской губернии по данным сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года. [Оренбург, 1917]. С. 25, 28; подсчитано по: НА РБ. Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 862, 864, 866, 867, 870, 871, 873.

Данные таблицы 2 показывают, что и в мирное время численность населения не оставалась стабильной. С 1901 по 1917 гг. немного сократилось количество жителей на трех заводах (Кагинском, Зигазинском, Узянском). А за три бурных и страшных года Гражданской войны ситуация фиксируется ровно пополам: на четырех заводах численность населения упала, на четырех — выросла. Вероятно, в каждом конкретном случае сказывались локальные особенности из-за экономических, природно-географических и политических факторов. Жесткой закономерности не прослеживается.

Например, летом 1918 г. красная (партизанская) армия В.К. Блюхера прошла через Тирлян, Узян, Кагу и Верхний Авзян, и в трех из них число жителей уменьшилось (ушли с красными, подверглись репрессиям?), кроме Узянского поселка, где, наоборот, наблюдался прирост жителей.

С другой стороны, три прочих заводских поселения — Инзерский, Зигазинский, Лапыштинский заводы располагались в глухомани, активные военные действия там развернулись только летом 1919 г. во время Златоустовской наступательной операции красных, когда 24-я стрелковая дивизия располагалась в Инзере и окрестностях, откуда лесными дорогами двинулась на Юрюзань через Уральские горы. И в Инзерском заводе население сократилось, но в двух соседних выросло.

Установить комбинацию всех факторов, повлиявших на демографические процессы в годы Гражданской войны, возможно только в результате специальных исследований с учетом конкретной обстановке на местах. Лишь один вывод очевиден — никакой демографической катастрофы в южноуральских заводах не произошло.

Если в городах и в ряде сельских поселений хлебопотребляющей полосы наблюдалась убыль населения (максимум до 15–20 %), которая, с нашей точки зрения, в первую очередь объяснялась экономическими факторами, развалом рынка (Роднов, Тагирова, 2022; 2023), то на южноуральских горных заводах этого не наблюдается. Самое крупное сокращение населения произошло в Тирлянском заводе — на 9,5 %, в Верхнем Авзяне число жителей упало на 5 % (табл. 2).

Поправка на учет во время переписи 1920 г. мужчин, находившихся во всех армиях (а также не вернувшихся еще из плена), никак не влияет на показатели. Во время предыдущей переписи 1917 г., с которой производится сопоставление, была аналогичная ситуация.

Заключение

Таким образом, материалы переписей 1917 и 1920 гг. имеют особое значение при изучении демографических последствий Гражданской войны на Урале. Они «удачно» были проведены: в самый канун и сразу после окончания военных действий. Для Уфимской и Оренбургской губерний, по которым опубликованы итоги сельскохозяйственной переписи 1917 г., это открывает хорошие перспективы изучения реальных последствий Гражданской войны. Давно пора отказаться от политиканского обличения красного или белого террора, основанного исключительно на нарративных источниках и политическом заказе.

Собранные материалы однозначно свидетельствуют об отсутствии демографической катастрофы в заводских поселках, разбросанных по долинам Южного

Урала. Несмотря на все тяготы военной поры и развал экономических связей, население выжило.

Список источников

Антипин, Н. А. (2024). Пациенты госпиталей и лазаретов Челябинской внутренней эвакуационной комиссии в годы Русско-японской войны 1904–1905 годов: опыт создания базы данных. В *Генеалогия и архивы: материалы шестой Всероссийской научно-практической конференции / сост., науч. ред. Н. А. Антипин* (с. 10–18). Челябинск: б.и, 593.

Гудков, Г. Ф., Гудкова, З. И. (1985). *Из истории южноуральских горных заводов XVIII — XIX веков. Историко-краеведческие очерки. Ч. I.* Уфа: Башкирское книжное издательство, 424.

Демаков, И. Н. (2024). Документы военных комиссариатов периода 1918–1922 годов в составе фондов Государственного архива административных органов Свердловской области как генеалогический источник. В *Генеалогия и архивы: материалы шестой Всероссийской научно-практической конференции / сост., науч. ред. Н. А. Антипин* (с. 41–48). Челябинск: без издательства, 593.

Жиров, Н. А. (2024). Демографические процессы в пореформенной орловской деревне на примере православных приходов Елецкого уезда Орловской губернии во второй половине XIX — начале XX вв. В *Устойчивость демографического развития: детерминанты и ресурсы / ред. О. А. Козлова, А. П. Багирова, Е. Б. Бедрина, и др.* (с. 65–73). Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 651.

Исянгулов, Ш. Н. (2024). Рождаемость в послевоенной деревне (на примере Башкирской АССР). В *Устойчивость демографического развития: детерминанты и ресурсы / ред. О. А. Козлова, А. П. Багирова, Е. Б. Бедрина, и др.* (с. 95–102). Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 651.

Корнилов, Г. Е. (2024). Вклад в людские потери союзных республик СССР в годы Великой Отечественной войны. В *Устойчивость демографического развития: детерминанты и ресурсы / ред. О. А. Козлова, А. П. Багирова, Е. Б. Бедрина, и др.* (с. 103–112). Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 651.

Кривошеев, Г. Ф., Андронников, В. М., Буриков, П. Д. и др. (2010). *Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь.* М.: Вече, 624.

Курмаев, В. Н. (2024). *Красноусольский: у истоков индустрии Башкортостана.* Уфа: ООО «Издательство «Белая река», 320.

Нарский, И. В. (2001). *Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг.* Москва: РОССПЭН, 632.

Неклюдов, Е. Г. (2013). *Уральские заводчики во второй половине XIX — начале XX века: владельцы и владения.* Екатеринбург: РИО УрО РАН, 660.

Роднов, М. И. (2013). Демографические последствия Гражданской войны на Южном Урале (по материалам Златоустовского уезда). В *Горизонты демографического развития России: смена парадигм научного предвидения: Сборник материалов IV Уральского демографического форума с международным участием* (с. 286–291). Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 460.

Роднов, М. И., Тагирова, Л. Ф. (2022). Сельскохозяйственные переписи как источник для изучения последствий Гражданской войны. В *Северо-Запад в аграрной истории России / под ред. В.Н. Никулина. Вып. 28* (с. 113–121). Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта, 164.

Роднов, М. И., Тагирова, Л. Ф. (2023). Демографические последствия Гражданской войны для фермерского хозяйства Южного Урала. В *Демографические факторы адаптации населе-*

ния к глобальным социально-экономическим вызовам / ред. О. А. Козлова, А. П. Багирова, Г. Е. Корнилов и др. (с. 100–106). Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 534.

Эрлихман, В. В. (2004). *Потери народонаселения в XX веке. Справочник*. Москва: Русская панорама, 176.

References

Antipin, N. A. (2024). Patients of hospitals and infirmaries of the Chelyabinsk internal evacuation commission during the Russo-Japanese War of 1904–1905: experience of creating a database. In *Genealogiya i arkhivy: materialy shestoy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii / sost., nauch. red. N. A. Antipin [Genealogy and archives: materials of the sixth All-Russian scientific and practical conference / compiled by scientific editor N. A. Antipin]* (p. 10–18). Chelyabinsk: without publishing house, 593. (In Russ.)

Demakov, I. N. (2024). Documents of military commissariats of the period 1918–1922 in the collections of the State Archives of Administrative Bodies of the Sverdlovsk Region as a genealogical source. In *Genealogiya i arkhivy: materialy shestoy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii / sost., nauch. red. N. A. Antipin [Genealogy and archives: materials of the sixth All-Russian scientific and practical conference / compiled by scientific editor N. A. Antipin]* (p. 41–48). Chelyabinsk: without publishing house, 593. (In Russ.)

Erlichman, V. V. (2004). *Poteri narodonaseleniya v XX veke. Spravochnik [Population Losses in the Twentieth Century. Handbook]*. Moscow: Russkaya Panorama, 176. (In Russ.)

Gudkov, G. F., Gudkova, Z. I. (1985). *Iz istorii yuzhnoural'skikh gor-nykh zavodov XVIII — XIX vekov. Istoriko-krayevedcheskiye ocherki. CH. I [From the history of the South Ural mining plants of the 18th — 19th centuries. Historical and local history essays. Part I]*. Ufa: Bashkir Book Publishing House, 424. (In Russ.)

Isyangulov, Sh. N. (2024). Fertility in the Post-War Village (Based on the Example of the Bashkir ASSR). In *Rozhdayemost' v poslevoyennoy derevne (na primere Bashkirskoy ASSR) [Sustainability of Demographic Development: Determinants and Resources / ed. O. A. Kozlova, A. P. Bagirowa, E. B. Bedrina, et al.]* (pp. 95–102). Ekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 651. (In Russ.)

Kornilov, G. E. (2024). Contribution to human losses of the union republics of the USSR during the Great Patriotic War. In *Rozhdayemost' v poslevoyennoy derevne (na primere Bashkirskoy ASSR) [Sustainability of Demographic Development: Determinants and Resources / ed. O. A. Kozlova, A. P. Bagirowa, E. B. Bedrina, et al.]* (p. 103–112). Ekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 651. (In Russ.)

Krivosheev, G. F., Andronnikov, V. M., Burikov, P. D. et al. (2010). *Rossiâ i SSSR v vojnah XX veka. Kniga poter [Russia and the USSR in the wars of the twentieth century. Book of losses]*. Moscow: Veche, 624. (In Russ.)

Kurmaev, V. N. (2024). *Krasnousol'skiy: u istokov industrii Bash-kortostana [Krasnousolsky: at the origins of the industry of Bashkortostan]*. Ufa: OOO "Izdatelstvo" Belaya Reka ", 320. (In Russ.)

Narsky, I. V. (2001). *Zhizn' v katastrofe: Budni naseleniya Urala v 1917–1922 gg. [Life in Disaster: Everyday Life of the Ural Population in 1917–1922]*. Moscow: ROSSPEN, 632. (In Russ.)

Neklyudov, E. G. (2013). *Ural'skiye zavodchiki vo vtoroy polovine XIX — nachale XX veka: vladel'tsy i vladeniya [Ural Breeders in the Second Half of the 19th — Early 20th Century: Owners and Possessions]*. Ekaterinburg: RIO UO RAS, 660. (In Russ.)

Rodnov, M. I. (2013). Demographic consequences of the Civil War in the Southern Urals (based on materials from the Zlatoust district). In *Gorizonty demograficheskogo razvitiya Rossii: smena paradigm nauchnogo predvideniya: Sbornik materialov IV Ural'skogo demograficheskogo foruma*

s mezhdunarodnym uchastiyem [Horizons of demographic development of Russia: a change in paradigms of scientific foresight: Collection of materials from the IV Ural demographic forum with international participation] (p. 286–291). Ekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 460. (In Russ.)

Rodnov, M. I., Tagirova, L. F. (2022). Agricultural censuses as a source for studying the consequences of the Civil War. In *Severo-Zapad v agrarnoy istorii Rossii / pod red. V.N. Nikulina. Vyp. 28 [The North-West in the agrarian history of Russia / edited by V. N. Nikulin. Issue 28]* (p. 113–121). Kaliningrad: IKBFU Publishing House, 164. (In Russ.)

Rodnov, M. I., Tagirova, L. F. (2023). Demographic consequences of the Civil War for farming in the Southern Urals. In *Demograficheskiye faktory adaptatsii naseleniya k global'nym sotsial'no-ekonomicheskim vyzovam / red. O. A. Kozlova, A. P. Bagirova, G. Ye. Kornilov i dr. [Demographic factors of population adaptation to global socio-economic challenges / ed. O. A. Kozlova, A. P. Bagirova, G. E. Kornilov et al.]* (pp. 100–106). Ekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 534. (In Russ.)

Zhirov, N. A. (2024). Demographic processes in the post-reform Oryol village on the example of Orthodox parishes of the Yelets district of the Oryol province in the second half of the 19th — early 20th centuries. In *Rozhdayemost' v poslevoyennoy derevne (na primere Bashkirskoy ASSR) [Sustainability of Demographic Development: Determinants and Resources / ed. O. A. Kozlova, A. P. Bagirowa, E. B. Bedrina, et al.]* (p. 65–73). Ekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 651. (In Russ.)

Роднов Михаил Игоревич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН; https://orcid.org/0000-0001-7654-4782 (Российская Федерация, 450054, г. Уфа, пр-т Октября, 71; e-mail: rodnov@ufacom.ru).

Mikhail I. Rodnov — Dr. Sci. (Hist.), Leading Research Associate, Order of the Badge of Honor Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of RAS; https://orcid.org/0000-0001-7654-4782 (71, Oktyabrya Ave., Ufa, 450054, Russian Federation; e-mail: rodnov@ufacom.ru).

УДК 947 (470.57)
JEL classification: J11
https://www.doi.org/10.17059/udf-2025-1-12

Демографические процессы в Башкортостане на рубеже XX–XXI вв.: динамика, общие и региональные особенности[1]

Р. Н. Сулейманова

Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (г. Уфа, Российская Федерация).

https://orcid.org/0000-0003-1877-5421

Для корреспонденции: Р. Н. Сулейманова (rnsulejman@mail.ru).

Аннотация. *В статье рассмотрена проблема, имеющая как научное, так и общественное значение, — динамики течения демографических процессов, их основных показателей, оказывающих серьезное влияние не только на население и процессы воспроизводства, но также на экономику, социальную сферу, здравоохранение и прочее. С привлечением опубликованных источников — материалов переписей населения и статистических сведений, с использованием общепринятых методологических подходов и научных приемов в исторической науке на примере одного из регионов Российской Федерации проведено исследование демографических процессов на рубеже XX–XXI веков, влияния на них различных факторов на региональном уровне. Уделяется внимание общим и региональным особенностям этих процессов в указанный период. По результатам исследования выявлено, что в демографических процессах в Башкортостане в современный период происходят сложные процессы, оказывающие серьезное влияние на экономику и социальную сферу. Для предупреждения их негативных последствий крайне важно иметь в регионе научно-разработанную демографическую политику.*

Ключевые слова: население; демографические процессы; общие и региональные особенности; Башкортостан; XX–XXI века

Demographic Processes in Bashkortostan at the Turn of the XX–XXI Centuries: Dynamics, General and Regional Features

R. Suleimanova

Institute of history, language and literature of Ufa Federal research center the Russian Academy of Sciences (Ufa, Russian Federation).

https://orcid.org/0000-0003-1877-5421

Corresponding author: R. Suleimanova (rnsulejman@mail.ru).

Abstract. *The article examines a problem that has not only scientific but, above all, social significance: the dynamics of demographic processes, their main indicators, which have a serious impact not only on the population and reproduction processes, but also on the economy, social sphere, healthcare, etc. Using published sources - population census materials and statistical data, using generally accepted methodological approaches and scientific techniques in historical science, a study of demographic processes at the turn of the 20th–21st centuries and the influence of various factors on them at the regional level was conducted using the example of one of the regions of the Russian Federation. Attention is paid to the general and regional characteristics of these processes during the specified period. Based on the results of the conducted research, the article draws the appropriate conclusions.*

Keywords: population; demographic processes; general and regional features; Bashkortostan; XX–XXI centuries

[1] © Сулейманова Р. Н. Текст. 2025. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 25-28-00153), https://rscf.ru/project/25-28-00153/

Введение

События второй половины XX — начала XXI вв. оказали и продолжают оказывать серьезное влияние на развитие демографических процессов в СССР и его регионах. Наряду с этим, в него внесли свои коррективы целый ряд факторов объективного и субъективного характера, в их числе последствия Великой Отечественной войны, что подтверждается статистическими источниками. Опираясь на материалы переписей населения, сведения официальной статистики, рассмотрим состояние и динамику развития демографических процессов в Башкортостане, что, безусловно, влияло на экономику и многие другие сферы жизнедеятельности республики на рубеже XX–XXI вв.

Данная проблема представляет не только научную, но также общественную и практическую актуальность. Невнимание к демографическим проблемам, тем более их игнорирование чреваты непредсказуемыми последствиями для России, для ее национальной безопасности. Накопленный исторический опыт решения этих проблем на региональном уровне будет вполне востребован в современных условиях. Это позволит при разработке государственных программ и мероприятий в области демографической политики не только учесть накопленный в прошлом полезный опыт, но и избежать повторения недоработок и упущений в решении этих важных вопросов.

Данная проблема и ее различные аспекты вызывали интерес исследователей, в частности, демографов, экономистов, социологов, медиков, историков и др. На общесоюзном / общероссийском и региональном уровнях в вышедших работах рассмотрены многие вопросы этой проблемы, в некоторых приводились отрывочные сведения по Башкортостану. Однако в них не ставилась задача изучить данные проблемы. Надо заметить, что в местной историографии она еще не стала предметом специального изучения, прежде всего у историков. Поэтому обращение к этой проблеме было вызвано не только ее научной, общественной и практической значимостью, но в первую очередь отсутствием по ней исследований.

Результаты

Сложная и противоречивая демографическая ситуация, сложившаяся к 1980-м гг., получила всестороннее отражение в итогах последней Всесоюзной переписи населения 1989 г. Было выявлено, что в самой крупной по населению автономной республике страны проживает свыше 3943,1 тыс. чел., из которых доля городского населения составляла 63,8 %, сельского — 36,2 %, и за межпереписной период (1979–1989 гг.) численность жителей республики возросла на 2,6 %, или на более 98,8 тыс. чел.[1] В основном это увеличение произошло за счет естественного прироста, миграция, наоборот, дала значительную убыль. Произошли изменения в динамике численности городского и сельского населения, которая была разнонаправленной: горожан стало больше на 15,3 %, у сельчан имела место убыль на 14,0 %. Устойчиво сохранялся дисбаланс в соотношении мужчин и женщин в населении. В национальной структуре населения за этот период было зафиксировано сокращение общей численности народов, особен-

[1] Население Башкортостана: XIX–XXI века. (2008). Статистический сборник. Уфа: Китап, С. 288.

но башкир, в то же время исключением стало незначительное увеличение численности у русских и татар. В половозрастной структуре населения сохранялось превалирование женского над мужским, групп старших и пожилых возрастов становилось больше, детских и молодых — меньше[1]. Не лучше выглядели показатели рождаемости и смертности, что отражалось на одном из важных демографических показателей — естественном приросте. Он сократился, и в последующие годы наблюдалась тенденция его снижения до отрицательного значения, т. е. убыль. Негативные явления в демографических процессах, общий рост смертности сказались на снижении, хотя и незначительном, показателя средней продолжительности жизни. По итогам переписи в 1989 г. он составлял у мужчин 64,8 года и у женщин — 75,1 лет (Галин, Галина, 1988, с. 13; Галин, 1998, с. 9). Неутешительными были показатели брачности и разводимости. В 1989 г. число распавшихся семейных союзов составило свыше 11,6 тыс., что превышало число заключенных браков (Сулейманова, 1996, с. 184). Эти негативные тенденции характеризовали общую ситуацию в демографических процессах в стране и принимавшиеся меры на государственном уровне не дали не только остановить их дальнейшее развитие, но и добиться ожидаемого эффекта (Поляков, 2011, с. 196).

В конце XX в. развитие демографических процессов происходило в условиях общенационального кризиса, поразившего все регионы России, в т. ч. и Башкирию. Демографические процессы в республике складывались в сложных условиях, что впоследствии общую демографическую ситуацию по уровню валового внутреннего продукта (ВВП) отбросило на рубеж 1970 — 1980-х гг., по ожидаемой продолжительности жизни — на конец 1950-х гг.[2] (Сулейманова и др., 2005, с. 272). В итоге кризисное состояние экономики и социальной сферы, падение уровня жизни населения, общая нестабильность в обществе не могли не оказать своего влияния на демографические процессы, на саму демографическую ситуацию, на многие важные показатели, такие как рождаемость, смертность, воспроизводство населения, брачно-семейная сфера, не говоря уже об их последствиях для экономики и других сфер жизнедеятельности. Нельзя не согласиться с выводом российского ученого Г.Е. Корнилова относительно этих явлений на примере Уральского региона, которые были названы «демографическими катастрофами», ввиду «отсутствия у государства демографической политики» (Корнилов, 2016, с. 167).

В это десятилетие общая численность населения Башкортостана несколько возрастала. Как зафиксировано в статистических источниках, в конце 1990-х гг. в республике было учтено проживание 4110,3 тыс. жителей, из которых 65 % были горожанами и 35 % — сельчанами. За период 1990–1999 гг. население увеличилось почти на 145 тыс. чел. Однако начиная с 2000 г. последовало снижение общей численности, составив 4109,6 тыс. чел. Основным фактором сокращения общей численности населения явилась происходившая естественная убыль населения в республике, которая с 4 тыс. в 1993 г. возросла до почти 12 тыс. в 2000 г.[3] (Галин, 1998, с. 39).

[1] Башкортостан в цифрах (2018). Статистический сборник. Уфа: Китап, С. 12–13, 99, 175.

[2] Семья в Республике Башкортостан (1998). Статистический сборник. Уфа: Госкомстат, 152.

[3] Башкортостан в цифрах (2018). Статистический сборник. Уфа: Китап, С. 13.

Прирост населения в Башкортостане происходил по двум направлениям: естественный прирост и миграция. Опираясь на статистические источники, рассмотрим один из важных демографических показателей — естественный прирост, т. е. рождаемость. Проявлением неблагоприятных тенденций в демографических процессах стало снижение показателей рождаемости, особенно обострившихся в конце 1980-х — начале 1990-х гг. Если в 1990 г. общий коэффициент рождаемости (на 1000 чел. населения) составлял 16,0 ‰, в 1995 г. — 11,2 ‰, то в 2000 г. он снизился до 10,1 ‰. За период 1990–2000 гг. рождаемость сократилась в 1,5 раза. Эти явления, оказывая пагубное влияние на общую демографическую ситуацию, продолжились и в последующие годы. В 2000 г. в республике родилось 41,6 тыс. младенцев и умерло 53,5 тыс. чел. (в т. ч. 605 детей до 1 года), естественная убыль составила 11,9 тыс. Значительные темпы наблюдались в росте внебрачной рождаемости. Если в начале 1990-х гг. родилось в незарегистрированном браке 7 тыс. детей, то в конце этого периода уже 9,3 тыс. детей[1] (Сулейманова и др., 2005, с. 273–274). Несмотря на это, рождаемость не обеспечивала и простого воспроизводства населения в республике. Не решалась эта важная задача и за счет миграционных «пополнений».

Реальное состояние общей демографической ситуации, динамики демографических процессов в Башкортостане в начале XXI в. получило всестороннее отражение в материалах Всероссийских переписей, и, как показывают статистические источники, она отличалась от той, что была в начале 1990-х гг. В ней произошли и продолжают происходить заметные перемены, как и в течение демографических процессов, но негативные тенденции усиливались. Первая всероссийская перепись населения 2002 г. учла проживание в республике свыше 4104,3 тыс. жителей[2] (Поляков, 2008, с. 361). К следующей переписи населения 2010 г. общая численность жителей республики уменьшилась примерно на 32 тыс. чел. и составила 4072,3 тыс. чел.[3] Нужно отметить, что в среднем, как фиксируется органами статистики, население ежегодно уменьшалось примерно на 12 тыс. чел. В то же время в сравнении с 1990 г. население республики в целом увеличилось более чем на 140 тыс. чел., или почти на 4 %, и в основном за счет миграционного прироста, который компенсировал естественную убыль, наметившуюся с 1993 г. Статистические источники зафиксировали значительное снижение прироста населения за эти годы вплоть до убыли. Таким образом, на рубеже XX–XXI вв. общие темпы прироста населения в Башкортостане были весьма незначительными.

В то же время состояние общей демографической ситуации в республике этого периода характеризовалось ухудшением, что сопровождалось целым рядом негативных явлений: малодетность семей, отказ и даже нежелание рожать, распространенным методом регулирования рождаемости продолжал оставаться аборт, зачастую приводивший к материнской и младенческой смертности, ухудшению здоровья женщин. Росли показатели по внебрачной рождаемости, брачности и разводимости, сохранялись диспропорции в половозрастной структуре

[1] Там же.

[2] Население Башкортостана: XIX–XXI века. (2008). Статистический сборник. Уфа: Китап, С. 361.

[3] Башкортостан в цифрах (2018). Статистический сборник. Уфа: Китап, С. 13.

населения, в течении урбанизационных процессов и оттоке людей из сельской местности и пр. Все эти явления свидетельствовали в целом о неблагополучии в демографических процессах. Как показывают статистические источники, продолжающееся ухудшение в них являлось отражением ответной реакции населения на нестабильность в обществе и социально-экономические кризисные явления. Политические потрясения, текущее снижение уровня жизни подавляющего большинства населения, его социальная незащищенность и неуверенность в завтрашнем дне оказывали негативное влияние на демографическую ситуацию, на развитие демографических процессов. Кризисные явления во всех сферах коснулись семьи и условий ее жизни, и негативно отразились на репродуктивном поведении ее членов. В то же время показатели рождаемости в начале XXI в., как зафиксировали статистические источники, характеризовались незначительным повышением. В 2002 г. общая численность рождений составляла свыше 42 тыс. детей, в 2010 г. — уже свыше 57 тыс. В то же время неблагополучными оставались другие демографические показатели, такие как общая и младенческая смертность, что указывает на ухудшение здоровья населения, в т. ч. детей, недостатками в деятельности учреждений здравоохранения и пр. В сельской местности рождаемость была выше, чем в городе, но и смертность была значительно выше[1]. Статистические источники показывают, что возрастание смертности обусловлено как ухудшением, удорожанием и снижением качества медицинского обслуживания, так и нездоровым образом жизни населения. Состояние здоровья и уровень смертности населения продолжают оставаться одними из самых серьезных демографических и социальных проблем республики.

Безусловно, в демографических процессах Башкортостана в рассматриваемый период имелись и имеются немало позитивных явлений и тенденций. Статистические источники показывают, что, несмотря на кажущееся благополучие, им были присущи сложность и противоречивость, тому подтверждением являются реальное состояние демографической ситуации, течения демографических процессов, основных демографических показателей. Для них характерными были те же общие тенденции развития, позитивные и негативные, что и в целом для демографических процессов в России. К современному периоду в республике сложилась довольно непростая демографическая ситуация, связанная с недостаточным для воспроизводства населения уровнем рождаемости, низкими показателями средней продолжительности жизни, ухудшением здоровья населения, сокращением его общей численности вследствие естественной убыли, нарушенной диспропорцией его половозрастного состава, сокращением численности и доли детей, преобладанием старших и пожилых возрастов. Статистические источники по основным демографическим показателям не вызывают особого оптимизма. Происходившие социально-экономические и политические события, эпидемии (Covid-19) и военные конфликты (участие в основном мужского населения в СВО) в рассматриваемый период прямо или косвенно оказывали и продолжают оказывать серьезное влияние на демографические процессы в Башкортостане и в целом в России.

[1] Там же. С. 26.

Заключение

В современный период в населении России происходят сложные изменения и необратимые процессы, невнимание к ним, а тем более их игнорирование чревато непредсказуемыми последствиями как в области экономики, социальной сфере, так и в процессах воспроизводства населения, демографической обстановки в целом (Якунин и др., 2007, с. 18). Поэтому для Башкортостана, одного из российских регионов, для дальнейшего развития и решения множества социально-экономических и общественно-политических задач народнохозяйственного значения важное значение приобретает учет демографического фактора, наличие собственной научно-разработанной и обоснованной демографической политики, как отмечается в исследованиях (Галин, 2009, с. 59).

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 25-28-00153).

Acknowledgements

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project No 25-28-00153).

Список литературы

Галин, Р. А. (1998). *Население Республики Башкортостан: тенденции и особенности развития на пороге нового тысячелетия.* Уфа: РИО БАГСУ, 204.

Галин, Р. А., Галина, Л. Л. (1988). *Воспроизводство населения Башкирии: динамика, особенности.* Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 19.

Галин, Р., Ларцева, С., Скрябина, Я. (2009). Концепция демографической политики Республики Башкортостан: основные направления ее реализации. *Экономика и управление, 3* (89), 50–59.

Корнилов, Г. Е. (2016). Демографические катастрофы в XX в. на Урале. В *Аграрное освоение и демографические процессы в России в X–XXI вв.: XXXV сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы Тезисы докладов и сообщений* (с. 165–168). Москва: ИСл РАН, 256.

Поляков, Ю. А. (отв. ред.) (2011). *Население России в XX веке. Исторические очерки: в 3 т.* Москва: РОССПЭН, Т. 3, Кн. 2, 295.

Сулейманова, Р. Н. (1996). Женщины в демографической структуре Башкортостана (1959 г. — начало 90-х гг.). *Отечественная история, 4,* 181–186. EDN: SJNUTP

Сулейманова, Р. Н., Исянгулов, Ш. Н., Казанчиев, А. Д., Ахмадиева, Н. В., Каримов, К. К. (2005). *История Башкортостана. 1917–1990-е годы. Т. 2. 1945–1990.* Уфа: Гилем, 313.

Якунин, В. И., Аникеева, А. С., Ахметзянова, И. Р., Бабченко, О. С., Багдасарян, В. Э., Орлов, И. Б. (2007). *Государственная политика вывода России из демографического кризиса.* Москва: Экономика, Научный эксперт, 888.

References

Galin, R., Lartseva, S., Scriabina, Ya (2009). The concept of demographic policy of the Republic of Bashkortostan: the main directions of its implementation. *E`konomika i upravlenie [Economics and Management], 3* (89), 50–59. (In Russ.)

Galin, R. A., Galina, L. L. (1988). *Vosproizvodstvo naseleniya Bashkirii: dinamika, osobennost. [Reproduction of the Bashkirian population: dynamics, features].* Ufa: BNC Ural Branch of the USSR Academy of Sciences, 19. (In Russ.)

Galin, R. A. (1998). *Naselenie Respubliki Bashkortostan: tendencii i osobennosti razvitiya na poroge novogo ty`syacheletiya [The population of the Republic of Bashkortostan: trends and features of development on the threshold of the new millennium].* Ufa: RIO BAGSU, 204. (In Russ)

Сулейманова, Р. Н., Исянгулов, Ш. Н., Казанчиев, А. Д., Ахмадиева, Н. В., Каримов, К. К. (2005). *History of Bashkortostan. The years 1917–1990. Vol. 2. 1945–1990.* Ufa: Gilem, 313. (In Russ.)

Kornilov, G. E. (2016). Demographic disasters in the 20th century in the Urals. In *Agrarnoe osvoenie i demograficheskie processy` v Rossii v X–XXI vv.: XXXV sessiya Simpoziuma po agrarnoj istorii Vostochnoj Evropy` Tezisy` dokladov i soobshhenij [Agricultural development and demographic processes in Russia in the X–XXI centuries: XXXV session of the Symposium on the Agrarian History of Eastern Europe Abstracts and communications]* (p. 165–168). Moscow: ISl RAS, 256. (In Russ.)

Поляков, Ю. А. (отв. ред.) (2011). *Population of Russia in the XX century. Historical essays: in 3 volumes.* Moscow: ROSSPEN, Vol. 3, Book 2, 295. (In Russ.)

Якунин, В. И., Аникеева, А. С., Ахметзянова, И. Р., Бабченко, О. С., Багдасарян, В. Э., Орлов, И. Б. (2007). *State policy of bringing Russia out of the demographic crisis.* Moscow: Economics, Scientific Expert, 888. (In Russ.)

Suleimanova, R. N. (1996). Women in the demographic structure of Bashkortostan (1959 — early 90s). *Otechestvennaya istoriya, 4,* 181–186. EDN: SJNUTP (In Russ.)

Сулейманова Рима Нугамановна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник, заведующая отделом новейшей истории Башкортостана; Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН; https://orcid.org/0000-0003-1877-5421 (Российская Федерация, 450054, г. Уфа, пр-кт Октября, 71; e-mail: rnsulejman@mail.ru).

Rima N. Suleimanova — Dr. Sci. (Hist.), chief researcher, head of department of the recent history of Bashkortostan, Institute of history, language and literature of Ufa Federal research Centre the Russian Academy of Sciences; https://orcid.org/0000-0003-1877-5421 (71, October Ave., Ufa, 450054,Russian Federation; e-mail: rnsulejman@mail.ru).

УДК 314.4 (470.5-21Н.Тагил)
JEL classification: I1, J13
https://www.doi.org/10.17059/udf-2025-1-13

Младенческая смертность в городе Нижний Тагил в годы Великой Отечественной войны[1]

М. Ю. Тараканов [а], Е. В. Малеева [б], Л. В. Туркина [в]

[а, б, в] Филиал Уральского государственного университета путей сообщения в г. Нижний Тагил (г. Нижний Тагил, Российская Федерация).

Автор для корреспонденции: М. Ю. Тараканов (katar.mik@yandex.ru).

Аннотация. *В статье рассмотрены изменения в уровне младенческой смертности в городе Нижний Тагил в годы Великой Отечественной войны, выявлены влиявшие на нее факторы. На основе анализа неопубликованных статистических источников из Государственного архива Свердловской области и Нижнетагильского городского исторического архива сделан вывод о преобладании в структуре причин смерти детей в возрасте до 1 года болезней органов дыхания, пищеварения и инфекционных заболеваний. Отмечено влияние на младенческую смертность неготовности социальной инфраструктуры города к массовому притоку мигрантов.*

Ключевые слова: младенческая смертность; Великая Отечественная война; Нижний Тагил

Infant mortality in Nizhny Tagil during the Great Patriotic War

M. Tarakanov [a], E. Maleeva [b], L. Turkina [c]

[a, b, c] Branch of the Ural State University of Railway Transport in Nizhny Tagil (Nizhny Tagil, Russian Federation).

Corresponding author: M. Tarakanov (katar.mik@yandex.ru)

Abstract. *The article examines the changes in the infant mortality rate in Nizhny Tagil during the Great Patriotic War, and identifies the factors that influenced it. Based on the analysis of unpublished statistical sources from the State Archive of the Sverdlovsk Region and the Nizhny Tagil City Historical Archive, a conclusion was drawn about the predominance of respiratory, digestive and infectious diseases in the structure of causes of death of children under the age of 1. The influence of the unavailability of the city's social infrastructure for a massive influx of migrants on juvenile mortality is noted.*

Keywords: infant mortality; The Great Patriotic War; Nizhny Tagil

Введение

Война является серьезным испытанием для страны, особенно такая масштабная, как Великая Отечественная. Оценить и осознать ее тяжесть как для СССР в целом, так и отдельных его территорий позволяют различные показатели, в т. ч. демографические. Одним из них является младенческая смертность. Важность данного показателя заключается в том, что, помимо прочего, он отражает качество жизни населения на уровне того или иного территориального образования, его социальное благополучие.

[1] © Тараканов М. Ю., Малеева Е. В., Туркина Л. В. Текст. 2025.

Обзор литературы

К настоящему моменту различные аспекты младенческой смертности в годы Великой Отечественной войны в масштабах страны достаточно подробно рассмотрены такими учеными, как Р.И. Сифман (1979), В.А. Исупов (2001), Е.М. Андреев (2014). Смертность детей в возрасте до 1 года на Урале и в Свердловской области проанализированы Г.Е. Корниловым (2010; 2014) и В.В. Кругликовым (2007). Для полноты картины необходимо изучение также ситуации с младенческой смертностью на уровне отдельных населенных пунктов, прежде всего, больших городов, к числу которых с 1931 г. относился и Нижний Тагил.

Материалы и методы

Основную источниковую базу исследования составили статистические материалы, хранящиеся в Государственном архиве Свердловской области (фонд Статистического управления Свердловской области Центрального статистического управления СССР), а также Нижнетагильском городском историческом архиве (фонд Нижнетагильской городской инспектуры государственной статистики). Большая часть данных для анализа была получена из таких таблиц, как «Сведения о естественном движении населения за 19… г.», содержащих помесячные данные о числе младенцев, умерших в городе, а также таблиц «Сведения об умерших по полу, возрасту и причинам смерти за 19… г.». Еще одним важным источником стали нормативные документы (приказы, решения, постановления) центральных и областных органов власти.

В исследовании были применены статистические и историко-генетический методы. Расчет коэффициента младенческой смертности осуществлялся на основе формулы Ратса как отношение числа детей, умерших в возрасте до одного года в данном году, к числу родившихся в прошлый и данный год, взятым с определенными весами (2:3 и 1:3).

Результаты и обсуждение

Ситуация с младенческой смертностью была довольно тяжелой в Нижнем Тагиле и в предвоенные годы, особенно в 1940 г., когда коэффициент младенческой смертности по сравнению с предыдущим годом вырос на 29,8 % до отметки в 295,4 ‰ (табл. 1). Удельный вес детей, умерших в возрасте до 1 года, среди общего числа скончавшихся жителей города за год в 1938–1940 гг. колебался в диапазоне от 39,9 % до 44 %.

Основной причиной тяжелой ситуации с младенческой смертностью в Нижнем Тагиле являлась неготовность его социальной инфраструктуры к массовому притоку мигрантов, прибывавших для работы на предприятиях города. В 1935–1937 и в 1939–1940 гг. число ежегодно приезжавших превышало отметку в 30 тыс. чел.

Такая неготовность, во-первых, проявилась в перебоях с поставками продуктов питания или поставке их ненадлежащего качества. В частности, в 1939 г. отмечались случаи завоза в больницы Нижнего Тагила для детей кислого молока, а иногда и загрязненного кишечной палочкой (Журавлева, 2016, с. 434). Следствием такой ситуации была высокая смертность младенцев от болезней

Таблица 1

Младенческая смертность в г. Н. Тагил в 1938–1945 гг.

Показатель	Значение показателя по годам							
	1938	1939	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Удельный вес умерших в возрасте до 1 года от общего числа смертей за год (%)	42,0	44,0	39,9	32,0	20,4	6,9	7,1	10,2
Коэффициент младенческой смертности (‰)	226,1	227,6	295,4	237,7	308,5	120,3	160,2	55,4

Источник: сост. по: ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 99. Л. 10; Д. 100. Л. 10; Д. 101. Л. 9. Д. 773. Л. 78; НТГИА. Ф. 128. Оп. 1. Д. 51. Л. 34.

органов пищеварения. В 1940 г. на долю таких заболеваний пришлось 30 % смертей жителей города в возрасте до 1 года (табл. 2).

Второй серьезной проблемой была нехватка жилого фонда. Для размещения новых жителей города велось ускоренное жилищное строительство, но значительную часть строящегося жилья составляли дома барачного типа

Таблица 2

Основные причины смерти младенцев в г. Н. Тагил в 1940–1945 гг.

Причины смерти	Умерло в возрасте до года											
	1940		1941		1942		1943		1944		1945	
	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%
Инфекционные болезни В том числе	342	18,1	296	17,5	257	14,8	51	11,0	52	11,1	24	11,7
Корь	137	7,3	109	6,4	42	2,4	1	0,2	0	0	2	1,0
Коклюш	18	1,0	14	0,8	20	1,1	7	1,5	5	1,1	4	2,0
Грипп	40	2,1	18	1,1	14	0,8	2	0,4	2	0,4	1	0,5
Дизентерия	61	3,2	41	2,4	59	3,4	12	2,6	16	3,4	2	1,0
Туберкулез	31	1,6	45	2,7	60	3,5	9	1,9	13	2,8	8	3,9
Прочие инфекционные болезни	55	2,9	69	4,1	62	3,6	20	4,4	16	3,4	7	3,3
Убийство, травмы и отравления	6	0,3	5	0,3	9	0,5	4	0,9	4	0,9	0	0
Болезни эндокринной системы	15	0,8	7	0,4	13	0,7	0	0	0	0	0	0
Болезни крови и кроветворных органов	7	0,4	2	0,1	3	0,2	0	0	0	0	1	0,5
Болезни нервной системы	50	2,7	41	2,4	57	3,3	25	5,4	26	5,5	14	6,9
Болезни органов дыхания	521	27,6	571	33,7	613	35,4	140	30,1	176	37,5	91	44,6
Болезни органов пищеварения В том числе	567	30,0	403	23,8	516	29,8	119	25,6	137	29,1	29	14,2
Токсическая диспепсия	316	16,7	255	15,0	315	18,2	56	12,0	39	8,3	22	10,7

Окончание табл. 2 на след. стр.

Окончание табл. 2

Причины смерти	Умерло в возрасте до года											
	1940		1941		1942		1943		1944		1945	
	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%
Острый гастроэнтероколит в возрасте до 3 лет	243	12,9	135	8,0	192	11,1	61	13,1	41	8,7	3	1,5
Прочие болезни органов пищеварения	8	0,4	13	0,8	9	0,5	2	0,5	4	0,8	1	0,5
Дистрофия	Нет данных		Нет данных		Нет данных		Нет данных		53	11,3	3	1,5
Болезни кожи	10	0,5	7	0,4	5	0,3	1	0,2	2	0,4	1	0,5
Врожденная слабость, преждевременное рождение, врожденные пороки развития, болезни новорожденных	313	16,6	303	17,9	176	10,2	55	11,8	38	8,1	22	10,8
Прочие причины смерти	56	3,0	60	3,5	83	4,8	70	15,0	35	7,4	22	10,8
Всего	887	100	695	100	1732	100	465	100	470	100	204	100

Источник: сост. по: ГАСО. Ф. р–1813. Оп. 1. Д. 774. Л. 68, 68 об.; Д. 775. Л. 74, 74 об.; Д. 776. Л. 51, 51 об.; Д. 777. Л. 67, 67 об., 68, 68 об.; Д. 778. Л. 52, 52 об., 53, 53 об.

без централизованного отопления, водопровода и канализации. Так, например, весь жилой фонд Новотагильского металлургического завода на 1 января 1940 г. насчитывал 34058 кв. м. Из них 33,8 % составляли бараки. Еще сложнее была ситуация на Уральском вагоностроительном заводе, где к началу 1941 г. на долю домов барачного типа приходилось 42 % жилого фонда (Ермаков, 2004, с. 66).

Размещение населения в плохо отапливаемом жилье приводило к значительной смертности от болезней органов дыхания. В 1940 г. они унесли жизни 521 младенца, что составило 27,6 % от общего числа детей, умерших в городе в возрасте до 1 года.

При этом даже высокие темпы строительства нового жилья не означали систематического улучшения жилищных условий населения Нижнего Тагила. Нередко они отставали от темпов роста численности жителей. На Уральском вагоностроительном заводе в 1936–1938 гг. жилая площадь выросла более чем в 6 раз, но обеспеченность жильем снизилась с 4,5 до 3,9 кв. м на каждого члена семьи рабочих (Ермаков, 2004, с. 67).

Скученность населения из-за нехватки жилья, отсутствие канализации, нормального водоснабжения, антисанитария вызывали распространение инфекционных заболеваний, которые в 1940 г. занимали третье место по удельному весу в структуре причин смерти детей на первом году жизней (на их долю приходилось 18,1 % смертей младенцев). К числу самых опасных из них относились корь, дизентерия, грипп и туберкулез. В предвоенном году от них скончалось 269 младенцев (14,2 % от общего числа детей, скончавшихся в городе за год в возрасте до 1 года).

В целом на такие экзогенные причины смерти, как болезни органов пищеварения, заболевания органов дыхания и инфекционные болезни, в 1940 г. в Нижнем Тагиле пришлось 75,7 % смертей младенцев.

Из остальных причин наибольшим удельным весом в структуре причин смерти детей на первом году жизни обладали врожденная слабость, преждевременное рождение, врожденные пороки развития, болезни новорожденных (до 1 месяца), которые в 1940 г. унесли жизни 313 младенцев, а их удельный вес составил 16,6 %.

Влияние Великой Отечественной войны на младенческую смертность в Нижнем Тагиле проявилось не сразу. Определить примерный момент времени, начиная с которого можно говорить о таком влиянии, помогают помесячные данные о числе умерших в городе детей в возрасте до 1 года (табл. 3).

Из приведенных в таблице 3 данных видно, что в 1938–1940 гг. больше всего младенцев умирало в весенние и летние месяцы — на период март-август приходилось от 57 % до 60 % смертей детей в возрасте до 1 года. Пик смертей пришелся в 1938 г. на июль, в 1939 г. на май, а в 1940 г. на август месяц.

В 1941 г. в Нижнем Тагиле наблюдалась уже другая картина распределения смертей младенцев по временам года. Если в зимний, весенний и летний сезоны умирало примерно одинаковое число детей в возрасте до года (по 23–24 % от общего числа умерших младенцев за год), то на осень пришлось уже 29 % смертей. Наиболее тяжелым оказался сентябрь. В первый месяц осени число умерших выросло по сравнению с августом на 15 %, а по сравнению с июлем — на 47 %. Такой нехарактерный для предвоенного Нижнего Тагила подъем числа смертей детей в возрасте до 1 года в сентябре 1941 г., скорее всего, уже был связан с влиянием военного фактора.

По воспоминаниям Н.П. Пановой, работавшей в годы Великой Отечественной войны акушеркой в родильном отделении 2-й Советской больницы Нижнего

Таблица 3

Число умерших детей в возрасте до 1 года в г. Нижний Тагил в 1938–1945 гг.

Месяц	Умерло детей в возрасте до 1 года, чел.							
	1938 г.	1939 г.	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
январь	116	104	176	141	185	50	47	9
февраль	101	105	160	114	172	38	49	17
март	134	137	185	114	285	34	63	19
апрель	131	144	202	131	248	39	52	16
май	159	160	185	146	198	54	57	14
июнь	137	106	171	137	137	44	56	17
июль	191	153	183	122	153	31	43	13
август	150	150	214	155	122	49	30	8
сентябрь	136	110	128	179	72	24	20	13
октябрь	100	94	83	161	52	32	15	19
ноябрь	109	88	86	150	55	33	20	26
декабрь	114	137	114	145	53	37	18	33
Итого	1578	1488	1887	1695	1732	465	470	204

Источник: сост. по: ГАСО. Ф. р-1813. Оп. 1. Д. 773. Л. 4 об.; Д. 774. Л. 4 об.; Д. 775. Л. 12 об.; Д. 776. Л. 8 об.; Д. 777. Л. 6 об.; Д. 778. Л. 17 об.; НТГИА. Ф. 128. Оп. 1 Д. 51. Л. 28, 36.

Тагила, в 1941 г. в город прибыло много эвакуированных из западных районов страны. Среди них было немало беременных женщин. Не хватало белья, перевязочных материалов, медикаментов. Матрацы для родильниц набивали соломой. На фоне тяжелых психологических переживаний и дистрофии у эвакуированных женщин наблюдались тяжелые токсикозы и осложнения при родах. Только за один год было 39 эклампсий. Много младенцев погибло от заражения крови (Клат, 2005).

В последние месяцы 1941 г. число смертей младенцев начинает постепенно уменьшаться, но при этом даже в декабре оно оставалось выше показателей января–апреля и июня–июля данного года. Тем не менее коэффициент младенческой смертности по сравнению с 1940 г. снизился на 19,5 % — до 237,7 ‰. Главным образом, это было вызвано резким уменьшением числа смертей детей в возрасте до 1 года от болезней органов пищеварения (на 28,9 %), а также, но в меньшей степени, от инфекционных болезней (на 13,5 %).

Количество смертей младенцев от болезней органов дыхания продемонстрировало обратную тенденцию, увеличившись по отношению к 1940 г. на 9,6 %. В результате, данные заболевания вышли на первое место среди причин смерти у этой возрастной группы.

В начале 1942 г. ситуация с младенческой смертностью в городе вновь резко ухудшилась. В январе–феврале умерло младенцев на 21 % больше, чем в ноябре–декабре 1941 г. Еще больше обстановка усложнилась весной 1942 г. На март–май пришлось 42 % смертей младенцев от общего их числа за год, чего не наблюдалось ни в предвоенные, ни в последующие годы Великой Отечественной войны.

Пик абсолютного числа смертей за месяц детей в возрасте до 1 года был зафиксирован в Нижнем Тагиле в марте 1942 г., когда скончалось 285 младенцев. Хотя уже с апреля наметилась тенденция резкого снижения числа смертей и к концу года оно уменьшилось по сравнению с максимумом в 5,4 раза, тем не менее на 1942 г. пришелся наиболее высокий за всю войну показатель как абсолютного числа смертей младенцев, так и коэффициент младенческой смертности, составивший 308,5 ‰ (табл. 1).

Война усугубила проблемы, существовавшие в Нижнем Тагиле в предвоенные годы. В условиях начавшейся эвакуации из западных районов страны резко выросла интенсивность миграционных потоков. За 1941–1942 гг. в город прибыло 118989 мигрантов, что создало дополнительную нагрузку на его социальную инфраструктуру.

Ресурсы для широкомасштабного капитального жилищного строительства в первые годы войны в Нижнем Тагиле отсутствовали. Местные жители и эвакуированные ютились на тех жилых площадях, которые успели создать в довоенный период. По три-четыре семьи, имеющие в своем составе и стариков, и детей, размещалось на 36 квадратных метрах квартиры брускового дома. Еще выше была плотность расселения в барачных общежитиях. Но даже такого скудного жилья на всех не хватало, поэтому делали землянки (рыли в земле ямы, обшивали их внутри досками) (Пантюхин, 2005, с. 42).

Кроме жилищной обострилась продовольственная ситуация. Еще 15 августа 1941 г. в городах Урала была введена карточная система на хлеб. Самая большая хлебная пайка — 1000 г в день — была введена для рабочих и ИТР первой

категории, занятых на тяжелых работах в металлургической и оборонной промышленности. Вторая категория рабочих и служащих снабжалась значительно хуже (500–600 г хлеба). Для иждивенцев и детей норма была самой маленькой — 400 г. (Ермаков, 2004, с. 65).

31 октября 1941 г. было принято Решение № 2633 Свердловского облисполкома «О введении продовольственных карточек в городах: Свердловске, Нижнем Тагиле, Серове и Верхней Салде», устанавливавшее нормы выдачи населению крупы, макарон, мяса, рыбы и жиров. Так, например, дети до 12 лет могли получить в месяц 400 г мяса и рыбы, 300 г жира, 800 г крупы и макарон. Выдача молока и молочных продуктов производилась за счет нормы по жиру за каждые 100 г[1].

На всем протяжении войны снабжение не соответствовало установленным нормам. Полностью отоваривались только хлебные карточки. Выдача прочих продуктов зависела от их поступления. В условиях, когда централизованное снабжение было недостаточным, а собственная продовольственная база Нижнего Тагила не была рассчитана на резко возросшее население города, обычным явлением среди тагильчан стали авитаминоз и дистрофия (Ермаков, 2004, с. 66).

В ситуации чрезмерной скученности населения, проживавшего в плохо отапливаемых помещениях, и нехватки продовольствия основной вклад в рост младенческой смертности в 1942 г. внесли болезни органов дыхания и пищеварения. Несмотря на снижение рождаемости по сравнению с предшествующим годом более чем в 2 раза (с 35,3 ‰ до 16,1 ‰), число смертей детей в возрасте до 1 года от заболеваний органов пищеварения выросло на 28 %, а от болезней органов дыхания на 7,4 %.

Число умерших младенцев от инфекционных болезней в 1942 г. уменьшилось на 13,2 %, прежде всего, за счет сокращения количества смертей от кори (на 61,5 %). Коклюш, туберкулез и дизентерия, напротив, унесли жизни большего числа жителей Нижнего Тагила в возрасте до 1 года, чем в 1941 г.

Общий удельный вес таких экзогенных причин смерти, как болезни органов дыхания, пищеварения и инфекционные заболевания, в структуре причин младенческой смертности в 1942 г. увеличился до 80 % (максимальной величины за годы Великой Отечественной войны).

Кроме инфекционных заболеваний менее, чем в 1941 г., унесли жизней младенцев врожденная слабость, преждевременное рождение, врожденные пороки развития, болезни новорожденных (до 1 месяца). Число умерших от этих причин детей в возрасте до 1 года уменьшилось на 41,9 %, а их удельный вес сократился с 17,9 % до 10,2 %.

Тяжелая ситуация с младенческой смертностью, наблюдавшаяся не только в Нижнем Тагиле, но и по стране в целом, способствовала принятию центральными органами власти ряда нормативных документов, призванных ее улучшить.

В июле 1942 г. вышел приказ Народного Комиссариата торговли СССР №191 «Об улучшении снабжения беременных женщин», который предусматривал ежемесячное предоставление беременным женщинам, начиная с шестого месяца

[1] ГАСО. Ф. р-88. Оп. 1. Д. 4991. Л. 57.

беременности и в течение двух месяцев после родов, сверх установленных по карточкам норм 300 г сахара, 400 г масла, 600 г крупы и 6 л молока[1].

В октябре 1942 г. СНК СССР принял постановление № 1739 «О мероприятиях по улучшению работы органов Наркомздрава и детских учреждений по медицинскому обслуживанию детей и усилению питания нуждающихся детей», в котором давалось распоряжение Наркомздраву СССР восстановить участковую систему обслуживания детей в городских консультациях и детских поликлиниках с полным медицинским обслуживанием больных детей на дому и обеспечением новорожденных патронажем. Для выполнения указанной задачи Наркомздрав должен был укомплектовать в месячный срок детские консультации врачами и патронажными сестрами из расчета: 1 участковый детский врач на 1000–1200 детей в возрасте до 3 лет, 2 патронажные сестры на каждый сельский врачебный участок[2].

В 1943 г. в Нижнем Тагиле уже функционировали 7 детских консультаций, 4 молочных кухни, 4 детских стационара и детский санаторий. Все детские консультации работали по участковому принципу. 28 тыс. детей обслуживались 24 участковыми врачами и 17 патронажными сестрами (Ермаков, 2006, с. 99).

Усилия, предпринимаемые центральными и местными органами власти, несомненно, способствовали сохранению в 1943 г. тенденции снижения числа младенческих смертей, наметившейся с апреля 1942 г. Если во втором полугодии 1942 г. скончалось 587 младенцев, то в первом полугодии 1943 г. уже 259, а во втором полугодии — 206. В целом за 1943 г. в Нижнем Тагиле умерло младенцев в 3,7 раза меньше, чем в 1942 г. В 2,6 раза уменьшился по сравнению с предыдущим годом и коэффициент младенческой смертности.

Положительная динамика наблюдалась по всем классам причин смерти. Наиболее существенный вклад в снижение числа смертей детей в возрасте до 1 года внесли болезни органов дыхания. Количество летальных случаев от них по сравнению с 1942 г. сократилось в 4,4 раза.

От болезней органов пищеварения в 1943 г. скончалось в 4,3 меньше младенцев, чем в предшествующем, а от инфекционных болезней в 5 раз меньше. В частности, удалось минимизировать младенческую смертность от кори. Если в 1942 г. она унесла жизни 42 младенцев, то в 1943 г. был зафиксирован уже только 1 летальный случай от данной причины.

Число смертей детей в возрасте до 1 года от врожденной слабости, преждевременного рождения, врожденных пороков развития и болезней новорожденных сократилось в 3,2 раза, но при этом в структуре причин смерти они поднялись по удельному весу на третье место, потеснив инфекционные болезни. Прерванной тенденция оказалась в первом полугодии 1944 г., когда ежемесячные показатели абсолютного числа смертей младенцев откатились к уровню мая 1943 г., а затем и превысили его.

[1] Сборник важнейших приказов и инструкций по вопросам карточной системы и нормирования снабжения (1944). Народный комиссариат торговли Союза ССР. Москва, С. 168.

[2] ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 207. Л. 78.

Во второй половине 1944 г. снижение ежемесячного числа смертей детей в возрасте до 1 года возобновилось. Если в первой половине года скончалось 324 младенца (в среднем в месяц умирало 54 младенца), то в июле–декабре — 146 (в среднем в месяц 24), а в первой половине 1945 г. — 92 (в среднем в месяц 15). Минимальное число смертей за всю войну было зарегистрировано в январе 1945 г., когда умерло 9 жителей Нижнего Тагила в возрасте до 1 года.

Кратковременное увеличение количества летальных случаев у младенцев в первом полугодии 1944 г. привело к повышению и общего коэффициента младенческой смертности за год, который по отношению к предшествующему году вырос на 33,2 % (до 160,2 ‰). Основную роль в его росте сыграли болезни органов дыхания и пищеварения. Только дистрофия унесла жизни 53 младенцев.

Количество смертей детей в возрасте до 1 года от инфекционных заболеваний осталось на уровне 1943 г. Рост числа летальных случаев был зафиксирован от дизентерии и туберкулеза, но от иных инфекционных заболеваний количество смертей или снизилось, или осталось на уровне предыдущего года.

Наиболее резкое снижение коэффициента младенческой смертности (в 2,9 раза) по отношению к предшествующему году произошло в 1945 г. За исключением болезней крови и кроветворных органов, все основные классы заболеваний унесли меньше жизней детей на первом году жизни, чем в 1944 г. Самым значимым оказалось снижение числа смертей от болезней органов пищеварения (на 78,8 %), в т. ч. на 94,3 % сократилось количество летальных случаев от дистрофии. От болезней органов дыхания умерло меньше младенцев на 48,3 %, от инфекционных заболеваний — на 53,8 %.

В целом за время войны коэффициент младенческой смертности в Нижнем Тагиле сократился в 4,3 раза, а по сравнению с ее пиком в 1942 г. — в 5,6 раза. По мнению В.А. Исупова, решающую роль в демографическом «чуде» (резком спаде младенческой смертности в заключительный период Великой Отечественной войны) сыграли сульфаниламидные препараты, показавшие высокую эффективность в борьбе с инфекционной и желудочно-кишечной заболеваемостью, а следовательно, со смертностью от этих болезней (Исупов, 2002, с. 186). Кроме этого фактора, в литературе отмечаются еще два — эффективная работа органов здравоохранения, направленная на снижение смертности младенцев, и резкое снижение рождаемости, что уменьшило вероятность младенческой смертности чисто механически (Корнилов, 2014, с. 84).

Заключение

Подводя итог, следует отметить, что на протяжении всей войны в структуре причин смерти младенцев в Нижнем Тагиле преобладали такие экзогенные причины, как болезни органов дыхания, инфекционные заболевания и болезни органов пищеварения. На их долю приходилось от 66,7 % до 80 % от общего числа детей, умерших в возрасте до 1 года. Как и в предвоенные годы, это было связано с влиянием таких неблагоприятных факторов, как ухудшение жилищных условий у большей части горожан из-за массового притока в город мигрантов и нехватка продовольствия. Наиболее тяжелым для младенцев оказался 1942 г., на который пришелся пик младенческой смертности. Начиная с 1943 г. преобладающей стала

тенденция ее снижения, чему способствовали применение сульфаниламидных препаратов, эффективная деятельность органов здравоохранения и (до 1945 г.) снижение рождаемости.

Список источников

Андреев, Е. М. (2014). Снижение младенческой смертности в России в 1940–1958 гг. В *Развитие населения и демографическая политика* (с. 108–128). Москва: Проспект, 345.

Ермаков, А. В. (2004). Быт тагильчан в 1917 — 30-е гг. XX в. В *Тагильский вестник: историко-краеведческий альманах. Вып. 3: Уральская провинция в культурном пространстве XX века* (с. 55–77). Нижний Тагил: [Б/и], 204.

Ермаков, А. В. (2004). Обеспечение тагильчан продовольствием в годы Великой Отечественной войны. В *Ученые записки Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии. Общественные науки* (с. 65–77). Нижний Тагил: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, 203.

Ермаков, А. В. (2006). Демографические процессы и ритм рабочего времени в Нижнем Тагиле в годы Великой Отечественной войны. В *Человек в историческом измерении: сборник научных статей лаборатории «Исторической антропологии»* (с. 94–111). Нижний Тагил: Нижнетагильская гос. социально-пед. акад., 169.

Журавлева, В. А. (2016). *Городское население Урала в 1920–1930-е гг.: историко-демографический анализ: дисс. … доктора ист. наук.* Екатеринбург, 698. EDN: ONWTRR

Исупов, В. А. (2001). Демографические процессы в тыловых районах России. В *Население России в XX веке: исторические очерки. Т. 2: 1940–1959 гг. Гл. VI.* (с. 82–105). Москва: РОССПЭН, 414.

Исупов, В. А. (2002). Демографическое «чудо»: сокращение детской смертности в Сибири в 1943–1945 гг. (на материалах Алтайского края). В *Сибирь в XVII–XX веках: Проблемы политической и социальной истории: Бахрушинские чтения 1999–2000 гг.* Межвузовский сборник научных трудов (с. 177–186). Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 236. EDN: YMXKKQ

Клат, С. А. (2005). Воспоминания о Великой Отечественной войне медицинских работников Нижнего Тагила. *Тагильский краевед: сетевой журнал.* https://historyntagil.ru/kraeved/tk_18_19_07.htm (дата обращения: 25.02.2025).

Корнилов, Г. Е. (2010). *Во имя победы. Свердловск в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945.* Екатеринбург: Столица Урала, 282.

Корнилов, Г. Е. (2014). Эволюция младенческой смертности на Урале в первой половине XX в. *Уральский исторический вестник, 3*(44), 80–89. EDN: SXLFHF

Кругликов, В. В. (2007). *Городское население Свердловской области накануне и в годы Великой Отечественной войны (1939–1945 гг.): дисс. … канд. ист. наук.* Екатеринбург, 300. EDN: NOUDXL

Панюхин, Г. П. (2005). *Мой товарищ профсоюз: из истории профсоюз. орг. ФГУП «ПО «Уралвагонзавод», 1935–2005 гг.* Нижний Тагил: Медиа-Принт, 152.

Сифман, Р. И. (1979). К вопросу о причинах снижения детской смертности в годы Великой Отечественной войны. В *Продолжительность жизни: анализ и моделирование* (с. 50–60). Москва: Статистика, 157.

References

Andreev, E. M. (2014). Reduction of infant mortality in Russia in 1940–1958. In *Razvitie naseleniia i demograficheskaia politika [Population development and demographic policy]* (p. 108–128). Moscow: Prospekt, 345. (In Russ.)

Ermakov, A. V. (2004). Providing Tagil residents with food during the Great Patriotic War. In *Uchenye zapiski Nizhnetagilskoi gosudarstvennoi sotsialno-pedagogicheskoi akademii. Obshchestvennye nauki [Scientific notes of the Nizhny Tagil State Socio-Pedagogical Academy. Social Sciences]* (p. 65–77). Nizhny Tagil: Nizhny Tagil State Socio-Pedagogical Academy, 203. (In Russ.)

Ermakov, A. V. (2004). The life of Tagil residents in the 1917s — 30s of the twentieth century. In *Tagilskii vestnik: istoriko-kraevedcheskii almanakh. Vyp. 3: Uralskaia provintsiia v kulturnom prostran-stve KhKh veka [Tagil Bulletin: historical and local history almanac. Issue 3: The Ural province in the cultural space of the twentieth century]* (p. 55–77). Nizhny Tagil: [], 204. (In Russ.)

Ermakov, A. V. (2006). Demographic processes and the rhythm of working hours in Nizhny Tagil during the Great Patriotic War. In *Chelovek v istoricheskom izmerenii: sbornik nauchnykh statei laboratorii "Istoricheskoi antropologii" [Man in the Historical Dimension: collection of scientific articles of the Laboratory of Historical Anthropology]* (p. 94–111). Nizhny Tagil: Nizhny Tagil State Socio-Pedagogical University. Academy of Sciences, 169. (In Russ.)

Isupov, V. A. (2001). Demographic processes in the rear regions of Russia. In *Naselenie Rossii v KhKh veke: istoricheskie ocherki. T. 2: 1940–1959 gg. Gl. VI. [Population of Russia in the twentieth century: historical essays. Vol. 2: 1940–1959. Chapter VI]* (p. 82–105). Moscow: ROSSPEN, 414. (In Russ.)

Isupov, V. A. (2002). Demographic "miracle": reduction of child mortality in Siberia in 1943–1945 (based on materials from the Altai Territory). In *Sibir v XVII–XX vekakh: Problemy politicheskoi i sotsialnoi istorii: Bakhrushinskie chteniia 1999–2000 gg. Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov [Siberia in the XVII–XX centuries: Problems of Political and Social History: Bakhrushin Readings 1999–2000. Interuniversity collection of scientific papers]* (p. 177–186). Novosibirsk: Novosibirsk State University, 236. EDN: YMXKKQ (In Russ.)

Klat, S. A. (2005). Memories of the Great Patriotic War of Nizhny Tagil medical workers. *Tagilskii kraeved: setevoi zhurnal [Tagil Regional History: Online Journal]*. https://historyntagil.ru/kraeved/tk_18_19_07.htm (accessed: 25.02.2025). (In Russ.)

Kornilov, G. E. (2010). *Vo imia pobedy. Sverdlovsk v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. 1941–1945 [In the name of victory. Sverdlovsk during the Great Patriotic War. 1941–1945]*. Yekaterinburg: Capital of the Urals, 282. (In Russ.)

Kornilov, G. E. (2014). The evolution of infant mortality in the Urals in the first half of the twentieth century. *Uralskii istoricheskii vestnik [Ural Historical Journal], 3*(44), 80–89. EDN: SXLFHF (In Russ.)

Kruglikov, V. V. (2007). *Gorodskoe naselenie Sverdlovskoi oblasti nakanune i v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1939–1945 gg.) [The urban population of the Sverdlovsk region on the eve and during the Great Patriotic War (1939–1945)]:* diss. ... Candidate of Historical Sciences. Catherineburg, 300. EDN: NOUDXL (In Russ.)

Panyukhin, G. P. (2005). *Moi tovarishch profsoiuz: iz istorii profsoiuz. org. FGUP "PO "Uralvagonzavod", 1935–2005 gg [My comrade trade union: from the history of the trade union. org. FGUP "PO "Uralvagonzavod", 1935–2005]*. Nizhny Tagil: Media Print, 152. (In Russ.)

Sifman, R. I. (1979). On the issue of the causes of the decrease in child mortality during the Great Patriotic War. In *Prodolzhitelnost zhizni: analiz i modelirovanie [Life expectancy: analysis and modeling]* (p. 50–60). Moscow: Statistics, 157. (In Russ.)

Zhuravleva, V. A. (2016). *Gorodskoe naselenie Urala v 1920–1930-e gg.: istoriko-demograficheskii analiz [Urban population of the Urals in the 1920s and 1930s: historical and demographic analysis]:* diss. ... doctors of Historical Sciences. Yekaterinburg, 698. EDN: ONWTRR (In Russ.)

Тараканов Максим Юрьевич — кандидат исторических наук, доцент, филиал Уральского государственного университета путей сообщения в г. Нижний Тагил (Российская Федерация, 622013, г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, 8А; e-mail: katar.mik@yandex.ru).

Малеева Елена Валентиновна — кандидат педагогических наук, доцент, филиал Уральского государственного университета путей сообщения в г. Нижний Тагил (Российская Федерация, 622013, г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, 8А; e-mail: maleevelena@mail.ru).

Туркина Лариса Валентиновна — кандидат педагогических наук, доцент, филиал Уральского государственного университета путей сообщения в г. Нижний Тагил (Российская Федерация, 622013, г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, 8А; e-mail: larisaturkina@mail.ru).

Maksim Yu. Tarakanov — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Branch of the Ural State University of Railway Transport in Nizhny Tagil (8A Krasnogvardeyskaya str., Nizhny Tagil, 622013, Russian Federation; e-mail: katar.mik@yandex.ru).

Elena V. Maleeva — Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Branch of the Ural State University of Railway Transport in Nizhny Tagil (8A Krasnogvardeyskaya str., Nizhny Tagil, 622013, Russian Federation; e-mail: maleevelena@mail.ru).

Larisa V. Turkina — Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Branch of the Ural State University of Railway Transport in Nizhny Tagil (8A Krasnogvardeyskaya str., Nizhny Tagil, 622013, Russian Federation; e-mail: larisaturkina@mail.ru).

УДК 314.1 (470.13)
JEL classification: J11
https://www.doi.org/10.17059/udf-2025-1-14

Расселение населения Республики Коми в координатах переписей населения: 1939–2021 годы[1]

Г. Н. Фаузер

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (г. Сыктывкар, Российская Федерация).

https://orcid.org/0000-0002-1616-8102

Автор для корреспонденции: Г. Н. Фаузер (gfauzer@iespn.komisc.ru).

Аннотация. *В статье рассматривается система расселения населения Республики Коми; приводятся факторы, определяющие рисунок расселения. Отмечается, что в доиндустриальный период населенные пункты формировались вдоль рек, а в индустриальный период поселения были приближены к основным источникам сырья. Расселение в координатах переписи населения 2021 года показало, что продолжается процесс урбанизации, идет уменьшение средней людности как в городских, так и в сельских поселениях. Сделан вывод, что система расселения требует своей модернизации, особенно в отношении «неперспективных» поселений.*

Ключевые слова: Республика Коми; расселение населения; природные ресурсы; опорные поселения

Resettlement of the Population of the Komi Republic in the Coordinates of the Population Censuses: 1939–2021

G. Fauzer

Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Science Centre Ural Branch of the RAS (Syktyvkar, Russian Federation).

https://orcid.org/0000-0002-1616-8102

Corresponding author: G. Fauzer (gfauzer@iespn.komisc.ru).

Abstract. *The system of settlement of the population of the Komi Republic is considered; the factors determining the settlement pattern are given; it is noted that in the pre-industrial period settlements were formed along rivers, and in the industrial period settlements were close to the main sources of raw materials. The settlement in the coordinates of the 2021 census showed that the process of urbanization continues, with a decrease in the average population in both urban and rural settlements. In conclusion, it is concluded that the settlement system requires modernization, especially in relation to "non-promising" settlements.*

Keywords: The Komi Republic; population resettlement; natural resources; support settlements

Введение

Республика Коми — уникальный регион, расположенный на Европейском Севере России. Площадь республики — 416,8 тыс. км^2 (2,4 % территории Российской Федерации). Наибольшую протяженность имеет с юго-запада на северо-восток — 1275 км, с севера на юг — 785 км, с запада на восток — 695 км. Общая длина границ — 4415 км. На западе, северо-западе и севере республика граничит с Архангельской областью (2170 км) с входящим в нее Ненецким автономным округом (870 км), на востоке — с Ямало-Ненецким (480 км) и Ханты-Мансийским

[1] © Фаузер Г. Н. Текст. 2025.

(570 км) автономными округами Тюменской области, на юго-востоке — со Свердловской областью (35 км), на юге — с Пермским краем (645 км), а на юго-западе — с Кировской областью (515 км). Расстояние от Сыктывкара до Москвы — 1410 км, до Архангельска — 613 км и до Мурманска — 1153 км. Реки впадают в основном в бассейны Белого, Баренцева и Карского морей. Крупнейшие из них — Печора, Вычегда, Мезень (Фаузер & Смирнов, 2021, с. 169).

Республика чрезвычайно богата природными ресурсами и занимает одно из ведущих мест в России по разведанным запасам. Основу природно-ресурсного потенциала составляет редкое по разнообразию и качеству сочетание полезных ископаемых. Территория Коми является топливно-энергетической базой ряда регионов европейской части России. Центром нефтедобычи в республике является Усинский район, его доля в общем объеме добываемой нефти составляет 63 %, на втором месте Печорский район — 16,3 %, в Сосногорском районе добывается 8,9 %. Республика Коми является наиболее крупной и перспективной в России сырьевой базой бокситовых руд, здесь сосредоточено около трети российских балансовых запасов этого вида сырья для алюминиевой индустрии (Задорожный и др., 2011, с. 23–25).

Вопросы расселения населения на российском Севере и в Республике Коми рассмотрены в монографиях (Фаузер, 2023) и научных статьях (Фаузер & Смирнов, 2018; Фаузер и др., 2023). Цель настоящего исследования показать трансформацию системы расселения Республики Коми.

Основная часть

Если говорить о системе расселения без относительно конкретной территории, то можно обозначить, что расселение населения — сложный социально-экономический процесс, отражающий многие стороны жизни общества. На него влияют три группы факторов: 1) социально-экономические (уровень экономического развития, состояние социальной инфраструктуры, отраслевая структура экономики, транспортная доступность), 2) природные (климат, рельеф местности, почвы и др.), 3) демографические (уровень естественного воспроизводства населения, интенсивность миграционных связей), а также локальные рынки труда.

Применительно к системе расселения населения в Республике Коми можно отметить, что она формировалась под влиянием промышленности и размещения производительных сил. Для каждого исторического периода были характерны свои формы расселения. В доиндустриальный период сельские населенные пункты формировались вдоль рек, городские поселения могли формироваться как в устье рек (место впадения реки в другую реку, болото, озеро, море, океан), так могли быть образованы на пересечении торговых путей или выполнять оборонительные функции (Фаузер & Смирнов, 2018, с. 112).

В индустриальный период сеть создаваемых поселений приближена к местам залегания природных ресурсов (нефть, газ, уголь) или к местам, где на севере произрастают таежные хвойные леса, «рабочие поселки создавались в непосредственной близости от мест приложения труда, по принципу жилье в пешеходной доступности от мест приложения труда» (Панов, 1973, с. 159). Кроме того, малая общая численность населения, особенности хозяйственного освоения, разбросанность ископаемых богатств, трудность транспортных связей и некоторые

другие факторы обусловили формирование на Севере определенной системы расселения, характеризующейся наличием большого числа мелких и мельчайших поселений, специализирующихся на выполнении той или иной функции (Ходачек, 1973, с. 49). Это было особенно характерно для Крайнего Севера, где возникло много обособленных небольших, иногда временных, малоблагоустроенных поселений, функционально и планировочно не связанных друг с другом. По численности эти поселки насчитывали менее 3 тыс. жителей, что влекло повышенные градостроительные затраты за счет низкой плотности застройки. По мере выработки месторождений часть поселков ликвидировалась (Фаузер, 2023, с. 237).

Формирование и ликвидацию поселков городского типа можно продемонстрировать на примере истории городского округа Воркута Республики Коми. Так, В.В. Фаузер выделяет «четыре периода формирования расселенческой сети республики, используя исторический подход: первый период до 1939 г. — период становления расселенческой сети; второй период 1940–1959 гг. — период хаотичного формирования сети поселений (военные и годы гулаговской экономики); третий период 1960–1989 гг. — становление современной системы расселения; четвертый период 1990–2021 гг. — трансформация системы расселения в реалиях рыночной экономики. Предлагаемые периоды можно проанализировать по двум основаниям: по времени формирования городских населенных пунктов и по годам смены их статуса (упразднены, сменили статус, стали без населения)» (Фаузер, 2023, с. 257). Основные периоды образования и преобразования городских поселений приходятся на 1940–1964 гг. (табл. 1).

Беда северных поселков состоит в том, что они катастрофически теряют население, а содержать жилфонд необходимо. «Площадь пустующего жилфонда в Коми превышает пол млн кв. м. В Воркуте долги по его содержанию превысили 586 млн рублей. В Инте — почти 50 млн рублей. Ежегодно моногорода получают из республиканского бюджета субсидии на оплату исполнительных листов по взысканию долгов. В 2021-м и 2022-м поддержка из бюджета Коми составила по пол млрд. рублей ежегодно. В 2023-м — чуть более 325 млн, а в 2024 г. — 267 млн». Воркута, которая семьдесят лет была «угольной столицей» российского Северо-Запада, сегодня имеет печальную славу наиболее быстро вымирающего города России — за последние тридцать лет потеряно 67 % населения[1].

По мере того, как менялась конфигурация размещения производительных сил, происходили сдвиги и в расселении населения по природно-экономическим зонам. Комистат делит республику на три части: Крайний Север, Центральную часть и Южные районы. В научной литературе можно встретить деление также на три зоны: Дальний, Средний и Ближний Север, по Республике Коми это деление соответствует тому, что применяет статистика.

В 1939 г., в доиндустриальный период, большая часть населения была сконцентрирована в южной части республики — 57,7 %, в центральной — 22,9 % и на Крайнем Севере, еще не вовлеченном в промышленную деятельность, — 19,4 %. В 1989 г.

[1] Щетинина, А. (2024). Быстрый расцвет и упадок промышленных предприятий на территории республики привел к обилию «заброшек» — домов и целых поселений Пора в Арктику. Экспертный центр «Проектного офиса развития Арктики»: сайт. https://goarctic.ru/work/federalnyy-zakon-o-konservatsii-pustuyushchego-zhilya-v-arkticheskoy-zone-initsiirovali-v-respublike/ (дата обращения: 20.01.2025).

Таблица 1

Классификация городских населенных пунктов ГО Воркута, группировка по периодам образования

Населенный пункт	Год образования	Год смены статуса	Статус
Первый период — до 1939 г. (нет случаев)			
Второй период — 1940–1959 гг.			
пгт Воркута	1940	1943	город
г. Воркута	1943	—	сохранен
пгт Горняцкий	1946	1969	вошел в состав г. Воркута
пгт Октябрьский	1946	—	без населения
пгт Хановей	1949	1966	сельский нп
пгт Елецкий	1949	—	сохранен
пгт Комсомольский	1949	—	сохранен
пгт Хальмер-Ю	1954	1996	упразднен
пгт Северный	1954	—	сохранен
пгт Мульда	1954	—	сохранен
пгт Заполярный	1956	—	сохранен
пгт Промышленный	1956	—	без населения
пгт Сивомаскинский	1957	1993	сельский нп
пгт Цементнозаводский	1957	2002	вошел в состав пгт Северный
Третий период — 1960–1989 гг.			
пгт Советский	1964	2002	вошел в состав г. Воркута
пгт Воргашор	1964	–	сохранен
Четвертый период — 1990–2021 гг. (нет случаев)			

Источник: сост. к.э.н. А. В. Смирновым по (Фаузер, 2023, с. 258–259).

на пике численности населения республики Крайний Север занимал лидерскую позицию — 39,5 %, за ним следовали южные районы — 31,1 %, которым центральная часть уступала 1,7 п. п. В 2021 г. в южной части проживало уже 45,4 %, в центральной — 27,7 % и на Крайнем Севере — 28,9 % (Фаузер, 2024, с. 196). Полная информация о сдвигах в расселении населения в Республике Коми за 1939–2021 гг. представлена в таблице 2.

Современное состояние системы расселения населения в Республике Коми рассмотрим в координатах переписи населения 2021 г. В республике 10 городов и 29 поселков городского типа (три из них без населения), на городское население приходится 77,5 %, в т. ч. числе на Крайнем Севере — 80,9 %, в центральной части — 87,0 % и на территории южных районов — 69,6 %. В целом по республике на городское население Крайнего Севера приходится 28,1 %, центральной части — 31,1 % и на южные районы — 40,8 % городского населения республики. Сельское население в основном проживает в южных районах — 61,2 % в 49,6 % сельских населенных пунктах республики и имеет наименьшую долю без населения. В республике самый многочисленный Усть-Вымский район — 24306 чел.,

Таблица 2

Распределение населения Республики Коми по природно-климатическим зонам, переписи населения 1939–2021 гг., чел.

Муниципальные образования	Значение показателя по годам							
	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010	2021
Республика Коми	318 996	815 799	964 802	1118 421	1250 847	1 018 674	901 189	737 853
Крайний Север	61 781	349 431	369 668	427 874	493 841	336 638	267 435	198 471
Воркута	…	175 857	184 945	194 823	218 467	134 172	95 854	68 425
Инта	…	66 360	61 496	61 830	71 202	46 411	35 181	21 857
Печора	21 027	66 521	78 194	84 883	94 514	66 291	57 364	44 051
Усинск	…	…	…	44 945	69 812	52 845	47 229	36 913
Ижемский район	24 257	22 026	26 122	24 305	23 329	21 511	18 771	16 469
Усть-Цилемский район	16 497	18 667	18 911	17 088	16 517	15 408	13 036	10 756
Центральная часть	73 053	223 046	279 859	343 605	367 290	304 578	270 580	204 453
Вуктыл	…	…	…	25 323	28 416	18 349	14 873	10 581
Сосногорск	…	…	…	…	62 594	52 486	46 775	34 693
Ухта	8702	89 001	151 412	173 625	142 499	127 362	121 701	96 233
Княжпогостский район	15 277	43 277	37 808	38 370	39 548	29 688	23 432	15 609
Троицко-Печорский район	8575	35 187	29 388	28 747	26 178	17 610	13 925	10 159
Удорский район	15 066	13 592	20 078	35 383	24 799	25 083	20 400	12 872
Усть-Вымский район	25 433	41 989	41 173	42 157	43 256	34 000	29 474	24 306
Южные районы	184 162	243 322	315 275	346 942	389 716	377 458	363 174	334 929
Сыктывкар	30 111	74 469	138 318	187 347	234 903	245 768	250 874	233 876
Койгородский район	…	19 356	17 431	15 053	12 477	10 020	8431	7782
Корткеросский район	29 876	31 284	31 780	28 176	27 209	23 642	19 658	18 984
Прилузский район	33 830	36 205	35 756	30 526	28 179	24 762	20 737	17 953
Сыктывдинский район	24 607	26 455	26 305	26 391	27 420	24 226	22 660	21 795
Сысольский район	29 949	20 554	22 060	19 551	19 592	16 894	13 956	11 885
Усть-Куломский район	35 789	34 999	43 625	39 898	39 936	32 146	26 858	22 654

Источник: (Фаузер, 2024, с. 197).

меньше всего населения в Койгородком районе — 7782 чел. При большой площади (416774 км^2, 2,43 % от площади РФ, или 11-е место в рейтинге) и небольшом населении средняя плотность всего 1,8 чел. на км^2, в т. ч. на Крайнем Севере — 1,1 чел. на км^2, в центральной части — 1,3 чел. на км^2 и на территории южных районов 2,1 чел. на км^2 (табл. 3).

В расселении есть показатель — среднее расстояние до центров муниципальных образований, его важность определяется временной возможностью попасть в муниципальный центр, к оказанию разного рода услуг, в т. ч. здравоохранения. Так, исследование, проведенное по Архангельской области по территориальной доступности к учреждениям медицины, показало, что «25 % населения (13 тыс. человек в 36 населенных пунктах) попадает в зону 50–75 км, т. е. от часа до полутора часов езды до медучреждения. Эту зону можно отнести к зоне риска, т. к.,

Таблица 3

Территориальная структура расселения в Республике Коми, перепись населения 2021 г.

Муниципальные образования	Число городских поселений		Доля городского населения, %	Средняя плотность, человек на км^2		Средняя людность поселений с населением		Средняя густота поселений с населением на 10 тыс. км^2	Среднее расстояние до центров муниципальных образований, км[1])
	города	поселки городского типа		всего	сельского	городских, тыс. человек	сельских, человек		
Республика Коми	10	29	77,5	1,8	0,4	15,9	255	16	–
городские округа									
Сыктывкар	1	3	99,7	319,1	1,0	58,3	249	95	17,0
Воркута	1	8	99,6	2,8	0,0	9,7	74	5	56,4
Вуктыл	1	—	88,1	0,5	0,1	9,3	126	5	74,7
Инта	1	2	94,7	0,7	0,0	10,4	96	7	89,0
Усинск	1	1	89,1	1,2	0,1	16,4	287	5	93,6
Ухта	1	4	98,3	7,3	0,1	18,9	140	13	56,8
муниципальные районы									
Ижемский	—	—	—	0,9	0,9	—	484	18	61,9
Княжпогостский	1	1	83,7	0,6	0,1	6,5	64	17	52,3
Койгородский	—	—	—	0,7	0,7	—	432	17	37,6
Корткеросский	—	—	—	1,0	1,0	—	372	26	61,8
Печора	1	3	88,0	1,5	0,2	9,7	203	10	52,8
Прилузский	—	—	—	1,4	1,4	—	224	61	70,4
Сосногорск	1	2	90,5	2,1	0,2	10,5	237	10	69,6
Сыктывдинский	—	—	—	2,9	2,9	—	445	66	55,0
Сысольский	—	—	—	2,0	2,0	—	165	119	28,2
Троицко-Печорский	—	1	59,6	0,3	0,1	6,1	132	8	118,1
Удорский	—	3	61,5	0,4	0,1	2,6	113	13	94,3
Усть-Вымский	1	1	64,4	5,1	1,8	7,8	192	98	24,12)
Усть-Куломский	—	—	—	0,9	0,9	—	397	22	70,1
Усть-Цилемский	—	—	—	0,3	0,3	—	307	8	77,0

Источник: (Фаузер, 2023, с. 261–262).

Примечания: 1) рассчитано по: Административно-территориальное и муниципальное устройство Республики Коми (на 1 августа 2016 года). Издание седьмое, официальное / ГБУ РК «ТФИ РК». Сыктывкар, 2016, 278; 2) 47,4 км при отсутствии переправы через р. Вычегда около д. Тыдор.

например, при возникновении многих сердечно-сосудистых патологий, тяжелых травм и т. п., данное время движения в медицинское учреждение может оказаться фатальным» (Шартова и др., 2019, с. 14). По этой классификации в зону риска попадает население Троицко-Печорского — 118,1; Удорского — 94,3; Усть-Цилемского районов — 77,0; Усинского — 93,6 и Интинского городских округов — 89,0 км до муниципального центра, где находятся учреждения здравоохранения.

Заключение

Совершенствование системы расселения — важнейшая задача государственного менеджмента. Для целей устойчивого развития принята «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года»[1]. Стратегия призвана максимально вовлечь пространство в достижение национальных целей с учетом необходимости эффективного использования имеющихся ресурсов. Пространственные приоритеты включают систему опорных населенных пунктов, которые формируют системы расселения, инфраструктуры и экономики Российской Федерации и обеспечивают развитие прилегающих к ним территорий. Реализация Стратегии будет способствовать преодолению негативных тенденций пространственного развития, реализации новых возможностей и формированию ответов на новые вызовы пространственного развития и тем самым внесет вклад в достижение национальных целей.

При реализации Стратегии следует руководствоваться положением, что опорные населенные пункты, вахтовые поселки, поселения коренных малочисленных народов Севера — не взаимоисключающие, а взаимодополняющие модели системы расселения на территории Арктической зоны РФ и Крайнего Севера.

С начала 1990-х гг. десятки поселков Севера России были «закрыты» — ликвидированы. Но еще чаще процесс шел по тяжелому пути постепенной деградации. Вместо рекомендуемого многочисленными методичками по данному вопросу «управляемого сжатия» сжатие было, зачастую, в той или иной степени «неуправляемым» — происходило резкое сокращение или полное прекращение масштабов экономической деятельности на территории населенного пункта (в частности, ликвидация градообразующего предприятия) при сохранении в нем населения, как правило, из-за отсутствия у жителей собственных средств на переезд и отсутствия мер поддержки переселения»[2]. Такую ситуацию в срочном порядке следует решать, поселение не должно оставаться «один на один» со своей проблемой, яркий пример тому — шахтерская Инта. Город Инта пережил закрытие шести угольных шахт. Последняя встала в 2019 г., оставив без работы более 1200 сотрудников. Сейчас Инта живет средним бизнесом, муниципальными службами и железной дорогой. Трудоустройство в РЖД здесь сравнимо с Газпромом на Ямале. А тем, кому не повезло, или нет желания, дорога одна, уезжать в Россию — так интинцы называют большую землю.

[1] Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 4146-р.

[2] Замятина, Н. Ю. (2023). «Не по классике». С чего начиналось расселение арктических городов. Пора в Арктику. Экспертный центр «Проектного офиса развития Арктики»: сайт. https://goarctic.ru/news/s-chego-nachinalos-rasselenie-arkticheskikh-gorodov/# (дата обращения: 20.01.2025).

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00482, https://rscf.ru/project/25-28-00482/.

Acknowledgements

The study was supported by the grant of Russian Science Foundation No. 25-28-00482, https://rscf.ru/project/25-28-00482/.

Список источников

Задорожный, В. Н., Залевский, В. А., Фаузер, В. В. (2011). *Республика Коми: социально-экономическое развитие.* Москва: Экон-Информ, 250. EDN: QVGCTP

Панов, Л. К. (1973). Системы расселения и охрана природной среды на Севере. *Проблемы Севера, 18,* 159–169.

Фаузер, В. В (2023). *Республика Коми на рубеже веков: демография, миграция, расселение.* Ижевск: ООО «Принт», Библиотека демографа, 22, 308. EDN: HUBKLM

Фаузер, В. В., Лыткина, Т. С., Смирнов, А. В. (2020). Население мировой Арктики: российские и зарубежный подходы к изучению демографических проблем и заселению территорий. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз, 13*(3), 158–174. http://doi.org/10.15838/esc.2020.3.69.11

Фаузер, В. В., Смирнов, А. В. (2018). Российская Арктика: от острогов к городским агломерациям. *ЭКО, 48*(7), 112–130. https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2018-7-112-130

Фаузер, В. В., Смирнов, А. В. (2021). Население Республики Коми: от советского прошлого к арктическому будущему. *ЭКО, 51*(9), 168–192. http://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2021-9-168-192

Фаузер, В. В., Смирнов, А. В., Фаузер, Г. Н. (2023) Демографическая динамика и трансформация системы расселения на Севере России в координатах переписи населения 2021 года. *Север и рынок: формирование экономического порядка, 26*(1), 64–79. http://doi.org/10.37614/2220-802X.1.2023.79.004

Фаузер, Г. Н. (2024). Формирование расселенческой сети Республики Коми. *Сборник статей Девятой Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) «Актуальные проблемы, направления и механизмы развития производительных сил Севера — 2024»* (18–20 сентября 2024 г., Сыктывкар): в 2 ч. Ч. I (с. 191–198). Воронеж: «Строки», 314. DN: BKQXSC

Ходачек, В. М. (1973). *О формировании населения в районах Крайнего Севера СССР (на примере Алданского горнопромышленного района). Северо-Запад Европейской части СССР.* Ленинград: Изд-во Ленинградского университета, 9, 44–57.

Шартова, Н. В., Грищенко, М. Ю., Ревич, Б. А. (2019). Оценка территориальной доступности медицинских учреждений по открытым данным на примере Архангельской области. *Социальные аспекты здоровья населения, 65*(6). http://vestnik.mednet.ru/content/view/1114/27/lang.ru/ (дата обращения: 20.01.2025). EDN: CEGYRH

References

Zadorozhnyi, V. N., Zalevskiy, V. A. & Fauzer, V.V. (2011). *Respublika Komi: sotsialno-ekonomicheskoe razvitie [Komi Republic: socio-economic development].* Moscow: Ekon-Inform, 250. EDN: QVGCTP (In Russ.)

Panov, L.K. (1973). Settlement systems and environmental protection in the North. *Problemy Severa [Problems of the North], 18,* 159–169. (In Russ.)

Fauzer, V. V. (2023). *Respublika Komi na rubezhe vekov: demografiya, migratsiya, rasselenie [The Komi Republic at the turn of the century: demography, migration, settlement]*. Izhevsk: LLS Print, 308. EDN: HUBKLM (In Russ.)

Fauzer, V.V., Lytkina, T.S. & Smirnov, A.V. (2020). Population of the World Arctic: Russian and foreign approaches to the study of demographic problems and settlement of territories. *Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 13* (3), 158–174. http://doi.org/10.15838/esc.2020.3.69.11 (In Russ.)

Fauzer, V.V. & Smirnov, A.V. (2021). The Population of the Komi Republic: From the Soviet Past to the Arctic Future. *ECO, 51* (9), 168–192. http://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2021-9-168-192 (In Russ.)

Fauzer, V.V. & Smirnov, A.V. (2018). Russian Arctic: from forts to urban agglomerations. *ECO, 48* (7), 112–130. https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2018-7-112-130 (In Russ.)

Fauzer, V.V., Smirnov, A.V. & Fauzer, G.N. (2023). Demographic dynamics and transformation of the settlement system in the North of Russia in the coordinates of the 2021 population census. *Sever i rynok: formirovanie ekonomicheskogo poryadka [the North and the Market: Forming the Economic Order], 26* (1), 64–79. http://doi.org/10.37614/2220-802X.1.2023.79.004 (In Russ.)

Fauzer, G.N. Formirovanie rasselencheskoy seti Respubliki Komi. In *Sbornik statey Devyatoy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiem) «Aktualnye problemy, napravleniya i mehanizmy razvitiya proizvoditelnyh sil Severa — 2024» (18–20 sentyabrya 2024 g., Syktyvkar): v 2 ch. Ch. I. [Collection of articles of the Ninth All-Russian scientific and practical conference (with international participation) "Current problems, directions and mechanisms for the development of productive forces of the North - 2024" (September 18–20, 2024, Syktyvkar): in 2 parts. Part I]*. (pp.191–198). Voronezh: "Stroki", 314. DN: BKQXSC (In Russ.)

Khodachek, V.M. (1973). On the formation of the population in the regions of the Far North of the USSR (using the example of the Aldan mining and industrial region). *Severo-Zapad Evropeyskoy chasti SSSR [North-West of the European part of the USSR]*. Leningrad: Leningrad University Publishing House, 9, 44–57. (In Russ).

Shartova, N.V., Grishchenko, M.Yu. & Revich, B.A. (2019). Assessment of territorial accessibility of medical institutions based on open data using the example of the Arkhangelsk region. *Sotsialnye aspekty zdorovya naseleniya [Social aspects of population health], 65* (6). http://vestnik.mednet.ru/content/view/1114/27/lang,ru/ (Accessed: 20.01.2025). EDN: CEGYRH (In Russ).

Фаузер Галина Николаевна — научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ Коми НЦ УрО РАН; https://orcid.org/0000-0002-1616-8102 (Российская Федерация, 167982, ГСП-2, г. Сыктывкар, Коммунистическая ул., 26; e-mail: gfauzer@iespn.komisc.ru).

Galina N. Fauzer — Research Associate, Institute of Socioeconomic and Energy Problems of the North of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the RAS; https://orcid.org/0000-0002-1616-8102 (26, Kommunisticheskaya St., Syktyvkar, 167982, Russian Federation; e-mail: gfauzer@iespn.komisc.ru).

УДК 311:314(470.25)
JEL classification: J11, O18, R58
https://www.doi.org/10.17059/udf-2025-1-15

Ретроспективный анализ численности населения Псковской земли по данным переписей[1]

Е. В. Филиппова

Великолукская государственная сельскохозяйственная академия (г. Великие Луки, Российская Федерация).

https://orcid.org/0009-0002-1152-9383

Автор для корреспонденции: Е.В. Филиппова (fev@vgsa.ru).

Аннотация. *В статье проведен ретроспективный анализ численности населения Псковской области по данным переписей. Изучение демографических процессов является важным компонентом в понимании изменений, происходящих в обществе, необходимых для принятия обоснованных решений в разных сферах жизнедеятельности и прежде всего социально-экономической политики развития региона. В работе использовались статистические методы обработки информации. По результатам исследования выявлено значительное сокращение численности и старение населения Псковской области. Определены направления использования данных переписей населения для подготовки и реализации государственных программ.*

Ключевые слова: перепись населения; тенденции; госпрограммы

A Retrospective Analysis of the Pskov Land Population Based on Census Data

E. Filippova

Velikiye Luki State Agricultural Academy (Velikiye Luki, Russian Federation).

https://orcid.org/0009-0002-1152-9383

Corresponding author: E. Filippova (fev@vgsa.ru).

Abstract. *A retrospective analysis of the population of the Pskov region was conducted based on census data. The study of demographic processes is an important component in understanding the changes taking place in society, necessary for making informed decisions in various spheres of life and, above all, the socio-economic development policy of the region. Statistical methods of information processing were used in the work. According to the results of the study, a significant decrease in the number and aging of the population of the Pskov region was revealed. The directions of using population census data for the preparation and implementation of government programs have been identified.*

Keywords: population census; trends; Government programs

Введение

Перепись населения показывает срез общества на определенный момент времени. Согласно рекомендациям Организации Объединенных Наций, перепись должна проводиться не реже одного раза в десятилетие, в год, заканчивающийся на 0 или близкие к ним. Российская Федерация старается выдерживать эти требования, но по тем или иным причинам возникают подвижки лет проведения переписи. В частности, последняя перепись 2020 г. пришлась на карантин по коронавирусной инфекции. В связи с этим она была дважды перенесена и прошла в 2021 г. с 15 октября по 14 ноября. В соответствии с предложениями Статистического

[1] © Филиппова Е. В. Текст. 2025.

отдела ООН были внесены изменения в процедуру проведения переписи и сделана ставка на дистанционные технологии. Результаты переписи населения позволяют оценить тенденции социально-экономического развития как страны в целом, так и отдельных субъектов Российской Федерации. Это дает возможность органам власти более гибко реагировать на изменения, в частности, выбора принятия наиболее эффективных управленческих решений и разработки программ развития.

В работе проанализирована демографическая трансформация Псковской области на основании данных переписей населения за период с 1959 по 2021 гг. и наиболее подробно рассмотрены показатели двух последних переписей. Предпринята попытка показать важность и значимость данных наблюдений для экономики и общества, в т. ч. в рамках разработки и реализации госпрограмм.

Результаты

Псковская земля имеет очень древнюю историю. Так, первое упоминание Пскова относится к летописи 903 г. Но вплоть до XVIII в. судить о точной численности населения достаточно трудно. В 1718 г. Петр I издал указ о подушных переписях (государственным ревизиям). С 1720 по 1860 гг. в России было проведено 10 переписей (ревизий). В 1897 г. была проведена первая Всероссийская перепись населения, и численность населения области составила 1122,3 тыс. чел. В период советской власти перепись граждан СССР проводилась 7 раз, численность населения области составляла: в 1926 г. — 1815 тыс. чел., 1939 г. — 1550 тыс. чел., 1959 г. — 952812 тыс. чел., 1970 г. — 877997 тыс. чел., 1979 г. — 850939 тыс. чел., 1989 г. — 845291 тыс. чел. В XXI в. были проведены уже три переписи населения, в 2002, 2010 и 2021 гг.

Проанализируем динамику численности населения Псковской области за семь последних переписей (рис. 1).

На протяжении всего анализируемого периода наблюдается значительное снижение численности населениия Псковской области. По данным переписи 2021 г., по сравнению с 1959 г. численность населения уменьшилась на 353728 чел., или на 37,1 %. Наименьший темп сокращения населения на 0,7 %, или на 5648 чел., отмечен между переписями 1979 и 1989 гг., что связано с достаточно стабильным положением в экономике и обществе.

Переход на рыночную экономику и открытие границ существенно повлияли на изменение численности Псковской области. Так, по данным трех последних переписей 2002, 2010 и 2021 гг., в межперписные периоды отмечалось наиболее резкое снижение численности. В 2002 г. население сократилось на 84481 чел., или на 10,0 %, в 2010 г, уменьшилась на 87387 чел., или на 11,5 %, а в 2021 г. — на 74339 чел., или на 11,0 %, по отношению к данным предыдущей переписи.

Такое уменьшение числа жителей области за шестидесятилетний период прежде всего связано с сокращением на 524611 чел., или на 75,0 %, сельских жителей. Наибольшее снижение сельского населения отмечено в межпереписной период по данным 1970 г. и составило 191620 чел., или на 27,4 %, что связано в большей степени с процессом урбанизации населения. По данным переписи 2021 г., насчитывалось 8355 сельских населенных пунктов, при этом из них 2771 оказались без населения, что составляет 33,2 %. Наибольшее число

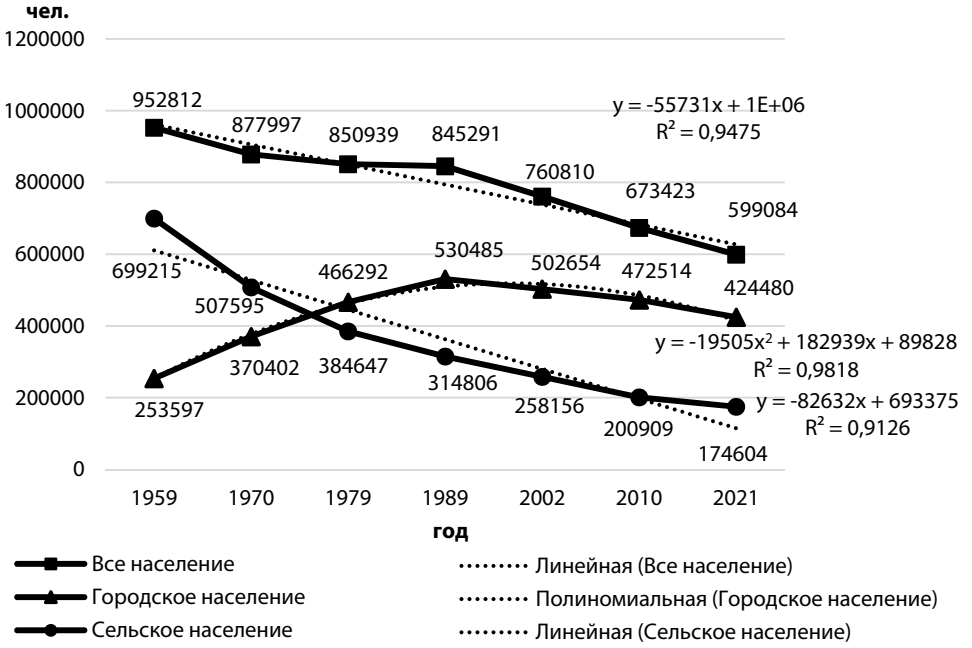

Рис. 1. *Динамика численности населения Псковской области по данным переписей (источник: сост. автором по: Переписи населения. Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Псковской области. https://60.rosstat.gov.ru/folder/27783 (дата обращения: 01.02.2025))*

обезлюденных населенных пунктов отмечено в следующих муниципальных районах: Островском — 229, Порховском — 227, Опочецком — 203, Псковском — 159, Новоржевском — 152. Наблюдается вымирание деревень, т. к. там почти нет работы, инфраструктура становится малодоступной, позакрывались школы и больницы. Таковы последствия политики «оптимизации». При этом опустынивание сельских территорий для приграничной области является весьма нежелательным (Каменская & Силакова, 2012; Краснов & Бизюков, 2021).

Численность городского населения области по данным переписи 2021 г. составила 424480 чел. и по сравнению с 1959 г. увеличилась на 170883 чел., или на 67,4 %. Значительное увеличение городских жителей отмечалось только до 1989 г., а по данным трех последних переписей в межперписные периоды численность городского населения существенно уменьшилась. По отношению к уровню предыдущей переписи в 2002 г. численность сократилась на 27831 чел., или на 5,2 %, в 2010 г. — на 30140 чел., или на 6,0 %, а в 2021 г. — на 48034 чел., или на 10,2 %.

Псковская область, находясь между двумя городскими мегаполисами Москва и Санкт-Петербург, становится поставщиком «рабочих рук» и «умов», поэтому, наряду с высокой естественной убылью населения, наблюдается значительный отток населения в крупные города (Манаков, 2015; Федченко, 2020; Яковлева & Агафончикова, 2018).

Среднегодовые показатели ряда динамики за период с 1959 г. по 2021 г. характеризуют тенденцию снижения численности населения Псковской области в среднем ежегодно на 58955 чел., или на 7,4 %, при тенденции сокращения сельского населения на 87435 чел., или на 20,6 % и положительной тенденции роста численности городского населения на 28481 чел., или на 9,0 %. Сложившиеся тенденции снижения общей численности и сельского населения хорошо описываются линейным трендом. При этом изменение числа городских жителей отображается полиномом второго порядка, характеризующий тенденцию роста в среднем на 182939 чел. с замедлением на 19505 чел. В 2009 г. Федеральной государственной службой статистики был сделан прогноз до 2030 г., согласно которому ежегодное сокращение численности населения Псковской области может составить 4,4 тыс. чел. (Германова & Голубева, 2017).

За период между двумя последними переписями численность населения сократилась в 23 районах, а также в городах Псков и Великие Луки. Только в Псковском районе число постоянных жителей увеличилось на 8738, или на 25,5 %, что связано с оттоком населения в пригородные поселения. Однако большая часть жителей области проживает в городе Псков. Так, в 2021 г. отмечается 193082 чел., что составляет 32,2 %, и это выше уровня 2010 г. на 2,0 п. п., при этом численность сократилась на 10197 чел. По данным переписи 2021 г., в городе Великие Луки численность постоянного населения составила 86711 чел., что составило 14,5 % от общей числа жителей. При этом численность уменьшилась на 12067 чел. по сравнению с данными предыдущей переписи. Наиболее населенными районами области являются Псковский (43,1 тыс. чел.), Островский (27,0 тыс. чел.), Невельский (21,6 тыс. чел.), Великолукский (19,5 тыс. чел.), Печорский (19,1 тыс. чел.), Себежский (19,1 тыс. чел.), Порховский (15,6 тыс. чел.). Расселение населения по территории области имеет особый рисунок, концентрируясь вокруг крупных городов (Кривуля, 2018).

В Псковской области наблюдается поступательный процесс урбанизации населения, а по данным переписей, начиная с 1989 г. городское население уже преобладает над сельским. Удельный вес сельского населения в анализируемом периоде сократился с 73,4 % до 29,1 %, т. е. на 44,3 п. п., в сторону городского населения. Однако за последнее десятилетие отмечается стабилизация структуры в соотношении городских и сельских жителей (рис. 2).

Сложная ситуация в сельской местности требует внимания Администрации Псковской области. Поэтому данные о количестве, качестве и уровня жизни сельского населения необходимы Комитету по сельскому хозяйству и государственному техническому надзору Псковской области в рамках реализации программы «Стратегия устойчивого развития сельских территорий Псковской области до 2030 года», а также в рамках госпрограммы «Развитие сельского хозяйства» в целях развития фермерства, т. к. вклад их в структуру производства сельскохозяйственной продукции невысок и составляет 3–4 %, тогда как в стране фермерство в последние годы развивается очень интенсивно и стало формировать уже около 15 % произведенной сельхозпродукции.

В целях улучшения демографической ситуации и содействия социально-экономическому развитию в области с 2010 г. реализуется подпрограмма «Оказание

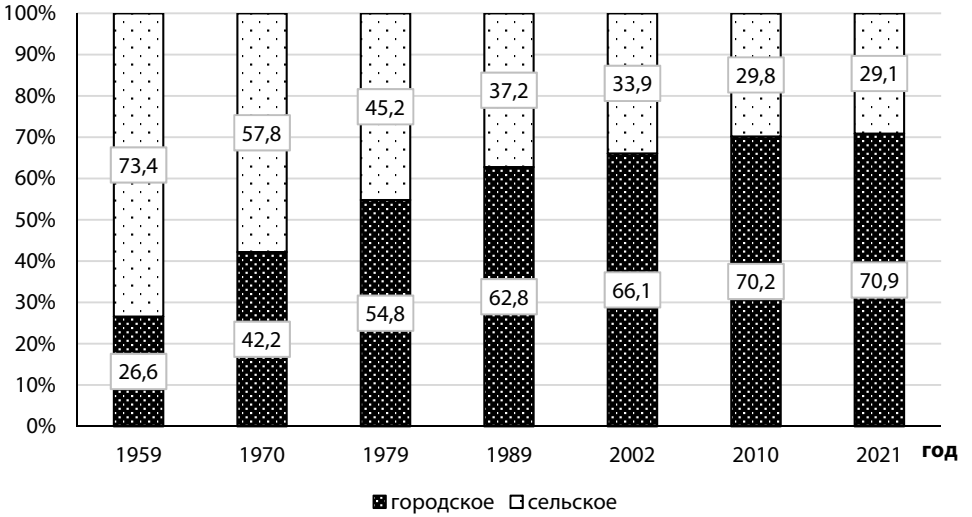

Рис. 2. *Структура городского и сельского населения Псковской области (источник: сост. автором по: Переписи населения. Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Псковской области. https://60.rosstat.gov.ru/folder/27783 (дата обращения: 01.02.2025))*

содействия добровольному переселению соотечественников». Всего с 2010 г. в Псковскую область прибыло порядка 12 тыс. соотечественников из 22 стран, в т. ч. за 2023 г. — 555 участников государственной программы и членов их семей. Основные страны выбытия — это страны бывшего СССР, при этом треть прибывших приходится на страны Прибалтики. В связи с этим данные об изменении численности населения необходимы Комитету по труду и занятости Псковской области. Пожалуй, одним из основных способов решения демографической проблемы является регулирование миграционного притока населения области (Евдокимов, 2012).

Показатели о миграции и расселения населения по Псковской области нужны и для оценки развития инфраструктуры. Эти данные необходимы Государственному комитету Псковской области по транспорту в рамках реализации госпрограммы «Развитие транспортной системы», Государственному комитету Псковской области по делам строительства и жилищно-коммунального хозяйства в рамках госпрограммы «Формирование современной городской среды».

Анализ демографических пирамид говорит об их неустойчивости по причине суженного основания. В межпереписной период произошли значительные подвижки возрастов. Если в 2010 г. положительным моментом являлось некоторое расширение основания, то в 2021 г. пирамида переходит в форму колокола, указывающая на старение населения. При этом отмечается значительное сокращение молодежи в возрасте до 30 лет (рис. 3).

Как по России в целом, так и в Псковской области по данным переписи населения 2021 г. отмечается значительное превышение численности женщин над численностью мужчин, что связано с высокой смертностью мужчин. Число лиц мужского пола составила 272,1 тыс. чел., женского — 327,0 тыс. чел. Численность

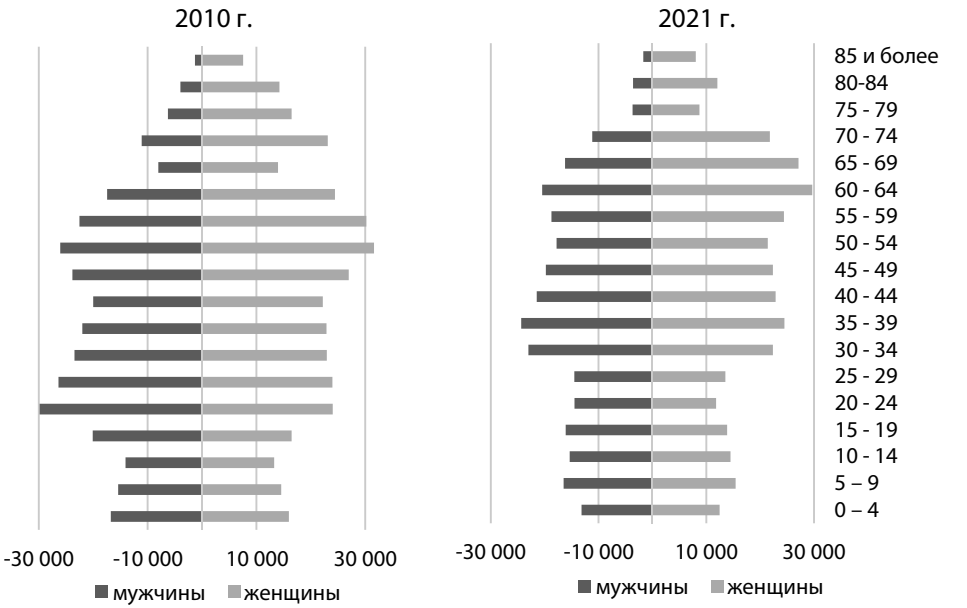

Рис. 3. *Возрастно-половые пирамиды населения Псковской области (источник: сост. автором по: Переписи населения. Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Псковской области. https://60.rosstat.gov.ru/folder/27783 (дата обращения: 01.02.2025))*

женщин превышает численность мужчин на 54,9 тыс. чел., тогда как в 2010 г. это превышение составляло 56,2 тыс. чел. Наиболее ярко это проявляется в возрасте старше 60 лет. Средний возраст жителей Псковской области в 2021 г. составил 49,4 года и по сравнению с предыдущей переписью увеличился на 7,9 лет.

В 2021 г. из общей численности населения 56,7 % составляли лица трудоспособного возраста, 12,9 % — моложе трудоспособного и 30,4 % — старше трудоспособного возраста. По отношению к предыдущей переписи уменьшилась доля лиц младше трудоспособного возраста на 1,3 п. п. и трудоспособного населения на 2,7 п. п., в сторону старшей возрастной категории (табл. 1).

Основной возрастной группой является трудоспособное население. При этом численность населения этой группы за период сократилась на 76,0 тыс. чел., или на 19,0 %. В то же время численность молодежи уменьшилась на 22,1 тыс. чел., или на 23,0 %. Сокращение численности населения старше трудоспособного возраста за межпереписной период составило 3,9 тыс. чел., или на 2,2 %.

Меры государственной поддержки материнства и детства оказали положительные результаты, по данным переписи 2010 г., увеличилась численность детей в возрасте до 5 лет в связи с ростом рождаемости, что видно на расширении основания пирамиды. Однако в последующем периоде это не обеспечило увеличение числа лиц младше трудоспособного возраста.

В межпереписной период в связи с ростом доли численности населения старше трудоспособного возраста в области вырос показатель демографической

Таблица 1

Численность населения по основным возрастным группам

Возраст	Тысяч человек		2021 г. в % к 2010 г.	Доля в общей численности населения, %	
	2010 г.	2021 г.		2010 г.	2021 г.
Моложе трудоспособного	96,0	73,9	77,0	14,2	12,9
Трудоспособном	399,7	323,7	81,0	59,4	56,7
Старше трудоспособного	177,1	173,2	97,8	26,4	30,4

Источник: Переписи населения. Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Псковской области. https://60.rosstat.gov.ru/folder/27783 (дата обращения: 01.02.2025).

нагрузки с 686 до 810 чел. Однако для городского населения этот показатель увеличился с 641 до 788 чел., а у сельского населения снизился с 803 до 866 чел.

Данные о возрастно-половом составе населения являются базой для расчета бюджетообразующих показателей и могут быть использованы Комитетом социальной защиты Псковской области, Комитетом по образованию Псковской области, отделением Пенсионного фонда РФ по Псковской области, страховыми, маркетинговыми компаниями и бизнесом.

В связи со значительным старением населения из-за высокой его смертности в 1,5 раза выше и низкой рождаемости данные также будут полезны для Государственного комитета Псковской области по здравоохранению и фармации в рамках реализации госпрограммы «Развитие здравоохранения». Полученные данные позволят сформировать перечень необходимых лекарств, определить недостающее количество высококвалифицированного медицинского персонала, оборудования для оказания помощи населению. Также данные о возрастно-половом составе населения важны и для Государственного комитета Псковской области по физической культуре и спорту для развития физической культуры.

В Российской Федерации число замужних женщин превышает число женатых мужчин. Тем не менее Псковская область оказалась исключением, так, по данным переписи 2010 г., число женщин, состоящих в браке, было меньше на 0,2 %, чем мужчин. При этом в 2021 г. отмечаются уже общероссийские зависимости по соотношению полов. В динамике за межпереписной период наблюдается существенный рост числа разошедшихся и официально разведенных. В брачной структуре существенно увеличился удельный вес с 4 % до более 20 % вдовых, при этом число женщин почти в 6 раз превышает число мужчин (табл. 2).

Поскольку перепись населения является единственным источником данных о национальном составе, важно оценить изменения этого показателя (табл. 3).

В национальном составе Псковской области преобладают русские (более 90,0 %). Исторически область формировалась как мононациональный регион (Манаков, 2013). В межпереписной период отмечается сокращение численности русских на 11,6 %, но в большей степени: украинцев — на 57,6 %, белорусов — на 54,2 %, эстонцев — на 45,8 %, татар — на 37,0 %, цыган — на 33,8 %. При этом увеличилась численность таджиков в 2,3 раза и сету — на 14,6 %. Изменения в национальной структуре оказались незначительными. Сведения о национальном

Таблица 2

Население по полу и состоянию в браке

Показатель	Мужчины			Женщины			Число женщин по отношению к мужчинам, %	
	2010 г.	2021 г.	2021 г. в % к 2010 г.	2010 г.	2021 г.	2021 г. в % к 2010 г.	2010 г.	2021 г.
Состоявшие в браке	157233	125201	79,6	156861	125892	80,3	99,8	100,6
Никогда не состоявшие в браке	63377	50891	80,3	43629	36776	84,3	68,8	72,3
Разведенные официально	16665	18445	110,7	31363	33873	108,0	188,2	183,6
Разошедшиеся	3037	4014	132,2	3911	5585	142,8	128,8	139,1
Вдовые	10837	10253	94,6	72907	58173	79,8	672,8	567,4

Источник: Переписи населения. Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Псковской области. https://60.rosstat.gov.ru/folder/27783 (дата обращения: 01.02.2025).

Таблица 3

Национальный состав населения Псковской области

Показатель	Человек		В % к указавшим национальную принадлежность	
	2010 г.	2021 г.	2010 г.	2021 г.
Все население	673423	559084	—	—
в том числе указавшие национальную принадлежность	648793	569086	100,00	100,00
русские	616432	545061	95,01	95,78
украинцы	8636	3663	1,33	0,64
белорусы	6772	3101	1,04	0,54
цыгане	3231	2138	0,50	0,38
армяне	2379	1990	0,37	0,35
татары	1233	777	0,19	0,14
азербайджанцы	1272	1044	0,20	0,18
эстонцы	625	339	0,10	0,06
таджики	448	1052	0,07	0,18
сету	123	141	0,02	0,02
другие национальности	13097	9780	1,18	1,73
не указавшие национальную принадлежность в переписном листе и лица, по которым сведения получены из административных источников	24630	29998	—	—

Источник: Переписи населения. Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Псковской области. https://60.rosstat.gov.ru/folder/27783 (дата обращения: 01.02.2025).

составе необходимы для разработки программ по поддержке малых народов, так, в 2011–2014 гг. действовала областная программа «Поддержка коренного малочисленного народа сету (сето), проживающего в Печорском районе». В период 2021–2024 гг. проходил первый этап государственной программы Псковской

области «Реализация государственной национальной политики на территории области». Эта программа, наряду с поддержкой коренного населения, направлена на сохранение этнокультурного многообразия области и адаптации иностранных граждан.

На момент переписи в 2021 г. более 92,8 % населения имело образование основное общее и выше. За межпереписной период в расчете на 1000 населения увеличилось число специалистов с высшим образованием на 5 чел., со среднем образованием — на 31 чел. и средним образованием — на 37 чел., при этом уменьшилось число со средним (полным) образованием на 20 чел., основным — на 23 чел. и начальным — на 6 чел. Отмечается рост уровня среднего профессионального образования как городского, так и сельского населения (табл. 4).

Данные переписи о количестве обучающихся, уровне образования, наличии ученых степеней необходимы Государственному управлению образования Псковской области и Государственному комитету Псковской области по молодежной политике в рамках реализации госпрограммы «Развитие образования и повышение эффективности молодежной политики».

По данным переписи 2021 г., наибольшее количество респондентов основным источником средств существования, наряду с заработной платой, указали сбережения, дивиденды, проценты, ссуды, реализация капитала, а также пенсии, пособия и другие выплаты от организаций, государства и обеспечение со стороны других лиц, иждивение. Следует отметить, что в межпереписной период существенно увеличилось число лиц, получающих доход от сбережений.

Вопросы о домохозяйствах, количестве членов семьи и источниках существования необходимы для Главного государственного управления социальной защиты населения Псковской области в рамках госпрограммы «Социальная поддержка

Таблица 4

Динамика уровня образования населения на 1000 человек

Уровень образования	Все население			Городское население			Сельское население		
	2010 г.	2021 г.	2021 г. от 2010 г.	2010 г.	2021 г.	2021 г. от 2010 г.	2010 г.	2021 г.	2021 г. от 2010 г.
Профессиональное образование:									
высшее	103	108	5	87	87	0	16	21	5
неполное высшее	16	8	–8	14	6	–8	2	2	0
среднее	183	214	31	139	150	11	45	64	19
начальное	39	76	37	22	49	27	18	27	9
Общее образование:									
среднее (полное)	108	88	–20	72	56	–16	36	33	–3
основное	69	46	–23	37	25	–12	32	21	–11
начальное	41	35	–6	17	21	4	23	13	–10
не имеют начального общего образования	4	7	3	1	5	4	3	2	–1

Источник: Переписи населения. Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Псковской области. https://60.rosstat.gov.ru/folder/27783 (дата обращения: 01.02.2025).

граждан и реализация демографической политики», поддержке семей, материнства и детства.

В рамках переписи собирались сведения о жилищных условиях. Так, в Псковской области преобладают малоэтажные дома, в сельской местности и даже в городах значительную долю занимают одноэтажные дома с печным отоплением. Преобладают дома очень старых времен постройки, многие из них построены сразу после войны. Невысок уровень санитарно-гигиенических условий жилых помещений. Из 26 муниципальных образований области только 16 газифицированы, при этом уровень газификации составляет не более 50 %. На селе невысокий уровень покрытия мобильной связью и доступности Интернета. Подробная информация о жилых помещениях, проводимых при переписи, необходима Государственному комитету Псковской области по делам строительства и жилищно-коммунального хозяйства, Государственному комитету Псковской области по тарифам и энергетике в рамках реализации госпрограммы «Энергоэффективность и энергосбережение», а также Государственному управлению по связи и массовым коммуникациям Псковской области в рамках госпрограммы «Развитие информационного общества» и в рамках региональной программы «Газификация Псковской области».

Заключение

Таким образом, Псковская область, к сожалению, остается одним из демографически неблагополучных регионов. Отмечается депопуляция и старение населения области. Процесс урбанизации привел к обезлюдиванию большого числа населенных пунктов. Это требует пристального внимания со стороны региональных и федеральных властей, т. к. комплекс исторически сложившихся проблем накладывает отпечаток на уровень жизни населения. Следует отметить, что со стороны администрации Псковской области в последние годы предпринимаются активные попытки изменить сложившуюся ситуацию, и свидетельством этого является пролонгация и достаточно успешная реализация госпрограмм различных направлений.

Список источников

Германова, М. А., Голубева, А. В. (2017). К вопросу о демографической ситуации в Псковской области. В *Актуальные проблемы самореализации личности в современном обществе* (с. 164–166). Псков: Псковский государственный университет, 232.

Евдокимов, С. И. (2012). Прогноз основных демографических показателей Псковской области на первую треть XXI века. *Псковский регионологический журнал, 14,* 67–74.

Каменская, Е. В., Силакова, М. А. (2012). Демографические особенности в Псковской области. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз, 23* (5), 154–160.

Краснов, А. И., Бизюков, А. Д. (2021). Динамика численности населения Псковской области в постсоветский период в разрезе сельских населенных пунктов. *Известия Русского географического общества, 153* (5), 21–33. https://doi.org/10.31857/S0869607121050050

Кривуля, И. В. (2018). Современные демографические процессы в Псковской области. В *Восьмые Псковские Международные краеведческие чтения. Материалы междунар. науч.-практич. конф. (Псков, 12–14 октября 2018 г.). Т. 1.* (с. 244–249). Псков: Псковский государственный университет, 263.

Манаков, А. Г. (2013). Динамика национального состава населения Псковской области с 1959 по 2010 гг. (по итогам переписей). *Вестник Псковского государственного университета. Серия естественные и физико-математические науки, 2,* 136–140.

Манаков, А. Г. (2015). Депопуляция Псковской области: причины и поиск решения проблемы. В *Социально-политические и эколого-хозяйственные проблемы развития Балтийского региона. Мат-лы междунар. научно-практ. конф. 19–20 ноября 2015 г.* (с. 82–89). Псков: Псковский государственный университет, 287.

Федченко, Л. А. (2020). Демографическая ситуация в Псковской области: факты и прогнозы. В *Статистика в стратегическом развитии России: сб. науч. трудов* (с. 335–339). Иркутск: Иркутский государственный университет, 591.

Яковлева, А. В., Агафончикова, О. В. (2018). Демографическая ситуация и демографическая политика Псковской области. *Экономика и предпринимательство, 92* (3), 345–355.

References

Evdokimov, S. I. (2012). Forecast of the main demographic indicators of the Pskov region for the first third of the 21st century. *Pskovskii regionologicheskii zhurnal [Pskov Journal of Regional Studies], 14,* 67–74.

Fedchenko, L. A. (2020). Demographic situation in the Pskov region: facts and forecasts. In *Statistika v strategicheskom razvitii Rossii: sb. nauch. Trudov [Statistics in the strategic development of Russia: collection of scientific papers]* (p. 335–339). Irkutsk: Irkutsk State University, 591.

Germanova, M. A., Golubeva, A. V. (2017). On the issue of the demographic situation in the Pskov region. In *Aktualnye problemy samorealizatsii lichnosti v sovremennom obshchestve [Actual problems of personal self-realization in modern society]* (p. 164–166). Pskov: Pskov State University, 232.

Kamenskaya, E. V., Silakova, M. A. (2012). Demographic features in the Pskov region. *Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 23* (5), 154–160.

Krasnov, A. I., Bizyukov, A. D. (2021). Population dynamics of the Pskov region in the post-soviet period according to rural settlement points. *Izvestiia Russkogo geograficheskogo obshchestva [Proceedings of the Russian Geographical Society], 153* (5), 21–33. https://doi.org/10.31857/S0869607121050050

Krivulya, I.V. (2018). Modern demographic processes in the Pskov region. In *Vosmye Pskovskie Mezhdunarodnye kraevedcheskie chteniia. Materialy mezhdunar. nauch.-praktich. konf. (Pskov, 12–14 oktiabria 2018 g.). T.1. [Eighth Pskov International Local History Readings. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (Pskov, October 12–14, 2018). Vol.1]* (p. 244–249). Pskov: Pskov State University, 263.

Manakov, A. G. (2013). Dynamics of national composition of the Pskov region population from 1959 to 2010 (on results of census). *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia estestvennye i fiziko-matematicheskie nauki [Bulletin of Pskov State University. Natural and Physico-mathematical Sciences series], 2,* 136–140.

Manakov, A. G. (2015). Depopulation of the Pskov region: causes and search for a solution to the problem. In *Sotsialno-politicheskie i ekologo-khoziaistvennye problemy razvitiia Baltiiskogo regiona. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii 19–20 noiabria 2015 goda [Socio-political, ecological and economic problems of the Baltic region development. Proceedings of the International scientific and practical conference on November 19–20, 2015]* (p. 82–89). Pskov: Pskov State University, 287.

Yakovleva, A. V., Agafonchikova, O. V. (2018). Demographic status and demographic policy of the Pskov region. *Ekonomika i predprinimatelstvo [Economics and Entrepreneurship], 92* (3), 345–355.

Филиппова Елена Владимировна — кандидат сельскохозяйственных наук, доцент, доцент кафедры экономики, менеджмента и торгового дела, Великолукская государственная сельскохозяйственная академия; https://orcid.org/0009-0002-1152-9383 (Российская Федерация, 182100, г. Великие Луки, пр.-т. Ленина, 2; e-mail: fev@vgsa.ru).

Elena V. Filippova — Candidate of Agricultural Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Economics, Management and Trade, Velikiye Luki State Agricultural Academy; https://orcid.org/0009-0002-1152-9383 (2 Lenin ave., Velikiye Luki, 182100, Russian Federation; e-mail: fev@vgsa.ru).

УДК 314.1
JEL classification: I11
https://www.doi.org/10.17059/udf-2025-1-16

Медицинские учреждения Свердловской области во второй половине 1950 — начале 1970-х годов как фактор развития демографических процессов[1]

О. Г. Черезова

Уральский государственный лесотехнический университет (г. Екатеринбург, Российская Федерация).

https://orcid.org/0009-0003-8821-7932

Автор для корреспонденции О. Г. Черезова (okssch@mail.ru).

Аннотация. *В статье проанализированы состояние и развитие медицинских учреждений Свердловской области во второй половине 1950-х — начале 1970-х годов и его влияние на демографические процессы. Актуальность исследования связана с необходимостью более глубокого понимания взаимосвязи миграционных процессов и динамики смертности населения с наличием качественной и доступной медицинской помощи. Выявлены проблемы развития сети медицинских учреждений, и причины их возникновения. Сделан вывод, что низкий уровень обеспеченности медицинскими услугами послужил одной из причин сокращения сельского населения области в результате миграций, а также более высокого уровня смертности на селе.*

Ключевые слова: население; миграции; смертность; медицинские учреждения; кадры

The State of Medical Institutions in the Sverdlovsk Region in the Second Half of the 1950s — Early 1970s as a Factor in the Development of Demographic Processes

O. Cherezova

Ural State Forestry Engineering University (Ekaterinburg, Russian Federation).

https://orcid.org/0009-0003-8821-7932

Corresponding author: O. Cherezova (okssch@mail.ru).

Abstract. *The article analyzes the state and development of medical institutions in the Sverdlovsk region in the 1950s and early 1970s and identifies its impact on demographic processes. The relevance of the study is related to the need for a deeper understanding of the relationship between migration processes and mortality dynamics with the availability of high-quality and affordable medical care for the population. The problems of the development of the network of medical institutions and the causes of their occurrence have been identified. It is concluded that the low level of provision of medical services was one of the reasons for the decline in the rural population of the region as a result of migration, as well as a higher mortality rate in rural areas.*

Keywords: population; migration; mortality rate; medical institutions; personnel

Введение

Демографическая ситуация, сложившаяся в последнее время в нашей стране, крайне неблагоприятна. Очень низок уровень рождаемости, сокращается численность населения. Актуальны эти процессы и для нашего региона. Между тем возникли они не вчера. Сокращение численности населения по сельской местности Уральского региона наблюдалось в течение всей второй половины XX в. В первую очередь процесс затронул индустриальные области региона. Если в середине

[1] © Черезова О. Г. Текст. 2025.

1950-х гг. в Свердловской области проживало 978 тыс. селян, то к началу 1990-х гг. их численность составляла всего 595,5 тыс. (Кузьмин и др., 1996).

На этот процесс в данный период влияли как миграции, приводившие к оттоку населения из села, так и снижение показателей рождаемости в результате демографического перехода и смены репродуктивных установок. Но основной причиной являлся отток населения из сельской местности в город.

Немаловажный фактор, влияющий на отток населения — наличие и уровень развития социальной инфраструктуры. Одна из важных ее составляющих — медицинские учреждения, обеспечивающие доступность и качество медицинских услуг. Последнее оказывает существенное влияние также на уровень смертности и продолжительность жизни.

Обсуждение

Вопросы состояния здравоохранения в СССР, в т. ч. по отдельным регионам, и качества медицинской помощи в XX в. рассматривались многими исследователями. Становлению и развитию советской сельской медицины посвящены работы Д.Т. Христенко (Христенко & Красовская, 2019). Немало внимания проблемам и недостаткам медицины на селе уделено в исследованиях С.Н. Затравкина (Затравкин & Вишленкова, 2022). Анализ состояния сети медицинских учреждений как фактора, влияющего на демографические процессы в РСФСР, анализировала в своих работах Н.А. Араловец (2022a, 2022b).

Состояние и развитие как здравоохранения, так и социальной инфраструктуры в целом изучались довольно активно. Вопросам развития здравоохранения в городах Западной Сибири посвящены исследования М.А. Дудкиной (2005). Состояние здравоохранения в сельской местности Урала рассматривалось в работах Н. Лушниковой (2013). Проблемы и перспективы развития современной инфраструктуры на селе также не оставались без внимания. Им, в частности, посвящены исследования Л.А. Третьякова, (Третьяков & Лаврикова, 2010) и Н.П. Кузьмич (2019). Обеспеченность инфраструктуры кадрами в середине XX в. рассмотрена в работах Н.Р. Хисамутдиновой и Н.В. Хомяковой (2023).

Источниковая база включает документы Государственного архива Свердловской области о деятельности медицинских учреждений[1].

Результаты

Проанализируем, как решалась проблема, связанная с качеством медицинского обслуживания в Свердловской области в 1950–1970-е гг. В этот период, с одной стороны, всё сильнее начинают проявляться демографические проблемы на селе. С другой стороны, эти годы — одни из самых благополучных для советского села.

Качество и доступность медицинской помощи зависят прежде всего от состояния медицинских учреждений и квалификации кадров. Чтобы обеспечить и то и другое, необходимо немало средств и усилий.

В СССР вопросам развития здравоохранения уделялось довольно много внимания. Прежде всего, это выражалось в постоянном увеличении объема

[1] Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-627. Оп. 3.

финансирования медицинских учреждений. В Свердловской области только за 8 лет объем ассигнований на медицину вырос с 82,26 тыс. руб. в 1958 г. до 135,64 тыс. руб. в 1966 г.

5 июля 1968 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О мерах по улучшению здравоохранения и медицинской науки в стране», согласно которому существенно увеличивалось финансирование медицины[1].

Вводились в строй новые больницы и поликлиники, увеличивалось количество коек в них. Данные по Свердловской области середины 1960-х — 1970-х гг. выглядят очень оптимистично, особенно по городской местности. За период с 1958 по 1966 гг. построено 87 больничных корпусов, 26 поликлиник, развернуто дополнительно 860 коек; 224 фельдшерских и 135 фельдшерско-акушерских пунктов. Были организованы ожоговый центр, центр «искусственная почка», реанимационное отделение сердечной хирургии, спецбригады при скорой помощи по борьбе с тромболитическими осложнениями[2]. Только в 1965 г. дополнительно было открыто 125 фельдшерских и фельдшерско-акушерских пунктов, 2 районных санэпидстанции, увеличена коечная сеть на 665 единиц. 47 участковых больниц укрупнены до 25–35 коек. Обеспеченность больничными койками увеличилась с 3,5 койки на 1000 человек до 4,8[3]. Для улучшения качества лечения больных с сердечно-сосудистыми заболеваниями в городах области с 1960 по 1964 гг. организованы 8 кардиологических центров и 17 ревматологических кабинетов[4]. За последние 5 лет число диалитических лабораторий выросло с 299 до 337 в городах и с 63 до 97 в сельской местности, биологических лабораторий — в 2 раза, открыто 7 иммунологических лабораторий, сеть электрокардиографических кабинетов выросла с 67 до 103[5]. Кроме постройки новых зданий, под медицинские учреждения перепрофилировались уже существующие. В 1963 г. здравоохранение получило 9 зданий райкомов КПСС и райисполкомов общей площадью 5375 м^2, в которые после приспособления переведены больницы; Слободо-Туринская больница — на 100 коек, Коптеловская — на 50 коек с поликлиникой, в селе Байкалово и Бутка переведены поликлиники[6].

В течение 1966–1970-х гг. планом было предусмотрено строительство Свердловской центральной больницы на 200 коек, расширение Камышловской больницы с 250 до 300 коек, Белоярской — со 100 до 250 коек, Туринской — с 25 до 350, Шалинской — со 100 до 160, Верхотурской — с 60 до 150, Ирбитской — со 150 до 200[7].

В 1971 г. медицинское обслуживание сельских жителей в области осуществляли 18 центральных больниц, 7 районных, 1 противотуберкулезный диспансер, 115 участковых больниц, 1044 фельдшерско-акушерских пункта. За 8-ю пятилетку

[1] Постановление ЦК КПСС и Совет Министров СССР от 5 июля 1968 г. № 517 «О мерах по дальнейшему улучшению здравоохранения и развитию медицинской науки в стране». https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=60373 (дата обращения: 25.01.2025).

[2] ГАСО. Ф. Р-627. Оп. 3. Д. 26. Л. 1-13

[3] ГАСО. Ф. Р-627. Оп. 3. Д.26. Л. 21.

[4] ГАСО. Ф. Р-627. Оп. 3. Д.7. Л. 7.

[5] ГАСО. Ф. Р-627. Оп. 3. Д. 627. Л. 9.

[6] ГАСО. Ф. Р-627. Оп. 3. Д. .26. Л. 62.

[7] ГАСО. Ф. Р-627. Оп. 3. Д. 26. Л .440.

были введены в строй больницы на 1124 койки и поликлиник на 900 посещений. Строительство медицинских учреждений финансировалось в том числе и из бюджетов предприятий.

Между тем отчеты отмечают наличие довольно существенных проблем со строительством и состоянием медицинских учреждений. Строительство ряда больниц велось крайне медленно. Так, больница Красноуральского медеплавильного завода на 300 коек строилась с 1953 по 1964 гг., больница в Верхней Салде на 280 коек строилась 13 лет — с 1951 по 1963 гг., в Ирбите стекольный завод строил больницу на 50 коек 10 лет и т. д.[1]

Проблемы наблюдались и с оснащением сельских больниц. В 1970 г. в Туринском районе лишь в 4-х участковых больницах имелись клинические лаборатории, в двух — зубные врачи. В ряде фельдшерских пунктов отсутствовала телефонная связь. Так, в Алапаевском районе по 56 ФАП было установлено только 9 телефонов[2].

Многие из существующих медицинских учреждений во второй половине 1960-х гг. находились в неудовлетворительном состоянии, особенно в сельской местности. К сожалению, мелкие населенные пункты не получали средств на развитие социальной инфраструктуры, поскольку были обречены на сселение. Согласно данным отчетов, в середине 1960-х гг. 52 больницы в области оставались маломощными — на 10–15 коек (в основном в Алапаевском и Красноуфимском районах)[3]. В 1971 г. в ветхом состоянии находилась Смолинская участковая больница на 25 коек. Не был решен вопрос о строительстве в 1971 г. хозяйственного корпуса Буткинской центральной районной больницы, строительства роддома в Талице. В приспособленных помещениях находились туберкулезный диспансер и туберкулезное отделение Буткинской больницы. В ряде городов, не говоря уже о сельской местности, больницы размещены в ветхих деревянных зданиях, не отвечающих минимальным санитарным условиям[4].

Тем не менее если обратить внимание на количество медицинских учреждений в целом по стране, то в указанный период оно несколько сократилось — с 26668 в 1960 г. до 26234 в 1970 г. По РСФСР сокращение составило соответственно с 14259 до 13784. Это связано с уменьшением числа населенных пунктов и практикой укрупнения больниц. Этот же процесс наблюдался и в области. Существование мелких больниц считалось неэкономичным, в них не было условий для оказания медицинской помощи на достойном уровне. В сельской местности области в середине 1950-х — 1970-е гг. проводилась активная работа по укрупнению больниц. Так, в 1970 г. укрупнено 6 сельских больниц, реорганизовано в ФАП 2 участковых[5].

При этом в результате укрупнения одновременно с сокращением количества больниц наблюдалось увеличение числа коек в них. По РСФСР число коек за этот период выросло с 990,9 тыс. до 1469,3 тыс. за 10 лет — с 1960 по 1970 гг.[6]

[1] ГАСО. Ф. Р-627. Оп. 3. Д. 7. Л. 18.

[2] ГАСО. Ф. Р-627. Оп. 3. Д. 627. Л. 15.

[3] ГАСО. Ф. Р-627. Оп. 3. Д. 26. Л. 21.

[4] ГАСО. Ф. Р-627. Оп. 3. Д. 26, Л. 62.

[5] ГАСО. Ф. Р-627. Оп. 3. Д. 150. Л. 26.

[6] Народное хозяйство СССР, 1987. С. 589.

Развитие сети медицинских учреждений дало определенные результаты в плане снижения смертности от отдельных заболеваний. Для оказания неотложной медицинской помощи в области создана довольно большая сеть станций скорой медицинской помощи, уже в начале 1960-х гг. насчитывающая 53 пункта. Улучшены сроки доставки экстренных хирургических больных в стационары и сроки оперативного лечения. Так, послеоперационная летальность при остром аппендиците в 1964 г. составила 0,1 %, при прободной язве желудка и двенадцатиперстной кишки — 1 %. По сравнению с 1959 г. она снизилась на 36 %, а с 1950 г. — уменьшилась в 7 раз.[1]

Меры по развитию сети медицинских учреждений и улучшению медицинского обслуживания дали положительный результат. Хотя в динамике общего коэффициента смертности он отразился мало: к середине 1960-х гг. по области он снизился до 7,0 ‰ (с 8,8 ‰ в 1956 г.), во второй половине 1960-х гг. этот показатель начинает расти и достигает 9,2–9,3 ‰ к концу 1970-х гг. (Кузьмин и др., 1996). Данная тенденция связана с изменением возрастной структуры и «старением» сельского населения области. Зато уровень младенческой смертности на селе существенно уменьшился. В начале 1950-х гг. он составлял 104,4 ‰, в середине десятилетия — 79,7 ‰. В середине 1960-х гг. младенческая смертность сократилась до 32,5 ‰, а в начале 1970-х гг. упала до 28 ‰[2]. Сократилась смертность от инфекционных заболеваний, в первую очередь от туберкулеза и пневмонии.

Тем не менее рост сети медицинских учреждений отставал от роста населения, даже в городах. За послание годы в крупных городах области (Свердловск, Каменск-Уральский, Первоуральск, Ревда, Алапаевск, Нижний Тагил, Серов) построены большие жилые поселки, в которых проживают тысячи человек, но не построено ни одной поликлиники. В результате на некоторых участках поликлиник численность населения превышает установленные нормы[3].

Обеспеченность населения больничными койками, особенно в сельской местности, фиксировалась ниже установленных нормативов и средних показателей по стране. В сельской местности области обеспеченность койками на 1000 населения в середине 1960-х гг. составляла 6,2 против 7,5 по Союзу[4]. К началу 1970-х гг. показатель несколько вырос, но всё равно отставал от средних по стране. В 1971 г. обеспеченность сельского населения больничными койками на 1000 жителей составила 10,7 при среднем показателе 11,8[5].

Серьезные проблемы наблюдались и с обеспеченностью медицинскими кадрами. Развитие сети терапевтических участков только в 1958–1966 гг. потребовало прироста 1589 врачебных должностей. При норме 6,3 должности на участок (согласно приказу Министерства здравоохранения № 282), в области этот показатель составлял 4,98 должности на 01.01.66 г.[6] Лечебно-профилактическая работа осуществлялась 6643 врачами, укомплектованность штатов — 54,5 %, а без

[1] ГАСО. Ф. Р-627. Оп. 3. Д. 7. Л. 2.

[2] ГАСО. Ф. Р-1913. Оп. 11.

[3] ГАСО. Ф. Р-627. Оп. 3.Д. 7. Л. 10.

[4] ГАСО. Ф. Р-627. Оп. 3. Д. 7, Л. 46.

[5] ГАСО. Ф. Р-627. Оп. 3. Д.150. Л. 24.

[6] ГАСО. Ф. Р-627. Оп. 3. Д. 26. Л .14.

г. Свердловск — 43,2 %. На 10 тыс. населения приходилось 19 врачей, в области — 11,4 врача на 1964 г.[1] В сельской местности дела обстояли еще хуже. На 1964 г по селу Свердловской области были утверждены 949,25 штатных врачебных должности, количество физических лиц, их занимающих, составило 349 человек: укомплектованность — 36,7 %. При этом 274 должности были заняты фельдшерами[2].

В 1965 г. в связи с низкой укомплектованностью врачами 3133 врачебных должности было занято фельдшерами. Их 114 сельских участковых больниц не имели ни одного врача 53 больницы[3]. В 1971 г. в Талицком районе ввиду отсутствия врачей во всех четырех участковых больницах на врачебных должностях работали фельдшера. Из-за недостатка фельдшеров в районе были закрыты 4 медицинских пункта и красногорский колхозный роддом. В Буткинской районной больнице вместо 20 врачей по факту работало трое[4]. Хуже других дела обстояли в Таборинском (19 %), Алапаевском (22,5 %) и Верхотурском районах (23,4 %) 5.

Одной из причин такой низкой укомплектованности являлась большая текучесть кадров. По данным отчетов о работе медицинских учреждений, ежегодно из области уезжало от 7,5 до 8,9 % врачей, а в 1962 и 1963 гг. эта цифра достигала 10,8 %, т. е. от 440 до 673 чел. В 1963 г. для работы в сельской местности прибыли 71 врач, в т. ч. 60 выпускников медицинских вузов. За этот же период выбыло 72 врача. В качестве причин увольнения, согласно опросам, проводимым среди увольняющихся, назывались «по собственному желанию» (2101 чел.), «по семейным обстоятельствам» (965 чел.), «на учебу в ординатуре и аспирантуре» (340 чел.)[6].

Несмотря на принимаемые меры, в т. ч. административного характера, с 1971 г. в Свердловской области все увольнения врачей требовалось оформлять только через облздравотдел[7], т. к. текучка кадров в медицинских учреждениях была огромной.

При этом авторы отчетов о состоянии медицинских учреждений считали, что производственные и бытовые условия не являются причиной отъезда. Поскольку для медицинских работников за период 1962–1966 гг. было построено 45 домов на 450 квартир, для сельской местности — 16 одноквартирных домов и 2 дома по 12 квартир. Отъезд врачей мотивировался, прежде всего, большой нагрузкой. Независимо от желания, специалисты вынуждены были работать по 1,5 ставки, а такую нагрузку невозможно выдержать длительное время. При этом чиновники признавали, что отнюдь не везде и бытовые условия, в которых вынуждены были проживать медицинские работники, можно было считать удовлетворительными. Нередко отмечались случаи, когда специалисты увольнялись и уезжали, не дождавшись предоставления жилья. Так, читаем в отчетах: «Из-за не предоставления квартиры выехала из Шалинского района врач-гинеколог

[1] ГАСО. Ф. Р-627. Оп. 3. Д. 26. Л. 16.

[2] ГАСО. Ф. Р-627. Оп. 3. Д. 26. Л. 45.

[3] 3 ГАСО. Ф. Р-627. Оп. 3. Д.26. Л. 168.

[4] ГАСО. Ф. Р-627. Оп. 3. Д. 150. Л. 34.

[5] ГАСО. Ф. Р-627. Оп. 3. Д. 150. Л. 33.

[6] ГАСО. Ф. Р-627. Оп. 3. Д. 26. Л. 6.

[7] Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 4. Оп.74. Д. 260. Л. 90.

Плетина. В Краснотурьинске была приглашена на работу из Красноярского края врач Азтыпская, но, прожив в гостинице около года, уехала обратно. В Артинском районе через суд расторгнут договор между молодым специалистом и больницей (не дали благоустроенную квартиру)[1]. И таких примеров довольно много.

Кроме того, как причина отъезда признается отсутствие «уральских» и «северных» надбавок, которые не выплачивались медикам. Тем не менее опыт показывает, что в тех городах и районах, где внимательно относятся к молодым специалистам, обеспечивают их квартирами, врачи закрепляются на долгие годы[2].

Сложившаяся ситуация с кадрами, несомненно, сказывалась на качестве медицинской помощи. Прежде всего, на правильной постановке диагноза, а значит, на правильном и своевременном лечении. Так, в 1964 г. из всех больных по сельской местности, поступивших в областную больницу, 20 % имели неправильные диагнозы. В основном это больные, направленные из Белоярского, Сысертского, Нижне-Сергинского и Шалинского районов, т. е. доля медицинских ошибок при первоначальной постановке диагноза составляла 1/5[3].

В среднем по всем сельским больницам каждый четвертый больной (т. е. 20 %), нуждающийся в срочной хирургической помощи, доставлялся в больницу на вторые сутки, что не могло не сказываться на результатах лечения[4].

Всё это приводило к тому, что уровень смертности в сельской местности на протяжении второй половины 1950–1970-х гг. оставался несколько выше, чем в городской (в середине 1970-х гг. по городской местности области 6,5 ‰ против 7,0 ‰ по селу).

Заключение

Исследование показало, что, несмотря на большую работу по формированию системы сельского здравоохранения в области, сохранялось относительно низкое качество медицинских услуг. Основным фактором явилась недоступность качественной и своевременной медицинской помощи жителям села, что приводило к ухудшению демографической ситуации и постоянному оттоку населения из сельской местности в крупные города.

Список источников

Араловец, Н. А. (2022a). Медицинское обслуживание в лечебно-профилактических учреждениях РСФСР в 1970-е гг. *Петербургский исторический журнал, 4* (36), 90–101. http://doi.org/10.51255/2311-603X_2022_4_90 EDN: JYAJLZ

Араловец, Н. А. (2022b). Санитарно-эпидемиологический фактор заболеваемости населения России в 1960-е гг. *История: факты и символы, 3* (20), 7–14.

Дудкина, М. П. (2005). Медицинское образование и обеспеченность медицинскими кадрами городов Западной Сибири во второй половине 1940-х – 1950-е годы XX века. В «Эффективность образования в условиях его модернизации»: материалы международной научно-практической

[1] ГАСО. Ф. Р-627. Оп. 3. Д. 26. Л. 156.

[2] ГАСО. Ф. Р-627. Оп. 3. Д. 26. Л .61.

[3] ГАСО. Ф. Р-627. Оп. 3. Д. 7. Л. 47.

[4] ГАСО. Ф. Р-627. Оп. 3. Д. 7. Л. 134.

конференции (с. 246–251). Новосибирск: Новосибирский институт повышения квалификации и переподготовки работников образования, 265.

Затравкин, С. Н., Вишленкова, Е. А. (2022). О сельском здравоохранении в СССР. *Quaestio Rossica, 10*(2), 646–656. http://doi.org/10.15826/qr.2022.2.693 EDN: JHWHSA

Кузьмич, Н. П. (2019) Развитие социальной инфраструктуры сельских территорий региона в целях улучшения качества жизни населения. *Экономика: вчера, сегодня, завтра, 9*(4–1), 392–399. EDN: HMQGAM

Лушникова, Н. А. (2013). Сельское здравоохранение в 1960 – 1980-е гг. (на материалах Курганской, Свердловской и Челябинской областей). *Международный научно-исследовательский журнал, 6*(13). 16–17.

Кузьмин, А. И., Корнилов, Г. Е., Оруджиева, А. Г. (1996). *Население Урала XX век*. Екатеринбург: Издательство «Екатеринбург», 212.

Третьякова, Л. А., Лаврикова, Н. И. (2010) Модернизация социальной инфраструктуры как приоритетное направление повышения качества жизни на селе. *Экономика региона, 2*(22), 164–170. EDN: MQHGXP

Хисамутдинова, Н. Р., Хомякова, Н. В. (2023). Здравоохранения Урала во второй половине 40-х — начале 50-х годов XX века: проблемы материального и кадрового обеспечения. *Самарский научный вестник, 12*(2), 180–187. EDN: DXGILZ

Христенко, Д. И. Красовская, Ю. А. (2019). Коллективизация и становление системы здравоохранения на селе. *Самарский научный вестник, 29*(4), 200–204. http://doi.org/10.17816/snv201984215

References

Aralovets, N. A. (2022a). Medical care in medical institutions of the RSFSR in the 1970s. *Peterburgskij istoricheskij zhurna [Petersburg Historical Journal], 4*(36), 90–101. http://doi.org/10.51255/2311-603X_2022_4_90 EDN: JYAJLZ (In Russ.)

Aralovets, N. A. (2022b). Sanitary and epidemiological factor of morbidity of the Russian population in the 1960s *Istoriya: fakty` i simvoly` [History: Facts and Symbols], 3*(20), 7–14. (In Russ.)

Dudkina, M. P. (2005). Medical education and provision of medical personnel in the cities of Western Siberia in the second half of the 1940s - 1950s of the XX century. In *E`ffektivnost` obrazovaniya v usloviyax ego modernizacii": materialy` mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii [Effectiveness of education in the context of its modernization": proceedings of the International scientific and practical conference]* (p. 246–251). Novosibirsk: Novosibirsk Institute of Advanced Training and Retraining of Educational Workers, 265. (In Russ.)

Zatravkin, S. N., Vishlenkova, E. A. (2022). About rural healthcare in the USSR. *Quaestio Rossica, 10*(2), 646–656. http://doi.org/10.15826/qr.2022.2.693 EDN: JHWHSA (In Russ.)

Kuzmich, N. P. (2019) Development of social infrastructure in rural areas of the region in order to improve the quality of life of the population. *E`konomika: vchera, segodnya, zavtra [Economics: Yesterday, Today, Tomorrow], 9*(4–1), 392–399. EDN: HMQGAM (In Russ.)

Lushnikova, N. A. (2013). Rural healthcare in the 1960s - 1980s. (based on materials from the Kurgan, Sverdlovsk and Chelyabinsk regions). *Mezhdunarodny`j nauchno-issledovatel`skij zhurnal [International Scientific Research Journal], 6*(13). 16–17. (In Russ.)

Kuzmin, A. I., Kornilov, G. E., Golikova, S.V., Orujieva, A. G., Alferova, E. Yu. (1996). *Naselenie Urala XX vek [Population of the Urals in the twentieth century]*. Yekaterinburg: Publishing House "Yekaterinburg", 212 (In Russ.)

Tretyakova, L. A., Lavrikova, N. I. (2010). Modernization of social infrastructure as a priority for improving the quality of life in rural areas. *E`konomika regiona [Economy of Regions], 2* (22), 164–170. EDN: MQHGXP (In Russ.)

Khisamutdinova, N. R., Khomyakova, N. V. (2023). Healthcare in the Urals in the second half of the 40s — early 50s of the twentieth century: problems of material and personnel support. *Samarskij nauchny`j vestnik [Samara Journal of Science], 12* (2), 180–187. EDN: DXGILZ (In Russ.)

Khristenko, D. I., Krasovskaya, Yu. A. (2019). Collectivization and the establishment of a rural healthcare system. *Samarskij nauchny`j vestnik [Samara Journal of Science], 29* (4), 200–204. http://doi.org/10.17816/snv201984215 (In Russ.)

Черезова Оксана Геннадьевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры экономики и экономической безопасности, Уральский государственный лесотехнический университет; https://orcid.org/0009-0003-8821-7932 (Российская Федерация, 620100, Екатеринбург, ул. Сибирский тракт, 37, e-mail: okssch@mail.ru).

Oksana G. Cherezova — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Economics and Economic Security, Ural State Forestry University https://orcid.org/0009-0003-8821-7932 (37 Sibirskiy trakt str., Yekaterinburg, 620100, Russian Federation; e-mail: okssch@mail.ru).

УДК 94:314(47+57)«1930/1950»
JEL classification: I18
https://www.doi.org/10.17059/udf-2025-1-17

Постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 27 июня 1936 года и его реализация до начала Великой Отечественной войны[1]

Н. В. Чернышева [а], А. И. Ажигулова [б]

[а] Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, (г. Москва, Российская Федерация).
https://orcid.org/0000-0002-1492-5368

[б] Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, (г. Москва, Российская Федерация),
Оренбургский государственный педагогический университет (г. Оренбург, Российская Федерация).
https://orcid.org/0009-0008-1345-8447

Автор для корреспонденции: Н. В. Чернышева (natiche84@mail.ru).

Аннотация. *Статья посвящена анализу результатов постановления 1936 года о запрете абортов и увеличении материальной и иной помощи роженицам, многодетным матерям в предвоенный период. На основе имеющихся сведений авторы сравнили показатели рождаемости после 1936 года, дали оценку эффективности мер советского правительства в области демографической политики. Было установлено, что, наряду с ограничением причин искусственного прерывания беременности, в СССР были приняты меры защиты материнства и детства в виде увеличения материальной помощи матерям, в том числе одиночкам и многодетным. Политика в области здравоохранения и обеспечения медицинской помощью женского населения была реализована не полностью в силу ряда причин, в том числе в связи с началом Великой Отечественной войны.*

Ключевые слова: аборты; материнство и детство; демографическая политика; СССР

Resolution of the Central Executive Committee of the USSR and the Council of People's Commissars of the USSR dated June 27, 1936 and its implementation before the outbreak of the Great Patriotic War

N. Chernysheva [a], A.Azhigulova [b]

[a] Institute for Demographic Research of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)
https://orcid.org/0000-0002-1492-5368

[b] Institute for Demographic Research of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation),
Orenburg State Pedagogical University (Orenburg, Russian Federation).
https://orcid.org/0009-0008-1345-8447

Corresponding author: N. Chernysheva (natiche84@mail.ru).

Abstract. *The article analyzes the results of the 1936 decree banning abortions and increasing financial and other assistance to women in labor and mothers with many children in the pre-war period. Based on the available information, the authors compared birth rates after 1936 and assessed the effectiveness of the Soviet government's demographic policy measures. It was found that along with limiting the causes of artificial termination of pregnancy in the USSR, protection measures were taken for motherhood and childhood in the form of increased financial assistance to mothers, including single mothers with many children. The policy in the field of healthcare and provision of medical care to the female population was not fully implemented due to a number of reasons, including the beginning of the Great Patriotic War.*

Keywords: abortions; motherhood and childhood; demographic policy; USSR

[1] © Чернышева Н. В., Ажигулова А. И. Текст. 2025.

Введение

Постановление 1936 г. получило неоднозначную оценку как в 1930-е гг., так и впоследствии. Необходимо отметить, что практика введения абортов была характерна для многих стран мира, особенно в межвоенный период. Цель статьи — дать характеристику Постановления ЦИК СССР и СНК СССР от 27 июня 1936 г. и проанализировать возможности его реализации с момента его принятия и до начала Великой Отечественной войны.

Принятие постановления совпало с компенсаторным периодом рождаемости. Запрет абортов стал наиболее ярким примером стремления Советского государства контролировать женское тело (Хоффманн, 2018).

В первый год после введения запрета количество абортов в СССР сократилось более чем в 3 раза. Однако в дальнейшем их количество возросло. В 1936–1937 гг. коэффициент рождаемости в СССР повысился на 15 %, но с 1938 г. он снижается, и эта тенденция сохранится до начала войны.

Демографы оценивают эффект постановления 1936 г. как временный. Коэффициент суммарной рождаемости выразился в не более 0,4 ребенка на одну женщину, что эквивалентно 353 тыс. рождений из 4,4 млн родившихся в 1937 г., более высокие, но близкие оценки у Б.Ц. Урланиса — 400–500 тыс. рождений (Захаров, 2003). Однако необходимо иметь в виду, что вводимые меры социальной и демографической поддержки предусматривали значительные изменения в ближайшей перспективе (Чернышева, 2022).

Основная часть.

История разработки и принятия Постановления ЦИК СССР и СНК СССР от 27 июня 1936 г. Источники изучения

На заседании Политбюро ЦК 9 марта 1936 г. было принято постановление о создании комиссии по разработке документа о запрете абортов, помощи роженицам и расширении сети детских яслей и детских домов (Пивоваров & Шок, 2019). Документ выдержал несколько редакций (Пивоваров & Шок, 2019) и был принят постановлением ЦИК СССР и СНК СССР от 27 июня 1936 г. Впоследствии рядом совместных постановлений ЦИК СССР, СНК СССР, ЦК ВКП (б) и ВЦСПС данное постановление было конкретизировано. В частности, в ноябре 1936 г. был определен порядок выдачи и размеры пособий многодетным матерям[1]. Некоторые вопросы уточнены в области социально-трудовых норм[2].

Ряд источников по заявленной теме уже введены в научный оборот исследователями, изучавшими в первую очередь демографическую и медицинскую составляющие вопросов принятия и реализации документа (Государственный архив РФ, фонд

[1] Постановление ЦИК СССР и СНК СССР «О порядке выдачи пособий многодетным матерям» от 14 ноября 1936 г. № 80 / 1985. Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1936 г. Исторические материалы. https://istmat.org/node/48093 (дата обращения: 01.02.2025).

[2] Постановление СНК СССР, ЦК ВКП (б) и ВЦСПС «О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, улучшения практики государственного социального страхования и борьбе с злоупотреблениями в этом деле» от 28 декабря 1938 г. Консультант Плюс. http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=4429#RmCAG8TmwzWPnLtB1 (дата обращения: 01.02.2025).

Министерства здравоохранения СССР (Ф.Р. 8009) и фонд Министерства здравоохранения РСФСР (Ф.А. 482); Российский государственный архив экономики, фонд Центрального статистического управления при Совете Министров СССР (Ф. 1562)), правовую (Государственный архив РФ, фонд Прокуратуры СССР (Ф. Р. 8131)), политическую (Российский государственный архив социально-политической истории, фонд Центрального комитета КПСС (Ф. 17), фонд Сталин (наст. Джугашвили) Иосиф Виссарионович (Ф. 558)).

В Российском государственном архиве экономики в фонде Государственного планового комитета Совета Министров СССР (Ф. 4372) хранятся записки и отчетные данные о ходе выполнения постановления ЦИК СССР и СНК СССР от 27 июня 1936 г. за пятилетний период (РГАЭ). Данные документы составили основу для анализа.

Анализ содержания и возможности для реализации постановления ЦИК СССР и СНК СССР от 27 июня 1936 г. (июнь 1936 — июнь 1941 гг.)

Самым чувствительным с демографической и социальной точек зрения является закрепленное постановлением от 27 июня 1936 г. решение о запрете абортов[1]. Необходимо учитывать тот факт, что практика применения противозачаточных средств не была развита, впрочем, в СССР не развита была и сеть учреждений, занимающихся изготовлением противозачаточных препаратов, а к концу 1930-х гг. их производство и продажа резко сократились[2].

Отныне аборт женщины могли сделать лишь по медицинским показаниями. При этом не был определен механизм получения медицинского разрешения (Кириллова, 2005). Постепенно комиссии по предоставлению разрешения на аборт увеличили практику выдачи подобных разрешений. Количество абортов по медицинским показаниям по стране в 1939 г. возросло на 45,9 % по сравнению с 1937 г. (Лившин & Орлов, 2003). В 1939 г. в городской местности РСФСР уровень абортов женщин в возрасте 15–49 лет составлял 36,5 ‰ (Садвокасова, 1969).

Практика выдачи подобных решений была неравномерна по союзным республикам. Например, в Белорусской ССР — 203,4 %, в Таджикской ССР — 65,4 % (Лившин & Орлов, 2003).

Другой проблемой работы комиссий по выдаче разрешений на аборт было проведение дообследования беременных женщин. Почти половина женщин, направляемых в медицинские учреждения на дообследования, выпадала из поля зрения комиссий: сохраняли беременность либо прибегали к практике незаконных абортов. Сотрудники создаваемых социально-правовых кабинетов по борьбе с абортами должны были вести патронат тех женщин, которым было отказано в производстве аборта (Сакевич, 2005).

Большинство абортов начиналось вне лечебных заведений. По РСФСР в 1939 г. на 100 абортов, начатых вне лечебных заведений, самые высокие показатели были

[1] Постановление ЦИК СССР и СНК СССР «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многосемейным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах» от 27 июня 1936 г. №65 / 1134 Консультант Плюс. http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=4068#NlRcaKS0Dij5PgGf (дата обращения: 01.02.2025).

[2] Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 38. Д. 1366. Л. 29.

в Вологодской области (97,5 %), Кировской области (97,3 %) и Удмуртской АССР (97,2 %)[1]. Аборты вне лечебных заведений зачастую осуществлялись неквалифицированными кадрами, в антисанитарных условиях и приводили к вторичному бесплодию женщин и смерти. В 1935 г. в РСФСР от подобных случаев умерло 611 женщин, в 1939 г. уже 1635 женщин[2]. По расчетам В.И. Сакевич, в 1935 г. смерти от аборта составляли 26 % случаев материнской смерти, а в 1940 г. уже 51 % (Сакевич, 2005).

В уголовное законодательство была добавлена статья, определяющая аборт как уголовно наказуемое деяние. После введения запрета на аборты в СССР их количество сократилось в течение первого года, но такое явление было временным. По неполным данным, в 1937 г. в СССР было зарегистрировано 567,9 тыс. абортов, в 1938 г. — 681,3 тыс., в 1939 г. — 722,9 тыс. (Лившин & Орлов, 2003). По данным 1939 г. выявлено лишь 11 % криминальных абортов из общего числа, 39,6 % их проведены женщинам, у которых не было детей.

Снижалось также и количество передаваемых в прокуратуру дел для привлечения к уголовной ответственности за проведение искусственного аборта. В 1939 г. их было менее 50 % от общего числа установленных внебольничных абортов (Лившин & Орлов, 2003). Такая же тенденция была и с решениями суда. Число осужденных по статье 140 Уголовного кодекса РСФСР снизилось с 2311 в 1936 г. до 1531 в 1939 г.[3]

Последствием введения запрета на проведение аборта явилось увеличение числа детоубийств. В первой половине 1936 г. в РСФСР 8 % женщин, осужденных за детоубийство, были осуждены условно, 85 % — приговорены к лишению свободы (42 % на срок от 2 до 5 лет, 39 % — от 5 до 10 лет) (Фадеева, 2019). В городах РСФСР доля убийств детей до 1 года в общем числе убийств за период с 1934 г. по 1940 г. увеличилась с 5,8 % до 14,3 % (Сакевич, 2005).

Работа правоохранительных органов в борьбе с «абортмахерами» велась слабо: следствия по их делам тянулись месяцами и годами, носили формальный характер, в судебной практике применялись условные наказания[4]. Во многом это объясняется контингентом лиц, привлекаемых к уголовной ответственности: врачи и медсестры, рабочие, служащие и домохозяйки (Лебина, 2015). Однако были так называемые «инструкторы», которые за определенную плату давали «советы», где и каким образом можно прервать беременность (Вишневский и др., 2016).

Слабо налаженная система взаимодействия органов здравоохранения и прокуратуры стала одной из причин сложившихся трудностей в реализации постановления от 27 июня 1936 г. Ни одна из сторон не хотела брать на себя ответственность по данному вопросу. Среди других причин несоблюдения постановления 1936 г. следует выделить недостаточную просветительскую и массово-разъяснительную работу органов здравоохранения, отсутствие учета беременных женщин в женских консультациях, со стороны общества сохранялось пренебрежительное отношение к матерям-одиночкам, а число решений суда по выплатам алиментных обязательств было незначительным (Чернышева, 2022).

[1] Там же. Л. 27.

[2] Там же.

[3] Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 38. Д. 1366. Л. 27.

[4] Там же. Л. 28–29.

Женские консультации профилактикой абортов фактически не занимались. Так, при обследовании 20 женских консультаций Московской области оказалось, что 8 из них совершенно не вели патронажа беременных, а в остальных он осуществлялся формально[1].

Как отмечает С. А. Нефедов, принятое в июне 1936 г. постановление «не только запретило аборты, но и возложило на отцов более строгую ответственность по уплате алиментов, тем самым существенно затруднив развод» (Нефедов, 2017). Увеличивался размер выплат за регистрацию разводов, в обязательном порядке в паспортах ставилась отметка о разводе, сами разводящиеся вызывались в ЗАГС. Ужесточалось наказание за невыполнение алиментных обязательств[2]. При этом сама практика назначения и выплат алиментов не стала достаточно распространенным явлением.

Постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 27 июня 1936 г. вводило комплекс мер поддержки материнства и детства, которые можно разделить на три блока.

Первый блок. Меры, направленные на расширение сети медицинских учреждений и подразумевавшие осуществление следующих задач:

— полный охват рожениц в городах, промышленных и районных центрах родильной помощью;

— увеличение стационарной родильной помощи роженицам в сельской местности, а также акушерской помощи на дому.

К 1 января 1939 г. в СССР планировалось открыть 11 тыс. новых родильных коек в городской местности, 32 тыс. родильных коек в сельской местности (из них половина за счет организации колхозных родильных домов) и 14,4 тыс. новых акушерских пунктов[3]. В итоге было открыто 17,5 тыс. родильных коек (64,9 % от плана), их количество увеличилось в два раза. Несмотря на предпринятые меры, медицинские учреждения не могли охватить всех рожениц необходимой медицинской помощью, сохранялась разница в медицинском обслуживании в городах и сельских местностях. В 1939 г. акушерскую помощь в городской местности СССР получили 95,2 % рожениц, а в сельской — 57,0 %.

Женщины в сельской местности в силу сохранившихся устоев продолжали прибегать к традиционным родам, без обращения к медицинским работникам и квалифицированной медицинской помощи. К концу 1930-х гг. в колхозных роддомах обслуживалось лишь 28 % родов.

Второй блок. Меры, направленные на совершенствование оказания медицинской и социальной помощи и расширение возможностей населения в ее получении. Данные действия были направлены на увеличение объема работ по патронажу беременных женщин, разработку профилактических мер, значительное усовершенствование послеродовой медицинской помощи; дальнейшее расширение сети молочных кухонь для питания детей до трех лет; выплата пособий и пр.

Возрастали размеры пособия на приобретение предметов необходимых для ухода за новорожденным, пособия матери на кормление ребенка; что касается

[1] Там же. Л. 26.

[2] Там же. Л. 12.

[3] Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 38. Д. 1366. Л. 7–7 (об).

Таблица 1

Расходы государства на оказание помощи многодетным матерям в 1936–1939 гг. (сведения по СССР и РСФСР), млн руб.

Год	СССР	РСФСР
1936	200,2	сведения не указаны
1937	955,2	674,1
1938	922,2	780,1
1939	1106,2	637,1

Источник: Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 38. Д. 1366. Л. 30.

Таблица 2

План расширения сети мест в детских дошкольных учреждениях СССР, тыс. мест

Показатель	Наличие на момент принятия постановления от 27 июня 1936 г.	План к 1 января 1939 г.
В городской местности	700	2100
В сельской местности, в том числе: – совхозы, предприятия и учреждения; – колхозы	 130 400	 300 700

Источник: Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 38. Д. 1366. Л. 9.

многодетных матерей, то при рождении шестого и последующих детей предусматривалась выплата пособий в течение последующих пяти лет. Матерям, имевшим десять детей, предусматривалась выплата единовременного пособия при рождении каждого последующего и со второго года жизни — ежемесячное пособие в течение четырех лет[1].

По сведениям Наркомфина СССР и ЦУНХУ, государство в 5,5 раз увеличило смету расходов на помощь многодетным матерям[2] (табл. 1).

Однако размеры пособий были незначительны, особенно пособие на кормление ребенка, а также разовая выплата на обзаведение предметами ухода за новорожденными (Исупов, 2021).

В то же время медики констатировали факт снижения в родильных домах материнской и младенческой смертности. В 1939 г. материнская смертность по родильным домам составляла от 0,12 % до 0,20 %, младенческая смертность 2–2,5 % (доношенные и недоношенные)[3]. Однако были родильные дома, где процент материнской и младенческой смертности по-прежнему был высок.

К концу 1930-х гг. в родовспомогательных учреждениях стало широко применяться обезболивание родов, но повсеместной данную практику назвать нельзя. Кроме того, из-за недостатка медикаментов процент применения обезболивающих средств значительно снизился: с 26,5 % в 1937 г. до 15,2 % в 1939 г.[4]

Третий блок. Меры, направленные на расширение сети детских дошкольных учреждений и подготовку обслуживающего персонала (медицинских работников и воспитателей), стационарных детских яслей и садов, сезонных детских площадок (табл. 2).

[1] Там же. Л. 28

[2] Там же. Л. 30

[3] Там же. Л. 15.

[4] Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 38. Д. 1366. Л. 21.

Планировалось также значительно расширить количество сезонных дошкольных площадок за счет открытия по стране 23 тыс. новых. Ясельная сеть также предусматривала расширение коечного фонда, особенно в городах (до 400 тыс. мест).

Однако реализовать данные решения не удалось, несмотря на увеличение количества детских учреждений и мест в них в 2–3 раза 1. «В 1940 г. в городах СССР на каждые 100 детей приходилось 11,3 койки на детей ясельного возраста, сезонной и постоянной ясельной сетью в колхозах охвачено чуть более 50 % детей ясельного возраста» (Чернышева, 2024).

Заключение

Таким образом, постановление ЦИК СССР и СНК СССР «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многосемейным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах» от 27 июня 1936 г. № 65 / 1134, наряду с мерами ограничительного характера, касающихся семейно-брачных отношений, содержало комплекс мер поддержки материнства и детства. Запрет на проведение аборта являлся вмешательством государства в личную и семейную жизнь и был воспринят весьма чувствительно в советском обществе. Попытки государства решить данный вопрос в юридической плоскости в полной мере не нашли отражение в правоприменительной практике (ни по вопросу наказания за аборты, ни по алиментным обязательствам).

В то же время масштабными были планы развития социальной инфраструктуры, реализовать которые удалось частично. Необходимо также учитывать, что работа по развитию социальной инфраструктуры была рассчитана на долгосрочную перспективу, однако Великая Отечественная война внесла свои существенные коррективы в демографическую ситуацию в стране, повлияла она и на социальную инфраструктуру.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00645, https://rscf.ru/project/25-28-00645/.

Acknowledgments

The study was supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 25-28-00645, https://rscf.ru/project/25-28-00645/.

Список источников

Вишневский, А. Г., Сакевич, В. И., Денисов, Б. П. (2016). Запрет аборта: освежите вашу память. *Демоскоп Weekly,* 707–708. https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/dcc6u3pi1g/direct/198414932. (дата обращения: 01.02.2025). EDN: XDYGOJ

Захаров, С. В. (2003). История рождаемости в России: от поколения к поколению. *Демографическое обозрение, 10* (1), 4–43. http://doi.org/10.17323/demreview.v10i1.17259

[1] Там же. Л. 13–14, 29.

Исупов, В. А. (2021). Демографическая политика сталинского государства в условиях «сжатия» гражданского общества. В *Парадигмы и модели демографического развития: сборник статей XII Уральского демографического форума: в 2-х томах. Т. 1.* (с. 71–78). Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 323. http://doi.org/10.17059/udf-2021-1-9

Кириллова, Д. А. (2005). *Рождаемость в СССР в 1930-е годы. Государственная политика.* Москва: Клио, 201. EDN: QOPCMF

Лебина, Н. Б. (2015). *Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю.* Москва: НЛО, 482. EDN: VHKUBF

Нефедов, С. А. (2017). *Уровень жизни населения и аграрное развитие России в 1900–1940 годах.* Москва: Издат. дом «Дело», РАНХИГС, 429. EDN: XMQBXN

Пивоваров, Н. Ю., Шок, Н. П. (2019). К истории запрета абортов в СССР: позиция властей и мнения советского общества в биоэтическом ракурсе (1935–1936 гг.). *История медицины,6* (2), 161–170. http://doi.org/10.17720/2409-5583.t6.2.2019.08h

Садвокасова, Е. А. (1969). *Социально-гигиенические аспекты регулирования семьи.* Москва: Медицина, 191.

Сакевич, В. И. (2005). Что было после запрета аборта в 1936 году. *Демоскоп Weekly,* 221–222. https://www.demoscope.ru/weekly/2005/0221/reprod01.php. (дата обращения: 01.02.2025).

Лившин, А. Я., Орлов, И. Б. (сост.) (2003). *Советская повседневность и массовое сознание 1939–1945 гг.* Москва: РОССПЭН, 470.

Фадеева, О. В. (2019). Нарушение конституционных прав личности на получение медицинской помощи путем наложения запрета на проведение искусственного прерывания беременности (аборта) в 1936–1955 гг. *Право и практика, 1,* 22–27. EDN: UWFSFJ

Хоффманн, Д. (2018). *Взращивание масс: модерное государство и советский социализм. 1914–1939.* Москва: Новое литературное обозрение, 422.

Чернышева, Н. В. (2022). *Население Волго-Вятского региона в 1939–1945 годы: историко-демографическое исследование:* дис. … д-ра ист. наук. Санкт-Петербург, 516.

References

Chernysheva, N.V. (2022). *Naselenie Volgo-Viatskogo regiona v 1939–1945 gody: istoriko-demograficheskoe issledovanie [The population of the Volga-Vyatka region in 1939–1945: historical and demographic research]:* dis. ... Doctor of Historical Sciences. St. Petersburg, 516. (In Russ.)

Isupov, V. A. (2021). Demographic policy of the Stalinist state in the context of the "compression" of civil society. In *Paradigmy i modeli demograficheskogo razvitiia: sbornik statei XII Uralskogo demograficheskogo foruma: v 2-kh tomakh. T. 1 [Paradigms and models of demographic development: collection of articles of the XII Ural Demographic Forum: in 2 volumes. Vol. 1].* (p.71–78). Ekaterinburg: Institute of Economics Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 323. http://doi.org/10.17059/udf-2021-1-9 (In Russ.)

Kirillova, D. A. (2005). *Rozhdaemost v SSSR v 1930-e gody. Gosudarstvennaia politika [Birth rate in the USSR in the 1930s. Government policy].* Moscow: Klio, 201. EDN: QOPCMF (In Russ.)

Lebina, N. B. (2015). *Sovetskaia povsednevnost: normy i anomalii. Ot voennogo kommunizma k bolshomu stiliu [Soviet everyday life: norms and anomalies. From war communism to grand style].* Moscow: UFO, 482. EDN: VHKUBF (In Russ.)

Лившин, А. Я., Орлов, И. Б. (сост.) *Sovetskaia povsednevnost i massovoe soznanie 1939–1945 gg. [Soviet everyday life and mass consciousness of 1939–1945]* (2003). Moscow: ROSSPEN, 470. (In Russ.)

Nefedov, S. A. (2017). *Uroven zhizni naseleniia i agrarnoe razvitie Rossii v 1900–1940 godakh [The standard of living of the population and the agrarian development of Russia in 1900–1940]*. Moscow: Izdat. Delo House, RANEPA, 429. EDN: XMQBXN (In Russ.)

Pivovarov, N. Y., Shok, N. P. (2019). Towards the history of the prohibition of abortion in the USSR: the position of the authorities and the opinions of Soviet society from a bioethical perspective (1935–1936). *Istoriia meditsiny [History of Medicine], 6* (2), 161–170. http://doi.org/10.17720/2409-5583.t6.2.2019.08h (In Russ.)

Sadvokasova, E. A. (1969). *Sotsialno-gigienicheskie aspekty regulirovaniia semi [Socio-hygienic aspects of family regulation]*. Moscow: Medicine, 191. (In Russ.)

Sakevich, V. I. (2005). What happened after the prohibition of abortion in 1936. *Demoscope Weekly,* 221–222. https://www.demoscope.ru/weekly/2005/0221/reprod01.php (Accessed: 02.01.2025). (In Russ.)

Fadeeva, O. V. (2019). Violation of the constitutional rights of an individual to receive medical care by prohibiting artificial termination of pregnancy (abortion) in 1936–1955. *Pravo i praktika [Law and Practice], 1,* 22–27. EDN: UWFSFJ (In Russ.)

Hoffmann, D. (2018). *Vzrashchivanie mass: modernoe gosudarstvo i sovetskii sotsializm. 1914–1939. [Nurturing the Masses: the Modern State and Soviet Socialism*. 1914–1939]. Moscow: New Literary Review, 422. (In Russ.)

Vishnevsky, A. G., Sakevich, V. I., Denisov, B. P. (2016). Prohibition of abortion: refresh your memory. *Demoscope Weekly,* 707–708. https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/dcc6u3pi1g/direct/198414932 (Accessed: 01.02.2025). EDN: XDYGOJ (In Russ.)

Zakharov, S.V. (2003). The history of fertility in Russia: from generation to generation. *Demograficheskoe obozrenie [Demographic Review], 10* (1), 4–43. http://doi.org/10.17323/demreview.v10i1.17259 (In Russ.)

Чернышева Наталья Викторовна — доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН; https://orcid.org/0000-0002-1492-5368 (Россия, 119333, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1; e-mail: natiche84@mail.ru).

Ажигулова Альбина Исламовна — кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН; доцент, Оренбургский государственный педагогический университет; https://orcid.org/0009-0008-1345-8447 (Россия, 119333, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1; Россия, 460014, г. Оренбург, ул. Советская, 19; e-mail: azhigylova@mail.ru).

Natalia V. Chernysheva — Dr. Sci. (Hist.), Associate Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences https://orcid.org/0000-0002-1492-5368 (1 building, 6, Fotieva str., Moscow, 119333, Russian Federation; e-mail: natiche84@mail.ru).

Albina I. Azhigulova — PhD (Hist.), Researcher, Institute for Demographic Research of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences; Associate Professor, Orenburg State Pedagogical University, https://orcid.org/0009-0008-1345-8447 (1 building, 6, Fotieva str., Moscow, 119333; 19 Sovetskaya str., 460014, Orenburg, Russian Federation; e-mail: azhigylova@mail.ru).

УДК 930 (479,24)
JEL classification: J11, Q43
https://www.doi.org/10.17059/udf-2025-1-18

Нефть и демография: население Азербайджана в последней трети XIX — начале XX веков[1]

К. К. Шукюров

Институт Истории и Этнологии имени А. А. Бакиханова Национальной Академии Наук Азербайджана (г. Баку, Азербайджанская Республика).

https://orcid.org/0000-0001-6121-4182

Автор для корреспонденции: К. К. Шукюров (shukurovkk@gmail.com).

Аннотация. *В статье рассматривается новая ситуация, возникшая в результате влияния развития нефтяной промышленности на демографическую ситуацию в нефтяных странах. За основу взято население Азербайджана, исторически являющегося одним из мировых центров нефтяной промышленности. Проведен сравнительный анализ взаимосвязи развития нефтяной промышленности с динамикой добычи нефти и динамикой численности населения в целом по Азербайджану, в том числе в Бакинском нефтепромышленном регионе, а затем рассмотрены качественные изменения численности населения. Подтверждено, что тезис И. Сталина об отделении Баку от Азербайджана в этом отношении также не оправдался. Решающая роль нефти как экономического фактора в экономике страны тесно связана практически со всеми компонентами демографии, поэтому можно сказать, что формируется «нефтяная демография». В современную эпоху развитие зеленой энергетики стало ключевым стратегическим направлением, наряду с модернизацией топливно-энергетической системы, а также ставит задачу регулирования «нефтяной демографии». Наряду с демографической поддержкой такой новой отрасли, как зеленая энергетика, ключевой альтернативой выступает развитие ненефтяного сектора. В этой связи выявление и изучение всех аспектов «нефтяной демографии» имеет важные перспективы.*

Ключевые слова: нефть; демография; нефтяная демография; Азербайджан; зеленая энергия

Oil And Demography: Population of Azerbaijan in the last third of the XIX — early XX century

K. Shukurov

Institute of History and Ethnology named after A.A. Bakikhanov of Azerbaijan National Academy of Sciences (Baku, Republic of Azerbaijan).

https://orcid.org/0000-0001-6121-4182

Corresponding author: K. Shukurov (shukurovkk@gmail.com).

Abstract. *This article examines a new situation that has arisen as a result of the impact of the oil industry development on the demographic situation in oil countries. The population of Azerbaijan, historically one of the world centers of the oil industry, is taken as a basis. A comparative analysis of the relationship between the oil industry development, the dynamics of oil production and the population dynamics in Azerbaijan as a whole, including the Baku oil region, is carried out, and then qualitative changes in the population are considered. It is confirmed that Stalin's thesis on the separation of Baku from Azerbaijan in this regard also did not come true. The decisive role of oil as an economic factor in the country's economy is closely related to almost all components of demography, so we can say that "oil demography" is being formed. In the modern era, the development of green energy has become a key strategic direction along*

[1] © Шукюров К. К. Текст. 2025.

with the modernization of the fuel and energy system, and also sets the task of regulating "oil demography". Along with demographic support for such a new industry as green energy, the development of the non-oil sector is a key alternative. In this regard, identifying and studying all aspects of "oil demography" has important prospects.

Keywords: oil; demography; oil demography; Azerbaijan; green energy

Введение

С повышением значимости нефти она стала важным фактором социально-политической и экономической жизни. Некоторые из проблем, связанных с нефтью, стали предметом обширных исследований. А.А. Фурсенко исследовал такие темы, как нефтяные тресты, мировая политика и нефтяные войны (Фурсенко, 1965; 1985). Рассматривая другие работы в этом направлении, можно отметить, что создана широкая историографическая база. Нефтедобывающая промышленность, связанная с ней нефтеперерабатывающая промышленность и другие отрасли, возникшие под влиянием этих отраслей, требовали больших человеческих ресурсов. Однако нефть и демографические проблемы до сих пор не были предметом специальных исследований. Превращение этой проблемы в объект научного исследования создает возможности для более глубокого изучения демографической ситуации, особенно в нефтяных странах. Это не только научно-познавательная проблема, но и имеющая практическое значение. Таким образом, оптимизация демографической ситуации, складывающейся под влиянием нефти, является одной из серьезных задач, стоящих перед нами в современную эпоху. Альтернативой этому выступает развитие ненефтяного сектора.

Основная цель работы — изучить влияние и последствия развития нефтяного сектора на демографическую ситуацию. Поставленная проблема изучается по Азербайджану — одному из первых нефтяных центров мира. С этой целью определяется динамика добычи нефти в переломный период становления и развития истории азербайджанской нефтяной промышленности (последняя треть XIX в. — начало XX в.). Динамика добычи нефти сопоставляется с динамикой численности населения всего Азербайджана, включая Бакинский нефтяной район, и анализируются качественные изменения, происходящие в составе населения. Это вполне оправдано с методологической точки зрения. В свое время И.В. Сталин, исходя из ряда политических интересов, пытался искусственно отделить Баку от Азербайджана. По его мнению, Азербайджан, за исключением Бакинского региона, не прошел стадию капитализма до Октябрьской революции и т. п. (Сталин, 1947). Исследования азербайджанских историков опровергли этот тезис (Сумбатзаде, 1972). Факты о населении Азербайджана в плане нефтяных и демографических проблем еще раз это подтверждают.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые проблема нефти и демографии поднимается и изучается комплексно, применительно к населению Азербайджана. Под влиянием нефтяной промышленности, которая бурно формировалась в Азербайджане в последней трети XIX и начале XX вв., уникальное демографическое развитие населения развивается в совершенно новом направлении. Расширяются миграционные процессы, кардинально меняется демографический состав населения, этнический регистр обогащается новыми нациями и народностями и т. д.

Обзор литературы

Хотя в последней трети XIX в. и в начале XX в. были написаны отдельные труды об историческом и демографическом положении Азербайджана, вопросы нефти и демографии в них почти не затрагивались (Мамедов, 1980). Лишь в работе, посвященной этническому и социальному составу населения Баку в XIX — начале XX вв., в общих чертах рассматривалось влияние нефтяной и других отраслей промышленности на социально-демографическую ситуацию (Садыгова, 2017).

Материалы и методы

Для изучения поставленной проблемы были использованы статистические источники о населении Азербайджана в составе Российской империи. Среди них важное место занимают камеральные описания, посемейные списки 1 и, что особенно важно, переписи населения. Первая перепись населения, проведенная в Российской империи в 1897 г., 2 также проливает свет на демографическое положение населения Азербайджана 3. В 1903 г. с переписью населения в Баку произошло еще одно новшество в статистике населения — проведение городских переписей 4. Следует отметить, что эта традиция была продолжена и позднее, и вторая подобная перепись населения была проведена в Баку в 1913 г. Материалы по населению Азербайджана изучались с использованием историко-сравнительного анализа и других методов.

Основная часть

Становление нефтяной промышленности в Азербайджане

Добыча нефти в Азербайджане имеет давнюю историю. С завоеванием в 1806 г. Бакинского ханства, главного нефтяного центра Азербайджана, Российской империей, нефтяные ресурсы перешли в руки империи. До 1872 г. в нефтяной отрасли применялась система откупа. Растущий спрос на нефть, т. е. расширение ее применения в промышленности, влечет за собой отмену откупной системы на нефтеносных землях. В Азербайджане начинается нефтяной бум. Как видно из таблицы динамики добычи нефти (табл. 1), если в 1872 г. было добыто 1,4 млн пудов нефти, то в 1901 г. этот показатель достиг пика в 667,1 млн пудов. В 1897 г. Азербайджан догнал США, которые были ведущим мировым производителем нефти, а в 1898 г. сумел их превзойти.

[1] Сборник сведений о Кавказе (1878). т. 4. Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 610.; Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков 1886 г. Тифлис, 1893, б/п

[2] Общий свод по империиирезультатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенная 28 января 1897 г. (1905). Т. 1. Санкт-Петербург : паровая типо-литография Н. Л. Ныркина, 268.

[3] Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, произведенная 28 января 1897 г. Т. 63 (Елисаветпольская губерния). СПб., 1904, 16 в.л. XI, 183 с.; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, произведенная 28 января 1897 г. Т. 61 (Бакинская губерния). СПб., 1905, 16 в.л. XI, 167 с.

[4] Баку по переписи 22 октября 1903 г. ч. I, Баку, 1908.

Таблица 1

Динамика добычи нефти в Азербайджане (млн пудов)

Годы	Количество добытой нефти	Годы	Количество добытой нефти	Годы	Количество добытой нефти
1872	1,4	1883	60,0	1894	308,5
1873	3,9	1884	89,2	1895	400,9
1874	4,7	1885	115,0	1896	408,8
1875	5,4	1886	118,5	1897	424,0
1876	9,8	1887	165,0	1898	489,0
1877	12,1	1888	192,6	1899	590,0
1878	14,9	1889	200,1	1900	601,2
1879	20,9	1890	240,4	1901	667,1
1880	20,9	1891	288,6	1902	636,6
1881	40,0	1892	296,3	1903	594,8
1882	49,9	1893	344,5	—	—

Источник: Пажитнов, К. А. (1940). Очерки по истории бакинской нефтедобывающей промышленности (от конца XVIII в. до Великой Октябрьской социалистической революции). М.-Л. Гостоптехиздат, с. 89, 139.

Связь между объемом добычи нефти в Азербайджане и демографической динамикой населения Азербайджана в целом, включая Баку

Рост добычи нефти стимулировал развитие других отраслей, связанных с нефтью, а также формирование соответствующей инфраструктуры. Выход азербайджанской нефти на мировой рынок со строительством железной дороги Баку–Тбилиси (1883 г.) дал новый импульс ее развитию. В результате всего этого возникла необходимость в больших человеческих ресурсах для обеспечения нормального функционирования экономики. Таблица динамики численности населения как страны в целом, так и города Баку (табл. 2) с добычей нефти в Азербайджане наглядно демонстрирует эту взаимосвязь.

Как видно из данных таблицы 2, с 1873 по 1903 гг. добыча нефти возросла с 3,9 млн пудов до 594,8 млн пудов, т. е. увеличилась в 152,5 раза. За этот период численность населения Азербайджана увеличилась с 1257,9 тыс. до 2007,2 тыс. чел., т. е. на 749,3 тыс. чел. Для города Баку эти цифры соответственно составляла 15,

Таблица 2

Динамика добычи нефти в Азербайджане, численность населения всего Азербайджана, включая город Баку

Годы	Добыча нефти (млн пудов)	Общая численность населения Азербайджана (тыс. чел.)	Население города Баку (тыс. чел.)
1873	3,9	1257,9	15,10
1886	118,5	1600,1	86, 61
1897	424, 0	1807,0	111, 90
1903	594,8	2007,2	130, 01

Источник: Сборник сведений о Кавказе. т. 4. Тифлис, 1878; Свод статистичеких данных, извлеченных из посемейных списков 1886 г. Тифлис, 1893, б/п; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, произведенная 28 января 1897 г. Т. 61 (Бакинская губерния). СПб., 1905; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, произведенная 28 января 1897 г. Т. 63 (Елисаветпольская губерния). СПб., 1904; Баку по переписи 22 октября 1903 г. ч. I, Баку, 1908

10, 130,01 и 114,91. Баку, в котором в 1860-х гг. проживало всего 13992 чел., по результатам Всероссийской переписи 1897 г. входил в число 18 городов империи с населением более 100000 чел.[1]

Внутриимперская и внешняя миграции как основной источник роста населения Азербайджана

Быстрое увеличение потребности в рабочей силе в связи с развитием нефтяной промышленности стало возможным только в результате внутренней и внешней миграции. Материалы переписи 1897 г. предоставляют уникальные возможности для выяснения этого вопроса. Эти переписные материалы позволяют определить число лиц, родившихся в других губерниях империи, в т. ч. и за рубежом, среди азербайджанского населения. По результатам переписи населения 1897 г., из европейских губерний России в Азербайджан переселилось 30857 мужчин и 21627 женщин, а из кавказских губерний — 42101 мужчина и 20585 женщин соответственно. Среди иностранных граждан было 22882 мужчин и 6359 женщин (Лернер, 1981).

Персия была основным географическим источником мигрантов. Это не было совпадением, поскольку определенная часть территории Ирана была южной частью Азербайджана. В результате проведенных исследований установлено, что в начале XX в. в Закавказье, особенно в северной части Азербайджана, насчитывалось 280–300 тыс. отходников из Южного (Иранского) Азербайджана. Из них около 130–140 тыс. работали в неземледельческих отраслях, а остальные 150–160 тыс. в сельском хозяйстве (Шукюров, 1984). Большинство отходников, не занимающихся сельским хозяйством, работали в нефтяной промышленности. Исследования показывают, что численность работников нефтяной промышленности стремительно росла за короткий период времени. Если в 1882 г. на добыче нефти было занято 3,15 тыс. рабочих, то в 1901 г. их число достигло 27,7 тыс., т. е. возросло почти в 9 раз (Стригунов, 1960).

Основные тенденции качественных изменений в составе населения Азербайджана

Одна из основных тенденций качественных изменений населения Азербайджана проявилась в изменении этнического состава. По данным переписи 1897 г., доля русских в составе населения Азербайджана значительно возросла, а также появились новые народы, до того не включенные в этнический реестр Азербайджана. Определенное место в этническом составе населения Азербайджана стали занимать также украинцы, белорусы, немцы, поляки и представители других народов. Половой и возрастной составы населения также отражали складывающуюся реальность. По результатам переписи населения 1897 г., в городе Баку на каждую тысячу мужчин приходилось 673 женщины. Эта половая диспропорциональность также проливает свет на семейный состав населения.

[1] Россия. Энциклопедический словарь. Лениздат, 1991, 922.

Заключение

В истории народонаселения имеется немало примеров, когда социально-политические и экономические факторы, стихийные бедствия и другие факторы не просто влияли на демографическую ситуацию, но и кардинально ее меняли. Нефтяной фактор также сыграл такую роль на ранних этапах, когда он занял решающее положение в экономике. Изучение проблемы нефти и демографии по населению Азербайджана в последней трети XIX в. и начале XX в. еще раз подтвердило эту мысли. Сравнение показателей по добыче нефти в Азербайджане и динамики численности населения всего Азербайджана, включая Баку, наглядно подтвердило эту связь. Наряду с количественными изменениями в составе населения Азербайджана, произошли и качественные изменения, отмеченные новыми тенденциями. Эти тенденции наблюдаются также в национальном составе населения, половозрастной структуре и других показателях. Если можно так выразиться, то «нефтяная демография» уже сформирована. Сложившаяся демографическая ситуация оказала серьезное влияние на численность населения в последующий исторический период. Одной из важных альтернатив может стать усиление внимания к развитию ненефтяного сектора как одного из важнейших средств регулирования этой ситуации.

Список источников

Лернер, В. А. (1981). Влияние переселений в Азербайджане на количественный и качественный состав населения в последней трети XIX в. *Известия АН Азерб. ССР, серия: история, философия, право, 4,* 49–60.

Мамедов, К. (1980). *Демографическое развитие в Азербайджанской ССР.* Баку: Госплан, 244.

Пажитнов, К. А. (1940). *Очерки по истории бакинской нефтедобывающей промышленности (от конца XVIII в. До Великой Октябрьской социалистической революции).* Москва-Ленинград: Гостоптехиздат, 192.

Садыгова, Х. (2017). *Этнический и социальный состав населения города Баку в XIX - начале XX вв.* Баку: Наука и образование, 232.

Сталин, И. В. (1947). *Заключительное слово к докладу на X съезда РКП(б).* Сочинение, т. 6. (с. 220–233). Москва: ОГИЗ, 448.

Стригунов, И. В. (1960). *Из истории формирования бакинского пролетариата (70–90-е годы XIX в.).* Баку: Изд-во АН Азерб ССР, 289.

Сумбатзаде, А. С. (1972). *Социально-экономические предпосылки советской власти в Азербайджане.* Москва: «Наука», 254.

Фурсенко, А. А. (1965). *Нефтяные тресты и мировая политика. 1880-е годы - 1918 г.* Москва-Ленинград: Издательство «Наука», 496.

Фурсенко, А. А. (1985). *Нефтяные войны (конец XIX - начало XX в.)* . Ленинград: «Наука», Ленинградское отделение, 208.

Шукюров, К. К. (1984). *Отходничество в Закавказье из Южного Азербайджана (вторая треть XIX в.-1905 г.):* дис. … канд. ист. наук. Баку, 234.

References

Fursenko, A. A. (1965). *Neftyany`e tresty` i mirovaya politika. 1880-e gody`-1918 g. [Oil trusts and world politics. 1880s-1918].* Moscow-Leningrad: Nauka Publishing House, 496. (In Russ.)

Fursenko, A. A. (1985). *Neftyany`e vojny` (konecz XIX -nachalo XX v.) [Oil Wars (late 19th -early 20th centuries)]*. Leningrad: Nauka, Leningrad branch, 208. (In Russ.)

Lerner, V. A. (1981). The impact of resettlement in Azerbaijan on the quantitative and qualitative composition of the population in the last third of the 19th century. *Izvestiya AN Azerb. SSR, seriya: istoriya, filosofiya, pravo [Izvestia of the Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR, series: history, philosophy, law], 4,* 49–60. (In Russ.)

Mammadov, K. (1980). *Demograficheskoe razvitie v Azerbajdzhanskoj SSR [Demographic development in the Azerbaijan SSR]*. Baku: Gosplan, 244. (In Russ.)

Pajitnov, K. A. (1940). Ocherki po istorii bakinskoj neftedoby`vayushhej promy`shlennosti (ot koncza XVIII v. do Velikoj Oktyabr`skoj socialisticheskoj revolyucii) [Essays on the history of the Baku oil industry (from the end of the 18th century Before the Great October Socialist Revolution)]. Moscow-Leningrad: Gostoptekhizdat, 192. (In Russ.)

Sadygova, H. (2017). *E`tnicheskij i social`ny`j sostav naseleniya goroda Baku v XIX - nachale XX vv. [The ethnic and social composition of the population of Baku in the 19th - early 20th centuries]*. Baku: Science and Education, 232. (In Russ.)

Shukyurov, K. K. (1984). *Otxodnichestvo v Zakavkaz`e iz Yuzhnogo Azerbajdzhana (vtoraya tret` XIX v.-1905 g.) [Otkhodnichestvo in Transcaucasia from Southern Azerbaijan (the second third of the 19th century-1905)]*. Dis. ... Candidate of Historical Sciences. Baku, 234. (In Russ.)

Stalin, I. V. (1947). *Zaklyuchitel`noe slovo k dokladu na X s``ezda RKP (b) [Concluding remarks to the report to the X Congress of the RCP(b)]*. Essay, vol. 6 (p. 220–233). Moscow: OGIZ, 448. (In Russ.)

Strigunov, I. V. (1960). *Iz istorii formirovaniya bakinskogo proletariata (70–90-e gody` XIX v.) [From the history of the formation of the Baku proletariat (70–90s of the XIX century)]*. Baku: Publishing House of the Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR, 289.

Sumbatzade, A. S. (1972). Social`no-e`konomicheskie predposy`lki sovetskoj vlasti v Azerbajdzhan. [Socio-economic prerequisites of Soviet power in Azerbaijan]. Moscow: Nauka, 254. (In Russ.)

Шукюров Керим Карам оглы — доктор исторических наук, профессор, директор, Институт Истории и Этнологии НАН Азербайджана; https://orcid.org/0000-0001-6121-4182; (Азербайджанская Республика, AZ1143, г. Баку, проспект Г. Джавида 115, НАНА, VI этаж; e-mail: shukurovkk@gmail.com).

Kerim K. Shukurov — Dr. Sci. (Hist.), Professor, Institute of History and Ethnology of ANAS; https://orcid.org/0000-0001-6121-4182; (115 ave. H. Javid, ANAS, 6th floor; Baku, AZ1143, Republic of Azerbaijan; e-mail: shukurovkk@gmail.com).

II. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

УДК 314.1, 316.36
JEL classification: J10, J12, J13, J18
https://www.doi.org/10.17059/udf-2025-2-1

Взаимосвязь демографического и социально-экономического развития региона[1]

П.Г. Абдулманапов

Институт социально-экономических исследований Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук (г. Махачкала, Россия)

https://orcid.org/0000-0003-2645-0897

Автор для корреспонденции: П.Г. Абдулманапов (raha77@mail.ru)

Аннотация. *Целью исследования являлось определение влияния экономического развития на демографические процессы, так и роли демографического поведения в обеспечении экономического роста в регионе. Гипотеза предполагала наличие зависимости не только демографических процессов от уровня социально-экономического развития региона, но и обратную связь — влияние особенностей демографического поведения на темпы роста экономики. Для достижения поставленной цели использовались общие методы экономической науки. Поведенческий аспект человеческой деятельности анализируется с помощью эмпирических методов экономического познания. Для сбора эмпирического материала проведен социологический опрос, который охватил население большинства регионов Юга России. В результате опроса выявлены особенности формирования демографического поведения, где социокультурные факторы оказывают существенное влияние на демографическое поведение. Также разработана модель взаимовлияния демографических процессов и экономического развития, которая учитывает как процессы, участвующие в формировании количественных и качественных характеристик населения, так и их влияние на экономическое развитие региона посредством изменения спроса на товары и услуги, степени участия в рабочей силе, трансформации потребительских предпочтений.*

Ключевые слова: демографическое поведение; семья; экономический рост.

Interrelationship between Demographic and Socio-Economic Development of the Region

P. Abddulmanapov

Institute for Social and Economic Research Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (Makhachkala, Russia)

https://orcid.org/0000-0003-2645-0897

Corresponding author: P. Abddulmanapov (raha77@mail.ru)

Abstract. *The hypothesis assumed the existence of a dependence of not only demographic processes on the level of socio-economic development of the region, but also a feedback - the influence of demographic behavior on the rate of economic growth. The aim of the study was to determine the influence of economic development on demographic processes, and the role of demographic behavior in ensuring economic growth in the region. To achieve this goal, general methods of economic science were used. The behavioral aspect of human activity is analyzed using empirical methods of economic knowledge. To collect empirical material, a sociological survey of the population was conducted, which covered the population of most regions of the South of Russia. As a result of the sociological survey, features of the formation of demographic*

[1] © Абдулманапов П. Г. Текст. 2025.

behavior were revealed, where socio-cultural factors have a significant impact on demographic behavior. A model of the mutual influence of demographic processes and economic development has also been developed, which takes into account both the processes involved in the formation of quantitative and qualitative characteristics of the population and their impact on the economic development of the region through changes in demand for goods and services, the degree of participation in the labor force, and the transformation of consumer preferences.

Key words: demographic behavior; family; economic growth.

Введение

Демографические изменения оказывают как положительное, так и отрицательное влияние на экономическое развитие региона. Данное обстоятельство важно учитывать при разработке экономической политики. Социальная стабильность также зависит от распределения населения по возрасту и полу, что может вызывать социальное напряжение и требовать мер по интеграции. В формировании демографического поведения играют серьезную роль социокультурные факторы. Традиции и обычаи разных народов сильно влияют на формирование демографического поведения.

Исследование основано на предположении о том, что особенности демографического поведения в регионе оказывают воздействие на уровень социально-экономического развития и способны обеспечить ускоренный рост экономики.

Целью исследования являлось выявление закономерностей взаимовлияния демографических и социально-экономических процессов посредством анализа эмпирических данных.

Внимание специалистов давно приковано к переменам в демографическом поведении населения. Наиболее развернутая характеристика демографических исследований в отечественной литературе дана в работах Д. Ш. Валентея и А. Я. Боярского, где отражены тенденции и закономерности демографических процессов. Значительное количество научных работ посвящено изучению основных тенденций и закономерностей демографических процессов. Социологические аспекты демографических процессов рассматриваются А. И. Антоновым, В. Н. Архангельским, Т. А. Гурко, В. М. Медковым, В. А. Борисовым, А. Б. Синельниковым, Т. К. Ростовской, Е. Н. Васильевой. Миграционные аспекты демографического поведения рассматривались в работах Ж. А. Зайончковской, С. В. Рязанцева.

Для достижения поставленной цели используются как общие методы экономической науки, так и частные, среди которых важное место занимают экономическое наблюдение и экономическое моделирование. Поведенческий аспект человеческой деятельности анализируется с помощью эмпирических методов экономического познания, представляющих собой методы познания экономической реальности, которые действуют на уровне экономического наблюдения. Для сбора эмпирического материала проведен социологический опрос населения, который охватил население большинства регионов Юга России, а также Республику Башкортостан, Брянскую, Саратовскую, Воронежскую области, Москву и Санкт-Петербург.

Опрос «Выявление особенностей социодемографического, экономического и трудового поведения населения» был проведён летом 2023 г. Институтом социально-экономических исследований Дагестанского федерального

исследовательского центра (ИСЭИ ДФИЦ) РАН среди жителей южных национальных регионов России (с преобладающим представительством Республики Дагестан). Анкета включала комплекс вопросов, охватывающих демографические характеристики, социально-экономические показатели, а также аспекты, связанные с семейными ценностями и традициями. Особое внимание в опросе уделялось выявлению особенностей демографического поведения и определению роли неформальных социальных институтов в регулировании брачно-семейных отношений. Выборочная совокупность составила 424 человека в возрасте от 18 до 70 лет, 64 % которых — жители Республики Дагестан. Среди типов населённых пунктов преобладают жители городских территорий (61 % от общего числа опрошенных). В возрастной структуре превалируют респонденты молодого возраста: 41 % от 18 до 25 лет. Образовательный уровень участников опроса варьируется от неполного среднего до высшего (32 %).

Результаты

По результатам социологического опроса, значительная часть современных семей в регионах состоят из трех-четырех человек. На вопрос: «Сколько человек проживают вместе с Вами и относятся к членам Вашей семьи или находятся на Вашем иждивении / попечении?» 21,1 % респондентов ответили, что в их семье проживает три человека, и еще 20,7 % — что четыре человека. Доля семей с одним и двумя членами в совокупности набирает больше 20 %, что могло бы характеризовать семейную структуру населения как нуклеарный тип, если бы это были не молодые семьи, которые недавно вступали в брак и еще не успели обзавестись детьми, или неполные семьи, состоящие из одного родителя. Эти обстоятельства требуют более глубокого анализа семейной структуры в разрезе возрастных характеристик и количества детей в семье. Перекрестный анализ результатов опроса по возрасту и составу семьи показывает, что большая часть респондентов из данной категории относятся к молодым возрастным группам до 30 лет. Кроме того, около 18 % семей состоят из пяти человек, а из шести человек — 11,4 %, что указывает на преобладание в структуре населения больших (расширенных) семей, которые могут быть как многопоколенными, так и многодетными.

В разрезе городской и сельской местности наблюдается существенная дифференциация состава и структуры семьи (табл. 1). Если в городской местности наибольшая доля семей состоит из трех и четырех человек, то в сельской местности — из пяти и шести. В городах количество семей из трех-четырех человек в совокупности составляет 48 %, а из пяти-шести — лишь 22 %. В селах и деревнях, напротив, 40,6 % домохозяйств состоят из пяти-шести членов семьи. Кроме того, еще 32,3 % опрошенных указывают, что в их семье от трех до четырех членов. Из семи членов состоят 2 % семей в городе, и 4,2 % в селе. Эта разница в численности и составе домохозяйств может быть обусловлена рядом социально-экономических факторов. В городах, как правило, наблюдается тенденция к уменьшению числа членов семьи. Наиболее распространенными становятся семьи из трех и четырех человек.

В настоящее время в регионах Юга России, по данным социологического опроса, преобладает многодетная семья. Более 1/4 опрошенных семей имеют трех детей. Это свидетельствует о том, что сохраняется интерес к традиционным

Таблица 1

Состав семьи в разрезе городской и сельской местности, человек

Количество членов семьи	Все население	Город	Село
Один	9,3	11,3	6,3
Два	13,8	12,7	15,6
Три	21,1	23,3	17,7
Четыре	20,7	24,7	14,6
Пять	17,9	14,7	22,9
Шесть	11,4	7,3	17,7
Семь	2,8	2,0	4,2
Восемь и более	2,8	4,0	1,0
Всего	100	100,0	100,0

Источник: составлено автором на основе проведённого социологического обследования, 2023 г.

семейным ценностям, а также к формированию больших семей. Четверо детей — в 13,4 % современных семьей Южных регионов России, больше пяти детей — примерно в 5 % домохозяйств. Это говорит о том, что есть и большие многодетные семьи, что может быть связано как с культурными, так и с экономическими факторами. Двое детей, по данным нашего опроса, в 28 % семей. Доля семей, где лишь один ребенок, составляет 24,4 %. Это подтверждает разнообразие семейных структур, существующих в регионах.

Когда дело касается многодетности, причин и факторов, по которым семьи заводят более трех детей, мнения у людей разделяются. Согласно результатам опроса, более половины респондентов (54,5 %) утверждают, что желание иметь много детей зачастую связано с их собственным опытом воспитания в большой семье, и поэтому отвечают, что люди хотят иметь много детей потому, что сами росли в большой семье. Этот фактор оказывается особенно значимым для мужчин: свыше 60 % опрошенных представителей сильного пола выбрали данный вариант ответа. В то же время среди женщин эта цифра составляет 51,8 %. Это разделение в восприятии может указывать на традиционные роли, которые мужчины и женщины играют в семьях, а также на влияние культурных норм, связанных с многодетностью.

Второй более значимой причиной для многодетности по результатам опроса становится представление, что чем больше детей, тем крепче семья, которое набрало 18,3 % ответов. Существенных различий среди мужского и женского населения по данному вопросу не наблюдается. Таким образом, можно сделать вывод о том, что представление о крепости семьи как о следствии наличия нескольких детей широко распространено среди различных социальных групп.

Такой вариант ответа, как: «Росли одни, им было одиноко, поэтому хотят иметь несколько детей» считают весомым аргументом в пользу многодетности 12,2 % респондентов. Так ответили 15,5 % женщин, а мужчин — в три раза меньше. Это подчеркивает важность эмоциональных аспектов в принятии решения о расширении семьи.

Очень мало людей на сегодня считают, что дети могут стать опорой в старости, и по этой причине заводят детей. Таковых оказало лишь 2,4 % среди респондентов, что свидетельствует о снижении влияния традиционных представлений о роли детей в поддержании родителей в пожилом возрасте, причем разница

в ответах между сельским и городским населением небольшая, что может указывать на изменение культурных установок в обществе в целом.

Социально-психологические мотивы, такие как любовь к детям и престижность больших семей, также не получили значительной популярности среди опрошенных. Более того, современное общество, похоже, отказывается от экономических причин многодетности. Дети как помощники в хозяйстве уже не воспринимаются как весомая причина для увеличения их числа, даже в сельских районах. Это может свидетельствовать о трансформации общественных норм и ценностей, где вместо материальной выгоды начинают преобладать эмоциональная связь и личные предпочтения родителей.

В стране на протяжении многих лет наблюдается устойчивая тенденция к снижению рождаемости, что вызывает серьезные социальные и экономические последствия. Возраст при рождении детей зависит от возраста вступления в брак. У женщин, вступающих в брак в более позднем возрасте, чаще происходит и откладывание рождения (Архангельский, 2013). В последние годы все больше молодых семей выбирают малодетную модель, что отражает изменения в общественных ценностях и приоритетах. Для выяснения особенностей детерминации снижения рождаемости в социологическом опросе ставился вопрос: «В чем причина, на Ваш взгляд, ориентированности большинства современных молодых семей на малое число детей?»

Основная причина, по которой молодые семьи ограничивают себя в количестве детей, по мнению респондентов, — это стремление дать все самое лучшее детям (табл. 2). Данный вариант ответа выбрали 57,7 % всего опрошенного населения. Во время первого демографического перехода снижение фертильности было вызвано огромными сентиментальными и финансовыми инвестициями в ребенка (Lesthaeghe, (2010). Воспитание детей требует от родителей не только материально-денежных расходов, но и эмоционально-ценностных вложений — совокупности чувств, эмоций и взглядов, проявляющихся в словах, поступках, установках. В городской местности данный показатель имеет еще более высокую значимость, набрав 62,7 %. «Молодые родители в городах, как правило, сталкиваются с более высокими затратами на жилье, образование и досуг, что обусловливает их желание

Таблица 2

Факторы малодетности молодых семей

Причины малодетности	Все население	Город	Село
Не хотят усложнять себе жизнь, так как много детей — много забот	9,8	8,0	12,5
Отсутствие или недостаток финансовых ресурсов / жилья	9,3	6,7	13,5
Помимо воспитания детей, родителям приходится много работать, строить карьеру, зарабатывать деньги	21,5	20,0	24
Стремление дать все самое лучшее детям вынуждает родителей ограничивать себя в количестве детей	57,7	62,7	50
Слабое здоровье женщин	1,2	2,0	0
Другое	0,4	0,7	0
Всего	99,9	100,0	100,0

Источник: составлено автором на основе проведённого социологического обследования, 2023 г.

сосредоточиться на качестве, а не количестве» (Абдулманапов, 2024). В сельской местности лишь половина респондентов указали на эту причину, что, возможно, связано с более традиционными взглядами на семью и воспитание детей.

Вторая по значимости причина, по которой семьи ограничивают количество детей, связана с необходимостью много работать, делать служебную карьеру, зарабатывать много денег — 21,5 % респондентов. Этот аспект особенно важен для сельского населения, где 24 % опрошенных выбрали данный ответ, в то время как среди городских жителей этот показатель составляет лишь 20 %. Это свидетельствует о том, что в условиях сельской местности трудовая занятость часто становится решающим фактором в принятии решения о количестве детей в семье.

«Не хотят усложнять себе жизнь, так как много детей — много забот», — весомый аргумент по мнению 9,8 % респондентов. Но среди сельского населения придерживающихся этого мнения людей немного больше, чем среди городского.

Аналогичная картина складывается с вариантом ответа: «Отсутствие или недостаток финансовых ресурсов», этот вариант выбрали 13,5 % населения сельской местности против 6,7 % городского населения. Это может указывать на то, что в сельской местности финансовые трудности воспринимаются более остро, что влияет на решения о рождаемости.

Из-за слабого здоровья женщин семьи вынуждены ограничивать количество рожденных детей по мнению 1,2 % всего населения. Это показатель свидетельствует о том, что, несмотря на наличие медицинских проблем, они не являются основной причиной снижения рождаемости.

Таким образом, результаты опроса показывают сложный комплекс факторов, влияющих на решение молодых семей о количестве детей. Эти данные подчеркивают важность учета социокультурного контекста в изучении демографических тенденций и потребностей современных родителей.

Согласно данным, полученным в результате социологического опроса, проведенного в регионах Юга России, интересная картина складывается относительно института брака среди взрослого населения. В частности, выяснилось, что менее половины взрослых граждан находятся в зарегистрированном браке. Этот показатель особенно заметен в городах, где доля состоящих в браке составляет 45,3 %. В сельских районах ситуация еще более выраженная: здесь лишь 43,8 % взрослого населения имеет официальный статус брака. Сущность и место брака в системе жизненных ценностей человека в зависимости от политического строя, социально-экономического уклада, правовых основ государства, образа жизни индивида является одним из традиционных предметов изучения отечественных и зарубежных исследователей (Синельников, 2021).

Важно отметить, что среди тех, кто состоит в зарегистрированном браке, основная масса респондентов — это молодые мужчины и женщины, находящиеся в возрастной категории от 21 года и выше. Интересно, что на группу от 35 до 50 лет приходятся впечатляющие 60 % всех опрошенных, что подчеркивает важность этого возрастного диапазона для понимания динамики семейных отношений в регионе. Значение изучения проблем населения в сфере брака заключается и в том, что предпосылки заключения брака, развитие семьи впоследствии

так или иначе отражаются на динамике общей демографической ситуации в любом регионе (Римашевская, 2004).

На Северном Кавказе брачные союзы могут заключаться на религиозной основе, причем иногда без регистрации в государственных органах власти (табл. 3). Как показал наш опрос, 2,7 % городского населения состоят только в религиозном браке. Доля сельских жителей, однако, здесь существенно выше — 7,3 %. По возрастной структуре они относятся не к самым молодым возрастным группам, а к среднему возрасту. Около 82 % людей из этой категории имеют высшее образование, и еще 9 % — незаконченное высшее. По числу детей в семье наибольшую долю среди граждан с религиозным браком набирает вариант с одним ребенком — около 55 %. Еще18 % из них являются семьями с двумя детьми.

В регионах Северного Кавказа не всегда семейные союзы регистрируются в органах власти. Этот факт имеет серьезные последствия, особенно в контексте правовой защиты. Регистрация брака представляет собой важный инструмент, который обеспечивает материальные и юридические права родителя, остающегося с детьми в случае возможного развода. Регистрация брака обеспечивает материальные права родителя, остающегося с детьми, в случае возможного развода, считает 43,1 % наших респондентов, из них 74 % являются представителями женского пола. В случае развода женщина остается с детьми, и она в большей степени осознает, что ее права не будут защищены в данной ситуации. Мужчины в этом менее заинтересованы, что может быть связано с традиционными ожиданиями и стереотипами о роли мужчины в семье. Кроме того, в основном это молодые люди в возрасте до 30 лет, преимущественно с высшим образованием.

Это подчеркивает растущее понимание ценности образования и его влияния на будущее поколение. Таким образом, вопросы регистрации брака и миграции становятся важными аспектами социальной динамики в регионе, требующими более глубокого изучения и обсуждения.

Упорядоченность демографических исходов указывает на то, что демографической системе свойственны процессы управления. Самовозобновление поколений — управляемый и самоуправляемый процесс. Понимание механизмов такого самоуправления — ключ к пониманию всего функционирования демографической системы (Вишневский, 1982).

Социальные институты, а также социальные нормы, ожидания и гендерные стереотипы, играют важную роль в формировании общественной жизни

Таблица 3

Отношение к регистрации брака в органах ЗАГС

Аргументы в пользу регистрации брака	Все население	Город	Село
Это соответствует нормам общественной морали, мнению окружающих	42,7	43,3	37,5
Обеспечивает материальные права родителя, остающегося с детьми, в случае возможного развода	43,1	42,7	41,7
Это даёт супругам определенные гарантии в том, что семья не распадется	11,8	9,3	15,6
Другое	2,4	4,7	5,2
Всего	100,0	100	100

Источник: составлено автором на основе проведённого социологического обследования, 2023 г.

и демографического развития. Социальные нормы, основанные на культурных традициях и историческом контексте, определяют представления о семье, браке и деторождении. В обществах с традиционными ценностями уровень рождаемости выше из-за давления на создание семьи. В то же время, индивидуализм и современное восприятие роли женщины ведут к снижению рождаемости в урбанизированных регионах.

Социальные ограничения, такие как возрастные и культурные барьеры, влияют на жизненные выборы. Индивидуализм и коллективизм определяют степень взаимозависимости в обществе. В индивидуалистических культурах акцент на личные достижения может снижать уровень рождаемости, в то время как в коллективистских обществах семьи рассматриваются как основная ячейка общества, что способствует более высокой рождаемости. Понимание этих неформальных институтов позволяет разрабатывать государственные программы, направленные на поддержку семей и улучшение демографической ситуации. Важно учитывать, что неформальные нормы могут конфликтовать с официальными правилами, что создает социальное напряжение.

Основные меры поддержки семей с детьми включают пособия и материнский капитал, который предоставляет финансовую помощь при рождении второго и последующих детей. Эти средства можно использовать для улучшения жилищных условий, образования детей и пенсионных накоплений. Также в некоторых регионах семьи получают земельные участки для строительства жилья или ведения подсобного хозяйства. Льготы для родителей, такие как налоговые вычеты и субсидии, помогают улучшить материальное положение и стимулировать рождаемость. Важно, чтобы такие меры были доступными и учитывали региональные различия.

Социальная инфраструктура, включая здравоохранение и образование, имеет решающее значение для поддержки семей. Доступ к качественной медицинской помощи и развитие дошкольного образования способствуют повышению уровня рождаемости. Регулирование абортов и защита материнства и детства также являются важными направлениями. Государственные меры, такие как декретный отпуск и больничные на детей, поддерживают родителей и создают условия для воспитания детей. Эффективная система родовспоможения, включая медицинские и социальные услуги, играет важную роль в обеспечении здоровья матери и ребенка. В.А. Борисов рассматривает демографическое поведение как целостную реакцию человека или группы людей на внешнее воздействие (прежде всего, систему социально-экономических факторов, опосредованных социальными нормами и ценностями) и внутренние стимулы (потребности, интересы, мотивы и социальные репродуктивные установки) (Борисов, 1999). Комплексный подход к демографическим процессам, включая финансовую и социальную поддержку, является основой успешного решения демографических задач.

Экономические отношения охватывают взаимодействия между людьми и странами в производстве, распределении и потреблении благ. Они влияют на воспроизводство населения и условия жизни. Экономические условия определяют возможности для создания и воспитания потомства. Стабильная экономика позволяет внедрять эффективную демографическую политику. Современные исследования подтверждают, что сильнее всего уровень рождаемости реагирует

на крупные макроэкономические шоки, такие, как кризисы 2008 и 2014 гг., пандемия коронавируса (Вакуленко, 2023). Программы поддержки семей, такие как налоговые льготы, способствуют увеличению рождаемости. Отношение к собственности влияет на жизненные цели и поведение.

Формат занятости также играет важную роль в социально-экономических отношениях. Полная занятость способствует созданию семей, тогда как фрилансеры сталкиваются с нестабильностью. Высокий уровень незанятости отдельных социально-демографических групп населения представляет серьезный вызовов для социальной стабильности, так как является одной из важнейших причин бедности, социальной напряженности и неустойчивости, благоприятной почвой для развития асоциальных явлений (Рязанцев, 2022). Условия труда влияют на уровень жизни и решения о деторождении. Структура экономики, включая секторальную диверсификацию, также имеет значение. Экономические отношения взаимосвязаны с социальными и культурными факторами. Разработка комплексных программ, направленных на улучшение условий жизни, необходима для эффективной демографической политики. Это создаст возможности для роста населения и экономического процветания. Влияние экономических отношений на рождаемость, смертность и миграцию формирует структуру населения и развивает человеческий потенциал.

Снижение рождаемости до уровня, не обеспечивающего даже простое воспроизводство населения, что приводит к проблемам в экономике и социальной сфере, порождает миграционные кризисы, — проблема для многих развитых стран (Ростовская и др., 2023). Миграция может иметь последствия для стран отправления и назначения. Она может вызвать утечку талантов, снижая уровень инноваций, и одновременно обогатить рабочую силу стран назначения, способствуя экономическому росту. Однако миграция может привести к социальному напряжению. Демографические процессы рождаемости, смертности и миграции формируют население и влияют на развитие общества.

Население является основным потребителем товаров и услуг, что способствует экономическому росту. Спрос на продукцию зависит от половозрастной структуры, образования и уровня доходов населения. Молодежь предпочитает технологии, а пожилые люди — товары для здоровья. Высокий уровень доходов увеличивает возможность потребления и, соответственно, спрос.

Спрос на товары и услуги напрямую связан с валовым внутренним продуктом и уровнем занятости. Увеличение спроса побуждает компании расширять производство, что создает новые рабочие места и повышает доходы населения, формируя положительный цикл экономического роста. Высокая занятость снижает безработицу и улучшает уровень жизни, что также увеличивает потребление. Инновации и инвестиции, вызванные ростом спроса, повышают производительность и конкурентоспособность экономики.

Качество рабочей силы, включая образование и навыки, критически важно для экономического развития. Нехватка квалифицированных специалистов может замедлить рост, тогда как поддержка безработных и программы переподготовки способствуют увеличению занятости и диверсификации спроса.

Заключение

Социокультурные факторы существенно влияют на демографическое поведение. Культура определяет ценности и нормы, что влияет на выбор в отношении семьи, деторождения и миграции. В некоторых культурах предпочтение отдается большим семьям, в других — маленьким, что связано с экономическими условиями и карьерными амбициями.

Современная молодежь пересматривает традиционные семейные роли, наблюдается увеличение числа людей, откладывающих брак. Уровень образования также влияет на демографическое поведение: более образованные люди чаще откладывают брак и имеют меньше детей, что особенно заметно среди женщин на рынке труда.

В городах наблюдается тенденция к позднему вступлению в брак и меньшему количеству детей. Здесь семьи чаще малочисленные, что связано с высокими затратами на жизнь. Сельская местность сохраняет традиционные ценности, что приводит к большему количеству детей и многопоколенным структурам.

Социологический опрос в Южных регионах России и крупных городах показал, что большинство семей состоят из трех-четырех человек, что указывает на компактность семейных ячеек. При этом растет доля одиноких людей. Более крупные семьи встречаются реже, но они поддерживают традиции взаимопомощи.

В регионах Юга России наблюдается рост числа многодетных семей. Более одной четверти опрошенных имеют трех детей, еще около 15 % — четырех, и около 5 % — более пяти детей. Данные демонстрируют приверженность к традиционным семейным ценностям.

Среди причин, по которым семьи выбирают многодетность, более половины респондентов указывают на собственный опыт воспитания в большой семье. С укреплением семейных отношений это связывает около 20 % населения. Эмоциональные аспекты, такие как одиночество в детстве, учитывают 12,2 % опрошенных. Лишь незначительная доля считают, что дети могут стать опорой в старости.

Снижение рождаемости объясняется изменением общественных ценностей. По результатам опроса около 60 % респондентов указывают на стремление обеспечить детям лучшие условия, особенно в городах. Важными факторами также являются необходимость работы и карьеры и сложности, связанные с большим количеством детей.

Матримониальное поведение характеризуется уважением к браку и семье. Это указывает на тенденцию откладывать брак, что связано с фокусом на образовании и карьере, а также изменением экономических условий. Среди старшего поколения наблюдается меньшая доля неженатых, что свидетельствует о традиционном подходе к созданию семьи после 25 лет. Высокий уровень образования среди разведенных указывает на влияние образования на выбор развода и стремление к независимости. Половина разведенных семей имеет двоих детей.

В условиях перехода к конкурентной модели экономического развития регионы Юга России сталкивается с необходимостью пересмотра целевых индикаторов развития экономики и демографии, учитывая их взаимосвязь. Необходима комплексная стратегия, включающая взаимодействие различных государственных

структур. Также важны альтернативные источники финансирования и оптимизация расходов для реализации инициатив. Проактивный подход к планированию позволит минимизировать риски и эффективно использовать ресурсы. Поддержка семейных ценностей и улучшение условий воспитания детей помогут снизить миграционный отток и укрепить демографическую структуру. Увеличение рождаемости и инвестирование в образование повысят конкурентоспособность рабочей силы, что создаст условия для устойчивого экономического роста.

Список источников

Абдулманапов, П.Г. (2024). Особенности брачно-семейного поведения в Республике Дагестан в современных условиях. *Региональные проблемы преобразования экономики, 4,* 281–288. http://doi.org/10.26726/1812-7096-2024-4-281-288

Архангельский, В. Н. (2013). Репродуктивное и брачное поведение. *Социологические исследования, 2,* 129–136. EDN: PWUQRT

Борисов, В. А. (1999). *Демография.* Москва: Издательский дом Nota Bene, 272.

Вакуленко, Е. С. (2023). Эффекты периода, возраста и когорты в динамике рождаемости россиян 1990–2021 гг. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены, 2,* 258–281. http://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2357

Вишневский, А. Г. (1982). *Воспроизводство населения и общество: История, современность, взгляд в будущее.* Москва: Финансы и статистика, 287.

Римашевская, Н. М. (2004). Семья в странах с переходной экономикой. *Народонаселение, 4,* 5–18.

Ростовская, Т. К., Кучмаева, О. В., Золотарева, О. А. (2023). Студенческая семья в России: детерминанты вступления в брак. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология, 23* (1), 40–60. http://doi.org/10.22363/2313-2272-2023-23-1-40-60

Рязанцев, С. В. (ред.) (2022). *Демографическое благополучие России. Национальный демографический доклад.* Москва: ИТД «Перспектива», 108. http://doi.org/10.19181/monogr.978-5-88045-557-7.2022

Синельников, А. Б. (2021). Демографический переход и семейно-демографическая политика. *Социологические исследования, 10,* 83–89. http://doi.org/10.31857/S013216250017168-7

Lesthaeghe, R. (2010).The unfolding story of the second demographic transition. *Population Research and Policy Review, 3* (44), 232–261. http://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2010.00328.x

References

Abdulmanapov, P.G. (2024). Features of marital and family behavior in the republic of Dagestan in modern conditions. *Regionalnye problemy preobrazovaniia ekonomiki [Regional Problems of information transformation], 4,* 281–288. http://doi.org/10.26726/1812-7096-2024-4-281-288 (In Russ.)

Arkhangelsky, V. N. (2013). Reproductive and mating behavior. *Sotsiologicheskie issledovaniia, 2,* 129–136. EDN: PWUQRT (In Russ.)

Borisov V. A. (1999). *Demografiia [Demographics].* Moscow: Nota Bene Publishing House, 272. (In Russ.)

Lesteige, R. (2010).The history of the second demographic transition. *Demographic Research and Policy Review, 3* (44), 232–261. http://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2010.00328.x

Rimashevskaya, N. M. (2004). Family in countries with economies in transition. *Narodonaselenie [Population], 4,* 5–18. (In Russ.)

Rostovskaya, T. K., Kuchmaeva, O. V., Zolotareva, O. A. (2023). Russian student family: determinants of marriage. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriia: Sotsiologiia [RUDN Journal of Sociology], 23* (1), 40–60. http://doi.org/10.22363/2313-2272-2023-23-1-40-60 (In Russ.)

Ryazantsev, S. V. (ed.) (2022). *Demograficheskoe blagopoluchie Rossii. Natsionalnyi demograficheskii doklad [Demographic well-being of Russia. National Demographic Report]*. Moscow: Perspektiva Publishing House, 108. http://doi.org/10.19181/monogr.978-5-88045-557-7.2022 (In Russ.)

Sinelnikov, A. B. (2021). Demographic transition and family demographic policy. *Sotsiologicheskie issledovaniia, 10,* 83–89. http://doi.org/10.31857/S013216250017168-7

Vakulenko, E. S. (2023). Effects of period, age and cohort in the dynamics of the birth rate in Russia in 1990–2021. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 2,* 258–281. http://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2357 (In Russ.)

Vishnevsky, A. G. (1982). *Vosproizvodstvo naseleniia i obshchestvo: Istoriia, sovremennost, vzgliad v budushchee [Reproduction of the population and society: History, modernity, a look into the future]*. Moscow: Finance and Statistics, 287. (In Russ.)

Абдулманапов Пирмагомед Габибуллаевич — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт социально-экономических исследований Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук; https://orcid.org/0000-0003-2645-0897 (Российская Федерация, 367015, г. Махачкала, ул. М. Ярагского, д.75; e-mail: raha77@mail.ru)

Pirmagomed G. Abdulmanapov — Cand. Sci. (Econ.), Senior Research Associate, Institute for Social and Economic Research Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences; https://orcid.org/0000-0003-2645-0897 (803, M. Yaragskogo St., Makhachkala, 367015, Russian Federation; e-mail: raha77@mail.ru).

УДК 64.011.3
JEL classification: J21, 010, R50
https://www.doi.org/10.17059/udf-2025-2-2

Социально-экономические факторы демографического развития региона[1]

Л.А. Афанасьева[а], И.Г. Ершова[б],

[а] Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Курский филиал, (г. Курск, Россия)
https://orcid.org/0000-0002-9950-9813

[б] Юго-Западный государственный университет (г. Курск, Россия)
https://orcid.org/0000-0002-0675-0764

Автор для корреспонденции: Л.А. Афанасьева (ala1909@yandex.ru).

Аннотация. *Данная статья посвящена проблеме влияния демографических факторов на социально-экономическое развитие региона. Цель исследования — выявление закономерных связей, влияющих на формирование экономических систем и оказывающих воздействие на принципы управления человеческими ресурсами. Понимание таких взаимосвязей позволяет принимать обоснованные стратегические решения с учетом региональных аспектов, что доказывает особую важность проведения подобных исследований при экономическом обосновании модели устойчивого развития.*

Ключевые слова: экономика; экономическая система; менеджмент; человеческие ресурсы.

Socio-Economic Factors of Demographic Development of the Region

L. Afanasieva[a], I. Ershova[b],

[a] Financial University under the Government of the Russian Federation Russian Federation, Kursk branch, (Kursk, Russia)
https://orcid.org/0000-0002-9950-9813

[b] Western State University (Kursk, Russia)
https://orcid.org/0000-0002-0675-0764

Corresponding author: L. Afanasyeva (ala1909@yandex.ru).

Annotation. *This article is devoted to the problem of the influence of demographic factors on the socio-economic development of the region. The purpose of the study was to identify the legal relationships that influence the formation of economic systems and have an impact on the principles of human resource management. Understanding such interrelationships makes it possible to make informed strategic decisions taking into account regional aspects, which proves the particular importance of conducting such studies in the economic justification of the sustainable development model.*

Keywords: economics; economic system; management; human resources.

Введение

Процессы формирования современных экономических систем основаны на целом ряде факторов, которые взаимосвязаны и должны отражать идентичность и обеспечивать деятельность участников экономических отношений (Асеева и др., 2024). Наличие упорядоченной структуры системы позволяет достаточно четко исследовать и отследить факторы, влияющие на формирование, использование и управление основных элементов системы. Одним из наиболее важных социальных факторов, влияющих на уровень экономического развития региона, является демографическая ситуация, так как именно человеческие

[1] © Афанасьева Л. А., Ершова И. Г. Текст. 2025.

ресурсы являются незаменимыми, в связи с чем люди и являются ключевым элементом экономического потенциала региона (Ершова и др., 2023).

В рамках методологического подхода оценки управления человеческими ресурсами региона предлагаем изучать социально-экономические показатели управления человеческими ресурсами, связанные с международными, региональными и демографическими процессами, которые могут значительно воздействовать на механизмы формирования, развития и использования человеческих ресурсов, тем самым способствуя региональным дифференциациям в рамках страны[1].

Человеческие ресурсы обладают различными характеристиками: с одной стороны, это численность населения, которая различна по структуре, с другой — это ресурс, обладающий образовательным уровнем, профессионально-квалификационной подготовкой, творческим потенциалом и мобильностью (Максимцев и др., 2023).

В настоящее время достаточно много работ посвящено исследованию демографических процессов и их влиянию на развитие различных экономических систем, однако оценку человеческих ресурсов необходимо начать с исследования особенностей, связанных с региональными, природно-ресурсными процессами, которые могут существенно влиять на механизмы формирования, развития и использования трудовых ресурсов, и тем самым способствовать региональным преобразованиям (Ковалева, 2020), (Запольский, 2020), (Коптева и др., 2022).

Основная часть

Современное место России в мире определяется не только политическими, идеологическими взглядами, но и экономическими и социальными процессами, связанными с формированием нового мирового устройства. В связи с этим человеческие ресурсы — это не только просто фактор производства, а основа успешного развития страны (Данышев и др., 2023).

В качестве примера рассмотрим Курскую область — приграничный регион, оказавшийся в достаточно сложном социально-экономическом положении. Чтобы иметь представление о ситуации в регионах, Федеральная служба государственной статистики регулярно проводит выборочное обследование рабочей силы, по итогам которого формируется официальная статистическая информация, отражающая вопросы занятости и безработицы. Обследование проводится на основе выборочного метода наблюдения с последующим распространением итогов на всю численность населения обследуемого региона.

По данным статистики, за последние несколько лет наблюдается постепенное снижение численности населения Курской области. В 2010 г. численность населения составляла 1134990 человек, а в 2023 г. она снизилась до 1067034 человек, или на 6 % от общей численности населения (рис. 1).

С 2010 по 2013 г. население Курской области начало незначительно, но сокращаться, с 2014 по 2018 г. оставалось примерно на одном уровне, с незначительным снижением. Затем значительное снижение данного показателя наблюдалось

[1] Интерактивный портал ОКУ Центр занятости населения Курской области (2023). Ситуация на рынке труда Курской области. URL: https://trud46.ru/News/Detail/ff42ba3b-785e-4c85-8f3d-0fd2c8c29943?ysclid=lrgiwenbs7186703911 (дата обращения: 03.02.2025).

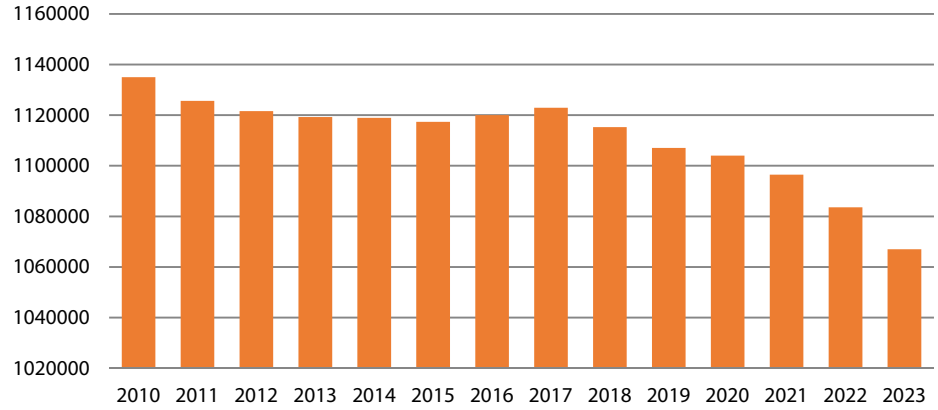

Рис. 1. *Численность населения Курской области, чел. (источник: Федеральная служба государственной статистики. URL: https://46.rosstat.gov.ru/population (дата обращения: 03.02.2025))*

с 2019 г. Снижение численности населения может быть связано с высокой смертностью и низкой рождаемостью, а также это может объясняться усилением тенденции трудовой миграции, связанной с перемещением молодежи в крупные города, где условия жизни значительно отличаются от сельских, в поисках более высокооплачиваемой работы.

Значительные колебания численности населения, особенно ее сокращение, существенно влияют на процессы урбанизации: в соотношении городского и сельского населении произошёл перевес в сторону городского населения, что отражается в гендерной диспропорции и негативно влияет на социально-экономические процессы в области (рис. 2).

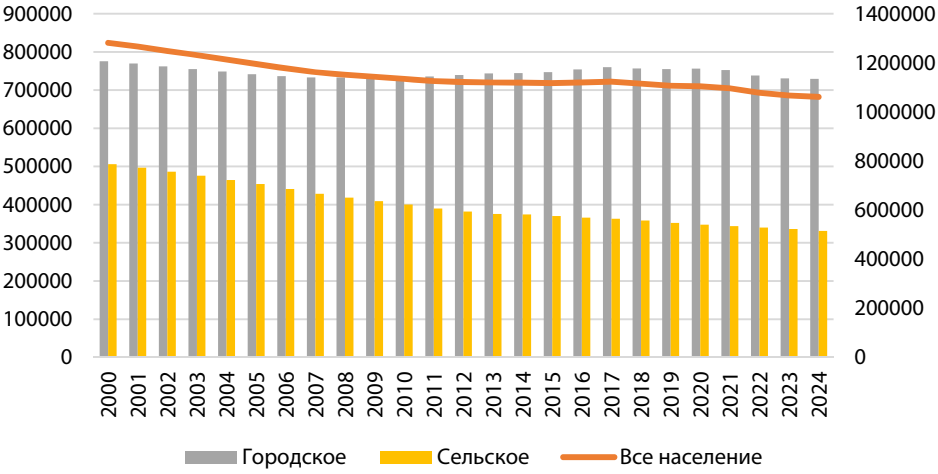

Рис. 2. *Соотношение городского и сельского населения Курской области, чел. (источник: Федеральная служба государственной статистики. URL: https://46.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ezhegodnik-24.pdf (дата обращения: 03.02.2025))*

При наметившейся общей тенденции к сокращению общего населения наблюдается и значительное сокращение сельского населения в противовес городскому: в 2000 г. городское население Курской области составляло 60,5 %, сельское — 39,5 %, а в 2023 г. городское население составляло 68,5 %, сельское — 31,5 % от общей численности. Данная диспропорция структуры населения значительно влияет и на состав населения по гендерному признаку, а следовательно, на процессы формирования, использования и управления человеческими ресурсами.

В составе численности населения Курской области наблюдается негативная тенденция к сокращению количества как мужчин, так и женщин. Это отразилось на показателе количество женщин на 1000 мужчин, что связано в целом со снижением рождаемости и старением населения.

Анализируя структуру численности человеческих ресурсов Курской области в динамике, можно отметить, что в целом регион находится в достаточно напряжённом состоянии. При наметившейся тенденции сокращения общей численности населения, которая в свою очередь влияет на среднегодовую занятость населения, при стабильной численности населения пенсионного возраста, заметно сокращение количества населения с денежными доходами ниже границы бедности (рис. 3).

Согласно данным Росстата, в Курской области в 2023 г. численность официально безработных сокращается, наблюдается снижение уровня регистрируемой безработицы, однако количество заявленных вакансий на рынке труда значительно превышает численность безработных. Среднегодовая численность занятых в области

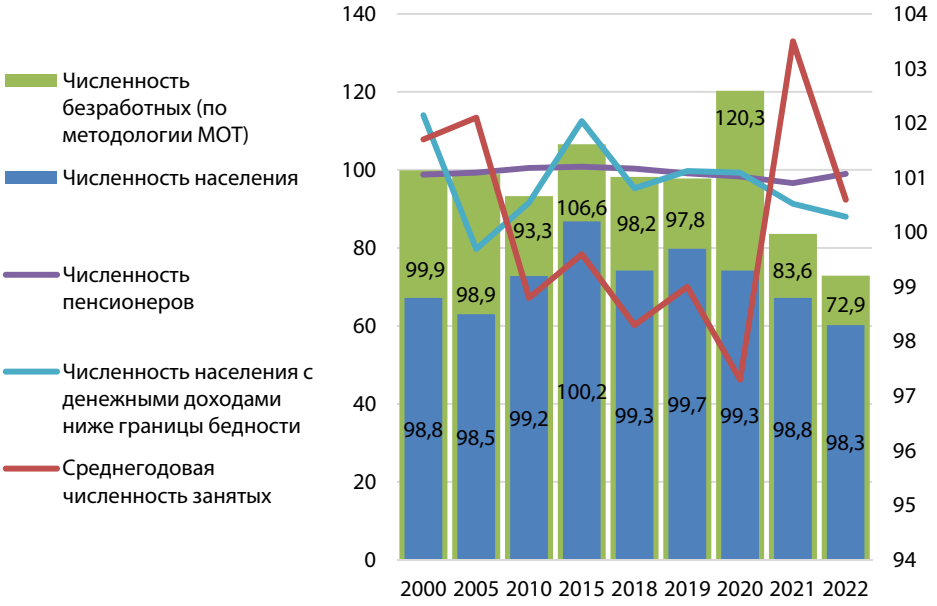

Рис. 3. *Структура численности человеческих ресурсов Курской области (в процентах к предыдущему году) (источник: Федеральная служба государственной статистики. URL: https://46.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ezhegodnik-23.pdf (дата обращения: 03.02.2025))*

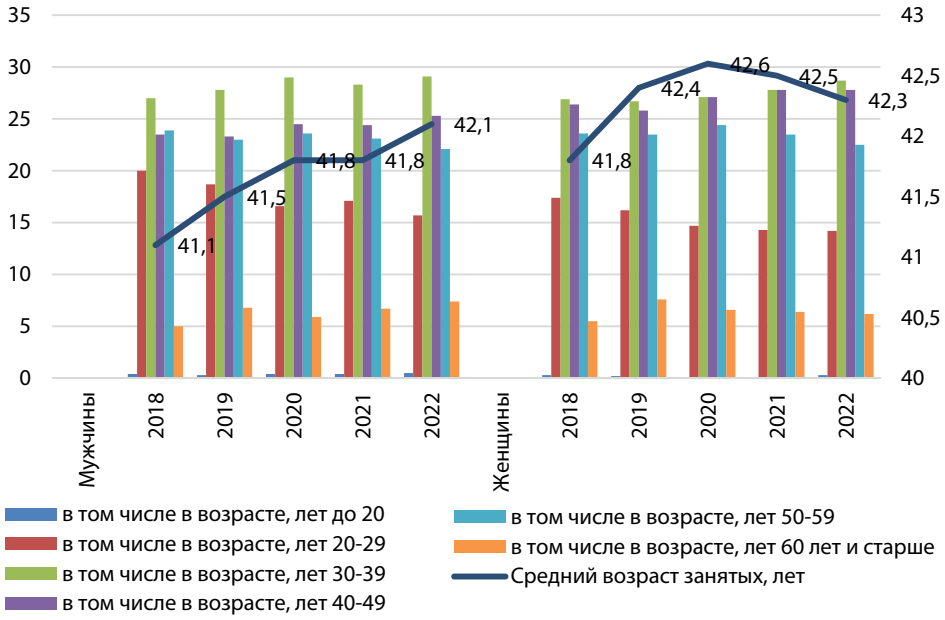

Рис. 4. *Структура занятых в Курской области по возрастным группам, чел. (источник: Федеральная служба государственной статистики. URL: https://46.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ezhegodnik-23.pdf (дата обращения: 03.02.2025)).*

начала выравниваться, что связано в первую очередь с незначительным ростом экономической активности предприятий и компании после пандемии COVID-19.

Занятость и безработица являются одними из важных направлений развития экономики и социальной сферы региона. Можно сказать, что значительную часть жизни мы проводим на работе. Большинство людей трудоустроено, но у некоторых желание и возможность трудоустроиться не совпадают[1].

Анализируя структуру занятых в Курской области по возрастным группам, хочется отметить, что максимальную долю среди мужчин составляют лица в возрасте 30–49 лет, это около 54 % от общего числи мужского населения, что является основным источником рабочей силы, лица в возрасте 60 лет и старше составляют около 7 % , что говорит о сложности поиска работы, возможно, это связано и с состоянием здоровья. Минимальную долю составляют мужчины в возрасте до 29 лет: до 20 лет — 0,5 %, эта группа является учащимися образовательных организаций СПО и вузов и по большей части не имеет возможности работать (рис. 4).

Средний возраст занятых среди мужчин составляет 41 год, у женщин — 42 года. У женщин похожая ситуация, которая объясняется теми же факторами, что и у мужчин. Большинство занятых мужчин и женщин имеют высшее

[1] Тревожные симптомы растущей занятости. URL: https://www.rbc.ru/newspaper/2023/03/03/6400712f9a79474d18f79446?ysclid=lqzmhtlan679519825 (дата обращения 11.01.2024).

образование: мужчины — более 30 %, женщины — более 40 %; более 50 % занятых мужчин и женщин имеют среднее профессиональное образование.

Структура безработных в Курской области по возрастным группам представлена на рисунке 5.

Максимальный удельный вес безработных среди мужчин наблюдается в возрасте 20–29 лет, в 2019 году — 27 %, тогда как в 2022 году уже 45 % от общего числа. Однако наблюдается сокращение численности безработных в возрасте 30–49 лет, в 2018 году — 17 %, в 2022 году — 13 %, что говорит о желании трудиться данной категории населения. Средний возраст безработных мужчин составляет 37 лет. Аналогичная ситуация и с безработными среди женщин. Средний возраст безработных женщин составляет 34 года. Данная ситуация связана с ростом неполной занятости. Самозанятость как явление значительно поменяла рынок труда и экономику в целом, способствовала созданию новых возможностей для успешной адаптации к изменениям на рынке труда, разработке новых механизмов регулирования занятости человеческих ресурсов, увеличению гибкости экономики, созданию новых рабочих мест.

Структура безработных в Курской области по обстоятельствам занятости представлена на рисунке 6.

Согласно данным Росстата, в целом в Курской области наметилась тенденция сокращения числа работников по причине увольнения по собственному желанию, как у мужчин, так и у женщин, однако увеличивается число лиц, потерявших

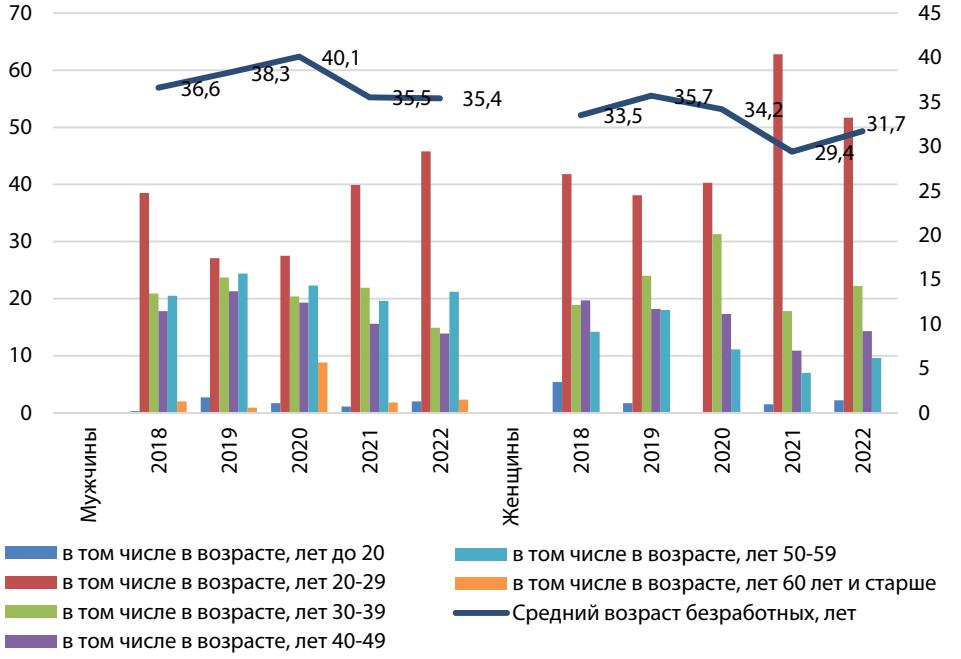

Рис. 5. *Структура безработных в Курской области по возрастным группам, чел. (источник: Федеральная служба государственной статистики. URL: https://46.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ezhegodnik-23.pdf (дата обращения: 03.02.2025)).*

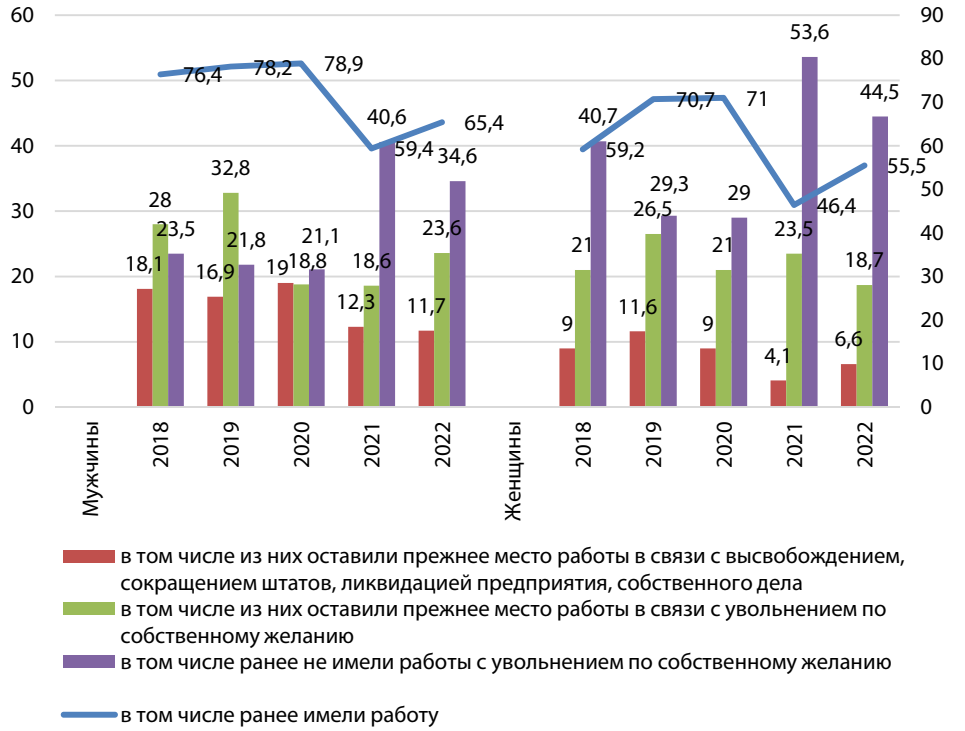

Рис. 6. *Структура безработных в Курской области по обстоятельствам занятости, % (источник: Федеральная служба государственной статистики. URL: https://46.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ezhegodnik-23.pdf (дата обращения: 03.02.2025)).*

работу, что говорит о влиянии специфики деятельности предприятия, желании иметь более высокий уровень дохода, как у мужчин, так и у женщин.

Проанализировав структуру безработных в Курской области по способам поиска работы, можно отметить, что большая часть безработных, как мужчин, так и женщин, воспользовалась обращением к друзьям, родственникам, знакомым — более 80 %, более 70 % безработных осуществляли поиск работы посредством подачи объявлений в СМИ, Интернет, определенные ресурсы, незначительная часть безработных осуществляла поиск работы через органы службы занятости населения — более 12 %.

По состоянию на 2023 г. наибольшее количество вакансий заявлено в отраслях: образование (20,6 %), государственное управление и обеспечение военной безопасности (19,8 %), обрабатывающие производства (19,8 %), сельское, лесное хозяйство (11,4 %), деятельность в области здравоохранения и социальных услуг (7,3 %), торговля оптовая и розничная, ремонт автотранспортных средств и мотоциклов (5,9 %), административная деятельность и сопутствующие услуги (3,7 %), транспортировка и хранение (3,4 %)[1].

[1] hh.ru (2024). URL: https://kursk.hh.ru/?ysclid=m6tju3qu3q815594854 (дата обращения: 02.03.2025).

Наиболее востребованными специалистами являются водители, инженеры, механики, медицинские сестры, продавцы, военнослужащие, полицейские, операторы швейного оборудования, слесари, повара, а также работники без специальной подготовки: грузчики, подсобные рабочие, укладчики, сборщики, кухонные рабочие.

Заключение

В качестве основных факторов, влияющих на формирование и развитие человеческих ресурсов, можно выделить влияние снижения уровня рождаемости, высокую смертность, влияние трудовой миграции, устойчивую тенденцию к урбанизации. Все это связано с экономическими трудностями (экономическая неопределенность молодых людей, высокая стоимость воспитания детей), социальными изменениями (изменение традиционных ценностей, самореализация, снижение роли семьи в обществе) и т. д.[1] Наметившийся отток квалифицированных кадров связан с экономической и трудовой миграцией — желание жить и работать в лучших условиях, в населенных пунктах с более развитой инфраструктурой. Значительные различия в уровне социально-экономического развития регионов оказывают влияние на демографическую ситуацию и качество трудовых ресурсов, а также уровень экономической стабильности (Титова, 2023). Региональные различия демографических, природно-ресурсных, социально-экономических процессов влияют на обеспечение, формирование и развитие человечески ресурсов (Ершова и др., 2019), (Стародубцев и др., 2023).

Самозанятость как экономическое явление значительно поменяла рынок труда и экономику в целом, способствовала созданию новых возможностей для успешной адаптации к изменениям на рынке труда, разработке новых механизмов регулирования занятости человеческих ресурсов, увеличению гибкости экономики, созданию новых рабочих мест[2].

Разработанная Концепция демографической политики РФ на период до 2025 г. была направлена на увеличение продолжительности жизни населения, сокращение уровня смертности, рост рождаемости, регулирование внутренней и внешней миграции, сохранение и укрепление здоровья населения и улучшение на этой основе демографической ситуации в стране, однако так и не принесла ощутимых результатов по снижению демографических угроз в большей части регионов России.

Список источников

Асеева, А.А. и др. (2024). *Устойчивое развитие экономики в условиях новой геополитической реальности: монография*. Курск: ЗАО «Университетская книга», 197. EDN: QWZCCW

Данышев, Р.В., Ершова, И.Г., Звягинцева, П.Ю. (2023). Инструментарий управления человеческими ресурсами в условиях цифровизации. *Вестник Академии знаний, 6* (59), 573–577. EDN: CWJRFN

[1] Росстат оценил динамику численности населения России к 2030 году (2023). URL: www.rbc.ru/economics/11/10/2023/6523d6669a7947fbf1552967?from=copy (дата обращения: 03.02.2025).

[2] Статистика по самозанятым (2024). URL: https://sznpd.ru/statistika-samozanyatosti-na-nachalo-2024/ (дата обращения: 06.12.2024).

Ершова, И.Г., Афанасьева, Л.А., Щербаков, Д.Б. (2023). Влияние цифровой трансформации регионов на развитие человеческих ресурсов: актуальный базис и стратегическое управление. *Вестник Академии знаний, 5* (58), 457–461. EDN: CHORBU

Запольский, А.Д., Юрьева, А.Д., Харченко, Е.В. (2020). *Управление человеческим капиталом: региональные аспекты гармонизации рынков труда и образования*. Курск: ЗАО «Университетская книга», 239. EDN: VOAAQI

Ковалева, И.В. (2020). Демографический фактор как стратегический элемент социально-экономического развития региона. *Социально-экономический и гуманитарный журнал. 1* (15), 23–34. http://doi.org/10.36718/2500-1825-2020-1-23-34

Коптева, Ж.Ю., Томакова, И.А. (2022). Управление человеческим капиталом в условиях цифровой трансформации АПК. *Вестник НГИЭИ, 5* (132), 77–88. http://doi.org/10.24412/2227-9407-2022-5-77-88

Максимцев, И.А., Горелов, Н.А. (ред.) (2023). *Управление человеческими ресурсами*. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 467. Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: https://urait.ru/bcode/510775 (дата обращения: 16.05.2025).

Стародубцев, Д.Е., Ершова, И.Г.(2023). Уровень инновационного развития экономики. В *Материалы 22-й Международной научно-практической конференции Социально-экономическое развитие России: проблемы, тенденции, перспективы* (с. 188–190). Курск: «Университетская книга», 371. EDN: TKYTGO

Титова, А.В. (2023). Влияние демографии на социально-экономическое развитие России. *Столыпинский вестник, 5* (12), 36–39. EDN: UXSRNZ

References

Aseeva, A.A., et al. (2024). *Ustojchivoe razvitie e`konomiki v usloviyax novoj geopoli-ticheskoj real`nosti: monografiya [Sustainable economic development in the context of the new geo-political reality: a monograph]*. Kursk: CJSC «University Book», 197. EDN: QWZCCW (In Russ.)

Danyshev, R.V., Yershova, I.G., & Zvyagintseva, P.Yu. (2023). Human resource management tools in the context of digitalization. *Vestnik Akademii znanij [Bulletin of the Academy of Knowledge], 6* (59), 573–577. EDN: CWJRFN (In Russ.)

Ershova, I.G., Afanasyeva, L.A., & Shcherbakov, D.B. (2023). The impact of the digital transformation of regions on the development of human resources: current basis and strategic management. *Vestnik Akademii znanij [Bulletin of the Academy of Knowledge], 5* (58), 457–461 EDN: CHORBU (In Russ.)

Kopteva, J.Y, & Tomakova, I.A. (2022). Human capital management in the context of the digital transformation of the agro-industrial complex. *Bulletin NGIEI, 5* (132), 77–88. http://doi.org/10.24412/2227-9407-2022-5-77-88 (In Russ.)

Kovaleva, I.V. (2020). Demographic factor as a strategic element of socio-economic development of the region. *Social`noe`konomicheskij i gumanitarny`j zhurnal [Socio-economic and Humanitarian Journal], 1* (15), 23–34. http://doi.org/10.36718/2500-1825-2020-1-23-34 (In Russ.)

Maksimtsev, I.A., & Gorelov (2023). *Upravlenie chelovecheskimi resursami [Human resource management]*. Moscow: Yurayt Publishing House, 467. (In Russ.)

Starodubtsev, D.E., & Yershova, I.G. (2023). The level of innovative development of the economy. In *Materialy` 22-j Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii Social`no-e`konomicheskoe razvitie Rossii: problemy`, tendencii, perspektivy` [Proceedings of the 22nd International Scientific and Practical Conference Socio-economic Development of Russia: problems, trends, prospects]* (pp. 188–190) Kursk: «University Book,» 371. EDN: TKYTGO (In Russ.)

Titova, A.V. (2023). The influence of demography on the socio-economic development of Russia. *Stoly`pinskij vestnik [Stolypin Annals], 5* (12), 36–39. EDN: UXSRNZ (In Russ.)

Zapolsky, A.D., Yurieva, A.D., & Kharchenko, E.V. (2020). *Upravlenie chelovecheskim kapitalom: regional`ny`e aspekty` garmonizacii ry`nkov truda i obrazovaniya [Human capital management: regional aspects of the harmonization of labor and education markets]*. Kursk: ZAO «University Book», 239. EDN: VOAAQI (In Russ.)

Афанасьева Людмила Александровна — кандидат экономических наук, доцент, кафедра «Менеджмент и информационные технологии», Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Курский филиал, https://orcid.org/0000-0002-9950-9813 (Российская Федерация, 305003, г. Курск, ул. Ломоносова, 3; e-mail: (ala1909@yandex.ru).

Ирина Геннадьевна Ершова — доктор экономических наук, профессор, кафедра финансов и кредита, Юго-Западный государственный университет; https://orcid.org/0000-0002-0675-0764 (Российская Федерация, 305040, г. Курск, ул. Челюскинцев, 19; e-mail: ershovairgen@yandex.ru).

Lyudmila A. Afanasyeva — PhD (Econ.), Associate Professor, Department of Management and Information Technology, Financial University under the Government of the Russian Federation, Kursk Branch, https://orcid.org/0000-0002-9950-9813 (3, Lomonosova str., Kursk, 305003, Russian Federation; e-mail: ala1909@yandex.ru).

Irina G. Yershova — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Department of Finance and Credit, Northwestern State University; https://orcid.org/0000-0002-0675-0764 (19, Chelyuskintsev St., Kursk, 305040, Russian Federation,; e-mail: ershovairgen@yandex.ru).

УДК 314.172
JEL classification: I12, J11
https://www.doi.org/10.17059/udf-2025-2-3

Влияние социально-экономических факторов на демографические процессы в Свердловской области[1]

И.С. Баранова
Уральский государственный педагогический университет (г. Екатеринбург, Россия)
https://orcid.org/0000-0002-3692-8359
Автор для корреспонденции: И.С. Баранова (i.s.baranova@mail.ru).

Аннотация. *Статья посвящена рассмотрению воздействия социально-экономических условий жизни населения на тенденции и интенсивность демографических процессов. Основное содержание исследования составляет анализ динамики и масштабов экономических, социальных и демографических показателей России и Свердловской области и их взаимовлияния. Автор показывает прямую зависимость позитивных и негативных изменений социального и экономического характера на демографическое поведение и продолжительность жизни населения региона. Обосновывается мысль о том, что улучшение социально-экономической обстановки и активная демографическая политика государства способствуют формированию положительных репродуктивных установок у населения. Автор полагает, что дальнейшая реализация комплексных демографических программ, включающих меры социально-экономической поддержки, изменит демографическую ситуацию и остановит депопуляцию в стране.*

Ключевые слова: демография; социально-экономические факторы; Свердловская область.

The influence of socio-economic factors on demographic processes in the Sverdlovsk region

I. Baranova
Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia).
https://orcid.org/0000-0002-3692-8359
Corresponding author: I. Baranova (i.s.baranova@mail.ru).

Abstract. *The article is devoted to the consideration of the impact of socio-economic living conditions of the population on the trends and intensity of demographic processes. The main content of the study is an analysis of the dynamics and scale of economic, social and demographic indicators of Russia and the Sverdlovsk region and their mutual influence. The author shows the direct dependence of positive and negative changes of a social and economic nature on demographic behavior and life expectancy of the region's population. The idea is substantiated that the improvement of the socio-economic situation and the active demographic policy of the state contribute to the formation of positive reproductive attitudes among the population. The author believes that the further implementation of comprehensive demographic programs, including measures of socio-economic support, will change the demographic situation and stop depopulation in the country.*

Keywords: demography; socio-economic factors; Sverdlovsk region.

Введение

Современная демографическая ситуация как в мире, так и в России существенно актуализирует вопросы взаимосвязи демографических процессов с социально-экономической обстановкой. Человек является главным цивилизационным

[1] © Баранова И. С. Текст. 2025.

фактором развития общества. Очевидно влияние этого фактора на все стороны общественной жизни. В то же время социальные и экономические условия воздействуют на качество жизни людей и стереотип их демографического поведения (Землянухина, 2022). Наблюдается прямая зависимость между усилением демографических проблем и замедлением развития позитивных тенденций в экономике государств. Вследствие этого исследование всей системы социально-экономических факторов, воздействующих на демографические процессы и явления, становится приоритетной научно-практической задачей. Необходимо определить основные направления мер по улучшению ситуации.

Обзор литературы

Взаимосвязь демографических и социально-экономических процессов изучалась с давних времен. С появлением географического детерминизма демографические процессы рассматривались как результат воздействия природных факторов. Рост или убыль населения объяснялись количеством доступных ресурсов. Степень благоприятности климата, плодородности почвы, удобство для проживания рельефа местности определяли с точки зрения данного научного направления демографическую ситуацию. В какой-то мере в докапиталистических условиях это было верно. Тем не менее, подобный упрощенный подход к вопросу соотношения численности населения и количества ресурсов не способствовал решению стоявших перед человеческим обществом проблем перенаселения и нехватки ресурсов.

Научным направлением, преувеличивавшим влияние демографических процессов на развитие общества в целом и его экономики в частности, стал демографический детерминизм (Шавель, 2022). Существенное значение придавалось вопросу соотношения числа людей и объема ресурсов. Часть ученых считала быстрый рост населения положительным фактором для развития государства (Т. Мор, Т. Кампанелла, Ф. Аквинский, Т. Мэн, А. Сера, С. Фортрей). Большое количество населения предполагает и большое количество трудовых ресурсов, что составляет основу богатства и могущества страны. Другие придерживались мнения, что негативным последствием роста населения может стать перенаселение, а значит, нехватка ресурсов и голод (Д. Таунсенд, Р. Уоллес). Быстрый рост населения создает угрозу для устойчивости государства.

Со второй половины XVIII в. в результате промышленной революции начался переход к индустриальной системе развития производительных сил, характеризующейся развитием машинного производства и внедрением достижений научно-технического прогресса. Следствием этого стали, помимо прочего, усиление процессов урбанизации, развитие рынка товаров и услуг, совершенствование информационно-коммуникационных технологий. Произошли существенные изменения в демографических процессах. Появляются первые научные исследования взаимосвязей демографических процессов и социально-экономических условий.

На рубеже XVIII-XIX вв. проявился политэкономический подход в отношении демографических процессов. Главное место в изучении вопросов роста численности населения занял экономический аспект. Представители данного направления, классики политэкономии А. Смит и Д. Рикардо основное внимание в своих исследованиях уделяли соотношению численности населения и воспроизводства

трудовых ресурсов. Закономерности демографического развития связывались с противоречием идеальных и реальных экономических потребностей населения. Законы социально-экономического развития общества признавались определяющими для развития народонаселения. В начале XX в. А.А. Чупров исследовал влияние характера и количества войн на брачность и рождаемость.

Материалы и методы

В рамках данного исследования была всесторонне проанализирована находящаяся в открытом доступе первичная и вторичная информация о воздействии социальных и экономических факторов на демографическую ситуацию в целом и на территории Свердловской области в частности. Такими методами, как статистический, аналитический, системный, синтетический, был исследован ряд демографических и социально-экономических характеристик региона.

На современном этапе развития человечества необходима эффективная демографическая политика государства (Сакаев, 2016). Определением ее приоритетных направлений и основами формирования должны заниматься в том числе и ученые — демографы, географы, экономисты и др. Это позволит охватить все значимые факторы и условия, влияющие на демографические процессы. Разработка демографической политики требует создания объективной картины развития социально-экономических процессов (Рыбкина, 2016). Анализ всех составляющих элементов, оценка влияния различных индикаторов позволят просчитать и спрогнозировать совокупный вектор развития общества и демографических явлений в нем (Михайлова и др., 2020). Социально-экономическая ситуация формирует определенный стереотип демографического поведения. Под воздействием различных социальных и экономических факторов у людей проявляются демографические потребности. Общими для нашей страны факторами, влияющими на демографическую ситуацию, являются ВВП на душу населения, внутренняя миграция, соотношение сельского и городского населения, плотность расселения и пр. (Степаненкова & Степаненкова, 2022). Нами были выделены и охарактеризованы следующие социально-экономические факторы, оказывающие значимое воздействие на демографические процессы на территории Свердловской области: уровень безработицы, жилищные условия, денежные доходы, цены на товары потребления и услуги, величина розничного товарооборота на душу населения, состояние систем образования и здравоохранения, уровень преступности.

Перемещение населения по территории государства определяется наличием свободных рабочих мест, денежными доходами граждан, урбанизационными процессами, социально-экономической ситуацией в сельской местности. В свою очередь миграция между регионами и населенными пунктами разного типа увеличивает или уменьшает в них численность населения, причем наиболее подвижно население трудоспособного возраста, определяющее и уровень брачности и рождаемости. В регионах со значительным оттоком населения наблюдается рост доли пожилых и увеличение показателей смертности. Уровень безработицы также оказывает влияние как на миграционные процессы, так и на демографические показатели (например, рост смертности населения). В то же время, высокий уровень занятости женщин может влиять на решение о количестве детей в семье. Поэтому важно со стороны

государства обеспечивать семьям достойные жилищные условия, возможность сохранения профессионального статуса и уровня доходов при рождении ребенка.

Плотность населения является и фактором, и индикатором социально-экономического развития территории (Спиридонов и др., 2019). С одной стороны, концентрация населения создает значительные размеры трудовых ресурсов, с другой — показывает достаточный уровень развития социальной инфраструктуры и информационного обеспечения, различных отраслей производства, переработки и реализации товаров и услуг (Гневашева, 2023). Это, в свою очередь, улучшает общественное и индивидуальное здоровье, снижает уровень смертности, в том числе и от непредотвратимых причин (Башкина и др., 2022).

Для характеристики демографических процессов на территории Свердловской области нами были проанализированы статистические данные по таким демографическим показателям, как рождаемость, смертность, естественный прирост, продолжительность жизни. Кроме того, демографическое развитие определяет миграционное движение и уровень заболеваемости. В Свердловской области, также как и в целом по стране, сложилась неоднозначная демографическая ситуация, определяемая низкой рождаемостью и высокой смертностью. Наиболее высока доля смертности от болезней системы кровообращения, новообразований и внешних причин (несчастных случаев, травм, самоубийств). Поэтому важна своевременная оценка состояния здоровья населения, что определяется в первую очередь состоянием системы здравоохранения. Сохранение здоровья каждого жителя в государстве позволяет сохранить здоровье на уровне популяции.

Результаты

На демографические процессы в регионе воздействует несколько групп факторов. Наряду с биологическими, генетическими и экологическими, значимую роль играют социально-экономические факторы, включая состояние системы здравоохранения. Недостаточный уровень развития здравоохранения и социальной сферы подразумевает отсутствие своевременной диагностики, лечения и профилактики заболеваний. В результате снижается потенциал индивидуального и общественного здоровья. Нездоровый человек не может в полной мере участвовать в формировании трудовых ресурсов, а также естественном приросте населения, вследствие чего государство недополучает ресурс для стабильного экономического развития. Совокупность факторов, определяющих условия жизни людей и их семей, влияет в том числе и на развитие демографических процессов. Данные факторы формируют демографические потребности и демографическое поведение населения. В свою очередь, на формирование и трансформацию социально-экономических факторов оказывают влияние характер, интенсивность и масштабы демографических явлений.

Основным показателем экономической ситуации является валовой внутренний продукт (ВВП), показывающий величину годового объема производства товаров и услуг в государстве. Данный показатель мощности национальной экономики в демографических исследованиях более нагляден в относительной форме — на душу населения. Анализ уровня ВВП и его динамики необходим при рассмотрении влияния экономических факторов на демографические процессы (табл. 1).

Таблица 1

Динамика размера ВВП на душу населения России в 1992–2023 гг.

Годы	ВВП на душу населения, долл.	Изменения к предыдущей дате, %	Годы	ВВП на душу населения, долл.	Изменения к предыдущей дате, %
1992	10805	—	2010	21272	+31,1
1995	8818	–18,5	2015	24062	+13,1
2000	10512	+19,2	2020	28171	+17,1
2005	16222	+54,3	2023	35401	+25,7

Источник: Статистика стран. URL: https://svspb.net/danmark/vvp-stran-na-dushu-naselenija.php (дата обращения: 18.01.2025).

Анализ динамики размера ВВП на душу населения России показывает его рост с конца 1990-х годов, после периода спада. В начале 2010-х годах объемы ВВП на душу населения начинают снижаться вследствие сложной геополитической и геоэкономической ситуации в мире. Кроме того, ряд государств вводят против России санкции, усложнившие первоначально рост отечественной экономики, однако впоследствии российская экономика показала стабильный рост и увеличение ВВП на душу населения.

В макроэкономике существует причинно-следственная связь, называемая эффектом мультипликатора. Расходы или инвестиции государства в какую-либо отрасль приводят к изменениям в общей экономической активности и доходах населения. Рост объемов ВВП приводит к увеличению личного потребления и наоборот. Повышение уровня жизни позволяет населению не ограничивать свои демографические потребности, не откладывать рождение детей и не снижать их желаемое количество. Поскольку распределение ВВП среди населения не является равномерным, его уменьшение сказывается в первую очередь на объемах потребления бедных слоев, что повышает еще больше риск бедности.

Сравнение данных динамики размера ВВП (табл. 1) и демографических показателей Свердловской области (табл. 2) показывает прямо пропорциональную

Таблица 2

Динамика демографических показателей Свердловской области в 1985–2023 гг.

Годы	Родившихся	Умерших	Естественный прирост	Изменения естественного прироста к предыдущей дате	Продолжительность жизни, годы
	на 1000 чел. населения				
1985	16,4	11,5	4,9	—	69,1
1990	12,2	11,2	1,0	–3,9	69,2
1995	8,5	15,6	–7,1	–8,1	63,8
2000	8,3	16,4	–8,1	–1,0	63,7
2005	10,4	16,6	–6,2	+1,9	64,6
2010	13,4	14,3	–0,9	+5,3	68,8
2015	14,4	14,1	0,3	+1,2	69,8
2020	10,2	16,2	–6,0	–6,3	71,8
2023	9,1	13,3	–4,2	+1,8	71,8

Источник: Управление Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области. Статистика. Официальная статистика. Свердловская область. Население. URL: https://sverdl.gks.ru/folder/29698 (дата обращения: 18.01.2025).

зависимость между экономическим показателем ВВП на душу населения и изменением естественного прироста (Баранова, 2022). В сложных экономических условиях 1990-х годов в Свердловской области, как и во всей стране, наблюдался спад рождаемости и повышение уровня смертности. Происходило уменьшение продолжительности жизни. На рубеже XX-XXI вв. с улучшением экономической ситуации тенденции в демографических показателях изменяются на противоположные. В 2020-х годах начинается закономерный спад естественного прироста, поскольку детородного возраста достигает поколение, родившееся во время демографического «провала» 1990-х годов.

Стабильное увеличение продолжительности жизни свидетельствует как о достаточном уровне развития здравоохранения, жилищных условий, так и об уменьшении негативного влияния на здоровье ситуации неопределенности и экономической нестабильности. Высокий уровень ВВП на душу населения способствует увеличению ожидаемой продолжительности жизни при рождении.

Демографические процессы находятся в зависимости от совокупности социально-экономических показателей, недостаточное развитие которых проявляется в слабом материально-техническом обеспечении медицинских учреждений, неэффективной организации системы оказания медицинской помощи, отсутствии современных медицинских технологий. Анализ динамики социально-экономических показателей Свердловской области в совокупности с показателями демографических процессов за тот же период позволяет выявить существующую зависимость, спрогнозировать тенденции демографического развития и предложить возможные направления поддержания позитивных явлений (табл. 3).

Покупательную способность населения определяют в первую очередь показатель соотношения денежных доходов на душу населения и величины

Таблица 3

Социально-экономические показатели Свердловской области в 2013–2023 гг.

Показатели	2013	2015	2020	2023
Соотношение денежных доходов на душу населения и величины прожиточного минимума, раз	4,2	3,37	3,4	3,4
Индекс потребительских цен	107,0	114,0	104,2	107,3
Доля населения, имеющего денежные доходы ниже среднедушевого уровня, %	65,5	65,5	64,2	64,7
Розничный товарооборот, руб. на душу населения	220916	239283	259910	337066
Уровень зарегистрированной безработицы, %	1,19	6,5	5,65	0,6
Охват детей дошкольным образованием, %	67,0	71,7	77,3	81,0
Число больничных коек, на 10000 человек населения	98,0	93,6	87,0	87,6
Численность врачей, на 10000 человек населения	44,5	42,4	43,7	45,6
Жилая площадь на чел., м^2	24,0	24,9	27,3	29,8
Число зарегистрированных преступлений на 100 тыс. чел. населения	1604,1	1670,0	1355,3	1172,0

Источник: Свердловская область в 2013 — 2017 годах: Статистический сборник/ Управление Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области. — Екатеринбург, 2018. — 273 с.; Итоги социально-экономического развития Свердловской области 2024 Статистический сборник / Управление Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области. — Екатеринбург, 2024. — 82 с.

прожиточного минимума, а также индекс потребительских цен. За последнее десятилетие в Свердловской области наблюдается уменьшение денежных доходов на душу населения к величине прожиточного минимума, который показывает, сколько нужно потратить на еду, одежду, жилье, образование и медицину. Уменьшение показателя свидетельствует о некотором увеличении риска для сохранения здоровья человека и обеспечения его жизнедеятельности в регионе. Стабильно высокой остается величина доли населения, имеющего денежные доходы ниже среднедушевого уровня. Это является следствием неравномерного распределения доходов среди разных групп населения.

Косвенным показателем возможного уровня улучшения благосостояния населения является рост розничного товарооборота на душу населения в Свердловской области. Он отражает потенциальные возможности для населения в приобретении товаров и услуг. Розничная торговля определяет эффективность функционирования экономики, а следовательно, влияет на демографические процессы через экономические показатели. В рассматриваемый период уровень зарегистрированной безработицы повышался в 2010-е гг. в связи с экономическим кризисом, а затем снизился до рекордной отметки в 2023 г.

Социальный показатель обеспеченности детей дошкольным образованием показывает тенденцию увеличения, что может стать одним из аргументов в пользу решения семьи о рождении ребенка. Возможность устройства детей дошкольного возраста в образовательные учреждения позволяет сохранить доход и профессиональный статус работающим родителям. Обеспеченность больничными койками и врачами в Свердловской области характеризуется как неудовлетворительная и не имеет четкой тенденции, показывая то спад величины, то подъем. В целях изменения ситуации осуществляется комплексная программа Свердловской области «О реализации мероприятий по обеспечению медицинских организаций Свердловской области квалифицированными кадрами на 2023–2025 годы».

Обеспеченность жилой площадью влияет на репродуктивные установки населения (Калачикова, 2015). Жилищный вопрос становится решающим аргументом в вопросе рождения детей и их количества в семье. В Свердловской области показатель демонстрирует положительную динамику за последнее десятилетие и почти достиг величины международного стандарта качества жилья (не менее 30 м^2 общей площади на человека).

Величина уровня преступности является важной составляющей социально-экономической ситуации в регионе. С одной стороны, количество преступлений растет в периоды спада экономики. С другой, высокий уровень преступности косвенно влияет на снижение рождаемости, создавая нестабильную обстановку, не способствующую решению о деторождении. В настоящее время число зарегистрированных преступлений в Свердловской области показывает тенденцию к снижению.

Обсуждение

Анализ совокупности социально-экономических и демографических индикаторов показывает их несомненное взаимовлияние. Демографические процессы изменяются во времени достаточно медленно, находясь под влиянием не только

внешних факторов, но и внутренних цикличных явлений, связанных со сменой поколений. Улучшение всех параметров социально-экономических условий и активная демографическая политика не дадут моментального эффекта. Переход к оптимальному типу воспроизводства, способствующему самосохранению населения, требует продолжительного времени.

Однако стабилизация экономической обстановки, как показывает анализ региональных показателей, практически сразу дает толчок к увеличению рождаемости. Поддержание необходимого демографического поведения в дальнейшем связано с целым комплексом объектов повседневной деятельности человека. Рождение второго и последующих детей в семье уже зависит от условий и уровня оплаты труда, структуры доходов и их распределения, уровня развития социальной инфраструктуры (например, обеспеченность медицинским обслуживанием, его качество и цена), достаточного уровня социальной защищенности и кредитных отношений (например, возможностей льготного кредитования молодых семей и семей с детьми). Значимое место в формировании позитивных репродуктивных установок занимает эффективная государственная политика по формированию здорового образа жизни (Адаменко и др., 2022). Продолжением национального проекта «Демография» у нас в России становится новый нацпроект «Семья», реализуемый с 1 января 2025 года. В Свердловской области для повышения рождаемости и поддержки семей с детьми осуществляется специальная региональная программа по повышению рождаемости (2023–2030 гг.).

Заключение

Современная экономика характеризуется постоянным совершенствованием технологий и цифровизацией во всех отраслях. Тем не менее, человек остается главным звеном экономических отношений, анализируя, производя и формируя общественный продукт. Социально-экономические факторы воздействуют на демографические процессы в обществе посредством обеспеченности медицинскими и образовательными учреждениями с современным оборудованием и квалифицированными кадрами, обеспеченности и качеством жилья, насыщенностью рынка товарами и услугами и уровнем цен на них. Таким образом, повышение рождаемости и снижение смертности, сохранение и укрепление здоровья населения находится в прямой зависимости от уровня экономического и социального развития государства. Правильная оценка демографического потенциала населения региона, корректировка факторов, влияющих на репродуктивное поведение, реализация комплекса мер по повышению рождаемости и поддержке семей позволит стабилизировать демографические процессы и сформировать оптимальный тип воспроизводства населения, подразумевающий поворот от депопуляции к сохранению и росту численности населения нашей страны.

Список источников

Адаменко, Е. А., Евсеенко, Е. А., Зеленцова, С. Ю. (2022). *Основные направления обеспечения национальной безопасности Российской Федерации и их реализация на региональном уровне.* Сургут : СурГУ, 113. EDN: KTFLVZ

Баранова, И. С. (2022). Взаимодействие экономических факторов и демографического развития Свердловской области. В *Россия и мировое сообщество: проблемы демографии, экологии и здоровья населения: сборник статей V Международной научно-практической конференции «Россия и мировое сообщество: проблемы демографии, экологии и здоровья населения», 11–12 июля 2022 г.* (с. 26-29).Пенза: Пензен. гос. аграр. ун-т, 178 .

Башкина, О. А., Шаповалова, М. А., Ярославцев, А. С. (2022). *Региональные медико-демографические тенденции.* Астрахань: АГМУ, 119. EDN: MSVKJI

Гневашева, В. А. (2023). *Процесс воспроизводства трудовых ресурсов в современной России.* Москва: Проспект, 200. EDN: MSVKJI

Землянухина, Н. С. (2022). *Уровень и качество жизни населения России: факторы формирования и пути повышения.* Саратов: СГУ, 256. https://doi.org//10.18500/978-5-292-04796-4 EDN: KZRSRW

Калачикова, О. Н. (2015). *Репродуктивное поведение как фактор воспроизводства населения: тенденции и перспективы.* Вологда: ВолНЦ РАН, 172. EDN: TXDCGL

Михайлова, С. С., Шулунова, И. Р., Евдокимова, И. С. (2020). *Методологические основы создания интеллектуальной информационной системы демографических прогнозов региона.* Улан-Удэ: ВСГУТУ, 224.

Рыбкина, М. В. (2016). *Демографические процессы и социальная политика в регионе (на примере Ульяновской области).* Ульяновск: УлГТУ, 164.

Сакаев, В. Т. (2016). *Политикаиндикатор и демография: проблемы взаимодействия и взаимозависимости.* Казань: КФУ, 244.

Спиридонов, С. П., Меньщикова, В. И., Меркулова, Е. Ю., Андреева, И. А. (2019). *Теория и методология формирования и развития системных индикаторов обеспечения качества жизни населения как инструментов устойчивого развития региона.* Тамбов: ТГТУ, 133. EDN: IQYOWJ

Степаненкова, Н. М., Степаненкова, М. А. (2022). Оценка влияния социально-экономических факторов на демографические процессы в Российской Федерации. *Креативная экономика, 16* (2), 771-786. https://doi.org//10.18334/ce.16.2.114233

Шавель, С. А. (2022). *Социосферная стратегия развития общества.* Минск: Белорусская наука, 387.

References

Adamenko, E. A., Evseenko, E. A., & Zelentsova, S. Y. (2022). *Osnovny`e napravleniya obespecheniya nacional`noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii i ix realizaciya na regio-nal`nom urovne [The main directions of ensuring the national security of the Russian Federation and their implementation at the regional level]*. Surgut: SurGU, 113. EDN: KTFLVZ (In Russ.)

Baranova, I. S. (2022). Interaction of economic factors and demographic development of the Sverdlovsk region. In *Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Rossiya i mirovoe soobshhestvo: problemy` demografii, e`kologii i zdorov`ya naseleniya», 11–12 iyulya 2022 g. [Russia and the World Community: problems of demography, ecology and public health: collection of articles of the V International Scientific and Practical Conference «Russia and the World Community: problems of demography, ecology and public Health», July 11-12, 2022]*. (pp. 26-29).Penza: Penza State Agrarian University, 178. (In Russ.)

Bashkina, O. A., Shapovalova, M. A. & Yaroslavtsev, A. S. (2022). *Regional`ny`e medikodemograficheskie tendencii [Regional medical and demographic trends]*. Astrakhan: AGMU, 119. EDN: MSVKJI (In Russ.)

Gnevasheva, V. A. (2023). *Process vosproizvodstva trudovy`x resursov v sovremennoj Rossii [The process of reproduction of labor resources in modern Russia]*. Moscow: Prospekt, 200. EDN: MSVKJI (In Russ.)

Kalachikova, O. N. (2015). *Reproduktivnoe povedenie kak faktor vosproizvodstva nseleniya: tendencii i perspektivy` [Reproductive behavior as a factor of population reproduction: trends and prospects]*. Vologda: VolSC RAS, 172. EDN: TXDCGL

Mikhailova, S. S., Shulunova, I. R., & Evdokimova, I. S. (2020). *Metodologicheskie osnovy` sozdaniya intellektual`noj informacionnoj sistemy` demograficheskix prognozov re-giona [Methodological foundations of the creation of an intelligent information system of demographic forecasts of the region]*. Ulan-Ude: VSGUTU, 224. (In Russ.)

Rybkina, M. V. (2016). *Demograficheskie processy` i social`naya politika v regione (na primere Ul`yanovskoj oblasti) [Demographic processes and social policy in the region (on the example of the Ulyanovsk region)]*. Ulyanovsk: UlGTU164. (In Russ.)

Sakaev, V. T. (2016). *Politikaindikator i demografiya: problemy` vzaimodejstviya i vzaimozavisimosti [Politicaindicator and demography: problems of interaction and interdependence]*. Kazan: KFU 244. (In Russ.)

Shavel, S. A. (2022). *Sociosfernaya strategiya razvitiya obshhestva [Sociospheric strategy of society development]*. Minsk: Belorussian Science, 387. (In Russ.)

Spiridonov, S. P., Menshchikova, V. I., Merkulova, E. Yu., & Andreeva, I. A. (2019). *Teoriya i metodologiya formirovaniya i razvitiya sistemny`x indikatorov obespecheniya kache-stva zhizni naseleniya kak instrumentov ustojchivogo razvitiya regiona [Theory and methodology of formation and development of system indicators of ensuring the quality of life of the population as instruments of sustainable development of the region]*. Tambov: TSTU, 133. EDN: IQYOWJ (In Russ.)

Stepanenkova, N. M., & Stepanenkova, M. A. (2022). Assessment of the socio-economic factors impact on demographic processes in the Russian Federation. *Kreativnaya e`konomika [Creative Economy], 16* (2), 771-786. https://doi.org//10.18334/ce.16.2.114233 (In Russ.)

Zemlyanukhina, N. S. (2022). *Uroven` i kachestvo zhizni naseleniya Rossii: faktory` formirovaniya i puti povy`sheniya [The standard and quality of life of the Russian population: factors of formation and ways of improvement]*. Saratov: SSU, 256. https://doi.org//10.18500/978-5-292-04796-4 EDN: KZRSRW (In Russ.)

Баранова Ирина Сергеевна — кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры географии, методики географического образования и туризма, Институт естествознания, физической культуры и туризма; Уральский государственный педагогический университет; https://orcid.org/0000-0002-3692-8359 (Российская Федерация, 620017, г. Екатеринбург, просп. Космонавтов, 26; e-mail: i.s.baranova@mail.ru).

Irina S. Baranova — Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Geography, Methods of Geographical Education and Tourism, Institute of Natural Science, Physical Culture and Tourism; Ural State Pedagogical University; https://orcid.org/0000-0002-3692-8359 (26, Kosmonavtov Ave., Ekaterinburg, 620017, Russian Federation; e-mail: i.s.baranova@mail.ru).

УДК 314.143, 316.346.32-053.9
JEL classification: J14, I12
https://www.doi.org/10.17059/udf-2025-2-4

Забота о здоровье в контексте ответственности и материальных возможностей: кейс лиц старшего возраста (на примере Вологодской области)[1]

Г.В. Белехова

Вологодский научный центр Российской академии наук (г. Вологда, Россия).
https://orcid.org/0000-0003-6373-9043

Автор для корреспонденции: Г.В. Белехова (belek-galina@yandex.ru).

Аннотация. *Исследование посвящено анализу заботы лиц старшего возраста (60+ лет) о здоровье в контексте материальных возможностей и восприятия личной ответственности. На материалах социологического опроса пожилых жителей Вологодской области (2024 г.) изучены различия в самооценке здоровья, мотивации и практиках заботы о здоровье в зависимости от уровня доходов и локуса ответственности. Установлено, что большинство пожилых людей считают ответственными за свое здоровье себя и медицинских работников, причем личная ответственность преобладает во всех доходных группах. Наиболее обеспеченная группа лиц старшего возраста демонстрирует наибольшую степень заботы о здоровье. Ведущими мотивами заботы о здоровье выступают личностные мотивы (нежелание доставлять хлопоты близким, поддержание самочувствия). Основные практики заботы о здоровье включают отказ от курения, посещение врача, прогулки и правильное питание; дифференции по доходным группам не прослеживается. Полученные выводы подтверждают необходимость адресной проработки доступности медуслуг для низкодоходных групп пожилых и усиления пропаганды личной ответственности за здоровье на протяжении всей жизни.*

Ключевые слова: лица старшего возраста; самооценка здоровья; доходные группы; ответственность за здоровье.

Health Care in the Context of Responsibility and Financial Opportunities: the Case of Older People (on the Example of the Vologda Region)

G. Belekhova

Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (Vologda, Russia).
https://orcid.org/0000-0003-6373-9043

Corresponding author: G. Belekhova (belek-galina@yandex.ru).

Abstract. *The study is devoted to the analysis of health care of older people (60+ years) in the context of material capabilities and perception of personal responsibility. Based on the materials of a sociological survey of elderly residents of the Vologda Oblast (2024), differences in self-assessment of health, motivation and health care practices. It was found that the majority of older people consider themselves and health workers responsible for their health, with personal responsibility prevailing in all income groups. The wealthiest group of older people demonstrates the highest degree of health care. The leading motives for health care are personal motives. The main health care practices include quitting smoking, visiting a doctor, walking and proper nutrition; there are no differences by income groups. The findings confirm the need for targeted development of accessibility of medical services for low-income groups and increased promotion of personal responsibility for health throughout life.*

Keywords: older people; self-assessment of health; income groups; responsibility for health.

[1] © Белехова Г. В. Текст. 2025.

Введение

Здоровье является ключевым фактором обеспечения благополучной старости и активного долголетия. В условиях увеличения продолжительности жизни и роста доли лиц старше трудоспособного возраста в структуре населения забота о здоровье пожилых людей выступает одной из важнейших социальных и медицинских задач современности. Согласно данным официальной статистики, в России доля населения старше трудоспособного возраста последние годы держится на уровне 24 % (24,5 % в 2016 г., 23,7 % в 2024 г.), постепенно растет ожидаемая продолжительность жизни (71,87 года в 2016 г., 73,41 года в 2023 г.)[1]. Данные демографические тенденции формируются и укрепляются на фоне реализации национальных проектов и стратегий в интересах старшего поколения (национальный проект «Демография», федеральный проект «Старшее поколение», «Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года» и проект обновленной Стратегии до 2030 года). Новой национальной целью развития России поставлено достижение продолжительной и активной жизни, предполагающей в том числе повышение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет к 2030 г. и до 81 года к 2036 г.[2]

Забота о здоровье включает в себя множество аспектов, начиная от профилактики заболеваний до своевременного обращения за медицинской помощью и соблюдения предписанных врачом рекомендаций. В научных исследованиях забота о здоровье на микроуровне рассматривается в рамках категории самосохранительного поведения как особой «системы действий и отношений личности, направленных на сохранение здоровья в течение всего жизненного цикла и продление сроков жизни» (Короленко, 2018). В этом контексте выделяются такие компоненты заботы о здоровье, как медицинская и физическая активность, соблюдение рациона питания и режима дня, отсутствие вредных привычек и т. п. На самосохранительное поведение населения независимо от возраста влияет целый комплекс объективных и субъективных факторов, среди которых одними из ключевых являются осознание личной ответственности за собственное здоровье, доступность медицинских услуг, доверие к системе здравоохранения, а также уровень доходов (Локосов и др., 2024).

Восприятие пожилыми людьми ответственности за заботу о здоровье часто ограничивается отсутствием у них достаточных знаний о мерах профилактики и о возможностях ранней диагностики заболеваний, низким уровнем мотивации к ведению здорового образа жизни (из-за влияния стереотипов о старости как «периода дожития» и закономерного накопления различных нарушений и заболеваний к этому периоду жизни), привычкой ожидать поддержку от государства, ограниченными финансовыми ресурсами. В то же время и сама достаточность материальных ресурсов во многом формирует стратегии заботы пожилых людей о своём здоровье, поскольку она определяет возможности доступа к необходимым им медицинским услугам и лекарствам. Учитывая, что значительная часть пожилых людей сталкивается с финансовыми трудностями, это закономерно

[1] Росстат. Официальная статистика. Демография. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/12781 (дата обращения: 05.02.2025).

[2] Национальный проект «Продолжительная и активная жизнь». URL: https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/new-projects/prodolzhitelnaya-i-aktivnaya-zhizn/ (дата обращения: 05.02.2025).

ограничивает их возможности по поддержанию здоровья. В частности, согласно опросам ВЦИОМ в 2022–2023 гг., пожилые люди в российском обществе чаще всего сталкиваются с такими проблемами, как бедность и низкие пенсии (61 %), болезни и ухудшение здоровья (40 %)[1]. При этом с точки зрения ведения здорового образа жизни и самосохранительных практик фиксируются негативные моменты — недостаток ежедневной активности испытывает каждый пятый в возрасте 60 лет и старше (22 %), а регулярный контроль состояния здоровья и профилактические осмотры проходят только 19 % россиян данной возрастной группы[2].

Актуальность обращения к проблематике заботы лиц старшего возраста о собственном здоровье в контексте ответственности и материальных возможностей связана с необходимостью переосмыслить подходы к поддержке пожилых, учитывая два ключевых аспекта: во-первых, ответственность личности в плане перехода от патерналистской модели заботы к активному участию пожилых в управлении здоровьем; во-вторых, материальные возможности (уровень дохода) в плане преодоления неравного доступа лиц старшего возраста из разных доходных групп к медицинским услугам и другим ресурсам обеспечения здорового образа жизни. Подобное исследование внесёт вклад в понимание того, как факторы уровня доходов и восприятия ответственности влияют на заботу пожилых людей о своём здоровье, что может быть использовано для разработки адресных рекомендаций в рамках социальной политики.

В связи с этим целью данной работы стал анализ особенностей заботы лиц старшего возраста о своём здоровье в ракурсе материальных возможностей и восприятия ответственности. Исследование проведено на материалах социологического опроса населения Вологодской области за 2024 г. Основным исследовательским вопросом, рассмотренным в данной работе, выступает вопрос о том, различаются ли степень и практики заботы пожилых людей о здоровье в зависимости от локуса ответственности и уровня располагаемых доходов. Для поиска ответов мы рассмотрели самооценки здоровья, мотивы заботы о здоровье, практики поддержания здоровья в группах лиц старшего возраста, выделенных по параметрам восприятия ответственности и уровня доходов.

Обзор литературы

В отечественной и зарубежной научной литературе представлены многочисленные свидетельства наличия связи демографических, социально-экономических, поведенческих, средовых и других факторов с состоянием здоровья, его самооценкой и практиками заботы о нём. Отдельный пласт исследований посвящен изучению проявлений данных взаимовлияний в разрезе возрастных групп, в том числе в отношении пожилого населения.

В российских работах, построенных преимущественно на данных социологических опросов, отмечается, что население видит основными препятствиями для продолжительной и здоровой жизни такие аспекты, как недостаточная

[1] ВЦИОМ. Жить долго, жить хорошо! URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhit-dolgo-zhit-khorosho (дата обращения: 05.02.2025).

[2] ВЦИОМ. Здоровый образ жизни и как его придерживаться. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zdorovyi-obraz-zhizni-i-kak-ego-priderzhivatsja (дата обращения: 05.02.2025).

социальная поддержка в старости со стороны государства, одиночество и нехватка помощи близких, материальные трудности; при этом личная ответственность за здоровье отмечается значительно реже (Иванова, 2013). Представлены работы, раскрывающие «зависимость между установками на продолжительность жизни и степенью заботы о здоровье: у тех, кто заботится о здоровье, ожидаемая продолжительность жизни больше, чем у незаботящихся о здоровье» (Короленко, 2024). Установлено, что представители старших возрастных групп, планировавшие свою жизнь в пожилом возрасте задолго до его наступления и осознающие значимость личных усилий для поддержания здоровья и достижения желаемой продолжительности жизни, обладают наиболее высокими самооценками здоровья (Колпина и др., 2020).

Интересные выводы получены в исследованиях сотрудников Социологического института РАН — филиала ФНИСЦ РАН. На основе данных полуструктурированных интервью ими выявлены факторы выбора стратегий сохранения здоровья пожилыми людьми, а именно: уровень материального благосостояния, уровень доверия профессиональной медицине, индивидуальные психологические и эмоциональные представления о сохранении здоровья (Галкин, 2023). Исходя из соотношения этих факторов определены две преобладающие стратегии заботы пожилых людей о здоровье: первая стратегия — «стратегия самопомощи», характеризующаяся автономностью в социальной среде, использованием альтернативных способов лечения и плохим материальным положением; вторая стратегия — «стратегия получения помощи», приверженцы которой доверяют институциональной медицине, имеют опыт обращения в государственные медицинские учреждения и более высокое материальное положение (Галкин, 2023).

Устойчивая закономерность, выявляемая в исследованиях, заключается в том, что индивиды с более низким доходом и более низким социально-экономическим статусом чаще сообщают о плохом здоровье (Канева & Байдин, 2019; Evandrou et al., 2014). Однако, несмотря на то, что доходный градиент в здоровье отмечается для всех без исключения возрастных групп, доказывается, что взаимосвязь здоровья и доходов имеет возрастные особенности (Chen et al., 2010; Карцева & Кузнецова, 2023). В частности, на данных Выборочного наблюдения состояния здоровья населения (СЗН) за 2021 г. показано, что связь состояния здоровья и доходов с возрастом усиливается и достигает максимума в возрастной группе 55–64 года. Далее, в более старших возрастах, «взаимосвязь здоровья и низких доходов стабилизируется, а корреляция здоровья с высокими доходами ослабевает» (Карцева & Кузнецова, 2023). Подобные закономерности исследователи связывают с селективной смертностью в старшем возрасте, особенностями российской пенсионной системы, приводящими к снижению доходного неравенства пенсионеров, а также с влиянием специализированных мер социальной поддержки в отношении пожилых граждан и инвалидов.

Весомый вклад в исследование самосохранительного поведения и здоровьесберегательных установок населения и определение поведенческих групп риска вносят работы Вологодского научного центра РАН, основанные на данных многолетнего мониторинга физического здоровья населения Вологодской области. В частности, выявлены три группы населения по характеру

здоровьесберегательных установок (Короленко, 2021). Первая группа — «ответственные, но немотивированные, мало заботящиеся или не заботящиеся о здоровье» (41 % в 2020 г.). Среди представителей этой группы высока доля мужчин в возрасте 30–60 лет и старше 60 лет, а также лиц с невысокой покупательной способностью (денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды, но более крупные покупки приходится откладывать). Вторая группа — «разделяющие ответственность, мотивированные и заботящиеся о здоровье» (44 %) — сформирована преимущественно женщинами в возрасте 55 лет и старше, а также лицами со средней покупательной способностью (для них покупка большинства товаров длительного пользования не вызывает трудностей). В третью группу — «ответственные, мотивированные и заботящиеся о здоровье» (15 %) — вошли в большей степени представители молодого и среднего возраста, но с низкой покупательной способностью (денег хватает на приобретение продуктов питания). Таким образом, показано, что личная ответственность за собственное здоровье и выраженная забота о его состоянии способствуют наибольшему вовлечению населения в практики здорового образа жизни, даже независимо от уровня материальных возможностей.

Материалы и методы

Информационную базу настоящего исследования составили данные очередного этапа социологического мониторинга физического здоровья населения Вологодской области, проведенного в 2024 г. В анализируемую выборку вошли лица старшего возраста — от 60 лет и старше независимо от пола; всего 420 человек (39 % мужчин, 61 % женщин). Выбор данной отсечки связан с тем, что в большинстве теоретических подходов и эмпирических исследований «в качестве возрастного рубежа, после которого человек условно становится старым, указывают диапазон от 60 до 65 лет» (Антонов и др., 2023). Большинство из них не работают (84 %); остальные трудоустроены в качестве работников умственного труда (3 %), работников среднего звена, не занятых физическим трудом (6 %), лиц, работающих с машинами/механизмами (3 %).

Для выделения доходных групп использовано соотношение доходов с величиной прожиточного минимума (далее — ПМ) (по состоянию на 2024 г. величина прожиточного минимума пенсионера в Вологодской области равнялась 13 423 руб.) в соответствии с методикой коллектива авторов под руководством В.Н. Бобкова (Бобков и др., 2022). Сформировано четыре доходные группы: наименее обеспеченные (до 1 ПМ; 18 %), низкообеспеченные (1–2 ПМ; 63 %), обеспеченные ниже среднего уровня (2–3,2 ПМ; 15 %), среднеобеспеченные (3,2–11 ПМ; 4 %). Группа высокообеспеченного населения старшего возраста (доход свыше 11 ПМ) не была выделена. Для оценки ответственности за здоровье использовался вопрос «Кого Вы считаете ответственным за Ваше здоровье?» (множественный выбор).

Исследование особенностей заботы лиц старшего возраста о своём здоровье в ракурсе материальных возможностей и восприятия ответственности основано на использовании методов дескриптивного анализа и анализа частотного распределения с помощью комбинационных таблиц, построенных в SPSS.

Результаты

Восприятие ответственности за здоровье в разрезе доходных групп. Большинство опрошенных лиц старшего возраста считают ответственными за состояние здоровья прежде всего самих себя (88 %) и медицинских работников (60 %); несколько реже называются государство (26 %) и семья и родственники (15 %). Личная ответственность за здоровье одинаково преобладает во всех доходных группах, без значимой дифференциации между ними (табл. 1). На медицинских работников ответственность за собственное здоровье чаще возлагают представили самой обеспеченной в анализируемой совокупности группы пожилых — с доходом от 3,2 до 11 ПМ (83 % против 52 % среди наименее обеспеченных лиц старшего возраста). Этот факт отражает, среди прочего, различия в доступе к медицинской помощи между доходными группами. Примечательно, что в самой обеспеченной группе пожилых по сравнению с другими доходными группами выражено возложение ответственности за здоровье на семью и родственников. Возможно, здесь свое влияние оказывают высокий уровень доверия к семье, традиционные ценности и эмоциональный комфорт (т. е. семья как надежный источник материальной и психологической поддержки). На государство чаще перекладывают ответственность низкообеспеченные лица старшего возраста, хотя и в более высокодоходных группах роль государства в поддержании здоровья достаточно значима. Подобная ситуация скорее всего является отголоском советской патерналистской модели социальной поддержки.

Самооценка здоровья. Большинство лиц старшего возраста (66 %) оценивают состояние своего здоровья как удовлетворительное; примерно равные доли пожилых людей дают позитивные («очень хорошее» и «хорошее»; 16 %) и негативные («плохое и «очень плохое»; 18 %) оценки. Самооценки здоровья не имеют сколько-нибудь заметной дифференциации по уровню дохода: во всех доходных группах преобладают удовлетворительные оценки (с небольшим перевесом в самой обеспеченной группе; табл. 2); распределение позитивных оценок также относительно схоже. Единственное различие в том, что в наиболее высокодоходной группе заметно ниже доля отрицательных самооценок.

Вне зависимости от локуса ответственности за здоровье, преобладают удовлетворительные самооценки его состояния (табл. 3). Положительные оценки здоровью чаще дают те лица старшего возраста, которые, помимо себя, возлагают ответственность за поддержание здоровья на семью и родственников. Это

Таблица 1

Восприятие ответственности за здоровье лицами старшего возраста в разрезе доходных групп (100 % по столбцу)

Актор ответственности	Доходные группы			
	до 1 ПМ	1–2 ПМ	2–3,2 ПМ	3,2–11 ПМ
Сам индивид	88,0	86,7	93,7	88,9
Медицинские работники	52,0	61,0	57,1	83,3
Семья, родственники	17,3	14,4	9,5	38,9
Государство	16,0	31,4	14,3	22,2
Работодатель	0,0	1,5	1,6	5,6

Источник: составлено автором по данным опроса «Физическое здоровье — 2024». ВолНЦ РАН.

Таблица 2

Самооценка здоровья лицами старшего возраста в разрезе доходных групп (100 % по столбцу)

Самооценка здоровья	Доходные группы			
	до 1 ПМ	1–2 ПМ	2–3,2 ПМ	3,2–11 ПМ
Очень хорошее + хорошее	19,4	16,0	15,9	16,7
Удовлетворительное	69,4	63,9	65,1	77,8
Плохое + очень плохое	11,1	20,2	19,0	5,6

Источник: составлено автором по данным опроса «Физическое здоровье — 2024». ВолНЦ РАН.

Таблица 3

Самооценка здоровья лицами старшего возраста в разрезе восприятия ответственности (100 % по столбцу)

Самооценка здоровья	Актор ответственности				
	Сам индивид	Медицинские работники	Семья, родственники	Государство	Работодатель
Очень хорошее + хорошее	17,8	16,9	23,4	11,3	0,0
Удовлетворительное	65,6	63,1	65,6	66,0	100,0
Плохое + очень плохое	16,7	20,1	10,9	22,6	0,0

Источник: составлено автором по данным опроса «Физическое здоровье — 2024». ВолНЦ РАН.

лишний раз подтверждает значимость родственных связей и близкого окружения для обеспечения благополучной старости.

Отрицательные самооценки состояния здоровья в большей степени проявляются среди пожилых, перекладывающих заботу о здоровье на государство и медицинских работников. Однако это не говорит о неэффективности данных акторов, поскольку нерешенность проблем со здоровьем и эмоциональная реакция пациентов на взаимодействие с ними могут возникать из-за множества причин, включая недостатки системы здравоохранения, сложности в доступе к качественным услугам, нехватку персонала и оборудования, индивидуальные особенности каждого пациента (сложность заболеваний, несовпадение ожидания и реальности и пр.).

Мотивация заботы о здоровье. Основная доля лиц старшего возраста (65 %) отмечает, что осуществляет заботу о своем здоровье («очень забочусь» — 9 %, «в основном забочусь» — 56 %); однако каждый четвертый пожилой человек в регионе (27 %) признается, что уделяет мало внимания своему состоянию.

Представители наиболее обеспеченной группы лиц старшего возраста демонстрируют самую высокую степень заботы о здоровье (табл. 4), что может быть связано с более широкими финансовыми возможностями для инвестиций в здоровье, включая качественное медицинское обслуживание, здоровое питание и активный образ жизни. В остальных доходных группах преобладают респонденты, заботящиеся о здоровье, но не в полной мере. В целом наблюдаемые распределения ответов указывают на осознание пожилыми людьми важности заботы о своем здоровье независимо от уровня дохода.

Больше всего должным образом заботящихся о своем здоровье («очень забочусь», «в основном забочусь») оказалось среди тех лиц старшего возраста, которые разделяют ответственность за состояние здоровья с семьей и родственниками (табл. 5). Интересно, что ниже всего степень заботы за здоровье оказалась

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос: «В какой мере Вы заботитесь о своём здоровье?» в разрезе доходных групп (100 % по столбцу)

Степень заботы	Доходные группы			
	до 1 ПМ	1–2 ПМ	2–3,2 ПМ	3,2–11 ПМ
Очень забочусь	16,0	4,5	15,9	22,2
В основном забочусь	54,7	53,8	58,7	77,8
Мало забочусь	18,7	33,0	22,2	0,0
Совсем не забочусь	2,7	3,0	0,0	0,0

Источник: составлено автором по данным опроса «Физическое здоровье — 2024». ВолНЦ РАН.

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос: «В какой мере Вы заботитесь о своём здоровье?» по восприятию ответственности (100 % по столбцу)

Степень заботы	Актор ответственности				
	Сам индивид	Медицинские работники	Семья, родственники	Государство	Работодатель
Очень забочусь	8,4	8,4	3,1	10,2	0,0
В основном забочусь	58,1	58,6	73,4	52,8	33,3
Мало забочусь	27,3	23,9	20,3	22,2	66,7
Совсем не забочусь	1,6	2,8	0,0	4,6	0,0

Источник: составлено автором по данным опроса «Физическое здоровье — 2024». ВолНЦ РАН.

в группе пожилых людей, возлагающих ответственность о здоровье на работодателей; однако этот момент требует дополнительных проверок.

Ведущими мотивами заботы о здоровье для лиц старшего возраста выступают личностные мотивы — нежелание доставлять хлопоты близким (46 %) и потребность в хорошем самочувствии (43 %); вторыми по значимости являются мотивы уклонения — страх заболеть (33 %) и нежелание сталкиваться с медициной (29 %). Свою роль играет мотивация быть примером для родных и прожить долгую жить (20 %).

Обозначенные личностные мотивы превалируют во всех доходных группах (табл. 6). При этом в наиболее обеспеченной группе пожилых людей, несмотря на наличие материальных возможностей, достаточно весомым оказывается нежелание обращаться за медицинской помощью (44 % против 22–30 % в остальных доходных группах), в то время как в наименее обеспеченной группе пожилых людей большое значение для заботы о здоровье имеет страх заболеть, что вполне очевидно, учитывая ограниченность финансовых ресурсов и необходимость дополнительных трат на лекарства и лечение в случае болезни.

Отметим, что в ракурсе восприятия ответственности за здоровье различий по ведущим мотивам заботы пожилых о здоровье не прослеживается. Единственное, что можно отметить, это заметная роль мотива стремления к долголетию в группах лиц старшего возраста, берущих ответственность за здоровье на себя и разделяющих ее с близкими (21 % и 25 % соответственно по сравнению с 12 % среди возлагающих ответственность на государство и 18 % — на медицину).

Практики заботы о здоровье. Самой распространённой здоровьесберегательной практикой среди пожилого населения Вологодской области является отказ от курения (46 %). Чуть менее популярны такие меры, как своевременное

Таблица 6

Топ-5 мотивов заботы о здоровье лиц старшего возраста в разрезе доходных групп (100 % по столбцу)

Мотив	Доходные группы			
	до 1 ПМ	1–2 ПМ	2–3,2 ПМ	3,2–11 ПМ
Нежелание доставлять хлопоты, быть обузой близким	30,7	45,1	58,7	72,2
Потребность в хорошем самочувствии	50,7	38,6	50,8	50,0
Страх заболеть	41,3	31,4	34,9	22,2
Нежелание сталкиваться с медициной	24,0	30,7	22,2	44,4
Стремление к долголетию	25,3	15,9	34,9	22,2

Источник: составлено автором по данным опроса «Физическое здоровье - 2024». ВолНЦ РАН.

Таблица 7

Топ-5 практик заботы о здоровье лиц старшего возраста в разрезе доходных групп (100 % по столбцу)

Практики заботы	Доходные группы			
	до 1 ПМ	1–2 ПМ	2–3,2 ПМ	3,2–11 ПМ
Отказ от курения	41,3	41,3	65,1	77,8
Своевременное обращение к врачу	34,7	38,3	42,9	38,9
Прогулки	29,3	28,0	31,7	61,1
Употребление чистой / очищенной воды	30,7	25,0	34,9	38,9
Посещение бани и сауны	26,7	26,5	14,3	33,3

Источник: составлено автором по данным опроса «Физическое здоровье - 2024». ВолНЦ РАН.

обращение к врачу и регулярные медосмотры (38 %), физическая активность в виде прогулок (30 %), употребление чистой / очищенной воды (28 %), посещение бани и сауны (25 %). Каждый четвертый представитель старшего поколения соблюдает режим питания и режим дня.

Ведущие практики заботы о здоровье, используемые пожилым населением, существенно не дифференцированы по уровню доходов и локусу ответственности. Можно обратить внимание на более высокую распространенность отказа от курения, пеших прогулок и употребления чистой воды в более обеспеченных группах (табл. 7).

Заключение

Исследование подтвердило, что забота о здоровье лиц старшего возраста формируется под влиянием материальных возможностей и субъективного восприятия ответственности. Хотя большинство пожилых людей осознают важность личной ответственности за здоровье, их реальные практики заботы о здоровье различаются в зависимости от уровня доходов. Более обеспеченные пожилые люди имеют больше возможностей для инвестирования в своё здоровье, что положительно сказывается на их самооценке здоровья и степени заботы о нём, тогда как малообеспеченные группы ограничены базовыми практиками. Однако даже при ограниченных доходах ответственность личности остаётся фактором, стимулирующим здоровьесбережение. Это требует комбинированных мер: повышения доступности медицинских услуг и реализации

информационно-просветительских проектов, формирующих установки на активное долголетие. Важно помнить, что высокая степень личной ответственности и заботы о здоровье не всегда гарантирует лучшее состояние здоровья, так как на него влияют множественные внешние факторы, включая доступность и качество медицинских услуг. Полученные результаты подчёркивают, что успешная социальная политика должна учитывать как экономические, так и поведенческие аспекты заботы о здоровье пожилых.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №23-78-10128, https://rscf.ru/project/23-78-10128/).

Acknowledgements

The study was funded by the Russian Science Foundation, the grant No. 23-78-10128 (https://rscf.ru/project/23-78-10128/).

Список источников

Антонов, А. И., Назарова, И. Б., Карпова, В. М., Ляликова, С. В. (2023). Порог наступления старости: объективные признаки и субъективное восприятие. *Народонаселение, 26* (3), 131–143. https://doi.org/10.19181/population.2023.26.3.11

Бобков, В. Н., Бобкова, Т. е., Вершинина, М. А., Гулюгина, А. А., Золотов, А. В., Колмаков, И. Б., Локтюхина, Н. В., Лютов, Н. Л., Назарова, У. А., Одинцова, Е. В., Шамаева, Е. Ф., Черных, Е. А., Юдина, М. А. (2022). *Уровень и качество жизни населения России: от реальности к проектированию будущего.* Москва: ФНИСЦ РАН, 274. EDN: WOQAYF

Галкин, К. А. (2023). Стратегии сохранения индивидуального здоровья пожилых людей: городской и сельский контексты. *Социологическая наука и социальная практика, 11* (1), 157–172. https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.1.9

Иванова, А. Е. (2013). Потребность населения в долголетии и степень её реализации. *Социологические исследования, 2,* 120–129. EDN: PWUQRJ

Канева, М. А., Байдин, В. М. (2019). Неравенство в доходе и самооценка здоровья в России. *ЭКО, 12,* 105–123. https://doi.org/10.30680/ECO0131765220191210512 3

Карцева, М. А., Кузнецова, П. О. (2023). Здоровье, доходы, возраст: эмпирический анализ неравенства в здоровье населения России. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, 2,* 160–185. https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2355

Колпина, Л. В., Бояринова, И. В., Вангородская, С. А. (2020). Некоторые аспекты субъективной детерминации здоровья представителей старших возрастных групп. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право, 45* (4), 644–654. https://doi.org/10.18413/2712-746X-2020- 45-4-644-654

Короленко, А. В. (2018). Модели самосохранительного поведения населения: подходы к изучению и опыт построения. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз, 11* (3), 248–263. https://doi.org/10.15838/esc.2018.3.57.16

Короленко, А. В. (2021). Здоровьесберегательные установки как фактор самосохранительного поведения: подходы к изучению и опыт типологии. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз, 14* (4), 59–76. https://doi.org/10.15838/esc.2021.4.76.4

Короленко, А. В. (2024). Забота о здоровье населения с разными типами установок на долголетие. *Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта, 2.* http://hpcas.ru/article/view/15374/13052 (дата обращения: 03.02.2025). https://doi.org/10.14258/zosh(2024)2.01

Локосов, В. В., Ярашева, А. В., Александрова, О. А. (2024). Факторы формирования основ самосохранительного поведения населения. *Народонаселение, 27* (1), 192–205. https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-1-192-205

Evandrou, M., Falkingham, J., Feng, Z., Vlachantoni, A. (2014). Individual and province inequalities in health among older people in China: evidence and policy implications. *Health & Place, 30,* 134–144. https://doi.org/10.1016/j.healthplace.2014.08.009

Chen, F., Yang, Y., Liu, G. (2010). Social change and socioeconomic disparities in health over the life course in china: a cohort analysis. *American Sociological Review, 75* (1), 126–150. https://doi.org/10.1177/0003122409359165

References

Antonov, A. I., Nazarova, I. B., Karpova, V. M., & Lyalikova, S. V. (2023). Threshold of old age: objective signs and subjective perception. *Narodonaselenie [Population], 26* (3), 131–143. https://doi.org/10.19181/population.2023.26.3.11 (in Russ.)

Bobkov, V. N., Bobkova, T. E., Vershinina, M. A., Gulyugina, A. A., Zolotov, A. V., Kolmakov, I. B., Loktyukhina, N. V., Lyutov, N. L., Nazarova, U. A., Odintsova, E. V., Shamaeva, E. F., Chernykh, E. A., & Yudina, M. A. (2022). *Uroven' i kachestvo zhizni naseleniya Rossii: ot real'nosti k proektirovaniyu budushchego [The Standard and Quality of Life of the Population of Russia: from Reality to Designing the Future]*. Moscow: FCTAS RAS, 274. EDN: WOQAYF (in Russ.)

Chen, F., Yang, Y., & Liu, G. (2010). Social change and socioeconomic disparities in health over the life course in china: a cohort analysis. *American Sociological Review, 75* (1), 126–150. https://doi.org/10.1177/0003122409359165

Galkin, K. A. (2023). Strategies for maintaining the individual health of the elderly: urban and rural contexts. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika, 11* (1), 157–172. https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.1.9 (in Russ.).

Ivanova, A. E. (2013). The population's need for longevity and the degree of its implementation. *Sotsiologicheskie issledovaniya, 2,* 120–129. EDN: PWUQRJ (in Russ.)

Kaneva, M. A., & Baidin, V. M. (2019). Income inequality and self-assessed health in Russia. *EKO [ECO], 12,* 105–123. https://doi.org/10.30680/ECO0131765220191210512 3 (In Russ.)

Evandrou, M., Falkingham, J., Feng, Z., & Vlachantoni, A. (2014). Individual and province inequalities in health among older people in China: evidence and policy implications. *Health & Place, 30,* 134–144. https://doi.org/10.1016/j.healthplace.2014.08.009

Kartseva, M. A., & Kuznetsova, P. O. (2023). Health, income, age: empirical analysis of health inequality in Russia. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 2,* 160–185. https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2355 (In Russ.)

Kolpina, L. V., Boyarinova, I. V., & Vangorodskaya, S. A. (2020). Some aspects of subjective determination of the health of older age groups. *NOMOTHETIKA: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo [NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law], 45* (4), 644–654. https://doi.org/10.18413/2712-746X-2020-45-4-644-654 (In Russ.)

Korolenko, A. V. (2018). Patterns of population's self-preservation behavior: research approaches and building experience. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 11* (3), 248–263. https://doi.org/10.15838/esc.2018.3.57.16 (in Russ.)

Korolenko, A. V. (2021). Health-saving attitudes as a factor promoting self-preservation behavior: approaches to the study and experience in typology. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty,*

tendentsii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 14(4), 59–76. https://doi.org/10.15838/esc.2021.4.76.4 (in Russ.)

Korolenko, A. V. (2024). Care of health of the population with different types of longevity settings. *Zdorov'e cheloveka, teoriya i metodika fizicheskoy kul'tury i sporta [Health, Physical Culture and Sports], 2*. https://hpcas.ru/article/view/15374/13052 (Accessed: 03.02.2025). https://doi.org/10.14258/zosh(2024)2.01 (In Russ.)

Lokosov, V. V., Yarasheva, A. V., & Aleksandrova, O. A. (2024). Factors forming the foundations for self-preservation behavior of the population. *Narodonaselenie [Population], 27*(1), 192–205. https://doi.org/10.24412/1561–7785–2024–1–192–205 (in Russ.)

Белехова Галина Вадимовна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, ФГБУН Вологодский научный центр Российской академии наук; https://orcid.org/0000-0003-6373-9043 (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а; e-mail: belek-galina@yandex.ru).

Galina V. Belekhova — PhD (Econ.), senior researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences; https://orcid.org/0000-0003-6373-9043 (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: belek-galina@yandex.ru).

УДК 331.526
JEL classification: J11, R23
https://www.doi.org/10.17059/udf-2025-2-5

Перспективы развития рынка труда Свердловской области в условиях демографического старения[1]

Д.В. Буглак [а], О.А. Козлова [б]

[а, б] Институт экономики УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия)

[а] https://orcid.org/0009-0005-3847-7618

[б] https://orcid.org/0000-0002-0448-3519

Автор для корреспонденции: Д.В. Буглак (glen1892@yandex.ru)

Аннотация. *Объектами исследования выступили население и рынок труда Свердловской области. Предмет исследования — показатели, характеризующие демографическое положение и кадровую потребность рынка труда региона. В ходе исследования были проанализированы масштабы и динамика демографических показателей и показателей кадровой потребности Свердловской области; определен уровень демографического старения населения Свердловской области; дан прогноз изменения численности населения трудоспособного возраста региона в долгосрочной перспективе; показаны возможные инструменты решения проблемы дефицита кадров региона.*

Ключевые слова: демографическое старение; дефицит кадров; рынок труда; население трудоспособного возраста; Свердловская область.

Prospects for the Development of the Labor Market in the Sverdlovsk Region in the Context of Demographic Aging

D. Buglak [a], O. Kozlova [b]

[a, b] Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia).

[a] https://orcid.org/0009-0005-3847-7618

[b] https://orcid.org/0000-0002-0448-3519

Corresponding author: D. Buglak (glen1892@yandex.ru)

Abstract. *The objects of the study were the population and labor market of the Sverdlovsk region. The subject of the study is the indicators characterizing the demographic situation and personnel needs of the regional labor market. The study analyzed the scale and dynamics of demographic indicators and indicators of personnel needs of the Sverdlovsk region; determined the level of demographic aging of the population of the Sverdlovsk region; gave a forecast of changes in the number of the working-age population of the region in the long term; showed possible tools for solving the problem of labor shortage in the region.*

Keywords: demographic aging; personnel shortage; labor market; working-age population; Sverdlovsk region.

Введение

Демографические процессы напрямую влияют на состояние экономики, темп и вектор ее развития. Влияние демографии наиболее характерно для рынка труда, дефицита или профицита кадров в экономике региона. Характерный для России в целом и для Свердловской области в частности процесс демографического старения демонстрирует определенные вызовы, такие как сокращение населения

[1] © Буглак Д. В., Козлова Е. А. Текст. 2025.

трудоспособного возраста, а соответственно и базы занятых в экономике; необходимость расширения границ трудового возраста и привлечение (удержание) в экономике людей старшего поколения; необходимость социально-экономических преобразований и изменение подходов государства и бизнеса в области увеличения производительности труда, обусловленная дефицитом кадров региона.

Сформированная процессами демографического старения проблематика дефицита кадров в Свердловской области требует развернутого изучения демографической ситуации и положения на рынке труда региона с целью прогнозирования трендов динамики кадрового дефицита, выявления кризисных периодов и формулирования подходов по их преодолению.

Обзор литературы

Вопросы демографического старения населения активно описываются в научной литературе, данная тематика не нова и характерна как для России, так и для многих зарубежных стран. Так Л.Е. Гринин, А.Л. Гринин, А.В. Коротаев (Гринин и др., 2023) показывают, что «демографическое старение населения многих стран мира уже давно является реальностью и в дальнейшем тем более будет являться важнейшим процессом и фактором XXI в. (а также по крайней мере первых десятилетий XXII в.), то есть на ближайшие 100 лет или более».

В том же направлении высказываются Е.Б. Анищенко, Л.В. Транковская, А.А. Важенина, Г.А. Тарасенко, говоря, что «старение населения обусловлено совокупностью историко-эволюционных факторов и наблюдается в условиях достаточно высокого экономического, социального, научно-технического и культурного развития общества. При этом старение населения — это глобальное явление, которое в основном связано со снижением показателей смертности и фертильности» (Анищенко и др., 2022). Также А.В. Топилин, Г.В. Ниорадзе, Т.С. Хроленко, рассматривая проблемы демографического старения в глобальном плане, утверждают, что «процессы социально-экономического развития общества напрямую сопряжены с демографическим старением, которое сопровождается ростом демографической нагрузки на население трудоспособного возраста» (Топилин и др., 2022). Т.И. Гуляева, Е.В. Такмакова, В.И. Савкин (Гуляева и др., 2023), рассматривая демографическую ситуацию в России, также приходят к выводу о демографическом старении населения.

В числе многих следствий демографического старения населения особо важное место занимает влияние этого процесса на рынок труда, так, «исследования А.Г. Вишневского, В.В. Елизарова, А.Я. Кваши, В. Костакова, В.Я. Митрофанова, В.В. Радаева и др. доказали взаимосвязь рынка труда и демографических процессов, которые включают процессы воспроизводства населения, его тип, смену поколений, уровень рождаемости, смертности, половозрастной состав и семейную структуру. В ряде исследований рассматривается зависимость экономического развития, демографии и трудовых ресурсов», утверждают В.И. Кондратьева, О.М. Тарасова-Сивцева (Кондратьева & Тарасова-Сивцева, 2023). В свою очередь, О.А. Козлова, М.Н. Макарова в своей работе (Козлова, Макарова, 2022) приходят к заключению, что основой трудового потенциала является демографическая составляющая. Также О.А. Козлова, О.О. Секицки-Павленко в исследовании делают

вывод о том, что «с точки зрения практической реализации наибольшую популярность имеет концепция активного старения, происходит изменение отношения к старости в обществе, проводятся попытки эффективно использовать потенциал старших поколений» (Козлова & Секицки-Павленко, 2022). Со схожих позиций выступает ряд отечественных ученых, таких как В.Г. Доброхлеб (Доброхлеб, 2022), Е.В. Васильева, А.В. Васильева (Васильева, Васильева, 2022), С.В. Рязанцев, Г.В. Ниорадзе (Рязанцев & Ниорадзе, 2022), В.В. Аранжин, Е.В. Нехода (Аранжин &Нехода, 2022), рассматривая в своих исследованиях процессы демографического старения скорее как потенциал, нежели как препятствие темпам экономического роста и роста благосостояния населения. Однако они же утверждают о необходимости создания и наладке социально-экономических механизмов, позволяющих продлевать трудоспособный возраст населения.

В то же время, но уже рассматривая проблематику рынка труда России, в частности проблематику образовавшегося системного кадрового дефицита, ряд отечественных ученых: О.А. Колесникова, Е.В. Маслова, И.В. Околелых (Колесникова и др., 2023), А.В. Кашепов (Кашепов, 2024), И.Г. Носырева, Н.А. Белобородова (Носырева & Белобородова, 2023) —заключают одной из главных причин дефицита, со стороны предложения на рынке труда, именно демографический кризис.

В итоге можно сделать вывод, что в научной литературе активно исследуется и подтверждается процесс демографического старения и его прямое влияние на дефицит кадров на рынке труда России.

Материалы и методы

В рамках анализа используются показатели, характеризующие состояние рынка труда, такие как численность населения трудоспособного возраста, уровень зарегистрированной безработицы, занятость населения, численность безработных граждан, число вакантных мест.

В исследовании применяются следующие методы: сравнительный анализ, оценка динамики, расчет средних и относительных величин, системный, экспертный анализ.

В информационную базу исследования вошли данные официальной статистики (в частности, данные Росстата и Свердловскстата), нормативно-правовые акты органов государственной власти, данные аналитических отчетов Центра занятости населения Свердловской области, экспертные оценки, полученные авторами. Период исследования — 2019–2024 гг., что позволит учесть современные факторы формирования рынка труда, включающие период экономической турбулентности.

Результаты

«Свердловская область представляет классический старопромышленный регион страны» (Антипин & Шишкина, 2023), в котором сосредоточены критически важные отрасли экономики России, такие как металлургия, машиностроение, добыча полезных ископаемых. Регион входит в пятерку крупнейших по числу населения. Согласно данным Свердловскстата, численность населения Свердловской области в период с 2019 по 2024 г. сократилась на 2,14 % (в абсолютных цифрах это 92500 человек) и составила 4222695 человек, из них 3626345 человек (85,88 %)

относятся к городскому населению, 596350 человек (14,12 %) — к сельскому. Общий коэффициент рождаемости в 2024 г. (по данным за январь-октябрь, Свердловскстат) составил 8,9, что на 0,3 меньше аналогичного периода прошлого года. В то же время, коэффициент смертности за аналогичный период, напротив, увеличился в 2024 г. на 0,6 и составил 13,8. Миграционный прирост в период с 2019 г. по октябрь 2024 составил 23568 человек. Данные показатели говорят о систематическом сокращении населения региона.

Определение уровня демографического старения населения возможно с помощью различных методик. «С точки зрения экономического подхода — это граница трудоспособного возраста (до 2019 г. в России 55 лет — для женщин, 60 лет — для мужчин, далее до 2028 г. границы возраста будут поэтапно расширены до 60 и 65 лет соответственно). Всемирная организация здравоохранения считает пожилыми людей старше 60 лет, ООН границей старости признан возраст 65 лет и старше. Далее для интерпретации значения используется ряд шкал в зависимости от доли пожилого населения в общей численности населения. Наиболее популярна шкала Ж. Божё-Гарнье — Э. Россета, по которой демографическая старость начинается с того момента, когда доля лиц в возрасте 60 лет и старше в населении преодолевает порог, равный 12 %. Разработанная ООН шкала данный порог устанавливает в 7 % для населения в возрасте 65 лет и старше» (Доброхлеб, Кондакова, 2022). По данным Свердловскстата, в 2024 г. численность населения Свердловской области в возрасте 60+ составила 1007340 человек, что составляет 23,9 % от всего населения региона, данный показатель говорит об очень высоком уровне демографической старости в регионе.

Численность населения трудоспособного возраста (в него входят 2019 г. и ранее — мужчины в возрасте 16–59 лет, женщины — 16–54 года; 2020, 2021 гг. — мужчины в возрасте 16–60 лет, женщины — 16–55 лет; 2022, 2023 гг. — мужчины в возрасте 16–61 год, женщины — 16–56 лет; 2024 г. — мужчины в возрасте 16–62 года, женщины — 16–57 лет) Свердловской области в период 2019–2024 гг. выросла на 2,38 % и достигла 2401652 человека в 2024 г. Изменение динамики данного показателя в наблюдаемом периоде противоречит общему тренду на снижение численности населения, это объясняется реализацией пенсионной реформы 2018 г., постепенное увеличение пенсионного возраста привело к увеличению численности рабочей силы ранее не учитываемых возрастов.

Свердловская область — регион, активно развивающий и наращивающий производство в рамках развития программы «Промышленного суверенитета» и растущего гособоронзаказа. Потребность экономики в кадрах значима и очень высока. Так, произошло увеличение численности занятых в экономике региона (лица в возрасте 15 лет и старше, которые в обследуемую неделю выполняли любую деятельность, связанную с производством товаров или оказанием услуг за оплату или прибыль) порядка 2,3 % относительно 2019 г., что составило 2083,9 тыс. чел. в 2023 г. (за 1 полугодие 2024 г. численность занятых составила 2077,1 тыс. чел.). Данные изменения произошли в первую очередь за счет резкого снижения числа безработных (по методике МОТ). В период 2019–2023 гг. численность безработных в Свердловской области снизилась на 43,62 % и составила 50,4 тыс. чел. (за 1 полугодие 2024 г. численность безработных составила 44,1 тыс. чел., снижение составило

50,67 %). В то же время, дефицит кадров в экономике региона растёт, по данным Департамента по труду и занятости населения Свердловской области, в 2024 г. дефицит кадров (незакрытый спрос на рабочую силу, равный разнице числа заявленных вакансий и числа признанных безработных в регионе в отчетном периоде) составил 39,4 тыс. вакантных мест, что на 236 % больше аналогичного показателя 2019 г.

Таким образом, можно определить и показать динамику необходимого числа занятых в экономике региона с учетом дефицита кадров и полного использования потенциала зарегистрированных безработных (рис. 1). Данный показатель определяется суммой численности занятых в экономике региона и числа востребованных (незакрытых) вакантных мест.

Исходя из анализа данных, можно наблюдать рост необходимого числа работников в экономике региона на 4,15 % в 2023 г. (на 1 полугодие 2024 г. рост составил

** численность занятых в 2024 году показана за 1 полугодие*

Рис. 1. *Динамика потребности в кадрах Свердловской области, тыс. чел. (источник: Анализ профессиональной структуры безработицы в Свердловской области за январь-декабрь 2019 года, Анализ профессиональной структуры безработицы в Свердловской области за январь-декабрь 2020 года, Анализ профессиональной структуры безработицы в Свердловской области за январь-декабрь 2021 года, Анализ профессиональной структуры безработицы в Свердловской области за январь-декабрь 2022 года, Анализ профессиональной структуры безработицы в Свердловской области за январь-декабрь 2023 года, Анализ профессиональной структуры безработицы в Свердловской области за январь-декабрь 2024 года. Департамент по труду и занятости населения Свердловской области. URL: https://www.szn-ural.ru/content/информирование_о_положении_на_рынке_труда_в_свердловской_области (дата обращения: 01.02.2025). Численность рабочей силы, занятых и безработных в Свердловской области в 2019–2023 гг., Численность рабочей силы, занятых и безработных в Свердловской области в 2023–2024 гг. Управление Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области. URL: https://66.rosstat.gov.ru/folder/29692 (дата обращения: 01.02.2025))*

3,4 %) относительно 2019 г. Также просматривается некая ступенчатая динамика роста показателей на протяжении всего рассматриваемого периода 2019–2024 гг., за исключением резкого спада 2020 г., вызванного пандемией коронавируса. Просматривается восходящий тренд с постепенным увеличением разрыва между показателями необходимого числа работников и занятых в экономике региона, обусловленный как экономическими, так и демографическими показателями.

Для более точного понимания долгосрочного тренда динамики потребности в кадрах Свердловской области необходимо рассмотреть динамику численности населения региона трудоспособного возраста. Свои корректировки в методику подсчета данного среза населения, путем поэтапного расширения верхней границы трудоспособного возраста, внесла пенсионная реформа 2018 г.[1] (табл. 1).

По итогам анализа данных Свердловскстата о половозрастной структуре населения Свердловской области за 2018–2024 гг. была спрогнозирована динамика изменения численности трудоспособного населения региона (рис. 2). На основании имеющихся фактических значений половозрастной структуры населения Свердловской области за 2018–2024 гг. были определены средние коэффициенты изменения численности населения до трудоспособного возраста (составил –0,06 %) и трудоспособного возраста (составил –0,56 %), данные коэффициенты были применены для расчета прогнозных значений.

Как видно из представленного выше рисунка, данная динамика имеет на своем протяжении, особенно говоря о прогнозной части, три различных характера движения значений:

1. Скачкообразный, компенсирующий рост (на промежутке 2019–2028 гг.), обусловлен изменениями методики расчета численности населения трудоспособного возраста (увеличение проходит поэтапно, каждые 2 года с 2020 по 2028 гг.);

2. Плавный, поступательный рост (на промежутке 2029–2033 гг.), обусловлен вступлением в трудовой возраст поколений начала и середины 2010-х годов, для которых характерна высокая численность рожденных;

3. Системный, прогрессирующий спад (на промежутке 2034–2040 гг.), обусловлен вступлением в трудовой возраст поколений конца 2010-х и начала годов 2020-х годов, для которых характерна низкая численность рожденных.

Экстраполируя полученные демографические данные на показатели рынка труда Свердловской области, начиная со второй половины 2030-х годов, ожидается ужесточение кризиса дефицита кадров в экономике Свердловской области, обусловленное системным сокращением численности населения трудоспособного возраста в регионе.

Обсуждение

Вопрос закрытия кадрового дефицита в экономике имеет две природы решения: демографическую и экономическую. В рамках демографии возможны следующие инструменты:

[1] Федеральный закон от 03.10.2018 №350-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru /Document/View/0001201810030028 (дата обращения: 01.02.2025).

Таблица 1

Изменение численности населения трудоспособного возраста Свердловской области вследствие пенсионной реформы 2018 г. (тыс. чел.)

Года	Границы трудоспособного возраста для мужчин	Границы трудоспособного возраста для женщин	Численность населения трудоспособного возраста Свердловской области
2019	от 16 до 59 лет	от 16 до 54 лет	2345,9
2020	от 16 до 60 лет	от 16 до 55 лет	2384,6
2021	от 16 до 60 лет	от 16 до 55 лет	2364,6
2022	от 16 до 61 года	от 16 до 56 лет	2399,9
2023	от 16 до 61 года	от 16 до 56 лет	2368,6
2024	от 16 до 62 лет	от 16 до 57 лет	2401,7
2025	от 16 до 62 лет	от 16 до 57 лет	2403,5
2026	от 16 до 63 лет	от 16 до 58 лет	2451,7
2027	от 16 до 63 лет	от 16 до 58 лет	2457,2
2028	от 16 до 64 лет	от 16 до 59 лет	2514,2

Источник: Численность населения Свердловской области по полу и возрастным группам на 1 января 2018–2024 гг. Управление Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области. URL: https://66.rosstat.gov.ru/folder/29698 (дата обращения: 01.02.2025)

Рис. 2. *Динамика изменения численности населения трудоспособного возраста Свердловской области, тыс. чел. (источник: Численность населения Свердловской области по полу и возрастным группам на 1 января 2018–2024 гг. Управление Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области. URL: https://66.rosstat.gov.ru/folder/29698 (дата обращения: 01.02.2025))*

1. Закрытие кадровой потребности за счет миграционного прироста населения — в условиях современной миграционной политики, ее реформации, экономике региона необходим стабильный, значимый приток квалифицированных, востребованных в экономике региона кадров. Однако накладываются определенные ограничения: при внутрироссийской миграции происходит перетягивание трудовых ресурсов из одного региона в другой, что не решает, а может даже усугубить общероссийскую проблему кадрового дефицита; при привлечении иностранной рабочей силы возникают проблемы социальной напряженности

и технологической безопасности (закрытие кадровой потребности на многих предприятиях ОПК невозможно за счет иностранной рабочей силы).

2. Увеличение числа занятых в экономике за счет населения старше трудоспособного возраста — данный инструмент имеет слабую эффективность без решения ряда социально-экономических проблем, таких как здоровье и здравоохранение, повышение квалификации и обучение новым технологиям и оборудованию, проблемы ухода за родными и т. д. Во многих отраслях экономики, где это наиболее возможно (здравоохранение, образование, торговля) данный инструмент уже активно применяется, но во многих отраслях, связанных с тяжелым или вредным производством, данный инструмент слабоприменим.

С экономической стороны вопрос дефицита кадров решается за счет повышения производительности труда, тем самым снижая потребность в рабочей силе, не снижая экономических показателей. Использование данного инструмента давно назрело и требует системного переосмысления государством и бизнесом подходов к организации производства, а также значительных инвестиций в НИОКР и перевооружения основных средств. В Свердловской области, по данным Росстата за 2019–2022 гг., индекс производительности труда снизился со 101 % (в 2019 г.) до 100,1 % (в 2022 г.), что говорит о стагнации в области производительности труда в регионе в рассматриваемый период.

Заключение

В данном исследовании были проанализированы масштаб и динамика демографических показателей и показателей кадровой потребности Свердловской области; дан прогноз изменения численности населения трудоспособного возраста региона в долгосрочной перспективе; показаны возможные инструменты решения проблемы дефицита кадров региона. Установлен уровень демографического старения Свердловской области как очень высокий. Представлен прогноз ужесточения кризиса дефицита кадров в экономике Свердловской области, обусловленный системным сокращением численности населения трудоспособного возраста в регионе. Даны инструменты решения выявленной проблемы, основным из которых является повышение производительности труда.

Благодарность

Статья подготовлена в соответствии с планом НИР по гос. заданию Института экономики УрО РАН на 2024–2026 гг. №0327-2024-0009 «Механизмы регулирования экономического поведения населения в условиях структурных изменений».

Acknowledgements

The article has been prepared in the framework of the state task to the Institute of Economics of the Ural Branch of RAS for 2024–2026№0327-2024-0009 «Mechanisms for regulating the economic behavior of the population in the context of structural changes.»

Список источников

Анищенко, Е. Б., Транковская, Л. В., Важенина, А. А., Тарасенко Г. А. (2022). Состояние здоровья как фактор, влияющий на трудовую деятельность работающих лиц пожилого возраста *Медицина труда и промышленная экология, 62* (5), 311–321. http://doi.org/10.31089/1026-9428-2022-62-5-311-321 EDN: BRJTNG

Антипин, И. А., Шишкина, Е. А. (2023). Кадровая безопасность старопромышленного региона: оценки, динамика. *Технико-технологические проблемы сервиса, 4* (66), 111–117. EDN: VQVPIE

Аранжин, В. В., Нехода, Е. В. (2022). Формирование политики эффективной занятости в условиях трансформации рынка труда. *Социально-трудовые исследования, 1* (46), 36–54. http://doi.org/10.34022/2658-3712-2022-46-1-36-54 EDN: PAKKBP

Васильева, Е. В., Васильева, А. В. (2022). Демографические исследования в контексте потенциала развития и экономической безопасности территории. *Экономика региона, 18* (1), 1–20. http://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-1-1 EDN: BEKDOK

Гринин, Л. Е., Гринин, А. Л., Коротаев, А. В. (2023). Глобальное старение как интегральная проблема будущего. *Социологический журнал, 29* (2), 110–131. http://doi.org/10.19181/socjour.2023.29.2.6 EDN: EVOAVQ

Гуляева, Т. И., Такмакова, Е. В., Савкин, В. И. (2023). Социально-экономические факторы воспроизводства населения в России и в разрезе федеральных округов страны. *Статистика и экономика, 20* (2), 4–12. http://doi.org/10.21686/2500-3925-2023-2-4-12 EDN: LLJZRE

Доброхлеб, В. Г. (2022). Демографическое старение в России и новая социальная реальность. *Народонаселение, 25* (2), 66–76. http://doi.org/10.19181/population.2022.25.2.6 EDN: SCLQUP

Доброхлеб, В. Г., Кондакова, Н. А. (2022). Типологизация и социально-экономические аспекты формирования демографического старения населения регионов России. *Проблемы развития территории, 26* (4), 98–110. http://doi.org/10.15838/ptd.2022.4.120.7 EDN: NWTBQC

Кашепов, А. В. (2024). Рынок труда и занятость в России в 2000–2024 гг. *Социально-трудовые исследования, 4* (57), 43–52. http://doi.org/10.34022/2658-3712-2024-57-4-43-52 EDN: KFGIFM

Козлова, О. А., Макарова, М. Н. (2022). Оценка демографических потерь трудового потенциала региона. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент, 16* (2), 64–72 http://doi.org/10.14529/em220206 EDN: IBJDTZ

Козлова, О. А., Секицки-Павленко, О. О. (2022). Теоретические основания определения возрастных границ и возрастной структуры населения в контексте демографического старения. *AlterEconomics, 19* (3), 442–463. http://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2022.19-3.3 EDN: LMYFPM

Колесникова, О. А., Маслова, Е. В., Околелых, И. В. (2023). Кадровый дефицит на современном рынке труда России: проявления, причины, тренды, меры преодоления. *Социально-трудовые исследования, 4* (53), 179–189 http://doi.org/10.34022/2658-3712-2023-53-4-179-189 EDN: DLOSFN

Кондратьева, В. И., Тарасова-Сивцева, О. М. (2023). Воздействие демографических факторов на трудовые ресурсы северных регионов ресурсного типа. *Север и рынок: формирование экономического порядка, 26:2* (80), 146–159. http://doi.org/10.37614/2220-802X.2.2023.80.010 EDN: GWDCSW

Носырева, И. Г., Белобородова, Н. А. (2023). Стратегическое управление персоналом в условиях трудодефицитной конъюнктуры на рынке труда. *Экономика труда, 10* (11), 1719–1738. http://doi.org/10.18334/et.10.11.119826 EDN: MAEDAD

Рязанцев, С. В., Ниорадзе, Г. В. (2022). Трудовой потенциал старшего поколения: межрегиональный анализ. *Уровень жизни населения регионов России, 18* (1), 107–119. http://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.1.9 EDN: ETUXLB

Топилин, А. В., Ниорадзе, Г. В., Хроленко, Т. С.(2022). Миграция населения и демографическое старение в некоторых странах мира и России за период 1960–2021 гг. *Научные*

труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, 20, 302–319. http://doi.org/10.47711/2076-318-2022-302-319 EDN: HIMPQG

References

Anishchenko, E. B., Trankovskaya, L. V., Vazhenina, A. A., Tarasenko, G. A. (2022). Health status as a factor influencing the work activity of older workers *Medicina truda i promy`shlennaya e`kologiya [Russian Journal of Occupational Health And Industrial Ecology], 62* (5), 311–321. http://doi.org/10.31089/1026-9428-2022-62-5-311-321 EDN: BRJTNG (In Russ.)

Antipin, I. A. Shishkina, E. A. (2023). Personnel security in the old industrial region: estimates, dynamics. *Texniko-texnologicheskie problemy` servisa [Technical and technological problems of service], 4* (66), 111–117. EDN: VQVPIE (In Russ.)

Aranjin, V. V. Nekhoda, E. V. (2022). Formation of effective employment policy in the context of labor market transformation. *Social`no-trudovy`e issledovaniya [Social & Labor Research], 1* (46), 36–54. http://doi.org/10.34022/2658-3712-2022-46-1-36-54 EDN: PAKKBP (In Russ.)

Dobrokhleb, V. G. (2022). Demographic aging in Russia and the new social reality. *Narodonaselenie [Population], 25* (2), 66–76 http://doi.org/10.19181/population.2022.25 .2.6 EDN: SCLQUP (In Russ.)

Dobrokhleb, V. G., Kondakova, N. A. (2022). Typologization and socio-economic aspects of the formation of demographic aging of the population of Russian regions. *Problemy` razvitiya territorii [Problems of Territory's Development], 26* (4), 98–110. http://doi.org/10.15838/ptd.2022.4.120.7 EDN: NWTBQC (In Russ.)

Grinin, L. E., Grinin, A. L., Korotaev, A.V. (2023). Global aging as an integral problem of the future. *Sociologicheskij zhurnal [Sociological Journal], 29* (2), 110–131. http://doi.org/10.19181/socjour.2023.29.2.6 EDN: EVOAVQ (In Russ.)

Gulyaeva, T. I., Takmakova, E. V., Savkin, V. I. (2023). Socio-economic factors of population reproduction in Russia and in the context of the country's federal districts. *Statistika i E`konomika [Statistics and Economics], 20* (2), 4–12. http://doi.org/10.21686/2500-3925-2023-2-4-12 EDN: LLJZRE (In Russ.)

Kashepov, A.V. (2024).Labor market and employment in Russia in 2000–2024 *Social`no-trudovy`e issledovaniya [Social & Labor Research], 4* (57), 43–52. http://doi.org/10.34022/2658-3712-2024-57-4-43-52 EDN: KFGIFM (In Russ.)

Kolesnikova, O. A., Maslova, E. V., Okolelykh, I. V. (2023). Personnel shortage in the modern Russian labor market: manifestations, causes, trends, and coping measures *Social`no-trudovy`e issledovaniya [Social & Labor Research], 4* (53), 179–189 http://doi.org/10.34022/2658-3712-2023-53-4-179-189 EDN: DLOSFN (In Russ.)

Kondratieva, V. I., & Tarasova-Sivtseva, O. M. (2023). The impact of demographic factors on the labor resources of the northern resource-type regions. *Sever i ry`nok: formirovanie e`konomicheskogo poryadka [The North and the Market: Forming the Economic Order], 26:2* (80), 146–159. http://doi.org/10.37614/2220-802X .2.2023.80.010 EDN: GWDCSW (In Russ.)

Kozlova, O. A., & Makarova, M. N. (2022). Assessment of the demographic losses of labor potential in a region. Vestnik Yuzhno-Ural`skogo gosudarstvennogo universiteta. *Seriya: E`konomika i menedzhment [Bulletin of the South Ural State University. Series: Economics and Management], 16* (2), 64–72 http://doi.org/10.14529/em220206 EDN: IBJDTZ (In Russ.)

Kozlova, O. A., & Sekicki-Pavlenko, O. O. (2022). Theoretical foundations for determining age boundaries and the age structure of the population in the context of demographic aging. *AlterEconomics, 19* (3), 442–463. http://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2022.19-3.3 EDN: LMYFPM (In Russ.)

Nosyreva, I. G. & Beloborodova, N. A. (2023). Strategic personnel management in a labor-deficient labor market environment. *E`konomika truda [Russian Journal of Labor Economics], 10*(11), 1719–1738. http://doi.org/10.18334/et.10.11.119826 EDN: MAEDAD (In Russ.)

Ryazantsev, S. V., Nioradze, G. V. (2022). The labor potential of the older generation: an interregional analysis. *Uroven` zhizni naseleniya regionov Rossii [Living Standards of the Population in the Regions of Russia], 18*(1), 107–119. http://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.1.9 EDN: ETUXLB

Topilin, A.V., Nioradze, G. V., Khrolenko, T. S.(2022). Population migration and demographic aging in some countries of the world and Russia in the period 1960–2021. *Nauchny`e trudy`: Institut narodnoxozyajstvennogo prognozirovaniya RAN [Scientific Articles - Institute of Economic Forecasting Russian Academy of Sciences], 20,* 302–319. http://doi.org/10.47711/2076-318-2022-302-319 EDN: HIMPQG (In Russ.)

Vasilyeva, E. V., Vasilyeva, A.V. (2022). Demographic research in the context of the development potential and economic security of the territory. *E`konomika regiona [Economy of Regions], 18*(1), 1–20. http://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-1-1 EDN: BEKDOK (In Russ.)

Буглак Дмитрий Викторович — аспирант, Институт экономики УрО РАН; https://orcid.org/0009-0005-3847-7618 (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: glen1892@yandex.ru).

Козлова Ольга Анатольевна — доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра исследований социоэкономической динамики, Институт экономики УрО РАН; https://orcid.org/0000-0002-0448-3519 (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: kozlova.oa@uiec.ru).

Dmitry V. Buglak — postgraduate student, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; https://orcid.org/0009-0005-3847-7618 (29 Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: glen1892@yandex.ru).

Olga A. Kozlova– Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Center for Socio-Economic Dynamics Research, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; https://orcid.org/0000-0002-0448-3519 (29 Moskovskaya str., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: kozlova.oa@uiec.ru).

УДК 314.1, 331.5
JEL classification: J11, J21, E24
https://www.doi.org/10.17059/udf-2025-2-6

Демографическое измерение рынка труда Республики Беларусь и роль демографического дивиденда в экономическом росте[1]

Е.В. Ванкевич [а], О.В. Зайцева [б]

[а,б] Витебский государственный технологический университет (г. Витебск, Республика Беларусь)

[а] https://orcid.org/0000-0001-8064-8250

[б] https://orcid.org/0000-0002-2801-7459

Автор для корреспонденции: О.В. Зайцева (olgazaiitseva@gmail.com).

Аннотация. *В статье анализируется влияние демографических изменений на рынок труда и экономический рост Республики Беларусь. В качестве исходных данных были использованы данные Национального статистического комитета Республики Беларусь и различных международных организаций. Цель работы заключается в определении влияния демографических тенденций на рынок труда Республики Беларусь и оценке роли демографического дивиденда в экономическом развитии страны. Исследовательская гипотеза заключалась в том, что снижение доли трудоспособного населения негативно отражается на экономическом росте. Для тестирования гипотезы и достижения целей статьи были использованы методы регрессионного анализа и статистической обработки информации. В результате был сделан вывод о том, что сложившиеся демографические тенденции в целом негативно влияют на рынок труда, но для экономического роста может быть использован потенциал образовательной структуры населения. Выводы подчеркивают важность эффективной демографической политики, стимулирования рождаемости, привлечения мигрантов и развития регионов.*

Ключевые слова: демографический дивиденд; рынок труда; экономический рост.

Demographic Dimension of the Labor Market in the Republic of Belarus and the Role of Demographic Dividend in Economic Growth

A. Vankevich [a], O. Zaitseva [b]

[a,b] Vitebsk State Technological University (Vitebsk, Belarus).

[a] https://orcid.org/0000-0001-8064-8250

[b] https://orcid.org/0000-0002-2801-7459

Corresponding author: O. Zaitseva (olgazaiitseva@gmail.com).

Abstract. *The article analyzes the impact of demographic changes on the labor market and economic growth in the Republic of Belarus. The data used were obtained from the National Statistical Committee of the Republic of Belarus and various international organizations. The aim of the study is to determine the influence of demographic trends on the labor market in the Republic of Belarus and to assess the role of the demographic dividend in the country's economic development. The research hypothesis posited that a decrease in the share of the working-age population negatively affects economic growth. To test the hypothesis and achieve the objectives of the article, regression analysis methods and statistical data processing were employed. As a result, it was concluded that the prevailing demographic trends negatively impact the labor market as a whole, but the potential of the educational structure of the population can be utilized for economic growth. The findings highlight the importance of effective demographic policies, promoting birth rates, attracting migrants, and developing regions.*

Keywords: demographic dividend; labor market, economic growth.

[1] © Ванкевич Е. В., Зайцева О. В. Текст. 2025.

Введение

Демографическая структура населения представляет собой один из ключевых факторов, оказывающих влияние на экономическое и социальное развитие любой страны. На протяжении последних десятилетий многие страны СНГ, включая Республику Беларусь, демонстрируют устойчивые тенденции демографического спада, характеризующиеся снижением численности населения, старением, миграционными процессами и ухудшением половозрастной структуры населения. Данные изменения влияют на функционирование рынка труда, экономическую активность населения и в целом на экономическое развитие страны, что подтверждается многими исследованиями (Гимпельсон & Капелюшников, 2020; Бонукова & Львовский, 2020; Морозова, 2022; Константинова, 2019 и др.).

Особое внимание в демографических исследованиях (Mason, 2005; Bloom et al., 2003; Калабихина & Казбекова, 2022; Казбекова & Калабихина, 2023; Moreland et al., 2014; Доброхлеб и др., 2022; Денисенко & Козлов, 2018) уделяется анализу так называемого демографического дивиденда — уникального «окна возможностей», возникающего в благоприятные периоды возрастной структуры населения. Демографический дивиденд — это потенциал экономического роста, который может возникнуть в результате изменений в возрастной структуре населения, в основном, когда доля населения трудоспособного возраста превышает долю населения нетрудоспособного возраста[1]. Исследование потенциала демографического дивиденда и его влияния на экономику и рынок труда становится важнейшим шагом в поиске баланса между демографическими вызовами и ресурсами, которые могут быть задействованы для устойчивого развития Республики Беларусь.

Научные исследования белорусских авторов (Артюхин & Пушкевич, 2022; Бонукова & Львовский, 2020; Морозова, 2022; Шахотько & Шахотько, 2018; Боброва и др., 2021; Антипова и др., 2017; Тавпеко & Низовец, 2023) указывают на то, что демографические вызовы Беларуси имеют как внутренние предпосылки (снижение уровня рождаемости, ухудшение здоровья трудоспособного населения, региональные дисбалансы), так и внешние, связанные с миграцией и кризисными процессами в странах-соседях. Ряд авторов отмечают тенденцию увеличения доли трудоспособного населения в численности населения Беларуси в период с 2000 по 2006 г. и рост рождаемости с 2004 г. Однако, несмотря на наличие исследований демографической ситуации в Республике Беларусь, анализа ее влияния на рынок труда и экономический рост страны не проводилось. Поэтому возможности первого демографического дивиденда, связанного с благоприятными возрастными сдвигами, оказались упущенными. Второй возможностью получения демографического дивиденда является использование благоприятных образовательных сдвигов в структуре демографического потенциала страны. Однако исследований, посвященных образовательной компоненте демографического дивиденда, нет.

В рейтинге стран Программы развития ООН по индексу человеческого развития Беларусь в 2023 г. заняла 69-е место (в 2022 г. — 60-е место) из 191 страны, замыкая группу стран с очень высоким уровнем человеческого развития.

[1] United Nations Population Fund. URL: https://www.unfpa.org/demographic-dividend#readmore-expand (дата обращения: 28.01.2024).

За 2000–2021 гг. индекс Беларуси возрос с 0,712 до 0,808, при этом максимальное значение было отмечено в 2016 году (0,818), в течение 2020–2023 гг. произошло снижение. При этом основной «вклад» в отрицательную динамику индекса внес показатель ВВП на душу населения (в долларах США, по паритету покупательной способности) — значение этого показателя в Беларуси в 2023 г. составило 18,425 тыс. долл., что ниже уровня всех стран, вошедших в группу с очень высоким уровнем человеческого развития (для сравнения, в Швейцарии, 1-е место, — 66,433 тыс. долл., в Российской Федерации, 56-е место — 26,9921 тыс. долл.)[1]. То есть Республика Беларусь, имея хороший демографический потенциал (который в расчете данного индекса оценивается по показателям ожидаемой продолжительности жизни при рождении и уровню грамотности населения), использует его недостаточно продуктивно. Эффективное использование образовательной характеристики демографического потенциала может стать источником устойчивого экономического развития белорусской экономики, обеспечения роста производительности труда и качества жизни населения.

Современные изменения демографической структуры требуют анализа в контексте рынка труда для корректировки государственной политики в области рынка труда и занятости. Цель данной работы заключается в определении влияния демографических тенденций на рынок труда Республики Беларусь и оценке роли демографического дивиденда в экономическом развитии страны.

Материалы и методы

Исследование опирается на изучение теоретических и прикладных разработок отечественных и зарубежных авторов по вопросам анализа демографических тенденций, сущности и подходов к оценке демографического дивиденда на различных этапах экономического развития. Методами анализа демографических изменений в Республике Беларусь являются методы дескриптивной статистики на основе данных Национального статистического комитета Республики Беларусь (данных переписей населения 1999 г., 2009 г., 2019 г. и обследования домашних хозяйств по проблемам занятости населения, проводимого в Беларуси по методологии МОТ с 2017 г.), Статистического комитета стран СНГ, Департамента по экономическим и социальным вопросам населения ООН, Всемирного банка. Для оценки влияния демографического дивиденда на экономический рост использован метод наименьших квадратов и построена регрессионная модель.

Комплексное применение описанных материалов и методов позволило получить всестороннее представление о динамике демографических процессов в Беларуси, проанализировать их влияние на экономику и выявить приоритеты для государственной политики в этой области.

Анализ демографических тенденций на рынке труда Республики Беларусь

Демографические изменения играют ключевую роль в формировании социально-экономической ситуации и развитии рынка труда в любой стране.

[1] United Nations (2004). World population to 2300. URL: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/files/documents/2020/Jan/un_2002_world_population_to_2300.pdf (дата обращения: 28.01.2024).

В Республике Беларусь демографические процессы имеют свою специфику, которая сложилась под влиянием исторических, экономических и социальных факторов. В последние десятилетия страна столкнулась с такими явлениями, как снижение рождаемости, старение населения и эмиграция населения.

Анализ текущих демографических тенденций позволил выявить следующие особенности демографического развития Республики Беларусь:

1. Общее сокращение численности населения: за период с 1991 по 2024 г. население Республики Беларусь сократилось на 1,034 млн чел. (или на 10,2 %). Однако, Беларусь — не единственная страна с сокращающимся населением, такие тенденции характерны и для других стран СНГ: за анализируемый период население Армении сократилось на 16,3 %, Молдовы — на 44,5 %, России — на 1,4 %. Рост численности населения наблюдается только в Азербайджане, Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане и Узбекистане[1].

Прогнозы департамента по экономическим и социальным вопросам ООН 2 показывают, что в перспективе общая численность населения Республики Беларусь будет только снижаться и может достигнуть к 2050 г. 7,5 млн чел. Происходить это будет из-за влияния неблагоприятных демографических факторов, прежде всего, увеличения численности населения старших возрастов и уменьшения численности молодого поколения, в том числе женщин репродуктивного возраста;

2. Ухудшение возрастной структуры населения — численность молодежи в возрасте 15–29 лет за последние 20 лет (с 2005 по 2024 г.) снизилась почти на треть (на 37,4 %), численность населения старше 50 лет возросла на 16 % и составила в 2024 году 3,457 млн чел. (37,76 % от общей численности населения). Это привело к высокой нагрузке на население в трудоспособном возрасте (рис. 1). На 10 человек в трудоспособном возрасте в 2024 г. приходилось 7 человек старше и младше трудоспособного возраста (для сравнения, в 2008 г. — 6 чел.).

Доля населения в трудоспособном возрасте за период с 2005 по 2024 сократилась на 3,2 п. п. и составила в 2024 году 58,5 %. Доля населения младше трудоспособного возраста составляет 17,5 %, населения старше трудоспособного возраста — 24,1 % (рис.2).

3. Изменение гендерных пропорций населения: несмотря на то, что структура населения Республики Беларусь по полу практически сбалансирована (женщины занимают 53,8 % в общей численности населения, мужчины — 46,2 %), имеются гендерные диспропорции среди населения старшего возраста (рис. 3). Это связано с более высокой смертностью и невысокой продолжительностью жизни среди мужчин. Данные тенденции характерны не только для Республики Беларусь — Российская Федерация, Казахстан, Киргизия также имеют значительные гендерные диспропорции среди населения старшего возраста (Доброхлеб и др., 2022, с. 176);

4. Увеличение уровня образованности населения в Республике Беларусь, так как удельный вес лиц в возрасте старше 15 лет, имеющих

[1] База данных Статистического комитета СНГ. URL: https://new.cisstat.org/web/guest/cis-stat-home?iFrameId=44176 (дата обращения: 28.01.2024).

[2] World Population Prospects, UN. URL: https://population.un.org/wpp (дата обращения: 28.01.2024).

Таблица 1

Изменение структуры населения Республики Беларусь по уровню образования, 1999–2019 гг.

Удельный вес населения старше 15 лет, имеющего образование, в %:	1999	2009	2019
высшее и послевузовское	14,02	18,89	26,55
среднее специальное	22,31	27,04	30,55
профессионально-техническое	9,21	11,09	12,53
общее среднее	26,16	23,6	22,6
общее базовое	13,55	9,75	5,56
начальное	13,65	6,09	1,65

Источник: составлено авторами по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь.

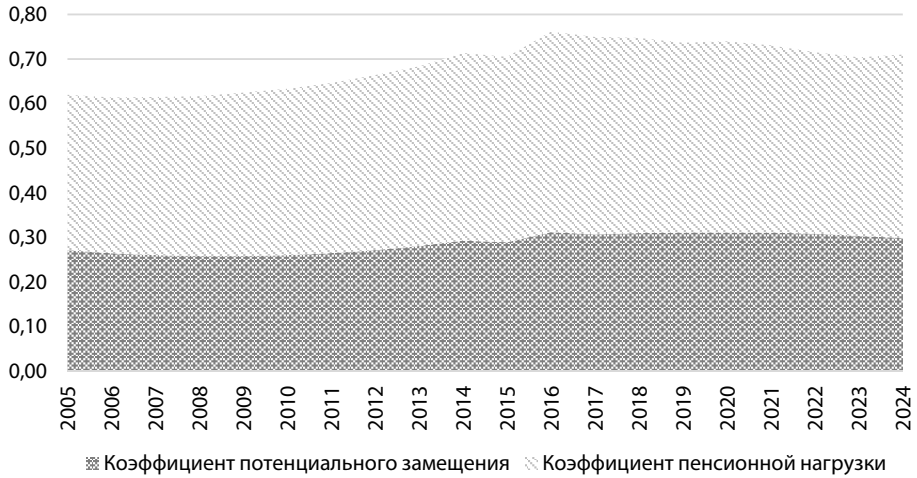

Рис. 1. *Динамика коэффициентов демографической нагрузки в Республике Беларусь, 2005–2024 гг. (источник: составлено авторами по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь)*

профессионально-техническое, среднее специальное, высшее и послевузовское образование, значительно вырос, а удельный вес лиц старше 15 лет, имеющих только начальное образование или общее базовое — сократился (табл. 1).

5. Концентрация населения в крупных городах, при одновременном сокращении численности сельского населения (в 2024 г. доля городского населения составила 78,6 %). Высокий уровень урбанизации и концентрация населения в крупных городах (в особенности в г. Минске) сопровождается оттоком жителей из сельской местности, что ведет к депопуляции периферийных регионов, деградации местной инфраструктуры и усилению социально-экономического неравенства между регионами.

6. Прирост численности населения за счет миграции, который в среднем составлял 9,5 тыс. чел. в год (рис. 4), но не компенсировал естественной убыли населения.

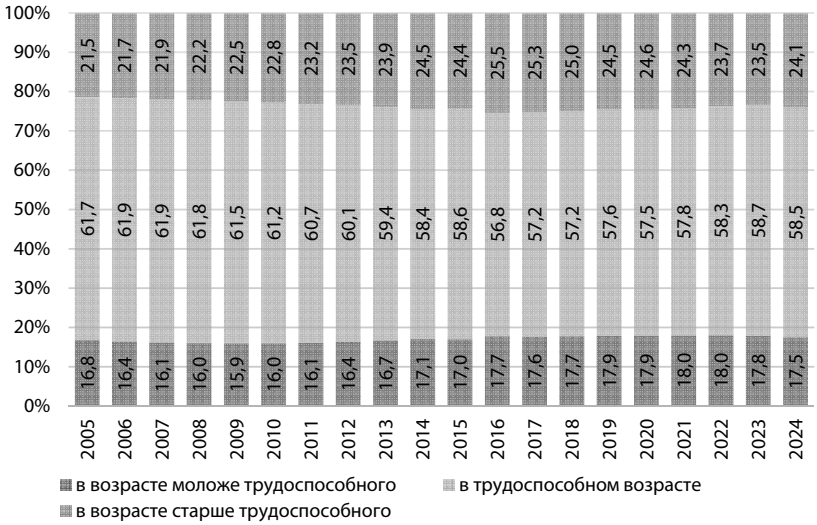

Рис. 2. *Динамика возрастной структуры населения Республики Беларусь, 2005–2024 гг. (источник: составлено авторами по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь)*

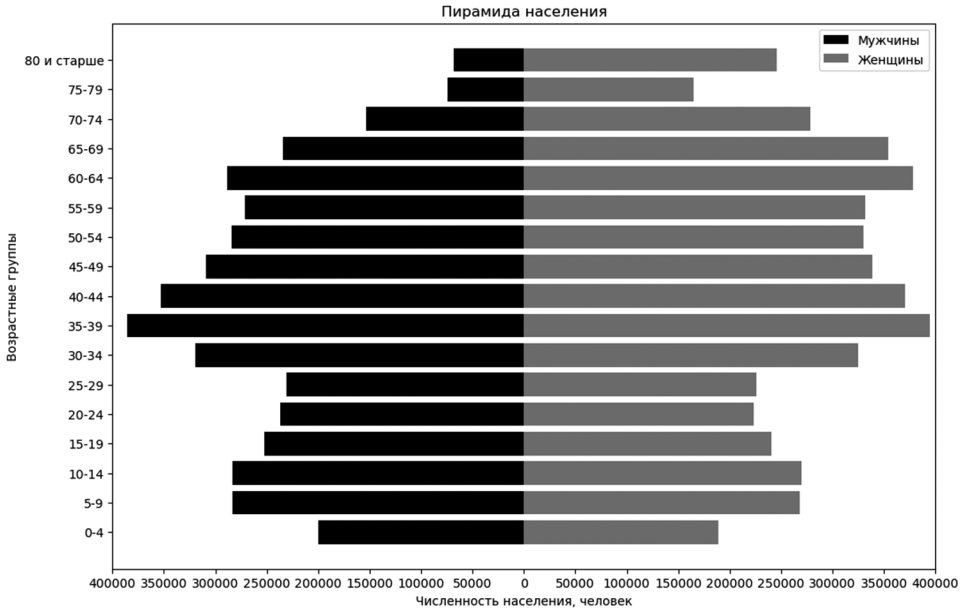

Рис. 3. *Половозрастная структура населения Республики Беларусь в 2024 году (источник: составлено авторами по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь)*

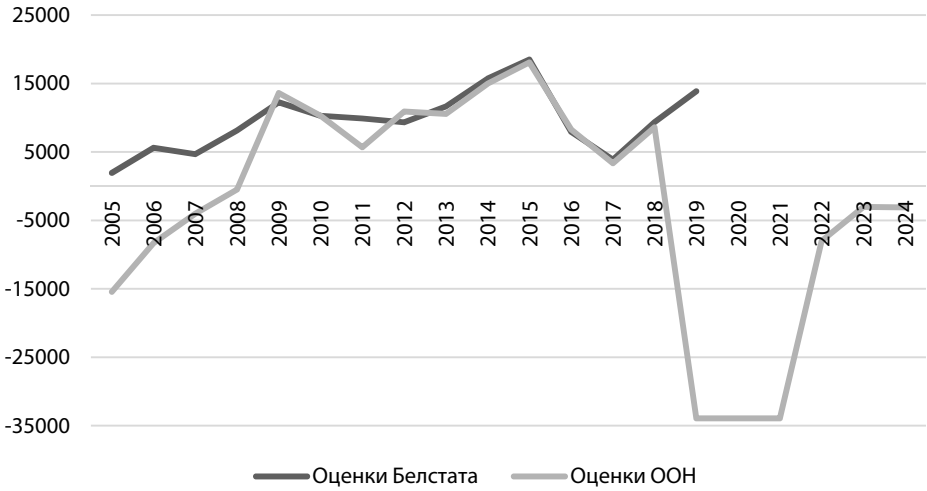

Рис. 4. *Миграционный прирост (убыль) по территории Республики Беларусь за период с 2005 по 2024 г., чел. (источник: составлено авторами по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь и данным ООН. URL: https://population.un.org/dataportal/data/indicators/65/locations/112/start/1950/end/2100/table/pivotbylocation?df=b25f399c-65e2-48fd-98c6-8a903f22ce30 (дата обращения: 28.01.2024)*

Указанные демографические тенденции оказывают существенное влияние на рынок труда Республики Беларусь, формируя ограничение со стороны предложения рабочей силы.

По данным обследования домашних хозяйств, за 2017–2023 гг. численность рабочей силы в возрасте 15 — 74 лет сократилась с 5195,3 тыс. чел. до 4872,0 тыс. чел., в их числе 96,5 % — занятые, 3,5 % фактически безработные (в соответствии с методологией Международной организации труда) (табл. 2).

Таблица 2

Динамика численности и структура рабочей силы в Республике Беларусь, 2017–2023 гг.

Годы	Рабочая сила, тыс. чел.	в том числе		Лица, не входящие в состав рабочей силы, тыс. чел.	Уровень участия в рабочей силе, %	Уровень занятости, %	Уровень безработицы, %
		занятые, тыс. чел.	безработные, тыс. чел.				
2017	5195,3	4901,8	293,4	2095,3	71,3	67,2	5,6
2018	5141,6	4896,7	244,9	2108,2	70,9	67,5	4,8
2019	5122,4	4909,1	213,3	2126,2	70,7	67,7	4,2
2020	5091,6	4885,4	206,2	2150,8	70,3	67,5	4,0
2021	5047,5	4850,6	196,9	2159,2	70,0	67,3	3,9
2022	5026,8	4847,1	179,7	2132,8	70,2	67,7	3,6
2023	4972,0	4800,0	172,1	2158,6	69,7	67,3	3,5

Источник: составлено авторами по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь.

Таблица 3

Соответствие выполняемой работы полученной квалификации у занятого населения Республики Беларусь, 2018, 2023 гг.

Показатель	Выполняемая работа:							
	Соответствует квалификации		Ниже квалификации		Выше квалификации		Одинаковы, но не связаны	
	2018	2023	2018	2023	2018	2023	2018	2023
Всего, занятых, 100 %	63,3	63,3	17,2	15,9	3,7	2,7	15,9	18,2

Источник: сост. авторами по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь.

Сокращение предложения рабочей силы и ее неравномерное распределение внутри страны формируют одновременное существование дефицита и избытка кадров, который усугубляется несоответствием полученного образования и навыков у работников требованиям рабочих мест. В Республике Беларусь у 63,3 % занятых выполняемая работа соответствует квалификации, у 36,7 % — не соответствует, при этом у 15,9 % выполняемая работа ниже имеющейся квалификации (что характеризует избыток образования), для 2,7 % — выполняемая работа выше имеющейся квалификации (недостаток образования), у 18,2 % занятых выполняемая работа соответствует полученному уровню квалификации, но не связана с имеющимся образованием (это обозначает горизонтальное несоответствие, масштабы которого нарастают) (табл. 3).

Поэтому, учитывая сложившиеся неблагоприятные возрастные демографические условия, становится актуальной возможность использования потенциала роста образовательного уровня населения и трудовых ресурсов страны.

Оценка потенциала демографического дивиденда в Республике Беларусь

Обозначенные неоднозначные демографические тенденции обусловливают интерес к анализу возможностей получения демографического дивиденда в Республике Беларусь.

Демографический дивиденд представляет собой уникальный период в развитии страны (так называемое «окно возможностей»), во время которого сокращается доля зависимого населения (населения младше и старше трудоспособного возраста) по отношению к доле населения в трудоспособном возрасте. Понимание того, был ли реализован потенциал демографического дивиденда в прошлом и сохраняется ли он для Беларуси сегодня, позволяет не только лучше оценить текущую ситуацию, но и определить ключевые направления для корректировки демографической, социальной и экономической политики.

Определение «демографического окна» или «окна возможностей», данное Организацией Объединенных Наций[1], выражается в терминах коэффициентов зависимости: считается, что окно открыто, когда «доля детей и молодежи в возрасте до 15 лет опускается ниже 30 %, а доля людей в возрасте 65 лет и старше остается ниже 15 %».

[1] United Nations. World population to 2300. https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/files/documents/2020/Jan/un_2002_world_population_to_2300.pdf (дата обращения: 28.01.2024).

Демографический дивиденд определяют также как «вклад изменения доли населения трудоспособного возраста в темпы прироста реального выпуска на душу населения (Казбекова & Калабихина, 2023). Действие демографического дивиденда зависит от особенностей демографического и социально-экономического развития страны, и поэтому значительно варьируется в разрезе стран и регионов, и даже в разрезе определенных исторических этапов развития конкретной страны.

Авторы выделяют демографические дивиденды двух видов, разделение которых впервые ввел Mason (Mason, 2005). Демографический дивиденд первого вида связан со снижением рождаемости на определенном промежутке времени (соответственно, его действие кратковременно, поскольку по мере старения общества оно прекращается). Демографический дивиденд возникает в том случае, если на определенном промежутке времени в стране численность населения младше трудоспособного возраста растет медленнее, чем численность населения в трудоспособном возрасте (такая ситуация возникает после периодов «демографических бумов», взрывов рождаемости, при вступлении родившихся в этот период детей в трудоспособный возраст), т. е. возникает промежуток времени с чистым приростом трудовых ресурсов, что способствует приросту ВВП на душу населения.

Второй демографический дивиденд связывают с изменением потребительского поведения лиц старше трудоспособного возраста — поскольку происходит увеличение общего уровня накопления и его превышение уровня потребления в растущей когорте пожилого населения, что дает приращение экономического роста.

Современные демографические тенденции, действующие в Беларуси, показывают, что между 1995 и 2014 гг. страна находилась в условиях благоприятного демографического окна. Численность трудоспособного населения в эти годы была высокой, а доля зависимого населения — относительно низкой (Бонукова & Львовский, 2020), т. е. у Республики Беларусь теоретически была возможность для извлечения демографического дивиденда в начале 2000-х годов, когда численность трудоспособного населения достигала максимальной доли на фоне сокращения доли населения младше трудоспособного возраста и относительно небольшого роста доли населения старше трудоспособного возраста. Тем не менее, влияние таких факторов, как отток молодежи и квалифицированной рабочей силы за границу, недостаточные темпы реформ в экономике и социальной политике, сузили возможности для материального и институционального укрепления экономики страны за этот период. По мнению ряда ученых, Беларусь, наряду со странами Прибалтики, Россией, Украиной, Арменией и Грузией, «в значительной степени исчерпала возможности получения первого демографического дивиденда» (Доброхлеб и др., 2022).

В экономической литературе встречаются различные методы оценки действия и результатов демографического дивиденда, но большинство из них предполагает определение влияния возрастной структуры населения на экономический рост с помощью эконометрического моделирования (Калабихина, Казбекова, 2022; Денисенко, Козлов, 2018). В оценках различных авторов, величина демографического дивиденда может быть значительной: например, 40–50 % экономического роста в Индии в период 1971–2001 гг. (Mody & Aiyar, 2011), 20 % экономического роста в отдельных провинциях Китая в период 1990–2005 гг. (Zhang et al.,

2015), 39 % экономического роста в 1970–2000 гг. в странах с переходной экономикой (Mason, 2005), 13 % экономического роста в России в период 1997–2015 гг. (Калабихина & Казбекова, 2022), при этом авторами показано, что Россия получала положительный демографический дивиденд в 1999–2008 гг., а с 2009 г. — отрицательный (Казбекова & Калабихина, 2023).

Для понимания влияния демографической ситуации на рынок труда и экономический рост в Республике Беларусь в качестве основной исследовательской гипотезы было выдвинуто предположение, что снижение удельного веса трудоспособного населения негативно влияет на экономический рост, измеряемый темпами прироста ВВП на душу населения.

Динамика темпов прироста ВВП на душу населения и доли населения в трудоспособном возрасте за период с 1991 по 2023 г. позволяет визуально проследить взаимосвязь между этими двумя показателями (рис. 5). Однако для того, чтобы проверить основную гипотезу, была проведена эконометрическая оценка, целью которой стало выявление значимости демографических изменений в общем контексте факторов, влияющих на экономический рост.

Для анализа использовалась линейная регрессионная модель, построенная с использованием метода наименьших квадратов. Зависимой переменной выступили темпы прироста ВВП на душу населения за период с 2005 по 2023 г., в качестве независимых переменных были выбраны следующие показатели: логарифм уровня ВВП на душу населения, логарифм доли населения трудоспособного возраста, объем инвестиций как доля ВВП, расходы на образование как доля ВВП. В связи с недостатком данных по образовательной структуре занятого населения за анализируемый период, данная переменная в модель не была включена.

Уравнение базовой модели регрессии было описано формулой 1:

$$GDPgrowth_{percapita} = \beta_0 + \beta_1 \cdot \ln GDP_{percapita} + \beta_2 \cdot \ln WorkingAgeShare + \beta_3 \cdot Investments + \\ + \beta_4 \cdot EducationSpend + \varepsilon, \quad (1)$$

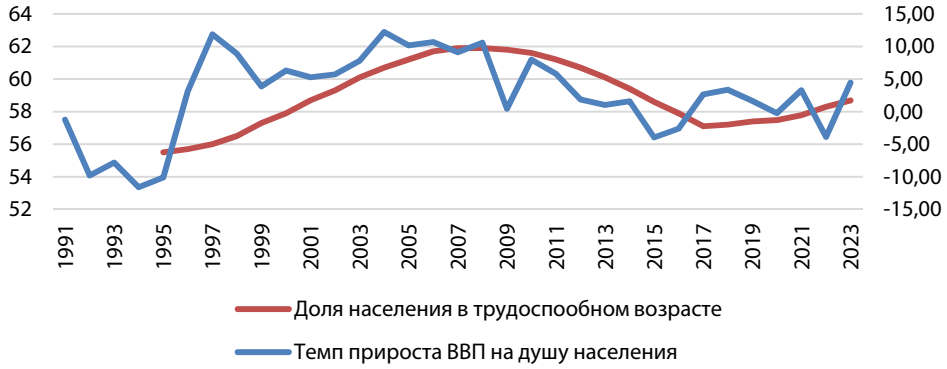

Рис. 5. *Динамика темпов прироста ВВП на душу населения и доли населения в трудоспособном возрасте за период с 1991 по 2023 г. (источник: составлено авторами по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь и данным Всемирного банка)*

где $GDPgrowth_{percapita}$ — темп прироста ВВП на душу населения, зависимая переменная; $\ln GDP_{percapita}$ — логарифм уровня ВВП на душу населения; $\ln WorkingAgeShare$ — логарифм удельного веса населения трудоспособного возраста; *Investments* — доля инвестиций в ВВП; *EducationSpend* — уровень расходов на образование как доля ВВП; β_0 — свободный член модели; $\beta_1, \beta_2, \beta_3, \beta_4$ — коэффициенты при независимых переменных, показывающие их влияние на экономический рост; ε — случайная ошибка модели.

Чтобы убедиться в корректности полученных результатов, модель была протестирована на наличие мультиколлинеарности, нормальности распределения остатков, гомоскедастичности и автокорреляции. В результате, эконометрическая оценка модели показала удовлетворительный уровень её объяснительной способности, что подтверждается рассчитанными метриками: $R^2 = 0{,}772$; *Adjusted* $R^2 = 0{,}706$. Значение статистики F ($F = 11{,}83$, $p = 0{,}000207$) указывает на общую статистическую значимость модели.

На основе модели было выявлено, что логарифм доли населения трудоспособного возраста является статистически значимым фактором (при уровне значимости 5 %, $\beta = 2{,}8351$, $p = 0{,}006$), т. е. увеличение доли населения в трудоспособном возрасте на 1 % связано с ростом темпов прироста ВВП на душу населения на 2,83 п. п., т. е. показатель доли населения трудоспособного возраста оказался не только статистически значимым, но и одним из наиболее сильных факторов, что подтверждает гипотезу об отрицательном влиянии снижения доли трудоспособного населения на экономический рост.

Таким образом, результаты анализа потенциала демографического дивиденда в Беларуси подчеркивают важность стратегического подхода к управлению демографическими процессами для того, чтобы страна могла частично компенсировать негативный эффект от старения населения и недостатка трудовых ресурсов. Для смягчения существующих и будущих вызовов демографии необходима реализация комплексной демографической и социальной политики, направленной на поддержание рождаемости, расширение возможностей для иммиграции трудоспособного населения, сокращение гендерных диспропорций, а также стимулирование устойчивого развития сельских регионов. Без принятия своевременных мер риски углубления демографического кризиса будут возрастать, что может негативно повлиять на экономическую и социальную стабильность Республики Беларусь в долгосрочной перспективе.

Демографический дивиденд в Республике Беларусь может быть достигнут за счет увеличения численности и повышения качества трудоспособного населения, а также посредством создания условий на рынке труда, которые способствуют их полной и эффективной занятости. Такой подход позволяет стране воспользоваться преимуществами возрастной и образовательной структуры населения, где доля образованных трудоспособных граждан достигает наибольших значений, чтобы стимулировать экономический рост и развитие. Этот эффект требует не только количественного увеличения рабочей силы, но и качественного ее улучшения через образование, профессиональную подготовку и согласование с требованиями нанимателей.

Заключение

Результаты проведенного исследования позволили сделать выводы о ряде негативных тенденций, характерных для Республики Беларусь: сокращение численности населения, старение населения, уменьшение доли молодежи, увеличение гендерного неравенства и миграционный отток из страны. Эти явления оказывают влияние на рынок труда, пенсионную систему и экономическое развитие страны. Потенциал демографического дивиденда, не реализованный в 2000-х гг., в настоящее время ограничен, что требует эффективных стратегий управления демографическими процессами.

Возможными выходами из сложившейся ситуации могут быть стимулирование рождаемости, поддержка семей с детьми, повышение уровня жизни, программы продления активного возраста, привлечение квалифицированных мигрантов, а также развитие районных центров и сельской местности.

Данное исследование подтвердило необходимость дальнейших исследований, среди которых можно назвать изучение воздействия миграции на экономическое развитие, создание моделей экономических сценариев в контексте изменения возрастной и образовательной структуры и разработку механизмов приспособления пенсионной системы к вызовам демографии.

Список источников

Антипова, Е. А., Красовская, Н. И., Милькота, Н. В. и др. (2017). *Состояние и перспективы демографического развития Республики Беларусь*. Минск: В.И.З.А. Групп, 168.

Артюхин, М. И., Пушкевич, С. А. (2022). Демографическое развитие Беларуси: современное состояние и тенденции. *Вестник. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук, 2,* 158–165. DOI: 10.29235/2524-2369-2022-67-2-158-165 EDN: XQKNTU

Боброва, А. Г., Антипова, Е. А., Пашкевич, О. А. и др. (2021). *Демографический и трудовой потенциал сельской местности Республики Беларусь*. Минск: Беларуская навука. 217. ISBN: 978-985-08-2723-4 EDN: WUDCOR

Бонукова, К., Львовский, Л. (2020). Демография как вызов для экономического роста. *Банковский вестник, 3* (680), 31–35.

Гимпельсон, В. Е., Капелюшников, Р. И. (2020). *Российский рынок труда через призму демографии*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 436. DOI: 10.17323/978-5-7598-2167-0 ISBN: 978-5-7598-2167-0 EDN: VJMQUE

Денисенко, М. Б., Козлов, В. А. (2018). Межпоколенческие счета и демографический дивиденд в России. *Демографическое обозрение, 4,* 6–35. DOI: 10.17323/demreview.v5i4.8661 EDN: VRQRGC

Доброхлеб, В. Г., Кучмаева, О. В., Брагин, А. Д., Афзали, М. (2022). Демогра-фические дивиденды: формирование и использование в странах СНГ и Балтии. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз, 4,* 172–188. DOI: 10.15838/esc.2022.4.82.11

Казбекова, З. Г., Калабихина, И. Е. (2023). Прогноз динамики демографического дивиденда в России с учетом пенсионной реформы и пандемии. *Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 3* (49). 68–82. DOI: 10.38050/2078-3809-2023-15-3-68-82 EDN: MACIXE

Калабихина, И. Е., Казбекова, З. Г. (2022). Влияние первого демографического дивиденда на экономический рост с учетом человеческого капитала. *Журнал Новой экономической ассоциации. 3* (55), 81–100. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-55-3-5 EDN: HUXEGP

Константинова, Д. С. (2019). Демография как фактор влияния на рынок труда. *Дискуссия, 97,* 66–75. DOI: 10.24411/2077-7639-2019-10049 EDN: VSXYNR

Морозова, Н. Н. (2022). Влияние демографического старения населения и миграции на рынок труда Беларуси. *ДЕМИС. Демографические исследования. 2,* 121–137. DOI: 10.19181/demis.2022.2.2.9 EDN: ALPMCX

Тавпеко, Ю. Ю., Низовец, Д. В. (2023). Демографический дивиденд как вклад в ускорение экономического роста. В «Теория и практика управления социальной сферой»: сб. ст. II Респ. науч.-практ. форума с международным участием (21 февраля 2023 г.) (С. 93–95). Барановичи: БарГУ. https://rep.barsu.by/handle/data/9641 (Дата обращения: 25.01.2025).

Шахотько, Л. П., Шахотько, Д. В. (2018). *Домохозяйство, семья и семейная политика в Беларуси.* Минск: Беларуская навука, 399.

Bloom, D., Canning, D., Sevilla, J. (2003). The demographic dividend: A new per-spective on the economic consequences of population change. *The Rand Corporation.* https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monograph_reports/2007/MR1274.pdf (date of access: 21.01.2025).

Mason, A. (2005). Demographic transition and demographic dividends in developed and developing countries. *United Nations expert group meeting on social and economic implications of changing population age structures,* Mexico City. https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/unpd_egm_200508_09_mason.pdf (Accessed: 01.02.2025).

Mody, A., & Aiyar, S. (2011). The demographic dividend: Evidence from the Indian states. *IMF Working Paper,* 2011(038). https://doi.org/10.5089/9781455217885.001 (date of access: 21.01.2025).

Moreland, S., Madsen, E. L., Kuang, B., M. Hamilton, Jurczynska, K., Brodish, P. (2014). *Modeling the Demographic Dividend: Technical Guide to the DemDiv Model.* Washington, DC: Futures Group, Health Policy Project. DOI:10.13140/RG.2.1.4162.1607. https://www.healthpolicyproject.com/pubs/343_FINALDemDivTechnicalReportFINALEC.pdf (date of access: 28.01.2025).

Zhang H., Zhang H., Zhang J. (2015). Demographic Age Structure And Economic De-Velopment: Evidence From Chinese Provinces. *Journal of Comparative Economics, 43* (1), 170–185. https://doi.org/10.1016/j.jce.2014.07.002 (date of access: 21.01.2025).

References

Antipova, E. A., Krasovskaya, N. I., Milkota, N. V. et al. (2017). *Sostoyanie i perspektivy` demograficheskogo razvitiya Respubliki Belarus` [The state and prospects of demographic development of the Republic of Belarus].* Minsk: V.I.Z.A. Group, 168. (In Russ.)

Artyukhin, M. I., Pushkin, S. A. (2022). Demographic development of Belarus: current state and trends. *Ves. Nacz. akad. navuk Belarusi. Ser. gumanitar. navuk [Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series], 2,* 158–165. DOI: 10.29235/2524-2369-2022-67-2-158-165 EDN: XQKNTU (In Russ.)

Bloom, D., Canning, D., Sevilla, J. (2003). The demographic dividend: A new per-spective on the economic consequences of population change. *The Rand Corporation.* https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monograph_reports/2007/MR1274.pdf (date of access: 21.01.2025).

Bobrova, A. G., Antipova, E. A., Pashkevich, O. A. et al. (2021). *Demograficheskij i tru-dovoj potencial sel`skoj mestnosti Respubliki Belarus` [Demographic and labor potential of rural areas of the Republic of Belarus].* Minsk: Belorusskaya nauka. 217. ISBN: 978-985-08-2723-4 EDN: WUDCOR (In Russ.)

Bonukova, K.,& Lvovsky, L. (2020). Demography as a challenge for economic growth. *Bankovskij vestnik [Banking Bulletin], 3* (680), 31–35. (In Russ.)

Denisenko, M. B., Kozlov, V. A. (2018). Intergenerational accounts and the demographic dividend in Russia. *Demograficheskoe obozrenie [Demographic Review], 4,* 6–35. DOI: 10.17323/demreview.v5i4.8661 EDN: VRQRGC (In Russ.)

Dobrokhleb, V. G., Kuchmaeva, O. V., Bragin, A.D., Afzali, M. (2022). Demographic dividends: formation and use in the CIS and Baltic countries. *E`konomicheskie i social`ny`e peremeny`: fakty`, tendencii, prognoz [Economic and Social changes: Facts, Trends, Forecast], 4,* 172–188. DOI: 10.15838/esc.2022.4.82.11 (In Russ.)

Gimpelson, V. E., Kapelyushnikov, R. I. (2020). *Rossijskij ry`nok truda cherez priz-mu demografii [The Russian labor market through the prism of demography]*. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 436. DOI: 10.17323/978-5-7598-2167-0 ISBN: 978-5-7598-2167-0 EDN: VJMQUE (In Russ.)

Kalabikhina, I. E.,& Kazbekova, Z. G. (2022). The impact of the first demographic trend on economic growth, taking into account human capital. *Zhurnal Novoj e`konomicheskoj associacii [Journal of the New Economic Association]*. *3* (55), 81–100. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-55-3-5 EDN: HUXEGP (In Russ.)

Kazbekova, Z. G., Kalabikhina, I. E. (2023). Forecast of demographic trend dynamics in Russia, taking into account pension reform and the pandemic. *Nauchny`e issledovaniya e`kono-micheskogo fakul`teta. E`lektronny`j zhurnal [Scientific Research of Faculty of Economics. Electronic Journal], 3* (49). 68–82. DOI: 10.38050/2078-3809-2023-15-3-68-82 EDN: MACIXE (In Russ.)

Konstantinova, D. S. (2019). Demography as a factor influencing the labor market. *Diskus-siya [Discussion], 97,* 66–75. DOI: 10.24411/2077-7639-2019-10049 EDN: VSXYNR (In Russ.)

Mason, A. (2005). Demographic transition and demographic dividends in developed and developing countries. *United Nations expert group meeting on social and economic implications of changing population age structures,* Mexico City. https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/unpd_egm_200508_09_mason.pdf (date of access: 01.02.2025).

Mody, A., & Aiyar, S. (2011). The demographic dividend: Evidence from the Indian states. *IMF Working Paper,* 2011(038). https://doi.org/10.5089/9781455217885.001 (date of access: 21.01.2025).

Moreland, S., Madsen, E. L., Kuang, B., M. Hamilton, Jurczynska, K., Brodish, P. (2014). *Modeling the Demographic Dividend: Technical Guide to the DemDiv Model*. Washington, DC: Futures Group, Health Policy Project. DOI:10.13140/RG.2.1.4162.1607. https://www.healthpolicyproject.com/pubs/343_FINALDemDivTechnicalReportFINALEC.pdf (date of access: 28.01.2025).

Morozova, N. N. (2022). The impact of demographic aging of the population and migration on the labor market of Belarus. *DEMIS. Demograficheskie issledovaniya [DEMIS. Demographic Research]. 2,* 121–137. DOI: 10.19181/demis.2022.2.2.9 EDN: ALPMCX (In Russ.)

Shakhotko, L. P., Shakhotko, D. V. (2018). *Domoxozyajstvo, sem`ya i semejnaya politika v Belarus [Household, family and family policy in Belarus]*. Minsk: Belorusskaya navuka, 399. (In Russ.)

Tavpeko, Yu. Yu., Nizovets, D. V. (2023). Demographic dividend as a contribution to accelerating economic growth. In "Teoriya i praktika upravleniya social`noj sferoj": sb. st. II Resp. nauch.-prakt. foruma s mezhdunarodny`m uchastiem [Theory and practice of social sphere management: collection of articles II of the Republic of Science and Practice. Forum with international participation] (February 21, 2023) (pp. 93–95). Baranovichi: BarGU. https://rep.barsu.by/handle/data/9641 (date of access: 01.25.2025). (In Russ.)

Zhang H., Zhang H., Zhang J. (2015). Demographic Age Structure And Economic De-Velopment: Evidence From Chinese Provinces. Journal of Comparative Economics, 43(1), 170–185. https://doi.org/10.1016/j.jce.2014.07.002 (date of access: 21.01.2025).

Ванкевич Елена Васильевна — доктор экономических наук, профессор, проректор по научной работе, УО «Витебский государственный технологический университет»; https://orcid.org/0000-0001-8064-8250 (Республика Беларусь, 210038, г. Витебск, пр-т Московский, 72; e-mail: vankevich_ev@tut.by).

Зайцева Ольга Вячеславовна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики и электронного бизнеса, УО «Витебский государственный технологический университет»; https://orcid.org/0000-0002-2801-7459 (Республика Беларусь, 210038, г. Витебск, пр-т Московский, 72; e-mail: olgazaiitseva@gmail.com).

Alena V. Vankevich — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Vitebsk State Technological University; https://orcid.org/0000-0001-8064-8250 (72, Moscow Av., Vitebsk, 210038, Republic of Belarus, e-mail: vankevich_ev@tut.by).

Olga V. Zaitseva — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Vitebsk State Technological University; https://orcid.org/0000-0002-2801-7459 (72, Moscow Av., Vitebsk, 210038, Republic of Belarus, e-mail: olgazaiitseva@gmail.com).

УДК 519.8
JEL classification: J11, J12, Z13
https://www.doi.org/10.17059/udf-2025-2-7

Факторы изменения численности населения в Российской Федерации в 2000–2021 гг.[1]

Е.Н. Васильева [а], Е.Е. Васильева [б]

[а] Институт демографических исследований (ИДИ) ФНИСЦ РАН (г. Москва, Россия)
https://orcid.org/0000-0002-0460-5539

[б] Финансовый университет при Правительстве РФ (г. Москва, Россия)
https://orcid.org/0009-0007-2183-6981

Автор для корреспонденции: Е.Н. Васильева (vasilevaen@yandex.ru).

Аннотация. *В данной работе представлена модель изменения численности населения Российской Федерации в 2000–2021 гг., построенная с использованием метода регрессионного анализа (использовалась библиотека statsmodels языка программирования Python). Источником для анализа послужили данные о численности населения, рождаемости, смертности, миграции и др. В результате выявлено, что основными факторами, влияющими на динамику численности населения РФ, являются количество разводов, численность женщин, доступность медицинской помощи женщинам. Полученные данные могут быть использованы при принятии управленческих решений, направленных на рост численности населения.*

Ключевые слова: демография; брачность; разводимость; численность населения; медицинская помощь: математическое моделирование.

Factors of population change in the Russian Federation in 2000–2021

E. Vasilieva [a], E. Vasileva [b]

[a] Institute for Demographic Research (IDR) FCTAS RAS (Moscow, Russia)
https://orcid.org/0000-0002-0460-5539

[b] Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia)
https://orcid.org/0009-0007-2183-6981

Corresponding author: E. Vasilieva (vasilevaen@yandex.ru).

Abstract. *In this paper, a population change model of the Russian Federation during 2000–2021 was constructed using the regression analysis method with the help of the statsmodels library from Python programming language. The data on population, fertility, mortality, migration, etc. served as a source for the analysis. As a result, it was revealed that the main factors influencing the dynamics of the population of the Russian Federation are the number of divorces, the number of women and the availability of medical care to women. The obtained data can be used to make administrative decisions aimed at population growth.*

Keywords: demography; marriage rate; divorce rate; population; medical care: mathematical modeling.

Введение

Семейно-демографическая политика российского государства направлена на формирование условий, способствующих росту численности населения. Численность населения –показатель человеческого капитала государства, основа

[1] © Васильева Е. Н., Васильева Е. Е. Текст. 2025.

безопасности и один из наиболее важных индикаторов успешного и равномерного развития современной России (Рыбаковский, 2020), поэтому необходимо искать способы повышения эффективности управленческих решений, применяемых в сфере демографического развития. С целью выявления факторов, влияющих на численность населения России, был использован метод эконометрического моделирования численности населения Российской Федерации. Основные задачи исследования — на основе статистических данных построить модель изменения численности населения, выявить, какие факторы оказали существенное влияние на изменение численности, оценить качество и надежность модели, параметры модели и регрессионного уравнения, проверить модель и сделать выводы о ее применимости при принятии управленческих решений. В ходе исследования важно понять, какие факторы оказывали влияние на численность населения РФ в 2000–2021 гг. Указанный период выбран, т. к. факторы, оказавшие влияние в XX в., особенно к его концу, уже проанализированы (Римашевская и др., 2012; Чичканов и др., 2015).

Обзор литературы

Методологической базой работы являются труды научных школ, сформировавшихся под научным руководством Н.М. Римашевской (Римашеская и др., 2010) и О.О. Рыбаковского (Рыбаковский & Таюнова, 2014), на основе которых систематизированы индикаторы исследования, сформулированы цель, задачи и гипотезы исследования, а также научных исследований факторов репродуктивного поведения, проведенных под руководством В.Н. Архангельского (Архангельский и др., 2021). Моделирование демографических процессов, численности и реализации репродуктивного потенциала сформировалось в междисциплинарном пространстве демографической науки, экономики и математики (Khavinson & Kulakov, 2017; Боков и др., 2016; Копейкина, 2008). Практика использования в моделировании данных системы здравоохранения представлена в работах М.М. Цвиль и В.Е. Шумилиной (Цвиль & Шумилина, 2014). Моделирование является базовым методом для исследования как демографических процессов в отдельных регионах (Ростовская & Золотарева, 2023), так и общероссийских тенденций (Калабихина, 2020). Моделирование в указанных работах используется для построения прогнозных моделей, в данном исследовании прогнозная модель не строилась, важным было выявить факторы влияния на численность населения.

Материалы и методы

Для обеспечения качества исследования и надежности его результатов использовались данные Федеральной службы государственной статистики (табл. 1). Были систематизированы данные за 2000–2021 гг. о численности населения Российской Федерации, количестве родившихся и умерших, миграции, числе разводов на тысячу человек, количестве женщин репродуктивного возраста (15–49 лет), экономических факторах (средний размер заработной платы и ВВП на душу населения), медицинской помощи женщинам и детям. Данные по медицинской помощи включали два показателя: «Мед. помощь 1» — число коек для беременных женщин, рожениц и родильниц (оценивалась готовность больниц принять

беременных женщин, оказать им медицинскую помощь и поддержку) и «Мед. помощь 2» — число женских консультаций, акушерских пунктов, детских поликлиник. Модель построена с использованием метода регрессионного анализа при помощи библиотеки statsmodels языка программирования Python, вычислялось уравнение регрессии, проверялись условия Гаусса-Маркова и др.

Результаты

Для построения регрессии использовалась линейная форма модели. Не все факторы измеряются в сопоставимых единицах, поэтому предварительно данные были стандартизированы. Пошагово исключая незначимые переменные, получим следующее уравнение регрессии:

$$ЧИСЛ = –0{,}95РОД + 1{,}43УМ – 3{,}573П – 0{,}51Мед2 – 5{,}43Ж – 0{,}5МИГР,$$

где ЧИСЛ — численность населения, РОД — количество родившихся, УМ — количество умерших, ЗП — средняя заработная плата, Мед2 — показатель «Мед. помощь 2», Ж — число женщин репродуктивного возраста, МИГР — показатель миграции.

База данных была разделена на две части: с 2000 по 2010 г. и с 2011 по 2021 г. в связи с тем, что в период с 2000 по 2010 г. включительно численность населения снижалась, в то время как начиная с 2011 тенденция поменялась на положительную, т. е. численность стала расти. Таким образом, была сформулирована гипотеза о том, что снижение и рост численности населения в РФ подчиняются разным закономерностям и зависят от разных факторов. Для проверки данной гипотезы было построено две модели, которые проверялись попарным сравнением факторов. Для выявления наилучших моделей были проверены все возможные комбинации двух переменных x. Для каждой выборки выбраны значимые, которые обладают наибольшим коэффициентом детерминации:

Для модели 1 (2000–2010 гг.) получаем уравнение (при $R^2 = 0{,}976$):

$$ЧИСЛ = 0{,}882Мед1 + 0{,}184\ Мед2,$$

где Мед1 — показатель «Мед. помощь 1», Мед2 — показатель «Мед. помощь 2».

Для модели 2 (2011–2021 гг.) получаем уравнение ($R^2 = 0{,}976$):

$$ЧИСЛ = –0{,}548Р – 0{,}515Ж,$$

где Р — количество разводов, Ж — количество женщин репродуктивного возраста.

Оба уравнения подтвердили свою значимость по F-критерию (при доверительной вероятности 95 %). Для моделей были проведены тесты на проверку условий Гаусса-Маркова: тест Колмогорова-Смирнова для оценки нормальности распределения, тест Голдфелда-Куандта для проверки на гомоскедастичность, тест Дарбина-Уотсона для опровержения наличия автокорреляции, VIF-тест для подтверждения отсутствия мультиколлинеарности. Все перечисленные тесты дали положительный результат: для моделей 1 и 2 подтвердилось отсутствие нарушений предпосылок МНК, поэтому все параметры полученных уравнений являются эффективными, несмещенными, состоятельными, а модели — надежными.

Таблица 1

Используемые для моделирования статистические показатели за 2000–2021 гг.

Период	Численность населения, млн чел.	Родившихся, чел.	Умерших, чел.	Средняя заработная плата, руб.	Разводы, ед. на тыс. чел.	Число коек для беременных женщин, рожениц и родильниц, тыс.	Число женских консультаций, акушерских пунктов, детских поликлиник, тыс.	Женщины, тыс. чел.	Миграция, тыс. чел.
2000	146,9	1266800	2225332	2223	4,30	90,70	16,00	39649	241755
2001	146,3	1311604	2254856	3240	5,30	87,80	15,90	39782	81781
2002	145,2	1396967	2332272	4360	5,90	85,90	15,30	39935	87149
2003	145,0	1477301	2365826	5499	5,50	85,00	15,30	40003	43884
2004	144,3	1502477	2295402	6740	4,40	83,70	15,20	39946	41275
2005	143,8	1457376	2303935	8555	4,20	81,90	15,00	39680	107432
2006	143,2	1479637	2166703	10634	4,50	82,30	13,50	39400	132319
2007	142,8	1610122	2080445	13593	4,80	82,00	11,50	39064	239943
2008	142,8	1713947	2075954	17290	4,90	81,10	11,70	38675	242106
2009	142,7	1761687	2010543	18638	4,90	80,50	11,70	38177	247449
2010	142,9	1788948	2028516	20952	4,50	80,30	17,00	37690	158078
2011	142,9	1796629	1925720	23369	4,70	79,20	16,30	37121	319761
2012	143,2	1902084	1906335	26629	4,50	77,40	18,40	36566	294930
2013	143,6	1895822	1871809	29792	4,70	74,90	17,80	36042	295859
2014	144,0	547823	549537	32495	4,70	72,40	17,80	35595	299990
2015	146,7	1940579	1908541	34030	4,20	69,40	14,30	35730	245384
2016	147,2	1888729	1891015	36709	4,10	67,00	17,40	35405	261948
2017	147,6	1690307	1826125	39167	4,20	64,30	18,10	35121	211878
2018	147,8	1604344	1828910	43724	4,00	62,10	19,10	34905	124854
2019	147,8	1481074	1798307	47867	4,20	58,90	20,00	34683	285103
2020	147,9	1436514	2138586	51344	3,90	50,80	20,90	34502	106474
2021	147,4	1398253	2441594	57244	4,40	50,70	19,90	34183	429902

Источники: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики: Демография [Электронный ресурс] URL: https://rosstat.gov.ru/folder/12781; Национальные счета [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts; Здравоохранение [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/13721 (дата обращения: 23.01.2025)

Дадим интерпретацию полученных моделей (с учетом того, что они были построены на стандартизированных данных). Согласно уравнениям регрессии:

с 2000 по 2010 г. при изменении показателя Мед1 (число коек для беременных женщин, рожениц и родильниц) на $1\sigma_{X1}$ (σ_{X1} — среднее квадратическое отклонение Мед1) численность населения (т. е. зависимая переменная γ) изменится в ту же сторону в среднем на $0{,}882\sigma_{\gamma}$ при неизменном показателе Мед2; при изменении показателя Мед2 (число женских консультаций, акушерских пунктов, детских поликлиник) на $1\sigma_{X2}$ (σ_{X2}– среднее квадратическое отклонение Мед2) численность населения изменится в ту же сторону в среднем на $0{,}184\sigma_{\gamma}$ при неизменном показателе Мед1. Таким образом, чем доступнее медицинская помощь женщинам и детям, тем больше численность населения;

с 2011 по 2021 г. при изменении показателя Р (количество разводов на тыс. чел.) на $1\sigma_{X1}$ (σ_{X1} — среднее квадратическое отклонение Р) численность населения изменится в обратную сторону в среднем на $0{,}548\sigma_{\gamma}$ при неизменном показателе Ж; при изменении показателя Ж (количество женщин репродуктивного возраста) на $1\sigma_{X2}$ (σ_{X2} — среднее квадратическое отклонение Ж) численность населения изменится в обратную сторону в среднем на $0{,}515\sigma_{\gamma}$ при неизменном показателе Р. Таким образом, чем больше численность женщин и чем выше число разводов, тем меньше численность населения.

Таким образом, модель 1 позволяет сделать вывод о большом влиянии медицины на численность населения, а модель 2 обосновывает, что даже при высокой численности женщин, если высока угроза развода с мужчиной, рождаемость будет низкой. Данная корреляция соответствует современным тенденциям формирования демографической политики в РФ, ориентации на сохранение брака — политике, направленной на обеспечение роста населения. Обратную зависимость между количеством женщин и численностью населения можно обосновать тем, что, чем меньше женщин, тем выше необходимость принимать управленческие решения, направленные на сохранение семьи и брака.

Обсуждение и выводы

Индикаторы формирования экономических и социальных условий и их влияние на численность населения необходимо анализировать как на больших выборках, так и на подвыборках меньшего размера. Не всегда целесообразно проводить исследование на длительных временных промежутках, иногда стоит разделить их на периоды по некоторой выявленной зависимости. В ходе данной работы было обнаружено значительное влияние медицины и доступности медицинских учреждений для женщин (беременных, рожениц и родильниц) на численность населения во временной промежуток с 2000 по 2010 г. Однако, с начиная с 2011 г., наиболее сильное влияние на численность населения оказывает количество разводов, рассчитанное на тысячу чел. (в работе описана лишь одна версия модели 2 для 2011–2021 гг., но стоит отметить, что из семи значимых моделей, построенных для этого периода, пять моделей показали сильную зависимость величины населения от количества разводов).

Можно сделать следующий вывод: для сохранения, а также роста численности населения в современной Российской Федерации необходима поддержка семей

и меры поддержки населения, направленные на сохранение заключенных браков. Данное исследование может быть полезно для оценки демографической политики Российской Федерации, выявления возможных направлений ее корректировки и расширения поддержи населения.

Список источников

Архангельский, В. Н., Васильева, Е. Н., Васильева, А. Е. (2021). Репродуктивные намерения современной российской молодежи и оценка возможностей их реализации. *Logos et Praxis, 20*(3), 93–111. https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.10 EDN: CVYOCN

Боков, А. Н., Карманов, М. В., Смелов, П. А. и др. (2016). *Статистический анализ и моделирование демографических угроз Российской Федерации: монография*. Москва: РУСАЙНС, 182. https://doi.org/10.15216/978-5-4365-1412-3

Калабихина, И. Е., Банин, Е. П., Архангельский, В. Н. и др. (2020). Краткосрочное прогнозирование демографических тенденций на основе данных Google Trends. *Прикладная информатика, 15*(6), 91–118. https://doi.org/10.37791/2687-0649-2020-15-6-91-118

Копейкина, М. А. (2008). Математическое моделирование репродуктивного потенциала населения. *Математическое моделирование, 20*(3), 115–121. EDN: ISEORX

Римашевская, Н. М., Доброхлеб, В. Г., Медведева, Е. И., Крошилин, С. В. (2012). Демографический переход — специфика российской модели. *Народонаселение, 55,* 23–31.

Ростовская, Т. к., Золотарева, О. А. (2023). Моделирование прогноза рождаемости на примере Республики Тыва. *Экономика региона, 19*(3), 801–812. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-3-14 EDN: WCALQS

Рыбаковский, О. Л. (2020). Воспроизводство населения России: задачи, тенденции, факторы и возможные результаты к 2024 году. *Народонаселение, 23*(1), 53–66. https://doi.org/10.19181/population.2020.23.1.5

Рыбаковский, О. Л., Таюнова, О. А. (2014). Факторы динамики рождаемости населения России в начале XXI века. *Социологические исследования, 9*(365), 19–24.

Цвиль, М.М., Шумилина, В. Е. (2014). Изучение зависимости рождаемости населения от обеспеченности врачебным персоналом и расходов на здравоохранение, физическую культуру и спорт с помощью эконометрических моделей. *Инженерный вестник Дона, 1*(28), 23. EDN: SJDUDB

Чичканов, В. П., Васильева, А. В., Быстрай, Г. П., Охотников С. А. (2015). Прогнозная оценка демографического развития России. *Экономика региона, 2*(42), 313–320. https://doi.org/10.17059 /2015-2-25

Khavinson, M.Y., Kulakov, M.P. (2017). Gravitational model of population dynamics. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Mathematical Modelling, Programming and Computer Software, 10*(3), 80–93. https://doi.org/10.14529/mmp170307 EDN: ZEZCUN

References

Archangelsky, V.N., Vasilieva, E.N., Vasilieva, A.E. (2021). Reproductive Intentions of Modern Russian Youth and Assessment of the Possibilities of Their Realization. *Logos et Praxis, 20*(3), 93–111. https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.10 EDN: CVYOCN (In Russ.)

Bokov, A.N, Karmanov, M.V., Smelov, P.A. et al. (2016). *Statisticheskij analiz i modelirovanie demograficheskih ugroz Rossijskoj Federacii: monografiya [Statistical analysis and modeling of demographic threats in the Russian Federation: monograph]*. Moscow: RUSAJNS, 182. https://doi.org/10.15216/978-5-4365-1412-3 (In Russ.)

Chichkanov, V.P., Vasilyeva, A.V., Bystray, G.P., Okhotnikov, S.A. (2015). Predictive assessment of Russia's demographic development. *Ekonomika regiona [Economy of regions], 2*(42), 313–320. https://doi.org/10.17059 /2015-2-25 (In Russ.)

Kalabikhina, I., Banin, E., Arkhangelskiy, V. et al. (2020). Short-term forecasting of demographic trends based on Google Trends data. *Prikladnaya informatika [Journal of Applied Informatics], 15*(6), 91–118. https://doi.org/10.37791/2687-0649-2020-15-6-91-118 (In Russ.)

Khavinson, M.Y., Kulakov, M.P. (2017). Gravitational model of population dynamics. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Mathematical Modelling, Programming and Computer Software, 10*(3), 80–93. https://doi.org/10.14529/mmp170307 EDN: ZEZCUN

Kopeikina, M.A. (2008). Mathematical modeling of the reproductive potential of the population. *Matematicheskoe modelirovanie [Mathematical modeling], 20*(3), 115–121. (In Russ.)

Rimashevskaya, N.M., Dobrokhleb, V.G., Medvedeva, E.I., Kroshilin, S.V. (2012). Demographic transition - specific character of the Russian model. *Narodonaselenie [Population], 55,* 23–31. (In Russ.)

Rostovskaya, T.K., Zolotareva, O.A. (2023). fertility prediction models: example of the republic of tuva. *Ekonomika regiona [Economy of regions], 19*(3), 801–812. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-3-14 EDN: WCALQS (In Russ.)

Rybakovsky, O.L. (2020). Russian population reproduction: challenges, trends, factors and possible results by 2024. *Narodonaselenie [Population]. 23*(1), 53–66. https://doi.org/10.19181/population.2020.23.1.5 (in Russ.)

Rybakovsky, O.L., Tayunova, O.A. (2014). birth rate of the population in early 21st century Russia. *Sociologicheskie issledovaniya, 9*(365), 19–24. (In Russ.)

Tsvil, M.M., Shumilina, V.E. (2014). Studying of dependence of birth rate of the population from security with the medical personnel and expenses on health care, physical culture and sport by means of econometric models. *Inzhenernyj vestnik Dona. 1*(28), 23. EDN: SJDUDB (In Russ.)

Васильева Екатерина Николаевна — доктор социологических наук, доцент, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований (ИДИ) ФНИСЦ РАН; https://orcid.org/0000-0002-0460-5539 (Российская Федерация, 119333, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1; e-mail: vasilevaen@yandex.ru).

Васильева Елизавета Евгеньевна — студент, Факультет информационных технологий и анализа больших данных; Финансовый университет при Правительстве РФ; https://orcid.org/0009-0007-2183-6981 (Российская Федерация, 109456, г. Москва, 4-й Вешняковский пр., 4, стр. 1; e-mail: vasilevaelev@mail.ru).

Ekaterina N. Vasilieva — Dr. Sci. (Sociology), Associate Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research (IDR) FCTAS RAS; https://orcid.org/0000-0002-0460-5539 (6 Fotievoy st., bld. 1, Moscow, 119333; Russian Federation, e-mail: vasilevaen@yandex.ru).

Elizabeth E. Vasileva — Student, School of Information Technologies and Big Data Analysis, Financial University under the Government of the Russian Federation; https://orcid.org/0009-0007-2183-6981 (4th Veshnyakovsky ave., 4, bld. 1, Moscow, 109456, Russian Federation, e-mail: vasilevaelev@mail.ru).

УДК 332.1
JEL classification: R11, O15
https://www.doi.org/10.17059/udf-2025-2-8

Долголетие, образование, доход как факторы развития малого и среднего предпринимательства в российских регионах[1]

С.В Дорошенко [а], О.В. Санаева [б], Я.И. Соломатин [в]

[а] Институт экономики УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия).
https://orcid.org/0000-0002-8282-6062

[б] Институт экономики УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия).
https://orcid.org/0000-0002-9826-9547

[в] Институт экономики УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия).
https://orcid.org/0009-0003-0694-079X

Автор для корреспонденции: С.В. Дорошенко (doroshenkos@mail.ru).

Аннотация. *Цель исследования заключается в оценке влияния индекса человеческого развития как совокупности факторов продолжительности жизни, уровня образования и экономического роста на развитие малого и среднего предпринимательства в регионах России. В качестве показателя развития МСП взята средняя численность работников на малых, средних и микропредприятиях, а также в индивидуальном предпринимательстве. В рамках гипотезы выдвинуто предположение о неоднозначности влияния индекса на занятость в секторе МСП. Анализ базируется на данных по регионам России за 2013–2019 гг. Для оценки регрессионной модели использован метод инструментальных переменных. Результаты оценки показали, что рост индекса положительно влияет на занятость на микропредприятиях и у индивидуальных предпринимателей, а также на число партнеров, занятых в сфере ИП, но отрицательно — на занятость на средних предприятиях. Это подтверждает мнение экспертов о недостаточном развитии среднего бизнеса. В дальнейшем планируется расширить временны́е рамки периодов, а также проанализировать воздействие других факторов на развитие МСП.*

Ключевые слова: индекс человеческого развития; малые и средние предприятия; микропредприятия; индивидуальное предпринимательство; численность работников.

Longevity, Education, Income as Factors of Small and Medium-Sized Businesses Development in Russian Regions

S. Doroshenko [a], O. Sanaeva [b], Ya. Solomatin [c]

[a] Institute of Economics, Ural Branch of the RAS (Yekaterinburg, Russia)
https://orcid.org/0000-0002-8282-6062

[b] Institute of Economics, Ural Branch of the RAS (Yekaterinburg, Russia)
https://orcid.org/0000-0002-9826-9547

[c] Institute of Economics, Ural Branch of the RAS (Yekaterinburg, Russia)
https://orcid.org/0009-0003-0694-079X

Corresponding author: S. Doroshenko (doroshenkos@mail.ru).

Abstract. *The study's purpose is to assess the impact of the human development index, as a combination of factors of life expectancy, education and economic growth, on the development of small and medium-sized businesses in the regions of Russia. The average number of employees in small, medium and micro enterprises, as well as in individual entrepreneurship, is taken as an indicator of SME development. Within the framework of the hypothesis, an assumption is made about the ambiguity of the index's impact on employment in the SME*

[1] © Дорошенко С. В., Санаева О. В., Соломатин Я. И. Текст. 2025.

sector. The analysis is based on data from the regions of Russia for 2013–2019. The method of instrumental variables was used.. The evaluation showed that the growth of the index has a positive effect on employment in microenterprises and individual entrepreneurs, but negatively on employment in medium-sized enterprises. In the future, it is planned to analyze the impact of other factors on the SME development.

Keywords: index human development; small and medium-sized enterprises; microenterprises; individual entrepreneurship; employment

Введение

Экономический рост обеспечивается стабильностью предпринимательской деятельности, что, в свою очередь, определяется разнообразными факторами, которые в рамках эклектической теории предпринимательства, предложенной (Verheul et al., 2002), укрупненно рассматриваются как факторы спроса и предложения. Факторы спроса отражают условия развития предпринимательства, факторы предложения — ресурсы для этого развития. Ресурсами, по нашему мнению, среди прочего могут являться уровень образования и продолжительность жизни населения, а одним из условий — общая экономическая ситуация в регионе. В совокупности условия и ресурсы влияют как на готовность непосредственно заниматься предпринимательством, так и на трудоустройство в этом секторе экономики. И в этом плане ситуация в России складывается в последние годы достаточно благоприятная. Например, положительные сдвиги отмечались участниками проекта GEM («Глобальный мониторинг предпринимательства»), до 2022 г. проводимого Высшей школой менеджмента СПбГУ при поддержке «Сбера». С 2022 г. участие России в проекте GEM приостановлено, однако в силу сохраняющейся потребности в подобного рода исследованиях ВШЭ продолжает эту работу, опираясь на методологию GEM. По результатам исследований, уже в 2019–2020 гг. был зафиксирован резкий рост предпринимательской активности в России и еще более резкий — предпринимательских намерений населения. К примеру, в 2020 г. 75,3 % россиян оценивали карьеру предпринимателя как привлекательную, в 2019 г. с таким утверждением согласились 73,7 %. Следует отметить, что это были пиковые годы значений данного показателя, поскольку в дальнейшем наблюдалось снижение его значений, и в 2023 г. только 66,4 % опрошенных россиян считали начало своего бизнеса хорошим выбором. Примечательно, что привлекательность предпринимательской карьеры снижается с возрастом. Так, для респондентов из групп в возрасте от 18 до 45 лет значение данного индекса колеблется от 68,8 % до 70,4 %, а для старших возрастных групп уже уменьшилось до 61 %. Индекс предпринимательских намерений россиян в 2022 г. впервые за все время наблюдений составил 29,9 %, тогда как до этого наибольшее значение показателя было в 2019 г. и составляло всего лишь 14 %. В 2023 г. вновь был зафиксирован рост уровня предпринимательских намерений, хотя значение показателя увеличилось лишь на 0,8 % и в итоге составило 30,7 %. При этом о планах открыть свое дело в ближайшие три года в 2022 г. заявили 44 % молодых респондентов в возрасте от 18 до 34 лет. В 2023 г. наиболее высокий уровень предпринимательских намерений был зафиксирован у студентов: более 50 % респондентов этой группы планировали создать бизнес в ближайшие три года. Уровень предпринимательских намерений традиционно у мужчин выше, чем у женщин: в 2023 г. это соотношение было 32,2 % против 28,5 %[1].

[1] Мониторинг предпринимательской активности. URL: https://gsom.spbu.ru/research/research_statistics/gem/ (дата обращения: 14.01.2025).

Таблица 1

Количество юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, сведения о которых содержатся в Едином реестре субъектов малого и среднего предпринимательства

Федеральные округа	Всего	из них							
		Юридических лиц				Индивидуальных предпринимателей			
		всего	из них			всего	из них		
			Микро-	Малое	Среднее		Микро-	Малое	Среднее
по состоянию на 01.01.2017 г.									
Российская Федерация	5865780	2816794	2556939	239904	19951	3048986	3020000	28584	402
Центральный ФО	1771841	985980	889891	87664	8425	785861	779299	6463	99
Северо-Западный ФО	673351	385584	351621	31627	2336	287767	285243	2492	32
Южный ФО	692589	213886	194625	17828	1433	478703	475099	3567	37
Северо-Кавказский ФО	198867	47326	42841	4131	354	151541	150699	832	10
Приволжский ФО	1068590	494041	446160	44497	3384	574549	567786	6666	97
Уральский ФО	509842	250038	228952	19529	1557	259804	256965	2799	40
Сибирский ФО	689615	325702	298344	25524	1834	363913	359857	3994	62
Дальневосточный ФО	261085	114237	104505	9104	628	146848	145052	1771	25
по состоянию на 01.01.2025 г.									
Российская Федерация	6588535	2260035	2045090	194516	20429	4328500	4295881	32089	530
Центральный ФО	2084724	821670	740434	72826	8410	1263054	1254868	8016	170
Северо-Западный ФО	725335	283036	255416	25176	2444	442299	439070	3190	39
Южный ФО	752436	172434	156160	14790	1484	580002	575343	4597	62
Северо-Кавказский ФО	253025	55626	51273	3933	420	197399	196092	1280	27
Приволжский ФО	1133188	379561	342530	33660	3371	753627	747451	6083	93
Уральский ФО	541345	189910	172655	15675	1580	351435	348372	3037	26
Сибирский ФО	651803	229514	208820	18880	1814	422289	418872	3357	60
Дальневосточный ФО	330634	113383	104080	8541	762	217251	215059	2146	46
Юго-Западные субъекты РФ	116045	14901	13722	1035	144	101144	100754	383	7

Источник: Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства. Федеральная налоговая служба. URL: https://ofd.nalog.ru/statistics.html (дата обращения: 14.01.2025).

Одновременно в России наблюдается региональная демографическая и экономическая неоднородность, что, на наш взгляд, может оказывать влияние на уровень развития малого и среднего предпринимательства. Эта позиция подтверждена и в отдельных исследованиях (Дорошенко, Шеломенцев, 2019). Ниже приведены сведения о числе субъектов малого и среднего предпринимательства, содержащиеся в Едином реестре субъектов малого и среднего предпринимательства Федеральной налоговой службы России (табл. 1). В настоящее время наиболее полная статистика о количестве субъектов МСП находится именно на сайте ФНС России по сравнению с информацией Росстата, где данные о числе МСП в региональном разрезе не представлены с 2018 г.

Из таблицы 1 очевидно, что в целом по России за период 2016–2024 гг. на 12,3 % увеличилось число субъектов МСП, но произошло это за счет индивидуальных предпринимателей, общее число которых выросло во всех федеральных округах, и рост составил от 116,4 % в Сибирском ФО до 160,7 % в Центральном ФО, а в среднем по России — 142 %. При этом число юридических лиц МСП в большинстве регионов сокращалось — от 30 % в Сибирском ФО до 1 % в Дальневосточном ФО. Рост наблюдался только в Северо-Кавказском ФО на 17,5 %. В среднем по России сокращение составило 20 %. Что касается размеров предприятий МСП, то среди юридических лиц на фоне общего сокращения субъектов МСП в большинстве округов увеличилось число средних предприятий. Среди индивидуальных предпринимателей наибольший рост на 42,2 % показали микропредприятия, при этом среди федеральных кругов наибольший рост микропредприятий наблюдался в Центральном ФО — на 61 %. Число средних предприятий на 170 % увеличились в Северо-Кавказском ФО, а в Уральском ФО оно сократилось на 35 % за анализируемый период.

Следует также отметить, что во второй части таблицы 1 присутствует информация по новым регионам России — Юго-Западным субъектам РФ, где сейчас достаточно активно развивается малый и средний бизнес. Примечательно, что рост числа субъектов МСП в целом по России в 2024 г. по сравнению с 2016 г. на 16,1 % обеспечен именно этими регионами. Одновременно новые регионы обеспечили 30,1 % роста средних предприятий юридических лиц, а также 7,9 %, 10,9 % и 5,5 % микро-, малых и средних предприятий соответственно по индивидуальным предпринимателям.

Обзор литературы

Возвращаясь к выделенным выше условиям и ресурсам развития малого и среднего предпринимательства, отметим, что три составляющие, а именно долголетие, образование и доход (через экономическое развитие региона), были соединены еще в базовом варианте Индекса человеческого развития (Human Development Index — HDI), который с 1990 г. рассчитывается по почти двум сотням стран. Со временем появились его дополненные варианты с учетом планетарной нагрузки и гендерного равенства. Кроме того, исследователями предлагаются модификации с поправками на богатство (Resce, 2021) или общий уровень развития государства (Noorbakhsh, 1998). В межстрановых эконометрических исследованиях HDI чаще используется как зависимая переменная (Banik, 2022; Fatemeh, 2023). Однако со временем, после адаптации методик его расчета,

индекс стал интересен и для региональных исследований (Рюмина, 2020; Скоков, 2022; Femba, 2022; Fadela, 2022).

В данном исследовании мы предлагаем на выборке российских регионов проанализировать влияние HDI на один из показателей развития МСП, а именно занятости населения в этом секторе. Таким образом, новизна исследования состоит в оценке влияния HDI как совокупного показателя долголетия, образования и экономического развития на предпринимательскую активность в регионах России. В модели индекс является объясняющей переменной.

Материалы и методы

Для оценки модели были использованы готовые значения регионального Индекса человеческого развития, рассчитанные Аналитическим центром при Правительстве России по адаптированной методике[1], согласно которой индекс представляет собой среднее геометрическое трех компонентов: индекса долголетия (ожидаемая продолжительность жизни в регионе при рождении), индекса образования (доля грамотного населения и доля обучающихся в общем числе людей в возрасте от 7 до 24 лет) и индекса дохода (ВРП на душу населения по ППС). К сожалению, в открытом доступе возможно найти только значения за период 2013–2019 гг. Это является ограничением анализа с позиции временно́го периода.

Зависимыми переменными выступают различные показатели занятости в МСП, поскольку занятость выступает одной из основных характеристик предпринимательской активности. Анализ был проведен с учетом размеров предприятий: микро-, малые, средние. Кроме того, отдельно были выделены индивидуальные предприниматели. Объясняемой переменной является Индекс человеческого развития, контрольной переменной — урбанизация в регионе. В моделях есть эндогенность, поскольку для расчета индекса используется ВРП, а в качестве зависимой переменной — занятость. Поэтому было решено использовать метод инструментальных переменных. В качестве инструментальной переменной был выбран уровень самоубийств регионе на 100000 населения, который мы считаем связанным с HDI через продолжительность жизни. При этом этот показатель вряд ли оказывает непосредственное влияние на занятость в малом секторе экономики. Описание переменных представлено в таблице 2.

На основе обзора более ранних исследований и выбранных переменных выдвинута гипотеза о том, что увеличение HDI оказывает неоднозначное влияние на уровень занятости в секторе МСП в зависимости от размера предприятий.

Результаты моделирования

В выборку вошли данные по 83 российским регионам. По причине недостаточности данных были исключены Республика Крым, г. Севастополь и новые регионы. Период наблюдений составил 7 лет — с 2013 по 2019 г.

В табл. 3 представлена описательная статистика выбранных переменных. Общее число наблюдений в модели равно 581, и она является сбалансированной.

[1] Индекс человеческого развития в России: региональные различия. Аналитическая записка. URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/analitika/2022/_2021_long.pdf (дата обращения: 31.01.2023).

Таблица 2

Описание переменных моделей

Зависимые переменные	
EmplSB10000POPUL	Средняя численность работников на малых предприятиях на 10000 населения региона, человек
EmplMICRO10000POPUL	Средняя численность работников на микропредприятиях на 10000 населения региона, человек
IE10000POPUL	Число индивидуальных предпринимателей на 10000 населения региона, человек
FAM1000IE	Число помогающих членов семьи, занятых в сфере индивидуального предпринимательства, на 1000 индивидуальных предпринимателей, человек
IEPARTNER	Число партнеров, занятых в сфере индивидуального предпринимательства, человек
EmpIE	Число наемных работников, занятых в сфере индивидуального предпринимательства, человек
EmplMB10000POPUL	Средняя численность работников на средних предприятиях на 10000 населения региона, человек
Объясняющая переменная	
HDI	Индекс человеческого развития, усл. ед.
Контрольная переменная	
urban	Доля городского населения в регионе, %
Инструментальная переменная	
suicide	Число самоубийств на 100000 населения в регионе, ед.

Источник: составлено авторами на основе данных Росстат. Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: (дата обращения: 11.01.2025); ЕМИСС. Число умерших по основным классам и отдельным причинам смерти в расчете на 100000 населения за год. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/31270 (дата обращения: 11.01.2025).

Таблица 3

Описательная статистика переменных модели

Переменная	Среднее значение	Стандартное отклонение	Минимум	Максимум	Наблюдения
EmplSB10000POPUL	647.9202	292.9202	34.78185	2807.104	581
EmplMICRO10000POPUL	265.9318	144.323	15.56699	1329.026	581
IE10000POPUL	179.0261	64.87356	47.75074	703.8172	581
FAM1000IE	26.9161	19.34709	5.660122	199.0909	581
IEPARTNER	0.910195	1.300038	0	12.9	581
EmpIE	29.81349	25.97227	0.379	158.923	581
EmplMB10000POPUL	23.0883	10.02804	2.8	64.1	581
HDI	0.8306833	0.0307212	0.734	0.94	581
urban	70.41429	13.01394	29	100	581
suicide	18.47396	12.02819	0.15	65.9	581

Источник: составлено авторами по расчетам в пакете Stata.

Результаты табл. 3 содержат информацию о средних, минимальных и максимальных значениях показателей, а также о величине стандартного отклонения. Очевидно, что величина стандартного отклонения большинства переменных

имеет весьма высокие значения. Поэтому в дальнейшем переменные были прологарифмированы в связи с высокой неоднородностью значений по регионам. Среднее значение нашей объясняемой переменной HDI составляет 0,831 единицу, что примерно соответствует средним значениям за анализируемый период таких регионов, как Саратовская и Иркутская области.

Результаты VIF-теста представлены в таблице 4.

Как видно из табл. 4, все значения VIF объясняющих переменных меньше 2, что подтверждает отсутствие мультиколлинеарности.

Результаты моделирования представлены в таблице 5. В квадратных скобках указаны стандартные ошибки. Всего оценивалось 7 спецификаций с разными зависимыми переменными.

В наших моделях одна зависимая переменная и один инструмент. Поэтому для оценки слабости инструментов, а именно, вносят ли они вклад в объяснение эндогенной переменной, мы можем использовать только значения F-статистики.

Таблица 4

Результаты VIF-теста переменных моделей

Переменные	**L_ EmplSB10000 POPUL**	**L_ EmplMICRO 10000 POPUL**	**L_IE10000 POPUL**	**L_FAM1000IE**	**L_ IEPARTNER**	**L_EmpIE**	**L_ EmplMB10000 POPUL**
HDI	1.51	1.51	1.51	1.51	1.52	1.51	1.49
urban	1.51	1.51	1.51	1.51	1.53	1.51	1.44
suicide	1.09	1.09	1.09	1.09	1.09	1.09	1.08
Mean VIF	1.37	1.37	1.37	1.37	1.38	1.37	1.34

Источник: составлено авторами по расчетам в пакете Stata.

Таблица 5

Коэффициенты моделей с инструментальными переменными

Модели Переменные	**IV1**	**IV2**	**IV3**	**IV4**	**IV5**	**IV6**	**IV7**
	Зависимые переменные						
	L_ EmplSB 10000 POPUL	**L_Empl MICRO 10000 POPUL**	**L_ IE10000 POPUL**	**L_ FAM 1000IE**	**L_IE PARTNER**	**L_EmpIE**	**L_ EmplMB 10000 POPUL**
L_HDI	–0.629 [1.541]	4.013** [1.75]	2.017* [1.21]	2.073 [1.935]	10.971*** [4.113]	2.417* [1.307]	-9.608*** [1.399]
L_urban	–0.107 [0.717]	0.705 [0.815]	–1.591*** [0.563]	1.523* [0.901]	–1.057 [1.883]	2.835*** [0.609]	–1.087 [1.937]
cons	6.694** [3.188]	[3.216] [3.621]	12.244*** [2.504]	–2.924 [4.003]	5.842 [8.369]	-8.554*** [2.705]	7.451 [8.426]
F	13.15	10.39	12.16	5.71	10.89	118.00	37.87
R^2 within	—	0.08	0.03	0.02	0.02	0.09	0.37
N	581	581	581	581	570	581	574

Примечание: *** $p < 0,01$, ** $p < 0,05$, * $p < 0,1$

Источник: составлено авторами по расчетам в пакете Stata.

Очевидно, что в модели IV4 F-статистика ниже 10, что говорит о слабости выбранного нами инструмента для оценки. Однако в остальных моделях F-статистика больше 10, поэтому инструмент считается релевантным. При обсуждении результатов мы опустим модель IV4.

Обсуждение результатов

Результаты моделирования показали, что в большинстве моделей Индекс человеческого развития оказывает влияние на численность занятых в секторе МСП. При этом на занятость на микропредприятиях и у индивидуальных предпринимателей оказывается положительное влияние, то есть занятость растет. А вот на занятость в среднем бизнесе оказывается обратное воздействие, то есть с увеличением HDI численность работников снижается. Допускаем, что в анализируемый период малый бизнес развивался более активно по сравнению со средним, что отчасти подтверждается и статистическими данными: численность занятых на средних предприятиях в большинстве регионов в этот период действительно снижалась. Положительное влияние HDI оказывает на численность индивидуальных предпринимателей и число их партнеров. Стоит отметить, что коэффициент последней переменной имеет наибольшее значение — 10.971, то есть увеличение на 1 процент HDI увеличивает почти на 11 процентов число партнеров, занятых в сфере индивидуального предпринимательства.

Контрольная переменная уровня урбанизации значима только в модели IV3, где она оказывает понижающее воздействие на число индивидуальных предпринимателей. Однако одновременно она значима в модели IV6, в которой она, наоборот, положительно влияет на занятость у индивидуальных предпринимателей.

Заключение

Таким образом, рассматривая Индекс человеческого развития как определенную совокупность, во-первых, демографических факторов (продолжительность жизни и уровень образования), а во-вторых, экономических условий региона через показатель ВРП, мы выявили его влияние на развитие предпринимательской активности. Выдвинутая нами гипотеза о неоднозначности влияния HDI на один из показателей развития малого и среднего предпринимательства, а именно занятости на предприятиях МСП и у индивидуальных предпринимателей, подтвердилась. Исследование на региональной выборке показало, что рост HDI положительно влияет на занятость на микропредприятиях и у индивидуальных предпринимателях, а также на число партнеров, занятых в сфере ИП, но отрицательно — на занятость на средних предприятиях. В дальнейшем планируется расширить временны́е рамки периодов, а также проанализировать воздействие других факторов на развитие МСП, оценивая в том числе и другие показатели его развития в российских регионах.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 25-28-01367).

Acknowledgements

This research was supported by the Russian Scientific Foundation, the project No 25-28-01367.

Список источников

Дорошенко, С.В., Шеломенцев, А.Г. (2019). Эконометрическая оценка численности молодежи в составе факторов развития малого предпринимательства в регионе. *Экономика региона, 15* (4). 1115–1128. http://doi.org/10.17059/2019-4-12

Рюмина, Е.В. (2020). Экологически скорректированный индекс человеческого развития. *Народонаселение, 23* (1). 4–12. http://doi.org/10.19181/population.2020.23.1.1

Скоков, Р. Ю., Рогачев, А. Ф. (2022). Человеческое развитие и потребление алкоголя: состояние и взаимосвязь в российских регионах. *Регионология, 30* (2). 342–358. http://doi.org/10.15507/2413-1407.119.030.202202.342-358

Banik, B., Roy, Ch., & Hossain, R. (2022). Healthcare expenditure, good governance and human development. *EconomiA, 24* (1), 1–23. http://doi.org/10.1108/ECON-06-2022-0072

Fadela, P., Saring, S., & Pigo N. (2022). Analysis of factors affecting the level of the human development index. *Asian Journal of Economics and Business Management, 1* (3), 218 — 228. http://doi.org/10.53402/ajebm.v1i3.229

Fatemeh, R., Mohebat, V., & Dagfinn, A. (2023). *Correlation between COVID-19 vaccination coverage and human development index*. PREPRINT. http://doi.org/10.21203/rs.3.rs-2365370/v1

Femba, S. D. (2022). Exploratory Analysis of Regional Disparities in Human Development in Cameroon. *Journal of Economics, Finance and Management Studies, 5* (10), 3002–3010. http://doi.org/10.47191/jefms/v5-i10-21

Noorbakhsh, F. (1998). A Modified Human Development Index. *World Development, 26,* 517–528. http://doi.org/10.1016/S0305-750X(97)10063-8

Resce, G. (2021). Wealth-adjusted Human Development Index. *Journal of Cleaner Production, 318,* 128587. http://doi.org/10.1016/j.jclepro.2021.128587

Verheul, I. et al. (2002). An eclectic theory of entrepreneurship: policies, institutions and culture. In *Entrepreneurship: Determinants and Policy in a European-US Comparison. Economics of Science, Technology and Innovation* (pp. 11–81). Boston: Springer, 248. http://doi.org/10.1007/0-306-47556-1_2

References

Banik, B., Roy, Ch., & Hossain, R. (2022). Healthcare expenditure, good governance and human development. *EconomiA, 24* (1), 1–23. http://doi.org/10.1108/ECON-06-2022-0072

Doroshenko, S.V., & Shelomentsev, A.G. (2019). Econometric assessment of the number of young people among the factors of small business development in the region. *Economika regiona [Economy of Regions], 15* (4), 1115–1128. http://doi.org/10.17059/2019-4-12 (In Russ.)

Fadela, P., Saring, S., & Pigo N. (2022). Analysis of factors affecting the level of the human development index. *Asian Journal of Economics and Business Management, 1* (3), 218 — 228. http://doi.org/10.53402/ajebm.v1i3.229

Fatemeh, R., Mohebat, V., & Dagfinn, A. (2023). *Correlation between COVID-19 vaccination coverage and human development index*. PREPRINT. http://doi.org/10.21203/rs.3.rs-2365370/v1

Femba, S. D. (2022). Exploratory Analysis of Regional Disparities in Human Development in Cameroon. *Journal of Economics, Finance and Management Studies, 5* (10), 3002–3010. http://doi.org/10.47191/jefms/v5-i10-21

Noorbakhsh, F. (1998). A Modified Human Development Index. *World Development, 26,* 517–528. http://doi.org/10.1016/S0305-750X(97)10063-8

Resce, G. (2021). Wealth-adjusted Human Development Index. *Journal of Cleaner Production, 318,* 128587. http://doi.org/10.1016/j.jclepro.2021.128587

Ryumina, E.V. (2020). The ecologically adjusted human development index. *Narodonaseleniye [Population], 23*(1). 4–12. http://doi.org/10.19181/population.2020.23.1.1 (In Russ.)

Skokov, R. Y., & Rogachev, A. F. (2022). Human development and alcohol consumption: the state and interrelation in Russian regions. *Regionologiya [Russian Journal of Regional Studies], 30*(2). 342–358. http://doi.org/10.15507/2413-1407.119.030.202202.342-358 (In Russ.)

Verheul, I. et al. (2002). *An eclectic theory of entrepreneurship: policies, institutions and culture. In* Entrepreneurship: Determinants and Policy in a European-US Comparison. Economics of Science, Technology and Innovation (pp. 11–81). Boston: Springer, 248. http://doi.org/10.1007/0-306-47556-1_2

Дорошенко Светлана Викторовна — доктор экономических наук, доцент, заведующий сектором исследований адаптации региональных систем, Институт экономики УрО РАН; https://orcid.org/0000-0002-8282-6062 (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: doroshenkos@mail.ru).

Санаева Ольга Владимировна — младший научный сотрудник, Институт экономики УРО РАН; https://orcid.org/0000-0002-9826-9547 (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: olg.sanaev@yandex.ru).

Соломатин Ярослав Игоревич — младший научный сотрудник, Институт экономики УРО РАН; https://orcid.org/0009-0003-0694-079X (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: yas8@mail.ru).

Svetlana V. Doroshenko — Doctor of Economics, Associate Professor, Head of the Research Sector of Adaptation of Regional Systems, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; https://orcid.org/0000-0002-8282-6062 (29 Moskovskaya str., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: doroshenkos@mail.ru).

Olga V. Sanaeva — Junior researcher, Institute of Economics of the Ural Branch of RAS; https://orcid.org/0000-0002-9826-9547 (29 Moskovskaya str., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: olg.sanaev@yandex.ru).

Yaroslav I. Solomatin — Junior researcher, Institute of Economics of the Ural Branch of RAS; https://orcid.org/0009-0003-0694-079X (29 Moskovskaya str., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: yas8@mail.ru).

УДК 332.1
JEL classification: R11, O18
https://www.doi.org/10.17059/udf-2025-2-9

Проблемы функционирования вузов в интересах устойчивого развития региона (на примере субъектов Уральского экономического района)[1]

О. В. Котомина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Пермский филиал, г. Пермь, Россия).

https://orcid.org/0000-0003-0809-1712

Автор для корреспонденции: О.В. Котомина (kotominaov@gmail.com)

Аннотация. *Статья посвящена исследованию проблем функционирования региональных систем вузов в контексте устойчивого развития регионов Уральского экономического района. На основе открытых источников были собраны данные за 8 лет (2015–2022 гг.). На основе индексного метода проведена оценка функционирования региональных систем вузов, устойчивого развития регионов, а также взаимосвязи между ними. Среди ключевых проблем функционирования вузов в анализируемых регионах выявлены отсутствие системности в реализации функции взаимодействия с работодателями, нарастание дифференциации по образовательной функции, межфункциональная разбалансированность, что в совокупности приводит к диспропорции отставания, ограничивающей возможности влияния вузов на устойчивое развитие территории своего присутствия. Полученные результаты могут быть интересны исследователям проблем устойчивого регионального развития, руководителям вузов, ориентированных на реализацию «третьей миссии» университета, а также могут быть использованы для проработки решений по развитию высшего образования в интересах устойчивого развития регионов Урала.*

Ключевые слова: устойчивое развитие региона, высшее образование для устойчивого развития, вуз, регион

Problems of Higher Education Institutions Performance for Region Sustainable Development (on the Example of Subjects of the Ural Economic Region)

O. Kotomina

National Research University Higher School of Economics, Perm branch, (Perm, Russia)

https://orcid.org/0000-0003-0809-1712

Corresponding author: O.Kotomina (kotominaov@gmail.com)

Abstract. *The article is devoted to the study of the problems of regional systems of higher education institutions performance in the context of region sustainable development of the Ural economic region. Data were collected for 8 years (2015–2022) and the index method was used for analysis. Among the key problems of functioning of higher education institutions, the lack of consistency in the implementation of the interaction with employers function, increasing differentiation in the educational function and interfunctional imbalance were identified, which together leads to a disproportion of the lag, limiting the possibilities of influencing universities on the sustainable development of the region. The obtained results may be of interest to researchers of problems of sustainable regional development, heads of universities focused on the implementation of the «third mission» of the university and can also be used to elaborate solutions for the development of higher education for sustainable development of the Ural regions.*

Keywords: sustainable regional development, higher education for sustainable development, university, region.

[1] © Котомина О. В. Текст. 2025.

Введение

Вопрос влияния вузов на устойчивое развитие активно обсуждается в научной литературе. При этом обзор предыдущих исследований показал, что чаще они сфокусированы на политике и деятельности внутри организации высшего образования (например, Lee et al., 2013, Jorge et al., 2015, Lozano et al., 2015, Alghamdi et al., 2017). Меньше внимания уделяется влиянию, которое вузы фактически оказывают на общество, окружающую среду и экономику за пределами своей организации, например, вклад в смягчение последствий изменения климата или образ жизни выпускников университетов (Findler et al., 2019, Xiong & Mok, 2020). Авторы говорят о наличии такого влияния, но не включают подобные параметры в системы оценки. Поэтому отмечается недостаток исследований, в которых изучается вклад вуза в обеспечение устойчивости на локальном уровне, в месте его расположения (Koehn & Uitto, 2014, Leal Filho et al., 2019).

Устойчивое развитие становится важным направлением государственной региональной политики. Однако региональные вузы на сегодняшний день недостаточно включены в решение задач устойчивого развития.

Результаты

Данное исследование сфокусировано на регионах Уральского экономического района (УЭР), в который входят семь регионов страны: Свердловская, Челябинская, Курганская, Оренбургская области, Пермский край, а также Республика Башкортостан и Удмуртская Республика. Выбор объясняется тем, что «Уральский экономический район является относительно целостным территориально-экономическим образованием, что обусловлено взаимосвязанным по многим параметрам природным базисом, внутрирегиональными потоками сырья, энергии, готовой продукции, рабочей силы, общностью экономических, демографических, экологических, транспортных и иных проблем» (Силин и др., 2017). УЭР вносит значительный вклад в современное социально-экономическое развитие России. По данным Росстата, на долю УЭР в 2022 г. приходилось 9,2 % валового регионального продукта; 8 % общего объема инвестиций в основной капитал, 12,1 % численности занятых, 12,5 % численности населения страны[1]. В регионах УЭР расположены 146 вузов (включая филиалы), что является подходящей базой для исследования уровня их функционирования, уровня устойчивого развития и их взаимосвязи.

Для проведения исследования по разработанному авторами перечню индикаторов (23 индикатора по функциям вузов, представленных в работе (Котомина & Третьякова, 2024)), основным источником которых стал Мониторинг деятельности образовательных организаций высшего образования[2] и 64 индикатора по сферам устойчивого развития, отобранных из Национального набора показателей

[1] Регионы России. Социально-экономические показатели. Росстат [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204 (дата обращения: 01.03.2024).

[2] Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга деятельности образовательных организаций высшего образования, Главный информационно-вычислительный центр. URL: https://monitoring.miccedu.ru/?m=vpo (дата обращения: 01.03.2024).

целей устойчивого развития (ЦУР)[1] на основе подхода, представленного в работе Т.В. Алферовой (Алферова, 2022) были собраны данные за 8 лет — с 2015 по 2022 г.

В исследовании использовался индексный метод, предусматривающий нормализацию индикаторов с последующим их агрегированием в групповые и интегральный индексы (методика нормализации и агрегирования представлена в работе (Котомина & Третьякова, 2024)). Для оценки и интерпретации результатов была выбрана квартильная четырехуровневая модель (табл. 1).

Результаты оценки значений групповых индексов по отдельным функциям и интегрального индекса, комплексно характеризующего функционирование региональных систем вузов, представлены в таблицах 2 и 3.

Данные таблицы 2 показывают, что в УЭР только один регион демонстрировал положительную динамику в исследуемом периоде по всем функциям региональной системы вузов — Республика Башкортостан. Данный результат обусловлен интеграцией производства, науки и образования в республике, развитой системой международного сотрудничества и лидерскими позициями региона по объемам средств, выделяемых на науку и образование на региональном уровне (республиканские премии и гранты)[2]. Важно отметить, что в Башкортостане три вуза участвуют в программе «Приоритет 2030»[3].

Снижение групповых индексов по всем функциям региональной системы вузов наблюдается в Удмуртской Республике. Это может объясняться тем, что в регионе нет научно-исследовательских, федеральных университетов — участников проекта «5-100». Только один вуз является участником программы «Приоритет 2030»[4]. Это также может быть последствием того, что в регионе приоритетное значение отдается развитию системы среднего профессионального образования и подготовке профессиональных кадров для промышленных предприятий республики[5].

Рост по трем из четырех функций (кроме взаимодействия с работодателями) наблюдался в Свердловской и Челябинской областях. В остальных регионах две функции с положительной и две функции с отрицательной динамикой.

Рассмотрение данных таблицы 2 в разрезе функций приводит к выводу, что наихудшая динамика наблюдается по функции взаимодействия с работодателями — снижение группового индекса демонстрируют пять регионов из семи. Групповые индексы образовательной и управленческой функций выросли в пяти регионах из семи.

---

[1] Национальный набор показателей ЦУР. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/sdg/national (дата обращения: 20.05.2024).

[2] Республика Башкортостан. Развитие науки и образования // Информационно-аналитический журнал Аккредитация в образовании. URL: https://akvobr.ru/rb_razvitie_nauki_i_obrazovanija.html (дата обращения: 08.08.2024).

[3] Интерактивная карта Национального проекта «Наука и университеты». URL: https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/projects/nauka-i-universitety/#map (дата обращения: 08.08.2024).

[4] Интерактивная карта Национального проекта «Наука и университеты».URL: https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/projects/nauka-i-universitety/#map (дата обращения: 08.08.2024).

[5] Удмуртская республика — региональный обзор. // Информационно-аналитический журнал Аккредитация в образовании. URL: https://akvobr.ru/udmurtskaja_respublika_regionalnyi_obzor.html (дата обращения: 08.08.2024).

Таблица 1

Критериальные границы групповых и интегральных индексов

Критериальные границы	**0,00 — 0,24**	**0,25 — 0,49**	**0,50 — 0,74**	**0,75 — 1,00**
Обозначение	D	C	B	A
Характеристика уровня	Низкий	Недостаточный	Достаточный	Высокий

Источник: составлено автором

Таблица 2

Динамика групповых индексов функций региональной системы вузов по регионам УЭР

Функция	**Образовательная функция**			**Научно-исследовательская функция**			**Функция взаимодействия с работодателями**			**Управленческая функция**		
Регион	**2015**	**2022**	**Δ**	**2015**	**2022**	**Δ**	**2015**	**2022**	**Δ**	**2015**	**2022**	**Δ**
Оренбургская область	0,26 C	0,34 C	**0,08**	0,17 D	0,16 D	-0,01	0,24 D	0,30 C	**0,06**	0,32 C	0,29 C	–0,03
Пермский край	0,25 C	0,32 C	**0,07**	0,34 C	0,29 C	-0,05	0,33 C	0,16 D	–0,17	0,49 C	0,54 B	**0,05**
Республика Башкортостан	0,25 C	0,30 C	**0,05**	0,30 C	0,35 C	**0,05**	0,28 C	0,35 C	**0,07**	0,38 C	0,44 C	**0,06**
Удмуртская Республика	0,29 C	0,26 C	–0,03	0,21 D	0,18 D	-0,03	0,21 D	0,18 D	–0,03	0,36 C	0,35 C	–0,01
Курганская область	0,20 D	0,19 D	–0,01	0,10 D	0,15 D	**0,05**	0,16 D	0,14 D	–0,02	0,26 C	0,35 C	**0,09**
Свердловская область	0,31 C	0,39 C	**0,08**	0,29 C	0,41 C	**0,12**	0,32 C	0,18 D	–0,14	0,47 C	0,48 C	**0,01**
Челябинская область	0,29 C	0,33 C	**0,04**	0,26 C	0,43 C	**0,17**	0,34 C	0,26 C	–0,18	0,41 C	0,45 C	**0,04**

Примечание: рассчитано автором. Полужирным шрифтом выделена положительная динамика.
Источник: составлено автором.

Согласно таблице 3, интегральный индекс функционирования региональных систем вузов имел отрицательную динамику у двух регионов (Пермский край и Удмуртская республика). К концу анализируемого периода интегральный индекс у пяти регионов был на недостаточном уровне (C) и на низком уровне (D) у двух регионов (Удмуртская республика, Курганская область).

Для более полных выводов о функционировании региональной системы вузов в регионах УЭР был проведен статико-динамический анализ (рис. 1).

Четыре региона УЭР (Республика Башкортостан, Свердловская, Челябинская и Оренбургская области) при недостаточном уровне (C) интегрального индекса функционирования высшего образования демонстрировали положительную динамику за анализируемый период. Пермский край оказался в квадранте с недостаточным (C) уровнем интегрального индекса функционирования вузов и отрицательной динамикой. Следует обратить внимание на то, что в Пермском крае не обеспечивается необходимый уровень динамики, что может привести

Таблица 3

Динамика интегрального индекса функционирования региональных систем вузов в регионах УЭР

Регион	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	Δ
Оренбургская область	0,24 D	0,25 C	0,24 D	0,22 D	0,23 D	0,26 C	0,28 C	0,26 C	0,02
Пермский край	0,34 C	0,33 C	0,33 C	0,34 C	0,31 C	**0,35** C	**0,36** C	0,30 C	–0,04
Республика Башкортостан	0,30 C	0,31 C	0,31 C	0,31 C	0,32 C	**0,36** C	**0,35** C	**0,36** C	0,06
Удмуртская Республика	0,26 C	0,23 D	0,28 C	0,22 D	0,23 D	0,23 D	0,23 D	0,23 D	–0,03
Курганская область	0,17 D	0,18 D	0,20 D	0,16 D	0,17 D	0,22 D	0,22 D	0,19 D	0,02
Свердловская область	0,34 C	**0,36** C	**0,37** C	**0,37** C	0,32 C	0,33 C	0,33 C	0,34 C	0,00
Челябинская область	0,32 C	0,34 C	0,32 C	0,31 C	0,30 C	**0,35** C	**0,37** C	**0,36** C	0,04

Примечание: рассчитано автором. Наивысшие значения интегрального индекса отмечены полужирным шрифтом.

Источник: составлено автором.

Уровень реализации функций ВО в 2022 году	C	Пермский край	Республика Башкортостан Свердловская область Челябинская область Оренбургская область
	D	Удмуртская Республика	Курганская область
		Ниже	100 % Выше
		Динамика за период	

Рис. 1. *Статико-динамический анализ функционирования систем высшего образования в регионах УЭР (источник: составлено автором)*

к ухудшению ситуации в регионе. Курганская область находится в квадранте с низким значением индекса в 2022 г., но с положительной динамикой за период. Удмуртская Республика является регионом, где и достигнутый уровень функционирования в 2022 г., и динамика в анализируемом периоде были низкими. К такому положению привело выявленное ранее снижение групповых индексов по всем функциям региональной системы вузов.

Таким образом, анализ функционирования вузов в регионах УЭР позволил выявить следующие основные тенденции:

— к концу анализируемого периода регионами-лидерами по уровню функционирования региональной системы вузов в УЭР являются Республика Башкортостан и Челябинская область;

— в Пермском крае наблюдается значительная разбалансированность функций и недостаточная динамика интегрального индекса в анализируемом периоде;

— в Курганской области, несмотря на низкие значения интегрального индекса, наблюдается его положительная динамика. Удмуртская Республика

демонстрирует снижение групповых индексов всех функций региональной системы вузов и отрицательную динамику интегрального индекса в анализируемом периоде;

— на изменение интегрального индекса функционирования вузов наибольшее влияние оказывают изменения групповых индексов образовательной функции и функции взаимодействия с работодателями. При этом выявлено отсутствие системности и сбалансированности в реализации последней.

Следующим этапом исследования стала оценка групповых индексов сфер УР и интегрального индекса УР (методика их расчета аналогична методике расчета индексов функционирования региональных систем вузов). Полученные результаты отражены в таблицах 4 и 5.

Данные таблицы 4 свидетельствуют о преобладающей положительной динамике групповых индексов за анализируемый период. Оренбургская область, Пермский край и Челябинская область демонстрируют рост групповых индексов по всем сферам устойчивого развития. Удмуртская Республика, Курганская и Свердловская области показывают рост по трем из четырех сфер УР региона. В Республике Башкортостан наблюдается стабильный уровень социальной сферы УР и рост уровня экологической и институциональной сфер.

Данные таблицы 4 в разрезе сфер устойчивого развития показывают рост групповых индексов экологической и институциональной сферы УР во всех субъектах Уральского экономического района. Отрицательная динамика более всего выражена у социальной сферы — наблюдается в Удмуртской республике, Курганской и Свердловской областях.

Анализ динамики интегрального индекса устойчивого развития в субъектах УЭР (табл. 5) позволил определить следующие основные тенденции:

Таблица 4

Динамика групповых индексов сфер устойчивого развития регионов УЭР

Сфера	**Экономическая сфера**			**Экологическая сфера**			**Социальная сфера**			**Институциональная сфера**		
Регион	**2015**	**2022**	**Δ**	**2015**	**2022**	**Δ**	**2015**	**2022**	**Δ**	**2015**	**2022**	**Δ**
Оренбургская область	0,34 C	0,38 C	**0,04**	0,40 C	0,48 C	**0,08**	0,57 B	0,58 B	**0,01**	0,43 C	0,61 B	**0,18**
Пермский край	0,43 C	0,46 C	**0,03**	0,50 B	0,65 B	**0,15**	0,56 B	0,59 B	**0,03**	0,45 C	0,53 B	**0,08**
Республика Башкортостан	0,44 C	0,41 C	–0,03	0,47 C	0,51 B	**0,04**	0,61 B	0,61 B	**0,00**	0,45 C	0,55 B	**0,10**
Удмуртская Республика	0,37 C	0,39 C	**0,02**	0,42 C	0,52 B	**0,10**	0,63 C	0,59 B	-0,04	0,50 B	0,63 B	**0,13**
Курганская область	0,25 C	0,34 C	**0,09**	0,37 C	0,42 C	**0,05**	0,52 B	0,45 C	–0,07	0,42 C	0,61 B	**0,19**
Свердловская область	0,42 C	0,45 C	**0,03**	0,54 B	0,65 B	**0,11**	0,58 B	0,57 B	–0,01	0,51 B	0,58 B	**0,07**
Челябинская область	0,40 C	0,45 C	**0,05**	0,50 B	0,57 B	**0,07**	0,56 B	0,57 B	**0,01**	0,48 C	0,57 B	**0,09**

Примечание: рассчитано автором. Полужирным шрифтом выделена положительная динамика.
Источник: составлено автором.

Таблица 5

Динамика интегрального индекса устойчивого развития в регионах УЭР

Регион	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	Δ
Республика Башкортостан	0,49 C	0,53 B	0,49 C	0,52 B	0,48 C	0,49 C	0,51 B	0,51 B	0,02
Удмуртская Республика	0,47 C	**0,55** B	0,52 B	0,50 B	0,50 B	0,52 B	0,51 B	0,53 B	0,06
Пермский край	0,48 C	0,52 B	0,53 B	0,53 B	0,53 B	**0,55** B	**0,55** B	**0,55** B	0,07
Оренбургская область	0,43 C	0,49 C	0,46 C	0,47 C	0,47 C	0,48 C	0,49 C	0,51 B	0,08
Курганская область	0,38 C	0,42 C	0,40 C	0,40 C	0,42 C	0,42 C	0,42 C	0,45 C	0,07
Свердловская область	0,51 B	**0,56** B	0,54 B	0,54 B	0,54 B	0,53 B	**0,55** B	**0,56** B	0,05
Челябинская область	0,48 C	0,51 B	0,50 B	0,50 B	0,51 B	0,53 B	0,52 B	0,54 B	0,06

Примечание: рассчитано автором. Наивысшие значения интегрального индекса устойчивого развития отмечены жирным шрифтом.

Источник: составлено автором.

— регионом-лидером по уровню устойчивого развития УЭР является Свердловская область, которая демонстрировала достаточный уровень (B) интегрального индекса УР на протяжении всего анализируемого периода;

— к концу анализируемого периода интегральный индекс устойчивого развития у шести регионов УЭР был на достаточном уровне (B) и у одного региона (Курганская область) был недостаточным (C);

— все регионы УЭР демонстрируют рост интегрального индекса УР в исследуемом периоде. Это свидетельствует о результатах реализации региональной политики в направлении целей устойчивого развития, обозначенных как на региональном, так и на федеральном уровнях.

Интегральный индекс УР		Интегральный индекс функционирования региональных вузов	
		C, D	A, B
A, B		Группа II Диспропорция отставания Республика Башкортостан Пермский край Свердловская область Челябинская область Удмуртская Республика Оренбургская область	Группа IV Лидеры —
C, D		Группа I Аутсайдеры Курганская область	Группа III Диспропорция опережения -

Рис. 2. *Матрица комплексной оценки устойчивого развития и функционирования высшего образования в регионах УЭР в 2022 году (источник: составлено автором)*

Коэффициент корреляции, рассчитанный между интегральными индексами функционирования региональной системы вузов и УР в регионах Уральского экономического района, составил 0,667 (p = 0,01), что говорит о наличии статистически значимой связи между ними.

На основе проведенного анализа была разработана матрица, в которой регионы УЭР были распределены по группам для дальнейшей разработки направлений управленческого воздействия (рис. 2).

Из рисунка следует, что Курганская область характеризуется наиболее слабой позицией (группа I, Аутсайдеры). Остальные шесть регионов УЭР демонстрируют диспропорцию отставания, при которой достаточному (B) уровню УР соответствует недостаточный (C) уровень функционирования региональных вузов (группа II).

Заключение

Проведенное исследование подтвердило наличие взаимосвязи между уровнем функционирования региональной системы вузов и уровнем социо-эколого-экономического развития регионов. Были выявлены межфункциональный дисбаланс и диспропорция отставания в функционировании региональных систем вузов в регионах УЭР.

Следующий шаг нашего исследования будет ориентирован на разработку конкретных управленческих воздействий для повышения уровня функционирования региональных систем вузов, чтобы они могли обеспечить больший вклад в устойчивое развитие своих регионов. Предполагается, что для группы I (аутсайдеры) прежде всего необходимы выравнивающие мероприятия, а для группы II важны стимулирующие мероприятия, ориентированные на преодоление диспропорции отставания в функционировании региональных систем вузов.

Список источников

Алферова, Т. В. (2022). Локализация целей устойчивого развития на примере регионов Приволжского и Уральского федеральных округов. *Всероссийский экономический журнал ЭКО, 10* (580), 148–167.

Котомина, О. *В., Третьякова, Е. А. (2024). Взаимосвязь развития региона и функционирования вузов (на примере Северо-Западного федерального округа). Балтийский регион, 16* (1), 117—140. https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-1-7

Силин, Я. П., Анимица, Е. Г., Новикова, Н. В. (2017). Тенденции развития экономического пространства Уральского макрорегиона. *Управленец, 2* (66), 2–11.

Alghamdi, N., den Heijer, A., & de Jonge, H. (2017). Assessment tools' indicators for sustainability in universities: an analytical overview. *International Journal of Sustainability in Higher Education, 18* (1), 84–115. https://doi.org/10.1108/IJSHE-04-2015-0071

Findler, F., Schönherr, N., Lozano, R., & Stacherl, B. (2019). Assessing the impacts of higher education institutions on sustainable development—an analysis of tools and indicators. *Sustainability, 11* (1), 1–19. https://doi.org/10.3390/su11010059

Jorge, M. L., Madueño, J. H., Cejas, M. Y. C., & Peña, F. J. A. (2015). An approach to the implementation of sustainability practices in Spanish universities. *Journal of Cleaner Production, 106,* 34–44. https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2014.07.035

Koehn, P. H., & Uitto, J. I. (2014). Evaluating sustainability education: lessons from international development experience. *Higher Education, 67,* 672–635. https://doi.org/10.1007/s10734-013-9669-x

Leal Filho, W., Vargas, V. R., Salvia, A. L. et al. (2019) The role of higher education institutions in sustainability initiatives at the local level. *Journal of cleaner production, 233,* 1004–1015. https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2019.06.059

Lee, K., Barker, M., & Mouasher, A. (2013). Is it even espoused? An exploratory study of commitment to sustainability as evidenced in vision, mission, and graduate attribute statements in Australian universities. *Journal of Cleaner Production, 48* (10), 20–28. https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2013.01.007

Lozano, R., Ceulemans, K., Alonso-Almeida, M. et al. (2015). A review of commitment and implementation of sustainable development in higher education: results from a worldwide survey. *Journal of cleaner production, 108,* 1–18. https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2014.09.048

Xiong, W., & Mok, K. H. (2020). Sustainability practices of higher education institutions in Hong Kong: a case study of a sustainable campus consortium. *Sustainability, 12* (2), 452. https://doi.org/10.3390/su12020452

References

Alferova, T.V. (2022). Localization of the Sustainable Development Goals in the Volga and Ural Federal Districts. *EKO [ECO], 10,* 148–167. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-10-148-167. (In Russ.).

Alghamdi, N., den Heijer, A., & de Jonge, H. (2017). Assessment tools' indicators for sustainability in universities: an analytical overview. *International Journal of Sustainability in Higher Education, 18* (1), 84–115. https://doi.org/10.1108/IJSHE-04-2015-0071

Findler, F., Schönherr, N., Lozano, R. & Stacherl, B. (2019). Assessing the impacts of higher education institutions on sustainable development — an analysis of tools and indicators. *Sustainability, 11* (1), 1–19. https://doi.org/10.3390/su11010059

Jorge, M. L., Madueño, J. H., Cejas, M. Y. C. & Peña, F. J. A. (2015). An approach to the implementation of sustainability practices in Spanish universities. *Journal of Cleaner Production, 106,* 34–44. https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2014.07.035

Koehn, P. H. & Uitto, J. I. (2014). Evaluating sustainability education: lessons from international development experience. *Higher Education, 67,* 672–635. https://doi.org/10.1007/s10734-013-9669-x

Kotomina, O. V. & Tretiakova, E. A. (2024). University performance and regional development: the case of Russia's North-West. *Baltijskij region [Baltic region], 16* (1), 117—140. https://doi.org/10.5922/2079-8555-2024-1-7 (In Russ.)

Leal Filho, W., Vargas, V. R., Salvia, A. L. et al. (2019) The role of higher education institutions in sustainability initiatives at the local level. *Journal of cleaner production, 233,* 1004–1015. https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2019.06.059

Lee, K., Barker, M. & Mouasher, A. (2013). Is it even espoused? An exploratory study of commitment to sustainability as evidenced in vision, mission, and graduate attribute statements in Australian universities. *Journal of Cleaner Production, 48* (10), 20–28. https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2013.01.007

Lozano, R., Ceulemans, K., Alonso-Almeida, M. et al. (2015). A review of commitment and implementation of sustainable development in higher education: results from a worldwide survey. *Journal of cleaner production, 108,* 1–18. https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2014.09.048

Silin, Ya.P., Animitsa, Ye.G., Novikova, N.V. (2017). Trends in the development of the Ural microregion's economic space. *Upravlenets [The manager], 2* (66), 2–11. (In Russ.)

Xiong, W. & Mok, K. H. (2020). Sustainability practices of higher education institutions in Hong Kong: a case study of a sustainable campus consortium. *Sustainability, 12* (2), 452. https://doi.org/10.3390/su12020452

Котомина Ольга Викторовна — старший преподаватель департамента менеджмента, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Пермский филиал), https://orcid.org/0000-0003-0809-1712 (Российская Федерация, 614070, г. Пермь, ул. Студенческая, 38, e-mail: kotominaov@gmail.com).

Olga V. Kotomina — senior lecturer of management department, Perm branch of National Research University Higher School of Economics, https://orcid.org/0000-0003-0809-1712 (38, Studencheskaya st., Perm, 614070, Russian Federation, e-mail: kotominaov@gmail.com)

УДК 314.17
JEL classification: J11
https://www.doi.org/10.17059/udf-2025-2-10

Арктика: оценка демографического потенциала в изменившихся границах[1]

В. Г. Логинов
Институт экономики УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия)
https://orcid.org/0000-0002-2466-5686
Автор для корреспонденции: В.Г. Логинов (log-wg@rambler.ru).

Аннотация. *В статье дана краткая характеристика изменений, произошедших за последние десятилетия в составе Арктической зоны Российской Федерации и ее границ, связанных с включением новых территорий. Выполнены анализ и оценка состояния демографического потенциала, в том числе коренных этносов Арктики, в пределах временных отрезков между переписями населения 1989, 2010 и 2020 гг, и текущим состоянием на 1 января 2023 и 2024 гг. Рассмотрены особенности воспроизводства населения в ее отдельных регионах и субрегионах.*

Ключевые слова: Арктическая зона Российской Федерации; демографический потенциал; коренные малочисленные народы Севера; воспроизводство населения.

Arctic: Assessment of Demographic Potential in the Changed Borders

V. Loginov
Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. (Ekaterinburg, Russia),
https://orcid.org/0000-0002-2466-5686
Corresponding author: V. Loginov (log-wg@rambler.ru).

Abstract. *A brief description of the changes in the composition of the Arctic zone of the Russian Federation over the past decades is given in the article. Boundary changes related to the inclusion of new territories are considered. The analysis and assessment of the demographic potential of the indigenous ethnic groups of the Arctic were carried out within the time periods between the population censuses of 1989, 2010 and 2020, and the current state at the beginning of 2023 and 2024. The peculiarities of population reproduction are considered in its individual regions and subregions.*

Keywords: Arctic zone of the Russian Federation, demographic potential of the indigenous peoples of the North, population reproduction.

Введение

Арктическая зона Российской Федерации (АЗРФ) за последнее десятилетие претерпела значительные изменения в своем составе, связанные с расширением ее сухопутных границ, изменениями общей площади, численности населения, природно-ресурсного и социально-экономического потенциала.

Последний нормативный акт в отношении расширения территории АЗРФ, в результате которого два муниципальных района ХМАО-Югры вошли в ее состав[2], принят в 2024 г. Одним из оснований этого решения явилась Записка,

[1] © Логинов В. Г. Текст. 2025.

[2] Госдума приняла во втором и третьем чтении закон о включении Березовского и Белоярского муниципальных районов Ханты-Мансийского автономного округа - Югры в состав Арктической зоны РФ. URL: https://ria.ru/20240319/gosduma-1934245207.html (дата обращения: 25.03.2024).

подготовленная для представительства Президента в Уральском федеральном округе и для Администрации Ханты-Мансийского автономного округа — Югры[1].

Методология исследования заключается в обобщении и анализе информации, касающейся формирования сухопутных границ Арктической зоны РФ, состояния и анализа демографического развития арктических территорий. В качестве основных методов использовались статистический и ретроспективный анализ, агрегирование, группировки, аналогий. Информационной базой исследования являются данные федеральной, региональной и муниципальной статистики, литературные источники, Интернет-ресурсы.

Вопросам демографии и оценки населения, в том числе коренных малочисленных народов Севера, проживающего и в Арктической зоне Российской Федерации, посвящены многочисленные публикации, касающиеся ситуации как в целом в макрорегионе (Смирнов, 2023; Фаузер, 2014, с.69–81; Фаузер, 2020), так и в отдельных субъектах РФ (Сукнева, 2016, с.175–179; Харлампиева, 2017; Фаузер, 2023). Проблемы и тенденции демографического развития коренных малочисленных народов Севера отражены в работах (Копцева и др., 2023; Логинов, 2024, с.229–240; Павленко и др., 2019; Пивнева, 2023, с. 87–110; Ростовская и др., 2023, с. 172–187).

Результаты

В результате принятых в последнее десятилетие нормативно-правовых актов в отношении Арктической зоны произошли изменения ее южных границ в республиках Карелия, Коми, Саха (Якутия), Красноярском крае, Архангельской области и появление нового субрегиона — Ханты-Мансийского автономного округа — Югра, и сформировался современный контур территории АЗРФ. По итогам принятых в последние годы (2020–2024) нормативных актов площадь Арктической зоны увеличилась до 5,55 млн км^2, 14,8 %), а численность населения — на 213 тыс. чел. (на 1 января 2023 г.)[2] за счет включения южнее прилегающих территорий, при этом Арктика составила более половины площади российского Севера. Первичной причиной этого процесса является стремление региональных властей к расширению арктических районов в пределах субъекта Федерации, частично включенных или не включенных в состав АЗРФ, в целях получения дополнительных финансовых ресурсов для развития хозяйственной и иной деятельности, получаемых из федерального бюджета. По некоторым другим основаниям, в частности, природно-климатическим и географическим, часть новых арктических субрегионов не вполне соответствует критериям отнесения их к Арктике (табл.1).

«Территория АЗРФ формируется за счет регионов и муниципальных образований, относящихся к районам Крайнего Севера. Однако имеются исключения: так, с одной стороны, в Архангельской области ГО Архангельск и Новодвинск, Онежский и Приморский МР, являющиеся местностями, относящимися к Крайнему Северу, вошли в состав АЗРФ. Это же касается и Республика Карелия

[1] URL: Логинов-Записка-Арктика-о-27.08.21.pdf (дата обращения: 29.04.2024).

[2] С учетом Березовского и Белоярского муниципальных районов ХМАО-Югры.

Таблица 1

Нормативно-правовые акты, внесшие институциональные изменения в формирование сухопутных границ АЗРФ

Нормативный акт	Регион и субрегион
1.Основы государственной политики РФ в Арктике на период до 2020 г. и на дальнейшую перспективу, 2008 г. URL: http://government.ru/info/18359/ (дата обращения: 12.02.2024)	Мурманская обл. (3 МР и г. Полярный), Ненецкий АО, Ямало-Ненецкий АО, Чукотский АО; Красноярский край (Долгано-Ненецкий МР); 5 прибрежных МР (улусов) Саха (Якутия): Аллаиховский, Анабарский, Булунский, Нижнеколымский, Усть-Янский
2.О сухопутных территориях Арктической зоны РФ. Указ Президента РФ №296 от 2 мая 2014 г. URL: http://docs.pravo.ru/dokument/view (дата обращения: 29.01.2025)	Мурманская обл. (полностью); включены ГО Воркута (Республика Коми), ГО Норильск и Туруханский МР Красноярского края ГО Архангельск, Новая Земля, Новодвинск, Северодвинск; Мезенский Онежский, Приморский МР Архангельской обл.); включен Туруханский МР Красноярского края
3. О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 2 мая 2014 г. N 296 “О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации” Указ Президента РФ от 27 июня 2017 года №287. URL: https://docs.cntd.ru/document/436744255 (дата обращения: 29.01.2025)	Вошли Беломорский, Кемский, Лоухский МР Республики Карелия
4.О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации о внесении изменений в указ Президента Российской Федерации от 2 мая 2014 г. n 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» от 13 мая 2019 года N 220. URL: https://сао.мск.мвд.рф/Dop/Pravovaja_informacija/документы/указы-президента-российской-федерации/item/17067422?year=2020&month=6&day=15 (дата обращения: 12.02.2021)	Дополнительно включены 8 МР (улусов) Республики Саха (Якутия): Абыйский, Верхнеколымский, Верхоянский, Жиганский, Момский, Оленекский, Среднеколымский и Эвено-Бытантайский
5.О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации. Федеральный закон от 13 июля 2020 г. N 193-ФЗ. Ст.2. п.3. URL: https://rg.ru/2020/07/16/193-fz-ob-arkticheskoy-zone-dok.html (дата обращения: 09.10.2020)	Усть-Цилемский МР, ГО Инта и Усинск Республики Коми (103,2 тыс.кв.км); Калевальский и Сегежский МР, ГО Костомукша Республики Карелия; Лешуконский и Пинежский МР Архангельской обл. сельских поселений Эвенкийского МР Красноярского края
6.Госдума приняла во втором и третьем чтении закон о включении Березовского и Белоярского муниципальных районов Ханты-Мансийского автономного округа - Югры в состав Арктической зоны РФ. URL: https://ria.ru/20240319/gosduma-1934245207.html (дата обращения: 25.03.2024)	Березовский и Белоярский МР Ханты-Мансийского автономного округа — Югры

Источник: составлено автором.

(Сегежский МР). Свою лепту в формировании сухопутных границ вносит сложившееся административное деление. Существует большой разрыв по географической широте в проведении южной границы Арктики, например, до не давнего времени у соседей — Красноярского края и Республики Саха (Якутия) граница по широте различалась на 800 км, в первом субрегионе опускаясь ниже 61 с. ш., во втором — севернее Полярного круга. В данном случае это связано с существующей географической конфигурацией муниципальных районов, учитывающейся при определении границ, в частности, большой протяженностью с севера на юг Туруханского МР (площадь 209 тыс. кв. км) Красноярского края (расстояние между крайними точками 814 км, 60° 51″, 68° 24″). Хотя имеется и обратная ситуация, так, в этом же регионе Эвенкийский национальный муниципальный район разделен на арктическую и вне арктические части» (Лаврикова, 2020).

Включение таких территорий в АЗРФ провоцируют руководство аналогичных регионов, которое предпринимает определенные политические шаги к расширению своей арктической зоны. Данные действия относятся к регионам, территории которых частично отнесены к АЗРФ.

В Арктической зоне проживает менее 2 % населения Российской Федерации, при этом здесь создается 6 % валового регионального продукта страны, около его половины приходится на долю ее уральской части. По этому показателю Ямало-Ненецкий автономный округ находится на 5-м месте в Российской Федерации (2022 г.), превосходя такие крупные регионы, как Краснодарский край, Татарстан и Свердловскую область. Более трети ВРП ЯНАО приходится на добычу полезных ископаемых, доля которой в общероссийской добыче составляет около 17 %, что обеспечило его ведущую роль в АЗРФ. Вместе с соседними муниципальными районами Югры (Березовский и Белоярский) регион составляет арктический сектор Урала. При четверти доли в населении на АЗРФ-Урал приходится треть занятых в экономике, более половины ВРП, 44 % отгрузки товаров собственного производства, 46 % инвестиций в основной капитал, две трети добычи нефти с газовым конденсатом и 98 % природного газа, около половины поголовья оленей Арктической зоны РФ.

За годы рыночных реформ произошли значительные изменения в демографическом и трудовом потенциале макрорегиона. Постоянно идущий процесс оттока населения АЗРФ с начала 1990-х гг. привел к значительному сокращению населения, особенно в дальневосточной ее части (табл. 2).

К 2024 г. потери населения составили 1,42 млн чел., в том числе 1,07 млн в Европейском секторе Арктики и 0,35 млн чел. в Азиатском, для которого, помимо миграционной убыли, был характерен незначительный рост населения в Ямало-Ненецком автономном округе (4,3 %), что в целом не очень сгладило общую картину.

АЗРФ остается высокоурбанизированным макрорегионом, хотя доля городского населения за рассматриваемый период снизилась на 2,4 п. п. Основными причинами этого были как отток населения из городов, так и резкое сокращение поселков городского типа в связи с их закрытием из-за отработки месторождений и изменения конъюнктурного спроса на сырье и преобразованием их в сельские населенные пункты. Вследствие этого общее число горожан снизилось на 38,8 %, а сельчан — на 22,8 %.

Таблица 2

Динамика численности населения Арктики в сопоставимых границах, чел.

Субъект Федерации регион / субрегион*	1989 г.		На 01.01. 2024 г.		2024 г. к 1989 г., %
	Всего	городское, %	Всего	городское, %	
Мурманская обл.	1164586	92,0	656438	93,0	56,4
Республика Карелия*	182484	85,8	98467	83,2	54,0
Республика Коми*	353605	93,8	134584	88,3	38,1
Архангельская обл.*	820246	93,7	574978	88,3	70,1
Ненецкий АО	53912	63,8	42224	74,8	78,3
Европейская Арктика	2574833	91,7	1506691	89,7	58,8
Ямало-Ненецкий АО	494844	77,9	515960	85,2	104,3
АЗ Урал	553141	76,9	567260	83,4	102,6
АЗ Красноярский край*	390824	89,1	226392	88,6	57,9
АЗ Дальний Восток	314037	67,4	112183	51,6	35,7
Азиатская Арктика	1258002	78,3	905835	80,8	72,0
АЗРФ	3832835	87,3	2412526	84,9	62,9

Источник: рассчитано автором по материалам Итогов переписи населения 1989 г. и статданным Росстата.

В результате оттока населения в наибольшей степени пострадал Чукотский АО (снижение более чем в 3 раза), при этом численность населения в поселках городского типа сократилось в 9 раз. Среди муниципальных образований выделяются городские округа Воркута (убыль сопоставима с ЧАО) и Норильск (на одну треть). В последние годы продолжается сокращение населения в европейской части Арктики (исключение составляет НАО), где на миграционный отток вновь после небольшого перерыва с 2012 по 2015 г. накладывается отрицательный естественный прирост. В настоящее время снижение численности населения на Чукотке и в арктическом субрегионе Республики Саха (Якутия) замедлилось, чему способствует положительный естественный прирост. Это относится и к Красноярскому субрегиону, где в Таймырском районе сальдо миграции остается отрицательным при положительном естественном приросте населения. В Норильске произошла его стабилизация. Единственным регионом, где, за исключением отдельных лет, происходил рост населения, остается Ямало-Ненецкий автономный округ. Здесь положительный естественный прирост перекрывает отрицательное сальдо миграции. В показатели численности населения ЯНАО значительные коррективы внесли уточненные результаты последней переписи населения (на 1 октября 2021 г. — 510,5 тыс. чел.), которые оказались почти на 40 тыс. чел. ниже, чем текущая оценка (среднегодовая за 2021 г. — 549,6 тыс. чел.).

По отчетным данным Росстата[1], в субъектах Федерации, полностью входящих в АЗРФ, численность населения по сравнению с предыдущим годом снизилась в Мурманской области (на 6,5 тыс. чел.), осталась почти без изменений в Ненецком (–43 чел.) и Чукотском (–66 чел.) автономных округах и увеличилась в Ямало-Ненецком АО (на 1,1 тыс. чел.). В целом по АЗРФ данный показатель составил –14 тыс. чел. Большая часть убыли пришлась на субрегионы АЗРФ — 70 % общего сокращения

[1] на 1 января 2023 г.

населения, в том числе 37,4 % — на Архангельский субрегион. Незначительный прирост населения, помимо ЯНАО, имел Якутский субрегион (284 чел.).

В следующем (2023) году демографическая ситуация улучшилась. Потери в целом по АЗРФ составили 1,6 тыс. чел. (снижение в 8,8 раз по сравнению с предыдущим годом). Положительный прирост населения имели все автономные округа, суммарно он составил 4,6 тыс. чел. (77 % пришлось на ЯНАО). Среди регионов, входящих в Арктическую зону, прирост населения составил 2,34 тыс. чел. Из субрегионов положительный прирост наблюдался только в Красноярском (1,9 тыс. чел.), в остальных четырех был отрицательным (–5793 тыс. чел.), что в целом обусловило его общее снижение 3,9 тыс.чел. (при этом более 92 % пришлось на Архангельский субрегион).

Что касается изменения численности коренных малочисленных народов Севера, то здесь также ситуация неоднозначна. Наряду с увеличением численности наиболее крупных народов, самые малочисленные имеют тенденции к ее уменьшению. Позитивный рост идет в группе этносов-лидеров: эвенков, чукчей, и особенно ненцев (табл.3).

При этом следует отметить отличия в изменении численности КМНС не только на региональном, но и на локальном уровне от положительных до отрицательных значений даже у одного народа, в частности ненцев Ямало-Ненецкого (увеличение), Ненецкого автономных округов (снижение) и Таймыра (стабильное). Причиной этого, учитывая положительный естественный прирост коренного населения, является его некоторый отток на сопредельные территории, главным образом в ЯНАО (табл. 4).

Таблица 3

Динамика численности коренных этносов национальных автономий, чел.

Народ	Всего		село		Уд. вес села, %	
	2010 г.	2021 г.	2010 г.	2021 г.	2010 г.	2021 г.
НАО, ненцы	7504	6722/–782	5735	4747/–988	76,4	70,6
ЯНАО	41415	48129/6714	32101	41684/9583	77,5	86,6
Ненцы	29772	35979/6207	24663	32063/7400	82,8	89,1
Ханты	9489	10024/535	7539	7922/383	75,2	79,0
Селькупы	1988	2012/24	1648	1643/–5	82,9	81,7
Манси	166	114/–52	51	56/5	30,7	49,1
Таймырский МР*	10219	10112/–107	8250	7637/–613	80,7	75,5
Долганы	5393	5485/92	4358	4031/–327	80,8	73,5
Ненцы	3494	3696/202	2973	2939/–34	83,2	79,5
Нганасаны	747	604/–143	540	413/–127	72,3	68,4
Энцы	204	185/–19	166	144/–22	81,4	77,8
ЧАО	16858	1700/142	13069	11769/–1300	77,5	69,2
Чуванцы	897	743/–154	592	502/–90	66,0	67,6
Чукчи	12772	13299/527	10180	9336/–844	79,7	70,2
Эвены	1392	1286/–106	1043	883/–160	74,9	68,7
Эскимосы	1529	1460/–69	1050	915–135	68,7	62,7
Юкагиры	198	152/–46	129	96/–33	65,2	63,2

Примечание: под чертой разница между 2021 и 2010 гг., чел.

*до 2007 г. Долгано-Ненецкий (Таймырский) автономный округ.

Таблица 4

Коэффициенты естественного прироста сельского населения КМНС, промилле

Коэффициент	2010 г.	2011–2025 г.	2016–2020 г.	2020 г.	2021 г.
Ямальский район (ненцы)					
Рождаемости	25,8	27,0	22,9	22,7	23,4
Смертности	10,5	9,3	7,4	8,6	7,9
Естественного прироста	15,3	17,7	15,5	14,1	15,5
Заполярный район НАО, село (ненцы)					
Рождаемости	20,6	20,0	17,2	17,1	14,3
Смертности	16,8	15,4	13,8	14,9	18,3
Естественного прироста	3,8	4,6	3,4	2,2	–4
Чукотский район (чукчи)					
Рождаемости	—	20,0	20,1	17,7	21,2
Смертности	—	14,4	16,8	16,2	17,3
Естественного прироста	—	5,6	3,3	1,5	3,9

*2010 г., **2021 г.

Источник: рассчитано по данным Ямалстата и Базы данных показателей муниципальной статистики и по данным Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm (дата обращения: 09.09.2022).

Следует отметить, что длительная тенденция роста численности городского и снижения сельского населения имеет свое продолжение. Имеющиеся отклонение (увеличение доли сельского населения на 6,2 п. п.) у ненцев ЯНАО связано с преобразованием пгт Тазовский в сельский населенный пункт, вследствие этого живущее здесь ненецкое населении (1638 чел., 2010 г.) автоматически получило статус сельского.

Уровень естественного прироста зависит от его половозрастной структуры, соотношения сельского и городского населения, структуры занятости, степени сохранения традиционного воспроизводства и образа жизни. В этом отношении ярким примером являются ненцы Ямала, у которых присутствуют все эти факторы. «В силу этих факторов ненцы являются:

— самым крупным народом среди КМНС;

— одним из самых низко урбанизированных коренных этносов (к городским жителям относится менее одной пятой населения);

— самым быстрорастущим малочисленным коренным народом, который в настоящее время, по оценкам автора, вышел уже из группы КМНС[1];

— самым молодым народом — медианный возраст 23 года, что позволяет обеспечить совокупный коэффициент рождаемости (СКР) на уровне расширенного воспроизводства населения;

— с самой высокой долей и абсолютной и относительной численностью кочующего населения;

[1] По переписи 2021 г. его численность составила 49787 чел., при числовом цензе для КМНС — 50 тыс. чел.

— самым оленеводческим народом, в хозяйствах ненцев (личных, фермерских и общественных) сосредоточено более половины домашних оленей России» (Логинов, 2024, с. 229–240).

Второй фактор, влияющий на естественный прирост населения, — уровень смертности, который у КМНС выше, чем у некоренного населения, в силу суровых природно-климатических условий и социальных причин (злоупотребление алкоголем). Значительное влияние на этот показатель оказывает величина младенческой смертности (смертность в возрасте до 1 года). Особенно высок он у кочующего населения, которое в большей степени, чем остальное население, зависит от природно-климатических условий и имеет меньшую возможность своевременно получать медицинскую помощь. Значительную долю по численности КМНС занимают в сельской местности (более четверти, а в некоторых регионах и субрегионах более половины населения), при этом эти народы широко расселены по территории, и их родовые угодья зачастую совпадают с местами разработки природных ресурсов, в связи с чем возникают вопросы урегулирования взаимоотношений между недропользователями и сообществом КМНС по поводу использования земельных и других природных ресурсов.

Заключение

Повышенный интерес к освоению природных ресурсов Арктической зоны Российской Федерации со стороны федеральных и региональных органов власти этих территорий способствовал принятию нормативно-правовых актов в отношении ее границ, приведших к расширению общей площади и увеличению численности населения, природно-ресурсного и социально-экономического потенциала. Основные изменения в демографическом потенциале Арктики, связанные с проведением рыночных реформ и крахом СССР, в постсоветский период были связаны с оттоком населения в более благоприятные для проживания районы страны и за ее пределы. Данный процесс в большей степени определен отрицательным уровнем миграции, чем естественным воспроизводством населения, которое здесь было выше в целом средних показателей по стране. Освоение нефтегазовых и минерально-сырьевых ресурсов Арктики напрямую затрагивает интересы проживающих здесь коренных малочисленных народов Севера, оказывая влияние на их естественное воспроизводство, имеющее значительные отличия у отдельных народов в зависимости от образа жизни, общей численности, региональных условий и др.

Благодарность

Статья подготовлена на основе исследований, финансируемых в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института экономики УрО РАН на 2024–2026 гг.

Acknowledgements

The article was prepared on the basis of research funded in accordance with the research plan of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences for 2024–2026.

Список источников

Копцева, Н. П., Шишацкий, Н. Г., Брюханова, Е. А. (2023). Динамика численности и особенности современной системы расселения коренных малочисленных народов Севера в Арктической зоне Красноярского края. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки, 16* (2), 164–183. EDN: UUJJUX

Лаврикова, Ю.Г. (ред.) (2020). *Приоритеты научно-технологического развития регионов: механизмы реализации.* Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 603.

Логинов, В. Г. (2024). Коренные малочисленные этносы Арктики: ретроспективный анализ демографического развития. В *Устойчивость демографического развития: детерминанты и ресурсы: сб. науч. ст.* (С.229–240). Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 651. http://doi.org/10.17059/udf-2024-2-7 EDN: IWVIUB

Павленко, В. И., Петров, А., Куценко, С. Ю., Деттер, Г. Ф. (2019). Коренные малочисленные народы Российской Арктики (проблемы и перспективы развития). *Экология человека, 26* (1), 26–33. http://doi.org/10.33396/1728-0869-2019-1-26-33 EDN: KUGSCX

Пивнева, Е.А. (2023). Коренные малочисленные народы ХМАО-Югры в зеркале всеобщих переписей населения России XX - XXI вв. *Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание, 4* (16), 87–110. http://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-87-110 EDN: HASMYP

Ростовская, Т. к., Плеханова, Л.В., Ситковский, А. М. (2023). Особенности демографического развития коренных малочисленных народов Севера ХМАО в период 2002–2022 гг. *Вопросы истории, 9* (1), 172–187. http://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202309Statyi16 EDN: OCPEER

Смирнов, А. В. (2023). *Демография российской Арктики в цифровую эпоху.* Москва: Изд-во «Экономика», 239. EDN: AQHJCS

Сукнева, С. А. (2016). Демографический потенциал Северо-Востока России. В *Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ: сб. ст.* (175–180). Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 444. EDN: XUFBLJ

Фаузер, В. В. (2014). Демографический потенциал северных регионов России — фактор и условие экономического освоения Арктики. *Экономика региона, 4,* 69–81. http://doi.org/10.17059/2014-4-5 EDN: TFGKLN

Фаузер, В.В. (ред.) (2022). *Российская и мировая Арктика: население, экономика, расселение.* Москва : Политическая энциклопедия, 215.

Фаузер, В. В. (2023). *Республика Коми на рубеже веков: демография, миграция расселение.* Ижевск: ООО «Принт», 2023. 308 (Б-ка демографа. Вып.22). EDN: HUBKLM

Харалампиева, Н. К. (ред.) (2017). *Этнонациональные процессы в Арктике: тенденции, проблемы и перспективы.* Архангельск: СУФУ, 325.

References

Fauser, V. V. (2014). The demographic potential of the northern regions of Russia is a factor and condition for the economic development of the Arctic. *E`konomika regiona [Economy of Regions], 4,* 69–81. http://doi.org/10.17059/2014-4-5 EDN: TFGKLN (In Russ.)

Fauser, V.V. (ed.) (2022). *Rossijskaya i mirovaya Arktika: naselenie, e`konomika, rasselenie [The Russian and World Arctic: population, economy, settlement].* Moscow: Politicheskaya encyclopedia, 215. (In Russ.)

Fauser, V. V. (2023). *Respublika Komi na rubezhe vekov: demografiya, migraciya rasse-lenie [The Komi Republic at the turn of the century: demography, migration and settlement].* Izhevsk: Print LLC, 308. EDN: HUBKLM (In Russ.)

Kharalampieva, N. K. (Ed.) (2017). *E`tnonacional`ny`e processy` v Arktike: tendencii, problemy` i perspektivy [Ethnonational processes in the Arctic: trends, problems and prospects]*. Arkhangelsk: SUFU, 325. (In Russ.)

Kopceva, N. P., Shishaczkij, N. G., Bryuxanova, E. A. (2023). The dynamics of the population and featuresof the modern resettlement system indigenous peoples of the north in the arctic zone of the Krasnoyarsk territory. *Zhurn. Sib. feder. un-ta. Gumanitarny`e nauki [Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences], 16* (2), 164–183. EDN: UUJJUX (In Russ.)

Lavrikova, Yu.G. (Ed.) (2020). *Prioritety` nauchno-texnologicheskogo razvitiya regionov: mexanizmy` realizacii [Priorities of scientific and technological development of regions: implementation mechanisms]*. Yekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 603. (In Russ.)

Loginov, V. G. (2024). Indigenous small-numbered ethnic groups of the Arctic: a retrospective analysis of demographic development. In *Ustojchivost` demograficheskogo razvitiya: de-terminanty` i resursy`: sb. nauch. st. [Sustainability of demographic development: determinants and resources: collection of scientific articles]* (pp.229–240). Yekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 651. http://doi.org/10.17059/udf-2024-2-7 EDN: IWVIUB(In Russ.)

Pavlenko, V. I., Petrov, A., Kutsenko, S. Yu., Detter, G. F. (2019). Indigenous small-numbered peoples of the Russian Arctic (problems and prospects of development). *E`kologiya cheloveka [Human ecology], 26* (1), 26–33. http://doi.org/10.33396/1728-0869-2019-1-26-33 EDN: KUGSCX (In Russ.)

Pivneva, E. A. (2023) Indigenous small-numbered peoples of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Yugra in the mirror of the general population censuses of Russia of the XX–XXI centuries. *Tul`skij nauchny`j vestnik. Seriya Istoriya. Yazy`koznanie [Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics], 4* (16), 87–110. http://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-4-87-110 EDN: HASMYP(In Russ.)

Rostovskaya, T. K., Plekhanova, L.V., Sitkovsky, A.M. (2023). Features of the demographic development of the indigenous small-numbered peoples of the North of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug in the period 2002–2022. *Voprosy` istorii, 9* (1), 172–187. http://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202309Statyi16 EDN: OCPEER(In Russ.)

Smirnov, A. V. (2023). *Demografiya rossijskoj Arktiki v cifrovuyu e`poxu [Demography of the Russian Arctic in the Digital Age]*. Moscow: Ekonomika Publishing House, 239. EDN: AQHJCS (In Russ.)

Sukneva, S. A. (2016). Demographic potential of the North-East of Russia. In *Dinamika i inercionnost` vosproizvodstva naseleniya i zameshheniya pokolenij v Rossii i SNG: sb. st. [Dynamics and inertia of population reproduction and generation replacement in Russia and the CIS: collection of articles]* (pp.175–180). Yekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 444. EDN: XUFBLJ(In Russ.)

Логинов Владимир Григорьевич — доктор экономических наук, доцент, заведующий сектором, ведущий научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН; https://orcid.org/0000-0002-2466-5686 (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: log-wg@rambler.ru).

Vladimir G. Loginov — Doctor of Economics, Associate Professor, Head of the Sector, Leading Researcher, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; https://orcid.org/0000-0002-2466-5686 (29, Moskovskaya str., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: log-wg@rambler.ru).

УДК 314.88
JEL classification:J21,M38,O15,R23
https://www.doi.org/10.17059/udf-2025-2-11

Дивергенция трудовой занятости (региональный опыт)[1]

В.А. Лопаева
Институт экономики УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия)
https://orcid.org/0000-0001-5657-0844
Автор для корреспонденции:В.А.Лопаева (valentina.lopaeva@mail.ru)

Аннотация. *В статье рассматриваются тренды изменения структуры занятости населения в странах мира с учетом продолжительности жизни и миграции. Цель исследования — определить влияние экономических и социальных факторов на дивергенты трудовой занятости. Отмечаются факторы риска устойчивого баланса на рынке труда и роста социальных выплат с учетом преобладания более возрастных категорий населения. В статье высказываются предположения по дивергенции трудовой занятости в дальнейшем и адаптации бюджетов регионов к повышенной социальной и экономической нагрузке, в том числе за счет формирования новых систем занятости старших групп населения и пенсионных накоплений.*

Ключевые слова: дивергенция трудовой занятости, факторы социально-экономической стабильности, адаптация населения к новой модели занятости.

Divergence of Employment (Regional Experience)

V. Lopaeva
Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia)
https://orcid.org/0000-0001-5657-0844
Corresponding author: V. Lopaeva (valentina.lopaeva@mail.ru)

Abstract. *The article examines trends in the change in the employment structure of the population in countries around the world, taking into account life expectancy and migration. The purpose of the study is to determine the impact of economic and social factors on employment divergents. Risk factors for a stable balance in the labor market and growth in social benefits are noted, taking into account the predominance of older categories of the population. The article makes assumptions about the divergence of employment in the future and the adaptation of regional budgets to increased social and economic burden, including through the formation of new systems of employment for older groups of the population and pension savings.*

Keywords: divergence of employment, factors of socio-economic stability, adaptation of the population to a new employment model.

Введение

Мировая статистика отмечает устойчивый рост продолжительности жизни в большинстве стран и регионов, что в свою очередь не только приводит к перераспределению численности социальных, социально-демографических групп населения, но и влияет на многочисленные аспекты жизни общества, включая рынки труда, здравоохранения, услуг, финансовых ресурсов, спроса на товары первой необходимости. Увеличение численности населения старших возрастов делает особенно актуальными вопросы социального взаимодействия, межпоколенческих связей, экономической обеспеченности групп населения, создания ресурса

[1] © Лопаева В. А. Текст. 2025.

для стареющего населения и адаптации к новой реальности, которая способная изменить не только диспропорции занятого населения во всем мире, но и повлиять на ключевые ценности и правила коммуникации.

Обзор литературы

В российской нормативно-правовой терминологии, касающейся граждан старшего поколения, не установлено унифицированных границ старости. Приказом Минтруда России[1] предлагается использовать возрастной ценз Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) в части градации основных возрастных категории населения, в основе которой лежат средние биологические и физиологические маркеры для большинства населения. Согласно классификации, пожилой возраст — от 60 до 75 лет, старческий возраст — от 75 до 90 лет, долголетие — старше 90 лет.

При этом с учетом особенностей продолжительности жизни, состояния здоровья и пенсионной системы к гражданам старшего поколения условно относятся:

— граждане с 60 до 64 лет, как достаточно активная в экономическом и социальном отношении группа населения, продолжающая осуществлять трудовую деятельность;

— граждане с 65 лет до 75 лет, как правило, люди менее активные, но все еще способные использовать свой трудовой потенциал;

— граждане старше 75 лет, как правило, люди, имеющие проблемы со здоровьем и зачастую нуждающиеся в уходе и помощи.

По оценкам ВОЗ, в 2024 г. в Европейском регионе число людей в возрасте старше 65 лет превысит число людей в возрасте до 15 лет. Эта тенденция означает появление новых социальных, экономических проблем и проблем здравоохранения, которые потребуют внимания, чтобы смягчить последствия старения населения[2].

Исследования старших возрастных групп, проводимые Организацией Объединенных Наций (ООН) выявили, что все страны сталкиваются с серьёзными проблемами, связанными с обеспечением готовности своих экономических систем, систем здравоохранения и социального обеспечения к демографическим изменениям в пользу старения населения. Ожидается, что к 2050 году 80 % пожилых людей будут жить в странах с низким и средним уровнем дохода, а доля населения мира старше 60 лет достигнет 22 % (Старение …, 2024).

Повышение пенсионного возраста во многих странах предполагалось с целью сохранить трудовые ресурсы и осуществить экономию бюджета.

В качестве основной причины того, что люди старшего возраста продолжают трудиться, приводилось их нежелание выходить на пенсию. В то же время данные социологических исследований указывали, что истинными причинами потребности пенсионеров в трудоустройстве являлся низкий уровень пенсионных

[1] Приказ Минтруда России от 12.04.2019 № 242 «Об утверждении рекомендаций по повышению эффективности мероприятий региональных программ, направленных на укрепление здоровья, увеличение периода активного долголетия и продолжительности здоровой жизни граждан старшего поколения».

[2] Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения. URL: https://www.who.int/europe/ru/news/item/11-10-2023-by-2024--the-65-and-over-age-group-will-outnumber-the-youth-group--new-who-report-on-healthy-ageing (дата обращения: 22.01.2025).

выплат, то есть желание работать носило вынужденный характер (Шахматова, 2021). Так, в России после официального объявления моратория на индексацию пенсий для работающих пенсионеров почти каждый второй пенсионер вынужден был отказаться от официального статуса трудоустроенного человека.

Если в 2016 г. численность работающих пенсионеров составляла 15,2 млн чел., то в 2024 г. численность составила 7,9 млн чел., т. е. сократилась почти в 2 раза. В то же время, финансовые проблемы привели к появлению пенсионеров на неофициальном рынке труда, заставив их осваивать иные формы занятости (Цветкова, 2021).

В работе, проведенной группой ученых под руководством Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, была осуществлена попытка провести вторичный анализ результатов лонгитюдного обследования домохозяйств RLMS НИУ ВШЭ, с использованием переменных компонент и обработки данных в SPSS. Отбор переменных производился таким образом, что «дерево свойств» включало индексы физического и психического здоровья, индексы когнитивного потенциала и коммуникабельности, активного образа жизни, потребности в достижении и вовлеченности, которые, в свою очередь, группировались в индексы более высокого порядка, определяя тем самым интегральное качество трудового потенциала лиц старших возрастных групп («индекс социальной дееспособности») (Рязанцев & Ниорадзе, 2022).

Материалы и методы

Методологической основой исследования является сравнительный анализ динамики и структуры демографических групп населения, статистические методы, анализ и обобщение российского и зарубежного опыта исследований по данной тематике, элементы логического анализа и системный подход при изучении явлений во временно́м и пространственном континууме.

В качестве основных материалов использованы публикации зарубежных и отечественных исследований по динамике и факторам занятости населения и данные Федеральной службы государственной статистики (Росстат).

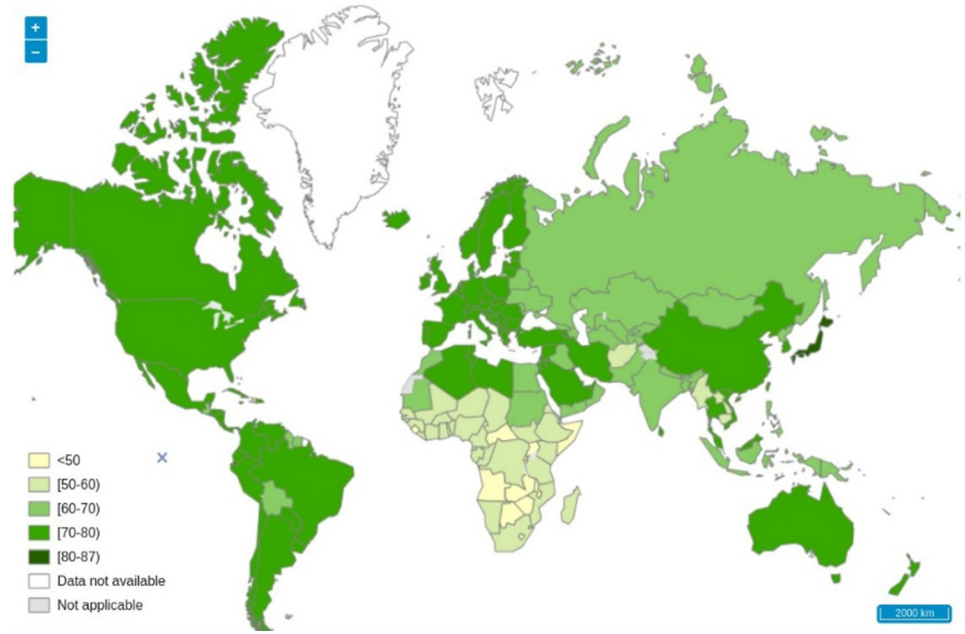
Результаты

Демографический переход по критерию продолжительности жизни состоялся. Статистика последних 10 лет демонстрирует устойчивую динамику по этому показателю[1].

Продолжительность жизни увеличилась во всех регионах мира, страны с более высоким уровнем социально-экономического развития приближаются к возрасту поздней старости (долгожительству, 90+).

С увеличением продолжительности жизни во всех регионах мира изменятся и структура возрастной занятости населения Земли. Характер трудовой активности и трудовой занятости уверенно демонстрируют признаки дивергенции и рост занятости старших возрастных групп населения.

[1] World Health Organization.https://www.who.int/data/gho/data/indicators/indicator-details/GHO/life-expectancy-at-birth-(years) (дата обращения: 05.02.2025)

а) 2000г.

б) 2019г.

Рис.1. *Изменение продолжительности жизни в регионах мира (источник:World Health Organization. URL: https://www.who.int/data/gho/data/indicators/indicator-details/GHO/life-expectancy-at-birth-(years) (дата обращения: 05.02.2025))*

Таблица 1

Трудовая занятость в регионах мира, %

Страны, регионы	2000 год			2020 год		
	25–49 лет	50–69 лет	70+	25–49 лет	50–69 лет	70+
Весь мир	34,4	13,2	4,4	34,8	18,4	6,1
Страны Африки к югу от Сахары	26,0	7,8	1,7	27,9	8,2	1,8
Северная Африка и Западная Азия	31,3	9,4	2,6	35,7	13,7	3,2
Центральная и Южная Азия	31,4	10,3	2,6	35,7	14,9	3,7
Восточная и Юго-Восточная Азия	38,9	14,4	4,4	36,5	23,9	7,9
Страны Латинской Америки и Карибского бассейна	33,3	11,7	3,6	36,5	18,0	5,6
Океания (без Австралии и Новой Зеландии)	31,0	8,6	1,5	33,2	11,9	2,2
Австралия и Новая Зеландия	37,3	19,2	8,7	34,8	22,7	11,6
Европа и Северная Америка	37,1	20,5	9,8	33,6	25,8	12,8

Источник: United Nations. URL: https://www.un.org/en/desa/products/un-desa-databases (дата обращения: 05.02.2025)/

Возраст наибольшей трудовой активности от 25 до 49 лет варьирует от 26 % в странах Африки до 38,9 % в странах Восточной и Юго-Восточной Азии, в то же время в возрастной категории предпенсионных возрастов (50–69 лет) максимальное значение занятости среди граждан принадлежит странам Европы и Северной Америки (20,5 %), для них также характерна высокая занятость в возрастной категории свыше 70 лет — 9,8 %.

Угроза локальных и глобальных военных конфликтов по всему миру может также стать серьезным аргументом и сдерживающим фактором в плане как продолжительности жизни в этих регионах, так и миграционной активности. Потоки миграции усиливают дивергенцию в трудовой занятости, в том числе занятость старших возрастов. Так, миграционные потоки осложняют геополитическую обстановку в странах Западной Азии (16,7 %), Европы до 11,6 %, в том числе Северной и Западной — до 14,1 % и 16,9 % соответственно, а также в Северной Америке до 15,9 % и Океании до 22 %.

Согласно последним оценкам Отдела народонаселения ООН, в 2020 г. число международных мигрантов в мире, т. е. людей, проживающих не в стране своего рождения, достигло 281 млн человек (около 4 % от 8 млрд)[1]. На долю женщин-мигрантов приходится 48 % международных мигрантов.

Трое из четырех международных мигрантов находятся в возрасте от 20 до 64 лет, а 41 млн международных мигрантов — в возрасте до 20 лет.

[1] International migration. United Nations. URL: https://www.un.org/ru/global-issues/migration (дата обращения: 05.05.2025).

Большинство международных мигрантов проживает в Азии и Европе (по 31 %), далее следуют Северная Америка (21 %), Африка (9 %), Латинская Америка и Карибский бассейн (5 %) и Океания (3 %).

Наиболее крупными отправляющими эмигрантов странами являются Индия — 17,5 миллиона, Мексика — 11,8 миллиона, Китай — 10,7 миллиона, Россия — 10,5 миллиона, Сирия — 8,2 миллиона человек.

Данные о миграции собираются различными организациями и учреждениями по всему миру. Центральным аппаратом Международной организации по миграции проводится анализ глобальных данных о состоянии мировой миграции. Начиная с 2022 г., вопросы глобальной миграции обсуждаются на Международном форуме по обзору миграции, который в дальнейшем будет проводиться раз в четыре года. По итогам каждого Международного форума будет разрабатываться

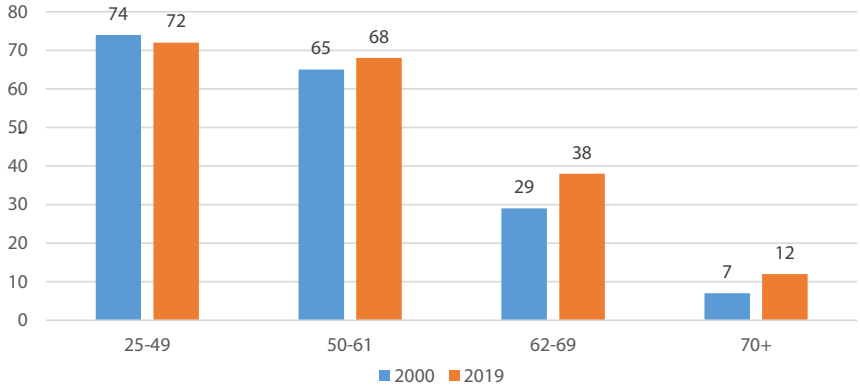

Рис. 2. *Занятость женщин в регионах мира по возрастным группам, % (источник: Population Division Data Portal. URL: https://population.un.org/dataportal/home?df=143b8ab9-a953-4c1e-8db8-2fc8108534f9 (дата обращения: 05.05.2025))*

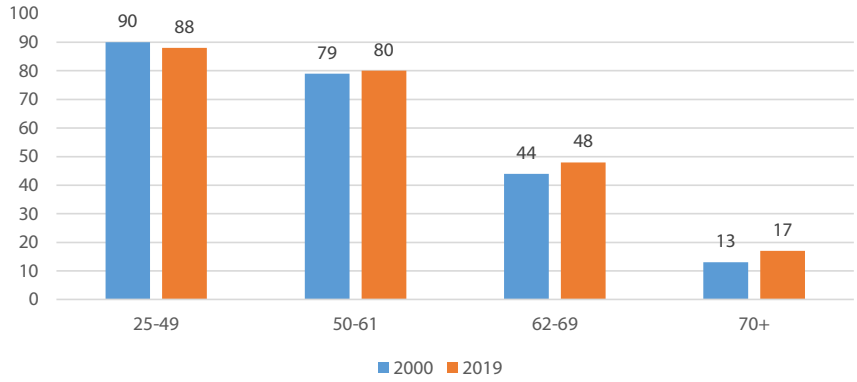

Рис. 3. *Занятость мужчин в регионах мира по возрастным группам, % (источник: Population Division Data Portal. URL: https://population.un.org/dataportal/home?df=143b8ab9-a953-4c1e-8db8-2fc8108534f9 (дата обращения: 05.05.2025))*

Таблица 2

Уровень занятости в 2018 г., по полу, возрасту и уровню образования, %

Критерии	женщины				мужчины			
	55–61	62–64	65–69	70+	55–61	62–64	65–69	70+
Нет среднего образования	39,0	26,1	16,8	4,3	60,9	41,5	24,5	10,4
Аттестат о среднем образовании	56,7	40,8	24,7	7,6	69,5	51,8	30,1	13,4
Колледж	64,1	47,1	27,9	11,4	73,6	54,7	36,2	17,0
Высшее образование	73,2	56,9	35,8	15,0	84,3	68,3	47,0	21,6

Источник: United Nations. URL: https://www.un.org/ru/conferences/population (дата обращения: 05.05.2025).

согласованная на межправительственном уровне Декларация о ходе работы в области миграции населения мира[1].

Глобальные миграционные процессы, конечно, решают часть вопросов, связанных с обеспечением трудовой занятости стран, где преобладает старение населения, но вместе с тем вызывают дополнительную финансовую нагрузку на бюджет и является дестабилизирующим фактором национальной безопасности.

В настоящее время население старших возрастных групп имеет больше возможностей и условий работать, чем в прошлом. Этому способствует и наличие разнообразных (гибридных, смешанных, дистанционных) форм занятости, что в целом предвещает хорошие перспективы рынка труда с учетом роста продолжительности жизни.

Вместе с тем, показатели занятости демонстрируют существенную дивергенцию по возрасту, полу, образованию работников, как правило, самые низкие значения показателей для пожилых людей, женщин, тех, у кого нет высшего образования.

В странах, где население стареет быстрее, работодатели столкнутся с ростом трудностей при заполнении вакансий, и соответственно для населения старших возрастных групп могут появиться дополнительные вакансии.

Кроме того, со времен пандемии часть работ перешли в онлайн-формат, это может помочь решить некоторые вопросы дисбаланса на рынке труда, как в отношении трудоустройства местного населения, так и в отношении трудоустройства граждан тех стран, которые имеют серьезный избыток рабочей силы.

Работники старших возрастных групп становятся все более востребованы в экономиках регионов, несмотря на то, что они в основном предпочитают формы дистанционной, неполной или временной занятости.

В целом увеличивающееся число работников старшего возраста является свидетельством готовности экономики к привлечению работников старших возрастных групп, улучшения их здоровья и продолжительности жизни этой группы населения, а также потребности в социальной и материальной самореализации.

Однако трудовая мобильность работников старших возрастных категорий существенно отличается от их молодых коллег: вероятность перехода их с одной работы на другую (коэффициент перехода с одной работы на другую) уменьшается с возрастом и с ростом среднего стажа работ.

[1] Final - IMRF Progress Declaration - Russian. URL: https://migrationnetwork.un.org/system/files/resources_files/Final-%20IMRF%20Progress%20Declaration-%20Russian.pdf (дата обращения: 05.05.2025)

Также частая смена работы может быть связана с высокой трудовой мобильностью среди молодых работников, стремлением к повышению заработной платы и более производительным и комфортным рабочим местом в рамках собственных навыков (Haltiwanger et al., 2018).

Следовательно, большая доля работников в возрасте 55 лет или старше будут ориентированы на более низкие заработные платы, низкий рост производительности и в целом низкую мобильность, за исключением инклюзивных мест для лиц с нестандартным образованием (Butrica & Mudrazija, 2022).

В результате в большинстве стран возникает дефицит рабочей силы на фоне неудовлетворенного спроса на достойный труд. Так, некоторые отрасли, испытывающие трудности с условиями труда, такие как здравоохранение и образование, привязаны к имеющемуся бюджету, поскольку они в значительной степени финансируются государством. Таким образом, в странах с быстрым старением необходимо поддерживать участие групп с так называемой слабой привязанностью к рынку труда (молодежь, женщины и пожилые работники).

Правительству этих стран необходимо формировать благоприятную среду для участия тех пожилых работников, которые хотят и способны продолжать работать, устранение препятствий могло бы сократить нехватку рабочей силы, активизировать финансовый рынок.

Рынок труда для пожилых работников необходимо задействовать по ряду причин: увеличение продолжительности жизни, улучшение физического здоровья, сокращение количества физически тяжелых рабочих мест и повышение пенсионного возраста по социальному обеспечению пожилых людей. По мере того, как количество пожилых работников растет, они составляют значительный потенциал рабочей силы, и работодателям придется все чаще обращаться к этой категории населения, чтобы удовлетворить свои кадровые потребности.

Вместе с тем, статистические данные не охватывают полной картины рынка труда, так они не учитывают тех, кто хочет работать, но не может найти рабочее место, и не захватывают тех, кто разочаровался в поисках работы и выпал из состава рабочей силы. По данным Бюро статистики труда, пожилые люди чаще преобладают среди отчаявшихся работников (неактивно ищут работу, потому что считают, что работы нет). Лица в возрасте 55 лет и старше представляют 27 % отчаявшихся работников. Несмотря на то, что законодательство в сфере занятости в большинстве стран запрещает дискриминацию по возрасту при трудоустройстве (40, 50 лет и старше), увольнении, продвижении по службе, обучении, определении отдельных видов льгот и компенсаций (например, медицинской страховки, транспортных издержек и прочие), проводимые исследования документально подтвердили такую дискриминацию (Neumark et al., 2015).

Исследования в формате анализа деятельности бирж труда показали, что пожилым кандидатам реже перезванивают, чем их молодым коллегам равной квалификации. Например, недавнее исследование (Neumark, 2020) показало, что когда возраст раскрывается в процессе подачи заявки, пожилые кандидаты на работу имеют меньше шансов, чем молодые.

Также в процессе интервью пожилые люди реже, чем молодые, получают предложения о работе. По данным опроса по итогам собеседования также

можно найти доказательства, свидетельствующие о возможной возрастной предвзятости.

Пожилым работникам, потерявшим работу, требуется больше времени, чем молодым, чтобы повторно трудоустроится. Опросы работодателей также свидетельствуют о возрастной предвзятости. Хотя работодатели утверждают, что ценят пожилых работников (называя такие факторы, как опыт и трудовую этику), четверть работодателей заявили, что они не хотят нанимать пожилых работников (на творческие специальности, работу с людьми и т. д.).

24 % пожилых работников сообщают, что их работодатель отдает предпочтение молодым сотрудникам при принятии решений о продвижении по службе, сотрудники, возраст которых достиг 50 лет, замечают, что их молодым коллегам поручают больше задач и больше контрактов.

Возрастная предвзятость работодателя может существовать, даже если работники не признают ее как таковую. Каждый четвертый пенсионер в опросе сообщил, что вышел на пенсию, потому что ему предложили стимулы для раннего выхода на пенсию, их рабочие места были ликвидированы или они чувствовали себя вынужденными уйти на пенсию, эти действия также могут быть истолкованы как отражение дискриминации по возрасту.

Результаты исследований свидетельствуют о том, что пожилой сотрудник может подвергаться различным формам дискриминации. Авторы (Neumark et al., 2015) обнаружили бóльшую дискриминацию по возрасту среди пожилых женщин, чем среди пожилых мужчин. Они также находят больше дискриминации по возрасту в отношении пожилых людей, приближающихся к пенсии, по сравнению с теми, у кого данный возраст еще не скоро.

Однако подтверждается, что пожилые квалифицированные специалисты имеют лучшие перспективы трудоустройства, чем вспомогательные работники.

С этим связаны выводы, свидетельствующие о различиях в дискриминации по возрасту в зависимости от образования. Результаты исследований 2018 г. (Neumark, 2018a; 2018b; 2018c) показали, что 38 % пожилых работников без дипломов о среднем образовании чувствуют, что работодатель отдает предпочтение молодым работникам при принятии решений о продвижении по службе, и только 22 % среди тех, кто закончил колледж, думают так же. Также была обнаружена дискриминация по возрасту среди профессий, требующих физических, творческих и социальных навыков. Пользу пожилым людям принесли технические навыки (т. е. обслуживание, ремонт и установка технических средств, оборудования) и управленческие навыки.

Таким образом, несмотря на большой вклад пожилых людей в жизнь общества, во многих странах присутствуют стереотипы и предрассудки по отношению к людям по признаку их возраста (эйджизм).

Данное явление нередко становится интернализованным, т. е. распространяется не только на себя, но и начинает преобладать в политике, образовании, здравоохранении, социальном и пенсионном обеспечении, трудовой занятости.

Самое время обратить внимание на это факт в глобальном и локальном масштабе, чтобы адаптировать экономику и общественность к новым условиям.

По результатам опроса SuperJob и HH 1, в России найти работу после 40–45 лет непросто, наиболее востребована на рынке труда категория россиян в возрасте 30–35 лет, сложнее соискателям 54–56 лет, 87 % соискателей предпенсионного возраста признали, что найти работу «очень сложно».

Во многом такая ситуация складывается из-за того, что работодатели стараются изначально не рассматривать возрастных кандидатов из-за опасения получить штрафы согласно статье 144.[1]. Уголовного кодекса Российской Федерации (уголовная ответственность и штраф за необоснованный отказ в приеме на работу соискателей предпенсионного возраста или их увольнение).

Основная проблема, связанная с трудоустройством людей пенсионного возраста, отмечают рекрутеры, это их недостаточная профессиональная гибкость и нежелание проходить обучение. Так, представители этой возрастной группы, по мнению кадровых агентов:

— не владеют современными технологиями и не готовы их осваивать;

проявляют низкую обучаемость, у них нет желания снова быть студентом;

— не готовы менять мышление, менее гибкие, опираются на старые знания;

— не успевают в нужном темпе, не справляются с большим объемом информации и задач;

— испытывают трудности в коммуникации, менее подконтрольны, если руководство младше их.

В свою очередь, кандидаты старшей возрастной категории при опросе также отмечали, что чувствовали себя некомфортно в коллективе с коллегами от 20 до 30 лет и не задерживались более двух недель.

В среднем работники пенсионного и предпенсионного возраста составляют от 7 % до 11 % от общего числа сотрудников опрошенных компаний.

По данным Росстата, на 1 января 2023 г. в России 34265 тысяч пенсионеров по старости, 11,5 %[2] из них продолжают работу.

Подобный эксперимент проводили в США с сотрудниками старше 45 лет, и выявили те же стереотипы поведения со стороны работодателей и пожилых сотрудников, включая отсутствие гибкости и неспособность осваивать новые технологии. При этом 67 % американцев в возрасте 40–65 лет намерены продолжать работать после 66 лет (полный пенсионный возраст в США в 2023 г. составит 67 лет)[3].

Вместе с тем, данные опросов Бюро статистики труда США и российских сайтов (бирж труда) продемонстрировали большую лояльность «возрастных» работников к уровню оплаты труда, они в два раза дольше остаются работать на одном месте и более исполнительны, чем их 25–34-летние коллеги.

Соотношение пенсионных выплат, доходов и расходов населения имеет значительный дифферент по странам (рис. 4).

---

[1] Что такое эйджизм и как с ним бороться. РБК. URL: https://trends.rbc.ru/trends/social/625805e69a7947aa74dfe07a?from=copy#p3РБК» (дата обращения: 22.01.2025).

[2] Численность пенсионеров по видам пенсионного обеспечения, состоящих на учете в системе Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации. ЕМИСС. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/62166 (дата обращения: 05.02.2025).

[3] Old-Age Pensions Around the World. URL: https://docs.google.com/spreadsheets/d/1lhojralOUtVBoFnnK8W5l2xVEwfVFX8Za0R_xt-T0zM/edit#gid=691980241 (дата обращения: 05.02.2025).

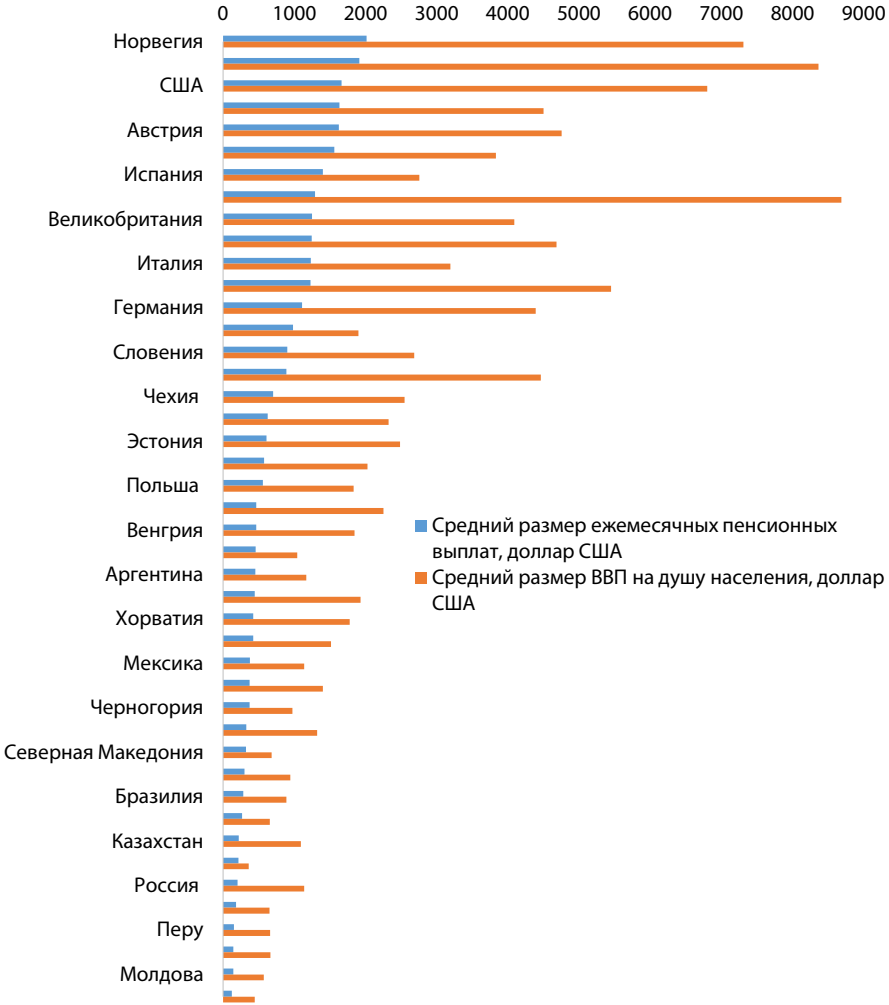

Рис. 4. *Соотношение размера ВВП на душу населения и среднего размера ежемесячных пенсионных выплат, долларов США (источник: World Economic Outlook. URL: https://www.imf.org/external/datamapper/datasets/WEO (дата обращения: 05.02.2025))*

В России почти 34,5 млн людей старшего поколения, 56 % из них в возрасте от 60 до 69 лет, 44 % — старше 70 лет. В рамках национальных целей развития планируется увеличение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет к 2030 г. и до 81 года к 2036 г., в том числе планируется опережающий рост показателей ожидаемой продолжительности здоровой жизни[1].

[1] Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542 (дата обращения: 02.02.2025).

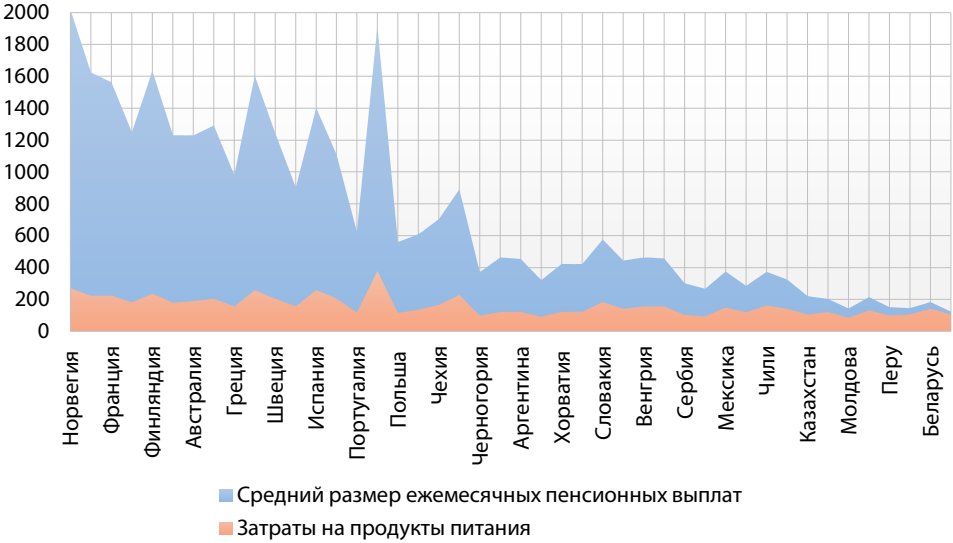

Рис. 5. *Соотношение среднего размера ежемесячных пенсионных выплат и затрат на основные продукты питания, доллар США (источник: World Economic Outlook. URL: https://www.imf.org/external/datamapper/datasets/WEO (дата обращения: 05.02.2025))*

Меры поддержки направлены, в том числе, на укрепление здоровья и повышение благополучия людей, всестороннюю поддержку семей. В рамках новых национальных проектов «Продолжительная и активная жизнь», «Семья», «Кадры» предусмотрены направления повышения уровня профессиональной самореализации человека за счет большей гибкости мер трудовых отношений, повышения производительности труда, активного внедрения передовых производственных и кадровых технологий.

В настоящее время почти 42 % населения в возрасте от 60 до 64 лет трудоустроены и продолжают работать.

В 2012 г. ООН был представлен набор факторов, характеризующих наиболее благоприятные условия для жизни пожилых людей. Индекс активного долголетия состоит из 22 индикаторов и формируется по четырем областям (доменам): занятость; участие в жизни общества; независимая, здоровая и безопасная жизнь; возможности и благоприятная среда для активного долголетия.

В пятерку лидеров активного долголетия в странах Европы вошли Швеция (47,2 %), Дания (43 %), Нидерланды (42,7 %), Великобритания (41,3 %), Финляндия (40,8 %). В аутсайдерах оказались Греция (27,7 %), Хорватия (29,3 %), Румыния (30,2 %), Венгрия (30,5 %), Польша (31 %).

По данным Комплексного наблюдения условий жизни населения в 2022 г. индекс активного долголетия в России составил 36,9 %, с 2020 г. он вырос на 2,8 п. п.[1]

[1] Комплексного наблюдения условий жизни населения в 2022. Росстат. https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH_2022/index.html (дата обращения: 05.02.2025).

Наибольший вклад в индекс в 2022 г. внесли «Возможности и благоприятная среда для активного долголетия» — 35,5 %, «Независимая, здоровая и безопасная жизнь» — 34,7 %, «Трудовая занятость» — 23,0 %, «Участие в жизни общества» — 6,8 %[1].

Сравнительный анализ вклада значений доменов индекса активного долголетия по России и странам ЕС показывает преимущество лидеров перед аутсайдерами в таких областях, как «занятость» (20 % против 15,8 %) и «участие в жизни общества» (15,6 % против 6,9 %).

У лидеров рейтинга количество населения, имеющего работу в возрастной категории от 60 до 64 лет, составило 67,5 %, от 65 до 69 лет — 31,8 %, осуществляют уход за детьми и внуками еще 33,5 % пожилого населения (Фролова, 2020).

Дискуссия

По результатам проведенного анализа были выявлены следующие тренды и сформулированы следующие выводы и гипотезы, ожидающие проверки в дальнейших исследованиях.

Тренды трудовой занятости свидетельствуют о процессах замещения более старшим поколением должностей в сфере интеллектуальных профессий, а также обслуживания населения, связанного с образованием, здравоохранением, культурой, жилищно-коммунальными услугами, логистикой, страхованием и другими специальностями.

Тренды свидетельствуют в целом о наличии меньшей финансовой нагрузки на бюджет среди стран с мерами социальной поддержки и прямыми выплатами пенсионерам, а также о связи социально-экономической активности пенсионеров с продолжительностью жизнью и удовлетворенностью ею, так как создается эффект самореализации, снижается уровень стресса от перехода к возрасту реальной старости, который по рекомендации ВОЗ начинается с 75 лет.

Одним из подтверждающих факторов стал показатель миграционной активности этой группы населения, связанной с трудовой потребностью, а также увеличение доли «цифровых кочевников» из возрастной группы старше 50 лет.

Мы высказали гипотезу о формировании потребности в трудовой занятости у этой группы населения на основе самореализации и наставничества, а также профилактики ряда заболеваний, включая возрастные.

Также выводы коснулись смены установочных парадигм формирования пенсионных накоплений и инвестиционных вложений, стабилизирующих финансовую систему общества.

Заключение

Мы попытались объединить все исследования с учетом выработки универсальных подходов к формированию пенсионных накоплений, а также формированию инфраструктуры и экономики, адаптированной к преобладанию населения более старших возрастных групп.

[1] Индекс активного долголетия. Росстат. https://rosstat.gov.ru/folder/13877 (дата обращения: 05.02.2025)

Можно рекомендовать региональным правительствам сформировать программы занятости старшего поколения на своих рабочих местах и развитие лояльности и востребованности общества в профессионалах.

Для эффективного решения данных вопросов предлагается выработать концептуальный системный подход к определению новых гибридных форм занятости на основе дивергентной сущности трудовой занятости, в которой организационные, технологические, правовые, социальные и экономические подходы интегрированы с трансформацией глобальных демографических процессов. На основе анализа дистанционной занятости и самозанятости обосновано, что развитие гибридных и смешанных форм занятости позволит пенсионерам разнообразить жизненные и трудовые траектории, отвечающие их интересам. Кроме того, это даст импульс развитию межпоколенческих форм сотрудничества, повысит рейтинговые позиции по индексу потребительского паритета.

Благодарности

Статья подготовлена в соответствии с планом НИР по гос. заданию Института экономики УрО РАН на 2024–2026 гг. №0327-2024-0009 «Механизмы регулирования экономического поведения населения в условиях структурных изменений».

Acknowledgements

The article has been prepared in the framework of the state task to the Institute of Economics of the Ural Branch of RAS for 2024–2026№0327-2024-0009 «Mechanisms for regulating the economic behavior of the population in the context of structural changes.»

Список источников

Рязанцев, С. В., Ниорадзе, Г. В. (2022). Трудовой потенциал старшего поколения: межрегиональный анализ. *Уровень жизни населения регионов России, 18* (1), 107–119. https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.1.9

Старение и здоровье (2024). Всемирная организация здравоохранения. URL: https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/ageing-and-health (дата обращения: 05.02.2025).

Фролова, Е.Б. (2020). *Индекс активного долголетия*. https://rosstat.gov.ru/storage/2020/04-01/Hsusyebg/prez-1802.pdf (дата обращения: 05.02.2025).

Цветкова, Г. А. (2021). О проблемах пенсионного обеспечения и трудовой занятости пенсионеров в России. *Интерактивная наука, 5* (60), 60–62. https://doi.org/10.21661/r-554199

Шахматова, Н. В. (2021). Работающие пенсионеры в России и регионе: тенденции и проблемы. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология, 21* (4), 413–420. https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-413-420

Butrica, B., & Mudrazija, S. (2022). *Skills-Based Hiring and Older Workers*. https://www.researchgate.net/publication/359635942 (дата обращения: 22.01.2025).

Haltiwanger, J., Hyatt, H., & McEntarfer, E. (2018). Who Moves Up the Job Ladder? *Journal of Labor Economics, 36* (S1): S301–S336. https://doi.org/10.1086/694417

Neumark, D. (2018a). Minimum Wage Effects on Jobs and Poverty: Evidence and Policy Debate in the USA. *Policy in Focus, 15* (2), 26–31.

Neumark, D. (2018b). Employ Effects of Minimum Wages. *IZA World of Labor, 6*. https://doi.org/10.15185/izawol.6.v2

Neumark, D. (2018c). How Can We Know if There is Discrimination in Hiring? *Econofact*. https://econofact.org/how-can-we-know-if-there-is-discrimination-in-hiring (дата обращения: 22.01.2025).

Neumark, D., (2020). Strengthen Age Discrimination Protections to Help Confront the Challenge of Population Aging, Economic Studies at Brookings, https://www.brookings.edu/research/strengthen-age-discrimination-protections-to-help-confront-the-challenge-of-population-aging (дата обращения: 22.01.2025).

Neumark, D., Burn, I., & Button, P. (2015). Is it Harder for older Workers to find Jobs? *National Bureau of Economic Research,* 21669. https://doi.org/10.3386/w21669

World Employment and Social Outlook. Trends 2024. International Labor https://www.ilo.org/publications/flagship-reports/world-employment-and-social-outlook-trends-2024 (дата обращения: 22.01.2025).

Reference

Aging and health (2024). The World Health Organization. URL: https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/ageing-and-health (accessed: 05.02.2025).

Butrica, B. & Mudrazija, S. (2022). *Skills-Based Hiring and Older Workers*. URL: https://www.researchgate.net/publication/359635942 (accessed: 22.01.2025).

Frolova, E.B. (2020). *Indeks aktivnogo dolgoletiia [The active longevity index]*. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/2020/04-01/Hsusyebg/prez-1802.pdf (accessed: 05.02.2025). (In Russ.)

Haltiwanger, J., Hyatt, H., & McEntarfer, E. (2018). Who Moves Up the Job Ladder? *Journal of Labor Economics, 36* (S1): S301–S336. https://doi.org/10.1086/694417

Neumark, D. (2018a). Minimum Wage Effects on Jobs and Poverty: Evidence and Policy Debate in the USA. *Policy in Focus, 15* (2), 26–31.

Neumark, D. (2018b). Employ Effects of Minimum Wages. *IZA World of Labor, 6.* https://doi.org/10.15185/izawol.6.v2

Neumark, D. (2018c). How Can We Know if There is Discrimination in Hiring? *Econofact.* URL: https://econofact.org/how-can-we-know-if-there-is-discrimination-in-hiring (accessed: 22.01.2025).

Neumark, D., Burn, I., & Button, P. (2015). Is it Harder for older Workers to find Jobs? *National Bureau of Economic Research,* 21669. https://doi.org/10.3386/w21669

Ryazantsev, S.V. & Nioradze, G.V. (2022). The labor potential of older generation: interregional analysis. *Uroven zhizni naseleniia regionov Rossii [Living Standards of the Population in the Regions of Russia], 18* (1), 107–119. https://doi.org/10.19181/lsprr.2022.18.1.9 (In Russ.)

Shakhmatova, N. V. (2021). Working pensioners in Russia and the region: trends and problems. *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Novaia seriia. Seriia: Sotsiologiia. Politologiia [Izvestia of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology], 21* (4), 413–420. https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-4-413-420 (In Russ).

Tsvetkova, G. A. (2021). About the problems of pension provision and employment of pensioners in Russia. *Interaktivnaia nauka [Interactive Science], 5* (60), 60–62. https://doi.org/10.21661/r-554199

World Employment and Social Outlook. Trends 2024. International Labour. URL: https://www.ilo.org/publications/flagship-reports/world-employment-and-social-outlook-trends-2024 (accessed: 22.01.2025).

Лопаева Валентина Александровна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН https://orcid.org/0000-0001-5657-0844, (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская 29; valentina.lopaeva@mail.ru).

Valentina A. Lopaeva — Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences https://orcid.org/0000-0001-5657-0844, (29 Moskovskaya St., Yekaterinburg, 620014, Russian Federation, e-mail: valentina.lopaeva@mail.ru).

УДК 336.018(045)
JEL classification: J11
https://www.doi.org/10.17059/udf-2025-2-12

Демографическая политика Российской Федерации[1]

И.С. Лупандина [а], В.В. Загородний [б]

[а,б] Донбасский государственный университет юстиции
(г. Донецк, Донецкая Народная Республика, Россия)

[а] https://orcid.org/0009-0001-3917-2948

[б] https://orcid.org/0009-0004-7834-250X

Автор для корреспонденции: И.С. Лупандина (ivannnapand@gmail.com).

Аннотация. *В статье анализируется демографическая политика Российской Федерации, её направления и инструменты реализации. Цель исследования — оценить эффективность текущих мер и выявить потенциал для их оптимизации. Гипотеза состоит в том, что эффективная демографическая политика может стабилизировать демографические тенденции при адаптации к актуальным социально-экономическим вызовам. Методология исследования основана на комплексном подходе, включающем анализ нормативных актов, статистики и научной литературы; применяется метод дедукции. В результате сделаны выводы о необходимости усиления семейной поддержки, улучшения медицинского обслуживания и анализа международного опыта для интеграции его в национальную политику. Научный вклад заключается в рекомендациях по совершенствованию с внедрением соответствующих мер в национальную политику. Научный вклад заключается в предложенных рекомендациях по совершенствованию политики, которые могут быть использованы для разработки новых стратегий. Результаты исследования применимы в разработке социально-экономических программ. Ограничением является зависимость от политических и экономических факторов. Будущие исследования могут быть направлены на разработку региональных подходов к демографической политике с учётом различий в социально-экономическом развитии различных субъектов Российской Федерации.*

Ключевые слова: демографическая политика; государство; поддержка семей; рождаемость.

Demographic policy of the Russian Federation

I. Lupandina [a], V. Zagorodniy [b]

[a,b] Donbass State University of Justice (Donetsk, Donetsk People's Republic, Russia)

[a] https://orcid.org/0009-0001-3917-2948

[b] https://orcid.org/ 0009-0004-7834-250X

Corresponding author: I. Lupandina (ivannnapand@gmail.com).

Abstract. *The article analyzes the demographic policy of the Russian Federation, its directions, and implementation tools. The study aims to assess the effectiveness of current measures and optimize their potential. It hypothesizes that an effective demographic policy can stabilize trends while adapting to socio-economic challenges. The research methodology involves a comprehensive analysis of normative acts, statistics, and literature, using the deduction method. Conclusions highlight the need to strengthen family support, improve medical care, and integrate international experience into national policy. The scientific contribution consists of practical recommendations for policy improvement, aiding the development of new strategies. These results are applicable to socio-economic program development. Limitations include de-*

[1] © Лупандина И. С., Загородний В. В. Текст. 2025.

pendence on political and economic factors. Future research can focus on developing regional approaches to demographic policy, considering socio-economic differences across Russian regions.

Keywords: demographic policy; state; family support; fertility.

Введение

Актуальность исследования демографической политики Российской Федерации обусловлена важностью достижения устойчивого демографического развития, играющего ключевую роль в обеспечении национальной безопасности и социально-экономического роста страны. В последние десятилетия РФ сталкивается с рядом демографических вызовов, таких как естественная убыль населения, старение нации и миграционные колебания. Эти факторы оказывают существенное влияние на многие аспекты общественной и экономической жизни, включая трудовой рынок и системы социальной поддержки. Исследование направлено на всесторонний анализ текущих мер демографической политики, изучение их эффективности и разработку рекомендаций по улучшению. Цель данного исследования заключается в выявлении и анализе ключевых проблем демографической политики РФ, а также в предложении комплексных стратегий для их решения. Для достижения этой цели поставлены следующие задачи: изучить опыт демографической политики СССР, правопреемницей которого стала Российская Федерация, оценить действующие государственные программы и инициативы, исследовать международный опыт в области демографической политики и разработать практические рекомендации для российской действительности. Гипотеза исследования предполагает, что создание единой стратегии демографической политики РФ позволит повысить её эффективность и достичь более устойчивых показателей рождаемости и смертности.

Обзор литературы

Теоретической основой анализа выступили работы авторов, изучавших вопрос демографической политики разных периодов. Труд Е.М. Андреева, Л.Е. Дарского и Т.Л. Харьковой «Демографическая история России: 1927–1959» является значительным вкладом в исследование демографических процессов этого периода. Авторы, опираясь на архивные материалы и косвенные методы демографических оценок, пытаются воспроизвести достоверную картину изменения численности населения в условиях дефицита данных. Исследования показывают, что в период с 1927 по 1940 г. недорегистрация рождений составила существенную величину — около 18,8 %, а регистрация смертей оказалась заниженной. Это свидетельствует о серьезных проблемах в системе гражданской регистрации, что искажает понимание динамики естественного прироста населения в тот период (Андреев и др., 1998). Работа Миэ Накачи, основанная на ранее недоступных архивных данных, посвящена детальному изучению советской демографической политики в эпоху Сталина и Хрущёва. Накачи выявляет, что меры, принятые во время и после Второй мировой войны, существенно повлияли на социальную структуру общества. Эти решения привели к распространению нестабильных браков, увеличению числа неполных семей и росту количества абортов. Центральная тема книги касается указов 1944 г., регулирующих брачные и семейные отношения. Особое внимание уделяется указу от 8 июля 1944 года, который внедрял

моральные и материальные стимулы с целью повышения рождаемости. Однако, как показывает анализ Накачи, данная демографическая политика оказалась недостаточно эффективной и не принесла ожидаемых результатов (Накачи, 2022). Статья А.П. Обедкова и А.А. Обедковой «Тенденции демографического развития России в постсоветский период» рассматривает трансформации, произошедшие после распада СССР. Постсоветский период ознаменовался четвертым демографическим кризисом в России, характеризующимся естественной убылью населения, вызванной низкой рождаемостью и высокой смертностью. Рождаемость в этот период была на уровне развитых стран, а смертность соответствовала развивающимся. Коэффициент фертильности остаётся ниже критического уровня (1,6–2,1), необходимого для простого воспроизводства. Впервые естественная убыль населения была зафиксирована в ноябре 1992 года (220 тысяч человек), и к 2000 году достигла пика в 960 тысяч человек. Несмотря на сокращение убыли в первом десятилетии XXI в., общее снижение с 1992 по 2010 г. составило 13,2 млн чел. Максимальная численность населения в 148,6 млн чел. была отмечена в 1993 г., после чего началась депопуляция. К 2010 г. численность снизилась на 5,7 млн, и Россия переместилась с шестого на девятое место по численности населения, уступив странам с динамичным ростом (Обедков, Обедкова, 2012). Статья Р.Р. Хасановой описывает современный период демографического развития, анализируя демографическую политику РФ, рассчитанную на 2007–2025 гг. (Хасанова, 2020).

Материалы и методы

Историзм как методологический подход используется для анализа развития демографической политики России через призму её исторического контекста. Выявление и понимание исторических предпосылок нынешней ситуации позволяет определить влияние предыдущих событий и решений на текущее состояние. Методы индукции и дедукции служат для формулировки и проверки гипотез в исследовании. Метод индукции в данной статье применяется на начальной стадии исследования. Путем изучения частных фактов мы выявляем повторяющиеся черты и закономерности, присущие демографической политике. Метод дедукции вступает в исследование на этапе развития и обоснования научных знаний. Здесь, исходя из общих теоретических посылок о демографических тенденциях и политике, делаются конкретные выводы относительного текущего состояния и прогнозирования будущих изменений. Анализ и синтез применяются в два этапа: первый этап включает разложение проблемы на составные части для выявления ключевых факторов, влияющих на демографическую политику; второй этап — это объединение полученных данных в общее целое для формулировки обоснованных выводов о направлении и эффективности демографической политики. Качественный анализ данных проводится методами анализа официальных документов и законодательных актов, связанных с демографической политикой, что позволяет исследовать намерения и цели государственных мер. Количественный анализ применяется через сбор и обработку статистических данных по демографическим показателям.

Результаты

Демографическая ситуация в Российской Федерации характеризуется сокращением численности и прогрессивным старением населения, что вызывает значительные социально-экономические последствия. Для их преодоления требуется разработка эффективной демографической политики, согласованной с конституционными принципами и государственными интересами. Основной целью такой политики является не только сохранение, но и увеличение численности населения, что представляет центральную задачу государства в контексте его социальной функции. Демография изучает численность, территориальное распределение и состав населения, изменения, причины и следствия этих изменений, а также их связь с социально-экономическими факторами (Щербаков, 2017). Демографическая политика — это система мер, реализуемых государством для регулирования естественного прироста и восполнения населения, она является частью социальной политики, направленной на повышение уровня и качества жизни, и нацелена на формирование оптимальной модели воспроизводства населения в долгосрочной перспективе. Однако, как отмечает Милюков, стихийный характер демографических процессов остаётся очевидным; даже на высоких ступенях культуры способность населения сознательно управлять своим размножением вызывает сомнения (Милюков, 1993).

Разработка демографической политики в России становится актуальной из-за ежегодного снижения численности населения на 0,5 % с 2000 г., что приводит к нехватке рабочей силы, снижению потребительского спроса и обороноспособности. В 2000 г. численность уменьшилась на 751,1 тыс. чел., достигнув 144,8 млн. По данным Федеральной службы государственной статистики, наблюдается старение населения, увеличивающее расходы на пенсии и здравоохранение. С 2008 по 2022 г. средний возраст населения вырос с 38,8 до 40,5 лет: для мужчин — с 36,1 до 37,7 года, для женщин — с 41,1 до 42,9 года. В 34 регионах средний возраст превышает 41 год, особенно в Тамбовской, Тульской, Пензенской и Рязанской областях, где он достигает в среднем 43,4 года. По данным Росстата, с 2015 по 2022 г. рождаемость снизилась с 1,71 до 1,42. В рамках национального проекта «Демография» продолжилась корректировка материнского капитала, направленного на пенсии, и образование. В 2020 г. материнский капитал стал доступен родителям первенцев, а в 2018 г. введена программа льготной семейной ипотеки. Эффективная демографическая политика требует комплексного подхода, учитывающего Конституцию РФ[1] и международные правовые акты, такие как Всеобщая декларация прав человека, Декларация прав ребёнка и Европейская Конвенция о защите прав человека. Для стимулирования рождаемости необходимо создать условия, способствующие рождению детей, и оказать финансовую поддержку семьям. Эти меры регулируются законами, такими как Федеральный закон № 418-ФЗ от 28.12.2017 «О ежемесячных выплатах семьям, имеющим детей», определяющий условия и размеры ежемесячных выплат, и Федеральный закон № 81-ФЗ от 19.05.1995 «О государственных пособиях гражданам, имеющим

[1] Конституция Российской Федерации (1993). Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года (с изменениями от 2020 года). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 05.01.2025).

детей», определяющий порядок выплаты и размеры пособий по беременности и родам и ежемесячных пособий по уходу за ребёнком. Федеральный закон от 14 февраля 2024 г. № 17-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О содействии развитию жилищного строительства" и отдельные законодательные акты Российской Федерации» способствует жилищному строительству через льготные программы для семей. Государство также работает над улучшением доступности и качества дошкольного образования, расширяя сеть детских садов и повышая квалификацию педагогов.

Размер заработной платы обоих полов существенно влияет на демографические показатели. Экономическая стабильность семьи играет ключевую роль в принятии решения о рождении детей, так как достаточный доход обоих родителей увеличивает вероятность позитивного решения. Равенство в оплате труда укрепляет экономическую независимость женщин, влияя на их роль в семейном планировании. Исследования показывают, что экономическая стабильность способствует поддержке решений о рождении детей, поскольку женщины уверены в своём профессиональном будущем и получают поддержку от партнёра и государства. Согласно результатам исследования компании «Яков и Партнёры» и холдинга «Ромир», чем больше у россиян доходы, тем выше их желание завести ребёнка. Причём заметнее всего оно возрастает при увеличении дохода до 80000–120000 рублей. Считают финансовые возможности главным фактором в решении о рождении ребёнка 47 % респондентов[1].

Анализ исторического опыта регулирования демографической ситуации в России показывает, что в разные периоды применялись различные меры в ответ на демографические вызовы. В 1941 г., в условиях демографического кризиса, Советский Союз ввел налог на бездетность, который касался мужчин в возрасте 20–50 лет и женщин 20–45 лет, не имевших детей (Пономарёв, 1942). Исключения делались для низкооплачиваемых работников. В послевоенный период налоговая политика изменилась: ставка налога увеличилась для сельских жителей в зависимости от количества детей, что было частью стратегии по преодолению последствий военных действий и голода. При Хрущёве и Брежневе акцент демографической политики сместился на поддержку семей, в том числе через расширение жилищного строительства и социальных льгот. К концу XX в. налог на бездетность был отменен из-за его неэффективности и изменившихся демографических условий. С 1941 по 1991 г. население СССР увеличилось с 197 до 290 миллионов человек, однако сложно определить, насколько введение налога на бездетность повлияло на уровень рождаемости. До 1950 г. существовал запрет на аборты, и государственная поддержка многодетных семей сочеталась с высоким уровнем абортов — до семи миллионов в год. Современная Россия сталкивается с иными социальными и экономическими условиями, как подчеркивают Визер и Щербаченко. Уровень экономических затрат на воспитание детей высок, и вопросы «серых» зарплат и отчетности остаются нерешенными. Эти обстоятельства делают введение аналогичных мер в настоящее время затруднительным

[1] Новикова, А., Мясумова, А. (2023). «Упускается детородная функция»: российский сенатор призвала рожать, а не получать высшее образование. Газета.ru URL: https://www.gazeta.ru/social/2023/11/14/17864809.shtml?ysclid=lp9e14z62e655006522 (дата обращения: 13.11.2024).

и требуют комплексного подхода к демографической политике[1]. Перечисленные факторы делают введение налога на бездетность в настоящее время нецелесообразным и подчеркнуто недостаточным для стимулирования демографического роста. Мы разделяем мнение Визера и Щербаченко в связи с тем, что текущие экономические и социальные условия в стране предъявляют новые вызовы, требующие продуманных и более адекватных экономических и социальных стратегий.

Введение налога на бездетность в России вызывает сомнения с точки зрения конституционных норм. Статья 19 Конституции РФ гарантирует равенство и запрещает дискриминацию, поэтому налог, затрагивающий определённые категории граждан, можно рассматривать как дискриминационный. Также статья 7, позиционируя Россию как социальное государство, предполагает создание условий для достойной жизни, что налог может подорвать, усугубляя социальное неравенство. Наконец, статья 23 гарантирует защиту частной жизни, включая семейные решения. Введение налога рискует спровоцировать негативные социально-экономические последствия, требует анализа из-за возможного уклонения от налогов и коррупции. Налог может стимулировать рождаемость в финансово нестабильных семьях, что ухудшит условия воспитания детей и повысит нагрузку на органы опеки. Более обеспеченные граждане смогут платить налог, не меняя своего репродуктивного поведения, усиливая неравенство. Необходимость подтверждения статуса бездетности может способствовать коррупции и подделке документов, подрывая доверие к государственным институтам. Для людей с проблемами зачатия налог будет неэтичным, игнорируя эмоциональные трудности. Также вызывает споры минимальный возраст налогообложения. Если он начнётся с 18 лет, это может быть слишком рано, учитывая, что молодёжь только начинает карьеру и не имеет стабильного дохода. Смещение до 24 лет совпадет с возрастом принятия решения о деторождении без налогового стимула. Росстат показывает, что средний возраст рождения первого ребёнка составляет 20–24 года, что зависит от региона и этнических особенностей. Например, в Чечне и Дагестане этот возраст — 23 года. Для коренных народов Севера, таких как чукчи и ненцы, возраст может быть ниже. Универсальный налог может не учитывать региональные особенности. Таким образом, предложенный законопроект подвергается критике за неэффективность и несоответствие фактическим условиям.

Психоэмоциональное состояние населения России существенно влияет на демографическую политику. Психологическая зрелость для принятия решений о деторождении является индивидуальной. М.В. Подхомутникова отмечает, что в последние годы российское общество испытывает психоэмоциональное напряжение, обусловленное социальными ограничениями, политической неопределённостью и низким уровнем доверия к государственным институтам, что в свою очередь снижает рождаемость, усиливает эмиграционные настроения и ускоряет старение населения. Недоверие к государственным инициативам и правовой нигилизм подрывает их эффективность (Подхомутникова, 2011). Люди с генетическими заболеваниями находятся в уязвимой позиции, поскольку

[1] Шахова, С. (2024). Эксперты раскритиковали идею введения налога на бездетность. АБН 24, Общество. URL:https://abnews.ru/news/2024/10/4/eksperty-raskritikovali-ideyu-vvedeniya-naloga-na-bezdetnost (дата обращения: 20.01.2025).

медицинские рекомендации могут препятствовать их деторождению. Важно определить, как налоговые обязательства скажутся на их положении, особенно в случаях рождения детей с наследственными болезнями. Такая инициатива способна подорвать семейные ценности и институт брака, создавая ощущение наказания за отсутствие детей, что противоречит концепции семьи как основы общества. В условиях налогового давления, в частности, когда существуют налоги на бездетность или значительные налоговые преимущества для семейных пар с детьми, вступление в брак и рождение детей могут рассматриваться как стратегический расчет для оптимизации социально-экономического положения. Такой подход может вызвать дискуссии относительно традиционной концепции семьи, характерной для российского общества, где семья, в первую очередь, ассоциируется с эмоциональной близостью и любовью. Отсутствие глубинных чувств и стремление к формированию семьи исключительно с расчётом на получение экономических выгод, вызванных структурой налогообложения, ставит под сомнение традиционные ценности, связанные с браком и рождением детей. Дети, рождённые в семьях, созданных только из соображений выгоды, могут рассматриваться как инструменты достижения экономических целей, что противоречит идеалу семьи как основы морального и эмоционального воспитания. Это создает культурный диссонанс и требует переосмысления политики в сфере налогообложения и социальной поддержки, чтобы она не стимулировала появление союзов, далеких от традиционных идеалов семьи, важных для культурной и социальной идентичности России. Это может способствовать коррупции среди должностных лиц, занимающихся регистрацией браков, и отрицательно влиять на правовой климат. Фиктивные браки также манипулируют законодательством, усложняя борьбу с незаконной миграцией через предоставление иностранцам легальных оснований для получения статуса в России.

Введение налога на бездетность в РФ требует анализа внутренней ситуации и международного опыта. В странах с высокой рождаемостью, таких как Швеция и Норвегия, такого налога нет; они используют развитые социальные системы и семейные политики, включая пособия и субсидии, охватывающие период до совершеннолетия. Эти меры снижают финансовую нагрузку на родителей и положительно влияют на рождаемость. Важным элементом является равномерное распределение обязанностей по уходу за ребёнком. России стоит сосредоточиться на создании условий для семей, включая субсидии, льготное кредитование, программы поддержки семьи, внутренний туризм и трудовые права. Следует разработать единую стратегию, утверждённую Указом Президента РФ, с акцентом на стимулирование внутреннего туризма для семей. Законодательные инициативы должны включать программы субсидирования и льготного кредитования молодых семей для посещения санаториев и курортов России, что укрепит семейные отношения и создаст позитивный фон для планирования семьи. Также важно учитывать вопросы трудовых прав и баланса между работой и личной жизнью. Исследования свидетельствуют, что увеличение рабочей ответственности негативно влияет на семейную жизнь и карьерное развитие женщин (Karatepe & Kilic, 2009). Многие женщины идут на компромисс с семейными целями для уменьшения конфликта между работой и семьёй, что часто ведёт к меньшему числу детей

(Ojo et al., 2014). Государственные учреждения могут внедрять меры контроля трудовых норм, обеспечивая разумные графики и снижение нагрузки на сотрудников, включая запрет на сверхурочную работу. Государственный мониторинг должен гарантировать соблюдение этих норм. Возможным решением является создание детских учреждений на предприятиях, что позволит сотрудникам лучше сочетать профессиональные и семейные обязанности, способствуя гармонии между работой и семьёй.

Целью данных предложений является создание стратегии национальной безопасности, способствующей поддержанию необходимого уровня воспроизводства населения. Эти меры, при сравнении с текущими инициативами, обладают потенциалом не только для улучшения текущей демографической ситуации, но и для реализации таких изменений без нанесения ущерба обществу. Необходимо улучшение качества здравоохранения, создание новых медицинских учреждений, повышение квалификации медицинских работников, внедрение новых медицинских технологий, развитие профилактики и здорового образа жизни.

Необходимо развивать программы поддержки, в том числе пособия за раннюю постановку на учет в медицинской организации по беременности, исключая всякое давление на женщин, способное вызвать негативные последствия. В рамках проекта «Репродуктивное здоровье» Минздрав утвердил новую методологию доабортного консультирования (Письмо Минздрава России от 29.06.2023 № 15-4/2503), содержащую речевые модули и анкеты для женщин, принимающих решение об аборте. Это направлено на индивидуализацию рекомендаций и предоставление социальной поддержки, а также выявление мотивов репродуктивного выбора с целью мотивирования к сохранению беременности. Однако пациентки сообщают о случаях психологического давления со стороны медицинского персонала, нарушающего их право на автономию и информированный выбор. Известны случаи, в которых медицинские работники, пренебрегая предпочтением пациенток провести аборт, принуждали сохранить беременность, аргументируя это их социальным положением. Отсутствие полной информации и административные барьеры усугубляют это давление. Это указывает на системные проблемы, которые требуют внедрения механизмов, обеспечивающих условия для принятия женщинами осознанных решений относительно репродуктивного здоровья без давления и манипуляций. Уважительное отношение к праву граждан на личный выбор способствует снижению уровня социального давления и принятию более обдуманных решений в вопросах родительства.

8 ноября 2023 г. Патриарх Кирилл направил письмо председателю Государственной думы В. Володину с предложением запретить аборты в частных клиниках. Спикер Госдумы 9 ноября поручил профильному комитету рассмотреть это предложение. Конституция РФ (статья 14) определяет Россию как светское государство, где религиозные организации отделены от государства, поэтому лидеры конфессий не могут законодательным образом ограничивать права граждан. Инициатива, однако, нашла поддержку на региональном уровне: в ноябре 2023 г. частные медицинские клиники Республики Крым прекратили предоставление услуг по прерыванию беременности. Сенатор от Челябинской области

М. Павлова на Русском экономическом форуме 14 ноября 2023 г. высказалась против пропаганды высшего образования для девочек, утверждая, что образование мешает созданию семей и рождению детей в оптимальном возрасте[1]. Для предотвращения таких ситуаций предлагается разработать единую демографическую политику. Несмотря на автономию субъектов Российской Федерации в вопросах внутреннего управления, она ограничена рамками государственной политики, направленной на согласованное развитие регионов.

Среди возможных подходов к улучшению демографической ситуации в Российской Федерации преобладать должно снижение налогового бремени для семей с детьми. Эта мера соответствует Конституции РФ, которая защищает семью, материнство и детство (статья 38) и поддерживает существующую политику налоговых льгот. Уменьшение налогов расширяет финансовые возможности семей, поднимает качество их жизни и способствует благоприятной среде для воспитания детей. Использование экономических стимулов формирует позитивное общественное отношение к семье и деторождению, укрепляя гражданское доверие к государственной поддержке. Такое финансовое стимулирование не только ориентировано на повышение рождаемости, но и способствует успешной социализации детей. Введение налога на бездетность может быть заменено более гуманными и эффективными подходами, такими как повышение качества жизни, улучшение образования и медицинской помощи, а также предоставление социальной поддержки. Эти шаги соответствуют обязанности государства в защите прав семьи и избегают мер, которые подрывают принципы равенства и социальной справедливости.

Обсуждение налога на бездетность в России, аналогичного демографической политике Китая, остаётся актуальным, несмотря на общественный резонанс. Опыт Китая может быть использован для создания стратегии по демографии. В некоторых регионах Китая нарушения прав включают вторжение в частную жизнь, обязательный пренатальный уход и отчётность, что трактуется как нарушение прав человека. NYT отмечает, что попытки Китая увеличить рождаемость, снимая ограничения на количество детей, не принесли существенных результатов. Провинция Сычуань сняла ограничения на регистрацию детей, предоставив льготы не только супружеским парам, но и родителям вне брака, что вызвало неоднозначные реакции из-за несоответствия культурным традициям. Одинокие матери в ряде регионов не получают такие льготы и подвергаются штрафам. Профессор Ван Фэн подчёркивает необходимость изменения социальных институтов для решения демографического кризиса[2]. Молодёжь Китая не стремится заводить детей из-за расходов, и предложенные меры, такие как сокращение срока обучения, недостаточны. Пример Китая показывает, как чрезмерный контроль и нарушение прав подрывают доверие к госинститутам. Н. Смулянская отмечает,

[1] Караева, И.А. (2024). Исследование Ромир и «Яков и Партнеры». Россияне назвали факторы, влияющие на решение о рождении ребенка. РОМИР. URL: https://romir.ru/studies/issledovanie-romir-i-yakov-i-partnery-rossiyane-nazvali-faktory-vliyayushchie-na-reshenie-o-rojdenii-rebenka (дата обращения: 20.01.2025)

[2] NYT: меры Пекина по стимулированию рождаемости подчёркивают имеющиеся демографические проблемы. The New York Times. URL: https://russian.rt.com/inotv/2023-02-28/NYT-meri-Pekina-po-stimulirovaniyu (дата обращения: 20.01.2025)

что стимуляция материнства несоразмерна социальным затратам (Смулянская, 2018). Исторический опыт СССР с запретом абортов в 1936 г., увеличивший смертность женщин из-за нелегальных процедур, подчёркивает необходимость осторожного подхода к регулированию репродуктивных прав (Фадеева, 2019). Последствия запрета абортов вынудили правительство СССР отказаться от подобной практики и вернуть право на аборт.

Для улучшения демографической ситуации в России предусмотрены меры по обеспечению граждан доступным жильём, что важно для решения о расширении семьи. Исследования показывают, что семьи с детьми чаще испытывают жилищные трудности по сравнению с бездетными, что свидетельствует о недостаточной финансовой возможности приобретения комфортного жилья. Государственная программа «Обеспечение доступным жильём и коммунальными услугами граждан РФ» нацелена на обеспечение жильём 460 тысяч семей экономического класса, однако из-за задержек строительства и высоких ипотечных ставок около половины семей не получили жильё[1]. Необходимо увеличить государственную поддержку, включая субсидирование ипотечных кредитов и развитие системы социального арендного жилья. Предоставление земельных участков и субсидий на строительство может улучшить жилищные условия многодетных семей, а повышение инфраструктуры жилых районов обеспечит доступ к детским садам, школам и медучреждениям. Оптимизация бюрократических процедур усилит эффективность программы. Комплексный подход к улучшению жилищных условий способствует росту рождаемости и укреплению социальной стабильности. Рекомендуется внедрение модельного проекта демографической политики, утверждённого указом Президента РФ, с апробацией в отдельных субъектах Федерации, направленного на стимулирование рождаемости и анализ демографической обстановки с оценкой рождаемости, смертности и миграции. Проект предусматривает сотрудничество с научными учреждениями для адаптации мер и выработки рекомендаций. Сбор и анализ данных по рождаемости и качеству жизни семей позволят корректировать политику.

Результаты прогнозирования и обсуждения внедрения предложенных мер в рамках демографической политики Российской Федерации указывают на потенциальные позитивные изменения в улучшении демографической ситуации в стране. Внедрение проекта в отдельных регионах может стать опорной базой для создания национальной стратегии демографического развития, которая, в случае успешной реализации, сможет послужить основой для более масштабных программ улучшения демографической ситуации.

Внедрение предложенных мер в рамках демографической политики Российской Федерации может привести к конкретным и значительным улучшениям в различных аспектах, касающихся демографической и социальной стабильности страны: одним из основных ожидаемых эффектов станет улучшение жилищных условий для семей, что, в свою очередь, положительно скажется

[1] Постановление Правительства РФ от 30.12.2017 № 1710 (в актуальной редакции) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации”». Собрание законодательства РФ. 2018. № 3. Ст. 546.

на репродуктивных решениях граждан. Обеспечение доступным жильём посредством субсидирования ипотечных кредитов и развития системы социального арендного жилья снизит финансовую нагрузку на семьи, позволяя им с большей уверенностью планировать увеличение числа детей. Предоставление земельных участков с субсидиями на их застройку обеспечит многодетные семьи более просторными и комфортными условиями проживания. Это не только улучшит качество жизни семей, но также укрепит их социальную стабильность и благополучие. Важным следствием внедрения данных мер станет повышение уровня рождаемости. Улучшение доступности и качества инфраструктуры образовательных и медицинских учреждений в новых и существующих жилых районах снизит барьеры для семей, желающих иметь больше детей. Расширение сети детских садов, школ и медицинских учреждений будет способствовать формированию позитивной среды для всестороннего развития детей, что является важным фактором для принятия решения о рождении детей. Оптимизация бюрократических процедур и повышение эффективности реализации государственной программы жилья сократит время и ресурсы, необходимые для получения жилья, что уменьшит стресс и финансовую нестабильность среди населения. Это, в свою очередь, поспособствует улучшению демографических показателей, так как финансовая и социальная стабильность являются критично важными для принятия решения о расширении семьи. Комплексная реализация предложенных мер также способна укрепить социальную сплочённость и доверие к государству. Когда семьи видят, что государственная поддержка действительно достигает своих целей и оказывает положительное влияние на их повседневную жизнь, это формирует более положительное восприятие государственной политики и повышает уровень доверия граждан.

В долгосрочной перспективе успешная реализация этих мероприятий может стать основой для устойчивого демографического развития, что позитивно скажется на экономической и геополитической позициях страны. Снижение демографических рисков, таких как старение нации и сокращение трудоспособного населения, позволит обеспечить стабильный приток рабочей силы и поддерживать темпы экономического роста. Предложенные меры, направленные на улучшение жилищных условий и инфраструктурной поддержки семей, имеют потенциал не только непосредственно повысить уровень рождаемости, но и содействовать всеохватывающему социально-экономическому благополучию и национальной безопасности Российской Федерации.

Заключение

Национальная безопасность РФ в условиях демографических вызовов требует комплексной стратегии демографического развития, а не фрагментарной политики. Уровни рождаемости, смертности и миграции создают угрозы безопасности, включая сокращение населения, старение нации, дефицит трудовых ресурсов и снижение экономического потенциала, что ослабляет геополитические позиции страны. Стратегический подход с системным анализом демографических трендов позволяет разработать меры для повышения рождаемости, снижения смертности и оптимизации миграции. Комплексная стратегия, учитывающая

экономические, социальные и правовые аспекты, необходима для устойчивого демографического развития и национальной безопасности. Необходимость такой стратегии обусловлена рисками для обороноспособности, экономической стабильности и социальной ситуации, что делает её разработку и реализацию критически важной.

Список источников

Андреев, Е. М., Дарский, Л. Е., Харькова, Т. Л. (1998). *Демографическая история России: 1927–1959.* М.: Информатика, 187.

Милюков, П. Н. (1993). *Очерки по истории русской культуры.* В 3 т. Т. 1. М.: Прогресс, 491.

Накачи, М. (2022). Анализ пронаталистской семейной политики в СССР в 1940-х - 1960-х годах. *Демографическое обозрение, 9*(1), 34–55. https://doi.org/10.17323/demreview.v9i1.14572 EDN: QHCXUT

Обедков, А. П., Обедкова, А. А. (2012). Тенденции демографического развития России в постсоветский период. *Россия и современный мир, (4),* 95–108. EDN: PJSCJV

Подхомутникова, М. В. (2011). О политической апатии современной молодежи в России. *Общество: Социология, Психология, Педагогика, (3–4),* 14–17. EDN: OKDCNR

Пономарёв, Н. И. (1942). *Сборник указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов военного времени.* Л.: Лениздат, 232.

Смулянская, Н. С. (2018). Почему стимулирование ранних рождений в России не имеет перспектив. *Женщина в российском обществе, 3*(88), 121–132. https://doi.org/10.21064/WinRS.2018.3.1 EDN: PAAVZN

Фадеева, О. В. (2019). Нарушение конституционных прав личности на получение медицинской помощи путем наложения запрета на проведение искусственного прерывания беременности (аборта) в 1936–1955 гг. *Право и практика, (1),* 22–27. EDN: UWFSFJ

Хасанова, Р. Р. (2020). Демографическая политика России: активное десятилетие. В *Экономическая политика России. Турбулентное десятилетие 2008–2018* (с. 641–657). М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 760. EDN: FPRUHO

Щербаков, А. И. (Ред.) (2017). *Демография:* учеб. пособие. Москва: ИНФРА-М, 216.

Karatepe, O. M., & Kilic, H. (2009). Relationships of supervisor support and conflicts in the work-family interface with the selected job outcomes of frontline employees. *Tourism Management, 28,* 238–252. https://doi.org/10.1016/j.tourman.2005.12.019

Ojo, I., Falola, H. & Mordi, C. (2014). Work-life balance policies and practices: A case study of Nigerian female university students. *European Journal of Business and Management, 6*(12), 184–193.

References

Andreev, E. M., Darsky, L. E., & Kharkova, T. L. (1998). *Demograficheskaya istoriya Rossii: 1927–1959 [Demographic history of Russia: 1927–1959].* Moscow: Informatika,187. (In Russ.)

Fadeeva, O. V. (2019). Violation of the constitutional rights of individuals to receive medical care by imposing a ban on abortion in 1936–1955. *Pravo i praktika [Law and practice], (1),* 22–27. (In Russ.)

Karatepe, O. M., & Kilic, H. (2009). Relationships of supervisor support and conflicts in the work–family interface with the selected job outcomes of frontline employees. *Tourism Management, 28,* 238–252. https://doi.org/10.1016/j.tourman.2005.12.019 (In Eng.)

Khasanova, R. R. (2020). Demographic policy of Russia: an active decade. In *E`konomicheskaya politika Rossii. Turbulentnoe desyatiletie 2008–2018 [Economic policy of Russia. The turbulent*

decade 2008–2018] (pp. 641–657). Moscow: Publishing House «Delo» RANHiGS, 760. EDN: FPRUHO (In Russ.)

Milyukov, P. N. (1993). *Ocherki po istorii russkoj kultury. V 3 t. T. 1 [Sketches on the history of Russian culture. In 3 volumes. Vol. 1].* Moscow: Progress. (In Russ.)

Nakachi, M. (2022). An analysis of pronatalist politics in the ussr in the postwar period *Demograficheskoe obozrenie [Demographic review], 9*(1), 34–55. https://doi.org/10.17323/demreview.v9i1.14572 (In Russ.)

Obedkov, A. P., & Obedkova, A. A. (2012). Trends in demographic development of Russia in the post-Soviet period. *Rossiya i sovremennyi mir [Russia and the contemporary world], 4,* 95–108. (In Russ.)

Ojo, I., Falola, H., & Mordi, C. (2014). Work-life balance policies and practices: A case study of Nigerian female university students. *European Journal of Business and Management, 6*(12), 184–193. (In Eng.)

Podkhomutnikova, M. V. (2011). On political apathy of modern youth in Russia. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics [Obshchestvo: Sotsiologiya, Psikhologiya, Pedagogika], 3–4,* 14–17. (In Russ.)

Ponomaryov, N. I. (1942). *Sbornik ukazov, postanovlenii, reshenii, rasporyazhenii i prikazov voennogo vremeni [Collection of decrees, orders, resolutions, orders, and commands during wartime].* Leningrad: Lenizdat, 232. (In Russ.)

Shcherbakov, A. I. (Ed.) (2017). *Demografiya: ucheb. posobie [Demography: a textbook].* Moscow: INFRA-M, 216. (In Russ.)

Smulyanskaya, N. S. (2018). Why encouraging early births in Russia has no prospects. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve [Woman in Russian Society], 3*(88), 121–132. https://doi.org/10.21064/WinRS.2018.3.1 EDN: PAAVZN (In Russ.)

Лупандина Иванна Сергеевна — студент, Донбасский государственный университет юстиции; https://orcid.org/0009-0001-3917-2948 (Российская Федерация, 286600, г. Торез, ул. Островского, 18; e-mail: ivannnapand@gmail.com).

Загородний Валерий Валерьевич — старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права, Донбасский государственный университет юстиции; https://orcid.org/0009-0004-7834-250X (Российская Федерация, 283034, г. Донецк, ул. Липецкая, 75/2; e-mail: valeryzagorodniy@gmail.com).

Ivanna S. Lupanina — student, Donbass State University of Justice; https://orcid.org/0009-0001-3917-2948 (18, Ostrovskogo St., Torez, 286600, Russian Federation, e-mail: ivannnapand@gmail.com).

Valeriy V. Zagorodniy — Senior Lecturer, Department of Theory and History of State and Law, Donbass State University of Justice; https://orcid.org/0009-0004-7834-250X (75/2 Lipetskaya St., Donetsk, 283034, Russian Federation, e-mail: valeryzagorodniy@gmail.com).

УДК 331.5
JEL classification: J01, J11, J24
https://www.doi.org/10.17059/udf-2025-2-13

Демографические вызовы и их влияние на рынок труда Челябинской области: риски и возможности[1]

Е.В. Масленникова[а], О.А. Антонова [а,б]

[а] Челябинский государственный университет (г. Челябинск, Россия).

https://orcid.org/0000-0003-2469-5057

[б] Челябинский филиал Института экономики УрО РАН, Челябинский государственный университет (г. Челябинск, Россия).

https://orcid.org/0000-0003-0050-7883

Автор для корреспонденции: О.А. Антонова (antonova.oa@uiec.ru).

Аннотация. *Негативные демографические тенденции приводят к сокращению численности трудовых ресурсов и изменению их структуры, что оказывает влияние на региональный рынок труда. Целью исследования является определение влияния демографических вызовов на рынок труда на примере Челябинской области, их рисков и возможностей, а также разработка рекомендаций органам власти и организациям по преодолению негативных воздействий демографических вызовов. Объектом исследования является рынок труда Челябинской области, предметом — социально-трудовые отношения, складывающиеся между субъектами на рынке труда по поводу преодоления влияния негативных демографических рисков и реализации новых возможностей рынка труда в условиях этих вызовов. Гипотезу исследования составляет предположение, что существуют возможности преодоления негативного влияния демографических вызовов на рынок труда в области реализации комплексного подхода, направленного на рост рождаемости и трудовой мотивации молодежи, повышение качества рабочей силы мигрантов, рост производительности труда работающего старшего поколения. В статье представлены результаты анализа статистических данных, проведенного авторами социологического исследования, по итогам которых предложены рекомендации по снижению негативного влияния демографических вызовов на рынок труда.*

Ключевые слова: демографические вызовы; возможности; риски; рынок труда; миграция; недонаселенность; демографические изменения

Demographic Challenges and Their Impact on the Chelyabinsk Region Labor Market: Risks and Opportunities

E. Maslennikova[a], O. Antonova[b]

[a] Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russia).

https://orcid.org/0000-0003-2469-5057

[b] Chelyabinsk Branch of the Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russia).

https://orcid.org/0000-0003-0050-7883

Corresponding author: O. Antonova (antonova.oa@uiec.ru).

Abstract. *Negative demographic trends lead to a reduction in the number of labor resources and changes in their structure, which affects the regional labor market. The purpose of the study is to determine the impact of demographic challenges on the labor market using the example of the Chelyabinsk region, their*

[1] © Масленникова Е. В., Антонова О. А. Текст. 2025.

risks and opportunities, as well as to develop recommendations for government bodies and organizations to overcome the negative impacts of demographic challenges. The object of the study is the labor market of the Chelyabinsk region, the subject is social and labor relations developing between subjects in the labor market regarding overcoming the impact of negative demographic risks and implementing new opportunities in the labor market in the context of these challenges. The hypothesis of the study is the assumption that there are opportunities to overcome the negative impact of demographic challenges on the labor market in the field of implementing an integrated approach aimed at increasing the birth rate and labor motivation of young people, improving the quality of the migrant labor force, and increasing the productivity of the working older generation. The article presents the results of the analysis of statistical data conducted by the authors of the sociological study, based on the results of which recommendations are proposed to reduce the negative impact of demographic challenges on the labor market.

Keywords: demographic challenges; opportunities; risks; labor market; migration; underpopulation; demographic changes

Введение

Демографические вызовы — это актуальные события, вызванные неблагоприятными изменениями в структуре и численности населения, которые имеют инерционный характер, что требует определенных трансформаций, осознания и переосмысления ценностей и смыслов, преодоления рисков и нахождения новых возможностей и ресурсов. Они являются порождением изменения уровня и динамики трех компонент: рождаемости, смертности и миграции. Следствием демографических вызовов является сокращение численности и старение населения (Любельский, Мусин, 2024). Неблагоприятные демографические изменения препятствуют социально-экономическому развитию страны, выступают ограничителями экономического роста. Учитывая то, что данные тенденции носят долгосрочный и инерционный характер, возникает необходимость адаптации к ним субъектов рынка труда.

Вместе с тем, демографические вызовы не только оказывают негативное влияние на рынок труда, но и открывают множество возможностей для его адаптации, создания инноваций, развития новых направлений деятельности.

Демографические процессы являются важнейшим фактором, воздействующим на макроэкономические показатели, так как от этих процессов напрямую зависит воспроизводство трудовых ресурсов и устойчивое развитие рынка труда. Кроме того, внедрение цифровых технологий пока не снижает потребности в качественных трудовых ресурсах (Царенко, 2023).

Численность населения в России имеет негативную динамику. Национальный проект «Демография» содержит меры поддержки, но не решает проблему (Царенко, 2023). В большинстве субъектов РФ наблюдается отрицательная динамика прироста населения, в том числе и в Челябинской области. Исправить ситуацию не может естественный и миграционный прирост населения (рис. 1).

Демографические факторы влияют на рынок труда через изменение предложения труда (численности и структуры рабочей силы). Сокращение населения региона ведет к уменьшению численности рабочей силы (рис. 2), что при уменьшении уровня безработицы указывает на дефицит рабочей силы.

Основными демографическими вызовами, негативно влияющими на тенденции рынка труда, являются сокращение численности трудоспособного населения, что приводит к росту работников старших возрастных групп, а также нехватка

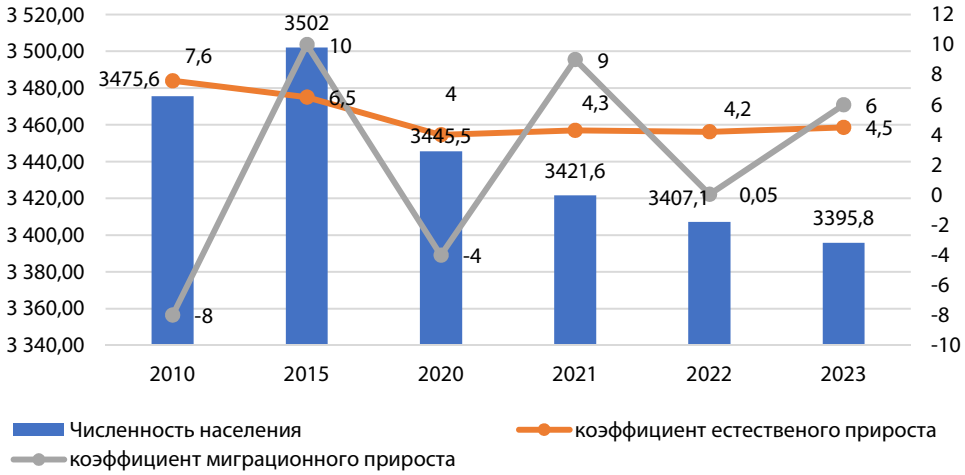

Рис. 1. *Динамика численности населения на конец года, коэффициент естественного прироста и коэффициент миграционного прироста по Челябинской области за 2010–2023 гг. (источник: Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2024.pdf (дата обращения: 01.02.2025))*

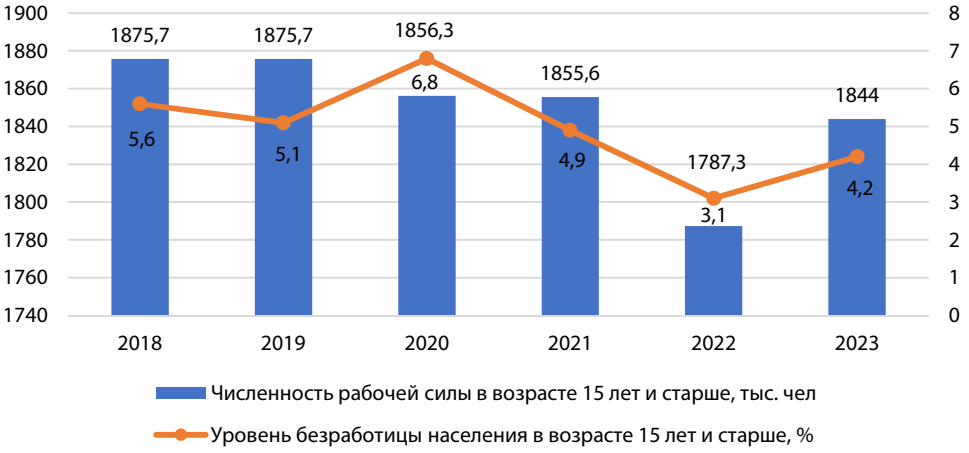

Рис. 2. *Динамика численности рабочей силы в возрасте до 15 лет и старше, уровень безработицы по Челябинской области за 2018–2023 гг. (источник: Федеральная служба государственной статистики. URL: https://74.rosstat.gov.ru/gross_regional (дата обращения: 01.02.2025))*

работников молодого возраста. Средний возраст рабочей силы в России увеличился с 40 лет до 42,1[1]. В частности, в Челябинской области средний возраст рабочей силы составил 42 года.

Все это ведет к негативным последствиям и актуализирует вопросы исследования последствий, рисков и возможностей преодоления демографических вызовов на региональном рынке труда.

Целью исследования является определение влияния демографических вызовов на рынок труда на примере Челябинской области, их рисков и возможностей, а также разработка рекомендаций органам власти и организациям по преодолению негативных воздействий демографических вызовов. Результаты исследования могут быть использованы региональными органами власти в части разработки эффективных стратегий регулирования рынка труда, адаптированных к текущим демографическим вызовам, а также коррекции социальной политики для поддержания занятости и экономического роста. Организации могут использовать результаты исследования для повышения эффективности работы по кадровому обеспечению, включая стратегии привлечения и сбережения сотрудников, обучения персонала и т. д. Также полученные данные могут стать основой для дальнейших исследований в области экономики труда, демографии и социальной политики.

Обзор литературы

Вопросы демографических вызовов и их влияния на рынок труда изучали многие исследователи; сделанные ими выводы представлены в таблице 1. Большинство авторов анализируют статистические данные, обращают внимание на негативные тенденции в демографической сфере, такие как снижение рождаемости, увеличение смертности, естественная убыль населения, его старение, сокращение количества людей в трудоспособном возрасте, межпоколенческие дисбалансы. Все это влечет за собой ряд негативных последствий и рисков, таких как замедление экономического роста; падение качества рабочей силы и снижение производительности труда; необходимость привлечения мигрантов, вызывающая конфликты в обществе; повышение демографической нагрузки на трудоспособное население и рост социальных расходов; дефицит рабочей силы, затрудняющий инвестиции в новые производства.

Для нейтрализации демографических вызовов на рынке труда и порождаемых ими негативных последствий и рисков в литературе предлагается ряд решений, которые также можно рассматривать как возможности совершенствования определенных сфер и институтов. Большинство предлагаемых решений касается преимущественно развития трудового потенциала, вовлечения в трудовую деятельность дополнительных категорий населения, совершенствования государственных программ, улучшения качества рабочих мест и повышения эффективности организаций. В дальнейшем, при формировании рекомендаций по результатам проведенного исследования, опора будет сделана на предлагаемые авторами предложения, систематизированные по этапам воспроизводства рабочей силы.

[1] Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2024 : Стат. сб. Росстат. М., 2024. 152 с. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Rab_sila_2024.pdf (дата обращения: 01.02.2025)

Таблица 1

Анализ подходов к исследованию демографических вызовов и их влияния на рынок труда

Авторы	Перечень демографических вызовов на рынке труда	Негативные последствия и риски демографических вызовов	Предлагаемые решения (возможности)
Любельский Н.М., Мусин Э.Р. (2024)	- снижение рождаемости при относительно высоком уровне смертности; - высокий уровень смертности, смещенный в сторону трудоспособного возраста в России; - естественная убыль, не компенсирующаяся миграцией; - вступление в активный фертильный возраст малочисленной когорты 1990-х годов рождения; - старение населения	- депопуляция; - ситуация устойчивого низкого экономического роста; - сжатие рабочей силы; - рост нагрузки на систему социального обеспечения; - старение рабочей силы может приводить к ухудшению «качества» труда;	- пенсионная реформа и прогрессия системы налогообложения; - предоставление услуг переобучения в старшем возрасте; - создание институциональной среды, способствующей развитию предпринимательских и инновационных инициатив; - содействие женщинам в совмещении карьеры и семейных обязанностей; - увеличение гибкости рынка труда; - координация действий государственных и коммерческих структур по развитию просемейных мер на рабочем месте
Сафонов А.Л. (2011)	- старение населения; - миграционные потоки; - поколенческие дисбалансы	- снижение уровня заработной платы и потребления; - снижение темпов роста производительности труда; - увеличение расходов на здравоохранение и социальное обеспечение; - снижение совокупного потенциала развития инновационных отраслей; - снижение мобильности рабочей силы; - усиление трения между мигрантами и коренным населением	—

Продолжение табл. 1 на след. стр.

Продолжение табл. 1

Авторы	Перечень демографических вызовов на рынке труда	Негативные последствия и риски демографических вызовов	Предлагаемые решения (возможности)
Царенко И. В. (2023)	- сокращение численности населения; - отрицательная динамика прироста населения; - внешняя миграция, переезд на другие территории; - ужесточение требований к квалификации работников, с другой стороны, изменение взглядов современной молодежи на условия труда и эффективное трудоустройство	- замедление экономического роста; - недостаточный уровень квалификации рабочей силы и уровень освоения цифровых компетенций; - дефицит квалифицированных специалистов в малозаселенных регионах	- работа с имеющимися трудовыми ресурсами, обучение их новым знаниям, умениям и навыкам, сохранение кадрового потенциала на местах и создание гибких и комфортных условий труда; - сотрудничество организаций и учебных заведений при подготовке кадров; - совершенствование государственных программ в области демографической политики рынка труда; - применение современных методов управления и организации деятельности всех субъектов рынка труда (центров занятости населения, образовательных учреждений и т. д.)
Пухова А. Г., Беляева Т. к., Толкунова С. Г., Курбатова А. С. (2019)	- минимальный уровень безработицы за весь постсоветский период; - низкая рождаемость, невысокая продолжительность жизни, высокая смертность; - ускорение процессов старения населения; - высокий уровень смертности среди мужчин в трудоспособном возрасте; - миграционный отток молодежи в трудоспособном возрасте	- увеличение доли лиц старших возрастов может привести к увеличению уровня безработицы и росту расходов на выплату пособий; - снижение качества рабочей силы из-за плохого состояния здоровья лиц старшего возраста; - дискриминация работников старших возрастов, вынужденный переход граждан пожилого возраста в «серую» экономику	- опора политики в области занятости на поддержку молодежи, а не на изменение пенсионного возраста

Продолжение табл. 1 на след. стр.

Продолжение табл. 1

Авторы	Перечень демографических вызовов на рынке труда	Негативные последствия и риски демографических вызовов	Предлагаемые решения (возможности)
Вишневская Н. Т., Гимпельсон В. Е., Денисова И. А. и др. (2020)	- сокращение численности рабочей силы и изменение её структуры; - старение населения, рост доли лиц пожилого возраста; - возрастающая продолжительность жизни и падающая рождаемость; - миграция временно улучшает возрастную структуру населения, но не решает проблему старения; - замужние женщины и женщины с детьми работают и получают меньше, чем незамужние и бездетные; - резкое сокращение предложения труда	- замедление темпов роста душевого ВВП и душевого потребления; - увеличение социальных расходов за счет роста доли экономически зависимого населения (включает детей и пожилых); - падение качества рабочей силы и снижение производительности труда; - негативное влияние старения рабочей силы на технологический прогресс и капиталовооруженность труда	- совершенствование системы образования, подготовки и переподготовки кадров, увеличение ее адаптивности и чувствительности к изменениям профессиональной структуры спроса на труд; - увеличение гибкости занятости, улучшение условий труда; - поддержка высоких темпов создания рабочих мест, поддержка высокого спроса на качественный человеческий капитал; - более активное привлечение молодых мигрантов из-за рубежа; - модернизация экономики и модернизации институтов рынка труда
Синица А. Л. (2017)	- численность и доля населения моложе трудоспособного возраста значительно снизится; - численность и доля населения старше трудоспособного возраста возрастет	- дефицит рабочей силы и необходимость привлечения мигрантов; - повышение демографической нагрузки на трудоспособное население; - снижение уровня жизни населения и безопасности страны; - снижение вероятности успешного завершения экономических программ; - сокращение численности трудоспособного населения негативно влияет на экономический рост; - замедление экономического развития страны	- гармонизация семейных и профессиональных ролей родителей, повышение доли работающих пожилых, развитие цифровой экономики; - повышение уровня рождаемости и снижение смертности; - регулирование миграции и привлечение квалифицированной рабочей силы; - развитие инфраструктуры и системы образования; - экономические меры для поддержки пенсионеров и привлечения рабочей силы

Окончание табл. 1 на след. стр.

Окончание табл. 1

Авторы	Перечень демографических вызовов на рынке труда	Негативные последствия и риски демографических вызовов	Предлагаемые решения (возможности)
Дмитриев М.Э. (2010)	- снижение численности трудоспособного населения; - уменьшение доли населения трудоспособных возрастов	- снижение численности трудоспособного населения при тех же темпах роста производительности труда обеспечивает более медленные темпы роста ВВП; - рост демографической нагрузки может привести к увеличению социальных расходов и налоговой нагрузки; - снижение численности трудоспособного населения может замедлять темпы роста инновационной активности; - отсутствие притока рабочей силы затрудняет инвестиции в новые производства и технологические инновации; - повышение доли пожилого населения может уменьшить сбережения, т. к. вклад пожилых людей в прирост сбережений населения является отрицательным	- улучшение здоровья и снижение смертности; - повышение экономической активности; - увеличение занятости инвалидов; - увеличение продолжительности рабочего времени; - межрегиональное перераспределение трудовых ресурсов; - международная трудовая миграция; - повышение качества рабочих мест и производительности труда; - реструктуризация неэффективных производств и высвобождение значительной части работников; — модернизация системы образования и организация профессиональной подготовки мигрантов

Источник: составлено авторами.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составили исследования по проблемам экономики труда, демографии, рынка труда, занятости населения.

Для анализа ситуации, разработки и обоснования рекомендаций применялись формально-логические и диалектические методы: системный подход, анализ и синтез, индукция и дедукция, а также общетеоретические методы сравнительного анализа, методы социологического опроса.

Эмпирическим материалом для выводов и обобщений послужили материалы Федеральной службы государственной статистики РФ, материалы периодических изданий, а также результаты проведенного авторами социологического исследования.

В ходе исследования был определен ряд демографических вызовов, которые влияют на рост дефицита рабочей силы и вызывают дисбаланс спроса и предложения на региональном рынке труда Челябинской области. По каждому из этих вызовов было проведено исследование, определены негативные последствия и предложены рекомендации по достойному ответу на них.

Результаты, обсуждение

Проведенный анализ литературы позволил выделить следующие основные демографические вызовы, влияющие на рынок труда: вызовы недонаселенности, которые являются следствием низкой рождаемости, высокой смертности, естественной убыли населения и эмиграции; вызовы структурных демографических изменений; вызовы миграции. Дадим характеристику данным вызовам.

Недонаселенность представляет собой явление недостаточной населенности какой-либо территории, определяется общей территорией в км^2 и плотностью населения — чел./км^2. Данное явление возникает из-за низкого уровня рождаемости, что отражается на обеспеченности воспроизводства населения. Челябинская область занимает 26-ю строчку по плотности населения среди 85 регионов РФ[1] и вторую после Свердловской области по уровню урбанизации в УрФО. Недонаселенность в Челябинской области характеризуется сокращением численности населения по всей территории вследствие естественной убыли населения, стремлением молодежи уехать из-за сложности в трудоустройстве в городских и сельских поселениях, моногородах, отсутствием инфраструктуры для удовлетворения потребностей, связанных со здоровьем, культурным досугом, развитием личности, спортом и т. п.

Одним из ключевых факторов, влияющих на демографическую ситуацию, является низкая рождаемость (Донской, Ужакова, 2024; Ночевнова, Потапова, 2024). В Челябинской области в январе-сентябре 2024 г. число родившихся составило 21943 чел., что меньше уровня рождаемости аналогичного периода 2023 г. на 4,1 %, число умерших — 34327 чел. (больше на 6,3 %). Естественная убыль населения составила 12384 чел. (больше на 31,6 %)[2]. На рисунке 3 представлены

[1] Плотность населения в Челябинской области. URL: https://xn--h1ajim.xn--p1ai/%D0%9F%D0E%D1%82%D0%BD%0%BD%D0%B0%D1%81%D0%B5%D0 %BB (дата обращения: 01.02.2025).

[2] Основные показатели социально-экономического развития Челябинской области за январь-октябрь 2024 года. URL: https://mineconom.gov74.ru/files/upload/mineconom/%D0%94%D0%B5%D1%%2024.pdf (дата обращения: 01.02.2025).

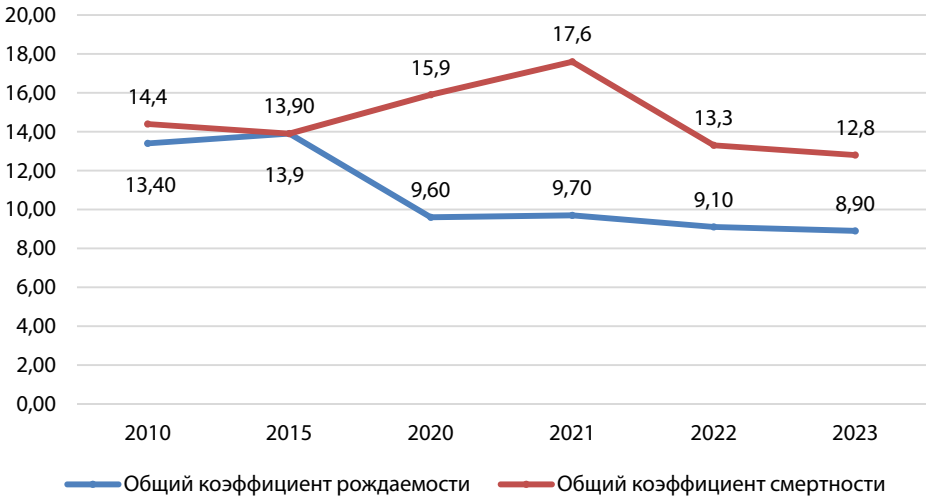

Рис. 3. *Динамика общих коэффициентов смертности и рождаемости (число умерших и родившихся на 1000 человек населения) в Челябинской области за 2010–2023 гг. (источник: Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Rab_sila_2024.pdf (дата обращения: 01.02.2025))*

общие коэффициенты смертности и рождаемости (число умерших и родившихся на 1000 человек населения) в Челябинской области за 2010–2023 гг.

Из данных рисунка 3 видно, что динамика не только смертности, но и рождаемости в Челябинской области упала за 2010–2023 гг. Снижение смертности населения в 2023 г. находиться на самой низкой отметке с 2010 г. и относится к позитивной динамике. В то же время за этот период происходит снижение рождаемости, и в 2023 г. это самый низкий показатель с 2010 г., что, несомненно, относится к негативной динамике.

К вызовам, связанным со структурными демографическими изменениями, относят демографическое старение, что приводит к волнообразным колебаниям возрастного состава и сокращению доли трудоспособного населения. Это, в свою очередь, отражается на возрастании демографической нагрузки на трудоспособное население (Ночевнова, Потапова, 2024). Рост демографической нагрузки указывает на то, сколько людей моложе или старше трудоспособного возраста приходится на работающих граждан. В Челябинской области коэффициент демографической нагрузки за наблюдаемый период с 2010 по 2023 гг. представлен на рисунке 4.

Из данных рисунка 4 можно видеть, что наименьшая демографическая нагрузка была в 2010 г. (648 чел.), далее в 2020 г. она достигла пика за весь период исследования и составила 816 чел., в последующие годы происходило снижение нагрузки, но показателя 2010 г. так и не удалось достичь. Таким образом, в 2023 г. на 1 работающего приходилось 7,57 чел. не работающих, в состав которых входят дети, подростки, являющиеся потенциальной рабочей силой, и люди пенсионного возраста, получающие солидарную трудовую пенсию.

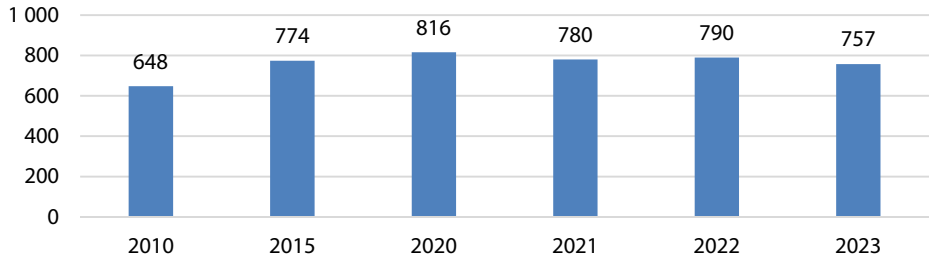

Рис. 4. *Динамика коэффициентов демографической нагрузки (на 1000 человек трудоспособного возраста приходится лиц нетрудоспособных возрастов) в Челябинской области за 2010–2023 гг. (источник: Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Rab_sila_2024.pdf (дата обращения: 01.02.2025))*

Многие исследователи видят путь преодоления снижения численности населения, в том числе в трудоспособном возрасте в привлечении внутренних и внешних трудовых мигрантов (иммигрантов, эмигрантов). С этим можно согласиться, однако многочисленные упущения в сфере управления миграцией привели к тому, что миграционная привлекательность России снизилась, а миграция превратилась в причину напряженности в обществе и орудие внутриполитической борьбы (Ивахнюк, 2017). В настоящее время, по данным МВД РФ, на территории России находиться 670,0 тыс. нелегальных мигрантов[1].

В Челябинскую область за исследуемый период прибывало от 42,4 тыс. чел. в 2010 г. до 96,0 тыс. чел. в 2015 г., выбывало от 40,4 тыс. чел. в 2010 г. до 92,6 тыс. чел. в 2015 г. Самый большой миграционный прирост был в 2015 г. (3,4 тыс. чел.).

Наибольший миграционный прирост населения по международному потоку миграции с государствами — участниками СНГ в январе-ноябре 2023 г. сложился с Таджикистаном (3646 человек) и Казахстаном (866 человек).

Рассмотрим влияние трудовой миграции на дефицит рабочей силы в Челябинской области. Согласно прогнозу миграции в Челябинскую область на среднесрочный и долгосрочный периоды, на 2024–2041 гг.[2] по базовому варианту в 2024 г. должно было прибыть 44643 чел., а выбыть 29681 чел., по инвестиционному варианту прибыть 41889 чел., а выбыть 32701 чел., по оптимальному — прибыть 41890 чел., а выбыть 32699 чел. Количество фактически прибывших в 2024 г. составило 64 338 человек, а количество выбывших — 61275 человек. Миграционный прирост составил 3063 человека. Ни один из прогнозных вариантов в 2024 г. не реализовался. В 2024 г. сохранялся высокий спрос работодателей на наемный труд. Количество вакансий, заявленных работодателями региона

[1] В МВД заявили, что в России нелегально находятся 670 тысяч мигрантов. URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2025/02/02/24983228.shtml (дата обращения: 01.02.2025).

[2] Аналитический отчет о результатах прогнозирования потребности Челябинской области в кадрах на среднесрочную и долгосрочную перспективу. URL: https://chirpo.ru/site/files/7%20-%20files/2024/%D0%90%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%BE%D1%82%D1%87%D0%B5%D1%82_2023_%D1%81%20%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%BE%D0%B6%D0%BA%D0%BE%D0%B9.pdf?ysclid=mb0b9rd4po278831868 (дата обращения: 01.02.2025).

на федеральном портале «Работа России» trudvsem.ru на конец 2024 года, составляло 35,2 тысячи вакансий, что на 14,6 тысяч вакансий, или на 27,5 %, ниже показателя на начало года — 49,8 тысяч вакансий. В среднем на одного соискателя приходилось пять вакансий; данный показатель остается стабильным в минимальных значениях для конкуренции соискателей[1].

Исходя из этого, можно отметить, что существенного влияния на увеличение предложения труда и сокращение дефицита рабочей силы на рынке труда Челябинской области процессы миграции не оказали. Вместе с тем, в работах, посвященных влиянию миграции на рынок труда, исследователи (Колесникова, Панкратьев, 2019; Тюруканова, 2007) отмечают ряд негативных последствий миграции для рынка труда, таких как развитие теневого рынка труда и увеличение нелегальной миграции, приток мигрантов из бедных социальных групп населения. Уровень оплаты труда мигрантов был сопоставим с уровнем оплаты местного населения; особенностью оплаты труда является ее теневой характер и то, что мигранты занимают обычно низкоквалифицированные рабочие места и длительность отработанных часов в неделю у них выше, что может влиять на уровень оплаты труда соответствующих работ в сторону их понижения для местного населения. Условия труда мигрантов отличаются от законодательно установленных стандартов в сторону ухудшения. Сохранение действующей миграционной политики консервирует устаревшую структуру российского рынка труда и противоречит современным тенденциям научно-технического прогресса в этой сфере.

Таким образом, все представленные демографические вызовы в той или иной степени влияют на региональный рынок труда, что видно на примере анализа рынка труда Челябинской области. В таблице 2 обобщены характеристики демографических вызовов и их негативных последствий для регионального рынка труда.

Следует отметить, что вызовы миграции являются, в том числе, следствием вызовов недонаселения и структурных демографических вызовов. Несмотря на то, что демографические вызовы порождают негативные последствия и риски на региональном рынке труда, они также и открывают ряд возможностей, связанных с повышением эффективности использования трудового потенциала рабочей силы, ростом производительности труда. Это связано, прежде всего, с повышением экономической активности населения, вовлечением в трудовую деятельность людей пенсионного возраста, инвалидов, женщин, имеющих маленьких детей. Однако наиболее перспективным направлением является вовлечение молодежи в трудовую деятельность, формирование у нее высокой мотивации к труду и повышению качества рабочей силы. Работа с молодыми людьми позволяет сгладить вызовы недонаселенности и структурных дисбалансов, так как производительность труда молодых людей в среднем выше, чем старших возрастных групп, что способствует созданию инноваций в экономике.

Демографическая ситуация такова, что сокращается количество молодых людей, выходящих на рынок труда, что в перспективе ведет к ограничению экономического роста. С одной стороны, существует потребность в большом количестве

[1] В Службе занятости региона подвели итоги работы за 2024 год. URL: https://szn.gov74.ru/szn/view/news.htm?id=11627540&ysclid=m6l01rbefk12566184 (дата обращения: 01.02.2025).

Таблица 2

Демографические вызовы, их характеристика, негативные последствия для регионального рынка труда

Название демографического вызова	Характеристика демографического вызова	Негативные последствия и риски демографических вызовов для рынка труда
Недонаселенность	Снижение рождаемости, увеличение смертности, естественная убыль населения, процессы эмиграции, сокращение количества людей в трудоспособном возрасте	- дефицит рабочей силы; - снижение инвестиций в новые производства из-за дефицита рабочей силы, что влечет сокращение спроса на труд; - необходимость привлечения мигрантов; -эмиграция качественной рабочей силы и др.
Структурные демографические изменения	Старение населения, межпоколенческие дисбалансы, увеличение доли населения старших возрастных групп, сокращение количества молодежи	- снижение производительности труда, падение качества рабочей силы, что ведет к увеличению спроса на труд; - замедление экономического роста и сокращение спроса на труд; - рост социальных расходов, повышение демографической нагрузки на трудоспособное население и др.
Миграция	Увеличение притока трудовых мигрантов в регион	- развитие теневого сектора; - влияние на уровень оплаты труда в сторону ее снижения; - нагрузка на систему социального обеспечения; - сохранение устаревшей структуры рынка труда; - препятствие внедрению инновационных технологий и росту производительности труда, поддержание спроса на низкоквалифицированный труд; - снижение условий занятости и качества трудовой жизни и др.

Источник: составлено авторами.

молодых людей для прогрессивного развития экономики, с другой стороны, неблагоприятная демографическая ситуация, низкий уровень рождаемости ведут к сокращению молодежи в общем объеме рабочей силы, что требует повышения качества их рабочей силы и максимального вовлечения в трудовую деятельность. Существующее противоречие может быть разрешено путём повышения качества рабочей силы молодёжи через работу с мотивационной составляющей, а также создания благоприятных условий для реализации их трудового потенциала, что позволит частично преодолеть негативные демографические тенденции и обеспечить стабильное развитие экономики.

В январе 2025 г. был проведен социологический опрос студентов вузов г. Челябинска (всего было опрошено 182 человека, возраст респондентов от 18 до 22 лет и старше), который позволил выявить наиболее значимые факторы повышения качества рабочей силы молодежи, а также определить пути их вовлеченности в трудовую деятельность с максимальной реализацией трудового потенциала.

Результаты опроса показали следующее. Наиболее значимыми мотивами к трудовой деятельности у респондентов стали заработная плата, удобный режим работы, возможности построения карьеры и самореализации, а также условия

труда (рис. 5). Это говорит о том, что для привлечения и сбережения молодежи необходимо совершенствовать сферу занятости, улучшать условия труда и качество рабочих мест. Именно на это должны быть направлены стратегии адаптации к демографическим вызовам в организациях.

Для повышения профессионально-квалификационного уровня молодых людей наиболее предпочтительными являются обучающие семинары, курсы, тренинги, а также наличие опытного наставника (рис. 6). Не менее важными являются интересная работа по профессии, а также созданные в организации условия для развития, что подтверждается значимостью качественных рабочих мест и благоприятных условий работы.

Рис. 5. *Наиболее значимые мотивы к трудовой деятельности, % выбравших (можно было выбрать не более трех вариантов) (источник: составлено авторами)*

Рис. 6. *Способы изменения профессионально-квалификационного уровня, % выбравших (можно было выбрать не более трех вариантов) (источник: составлено авторами)*

Наиболее значимым фактором для повышения профессионально-квалификационного уровня молодых людей является мотивация (рис. 7), а также понимание того, какие знания являются востребованными. Стрессы и проблемы со здоровьем могут негативно сказаться на профессиональном росте. Это значит, что необходимо формировать трудовую мотивацию к повышению качественных характеристик рабочей силы, информировать молодых людей о востребованных знаниях, умениях, навыках, а также обеспечивать взаимосвязь между профессиональным ростом и оплатой труда.

На вопрос о достаточности полученных в вузе знаний и навыков для выполнения работы по профессии 58 % респондентов ответили, что знаний и навыков больше, чем требует работа, 26 % — что достаточно, тогда как 16 % опрошенных указали на недостаточность подготовки. Все это подтверждает достаточность полученных студентами в вузе знаний, но для освоения специфики деятельности организаций студентам требуется наличие наставничества на конкретном рабочем месте для выполнения ими профессиональной деятельности.

С другой стороны, актуальным направлением, открывающим возможности частичного нивелирования демографических вызовов, является более активное привлечение людей пенсионного и предпенсионного возраста к трудовой деятельности. Так, в Челябинской области в октябре 2023 г. был проведен выборочный опрос данной категории населения (Абилова и др., 2024), который показал, что более 65 % респондентов готовы продолжать трудовую деятельность или уже ее продолжают после достижения пенсионного возраста. При этом предпочтительными формами занятости являются полная занятость с официальным трудоустройством (30 %), частичная занятость (26,1 %), гибкий график (15,4 %), самозанятость (13,2 %), удалённая работа (на дому) — 11,4 %. Таким образом, почти 66 % респондентов выбирают нестандартные формы занятости после достижения ими пенсионного возраста.

Основными мотивами для продолжения трудовой деятельности являются доход от трудовой деятельности (65 %), наличие социального пакета (26,8 %), профессиональное развитие и самореализация (40 %) и возможность передать свой опыт (27,9 %). При этом 64,6 % респондентов нуждаются в дополнительном

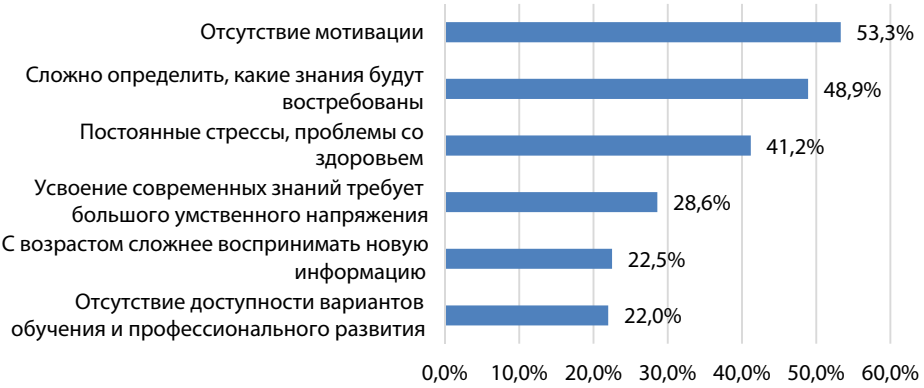

Рис. 7. *Факторы, мешающие повышению профессионально-квалификационного уровня, % выбравших (можно было выбрать не более трех вариантов) (источник: составлено авторами)*

Таблица 3

Рекомендации органам власти и организациям по снижению негативного влияния демографических вызовов на региональный рынок труда

Этапы воспроизводства рабочей силы / Демографические вызовы	Формирование рабочей силы	Распределение рабочей силы	Использование рабочей силы
Недонаселенность	Повышение эффективности государственных программ по росту уровня рождаемости и снижения смертности	Совершенствование государственных программ в области рынка труда и занятости населения; развитие программ мобильности рабочей силы	Гармонизация семейных и профессиональных ролей родителей; реализация корпоративной семейной политики; развитие корпоративных программ поддержки здоровья
Структурные демографические изменения	Совершенствование системы образования; вовлечение молодежи, граждан пенсионного возраста, инвалидов в трудовую деятельность; формирование трудовой мотивации у молодежи, повышение престижа трудовой деятельности; повышение информированности граждан о востребованных навыках, знаниях, профессиях на рынке труда, усиление профориентационной работы	Увеличение гибкости рынка труда; поддержка высокого спроса на качественный человеческий капитал; повышение реальных заработных плат; модернизация институтов рынка труда, его цифровизация	Развитие цифровой экономики и гибких форм занятости; повышение качества рабочих мест, производительности труда; развитие трудового потенциала занятого населения; формирование трудовой мотивации у молодежи, развитие корпоративных систем стимулирования труда; развитие системы наставничества, обучения на рабочем месте; формирование карьерных планов и планов профессионального развития; реструктуризация неэффективных производств и высвобождение значительной части работников; рост заработных плат за счет повышения эффективности деятельности предприятий и роста производительности туда
Миграция	Совершенствование внутренней и внешней миграционной политики; создание образовательной среды, дифференцированный подход к адаптации трудовых иностранных мигрантов к имеющимся социально-трудовым отношениям на рынке труда	Дифференцированный подход к распределению иностранной рабочей силы в зависимости от профессионально-квалификационных компетенций; изменение существующих векторов внутрироссийской и международной миграции, для преодоления неравномерности размещения по территории России, обеспечивая сбалансированный рост численности населения в Челябинской области	Использование иностранной рабочей силы осуществлять, не ущемляя в правах российских работников, при этом предоставляя гарантии прав иностранным мигрантам; реализация принципа равной оплаты за равный труд для мигрантов, что не позволит расценивать мигрантов как источник дешевой рабочей силы; внутренние мигранты обеспечиваются социальными льготами, льготными кредитами на жилье и т. п.

Источник: составлено авторами.

обучении (Абилова и др., 2024). Также следует учитывать тот факт, что большинство пенсионеров предпочитают оставаться на том месте работы, с которым они были связаны трудовыми отношениями до наступления пенсионного возраста, поэтому вовлечение данной категории населения в трудовую деятельность, как правило, осуществляют работодатели, которым необходимо для этого создавать соответствующие условия. В связи с этим важно отметить, что в силу возрастных особенностей не все виды ОКВЭД можно рассматривать для трудовой деятельности этой категории граждан (Васильева, 2022).

Для нивелирования негативных последствий демографических вызовов на рынке труда государственным органам власти, организациям предлагается реализовать ряд мер (табл. 3), которые можно классифицировать по этапам воспроизводства рабочей силы.

Предложенные рекомендации основаны на анализе влияния демографических вызовов на рынок труда Челябинской области, что позволит региональным органам государственной власти, а также организациям формировать обоснованные стратегии и принимать эффективные решения для адаптации к этим вызовам.

Заключение

Проведенное исследование показало, что имеются как риски демографических вызовов для рынка труда Челябинской области, так и возможности успешного их преодоления. Необходима разработка комплексного подхода к социально-трудовой политике для органов власти и организаций в области преодоления негативных последствий и рисков демографических вызовов, который будет учитывать демографические вызовы, последствия и рекомендации по снижению их влияния на региональный рынок труда. Такие рекомендации с учетом фаз воспроизводства рабочей силы были разработаны в результате исследования. Была проведена систематизация демографических вызовов и их влияния на рынок труда Челябинской области. В ходе исследования было проведено социологическое исследование студентов вузов г. Челябинска с целью изучения качественных характеристик рабочей силы молодежи и перспективы реализации их трудового потенциала для снижения негативного влияния вызовов структурного демографического изменения.

В исследовании нашло подтверждение выдвинутое в качестве гипотезы предположение о существующих возможностях преодоления негативного влияния демографических вызовов на региональный рынок труда. Однако данные возможности должны пройти проверку на состоятельность в ходе их практической реализации. Эта работа будет осуществляться авторами в дальнейших исследованиях.

Список источников

Абилова, Е. В., Алпацкая, Е. Г., Васюков, А. Н. и др. (2024). *Управление трансформацией человеческого капитала в социально-экономических системах.* Челябинск: Челябинский государственный университет, 249.

Васильева, Е.В.(2022). *Концепция активного долголетия: возможности и ограничения реализации в России.* Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 190.

Вишневская, Н. Т., Гимпельсон, В. Е., Денисова, И. А. и др. (2020) *Российский рынок труда через призму демографии.* Москва: НИУ «Высшая школа экономики», 440. http://doi.org/10.17323/978-5-7598-2167-0

Дмитриев, М.Э. (2010). Долгосрочные вызовы на рынке труда в свете демографического кризиса. В *X Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества* (с.11–21). Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 569.

Донской, Д. А., Ужакова, М. В. (2024). Анализ демографической ситуации в Российской Федерации. Прогноз на 2024–2026 гг. ЭФО. *Экономика. Финансы. Общество, 4* (12), 51–61.

Ивахнюк, И. В. (2017). *Предложения к миграционной стратегии России до 2035 г.* Москва: Центр стратегических разработок, 82. EDN: UWNBHC

Колесникова, О. А., Панкратьев, А. А. (2019). Особенности конкуренции на рынке труда с участием иностранных мигрантов. *Регион: системы, экономика, управление, 1* (44), 99–105. EDN: JKXEUM

Любельский, Н.М., Мусин, Э.Р. (2024). Демографические вызовы и их последствия для России. *Креативная экономика, 8* (11), 3011–3042. http:// doi.org/10.18334/ce.18.11.122042

Ночевнова, А.А., Потапова, Е.В (2024) Анализ демографической ситуации в Российской Федерации. *Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований, 1* (13), 135–142. http://doi.org/10.24412/1994-3776-2024-1-135-142

Пухова, А. Г., Беляева, Т. К. Толкунова, С. Г., Курбатова, А. С. (2019). Влияние демографического фактора на региональный рынок труда. *Государственный советник, 1* (25), 33–39. EDN: ZBAKAP

Сафонов, А.Л. (2011). Демографические вызовы экономике и рынку труда в Российской Федерации в условиях глобализации. В *Диалог культур в условиях глобализации. XI Международные Лихачевские научные чтения* (с. 344–351). Санкт-Петербург: СПбГУП, 592.

Синица, А. Л. (2017). Численность населения в трудоспособном возрасте в России и возможные ответы на ее снижение. *Национальные интересы: приоритеты и безопасность, 11* (356), 205. https://doi.org/10.24891/ni.13.11.2005

Тюруканова, Е.В. (2007). О влиянии миграции на рынок труда. *Отечественные записки, 4* (37). https://www.hse.ru/pubs/share/ direct/document/74499710 (дата обращения: 01.02.2025)

Царенко, И. В. (2023). Рынок труда в России в свете демографических тенденций. *Экономические и социально-гуманитарные исследования, 4* (40), 131–140. http://doi.org/10.24151/2409-1073-2023-4-131-140

References

Abilova, E. V., Alpatskaya, E. G., Vasyukov, A. N. et al. (2024). *Upravlenie transformaciej chelovecheskogo kapitala v social`no-e`konomicheskix sistemax [Managing the transformation of human capital in socio-economic systems]*. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University, 249. (In Russ.)

Dmitriev, M.E. (2010). Long-term challenges in the labor market in the light of the demographic crisis. In *X Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya po problemam razvitiya e`konomiki i ob-shhestva [Xth International Scientific Conference on the Problems of Economic and Social Development]* (pp.11–21). Moscow, Publishing House of the Higher School of Economics, 569. (In Russ.)

Donskoy, D. A., & Uzhakova, M. V. (2024). Analysis of the demographic situation in the Russian Federation. Forecast for 2024–2026 *E`FO. E`konomika. Finansy`. Obshhestvo [EFO. Economy. Finance. Society], 4* (12), 51–61. (In Russ.)

Ivakhnyuk, I. V. (2017). *Predlozheniya k migracionnoj strategii Rossii do 2035 g. [Proposals for Russia's migration strategy until 2035]*. Moscow: Center for Strategic Research, 82. EDN: UWNBHC (In Russ.)

Kolesnikova, O. A. & Pankratiev, A. A. (2019). Peculiarities of competition in the labor market with the participation of foreign migrants. *Region: sistemy`, e`konomika, upravlenie [Region: Systems, Economics, Management], 1* (44), 99–105. EDN: JKXEUM (In Russ.)

Lyubelsky, N.M. & Musin, E.R. (2024). Demographic challenges and their consequences for Russia. *Kreativnaya e`konomika [Creative Economy], 8* (11), 3011–3042. http://doi.org/10.18334/ce.18.11.122042 (In Russ.)

Nochevnova, A.A., Potapova, E.V. (2024) Analysis of the demographic situation in the Russian Federation. *Teleskop: zhurnal sociologicheskix i marketingovy`x issledovanij [Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research], 1* (13), 135–142. http://doi.org/10.24412/1994-3776-2024-1-135-142 (In Russ.)

Pukhova, A. G., Belyaeva, T. K. Tolkunova, S. G., Kurbatova, A. S. (2019). The influence of the demographic factor on the regional labor market. *Gosudarstvenny`j sovetnik [State Councilor], 1* (25), 33–39. EDN: ZBAKAP (In Russ.)

Safonov, A.L. (2011). Demographic challenges to the economy and labor market in the Russian Federation in the context of globalization. In *Dialog kul`tur v usloviyax globalizacii. XI Mezhdunarodny`e Lixachevskie nauchny`e chteniya [Dialogue of cultures in the context of globalization. XI International Likhachev scientific readings]* (pp. 344–351). St. Petersburg: SPbGUP, 592. (In Russ.)

Sinitsa, A. L. (2017). The working-age population in Russia and possible responses to its decline. *Nacional`ny`e interesy`: prioritety` i bezopasnost` [National Interests: Priorities and Security], 11* (356), 205. https://doi.org/10.24891/ni.13.11.2005 (In Russ.)

Tsarenko, I. V. (2023). The labor market in Russia in the light of demographic trends. *E`konomicheskie i social`no-gumanitarny`e issledovaniya [Economic and Social Research], 4* (40), 131–140. http://doi.org/10.24151/2409-1073-2023-4-131-140 (In Russ.)

Tyurukanova, E.V. (2007). On the impact of migration on the labor market. *Otechestvennye zapiski, 4* (37). https://www.hse.ru/pubs/share / direct/document/74499710 (Accessed: 01.02.2025) (In Russ.)

Vasilyeva, E.V. (2022). *Koncepciya aktivnogo dolgoletiya: vozmozhnosti i ogranicheniya realizacii v Rossii [The concept of active longevity: opportunities and limitations of implementation in Russia]*. Yekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 190. (In Russ.)

Vishnevskaya, N. T., Gimpelson, V. E., Denisova, I. A. et al. (2020). *Rossijskij ry`nok truda cherez prizmu demografii. Moskva [The Russian labor market through the prism of demography]*. Moscow: NRU «Higher School of Economics», 440. http://doi.org/10.17323/978-5-7598-2167-0 (In Russ.)

Масленникова Елена Васильевна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры инноватики и управления ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет»; https://orcid.org/0000-0003-2469-5057 (Российская Федерация, 454001, г. Челябинск, ул. Бр. Кашириных, 129; e-mail: evm26@mail.ru).

Антонова Ольга Анатольевна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Челябинский филиал Института экономики УрО РАН, доцент кафедры инноватики и управления ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет»; https://orcid.org/0000-0003-0050-7883 (Российская Федерация, 454011, г. Челябинск, ул. Свободы, д.155; e-mail: antonova.oa@uiec.ru).

Elena V. Maslennikova — PhD (Econ.), Associate Professor of the Department of Innovation and Management, Chelyabinsk State University; https://orcid.org/0000-0003-2469-5057 (129 Kashirinykh St., Chelyabinsk, 454001, Russian Federation; e-mail: evm26@mail.ru).

Olga A. Antonova — PhD (Econ.), Associate Professor, Chelyabinsk Branch of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; Associate Professor of the Department of Innovation and Management, Chelyabinsk State University; https://orcid.org/0000-0003-0050-7883 (155 Svobody St., Chelyabinsk, 454011, Russian Federation, e-mail: antonova.oa@uiec.ru).

УДК 316.43
JEL classification: J12, J13
https://www.doi.org/10.17059/udf-2025-2-14

Гендерные проблемы высшей школы: региональный аспект[1]

С.В. Петухова
Новосибирский государственный университет экономики и управления (г. Новосибирск, Россия)
https://orcid.org/0000-0002-2154-8871
Автор для корреспонденции: С.В. Петухова (s.v.petuhova@edu.nsuem.ru)

Аннотация. *В статье рассматриваются вопросы формирования и поддержки студенческих семей. Исходными данными являются статистические данные и информация официальных сайтов образовательных организаций. Предметом исследования выступает совокупность подходов к поддержке студенческих семей с учетом гендерной специфики университета. Отмечается, что поддержка студенческих семей является распространенной практикой социальной деятельности вузов России. На основе анализа представительных вузов федеральных округов РФ показана типичность и ограниченность применяемых мер поддержки. На основе анализа результатов приёмной кампании 2024 г. представлена гендерная специфика выбора абитуриентами направлений подготовки. Выдвинута гипотеза и обоснована рекомендация о целесообразности формирования портфеля программ регионального университета с учетом гендерной специфики отдельных направлений и специальностей подготовки.*

Ключевые слова: высшее образование, гендер, студенческая семья, приемная кампания.

Gender Problems in Higher Education: Regional Aspect

S. Petukhova
Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russia).
https://orcid.org/0000-0002-2154-8871
Corresponding author: S. Petukhova (s.v.petuhova@edu.nsuem.ru).

Abstract. *The article considers the issues of formation and support of student families. The initial data are statistical data and information from the official websites of educational organizations. The subject of the study is a set of approaches to supporting student families, taking into account the gender specificity of the university. It is noted that support for student families is a common practice of social activities of Russian universities. Based on the analysis of representative universities of the federal districts of the Russian Federation, the typicality and limitations of the applied support measures are shown. Based on the analysis of the results of the 2024 admissions campaign, the gender specificity of the choice of areas of training by applicants is presented. A hypothesis is put forward and a recommendation is substantiated on the feasibility of forming a portfolio of regional university programs taking into account the gender specificity of individual areas and specialties of training.*

Keywords: higher education, gender, student family, admission campaign.

Введение

В настоящее время демографические проблемы в нашей стране вызывают самое пристальное внимание вследствие их существенного влияния на социально-экономическую ситуацию и перспективы ее развития. Снижение рождаемости, увеличение продолжительности жизни, сдвиг половозрастной пирамиды

[1] © Петухова С. В. Текст. 2025.

в сторону увеличения доли людей старшего возраста и другие факторы обостряют ситуацию на рынке труда, выступают в качестве группы риска при реализации проектов социально-экономического развития регионов. Одним из направлений решения проблемы является государственная и общественная поддержка студенческих семей, в рамках которой в Госдуме на рассмотрении находятся поправки к Федеральному закону «О молодежной политике в Российской Федерации», предусматривающие выделение студенческой семьи в отдельное понятие, в 2025 году будут активированы меры поддержки студенческих семей в рамках нацпроекта «Семья», университеты нашей страны разрабатывают свои меры по поддержке студенческих семей. Однако, как представляется, указанные меры, хотя и являются важными, могут быть дополнены исследованиями возможностей создания студенческих семей, исходя из гендерных особенностей конкретных образовательных организаций. Учет гендерной специфики позволит органам государственной власти и вузам позитивно влиять на демографическую ситуацию в регионах, не используя существенные финансовые затраты, что положительно скажется на их социальных и экономических характеристиках.

Основная часть

Прошедший 2024 г., объявленный в нашей стране годом семьи, актуализировал проблематику исследований, связанных со всеми аспектами этого явления, включая студенческие семьи. В начале октября в Государственную Думу Российской Федерации был внесён законопроект № 729247-8 «О внесении изменений в Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» (в части закрепления понятия «студенческая семья»)». Этот законопроект предусматривает выделение отдельной категории молодой семьи — студенческой семьи, к которой относит союз лиц, являющихся студентами (курсантами, аспирантами, ординаторами, адъюнктами, ассистентами-стажерами), обучающимися по очной, очно-заочной форме обучения, и предлагает расценивать ее как потенциальную многодетную семью. Таким образом, речь идет о семьях, где люди до 35 лет включительно состоят в официальном браке, в том числе воспитывают ребенка или детей, и при этом получают образование по очной или очно-заочной форме обучения в организациях среднего профессионального и высшего образования. Такой же статус получат родители в возрасте до 35 лет, воспитывающие детей в одиночку и одновременно с этим получающие образование в ссузах или вузах. В пояснительной записке к законопроекту отмечается, что «характерные черты, присущие именно студенческим семьям, связаны с их особыми потребностями, исключительными для данной категории. Уникальность потребностей характеризуется особым уязвимым положением студенческой семьи в обществе, выраженным в ее зависимости от многих факторов: стартовых возможностей родительских семей, степени поддержки молодой семьи, отношения к студенческим семьям в образовательных организациях, обществе, государстве»[1].

[1] Законопроект № 729247-8 О внесении изменений в Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» (в части закрепления понятия «студенческая семья»)». Система обеспечения законодательной деятельности. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/729247-8 (дата обращения: 01.02.2025).

Исследование особенностей студенческих семей, тех проблем, с которыми они сталкиваются, а также мер возможной поддержки достаточно хорошо освещено в современной научной литературе. Понятие и особенности современной студенческой семьи широко изучено признанным специалистом в этом вопросе Т. К. Ростовской и ее соавторами (Ростовская и др., 2023a, 2023b, 2024). Так, рассматривая целеполагание студенческой молодежи, исследователи отмечают, что хотя построение семьи является важным целевым ориентиром, не меньшую значимость имеют такие факторы, как образование, карьера, стабильность и накопление материальных благ. Причем в студенческой среде встречается ориентация как на традиционную семью, так и на современную партнерскую семью. Чрезвычайно важным представляется выявление параметров благополучия студенческой семьи, включающих в себя шесть блоков: демографические, материальные, социально-психологические, ценности, цели, образование. Обращает на себя внимание тот факт, что практически все указанные блоки в той или мере предполагают участие образовательной организации в обеспечении условий для развития студенческой семьи. Это, с одной стороны, закономерно и обусловлено самой атрибуцией семьи как студенческой, с другой стороны, вузы в рамках реализации третьей миссии университетов получают больше возможностей позитивно влиять на демографическую ситуацию в регионе.

Позитивное в целом отношение студенческой молодежи к браку подтверждается исследованиями специалистов Югорского государственного университета (г. Ханты-Мансийск), которые на основе социологического опроса выделили гендерную специфику восприятия брачного поведения со стороны студентов, проявляющуюся в том, что женская часть респондентов больше тяготеет к созданию семьи традиционной модели (Мищенко и др., 2023). Примечательно, что опрос проводился среди обучающихся 18–21 года, что свидетельствует о значительном брачном потенциале студенческой молодежи и актуальности вопросов поддержки студенческих семей на всех уровнях.

Данный тезис подтверждается исследованиями Н. Дзагуровой, сотрудницы Владикавказского научного центра РАН, которая по данным анкетирования студентов республики Северная Осетия — Алания делает вывод о том, что наличие детей является ключевым брачным стремлением молодежи: из числа опрошенных 98 % девушек и 90 % юношей считают, что наличие детей в браке является обязательным (Дзагурова, 2023).

Исследователи из Татарстана на основе данных проведенного десятилетнего исследования на материалах республики отмечают, что рост образовательного уровня родителей, обусловленный получением высшего и поствысшего образования приводит к более позднему рождению детей, откладыванию родительства, т. е. реализуется стратегия: сначала образование и карьера, затем создание семьи и рождение детей (Ильдарханова & Ершова, 2024). «Почти у половины респонденток с высшим образованием первые роды приходились на 20–25 лет (почти по 10 % на каждый возраст), модальный возраст материнства — 24 года (13 %). В возрастных группах до 18 лет и старше 33 лет зафиксировано менее 1 % впервые родивших. В возрасте 26–28 лет впервые становились матерью по 5–7 % бакалавров и специалистов. Получение учёной степени было сопряжено с дальнейшим смещением рождаемости первой очерёдности к возрастам 22, 24, 25, 31 год (по 13,3 %), 26, 30,

33, 34 года (по 6,7 %) в зависимости от сроков окончания обучения в аспирантуре / докторантуре / ординатуре и защиты диссертаций». Особенностью данного исследования является анализ образовательной траектории, влияющей на деторождение, не только матерей, но и отцов, что не часто встречается в демографических исследованиях, хотя представляется весьма важным в силу высокой взаимозависимости отношения родителей к количеству детей в семье и реальных рождений. При этом отмечается, что само по себе получение образования высокого уровня не приводит к снижению желания создать крепкую семью и иметь более одного ребенка: «Многодетность может стать катализатором и стимулом личностного и образовательного роста и социального благополучия отца».

Представляется важным отметить усиление ориентации студенческой молодежи на создание многодетных семей (Андрюшина & Панова, 2019). Специалисты МГУ по результатам своих исследований отмечают рост числа студентов, заинтересованных в создании многодетной семьи с 21 % в 2007 г. до 36,7 % в 2019 г. Авторы совершенно справедливо увязывают этот рост с теми мерами поддержки, которые реализуются на государственном и региональном уровне по отношению к многодетным семьям.

Таким образом, поддержка студенческих семей, обладающих значительным демографическим потенциалом, является не только государственной задачей, но и актуализирует направления социальной работы российских вузов.

В настоящее время российские университеты предлагают широкий спектр мер поддержки студенческих семей. Эти меры касаются как финансовой, так и нефинансовой помощи, некоторые примеры приведены в таблице 1. Подбор вузов для анализа мер поддержки студенческих семей осуществлялся по принципу представительного выбора одного вуза из каждого федерального округа.

Обращает на себя внимание, что в Челябинской области матери-студентки имеют право на получение регионального материнского капитала в достаточно крупной сумме, 1 млн р. Всего же в 13 российских регионах введена практика выплаты студенческого материнского капитала, но, как правило, он представлен более скромными суммами: от 50 до 170 тыс. р.

Таким образом, можно говорить о том, что меры по поддержке студенческих семей представлены достаточно широко, но являются при этом ординарными, т. е. университеты включают их в свой социальный пакет шаблонным образом, не анализируя потребности студенческих семей, проходящих обучение в том или ином вузе. Одна из причин такого подхода — небольшое количество студенческих семей относительно общей численности обучающихся. По данным статистического учета за в 2024 г., в нашей стране на программах бакалавриата, специалитета и магистратуры по очной и очно-заочной формам обучаются 2780690 чел. При этом, по словам заместителя министра науки и высшего образования Российской Федерации Ольги Петровой, на 1 августа 2024 г. в вузах нашей страны обучается более 22 тыс. студенческих семей, более 5 тыс. из которых воспитывают детей, что составляет менее 1 % от общей численности студентов[1].

[1] Ольга Петрова: «В вузах обучается более 22 тысяч студенческих семей» (2024). URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/88439/ (дата обращения: 03.02.2025).

Таблица 1

Меры поддержки студенческих семей по данным сайтов образовательных организаций

Наименование вуза	Меры поддержки
Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого	Единовременная денежная выплата. Первоочередное предоставление мест в общежитиях студгородка университета. Переход на индивидуальный график обучения. Индивидуальные консультации педагога-психолога университетского Центра психологической помощи студентам. Содействие в трудоустройстве во время учебного и каникулярного времени. Посещение бассейна университета по льготным абонементам. Занятие в студенческих объединениях и клубах. Другие формы поддержки на уровне региона и вуза (например, участие в форумах, конкурсах, грантовых программах, проведение новогоднего утренника и приобретение подарков для детей)
Череповецкий государственный университет	Предоставление академического отпуска по семейным обстоятельствам в связи с рождением ребенка. Предоставление отпуска по беременности и родам, предоставление отпуска по уходу за ребенком до 3-х лет. Выплата стипендий в виде пособия по беременности и родам, единовременного пособия женщинам, вставшим на учет в медицинских организациях в ранние сроки беременности. Оказание психологической помощи, консультативная поддержка и сопровождение в период обучения со стороны психолога Управления по молодежной политике и воспитательной деятельности, а также помощь от студентов-психологов Студенческой психологической службы ЧГУ. Консультирование по различным социальным вопросам, помощь в оформлении документов, выдача различных справок, оформление социальной стипендии, материальной помощи, предоставление академического отпуска и пр. вопросы. Получение адресной поддержки по вопросам трудоустройства: оказание содействия трудоустройству выпускников ЧГУ, консультирование соискателей (студентов и выпускников) по вопросам трудоустройства
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону	Материальная (финансовая) поддержка. Инфраструктурная поддержка (выделение мест в общежитиях). Информационная поддержка. Новогодние подарки для детей. Подарки детям, окончившим учебный год на хорошо и отлично. Организация экскурсий
Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь	Материальная поддержка. Помощь в образовательном процессе. Оказание юридической и психологической помощи. Содействие трудоустройству. Организация культурно-досуговых мероприятий. Информационная работа, иные меры поддержки. Предоставление мест в общежитии

Окончание табл. 1 на след. стр.

Окончание табл. 1

Наименование вуза	Меры поддержки
Волжский государственный университет водного транспорта, г. Нижний Новгород	Оказание материальной помощи. Предоставление жилых помещений. Оказание психологической и юридической помощи
НИУ Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск	Материальная помощь студенческим семьям. Предоставление мест в общежитиях. Программа Челябинской области «Оказание молодым семьям государственной поддержки для улучшения жилищных условий». Предоставление мест в детских садах/школах для детей студенческих семей. Студенческий (семейный) капитал в Челябинской области — 1 млн р. Бесплатная юридическая, психологическая, грантовая помощь
Новосибирский государственный университет экономики и управления	Материальная помощь. Информационная помощь. Помощь в организации учебного процесса
Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток	Молодым семьям предоставляют индивидуальный график обучения и сроки промежуточной аттестации, что позволяет не прерывать образовательный процесс во время беременности и воспитания детей. Также студентам доступен академический отпуск и выплата пособия по беременности и родам. Девушкам, родившим ребенка в период обучения, университет предоставляет возможность перейти с договорного обучения на бюджетное. Студентам-очникам, имеющих детей, может оказываться материальная помощь не более одного раза в семестр. Размер выплаты определяется индивидуально. Консультационная помощь молодым семьям. Предоставление мест в общежитии без взимания платы за пользование помещением и коммунальные услуги

Источник: составлено автором по данным сайтов образовательных организаций: https://tsput.ru/structura/dvr/ospss/soc-podderzhka.php; https://www.chsu.ru/struktura-chgu/administrativnye-podrazdeleniya/upravlenie-po-vospitatelnoy-rabote/studencheskim-semyam/?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com; https://sfedu.ru/www/stat_pages22.show?p=STD/N13231/P; https://ncfu.ru/studentu/sotsialnaya-podderzhka-studentov/mery-podderzhki-studencheskikh-semey-/; https://vsuwt.ru/kultura-i-sport/perechen-mer-podderzhki-studencheskikh-semey.php; https://www.susu.ru/ru/informaciya-o-merah-podderzhki-studencheskih-semey; https://nsuem.ru/; https://www.dvfu.ru/news/fefu-news/v_dvfu_okazhut_podderzhku_studentam_s_detmi/ (дата обращения: 02.02.2025).

Информация по отдельным университетам иллюстрирует это соотношение. Так, по данным сайта Дальневосточного федерального университета, в нем обучается около 20000 студентов, при этом детей имеют 200 чел.

Как показано в исследовании специалистов Высшей школы экономики, изменения брачного поведения студентов высших учебных заведений наблюдаются давно: если в период перед Великой Отечественной войной в браке состояло 31,8 % студентов и 25,4 % студенток, то в настоящее время доля состоящих в браке среди студентов высшего образования очной формы обучения в возрасте до 30 лет существенно меньше — 3,6–5,6 % (Вилкова и др., 2024).

Причины опережающего снижения уровня брачности и детности в основном совпадают с таковыми в нестуденческой среде: экономические, жилищные и прочие проблемы, стремление сначала получить образование и реализоваться в профессиональном плане, общее снижение ценности института семьи. Однако, как отмечается, студенческие семьи более уязвимы в своем общественном положении, они зависят, иногда критическим образом, от поддержки и ресурсов родительских семей, отношения в образовательной организации и других факторов (Котомина и др., 2024). Все это обусловливает чрезвычайную значимость всех возможных мер поддержки для студенческих семей как со стороны органов государственной власти, так и со стороны университетов.

Для увеличения количества студенческих семей и последующего повышения рождаемости представляется важным обратить внимание на гендерную структуру российских университетов.

Как было показано в исследовании прошлого года, наблюдаются гендерные различия при выборе будущей профессии, а значит, и при поступлении в вузы (Петухова, 2024). Данные приемной кампании 2024 г. подтверждают эти наблюдения (таблицы 2–5).

Как видно из приведенных данных, существуют значительные гендерные диспропорции при поступлении абитуриентов для обучения на отдельные специальности. А поскольку многие университеты имеют ту или иную специализацию, правомерно говорить о неравномерной гендерной структуре ряда университетов нашей страны. В этих условиях одним из направлений реализации

Таблица 2

Топ-10 направлений подготовки (специальностей) в вузах РФ по количеству принятых студентов в 2024 г.

Наименование направления подготовки (специальности)	Принято, чел.			Из общего приема — женщины	
	всего	за счет бюджета	платно	чел.	доля, %
31.05.01 Лечебное дело	47896	19264	28377	28131	59
44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)	34380	24608	7796	24774	72
40.03.01 Юриспруденция	31018	5561	25337	16958	55
38.03.01 Экономика	24719	5151	19294	12489	51
38.03.02 Менеджмент	19016	2920	15896	9622	51
31.05.03 Стоматология	18951	1859	17092	11216	59
08.03.01 Строительство	16039	13240	2654	4416	28
09.03.02 Информационные системы и технологии	13658	8764	4769	3389	25
09.03.01 Информатика и вычислительная техника	13337	10045	3218	2676	20
45.03.02 Лингвистика	12487	2473	9774	9510	76

Источник: сост. автором по: Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования — программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры. Министерство образования РФ. URL: https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/ (дата обращения: 28.01.2025).

Таблица 3

Топ-10 направлений подготовки (специальностей) в вузах РФ по количеству принятых женщин в 2024 г.

Наименование направления подготовки (специальности)	Принято, чел.			Из общего приема — женщины	
	всего	за счет бюджета	платно	чел.	доля, %
31.05.01 Лечебное дело	47896	19264	28377	28131	59
44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)	34380	24608	7796	24774	72
40.03.01 Юриспруденция	31018	5561	25337	16958	55
38.03.01 Экономика	24719	5151	19294	12489	51
31.05.03 Стоматология	18951	1859	17092	11216	59
38.03.02 Менеджмент	19016	2920	15896	9622	51
45.03.02 Лингвистика	12487	2473	9774	9510	76
31.05.02 Педиатрия	11350	8480	2805	8677	76
44.03.01 Педагогическое образование	12052	6037	5470	8065	67
42.03.01 Реклама и связи с общественностью	9718	813	8840	7232	74

Источник: сост. автором по: Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования — программам бака-лавриата, программам специалитета, программам магистратуры. Министерство образования РФ. URL: https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/ (дата обращения: 28.01.2025).

Таблица 4

Топ-10 направлений подготовки (специальностей) в вузах РФ по доле принятых женщин в 2024 г.

Наименование направления подготовки (специальности)	Принято, чел.			Из общего приема — женщины, %
	всего	за счет бюджета	платно	
44.03.03 Специальное (дефектологическое) образование	3827	2755	792	96
37.05.01 Клиническая психология	4209	1524	2670	89
54.03.01 Дизайн	7322	1419	5775	88
37.05.02 Психология служебной деятельности	1074	557	502	87
44.03.02 Психолого-педагогическое образование	4511	3530	791	86
45.03.01 Филология	5492	2448	2894	83
37.03.01 Психология	5343	1695	3518	83
42.03.02 Журналистика	5935	1032	4829	81
58.03.01 Востоковедение и африканистика	1802	609	1128	77
45.05.01 Перевод и переводоведение	2063	586	1477	76

При общем наборе не менее 1000 чел.

Источник: сост. автором по: Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования — программам бака-лавриата, программам специалитета, программам магистратуры. Министерство образования РФ. URL: https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/ (дата обращения: 28.01.2025).

Таблица 5

Направления подготовки (специальностей) в вузах РФ с минимальной долей принятых женщин в 2024 г.

Наименование направления подготовки (специальности)	Принято, чел.			Из общего приема — женщины, %
	всего	за счет бюджета	платно	
26.05.05 Судовождение	1057	1000	57	6
23.05.01 Наземные транспортно-технологические средства	3011	2876	135	8
23.03.03 Эксплуатация транспортно-технологических машин и комплексов	2217	2013	154	8
35.03.06 Агроинженерия	4894	4658	224	9
15.03.01 Машиностроение	2306	2014	267	9
15.03.02 Технологические машины и оборудование	2568	2345	208	10
13.03.03 Энергетическое машиностроение	1056	994	62	12
11.05.01 Радиоэлектронные системы и комплексы	1614	1565	49	12
13.03.02 Электроэнергетика и электротехника	8882	7927	863	13
23.05.03 Подвижной состав железных дорог	1271	1238	33	13

При общем наборе не менее 1000 чел.

Источник: сост. автором по: Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования — программам бака-лавриата, программам специалитета, программам магистратуры. Министерство образования РФ. URL: https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/ (дата обращения: 28.01.2025).

демографической политики нашей страны могло бы стать сбалансированное формирование портфеля направлений и специальностей подготовки с учетом гендерной специфики профессиональных предпочтений молодежи.

Заключение

Таким образом, в настоящее время уделяется большое внимание поддержке студенческих семей в нашей стране. Разрабатываются и реализуются различные меры поддержки, как на уровне федеральных и региональных органов власти, так и на уровне отдельных образовательных организаций. Вместе с тем, эти меры зачастую носят общий и недостаточный характер вследствие небольшого количества студенческих семей среди обучающихся в учебных заведениях. Предлагая абитуриентам различные образовательные программы, университеты не принимают во внимание гендерную специфику выбора молодежью будущей профессии. Как представляется, учет этого аспекта, формирование портфеля программ по принципу гендерного дополнения может оказать позитивное влияние на реализацию демографической политики как в отдельных регионах, так и в стране в целом.

Список источников

Андрюшина Е.В., Панова Е.А. (2019). Влияние государственной политики на семейные стратегии студенческой молодежи. *Ars Administrandi (Искусство управления), 11* (2), 200–219. http://doi.org/10.17072/2218-9173-2019-2-200-219

Вилкова, К. А., Груздев, И. А., Шмелева, Е. Д., Тарасова, Е. А., Старцев, С. В. (2024). Что мы знаем о студенческих семьях: социологический анализ. *Высшее образование в России, 33*(7), 67–83. http://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-7-67-83

Дзагурова, Н. Х. (2023). Оценка семейных установок в студенческой среде: на примере Республики Северная Осетия — Алания. *Социально-гуманитарные знания,* (11), 47–49. http://doi.org/10.24412/0869-8120-2023-11-47-49

Ильдарханова, Ч. И., Ершова, Г. Н. (2024). Образовательные траектории родителей как фактор репродуктивного поведения на примере Республики Татарстан (2013–2022 гг.). *Высшее образование в России, 33*(7), 50–66. http://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-7-50-66

Котомина, О. В., Сажина, А. И., Вилкова К. А. (2024). Участие родителей в образовании студентов российских вузов. *Высшее образование в России, 33*(1), 28–43. http://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-1-28-43

Мищенко, В. А., Быстрова, Н. В., Панфилова, О. В., Лукьянец, О. В. (2023). Представление о браке у студенческой молодежи: гендерный аспект. *Вестник Нижневартовского государственного университета,* (4), 124–129. https://doi.org/10.36906/2311-4444/23-4/12

Петухова, С. В. (2024) Гендерные проблемы высшей школы в контексте гуманитарных специальностей. В *Устойчивость демографического развития: детерминанты и ресурсы. Сборник научных статей* (с. 280–288). Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 651. http://doi.org/10.17059/udf-2024-2-12

Ростовская, Т. К. (2024). Студенческая семья — важный ресурс демографического развития на национальном уровне. *Высшее образование в России, 33*(7), 9–14. http://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-7-9-14

Ростовская, Т. К., Васильева, Е. Н. (2023a). Образование как ресурс формирования «мягкой силы» в работе с молодыми соотечественниками, проживающими в странах СНГ. *Высшее образование в России, 32*(5), 21–35. http://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-5-21-35

Ростовская, Т. К., Васильева, Е. Н. (2023b). Стратегии формирования благополучия студенческих семей (по результатам глубинного интервью). *Logos et Praxis, 22*(2), 67–80. http://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.2.8

Ростовская, Т. К., Васильева, Е. Н., Никольский, В. С. (2024). Параметры благополучия студенческой семьи в современной России: основные проблемы и поиск ресурсов. *Высшее образование в России, 33*(7), 15–31. http://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-7-15-31

References

Andryushina, E.V., & Panova, E.A. (2019). The influence of state policy on the family strategies of student youth. *Ars Administrandi (Iskusstvo upravleniia) [Ars Administrandi], 11*(2), 200–219. http://doi.org/10.17072/2218-9173-2019-2-200-219 (In Russ.)

Dzagurova, N. Kh. (2023). Assessment of family attitudes in the student environment: on the example of the Republic of North Ossetia - Alania. *Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya [Social and humanitarian knowledge],* (11), 47–49. http://doi.org/10.24412/0869-8120-2023-11-47-49 (In Russ.)

Ildarkhanova, Ch. I., & Yershova, G. N. (2024). Educational trajectories of parents as a factor of reproductive behavior on the example of the Republic of Tatarstan (2013–2022). *Vy`sshee obrazovanie v Rossii [Higher Education in Russia], 33*(7), 50–66. http://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-7-50-66 (In Russ.)

Kotmina, O. V., Sazhina, A. I., & Vilkova K. A. (2024). The participation of parents in the education of students of Russian universities. *Vy`sshee obrazovanie v Rossii [Higher Education in Russia], 33*(1), 28–43. http://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-1-28-43 (In Russ.)

Mishchenko, V. A., Bystrova, N. V., Panfilova, O. V., & Luk'yanets, O. V. (2023). Student youth's perception of marriage: gender aspect. *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Nizhnevartovsk State University],* (4), 124–129. https://doi.org/10.36906/2311-4444/23-4/12 (In Russ.)

Petukhova, S. V. (2024) Gender problems of higher education in the context of humanitarian specialties. In *Ustojchivost` demograficheskogo razvitiya: determinanty` i resur-sy`. Sbornik nauchny`x statej [Sustainability of demographic development: determinants and resources. Collection of scientific articles]* (pp. 280–288). Yekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 651. http://doi.org/10.17059/udf-2024-2-12 (In Russ.)

Rostovskaya, T. K. (2024). The student family is an important resource for demographic development at the national level. *Vy`sshee obrazovanie v Rossii [Higher Education in Russia], 33* (7), 9–14. http://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-7-9-14 (In Russ.)

Rostovskaya, T. K., & Vasilyeva, E. N. (2023a). Education as a resource for the formation of «soft power» in working with young compatriots living in the CIS countries. *Vy`sshee obrazovanie v Rossii [Higher Education in Russia], 32* (5), 21–35. http://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-5-21-35 (In Russ.)

Rostovskaya, T. K., & Vasilyeva, E. N. (2023b). Strategies for shaping the well-being of student families (based on the results of an in-depth interview). *Logos et Praxis, 22* (2), 67–80. http://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.2.8 (In Russ.)

Rostovskaya, T. K., Vasilyeva, E. N., & Nikolsky, V. S. (2024). The parameters of student family welfare in modern Russia: the main problems and the search for resources. *Vy`sshee obrazovanie v Rossii [Higher Education in Russia], 33* (7), 15–31. http://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-7-15-31 (In Russ.)

Vilkova, K. A., Gruzdev, I. A., Shmeleva, E. D., Tarasova, E. A., & Startsev, S. V. (2024). What we know about student families: a sociological analysis. *Vy`sshee obrazovanie v Rossii [Higher Education in Russia], 33* (7), 67–83. http://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-7-67-83 (In Russ.)

Петухова Светлана Валериевна — кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой, Новосибирский государственный университет экономики и управления; https://orcid.org/0000-0002-2154-8871; e-mail: s.v.petuhova@edu.nsuem.ru (Российская Федерация, 630099, г. Новосибирск, ул. Каменская, 56; e-mail: s.v.petuhova@edu.nsuem.ru).

Svetlana V. Petukhova — Dr. Sci. (Econ.), Head of Department, Novosibirsk State University of Economics and Management; https://orcid.org/0000-0002-2154-8871; e-mail: s.v.petuhova@edu.nsuem.ru (56, Kamenskaya St.; Novosibirsk, Russian Federation, e-mail: s.v.petuhova@edu.nsuem.ru).

УДК 330.3, 312, 314
JEL classification: J1, E3, O15
https://www.doi.org/10.17059/udf-2025-2-15

Демографическая устойчивость: показатели и их влияние на социально-экономическое развитие

Р. Д. Сарвари

Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой
(г. Новополоцк, Республика Беларусь)

https://orcid.org/0000-0003-3001-1950

Автор для корреспонденции: Р.Д. Сарвари (renata.sarvari@mail.ru)

Аннотация. *В статье рассматриваются вопросы социально-экономического развития через призму демографической устойчивости. Предметом исследования являются демографические индикаторы и их причинно-следственные связи в контексте социально-экономического развития. Цель работы — определить ключевые демографические показатели для разработки мер социально-экономической поддержки, направленных на обеспечение демографической устойчивости. Гипотеза: демографическая устойчивость не определяется одной доминирующей переменной, а является результатом взаимодействия комплекса факторов, что требует многопараметрического анализа для разработки эффективных стратегий социально-экономического развития. Методология исследования: системный анализ демографических процессов, анализ временных рядов, математическое моделирование и прогнозирование с применением экстраполяционных методов, визуализации данных для выявления трендов демографического развития. Выявлены негативные демографические тенденции и подтверждена необходимость комплексного анализа факторов, влияющих на численность населения. Основное ограничение связано с доступностью исторических данных, влияющих на статистическую значимость коэффициентов и выбор оптимальной модели. Полученные результаты могут быть использованы в подготовке концепций и разработке государственной демографической политики, стратегическом планировании социально-экономического развития и формировании мер по повышению демографической устойчивости.*

Ключевые слова: демографическая устойчивость, социально-экономическое развитие, системный анализ, анализ временных рядов, математическое моделирование.

Socio-economic motivation as a tool for improving the state's demographic policy

R. Sarvary

Saint Euphrosyne Polotsk State University (Novopolotsk, Republic of Belarus)

https://orcid.org/0000-0003-3001-1950

Corresponding author: R. Sarvary (renata.sarvari@mail.ru)

Abstract. *The article considers issues of socio-economic development through the prism of demographic sustainability. The subject of the study is demographic indicators and their cause-and-effect relationships in the context of socio-economic development. The purpose of the work is to determine the key demographic indicators for the development of socio-economic support measures aimed at ensuring demographic sustainability. Hypothesis: demographic sustainability is not determined by one dominant variable, but is the result of the interaction of a set of factors, which requires multivariable analysis to develop effective strategies for socio-economic development. Research methodology: systems analysis of demographic processes, time series analysis, mathematical modeling and forecasting using extrapolation methods, data visualization to identify trends in demographic development. Negative demographic trends are identified and the need for a comprehensive analysis of factors affecting population size is confirmed. The main lim-*

itation is associated with the availability of historical data affecting the statistical significance of the coefficients and the choice of the optimal model. The results can be used in the preparation of concepts and the development of state demographic policy, strategic planning of socio-economic development and the formation of measures to improve demographic sustainability.

Keywords: demographic sustainability, socio-economic development, systems analysis, time series analysis, mathematical modeling.

Введение

Демографические процессы являются важнейшим фактором, определяющим социально-экономическое развитие стран. Снижение рождаемости, старение населения и миграционные процессы ставят перед государствами задачу выработки эффективных мер, направленных на стабилизацию демографической ситуации. В Республике Беларусь актуальными являются проблемы старения населения и низкого уровня рождаемости, что оказывает негативное влияние на экономический рост, систему социального обеспечения и качество жизни граждан. Важной частью государственной демографической политики являются социально-экономические меры, направленные на мотивацию граждан к повышению рождаемости, укрепление семейных ценностей и улучшение жизненных условий. В частности, данный вопрос регулируется посредством целого ряда программных документов, к числу которых относятся Закон «О демографической безопасности Республики Беларусь», Государственная программа «Здоровье народа и демографическая безопасность» на 2021–2025 гг. Акцент на условия социального развития, которые стимулируют рост рождаемости в стране и постепенное преодоление негативных тенденций сокращения численности населения, просматривается в Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года, а также в Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2035 года. Вместе с тем, несмотря на положительные сдвиги в динамике таких показателей, как суммарный коэффициент рождаемости, коэффициент депопуляции, они всё же не достигают пороговых значений социальной безопасности, что подтверждает сохраняющуюся актуальность демографических проблем в долгосрочной перспективе. Целью настоящей работы является исследование вопросов демографической устойчивости и демографических факторов, оказывающие влияние на социально-экономическое развития страны. В ходе исследования изучается отечественный и зарубежный опыт, рассматриваются основные подходы к анализу влияния социально-экономических факторов на демографические процессы и демографическую устойчивость, а также анализируются стратегии, направленные на решение демографических проблем. Основное внимание уделяется выявлению негативных демографических тенденций и необходимости комплексного анализа факторов, влияющих на ключевые демографические показатели. Исследование направлено на выявление факторов, которые могут быть использованы для разработки эффективных стратегий социально-экономической поддержки для обеспечения демографической устойчивости.

Обзор литературы

Вопросы демографического развития изучаются рядом современных авторов в социологических и экономических исследованиях. Белорусская школа включает работы М. Андрияшко, М.И. Артюхина, С.А. Пушкевич, Е.М. Бабосова, А.А. Белова, О.В. Борисовой, С.Е. Витуна, группы авторов И. Калабихина, Н. Красовской, Н. Калмыковой (2018), и других. Среди ключевых направлений исследований — семейные ценности и репродуктивное поведение. Так, Е.К. Артеменко (2019) рассматривает связь семейных ценностей с мировыми и региональными тенденциями, подчеркивая важность семьи и поддержания баланса между семейными и профессиональными ролями. А.Г. Злотников и А.А. Раков (2010) акцентируют внимание на институтах семьи и их связи с демографическими изменениями, исследуя теории «модернизации» и «кризиса семьи», разработанные А.Г. Вишневским и А.И. Антоновым.

Другим важным направлением является решение демографических вызовов, таких как старение населения и снижение рождаемости. А.А. Головач (2022) предлагает меры, включая инвестиции в человеческий капитал, стимулирование рождаемости и миграционное замещение. А.А. Бондаренко (2024) рассматривает депопуляцию и старение, предлагая решения через поддержку семьи и усиление информирования населения. Экономическим аспектам демографических изменений также уделяется внимание. К. Борнукова и Л. Львовский (2020) исследуют связь между трудоспособным населением, экономическим ростом и фискальной нагрузкой. Л.П. Шахотько (2011) анализирует экономические последствия демографического спада, включая влияние на совокупный спрос и систему социального обеспечения.

Особое внимание уделяется старению населения и его последствиям для общества. Н.А. Томашевская (2020) рассматривает старение как результат изменений в рождаемости, смертности и продолжительности жизни, акцентируя внимание на росте нагрузки на трудоспособное население. Е.Н. Карчевская (2010) изучает демографический потенциал, уделяя внимание росту числа пенсионеров и связанным с этим увеличением расходов на социальное обеспечение.

Анализу демографической политики и обеспечения демографической безопасности посвящены работы М.И. Артюхина и С.А. Пушкевич (2022), которые анализируют меры в Беларуси, выявляя достижения и новые вызовы, такие как депопуляция. И.В. Тетерева (2019) классифицирует меры программы «Здоровье народа и демографическая безопасность», подчеркивая приоритет нынешнего поколения. Н.Н. Сечко и Е.В. Таранова (2011) проводят сравнительный анализ демографической политики Беларуси и России, отмечая важность обмена опытом для стабилизации демографической ситуации.

В российской научной школе значительный вклад в исследование демографической политики внесли такие авторы, как О.Г. Исупова, Р.Н. Шпакова, М.И. Щербакова, М.С. Сюпова, Л.Н. Андронова. Н.М. Ланцова, А.И. Щербаков, М.Г. Мдинарадзе, А.Д. Назаров, М.А. Магомедов, Е.К. Рудакова, М.Е. Келепова, А.В. Молодчик, М.С. Нагорная, Д.С. Жуков, Н.С. Барабаш и другие. Так, Д.С. Жуков и Н.С. Барабаш (2021) анализируют механизмы стимулирования рождаемости в странах с низким уровнем рождаемости, таких как Скандинавия, англосаксонские

страны, Япония, Южная Корея и ряд стран Европы. М.Е. Келепова, А.В. Молодчик и М.С. Нагорная (2022) рассматривают демографическую политику стран Европы, Азии и Северной Америки в контексте программы ООН, подчеркивая меры противодействия росту населения в Азии, старению и низкой рождаемости в Европе, а также последствия пандемии COVID-19. Авторы делают вывод, что демографическая политика зависит от экономического уровня стран: в Европе акцент на стимулирование рождаемости, в Азии — на её снижение, а в развивающихся странах активно внедряются миграционные программы. Важный вклад в исследование демографической безопасности внесла Е.К. Рудакова (2023), которая уточнила ключевые категории, такие как «демографическое развитие», «демографическая безопасность», «демографический суверенитет» и «когнитивные угрозы безопасности», а также предложила пути оптимизации демографической политики. М.А. Магомедов (2014) исследует зарубежный опыт применения пронаталистской политики в Европе и Северной Америке, направленной на повышение рождаемости через пособия и налоговые льготы. Л.Н. Андронова и Н.М. Ланцова (2022) анализируют демографические тенденции в России, СНГ и Центральной Европе, акцентируя внимание на успешных примерах стимулирования рождаемости, например, в Сахалинской области. М.С. Сюпова (2018) рассматривает опыт Франции и США, где стимулирование рождаемости и адаптация мигрантов через социальные меры дали положительные результаты, в отличие от Китая, сталкивающегося с проблемами старения населения из-за политики ограничения рождаемости. Важное место в исследованиях занимает анализ семейной политики Франции, где Р.Н. Шпакова и М.И. Щербакова (2022) отмечают эффективность системы пособий, воспитания детей и налоговых льгот, несмотря на её неравномерность и бюрократическую сложность. О.Г. Исупова (2020) исследует эволюцию семейной и демографической политики, акцентируя внимание на различиях в подходах Европы и США и адаптации семейной политики к социальным изменениям.

Зарубежные исследования демографических вопросов в контексте социально-экономического развития охватывают широкий спектр проблем. M. Shirakawa (2012) анализирует влияние демографического спада и старения населения на экономику Японии, выделяя ключевые зависимости, такие как замедление роста из-за сокращения рабочей силы и низкой производительности. Он предлагает привлекать женщин и пожилых людей к труду, а также расширять иностранные инвестиции. D. Bloom & J.G. Williamson (1998) рассматривают демографический переход в Восточной Азии, подчеркнув его роль в экономическом чуде региона, с возможными последствиями замедления роста в будущем.

T. Bollyky et al. (2022) исследуют миграцию, показывая, что рост молодежной численности может привести к увеличению эмиграции, особенно в странах с низким ВВП. R. Nugent и B. Seligman подчеркивают влияние демографических изменений на бедность, экономический рост и социальные расходы, отметив важность снижения рождаемости для создания «демографического бонуса».

J. Bongaarts (2009) изучает общемировые тенденции, показывая, как снижение рождаемости и улучшение продолжительности жизни стимулируют экономический рост в странах Юга, но создают проблемы для социального обеспечения в странах Севера. P. Tan (2020) анализирует страны с низким уровнем

рождаемости, такие как Сингапур, Япония и Республика Корея, выявляя проблемы позднего материнства и возрастных факторов, влияющих на рождаемость, и подчеркивает необходимость комплексного подхода к решению демографических проблем, включая улучшение условий труда и социальных услуг.

Материалы и методы

В рамках настоящего исследования использован комплексный подход, включающий элементы и методы теоретического и эмпирического анализа, математического моделирования и прогнозирования демографических процессов. Исследование основано на следующих источниках: фундаментальных исследованиях отечественных и зарубежных авторов, открытых статистических данных на макроуровне, а также эмпирических данных о численности населения, коэффициентах рождаемости и смертности, миграционном балансе и других демографических индикаторах. Для достижения поставленных целей применялись различные методы: метод системного анализа использовался для структурирования информации о динамике численности населения и выявления факторов, влияющих на демографические процессы; метод анализа временных рядов; в качестве методов прогнозирования использовались экстраполяционные методы. Для визуализации данных применялись построение графиков и трендовых линий, а также сравнительный анализ демографических трендов.

Результаты

При проведении исследования автор столкнулся с проблемой получения достоверной статистики относительно некоторых изучаемых показателей, среди которых показатель на 1000 человек населения (родившиеся, умершие, естественный прирост/убыль населения). На период после 2019 г. в Республике Беларусь отсутствует централизованная общедоступная информация относительно исследуемого показателя, что делает сложным проведение эмпирического анализа с целью выявления динамики естественного движения населения, а также обнаружения существенных зависимостей в статистических данных и предложения инструментов социально-экономического поддержки. По состоянию на первый квартал 2025 г. интерактивная информационно-аналитическая система распространения официальной статистической информации Национального статистического комитета Республики Беларусь представляет показатели лишь на период до 2019 г., которые включают данные о числе родившихся (в том числе на 1000 человек населения), а также суммарный коэффициент рождаемости. На официальном сайте Национального статистического комитета Республики Беларусь многопрофильные сборники «Беларусь в цифрах» содержат информацию по Естественному движению населения лишь в изданиях до 2020 г., которые отражают информацию за период до 2019 г. В последующих издания такая аналитика не представлена, что затрудняет проведение эмпирического исследования в рамках изучаемой гипотезы. Ввиду отсутствия готовых значений по некоторым изучаемым показателям на период после 2020 г. автором проведены расчеты для прогнозирования тренда, а также представлен анализ данных с элементами эмпирического по демографическим показателям Республики Беларусь (табл. 1).

Таблица 1

Демографические показатели Республики Беларусь на период 2015–2019 гг.

Показатель	2015	2016	2017	2018	2019
общая численность населения, тыс. чел.	9480,9	9498,4	9504,7	9491,8	9475,2
общее число родившихся, тыс. чел.	119,0	117,8	102,6	94,0	87,6
на 1000 человек населения:					
родившихся	12,5	12,4	10,8	9,9	9,9
умерших	12,6	12,6	12,6	12,7	12,8
естественный прирост/убыль населения	–0,1	–0,2	–1,8	–2,8	–3,5
общий коэффициент рождаемости	12.5	12.4	10.8	9.9	9.9
общий коэффициент смертности	12.6	12.6	12.6	12.7	12.8
коэффициент естественного прироста	–0.1	–0.2	–1.8	–2.8	–2.9
численность женщин, тыс. чел.	5071,6	5077,6	5078,2	5070,3	5062,0
средний возраст матери при рождении первого ребенка, лет	26,0	26,3	26,5	26,7	26,8
суммарный коэффициент рождаемости, среднее число детей, которых родила бы одна женщина за всю жизнь (15–49 лет)	1,724	1,733	1,541	1,448	1,382
общий коэффициент рождаемости, число родившихся на 1000 женщин; в репродуктивном возрасте 15–49 лет	52,1	52,1	45,9	42,6	40,0
средний возраст женщин, вступивших в первый брак (лет)	25,5	25,6	25,8	26,0	26,1

Источник: статистический ежегодник Республики Беларусь, 2020. Национальный статистический комитет Республики Беларусь. URL: https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/c68/c68ec3c1ac53374bedc363044769f2c1.pdf (дата обращения: 04.01.2025).

На основании имеющихся данных была построена экстраполяция на предстоящие периоды (рис. 1). Графическое представление тенденции дополнено штрих-пунктирной линией, обозначающей границу между фактическими данными (2015–2019 гг.) и прогнозируемыми значениями (2020–2029 гг.) (визуальный разделитель между ретроспективными и расчетными данными).

Линейный прогноз показывает, что при сохранении текущих тенденций к 2024 г. коэффициент естественного прироста составит около –7,3, а к 2029 году — около –11,4 на 1000 человек. Это указывает на углубление демографического кризиса и возможное ускорение темпов естественного сокращения населения. Анализ подтверждает ухудшение демографической ситуации в стране и прогнозирует значительное сокращение численности населения в ближайшие годы. Основными факторами являются снижение рождаемости в условиях экономической нестабильности, изменения репродуктивных установок, ухудшение здоровья и старение населения, что ведет к росту смертности. Без эффективных мер, направленных на стимулирование рождаемости и снижение смертности, этот тренд может сохраняться.

Другим важным показателем демографической устойчивости является динамика среднего возраста матери при рождении первого ребенка, который с 2015 по 2019 г. стабильно растет. Этот рост, вероятно, обусловлен рядом факторов, включая изменение социально-экономических условий, стремление женщин к образованию и карьере, улучшение медицинских технологий, повышение доступности контрацепции и осознанный подход к деторождению.

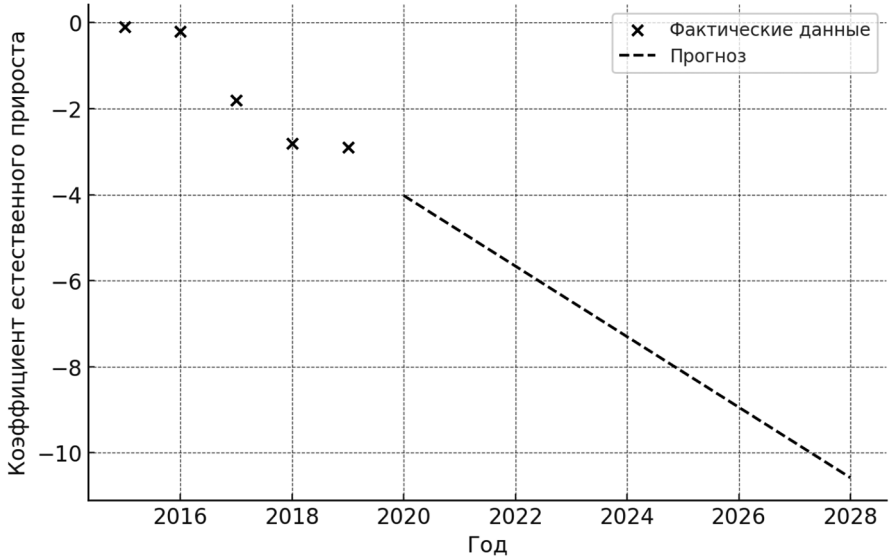

Рис. 1. *Тренд коэффициента естественного прироста для Республики Беларусь на период до 2029 (источник: составлено автором)*

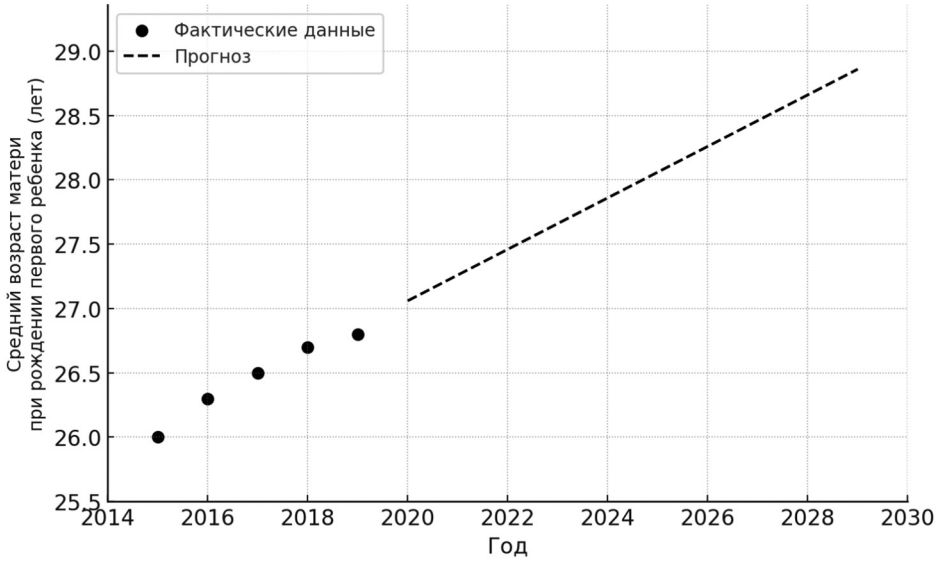

Рис. 2. *Тренд среднего возраста матери при рождении первого ребенка для Республики Беларусь на период до 2029 г. (источник: составлено автором)*

Прогнозные расчеты на основе линейной экстраполяции (рис. 2) свидетельствуют о дальнейшем увеличении возраста первородящих матерей. Таким образом, если текущие тенденции сохранятся, средний возраст рождения первого ребенка приблизится к 29 годам в 2030 г., что соответствует общемировым трендам, наблюдаемым в странах с высоким уровнем социально-экономического развития. Продолжение данной тенденции может оказывать влияние на общие демографические показатели, в частности на суммарный коэффициент рождаемости. Также позднее вступление в материнство, как правило, коррелирует со снижением общего числа детей, рождаемых женщиной в течение жизни, что может способствовать дальнейшему углублению демографического кризиса.

Анализ данных показывает постепенное сокращение численности населения в 2015–2024 гг. Максимум численности наблюдается в 2017 г. (9469,7 тыс. чел.), после чего начинается стабильное снижение, которое возможно ввиду естественной убыли или миграции. Численность мужчин и женщин также сокращается, при этом женщин остается больше, что характерно для стран с высокой продолжительностью жизни среди женщин. Для прогнозирования будущих трендов и анализа рисков построен тренд до 2033 г., представленный на рисунке 3.

Линейная аппроксимация показывает устойчивый нисходящий тренд, который, согласно прогнозам, продолжится в 2025–2034 гг. Прогнозные значения, обозначенные пунктирными линиями, указывают на возможное сокращение численности населения ниже 9000 тыс. чел. к 2034 г., что свидетельствует о демографических рисках, связанных с падением рождаемости и негативными последствиями для социально-экономической структуры.

Таблица 2

Общая численность населения и численность населения по половозрастному составу в Республике Беларусь на период 2015–2024 годы

Год	общая численность населения, тыс. чел	мужчины, тыс. чел	женщины, тыс. чел
2015	9453,1	4369,4	5083,6
2016	9469, 1	4377,0	5092,1
2017	9469,7	4377,6	5092,1
2018	9448,3	4366,9	5081,4
2019	9429,3	4358,0	5071,3
2020	9410,3	4350,5	5059,8
2021	9349,6	4321,1	5028,5
2022	9255,5	4278,5	4977,0
2023	9200,6	4250,3	4950,3
2024	9156,0	4226,7	4929,2

Источник: Численность населения на 1 января 2024 года по областям и г. Минску. Национальный статистический комитет Республики Беларусь. URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/ssrd-mvf_2/natsionalnaya-stranitsa-svodnyh-dannyh/naselenie_6/dinamika-chislennosti-naseleniya/ (дата обращения: 20.01.2025).

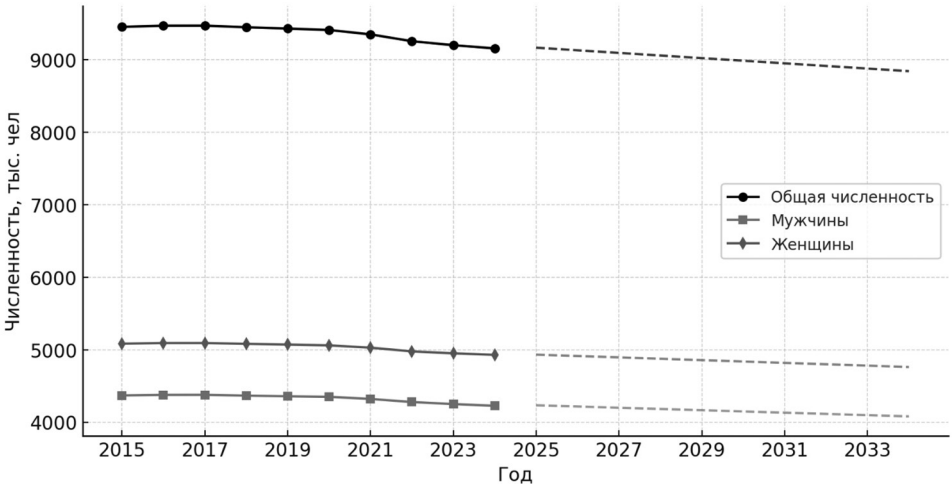

Рис. 3. *Тренд численности населения для Республики Беларусь на период до 2033 г. (источник: составлено автором)*

Обсуждение

Как видно из проведенного исследования, наблюдаемый нисходящий тренд в численности населения представляет собой серьезный вызов для социально-экономического развития Республики Беларусь. Для смягчения негативных последствий необходим комплексный согласованный подход (как на уровне страны, так на уровне регионов), включающий множество инструментов социально-экономической поддержки граждан, в число которых могут входить стимулирование рождаемости, поддержка семей с детьми, реализация мер по активному привлечению и интеграции мигрантов, а также развитие механизмов повышения производительности труда для компенсации сокращения численности рабочей силы и другие.

Однако для проверки гипотезы о динамике данных по численности населения и качественного выявления причинно-следственных связей с целью выбора эффективных инструментов (или целого комплекса) социально-экономической поддержки, рекомендуется применение дополнительных статистических методов, таких как анализ временных рядов, тесты на значимость трендов, факторный анализ и моделирование вероятных сценариев. Среди возможных зависимых переменных могут быть рассмотрены демографические показатели (суммарный коэффициент рождаемости, смертность по возрастным группам, ожидаемая продолжительность жизни (при рождении), возрастная структура населения); социально-экономические факторы (уровень доходов населения, уровень безработицы, доступность жилья для молодых семей, расходы государства на социальную поддержку семей с детьми); миграционные показатели (чистый миграционный прирост, возрастная и квалификационная структура мигрантов); культурные и поведенческие факторы (семейные установки и ценности, доступность и распространенность репродуктивных технологий, уровень урбанизации).

По мнению автора, добавление этих переменных позволит лучше понять причины наблюдаемых трендов, выявить скрытые закономерности и построить более точные прогнозы. В том числе на основе полученных данных возможно построение эконометрической модели (где зависимая переменная — численность населения (или ее логарифм), а независимые переменные — факторы, влияющие на демографическую динамику) и дальнейшее ее использование в целях внесения предложений и рекомендаций по улучшению демографической политики Республики Беларусь как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе. Среди возможных ограничений будущего исследования находится доступность исторических данных по выбранным показателям в динамике (по зависимым и независимым переменным) с целью проверки статистической значимости коэффициентов и выбора модели с лучшими предсказательными свойствами. Чем больше наблюдений (лет), тем надежнее будут результаты регрессионного анализа.

Заключение

Авторское исследование выявило устойчивые негативные демографические тенденции, однако не обнаружено единственной переменной, определяющей демографическую стабильность. Это подтверждает необходимость комплексного анализа факторов, влияющих на численность населения. Для уточнения причинно-следственных связей и выбора эффективных инструментов демографической политики требуется применение дополнительных подходов к анализу и расчету, предложенных автором. К числу возможных переменных для будущего комплексного исследования автор относит демографические показатели (рождаемость, смертность, возрастная структура), социально-экономические условия (доходы, безработица, доступность жилья, государственные расходы на поддержку семей), миграционные процессы (чистый прирост, структура мигрантов) и культурные факторы (семейные установки, уровень урбанизации). Комплексный анализ этих параметров необходим для формирования долгосрочной стратегии, направленной на демографическую стабилизацию и снижение рисков для социально-экономического развития.

Список источников

Андронова, Л. Н., Ланцова, Н. М. (2022). Демографические тенденции и государственная демографическая политика: Россия и зарубежный опыт. *Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН.* 266–285. http://doi.org/10.47711/2076-318-2022-320-341

Артёменко, Е. К. (2019). Трансформация семейных ценностей белорусов в региональном контексте. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология, (3),* 51–58. EDN: KUXSNX

Артюхин, М. И., Пушкевич, С. А. (2022). Демографическое развитие Беларуси: современное состояние и тенденции. *Материалы Национальной академии наук Беларуси. Серия гуманитарных наук, 67* (2), 158–165. http://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-2-158-165

Бондаренко, А. А. (2024). Демографическая политика в Республике Беларусь: реалии и перспективы. *Бизнес. Инновации. Экономика: сборник научных статей, (9),* 41–48. Минск: Ин-т бизнеса БГУ. EDN: RAKAAY

Борнукова, К., Львовский, Л. (2020). Демография как вызов для экономического роста. *Банковский вестник, 3* (680), 31–35. EDN: YQXUIY

Головач, А. А. (2022). Способы решения проблемных демографических вопросов в Республике Беларусь. *Известия Национальной академии наук Беларуси. Серия гуманитарных наук, 67* (1), 7–14. http://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-1-7-14

Жуков, Д. С., Барабаш, Н. С. (2021). Анализ демографической политики в странах с низкой рождаемостью: опыт и некоторые итоги. *Инноватика и экспертиза: научные труды, 1* (31), 77–84. http://doi.org/10.35264/1996-2274-2021-1-77-84

Злотников, А. Г., Раков, А. А. (2010). Современная демографическая политика Беларуси. *Социология: Научно-теоретический журнал, (3),* 116–128. EDN: UDVHIF

Исупова, О. Г. (2020). Демографическая и семейная политика в разных странах: концептуальные подходы и практики. *Демографическое обозрение, (3),* 51–83. DOI: 10.17323/demreview.v7i3.11636 EDN: ESMRDO

Калабихина, И., Красовская, Н., Калмыкова, Н. (2018). *Демографическое старение в Республике Беларусь: вызовы и новые возможности.* Аналитический обзор: проект «Поддержка реализации Национальной программы демографической безопасности Республики Беларусь». Минск: Белсэнс, 47. https://demography.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=1794&p=attachment (дата обращения: 24.01.2025).

Карчевская, Е. Н. (2010). Демографический потенциал Республики Беларусь: основные тенденции развития. *Псковский регионологический журнал, (10),* 72–77. EDN: NUAOTN

Келепова, М. Е., Молодчик, А. В., Нагорная, М. С. (2022). Современные тенденции демографической политики: опыт зарубежных стран в рамках выполнения международно-правовых обязательств. *Управление в современных системах, (1),* 42–47. http://doi.org/10.24412/2311-1313-33-42-47 EDN: GGGBWI

Магомедов, М. А. (2014). Зарубежный опыт регулирования демографической политики и возможности его реализации в Российской Федерации. *Вопросы структуризации экономики, (3),* 80–83. EDN: UIKPBF

Рудакова, Е. К. (2023). Обеспечение демографической безопасности России в условиях когнитивных угроз: Автореф. дисс. … д-ра политических наук. Нижний Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 40. https://imomi.unn.ru/images/news/2023/03/Автореферат_Рудакова.pdf (дата обращения: 24.01.2025).

Сечко, Н. Н., Таранова, Е. В. (2011). Демографическая политика Беларуси и России в контексте повышения качества жизни населения. *Социологический альманах, (2),* 182–191. EDN: QASGDB

Сюпова, М. С. (2018). Демографическая политика: опыт зарубежных стран. *Электронное научное издание «Ученые заметки ТОГУ», 9* (1), 272–278. https://togudv.ru/media/ejournal/articles-2018/TGU_9_45_1.pdf (дата обращения: 04.01.2025). EDN: UQVDDG

Тетерева, И. В. (2019). Анализ взаимосвязи и согласованности целей, задач и мероприятий государственной демографической политики Республики Беларусь. *Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки, (5),* 52–59. EDN: NEJGLU

Томашевская, Н. А. (2020). Мировой опыт государственного регулирования социально-демографического процесса старения населения: ключевые организации и документы. *Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки, (14),* 112–119. EDN: OWJYDN

Шахотько, Л. П. (2011). Демографические проблемы Республики Беларусь и пути их решения. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз, 4(16),* 73–85. EDN: MRLTMH

Шпакова, Р. Н., Щербакова, М. И. (2022). Демографическая политика Франции: история и современность. *Вестник евразийской науки, 14* (6), 1–11. https://esj.today/PDF/70ECVN622.pdf (дата обращения: 24.01.2025). EDN: UANKBJ

Bloom, D., & Williamson, J.G. (1998). Demographic Transitions and Economic Miracles in Emerging Asia. *World Bank Economic Review, 12* (3), 419–455. http://dx.doi.org/10.1093/wber/12.3.419

Bollyky, T. J., Graetz, N., Dieleman, J., Miller-Petrie, M. K., Schoder, D., Joyce, S., Guillot, M. & Hay, S. I. (2022). Growing up and moving out: Migration and the demographic transition in low- and middle-income nations. *Population Studies, 76* (1), 63–80. http://doi.org/10.1080/00324728.2022.2034919

Bongaarts, J. (2009). Human population growth and the demographic transition. *Phil. Trans. R. Soc. B, 364,* 2985–2990. http://doi.org/10.1098/rstb.2009.0137

Nugent, R. & Seligman, B. (n.d.). How demographic change affects development. In *Demographics and Development in the 21st Century Initiative Technical Background Paper,* 24. https://www.academia.edu/52885089/Demographics_and_Development_in_the_21st_Century_Initiative_Technical_Background_Paper (дата обращения: 04.01.2025).

Shirakawa, M. (2012). *Demographic changes and macroeconomic performance — Japanese experiences*. Opening Remark at 2012 BOJ-IMES Conference hosted by the Institute for Monetary and Economic Studies, Bank of Japan, Tokio, 26. https://www.boj.or.jp/en/about/press/koen_2012/data/ko120530a1.pdf (Accessed: 10.02.2025).

Tan, P. L. (2020). Overcoming demographic decline. *Finance and development,* 14–16. https://www.imf.org/external/Pubs/FT/fandd/2020/03/pdf/lessons-from-singapore-on-raising-fertility-rates-tan.pdf (Accessed: 10.02.2025).

References

Andronova, L. N., & Lantsova, N. M. (2022). Demographic Trends and state Demographic Policy: Russia and Foreign Experience. *Nauchny`e trudy`: Institut narodnoxozyajstvennogo prognozirovaniya RAN [Scientific works: Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences]*. 266–285. http://doi.org/10.47711/2076-318-2022-320-341 (In Russ.)

Artsiomenka, A. K. (2019).Transformation of family values of Belarusians in the regional context. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Psixologiya [Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology], (3),* 51–58. EDN: KUXSNX (In Russ.)

Artyukhin, M. I. & Pushkevich, S. A. (2022). Demographic development of Belarus: current state and trends. *Materialy` Nacional`noj akademii nauk Belarusi. Seriya gumanitarny`x nauk [Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus, Humanitarian Series], 67* (2), 158–165. http://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-2-158-165 (In Russ.)

Bloom, D. & Williamson, J.G. (1998). Demographic Transitions and Economic Miracles in Emerging Asia. [World Bank Economic Review], 12 (3), 419–455. http://dx.doi.org/10.1093/wber/12.3.419

Bollyky, T. J., Graetz, N., Dieleman, J., Miller-Petrie, M. K., Schoder, D., Joyce, S., Guillot, M. & Hay, S. I. (2022). Growing up and moving out: Migration and the demographic transition in low- and middle-income nations. *Population Studies, 76* (1), 63–80. http://doi.org/10.1080/00324728.2022.2034919

Bondarenko, A. A. (2024). Demographic policy in the Republic of Belarus: realities and prospects. *Biznes. Innovacii. E`konomika: sbornik nauchny`x statej [Business. Innovation. Economics: a collection of scientific articles]. (9),* 41–48. Minsk: BSU Business Institute. EDN: RAKAAY (In Russ.)

Bongaarts, J. (2009). Human population growth and the demographic transition. [Phil. Trans. R. Soc. B]. 364, 2985–2990. http://doi.org/10.1098/rstb.2009.0137

Bornukova. K. & Lvovskiy. L. (2020). Demography as a challenge for economic growth. *Bankovskij vestnik [Banking Bulletin], 3* (680), 31–35. EDN: YQXUIY (In Russ.)

Golovach, A. A. (2022). Methods of solving problematic demographic issues in the republic of Belarus. *Izvestiya Nacional`noj akademii nauk Belarusi. Seriya gumanitarny`x nauk [Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus, Humanitarian Series], 67* (1), 7–14. http://doi.org/10.29235/2524-2369-2022-67-1-7-14 (In Russ.)

Isupova, O. G. (2020). Demographic and family policy in different countries: conceptual approaches and practices. *Demograficheskoe obozrenie [Demographic Review], (3),* 51–83. http://doi.org/10.17323/demreview.v7i3.11636 (In Russ.)

Kalabikhina, I., Krasovskaya, N., & Kalmykova, N. (2018). *Demograficheskoe starenie v Respublike Belarus`: vy`zovy` i novy`e vozmozhnosti [Demographic aging in the Republic of Belarus: challenges and new opportunities]*. Analytical review: project «Support for the implementation of the National Program of Demographic Security of the Republic of Belarus». Minsk: BelSens, 47. https://demography.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=1794&p=attachment (accessed: 24.01.2025). (In Russ.)

Karchevskaya, E. N. (2010). Demographic potential of the Republic of Belarus: main trends of development. *Pskovskij regionologicheskij zhurnal [Pskov Journal of Regional Studies], (10),* 72–77. EDN: NUAOTN (In Russ.)

Kelepova, M. E., Molodchik, A. V., & Nagornaya, M. S. (2022). Current trends in demographic policy: the experience of foreign countries in the framework of the implementation of international legal obligations *Upravlenie v sovremenny`x sistemax, [Management in modern systems], 1,* 42–47. http://doi.org/10.24412/2311-1313-33-42-47 (In Russ.)

Magomedov, M. A. (2014). Foreign experience in regulating demographic policy and opportunities for its implementation in the Russian Federation. *Voprosy` strukturizacii e`konomiki [Issues of Economic Structuring], (3),* 80–83. EDN: UIKPBF (In Russ.)

Nugent, R. & Seligman, B. (n.d.). How demographic change affects development. In *Demographics and Development in the 21st Century Initiative Technical Background Paper,* 24. https://www.academia.edu/52885089/Demographics_and_Development_in_the_21st_Century_Initiative_Technical_Background_Paper (accessed: 04.01.2025).

Rudakova, E. K. (2023). Obespechenie demograficheskoy bezopasnosti Rossii v usloviyakh kognitivnykh ugroz [Ensuring demographic security of Russia in the context of cognitive threats]: Abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Political Sciences. Nizhny Novgorod: National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 40. https://imomi.unn.ru/images/news/2023/03/Автореферат_Рудакова.pdf (accessed: 24.01.2025). (In Russ.)

Sechko, N. N., & Taranova, E. V. (2011). The demographic policy of Belarus and Russia in the context of the improvement of life quality of the population. *Sociologicheskij al`manax [Sociological Almanac], (2),* 182–191. EDN: QASGDB (In Russ.)

Shakhotko, L. P. (2011). Demographic problems of the Republic of Belarus and ways to solve them. *Ekonomicheskie i Sotsial'nye Peremeny: Fakty, Tendentsii, Prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 4* (16), 73–85. EDN: MRLTMH (In Russ.)

Shirakawa, M. (2012). *Demographic changes and macroeconomic performance — Japanese experiences*. Opening Remark at 2012 BOJ-IMES Conference hosted by the Institute for Monetary and Economic Studies, Bank of Japan, Tokio, 26. https://www.boj.or.jp/en/about/press/koen_2012/data/ko120530a1.pdf (Accessed: 10.02.2025).

Shpakova, R. N. & Shcherbakova, M. I. (2022). Demographic Policy of France: History and Modernity. *Vestnik evrazijskoj nauki [The Eurasian Scientific Journal], 14* (6), 1–11. EDN: UANKBJ. (In Russ.)

Syupova, M. S. (2018). Demographic policy: experience of foreign countries. *E`lektronnoe nauchnoe izdanie «Ucheny`e zametki TOGU» [Electronic scientific publication «Scientific Notes of TGU»], 9* (1), 272–278. https://togudv.ru/media/ejournal/articles-2018/TGU_9_45_1.pdf (accessed: 04.01.2025). (In Russ.)

Tan, P. L. (2020). Overcoming demographic decline. *Finance and development,* 14–16. https://www.imf.org/external/Pubs/FT/fandd/2020/03/pdf/lessons-from-singapore-on-raising-fertility-rates-tan.pdf (accessed: 10.02.2025).

Tetereva, I. V. (2019). Analysis of interrelation and coherence of goals, tasks and measures of the state demographic policy Republic of Belarus. *Vestnik Poloczkogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya D. E`konomicheskie i yuridicheskie nauki [Herald of Polotsk State University. Series D. Economics and Law Sciences], (5),* 52–59. EDN: NEJGLU (In Russ.)

Tomasheskaya, N. A. (2020). Global experience of state regulation of the social-demographic process of population aging: key organizations and documents. *Vestnik Poloczkogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya D. E`konomicheskie i yuridicheskie nauki [Herald of Polotsk State University. Series D. Economics and Law Sciences], (14),* 112–119. (In Russ.)

Zhukov, D. S., & Barabash, N. S. (2021). Analysis of the population policy in the low birth rate countries. Their experience and some results. *Innovatika i E`kspertiza: Nauchny`e Trudy` [Innovation and Expertise: Scientific Works], 1* (31), 77–84. http://doi.org/10.35264/1996-2274-2021-1-77-84 EDN: SNWPOH (In Russ.)

Zlotnikov, A. G., & Rakov, A. A. (2010). Modern demographic policy of Belarus. *Sociologiya: Nauchno-teoreticheskij zhurnal, [Sociology: Scientific-theoretical journal], (3),* 116–128. EDN: UDVHIF (In Russ.)

Сарвари Рената Джановна — магистр экономических наук, MBA, аспирант кафедры экономики, Полоцкий государственный университет; https://orcid.org/0000-0003-3001-1950 (Республика Беларусь, 211440, Новополоцк, ул. Блохина, 29; e-mail: renata.sarvari@mail.ru).

Renata D. Sarvary — master of economics, MBA, Postgraduate Student of the Department of Economics, Polotsk State University; https://orcid.org/0000-0003-3001-1950 (29 Blokhina St., Novopolotsk, 211440, Republic of Belarus, e-mail: renata.sarvari@mail.ru).

УДК 338.001.36; 316.33
JEL classification: E21, J14
https://www.doi.org/10.17059/udf-2025-2-16

Цифровое потребление в предпенсионном и пенсионном возрасте: практики, риски, негативные последствия[1]

А.А. Соколова [а], М.А. Груздева [б]

[а, б] ФГБУН Вологодский научный центр Российской академии наук (г. Вологда, Россия).

[а] https://orcid.org/0000-0001-5434-8094

[б] https://orcid.org/ 0000-0001-8759-4953

Автор для корреспонденции: А.А. Соколова (anastasia.alekseevna.ran@yandex.ru).

Аннотация. *Цель исследования — разведывательное изучение практик цифрового потребления людей в пенсионном и предпенсионном возрасте. Гипотеза исследования состояла в том, что возрастные цифровые разрывы сохраняются, что делает пожилых людей более уязвимыми к рискам цифрового включения, особенно в сфере потребления. Эмпирической базой исследования выступил социологический опрос «Социокультурный портрет регионов России» за 2023 г., проведенный в 7 регионах России. Исследование показало, что несмотря на постепенную цифровую адаптацию пожилых людей, сохраняются значительные возрастные различия в использовании цифровых сервисов. Предпенсионеры и пенсионеры значительно уступают молодым людям и представителям среднего возраста по уровню цифровой активности, однако предпенсионеры в целом более вовлечены в цифровую среду, чем пенсионеры. Данная группа занимает промежуточное положение между работающим населением и пенсионерами, что вовлекает последних в группу риска цифровой эксклюзии. Работа расширяет представления о цифровых практиках пожилых людей, рассматривает риски и негативные последствия от цифровизации. В перспективе авторы планируют разработку и апробацию авторского инструментария оценки цифрового благополучия старшего поколения в сфере потребления.*

Ключевые слова: цифровизация, пенсионеры, предпенсионеры, цифровое потребление, последствия и риски цифровизации.

Digital Consumption in Pre-Retirement and Retirement Age: Practices, Risks, Negative Consequences

A. Sokolova [a], M.. Gruzdeva [b]

[a, b] Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (Vologda, Russia).

[a] https://orcid.org/0000-0001-5434-8094

[b] https://orcid.org/ 0000-0001-8759-4953

Corresponding author: A. Sokolova (anastasia.alekseevna.ran@yandex.ru).

Abstract. *The study aims to explore the digital consumption practices of pre-retirement and retirement-age individuals. The hypothesis suggests that age-related digital divides persist, making older adults more vulnerable to the risks of digital inclusion, particularly in the realm of consumption. The empirical foundation of the study is the 2023 sociological survey «Sociocultural Portrait of a Region of Russia,» conducted across seven Russian regions. The findings indicate that despite the gradual digital adaptation of older individuals, substantial age disparities in digital service usage remain. Pre-retirees and retirees exhibit significantly lower digital activity compared to younger and middle-aged groups, although pre-retirees are generally more engaged in the digital environment than retirees. Positioned between the working-age*

[1] © Соколова А. А., Груздева М. А. Текст. 2025.

population and retirees, this group faces an elevated risk of digital exclusion. This study enhances our understanding of older adults' digital practices, addressing the associated risks and negative consequences of digitalization. Looking ahead, the authors plan to develop and test a tailored assessment framework for evaluating the digital well-being of the older generation in the context of consumption.

Keywords: digitalization, pensioners, pre-retirees, digital consumption, consequences and risks of digitalization.

Введение

Современные процессы цифровизации оказывают значительное влияние на все сферы жизни, включая экономическую, социальную и культурную. В условиях стремительного развития цифровых технологий включенность в цифровое пространство и наличие навыков успешного использования цифровых продуктов становятся неотъемлемым элементом социальной адаптации и экономической активности разных групп населения. Однако процессы адаптации к новой цифровой среде неравномерны. Между молодыми и пожилыми пользователями существуют значительные различия (Смирных, 2020; Соломатина, 2020), а людей, родившихся до 1980-х годов и не принимающих цифровую реальность, называют «аборигенами доцифровой эпохи» (Prensky, 2001). Межпоколенческий цифровой разрыв по сей день остаётся стабильным и при отсутствии внешних изменений он продолжит сохраняться (Варламова, 2022). На предыдущих этапах исследования нами были доказаны влияние территориального (в частности, по оси «урбанизированные-аграрные»), возрастного, образовательного и доходного факторов на формирование цифровых разрывов в современной России (Груздева, 2020; Груздева, 2023).

Возрастной фактор цифровых неравенств не теряет своей актуальности: наибольшее внимание исследователей направлено на группы людей предпенсионного и пенсионного возраста (55–64 года и 65 лет и старше), так как для них чаще формируются факторы эксклюзии из важнейших цифровых процессов. Современные цифровые технологии могут значительно улучшить повседневную жизнь людей пожилого возраста, предоставляя доступ к информации, услугам, социальным связям, медицинской помощи, онлайн-обучению и трудовой занятости. Несмотря на рост доли пожилых людей в общей численности населения, их интеграция в цифровое пространство остаётся недостаточной, что связано с низким уровнем цифровой грамотности, страхом перед новыми технологиям, отсутствием доступа к необходимым устройствам у многих представителей старшего поколения (Мытиль & Дудченко, 2020; Зубова, 2022; Саргаева и др., 2023).

Люди предпенсионного возраста находятся в уникальной ситуации: они сталкиваются с необходимостью продолжать трудовую деятельность в условиях цифровизации, что отличает их от пенсионеров, которые закончили трудовую деятельность. У таких работников, как правило, возникают сложности с освоением и использованием цифровых навыков (Komp-Leukkunen et al., 2022), вследствие чего некоторые группы пожилых работников могут оказаться в ситуации нестабильной занятости или в ситуации длительной безработицы на фоне перехода к цифровой экономике (Grass & Weber, 2017; Hardy et al., 2018). Таким образом, отношение к цифровой среде, страхи и риски, с которыми сталкиваются представители предпенсионного и пенсионного возраста, могут отличаться, но исследования часто рассматривают эти две группы как единое целое, что может снижать

эффективность разрабатываемых и применимых мер поддержки лиц старших возрастных групп.

В данной работе авторы проводят разведывательное изучение потребительских практик предпенсионеров и пенсионеров в цифровой среде в рамках реализации гранта РНФ № 25-28-01422 «Концептуальные основы и практики достижения цифрового благополучия старшего поколения в сфере потребления». В дальнейшем будет разработан и апробирован отдельный инструментарий для подробного изучения и оценки возможностей достижения цифрового благополучия старшего поколения в сфере потребления.

В настоящей публикации внимание обращено на следующие практики потребления: использование интернет-источников и потребление различных видов информации, приобретение и экономия важнейших ресурсов через использование цифровых продуктов и услуг. Также затронут аспект безопасности и защищенности изучаемой группы при цифровых взаимодействиях.

Материалы и методы

В качестве эмпирической основы использована база данных уникального опроса «Социокультурный портрет регионов России» (Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2024623834 от 30.08.2024), который был проведен в 2023 г. в 7 регионах России, представляющих различные федеральные округа, различающиеся по социально-демографическому составу и социокультурному ландшафту: Республика Башкортостан, Вологодская, Курская, Пермская, Свердловская, Тюменская области и Чеченская Республика. Объем выборки — 2914 человек. Выборка репрезентативна по соотношению городского и сельского населения, типам населенных пунктов и половозрастной структуре взрослого населения региона. Ошибка не превышает 3 %.

Вместе с тем, несмотря на региональное разнообразие, мы не обращаемся к территориальному аспекту цифрового потребления в разных возрастах из-за недостаточности выборки для данных целей. Для анализа используются средние данные по выборке, сравнение результатов проводится для представителей различных возрастных групп.

В представленной работе применяется условное обозначение возрастных групп 55–64 года как «предпенсионеров» и 65 лет и старше как «пенсионеров», что является ограничением исследования. При интерпретации результатов анализа следует учитывать, что в российской пенсионной системе возраст выхода на пенсию различается в зависимости от пола: женщины, как правило, выходят на пенсию раньше мужчин и, кроме того, в некоторых регионах существуют льготные условия выхода на пенсию, связанные с особыми условиями труда. Это может несколько исказить результаты анализа, однако не мешает рассмотрению общих тенденций. Поскольку данное исследование носит разведывательный характер, авторы планируют применение более дифференцированного подхода в дальнейших работах.

Результаты

Анализ потребления различных интернет-практик в российских регионах выявляет значительные возрастные различия (табл. 1). Так, новостные ресурсы

Таблица 1

Ответ на вопрос: «Какими ресурсами и как часто Вы пользуетесь» (вопрос с множественным выбором) по возрастным группам, 2023 г., %

Частота использования интернет-ресурсов	18–24 года	25–34 года	35–44 года	45–54 года	55–64 года	65 лет и старше
Новостные ресурсы						
Практически ежедневно	44,6	51,9	56,9	59,0	56,2	49,7
Несколько раз в неделю + Несколько раз в месяц	40,3	36,8	32,4	30,1	28,0	21,6
Не пользуюсь	15,1	11,3	10,7	10,9	15,8	28,6
Образовательные ресурсы						
Практически ежедневно	41,2	29,3	24,2	21,2	17,3	10,4
Несколько раз в неделю + Несколько раз в месяц	48,2	52,0	48,8	46,1	36,7	27,3
Не пользуюсь	10,7	18,7	27,0	32,8	46,0	62,4
Социальные сети, например, ВКонтакте, Одноклассники						
Практически ежедневно	74,9	67,2	60,8	50,1	42,0	26,3
Несколько раз в неделю + Несколько раз в месяц	17,4	24,6	26,6	31,2	32,4	24,8
Не пользуюсь	7,7	8,3	12,6	18,7	25,6	49,0
Электронная почта						
Практически ежедневно	31,3	41,8	46,9	41,5	25,1	12,1
Несколько раз в неделю + Несколько раз в месяц	59,8	49,1	38,7	38,1	37,4	28,1
Не пользуюсь	8,9	9,1	14,4	20,4	37,5	59,8
Развлечения, игры, фильмы						
Практически ежедневно	52,6	42,1	30,8	24,2	20,0	16,8
Несколько раз в неделю + Несколько раз в месяц	39,6	46,8	51,1	49,9	41,7	31,1
Не пользуюсь	7,7	11,1	18,1	26,0	38,3	52,0
Госуслуги						
Практически ежедневно	13,2	16,0	12,1	13,7	10,2	4,5
Несколько раз в неделю + Несколько раз в месяц	74,4	74,4	77,8	76,4	70,1	48,5
Не пользуюсь	12,4	9,6	10,0	9,9	19,6	47,0
Банковские онлайн-сервисы						
Практически ежедневно	61,9	60,6	58,3	49,1	32,9	16,6
Несколько раз в неделю + Несколько раз в месяц	32,7	33,4	35,1	41,0	47,1	39,5
Не пользуюсь	5,4	6,0	6,7	9,9	20,0	44,0
Другие ресурсы, например Viber, WhatsApp, Telegram						
Практически ежедневно	89,4	83,7	83,5	76,7	62,4	39,5
Несколько раз в неделю + Несколько раз в месяц	10,2	13,5	13,3	17,9	22,3	20,8
Не пользуюсь	0,5	2,8	3,1	5,4	15,3	39,8
Интернет-магазины						
Практически ежедневно	31,3	27,9	19,7	12,9	10,4	5,1
Несколько раз в неделю + Несколько раз в месяц	58,2	59,2	62,9	60,7	42,8	25,6
Не пользуюсь	10,4	12,8	17,4	26,5	46,8	69,4

Источник: «Социокультурный портрет регионов России», 2023 г.

остаются важным информационным каналом для всех возрастных групп, достигая пика потребления среди лиц 45–54 года (59,0 %). Предпенсионеры читают новости ежедневно чаще (56,2 %), чем это делают пенсионеры (49,7 %). Также

среди предпенсионеров ниже доля тех, кто вообще не использует новостные сайты (15,8 % против 28,6 %).

Предпенсионеры и пенсионеры в два раза реже рассматривают интернет-пространство как источник образования, чем лица молодого возраста. Ежедневно образовательный контент потребляют 17,3 % предпенсионеров и только 10,4 % пенсионеров, тогда как среди молодежи этот показатель составляет 41,2 %. Почти половина предпенсионеров (46 %) не использует образовательные ресурсы, а среди пенсионеров таких уже более 60 %.

Социальные сети ежедневно активно используются молодежью (18–24 года — 74,9 %; 25–34 года — 67,2 %) и представителями среднего возраста (35–44 года — 60,8 %), тогда как среди предпенсионеров эта доля снижается (42 %), пока не достигает наименьших значений в пенсионном возрасте — 26,3 %. При этом 49,0 % пенсионеров не пользуются ими вовсе, что почти вдвое больше, чем среди предпенсионеров (25,6 %).

Пик использования электронной почты приходится на возраст 35–44 года (46,9 % ежедневно), тогда как ежедневно проверяют почту лишь четверть предпенсионеров (25,1 %) и малая часть (12,1 %) пенсионеров. При этом 59,8 % пенсионеров вообще не пользуются электронной почтой, тогда как среди предпенсионеров таких только 37,5 %.

Потребление развлекательного контента, игр и фильмов наиболее популярно среди молодежи (52,6 % ежедневно), но к 55 годам ежедневное использование снижается: ежедневно такие ресурсы посещают 20 % предпенсионеров и 16,8 % пенсионеров. Более половины пенсионеров (52 %) вообще их не используют, тогда как среди предпенсионеров таких 38,3 %.

Использование сервисов Госуслуг является не самой распространенной ежедневной практикой во всех возрастах. Преимущественно данный сервис востребован населением по мере необходимости получения услуг. Наибольший охват эпизодического использования наблюдается среди 35–44 лет (77,8 %), затем в предпенсионном возрасте показатель снижается до 70,1 %, а в пенсионном возрасте происходит увеличение отказа от использования (47,0 % пенсионеров не пользуются сервисом вообще), что свидетельствует о недостаточной цифровой адаптации.

Потребителями банковских онлайн-сервисов в основном являются индивиды в возрасте от 18 до 44 лет. Предпенсионеры в большей степени ими пользуются: 32,9 % заходят на платформы ежедневно, однако у пенсионеров этот показатель вдвое ниже (16,6 %). Почти половина пенсионеров (44,0 %) не использует банковские онлайн сервисы вообще, тогда как среди предпенсионеров их 20,0 %.

Мессенджеры являются самой распространенной интернет-практикой среди молодежи — 89,4 % пользуются ими ежедневно. В целом данная интернет-практика популярна во всех возрастах, даже среди предпенсионеров пользователей мессенджеров больше половины (их используют 62,4 %), а вот активными пользователями в пенсионном возрасте являются уже меньше людей (39,5 %). Доля тех, кто не пользуется ими вовсе, у пенсионеров составляет 39,8 %, среди предпенсионеров — 15,3 %.

Совершение покупок через интернет-магазины в основном относится к эпизодическим интернет-практикам. Ежедневно совершают покупки 31,3 % молодежи, а среди 35–44-летних 62,9 % пользуются услугами онлайн-магазинов хотя бы несколько раз в неделю/месяц. Для лиц старшего возраста практики онлайн-покупок не распространены: ежедневное использование интернет-магазинов предпенсионерами составляет 10,4 %, пенсионерами — 5,1 %. Полностью игнорируют онлайн-покупки большая часть пожилых людей: 69,4 % пенсионеров и 46,8 % предпенсионеров.

Следующий аспект, на который хотелось бы обратить внимание, это на чем базируется в современных отечественных и зарубежных исследованиях оценка третьего уровня цифровых разрывов — бонусы и преимущества от включения в цифровое пространство. Для этого мы выясняли, удавалось ли респондентам зарабатывать или экономить средства и время с помощью использования Интернета.

В целом, по всей выборке можно отметить, что больше трети всех респондентов (38,8 %) признались, что им не удавалось зарабатывать или экономить денежные средства в Интернете. Данные показали, что испытывают неудачу в этом плане как значительная часть городских жителей (34,6 %), так и сельских (48,5 %). Менее четверти респондентов отмечают, что осуществляют трудовую деятельность с использованием Интернета (18,3 %) и успешно продают или обменивают вещи с использованием интернет-ресурсов (18,4 %).

В анализе успешных цифровых практик особый интерес представляет группа предпенсионеров и пенсионеров, так как они значительно отличаются от других возрастных категорий в использовании интернет-технологий для заработка и экономии (рис.1). Меньше всего с трудностями в отношении заработка и/или экономии средств и времени испытывали респонденты в возрастной группе 25–34 года (4,2 %). Более четверти молодых людей (20,1 %) в возрасте до 24 лет и почти треть (31,1 %) в возрастных группах от 35 до 44 лет сталкивались с подобным неудачным опытом. У более половины предпенсионеров и пенсионеров возникали трудности при попытке зарабатывать или экономить в Интернете: 53,2 % и 65,8 % соответственно, что выше, чем в других возрастных группах.

Наиболее распространенной успешной практикой среди всех возрастных групп является совершение выгодных покупок в Интернете. Однако среди предпенсионеров этот показатель составляет всего 27,7 %, а среди пенсионеров — 16,0 %, что значительно ниже, чем у молодых респондентов (например, у 18–24-летних — 53,6 %). Несмотря на то, что это наиболее распространенная практика по экономии времени и средств, возрастные различия в обращении существенны, это может свидетельствовать о наличии барьеров в доступе к информации о совершении выгодных покупок, недоверии, а также о низком уровне цифровой грамотности среди старших возрастных групп.

Еще одной важной практикой, позволяющей экономить время и ресурсы, является получение государственных и муниципальных услуг в цифровом формате. Доля выбравших подобный вариант ответа практически одинакова в возрастных группах до 44 лет. Пожилые люди чаще используют традиционные методы взаимодействия с государственными и муниципальными учреждениями, причем

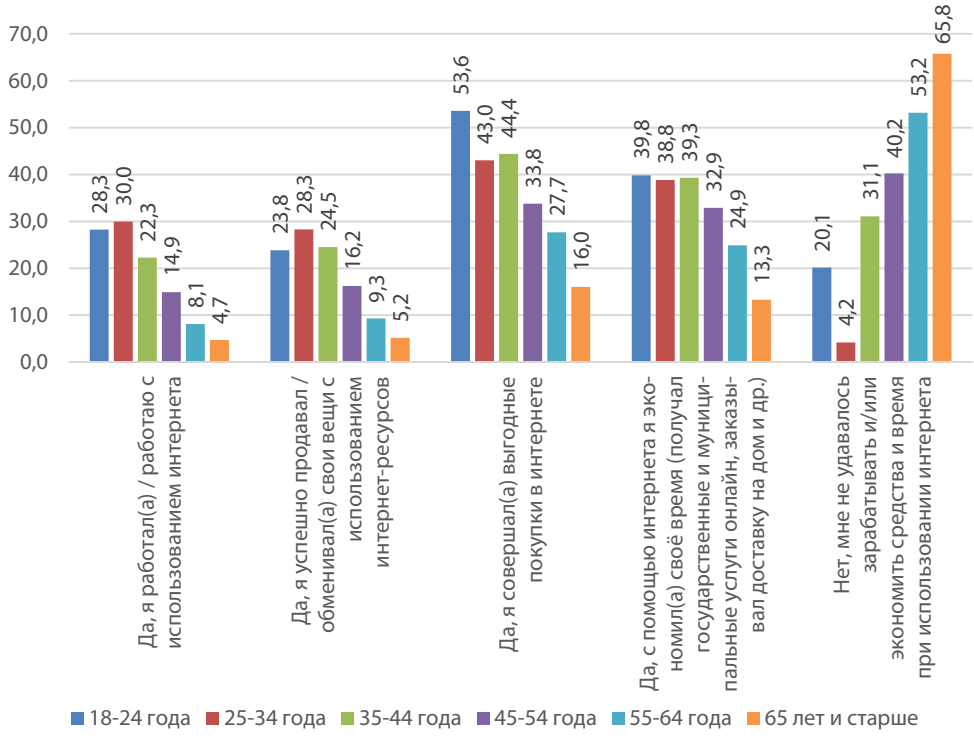

Рис. 1. *Ответ на вопрос: «Удавалось ли Вам зарабатывать или экономить средства и время с помощью Интернета» (вопрос с множественным выбором) в разрезе по возрастам (источник: «Социокультурный портрет регионов России», 2023 г.), %*

у пенсионеров (13,3 %) данный показатель в 1,9 раза ниже, чем у предпенсионеров (24,9 %). Это указывает на разрыв в доступе и доверии к цифровым сервисам среди населения даже в разрезе старших возрастных групп.

Разница в ответах респондентов разного возраста становится еще более заметной в отношении работы с использованием Интернета и совершения операций продажи и обмена. Только 8,1 % предпенсионеров и 4,7 % пенсионеров вовлечены в трудовую деятельность с использованием Интернета, в то время как среди 25–34-летних этот показатель достигает 30,0 %. Аналогичная тенденция наблюдается и в успешной продаже или обмене вещей: среди пенсионеров данный показатель составляет 9,3 %, а среди предпенсионеров — всего 5,2 %, тогда как такой практикой пользуются 28,3 % в группе 25–34-летних.

Большинство респондентов считают, что они недостаточно защищены от различных рисков в Интернете (табл. 2). Однако при рассмотрении ответов респондентов из различных возрастных групп можно отметить, что предпенсионеры и пенсионеры демонстрируют достаточно схожее распределение ответов. Но, несмотря на то, что уровень обеспокоенности рисками у предпенсионеров и пенсионеров схож с другими возрастными группами, это не значит, что их реальная защищенность

Таблица 2

Ответ на вопрос: «Как вы считаете, насколько современные люди защищены от следующих рисков использования интернет?» (вопрос с множественным выбором), 2023 г., %

Возрастные группы	Получение негативной информации		Отрицательная коммуникация		Мошенничество		Потребительские риски		Принуждение к совершению противоправных действий	
	Не защищены	Защищены	Не защищены	Защищены	Не защищены	Защищены	Не защищены	Защищены	Не защищены	Защищены
Всего	72,1	11,3	67,0	11,9	74,7	10,5	67,3	11,1	48,8	18,8
18–24 года	68,4	14,2	66,5	13,8	66,3	14,8	62,1	13,5	44,6	23,7
25–34 года	70,9	11,5	69,4	9,8	74,8	11,3	66,2	12,0	50,3	20,2
35–44 года	73,0	11,2	69,7	12,7	77,2	10,1	70,9	10,3	52,4	19,0
45–54 года	76,6	8,5	67,0	10,6	80,0	7,2	71,5	8,3	47,3	19,5
55–64 года	71,4	12,6	64,8	12,8	74,2	11,8	66,0	11,8	48,2	16,0
65 лет и старше	71,0	9,8	62,8	11,6	73,3	8,3	64,6	11,1	47,8	14,2

Примечание: группа незащищенных включает в себя респондентов, выбравших варианты ответа «абсолютно не защищены» и «скорее не защищены», а группа защищенных — «скорее защищены» и «абсолютно защищены».

Источник: «Социокультурный портрет регионов России», 2023 г.

такая же. Они значительно реже используют Интернет в финансово выгодных целях и чаще отмечают вариант ответа, который говорит о том, что они сталкиваются с затруднениями при попытке экономии или заработка. Это может означать, что, несмотря на осознание рисков, они недостаточно хорошо владеют инструментами их предотвращения, в отличие от респондентов из более молодых групп.

Так, предпенсионеры и пенсионеры демонстрируют высокий уровень обеспокоенности мошенничеством: 74,2 % предпенсионеров и 73,3 % пенсионеров отмечают, что пользователи Интернета недостаточно защищены от этого вида угроз. На втором месте по распространенности находятся получение негативной информации (71,4 % и 71,0 %). Кроме того, пенсионеры (64,6 %) и предпенсионеры (66,0 %) часто считают, что Интернет-пользователи не защищены от потребительских рисков (например, злоупотребление правами потребителя, приобретение товара низкого качества, подделки, фальсификации). В условиях низкой цифровой грамотности и недостаточной адаптации к онлайн-среде их потребительские риски возрастают. Риски, связанные с отрицательной коммуникацией, находятся на предпоследнем месте — 64,8 % у предпенсионеров и 62,8 % у пенсионеров. Вместе с тем, стоит отметить, что люди всех возрастов примерно в равной мере отмечают различные риски цифровизации своей повседневной жизни.

Респонденты во всех возрастных группах практически в равной мере чувствуют себя незащищенными (табл. 2). Реже всего сталкивались и боятся проявлений принуждения к совершению противоправных действий в Интернете все респонденты, среди исследуемой группы данный риск отмечает 47,8 % пенсионеров и 48,2 % предпенсионеров.

Рассматривая негативные последствия от использования сети Интернет, можно отметить, что наиболее распространённым последствием является ухудшение физического здоровья, на которое указали 21,6 % респондентов во всей выборке. В то же время наименее распространённым последствием выступают трудности на работе или в учёбе, которые отметили лишь 7,4 % опрошенных.

Анализ представленных данных показывает значительные различия в восприятии рисков среди представителей различных возрастных групп (рис. 2). Респонденты 55–64 лет реже других групп указывают на негативные последствия использования Интернета. Например, ухудшение психологического самочувствия отметили лишь 13,5 % опрошенных, а физического здоровья — 9,1 %. Интернет-зависимость в данной группе наименее распространена (7,3 %), как и конфликты в семье (6,9 %). Эти данные еще раз подтверждают, что люди данной возрастной категории реже вовлечены в активное цифровое взаимодействие и могут свидетельствовать о том, что они меньшей степени испытывают его последствия в силу того, что они могут быть поглощены трудовой занятостью, воспитанием внуков и т. д., а также могут быть более осведомлены в отношении различных рисков и негативных последствий от взаимодействия с цифровой средой.

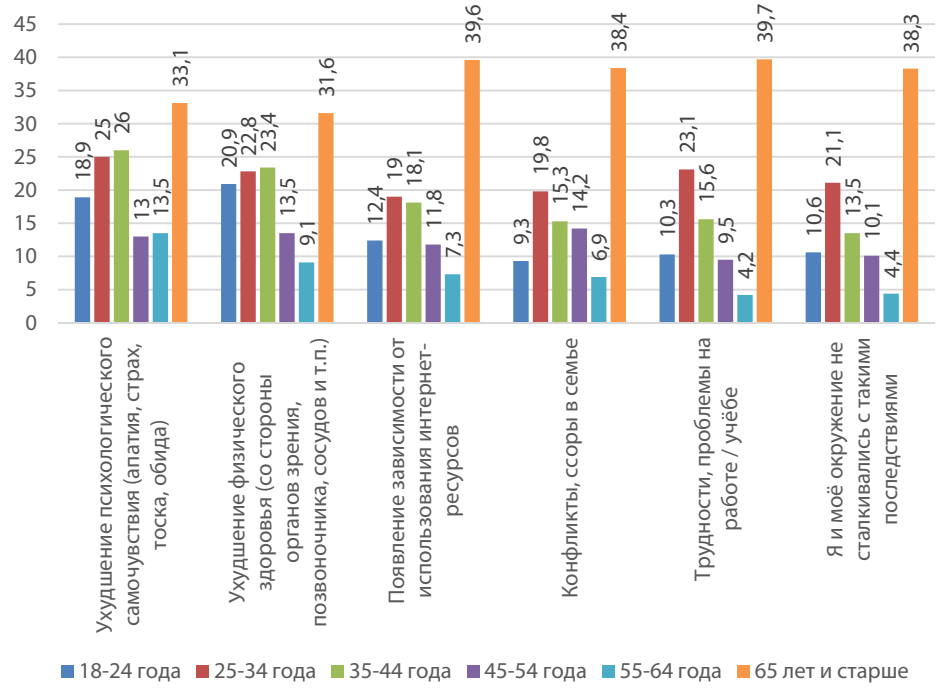

Рис. 2. *Ответ на вопрос: «Сталкивались ли Вы и Ваше ближайшее окружение со следующими негативными последствиями использования сети Интернет» (вопрос с множественным выбором) по всем регионам (источник: «Социокультурный портрет регионов России», 2023 г.), %.*

В отличие от предпенсионеров, пенсионеры чаще отмечают для себя все категории рисков, что в целом может свидетельствовать о сложностях адаптации к цифровой среде. Особенно заметен рост доли тех, кто сталкивается с ухудшением психологического самочувствия (33,1 %) и физического здоровья (31,6 %) с увеличением возраста респондента. Возможно, это связано не только с воздействием цифровой среды, но и с возрастными изменениями, снижением социальной активности и влиянием общего состояния здоровья. Высокий уровень трудностей на работе и учёбе (39,7 %) в пенсионном возрасте объясняется вероятными сложностями в освоении новых технологий), необходимых для повседневной жизни для тех индивидов, которые продолжают трудиться после выхода на пенсию.

Обсуждение

В целом данные показывают, что Интернет большинством респондентов в повседневной жизни используется для общения, чтения новостей и совершения финансовых операций, тогда как госуслуги, образование и интернет-покупки остаются востребованными, но их использование носит более эпизодический характер. Примерно треть респондентов признаются, что никогда не используют образовательные ресурсы в Интернете, а почти четверть никогда не использует электронную почту. Все вышеперечисленное раскрывает роль Интернета, как средство быстрой коммуникации и развлечений, тогда как его потенциал в сфере саморазвития остается недоиспользованным.

Важно отметить, что предпенсионеры заметно активнее осваивают цифровые практики, чем пенсионеры, но все же существенно отстают от респондентов из более молодых возрастных групп. Особенно выражены разрывы в использовании образовательных платформ, социальных сетей, мессенджеров и онлайн-банкинга. При этом пенсионеры вдвое реже, чем предпенсионеры, пользуются электронными сервисами по получению государственных услуг и финансовыми сервисами, что создает риски цифровой эксклюзии.

Анализ полученных данных выявил, что вне зависимости от возраста и территории проживания более трети всех респондентов признались в невозможности зарабатывать или экономить деньги в Интернете, что указывает на наличие барьеров в данном преимуществе от включенности в цифровые взаимодействия. Тем не менее, предпенсионеры (53,2 %) и пенсионеры (65,8 %) все же испытывают большие сложности с цифровым заработком и экономией, что может обусловливаться более низким уровнем цифровой грамотности среди старших возрастных групп, недостаточной адаптацией к новым технологиям, а также меньшей информированностью, недоверием к доступным в современности цифровым инструментам.

Наиболее распространенной успешной практикой среди всех респондентов является совершение выгодных покупок в Интернете. Однако этот показатель существенно варьируется в зависимости от возраста. Если среди 18–24-летних выгодные покупки удается совершить 53,6 % респондентов, то среди предпенсионеров этот показатель падает до 27,7 %, а среди пенсионеров — до 16,0 %, что говорит о недостаточной вовлеченности старших возрастных групп в цифровые каналы потребления.

Анализ использования цифровых государственных и муниципальных услуг показал аналогичные тенденции: если среди респондентов до 44 лет этот показатель практически одинаков, то среди предпенсионеров он составляет 24,9 %, а среди пенсионеров — всего 13,3 %. Это может свидетельствовать о разрыве в доступе и доверии к цифровым сервисам среди пожилого населения.

Старшие возрастные группы сталкиваются с ограничениями в доступе к цифровым рынкам труда и торговли: менее 10 % предпенсионеров и пенсионеров работают (работали) с использованием Интернета, а успешно продавали или обменивали вещи 9,3 % предпенсионеров и 5,2 % пенсионеров.

Исследование также показало, что респонденты не демонстрируют значимых различий в распределении ответов на вопрос, касающийся различного рода рисков: все респонденты показали высокий уровень обеспокоенности возможными рисками, связанными с Интернетом. Предпенсионеры и пенсионеры считают, что интернет-пользователи недостаточно защищены от мошенничества (74,2 % и 73,3 %), от негативной информации (71,4 % и 71 %), от потребительских рисков (66 % и 64,6 %) и т. д. Интересно, что в отличие от других возрастных групп, предпенсионеры и пенсионеры реже сталкиваются с негативной онлайн-коммуникацией (64,8 % и 62,8 % соответственно), что, вероятно, связано с их меньшей вовлеченностью в цифровое общение (меньше общения — меньше рисков).

Наиболее распространенным последствием использования Интернета является ухудшение физического здоровья (21,6 %), интернет-зависимость (18,6 %), а также ухудшение психологического самочувствия (13,6 %). Различия в восприятии рисков между возрастными группами показывают, что наибольшая цифровая уязвимость наблюдается у пенсионеров, в то время как предпенсионеры, напротив, демонстрируют наименьшую обеспокоенность рисками. Однако это не означает, что они менее подвержены угрозам — скорее, они могут недооценивать их.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование подчеркивает, что, несмотря на принимаемые государственными структурами, некоммерческим сектором меры и наметившиеся тенденции по конвергенции возрастных групп по включенности в цифровое пространство, различия в отдельных практиках, особенно в использовании преимуществ, остаются существенными. Несмотря на повсеместное распространение разнообразных цифровых практик, значительная часть предпенсионеров и пенсионеров испытывает трудности с их использованием, что ведет к ограниченному доступу к возможностям заработка, экономии средств и получению цифровых государственных услуг. Главная проблема заключается в том, что снижение цифровой активности с возрастом не только сужает информационные и образовательные возможности пожилых людей, но и ограничивает их доступ к важным сервисам, включая госуслуги и банковские операции. Это указывает на необходимость мер, направленных на повышение цифровой грамотности среди старших возрастных групп, а также на упрощение интерфейсов и адаптацию сервисов под нужды пожилых пользователей. В дальнейшем авторы исследования планируют комплексно подойти к оценке цифрового благополучия старшего поколения в сфере потребления и разработать инструменты повышения его уровня.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-01422 «Концептуальные основы и практики достижения цифрового благополучия старшего поколения в сфере потребления», https://rscf.ru/project/25-28-01422/

Acknowledgements

The study was conducted with the support of a grant from the Russian Science Foundation "Conceptual foundations and practices for achieving digital well-being of the older generation in the sphere of consumption (project No. 25-28-01422)", https://rscf.ru/project/25-28-01422/.

Список источников

Варламова, Ю.А. (2022). Межпоколенческий цифровой разрыв в России. *Мир России. Социология. Этнология, 31* (2), 51–74. https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-2-51-74

Груздева, М.А. (2020). Включенность населения в цифровое пространство: глобальные тренды и неравенство российских регионов. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз, 13* (5), 90–104. https://doi.org/10.15838/esc.2020.5.71.5

Груздева, М.А. (2023). Цифровое благополучие населения региона: подходы к оценке. *Проблемы развития территории, 27* (1), 130–144. https://doi.org/10.15838/ptd.2023.1.123.8

Зубова, О.Г. (2022). Цифровизация и качество жизни пожилых людей в современном российском обществе. *Социология,* (5), 55–64. EDN: KTUCBN

Мытиль, А.В., Дудченко, О.Н. (2020). Пожилой человек в цифровом мире (по результатам эмпирических исследований). *Россия реформирующаяся,* (18), 333–356. https://doi.org/10.19181/ezheg.2020.14

Саргаева, Л.А., Бахрунова, В.С., Копалкина, Е.Г. (2023). Цифровые технологии и качество жизни пожилых людей в современных условиях. *Социальная компетентность, 8* (1), 119–128. EDN: MXSXQC

Смирных, Л.И. (2020). Цифровая грамотность пожилого населения и цифровизация предприятий: опыт европейских стран. *Вопросы экономики,* (12), 104–124. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-12-104-124

Соломатина, В.А. (2020). Цифровая грамотность детей на ранних этапах развития. *Вестник государственного социально-гуманитарного университета, 1* (37), 71–74. EDN: EVZLWE

Hardy, W., Kiełczewska, A., Lewandowski, P., & Magda, I. (2018). Job retention among older workers in central and Eastern Europe. *Baltic Journal of Economics,* (18), 69–94. https://doi.org/10.1080/1406099X.2018.1514562

Komp-Leukkunen, K., et al. (2022). Older workers in digitalizing workplaces: a systematic literature review. *The journal of Aging and Social Changings,* (12), 37–59. https://doi.org/10.18848/2576-5310/CGP/v12i02/37-59

Lakomý, M. (2023). Effects of digital skills and other individual factors on retirement decision-making and their gender differences. *European journal of Ageing, 20* (38), 1–12. https://doi.org/10.1007/s10433-023-00784-9

Prensky, M. (2001). Digital Natives, Digital Immigrants. *On the Horizon.* MCB University Press, 9(5), 1-6. https://doi.org/10.1108/10748120110424816

References

Varlamova, YU.A. (2022). Intergenerational digital gap in Russia. *Mir Rossii. Sociologiya. E`Tnologiya. [Universe of Russia. Sociology. Ethnology], 31* (2), 51–74. https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-2-51-74/ (In Russ.)

Gruzdeva, M.A. (2020). Inclusion of population in digital space: global trends and inequality of Russian regions. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 13*(5), 90–104. https://doi.org/10.15838/esc.2020.5.71.5 (In Russ.)

Gruzdeva, M.A. (2023). Digital well-being of the region's population: approaches to assessment. *Problemy razvitiya territorii, [Problems of Territory's Development], 27*(1), 130–144. https://doi.org/10.15838/ptd.2023.1.123.8 (In Russ.)

Zubova, O.G. (2022). Digitalization and quality of life of the elderly in modern Russian society. *Sociologiya [Sociology], 5,* 55–64. EDN: KTUCBN (In Russ.)

Mytil', A.V. & Dudchenko, O.N. (2020). Older adults and the digital world (by results of empirical research). *Rossiya reformiruyushchayasya, 18,* 333–356. https://doi.org/10.19181/ezheg.2020.14 (In Russ.)

Sargaeva, L.A., Bahrunova, V.S., & Kopalkina, E.G. (2023). Digital technologies and the quality of life of the elderly in modern conditions. *Social'naya kompetentnost' [Social Competence], 8*(1), 119–128. EDN: MXSXQC (In Russ.)

Smirnyh, L.I. (2020) Digital literacy of the elderly population and digitalization of enterprises: Experience of European countries. *Voprosy ekonomiki,* (12), 104–124. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-12-104-124/ (In Russ.)

Solomatina, V.A. (2020). Digital literacy of young learners. *Vestnik gosudarstvennogo social'no-gumanitarnogo universiteta [Bulletin of the State University of Humanities and Social Studies], 1*(37), 71–74. EDN: EVZLWE (In Russ.)

Hardy, W., Kiełczewska, A., Lewandowski, P., & Magda, I. (2018). Job retention among older workers in central and Eastern Europe. *Baltic Journal of Economics,* (18), 69–94. https://doi.org/10.1080/1406099X.2018.1514562

Komp-Leukkunen, K., et al. (2022). Older workers in digitalizing workplaces: a systematic literature review. *The Journal of Aging and Social Changings,* (12), 37–59. https://doi.org/10.18848/2576-5310/CGP/v12i02/37-59

Lakomý, M. (2023). Effects of digital skills and other individual factors on retirement decision-making and their gender differences. *European journal of Ageing, 20*(38), 1–12. https://doi.org/10.1007/s10433-023-00784-9

Prensky, M. (2001). Digital Natives, Digital Immigrants. *On the Horizon.* MCB University Press, 9 (5), 1–6. https://doi.org/10.1108/10748120110424816

Соколова Анастасия Алексеевна — научный сотрудник, Центр Социально-демографических исследований, Вологодский научный центр Российской Академии наук; https://orcid.org/0000-0001-5434-8094 (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, 56-А; e-mail: anastasia.alekseevna.ran@yandex.ru).

Груздева Мария Андреевна — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий Центром Социально-демографических исследований, Вологодский научный центр Российской Академии наук; https://orcid.org/ 0000-0001-8759-4953 (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, 56-А; e-mail: mariya_antonovarsa@mail.ru).

Anastasia A. Sokolova — Researcher, Center for Social and Demographic Research, Vologda Research Center Russian Academy of Sciences; https://orcid.org/0000-0001-5434-8094 (56-A Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: anastasia.alekseevna.ran@yandex.ru).

Maria A. Gruzdeva — PhD (Econ.), Leading Researcher, Head of the Center for Social and Demographic Research, Vologda Research Center Russian Academy of Sciences; https://orcid.org/ 0000-0001-8759-4953 (56-A Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: mariya_antonovarsa@mail.ru).

УДК 314.48
JEL classification: I10. J11
https://www.doi.org/10.17059/udf-2025-2-17

Сравнительный анализ динамики показателей смертности населения России и Франции[1]

В.И. Тельнов
Южно-Уральский институт биофизики ФМБА России (г. Озерск, Челябинская область, Россия)
https://orcid.org/0000-0003-3509-5372
Автор для корреспонденции: В.И. Тельнов (tvi@subi.su)

Аннотация. *Проблема снижения смертности, то есть повышения продолжительности жизни, является актуальной проблемой здравоохранения и социально-экономического развития России, что вызывает необходимость ее углубленного изучения. Целью исследования явился сравнительный анализ динамики общих и возрастных коэффициентов смертности, среднего возраста смерти и доли умерших, ожидаемой продолжительности жизни и вероятности дожития в возрастных группах населения России и Франции с 1959 по 2020 г. Установлено, что динамика всех исследованных показателей у населения России была в основном неблагоприятной по сравнению с их положительной динамикой у населения Франции при разнонаправленных тенденциях развития и различающихся количественных характеристиках. В целом за наблюдаемый период времени у населения России произошло либо небольшое улучшение исследованных показателей смертности (чаще у женщин), либо их ухудшение (чаще у мужчин) в разных возрастных группах. Во Франции как у мужчин, так и у женщин наблюдалось выраженное улучшение всех исследованных показателей. Рассмотрены особенности демографического и эпидемиологического переходов в России, приведшие к ухудшению демографической ситуации в нашей стране.*

Ключевые слова: население России и Франции, возрастные группы, смертность, возраст смерти, распределение умерших, возрастная ожидаемая продолжительность жизни, вероятность дожития

Comparative analysis of dynamics of population mortality rates in Russia and France

V. Telnov
Southern Urals Biophysics Institute of the FMBA of Russia (Ozyorsk, Chelyabinsk region, Russia)
https://orcid.org/0000-0003-3509-5372
Corresponding author: V. Telnov (tvi@subi.su)

Abstract. *The problem of mortality decrease, i.e., lifespan increase, is a topical issue of medical care and social and economic development of Russia that necessitates its thorough research. The objective of this study was to perform a comparative analysis of dynamics of general and age-specific mortality rates, average age of death and proportion of the deceased, of expected lifespan and aging factor in population age groups of Russia and France from 1959 to 2020. It was stated that the dynamics of all the studied rates in Russian population was mostly unfavorable compared to the positive dynamics in French population with multidirectional development rends and different quantitative characteristics. Totally, during the follow up period in Russia either a slight improvement of the studied mortality rates (more often among women), or their decline (more often among men) took place in various age groups. In France a marked improvement of all the studied rates was observed for both, men and women. The characteristic features of the demographic and epidemiological transfers in Russia that led to demographic degradation in our country were concerned.*

[1] © Тельнов В. И. Текст. 2025.

Keywords: populations of Russia and France, age groups, mortality, age of death, distribution of the deceased, age-specific life expectancy, probability of survival

Введение

Проблема анализа демографических процессов, в частности смертности, является актуальной в связи с тем, что на основе демографических оценок планируется и решается широкий круг социально-экономических задач, в том числе здравоохранения. Резкое изменение социально-экономических условий жизни населения с начала 90-х годов, а также негативные демографические последствия Великой Отечественной войны (ВОВ) привели к значительному ухудшению демографической ситуации в нашей стране. Критический уровень и неблагоприятные тенденции демографических изменений вызвали необходимость решения этих проблем на федеральном уровне. Для стабилизации и последующего улучшения демографической ситуации разработана стратегия демографической и семейной политики до 2030 г. Актуальность исследования обусловлена необходимостью улучшения медико-демографических процессов, ухудшение которых наблюдается в нашей стране с 60-х годов прошлого века и особенно после реформ 90-х годов. Несмотря на их положительную динамику после 2005 г., которую правильно назвать лишь восстановлением, с 2020 г. вновь наблюдается некоторое ухудшение демографических процессов в стране[1]. На демографическую ситуацию существенное влияние оказывает смертность, в частности на такие процессы, как воспроизводство населения, реальную и ожидаемую продолжительность жизни, старение, трудоспособность и другие демографические характеристики (Рыбаковский, 2005; Аганбегян, 2019). Проведение социально-экономической политики в условиях повышенной смертности населения предполагает ее углубленное статистическое изучение на основе комплексного сравнительного анализа (Донцов, 2021). Целью работы явился сравнительный анализ динамики показателей смертности населения России и Франции с 1959 по 2020 г.

Материалы и методы

Официальные сведения о показателях смертности населения России и Франции, на основе которых проводили ряд гендерных расчетов, получали из международных баз данных по смертности и рождаемости, а также из демографических ежегодников России, представленных ниже. Общие коэффициенты смертности (ОКС) определяли согласно официальной методике на 1000 населения. Возрастные коэффициенты смертности (ВКС) вычисляли как отношения числа умерших в данном возрасте в течение календарного года на 1000 населения данного возраста. Эти коэффициенты характеризуют средний уровень смертности в каждой возрастной группе в календарном году. Определяли долю умерших и средний возраст смерти (СВС) в основных возрастных группах населения (дети — 0–14 лет, взрослые — 15–59 лет и пожилые — 60+ лет).

[1] Демографический ежегодник России. 2023: Стат. сб. М.: Росстат, 2023. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207 (дата обращения: 25.01.2025)

На основе произведения СВС на долю умерших рассчитывали вклад СВС в каждой возрастной группе в общий СВС у всего населения. Оценивали показатели таблиц смертности: возрастную ожидаемую продолжительность жизни (ОПЖ) при рождении (0 лет) и по двадцатилетиям жизни до 100 лет, а также вероятность дожития. В качестве характеристик для сравнения динамики исследованных показателей использовали кратность сдвига (разы) и разницу между показателями за наблюдаемый период времени в 2020 г. относительно 1959 г.

Результаты исследования и обсуждение

В таблице 1 представлена календарная динамика ОКС и ВКС коэффициентов смертности в трех возрастных группах: у детей (0–14 лет), взрослого (15–59 лет) и пожилого (60+ лет) населения. Из таблицы видно, что за наблюдаемый период времени кратность снижения ВКС у детей России и Франции была примерно одинаковой (в 9–11 раз) на фоне более высоких исходных значений показателей в России. У взрослого и пожилого населения России обоего пола ОКС повысился почти в 2 раза, а ВКС — в 1,1–1,4 раза. В отличие от России, во Франции у всего населения ОКС немного понизился, а ВКС в старших возрастных группах существенно снизился. При этом при дополнительном анализе было установлено, что повышение ВКС у мужчин наблюдалось во всех десятилетиях жизни с 30 до 80 лет. У взрослых и пожилых женщин России, напротив, наблюдалось небольшое снижение ОКС и ВКС, в том числе во всех десятилетиях жизни. Во Франции все без исключения показатели смертности у взрослых и пожилых мужчин и женщин снижались более интенсивно, чем в России, в том числе по всем десятилетиям жизни. Во всех случаях у женщин коэффициенты смертности были ниже, чем у мужчин.

Таблица 1

Динамика общего (ОКС на 1000) и возрастных (ВКС на 1000) коэффициентов смертности в возрастных группах населения России и Франции с 1959 по 2020 г.

Коэффициенты смертности	Мужчины			Женщины		
	1959	2020	КрС*	1959	2020	КрС*
Россия						
ОКС, все население	8,58	15,68	1,8	7,22	13,64	1,9
ВКС, дети (0–14 лет)	5,46	0,51	–10,8	4,38	0,38	–11,5
ВКС, взрослые (15–59 лет)	5,40	7,65	1,4	2,85	3,06	1,1
ВКС, пожилые (60+ лет)	56,56	61,09	1,1	38,43	43,94	1,1
Франция						
ОКС, все население	11,88	10,36	–1,1	10,78	9,72	–1,1
ВКС, дети (0–14 лет)	3,09	0,32	–9,8	2,39	0,26	–9,2
ВКС, взрослые (15–59 лет)	5,25	2,23	–2,4	2,73	1,12	–2,4
ВКС, пожилые (60+ лет)	59,30	37,03	–1,6	44,21	31,34	–1,4

* КрС — кратность сдвига (разы) в 2020 к 1959 г.: положительное число — повышение, отрицательное число — понижение

Источник: расчеты выполнены по данным международной базы данных по смертности (Human Mortality Database: http://www.mortality.org) и демографического ежегодника России 2021 (разделы 1.5, 2.1 и 5.1) М.: Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/ folder/210/document/13207 (дата обращения: 28.01.2025).

Снижение ВКС у детей России и Франции (рис. 1) было обусловлено, прежде всего, как и во всем мире, существенным снижением младенческой смертности[1]. Как следует из рисунка 1, уровень младенческой смертности на всем протяжении наблюдения в России был выше, чем во Франции. По шкале младенческой смертности в России младенческая смертность до 1979 г. была чрезвычайно высокой, затем высокой в 1989 и средней в 2002 г. В 2010 и 2020 гг. она стала низкой и очень низкой соответственно (Бойко и др., 2010). В целом на 2020 г. младенческая смертность в России соответствовала 48, а во Франции — 37 месту в мире[2]. Основными причинами смерти младенцев являлись состояния, возникающие в перинатальном периоде, и врожденные аномалии, т. е. заболевания, тесно связанные со здоровьем матери и качеством лечебно-профилактической помощи новорожденным.

Одной из важных и неблагоприятных проблем населения России является низкий возраст смерти по сравнению с западными странами (Андреев, Вишневский, 2004; Юмагузин, 2011). Представлялось целесообразным изучить эту проблему в динамике за длительный период времени и с учетом распределения умерших в разных возрастных группах. Для этого был проведен анализ вклада СВС и доли умерших детей, взрослых и пожилых в динамику общего СВС (табл. 2).

Априори можно предположить, что повышение общего СВС происходит за счет двух механизмов: во-первых, за счет повышения самого СВС в группе и, во-вторых, за счет увеличения доли умерших в старших и ее уменьшения в младших возрастных группах. Так, у мужчин России и Франции по сравнению с 1959 г. в 2020 г. вклад детей в общий СВС был практически нулевым за счет резкого снижения детской доли умерших. У мужчин России вклад в общий СВС взрослых повысился на 2,7 года в связи с повышением доли умерших на 4,6 % и СВС на 2,4 года. Меньший вклад в повышение общего СВС на 1 год внесло небольшое повышение доли умерших и СВС у пожилых. Повышение общего СВС на 5,3 года во всей группе российских женщин в 2020 г. по сравнению с 1959 г. произошло в основном за счет повышения доли умерших на 4,8 % и СВС — на 1,6 года у пожилых женщин, в результате чего общий СВС у них оказался выше, чем у мужчин, на 10 лет. У мужчин и женщин Франции повышение общего СВС, как видно из таблицы 2, было обусловлено высоким вкладом пожилых, в большей степени за счет повышения их доли среди умерших и в меньшей степени — за счет повышения СВС в этой возрастной группе. Различия в общем СВС у французских мужчин и женщин были меньше российских и составили 6 лет. В целом общий СВС у россиян был на 12,8 лет, а у россиянок — на 8,8 лет ниже французских значений.

Как известно, таблицы смертности, или таблицы дожития, — это числовые модели смертности населения, служащие для характеристики ее общего уровня и возрастных особенностей. Они представляют собой систему данных, упорядоченных по возрасту и взаимосвязям ряда параметров, которые характеризуют

[1] United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2019). World Mortality 2019. URL: https://www.un.org/en/development/desa/population/publications/pdf/mortality/WMR2019/World_Mortality_2019.pdf (дата обращения: 28.01.2025).

[2] Рейтинг стран мира по уровню младенческой смертности. Гуманитарный портал / Child Mortality Report. URL: https://gtmarket.ru/ratings/child-mortality-ranking (дата обращения: 28.01.2025).

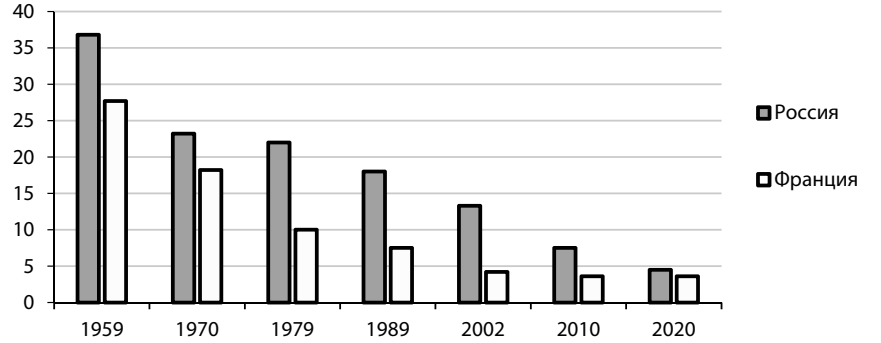

Рис. 1. *Динамика коэффициента младенческой смертности (на 1000 родившихся живыми) в России и Франции с 1959 по 2020 г. (источник: международная база данных по рождаемости (Human Fertility Database: http://www.humanfertility.org) и демографический ежегодник России. 2021 (раздел 5.8) М.: Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207 (дата обращения: 28.01.2025))*

Таблица 2

Динамика умерших (в %), среднего возраста смерти (СВС, лет) детей, взрослых и пожилых и их вклада в общий СВС (оСВС) в России и Франции с 1959 по 2020 годы

Показатели	Мужчины			Женщины		
	1959	2020	Δ*	1959	2020	Δ*
Россия						
Доля детей, %	6,8	0,6	–6,2	5,4	0,5	–4,9
Доля взрослых, %	26,2	30,8	4,6	12,6	12,7	0,1
Доля пожилых, %	67,0	68,6	1,6	82,0	86,8	4,8
СВС детей, лет	2,1	3,5	1,4	1,9	3,3	1,4
СВС взрослых. лет	45,6	48,0	2,4	45,5	48,7	3,2
СВС пожилых, лет	75,0	75,3	0,3	79,2	80,8	1,6
Вклад в оСВС детей, лет	0,1	0,02	–0,1	0,1	0,02	–0,1
Вклад в оСВС взрослых, лет	12,1	14,8	2,7	5,7	6,2	0,5
Вклад в оСВС пожилых, лет	50,6	51,6	1,0	65,3	70,2	4,9
Общий СВС, лет	62,8	66,4	3,6	71,1	76,4	5,3
Франция						
Доля детей, %	4,3	0,5	–3,8	3,4	0,4	–3,0
Доля взрослых, %	20,8	9,2	–11,6	11,2	4,7	–6,5
Доля пожилых, %	74,8	90,2	15,4	85,4	94,9	9,5
СВС детей, лет	1,7	2,3	0,6	1,6	2,0	0,4
СВС взрослых. лет	47,7	48,4	0,7	47,6	49,3	1,7
СВС пожилых, лет	76,0	82,8	6,8	79,6	87,3	7,7
Вклад в оСВС детей, лет	0,1	0,01	–0,1	0,1	0,01	–0,1
Вклад в оСВС взрослых, лет	9,9	4,5	–5,4	5,3	2,3	–3,0
Вклад в оСВС пожилых, лет	56,9	74,7	17,8	68,0	82,8	14,8
Общий СВС, лет	66,9	79,2	12,3	73,4	85,2	11,8

* здесь и в таблице 4: Δ — разница между 2020 и 1959 г.: положительное число — положительная, отрицательное число — отрицательная

Источник: расчеты выполнены по данным международной базы по смертности (Human Mortality Database: URL: http://www.mortality.org) и демографического ежегодника России 2021 (разделы 1.5, 2.1 и 5.1) М.: Росстат. Электронная версия. URL: https://rosstat.gov.ru/ folder/ 210/document/13207 (дата обращения: 28.01.2025)

процесс вымирания (дожития) в популяции (Медков, 2025). В таблице 3 представлена динамика возрастной ОПЖ (по 20-летиям жизни) у населения России и Франции с 1959 по 2020 г. У мужчин России от 0 до 100 лет кратность сдвига, то есть изменения возрастной ОПЖ, снижалась от 1,06 до 0,79, а разница — от 3,6 до –0,6 лет. У французских мужчин, напротив, наблюдалась положительная динамика практически всех возрастных ОПЖ. При этом от 0 до 100 лет кратность сдвига ОПЖ повышалась до 80 лет от 1,19 до 1,69 раза, а затем уменьшалась до 1,16. Прирост ОПЖ от 0 до 100 лет уменьшался с 12,9 до 0,3 года. У женщин России, как следует из таблицы 3, кратность сдвига ОПЖ до 80 лет была менее выраженной, чем у мужчин, и колебалась в еще меньших пределах (1,02–1,07), а затем резко снижалась до 0,62. ОПЖ в 2020 г. относительно 1959 г. до 80 лет была выше, последовательно уменьшаясь в возрасте от 0 до 80 лет на 5,3–0,2 года с переходом в возрасте 100 лет в отрицательную разницу до –1,1 года. У женщин Франции, как и у мужчин, наблюдалась значимая положительная динамика ОПЖ во всех возрастах. Кратность сдвига ОПЖ повышалась до 80 лет в 1,15–1,73 раза, а затем снижалась до 1,27. Разница ОПЖ в возрасте 0–100 лет уменьшалась с 12,2 до 0,5 лет.

Вероятность дожития до возраста 85+ лет, как видно из таблицы 4, у мужчин России с 1959 по 2020 г. повысилась с 0,10 до 0,22 , то есть в 2,2 раза, а у женщин России — с 0,22 до 0,35, то есть в 1,6 раза. При этом в России вероятность дожития у женщин в течение всего периода наблюдения была выше, чем у мужчин. В отличие от России, во Франции динамика прироста числа доживших была более

Таблица 3

Динамика возрастной ожидаемой продолжительности жизни у мужчин и женщин России и Франции с 1959 по 2020 г.

Возраст, лет	Россия				Франция			
	1959	2020	КрС	Δ	1959	2020	КрС	Δ
Мужчины								
0	62,8	66,5	1,06	3,6	66,9	79,8	1,19	12,9
20	47,7	47,2	0,99	–0,4	50,1	60,3	1,20	10,2
40	30,4	29,5	0,97	–0,9	31,7	41,1	1,30	9,4
60	15,5	15,2	0,98	–0,3	15,9	23,4	1,47	7,5
80	6,3	6,2	0,98	–0,1	5,5	9,2	1,69	3,7
100	2,9	2,3	0,79	–0,6	1,7	2,0	1,16	0,3
Женщины								
0	71,1	76,4	1,07	5,3	73,4	85,6	1,17	12,2
20	55,4	57,0	1,03	1,6	56,0	66,0	1,18	10,0
40	36,9	38,1	1,03	1,2	37,0	46,4	1,25	9,4
60	19,6	20,9	1,06	1,3	19,6	27,8	1,42	8,2
80	7,3	7,4	1,02	0,1	6,5	11,3	1,73	4,8
100	3,0	1,9	0,62	–1,1	1,8	2,3	1,27	0,5

* — КрС — кратность сдвига (разы); Δ — разница между 2020 и 1959 годами: положительное число — положительная, отрицательное число — отрицательная

Источник: расчеты выполнены по данным международной базы по смертности (Human Mortality Database. URL: http://www.mortality.org) и демографического ежегодника России 2021 (раздел 5.3) М.: Росстат. Электронная версия. URL: https://rosstat.gov.ru/ folder/ 210/document/13207 (дата обращения: 28.01.2025).

Таблица 4

Динамика вероятности дожития у населения России и Франции

Возраст, лет	Россия						Франция					
	Мужчины			Женщины			Мужчины			Женщины		
	1959	2020	Δ	1959	2020	Δ	1959	2020	Δ	1959	2020	Δ
0	1,00	1,00	—	1,00	1,00	—	1,00	1,00	—	1,00	1,00	—
10	0,94	0,95	0,01	0,95	0,99	0,04	0,96	1,00	0,1	0,97	1,00	0,03
20	0,92	0,94	0,02	0,94	0,99	0,05	0,95	0,99	0,04	0,96	0,99	0,03
30	0,90	0,93	0,03	0,93	0,98	0,05	0,94	0,99	0,05	0,96	0,99	0,03
40	0,86	0,91	0,05	0,91	0,96	0,05	0,91	0,98	0,07	0,94	0,99	0,05
50	0,79	0,88	0,09	0,88	0,93	0,05	0,86	0,95	0,09	0,91	0,98	0,07
60	0,66	0,81	0,15	0,81	0,87	0,06	0,74	0,90	0,16	0,85	0,95	0,10
70	0,45	0,67	0,22	0,67	0,76	0,09	0,53	0,78	0,25	0,71	0,89	0,18
80	0,20	0,38	0,18	0,38	0,53	0,15	0,24	0,57	0,33	0,41	0,75	0,34
85+	0,10	0,22	0,12	0,22	0,35	0,13	0,11	0,41	0,30	0,23	0,58	0,35

Источник: расчеты выполнены по данным международной базы по смертности (Human Mortality Database. URL: http://www.mortality.org) и демографического ежегодника России 2021 (раздел 5.3) М.: Росстат. Электронная версия. URL: https://rosstat.gov.ru/ folder/ 210/document/13207 (дата обращения: 28.01.2025).

выраженной, прогрессивно повышаясь к возрасту 85+ лет с 0,11 до 0,41 у мужчин, то есть в 3,7 раза, а у женщин, с 0,23 до 0,58, то есть в 2,5 раза, а в гендерном отношении — противоположной российской динамике: у мужчин в большей степени, чем у женщин.

Следовательно, полученные результаты сравнительного анализа свидетельствуют о более неблагоприятной динамике коэффициентов смертности у населения России относительно населения Франции, при этом в целом динамика данных показателей смертности у россиян была существенно хуже. Следует подчеркнуть, что системное снижение исследованных показателей смертности у французского населения проявилось в виде определенной относительной закономерности, в частности у детей снижение было максимальным, у взрослых — промежуточным и у пожилых — минимальным.

При сравнении изменений возрастной ОПЖ в России и Франции установлена та же картина, что и для показателей смертности, а именно ее монотонно-колебательная динамика в России, более выраженная у мужчин по сравнению с женщинами. Во Франции, напротив, наблюдалась стабильно положительная динамика ОПЖ. При этом кратность повышения ОПЖ у французов увеличивалась до 80 лет, а далее снижалась, но не становилась меньше 1,0. Неблагоприятная динамика возрастной ОПЖ в России, как следует из представленных результатов, является следствием сравнительно высоких возрастных коэффициентов смертности, недостаточной вероятности дожития. Официальные данные последних лет, как отмечалось выше, указывают на то, что процесс улучшения демографических показателей, изученных в данном исследовании, сменился на их некоторое ухудшение.

Важно отметить, что полученные результаты являются следствием особенностей российской модели демографических переходов и эпидемиологических революций (Вишневский, 2008). Демографический переход (от высокой к низкой

рождаемости и смертности) в России начался позже, чем в европейских странах. В настоящее время выделяют три основные особенности демографического перехода в России: высокую скорость изменения модели воспроизводства; слабую выраженность демографического взрыва в результате одновременного снижения рождаемости и смертности (при демографическом взрыве в Европе снижение смертности определённое время происходило на фоне высокой рождаемости, что приводило к увеличению численности населения); политические, социальные и военные катаклизмы XX в., лишившие Россию демографического выигрыша, который принёс большинству стран полноценный демографический переход, так как позволили им пройти полноценные демографические переходы и эпидемиологические революции. Об этом свидетельствует монотонная, а порой регрессивная динамика демографических показателей на протяжении длительного времени (Тельнов, 2022). Тем не менее, в настоящее время Россия находится на той же стадии демографического развития, что и большинство развитых стран, и основной моделью служит суженное воспроизводства населения на фоне его сильного постарения.

В настоящее время многие специалисты отмечают формирование второго демографического перехода, отчётливо обозначившегося в наиболее развитых странах, признаки которого видны и в России. Второй демографический переход связан с фундаментальными изменениями в жизненном цикле поколений, изменением системы ценностей людей, их представлений о наиболее приемлемом возрасте вступления в брак и семейных отношений (Захаров, 2005). Развитию этих процессов способствует вторая эпидемиологическая революция, которая, в отличие от первой, препятствует не только инфекционным заболеваниям, но и многим социально-значимым болезням, ещё недавно считавшимся неизлечимыми: сердечно-сосудистым, злокачественным новообразованиям, сахарному диабету и другим (Omran, 1971). Однако в нашей стране вторая эпидемиологическая революция только начинается[1]. Об этом свидетельствуют данные о высокой смертности, монотонной динамике общей и возрастной продолжительности жизни, жизненного потенциала и его потерь, а также о рецессивном характере старения населения России (Кобякова и др., 2021; Тельнов, 2023).

Заключение

Подводя итоги сравнительного анализа комплекса показателей смертности у населения России и Франции с 1959 по 2020 г., следует отметить, что их исходное состояние в наблюдаемый период времени было довольно близким в обеих странах. Однако к 2020 г. в России ОКС и ВКС у взрослого и пожилого населения повысились на фоне существенного снижения ВКС у детей. У населения Франции, напротив, отмечалось снижение ОКС и ВКС у детей, взрослых и пожилых в 9,8, 2,4 и 1,4 раза соответственно. Общий СВС у обоих полов населения России незначительно повысился в основном за счет его увеличения у взрослых мужчин и пожилых женщин, а у населения Франции существенно повысился, главным образом за счет вклада пожилого населения на фоне снижения вкладов детей

[1] Постановление правительства Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 1640 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие здравоохранения»».

и взрослых. Возрастная ОПЖ у российских мужчин повысилась только при рождении на 3,6 года, а далее до 100 лет была незначительно снижена. У российских женщин возрастная ОПЖ при рождении была на 5,3 года выше, а далее до 80 лет оставалась незначительно повышенной. В отличие от России, у мужчин и женщин Франции ОПЖ при рождении повысилась более чем на 12 лет, оставаясь более высокой относительно 1959 г. при убывании вплоть до 100 лет. Вероятность дожития до 85+ лет у российских мужчин увеличилась до 0,22, а у женщин — до 0,35, а во Франции, при близких исходных значениях, у мужчин — до 0,41, а у женщин — до 0,58, то есть стала в 1,9 и 1,7 раза больше.

Таким образом, динамика всех исследованных показателей смертности у населения России была в основном неблагоприятной по сравнению с их положительной динамикой у населения Франции при разнонаправленных тенденциях развития и различающихся количественных характеристиках. В целом за наблюдаемый период времени у населения России произошло либо небольшое улучшение исследованных показателей смертности (чаще у женщин), либо их ухудшение (чаще у мужчин) в разных возрастных группах. Во Франции как у мужчин, так и у женщин наблюдалось выраженное системное улучшение всех исследованных показателей. Причиной неблагоприятной динамики смертности в России являются особенности демографического и эпидемиологического переходов, не способствующие улучшению демографической ситуации в стране.

Список источников

Аганбегян, А.Г. (2019). *Демография и здравоохранение России на рубеже веков.* Москва: Дело, 192.

Андреев, Е.М., Вишневский, А.Г. (2004). От всех причин смерти россияне умирают раньше, чем европейцы или американцы. *Демоскоп Weekly: электронный журнал.* URL: https://www.demoscope.ru /weekly/2004/0171/tema02.php (дата обращения: 28.01.2025).

Бойко, А.И. и др. (2010). *Демографическая статистика: учебник* / коллектив авторов. Москва: КНОРУС, 480. EDN: TRBDPJ

Вишневский, А.Г. (ред.). (2008). *Демографическая модернизация России, 1900–2000.* Москва: Новое издательство, 608.

Донцов, В.И. (2021). Изменения смертности, продолжительности жизни и скорости старения в XX веке и возможные причины этого. *Здравоохранение Российской Федерации. 65* (1), 7–23. https://doi.org/10.47470/0044-197X-2021-65-1-17-23

Захаров, С.В. (2005). Перспективы рождаемости в России: второй демографический переход. *Демоскоп Weekly: электронный журнал.* URL: https://www.demoscope.ru/weekly /knigi/konfer/konfer_08.html (дата обращения: 28.01.2025).

Кобякова, О.С. и др. (2021). Перспективные меры по снижению смертности в России: аналитический обзор. *Здравоохранение Российской Федерации. 65* (6), 573–580. https://doi.org/10.47470/00 44-197X-2021-65-6-573-580

Медков, В.М. (2025). *Демография.* Москва: НИЦ ИНФРА-М, 332.

Рыбаковский, Л.Л. (ред.). (2005). *Практическая демография.* Москва: ЦСП, 280.

Тельнов, В.И. (2022). Индекс жизненного баланса как показатель старения населения. *Успехи геронтологии, 35* (4), 640–641. EDN: UKLTUM

Тельнов, В.И. (2023). Динамика жизненного потенциала и дожития старшего поколения населения России и Франции. *Успехи геронтологии, 36* (3), 436–437. EDN: OSJBTG

Юмагузин, В.В. (2011). Отставание от западных стран продолжает увеличиваться. *Демоскоп Weekly: электронный журнал*. URL: https://www.demoscope.ru/weekly /2011/0485/ tema05.php (дата обращения: 28.01.2025).

Omran, A.R. (1971). The epidemiologic transition. A theory of the epidemiology of population change. *Milbank Mem Fund Q, 49* (4), 509–538. https://doi.org/10.2307/3349375

References

Aganbegjan, A.G. (2019). *Demografija i zdravoohranenie Rossii na rubezhe vekov. [Demography and healthcare of Russia at the turn of centuries.]*. Moscow: Delo, 192. (In Russ.)

Andreev, E.M., & Vishnevskij, A.G. (2004). From all causes of death, Russians die earlier than Europeans or Americans. *Demoskop Weekly: jelektronnyj zhurnal. [Demoscope Weekly: electronic magazine]*. URL: https://www.demoscope.ru /weekly/2004/0171/tema02.php (accessed: 28.01.2025). (In Russ.)

Bojko A.I., et al. (2010). *Demograficheskaja statistika: uchebnik / kollektiv avtorov. [Demographic statistics: textbook / group of authors]*. Moscow: KNORUS, 480. EDN: TRBDPJ (In Russ.)

Doncov, V.I. (2021). Changes in mortality, life expectancy and aging rate in the twentieth century and possible reasons for this. *Zdravoohranenie Rossijskoj Federacii [Healthcare of the Russian Federation], 65* (1), 7–23. https://doi. org/10.47470/0044-197X-2021-65-1-17-23 (In Russ.)

Jumaguzin, V.V. (2011). The gap with Western countries continues to widen. *Demoskop Weekly: jelektronnyj zhurnal. [Demoscope Weekly: electronic magazine]*. URL: https://www.demoscope.ru / weekly /2011/0485/ tema05.php (accessed: 28.01.2025). (In Russ.)

Kobjakova, O.S. et al. (2021). Prospective measures to reduce mortality in Russia: an analytical review. *Zdravoohranenie Rossijskoj Federacii [Healthcare of the Russian Federation]. 65* (6), 573–580. https://doi.org/ 10.47470/00 44-197X-2021-65-6-573-580

Medkov, V.M. (2025). *Demografija. [Demography]*. Moscow: NIC INFRA-M, 332. (In Russ.)

Omran A.R. (1971). The epidemiologic transition. A theory of the epidemiology of population change. *Milbank Mem Fund Q, 49* (4), 509–538. https://doi.org/10.2307/3349375

Rybakovskij, L.L. (Ed.). (2005). *Prakticheskaja demografija. [Practical demography]*. Moscow: CSP, 280. (In Russ.)

Tel'nov, V.I. (2022). Life Balance Index as an Indicator of Population Aging. *Uspehi gerontologii [Advances in Gerontology], 35* (4), 640–641. EDN: UKLTUM (In Russ.)

Tel'nov, V.I. (2023). Dynamics of life potential and survival of the older generation of the population of Russia and France. *Uspehi gerontologii [Advances in Gerontology], 36* (3), 436–437. EDN: OSJBTG (In Russ.)

Vishnevskij, A.G. (Ed.). (2008) *Demograficheskaja modernizacija Rossii, 1900–2000. [Demographic modernization of Russia, 1900–2000]*. Moscow: New publishing house, 608. (In Russ.)

Zaharov, S.V. (2005). Fertility Prospects in Russia: The Second Demographic Transition. *Demoskop Weekly: jelektronnyj zhurnal. [Demoscope Weekly: electronic magazine]*. https://www.demoscope.ru/ weekly /knigi/ konfer /konfer _08.html (Accessed: 28.01.2025). (In Russ.)

Тельнов Виталий Иванович — кандидат медицинских наук, доцент по специальности, ведущий научный сотрудник, Южно-Уральский институт биофизики ФМБА России; https:// orcid.org/0000-0003-3509-5372 (Российская Федерация, 456780, г. Озерск, Озерский проспект, 19. e-mail: tvi@subi.su).

Vitaly I. Telnov — PhD (Medicine), associate professor, Southern Urals Biophysics Institute of the Federal Medical-Biological Agency of the Russian Federation; https://orcid.org/0000-0003-3509-5372 (19, Ozyorsky prospect, Ozyorsk, 456780,Russian Federation. e-mail: tvi@subi.su).

УДК
JEL classification:
https://www.doi.org/10.17059/udf-2025-2-18

Демографический портрет населения современной России[1]

А.Ю. Трутнев

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва (г. Саранск, Россия)

https://orcid.org/0009-0008-8622-4772

Автор для корреспонденции: А.Ю. Трутнев (bombaster037@gmail.com).

Аннотация. *Материалы статьи содержат результаты исследования населения Российской Федерации в разрезе прямых и косвенных группировочных признаков. Изучена структура населения России по полу и возрасту, брачному состоянию. Представлен анализ национального состава и расселения населения по территории. Сформированный демографический портрет населения России совместно с прогнозными значениями демонстрируют проблемный характер изучаемого явления. В данной ситуации правительству страны требуется использование комплексного подхода для дальнейшего решения демографических проблем страны.*

Ключевые слова: народонаселение, половая структура населения, возрастная структура населения, национальный состав, городское и сельское население, прогноз.

Demographic Portrait of the Population of Modern Russia

A. Trutnev

National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia).

https://orcid.org/0009-0008-8622-4772

Corresponding author: A. Trutnev (bombaster037@gmail.com).

Abstract. *The article contains the results of the study of the population of the Russian Federation in terms of direct and indirect grouping features. The structure of the population of Russia by gender and age, marital status is studied. An analysis of the national composition and distribution of the population by territory is presented. The formed demographic portrait of the population of Russia together with the forecast values demonstrate the problematic nature of the phenomenon under study. In this situation, the government of the country needs to use an integrated approach to further solve the demographic problems of the country.*

Key words: population, sex structure of the population, age structure of the population, ethnic composition, urban and rural population, forecast.

Введение

На данный момент статистика предоставляет достоверные и полные сведения о количестве проживающих в стране лиц, а также о специфике их состава. Такая задача поставлена для того, чтобы государство имело возможность реализовывать наиболее эффективную социальную, экономическую и иную политику. В результате население является объектом, который рассматривается статистикой с множества позиций.

Народонаселение является объектом подробного изучения науки демографии, изучающей не отдельных людей, а массовые демографические процессы,

[1] © Трутнев А. Ю. Текст. 2025.

происходящие с населением. При этом термины «население» и «народонаселение» являются синонимами. Традиционно термин «народонаселение» используется в демографических работах. Считается, что население — это группа лиц, которая проживает на конкретной территории (Сажин и др., 2008). Согласно энциклопедическим сведениям, под народонаселением понимается совокупность лиц, живущих на определенной территории[1].

Целью исследования является формирование демографического портрета населения Российской Федерации для выявления его особенностей и необходимости последующего решения демографических проблем со стороны государства.

Основная часть

Население — это активный объект, который трансформируется постоянно вследствие многочисленных демографических процессов, из которых наиболее значимым является движение, как естественное, так и механическое. Под естественным движением населения предлагается в рамках данной научной статьи понимать процесс, влияющий на количество и структуру населения путем формирования прямых (например, прирост происходит вследствие рождения новых людей, отток — по причине смерти) и косвенных (заключенный брак потенциально увеличивает вероятность появления новых жителей, расторгнутый, наоборот, снижает) факторов. Под механическим движением населения (также в литературе может использоваться термин «миграционное») необходимо понимать процесс, при котором лицо долговременно меняет место своего жительства, в том числе до самой смерти.

Современная демография является наукой, широко применяемой и изучаемой во многих странах мира. Так было не всегда: когда демографические проблемы лишь первоначально стали рассматриваться, вопрос интересовал исключительно незначительное число европейских ученых (Макарцева, 2024). На данный момент практически нет стран, в которых не изучают демографию. Постепенно это привело к тому, что ныне мировая общественность по демографическим вопросам объединена Организаций Объединенных Наций (ООН). В ее рамках существуют различные отделы и департаменты, которые координируют и развивают демографическую науку во всех странах Земли. Наиболее значимыми органами ООН в этой сфере являются Комиссия по народонаселению и Отдел народонаселения (Грязнова, Думна, 2019).

Ключевая задача мировой общественности в рамках демографии — оперативно определить краткосрочные и долгосрочные тенденции, условия, влияющие на объект изучения, общее направление развития науки и объекта в мире (Фаузер, 2024). Однозначно столь объемной цели нельзя достичь без аккумулирования усилий, формирования единого направления для многих наук, затрагивающих народонаселение в своих рамках, применения практических результатов исследований.

[1] Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. (1999). Современный экономический словарь. Искусство, наука, величие. URL: http://economics.niv.ru/doc/dictionary/economical/index.htm (дата обращения: 21.01.2025).

Традиционно состав населения страны рассматривается через формирование структурных группировок, базирующихся на разных факторах. К ключевым типам структур относят (Лежнина, 2014):

— формирование такой структурной группировки, которая отображает факторы, напрямую оказывающие влияние на процесс воспроизводства (сюда относят половозрастную структуру, количество заключаемых браков, семейное положение и так далее);

— формирование такой структурной группировки, которая отображает факторы, напрямую не оказывающие влияние на процесс воспроизводства (сюда относят, например, численность жителей городов и сел).

Отечественная и мировая (в первую очередь речь идет об ООН) статистика выделяют несколько укрупненных группировок, которые считаются значимыми — это возрастная структура и изучение вопроса привлечения к труду. Относя лицо к одной из трех крупных групп, учитывается следующее:

а) индивида считают моложе трудоспособного возраста, если его возраст колеблется:

— от 0 до 15, если применяется российская статистика;

— от 0 до 14, если применяется международная статистика, например, созданная ООН;

б) индивида считают находящимся в трудоспособном возрасте, если его возраст колеблется (Ефин, Филатов, 2024):

— от 16 до 65 (ранее использовался параметр 60, что связано с возрастом выхода на пенсию), если применяется российская статистика;

— от 15 до 65, если применяется международная статистика, например, созданная ООН;

в) индивида считают старше трудоспособного возраста, если его возраст:

— более 65 (ранее использовался параметр 60, что связано с возрастом выхода на пенсию), если применяется российская статистика;

— более 65, если применяется международная статистика, например, созданная ООН.

Сравнивая представленную информацию, констатируем, что, согласно международному мнению, население можно привлекать на год раньше к труду, по сравнению с российским мировоззрением, но при этом на данный момент вопрос в отношении того, когда трудовая деятельность индивидов завершается, решен идентично.

Вопрос демографического старения населения существенен в первую очередь потому, что, если процесс развивается, трудоспособное население получает увеличенную нагрузку, так как отвечает за растущее число нетрудоспособных (учитываем, что нетрудоспособными являются и молодые граждане) (Дементьев, 2024).

Теперь представим непосредственный половозрастной анализ народонаселения Российской Федерации за 2024 г. (рис. 1).

По данным рисунка 1 можем заключить, что в начале 2024 г. в Российской Федерации насчитывается 69 млн чел. мужчин и 79,2 млн чел. женщин, что составляет 47 % и 53 % соответственно. На 1000 мужчин приходится 1147 женщин. Тип возрастной структуры в Российской Федерации является регрессивным, так

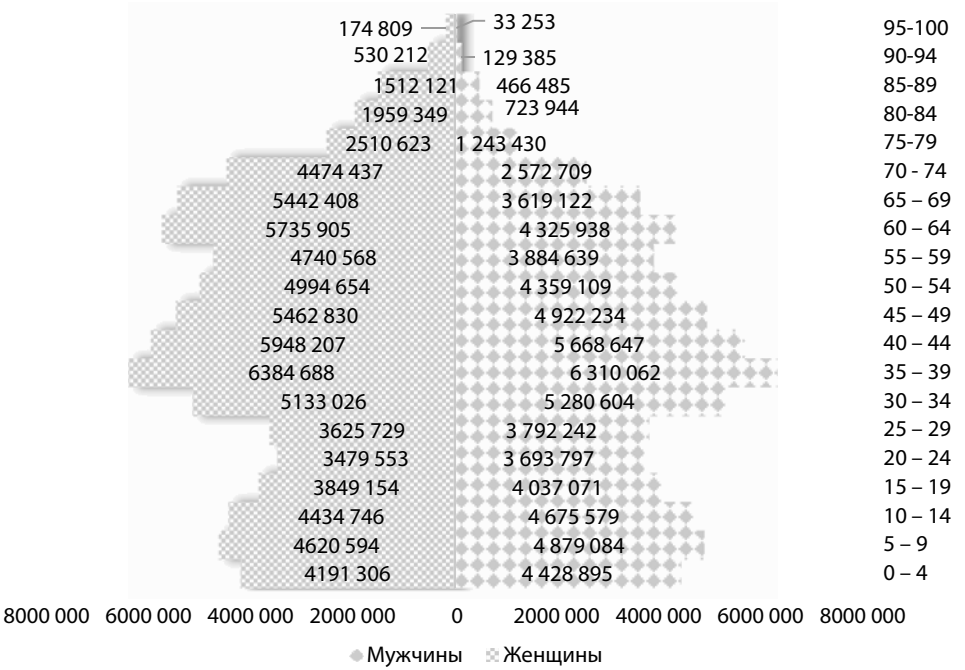

Рис. 1. *Возрастно-половая пирамида населения Российской Федерации в 2024 г. (источник: составлено автором по: Распределение населения по возрастным группам. Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/demo14.xlsx (дата обращения: 21.01.2025))*

как доля прародителей — 36 %, родителей — 46 %, а детей — 18 %. Уровень демографической старости считается очень высоким и составляет 17 %. Коэффициент демографической нагрузки составляет 73 %.

На рисунке 2 представлена численность многочисленных народов, населяющих Россию, кроме русского населения, удельный вес которого составляет около 81 % от анализируемой численности народов.

Согласно рисунку 2, в Российской Федерации кроме русского населения как самого многочисленного также большую часть населения составляют татары (3610 на 100 тыс. чел. населения). Наиболее малочисленный народ — марийцы, их всего 325 на 100 тыс. чел. населения. Коренные народы составляют большинство населения в национально-территориальных образованиях Российской Федерации: в Чувашской Республике — чуваши (817 на 100 тыс. чел. населения), в Республике Башкортостан — башкиры (1024 на 100 тыс. чел. населения), в Чеченской Республике — чеченцы (1238 на 100 тыс. чел. населения) и др. Представители всех этих народов проживают и в других регионах России.

Для анализа динамики брачности и разводимости населения были использованы данные за период 2013–2023 гг. (рис. 3).

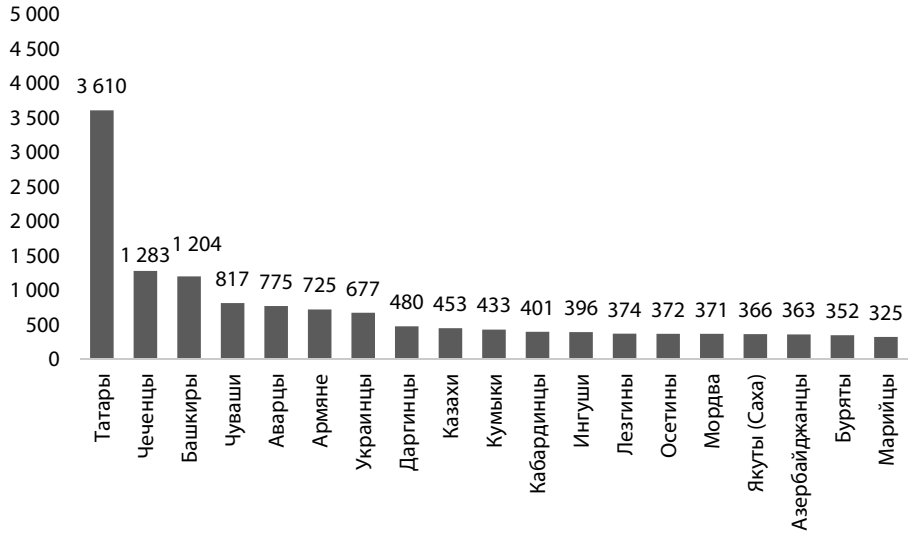

Рис. 2. *Национальный состав населения России за 2024 г., на 100 тыс. чел. населения (источник: составлено автором по: Национальный состав населения. Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Ejegodnik_2024.pdf (дата обращения: 21.01.2025))*

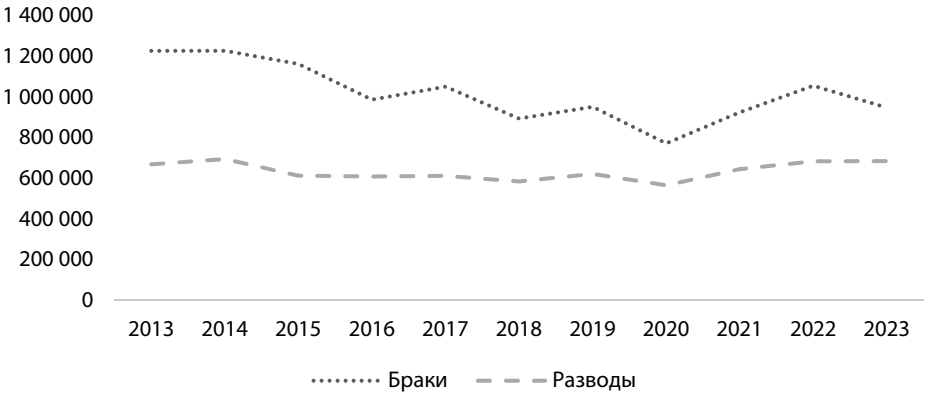

Рис. 3. *Динамика брачности и разводимости населения в Российской Федерации за 2013 — 2023 гг. (источник: составлено автором по: Браки; Разводы. Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/demo31_2022.xls https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/demo32_2022.xls (дата обращения: 21.01.2025))*

Согласно графику, за анализируемый период в Российской Федерации число браков всегда превышало число разводов. С 2013 г. брачность имела тенденцию к снижению вплоть до 2020 г., но в 2017 и 2019 гг. был скачок в количестве заключенных браков. С 2021 г. рост числа браков продолжился, несмотря на пандемию COVID-19.

Для анализа динамики численности городского и сельского населения использованы данные за период 2013–2023 гг. (рис. 4).

Из рисунка 4 можно сделать вывод о том, что численность населения, проживающего в сельских поселениях, меньше, чем проживающего в городах, причем в течение всего анализируемого периода разница между городским и сельским населением практически не меняется. Максимальная разница в соотношении между сельскими поселениями и городом наблюдается в 2020 г. и составляет 73,1 млн чел.

Рис. 4. *Динамика численности городского и сельского населения в Российской Федерации за 2013–2023 гг., млн чел. (источник: составлено автором по: Численность населения. Федеральная служба государственной статистики. URL:https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Popul_1897+.xlsx (дата обращения: 21.01.2025))*

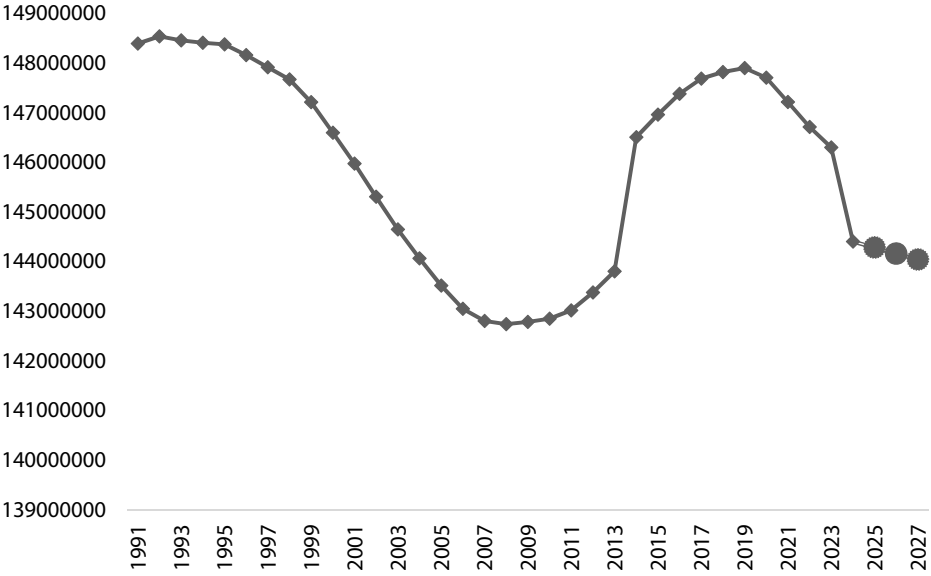

Рис. 5. *Прогнозные значения численности населения в Российской Федерации до 2027 г. (источник: составлено автором по: Численность населения. Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Popul_1897+.xlsx (дата обращения: 17.01.2025))*

На заключительном этапе исследования построен прогноз численности населения Российской Федерации на 2025–2027 гг. с помощью метода экспоненциального сглаживания (рис. 5). Согласно графику, за анализируемый период в Российской Федерации численность населения имела тенденцию к снижению до 2008 г. включительно, после значение показателя увеличивалось по 2019 г. включительно. Минимальное значение было в 2008 г. — 142,7 млн чел. С 2019 г. численность населения снижается и до 2027 г. тенденция к росту не прогнозируется.

Заключение

Таким образом, были рассмотрены различные вопросы, касающиеся половозрастной структуры, численности и состава населения Российской Федерации. Анализ, приведенный в статье, демонстрирует сложную динамику, обусловленную взаимодействием демографических и социально-экономических факторов. Текущая демографическая ситуация в стране характеризуется рядом серьезных проблем. Так, был выявлен низкий уровень сельского населения, низкое количество браков и регрессивный тип возрастной структуры, что означает низкую рождаемость. Решение этих проблем требует комплексного подхода, который должен включать в себя финансовую поддержку семей с детьми, улучшение системы здравоохранения, создание новых рабочих мест в регионах (Багаутдинов, 2021). В Российской Федерации низкая рождаемость, что приводит к старению населения и проблемам экономического роста. Для того, чтобы достичь устойчивого развития, необходимо разработать стратегии, которые повлияют на рост населения, здоровье граждан и уровень жизни населения (Лавров и др., 2017).

Список источников

Багаутдинов, Д.Р. (2021). Прогнозирование среднегодовой численности населения в рамках исследования систем населения Приволжского федерального округа. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук, 5–2* (56), 83–85. http://doi.org/10.24412/2500-1000-2021-5-2-83-85

Грязнова, А. Г., Думна, Н. Н. (2019). *Макроэкономика. Теория и российская практика: учебник*. Москва: КНОРУС, 138.

Дементьев, В. С. (2024). Динамика численности населения крупнейших городов и городов-миллионеров России по итогам Всероссийской переписи населения 2021 г. В *Социально-экономическая география: теория, методология и практика преподавания: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (с. 211–217)*. Москва: ООО «Сам Полиграфист», 500. EDN: JGAPTH

Ефин, Е. А., Филатов, А. А. (2024). Теория народонаселения Томаса Мальтуса на современном этапе. В *Студенческая наука - взгляд в будущее: Материалы XIX Всероссийской студенческой научной конференции* (с.89–92). Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 516. EDN: XQHZRT

Лавров, В. Н., Семенюк, К. С., Бурцева, Т. В. (2017). Социально-экономические направления повышения уровня жизни народонаселения России. В *Достойный труд — основа стабильного общества: Материалы IX Международной научно-практической конференции, Екатеринбург* (с.63–68). Екатеринбург: Уральский государственный экономический университет, 138. EDN: UPCBWO

Лежнина, Ю. П. (2014). Социально-демографические особенности в современной России. *Социологические исследования, (1),* 20–28. EDN: RXTMNP

Макарцева, В. В. (2024). Анализ численности занятого населения, структура занятого населения по уровню образования, полу, возрасту в России. В *Актуальные вопросы современных научных исследований : сборник статей X Международной научно-практической конференции.* (с. 155–158). Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 306. EDN: SLCBQP

Сажин, Ю. В. и др.(2008). *Многомерные статистические методы анализа экономических процессов: учебник*. Саранск: Издательство Мордовского университета, 288.

Фаузер, Г. Н. (2024). Сравнение оценок численности населения в текущем учете и переписях населения: исторический аспект. В *Социально-экономические, демографические и исторические исследования на Севере России: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием)* (с.243–249). Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН, 276. EDN: GKAWKF

References

Bagautdinov, D. R. (2021). Forecasting the average annual population in the framework of the study of population systems in the Volga Federal District. *Mezhdunarodny`j zhurnal gumanitarny`x i estestvenny`x nauk [International Journal of Humanities and Natural Science]s, 5–2* (56), 83–85. http://doi.org/10.24412/2500-1000-2021-5-2-83-85 (In Russ.)

Dementiev, V. S. (2024). Population dynamics of Russia's largest cities and millionaire cities based on the results of the All-Russian Population Census in 2021 In *Social`no-e`konomicheskaya geografiya: teoriya, metodologiya i praktika prepodavaniya: Materialy` Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii [Socio-economic Geography: theory, methodology and teaching practice: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference]* (pp. 211–217). Moscow: OOO «Sam Polygraphist», 500. EDN: JGAPTH (In Russ.)

Efin, E. A., Filatov, A. A. (2024). Thomas Malthus's population theory at the present stage. In *Studencheskaya nauka - vzglyad v budushhee: Materialy` XIX Vserossijskoj studencheskoj nauchnoj konferencii [Student Science - a look into the future: Proceedings of the XIX All-Russian Student Scientific Conference]* (pp.89–92). Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Agrarian University, 516. EDN: XQHZRT (In Russ.)

Fauser, G. N. (2024). Comparison of population estimates in current accounting and population censuses: a historical aspect. In *Social`no-e`konomicheskie, demograficheskie i istoricheskie issledovaniya na Severe Rossii: Materialy` III Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii (s mezhdunarodny`m uchastiem) [Socio-economic, demographic and historical research in the North of Russia: Proceedings of the III All-Russian Scientific and Practical Conference (with international participation)]* (pp.243–249). Syktyvkar: Komi Scientific Center Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 276. EDN: GKAWKF (In Russ.)

Gryaznova, A. G., & Dumna, N. N. (2019). *Makroe`konomika. Teoriya i rossijskaya praktika: uchebnik [Macroeconomics. Theory and Russian practice: textbook]*. Moscow: KNORUS, 138. (In Russ.)

Lavrov, V. N., Semenyuk. K. S., & Burtseva, T. V. (2017). Socio-economic directions for improving the standard of living of the Russian population. In *Dostojny`j trud — osnova stabil`nogo obshhestva: Materialy` IX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii [Decent work is the foundation of a stable society: Proceedings of the IX International Scientific and Practical Conference]* (pp.63–68). Yekaterinburg: Ural State University of Economics, 138. EDN: UPCBWO (In Russ.)

Lezhnina, Y. P. (2014). Socio-demographic features in modern Russia. *Sociologicheskie issledovaniya, (1),* 20–28. EDN: RXTMNP (In Russ.)

Makartseva, V. V. (2024). Analysis of the number of employed people, the structure of the employed population by education level, gender, age in Russia. In *Aktual`ny`e voprosy` sovremenny`x nauchny`x issledovanij : sbornik statej X Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii [Current issues of modern scientific research : collection of articles of the X International Scientific and Practical Conference]*. (pp. 155–158). Penza: Science and Education (IP Gulyaev G.Yu.), 306. EDN: SLCBQP (In Russ.)

Sazhin, Yu. V., et al. (2008). *Mnogomerny`e statisticheskie metody` analiza e`konomicheskix processov: uchebnik. [Multidimensional statistical methods for the analysis of economic processes: textbook]*. Saransk: Publishing House of the Mordovian University, 288.

Трутнев Алексей Юрьевич — студент, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва; https://orcid.org/0009-0008-8622-4772 (Российская федерация, 430005, г. Саранск, ул. Полежаева, 44: email: bombaster037@gmail.com).

Alexey Yu. Trutnev — student, National Research Ogarev Mordovia State University; https://orcid.org/0009-0008-8622-4772 (44, Polezhaeva St., Saransk, 430005, Russian Federation, email: bombaster037@gmail.com).

УДК 314.117-053.6/.81([470+571]-22)
JEL classification: J11, J13, J18
https://www.doi.org/10.17059/udf-2025-2-19

Сельская молодежь России: демографическая характеристика (история и современность)[1]

С.Н. Уваров

Удмуртский государственный аграрный университет (г. Ижевск, Россия).

https://orcid.org/0000-0002-6451-9245

Автор для корреспонденции: С.Н. Уваров (sergey.uvarov@mail.ru)

Аннотация. *В статье рассматривается демографическая характеристика сельской молодежи России в возрасте 15–34 лет: численность, доля в составе населения, возрастной состав, миграция. По этим показателям сельская молодежь сравнивается с городской. Анализ произведен по материалам текущей статистики 2018–2023 гг. и данным переписей населения 1989, 2002, 2010, 2021 гг. Делается вывод о том, что принимаемые государством меры недостаточны для стабилизации демографической ситуации в сельской местности.*

Ключевые слова: сельское население; молодежь; численность; возрастной состав; Россия; миграция.

Rural youth of Russia: demographic characteristics (history and modernity)

S. Uvarov

Udmurt State Agrarian University (Izhevsk, Russia).

https://orcid.org/0000-0002-6451-9245

Corresponding author: S. Uvarov (sergey.uvarov@mail.ru)

Abstract. *The article examines the demographic characteristics of rural youth of Russia aged 15–34: number, share in the population, age composition, migration. According to these indicators, rural youth is compared with urban youth. The analysis was based on current statistics for 2018–2023 and population census data from 1989, 2002, 2010, 2021. It is concluded that the measures taken by the state are insufficient to stabilize the demographic situation in rural areas.*

Keywords: rural population; youth; numbers; age structure; Russia; migration

Введение

В настоящее время сельское хозяйство России находится в непростом положении, обремененном рядом проблем. Одной из них является кадровая. Нарастание дефицита работников, их старение являются чуть не повсеместными тенденциями. Государство в последние годы уделяет немало внимания АПК. В данном направлении принимаются различные программы, в том числе способствующие закреплению кадров на селе. Призваны решить демографическую проблему и разнообразные меры поддержки семей с детьми. Очевидно, уже нужно внимательно проанализировать, насколько эффективно действуют различные государственные программы. Для этого рассмотрим демографические показатели сельского населения, а именно — молодежи, в руках которой находится как настоящее, так и обозримое будущее АПК.

[1] © Уваров С. Н. Текст. 2025.

Целью статьи является демографическая характеристика сельской молодежи России по переписям населения 1989, 2002, 2010, 2021 гг., а также рассчитанным в 2018–2023 гг. Росстатом текущим статистическим показателям.

Обзор литературы

Демографические процессы в целом в России имеют обширную историографию, но молодежь как отдельная категория выделяется в ней не всегда. Еще меньше работ, в которых рассматривается сельская молодежь (Новиков, Стрельцов, 2001). При этом написаны они относительно давно, поэтому представленные в них сведения устарели. Ученые смежных наук также внесли свой вклад в заявленную тему. Так, интерес представляют социологические исследования мотивации, миграции (Вяльшина, Дакирова, 2017; Заседателева, 2020; Зинич, Кондратьева, 2022; Сергиенко, Иванова, 2018), психологические — жизненных установок и ценностных ориентаций (Демченко Кужелев, 2016; Пойда, 2020), экономические — трудовых ресурсов и занятости (Леушкина, 2022). Некоторые ученые пытались подходить к заявленной проблеме комплексно (Муханова, 2015). Таким образом, тему можно считать малоизученной.

Материалы и методы

Согласно Федеральному закону от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации», под молодежью теперь понимается категория лиц в возрасте 14–35 лет включительно. Текущая статистика оперирует данными по пятилетним когортам, переписи часто дают такую же группировку. Поэтому в статье рассматривать будем лиц в возрасте 15–34 лет. Несмотря на «отсечение» верхней и нижней однолетних когорт, тенденции в анализируемой группе не должны сильно отличаться от тех возрастных рамок, которые сегодня определяет законодательство. Для чистоты исследования при анализе переписных данных будем использовать ту же группировку. Оценки возрастного состава населения рассчитаны на основе метода «передвижки по возрастам», когда численность когорт с момента переписи изменяется в зависимости от уровней смертности и миграции. Также в работе использовались общенаучные (анализ и синтез, сравнение) и собственно-исторические методы (историко-генетический, историко-сравнительный). Исследование опиралось на научные принципы объективности и историзма.

Результаты

К концу 1980-х гг. численность населения России достигла пиковых значений. Благодаря антиалкогольной кампании удалось заметно сократить смертность, а предшествующие меры по материальной поддержке семей с детьми привели к повышению рождаемости. В результате к 1989 г. численность населения России превысила 147 млн чел., из которых 73,4 % составляли городские жители, а 26,6 % — сельские. Доля молодежи в возрасте 15–34 лет была значительной и равнялась 30,7 %. Уже тогда существовал перекос в распределении молодых людей, ведь 76,1 % молодежи проживало в городах, а 23,9 % — в сельской местности. Соответственно, удельный вес молодежи в структуре жителей городов был бóльшим — 31,8 %, а сел меньшим — 27,6 % (табл. 1).

Таблица 1

Распределение населения России по возрастным группам (на 1 января)*

Население		1989	2002	2010	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Все население, тыс. чел.		147022	145167	142857	146880	146781	146749	146171	146980	146447
в том числе в возрасте 15–34 лет:	тыс. чел.	45143	44716	43520	38038	37001	36110	35053	34586	33538
	%	30,7	30,8	30,5	25,9	25,2	24,6	24,0	23,5	22,9
Городское население, тыс. чел.		107959	106429	105314	109327	109454	109563	109252	109982	109655
в том числе в возрасте 15–34 лет:	тыс. чел.	34361	34098	32957	28983	28157	27413	26523	26250	25366
	%	31,8	32,0	31,3	26,5	25,7	25,0	24,3	23,9	23,1
Сельское население, тыс. чел.		39063	38738	37543	37553	37327	37186	36919	36998	36792
в том числе в возрасте 15–34 лет:	тыс. чел.	10782	10618	10563	9055	8844	8697	8530	8333	8171
	%	27,6	27,4	28,1	24,1	23,7	23,4	23,1	22,5	22,2

* Данные приведены: 1989 г. — по переписи на 12 января, 2002 г. — по переписи на 9 октября, 2010 г. — по переписи на 14 октября, за остальные годы — оценка на 1 января соответствующего года. По 1926, 1939, 1970, 1979, 1989, 2002, 2010 гг. сумма строк не равна соответствующему итогу в связи с наличием лиц, не указавших возраст. Сведения за 2018 г. и последующие годы приведены с учётом численности населения Республики Крым и г. Севастополя. Данные на 1 января 2022, 2023 гг. приведены с учётом итогов Всероссийской переписи населения 2021 г., данные на 01.01.2023 г. — без учёта Донецкой Народной Республики (ДНР), Луганской Народной Республики (ЛНР), Запорожской и Херсонской областей в связи с отсутствием данных.

Источник: Численность и состав населения: Распределение населения по возрастным группам. Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/12781 (дата обращения: 04.02.2025).

В постсоветский период численность населения начала быстро сокращаться, достигнув к 1 января 2009 г. 142,7 млн чел. Однако затем благодаря ряду факторов, среди которых важное место заняли миграция и принятые государственные программы в сфере демографии, она стала увеличиваться. Особенно большой рост произошел в 2014 г., когда в состав России вошел Крым. К 2018 г. численность населения Российской Федерации достигла 146,9 млн чел., после чего наступила определенная коррекция (табл. 1). Проведенная в 2021 г. перепись населения подтвердила эти расчеты.

Если общая численность населения постсоветской России так и не достигла уровня 1989 г., то в городах заметно превзошла его (109,7 млн чел. на 1 января 2023 г. против 108 млн чел.). Это оказалось возможным в том числе и из-за миграции из села, где количество жителей сократилось. К 2023 г. их осталось 36,8 млн чел., хотя в 1989 г. перепись насчитала 39,1 млн селян.

В возрастной структуре населения доля молодежи стала уменьшаться. Правда, произошло это не сразу после крушения СССР. Например, в 2002 г. удельный вес 15–34-летних составлял 30,8 %. Но когда инерционное пополнение новыми многочисленными когортами взрослевших детей закончилось, а в 15-летний возраст стали вступать малочисленные поколения родившихся уже в постсоветское

время, доля молодежи стала сокращаться. В 2010 г. в Российской Федерации она равнялась 30,5 %, в 2018 г. — 25,9 %, в 2020 г. — 24,6 %, а в 2023 г. — 22,9 %. Учитывая, что возрастная группа 15–34-летних ежегодно в ближайшем будущем по-прежнему будет больше терять, чем приобретать, при относительно стабильной численности населения страны удельный вес молодежи будет, очевидно, сокращаться.

В городах темпы сокращения численности и доли молодежи были выше средних. С 1989 г. по 2023 г. численность 15–34-летних сократилась с 34,4 млн чел. до 25,4 млн чел. (на 26,2 %), а их удельный вес упал до 23,1 %. В сельской местности за тот же период сокращение произошло с 10,8 млн чел. до 8,2 млн чел. (на 24,2 %), что привело к уменьшению доли молодежи на селе до 22,2 %. В итоге диспропорции между городской и сельской молодежью несколько снизились. К 2023 г. 75,6 % молодых людей проживали в городах, а 24,4 % — на селе. Близким к этому было распределение среди всего населения — 74,9 % горожан и 25,1 % селян. Объясняется данная тенденция постарением населения, которое было больше характерно для городов.

Обсуждение

Учитывая показатели естественного движения населения, переломить ситуацию в ближайшие годы не получится. Да, с 2001 г. коэффициент рождаемости неуклонно рос (исключением был 2005 г., давший незначительное уменьшение). Но начиная с 2015 г. и до сих пор мы наблюдаем снижение рождаемости. При этом в сельской местности падение было масштабнее, чем в городах. Рост смертности в России удалось остановить в 2003 г., далее она снижалась, за исключением ряда лет (2005, 2010, 2014, 2020–2021 гг.). В результате в 2013–2015 гг. возник естественный прирост населения. Но его обеспечивали преимущественно городские поселения, в сельской местности прироста не было. Более того, с 2014 г. на селе стала ускоряться естественная убыль, которая в 2021 г. достигла уровня в 7,9 ‰. Депопуляция в сельской местности выразилась в 2021 г. в 291,7 тыс. чел. Поскольку этот год был «ковидным», то модельным он стать не может. Но в 2022 и в 2023 гг. естественная убыль на селе тоже составила немалые величины: 186,8 тыс. чел. и 161,1 тыс. чел. соответственно. Получается, что в обозримом будущем ресурсом для увеличения численности молодежи в структуре сельского населения естественное движение населения быть не может[1].

Возможно, ситуацию изменит миграционное движение. С 2001 по 2018 г. включительно сельская местность России за счет превышения выбывших над прибывшими лишь теряла людей. Затем несколько раз наблюдался положительный баланс. В 2019 г. миграционный прирост составил 10,1 тыс. чел., в 2021 г. — 34,7 тыс. чел., в 2023 г. — 32 тыс. чел. К сожалению, позитивные тенденции сложились благодаря миграционному обмену населением с зарубежными странами. Ужесточение миграционной политики может все изменить.

Анализ передвижений лишь в пределах России показывает, что миграционные потоки по-прежнему направлены из сел в города. Уже с 1994 г. количество

[1] Естественное движение населения: Рождаемость, смертность и естественный прирост Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/12781 (дата обращения: 04.02.2025).

прибывших из сельской местности России в города страны превышает число выбывших в обратном направлении. Однако в 2023 г. это число уменьшилось всего до 1,8 тыс. чел.

Молодые люди традиционно являются одной из самых подвижных категорий населения. Так, в 2023 г. доля молодежи в возрасте 15–34 лет среди всех прибывших в сельскую местность равнялась 35,7 %, а среди выбывших из сельской местности — 38,5 %. Показательно распределение внутри молодежной когорты. Миграционное сальдо у 15–19-летних, которые в массе уезжали на учебу, для села было отрицательным и равнялось 24,2 тыс. чел. Среди 20–24-летних, в основном возвращающихся с учебы, сальдо было уже положительным и составило 13,5 тыс. чел. Те, кто был постарше, в большинстве также уезжали из деревни. За 2023 г. из сельской местности выехало на 8,7 тыс. чел. в возрасте 25–34 лет больше, чем вернулось обратно[1].

Заключение

Подводя итог, можно сказать, что положение молодежи в сельской местности остается непростым. Ее численность и доля в составе селян сокращаются. Слабым утешением является еще большее сокращение удельного веса молодежи среди городского населения. Предпосылки для перелома данной тенденции пока не прослеживаются. Продолжается миграционный отток из деревни (как в целом селян, так и молодежи в частности), причем без учета международной миграции он был бы еще больше. Низкая рождаемость не позволяет перекрывать высокую смертность, что влечет естественную убыль сельского населения. Следовательно, принимаемые государством меры ни в сфере демографии, ни в области АПК нельзя признать достаточными.

Список литературы

Вяльшина, А. А., Дакирова, С. Т. (2017). Выбор профессии сельской молодежью. *Островские чтения, 1,* 483–487. EDN: ZPEEBZ

Демченко, В. И., Кужелев, М. А. (2016). К проблеме формирования жизненных ориентаций молодежи. *Экономические и гуманитарные исследования регионов, (5),* 87–92. EDN: WWSEQH

Заседателева, Е. И. (2020). Карьерные ожидания в проблемном поле жизненных стратегий сельской молодежи. *Сибирский философский журнал, 18*(3), 71–80. http://doi.org/10.25205/2541-7517-2020-18-3-71-80

Зинич, А. В., Кондратьева, О. В. (2022). Профессиональное самоопределение: взгляд городской и сельской молодежи. *Экономика труда, 9*(12), 1985–1996 http://doi.org/10.18334/et.9.12.116751

Леушкина, В. В. (2022). Демографический и кадровый аспект развития сельских территорий Сибирского федерального округа. *Экономика труда, 9*(10), 1527–1540. http://doi.org/10.18334/et.9.10.116359

Муханова, М. Н. (2015). Сельская молодежь России: настоящее и будущее. *Россия и современный мир, 3,* 26–42. EDN: UXLCIP

[1] Численность и миграция населения Российской Федерации. Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13283 (дата обращения: 04.02.2025).

Новиков, В. Г., Стрельцов, В. Я. (2001). Молодежь села: состояние и оценка демографической ситуации. *Достижения науки и техники АПК, 9,* 37–40. EDN: ONWENW

Пойда, Е. Е. (2020). Трансформация духовно-нравственных ценностей современной сельской молодежи. *Вестник Донского государственного аграрного университета, (1–2),* 8–12. EDN: RXIFXQ

Сергиенко, А. М., Иванова, О. А. (2018). Миграция сельской молодежи в аграрном регионе: тенденции и регуляторы. *Регион: Экономика и социология, (1),* 116–141. http://doi.org/10.15372/REG20180106

References

Demchenko, V. I., & Kuzhelev, M. A. (2016). To the problem of young people's life orientations formation. *E`konomicheskie i gumanitarny`e issledovaniya regionov [Economical and Humanitarical Researches of the Regions], (5),* 87–92. EDN: WWSEQH (In Russ.)

Leushkina, V. V. (2022). Demographic and personnel aspects of rural territories development in the Siberian Federal District. *E`konomika truda [Russian Journal of Labor Economics], 9*(10), 1527–1540. http://doi.org/10.18334/et .9.10.116359 (In Russ.)

Mukhanova, M. N. (2015). The Rural Youth in Russia: the Present and the Future. *Rossiya i sovremenny`j mir [Russia and the Contemporary World], 3,* 26–42. EDN: UXLCIP (In Russ.)

Novikov, V. G., & Streltsov, V. Ya. (2001). Rural youth: the state and assessment of the demographic situation. *Dostizheniya nauki i texniki APK [Achievements of Science and Technology in Agro-Industrial Complex], (9),* 37–40. EDN: ONWENW (In Russ.)

Poida, E. E. (2020). Transformation of spiritual and moral values of modern rural youth. *Vestnik Donskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta [Vestnik of Don State Agrarian University], (1–2),* 8–12. EDN: RXIFXQ (In Russ.)

Sergienko, A.M., & Ivanova, O. A. (2018). Rural youth migration in an agrarian region: trends and regulating factors. *Region: Ekonomika i Sotsiologiya, (1),* 116–141. http://doi.org/10.15372/REG20180106 (In Russ.)

Sozdateleva, E. I. (2020). Career expectations in the problem fieldof rural youth life strategies. *Sibirskij filosofskij zhurnal [Siberian Philosophical Journal], 18*(3), 71–80. http://doi.org/10.25205/2541-7517-2020-18-3-71-80 (In Russ.)

Vyalshina, A. A. & Dakirova, S. T. (2017). The choice of profession by rural youth. *Ostrovskie chteniya [Ostrovsky Readings], 1,* 483–487. EDN: ZPEEBZ (In Russ.)

Zinich, A.V., & Kondratieva, O. V. (2022). Professional identity: the perspective of urban and rural youth. *E`konomika truda [Russian Journal of Labor Economics], 9*(12), 1985–1996 http://doi.org/10.18334/et .9.12.116751 (In Russ.)

Уваров Сергей Николаевич — кандидат исторических наук, заведующий кафедрой, Удмуртский государственный аграрный университет; https://orcid.org/0000-0002-6451-9245 (Российская Федерация, 426069, г. Ижевск, ул. Студенческая, д. 11, e-mail: sergey.uvarov@mail.ru).

Sergey N. Uvarov — PhD (Hist.), Head of Department, Udmurt State Agrarian University, https://orcid.org/0000-0002-6451-9245 (11 Studencheskaya str., Izhevsk, 426069, Russian Federation, e-mail: sergey.uvarov@mail.ru).

УДК 331.5(470.1/.2+571)
JEL classification: J10, J11, J21
https://www.doi.org/10.17059/udf-2025-2-20

Ресурсы труда: фактор роста или ограничения экономического развития северных территорий России[1]

В.В. Фаузер

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (г. Сыктывкар, Россия)

https://orcid.org/0000-0002-8901-4817

Автор для корреспонденции: В.В. Фаузер (fauzer.viktor@yandex.ru).

Аннотация. *Север России в новейшей истории стал регионом, испытывающим острую нехватку человеческих ресурсов, исключение составляют автономные округа, имеющие относительно высокую заработную плату и набор жизненных благ выше российского уровня. По статусу все человеческие ресурсы Севера России можно разделить на три группы: старожильческое население и мигранты первого поколения; статусные этносы шести национальных республик; коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока, проживающие как в автономных округах, так и на просторах Севера и Арктики. Каждая группа населения демонстрирует разноплановую демографическую динамику, имеет разную стратегию вида занятости и проживания в регионе. На материалах переписей населения рассмотрена динамика численности населения для каждой группы населения, сделан вывод, что трудообеспеченность северных регионов России в обозримой перспективе будет испытывать определенные трудности.*

Ключевые слова: Север России; человеческие ресурсы; статусные этносы; коренные малочисленные народы.

Labor resources: a factor of growth or limitations of economic development of the northern territories of Russia

V. Fauzer

Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Science Centre Ural Branch of the RAS (Syktyvkar, Russia)

https://orcid.org/0000-0002-8901-4817

Corresponding author: V. Fauzer (fauzer.viktor@yandex.ru).

Abstract. *In recent history, the Russian North has become a region experiencing an acute shortage of human resources, with the exception of autonomous districts that have relatively high wages and a set of living benefits above the Russian level. By status, all human resources of the North of Russia can be divided into three groups: old-timers and first-generation migrants; status ethnic groups of six national republics; indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East living both in autonomous districts and in the vast expanses of the North and the Arctic. Each population group demonstrates diverse demographic dynamics, has a different strategy for the type of employment and residence in the region. Based on the population census data, the population dynamics for each population group are considered, and a conclusion is made that the labor force in the northern regions of Russia will experience certain difficulties in the foreseeable future.*

Keywords: The North of Russia; human resources; status ethnic groups; indigenous peoples.

[1] © Фаузер В. В. Текст. 2025.

Введение

В XXI в. «главным критерием экономического развития общества становится понимание им человеческих и интеллектуальных ресурсов с позиций их непреходящей ценности. Существует достаточно много категорий применительно к населению, участвующему в процессе труда: трудовые ресурсы, трудовой потенциал, демографический потенциал, человеческий потенциал, рабочая сила, человеческие ресурсы и ряд других» (Фаузер, 2024с, с. 6).

Важность понимания роли человеческих ресурсов для экономики страны, отдельного региона отмечал еще величайший экономист и философ XIX в. Карл Маркс. Он писал, что пониманию сущности резервов человеческого фактора в экономике способствует рассмотрение человека в качестве активной производительной силы, активного субъекта отношений собственности, обмена, распределения и потребления. Благодаря своему труду, своему вкладу в производство, и, в первую очередь, производство материальных благ, человек занимает центральное место в структуре производительных сил общества. Человек способен «быть источником стоимости, притом большей стоимости, чем имеет он сам» (Маркс, Энгельс, 1960, с. 205).

Кроме теории прибавочной стоимости, в «Капитале» К. Маркс выделял личный и вещественный факторы производства, при этом в качестве личного фактора выступает сам человек как носитель рабочей силы, а под вещественным фактором производства подразумеваются средства производства, которые в свою очередь состоят из средств труда и предметов труда (Маркс, Энгельс, 1960, с. 188–197). В настоящее время в рыночной экономике выделяют факторы производства: земля (рента); труд (заработная плата); капитал (процент); предпринимательские способности (прибыль); информация (роялти). Не останавливаясь на анализе каждого фактора, отметим лишь, что без человеческих ресурсов все остальные останутся лишь мертвым ресурсом, не имеющим стоимости и своей полезности.

Ресурсы труда для экономики находят свою реализацию в трудовой деятельности. Выйдя из мира животных, человек большую часть своего времени проводил в труде. Благодаря труду он различными способами присваивал данное природой, обеспечивая свое существование. На важную роль труда в возникновении человека и человеческого общества, на его значение для существования человека указывал еще Фридрих Энгельс: «Труд, — пишет он, — источник всякого богатства, утверждают политэкономы. Он действительно является таковым наряду с природой, доставляющей ему материал, который он превращает в богатство. Но он еще и нечто бесконечно большее, чем это. Он — первое основное условие всей человеческой жизни и притом в такой степени, что мы в известном смысле должны сказать: труд создал самого человека» (Маркс, Энгельс, 1961, с. 486).

Для оценки роли «фактора труда» в качестве основной экономической категории в статье будем использовать «ресурсы труда для экономики». Под экономикой как хозяйством будем понимать «систему хозяйствования, включающую отрасли материального производства (промышленность, сельское хозяйство, транспорт и т. д.) и нематериальной сферы (образование, культура, здравоохранение и т. д.), обеспечивающую общество материальными и нематериальными благами». То есть оценке подлежат все человеческие ресурсы, участвующие или готовые приступить к трудовой деятельности.

Для оценки «ресурсов труда для экономики» органы статистики используют категорию «рабочая сила» — лица в возрасте 15 лет и старше, которые в рассматриваемый период (обследуемую неделю) считаются занятыми или безработными. Рабочая сила, или население, активное в данный момент, включает всех лиц, удовлетворяющих требованиям для отнесения их к числу занятых или к числу безработных. Обследование рабочей силы позволяет наиболее полно характеризовать формы и сферы приложения труда занятого населения (Фаузер, 2022, с. 7–8).

Ресурсы труда для экономики можно рассматривать с разных сторон, как в теоретическом, так и практическом плане, с точки зрения разных наук — от классической политэкономии до социологии и демографии. Однако нельзя забывать, что в основе воспроизводства ресурсов труда лежат демографические процессы (Фаузер, 2010, с. 143–160). Исходя из последнего утверждения, в статье «ресурсы труда для экономики» будут рассмотрены на принципах демографического детерминизма, основанного на идее об определяющей роли населения в общественном развитии (Валентей, 1985, с. 113). О демографическом детерминизме можно говорить только в том случае, «когда не просто признается влияние демографического фактора на развитие общества, а когда он рассматривается в качестве главной силы, определяющей либо характер общественного строя, либо подъем общества с одной стадии развития на другую, либо то и другое вместе» (Семенов, 2003, с. 266).

Определяющая роль человеческих ресурсов или ресурсов труда для экономики подчеркивается и современными авторами. Создание социально-экономических условий для реализации инновационной экономики на Севере, несомненно, является результатом деятельности человеческих ресурсов различного качества. К сожалению, «Север сегодня не обладает требуемыми человеческими ресурсами даже для начального развития или элементарного обеспечения нашего присутствия в регионе, для выполнения всех намеченных программ в регионе должно проживать и заниматься высокотехнологичной производственной деятельностью не менее 7–8 млн человек» (Половинкин, 2013, с. 26, 29). На большей части территории страны «численность населения уменьшается, а его качество ухудшается. Наблюдаются постарение населения и негативные изменения его половозрастной структуры, низкий уровень рождаемости, высокая смертность, в том числе в трудоспособном возрасте, низкая продолжительность жизни. Социальная среда на разных территориальных уровнях, включающая в себя расселение населения, градостроительную среду, социальную сферу и сферу услуг, в высокой степени поляризована» (Золотокрылин и др., 2018, с. 5).

Все население и ресурсы труда можно разделить на три категории: 1) старожильческое население и мигранты первого поколения, 2) статусные северные этносы, 3) коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока (Фаузер и др., 2024, с. 287). Рассмотрим демографическую динамику каждой группы населения в отдельности за период с 1989 по 2024 г. Сделаем еще одно методическое пояснение, что в работе понимается под «Севером России», а что под «российским Севером». «Север России» включает 13 регионов, относимых к районам Крайнего Севера и местности, приравненные к районам Крайнего Севера, полностью и 11 регионов, относимых к районам Крайнего Севера и местности, приравненные к районам Крайнего Севера — частично. «Российский

Север» включает 13 регионов, относимых к районам Крайнего Севера и местности, приравненные к районам Крайнего Севера — полностью. Он, в свою очередь, делится на Европейский и Азиатский Север.

Основная часть

Численность населения Севера России. О миграционных потерях Севера России написано достаточно много монографических работ (Фаузер и др., 2022; Фаузер и др., 2016) и статей в научных журналах (Лыткина, Смирнов, 2019; Фаузер, Лыткина, 2017; Мкртчян, 2020). С 1989 по 2024 г. численность населения Севера России сократилась на 3 млн 457,7 тыс. человек, что составляет 27,0 % от численности населения 1989 г. Самые существенные потери понесли регионы, входящие в Север частично, — 38,7 %, а также Европейский Север — 39,3 %, незначительными они были на Азиатском Севере — 375,2 тыс. человек, или 7,6 %. Превращение Сибири в центр нефтегазодобычи изменило соотношение в численности населения между востоком и западом. Если в 1989 г. на Европейском Севере проживало 37,3 %, а на Азиатском — 38,4 %, то в 2024 г. уже 31,0 и 48,6 % соответственно. Регионы, входящие в Север частично, постоянно снижали свою долю с 24,3 % в 1989 г. до 20,4 % в 2024 г. (табл. 1).

Население Севера России без учета населения республик и автономных округов. Это основная группа населения, обеспечивающая ресурсами труда народное хозяйство Севера России (в 1989 г. — 56,2 %, в 2024 г. — 45,8 %). Для понимания, что включает первая группа населения, то есть для «чистоты анализа», из общей численности населения Севера России исключим численность населения статусных республик и автономных округов, это первое условное допущение. Второе условное допущение — из указанной численности выпало некоренное население статусных республик. Если в статусных республиках все население можно разделить на статусных и не статусных, то сделать это по регионам, входящим в Север частично, не представляется возможным, за исключением переписи населения 2021 г.

Население Севера России с 1989 по 2024 г. сократилось на 2911,7 тыс. человек, что к уровню 1989 г. составило 40,5 %. Потери населения российского Севера

Таблица 1

Численность населения Севера России, переписи населения 1989–2021 гг. и данные текущего учета 2023–2024 гг., человек

Регион	Год					
	1989	2002	2010	2021	2023	2024
Север России	12807752	10818872	10158433	9406461	9350269	9350079
Российский Север	9692919	8300687	7916951	7455221	7427695	7441483
Европейский Север	4775262	3964028	3567772	2959025	2918699	2898976
Азиатский Север	4917657	4336659	4349179	4496196	4508996	4542507
Регионы, входящие в Север частично	3114833	2518185	2241482	1951240	1922574	1908596

Источники: Переписи населения Российской Империи, СССР, 15 новых независимых государств. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php; Итоги Всероссийской переписи населения 2021 года. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020; Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям: стат. бюлл. URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282 (дата обращения: 02.05.2025).

составили 41,4 %, а регионов, входящих в Север частично, — 39,1 %. Среди северных субъектов больше всего потеряли население Магаданская — 65,9 и Амурская области — 57,7 % и Забайкальский край — 58,1 %. По доле населения лидирует российский Север, в 1989 г. на него приходилось 59,1 %, а на регионы, входящие в Север частично, — 40,9 %, в 2024 г. это соотношение примерно сохранилось — 58,2 и 41,8 % соответственно (табл. 2).

Статусные этносы Севера России. Следующая группа населения включает статусные этносы. Первое представление о демографическом потенциале статусных этносов дает информация об их численности. Так, на 1 января 2024 г. численность населения шести статусных республик составляла 3766361 человек, или 2,6 % от численности населения России (146150789 человек). Если бы это был один крупный регион, то он бы по численности населения расположился между Тюменской областью (включая ХМАО и ЯНАО) с численностью населения 3890800 (2,66 % от численности населения РФ, 8-е место) и Челябинской областью — 3395798 человек (2,32 %, 9-е место), то есть был бы на девятом месте

Таблица 2

Численность населения Севера России без учета населения статусных республик и автономных округов, переписи населения 1989–2021 гг. и данные текущего учета 2023–2024 гг., человек

Субъект	Год					
	1989	2002	2010	2021	2023	2024
Север России	7193331	5648460	5064093	4371306	4309098	4281589
Российский Север	4254214	3275719	2957993	2541016	2506582	2492210
Европейский Север	2680353	2187497	1980945	1646617	1623002	1612286
Архангельская обл. без НАО	1515767	1294963	1185536	978873	964304	955848
Мурманская область	1164586	892534	795409	667744	658698	656438
Азиатский Север	1573861	1088222	977048	894399	883580	879924
Камчатский край	471932	358801	322079	291705	288730	288947
Магаданская область	391687	182726	156996	136085	134315	133387
Сахалинская область	710242	546695	497973	466609	460535	457590
Регионы, входящие в Север частично	2939117	2372741	2106100	1830290	1802516	1789379
Пермский край	45407	38748	32215	27840	27030	26481
Тюменская область без АО	18861	19271	19452	18686	18622	18683
Томская область	267329	233270	207504	180874	177798	176147
Красноярский край	675464	530625	455233	411981	409562	409874
Иркутская область	783663	655611	588941	505634	496010	491069
Забайкальский край	42512	25635	23168	18770	18232	17813
Амурская область	185024	117416	105812	81779	79464	78229
Хабаровский край	765516	630131	564980	494966	488121	484870
Приморский край	155341	122034	108795	89760	87677	86213

Источники: Переписи населения Российской Империи, СССР, 15 новых независимых государств. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php; Итоги Всероссийской переписи населения 2021 года. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020; Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям: стат. бюлл. URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282 (дата обращения: 02.05.2025).

среди регионов России. Каждая республика в отдельности занимает более скромное место среди регионов России: Республика Саха (Якутия) — 50-е, Республика Бурятия — 52-е, Республика Коми — 62-е, Республика Карелия — 73-е, Республика Тыва — 78-е и Республика Алтай — 81-е место.

Северные республики отличаются от других регионов России большой занимаемой площадью, но при этом очень низкой плотностью населения. На первом месте по площади среди субъектов России стоит Республика Саха (Якутия), она занимает 3 млн 83,5 тыс. км^2, что составляет 18,01 % от площади России. Среди северных республик Республика Коми стоит на втором месте, занимает площадь в 416774 км^2 (11-е место по России), самую маленькую площадь занимает Республика Алтай — 92903 км^2 (35-е место по России) (табл. 3).

На Европейском Севере обе республики теряли население, но Коми быстрее. Так, если в 1989 г. на Карелию приходилось 16,5 % от численности населения Европейского Севера, а Коми — 26,2 %, то в 2024 г. Карелия увеличила свою долю до 18,1 %, а Коми снизила до 24,9 %. На Азиатском Севере обе республики демонстрировали рост своей численности, но Республика Саха (Якутия) незначительно снизила свое представительство с 22,2 до 22,1 %, а Тыва увеличила с 6,3 до 7,4 %. В регионах, входящих в Север частично, Республика Алтай увеличила как свою численность на 110,5 %, так и свою долю — с 0,9 до 1,6 %; Республика Бурятия потеряла 59411 человек, а доля снизилась с 4,8 до 4,6 % (табл. 4).

Динамика численности статусных этносов, проживающих в национальных республиках. В рамках исследования демографического развития титульных этносов представляет интерес рассмотрение динамики численности населения шести титульных этносов: алтайцев, бурят, карел, коми, тувинцев и якутов. Для сравнительного анализа названные этносы разделены на две группы: 1) проживающие

Таблица 3

Распределение северных республик по численности населения, занимаемой площади и плотности населения, на начало 2024 г.*

Республика	Всё население, человек	% от общей численности населения РФ	Ранг по численности населения	Площадь, км^2	Ранг по занимаемой площади	Плотность населения, чел/км^2
Республика Саха (Якутия)	1001664	0,69	50	3083523	1	0,32
Республика Бурятия	971922	0,67	52	351334	14	2,77
Республика Коми	720610	0,49	62	416774	11	1,73
Республика Карелия	523856	0,36	73	180520	17	2,90
Республика Тыва	337544	0,23	78	168604	20	2,00
Республика Алтай	210765	0,14	81	92903	35	2,27

*Ранжировано по численности населения

Источники: Переписи населения Российской Империи, СССР, 15 новых независимых государств. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php; Итоги Всероссийской переписи населения 2021 года. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020; Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям: стат. бюлл. URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282 (дата обращения: 02.05.2025).

Таблица 4

Численность населения республик Севера России, переписи населения 1989–2021 гг. и данные текущего учета 2023–2024 гг., человек

Республика	Год					
	1989	2002	2010	2021	2023	2024
Европейский Север	4775262	3964028	3567772	2959025	2918699	2898976
Республика Карелия	790150	716281	643548	533121	527880	523856
Республика Коми	1250847	1018674	901189	737853	726434	720610
Всего	2040997	1734955	1544737	1270974	1254314	1244466
Азиатский Север	4917657	4336659	4349179	4496196	4508996	4542507
Республика Саха (Якутия)	1094065	949280	958528	995686	997565	1001664
Республика Тыва	308557	305510	307930	336651	337271	337544
Всего	1402622	1254790	1266458	1332337	1334836	1339208
Регионы, входящие в Север частично	3114833	2518185	2241482	1951240	1922574	1908596
Республика Алтай	27634	28934	29651	29951	30310	30546
Республика Бурятия	148082	116510	105731	90999	89748	88671
Всего	175716	145444	135382	120950	120058	119217
Итого	3619335	3135189	2946577	2724261	2709208	2702891

Источники: Переписи населения Российской Империи, СССР, 15 новых независимых государств. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php; Итоги Всероссийской переписи населения 2021 года. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020; Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям: стат. бюлл. URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282 (дата обращения: 02.05.2025).

в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях и 2) входящие в районы Крайнего Севера — частично.

По первой группе с 1926 по 2021 г. численность населения увеличилась на 374 175 человек, по второй — на 117 957, в целом по шести этносам — на 492 132 человека, прирост соответственно составил 70,9; 47,1 и 63,2 %. За рассматриваемый период каждый этнос продемонстрировал свою динамику. Карелы и коми значительно уменьшили свой демографический потенциал, в 2021 г. их осталось к уровню 1926 г. 25,7 и 66,5 % соответственно, оба этноса проживают на Европейском Севере. Азиатские статусные этносы продемонстрировали хорошо растущую демографическую динамику: прирост алтайцев составил 105,7, у якутов — 98,9 %. Восходящую демографическую динамику продемонстрировали буряты, с 1939 по 1921 г. они увеличили свою численность в 2,5 раза, и тувинцы, с 1959 по 2021 г. они увеличили свою численность в 2,9 раза (табл. 5).

Расселение статусных этносов. Можно отметить и такую положительную тенденцию для всех статусных этносов, как их локализацию в своих национальных республиках. В настоящее время (2021 г.) наиболее сконцентрировано проживают на этнической родине следующие этносы: в Республике Саха (Якутия) якуты составляют 98,1 % (от их численности в РФ); в Республике Тыва — тувинцы — 94,7 %; в Республике Алтай — алтайцы — 93,7 %; в Республике Коми — коми — 88,6 %; в Республике Карелия — карелы — 79,9 %; в Республике Бурятия — буряты — 64,2 %, то есть за пределами своей этнической родины проживает больше всего

Таблица 5

Численность статусных этносов, проживающих в национальных республиках Севера России, переписи населения 1926–2021 гг., человек

Национальность	Год								
	1926	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010	2021
Карелы	100781	108571	85473	84180	81274	78928	65651	45570	25901
Коми	191245	231301	245074	276178	280798	291542	256464	202348	127089
Тувинцы	—	—	97996	135306	161888	198448	235313	249299	279789
Якуты	235926	233273	226053	285749	313917	365236	432290	466492	469348
Итого	527952	573145	654596	781413	837877	934154	989718	963709	902127
Алтайцы	35601	39285	38019	46750	50203	59130	62192	68814	73242
Буряты	214957*	116382	135798	178660	206860	249525	272910	286839	295273
Итого	250558	155667	173817	225410	257063	308655	335102	355653	368515
Всего	778510	728812	828413	1006823	1094940	1242809	1324820	1319362	1270642

* — по переписи 1926 г. входили в состав Бурято-Монгольской АССР.

Источники: Переписи населения Российской Империи, СССР, 15 новых независимых государств. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php; Итоги Всероссийской переписи населения 2021 года. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020 (дата обращения: 02.05.2025).

бурят — 35,8 %. В то же время необходимо отметить такой положительный сдвиг в расселении двух этносов: карелы увеличили свое представительство на этнической родине на 36,4 п. п., а коми — на 32,9 п. п. Скромнее, но тоже наметилась положительная динамика у бурят, прирост составил — 11,5 п. п. и у алтайцев — 9,2 п. п. (табл. 6).

Численность населения автономных округов. В особом ряду по демографической динамике стоят автономные округа (АО). Ненецкий АО (НАО) входит в состав Архангельской области, Ханты-Мансийский АО (ХМАО) территориально является частью Тюменской области, Ямало-Ненецкий АО (ЯНАО) входит в Тюменскую область, а Чукотский АО (ЧАО) является самостоятельным субъектом РФ. По занимаемой площади на первом месте стоит ЯНАО — 769250 км^2 (4,49 % от площади РФ), за ним следует ЧАО — 721481 км^2 (4,21 %), на третьем месте стоит ХМАО — 534801 км^2 (3,12 %), замыкает НАО — 176810 км^2 (1,03 %, или 19 место по РФ).

Таблица 6

Доля титульных этносов, проживающих в национальных республиках Севера России от их общей численности в населении России, переписи населения 1939–2021 гг., %

Республики	Титульный этнос	Год							
		1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010	2021
Республика Алтай	алтайцы	84,5	85,1	85,6	85,3	85,2	92,9	92,7	93,7
Республика Бурятия	буряты	52,7	54,0	57,1	59,1	59,8	61,3	62,2	64,2
Республика Карелия	карелы	43,5	52,1	59,6	61,0	63,2	70,3	74,9	79,9
Республика Коми	коми	55,7	86,8	87,6	87,7	86,7	87,4	88,7	88,6
Республика Саха (Якутия)	якуты	96,4	95,7	96,8	96,1	96,1	97,4	97,6	98,1
Республика Тыва	тувинцы	—	98,1	97,3	97,9	96,3	96,7	94,5	94,7

Источники: Переписи населения Российской Империи, СССР, 15 новых независимых государств. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php; Итоги Всероссийской переписи населения 2021 года. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020 (дата обращения: 02.05.2025).

По группе АО прирост за 1989–2024 гг. составил 370513 человек, среди четырех АО стабильно восходящую динамику демонстрирует ХМАО, население округа увеличилось на 476990 человек, или на 137,2 %. Ненецкий и Ямало-Ненецкий АО демонстрировали разнонаправленную динамику от средней величины, не влияя на общую динамику. А вот Чукотский АО сократил свою численность в 3,4 раза (табл. 7).

Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока. По переписи населения 2021 г. численность коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (КМНС) составила 262 615 чел., 11 этносов имеют численность населения более 5 тыс. чел., 17 этносов — от 1 до 5 тыс. и 12 этносов имеют численность населения менее 1 тыс. чел. Наиболее многочисленными коренными этносами являются ненцы (49,8 тыс. чел.), эвенки (39,4), ханты (31,6), эвены (ламуты) (20,0), чукчи (16,2), манси (12,3), нанайцы (11,7) и шорцы (10,6). Самыми малочисленными в полном смысле этого слова стали алюторцы — 97 и кереки — 23 человека (Фаузер, 2024b, с. 14).

Анализируя динамику КМНС с 1989 по 2021 г., можно отметить, что в целом по всем народам она положительная. Список из 26 народностей Севера дал прирост населения с 1989 по 2021 г. 39 253 чел. (рост 121,6 %), новый перечень из 40 народностей дал прирост 53211 чел. (рост 125,4 %). Основной прирост дали этносы первого списка из 26 этносов — 73,8 %. По демографической динамике все КМНС можно разбить на пять групп.

Первая группа включает 11 народностей, показавших положительную динамику, прирост составил 51348 чел. В этой группе наибольший рост продемонстрировали юкагиры — 163,0 %, манси — 148,7 %, ненцы — 145,6 % и ханты — 141,8 %. В этой же группе в период 2002–2021 гг. увеличение имели тубалары — 234,8 %, сойоты — 158,2 % и челканцы — 153,7 %.

Вторая группа, самая многочисленная, включающая 13 народностей, показывала постоянную убыль населения. Семь народов из списка 26 за 1989–2021 гг. дали убыль в 3893 чел., а из списка 40 народностей за 2002–2021 гг. убыль составила 11 354 чел. Самое значительное уменьшение произошло у вепсов — 3553, шорцев — 3394 и коряков — 1245 человек.

Таблица 7

Численность населения автономных округов Севера России, переписи населения 1989–2021 гг. и данные текущего учета 2023–2024 гг., человек

Автономные округа	Год					
	1989	2002	2010	2021	2023	2024
Ненецкий АО	53912	41546	42090	41434	41383	42224
Ханты-Мансийский АО	1282396	1432817	1532243	1711480	1730353	1759386
Ямало-Ненецкий АО	494844	507006	522904	510490	512387	515960
Чукотский АО	163934	53824	50526	47490	47840	48029
Всего	1995086	2035193	2147763	2310894	2331963	2365599

Источники: Переписи населения Российской Империи, СССР, 15 новых независимых государств. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php; Итоги Всероссийской переписи населения 2021 года. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020 (дата обращения: 02.05.2025).

В третью группу вошли 12 народностей, имевших рост численности населения (2002–2010 гг.), а затем её убыль. С 1989 по 2010 г. прирост по этой группе составил 9767 чел., а в период 2010–2021 гг. она уменьшилась на 5018 чел. Высокая убыль наблюдалась у кетов, нивхов, уйльтов и саамов. В четвертой группе кереки, тувинцы-тоджинцы и чулымцы после убыли продемонстрировали рост своей численности. И наконец, особняком стоят нганасаны. Их численность уменьшалась в период с 1989 по 2002 г. на 428, затем она увеличилась на 28 и вновь уменьшение на 169 человек (табл. 8).

Таблица 8

Группировка коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока по динамике численности населения, переписи населения 1989–2021 гг., человек

Перечень народностей — 40 этносов	Год			
	1989	2002	2010	2021
Положительная динамика — 11	117456	146665	158398	168804
Алюторцы	…	…	—	97
Долганы	6584	7261	7885	8182
Манси	8279	11432	12269	12308
Ненцы	34190	41302	44640	49787
Сойоты	…	2769	3608	4380
Тубалары	…	1565	1965	3675
Ханты	22283	28678	30943	31600
Челканцы	…	855	1181	1314
Чукчи	15107	15767	15908	16228
Эвенки	29901	35527	38396	39420
Юкагиры	1112	1509	1603	1813
Отрицательная динамика — 13	45402	46741	41367	35387
Алеуты	644	540	482	399
Вепсы	12142	8240	5936	4687
Камчадалы	…	2293	1927	1564
Коряки	8942	8743	7953	7498
Кумандинцы	…	3114	2892	2456
Негидальцы	587	567	513	483
Орочи	883	686	596	530
Тазы	…	276	274	236
Телеуты	…	2650	2643	2241
Удэгейцы	1902	1657	1496	1328
Ульчи	3173	2913	2765	2481
Чуванцы	1384	1087	1002	903
Шорцы	15745	13975	12888	10581
Рост — убыль — 12	45284	52876	55051	50033
Ительмены	2429	3180	3193	2622
Кеты	1084	1494	1219	1096
Нанайцы	11883	12160	12003	11668
Нивхи	4631	5162	4652	3863

Окончание табл. 8 на след. стр.

Окончание табл. 8

Перечень народностей — 40 этносов	Год			
	1989	2002	2010	2021
Саами	1835	1991	1771	1550
Селькупы	3564	4249	3649	3491
Теленгиты	…	2399	3712	2916
Тофалары	722	837	762	721
Уйльта [в 2002 Ульта (ороки)]	179	346	295	269
Эвены	17055	19071	21830	19975
Энцы	198	237	227	203
Эскимосы	1704	1750	1738	1659
Убыль — рост — 3	…	5106	2217	7698
Кереки	…	8	4	23
Тувинцы-тоджинцы	…	4442	1858	7293
Чулымцы	…	656	355	382
Убыль — рост — убыль — 1	1262	834	862	693
Нганасаны	1262	834	862	693
Всего — 40 народов	209404	252222	257895	262615
из них 26	181517	208980	218652	220770

Источник: Фаузер, 2024а, с. 300–301.

Заключение

В «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года» значительная роль отводится северным и арктическим территориям, они полным списком вошли в «Перечень геостратегических территорий Российской Федерации»[1]. Представляет интерес показатель пространственного развития: «Отношение численности постоянно проживающего населения на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в Дальневосточный федеральный округ и Арктическую зону Российской Федерации, к уровню 2023 года (%)». Значение на 2023 г. (базовый): 100 %. Инерционный сценарий предполагает: 2030 г. — 97 %, 2036 г. — 95 %. Целевой сценарий предполагает: 2030 г. — не менее 100 %, 2036 г. — не менее 100 %. Национальная цель достижения этого показателя — сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи; комфортная и безопасная среда для жизни.

Фактически в 2023 г. население российского Севера составляло 7 427,7 тыс. чел., к 2030 г. должно остаться 97 % — 7 204,9 тыс. чел. По прогнозу Росстата в 2030 г. должно быть 7 298,6 тыс. чел., то есть Север не досчитается 93,7 тыс. чел. Из этого следует, что проблема человеческих ресурсов по-прежнему будет стоять в числе важнейших.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00482, https://rscf.ru/project/25-28-00482/.

[1] Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 4146-р.

Автор выражает благодарность Журавлеву Н., Фаузер Г. и Панариной И. за помощь в подготовке рукописи к печати.

Acknowledgements

The study was supported by the grant of Russian Science Foundation No. 25-28-00482, https://rscf.ru/project/25-28-00482/.

The author expresses gratitude to Zhuravlev N., Fauzer G. and Panarina I. for their assistance in preparing the manuscript for publication.

Список источников

Валентей, Д.И. (ред.). (1985). *Демографический энциклопедический словарь*. Москва: Советская энциклопедия, 608.

Золотокрылин, А.Н., Виноградова, В.В., Глезер, О.Б. (ред.). (2018). *Природно-климатические условия и социально-географическое пространство России*. Москва: Институт географии РАН, 154.

Лыткина, Т.С., Смирнов, А.В. (2019). Вытеснение на Российском Севере: миграционные процессы и неолиберальная политика. *Арктика и Север, 37,* 94–117. http://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2019.37.94

Маркс К., Энгельс Ф. (1960). *Сочинения*. 2-е изд. Т. 23. Москва: Государственное издательство политической литературы, 907.

Маркс К., Энгельс Ф. (1961). *Сочинения*. 2-е изд. Т. 20. Москва: Государственное издательство политической литературы, 827.

Мкртчян, Н. В. (2020). Роль миграции в динамике численности и структуры населения регионов Крайнего Севера и приравненных к нему местностей. *Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, 18,* 431–448. http://doi.org/10.47711/2076-318-2020-431-448

Половинкин, В.Н. (2013). Человеческие ресурсы — главная проблема развития Севера. *Арктика: экология и экономика, 12* (4), 26–31.

Семенов, Ю.И. (2003). *Философия истории. (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней)*. Москва: «Современные тетради», 776.

Фаузер, В.В. (2024a). Коренные малочисленные народы Российского Севера в зеркале переписей населения. *Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета, 4* (3), 288–305. https://doi.org/ 10.34130/2070-4992-2024-4-3-288

Фаузер, В.В. (2024b). Методические подходы к исследованию коренных народов: российская практика. *Экономика: стратегия и практика, 19* (1), 6–18. http://doi.org/10.51176/1997-9967-2024-1-6-18

Фаузер, В.В. (2022). Методология оценки ресурсов труда Республики Коми. *Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «Экономические науки», 3* (55), 5–16. http://doi.org/10.19110/1994-5655-2022-3-5–16

Фаузер, В.В. (ред.). (2024c). *Человеческие ресурсы северных регионов России: демография, труд, образование*. Библиотека демографа. Вып. 24. Саратов: Амирит, 320.

Фаузер, В.В., Лыткина, Т.С. (2017). Миграционные процессы на российском Севере. *Социальная политика и социология, 16* (1). 141–149. http://doi.org/10.17922/2071-3665-2017-16-1-141-149

Фаузер, В.В., Лыткина, Т.С., Фаузер, Г.Н. (2016). *Демографические и миграционные процессы на Российском Севере: 1980–2000 гг.* Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 168. (Б-ка демографа; Вып. 18).

Фаузер, В.В., Смирнов, А.В., Лыткина, Т.С., Фаузер Г.Н. (2022). *Российская и Мировая Арктика: население, экономика, расселение.* Москва: Политическая энциклопедия, 215.

Фаузер, В. В., Смирнов, А. В., Фаузер, Г. Н. (2024). Этнический потенциал формирования человеческих ресурсов российской Арктики, *Арктика: экология и экономика, 14* (2), 286–300. http://doi.org/10.25283/2223-4594-2024-2-286-300

Фаузер, Вл. В. (2010). *Демографическая дифференциация социально-трудовых отношений.* Дис. … канд. экон. наук: 08.00.05. Москва: ИСПИ РАН, 164.

References

Fauzer, V.V. (2024a). Indigenous peoples of the Russian North in the mirror of population censuses. *Korporativnoe upravlenie i innovatsionnoe razvitie ekonomiki Severa: Vestnik Nauchno-issledovatelskogo tsentra korporativnogo prava, upravleniya i venchurnogo investirovaniya Syktyvkarskogo gosudarstvennogo universiteta, 4* (3), 288–305. https://doi.org/ 10.34130/2070-4992-2024-4-3-288 (In Russ.)

Fauzer, V.V. (2024b). Methodological approaches to the study of indigenous peoples: Russian practice. *Ekonomika: strategiya i praktika, 19* (1), 6–18. http://doi.org/10.51176/1997-9967-2024-1-6-18 (In Russ.)

Fauzer, V.V. (2022). Methodology for assessing labor resources in the Komi Republic. *Izvestiya Komi nauchnogo tsentra Uralskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya «Ekonomicheskie nauki», 3* (55), 5–16. http://doi.org/10.19110/1994-5655-2022-3-5-16 (In Russ.)

Fauzer, V.V. (Ed.). (2024c). *Chelovecheskie resursy severnyh regionov Rossii: demografiya, trud, obrazovanie [Human resources of the northern regions of Russia: demography, labor, education]*. (Demographer's library, 24). Saratov: Amirite, 320. (In Russ.)

Fauzer, V.V., & Lytkina, T.S. (2017). Migration processes in the Russian North. *Sotsialnaya politika i sotsiologiya, 16* (1). 141–149. http://doi.org/10.17922/2071-3665-2017-16-1-141-149 (In Russ.)

Fauzer, V.V., Lytkina, T.S., & Fauzer, G.N. (2016). *Demograficheskie i migratsionnye protsessy na Rossiyskom Severe: 1980–2000 gg. [Demographic and migration processes in the Russian North: 1980–2000]*. Syktyvkar: Pitirim Sorokin Syktyvkar State University Publ., 168. (Demographer's library, 18). (In Russ.)

Fauzer, V.V., Smirnov, A.V., Lytkina, T.S., & Fauzer, G.N. (2022). *Rossiyskaya i Mirovaya Arktika: naselenie, ekonomika, rasselenie [Russian and World Arctic: population, economy, settlement]*. Moscow: Political Encyclopedia, 215. (In Russ.)

Fauzer, V.V., Smirnov, A.V., & Fauzer, G.N. (2024). Ethnic potential for the formation of human resources in the Russian Arctic. *Arktika: ekologiya i ekonomika, 14(2),* 286–300. http://doi.org/10.25283/2223-4594-2024-2-286-300 (In Russ.)

Fauzer, Vl.V. (2010). *Demograficheskaya differentsiatsiya sotsialno-trudovyh otnosheniy. Dis. …kand. ekon. nauk: 08.00.05. [Demographic differentiation of social and labor relations]*. Dis. … candidate of Economic Sciences: 08.00.05. Moscow: ISPR RAS), 164. (In Russ.)

Lytkina, T.S., & Smirnov, A.V. (2019). Displacement in the Russian North: Migration Processes and Neoliberal Policy. *Arktika i Sever, 37,* 94–117. http://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2019.37.94 (In Russ.)

Marx, K., & Engels F. (1960). *Sochineniya.* 2-e izd. Vol. 23 [Works, Vol. 23 (2nd ed.)]. Moscow: State Publishing House of Political Literature, 907. (In Russ.)

Marx, K., & Engels F. (1961). *Sochineniya*. 2-e izd. Vol. 20 [Works, Vol. 20 (2nd ed.)]. Moscow: State Publishing House of Political Literature, 827. (In Russ.)

Mkrtchyan, N.V. (2020). The role of migration in the dynamics of the number and structure of the population of the regions of the Far North and equivalent localities. *Nauchnye trudy: Institut narodnohozyaystvennogo prognozirovaniya RAN, 18,* 431–448. http://doi.org/10.47711/2076-318-2020-431-448 (In Russ.)

Polovinkin, V.N. (2013). Human resources are the main problem of the development of the North. *Arktika: ekologiya i ekonomika, 12* (4), 26–31. (In Russ.)

Semenov, Yu.I. (2003). *Filosofiya istorii. (Obshchaya teoriya, osnovnye problemy, idei i koncepcii ot drevnosti do nashih dnej) [Philosophy of history. (General theory, main problems, ideas and concepts from ancient times to the present day)]*. Moscow: «Modern Notebooks», 776. (In Russ.)

Valentei, D.I. (Ed.). (1985). *Demograficheskiy enciklopedicheskiy slovar' [Demographic Encyclopedic Dictionary]*. Moscow: Soviet Encyclopedia, 608. (In Russ.)

Zolotokrylin, A.N., Vinogradova, V.V., & Glezer, O.B. (Ed). (2018). *Prirodno-klimaticheskie usloviya i sotsialno-geograficheskoe prostranstvo Rossii [Natural and climatic conditions and socio-geographical space of Russia]*. Moscow: Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences, 154. (In Russ.)

Фаузер Виктор Вильгельмович — доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ Коми НЦ УрО РАН; https://orcid.org/0000-0002-8901-4817 (Российская Федерация, 167982, ГСП-2, г. Сыктывкар, Коммунистическая ул., 26; e-mail: fauzer.viktor@yandex.ru, https://vvfauzer.ru).

Viktor V. Fauzer — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Chief Research Associate, Honored worker of science of the Russian Federation, Institute of Socioeconomic and Energy Problems of the North of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the RAS; https://orcid.org/0000-0002-8901-4817 (26, Kommunisticheskaya St., Syktyvkar, 167982, Russian Federation; e-mail: fauzer.viktor@yandex.ru, https://vvfauzer.ru/).

УДК 330.1
JEL A12
https://www.doi.org/10.17059/udf-2025-2-21

Социально-демографические факторы цифровой трансформации региона[1]

О.В. Шевченко
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (г. Гродно, Республика Беларусь)
https://orcid.org/0000-0001-5719-5505
Автор для корреспонденции: О.В. Шевченко (shevchenko-o@mail.ru).

Аннотация. *Основным направлением анализа данной работы являются результаты исследований и рекомендации по выявлению системы факторов, способствующих формированию условий устойчивого социально-демографического развития Беларуси, сложившихся на данный период времени, с учетом изучения основных аспектов цифровизации. Выявление основных тенденций и определение результатов развития цифровой экономики Беларуси, которые повлекли за собой наиболее интенсивные структурные изменения, в последующем позволит получить возможность провести всестороннюю оценку этих изменений с определением результатов анализа региональных социально-экономических систем, которые могут быть использованы при практической реализации инструментов современной экономической политики для повышения эффективности развития социально-демографической сферы регионов Беларуси и национальной экономики в целом.*

Ключевые слова: устойчивое развитие, технология, цифровизация, цифровая экономика, социально-демографическое развитие

Socio-Demographic Factors of Digital Transformation of the Region

O. Shevchenko
Yanka Kupala State University of Grodno (Grodno, Belarus).
https://orcid.org/0000-0001-5719-5505
Corresponding author: O. Shevchenko (shevchenko-o@mail.ru).

Abstract. *The purpose of this work to main focus of the the results of research and recommendations for identifying the system of factors that contribute to the formation of conditions for sustainable socio-demographic development of Belarus that have developed at this time, taking into account the study of the main aspects of digitalization. Identifying the main trends and determining the results of the development of the digital economy of Belarus, which entailed the most intensive structural changes, will subsequently make it possible to conduct a comprehensive assessment of these changes with the determination of the results of the analysis of regional socio-economic systems that can be used in the practical implementation of modern economic policy instruments to improve the efficiency of development of the socio-demographic sphere of the regions of Belarus and the national economy as a whole.*

Keywords: sustainable development, technology, digitalization, digital economy, socio-demographic development

Введение

В условиях современных трендов социально-экономического развития экономической системы общества под социально-демографическим развитием региона следует рассматривать устойчивое развитие социально-демографической

[1] © Шевченко О. В. Текст. 2025.

системы, при котором в регионе обеспечивается оптимальность процессов воспроизводства населения за счет эффективного использования ограниченных социально-экономических ресурсов.

С усилением роли цифровых технологий одним из ключевых направлений деятельности как коммерческих, так и некоммерческих организаций региональной социально-экономической системы в онлайн-пространстве является стратегический маркетинг, сочетающий информационное и интерактивное взаимодействие с потенциальными и текущими клиентами. Сегодня данная сфера переживает значительные изменения и активную цифровизацию, вызывающую необходимость адаптации к новым реалиям, используя аналитику больших данных, искусственный интеллект (AI) и машинное обучение для повышения эффективности взаимодействий (Цифровая..., 2020; Диденко и др., 2020). Переход к цифровым каналам позволяет организациям более точно нацеливаться на аудиторию, выдвигать персонализированные предложения и строить долгосрочные отношения с клиентами, что способствует увеличению конверсии и удержанию клиентов, а также открывает новые возможности для роста и инноваций (Ноздрин-Плотницкий и др., 2020).

Основная часть

Исследование процессов интернетизации в мире и в Республике Беларусь в прошлом и в настоящее время проводилось в работах (Белл, 1986; Баранов, Лемещенко, 2023). Как свидетельствуют статистические данные, количество пользователей Интернета в мире за 10 лет увеличилось более чем вдвое: с 2,18 млрд чел. в январе 2012 г. до 4,95 млрд чел. в январе 2022 г.[1], в июле 2022 г. их число составило 5,03 млрд. Годовой рост на 178 млн новых пользователей увеличил охват Интернетом в мире до 63,1 % [2].

Результаты исследования GWI (компания по исследованию аудитории СМИ, Великобритания) демонстрируют, что «среднестатистический» пользователь Интернета по всему миру в настоящее время проводит примерно семь часов ежедневно, взаимодействуя с сетью на различных устройствах, что составляет более 40 % активного времени в течение дня, при этом продолжительность времени, проведённого в Интернете, продолжает увеличиваться: за 2023 г. этот показатель вырос на четыре минуты в день (+1,0 %), данный тренд свидетельствует о все более глубоком проникновении Интернета в повседневную жизнь людей. Увеличение времени, проводимого в сети, можно объяснить ростом количества онлайн-сервисов и мобильных приложений, которые становятся неотъемлемой частью нашей жизнедеятельности, включая как профессиональные, так и развлекательные аспекты: социальные сети, онлайн-игры, потоковые сервисы и платформы для удалённой работы продолжают привлекать пользователей.

[1] Digital 2022: Global Overview Report (2022). URL: https://datareportal.com/reports/digital-2022-global-overview-report (дата обращения: 01.02.2025).

[2] Информационное общество в Республике Беларусь: статистический сборник, 2023 (2023) / редкол.: И. В. Медведева (предс.) [и др.]. — Минск: Нац. стат. комитет Респ. Беларусь, 65.

В Беларуси степень проникновения Интернета значительно выше мировой средней. В частности, доля населения, использующего Интернет, увеличилась с 63,6 % в 2014 году до 85,1 % в 2020 году (табл. 1).

Такие изменения свидетельствуют о стремительном росте цифровизации и активной адаптации населения к новым технологиям. Инфраструктура также играет важную роль в этой динамике: улучшение качества услуг и расширение сети интернет-провайдеров (как показано на рис. 1) способствовали широкому доступу к высокоскоростному Интернету даже в отдалённых регионах страны.

Поддержка со стороны государства и инвестирование в IT-сектор создают благоприятные условия, при этом подавляющее большинство жителей

Таблица 1

Показатели использования Интернета населением Беларуси

Показатель (удельный вес населения,%)	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Интернет	63,6	67,3	71,1	74,4	79,1	82,8	85,1
Интернет ежедневно	41,3	45,2	48,5	54,3	62,6	68,5	71,3
Интернет для осуществления финансовых операций	11,2	16,1	21,0	26,7	32,2	37,8	42,2

Источник: составлено автором на основе данных https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/d8c/yr1d8w95a75bhnumml7vbg6jqxyih369.pdf (дата обращения: 01.02.2025).

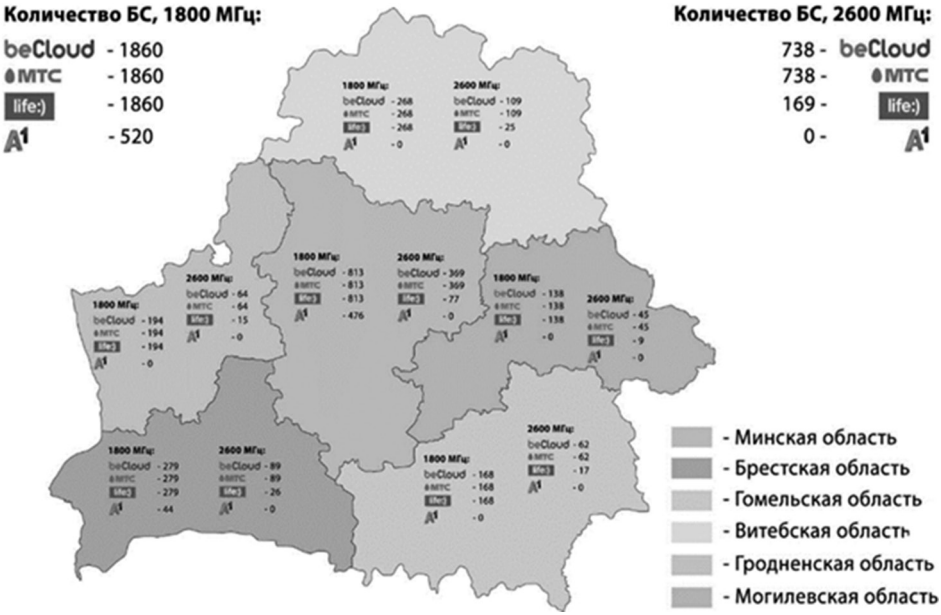

Рис. 1. *Схема размещения базовых станций 4G — покрытия Беларуси (источник:URL: https://becloud.by/media-center/news/becloud-vypustil-novuyu-versiyu-onlayn-karty-4g-pokrytiya-belarusi/ (дата обращения: 01.02.2025))*

страны пользуются Интернетом ежедневно: 83,7 % в 2020 г. от числа пользователей Интернета[1], или 71,3 % от общей численности населения (табл. 1).

Значительное число пользователей использует Интернет для поиска информации (согласно данным таблицы 2), в то же время многие из них начинают активнее включаться в процессы электронной коммерции, о чем свидетельствует рост доли населения, осуществляющего в интернете финансовые операции, покупки, заказы товаров и услуг (табл. 1 и табл. 2). Пользователей, не принимающих непосредственного участия в финансовых операциях, можно считать косвенно вовлеченными в цифровую экономику. Они получают информацию через Интернет, сталкиваясь с баннерной и скрытой рекламой, акциями, стимулированием сбыта, которые могут побуждать их к совершению непосредственных сделок купли-продажи уже в розничных магазинах. Этот механизм работает благодаря интеграции различных маркетинговых инструментов, которые применяются для создания узнаваемости бренда и формирования спроса. Благодаря предикативной аналитике и таргетированной рекламе, каждая стратегия тщательно настраивается под интересы и поведение пользователя, данный процесс не только увеличивает вероятность конверсий, но и делает рекламные коммуникации более релевантными и привлекательными для конечного потребителя, при этом пользователи, генерируя цифровые следы своего поведения, становятся ценным источником данных для аналитических систем. Сгенерированные данные в свою очередь используются для улучшения существующих продуктов и услуг, а также для разработки новых предложений производителями и продавцами (Се Куньчао, 2023), что способствует динамичному развитию цифровой экономики. Каждое взаимодействие пользователя с поисковыми системами, социальными сетями или онлайн-магазинами влияет на формирование более эффективной и адаптивной маркетинговой стратегии компании, в первую очередь сектора цифровых услуг.

Тенденции развития цифровой экономики Беларуси, согласно статистическим данным таблицы 3, свидетельствуют о возникновении сектора цифровых услуг[2] в сфере функционирования организаций, формирующих цифровой сектор и стремительно наращивающих свое присутствие в структуре удовлетворения потребительских предпочтений пользователей цифровых сервисов.

В связи с тотальной автоматизацией множества процессов пользователи все больше действий выполняют онлайн, статистические данные свидетельствуют о росте удельного веса розничного товарооборота интернет-магазинов (табл. 3), а также удельного веса организаций, осуществляющих электронные продажи товаров (работ, услуг) по заказам, переданным посредством специальных форм, размещенных на веб-сайте, или с использованием системы автоматизированного обмена сообщениями между организациями (EDI).

В таблице 4 представлены оценки статистических и прогнозных данных об уровне использования компетенций (навыков) сотрудников, занятых в области

[1] Digital 2022: Global Overview Report (2022). URL: https://datareportal.com/reports/digital-2022-global-overview-report (дата обращения: 01.02.2025).

[2] Цифровая услуга: услуга, оказываемая потребителю посредством цифровых технологий (Цифровая трансформация. Термины и определения: СТБ 2583-2020 (2020). Введ. 2021–03–01. Минск: Госстандарт, 16 с.)

Таблица 2

Основные цели выхода в Интернет белорусских пользователей в 2020 г. (по данным выборочного обследования домашних хозяйств)

Цель использования интернета	Удельный вес интернет-пользователей, использующих интернет в личных целях, %
Поиск информации	92,6
Просмотр и скачивание развлекательного контента	86,1
Общение в социальных сетях	83,1
Чтение скачивание газет, журналов, книг	63,1
Отправка, получение электронной почты	62,6
Компьютерные игры	49,8
Осуществление финансовых операций	49,7
Покупка, заказ товаров, услуг	40,5
Осуществление взаимодействие с органами государственного управления и государственными организациями	27,8
Образование	21,3

Источник: URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_39954/ (дата обращения: 01.02.2025).

Таблица 3

Цифровизация экономики Беларуси

Наименование показателя	Единица измерения	2011	2020	2021	2022	2023
Валовая добавленная стоимость цифровой экономики						
в текущих ценах	млн р.	…	11640,1	14000,6	13329,4	12994,8
к ВДС по экономике	процентов	…	8,9	9,0	7,7	6,9
к ВВП	процентов	…	7,8	7,9	6,9	6,0
к предыдущему году (в сопоставимых ценах)	процентов	…	109,0	109,2	97,5	94,6
в том числе:						
сектор ИКТ						
в текущих ценах	млн р. (2011–2015 гг. — млрд р.)	8752,3	10930,5	13258,8	12471,1	11868,0
к ВДС по экономике	процентов	3,2	8,3	8,6	7,2	6,3
к ВВП	процентов	2,8	7,3	7,5	6,5	5,5
к предыдущему году (в сопоставимых ценах)	процентов	…	109,4	109,9	97,2	91,7
сектор контента и СМИ						
в текущих ценах	млн р.	…	423,5	442,9	460,9	531,3
к ВДС по экономике	процентов	…	0,3	0,3	0,3	0,3
к ВВП	процентов	…	0,3	0,3	0,2	0,2
к предыдущему году (в сопоставимых ценах)	процентов	…	89,6	95,6	94,6	106,7
цифровая торговля						
в текущих ценах	млн р.	…	286,1	298,9	397,4	595,5
к ВДС по экономике	процентов	…	0,2	0,2	0,2	0,3
к ВВП	процентов	…	0,2	0,2	0,2	0,3
к предыдущему году (в сопоставимых ценах)	процентов	…	133,1	101,8	113,7	170,1

Источник: URL: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_8024 (дата обращения: 01.02.2025)

Таблица 4

Оценка использования навыков сотрудников, занятых в области AI, %

Год	Германия	Великобритания	Индия	США
2017	0,96	0,33	2,10	0,39
2018	1,27	0,45	2,68	0,53
2019	1,67	0,61	3,44	0,71
2020	2,14	0,80	4,63	0,94
2021	2,67	1,03	6,48	1,24
2022	3,51	1,41	9,57	1,74
2023*	3,78	1,50	9,81	1,84
2024*	4,28	1,71	11,24	2,10
2025*	4,77	1,92	12,66	2,36
2026*	5,27	2,13	14,09	2,62
2027*	5,77	2,34	15,52	2,88
2028*	6,27	2,55	16,95	3,14
2029*	6,77	2,76	18,37	3,40
2030*	7,26	2,97	19,80	3,66

*Прогнозируемые данные основаны на тенденциях 2017–2022 гг.

Источник: AIPRM на основе данных ОЭСР и Всемирный банк. URL: https://www.aiprm.com/ai-statistics/ (дата обращения: 01.02.2025)

AI, выраженные как процент участников LinkedIn с навыками AI или тех, кто работал в области AI. Лидерство в данном аспекте устойчиво занимает Индия, как в ретроспективе, так и с учетом пролонгированных трендов в будущем.

С начала 2000-х годов и к середине третьего десятилетия XIX в. искусственный интеллект демонстрирует в своем прогрессирующем развитии результаты, сопоставимые с развитием научного знания практически нескольких тысячелетий всемирной истории, сегодня речь идет уже о «втором уровне» прогресса AI — «рассуждающая система, способная достичь уровня доктора наук, AGI»[1], который оптимальным образом помогает автоматизировать процессы управления запасами, отслеживать перемещение товаров по каналам товародвижения и предупредительно предоставлять требуемую информацию, когда необходимо пополнить запасы, осуществляет автономную автоматизированную сортировку и упаковку товаров, анализ заказов, данных о продажах, сезонах, трендах, с его помощью практически без ошибок можно осуществить работу по постановке медицинских заключений, по планированию закупок и оптимизации складских запасов, энергетических запасов, реализовывать прогнозы необходимой и дополнительной потребности в товарах, основываясь на предыдущих продажах, рыночных трендах, изменениях в поведении потребителей и других факторах, непрерывно информируя клиентов об оценках времени доставки и обновлении прогнозов наличия продукции и условий поставки для пользователей. Потенциальные преимущества использования AI от OpenAI — ChatGPT (которых в настоящее время существует уже 4 версии — от ChatGPT1 до тестируемой ChatGPT4) компанией

[1] Пять уровней развития AI от OpenAI: путь к созданию AGI (2024). URL: https://ictnews.uz/17/07/2024/agi-roadmap/ (дата обращения: 01.02.2025).

Amazon для ведения бизнеса соответствуют рыночным трендам. Согласно данным за 2023 г., более двух третьих (74 %) владельцев бизнеса считают, что ChatGPT поможет им генерировать ответы клиентам с помощью чат-ботов и формировать контент, более половины (58 %) считают, что применение AI создаст персонализированный опыт для их клиентов[1].

Согласно статистическим данным, объемы государственных инвестиций в AI по состоянию на 2023 г. по развитым странам в сравнительной оценке уровня реализации инвестиций в AI между странами в сравнении с США, свидетельствуют о лидерстве Сингапура: 116,3 % — уровень инвестиций в AI со стороны правительства Сингапура, который примерно на 16 % больше, чем у США (в относительном выражении на миллиард долларов ВВП), Швеция имеет показатель 109,53 % как вторая страна, инвестирующая в AI больше, чем США. В относительном выражении инвестиции в AI в разрезе ВВП стран свидетельствуют о том, что США инвестируют около 12,9 % своего ВВП в развитие инфраструктуры AI, по сравнению с 8,32 % в Великобритании, в Сингапуре более 15 %, в Швеции на разработку AI распределено 14,13 % ВВП по состоянию на 2023 г.[2]

Содержание цифровой экономики как фактора развития общества характеризуется активным внедрением и практическим использованием цифровых технологий сбора, хранения, обработки, преобразования и передачи информации во всех сферах человеческой деятельности: обмен знаниями, технологиями, позволяющими это сделать посредством коммуникаций, как способа обмена и управления информацией.

В условиях цифровой трансформации экономической системы приоритетная цель достижения долгосрочного экологически приемлемого социально-экономического развития социально-демографической системы современного общества в контексте предмета исследования цифровой экономики состоит в поиске устойчивых эколого-экономических основ безопасного сосуществования (Фурс, Шевченко, 2021) естественных и антропогенных экосистем в условиях дальнейшего сокращения природных биоресурсов в мировой экономике.

Как свидетельствуют данные рисунка 2, в 2023 г. тренд AI со значительным превышением темпов роста над иными аспектами цифровизации сфер жизнедеятельности занимает первое место в рейтинге технологических трендов мониторинга ПАО «Ростелеком», во многом благодаря значительному росту популярности генеративного искусственного интеллекта (AGI), который в свою очередь используется при проведении исследований и практического применения результатов в направлении *e-health* (цифровое здоровье) и *computational biology* (вычислительная биология).

Дальнейшее развитие процессов цифровизации, согласно оценкам экспертов «Ростелеком», будет сосредоточено на внедрении технологических принципов «Индустрия 5.0» (Industry 5.0), прогнозирования траекторий движения пешеходов (*Pedestrian trajectory prediction*), семантической коммуникации (*Semantic*

[1] Потенциальные преимущества использования AI компанией Amazon (2023). URL: https://www.aiprm.com/ai-statistics/#ai-usage-statistics-in-business (дата обращения: 01.02.2025).

[2] Расходы государственных инвестиций в разработку ИИ по странам мира, 2023 (2023) AIPRM на основе данных ОЭСР и Всемирный банк. URL: https://www.aiprm.com/ai-statistics/ (дата обращения: 01.02.2025).

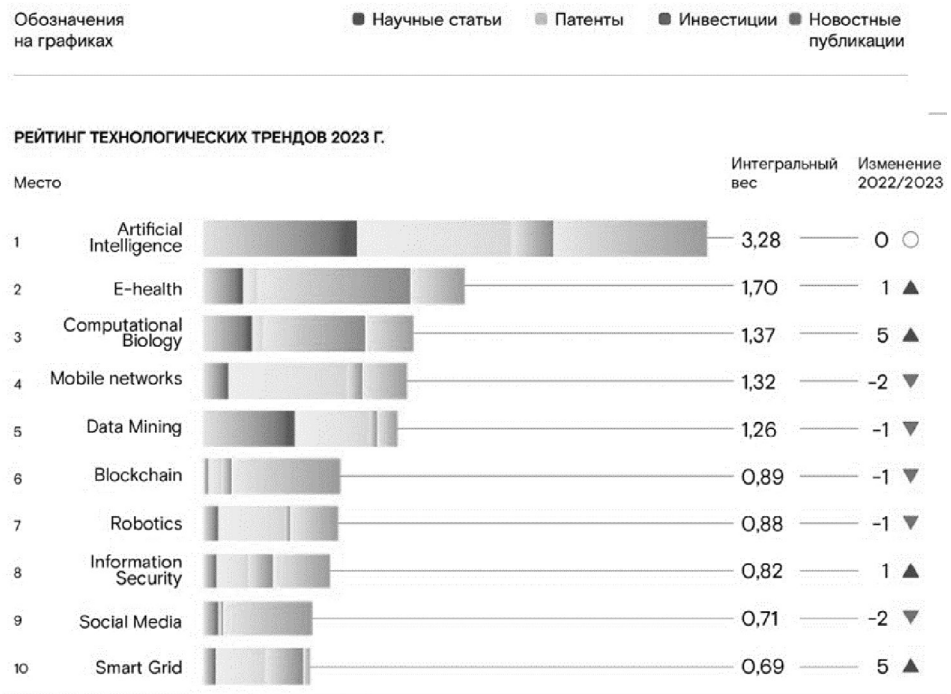

Рис. 2. *Рейтинг технологических трендов, 2023 г.,ПАО «Ростелеком» (источник: URL: https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2024/12/rostelecom_trends_2024.pdf (дата обращения: 01.02.2025))*

communication), нулевого доверия (*Zero trust*), контрастивного обучения (*Contrastive learning*), обучения предпочтениям (*Preference learning*), изучения биологических алгоритмов (*Bio inspired algorithms*) (Darwish, 2018), особенностей совместного позиционирования (*Collaborative positioning*) и поведенческой науки (*Behavioral science*).

В недавнем прошлом была сформирована карта искусственного интеллекта России v1.23.01 (рис. 3), на основе которой пользователи могут получить информацию о компаниях, специализирующихся на технологиях AI, способствующих развитию их бизнес-моделей и росту выручки.

Таким образом, выявлено, что для достижения поставленных в ЦУР ООН, НСУР-2030[1] целевых ориентиров развития требуется сбалансированная среда устойчивого развития со стороны экологической[2], экономической,

[1] Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года: одобрено протоколом заседания Президиума Совета Министров Респ. Беларусь от 2 мая 2017 г., № 10. (2017). URL: http://economy.gov.by/uploads/files/NSUR2030/ Natsionalnaja-strategija-ustojchivogo-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitija-Respubliki-Belarus-na-period-do-2030-goda.pdf (дата обращения: 01.02.2025).

[2] Study on monitoring the Digital Economy and Society in the Eastern European Partner Countries. DESI 2018 // EU4Digital. URL: https://europa.eu/capacity4dev/hiqstep/documents/study-monitoring-digital-economy-and-society-eastern-european-partner-countries (дата обращения: 01.02.2025).

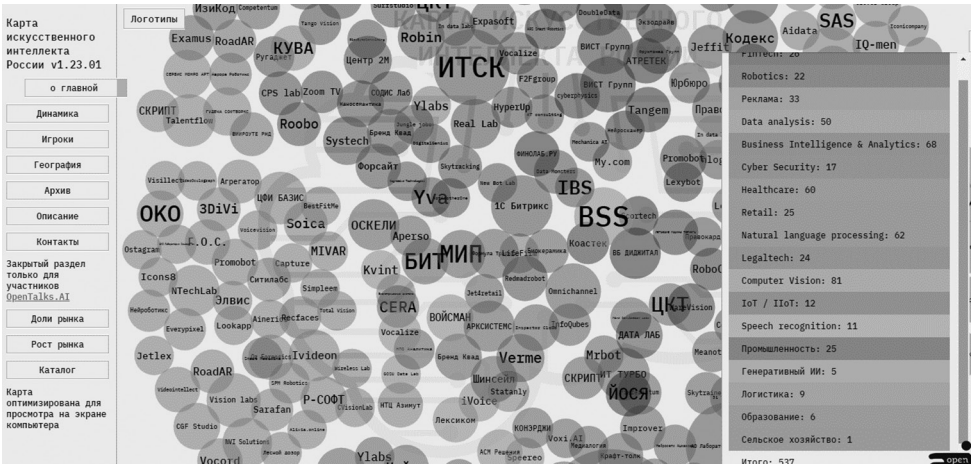

Рис.3. *Карта искусственного интеллекта России v1.23.01 (источник: URL: http://airussia.online (дата обращения: 01.02.2025))*

социально-демографической систем (Диденко и др., 2020). Определено, что демографическая система общества является компонентом социальной системы, в которой отражаются происходящие в обществе социально-экономические, социально-политические, культурные процессы, динамика ее развития характеризуется изменением численности населения, возрастно-половой структуры, уровня здоровья, продолжительности жизни, социальной зрелости и др. факторов, которые опосредованно оказывают влияние на функционирование социально-экономической системы, в связи с чем существующие сегодня методологические подходы к оценке устойчивого развития региональных социально-экономических систем демонстрируют тенденции к использованию величин, характеризующих особенности развития формальных и неформальных общественных институтов демографического развития, конструируемых в агрегированном виде на основе экономических, социально-демографических и экологических показателей с использованием конвергенции (Коломак, 2020) интеллектуальных информационных систем институционального характера (Дятлов, 2022) с цифровыми, биологическими и естественно-природными подходами к решению задач общецивилизационного устойчивого развития.

Заключение

На данном этапе проведенного исследования (Шевченко, Фурс, 2024) были изучены процессы формирования институциональных условий реализации цифровой трансформации общественного развития как ключевого фактора социально-экономического развития государства в оценке социально-экономических аспектов и определении системы факторов, способствующих формированию условий устойчивого развития региональных социально-демографических систем. Выявлено, что главным признаком цифровизации является «освобождение» индивида от необходимости затрат, прежде всего ресурса времени, на выполнение

стандартных, однообразных, алгоритмизированных операций и принятие решений на основе данных, полученных с помощью цифровых технологий, что в итоге приводит к осознанию проблемы, достаточно доступно определенной в работе В.Л. Иноземцева «…в то же самое время информация является и наименее демократичным фактором производства, так как доступ к ней отнюдь не означает обладания ею…. Впервые в истории условием принадлежности к господствующему классу становится не право распоряжаться благом, а способность им воспользоваться» (Иноземцев, 2000). Как следствие, обеспечение устойчивого социально-демографического развития региона является непременным условием национальной безопасности страны, в том числе экологической как одной из ее составляющих. Обеспечение достижения экологической безопасности требует сохранения региональных экосистем, защиты населения от вредных воздействий чрезвычайных ситуаций как природного, так и технического характера, а также рационального использования имеющихся природных ресурсов. Стремительный прогресс применения интеллектуальных информационных технологий в ходе данного дискурса предопределяет необходимость постоянного измерения уровня значимости этических последствий и потенциала социального воздействия все более мощных систем AI на социально-демографические процессы регионального развития в условиях дальнейшей цифровой трансформации сфер жизнедеятельности человека.

Список источников

Баранов, А. М., Лемещенко, П. С. (2023). Информация и ее влияние на изменение секто-ральной структуры экономики. *Журнал БГУ,* 1, 4–14. EDN: BLQLLX

Белл, Д. (1986). *Социальные рамки информационного общества. Новая технократическая волна на Западе.* Москва: Прогресс, 317–329.

Диденко, Н. И., Скрипнюк, Д. Ф., Кобылинский, В. В. (2020). Оценка развития цифровой экономики на примере Европейского союза. *МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 11* (2), 196–215. http://doi.org/10.18184/2079-4665.2020.11.2.196-215 EDN: YAODPR

Дятлов, С. А. (2022). Искусственный интеллект и ловушки цифровой трансформации. *Известия СПбГЭУ, 6* (138). 30–33. https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-i-lovushki-tsifrovoy-transformatsii (дата обращения: 01.02.2025). EDN: TFFRVZ

Иноземцев, В. Л. (2000). *Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы.* Москва: Логос, 304.

Коломак, Е. А. (ред.) (2020). *Пространственное развитие современной России: тенденции, факторы, механизмы, институты.* Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 502.

Ноздрин-Плотницкий, М. И. (ред.) (2020). *Институциональные механизмы инновационного конкурентоспособного развития экономики* Минск: Мисанта, 98.

Се Куньчао (2023). *Стратегические приоритеты развития предприятия в региональной цифровой экономике Китая:* Москва, Санкт-Петербург: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 142.

Фурс, М. В., Шевченко, О. В. (2021). Экологически устойчивая урбанизация как фактор активизации инновационной деятельности в регионе. В *Проблемы современной экономики: глобальный, национальный и региональный контекст: сб. науч. ст.* (С. 190–199). Гродно: Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, 484. EDN: VAZXLV

Цифровая трансформация экономики: теория и практика в интеграционных союзах. (2020). А. Н. Аюпов [и др.]; под общ. ред. М. Л. Зеленкевич, Н. Н. Бондаренко. Минск: Институт бизнеса БГУ, 227.

Шевченко, О. В., Фурс, М. В. (2024). Цифровая трансформация производственно-логистических систем. *Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серия 5, Эканоміка. Сацыялогія. Біялогія. 14* (3), 6–14. http://doi.org/10.52275/2221-5336-2024-14-3-6-14 EDN: GLCPCB

Darwish, A. (2018). Bio-inspired computing: Algorithms review, deep analysis, and the scope of applications. Future Computing and Informatics Journal, 3(2), pp. 231–246. http://doi.org/10.1016/j.fcij.2018.06.001

References

Baranov, A.M., & Lemeshchenko, P. S. (2023). Information and its impact on changing the sectoral structure of the economy. *Zhurnal BGU [Journal of the Belarusian State University. Economics], 1,* 4–14. EDN: BLQLLX (In Russ.)

Bell, D. (1986). *Social`ny`e ramki informacionnogo obshhestva. Novaya texnokraticheskaya volna na Zapade [The social framework of the information society. A new technocratic wave in the West]*. Moscow: Progress, 317–329. (In Russ.)

Cifrovaya transformaciya e`konomiki: teoriya i praktika v integracionny`x soyuzax [Digital transformation of the economy: theory and practice in integration unions]. (2020). A. N. Ayupov [et al.]; under the general editorship of M. L. Zelenkevich, N. N. Bondarenko. Minsk: BSU Institute of Business, 227. (In Russ.)

Darwish, A. (2018). Bio-inspired computing: Algorithms review, deep analysis, and the scope of applications. *Future Computing and Informatics Journal, 3* (2), pp. 231–246. http://doi.org/10.1016/j.fcij.2018.06.001 (In Russ.)

Didenko, N. I., Skripnyuk, D. F., Kobylinsky V. V. (2020). Assessment of the Digital Economy Development on the Example of the European Union. *MIR (Modernizaciâ. Innovacii. Razvitie) [MIR (Modernization. Innovation. Research)]. 11* (2), 196–215. https://www.mir-nayka.com/jour/article/view/1037?locale=ru_RU. http://doi.org/10.18184/2079-4665.2020.11.2.196-215 EDN: YAODPR (In Russ.)

Dyatlov, S. A. (2022). Artificial intelligence and the pitfalls of digital transformation. Izvestiya SPbGE`U [Izvestiâ Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo èkonomičeskogo universiteta], 6 (138). 30–33. https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-i-lovushki-tsifrovoy-transformatsii (Accessed: 02.01.2025). EDN: TFFRVZ (In Russ.)

Furs, M. V., & Shevchenko, O. V. (2021). Environmentally sustainable urbanization as a factor in enhancing innovation in the region. In *Problemy` sovremennoj e`konomiki: global`ny`j, nacional`ny`j i regional`ny`j kontekst: sb. nauch. st. [The Problems of modern economics: global, national and regional context: collection of scientific articles]* (pp. 190–199). Grodno: Yanka Kupala State University of Grodno, 484. EDN: VAZXLV (In Russ.)

Inozemtsev, V. L. (2000). *Sovremennoe postindustrial`noe obshhestvo: priroda, proti-vorechiya, perspektivy [Modern post-industrial society: nature, contradictions, prospects]*. Moscow: Logos, 304. (In Russ.)

Kolomak, E. A. (Ed.) (2020). *Prostranstvennoe razvitie sovremennoj Rossii: tendencii, faktory`, mexanizmy`, instituty` [Spatial development of modern Russia: trends, factors, mechanisms, institutions]*. Novosibirsk: Publishing House of IEOPP SB RAS, 502. (In Russ.)

Nozdrin-Plotnitsky, M. I. (Ed.) (2020). *Institucional`ny`e mexanizmy` innovacionnogo konkurentosposobnogo razvitiya e`konomiki [Institutional mechanisms of innovative competitive economic development]*. Minsk: Misanta, 98. (In Russ.)

Shevchenko, O. V., & Furs, M. V. (2024). Digital transformation of production and logistics systems. *Vesnik Hrodzenskaha Dziarzhaunaha Universiteta Imia Ianki Kupaly. Seryia 5. Ekanomika. Satsyialohiia. Biialohiia" [Vesnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 5. Economics.*

Sociology. Biology"] 14(3), 6–14. http://doi.org/10.52275/2221-5336-2024-14-3-6-14 EDN: GLCPCB (In Russ.)

Xie Kunchao (2023). *Strategicheskie prioritety` razvitiya predpriyatiya v regional`noj cifrovoj e`konomike Kitaya [Strategic priorities for enterprise development in China's regional digital economy]:* Moscow, Saint Petersburg : CPI NWIU RANHiGS, 142. (In Russ.)

Шевченко Оксана Викторовна — старший преподаватель, УО «ГрГУ им. Янки Купалы» https://orcid.org/0000-0001-5719-5505 (Республика Беларусь, 230000, г. Гродно, ул. Ожешко, 22; e-mail: shevchenko-o@mail.ru).

Oksana V. Shevchenko — Senior lecturer, Yanka Kupala State University of Grodno, Belarus https://orcid.org/0000-0001-5719-5505 (22, Ozheshko St., Grodno, 230000, Republic of Belarus, e-mail: shevchenko-o@mail.ru).

УДК 316
JEL classification: J12, J13
https://www.doi.org/10.17059/udf-2025-2-22

Студенты о факторах семейной интеграции[1]

Г. С. Широкалова [а], Д. В. Шкурин [б]

[а] Приволжский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (г. Нижний Новгород, Россия)

https://orcid.org/0000-0003-4089-5446

[б] Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия)

Автор для корреспонденции: Г. С. Широкалова (shirokalova@list.ru)

Аннотация. *Демографическая политика эффективна при условии крепости семейных уз. Дисфункциям современной семьи посвящены многие публикации, но многогранность и изменчивость семейных отношений формируют новые предметы/аспекты исследований. Цель данной статьи — на материалах эмпирических исследований студенчества установить тенденции изменения представлений о желательных характеристиках их будущих семей по двум направлениям: материальный статус семьи, взаимоотношения между супругами и их родителями. Структура и иерархия факторов, скрепляющих семейные связи, позволит оценить/прогнозировать эффективность современной демографической политики, делающей упор на материнский капитал и ряд льгот для студенческих и многодетных семей.*

Ключевые слова: интеграция семьи; брак, студенты, демографическая политика.

Students on the Factors of Family Integration

G. Shirokalova [a], D. Shkurin [b]

[a] The Volga branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (Nizhny Novgorod, Russia),

https://orcid.org/0000-0003-4089-5446

[b] Uralsky Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russia)

Corresponding author: G. Shirokalova (shirokalova@list.ru)

Abstract. *Demographic policy is effective under the condition of strong family ties. Many publications are devoted to the dysfunctions of the modern family, but the versatility and variability of family relations form new subjects/aspects of research. The purpose of this article is to use empirical research materials from students to establish trends in changing perceptions of the desirable characteristics of their future families in two areas: the financial status of the family, the relationship between spouses and their parents. The structure and hierarchy of factors that strengthen family ties will make it possible to assess/predict the effectiveness of modern demographic policy, which focuses on maternity capital and a number of benefits for students and large families.*

Keywords: family integration; marriage, students, demographic policy.

Введение

Изменение образа жизни, основу которого задают технологические уклады, предъявляющие иные требования к новым поколениям, с неизбежностью ведет к межпоколенному отчуждению, становящемуся нормой. Родители стимулируют

[1] © Широкалова Г. С., Шкурин Г. В. Текст. 2025.

этот процесс: в СССР установка военного поколения «У меня не получилось, пусть у детей сбудется», ориентирующая на вертикальную и горизонтальную мобильность, стала доминантной в советском / российском обществе. Рыночная атмосфера со сложной структурой занятости, конкурентностью на рынке труда превратили общество в «поле риска», на котором долгосрочное планирование заменяется проектной деятельностью, прежде всего у студентов, которым образование дает более широкие горизонты самореализации.

Разделяя вывод П. С. Самыгина и соавторов о том, что «эффективная реализация молодежью жизненных проектов находится в зависимости от степени доступности для молодых людей основополагающих социальных благ и ресурсов, институциональной поддержки, стабильного характера основополагающих норм и правил поведения, регулирующих различные области жизнедеятельности молодежи» (Самыгин и др., 2021, с. 92–93), сделаем одно уточнение: стабильность норм и правил поведения разрушаются и «сверху», и «снизу». Не последнюю роль в этом процессе играет синдром «разбитого окна»[1].

Неравные стартовые возможности вынужденно актуализируют все виды / формы социальной мобильности для поддержания желаемого социального статуса и требуют отказа от жесткого соблюдения традиционных норм и правил поведения во всех сферах. Например, показательны данные, приводимые С. В. Дорошенко: до четверти осужденных за приобретение или сбыт имущества, добытого заведомо преступным путем, составляют 18–24-летние, то есть за 6 лет жизни молодежь совершает каждое четвертое преступление в стране (Дорошенко, 2024, с. 194). Еще более масштабны девиация и делинквентность молодых в сфере цифровизации. Проведенный Е. А. Трушковой анализ их форм доказывает, что вызваны они «ценностно-идеологической дисфункцией общества, ценностным разрывом, превалированием в определенных социальных группах эгоистических, агрессивных ценностей, развитием цифровых медиа и изменением структуры потребностей, цифровой поляризацией, цифровой эксклюзией и развитием цифрового эйджизма» (Трушкова, 2024, с. 349). Молодежь осваивает девиантные для предыдущих поколений, но адекватные реалиям, в которых они живут, формы поведения уже на школьной скамье, когда должно формироваться доверие к социальным ценностям страны, социальной группы, семьи, необходимое для «проекта длиною в жизнь».

Обзор литературы

Семья, как и человек, есть, говоря словами классика, совокупность всех общественных отношений, только более сложная, поскольку состоит из нескольких членов. В «обществе риска» неизбежен кризис традиционной семьи как социального института, факторы и проявления которого изучаются многими научными коллективами. В последние годы в связи с подготовкой и проведением Года семьи в России опубликовано немало тематических сборников по результатам международных и всероссийских конференций, анализирующих демографические проблемы. Среди них назовем XV Уральский демографический форум в Екатеринбурге,

[1] Теория разбитых окон — Teletype. URL: https://varlamov.ru/563774.html (дата обращения: 22.12.2024).

III Международный демографический форум в Воронеже. Ценность изданий их материалов в том, что они дают многостороннее освещение проблем семьи, обусловливающих демографические процессы. Представим некоторые из них, имеющие непосредственное отношение к нашей теме. Анализируя демографическую ситуацию в России с начала 1990-х годов до наших дней, А.И. Антонов приходит к выводу, что «антисемейный и антидетный настрой социума в условиях рыночного капитализма, ориентированного лишь на прибыль и только на прибыль, а не на удовлетворение потребностей семьи и личности, способствует ускорению процессов потребительства и потребительского стиля жизни, ведущего в конечном счете к однодетной семейности и внесемейности, к депопуляционному режиму воспроизводства населения» (Антонов, 2024, с. 39–40).

Методы и материалы

В связи с объявлением в России Года семьи Российское общество социологов в 2024 г. изучало отношения представления о структуре семьи и семейных отношениях студентов, которые в значительной степени реализуются в будущем. Исследование «Семья в современной России: взгляд студенчества» проводилось во всех федеральных округах России (N = 9168). Метод сбора первичной информации в данном исследовании — онлайн анкетирование (с использованием яндекс-form). Формирование общего массива эмпирических данных, его редактирование, обсчет и т. д., выполнены кандидатом социологических наук, доцентом УрФУ Д.В. Шкуриным, разработчиком программного комплекса Vortex (Дулина и др.).

В основу программы и инструментария были положены дескриптивный, диагностический, предиктивный, статистический методы анализа теоретических источников и эмпирических данных.

В данной статье мы рассмотрим лишь один из аспектов проблемы, а именно факторы, определяющие, по мнению молодежи, прочность семьи. Сравнение данных по отдельным регионам зафиксировало наличие специфики, обусловленной многонациональностью и поликонфессиональностью Российской Федерации, уровнем и качеством жизни (Широкалова и др., 2024). Поэтому в качестве эмпирической базы возьмем результаты опроса нижегородских студентов (N = 1161): Нижегородская область практически статистически мононациональна, моноконфессиональна, входит в группу с заработной платой и рождаемостью ниже средней (Долгих и др., с. 379).

Результаты

В отечественной научной литературе материальные условия называются самыми значимыми факторами создания / разрушения брачных союзов. Конкретизация этого вывода дана В.Н. Афанасьевым и С.С. Гореловой, которые провели обзор работ по этой теме (Афанасьев и др., с. 24). В нашем исследовании оценка материального положения семьи как фактора устойчивости брака была дана через набор показателей (табл. 1).

Актуальность «территориальной независимости» от родителей и у нас вышла на первое место: ее желают 77 % респондентов. С.К. Удалых на основе статистических данных, исследуя «состояние жилого фонда, доступность жилья, обеспеченность населения жильем и развитие жилищного строительства», предлагает

Таблица 1

Мнение студентов о влиянии материальных факторов на устойчивость семейных отношений, %*

Согласны ли Вы с мнением, что семья более прочная, если…	Да	Не имеет значения	Нет	Валидные:	Индекс
У молодой семьи есть свое жильё	77,1	21,0	1,9	100,0	0,7519
У семьи общий «кошелек»	44,4	46,5	9,1	100,0	0,3523
Можно нанять няню для присмотра / воспитания детей	37,8	45,3	16,9	100,0	0,2093
Муж и жена из семей с равным материальным достатком	25,4	67,7	6,9	100,0	0,1852
Есть возможность не работать одному из супругов	28,7	58,3	13,0	100,0	0,1568
Каждый из супругов самостоятельно распоряжается своими деньгами	28,8	49,9	21,3	100,0	0,0758
Домашнее хозяйство ведет тот супруг, чей финансовый вклад в семейный бюджет меньше	15,9	60,7	23,4	100,0	-0,0749

* Здесь и далее Индекс рассчитывался как нормированная от –1 до +1 разница положительных и отрицательных ответов.

Источник: составлено авторами.

ряд мероприятий «по снижению стоимости возведения жилья и повышению его доступности для населения как важных факторов улучшения демографической ситуации в России» (Удалых, 2024, с. 963). К сожалению, рекомендации подразумевают наличие «политической воли правительства», но оно не способно повлиять на строительный бизнес, ориентированный на прибыль. К примеру, идея о строительстве социального жилья для долгосрочной аренды по доступным ценам прозвучала десяток лет назад, но так и не реализована.

Доверительность семейных отношений предполагает наличие «общего семейного кошелька». В российских семьях при патриархате им распоряжался муж, в советское время — жена, ведущая домашнее хозяйство вне зависимости от того, работала она или нет. «Заначка» в три рубля с зарплаты на пиво с друзьями, не раз обыгранная в кинофильмах, лишь подчеркивала статус жены как хозяйки семейного бюджета. Эта практика постепенно уходит в прошлое, чему способствует «электронная карта», закрепляющая «коммерческую тайну» о зарплате работника организаций. Среди студентов 44 % полагают, что «общий кошелек» укрепляет семейные отношения, а 29 % уже настроены на индивидуализацию потребления. Колеблющихся пока и в первом, и во втором случае большинство, но тренд на отчуждение от супруга очевиден. Снижение ценности брака как результат и фактор демонстрирует российская статистика: восемь разводов на десять заключенных браков[1] — это не только результат недоверия между супругами, но и фактор, формирующий осторожность во взаимоотношениях, приоритетность «гражданских» союзов.

Вопрос о зависимости стратегии семейных отношений и должном уровне дохода семьи проясняется и через согласие с тем, что супруг может содержать всю семью: 29 % поддерживают эту позицию.

[1] ВЦИОМ: восемь из десяти браков в РФ в 2024 году распадались. URL: https://tass.ru/obschestvo/22702277. 18.12. 2024 (дата обращения: 22.12.2025).

Обоснованность формул прожиточного минимума и МРОТ и их соотношения выходит за пределы нашей темы, но вынуждены отметить, что МРОТ, средний уровень которого определен на 2025 г. в 22440 р. в месяц за полный рабочий день, недостаточен даже для удовлетворения потребностей одного работника, не говоря уже о затратах на расширенное воспроизводство рабочей силы, а тем более содержание семьи. Все дополнительные доходы, в том числе на основном рабочем месте, возможны только через интенсификацию труда бюджетниками и работниками в частных компаниях за рамками рабочего дня, если не входишь в круг «привилегированных» по какому-либо основанию. При всех колебаниях желаемого размера МРОТ (в среднем 48 тыс. р. в Ижевске и 61,8 тыс. р. в Москве на начало 2025 г.)[1], он практически в два раза выше установленного на 2025 г. Понятно, что именно МРОТ рассматривается как основной инструмент повышения уровня жизни: во-первых, он стабилен, т. к. его размер не зависит от работодателя, во-вторых, он влияет на начисление социальных пособий и выплат. В такой ситуации закономерно, что при выборе места работы (Changellenge, *N* = 8 тысяч студентов) «главным критерием остался конкурентоспособный уровень зарплаты: год назад этот фактор считали самым важным 52 % респондентов, в этом году — уже 77 %. А на второе место по важности для трудоустройства впервые за пять лет вышел такой фактор, как стабильность и надежность работодателя: за него проголосовали 50 % опрошенных студентов против 34 % годом ранее. Этот фактор оказался для молодежи даже важнее, чем баланс работы и личной жизни, за который отдали голоса 43 % респондентов»[2]. Иначе говоря, личная жизнь вторична по сравнению с заработком для большинства, ибо она возможна только в том случае, если он достаточно высок.

Согласно исследованию ПАО «Сбербанк», студенты рассчитывают на месячный доход в размере 97 тысяч рублей и считают финасово успешными тех, кто «полностью обеспечен(а) финансово» — 90 %, имеет «стабильный доход, позволяющий покрывать все расходы и делать крупные покупки» — 83 %, живет в «собственной квартире / доме» — 63 %, получает «пассивный доход от инвестиций и вкладов» — 32 %. При этом накопления должны составлять в среднем 9 млн р.; в 2024 году называлась сумма в 6,8 млн, т. е. за год притязания возросли на 32 %[3]! Но эти явно завышенные ожидания реализуются у немногих, и это одна из причин ориентации на бездетность и «жизнь для себя»[4].

Вынужденная «многослойность занятости» ради дохода, необходимого для «статусного» потребления, требует помощи «со стороны», особенно после появления детей (табл. 2).

[1] SuperJob: за год запросы граждан России к уровню МРОТ возросли на треть — ОСН. URL: https://www.osnmedia.ru/ekonomika/superjob-za-god-zaprosy-grazhdan-rossii-k-urovnyu-mrot-vozrosli-na-tret/. 16 января 2025 (дата обращения: 20.01.2025).

[2] Студенты перестали мечтать о быстрых головокружительных карьерах // Ведомости. URL: https://www.vedomosti.ru/career/articles/2025/01/28/1088656-studenti-perestali-mechtat-o-bistrih-karerah (дата обращения: 02.02.2025).

[3] Российские студенты рассказали о желаемых зарплате и накоплениях. URL: https://moe-online.ru/news/money/1212996?utm_source=copypast. 27.01.2025 (дата обращения: 29.01.2025).

[4] «Молодёжь отказывается заводить детей из-за инфантильности и стремления жить для себя» — глава Фонда ВЦИОМ. URL: https://cont.ws/@Teradont/2950767. 31.12. 2024 г. (дата обращения: 28.01.2025).

Таблица 2

Взаимоотношения с родителями как фактор стабильности молодой семьи, %

Согласны ли Вы с мнением, что семья более прочная, если…	Да	Не имеет значения	Нет	Валидные:	Индекс
Родители не вмешиваются в отношения молодой семьи	66,4	25,2	8,4	100,0	0,5797
Бабушка / дедушка помогают воспитывать внуков	56,8	37,1	6,1	100,0	0,5065
Молодой семье материально помогают родители	36,7	49,9	13,4	100,0	0,2326

Источник: составлено авторами.

Две трети респондентов ориентированы на автономность от родителей: родители не должны вмешиваться в отношения молодой семьи, но получать от родителей помощь в воспитании внуков, предполагающую регулярные контакты, хотело бы большинство. Напомним, что 77 % хотели бы жить отдельно, но и среди них есть желающие получать материальную помощь от родителей и тем более заботу о внуках. Когда студенты станут родителями, доля желающих получать помощь вне сомнения увеличится, но сможет ли ее оказывать поколение «серебряного возраста» из-за миграции молодежи в другие города и изменения сроков выхода на пенсию?

Родители супругов будут замещаться «бабушкой на час», забирающей детей из образовательных учреждений, сопровождающей их на кружки и т. д. Более трети студентов считают няню (по сути чужого человека) важным фактором для семейного благополучия, понимая, что повышение пенсионного возраста лишает старшее поколение возможности быть с внуками в дошкольные и первые школьные годы, когда формируются устойчивые межпоколенные семейные связи. Тем более из этой сферы влияния исключается мужское воспитание: по данным Минздрава, 52 % мужчин не доживало до 65 лет уже в 2023 г.[1] СВО увеличивает долю семей без мужского воспитания, с одной стороны, и число «смешанных браков», в которых дети будут воспитываться в культурных кодах другого этноса, с другой.

Остановимся еще на одном факторе: лишь 16 % однозначно выступают за то, что «домашнее хозяйство ведет тот супруг, чей финансовый вклад в семейный бюджет меньше», доля противников такого подхода больше — 23 %. Почти две трети ориентированы на равноправие. По сути, это результат тренда послевоенного времени на семейный эгалитаризм, понимаемый как равенство обязанностей. Однако, в настоящее время «фундаментальными аксиологическими основаниями эгалитарной семьи выступают не только и не столько принципы формального равенства и равномерного распределения домашних обязанностей, как это зачастую трактуется, сколько категории справедливости и способов ее измерения в конкретной семейной группе, значимости индивидуальности личности, ее свободы воли и самореализации, взаимоуважительного отношения всех членов семьи к потребностям и ценностям друг друга» (Кортнева, 2022, с. 287).

[1] Минздрав РФ: более половины мужчин в России. Главновости. URL: https://vk.com/wall-173277106_4280220 (дата обращения: 28.01.2025).

Иначе говоря, равенство обязанностей заменяется равенством права каждому быть самим собой. На наш взгляд, именно такой вид эгалитаризма возможен при «раздельных кошельках».

Заключение

Конечно, материальный фактор не является единственным, но определяет систему семейных отношений, что доказывается распределением ответов в таблицах. Напоминание «с милым рай и в шалаше» справедливо, но влюбленность не столь долговечна и не всегда «переформатируется» в любовь и привычку. Кроме того, напомним и о другом свойстве человеческого сознания: «У людей разное воображение. Воображение не является универсальной / однородной характеристикой человека. Воображение имеет степени вплоть до своего отсутствия. Известен феномен афантазии, т. е. отсутствия у человека способности создавать ментальные объекты», а следовательно, «по ним не пробегают „цивилизационные токи", потому что они когнитивно замкнуты по отношению к тому, что является причиной их появления» (Мерзляков, 2024, с. 210, 211). Склонность к рациональности ориентирует их на комфорт в самом широком смысле слова, что является фактором отказа от создания семьи или ее создания с целью откровенной или маскируемой выгоды.

Как в таком случае можно оценить эффективность современной демографической политики? Существует до десятка различных пособий и льгот молодым семьям. Материнский капитал помог «отважиться» на второго ребенка, выплатить ипотеку и т. д. Но это разовые «помочи» или предполагающие «адресность» по тем или иным основаниям. Цель «помочь беднейшим» и не тратить бюджет на «богатейших» предполагает введение критериев отличия одних от других. А они таковы, что в разряд «богатых» попадают те, кто с трудом сводит концы с концами, имея «лишний доход» ориентирующийся на МРОТ, рассчитываемый по методике, не обеспечивающей расширенного воспроизводства.

Список источников

Антонов, А. И. (2024). Демографическая ситуация в стране: проблемы, перспективы. В *III Международный демографический форум «Демография и глобальные вызовы»*. Т. 1. Пленарное заседание. Секция 1 (с. 36–40). Воронеж: Издательство «Цифровая полиграфия», 1095. EDN: HNPUCT

Афанасьев, В. Н., Горелова, С. С. (2024). Вариация структуры семей и их жилищных условий с региональными особенностями. В *III Международный демографический форум «Демография и глобальные вызовы»*. Т. 1. Пленарное заседание. Секция 1 (с. 304–310). Воронеж: Издательство «Цифровая полиграфия», 1095. EDN: LXNVWZ

Долгих, Е. А., Давлетшина, Л. А. (2024). Статистический анализ региональных различий рождаемости населения в Российской Федерации. В *Устойчивость демографического развития: детерминанты и ресурсы:* сб. науч. ст. (с. 375- 382). Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 651. https://www.doi.org/10.17059/udf-2024-3-2

Дорошенко, С. В. (2024) Демографические особенности криминального экономического поведения населения России. В *Устойчивость демографического развития: детерминанты и ресурсы:* сб. науч. ст. (с. 187–195). Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 651 https://www.doi.org/10.17059/udf-2024-2-3

Дулина, Н. В., Мансуров, В. А., Пронина, Е. И., Широкалова, Г. С., Шкурин, Д. В. (2024). Идеальная семья в представлениях современной студенческой молодежи России (по материалам социологического исследования). *Философия хозяйства, 5,* 215–234. https://www.doi.org/10.5281/zenodo.13920366

Кортнева, В. Д. (2022). Аксиологические основания эгалитарной модели семейных отношений. *Общество: философия, история, культура, 12,* 285–288. https://www.doi.org/10.24158/fik.2022.12.46

Мерзляков, С. С. (2024). Что такое любовь? (в контексте вопроса о сознании). *Философия хозяйства, 6,* 208–214. https://www.doi.org/10.5281/zenodo.14308234

Самыгин, П. С., Самыгин, С. И., Каспаров, А. Р., Тутова, Л. Н. (2021). Жизненное проектирование молодежи в условиях социальной неопределенности в современном российском обществе. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки, 3,* 92–98. https://www.doi.org/10.23672/d9247-1410-5531-e

Трушкова, Е. А. (2024). Детерминанты отклоняющегося социально-экономического поведения населения в результате цифровизации и развития метавселенной. В *Устойчивость демографического развития: детерминанты и ресурсы:* сб. науч. ст. (с. 349–357). Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 651. https://www.doi.org/10.17059/udf-2024-2-19

Удалых, С. К. (2024). Российские демографические проблемы и доступность жилья. В *III Международный демографический форум «Демография и глобальные вызовы»*. Т. 1. Пленарное заседание. Секция 1. (с. 962–969). Воронеж: Издательство «Цифровая полиграфия», 1095. EDN: RYMRAF

Широкалова, Г. С., Мансуров, В. А. (2024). Особенности исследовательского проекта рос-2024 «Семья и студенты» *Социологические исследования, 10,* 164 -167. https://www.doi.org/10.31857/S0132162524100151

References

Afanasyev, V. N. & Gorelova, S. S. (2024). Variation of the structure of families and their living conditions with regional peculiarities. In *The III Mezhdunarodny`j demograficheskij forum «Demografiya i global`ny`e vy`zovy`». T. 1. Plenarnoe zasedanie. Sekciya 1 [III International Demographic Forum «Demography and Global Challenges». Vol. 1. The Plenary session. Section 1]* (pp. 304–310). Voronezh: Digital Polygraphy Publishing House, 1095. EDN: LXNVWZ (In Russ.)

Antonov, A. I. (2024). Demographic situation in the country: problems, prospects. In *The III Mezhdunarodny`j demograficheskij forum «Demografiya i global`ny`e vy`zovy`». T. 1. Plenarnoe zasedanie. Sekciya 1 [III International Demographic Forum «Demography and Global Challenges». Vol. 1. The Plenary session. Section 1]* (pp. 36–40). Voronezh: Digital Polygraphy Publishing House, 1095. EDN: HNPUCT (In Russ.)

Dolgikh, E. A., & Davletshina, L. A. (2024). Statistical analysis of regional differences in the birth rate of the population in the Russian Federation. In *Ustojchivost` demograficheskogo razvitiya: determinanty` i resursy`: sb. nauch. st. [Sustainability of demographic development: determinants and resources: collection of scientific articles]* (pp. 375–382). Yekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 651. https://www.doi.org/10.17059/udf-2024-3-2 (In Russ.)

Doroshenko, S. V. (2024) Demographic features of criminal economic behavior of the Russian population. In *Ustojchivost` demograficheskogo razvitiya: determinanty` i resursy`: sb. nauch. st. [Sustainability of demographic development: determinants and resources: collection of scientific articles]* (pp. 187–195). Yekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 651 https://www.doi.org/10.17059/udf-2024-2-3 (In Russ.)

Dulina, N. V., Mansurov, V. A., Pronina, E. I., Shirokalova, G. S. & Shkurin, D. V. (2024). The ideal family in the ideas of modern Russian students (based on the materials of a sociological study). *Filosofiya xozyajstva [Philosophy of Economy], 5,* 215–234. https://www.doi.org/10.5281/zenodo.13920366 (In Russ.)

Kortneva, V. D. (2022). Axiological foundations of the egalitarian model of family relations. *Obshhestvo: filosofiya, istoriya, kul`tura [Society: Philosophy, History, Culture], 12,* 285–288. https://www.doi.org/10.24158/fik.2022.12.46 (In Russ.)

Merzlyakov, S. S. (2024). What is love? (in the context of the question of consciousness). *Filosofiya xozyajstva [Philosophy of Economy], 6,* 208–214. https://www.doi.org/10.5281/zenodo.14308234 (In Russ.)

Samygin, P. S., Samygin, S. I., Kasparov, A. R., & Tutova, L. N. (2021). Life planning of youth in conditions of social uncertainty in modern Russian society. *Gumanitarny`e, social`no-e`konomicheskie i obshhestvenny`e nauki [Humanities, Socio-economic and Social Sciences], 3,* 92–98. https://www.doi.org/10.23672/d9247-1410-5531-e (In Russ.)

Shirokalova, G. S., Mansurov, V. A. (2024). Features of the ros-2024 research project «Family and Students». *Sociologicheskie issledovaniya, 10.* 164–167. https://www.doi.org/10.31857/S0132162524100151 (In Russ.)

Trushkova, E. A. (2024). Determinants of deviant socio-economic behavior of the population as a result of digitalization and the development of the metaverse. In *Ustojchivost` demograficheskogo razvitiya: determinanty` i resursy`: sb. nauch. st. [Sustainability of demographic development: determinants and resources: collection of scientific articles]* (pp. 349–357). Yekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 651. https://www.doi.org/10.17059/udf-2024-2-19 (In Russ.)

Udalykh, S. K. (2024). Russian demographic problems and housing affordability. In *The III-j Mezhdunarodny`j demograficheskij forum «Demografiya i global`ny`e vy`zovy`». Tom 1. Plenarnoe zasedanie. Sekciya 1 [III-th International Demographic Forum «Demography and Global Challenges». Volume 1. The Plenary session. Section 1]* (pp. 962–969). Voronezh: Digital Polygraphy Publishing House, 1095. EDN: RYMRAF (In Russ.)

Широкалова Галина Сергеевна — доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Приволжский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. https://orcid.org/0000-0003-4089-5446. (Российская Федерация, г. Нижний Новгород, 603000, ул. Костина, 4; e-mail: shirokalova@list.ru).

Шкурин Денис Вадимович — кандидат социологических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого президента России Б.Н. Ельцина (Российская федерация, г. Екатеринбург, 620002, ул. Мира, 19; e-mail: kafedra_ps_urfu@mail.ru).

Galina S. Shirokalova — Dr. Sci. (Soc.), Professor, Leading Researcher, Volga Branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences. https://orcid.org/0000-0003-4089-5446 . (Russian Federation, Nizhny Novgorod, 603000, Kostina str., 4; e-mail: shirokalova@list.ru).

Denis V. Shkurin — PhD (Soc.), Associate Professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira St., Yekaterinburg, 620002, Russian Federation; e-mail: kafedra_ps_urfu@mail.ru).

УДК 334.02:65.011.1
JEL classification: J13, M14
hhttps://www.doi.org/10.17059/udf-2025-2-23

Участие малого бизнеса в поддержке российской рождаемости: потенциал и возможные корпоративные практики[1]

О.М. Шубат[а], К.В. Носкова[б]

[а ,б] Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия)

[а] https://orcid.org/0000-0002-0929-8144

[б] https://orcid.org/0009-0003-5238-7841

Автор для корреспонденции: О.М. Шубат (o.m.shubat@urfu.ru)

Аннотация. *Целью статьи является анализ практик и перспектив развития на предприятиях малого бизнеса корпоративной демографической политики. Исходными данными послужили результаты глубинного интервью с руководителями предприятий малого бизнеса, открытые данные ЭКГ-рейтинга ответственного бизнеса. Проанализирована представленность малых предприятий в группе лидеров ЭКГ-рейтинга, на основе глубинных интервью выявлены особенности реализуемых программ поддержки семей сотрудников и стимулирования рождаемости в их семьях. Анализ показал наличие резкого дисбаланса в распределении компаний с наивысшим рейтингом AAA в ЭКГ-рейтинге: малый бизнес практически не представлен в этой категории, не реализует программы поддержки семей сотрудников. Малые предприятия сталкиваются с рядом ограничений, которые препятствуют внедрению корпоративных практик поддержки рождаемости. Осознавая важность и необходимость (в связи с дефицитом кадров) поддержки бизнесом семей сотрудников и рождаемости, малые предприятия не готовы вкладывать существенные ресурсы в такие задачи и одновременно не имеют достаточных знаний о немонетарных (или малозатратных) инструментах решения этих задач. В статье сформулированы направления возможного развития программ корпоративной демографической политики для малого бизнеса.*

Ключевые слова: малый бизнес; корпоративная демографическая политика; ЭКГ-рейтинг, немонетарные инструменты корпоративной политики.

Small Business Participation in Supporting Russian Birth Rates: Potential and Possible Corporate Practices

O. Shubat[a], K. Noskova[b]

[a,b] Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)

[a] https://orcid.org/0000-0002-0929-8144

[b] https://orcid.org/0009-0003-5238-7841

Corresponding author: O. Shubat (o.m.shubat@urfu.ru)

Abstract. *The purpose of the article is to analyze the practices and prospects for the development of corporate demographic policy at small businesses. Data from in-depth interviews of small business executives and open data from the EPS rating of responsible business were used. The representation of small businesses in the group of EPS rating leaders was analyzed; the features of the implemented programs to support employee families and stimulate birth rates in their families were identified based on the in-depth interviews. The analysis showed a sharp imbalance in the distribution of companies with the highest AAA*

[1] © Шубат О.М., Носкова К.В. Текст. 2025.

rating in the EPS rating: small businesses are practically not represented in this category and do not implement programs to support employee families. Small businesses face a number of restrictions that hinder the implementation of corporate practices to support the birth rate. Realizing the importance and necessity (due to the shortage of personnel) of business support for the families of employees and the birth rate, small businesses are not ready to invest significant resources in such tasks and at the same time do not have sufficient knowledge about non-monetary (or low-cost) tools for solving these problems. The article formulates directions for the possible development of corporate demographic policy programs for small businesses.

Keywords: small business; corporate demographic policy; EPS-rating, non-monetary instruments of corporate policy.

Введение

Корпоративная демографическая политика сегодня все чаще становится объектом исследований экономистов, социологов, демографов. Авторы разрабатывают ее концептуальные основы (Ростовская и др., 2021), обосновывают и связывают с принципами корпоративной гражданственности (Багирова, Нешатаев, 2024), исследуют детерминанты такой политики (Тобыщева & Шубат, 2024), оценивают эффективность ее инструментов и практик (Шутова, 2020; Тонких и др., 2024). Несмотря на достаточно широкий спектр вопросов, раскрываемых в научно-исследовательском дискурсе корпоративной демографической политики, они преимущественно касаются крупного бизнеса. Возможности и практики реализации корпоративной демографической политики на малых предприятиях пока еще недостаточно изучены.

Ситуацию с развитием малого бизнеса в нашей стране нельзя назвать особенно благополучной: вклад субъектов малого и среднего бизнеса (далее — МСБ) в национальную экономику России, хотя и остается стабильным, однако невысок, и в последние годы составляет в среднем 21 % ВВП (табл. 1). При этом валовая добавленная стоимость, производимая субъектами МСБ, ежегодно увеличивается (табл. 1).

Численность субъектов малого бизнеса после нескольких лет ежегодного сокращения в последние годы показывает хоть и незначительный, но рост, который был особенно заметным в 2024 г. (рис. 1). Среднесписочная численность работников на малых предприятиях за последний год также выросла (рис. 1).

В российских исследованиях авторы указывают на то, что функционирование малого бизнеса в стране нельзя считать удовлетворительным, и обозначают целый спектр проблем, с которыми сталкивается российский малый бизнес (Бокарева и др., 2016; Быковская и др., 2018; Боркова и др., 2019; Земцов, 2020; Теребова & Устинова, 2022). Вместе с тем, отмечается, что предприятия малого бизнеса функционируют более эффективно, чем крупный бизнес, и, судя

Таблица 1

Вклад субъектов МСБ в национальную экономику РФ

Год	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Валовая добавленная стоимость, в текущих ценах, млрд. руб.	18242,4	18900,5	20411,4	20188,4	25062,7	29562,1
Доля в ВВП, %	22,0	20,4	20,7	20,8	20,6	21,0

Источник: Национальные счета. Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts (дата обращения: 25.01.2025).

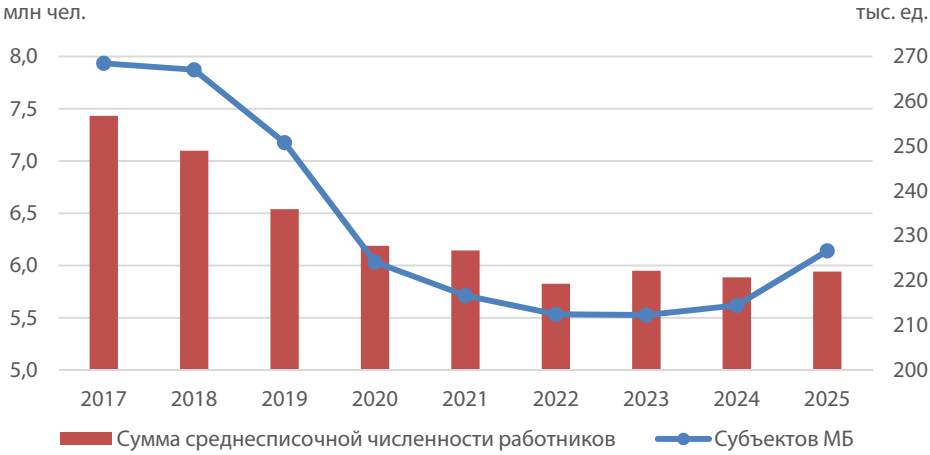

Рис. 1. *Среднесписочная численность работников и число малых предприятий России на 10 января каждого года (источник: составлено авторами по: Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства. Федеральная налоговая служба. URL: https://rmsp.nalog.ru/index.html (дата обращения: 25.01.2025))*

по динамике ряда экономических показателей, вносят все больший вклад в экономику страны (Строев и др., 2023). Замеры общественного мнения фиксируют позитивные изменения в отношении условий функционирования малого бизнеса. Так, по данным ВЦИОМ 2023 г., 50 % респондентов положительно оценивают условия для развития малого бизнеса в своем населенном пункте; с течением времени сокращается доля тех, кто считает, что условия для развития частного предпринимательства неблагоприятные — с 55 % в 2013 г. до 31 % в 2023 г. (Предпринимательство, 2023).

Целью статьи является анализ практик и перспектив развития на предприятиях малого бизнеса корпоративной демографической политики.

Методические вопросы исследования

Для проведения исследования были использованы два информационных ресурса. Во-первых, были проанализированы данные ЭКГ-рейтинга ответственного бизнеса. Данный рейтинг представляет собой оценку деловой репутации бизнеса и присваивает предприятию рейтинги: базовый (менее 51 балла), средний (51–80 баллов), продвинутый (81–100 баллов), лидер (более 100 баллов). Возможность получить наивысший рейтинг AAA появляется у предприятия в случае, если оно в рамках своей социальной ответственности реализует программы, связанные с поддержкой сотрудников, их семей, в том числе программы, направленные на рост рождаемости в семьях сотрудников.

Для проведения исследования мы выбрали три федеральных округа: Уральский, Центральный и Северо-Кавказский. Выбор именно этих округов обусловлен, с одной стороны, стремлением охватить широкий спектр региональных экономических моделей и проверить гипотезу о том, что в промышленных

центрах, как правило, наблюдается более высокая концентрация социально-ответственного бизнеса. Уральский и Центральный федеральные округа представляют собой регионы с развитой промышленностью и высокой экономической активностью, что, согласно нашей гипотезе, должно коррелировать с более высокой вовлеченностью бизнеса в социальные проекты, в том числе в области поддержки рождаемости. Напротив, Северо-Кавказский федеральный округ, имеющий иную экономическую специфику, позволяет оценить, как отличаются подходы и возможности бизнеса в менее индустриализированных регионах.

Во-вторых, для углубления представлений о практиках и перспективах развития на предприятиях малого бизнеса корпоративной демографической политики мы провели опрос руководителей малых предприятий сферы услуг с численностью сотрудников до 50 человек. Всего было проведено пять глубинных интервью. Ключевые тематики/вопросы глубинного интервью, а также их эвристическая направленность представлены в таблице 2.

Таблица 2

Вопросы / тематики глубинного интервью с руководителями малых предприятий

Вопрос / тематика	Эвристическая направленность / комментарии
Как вы оцениваете текущую демографическую ситуацию в стране? Видите ли вы необходимость повышения рождаемости и снижения смертности?	Выявление общего восприятия руководителями текущей демографической ситуации в стране, их представлений о необходимости принятия мер по улучшению демографии на государственном уровне
Каковы ваши прогнозы относительно изменения численности трудоспособного населения в ближайшие годы? Ожидаете ли вы увеличение кадрового дефицита?	Предполагается получение оценки прогнозируемых тенденций в изменении численности рабочей силы. Руководители должны оценить, ожидают ли они усугубления ситуации с нехваткой квалифицированных кадров в ближайшем будущем, что могло бы повлиять на их бизнес-стратегии
Как кадровый дефицит влияет на вашу компанию? Какие проблемы он уже вызвал или может вызвать в будущем?	Предполагается получение оценки о практическом влиянии кадрового дефицита на деятельность конкретной компании. Ответы помогут понять, какие конкретные трудности испытывают малые предприятия в условиях сокращения числа работников
Внедряли ли вы ранее меры по удержанию сотрудников? Если да, насколько они были эффективны?	Вопрос касается стратегий, которые уже применялись компаниями для сохранения численности/состава своих сотрудников. Оценка эффективности этих мер позволит выявить наиболее действенные подходы к решению проблем текучести кадров
Как часто сотрудники вашей компании уходят в декретный отпуск? Что происходит с их рабочими местами после возвращения?	Вопросы нацелены на выяснение того, как малые компании справляются с временным отсутствием сотрудников в связи с декретными отпусками. Это также помогает определить, существует ли практика сохранения рабочих мест для таких сотрудников
Рассматривали ли вы возможность внедрения гибких графиков работы для молодых родителей? Могло бы это улучшить кадровую ситуацию в компании?	Гибкий график работы становится все более популярным инструментом для привлечения и удержания сотрудников, особенно среди молодых родителей. Вопрос направлен на выяснение мнения руководителей о целесообразности введения такой практики

Окончание табл. 2 на след. стр.

Окончание табл. 2

Вопрос / тематика	Эвристическая направленность / комментарии
Какие стимулы, по вашему мнению, могли бы повысить мотивацию сотрудников иметь детей? Какие программы поддержки могли бы быть полезны для них?	Вопросы направлены на выявление мнения руководителей о возможных/потенциальных мерах поддержки сотрудников, планирующих завести семью
Есть ли у вас опыт создания корпоративных программ поддержки семей с детьми? Если нет, почему?	Вопросы / тематика ориентированы на выяснение сложившейся ситуации и выявление причин, по которым малый бизнес не внедряет программы корпоративной демографической политики
Если у вас уже есть корпоративная демографическая политика, какие методы / меры стимулирования рождаемости в семьях сотрудников и поддержки семей сотрудников вы используете? Насколько они эффективны?	Предполагается получение информации о конкретных инструментах/методах, используемых предприятиями для улучшения демографической ситуации внутри коллектива, о критериях эффективности таких инструментов / методов, которые используют предприниматели
Какие результаты вы ожидаете от внедрения новых мер по поддержке сотрудников с семьями (в ходе интервью интервьюер упоминает различные возможные меры)? Как это повлияет на общий климат в коллективе и производительность труда?	Вопросы направлены на выявление ожиданий руководителей от реализации новой демографической политики (или новых мер поддержки семей сотрудников). Он помогает понять, как внедрение подобных инициатив может отразиться на внутренней атмосфере компании и производительности труда, а также способствует оценке потенциальных рисков и выгод от предлагаемых изменений

Источник: составлено авторами.

Результаты исследования

Анализ данных, представленных на ресурсе ЭКГ-рейтинга, показал крайне низкий уровень вовлеченности предприятий малого бизнеса в реализацию практик социальной ответственности. Сводные результаты проведенного исследования представлены в таблице 3.

Как следует из представленных данных, малый бизнес практически не представлен в категории AAA, предполагающей реализацию бизнесом тех или иных программ поддержки сотрудников. Очевидно, малые предприятия сталкиваются с какими-либо ограничениями, которые препятствуют внедрению передовых социальных корпоративных практик, включая практики по поддержке рождаемости.

В ходе дальнейшего исследования проведенные глубинные интервью с представителями малого бизнеса позволили выявить особенности их отношения к текущим демографическим проблемам в стране, а также к возможности участия малого бизнеса в решении этих проблем на основе реализации программ корпоративной демографической политики. Выявленные особенности таковы:

1. Оценка демографической ситуации. Руководители предприятий единодушны в оценке демографического положения в стране как депрессивного, прогнозируя дальнейшее падение рождаемости и рост дефицита кадров.

2. Кадровые проблемы. Недостаток квалифицированных специалистов и необходимость удержания сотрудников вынуждают применять различные методы

Таблица 3

Предприятия с рейтингом ААА в ЭКГ-рейтинге (в разрезе трех федеральных округов)

Регион	Типы предприятий					
	крупные		средние		малые	
	всего	ААА	всего	ААА	всего	ААА
Уральский федеральный округ						
Курганская область	35	0	65	0	601	0
Свердловская область	501	4	762	0	6744	0
Тюменская область	115	0	232	0	2145	0
Ханты-Мансийский автономный округ — Югра	133	2	277	0	1650	0
Ямало-Ненецкий автономный округ	62	1	82	0	462	0
Челябинская область	264	0	403	0	4415	0
Центральный федеральный округ						
Белгородская область	152	1	233	0	1253	0
Брянская область	66	1	112	0	671	0
Владимирская область	75	4	116	0	953	1
Воронежская область	221	2	346	1	2446	0
Ивановская область	46	1	92	0	985	0
Калужская область	124	0	156	0	916	0
Костромская область	45	0	77	1	832	0
Курская область	66	0	95	0	926	0
Липецкая область	116	0	163	0	1155	0
Московская область	1321	4	1516	0	11442	0
Орловская область	46	0	91	0	692	0
Рязанская область	82	0	166	0	1443	0
Смоленская область	101	1	146	0	1376	0
Тамбовская область	62	1	106	0	822	0
Тверская область	73	0	165	0	1564	0
Тульская область	114	3	191	0	1581	0
Ярославская область	83	0	184	0	1693	0
Северо-Кавказский федеральный округ						
Республика Дагестан	34	0	76	0	672	0
Республика Ингушетия	4	0	6	0	86	0
Кабардино-Балкарская Республика	6	0	36	0	354	0
Карачаево-Черкесская Республика	13	0	33	0	190	0
Республика Северная Осетия — Алания	9	0	37	0	374	0
Чеченская Республика	58	0	58	0	339	0
Ставропольский край	155	0	288	0	1951	0

Источник: составлено авторами по: ЭКГ рейтинг ответственного бизнеса. URL: https://экг-рейтинг.рф (дата обращения: 30.01.2025).

и инструменты материального стимулирования и развития корпоративной культуры. Эффективность этих мер интервьюируемые оценили положительно, хотя и отмечали, что возможности малых предприятий реализовывать такие меры и инструменты ограничены. Однако даже небольшие шаги, такие как небольшое

повышение заработной платы, бонусы за выполнение планов и дополнительные социальные гарантии, оказываются весьма полезными для стабилизации кадровой ситуации.

3. Социальные аспекты трудовой деятельности. Большинство предприятий, охваченных глубинным интервью, сохраняют рабочие места за сотрудниками, находящимися в декретном отпуске/отпуске по уходу за ребенком, и предлагают гибкий график работы. Это связано с пониманием руководством важности поддержания баланса между работой и личной жизнью сотрудников, особенно тех, кто имеет маленьких детей. Такие меры помогают снизить уровень стресса у сотрудников и способствуют повышению их удовлетворенности условиями труда. Однако, несмотря на общую положительную оценку гибкости рабочего графика, существуют определенные трудности с его внедрением, особенно в сферах, требующих постоянного присутствия сотрудника на рабочем месте.

4. Программы поддержки семей с детьми (программы корпоративной демографической политики). Полноценно разработанных и в полном объеме реализуемых корпоративных программ на предприятиях малого бизнеса пока нет, но реализуются отдельные инициативы, которые оцениваются как достаточно эффективные для сохранения лояльности сотрудников компании: материальная помощь семьям с детьми, детские праздники и мероприятия, поддержка в вопросах образования и здравоохранения. Реализация таких программ зачастую носит точечный характер и зависит от финансовых возможностей конкретного предприятия.

5. Информационная политика в сфере поддержки семьи и рождаемости. Для интервьюируемых характерен низкий уровень осведомленности о преимуществах и положительных эффектах, возникающих вследствие внедрения программ корпоративной демографической политики. Представители малого бизнеса не осознают выгоды или преимуществ от внедрения программ поддержки семей сотрудников. Они считают, что такие инициативы являются прерогативой крупных корпораций и не приносят реальной пользы для небольшого предприятия.

6. Барьеры и стимулы для внедрения корпоративной демографической политики на предприятиях малого бизнеса. Предприниматели отмечали наличие регуляторных и административных барьеров, бюрократические препятствия при попытке реализовать социальные программы. Например, получение государственных субсидий или налоговых льгот может требовать заполнения множества документов и прохождения сложных процедур. Это снижает интерес и инициативу у предпринимателей, которые предпочитают избегать подобных сложностей. В ходе интервью представители малого бизнеса также указывали на то, что существующие государственные программы недостаточно адаптированы к нуждам малого предпринимательства и требуют доработки. В частности, интервьюируемые предлагали расширение налоговых льгот для предприятий, внедряющих программы поддержки семей, а также субсидирование затрат на обучение и переподготовку сотрудников. Кроме того, многие руководители считают, что государство должно активнее поддерживать инициативы, направленные на улучшение социальных гарантий для работников, таких как оплата больничных листов, компенсация расходов на медицинские услуги и образование детей. Также предприниматели говорили о необходимости упрощения процедур получения государственных

грантов и субсидий, что позволило бы малым предприятиям легче привлекать средства для реализации своих проектов в сфере демографической политики.

В целом по результатам интервью можно выделить следующие виды барьеров для реализации на малых предприятиях программ корпоративной демографической политики:

— финансовые: малый бизнес часто функционирует в условиях ограниченных финансовых ресурсов, что делает невозможным реализацию дорогостоящих программ поддержки семей сотрудников. Такие инициативы требуют значительных инвестиций, которых у небольших компаний зачастую нет;

— отсутствие квалифицированных специалистов: разработка и реализация эффективной корпоративной демографической политики требует наличия экспертов в области HR, маркетинга и управления персоналом. Однако малые предприятия не всегда могут позволить себе содержать штат высококвалифицированных специалистов, способных разрабатывать и внедрять программы такой политики;

— недостаток времени и ресурсов для стратегического планирования: владельцы и руководители малых предприятий погружены в оперативные задачи и управление текущими делами компании. Они сосредоточены на обеспечении ежедневного функционирования бизнеса, что не позволяет им уделять внимание социальным вопросам, долгосрочному планированию и разработке стратегических инициатив, направленных на улучшение демографической ситуации среди сотрудников;

— риск нестабильной экономической среды: малые предприятия часто работают в условиях высокой неопределенности и риска, в силу чего предприниматели склонны минимизировать любые дополнительные расходы, считая их ненужными рискованными инвестициями;

— отсутствие в широком доступе необходимой информации и примеров успешного опыта внедрения программ корпоративной демографической политики. Это затрудняет понимание того, какие именно инструменты и методы могут быть эффективны для небольших предприятий;

— отсутствие государственной поддержки и стимулов. Хотя государство признает важность участия бизнеса в решении демографических задач, оно пока не предоставляет достаточных стимулов и поддержки для малого бизнеса. Отсутствие налоговых льгот, грантов и других форм помощи снижает мотивацию предпринимателей к активным действиям в этой области;

— отсутствие четкой законодательной базы, регулирующей корпоративную социальную ответственность: малый бизнес нуждается в ясных и понятных правилах игры, которые помогут предпринимателям ориентироваться в вопросах социальной ответственности и понимать, каким образом они могут внести свой вклад в решение демографических проблем, не нарушая законов и не подвергая риску свои финансовые результаты.

Обсуждение результатов и выводы исследования

Проведенный анализ показал, что малый бизнес, несмотря на свою заметную роль в экономике страны, остается малозаметным в области корпоративной демографической политики. Региональные различия в представленности

социально ответственных предприятий в отношении малых форм бизнеса не наблюдаются.

Осознавая важность и необходимость (в связи с дефицитом кадров) поддержки бизнесом семей сотрудников и рождаемости, малые предприятия, вместе с тем, не готовы вкладывать существенные ресурсы в такие задачи. В то же время, представители малого бизнеса не имеют достаточных знаний о немонетарных (или малозатратных) инструментах решения этих задач — инструментах, ориентированных на создание комфортных условий для сотрудников с детьми, улучшение психологического климата в коллективе, что позволит удерживать и привлекать на предприятие квалифицированные кадры.

На всех малых предприятиях, у руководителей которых мы взяли интервью, были женщины, находящиеся в декретном отпуске, отпуске по уходу за ребенком. Учитывая, в том числе, и этот факт, мы считаем, что особенно востребованной программой корпоративной демографической политики в условиях малого предприятия может быть программа адаптации после выхода из декретного отпуска или отпуска по уходу за ребенком. Такая программа помогает женщине плавно вернуться к профессиональной деятельности, минимизируя стресс и обеспечивая ей необходимую поддержку. Реализация этой программы, на наш взгляд, должна предусматривать разработку индивидуального плана адаптации для каждой сотрудницы с учетом ее потребностей и возможностей. Такой индивидуальный план адаптации — это комплекс мер, направленных на плавное и эффективное возвращение сотрудницы к трудовой деятельности после длительного перерыва, он разрабатывается с учетом индивидуальных особенностей каждой конкретной ситуации и может включать следующие элементы:

1. Определение сроков и этапов возврата к работе, в том числе:

— определение периода постепенного увеличения рабочего времени (начиная с нескольких часов в день или неполной недели, с последующим увеличением нагрузки до полного рабочего дня;

— установление промежуточных контрольных точек — регулярный мониторинг прогресса и корректировка плана по мере необходимости.

2. Профессиональная подготовка и обучение, включающая в себя:

— актуализацию знаний и навыков с помощью курсов повышения квалификации, тренингов, вебинаров и других формах обучения, позволяющих обновить профессиональные знания и навыки;

— ознакомление с новыми технологиями и изменениями, произошедшими в компании (инструктаж по использованию нового оборудования, программного обеспечения или внутренних процессов, внедренных за время отсутствия сотрудницы);

3. Психологическая поддержка, предполагающая консультации с психологом, включение в группы поддержки.

4. Организационные изменения:

— изменение рабочего графика, формирование гибкого расписания;

— предоставление дополнительных выходных или сокращенного рабочего дня.

Индивидуальный план адаптации, например, может быть сформирован следующим образом:

Первый месяц:

— работа на половину ставки (например, 20 часов в неделю);

— ознакомление с изменениями, произошедшими в компании;

— участие в одном-двух тренингах по актуальным вопросам, связанным со сферой деятельности.

Второй месяц:

— увеличение рабочего времени до 30 часов в неделю;

— начало выполнения основных обязанностей под контролем руководителя;

— психологическое сопровождение и консультации по запросу.

Третий месяц:

— полноценное включение в рабочий процесс (40 часов в неделю).

— оценка результатов работы и обсуждение дальнейших планов развития.

— продолжение участия в обучении и повышении квалификации.

Важно отметить, что желание предпринимателя реализовывать корпоративную демографическую политику как целостный инструмент либо внедрять ее отдельные меры не является исключительно навязанным, привнесенным извне, обусловленным внешними факторами. Безусловно, государственное стимулирование такой активности малых форм бизнеса необходимо. Но важным является и то, что проявление себя в качестве социально ответственной личности, стремление приносить пользу обществу органично сочетается с системой ценностей современного российского предпринимателя. Исследования иерархии ценностей предпринимателей (см., например: Корнейко, 2017) показывают, что цели современного предпринимательства не сводятся к максимизации прибыли, но расширяются до идей корпоративной гражданственности, предполагают сочетание личной выгоды и пользы общества. Таким образом, программы корпоративной демографической политики имеют все шансы быть приняты и реализовываться не только на крупных, но и малых предприятиях с учетом специфических особенностей последних.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00854, https://rscf.ru/project/24-18-00854/

Acknowledgements

The research was supported by the Russian Science Foundation (project No. 24-18-00854, https://rscf.ru/project/24-18-00854/).

Список источников

Багирова, А. П., Нешатаев, А. В. (2024). Российский работодатель как потенциальный субъект влияния на демографическую ситуацию в регионе. *AlterEconomics, 21* (2), 268–285. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2024.21-2.6

Бокарева, Е.В., Силаева, А.А., Дуборкина, И.А. (2016). Развитие малого бизнеса в России: проблемы и пути решения. *Сервис в России и за рубежом, 1* (62), 174–185. https://doi.org/10.12737/19180

Боркова, Е.А., Подкатилина, В.Е., Завьялова, П.Е. (2019). Динамика развития малого и среднего бизнеса: проблемы и перспективы. *Государственный вестник, 2* (26), 83–89. EDN: XPISGG

Быковская, Ю.В., Иванова, Л.Н., Сафохина, Е.А. (2018). Малое и среднее предпринимательство в современной России: состояние, проблемы и направления развития. *Вестник Евразийской науки, 5* (10). https://esj.today/PDF/12ECVN518.pdf

Земцов, С.П. (2020). Институты, предпринимательство и региональное развитие в России. *Журнал Новой экономической ассоциации, 2* (46), 68–180. https://doi.org/10.31737/2221-2264-2020-46-2-9

Корнейко, О.В. (2017). Ценностные ориентации современного предпринимательства в России. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз, 10* (5), 169–183. https://doi.org/10.15838/esc.2017.5.53.12

Предпринимательство: мониторинг 2023. *Всероссийский центр изучения общественного мнения*. https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/predprinimatelstvo-v-rossii-monitoring (дата обращения: 10.01.2025).

Ростовская, Т. к., Шабунова, А. А., Багирова, А. П. (2021). Концепция корпоративной демографической политики российских организаций в контексте социальной ответственности бизнеса. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз, 14* (5), 151–164. https://doi.org/10.15838/esc.2021.5.77.9

Строев, В.В., Магомедов, М.Д., Алексейчева, Е.Ю. (2023). Развитие малого и среднего бизнеса в регионах Российской Федерации. *Экономика: вчера, сегодня, завтра, 13* (6А), 224–233. https://doi.org/10.34670/AR.2023.92.90.027 10.34670/AR.2023.92.90.027

Теребова, С.В., Устинова, К.А. (2022). Малый и средний бизнес в новых экономических условиях. *Север и рынок: формирование экономического порядка, 2,* 107–123. https://doi.org/10.37614/2220-802X.2.2022.76.009

Тобышева, А.А., Шубат, О.М. (2024). Корпоративная демографическая политика: Детерминанты и практики. *Human Progress, 10* (1), 6. https://doi.org/10.34709/IM.1101.6

Тонких, Н.В., Чудиновских, М.В., Бегичева, С.В. (2024). Интеграция гибких инструментов корпоративной демографической политики в систему управления персоналом. *Управленец, 15* (5), 87–102. https://doi.org/10.29141/2218-5003-2024-15-5-6

Шутова, Н.В. (2020). Корпоративная демографическая политика как способ повышения социальной эффективности стимулирования родительского труда работников предприятия. В *Социальные процессы современной России: сборник трудов Международной научно-практической конференции (19–20 ноября 2020 г.)* (с. 219–222). Нижний Новгород: Научно-исследовательский социологический центр, 678. EDN: CVGMCE

References

Bagirova, A. P., & Neshataev, A. V. (2024). The Potential Influence of Russian Employers on Regional Demographic Trends. *AlterEconomics, 21* (2), 268–285. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2024.21-2.6 (In Russ.)

Bokareva, E.V., Silaeva, A.A., & Dworkin I.A. (2016). Small business Development in Russia: problems and solutions. *Servis v Rossii i za rubezhom [Service in Russia and abroad]. 1* (62), 174–185. https://doi.org/10.12737/19180 (In Russ.)

Borkova, E. A., Podkatilina, V. E., & Zavyalova P. E. (2019). Dynamics of development of small and medium business: problems and prospects. *Gosudarstvennyy vestnik, [The State Counsellor], 2* (26), 83–89. EDN: XPISGG (In Russ.)

Bykovskaya, Yu.V., Ivanova, L.N., & Safokhina, E.A. (2018). Small and medium-sized business in modern Russia: the state, problems and directions of development. *Vestnik Evrazijskoj nauki [The Eurasian Scientific Journal], 5* (10). https://esj.today/PDF/12ECVN518.pdf (accessed: 10.01.2024). (In Russ.)

Entrepreneurship: monitoring 2023. *VCIOM: Russia Public Opinion Research Center.* https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/predprinimatelstvo-v-rossii-monitoring (Accessed: 10.01.2024). (In Russ.)

Korneiko, O.V. (2017). Value orientations of modern entrepreneurship in Russia. *E`konomicheskie i social`ny`e peremeny`: fakty`, tendencii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 10* (5), 169–183. DOI: 10.15838/esc/2017.5.53.12 (In Russ.)

Rostovskaya, T. K., Shabunova, A. A., Bagirova, A. P. (2021). The concept of corporate demo-graphic policy of Russian organizations in the context of social responsibility of business. *E`konomicheskie i social`ny`e peremeny`: fakty`, tendencii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 14* (5), 151–164. https://doi.org/10.15838/esc.2021.5.77.9 (In Russ.)

Shutova, N.V. (2020). Corporate demographic policy as a way to increase the social efficiency of stimulating parental labor of enterprise employees. In *Social`ny`e processy` sovremennoj Rossii: sbornik trudov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (19–20 noyabrya 2020 g.) [Social processes of modern Russia: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (November 19–20, 2020)]* (pp. 219–222). Nizhniy Novgorod: Research Sociological Center, 678. (In Russ.)

Stroev, V.V., Magomedov, M.D., & Alekseicheva, E.Yu. (2023) Development of small and medium-sized businesses in the regions of the Russian Federation. *E`konomika: vchera, segodnya, zavtra [Economics: Yesterday, Today and Tomorrow], 13* (6A), 224–233. https://doi.org/10.34670/AR.2023.92.90.027 (In Russ.)

Terebova ,S.V., & Ustinova, K.A. (2022). Small and medium-sized business in the new economic environment. *Sever i ry`nok: formirovanie e`konomicheskogo poryadka [The North and the Market: Forming the Economic Order], 2,* 107–123. https://doi.org/10.37614/2220-802X.2.2022.76.009 (In Russ.)

Tobysheva, A.A., & Shubat, O. M. (2024). Corporate demographic policy: Determinants and practices. *Human Progress, 10* (1), 6. https://doi.org/10.34709/IM.1101.6 (In Russ.)

Tonkikh, N.V., Chudinovskikh, M.V., & Begicheva, S.V. (2024). Integration of flexible corporate demographic policy tools into the personnel management system. *Upravlenets [The Manager], 15* (5), 87–102. https://doi.org/10.29141/2218-5003-2024-15-5-6 (in Russ.)

Zemtsov, S.P. (2020). Institutions, entrepreneurship and regional development in Russia. *Zhurnal Novoj e`konomicheskoj associacii [Journal of the New Economic Association], 2* (46), 168–180. https://doi.org/10.31737/2221-2264-2020-46-2-9 (In Russ.)

Шубат Оксана Михайловна — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина; https://orcid.org/0000-0002-0929-8144 (Российская Федерация, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: o.m.shubat@urfu.ru).

Носкова Карина Вадимовна — магистрант, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина; https://orcid.org/0009-0003-5238-7841 (Российская Федерация, 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: 89122444222@mail.ru).

Oksana M. Shubat — Dr. Sci. (Econ.), Department of Integrated Marketing Communications and Branding, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin; https://orcid.org/0000-0002-0929-8144 (19, Mira St., Ekaterinburg, Russian Federation, e-mail: o.m.shubat@urfu.ru).

Karina V. Noskova — Master Student, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin; https://orcid.org/0009-0003-5238-7841(19, Mira St., Ekaterinburg, Russian Federation, e-mail: o89122444222@mail.ru).

УДК 314
JEL classification: J13
https://www.doi.org/10.17059/udf-2025-3-1

Статистическая оценка влияния региональных мер демографической политики на рождаемость[1]

В. Н. Архангельский
МГУ имени М. В. Ломоносова (г. Москва, Российская Федерация).
https://orcid.org/0000-0002-7091-9632
Автор для корреспонденции: В. Н. Архангельский (archangelsky@yandex.ru).

Аннотация. *В статье рассматриваются методические вопросы статистической оценки влияния некоторых региональных мер демографической политики (региональный материнский (семейный) капитал, выплата при рождении ребенка до определенного возраста) на рождаемость. Оценивается возможность и целесообразность использования для этого показателей рождаемости как для календарных лет, так и для реальных поколений. При оценке влияния мер демографической политики на показатели рождаемости для реальных поколений необходимо учитывать, в каких возрастных интервалах находились женщины тех или иных поколений в период начала реализации данных мер.*

Ключевые слова: рождаемость; демографическая политика; очередность рождения; реальные поколения

Statistical Assessment of the Impact of Regional Demographic Policy Measures on Fertility

V. Arkhangelskiy
Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation).
https://orcid.org/0000-0002-7091-9632
Corresponding author: V. Arkhangelskiy (archangelsky@yandex.ru).

Abstract. *The article discusses methodological issues of statistical assessment of the impact of some regional demographic policy measures (regional maternal (family) capital, payment at birth of a child up to a certain age) on fertility. The possibility and expediency of using fertility rates for this purpose both for calendar years and for real generations is being evaluated. When assessing the impact of demographic policy measures on fertility rates for real generations, it is necessary to take into account the age ranges of women of certain generations during the period of the implementation of these measures.*

Keywords: fertility; demographic policy; birth order; real generations

Введение

Определяя пути совершенствования демографической политики, важно проанализировать влияние реализуемых мер на рождаемость. Меры, в отношении которых анализ покажет такое влияние, видимо, целесообразно развивать и далее. Если они носят региональный характер, то, вероятно, могут быть рекомендованы для использования и в других регионах. Если схожие меры оказывают влияние

[1] © Архангельский В. Н. Текст. 2025.

на рождаемость в одних регионах и не влияют в других, то такая оценка может дать основу для последующего анализа причин этого. Если какие-то меры не воздействуют на рождаемость ни в одном из регионов, то вряд ли целесообразно их использовать далее или, по крайней мере, необходимо проанализировать, почему так происходит и как можно преобразовать эти меры для того, чтобы они стали результативными.

Оценка влияния мер демографической политики на рождаемость может быть осуществлена по данным социологических исследований репродуктивного поведения (см., например, работы А.А. Шабуновой и Т. К. Ростовской (2022), О.О. Секицки-Павленко (2023)). Как правило, она в этом случае основывается на ответах на вопросы о влиянии этих мер на принятие решений о рождении детей. При этом следует, конечно, иметь в виду, что эта оценка субъективная и на нее могут влиять различные факторы.

Существенно реже оценка влияния мер демографической политики на рождаемость делается на основе статистических данных. Отметим здесь работу М.А. Шишкиной и Л.А. Поповой, которые дают такую оценку на основе сравнения фактического числа родившихся в 2007–2015 гг. с тем, которое могло бы быть при сохранении возрастных коэффициентов рождаемости 2006 г., т. е. до введения дополнительных мер помощи семьям с детьми (Шишкина & Попова, 2017). Более широкий круг показателей, включая возрастные коэффициенты рождаемости по очередности рождения, использован в статье Е.Н. Синдяшкиной (2021). На сравнении динамики показателей рождаемости 2007 г. с предшествующим периодом во многом основана оценка результативности материнского (семейного) капитала в работе Т.М. Тихомировой и Н.П. Тихомирова (2020).

При статистической оценке возникает сложность отделить влияние мер демографической политики от влияния других факторов. Однако, в отличие от социологических исследований, в данном случае, видимо, несколько проще оценить влияние каждой из этих мер в отдельности, а не всего их комплекса в целом. Такая оценка возможна, если мера демографической политики ориентирована на ту или иную очередность рождения или учитывает возраст матери при рождении ребенка (или в ней учитываются оба этих параметра).

Кроме того, при оценке влияния этой меры необходимо учитывать время начала ее реализации. Существует точка зрения, что репродуктивное поведение инерционно и, следовательно, возможное воздействие на него может дать только отложенный результат. Это, безусловно, справедливо, но только по отношению к потребности в детях (Антонов, 1985; Карпова, 2018). Однако пока все реализуемые меры, в той или иной мере могущие повлиять на рождаемость, ориентированы не на изменение потребности в детях, а на создание более благоприятных условий для ее реализации (при этом нельзя, конечно, исключить их влияние в части семей и на потребность в детях, но такое влияние, скорее, может иметь место в отношении формирования этой потребности у детей и подростков, воспитывающихся в этих семьях). Опыт показывает, что начало реакции семей на более благоприятные условия реализации потребности в детях имеет место без откладывания. Поэтому интервал между началом реализации такого рода мер демографической политики и возможным в связи с этим началом повышения

рождаемости не превышает года. Используя календарные показатели рождаемости в целом за год, нужно учитывать, когда был принят соответствующий нормативный акт, определяющий реализацию данной меры. Если под влиянием ее реализации происходит повышение рождаемости, то оно может начаться в том же году, но может быть более существенным на следующий год (с учетом продолжительности беременности).

Для оценки влияния мер демографической политики, ориентированных на ту или иную очередность рождения, целесообразно использовать суммарный коэффициент рождаемости соответствующей очередности рождения. Для оценки влияния мер, учитывающих возраст матери при рождении ребенка, используются возрастные коэффициенты рождаемости. Если в данной мере учитываются и очередность рождения, и возраст матери, то используются возрастные коэффициенты рождаемости соответствующей очередности рождения.

При использовании показателей рождаемости по очередности рождения имеет место существенное ограничение. Согласно Федеральному Закону Российской Федерации «Об актах гражданского состояния», принятому в ноябре 1997 г., при записи акта о рождении ребенка не стали обязательно указывать, каким по счету родился ребенок у матери. Впоследствии этот пункт Постановлением Правительства Российской Федерации от 14 декабря 2019 г.[1] был включен в перечень сведений о государственной регистрации рождения. Несмотря на законодательные изменения, многие субъекты Российской Федерации продолжали собирать эти сведения и по ним, соответственно, есть данные о родившихся по очередности рождения. В то же время по другим регионам за ряд лет такой информации нет, и это ограничивает возможности сравнительного анализа показателей рождаемости по очередности рождения в динамике.

Наряду с календарными показателями рождаемости, целесообразно использовать и показатели рождаемости для реальных поколений. Данные для их расчета представлены в результатах переписей населения. Однако представляется целесообразным использовать оценочные показатели рождаемости для реальных поколений, рассчитываемые на основе однолетних возрастных коэффициентов рождаемости. В отличие от данных переписи населения, эти показатели могут рассчитываться ежегодно (т. е. быть получены по состоянию на начало любого года), они могут быть рассчитаны к достижению женщинами любого возраста (а не только на момент переписи населения), а также для любого возрастного интервала. Именно показатели рождаемости в реальных поколениях позволяют оценить, имели ли место так называемые «таймингновые» сдвиги, связанные с более ранним рождением детей в значительной части семей из-за создавшихся более благоприятных условий для деторождения, в т. ч., возможно, в связи с реализацией тех или иных мер демографической политики. О наличии таких сдвигов будет свидетельствовать повышение среднего числа рожденных детей в том или ином возрастном интервале в данном поколении, по сравнению с предыдущими более

[1] Постановление Правительства Российской Федерации от 14 декабря 2019 г. №1671 «О внесении изменений в Постановление Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2018 г. №1746». https://docs.cntd.ru/document/564053303 (дата обращения: 20.01.2025).

старшими поколениями, и, наоборот, снижение, по сравнению с ними, этого показателя в более старших возрастах.

Возрастные коэффициенты рождаемости (в т. ч. по очередности рождения) в однолетней возрастной группировке по субъектам Российской Федерации доступны на сайте Центра демографических исследований Российской экономической школы (https://www.nes.ru/demogr-fermort-data) за период начиная с 1989 г. Соответственно, на их основе могут быть рассчитаны показатели рождаемости для поколений женщин начиная с 1974 г. (в 1989 г. им было 15 лет — начало репродуктивного периода). Такой расчет корректно может быть сделан не для всех регионов. Регионы, для которых могут быть сравнительно корректно рассчитаны показатели рождаемости в реальных поколениях на основе однолетних возрастных коэффициентов рождаемости, были определены нами ранее в одной из работ на основе сравнения расчетного и фактического среднего числа рожденных детей в реальных поколениях женщин в период между переписями населения 2002 и 2010 гг. (Архангельский, 2016). Кроме того, как уже отмечалось, был период, когда во многих субъектах Российской Федерации не собирались сведения о родившихся по очередности рождения. Для расчета показателей в реальных поколениях нужен непрерывный ряд однолетних возрастных коэффициентов рождаемости. Соответственно, для этих регионов показатели рождаемости в реальных поколениях по очередности рождения могут быть рассчитаны только начиная с поколения, которому было 15 лет в том году, с которого есть непрерывный ряд однолетних возрастных коэффициентов рождаемости.

В одной из недавних работ совместно с О.А. Золотаревой и О.В. Кучмаевой статистический анализ влияния на рождаемость был осуществлен применительно к федеральному материнскому (семейному) капиталу (Архангельский и др., 2024). В данной статье рассматриваются примеры такого анализа применительно к региональным мерам демографической политики.

Региональный материнский (семейный) капитал

Среди мер, реализуемых на уровне субъектов Российской Федерации, наиболее существенное влияние на показатели рождаемости оказывает региональный материнский (семейный) капитал. Различия в его сумме и особенности предоставления анализируют К.И. Казенин и В.А. Козлов (2020), Е. С.Вакуленко, Н.В. Ивашина и Я.О. Свистильник (2023), Э.Р. Мусин (2024).

В наибольшем размере этот капитал предоставляется в Ямало-Ненецком автономном округе. Он составлял 350000 руб. при рождении третьего или последующего ребенка начиная с 2011 г., а с 2020 г. был увеличен до 500000 руб. Однако непрерывный ряд данных по очередности рождения здесь есть только с 2011 г. Это значительно ограничивает возможности анализа влияния этой меры на рождаемость. Во-первых, нет возможности сравнить изменение величины суммарного коэффициента рождаемости по третьим и последующим рождениям после начала предоставления регионального материнского (семейного) капитала в 2011 г. с его динамикой в предшествующие годы. Во-вторых, анализ показателей рождаемости по третьим и последующим рождениям в реальных поколениях может быть сделан только начиная с поколения 1996 года рождения, которому в 2011 г.

было 15 лет. Оценка возможного влияния увеличения окружного материнского (семейного) капитала в 2020 г. на рождаемость сделана в работе И.А. Денисовой, И.Е. Калабихиной и П.О. Кузнецовой (2024).

Вторая по величине сумма регионального материнского (семейного) капитала первоначально была установлена в Ненецком автономном округе (300000 руб.), но здесь возможности корректного анализа его влияния на рождаемость ограничены относительной малочисленностью региона. В Хабаровском крае при рождении третьего или последующего ребенка первоначально установленный размер материнского (семейного) капитала составлял 200000 руб., а в Республике Коми — 150000 руб. Но данные о родившихся по очередности рождения в Хабаровском крае были восстановлены только в 2007 г., а в Республике Коми их нет за 2000 г., поэтому показатели в реальных поколениях могут быть рассчитаны только с поколения 1986 г. р. (15 лет в 2001 г.).

В ряде регионов материнский (семейный) капитал был первоначально установлен в размере 100000 руб.1 Одним из них является Республика Карелия. В этом регионе материнский (семейный) капитал предоставляется при рождении третьего или последующего ребенка начиная с 2012 г. В 2013 г. его размер был повышен до 105500 руб.2 В 2012 г. был самый большой прирост суммарного коэффициента рождаемости по третьим и последующим рождениям (на 0,045). Для сравнения, в 2007 г., когда был введен федеральный материнский (семейный) капитал, прирост этого показателя составил 0,033. Столь значительного прироста суммарного коэффициента рождаемости по третьим и последующим рождениям не было и в последующие годы (относительно большим он был в 2014 (на 0,022), 2015 (на 0,026) и 2016 (на 0,024) гг.). Есть основания связывать значительное повышение суммарного коэффициента рождаемости по третьим и последующим рождениям в 2012 г. с началом предоставления регионального материнского (семейного) капитала.

В Республике Карелии с поколений начала 1980-х г. р. повышается среднее число третьих и последующих рождений у женщин в возрасте до 30 лет: с 0,05 у женщин 1979 и 1982–1983 г. р. до 0,10 у женщин 1992 и 1994 г. р. — 0,10. При этом нет оснований говорить о «таймингговых» сдвигах, т. к. повышается среднее число третьих и последующих рождений в возрастных интервалах 30–34 года и 35–39 лет. В возрастном интервале 30–34 года с 0,05 у женщин 1975–1977 г. р. до 0,12 у женщин 1985 г. р. Только у женщин 1986 г. р. могли иметь место «таймингговые» сдвиги, т. к. среднее число третьих и последующих рождений в возрастном интервале 30–34 года у них (0,10) меньше, чем у женщин 1984 и 1985 г. р. Однако в поколениях 1987–1989 г. р. этот показатель выше. В возрастном интервале 35–39 лет среднее число третьих и последующих рождений повышается с 0,05 у женщин 1974 г. р. до 0,11 у женщин 1983 г. р. (только в поколении 1984 г. р. оно немного меньше (0,10)) (табл. 1).

[1] Закон Республики Карелия от 7 марта 2012 г. № 1584-ЗРК «О внесении изменений в Закон Республики Карелия «О некоторых вопросах социальной поддержки граждан, имеющих детей». https://docs.cntd.ru/document/919506490?marker=64U0IK (дата обращения: 20.01.2025).

[2] Закон Республики Карелия от 31 октября 2013 г. № 1738-ЗРК «О внесении изменений в Закон Республики Карелия «О некоторых вопросах социальной поддержки граждан, имеющих детей». https://docs.cntd.ru/document/919509891?marker=64U0IK (дата обращения: 20.01.2025).

Таблица 1

Среднее число третьих и последующих рождений в реальных поколениях женщин в Республике Карелии

Год рождения женщин	Среднее число третьих и последующих рождений						
	в возрасте:				к возрасту:		
	до 30 лет	30–34 года	35–39 лет	40–44 года	35 лет	40 лет	45 лет
1974	0,03	0,04	0,05	0,02	0,07	0,12	0,14
1975	0,04	0,05	0,06	0,02	0,09	0,15	0,17
1976	0,04	0,05	0,07	0,02	0,09	0,16	0,18
1977	0,03	0,05	0,07	0,02	0,09	0,16	0,19
1978	0,04	0,07	0,08	0,03	0,10	0,18	0,21
1979	0,05	0,07	0,08	0,03	0,12	0,20	0,22
1980	0,04	0,08	0,09	—	0,12	0,21	—
1981	0,04	0,08	0,09	—	0,12	0,21	—
1982	0,05	0,09	0,09	—	0,14	0,23	—
1983	0,05	0,10	0,11	—	0,15	0,26	—
1984	0,06	0,11	0,10	—	0,16	0,26	—
1985	0,06	0,12	—	—	0,17	—	—
1986	0,06	0,10	—	—	0,17	—	—
1987	0,07	0,13	—	—	0,20	—	—
1988	0,07	0,12	—	—	0,20	—	—
1989	0,08	0,13	—	—	0,21	—	—
1990	0,09	—	—	—	—	—	—
1991	0,09	—	—	—	—	—	—
1992	0,10	—	—	—	—	—	—
1993	0,09	—	—	—	—	—	—
1994	0,10	—	—	—	—	—	—

Источник: данные Росстата.

Среднее число третьих и последующих рождений к 35 годам в Республике Карелии повышается с 0,07 у женщин 1974 г. р. до 0,21 у женщин 1989 г. р.; к 40 годам — с 0,12 у женщин 1974 г. р. до 0,26 у женщин 1983–1984 г. р.; к 45 годам — с 0,14 у женщин 1974 г. р. до 0,22 у женщин 1979 г. р. (см. табл. 1).

Точнее судить о возможном влиянии именно этой меры можно по показателям, «привязанным» к началу ее реализации. По реальным поколениям это могут быть средние числа рожденных детей по возрастным интервалам (табл. 2).

О повышении среднего числа третьих и последующих рождений в связи с началом предоставления регионального материнского (семейного) капитала в Республике Карелии может, видимо, свидетельствовать повышение этого показателя, по сравнению с более старшими поколениями, у женщин 1987–1988 г. р. — в 23–25 лет, 1984 и 1986 г. р. — в 26–28 лет, 1981–1983 г. р. — в 29–31 год, 1979–1980 г. р. — в 32–34 года, 1975–1977 г. р. — в 35–37 лет. При этом в более старших возрастах у женщин этих же поколений снижение показателя не происходит, т. е. нет оснований говорить о «таймингових» сдвигах (табл. 2).

В Калужской области первоначально установленный материнский (семейный) капитал при рождении третьего или последующего ребенка с 1 января 2012 г. был

Таблица 2

Среднее число третьих и последующих рождений по возрастным интервалам в Республике Карелии в поколениях женщин 1974–1998 г. р.

Годы рождения женщин	Возраст (лет)								
	23–25	**26–28**	**29–31**	**32–34**	**35–37**	**38–40**	**41–43**	**44–46**	**47–49**
1974	0,01	0,02	0,02	0,03	0,03	**0,02**	0,01	0,00	0,00
1975	0,01	0,02	0,02	0,04	**0,04**	0,03	0,01	0,00	—
1976	0,01	0,02	0,02	0,04	**0,04**	0,04	0,01	0,00	—
1977	0,01	0,01	0,02	0,04	**0,05**	0,03	0,01	0,00	—
1978	0,01	0,01	0,03	**0,04**	0,05	0,04	0,02	—	—
1979	0,01	0,02	0,03	**0,05**	0,05	0,04	0,02	—	—
1980	0,01	0,02	0,03	**0,06**	0,06	0,04	0,01	—	—
1981	0,01	0,02	**0,04**	0,06	0,06	0,04	—	—	—
1982	0,01	0,02	**0,04**	0,06	0,06	0,04	—	—	—
1983	0,01	0,02	**0,05**	0,07	0,07	0,05	—	—	—
1984	0,01	**0,03**	0,05	0,07	0,07	—	—	—	—
1985	0,01	**0,02**	0,06	0,07	0,07	—	—	—	—
1986	0,01	**0,03**	0,06	0,06	0,08	—	—	—	—
1987	**0,02**	0,04	0,06	0,08	—	—	—	—	—
1988	**0,02**	0,04	0,06	0,08	—	—	—	—	—
1989	**0,01**	0,04	0,06	0,09	—	—	—	—	—
1990	0,02	0,05	0,07	—	—	—	—	—	—
1991	0,02	0,04	0,06	—	—	—	—	—	—
1992	0,02	0,05	0,07	—	—	—	—	—	—
1993	0,02	0,05	—	—	—	—	—	—	—
1994	0,02	0,05	—	—	—	—	—	—	—
1995	0,03	0,05	—	—	—	—	—	—	—
1996	0,02	—	—	—	—	—	—	—	—
1997	0,02	—	—	—	—	—	—	—	—
1998	0,03	—	—	—	—	—	—	—	—

Примечание: полужирным выделены возрастные группы в поколениях, в которые входят рождения 2012 г.

Источник: данные Росстата.

вдвое меньше, чем в Республике Карелии, составляя 50000 руб. Однако, в отличие от большинства субъектов Российской Федерации, в которых предусмотрены возможные направления использования материнского (семейного) капитала, в Калужской области он предоставляется в виде единовременной выплаты[1]. В феврале 2019 г. размер областного материнского (семейного) капитала был увеличен вдвое до 100000 руб.[2], а в декабре 2019 г. для детей родившихся начиная с 1 января 2020 г. был установлен материнский (семейный) капитал и на второго ребенка

[1] Закон Калужской области от 27 декабря 2011 г. № 240-ОЗ «О материнском (семейном) капитале». https://docs.cntd.ru/document/972218440?ysclid=l8oa8q6daq339045014 (дата обращения: 20.01.2025).

[2] Закон Калужской области от 19 февраля 2019 г. № 440-ОЗ «О внесении изменения в Закон Калужской области «О материнском (семейном) капитале». https://docs.cntd.ru/document/550354647 (дата обращения: 20.01.2025).

в размере 50000 руб.[1] В 2012 г. прирост суммарного коэффициента рождаемости по третьим и последующим рождениям составил 0,032 и был самым большим (для сравнения, в 2007 г. — 0,029). В 2013 г. прирост этого показателя составил 0,025, в 2014 г. — 0,011, в 2015 г. — 0,021, в 2016 г. — 0,025, в 2018 г. — 0,020. В 2017 и 2019 гг. коэффициент суммарной рождаемости по третьим и последующим рождениям несколько снижался, но в 2020 г. после увеличения в 2019 г. материнского (семейного) капитала с 50000 до 100000 руб. его прирост (0,047) был существенно большим, чем в 2012 г. В 2021 г. прирост составил 0,014, в 2022 и 2023 гг. — по 0,028. Таким образом, за период реализации областного материнского (семейного) капитала имело место значительное повышение суммарного коэффициента рождаемости по третьим и последующим рождениям (с 0,184 в 2011 г. до 0,416 в 2023 г.).

Увеличение среднего числа третьих и последующих рождений имело место в Калужской области и в реальных поколениях. Причем нет оснований говорить о «таймингговых» сдвигах. Среднее число третьих и последующих рождений к 30 годам в поколениях женщин 1975–1978 г. р. составляет 0,04; в поколениях 1979–1983 г. р. — 0,05. В поколении 1985 г. р. оно равно 0,05; 1986 и 1988 г. р. — 0,07; 1987 и 1989 г. р. — 0,08; 1990 и 1991 г. р. — 0,09; 1992 г. р. — 0,11; 1993 и 1994 г. р. — 0,12. Если бы имели место «таймингговые» сдвиги, то в следующих возрастных интервалах среднее число третьих и последующих рождений сокращалось бы, но этого не происходит. В возрастных интервалах 30–34 года (поколения 1974–1976 г. р. — 0,05; 1977 г. р. — 0,06; 1978 и 1979 г. р. — 0,07; 1980 и 1981 г. р. — 0,08; 1982 и 1983 г. р. — 0,09; 1984–1986 г. р. — 0,10; 1987–1989 г. р. — 0,11) и 35–39 лет (1974 г. р. — 0,05; 1975 и 1976 г. р. — 0,06; 1977, 1978 и 1980 г. р. — 0,07; 1979 и 1981 г. р. — 0,08; 1982–1984 г. р. — 0,09) оно возрастает (табл. 3). Учитывая существенное повышение среднего числа третьих и последующих рождений в возрасте до 30 лет, начиная с поколения 1992 г. р., важно было бы посмотреть и для этих поколений величину данного показателя в более старших возрастах. По состоянию на начало 2024 г., в поколении 1992 г. р. это можно сделать для возрастного интервала 30–31 год. В поколениях 1984–1990 г. р. среднее число третьих и последующих рождений в этом возрастном интервале составляет 0,04, а в поколениях 1991 и 1992 г. р. — 0,05. В поколении 1993 г. р. коэффициент рождаемости по третьим и последующим рождениям в возрасте 30 лет выше, чем в более старших поколениях (1990 г. р. — 20,3 ‰; 1991 г. р. — 21,3 ‰; 1992 г. р. — 26,4 ‰; 1993 г. р. — 28,8 ‰).

Соответственно, возрастает среднее число третьих и последующих рождений к 35 (с 0,09 в поколениях 1974 и 1975 г. р. до 0,19 в поколении 1989 г. р.), 40 (с 0,14 в поколении 1974 г. р. до 0,26 в поколении 1984 г. р.) и 45 (с 0,16 в поколении 1974 г. р. до 0,22 в поколении 1979 г. р.) годам (табл. 3).

В Калужской области влияние областного материнского (семейного) капитала могло существенно проявиться в 2012 г., а затем после удвоения его суммы в 2020 г. (табл. 4).

В Калужской области в поколениях женщин 1975–1977 гг. р. (в 2012 г. им было 35–37 лет) среднее число третьих и последующих рождений в этом возрастном

[1] Закон Калужской области от 31 декабря 2019 г. № 547-ОЗ «О внесении изменений в Закон Калужской области «О материнском (семейном) капитале». https://docs.cntd.ru/document/561654604 (дата обращения: 20.01.2025).

Таблица 3

Среднее число третьих и последующих рождений в реальных поколениях женщин в Калужской области

Год рождения женщин	Среднее число третьих и последующих рождений						
	в возрасте:				к возрасту:		
	до 30 лет	30–34 года	35–39 лет	40–44 года	35 лет	40 лет	45 лет
1974	0,05	0,05	0,05	0,02	0,09	0,14	0,16
1975	0,04	0,05	0,06	0,02	0,09	0,15	0,17
1976	0,04	0,05	0,06	0,02	0,10	0,16	0,18
1977	0,04	0,06	0,07	0,02	0,10	0,17	0,19
1978	0,04	0,07	0,07	0,02	0,11	0,18	0,20
1979	0,05	0,07	0,08	0,03	0,11	0,19	0,22
1980	0,05	0,08	0,07	—	0,12	0,20	—
1981	0,05	0,08	0,08	—	0,13	0,21	—
1982	0,05	0,09	0,09	—	0,14	0,23	—
1983	0,05	0,09	0,09	—	0,15	0,24	—
1984	0,06	0,10	0,09	—	0,16	0,26	—
1985	0,05	0,10	—	—	0,15	—	—
1986	0,07	0,10	—	—	0,17	—	—
1987	0,08	0,11	—	—	0,18	—	—
1988	0,07	0,11	—	—	0,18	—	—
1989	0,08	0,11	—	—	0,19	—	—
1990	0,09	—	—	—	—	—	—
1991	0,09	—	—	—	—	—	—
1992	0,11	—	—	—	—	—	—
1993	0,12	—	—	—	—	—	—
1994	0,12	—	—	—	—	—	—

Источник: данные Росстата.

интервале выше, чем у женщин 1974 г. р. Выше оно у них и в возрастном интервале 38–40 лет. В поколениях 1978 и 1980 г. р. выше, чем у более старших женщин, этот показатель в возрастном интервале 32–34 года. В более старших возрастах он не ниже, чем у женщин предыдущих поколений. В поколениях 1981–1983 г. р. в возрастном интервале 29–31 год среднее число третьих и последующих рождений выше, чем в более старших поколениях. Выше в этих поколениях оно и в более старших возрастах. Таким образом, нет оснований говорить о «таймингових» сдвигах.

О влиянии удвоения суммы областного материнского (семейного) капитала на среднее число третьих и последующих рождений, вероятно, может свидетельствовать его повышение по сравнению с более старшими поколениями у женщин 1987 и 1988 г. р. (в 2020 г. им было, соответственно, 33 и 32 года) в возрастном интервале 32–34 года. Поколенческое повышение этого показателя имело место также у женщин 1989–1991 г. р. в возрастном интервале 29–31 год. Произошло такое повышение также в поколениях 1992–1994 г. р. в возрастном интервале 26–28 лет и 1995–1997 г. р. в 23–25 лет (табл. 4).

Таблица 4

Среднее число третьих и последующих рождений по возрастным интервалам в Калужской области в поколениях женщин 1974–1998 гг. р.

Годы рождения женщин	Возраст (лет)								
	23–25	26–28	29–31	32–34	35–37	38–40	41–43	44–46	47–49
1974	0,01	0,02	0,03	0,03	0,03	0,02	0,01	0,00	0,00
1975	0,01	0,02	0,02	0,03	0,04	0,03	0,01	0,00	—
1976	0,01	0,02	0,02	0,04	0,04	0,03	0,01	0,00	—
1977	0,01	0,02	0,03	0,04	0,05	0,03	0,01	0,00	—
1978	0,01	0,02	0,03	0,05	0,05	0,03	0,01	—	—
1979	0,01	0,02	0,03	0,04	0,05	0,03	0,02	—	—
1980	0,01	0,02	0,03	0,05	0,05	0,03	0,01	—	—
1981	0,01	0,02	0,04	0,05	0,06	0,03	—	—	—
1982	0,01	0,02	0,04	0,06	0,06	0,04	—	—	—
1983	0,01	0,02	0,04	0,06	0,06	0,05	—	—	—
1984	0,02	0,02	0,05	0,06	0,06	—	—	—	—
1985	0,01	0,02	0,05	0,06	0,06	—	—	—	—
1986	0,01	0,03	0,05	0,06	0,06	—	—	—	—
1987	0,02	0,03	0,06	0,07	—	—	—	—	—
1988	0,02	0,04	0,05	0,07	—	—	—	—	—
1989	0,02	0,04	0,06	0,07	—	—	—	—	—
1990	0,02	0,04	0,06	—	—	—	—	—	—
1991	0,02	0,04	0,06	—	—	—	—	—	—
1992	0,02	0,05	0,07	—	—	—	—	—	—
1993	0,03	0,05	—	—	—	—	—	—	—
1994	0,02	0,06	—	—	—	—	—	—	—
1995	0,03	0,06	—	—	—	—	—	—	—
1996	0,03	—	—	—	—	—	—	—	—
1997	0,04	—	—	—	—	—	—	—	—
1998	0,04	—	—	—	—	—	—	—	—

Примечание: полужирным выделены возрастные группы в поколениях, в которые входят рождения 2012 г.; полужирным курсивом — возрастные группы, в которые входят рождения 2020 г.

Источник: данные Росстата.

Представляется, что в Калужской области есть основания говорить о влиянии областного материнского (семейного) капитала на повышение показателей рождаемости по третьим и последующим рождениям и об отсутствии (по крайней мере, более-менее существенных) «таймингових» сдвигов.

Единовременная выплата с учетом возраста при рождении первого ребенка

Региональные меры, связанные с возрастом матери при рождении первого ребенка, анализируются в статье Н.Ю. Коробковой и О.В. Селивановой (2024).

В Архангельской области женщинам, родившим начиная с 1 января 2016 г. первого ребенка в возрасте от 18 до 25 лет включительно (первоначально было

установлено с 22 до 24 лет, с 2019 г. — с 20 до 25 лет[1], с 2020 г. — с 18 до 25 лет[2])[3], единовременно выплачивается 50000 руб.[4] (первоначально была установлена сумма 30000 руб. и выплачивалась при среднедушевом доходе семьи менее полуторной величины прожиточного минимума; с 2019 г. — 35000 руб. при среднедушевом доходе семьи менее двукратной величины прожиточного минимума[5]). Поскольку эта мера была введена законом от 5 декабря 2016 г., ее влияние на показатели рождаемости по первым рождениям могло проявиться только с осени 2017 г. и в большей мере с 2018 г. Самое старшее из поколений женщин, на которое она могла повлиять, — 1993 г. р. (им было 24 года в 2017 г.) (табл. 5).

В поколениях 1985–1988 г. р. среднее число первых рождений к 26 годам составляет 0,59, в поколении 1989 г. р. — 0,57, а в поколениях 1990 и 1991 г. р. снова 0,59. В более молодых поколениях среднее число первых рождений к 26 годам снижается: 1992 г. р. — 0,56; 1993 г. р. — 0,52; 1994 г. р. — 0,50; 1995 и 1996 г. р. — 0,45; 1997 и 1998 г. р. — 0,44. Для более молодых поколений пока нельзя рассчитать этот показатель к 26 годам, но, вероятно, снижение среднего числа первых рождений в молодых поколениях продолжается. К 25 годам в поколении 1998 г. р. оно составляет 0,38, 1999 г. р. — 0,34; к 24 годам в поколении 1998 г. р. — 0,32, 1999 г. р. — 0,28, 2000 г. р. — 0,23; к 23 годам в поколении 1998 г. р. — 0,26, 1999 г. р. — 0,23, 2000 г. р. — 0,19, 2001 г. р. —0,18 (табл. 5). Вероятно, нет оснований говорить о влиянии этой меры на показатели рождаемости по первым рождениям у женщин в возрасте до 26 лет в Архангельской области. У женщин 1993, 1994 и 1995 г. р. среднее число первых рождений к 26 годам существенно снижалось. В поколениях 1996–1998 г. р. этого снижения практически не было. Но его не было и в более старших поколениях (например, 1986–1988, 1990–1991 г. р.), на которые данная мера не влияла.

Единовременная выплата при рождении второго ребенка до определенного возраста

В Воронежской области специальная выплата, связанная с возрастом при рождении ребенка, в отличие от некоторых других регионов, относится ко второму (а не к первому) ребенку. Начиная с 1 декабря 2019 г. при рождении второго ребенка в возрасте до 28 лет женщине единовременно выплачивается 200000 руб. Вероятно, «28 лет» не включается, т. к. в Законе «О социальной поддержке

[1] Областной закон от 30 сентября 2019 г. № 143-10-ОЗ «О внесении изменений в областной закон «О социальной поддержке семей, воспитывающих детей, в Архангельской области». https://docs.cntd.ru/document/462645356 (дата обращения: 20.01.2025).

[2] Областной закон от 2 июля 2020 г. № 288-18-ОЗ «О внесении изменений в отдельные областные законы в сфере предоставления мер социальной поддержки отдельных категорий граждан». https://docs.cntd.ru/document/462651498 (дата обращения: 20.01.2025).

[3] Закон Архангельской области от 05 декабря 2016 г. № 496-30-ОЗ «О социальной поддержке семей, воспитывающих детей, в Архангельской области». https://docs.cntd.ru/document/462629574?ysclid=l8hlehhxaf587361008 (дата обращения: 20.01.2025).

[4] Закон Архангельской области от 25 декабря 2023 г. № 50-4-ОЗ «О внесении изменений в статью 10 областного закона «О социальной поддержке семей, воспитывающих детей, в Архангельской области». https://docs.cntd.ru/document/407012050?marker=64U0IK (дата обращения: 20.01.2025).

[5] Областной закон от 30 сентября 2019 г. № 143-10-ОЗ «О внесении изменений в областной закон «О социальной поддержке семей, воспитывающих детей, в Архангельской области». https://docs.cntd.ru/document/462645356 (дата обращения: 20.01.2025).

Таблица 5

Среднее число первых рождений по возрастным интервалам в реальных поколениях женщин в Архангельской области

Год рождения женщин	Среднее число первых рождений							
	к возрасту:				в возрасте:			
	23 года	24 года	25 лет	26 лет	26–27 лет	28–29 лет	30–34 года	35–39 лет
1974	0,56	0,64	0,70	0,74	0,06	0,05	0,05	0,02
1975	0,50	0,58	0,64	0,69	0,07	0,04	0,05	0,02
1976	0,50	0,57	0,63	0,69	0,08	0,05	0,06	0,02
1977	0,46	0,53	0,59	0,65	0,08	0,05	0,07	0,03
1978	0,44	0,52	0,59	0,66	0,09	0,05	0,07	0,03
1979	0,43	0,51	0,58	0,64	0,09	0,06	0,08	0,03
1980	0,43	0,51	0,58	0,64	0,10	0,06	0,08	0,03
1981	0,40	0,48	0,55	0,61	0,09	0,06	0,09	0,03
1982	0,41	0,48	0,55	0,61	0,10	0,07	0,09	0,03
1983	0,41	0,49	0,56	0,62	0,10	0,07	0,10	0,03
1984	0,39	0,46	0,53	0,60	0,11	0,08	0,09	0,03
1985	0,38	0,45	0,53	0,59	0,11	0,08	0,09	—
1986	0,38	0,46	0,52	0,59	0,12	0,08	0,09	—
1987	0,38	0,45	0,52	0,59	0,12	0,08	0,08	—
1988	0,37	0,44	0,52	0,59	0,12	0,08	0,08	—
1989	0,36	0,43	0,51	0,57	0,11	0,08	0,08	—
1990	0,37	0,44	0,51	0,59	0,11	0,07	—	—
1991	0,37	0,45	0,52	0,59	0,11	0,07	—	—
1992	0,35	0,42	0,49	0,56	0,11	0,07	—	—
1993	0,33	0,40	0,46	0,52	0,10	0,07	—	—
1994	0,32	0,38	0,44	0,50	0,11	0,08	—	—
1995	0,28	0,34	0,39	0,45	0,11	—	—	—
1996	0,28	0,33	0,39	0,45	0,10	—	—	—
1997	0,27	0,32	0,38	0,44	—	—	—	—
1998	0,26	0,32	0,38	0,44	—	—	—	—
1999	0,23	0,28	0,34	—	—	—	—	—
2000	0,19	0,23	—	—	—	—	—	—
2001	0,18	—	—	—	—	—	—	—

Источник: данные Росстата.

отдельных категорий граждан в Воронежской области» записано «Право на получение единовременной денежной выплаты возникает у женщин, не достигших возраста 28 лет на момент рождения второго ребенка»[1].

[1] Закон Воронежской области от 14 ноября 2008 г. № 103-ОЗ «О социальной поддержке отдельных категорий граждан в Воронежской области». https://docs.cntd.ru/document/819075666?ysclid=l92n85e0ze926278290 (дата обращения: 20.01.2025); Закон Воронежской области от 27 ноября 2019 г. № 134-ОЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Воронежской области в сфере социальной поддержки отдельных категорий граждан в Воронежской области». https://docs.cntd.ru/document/561628140?marker=64U0IK (дата обращения: 20.01.2025); Приказ Департамента социальной защиты Воронежской области от 5 декабря 2019 г. № 70/н «Об утверждении Порядка назначения и выплаты единовременной денежной выплаты семьям в связи с рождением второго ребенка». https://docs.cntd.ru/document/561645036?ysclid=l92mmztfpw541617235 (дата обращения: 20.01.2025).

Для оценки влияния этой меры на рождаемость могут быть использованы возрастные коэффициенты рождаемости по вторым рождениям (табл. 6).

Эта мера была введена законом от 27 ноября 2019 г. Поэтому ее влияние на показатели рождаемости могло проявиться в основном только с сентября–октября 2020 г., а в большей мере, видимо, в 2021 г. В 2020 г. существенно повысились по сравнению с 2019 г. коэффициенты рождаемости по вторым рождениям в возрастах 26 (на 15,8 %) и 27 (на 13,8 %) лет. Женщинам именно в этих возрастах был смысл поторопиться с рождением второго ребенка. Более молодые женщины могли и несколько отложить его рождение. Значительно меньшим был прирост этого показателя в возрастах 21 (на 4,1 %), 23 (на 3,2 %) и 24 (на 6,3 %) года. В возрастном интервале 28–32 года этот коэффициент снизился в 2020 г. по сравнению с 2019 г.

В 2021 г. коэффициент рождаемости по вторым рождениям повысился в возрастах 23 (на 16,6 %), 24 (на 11,8 %), 25 (на 19,0 %), 26 (на 14,9 %) и 27 (на 8,0 %) лет. Относительно меньшее повышение показателя в возрасте 27 лет может быть связано с тем, что в этом поколении уже имело место существенное (на 15,8 %) повышение коэффициента в возрасте 26 лет в предшествующем 2020 г. Небольшое (на 3,7 %) повышение коэффициента рождаемости по вторым рождениям в 2021 г. было и в возрасте 28 лет. В возрастном интервале 29–31 год этот показатель в 2021 г. снизился.

В 2022 г. коэффициент рождаемости по вторым рождениям в Воронежской области снизился почти во всех возрастах (кроме 20, 22 и 35 лет). Отчасти могли повлиять возможные «таймингговые» сдвиги в связи с повышением коэффициентов в 2020 и 2021 гг., но более вероятно основное влияние иных причин. Во-первых, снижение показателей произошло и в тех возрастах (поколениях), на которые данная мера повлиять не могла. Во-вторых, существенное снижение показателей рождаемости по вторым рождениям в 2022 г. имело место и в целом по России, в большинстве регионов. Снижение коэффициентов рождаемости произошло и в 2023 г. Несколько повысился по сравнению с 2022 г. он только в возрастах 22, 24, 28, 29, 31 и 36 лет (табл. 6).

Таким образом, в первые два года (2020 и 2021 гг.) после начала предоставления выплаты при рождении второго ребенка в возрасте до 28 лет в Воронежской области имело место некоторое повышение коэффициента рождаемости по вторым рождениям в возрастах, предшествовавших этому возрастному рубежу. В 2022 и 2023 гг. они снизились, вероятно, в основном под действием иных причин. Ответить на вопрос, имели ли место «таймингговые» сдвиги, можно

Таблица 6

Возрастные коэффициенты рождаемости по вторым рождениям в Воронежской области в 2018–2023 гг. (число вторых рождений на 1000 женщин)

Годы	Возраст															
	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	35
2018	8,2	12,1	13,6	19,8	21,8	22,7	29,9	33,4	40,5	39,5	40,9	40,7	33,8	31,0	25,4	22,6
2019	7,6	9,7	14,0	15,8	20,7	24,9	27,2	29,8	31,2	34,3	34,1	34,0	30,9	23,8	25,7	19,2
2020	6,5	10,1	14,0	16,3	22,0	22,6	31,5	33,9	29,5	32,8	32,1	32,0	29,6	28,5	23,0	21,1
2021	5,7	9,1	11,3	19,0	24,6	26,9	36,2	36,6	30,6	32,1	30,5	31,7	30,6	27,7	23,7	18,8
2022	7,3	8,5	12,0	16,6	21,7	24,4	31,1	34,0	26,9	27,1	26,2	26,3	25,6	21,7	23,5	18,8
2023	6,6	6,7	14,3	13,2	21,8	23,8	27,3	29,8	29,0	27,2	24,8	27,6	21,5	20,7	19,8	18,4

Источник: данные Росстата.

Таблица 7

Среднее число вторых рождений в реальных поколениях женщин в Воронежской области

Год рождения женщин	Среднее число вторых рождений		
	в возрасте:		к 30 годам
	до 28 лет	28–29 лет	
1990	0,19	0,07	0,26
1991	0,18	0,06	0,25
1992	0,17	0,06	0,23
1993	0,16	0,06	0,22
1994	0,18	0,05	0,24
1995	0,18	—	—
1996	0,17	—	—

Источник: данные Росстата.

на основе анализа показателей по реальным поколениям в возрастных интервалах. Но возможности такого анализа в данном случае ограничены. Во-первых, за 2000–2004 гг. по Воронежской области нет данных о родившихся по очередности рождения и, следовательно, рассчитать показатели по вторым рождениям для реальных поколений можно только начиная с поколения 1990 г. рождения (в 2005 г. им было 15 лет). Во-вторых, пока прошел очень короткий срок после начала реализации этой меры демографической политики.

Среднее число вторых рождений к 28 годам в Воронежской области снижалось с 0,19 у женщин 1990 г. р. до 0,16 у женщин 1993 г. р. В поколениях 1994 и 1995 г. р. оно возросло до 0,18. Но в поколении 1996 г. р. оно снизилось до 0,17. Однако в возрасте 28–29 лет среднее число вторых рождений у женщин 1994 г. р. (0,05) несколько меньше, чем в поколениях 1990 (0,07) и 1991–1993 (0,06) г. р. Есть основания говорить о некоторых «таймінговых» сдвигах. Но при этом и к 30 годам среднее число вторых рождений у женщин 1994 г. р. (0,24) немного больше, чем в поколениях 1993 (0,22) и 1992 (0,23) г. р. (табл. 7).

Единовременная выплата с учетом возраста при рождении первого ребенка и интервала между рождениями первого и второго ребенка

В Ивановской области реализуется мера, связанная не только с возрастом матери при рождении первого ребенка, но и с интервалом между рождениями первого и второго ребенка — единовременная выплата на улучшение жилищных условий при рождении первого ребенка в возрасте до 24 лет и второго ребенка в течение 3 лет после рождения первого. Она не зависит от материального положения. Первоначально (с 1 июля 2017 г.) она составляла 100000 руб.[1], но впоследствии индексировалась и в 2024 г. составляет 142338,11 руб.[2]

[1] Закон Ивановской области от 30 мая 2017 г. № 40-ОЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей с детьми на территории Ивановской области».https://docs.cntd.ru/document/450234739?ysclid=l8klw0qmh3818033502 (дата обращения: 20.01.2025)

[2] Единовременная выплата на улучшение жилищных условий (далее — единовременная выплата). Департамент социальной защиты населения Ивановской области. https://szn.ivanovoobl.ru/upload/medialibrary/964/e9m57hrzx3msrspsshv0jgxbe08j3fn4/выплата%20на%20улучшение%20жилищных%20условий%202024.pdf (дата обращения: 20.01.2025).

Эта мера может влиять как на повышение коэффициентов рождаемости по вторым рождениям в возрасте до 27 лет (три года после рождения первого ребенка в возрасте до 24 лет), так и на сокращение интервала между рождениями первого и второго ребенка.

В 2017 г. с учетом сроков принятия Закона эта мера вряд ли могла повлиять на возрастные коэффициенты рождаемости по вторым рождениям. Коэффициенты снизились по сравнению с 2016 г. во всех возрастах (кроме 37 лет).

Совершенно иным их изменение было в 2018 г. Они повысились во всех возрастах до 27 лет включительно и снизились почти во всех более старших возрастах (кроме 31 года). В возрасте 20 лет коэффициент рождаемости по вторым рождениям повысился на 24,1 %, в 21 год — на 5,4 %, в 22 года — на 4,4 %, в 23 года — на 1,5 %, в 24 года — на 7,4 %, в 25 лет — на 5,4 %, в 26 лет — на 7,1 %. В возрасте 27 лет прирост коэффициента составил только 0,5 % (табл. 8). Такое совпадение по срокам и возрасту дает основание предполагать, что в какой-то степени это повышение показателей связано с началом реализации данной меры.

Однако в 2019 г. повышение коэффициента рождаемости произошло только в возрасте 21 год (и в более старших 37 и 39 лет). Возможно, в 2018 г. имел место «таймингговый» сдвиг. В 2020 г. вновь произошло повышение коэффициентов рождаемости по вторым рождениям в 20, 22, 23, 24, 25 и 27 лет. Но оно было и в более

Таблица 8

Возрастные коэффициенты рождаемости по вторым рождениям в Ивановской области в 2015–2023 гг. (число вторых рождений на 1000 женщин)

Возраст, лет	Годы								
	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
20	11,6	9,4	8,7	10,8	5,0	7,8	6,2	5,6	5,6
21	13,4	15,9	13,0	13,7	15,2	11,4	12,0	11,5	9,7
22	21,3	22,2	18,3	19,1	13,0	13,7	12,7	15,4	12,1
23	20,7	25,6	20,4	20,7	18,5	19,2	23,9	14,6	16,2
24	33,7	31,4	27,1	29,1	24,8	26,4	21,7	30,2	24,6
25	36,1	37,0	29,6	31,2	28,6	31,4	33,2	33,2	26,0
26	43,9	40,9	35,3	37,8	30,6	30,3	39,1	34,5	33,3
27	52,9	47,7	41,9	42,1	37,9	38,0	38,4	39,0	31,3
28	51,7	54,3	49,3	44,0	36,7	39,9	44,6	40,2	34,9
29	50,6	54,1	49,1	45,2	37,8	38,5	35,8	35,8	37,1
30	54,7	52,8	47,8	42,7	37,4	37,7	37,3	32,7	32,8
31	54,1	53,5	41,5	44,6	37,8	35,3	31,5	35,1	35,6
32	49,4	43,0	37,6	36,6	33,1	32,9	38,0	31,0	30,1
33	44,2	40,5	34,2	32,6	27,0	29,5	29,7	28,2	25,6
34	32,3	33,3	31,2	29,2	22,4	24,7	26,0	27,7	23,0
35	31,2	30,1	24,9	28,4	21,6	22,1	21,2	19,1	19,6
36	23,1	21,8	21,4	19,5	18,1	17,3	17,3	15,5	19,7
37	16,4	15,1	17,5	15,2	16,8	14,7	15,9	12,9	12,1
38	13,2	15,4	11,6	11,4	8,7	11,1	12,2	11,7	8,0
39	9,0	8,8	8,6	8,3	9,2	5,9	9,1	8,3	7,4

Источник: данные Росстата.

старших возрастах (28, 29, 30, 33, 34, 35 и 38 лет). Поэтому здесь меньше оснований связывать его с реализацией данной меры. Хотя и нельзя исключать ее влияние на повышение показателя в возрастах до 27 лет. Схожая ситуация имела место и в 2021 г., когда коэффициент рождаемости по вторым рождениям в Ивановской области повысился в 21, 23, 25–28, 32–34 и 37–39 лет. В 2022 г. коэффициент повысился только в возрастах 22, 24, 27, 31 и 34 года, а в 2023 г. — в 23, 29, 30, 31, 35 и 36 лет.

Разница в среднем возрасте матери при рождении второго и первого ребенка в Ивановской области несколько сокращалась: 2015 г. — 4,59 года; 2016 г. — 4,61; 2017 г. — 4,42; 2018 г. — 4,31; 2019 г. — 4,32; 2020 г. — 4,04; 2021 г. — 4,14; 2022 г. — 4,25; 2023 г. — 3,84. Но это сокращение происходило за счет повышения среднего возраста матери при рождении первого ребенка, а не за счет его снижения при рождении второго ребенка.

Информацию о том, имели ли место «таймингговые» сдвиги или было и реальное повышение показателей рождаемости по вторым рождениям, позволяют получить показатели для реальных поколений по возрастным интервалам по очередности рождения, рассчитанные на основе календарных однолетних возрастных коэффициентов рождаемости по очередности рождения. Они же дают и более корректную оценку разницы в среднем возрасте матери при рождении второго и первого ребенка.

Среднее число вторых рождений к 27 годам в Ивановской области возрастало в поколениях второй половины 1980-х г. р. — с 0,12 у женщин 1982–1984 г. р. — до 0,17 у женщин 1990–1992 г. р. (табл. 9). При этом, вероятно, до поколения 1988 г. р. оно не было преимущественно обусловлено «таймингговыми» сдвигами. Об этом свидетельствует то, что повышение среднего числа вторых рождений в этих поколениях имело место и в возрастном интервале 27–29 лет: с 0,12 у женщин 1982–1983 г. р. до 0,16 у женщин 1988 г. р. Вероятно, здесь есть основания говорить о влиянии предоставления федерального материнского (семейного) капитала при рождении второго ребенка.

В отношении поколений начала 1990-х г. р. больше оснований говорить о «таймингговых» сдвигах. У женщин 1990–1992 г. р. среднее число вторых рождений к 27 годам (0,17) наибольшее по сравнению с предыдущими поколениями. Однако среднее число вторых рождений в возрасте 27–29 лет снижается с 0,16 у женщин 1988 г. р. до 0,11 у женщин 1992 г. р. Такое среднее число вторых рождений к 27 годам (0,17) имеет место и в поколениях 1994–1996 г. р. Пока трудно сказать, связано ли это и в какой мере с «таймингговыми» сдвигами. Можно лишь предположить, что отчасти оно связано с реализацией данной меры — единовременной выплатой на улучшение жилищных условий при рождении первого ребенка в возрасте до 24 лет и второго ребенка в течение 3 лет после рождения первого.

Среднее число вторых рождений к 30 годам повышается до 0,31 в поколении 1988 г. р., а затем несколько снижается до 0,28 у женщин 1992–1994 гг. р. Однако нужно иметь в виду, что среднее число вторых рождений зависит от среднего числа первых рождений, которое в более молодых поколениях снижается. Не зависит от него доля родивших второго ребенка среди родивших первого.

О первом существенном поколенческом повышении доли родивших второго ребенка среди родивших первого к возрасту 27 лет можно, видимо, говорить,

начиная с поколения 1982 г. р. Если в предшествующих поколениях, скорее, имеет место колебание этого показателя в диапазоне от 17,2 % до 18,7 %, то далее он неуклонно повышается с 17,9 % у женщин 1981 г. р. до 32,3 % у женщин 1992 г. р. Здесь, вероятно, можно говорить о влиянии федерального материнского (семейного) капитала. Только на женщин 1992 г. р. могла повлиять областная единовременная выплата (в 2018 г. им было 26 лет, а предшествующим поколениям уже 27 лет и более, т. е. на них данная мера не распространялась). Более вероятно ее влияние на повышение доли родивших второго ребенка среди родивших первого к 27 годам в поколениях середины 1990-х г. р.: 1993 г. р. — 31,6 %, 1994 и 1995 г. р. — 33,7 %, 1996 г. р. — 35,0 %, 1997 г. р. — 35,1 %. В несколько меньшей мере, но повышается и доля родивших второго ребенка среди первого к 30 годам (табл. 9).

Таблица 9

Показатели рождаемости по вторым рождениям в Ивановской области в поколениях женщин 1974–1997 г. р.

Годы рождения женщин	Среднее число вторых рождений			Доля родивших второго ребенка среди родивших первого (%)		Средний возраст матери при рождении ребенка в возрасте до 30 лет (лет)		Разница в среднем возрасте матери при рождении второго и первого ребенка в возрасте до 30 лет (лет)
	к 27 годам	в 27–29 лет	к 30 годам	к 27 годам	к 30 годам	Первого	Второго	
1974	0,13	0,09	0,22	17,7	27,6	22,20	25,74	3,54
1975	0,12	0,09	0,21	17,6	27,4	22,38	25,87	3,49
1976	0,12	0,09	0,21	17,2	26,9	22,56	25,93	3,37
1977	0,11	0,10	0,21	17,1	27,7	22,77	26,11	3,34
1978	0,12	0,10	0,22	18,7	29,6	22,84	26,08	3,24
1979	0,11	0,10	0,22	17,3	28,4	23,04	26,14	3,10
1980	0,12	0,11	0,23	18,4	31,6	23,12	26,30	3,18
1981	0,11	0,11	0,22	17,9	30,5	23,19	26,38	3,19
1982	0,12	0,12	0,24	19,4	32,2	23,32	26,39	3,07
1983	0,12	0,12	0,25	20,1	33,5	23,53	26,39	2,86
1984	0,12	0,13	0,26	20,3	35,3	23,52	26,55	3,03
1985	0,13	0,13	0,26	21,2	35,7	23,57	26,47	2,90
1986	0,14	0,14	0,27	23,3	38,7	23,53	26,43	2,90
1987	0,15	0,15	0,30	23,6	40,1	23,49	26,47	2,98
1988	0,16	0,16	0,31	26,7	44,1	23,56	26,43	2,87
1989	0,16	0,14	0,30	28,3	44,3	23,47	26,29	2,82
1990	0,17	0,12	0,29	31,1	45,3	23,43	26,01	2,58
1991	0,17	0,12	0,29	32,0	45,0	23,44	25,91	2,47
1992	0,17	0,11	0,28	32,3	45,4	23,52	25,86	2,34
1993	0,16	0,12	0,28	31,6	44,7	23,56	25,88	2,32
1994	0,17	0,12	0,28	33,7	46,8	23,56	25,70	2,14
1995	0,17	—	—	33,7	—	—	—	—
1996	0,17	—	—	35,0	—	—	—	—
1997	0,16	—	—	35,1	—	—	—	—

Источник: данные Росстата.

Снижение разницы в среднем возрасте матери при рождении второго и первого ребенка среди родивших их в возрасте до 30 лет с 3,54 года у женщин 1974 г. р. до 2,86 у женщин 1983 г. р. происходило за счет того, что средний возраст матери при рождении первого ребенка повышался в большей мере, чем при рождении второго ребенка. В поколениях 1984–1987 г. р. эта разница менялась незначительно, у женщин 1988–1989 гг. р. она несколько снижалась. Существенное ее уменьшение началось с поколения 1990 г. р.: с 2,82 года у женщин 1989 г. р. до 2,14 у женщин 1994 г. р. Причем, в отличие от уменьшения ее в поколениях 1970-х — начала 1980-х г. р., здесь при небольшом повышении среднего возраста матери при рождении первого ребенка в возрасте до 30 лет (с 23,43 года у женщин 1990 г. р. до 23,56 у женщин 1993 и 1994 г. р.) имело место существенное снижение этого показателя при рождении второго ребенка (с 26,01 года у женщин 1990 г. р. до 25,70 у женщин 1994 г. р.) (табл. 9). Представляется, что это может быть связано с единовременной выплатой на улучшение жилищных условий при рождении первого ребенка в возрасте до 24 лет и второго ребенка в течение 3 лет после рождения первого. Следует, конечно, иметь в виду, что разница в среднем возрасте матери при рождении второго и первого ребенка не тождественна среднему интервалу между рождениями второго и первого ребенка. Для его расчета необходим средний возраст матери при рождении первого ребенка только у тех женщин, у которых впоследствии родился второй ребенок (таких статистических данных нет, они могли бы быть получены, если бы при переписи населения задавался вопрос о дате рождения всех детей, а не только первого ребенка).

Заключение

Опыт статистической оценки влияния региональных мер демографической политики на рождаемость показал возможность и целесообразность использования для этого показателей как для календарных лет, так и для реальных поколений. Первые дают лучшую «привязку» ко времени начала реализации той или иной меры, вторые позволяют выявить возможные «таймингговые» сдвиги. При использовании показателей рождаемости для реальных поколений особое внимание следует этим показателям по возрастным интервалам с учетом того, когда то или иное поколение женщин находилось в период начала реализации той или иной меры демографической политики.

Список источников

Антонов, А. И. (1985). Репродуктивное поведение. В *Демографический энциклопедический словарь* (с. 369–370). Москва: Советская энциклопедия, 614.

Архангельский, В. Н. (2016). Рождаемость в реальных поколениях — возможность оценить прошлое и заглянуть в будущее. В *Динамика и инерционность воспроизводства поколений в России и СНГ. Материалы VII Уральского демографического форума с международным участием*. Т. 1. (с. 24–38). Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 426. EDN: XAUCWR

Архангельский, В. Н., Золотарева, О. А., Кучмаева, О. В. (2024). Два подхода к измерению результативности демографической политики (на примере федерального материнского капитала). *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз, 17* (6), 77–97. https://doi.org/10.15838/esc.2024.6.96.4

Вакуленко, Е. С., Ивашина, Н. В., Свистильник, Я. О. (2023). Региональные программы материнского капитала: влияние на рождаемость в России. *Экономика региона, 19* (4), 1077–1092. https://doi.org/10.17059/ekon. reg.2023-4-10

Денисова, И. А., Калабихина, И. Е., Кузнецова, П. О. (2024). Оценка влияния региональной программы материнского капитала на рождаемость (на примере Ямало-Ненецкого автономного округа). *Государственное управление. Электронный вестник, 105,* 232–243. https://doi.org/10.55959/MSU2070-1381-105-2024-232-243

Казенин, К. И., Козлов, В. А. (2020). Региональные меры поддержки многодетных семей в РФ. *Журнал исследований социальной политики, 18* (2), 191–206. https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-2-191-206

Карпова, В. М. (2018). Репродуктивная история как фактор репродуктивного поведения. *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология, 24* (3), 62–86. https://doi.org/10.24290/1029-3736-2018-24-3-62-86

Коробкова, Н. Ю., Селиванова, О. В. (2024). Меры социальной поддержки, направленные на снижение возраста рождения первого ребенка в системе поддержки семей: теоретические и практические аспекты. *Проблемы экономики и юридической практики, 20* (5), 195–201. https://doi.org/10.33693/2541-8025-2024-20-5-195-201

Мусин, Э. Р. (2024). Региональный материнский капитал в России: анализ различий в условиях предоставления, размере, целевом направлении. *ДЕМИС. Демографические исследования, 4* (3), 37–48. https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.3

Секицки-Павленко, О. О. (2023). Оценка россиянами мер демографической политики в области рождаемости. *Социологические исследования, 7,* 142–147. https://doi.org/10.31857/S013216250026591-3

Синдяшкина, Е. Н. (2021). Отражение демографической политики в показателях рождаемости в России. *Социально-трудовые исследования, 42* (1), 75–85. https://doi.org/10.34022/2658-3712-2021-42-1-75-85

Тихомирова, Т. М., Тихомиров, Н. П. (2020). Оценка результативности программы материнского капитала в регионах России. *Федерализм, 1,* 5–26. https://doi.org/10.21686/2073-1051-2020-1-5-26

Шабунова, А. А., Ростовская, Т. К. (2022). Демографическая политика в современной России: взгляд населения и экспертная оценка. *Вестник Российской Академии Наук, 92* (12), 1145–1156. https://doi.org/10.31857/S0869587322090080

Шишкина, М. А., Попова, Л. А. (2017). Влияние современной просемейной демографической политики на интенсивность рождаемости в северных регионах России. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз, 10* (1), 161–177. https://doi.org/10.15838/esc.2017.1.49.9

References

Antonov, A. I. (1985). Reproductive behavior. In *Demograficheskij e`nciklopediche-skij slovar` [Demographic Encyclopedic Dictionary]* (p. 369–370). Moscow: Soviet Encyclopedia, 614. (In Russ.)

Arkhangelsky, V. N. (2016). The birth rate in real generations is an opportunity to assess the past and look into the future. In *Dinamika i inercionnost` vosproizvodstva pokole-nij v Rossii i SNG. Materialy` VII Ural`skogo demograficheskogo foruma s mezhdunarod-ny`m uchastiem. T.1. [Dynamics and inertia of generational reproduction in Russia and the CIS. Proceedings of the VII Ural Demographic Forum with international participation. Vol. 1]* (p. 24–38). Yekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 426 EDN: XAUCWR (In Russ.)

Arkhangelsky, V. N., Zolotareva, O. A., Kuchmaeva, O. V. (2024). Two approaches to measuring the effectiveness of demographic policy (using the example of federal maternity capital). *E`konomicheskie i social`ny`e peremeny`: fakty`, tendencii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 17* (6), 77–97. https://doi.org/10.15838/esc.2024.6.96.4 (In Russ.)

Denisova, I. A., Kalabikhina, I. E., Kuznetsova, P. O. (2024). The influence of the regional maternity capital program on fertility (case of Yamal-Nenets autonomous Okrug). *Gosudarstvennoe upravlenie. E`lektronny`j vestnik [E-Journal Public Administration], 105,* 232–243. https://doi.org/10.55959/MSU2070-1381-105-2024-232-243 (In Russ.)

Karpova, V. M. (2018). Reproductive history as a factor of reproductive behavior. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya [Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science], 24* (3), 62–86. https://doi.org/10.24290/1029-3736-2018-24-3-62-86 (In Russ.)

Kazenin, K. I., Kozlov, V. A. (2020). Regional measures of support for familieswith three and more children: an overview. *Zhurnal issledovanij social`noj politiki [Journal of Social Policy Studies], 18* (2), 191–206. https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-2-191-206 (In Russ.)

Korobkova, N. Y., Selivanova, O. V. (2024). Social support measures aimed at reducing mean age at birth of the first child in the system of family support: theoretical and practical aspects. *Problemy` e`konomiki i yuridicheskoj praktiki [Economic Problems and Legal Practice], 20* (5), 195–201. https://doi.org/10.33693/2541-8025-2024-20-5-195-201 (In Russ.)

Musin, E. R. (2024). Regional maternity capital in russia: analysis of differences in terms of provision, size, and target direction. *DEMIS. Demograficheskie issledovaniya [Demis. Demographic Research], 4* (3), 37–48. https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.3 (In Russ.)

Sekicki-Pavlenko, O. O. (2023). Russians' assessment of demographic policy measures in the field of fertility. *Sociologicheskie issledovaniya, 7,* 142–147. https://doi.org/10.31857/S013216250026591-3 (In Russ.)

Shabunova, A. A., Rostovskaya, T. K. (2022). Demographic policy in modern Russia: the opinion of the population and expert assessment. *Vestnik Rossijskoj Akademii Nauk, 92* (12), 1145–1156. https://doi.org/10.31857/S0869587322090080 (In Russ.)

Shishkina, M. A., Popova, L. A. (2017). The influence of modern pro-family demographic policy on the intensity of fertility in the northern regions of Russia. *E`konomicheskie i social`ny`e peremeny`: fakty`, tendencii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 10* (1), 161–177. https://doi.org/10.15838/esc.2017.1.49.9 (In Russ.)

Sindyashkina, E. N. (2021). Reflection of demographic policy in fertility rates in Russia. *Social`no-trudovy`e issledovaniya [Social & Labor Research], 42* (1), 75–85. https://doi.org/10.34022/2658-3712-2021-42-1-75-85 (In Russ.)

Tikhomirova, T. M., Tikhomirov, N. P. (2020). Assessment of the effectiveness of the maternal capital program in the regions of Russia. *Federalizm [Federalism], 1,* 5–26. https://doi.org/10.21686/2073-1051-2020-1-5-26 (In Russ.)

Vakulenko, E. S., Ivashina, N. V., Svistilnik, Ya. O. (2023). Regional maternity capital programmes: impact on fertility in Russia. *E`konomika regiona [Economy of Regions], 19* (4), 1077–1092. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-4-10 (In Russ.)

Архангельский Владимир Николаевич — кандидат экономических наук, заведующий сектором воспроизводства населения и демографической политики научно-исследовательской лаборатории экономики народонаселения и демографии Экономического факультета, МГУ имени М .В. Ломоносова; https://orcid.org/0000-0002-7091-9632 (Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 46, e-mail: archangelsky@yandex.ru).

Vladimir N. Arkhangelsiy — PhD (Econ.), Head of the Population Reproduction and Demographic Policy Sector of the Research Laboratory of Population Economics and Demography, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University; https://orcid.org/0000-0002-7091-9632 (p.46 1, Leninsky Gory, Moscow, 119991, Russian Federation, e-mail: archangelsky@yandex.ru).

УДК 314
JEL classification: J13
https://www.doi.org/10.17059/udf-2025-3-2

Общий коэффициент рождаемости в крупнейших городах Дальнего Востока в начале XXI века[1]

Е. Л. Домнич
Институт экономических исследований ДВО РАН (г. Хабаровск, Российская Федерация).
https://orcid.org/0000-0002-1379-8053
Автор для корреспонденции: Е. Л. Домнич (chaosraven@yandex.ru).

Аннотация. *В исследовании проанализированы тенденции изменения общего коэффициента рождаемости крупнейших городов Дальневосточного федерального округа в 2002–2021 гг. Обосновано выделение четырех групп городов, различающихся закономерностями изменения общего коэффициента рождаемости и размахом колебаний относительно тренда. Сформулированы гипотезы о неодинаковой чувствительности рождаемости в городах разных групп к мерам федеральной и региональной поддержки рождаемости. Наибольшая чувствительность, как предполагается, характерна для рождаемости в городах Артём, Благовещенск, Магадан, Находка и Петропавловск-Камчатский, тогда как наименьшая — в городах Владивосток, Комсомольск-на-Амуре, Улан-Удэ и Хабаровск. Установлено, что долгосрочные тенденции изменения рождаемости в городах Анадырь, Чита и Якутск не совпадают с общероссийскими трендами. Исследование вносит вклад в пространственную детализацию тенденций демографического развития регионов России.*

Ключевые слова: рождаемость; городское население; Дальний Восток; крупнейшие города; общий коэффициент рождаемости

Crude Birth Rate in the Largest Cities of Russian Far East at the Beginning of the 21st Century

Y. Domnich
Economic Research Institute FEB RAS (Khabarovsk, Russian Federation).
https://orcid.org/0000-0002-1379-8053
Corresponding author: Y. Domnich (chaosraven@yandex.ru).

Abstract. *The study analyzes trends in the crude fertility rate of the largest cities of the Far Eastern Federal District in 2002–2021. The paper substantiates the identification of four groups of cities that differ in the patterns of changes in the crude fertility rate and the magnitude of fluctuations relative to the trend. Hypotheses have been formulated about the unequal elasticity of fertility in cities of different groups to measures of federal and regional fertility support. The highest sensitivity is assumed to be characteristic of the birth rate in the cities of Artyom, Blagoveshchensk, Magadan, Nakhodka and Petropavlovsk-Kamchatsky, while the lowest is in the cities of Vladivostok, Komsomolsk-on-Amur, Ulan-Ude and Khabarovsk. It has been established that the long-term trends in the birth rate in the cities of Anadyr, Chita and Yakutsk do not coincide with the national trends. The study contributes to the spatial detail of trends in the demographic development of Russian regions.*

Keywords: birth rate; urban population; Russian Far East; largest cities; crude fertility rate

Введение

Пространственная детализация и выявление долгосрочных тенденций изменения рождаемости, а также оценка результативности государственной пронаталистской политики находятся в фокусе современных демографических исследований

[1] © Домнич Е. Л. Текст. 2025.

(Miljkovic & Glazyrina, 2015; Захаров, 2016; Iwasaki & Kumo, 2020; Вакуленко и др., 2023; Родина, 2023; Архангельский и др., 2024; Кишенин и др., 2024). Регионы Дальневосточного федерального округа (ДФО) значительно отличаются как от регионов остальной России, так и друг от друга по уровню и динамике рождаемости в условных и реальных поколениях женщин (Мотрич, 2020; Буланова, 2022; Домнич, 2024a; Домнич, 2024b). Так, в республиках Саха (Якутия) и Бурятия, а также Забайкальском крае зафиксирована высокая (по сравнению со среднероссийским уровнем) рождаемость в когортах вплоть до 1980-х г. р., но с когорт 2000-х г. р. здесь прогнозируется наиболее низкая по стране итоговая рождаемость. С другой стороны, в Камчатском крае, Магаданской и Сахалинской областях рождаемость в реальных поколениях меняется от среднероссийского уровня к уровню ниже среднего по стране. Хабаровский край стабильно находится в зоне средней рождаемости, а рождаемость в Приморском крае постепенно становится чуть ниже средней (Кишенин, 2023)[1].

Исследования с использованием индикаторов суммарной (СКР)[2] и возрастной (ВКР) рождаемости показали также значительную региональную дифференциацию репродуктивного поведения городского и сельского населения России и Дальнего Востока в течение всего постсоветского периода (Домнич, 2024a; 2024b). Отличается и институциональная поддержка рождаемости (размера и условий предоставления материнского капитала), включающая федеральную и региональную компоненты. Поэтому значительным аналитическим потенциалом обладает детализация тенденций изменения рождаемости в детализированных пространственных (города и муниципалитеты) и расширенных временных (несколько десятилетий) сегментах (Salvati et al., 2020; Петросян, 2021; Чернышев, 2022).

Целью данного исследования является выявление общих и частных тенденций изменения общего коэффициента рождаемости (ОКР)[3] населения крупнейших городов (региональных центров и городов с населением свыше 100 тыс. чел.) ДФО в рамках двух первых десятилетий XXI в. Объектом исследования является рождаемость населения 15 крупнейших городов Дальнего Востока в 2002–2021 гг., охватывая интервал с начала восстановительного периода до начала внешнеполитического кризиса 2022 г. Основной акцент исследования сделан на реакции ОКР крупнейших городов макрорегиона на меры государственной, в т. ч. региональной пронаталистской политики.

Теоретические основы исследования

Рождаемость является ключевым демографическим процессом, влияющим на демографические тенденции, непрерывно изменяясь во времени и пространстве (Lehr, 2009; De Silva & Tenreyro, 2017; Salvati et al., 2020; Кишенин и др., 2024).

[1] Заметим при этом, что регионов, перманентно находящихся во зоне низкой рождаемости реальных поколений женщин (таких как регионы Центральной России, г. Москва и Санкт-Петербург), в ДФО нет.

[2] Индикатор, показывающий, сколько в среднем родила бы одна женщина на протяжении всего репродуктивного периода (от 15 до 50 лет) при сохранении в каждом возрасте уровня рождаемости того года, для которого вычисляется показатель, независимо от смертности и изменений возрастного состава. Суммарный коэффициент рождаемости. Методика расчета. https://www.fedstat.ru/indicator/31517?id=31517 (дата обращения: 10.05.2024).

[3] Число родившихся на тысячу человек населения.

Несмотря на многообразие демографических исследований, работы, связанные с анализом изменяющихся режимов рождаемости, в т. ч. на местном уровне, относительно редки как по России, так и в мировом масштабе (Lehr, 2009; Кишенин, 2023; Salvati et al., 2020). Сравнительно немногочисленны и количественные исследования влияния пронаталистской государственной политики на изменение рождаемости в городах и регионах (Slonimczyk & Yurko, 2014; Miljkovic & Glazyrina, 2015; Sorvachev & Yakovlev, 2020; Validova, 2021; Вакуленко и др., 2023; Архангельский и др., 2024). Суммарная рождаемость в регионах России в постсоветский период характеризовалась двумя синхронными (хронологически общими для всех регионов) периодами снижения и двумя синхронными периодами увеличения. Для городского населения выделены трансформационный (1991–1999 гг.) и современный (с 2016 г.) периоды снижения рождаемости, а также восстановительный (2000–2006 гг.) и пронаталистский (2007–2015 гг.) периоды ее увеличения. Пронаталистский период охватывает промежуток между введением федерального материнского капитала (ФМК) и отказом от его ежегодной индексацией, характеризуясь наибольшими темпами увеличения рождаемости за всё время с 1991 г. и максимальными значениями СКР (почти во всех регионах) в 2015 г. (Домнич, 2024a; 2024b).

Помимо ФМК, значимую роль в увеличении и поддержании уровня рождаемости в регионах, как показывают исследования, играют институты регионального материнского капитала (РМК), развивающиеся в регионах России с 2011 г.[1] В отличие от ФМК, до 2019 г. РМК в большинстве регионов выплачивался за рождение третьего ребенка, в отдельных регионах — за второго, а также четвертого и последующих детей, и нигде — за рождение первого ребенка. Начиная с 2019 г. увеличивается число регионов, стимулирующих рождение второго ребенка, кроме того, во всех регионах ДФО и Липецкой области выплачивается РМК за рождение первого ребенка (Вакуленко и др., 2023). Таким образом, в контексте пронаталистской политики Дальний Восток обладает выраженной спецификой в виде максимального разнообразия мер государственной поддержки рождаемости, что актуализирует критический анализ их результативности.

Материалы и методы исследования

Для целей исследовании используется ОКР — индикатор, обладающий рядом существенных недостатков. Он не учитывает возрастную структуру рожениц и тот факт, что далеко не всё население может принимать участие в деторождении. Тем не менее он обыкновенно используется для анализа рождаемости на низших территориальных уровнях — в городах и муниципалитетах — там, где специальные индикаторы рождаемости, такие как СКР и ВКР, недоступны (Salvati et al., 2020). В исследовании используется официальная статистика Росстата, публикуемая для региональных центров и городов с численностью населения свыше 100 тыс. чел.[2] В качестве основных методов исследования используются расчет средних

[1] В 2011 г. региональные законы о материнском капитале и (или) мерах по стимулированию рождаемости приняты в 33 регионах РФ, в т. ч. в большей части регионов ДФО (Буланова, 2022). В 2012 г. число таких регионов увеличилось до 63 (Вакуленко и др., 2023).

[2] Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13205 (дата обращения: 07.01.2025); Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13206 (дата обращения: 07.01.2025).

за период значений, анализ отклонений от линии тренда и графический анализ временных рядов.

Результаты исследования

В 2002–2021 гг. ОКР в крупнейших городах ДФО варьировался от 19,9 (Якутск 2009 г.) до 8,4 (Владивосток 2021 г.) рожденных на тыс. чел. населения (табл.). Определяющее влияние на рождаемость здесь оказывает, по-видимому, не география (север или юг), а степень урбанизации. Наибольшая рождаемость регистрируется как в «северных» Анадыре и Якутске, так и в «южных» Улан-Удэ и Чите, т. е. городах с наименее развитыми городскими агломерациями. Во всех городах, за исключением Южно-Сахалинска, наиболее высокая рождаемость фиксировалась в 2007–2015 гг., что соответствует общероссийской тенденции. Также во всех городах рождаемость достигала максимальных значений в 2015 г., за исключением Анадыря, Читы и Якутска, т. е. городов с наиболее высокой средней рождаемостью. Таким образом, долгосрочные тенденции изменения ОКР дальневосточных городов в первые десятилетия XXI в., в большинстве случаев соответствовали общероссийским трендам динамики СКР и ВКР (Домнич, 2024a; 2024b).

С точки зрения типизации двадцатилетней траектории изменения ОКР можно условно выделить четыре группы городов.

В первую группу, на наш взгляд, следует объединить два крупнейших города Дальнего Востока — Владивосток и Хабаровск, а также города Комсомольск-на-Амуре и Улан-Удэ (рис. 1). Здесь периоды увеличения (2002–2015 гг.) и снижения рождаемости (2016–2021 гг.) выглядят наиболее монотонными, образуя выраженные восходящий и нисходящий линейные тренды. Можно предположить,

Таблица

Общий коэффициент рождаемости в крупнейших городах Дальнего Востока, число родившихся на тыс. чел. населения (средние значения)

Города	Период		
	2002–2006	2007–2015	2016–2021
Анадырь	13,5	14,6	10,6
Артём	10,3	12,5	11,0
Биробиджан	11,8	13,7	12,1
Благовещенск	11,3	12,7	11,4
Владивосток	9,1	10,7	9,6
Комсомольск	10,5	11,9	10,0
Магадан	11,2	11,8	10,6
Находка	9,4	11,4	10,7
Петропавловск	10,9	12,4	11,2
Улан-Удэ	13,4	16,0	13,2
Уссурийск	11,2	12,4	11,4
Хабаровск	10,1	12,7	11,5
Чита	14,2	15,7	12,2
Южно-Сахалинск	10,8	12,7	13,8
Якутск	17,3	18,0	14,6

Источник: сост. автором.

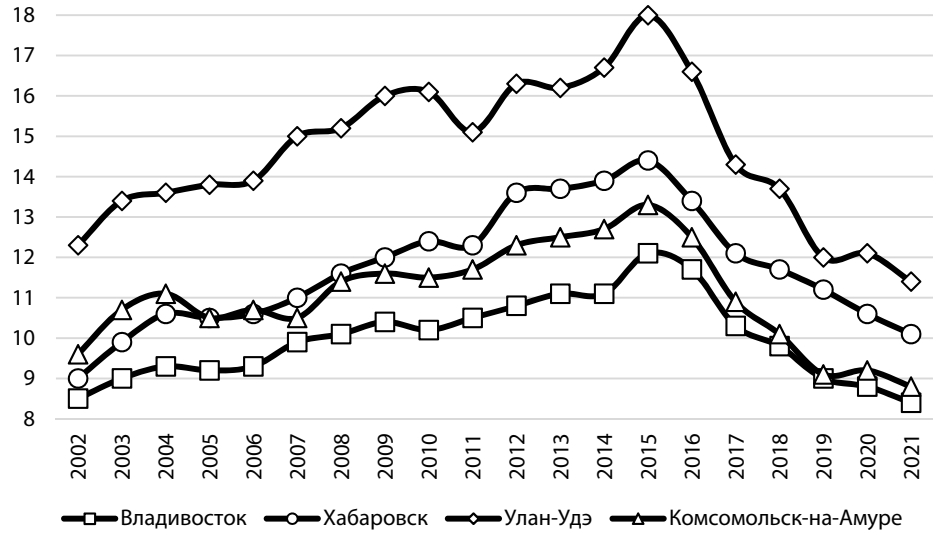

Рис. 1. *Первая группа городов: линейное увеличение и снижение рождаемости без существенных колебаний относительно трендов (ОКР, рождений на тыс. чел.) (источник: сост. автором)*

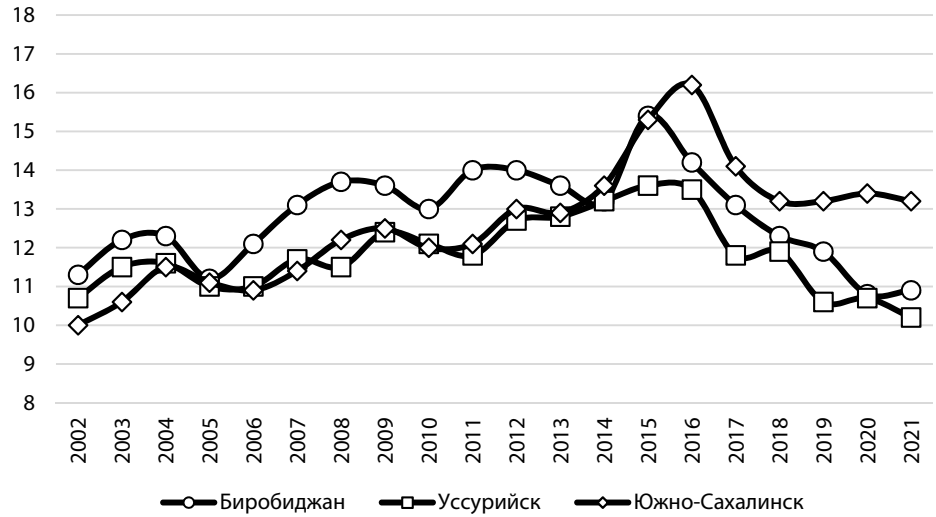

Рис. 2. *Вторая группа городов: заметные колебания относительно трендов (ОКР, рождений на тыс. чел.) (источник: сост. автором)*

что ключевую роль в изменении рождаемости в этих четырех городах играют внутренние факторы демографической обстановки и экономического развития, в то время как влияние мероприятий пронаталистской политики здесь наименее очевидно.

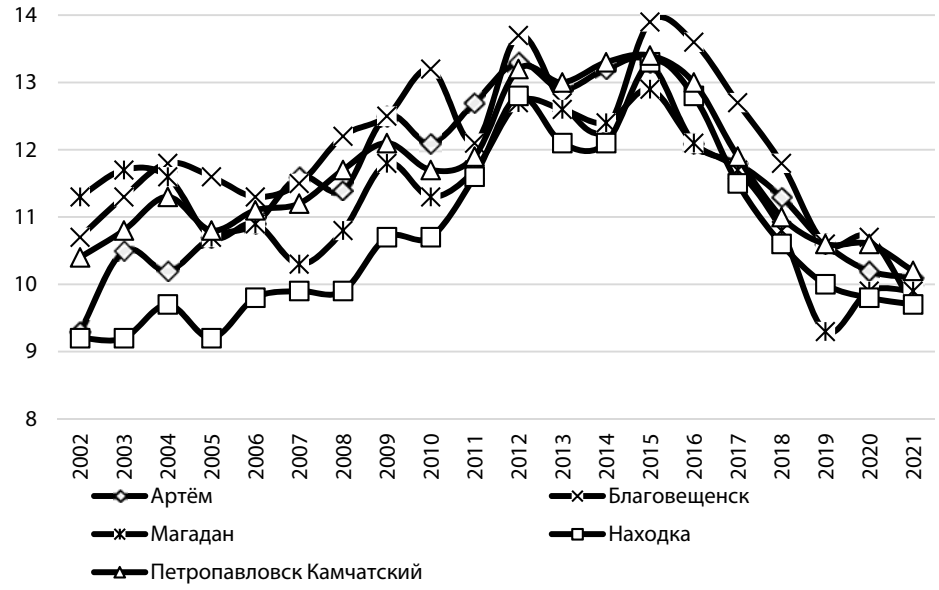

Рис. 3. *Третья группа городов: двойной максимум рождаемости и значительные колебания относительно трендов (ОКР, рождений на тыс. чел.) (источник: сост. автором)*

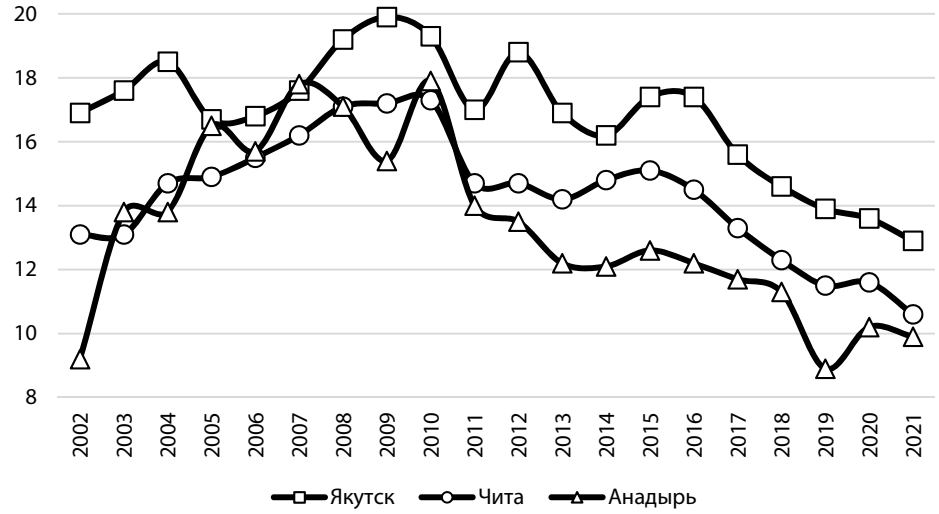

Рис. 4. *Четвертая группа городов: нетипичная динамика рождаемости (ОКР, рождений на тыс. чел.) (источник: сост. автором)*

Во вторую группу отнесены города Биробиджан, Уссурийск и Южно-Сахалинск (рис. 2). Динамика ОКР здесь также повторяет общероссийские тенденции, но подвержена заметным волнообразным колебаниям, которые могут интерпретироваться как реакция на меры федеральной и региональной поддержки рождаемости (ФМК и РМК). В том числе снижение рождаемости после 2015 г. в этих городах не такое монотонное, как в первой группе, что может обуславливаться влиянием дополнительных мер региональной поддержки рождаемости 2019 г., уникальных для ДФО.

Третья группа представлена городами Артём, Благовещенск, Магадан, Находка и Петропавловск-Камчатский (рис. 3). Временные ряды ОКР этих городов содержат 2 точки максимума: 2012 и 2015 гг. Первая из них, вероятно, обусловлена введением в 2011–2012 гг. института РМК, тогда как вторая воспроизводит общероссийскую тенденцию.

В четвертую группу отнесены города с нетипичной для городского населения России динамикой рождаемости: Якутск, Чита и Анадырь (рис. 4). Динамика ОКР в этих городах была восходящей до 2009–2010 гг., после чего немонотонно снижалась. Так же, как и в случае первой группы, связать такую динамику с институтами ФМК и РМК не представляется возможным.

Заключение

Анализ долгосрочных тенденций рождаемости в крупнейших городах Дальнего Востока позволил выделить четыре группы городов, различающихся закономерностями изменениями ОКР и размахом колебаний относительно восходящего и нисходящего трендов. Можно сформулировать гипотезу, требующую дополнительной проверки, что группы городов отличаются друг от друга в том числе и реакцией на меры государственной федеральной и региональной поддержки рождаемости. Наибольшая чувствительность, как предполагается, характерна для рождаемости в городах Артём, Благовещенск, Магадан, Находка и Петропавловск-Камчатский, тогда как наименьшая — в городах Владивосток, Комсомольск-на-Амуре, Улан-Удэ и Хабаровск. Установлено, что долгосрочные тенденции изменения рождаемости в городах Анадырь, Чита и Якутск не совпадают с общероссийскими трендами. Исследование вносит вклад в пространственную детализацию тенденций демографического развития регионов России.

Список источников

Архангельский, В. Н., Золотарева, О. А., Кучмаева, О. В. (2024). Два подхода к измерению результативности демографической политики (на примере федерального материнского капитала). *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз, 17* (6), 77–97. https://doi.org/10.15838/esc.2024.6.96.4

Буланова, М. А. (2022). Оценка результативности демографической политики по стимулированию рождаемости (на примере Дальневосточного федерального округа). *Власть и управление на Востоке России, 2* (99), 61–72. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-99-2-61-72

Вакуленко, Е. С., Ивашина, Н. В., Свистильник, Я. О. (2023). Региональные программы материнского капитала: влияние на рождаемость в России. *Экономика региона, 19* (4), 1077–1092. http://dx.doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-4-10

Домнич, Е. Л. (2024a). Возрастная структура рождаемости городского и сельского населения в постсоветской России: региональные тренды, основанные на панельных данных. *Регионалистика, 11* (3), 5–29. https://doi.org/10.14530/reg.2024.3.5

Домнич, Е. Л. (2024b). Рождаемость городского и сельского населения в постсоветской России: региональные тренды. *Регионалистика, 11* (2), 5–26. http://dx.doi.org/10.14530/reg.2024.2.5

Захаров, С. В. (2016). Скромные результаты пронаталистской политики в контексте долговременной эволюции рождаемости в России. Часть 2. *Демографическое обозрение, 3* (4), 6–26. http://dx.doi.org/10.17323/demreview.v3i4.3203

Кишенин, П. А. (2023). Региональная дифференциация рождаемости в Российской Федерации: оптика реальных поколений. *Демографическое обозрение, 10* (4), 86–120. http://dx.doi.org/10.17323/demreview.v10i4.18810

Кишенин, П. А., Зинина, А. И., Максимова, Т. А. (2024). Темпы снижения рождаемости возрастают по всему миру: ловушка низкой рождаемости всё вероятнее? *Демографическое обозрение, 11* (4), 4–43. https://doi.org/10.17323/demreview.v11i4.24288

Мотрич, Е. Л. (2020). Население Дальневосточного федерального округа: реалии и перспективы. *Регионалистика, 7* (2), 64–71. http://dx.doi.org/10.14530/reg.2020.2.64

Петросян, А. Н. (2021). Рождаемость в муниципальных образованиях регионов России в 2011–2019 гг. *Демографическое обозрение, 8* (3), 42–73. http://dx.doi.org/10.17323/demreview.v8i3.13266

Родина, О. А. (2023). Региональная вариация рождаемости и ее связь с социально-экономическим положением российских регионов. *Демографическое обозрение, 10* (2), 63–103. https://doi.org/10.17323/demreview.v10i2.17766

Чернышев, К. А. (2022). Демографическая динамика крупнейших городских агломераций России. *ЭКО, 4,* 81–93. https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2022-4-81-93

De Silva, T., Tenreyro, S. (2017). Population control policies and fertility convergence. *Journal of Economic Perspectives, 31* (4), 205–228. https://doi.org/10.1257/jep.31.4.205

Iwasaki, I., Kumo, K. (2020). Determinants of Regional Fertility in Russia: A Dynamic Panel Data Analysis. *Post Communist Economies, 32* (2), 176–214. https://doi.org/10.1080/14631377.2019.1678333

Lehr, C. S. (2009). Evidence on the demographic transition. *Review of Economics and Statistics, 91* (4), 871–887. https://doi.org/10.1162/rest.91.4.871

Miljkovic, D., Glazyrina, A. (2015). The Impact of Socio-Economic Policy on Total Fertility Rate in Russia. *Journal of Policy Modeling, 37* (6), 961–973. http://dx.doi.org/10.1016/j.jpolmod.2015.07.004

Salvati, L., Benassi, F., Miccoli, S., Rabiei-Dastjerdi, H., Matthews, S. A. (2020). Spatial variability of total fertility rate and crude birth rate in a low-fertility country: Patterns and trends in regional and local scale heterogeneity across Italy, 2002–2018. *Applied Geography,* 102321. https://doi.org/10.1016/j.apgeog.2020.102321

Slonimczyk, F., Yurko, A. (2014). Assessing the Impact of the Maternity Capital Policy in Russia. *Labour Economics, 30,* 265–281. https://doi.org/10.1016/j.labeco.2014.03.004

Sorvachev, I., Yakovlev, E. (2020). *Short- and Long-Run Effects of a Sizable Child Subsidy: Evidence from Russia.* https://docs.iza.org/dp13019.pdf (дата обращения: 01.02.2024).

Validova, A. (2021). Pronatalist Policies and Fertility in Russia: Estimating Tempo and Quantum Effects. *Comparative Population Studies, 46,* 425–452. https://doi.org/10.12765/CPoS-2021-15

References

Arkhangelsky, V. N., Zolotareva, O. A., Kuchmaeva, O. V. (2024). Two approaches to measuring the effectiveness of demographic policy (using the example of federal maternity capital). *E`konomicheskie i social`ny`e peremeny`: fakty`, tendencii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, forecast], 17* (6), 77–97. https://doi.org/10.15838/esc.2024.6.96.4 (In Russ.)

Bulanova, M. A. (2022). Assessment of the effectiveness of demographic policy to stimulate fertility (using the example of the Far Eastern Federal District). *Vlast` i upravlenie na Vostoke Rossii [Power and governance in the East of Russia], 2* (99), 61–72. https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-99-2-61-72 (In Russ.)

Chernyshev, K. A. (2022). Demographic dynamics of the largest urban agglomerations in Russia. *EKO [ECO], 4,* 81–93. https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2022-4-81-93 (In Russ.)

De Silva, T., Tenreiro, S. (2017). Population regulation policy and convergence of fertility rates. *Journal of Economic Perspectives, 31* (4), 205–228. https://doi.org/10.1257/jep.31.4.205

Domnich, E. L. (2024a). The age structure of the birth rate of urban and rural populations in post-Soviet Russia: regional trends based on panel data. *Regionalistika [Regionalistics], 11* (3), 5–29. https://doi.org/10.14530/reg.2024 .3.5 (In Russ.)

Domnich, E. L. (2024b). Birth rates of urban and rural populations in post-Soviet Russia: regional trends. *Regionalistika [Regionalistics], 11* (2), 5–26. http://dx.doi.org/10.14530/reg.2024.2.5 (In Russ.)

Iwasaki, I., Kumo, K. (2020). Factors determining the regional birth rate in Russia: a dynamic analysis of panel data. *Post-Communist Economics, 32* (2), 176–214. https://doi.org/10.1080/14631377.2019.167833

Kishenin, P. A. (2023). Regional differentiation of fertility in the Russian Federation: optics of real generations. *Demograficheskoe obozrenie [Demographic Review], 10* (4), 86–120. http://dx.doi.org/10.17323 / review.v10i4.18810 (In Russ.)

Kishenin, P. A., Zinina, A. I., Maksimova, T. A. (2024). The rate of birth rate decline is increasing worldwide: is the low birth rate trap becoming more likely? *Demograficheskoe obozrenie [Demographic Review], 11* (4), 4–43. https://doi.org/10.17323/demreview.v11i4.24288 (In Russ.)

Lehr, K. S. (2009). Demographic transition data. *Review of Economics and Statistics, 91* (4), 871–887. https://doi.org/10.1162/rest.91.4.871

Milkovich, D., Glazyrina, A. (2015). The impact of socio-economic policy on the overall fertility rate in Russia. *Journal of Political Modeling, 37* (6), 961–973. http://dx.doi.org/10.1016/j.jpolmod.2015.07.004

Motrich, E. L. (2020). The population of the Far Eastern Federal District: realities and prospects. *Regionalistika [Regionalistics], 7* (2), 64–71. http://dx.doi.org/10.14530/reg.2020.2.64 (In Russ.)

Petrosyan, A. N. (2021). Birth rate in municipalities of Russian regions in 2011–2019 *Demograficheskoe obozrenie [Demographic Review], 8* (3), 42–73. http://dx.doi.org/10.17323/demreview.v8i3.13266 (In Russ.)

Rodina, O. A. (2023). Regional variation in fertility and its relation to the socio-economic situation of Russian regions. *Demograficheskoe obozrenie [Demographic Review], 10* (2), 63–103. https://doi.org/10.17323/demreview.v10i2.17766 (In Russ.)

Salvati, L., Benassi, F., Mikkoli, S., Rabiei-Dastjerdi, H., Mathews, S. A. (2020). Spatial variability of the total fertility rate and the total fertility rate in low-fertility countries: patterns and trends of heterogeneity at the regional and local levels in Italy, 2002–2018. *Applied Geography,* 102321. https://doi.org/10.1016/j.apgeog .2020.102321

Slonimchik, F., Yurko, A. (2014). Assessment of the impact of maternity capital policy in Russia. *Labor Economics, 30,* 265–281. https://doi.org/10.1016/j.labeco.2014.03.004

Sorvachev, I., Yakovlev, E. (2020). *Short- and long-term effects of significant child subsidies: data from Russia.* https://docs.iza.org/dp13019.pdf (date of access: 02.01.2024).

Vakulenko, E. S., Ivashina, N. V., Svistilnik, Ya. O. (2023). Regional maternity capital programs: the impact on the birth rate in Russia. *E`konomika regiona [Economy of Regions], 19*(4), 1077–1092. http://dx.doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-4-10 (In Russ.)

Validova, A. (2021). Pronatalist policy and fertility in Russia: an assessment of the pace and quantitative effects. *Comparative Demographic Research, 46,* 425–452. https://doi.org/10.12765/CPoS-2021-15

Zakharov, S. V. (2016). The modest results of the pro-natalist policy in the context of the long-term evolution of fertility in Russia. Part 2. *Demograficheskoe obozrenie [Demographic Review], 3*(4), 6–26. http://dx.doi.org/10.17323/demreview.v3i4.3203 (In Russ.)

Домнич Егор Леонидович — к. э. н., старший научный сотрудник, Институт экономических исследований ДВО РАН; https://orcid.org/0000-0002-1379-8053 (Российская Федерация, 680042, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 153; e-mail: chaosraven@yandex.ru).

Yegor L. Domnich — PhD (Econ.), Senior Research Fellow, Economic Research Institute FEB RAS; https://orcid.org/0000-0002-1379-8053 (153, Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, 680042, Russian Federation; e-mail: chaosraven@yandex.ru.).

УДК 314; 316.36
JEL classification: J12, J13
https://www.doi.org/10.17059/udf-2025-3-3

Изменения уровня брачной и внебрачной рождаемости в России: оценки с учетом данных переписей и микропереписей населения о брачном состоянии женщин[1]

С. В. Захаров
Институт демографии им. А. Г. Вишневского, НИУ ВШЭ (г. Москва, Россия).
https://orcid.org/0000-0002-1653-4264
Автор для корреспонденции: С. В. Захаров (szakharov@hse.ru).

Аннотация. *В статье рассматриваются методологические проблемы измерения рождаемости в зависимости от брачного состояния матери. Автором предлагается метод оценки коэффициентов рождаемости за репродуктивный период для женщин, состоящих и не состоящих в зарегистрированных браках, учитывающий ожидаемую продолжительность пребывания в том или ином брачном состоянии. В работе приводятся результаты расчетов коэффициентов рождаемости для всех женщин, а также раздельно для состоящих в зарегистрированном браке и не состоящих в нем за годы, примыкающим к Всероссийским переписям и микропереписям населения. Рождаемость женщин, состоящих в зарегистрированных браках, остается определяющей для общего уровня рождаемости в стране, но в то же время она демонстрирует существенную волатильность под влиянием меняющейся политической и экономической конъюнктур. Уровень внебрачной рождаемости составляет от четверти до трети от брачной и более стабилен на протяжении последних десятилетий. В то же время ожидаемая средняя длительность пребывания женщины вне брака существенным образом повысилась, превысив в 2000-х годах длительность пребывания в браке, что подталкивает российскую рождаемость к снижению.*

Ключевые слова: брачное состояние; ожидаемая продолжительность пребывания в браке и вне брака; коэффициент суммарной брачной и внебрачной рождаемости

Changes in Marital and Nonmarital Fertility in Russia: Estimates Based on Data from Censuses and Microcensuses on the Marital Status of Women

S. Zakharov
A. G. Vishnevsky Institute of Demography, Higher School of Economics (Moscow, Russia).
https://orcid.org/0000-0002-1653-4264
Corresponding author: S. Zakharov (szakharov@hse.ru).

Abstract. *The article examines methodological problems of measuring fertility depending on the marital status of the mother. The author proposes a method for estimating total fertility rates for women within and out of registered marriages, taking into account the expected duration of stay in a particular marital status. The paper presents the results of calculating overall, marital and nonmarital fertility rates for the years adjacent to the All-Russian Censuses and Microcensuses. The marital fertility remains decisive for Russia's overall fertility, at the same time it demonstrates significant volatility under changing political and economic conditions. Total nonmarital fertility rate is from a quarter to a third of the marital rate and is more stable over the past decades. The expected average duration of a woman's stay outside of marriage has increased significantly, exceeding in the 2000s the expected duration of stay in marriage, which is pushing the Russian birth rate to decline.*

Keywords: marital status; expected duration of stay in marriage and outside marriage; total marital and unmartial fertility rates

[1] © Захаров С. В. Текст. 2025.

Брачная и внебрачная рождаемость в России: проблемы измерения

Известно, что после затяжного двадцатилетнего подъема с середины 1980-х гг. доля рождений у матерей, не состоящих в зарегистрированном браке, в общем числе рождений достигла 30 % в 2005 г. (табл. 1). Затем она снижалась, достигнув 21,2 % в 2016 г., и далее вновь вошла в фазу роста — в 2023 г. доля внебрачных рождений составила 23,1 %, что означает возврат к уровням 2013–2014 гг. В структуре внебрачных рождений в последнее десятилетие, в отличие от прошлых эпох, преобладают дети, зарегистрированные на основании совместного заявления обоих родителей (в эту же категорию, правда, относят и рождения, в отношении которых отцовство было установлено на основании решения суда), а доля детей у «одиноких» матерей, соответственно, стала менее половины от всех рождений вне официального брака или 10–11 % среди всех родившихся в стране. Как показывают выборочные исследования, подавляющее большинство детей с признанным отцовством фактически проживают в семье с обоими родителями, а причины, по которым родители не регистрируют свои отношения, весьма многообразны в силу разнообразия характера отношений между ними, их формального и фактического брачного статуса, конкретных жизненные условий и обстоятельств наступления беременности и появления ребенка на свет. Так или иначе, доля детей раннего возраста, воспитываемых в полных семьях при различном участии обоих родителей, судя по имеющимся данным, не уменьшается в России, а, возможно, даже и увеличивается, что, соответственно, положительно сказывается на условиях их социализации с точки зрения гендерной сбалансированности (Churilova & Zakharov, 2023).

В то же время структурные показатели рождаемости, оцениваемые в России ежегодно на основе данных регистрации рождений, не способны дать ответ на принципиальный вопрос: в каком направлении меняются показатели интенсивности брачной и внебрачной рождаемости, т. е. коэффициенты, учитывающие изменения в возрастной и брачной структурах населения. Хорошо известно, что возрастная и брачная структуры населения лиц в детородном возрасте менялись в России очень динамично, да и к тому же, возрастной профиль вступления в брак и рождения детей также был подвержен значительным трансформационным изменениям.

Программы отечественных переписей населения, начиная с переписи 1979 г., содержали вопрос о числе когда-либо рожденных детей, опираясь на который можно получить ценные знания о дифференциальной рождаемости в зависимости от брачного состояния матери, накопленной к моменту опроса. Последние переписи с более развернутым вопросом о брачном состоянии и с доступом к анонимизированным микроданным существенно расширили возможности такого анализа. Кроме того, ЦСУ СССР и его преемник Росстат имеют богатый опыт микропереписей и выборочных исследований по национальной репрезентативной выборке, программы которых предполагали получение от респондентов более детальную информацию о брачном состоянии, о числе рожденных детей, в т. ч. у женщин, состоящих в браке (см., например: Сифман, 1974; Darsky, 1994; Вишневский, 2006, с. 176–183; Синельников, 2019; Синельников и др., 2024). Однако оценки уровня рождаемости, полученные на основе опросов, ввиду их кумулятивного характера относятся, скорее, к реальным, чем к условным поколениям. Кроме того, получение показателей кумулятивной / итоговой внебрачной

Родившиеся в браке и вне брака, в том числе по виду регистрации, Россия, 1970, 1980, 1990, 1995, 2000, 2005, 2010–2023 гг.

Год	Всего, тыс.	В том числе родившиеся:		Доля рождений вне зарегистрированного брака*, %	Внебрачные рождения, зарегистрированные на основании, тыс.:		Доля зарегистрированных по заявлению одной матери, %
		в зарегистрированном браке	вне зарегистрированного брака		совместного заявления матери и отца	заявления одной матери*	
1970	1903,7	1702,5	201,2	10,6	82,5	118,8	59,0
1980	2202,8	1965,2	237,6	10,8	90,7	146,9	61,8
1990	1988,9	1698,3	290,6	14,6	124,2	166,4	57,2
1995**	1363,8	1075,5	288,3	21,1	124,2	164,1	56,9
2000**	1266,8	912,5	354,3	28,0	167,3	187,0	52,8
2005	1457,4	1020,3	437,1	30,0	200,4	236,6	54,1
2010	1788,9	1344,1	444,9	24,9	199,2	245,7	55,2
2011	1796,6	1355,1	441,5	24,6	205,8	235,7	53,4
2012	1902,1	1448,6	453,5	23,8	215,5	238,0	52,5
2013	1895,8	1451,0	444,9	23,5	218,8	226,1	49,8
2014	1913,5	1479,6	433,9	22,7	218,2	215,7	50,8
2015***	1911,0	1495,2	415,8	21,8	214,1	201,7	49,7
2016***	1860,4	1466,2	394,2	21,2	207,4	186,9	48,5
2017***	1664,6	1309,5	355,1	21,3	190,7	164,4	47,4
2018***	1579,6	1234,4	345,2	21,9	170,1	175,0	46,3
2019***	1457,7	1145,3	312,4	21,4	158,3	154,2	50,7
2020***	1413,5	1106,1	307,4	21,7	160,3	147,2	49,4
2021***	1375,8	1072,2	303,7	22,1	159,4	144,3	47,9
2022***	1283,6	990,2	293,4	22,9	153,3	140,1	47,5
2023***	1244,8	957,2	287,6	23,1	153,5	134,1	47,7

Примечания: * — включая родившихся с неизвестным брачным статусом родителей на момент регистрации («отказники», «найденыши» и пр. регистрируемые по инициативе органов Минздрава, МВД).

** — без данных по Чеченской республике.

*** — без данных по Республике Крым и г. Севастополь.

Источник: Демографический ежегодник России 2013. Москва: Росстат, 2013; расчеты автора на основе неопубликованных данных Росстата.

рождаемости таким способом крайне затруднительна в силу неоднородности совокупности людей, не состоящих в браке (зарегистрированном / незарегистрированном) на момент опроса.

В то же время часто возникает необходимость сравнить уровень рождаемости в разрезе брачного состояния для условных поколений (для календарных лет). Если возрастные коэффициенты рождаемости и такой широко распространенный интегральный показатель, рассчитываемый на их основе, как коэффициент суммарной рождаемости оцениваются Росстатом и исследователями ежегодно, то оценки уровня рождаемости раздельно для женщин, состоящих и не состоящих в браке, выполняются в России редко. Причины тому две.

Во-первых, состав населения по состоянию в браке на ежегодной основе в России не оценивается (статистические органы такие расчеты не выполняют, а попытки исследователей сделать такие оценки нам неизвестны). В нашем распоряжении имеются только результаты опросов населения о брачном статусе на моменты Всероссийских переписей и микропереписей населения или еще менее репрезентативных выборочных исследований. Причем лица, декларировавшие себя как состоящие в зарегистрированном браке среди всех состоящих в зарегистрированном и незарегистрированном браке, стали выделяться статистическими органами в программах опросов лишь начиная с Микропереписи 1994 г.[1] В силу чего корректно соотнести число лиц, зарегистрировавших браки с числом лиц, не состоящими в зарегистрированном браке, с целью получения коэффициентов интенсивности вступления в брак, не было возможно.

Во-вторых, несмотря на долгую историю непрерывных дискуссий, общепринятые методологические основы оценивания возрастных и интегральных коэффициентов брачной и внебрачной рождаемости в мировой профессиональной среде отсутствуют (Henry, 1952; Rodriguez & Cleland 1988; Hoem & Mureşan, 2011) как в силу наличия специфических национальных особенностей в системе регистрации брачно-партнерских состояний и их статистического наблюдения, так и по причине неоднозначности в самих методологических подходах к получению расчетных показателей рождаемости, дифференцированных по брачному состоянию родителей. В развитых странах за полвека значительно увеличилось число детей, рожденных у матерей, не состоящих в официальном браке, и в целом ряде европейских стран доля таких детей доходит до половины или даже больше среди всех родившихся. И, конечно, в большинстве случаев такие дети не появляются на свет у собственно одиноких матерей, а чаще всего в результате принятых совместных решений в союзах с многообразными формами взаимоотношений между родителями. При этом известно, что системы статистического наблюдения, даже основанные на регистрах населения с индивидуальным учетом демографических событий и состояний (как, например, в скандинавских странах), не способны идеально отражать фактическое брачно-партнерское состояние индивидов, поскольку они опираются на административный учет.

[1] Первая попытка отдельного учета зарегистрированных и незарегистрированных браков в СССР была предпринята в пробной переписи 1967 г., при подготовке переписи 1970 г. (Волков, 1986, с. 106).

Все имеющиеся оценки показателей интенсивности брачной и внебрачной рождаемости для условных поколений, полученные для населений СССР и Российской Федерации, носят исключительно авторский характер и опираются на методологические подходы, имеющие ограничения и допущения, в разной степени искажающие реальность. Особенно важно принимать во внимание систематические смещения, вызванные изменениями в законодательстве по поводу регистрации брачного состояния и новорожденных, изменений в программах и практиках статистического наблюдения (Волков, 1986; Меликьян ред., 1994, с. 580–603; Авдеев, 1998; Avdeev & Monnier, 2000; Вишневский, 2006).

В отечественных исследованиях рождаемости в разрезе брачного состояния матерей наибольшую распространенность получил подход, подробно изложенный в работе Г.А. Бондарской и Л.Л. Дарского (1990) и предназначенный для оценки вклада брачной и внебрачной компоненты в общий уровень рождаемости. Этот подход находит применение и в исследованиях М.С. Тольца (2020, 2023), который напоминает, что история метода разложения общей рождаемости на брачную и внебрачную компоненты восходит к появлению коэффициента суммарной рождаемости как синтетического, аналитического инструмента и, соответственно, к одному из первых фундаментальных методических пособий по демографическому анализу (Kuczynski, 1935, с. 156–159). Вот как описывается этот подход в основополагающей отечественной работе: «Существует упрощенный способ оценки вклада внебрачной рождаемости в общий уровень рождаемости путем разложения каждого возрастного коэффициента на брачный и внебрачный компоненты. Это делается делением числа брачных рождений в каждой возрастной группе на общее число женщин этой же возрастной группы, и числа внебрачных рождений в каждой возрастной группе — также на общее число женщин в этой возрастной группе. В сумме эти два коэффициента равны обычному возрастному коэффициенту общей рождаемости. Суммируя отдельно эти возрастные коэффициенты, можно получить два слагаемых суммарного коэффициента общей рождаемости: одно из них будет характеризовать вклад брачных рождений в этот коэффициент, второе — внебрачных. Соотношение этих частей будет зависеть от способа учета категорий родившихся» (Бондарская & Дарский, 1990, с. 54).

Следует заметить, что специалисты понимают некорректность статистической процедуры соотношения чисел родившихся у женщин с различным брачным статусом с одной и той же суммарной численностью женщин той или иной возрастной группы, часть из которых не находится под риском наступления изучаемого события: родившиеся в зарегистрированном браке соотносятся с численностью женщин как состоящих в браке, так и с теми, кто никогда не состоял в браке или не состоит в браке в результате развода или овдовения, а внебрачные рождения — с той же статистической совокупностью среди которых большинство составляют женщины, состоящие в браке, т. е. в общем случае, не находящиеся под риском наступления данного события (здесь мы, конечно, абстрагируемся от случаев внебрачных зачатий, реализовавшихся в рождениях у замужних женщин, тем более, что подавляющее большинство таких рождений на практике

приписывается официальным супругам, т. е. регистрируются как брачные[1]). В результате применения данного похода мы получаем ту же структуру рождений по типу документа, на основе которого регистрируется ребенок, показанной в таблице 1, с той лишь разницей, что структурные показатели стандартизованы по возрастной структуре женщин, что дает преимущество в изучении изменений в динамике или в случае сравнения населений с существенно различающимися возрастными составами населения. Фактически мы получаем слегка скорректированную оценку пропорционального вклада брачной и внебрачной рождаемости в общую рождаемость с учетом особенностей половозрастного состава населения. Однако интенсивные коэффициенты брачной и внебрачной рождаемости при таком походе оказываются смещенными оценками ввиду некорректного учета вероятности для женщин с различным брачным статусом находиться под риском наступления события: для женщин, состоящих в браке, родить ребенка в браке, а для женщин, не состоящих в браке, родить внебрачного.

Есть еще одно основание для критики вышеописанного подхода. При расчете интегральных (суммарных) показателей рождаемости, дифференцированных в зависимости от брачного статуса матери, аналогичных общепринятому коэффициенту суммарной рождаемости для всех женщин за весь детородный период, мы сталкиваемся с проблемой неодинакового числа лет нахождения под риском родить брачного или внебрачного ребенка. Если при расчете коэффициента суммарной рождаемости для всех женщин величина ожидаемой продолжительности репродуктивной жизни принимается, по умолчанию, равной 35 лет (при нижней границе возраста начала деторождения в 15 лет и верхней 50 лет и при условии отсутствия смертности в этот период), то для показателей рождаемости, дифференцированных по брачному состоянию женщин, такое предположение совершенно неадекватно реальности, и простое суммирование возрастных коэффициентов брачной или внебрачной рождаемости будет давать смещенные и по существу малоинформативные оценки.

Суммирование по возрасту коэффициентов брачной рождаемости, представленных ниже на рисунке 2, дает коэффициент итоговой «брачной» рождаемости равный 3,99 в 1994 г., 3,99 в 2002 г., 5,27 в 2010 г., 4,44 в 2015 г. и 3,71 в 2021 г. Можно было бы порадоваться столь плодовитым бракам в России, но, увы, эти цифры не имеют большого смысла, на что прямо указывают учебники по демографическому анализу (см. классический французский учебник, переведенный на русский язык[2] (Пресса, 1966, с. 189)), и также хорошо известный, более современный британский учебник (Hinde, 1998; 2014). Так, А.А. Кузьмин, представляя исторический ряд возрастных коэффициентов брачной рождаемости

[1] Требуется особая судебная процедура для признания ребенка, родившегося у женщины, состоящей в официальном браке, как внебрачного, если имеются основания считать, что его зачатие произошло в результате сексуальных отношений с человеком, не являющимся официальным супругом. К судебному разбирательству в таких случаях люди прибегают редко, особенно в период, отведенный законом для официальной регистрации новорожденного.

[2] Учебник Р. Пресса, переведенный на русский с первого французского издания под научной редакцией Б. Ц. Урланиса (Pressa, 1961), на многие годы стал настольной книгой демографов в СССР. Он четыре раза переиздавался во Франции, был переведен на многие языки (в т. ч. в США в 1972 г.) и долгое время был одним из самых популярных в мире.

для Екатеринбурга, сознательно не приводит их сумму (Кузьмин 1993, с. 44). Если же выполнить эту несложную процедуру с учетом длины возрастного интервала, которую применяют для обычных возрастных коэффициентов общей рождаемости, то для 1989 г., исходя из данных, приведенных в таблице, мы получим коэффициент суммарной «брачной рождаемости» 3,84, а для 1970 г. — 3,97, при том, что обычный коэффициент суммарной рождаемости (безотносительно к брачному состоянию женщин) для Екатеринбурга за те же годы составлял 1,57 и 1,44 (они приведены автором в соседней таблице, см.: (Кузьмин 1993, с. 44)). Такое соотношение коэффициентов итоговой рождаемости в браке и общей рождаемости не только абсурдно, но и вводит в заблуждение при интерпретации произошедших изменений за два десятилетия. А.А. Авдеев повторяет подобный расчет для городского и сельского населения России, суммируя возрастные коэффициенты внебрачной рождаемости, опираясь на данные послевоенных переписей населения и микропереписи 1994 г. о брачной структуре населения и текущего учета рождений по брачному состоянию матери за годы, примыкающие к переписным (Авдеев, 1999). Заметим, что общие коэффициенты суммарной рождаемости без учета брачного состояния в представленной автором таблице также приводятся, а вот аналогичные коэффициенты брачной рождаемости опущены, поскольку, видимо, интерпретация их была бы затруднительна. Непонятно только, почему же для «суммарных коэффициентов внебрачной рождаемости» было сделано исключение без должных комментариев, хотя проблемность интерпретации поученных показателей ничуть не меньше?

Непрерывно пребывать в браке или вне брака на протяжении 35 лет — удел немногих женщин. В действительности брачный статус — динамично меняющееся состояние на протяжении жизни большинства людей (Захаров, 2007), более того, средняя продолжительность жизни в браке (зарегистрированном или нет) и вне брака в репродуктивном возрасте — исторически меняющаяся величина, которая зависит от возраста вступления в брак, вероятности раннего овдовения, разводов и повторных браков, а также от распространенности бракоподобных партнерских союзов без официальной регистрации как до брака, так и после развода и овдовения (Тольц, 1986; Avdeev & Monnier, 2000; Захаров и др., 2018, с. 120–122; Архангельский, 2013; Артамонова & Митрофанова, 2018; Митрофанова, 2019).

Можем ли мы учесть вышесказанные критические замечания и каким-либо образом получить более корректные оценки коэффициента суммарной рождаемости раздельно для женщин, состоящих в зарегистрированном браке и не состоящих в нем, и проследить их изменения в последние десятилетия? С момента публикации, цитированной выше известной статьи Г.А. Бондарской и Л.Е. Дарского, прошло четверть века, и сегодня мы располагаем большей информацией, способной нам помочь. Так, в частности, начиная с Микропереписи 1994 г. программы российских переписей и микропереписей содержат более развернутую, чем прежде, формулировку вопроса о брачном состоянии, предполагающую выделение лиц, состоящих в зарегистрированном браке, в качестве отдельной категории[1].

[1] В советских переписях 1939, 1959, 1970 гг. неразделимая категория «состоящие в браке» объединяла лиц, состоящих в зарегистрированном и незарегистрированном браке, что вызывало проблемы их адекватного соотнесения с рождениями, зарегистрированными на основе свидетельства о браке между родителями.

Тем самым имеется возможность корректного соотнесения числа родившихся у матерей, состоящих в зарегистрированных браках, с оценками численности таких матерей на моменты Всероссийских переписей населения 2002, 2010, 2020 (фактически состоялась в конце 2021 г.) и Всероссийских микропереписей населения 1994, 2015 гг.[1]

Ранее мы предложили несложную и не требующую дополнительной информации процедуру, призванную нормировать кумулятивные и итоговые коэффициенты брачной и внебрачной рождаемости на величину расчетной средней ожидаемой длительности пребывания в браке и вне брака для женщин репродуктивного возраста (см.: Захаров и др., 2018, с. 203–209). Идея нашего подхода для оценки рождаемости в зависимости от брачного статуса женщины была заимствована из метода расчета возрастных и итоговых коэффициентов брачной рождаемости, показанного Р. Пресса (1966, с. 202–203). В отличие от учета фактической продолжительности брака, возможность чего предоставляла французская статистика рождаемости (а российская — нет), мы используем понятие средней ожидаемой продолжительности пребывания в браке (или вне брака). Что вполне соответствует идеологии демографического анализа для показателей условного поколения. Наш подход также идеологически близок к подходу, предлагаемому Я.М. Хоемом и Я.М. Муресан (Hoem & Mureşan, 2011), при котором акцентируется необходимость перехода от коэффициентов суммарной рождаемости, специфичных для возраста (*age-based total rate*), к коэффициентам, построенным с учетом продолжительности пребывания в том или ином состоянии (*duration-based total rate*)[2]. Далее мы кратко остановимся на описании предлагаемого нами метода, использованных данных, и покажем результаты сравнительного анализа изменений, зафиксированные на моменты российских переписей и микропереписей населения.

Метод расчетов и использованные данные

Мы произвели расчеты возрастных коэффициентов рождаемости как для всех женщин, так и раздельно для состоящих в зарегистрированном браке и не состоящих в нем (т. е. суммарно для женщин всех прочих брачных состояний: никогда не состоявших в браке, разведенных и овдовевших) на моменты переписей и микропереписей населения на основе данных о числе зарегистрированных рождений по возрасту и брачному состоянию матери в годы, смежные с годами переписей и микропереписей, соответственно за 1993–1994, 2002–2003, 2010–2011, 2015–2016, 2021–2022 гг., и распределений женщин по брачному состоянию, зафиксированных в рамках опросов 1994, 2002, 2010, 2015 и 2021 гг. (рис. 1, рис. 2,

[1] Автор намеренно оставляет в стороне имеющий основание сложный вопрос о релевантности и сопоставимости данных о брачном состоянии населения, полученных в рамках переписей и микропереписей населения, принимая во внимание очевидные различия в методах проведения этих обследований. В то же время заметим, что дополнительные проверочные расчеты показали слабую чувствительность полученных результатов дифференциальной рождаемости от методологических особенностей переписей и микропереписей.

[2] Я.М. Хоем и Я.М. Муресан предлагают достаточно непростую модель, требующую детальную информацию о вероятности наступления событий в рамках инструментального аналитического подхода, получившего название «анализ последовательности событий/event history analysis».

рис. 3). Расчеты производились для однолетних возрастных групп женщин, и, соответственно, были задействованы как опубликованные, так и неопубликованные данные Росстата, полученные Институтом демографии им. А.Г. Вишневского НИУ ВШЭ в рамках официальных запросов в разные годы для выполнения проектов по программе фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Все распределения женщин, состоящих и не состоящих в зарегистрированном браке, полученные в ходе опросов, были передвинуты на начало года, следующего за переписным.

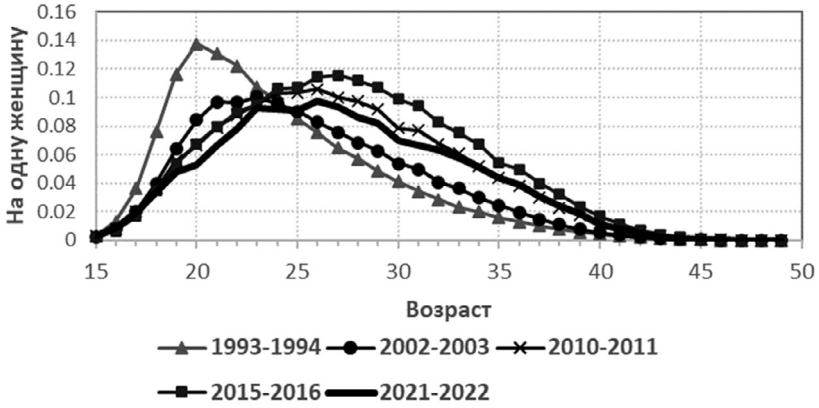

Рис. 1. *Возрастные коэффициенты рождаемости для всех женщин без учета брачного состояния, Россия, 1993–1994, 2002–2003, 2010–2011, 2015–2016, 2021–2022 гг., число рождений на одну женщину указанного возраста (источник: расчеты автора на основе опубликованных и неопубликованных данных Росстата)*

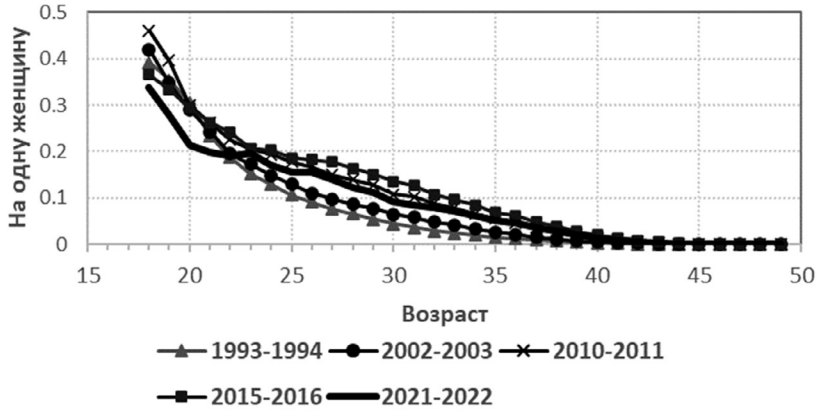

Рис. 2. *Возрастные коэффициенты рождаемости для женщин, состоящих в зарегистрированном браке, Россия, 1993–1994, 2002–2003, 2010–2011, 2015–2016, 2021–2022 гг., число рождений на одну женщину указанного возраста (источник: расчеты автора на основе опубликованных и неопубликованных данных Росстата)*

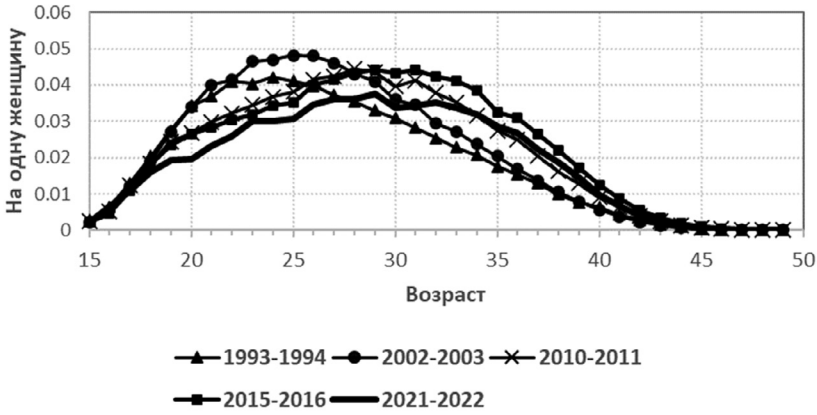

Рис. 3. *Возрастные коэффициенты рождаемости для женщин, не состоящих в зарегистрированном браке, Россия, 1993–1994, 2002–2003, 2010–2011, 2015–2016 гг., число рождений на одну женщину указанного возраста (источник: расчеты автора на основе опубликованных и неопубликованных данных Росстата)*

Нами были рассчитанные кумулятивные возрастные и итоговые (к возрасту 50 лет) коэффициенты брачной и внебрачной рождаемости, которые затем были нормированы на величину, которую мы назвали «коэффициентом использования оставшейся продолжительности жизни в репродуктивном возрасте для пребывающих в зарегистрированном браке и, соответственно, вне зарегистрированного брака для женщин того или иного возраста (без учета смертности)». (Захаров и др., 2018, с. 207).

Для получения оценки ожидаемой средней продолжительности пребывания в том или ином брачном состоянии мы воспользовались подходом М.С. Тольца, который предложил использовать для этого сумму произведения долей, соответственно, состоящих и не состоящих в браке (никогда не состоявших в браке, разведенных и вдовцов) на величину возрастных интервалов, к которым относятся эти доли в пределах возрастов от 15 до 50 лет (Тольц, 1986).

Все полученные нами интегральные показатели рождаемости относятся к категории демографических показателей так называемого условного поколения, т. е. представляют собой ожидаемые величины к возрасту 50 лет при сохранении неизменности интенсивных коэффициентов рождаемости, длительности пребывания в браке и вне брака, зафиксированных в указанные годы. Также следует напомнить, что мы следуем общепринятым условиям для подобных расчетов и игнорируем влияние смертности и миграции.

Полученные результаты

Рисунки 1–3 представляют результаты наших расчетов возрастных коэффициентов рождаемости для всех женщин, для женщин, состоящих в зарегистрированном браке, и для женщин, не состоящих в зарегистрированном браке.

Наши оценки среднего возраста матери при рождении ребенка (всех очередностей), дифференцированные по брачному статусу женщины, приводятся в таблице 2.

Кумулятивные к указанным возрастам коэффициенты рождаемости, нормированные на величину ожидаемой продолжительности пребывания в том или ином брачном состоянии, представлены на рисунках 4–6, а в таблице 3 приведены: ожидаемая средняя длительность пребывания в зарегистрированном браке и вне него для женщин от 15 до 50 лет и ожидаемые величины итоговой общей, брачной и внебрачной рождаемости (к возрасту 50 лет) для рассматриваемых лет.

Таблица 2

Средний возраст женщины при рождении детей, в том числе в зарегистрированном браке и вне зарегистрированного брака для указанных лет, Россия, лет

Годы	Все женщины	Женщины, состоящие в зарегистрированном браке	Женщины, не состоящие в зарегистрированном браке
Всё население			
1993–1994	24,6	20,4	27,3
2002–2003	26,2	21,4	27,4
2010–2011	27,7	22,0	28,7
2015–2016	28,3	24,0	29,4
2021–2022	28,9	24,4	30,3
Прирост (2021–2022) – (2002–2003)	+2,7	+3,0	+2,9
Городское население			
2002–2003	26,4	21,4	27,7
2010–2011	28,2	22,5	29,2
2015–2016	28,8	24,6	29,9
2021–2022	29,2	24,7	30,7
Прирост (2021–2022) – (2002–2003)	+2,8	+3,3	+3,0
Сельское население			
2002–2003	25,5	21,4	26,8
2010–2011	26,6	21,4	27,7
2015–2016	27,2	22,2	28,3
2021–2022	28,1	23,5	29,5
Прирост (2021–2022) – (2002–2003)	+2,4	+2,1	+2,7

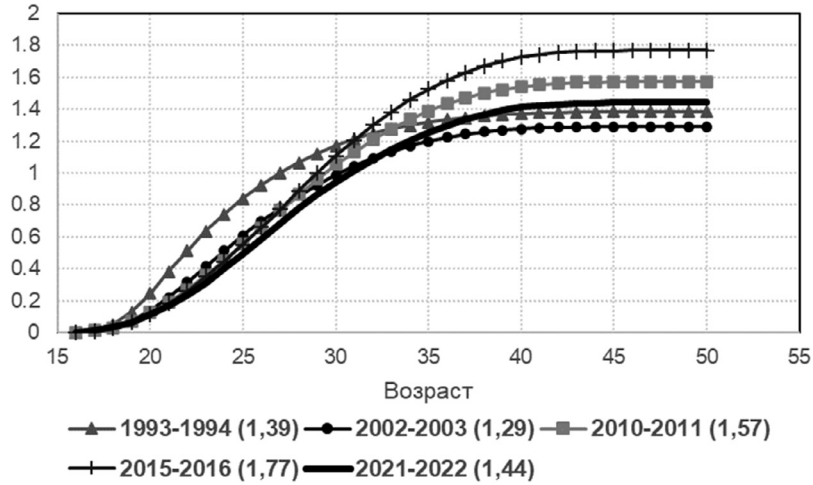
Источник: расчеты автора на основе опубликованных и неопубликованных данных Росстата.

Таблица 3

Ожидаемая средняя длительность пребывания в зарегистрированном браке и вне него (без учета смертности) для женщины от 15 до 50 лет и ожидаемые величины итоговой общей, брачной и внебрачной рождаемости (к возрасту 50 лет) для указанных лет

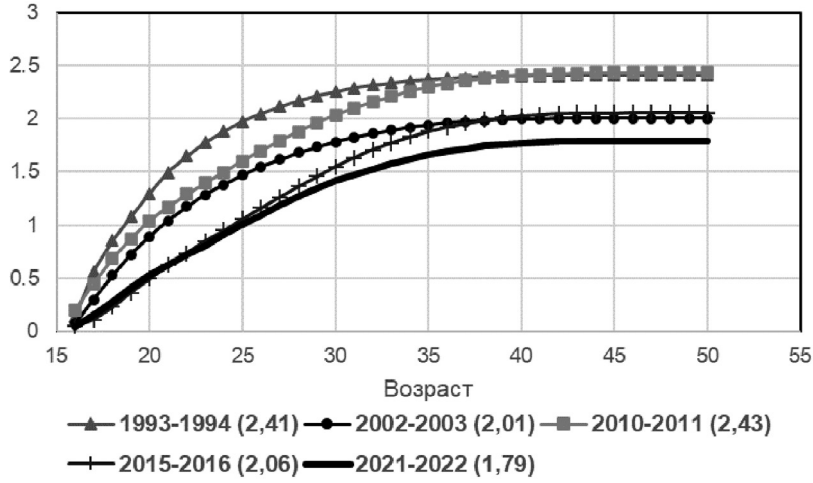
Годы	Все женщины		Женщины, состоящие в зарегистрированном браке		Женщины, не состоящие в зарегистрированном браке	
	Длительность пребывания в данном состоянии в интервале от 15 до 50 лет	Число рожденных детей, в расчете на одну женщину	Длительность пребывания в данном состоянии в интервале от 15 до 50 лет	Число рожденных детей, в расчете на одну женщину	Длительность пребывания в данном состоянии в интервале от 15 до 50 лет	Число рожденных детей, в расчете на одну женщину
Всё население						
1993–1994	35,00	1,39	21,17	2,41	13,83	0,26
2002–2003	35,00	1,29	17,83	2,01	17,17	0,36
2010–2011	35,00	1,57	16,15	2,43	18,85	0,40
2015–2016	35,00	1,77	16,20	2,06	18,80	0,42
2021–2022	35,00	1,44	16,43	1,74	18,57	0,35
Городское население						
2002–2003	35,00	1,20	17,33	1,92	17,67	0,33
2010–2011	35,00	1,44	15,76	2,10	19,24	0,36
2015–2016	35,00	1,67	15,96	1,85	19,03	0,38
2021–2022	35,00	1,38	16,26	1,64	18,74	0,32
Сельское население						
2002–2003	35,00	1,61	19,44	2,27	15,56	0,47
2010–2011	35,00	2,02	17,36	3,13	17,63	0,55
2015–2016	35,00	2,10	16,95	2,85	18,05	0,58
2021–2022	35,00	1,64	16,99	2,01	18,01	0,47

Источник: расчеты автора на основе опубликованных и неопубликованных данных Росстата.

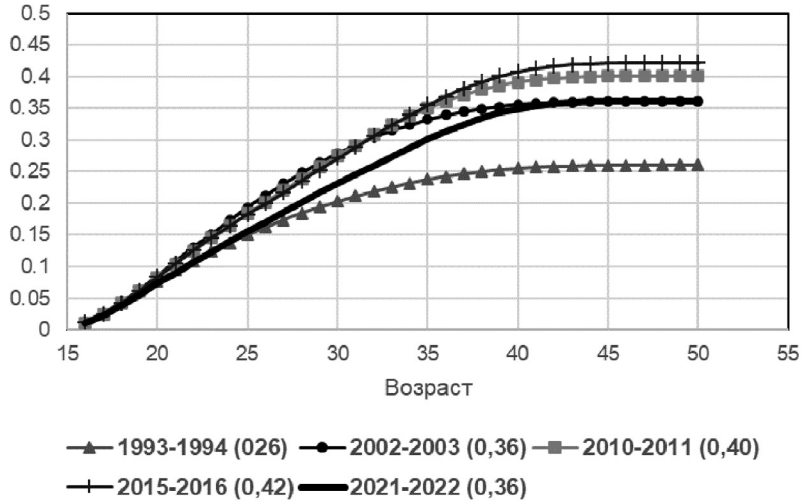
Примечание: в скобках указаны оценки средней итоговой величины рождаемости, число рождений на одну женщину.

Рис. 4. *Кумулятивные коэффициенты рождаемости для всех женщин (без учета брачного состояния), Россия, 1993–1994, 2002–2003, 2010–2011, 2015–2016, 2021–2022 гг., число рождений на одну женщину указанного возраста (источник: расчеты автора на основе опубликованных и неопубликованных данных Росстата)*

Примечание: в скобках указаны оценки средней итоговой величины рождаемости, число рождений на одну женщину.

Рис. 5. *Кумулятивные коэффициенты рождаемости для женщин, состоящих в зарегистрированном браке, нормированные на ожидаемую среднюю длительность пребывания в зарегистрированном браке, Россия, 1993–1994, 2002–2003, 2010–2011, 2015–2016, 2021–2022 гг., число рождений на одну женщину указанного возраста (источник: расчеты автора на основе опубликованных и неопубликованных данных Росстата)*

Примечание: в скобках указаны оценки средней итоговой величины рождаемости, число рождений на одну женщину.

Рис. 6. *Кумулятивные коэффициенты рождаемости для женщин, не состоящих в зарегистрированном браке, нормированные на ожидаемую среднюю длительность пребывания вне зарегистрированного брака, Россия, 1993–1994, 2002–2003, 2010–2011, 2015–2016, 2021–2022 гг., число рождений на одну женщину указанного возраста (источник: расчеты автора на основе опубликованных и неопубликованных данных Росстата)*

Заключение

Выводы из анализа тенденций брачной и внебрачной рождаемости в России за три десятилетия следующие:

— в последние два десятилетия общий уровень рождаемости условных поколений в России пережил значительные колебания: к 2015–2016 гг. коэффициент суммарной рождаемости (КСР) достиг почти 1,8 в расчете на одну женщину к 50 годам, что существенно выше 1,4, наблюдавшегося в 1993–1994, но в 2021–2022 гг. он вернулся к тому же значению в 1,4;

— уровень рождаемости условных женских поколений в зарегистрированном браке, вносящий основной вклад в общий уровень рождаемости в стране, также испытал резкие колебания, но к 2021–2022 гг. упал до уровня существенно ниже, чем был в 1993–1994 гг.: нормированный на среднюю длительность пребывание в браке коэффициент суммарной рождаемости снизился с 2,4 до 1,7 рождений на одну женщину к 50 годам. Наши оценки коэффициента суммарной брачной рождаемости очень близки к оценкам среднего числа рожденных детей для женщин, состоящих в браке, полученные А.Б. Синельниковым с соавторами на основе иного подхода — с опорой на ответы женщин старше 40 лет на вопрос о числе рожденных детей в рамках Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения, проведенного Росстатом по национальной выборке в 2017 г. (1,81 для зарегистрированных первых и повторных браков, вместе взятых (Синельников, 2019, с. 27)) и в 2022 г. (в первом зарегистрированном браке

— 1,69, в повторном зарегистрированном браке — 1,93 (Синельников и др., 2024, с. 190));

— уровень рождаемости условных женских поколений, не состоящих в зарегистрированном браке, за три десятилетия менялся мало: коэффициент суммарной рождаемости, нормированный на среднюю длительность пребывания вне брака, колебался в пределах 0,3–0,4 рождений на одну женщину к 50 годам;

— среди сельского населения общий уровень рождаемости остается выше, чем среди городского, одновременно как за счет брачной, так и внебрачной компоненты, в то же время и перепады значений показателей брачной и внебрачной рождаемости также были более заметными в сельской местности;

— за исследуемый период доля ожидаемого использования общего потенциала времени, отпущенного женщине в детородном возрасте, перераспределилось в пользу пребывания вне зарегистрированного брака, в т. ч. и по причине повышения возраста вступления в брак, и по причине распространения неформальных супружеских отношений (ожидаемая длительность пребывания вне зарегистрированного брака в репродуктивном возрасте сейчас выше ожидаемой длительности пребывания в официальном браке и для городских женщин, и для сельских женщины);

— постарение возрастного профиля российской рождаемости в городской местности опережает постарение в сельской. Этот процесс характерен и для матерей, состоящих в браке, и для матерей, не состоящих в браке. В то же время для женщин, состоящих в зарегистрированном браке, средний возраст материнства продолжает оставаться ниже — почти на 6 лет и в городской, и в сельской местностях: средний возраст деторождения в зарегистрированном браке в 2021–2022 г., по нашей оценке, составил 24,7 лет в городском населении и 23,5 в сельской, вне зарегистрированного брака — соответственно 30,7 и 29,5.

Обобщая вышесказанное, мы можем свидетельствовать, что в России одновременно происходят изменения и в брачной структуре населения, которые не способствуют увеличению рождаемости, и в соотношении интенсивных коэффициентов рождаемости в браке и вне брака. Уровень брачной рождаемости остается определяющим для общего уровня рождаемости в стране, в то же время он демонстрирует и существенную волатильность, в т. ч. под влиянием изменений в экономическом положении семей и мер семейной политики. Уровень внебрачной рождаемости остается намного ниже брачной, составляя от четверти до трети от брачной, но и более стабильным на протяжении последний трех десятилетий. В то же время ожидаемая средняя длительность пребывания женщины вне брака существенным образом повысилась, превысив в первом десятилетии 2000-х гг. ожидаемую среднюю длительность пребывания в браке, что дополнительно подталкивает российскую рождаемость к снижению. Таким образом, одновременно происходящие изменения как в брачной структуре российского населения, так и в соотношениях брачной и внебрачной рождаемости играют возрастающую роль и в изменениях уровня российской рождаемости, и в трансформации ее брачно-возрастной модели.

Благодарности

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Acknowledgements

This work/article is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at HSE University.

Список источников

Авдеев, А. А. (1998). Браки и разводы в России. Часть 1. *Народонаселение, 2,* 3–13

Авдеев, А. А. (1999). Браки и разводы в России. Часть 2. *Народонаселение, 1,* 27–43.

Артамонова, А. В., Митрофанова, Е. С. (2018). Матримониальное поведение россиян на фоне других европейцев. *Демографическое обозрение, 5* (1), 106–137. https://doi.org/10.17323/demreview.v5i1.7711

Архангельский, В. Н. (2013). Репродуктивное и брачное поведение. *Социологические исследования, 2,* 129–136.

Белова, В. А., Бондарская, Г. А., Дарский, Л. Е. (1988). Современные проблемы и перспективы рождаемости. В *Методология демографического прогноза* (с. 41–77). Москва: Наука, 222.

Бондарская, Г. А., Дарский, Л. Е. (1990). Брачное состояние женщин и рождаемость. В *Демографические процессы в СССР* (с. 28–57). Москва: Наука, 215.

Вишневский, А. Г. (Ред.) (2006). *Демографическая модернизация России, 1900–2000.* Москва: Новое издательство, 601.

Вишневский, А. Г., Тольц, М. С. (1988). Эволюция брачности и рождаемости в Советский период. В *Население СССР за 70 лет* (с. 91–94). Москва: Наука, 184.

Волков, А. Г. (1986). *Семья — объект демографии.* Москва: Мысль, 271.

Захаров, С. В. (2007). Новейшие тенденции формирования семьи в России. *Мир России: социология, этнология, 16* (4), 73–112. EDN: IBILTR https://mirros.hse.ru/article/view/5165/5526 (дата обращения: 01.02.2025).

Захаров, С. В., Андреев Е. М., Сакевич, В. И. (2018). Рождаемость и планирование семьи в России: новейшие тенденции в свете результатов микропереписи населения 2015 г. и на фоне долговременных процессов. В *Население России 2016* (с. 186–259). Москва: Изд. дом ВШЭ, 448. https://www.demoscope.ru/weekly/knigi/ns_r16/sod_r.html (дата обращения: 01.02.2025).

Кузьмин, А. И. (1993). *Семья на Урале. Демографические аспекты жизненного пути.* Екатеринбург: Наука, 237.

Меликьян, Г. Г. (гл. ред.) (1994). *Народонаселение: энциклопедический словарь.* Москва: Большая российская энциклопедия, 640.

Митрофанова, Е. С. (2019). Модели взросления разных поколений россиян. *Демографическое обозрение, 6* (4), 53–82. https://doi.org/10.17323/demreview.v6i4.10427

Пресса, Р. (1966). *Народонаселение и его изучение (Демографический анализ).* Пер. с французского. Москва: Статистика, 444.

Синельников, А. Б. (2019) Трансформация брака и рождаемость в России, *Народонаселение, 22* (2), 26–39. https://doi.org/10.19181/1561-7785-2019-00013

Синельников, А. Б., Золотарева, О. А., Хабиб, М. Д. (2024). Оценка взаимосвязи брачности с разводимостью и рождаемостью. *Вестник университета, 12,* 180–195. https://doi.org/10.26425/1816-4277-2024-12-180-195

Сифман, Р. И. (1974). *Динамика рождаемости в СССР (По данным выборочных исследований).* Москва: Статистика, 183.

Тольц, М. (2020). О влиянии брачного статуса на рождаемость. *Демоскоп Weekly. №* 871–872. http://www.demoscope.ru/weekly/2020/0871/nauka03.php (дата обращения: 01.02.2025).

Тольц, М. (2023). Роль брачности в современной рождаемости в России. *Вестник общественного мнения, 1–2* (130), 49–57.

Тольц, М. С. (1986). Демографический анализ брачности: проблемы, методы, интерпретация результатов. В *Методы исследования. Демография: проблемы и перспективы* (с. 79–95). Москва: Мысль, 184.

Avdeev, A., Monnier, A. (2000). Marriage in Russia: A Complex Phenomenon Poorly Understood. *Population: An English Selection, 12,* 7–49. http://www.jstor.org/stable/3030243

Churilova, E., Zakharov, S. (2023). Different experiences of children living in two-parent and single-parent families: Comparing generations born in the 1950s-1980s in Russia and in France. *Population and Economics, 7* (4), 24–38. https://doi.org/10.3897/popecon.7.e114980

Darsky, L. E. (1994). Quantum and Timing of Births in the USSR. In *Demographic trends and patterns in the Soviet Union before 1991* (p. 57–69). New York: Routledge, 496.

Henry, L. (1952). Fécondité des mariages: Nouvelle méthode de mesure. *Population, 7* (4), 697–700. https://doi.org/10.2307/1524873

Hinde, A. (1998). *Demographic methods*. London: Arnold, 305; eBook Published 2014, London: Routledge, 320. https://doi.org/10.4324/9780203784273

Hoem, J. M., Mureşan, C. (2011). The Total Marital Fertility Rate and its extensions. *European Journal of Population, 27* (3), 295–312. https://doi.org/10.1007/s10680-011-9237-y

Kuczynski, R. R. (1935). *The Measurement of Population Growth: Methods and Results*. London: Sidgwick and Jackson, 255.

Pressat, R. (1961). *L'analyse démographique: méthodes, résultats applications*. Paris: Presses Universitaires de France, 403.

Rodriguez, G., Cleland, J. (1988). Modelling marital fertility by age and duration: An empirical appraisal of the Page model. *Population Studies, 42* (2), 241–257. http://www.jstor.org/stable/2174438 (accessed: 01.02.2025).

References

Arkhangelsky, V. N. (2013). Reproductive and mating behavior. *Sociologicheskie issledovaniya, 2,* 129–136. (In Russ).

Artamonova, A. V., Mitrofanova, E. S. (2018). Matrimonial Behavior of Russians in a European Context. *Demograficheskoe obozrenie [Demographic Review], 5* (1), 106–137. https://doi.org/10.17323/demreview.v5i1.7711 (In Russ).

Avdeev, A., Monnier, A. (2000). Marriage in Russia: A Complex Phenomenon Poorly Understood. *Population: An English Selection, 12,* 7–49. http://www.jstor.org/stable/3030243

Avdeev, A. A. (1998). Marriages and divorces in Russia. Part 1. *Narodonaselenie [Population], 2,* 3–13. (In Russ).

Avdeev, A. A. (1999). Marriages and divorces in Russia. Part 2. *Narodonaselenie [Population], 1,* 27–43. (In Russ).

Belova, V. A., Bondarskaya, G. A., Darskiy, L. E. (1988). Modern problems and prospects of fertility. In *Metodologiya demograficheskogo prognoza [Methodology of demographic forecasting]* (pp. 41–77). Moscow: Nauka, 222. (In Russ).

Bondarskaya, G. A., Darskiy, L. E. (1990). Marital status of women and fertility. In *Demograficheskie processy` v SSSR [Demographic processes in the USSR]* (pp. 28–57). Moscow: Nauka, 215. (In Russ).

Churilova, E., Zakharov, S. (2023). Different experiences of children living in two-parent and single-parent families: Comparing generations born in the 1950s-1980s in Russia and in France. *Population and Economics, 7*(4), 24–38. https://doi.org/10.3897/popecon.7.e114980

Darsky, L. E. (1994). Quantum and Timing of Births in the USSR. In *Demographic trends and patterns in the Soviet Union before 1991* (pp. 57–69). New York: Routledge, 496.

Henry, L. (1952). Fécondité des mariages: Nouvelle méthode de mesure. *Population, 7*(4), 697–700. https://doi.org/10.2307/1524873

Hinde, A. (1998). *Demographic methods*. London: Arnold, 305; eBook Published 2014, London: Routledge, 320. https://doi.org/10.4324/9780203784273

Hoem, J. M., Mureşan, C. (2011). The Total Marital Fertility Rate and its extensions. *European Journal of Population, 27*(3), 295–312. https://doi.org/10.1007/s10680-011-9237-y

Kuczynski, R. R. (1935). *The Measurement of Population Growth: Methods and Results*. London: Sidgwick and Jackson, 255.

Kuzmin, A. I. (1993). *Sem`ya na Urale. Demograficheskie aspekty` zhiznennogo puti [A family in the Urals. Demographic aspects of the life path]*. Yekaterinburg: Nauka, 237. (In Russ).

Melikyan, G. G. (Ed.) (1994). *Narodonaselenie: e`nciklopedicheskij slovar` [Population: an encyclopedic dictionary]*. Moscow: The Great Russian Encyclopedia, 640. (In Russ).

Mitrofanova, E. S. (2019). Models of growing up of different generations of Russians. *Demograficheskoe obozrenie [Demographic Review], 6*(4), 53–82. https://doi.org/10.17323/demreview.v6i4.10427 (In Russ).

Press, R. (1966). *Narodonaselenie i ego izuchenie (Demograficheskij analiz) [Population and its study (Demographic analysis)]*. Translated from French. Moscow: Statistics, 444. (In Russ).

Pressat, R. (1961). *L'analyse démographique: méthodes, résultats applications*. Paris: Presses Universitaires de France, 403.

Rodriguez, G., Cleland, J. (1988). Modelling marital fertility by age and duration: An empirical appraisal of the Page model. *Population Studies, 42*(2), 241–257. http://www.jstor.org/stable/2174438 (accessed: 01.02.2025).

Sifman, R. I. (1974). *Dinamika rozhdaemosti v SSSR (Po danny`m vy`borochny`x issledovanij) [Dynamics of the birth rate in the USSR (According to sample studies)]*. Moscow: Statistics, 183. (In Russ).

Sinelnikov, A. B. (2019) The transformation of marriage and fertility in Russia, *Narodonaselenie [Population], 22*(2), 26–39. https://doi.org/10.19181/1561-7785-2019-00013 (In Russ).

Sinelnikov, A. B., Zolotareva, O. A., Khabib, M. D. (2024). Statistical assessment of interrelationship of marriage and divorces to fertility. *Vestnik Universiteta, 12,* 180–195. https://doi.org/10.26425/1816-4277-2024-12-180-195 (In Russ).

Tolts, M. (2020). On the influence of marital status on fertility. *Demoscope-Weekly,* 871–872 (accessed: 01.02.2025). (In Russ).

Tolts, M. (2023). Marriage as a Factor in Contemporary Fertility in Russia. *Vestnik obschestvennogo mnenia [The Russian Public Opinion Herald Data. Analysis. Discussions], 1–2*(130), 49–57. (In Russ).

Tolts, M. S. (1986). [Demographic analysis of nuptiality: problems, methods, interpretation of results. In *Metody issledovania. Demografia: problem i perspectivy [Methods of Research. Demography: problems and perspectives]* (pp. 79–95). Moscow: Mysl, 184. (In Russ).

Vishnevsky, A. G. (Ed.) (2006). *Demograficheskaya modernizaciya Rossii, 1900–2000 [Demographic modernization of Russia, 1900–2000]*. Moscow: New Publishing House, 601. (In Russ).

Vishnevsky, A. G., Tolts, M. S. (1988). The evolution of marriage and fertility in the Soviet period. In *Naselenie SSSR za 70 let [Population of the USSR for 70 years]* (pp. 91–94). Moscow: Nauka Publ., 184. (In Russ).

Volkov, A. G. (1986). *Sem`ya — ob``ekt demografii [Family is an object of demography]*. Moscow: Mysl, 271. (In Russ).

Zakharov, S. V. (2007). Recent Tendencies of Family Formation in Russia. *Mir Rossii: sociologiya, e`tnologiya [Universe of Russia. Sociology. Ethnology], 16* (4), 73–112. EDN: IBILTR https://mirros.hse.ru/article/view/5165/5526 (accessed: 01.02.2025). (In Russ).

Zakharov, S. V., Andreev, E. M., Sakevich, V. I. (2018). Fertility and family planning in Russia: the latest trends in the light of the results of the 2015 micro-census and against the background of long-term processes. In *Naselenie Rossii 2016 [Population of Russia, 2016]* (pp. 186–259). Moscow: HSE Publishing House, 448. https://www.demoscope.ru/weekly/knigi/ns_r16/sod_r.html (accessed: 01.02.2025). (In Russ).

Захаров Сергей Владимирович — кандидат экономических наук, главный научный сотрудник, Институт демографии им. А. Г. Вишневского; Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики; https://orcid.org/0000-0002-1653-4264 (Российская Федерация, 109028, г. Москва, Б. Трехсвятительский пер., д. 3; e-mail: szakharov@hse.ru).

Sergei V. Zakharov — PhD (Econ.), Chief Research Fellow, A.G. Vishnevsky Institute of Demography, Higher School of Economics National Research University; https://orcid.org/0000-0002-1653-4264 (3 B. Trekhsvyatitelsky lane, Moscow, 109028, Russian Federation; e-mail: szakharov@hse.ru).

УДК 3176.3, 316.35, 316.36
JEL classification: J12, J13, J17
https://www.doi.org/10.17059/udf-2025-3-4

Особенности мотивационной сферы родителей в семьях с разным числом детей[1]

В. М. Карпова [а], С. В. Ляликова [б]

[а, б] Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН (г. Москва, Российская Федерация).

[а] https://orcid.org/0000-0003-2560-6140

[б] https://orcid.org/0000-0002-9043-8158

Автор для корреспонденции: В. М. Карпова (wmkarpova@yandex.ru).

Аннотация. *В статье рассматривается мотивационная сфера родителей в отношении деторождения на основе данных исследования «Жизненные стратегии семей с разным числом детей» (ЖСС-2024), проведенного в 40 субъектах Российской Федерации. Анализ включает оценку значимости различных мотивов рождения детей разной очередности, в том числе по объединенным группам (психологические, социальные и экономические мотивы). Результаты исследования показывают, что наиболее значимыми при рождении ребенка любой очередности являются психологические мотивы, однако они ослабевают в зависимости от порядка рождения, что преимущественно связано с удовлетворением той потребности, которая лежит в основе данных мотивов, — с рождением первенца. Экономические мотивы играют в целом меньшую роль в сравнении с психологическими и даже социальными мотивами, а их значимость несколько увеличивается, начиная с третьего ребенка. Полученные результаты могут свидетельствовать об общем снижении мотивации рождения вторых и третьих детей, обнаруживают потенциал в мерах экономического стимулирования семей с несколькими детьми, подчеркивая, что они могут играть значимую роль в решении вопросов низкой рождаемости, но не являются определяющим фактором по сравнению с психологической и социальной значимостью рождения ребенка.*

Ключевые слова: репродуктивное поведение; репродуктивные мотивы; психологические мотивы; многодетность; рождаемость

Features of the Motivational Sphere of Parents in Families with Different Numbers of Children

V. Karpova [a], S. Lyalikova [b]

[a, b] Institute of Socio-Economic Problems of Population FNISTs RAS (Moscow, Russian Federation).

[a] https://orcid.org/0000-0003-2560-6140

[b] https://orcid.org/0000-0002-9043-8158

Corresponding author: V. Karpova (wmkarpova@yandex.ru).

Abstract. *The article examines the motivational sphere of parents regarding childbirth based on data from the study "Life Strategies of Families with Different Numbers of Children" (LSS-2024), conducted in 40 regions of the Russian Federation. The analysis includes an assessment of the significance of various childbirth motives, including their classification into three main groups: psychological, social, and economic motives. The study results indicate that psychological motives are the most significant for childbirth regardless of birth order. However, their influence weakens as the number of children increases, primarily due to the fulfillment of the core need underlying these motives with the birth of the first child. Economic*

[1] © Карпова В. М., Ляликова С. В. Текст. 2025.

motives play a relatively smaller role compared to psychological and even social motives, but their significance increases slightly starting from the third child. The obtained results may indicate a general decline in the motivation to have a second or third child, revealing the potential of economic incentives for families with multiple children. They highlight that such measures can play a significant role in addressing low birth rates but are not a determining factor compared to the psychological and social significance of childbirth.

Keywords: reproductive behavior; reproductive motives; psychological motives; large families; fertility

Введение

Демографическая ситуация в России характеризуется негативной динамикой, суммарный коэффициент рождаемости даже в рамках высоких прогнозов Росстата не достигает уровня простого воспроизводства населения в обозримой перспективе. В сложившихся обстоятельствах мотивационная сфера в отношении репродуктивного поведения будущих и нынешних родителей является важным аспектом изучения деторождения в целях использования полученных результатов в рамках решения проблемы низкой рождаемости.

В научном поле исследование мотивов к рождению детей ведется по нескольким направлениям. Профессор А.И. Антонов в монографии «Второй ребенок» формулирует основы для социологического изучения мотивационной сферы репродуктивного поведения, выделяя три группы факторов: психологические, социальные и экономические. В работе определяется значимость каждой группы факторов по отношению друг к другу и оценивается их потенциальный вклад на реализацию потребности семьи в детях. Подобный подход позволяет проанализировать влияние различных факторов на решение супругов о рождении ребенка и дает возможность сопоставить их значимость в различных социальных группах (Антонов & Медков, 1987). Исследование, реализованное под руководством Т. К. Ростовской, акцентирует внимание на детерминации вторых рождений, поскольку они в большей степени зависят от социально-психологических и социально-экономических факторов. Авторы подчеркивают, что решение о рождении второго ребенка тесно связано с восприятием его как фактора укрепления брака и высоким желанием супруга иметь второго ребенка (Ростовская и др., 2021). Научно-исследовательский коллектив кафедры общей психологии и психологии развития КемГУ представляет психологический анализ мотивов деторождения, группируя их на конструктивные и деструктивные. В рамках данной концепции конструктивными мотивами считаются исключительно психологические факторы, такие как желание иметь ребенка ради него самого или рождение ребенка от любимого человека. Эти мотивы способствуют высокой адаптивности женщины к беременности и зрелости супружеских отношений. В то же время социальные нормы и экономические выгоды интерпретируются как деструктивные мотивы, поскольку они могут указывать на зависимость репродуктивного поведения от внешних обстоятельств, а не от внутренней готовности (Морозова и др., 2014). Т.Б. Гудкова рассматривает мотивацию рождения детей через количественные показатели желаемого и ожидаемого числа детей, прослеживая динамику показателей на данных РПН-2012 и 2017 гг. Важным мотивом рождения второго ребенка является желание родителей избежать одиночества у старшего ребенка, что зачастую связано с личным опытом родителей, выросших в семьях

с единственными детьми. Дополнительно подчеркивается значимость передачи опыта заботы о младших братьях и сестрах (Гудкова, 2019). Ф.Б. Бурханова и Г.Р. Баймурзина исследуют влияние характера супружеских отношений на репродуктивные установки и мотивы. Авторы приходят к выводу, что в наиболее сплоченных и бесконфликтных семьях вероятность рождения ребенка в ближайшие годы выше, особенно при введении дополнительных мер поддержки. Среди наиболее значимых мотивов репродуктивного поведения авторы выделяют позицию второго супруга, выраженную в желании отложить или ускорить рождение ребенка любой очередности, а также повлиять на решение о его рождении (Бурханова & Баймурзина, 2022).

Подробный анализ различных мотивов рождения детей разной очередности позволяет делать не только научные выводы о ключевых драйверах рождаемости, но и оценивать эффективность, потенциал и перспективные направления демографической политики.

Материалы и методы

Эмпирической базой данного исследования стали результаты опроса «Жизненные стратегии семей с разным числом детей» (ЖСС-2024) (Антонов и др., 2024), проведенного в сентябре–ноябре 2024 г. в 40 субъектах Российской Федерации. Участниками опроса были супружеские пары, состоящие в зарегистрированном или незарегистрированном браке и имеющие хотя бы одного общего ребенка, при этом возраст жены варьировался от 40 до 60 лет. Всего было опрошено 472 супружеские пары (944 респондента), подавляющее большинство из которых состояло в зарегистрированном союзе (95,2 %). Распределение семей по количеству детей было близко к равномерному: 36,0 % семей имели одного ребенка, 36,1 % — двух детей, 27,9 % — трех и более детей. Такой баланс был предусмотрен дизайном исследования для обеспечения достаточной выборочной совокупности по каждому из типов семей.

Для изучения мотивационной сферы респондентов им предлагалось оценить по пятибалльной шкале серию утверждений, характеризующих различные мотивы рождения детей разной очередности. Критерием отбора для ответов на эти вопросы являлось имеющееся число детей, т. е. респонденты могли ретроспективно оценить свой репродуктивный опыт. Среди представленных утверждений были как сквозные мотивы, применимые к рождению ребенка любой очередности, так и уникальные, характерные исключительно для рождения второго или третьего ребенка (например, старший ребенок хотел братика или сестричку, желание родить ребенка другого пола и т. п.). Наряду с анализом ответов респондентов по отдельным мотивам, проводился обобщенный анализ по группам мотивов. Очевидно, что все мотивы по своей природе являются психологическими феноменами, однако следуя логике работы А.И. Антонова «Второй ребенок» были выделены три группы мотивов, соответствующих ориентации родителей на достижение психологических, социальных и экономических целей (Антонов & Медков, 1987, с. 89). Некоторые мотивы, использованные в анкете, нельзя однозначно отнести к одной из трех выделенных групп, поэтому они обозначены как «дополнительные».

Статистическая оценка значимости изменений степени важности мотивов проводилась при помощи многомерного дисперсионного анализа (MANOVA) для повторных измерений. Оценка значимости в целом получена на основании теста след Пиллая (Pillai's trace), который является наиболее устойчивым в случае неоднородности дисперсий и ковариаций. Попарные сравнения осуществлялись с поправкой на множественные сравнения по методу Бонферрони.

Результаты и обсуждение

Результаты исследования показывают, что мотивационная сфера респондентов в отношении рождения детей разной очередности достаточно неоднородна (табл.). Наиболее значимыми при рождении ребенка любой очередности (первого, второго или третьего) являются психологические мотивы, среди которых лидирующие позиции занимают смыслообразующий мотив и мотив рождения как продолжения, нового этапа благополучной семейной жизни. Иными словами, рождение ребенка позволяет родителям обрести новый смысл в жизни, но это происходит лишь в том случае, если семейная система к этому моменту находится в стабильном и благополучном состоянии. Действительно, рождение ребенка является одним из наиболее сильных стрессовых факторов как для индивида, так и для семьи в целом (Калугина, 2010) и становится более вероятным при благополучном состоянии семейной системы. Еще одним значимым мотивом рождения ребенка является желание иметь в семье малыша и заботиться о нем. Следует подчеркнуть, что все психологические мотивы имеют тенденцию к ослаблению в зависимости от порядка рождения ребенка, что в первую очередь связано с удовлетворением той потребности, которая лежит в основе данных мотивов. Наиболее ярко эта закономерность проявляется в отношении мотива продлить себя и свойства своего рода в будущее, который демонстрирует наибольшее снижение средней оценки значимости от первого до третьего ребенка (на 0,6 балла). При этом мотивы рождения ребенка ради укрепления семьи или как итог уже имеющейся благополучной и устойчивой семьи в наименьшей степени зависят от порядка рождения. Это может быть связано с тем, что они в большей степени носят семейный, а не индивидуальный характер. Среди психологических мотивов рождения вторых и третьих детей значимую роль играет убеждение, что детей лучше воспитывать в семье с несколькими детьми, а также желание супруга иметь еще одного ребенка.

Социальные мотивы играют существенно меньшую роль в сравнении с психологическими, среди них лидирующее положение занимает мотив, отражающий ценность невмешательства в репродуктивную историю семьи и отказ от ограничения числа детей в семье. Этот мотив носит достаточно универсальный характер и в отличие от других, его значимость не зависит от порядка рождения ребенка. Мотивы рождения ребенка ради соответствия ожиданиям родственников, соперничества по числу детей с друзьями и знакомыми, а также воспроизводства числа детей в родительской семье выражены почти в два раза слабее по сравнению с ведущими психологическими мотивами, а их значимость снижается по мере роста семьи.

Таблица

Оценка степени значимости мотивов для рождений детей разной очередности

Формулировка мотива	Средняя оценка значимости мотива при рождении …			Общее Pillai's trace (p-значение)	Попарные сравнения (p-значение)		
	Первый ребенок	Второй ребенок	Третий ребенок		1–2	1–3	2–3
Психологические мотивы							
Рождение ребенка наполняет жизнь смыслом	4,3	4,1	4,0	<0,001	0,001	<0,001	>0,05
Ребенок рожден как логичный итог благополучной семейной жизни	3,9	3,8	3,7	>0,05	>0,05	>0,05	>0,05
Хотелось иметь в семье маленького ребенка, заботиться о малыше	3,9	3,6	3,4	<0,001	>0,05	<0,001	<0,001
Желание посвятить себя заботе о семье, рождению и воспитанию детей	3,6	3,4	3,2	<0,001	>0,05	<0,001	0,001
Желание продлить себя и свойства своего рода в будущее	3,7	3,4	3,1	<0,001	<0,001	<0,001	0,004
Желание укрепить семью	3,1	2,9	2,8	>0,05	>0,05	>0,05	>0,05
Желание получить поддержку в старости, не останешься одиноким	2,6	2,6	2,4	0,003	>0,05	0,005	0,01
Детей лучше воспитывать в семье с несколькими детьми	—	3,5	3,3	<0,001	<0,001	—	—
Желание супруга иметь еще одного ребенка	—	3,4	3,2	0,005	0,005	—	—
Желание иметь ребенка другого пола	—	3,2	2,7	<0,001	<0,001	—	—
Старшие дети (старший ребенок) хотели братика или сестричку	—	2,7	2,5	>0,05	>0,05	—	—
Желание изменить стиль воспитания	—	1,9	1,9	>0,05	>0,05	—	—
Чтобы имеющийся ребенок не чувствовал себя одиноким	—	3,2	—	—	—	—	—
Чтобы не остаться бездетными	2,6	—	—	—	—	—	—
Социальные мотивы							
Мы не ограничиваем число детей в семье, их должно быть столько, сколько Бог даст	2,5	2,3	2,6	>0,05	>0,05	>0,05	>0,05
Рождение ребенка отвечало ожиданиям родственников	2,0	1,8	1,7	<0,001	0,001	<0,001	>0,05
У большинства друзей, знакомых не менее троих детей, нам не хотелось от них отставать	1,8	1,7	1,5	<0,001	>0,05	<0,001	<0,001

Окончание табл. на след. стр.

Окончание табл.

Формулировка мотива	Средняя оценка значимости мотива при рождении …			Общее Pillai's trace (p-значение)	Попарные сравнения (p-значение)		
	Первый ребенок	Второй ребенок	Третий ребенок		1–2	1–3	2–3
Для повышения уважения со стороны окружающих	1,6	1,6	1,5	>0,05	>0,05	>0,05	>0,05
У моих родителей или у родителей мужа (жены) было трое (или более) детей	—	2,3	1,9	<0,001	<0,001	—	—
Экономические мотивы							
Хотелось иметь помощников в домашнем хозяйстве	2,2	2,1	2,1	>0,05	>0,05	>0,05	>0,05
Семьи с детьми имеют значительную материальную помощь от государства	1,7	1,7	1,9	0,005	>0,05	0,03	0,005
Желание решить жилищные проблемы, используя государственную поддержку (например, «материнский (семейный) капитал», «льготная ипотека» и т. п.)	1,5	1,6	1,8	<0,001	0,003	<0,001	0,005
На третьего ребенка предоставляется ежемесячная денежная выплата в размере прожиточного минимума ребенка до достижения им возраста 3-х лет	—	—	1,8	—	—	—	—
Дополнительные мотивы							
Ребенок рожден благодаря наличию опыта в воспитании и взаимодействии с детьми	2,3	2,7	2,7	<0,001	<0,001	<0,001	>0,05
Ребенка иметь не собирались, но когда случилась беременность, решили не делать аборт	1,9	1,9	2,4	<0,001	>0,05	<0,001	<0,001
Хотелось, чтобы старшие дети приобрели опыт заботы о младших	—	2,8	2,8	>0,05	>0,05	—	—

Источник: рассчитано авторами по данным ЖСС-2024.

Экономические мотивы в целом являются наименее значимыми по сравнению с психологическими и социальными, что хорошо соответствует современному состоянию общественных отношений, при котором рождение ребенка приводит к ухудшению материального положения семьи и может негативно сказываться на занятости и уровне заработной платы женщины. Любопытно, что наиболее значимым среди всех экономических мотивов оказалось желание иметь помощников в домашнем хозяйстве, причем данный мотив не меняет своего значения в зависимости от порядка рождения ребенка. Мотивы, отражающие поддержку

со стороны государства, менее значимы, но они являются единственными среди всех групп мотивов, значимость которых увеличивается с ростом числа детей. Однако даже для третьего ребенка, с рождением которого семья получает статус многодетной, значимость мотивов государственной поддержки остается ниже всех психологических мотивов, что свидетельствует об ограниченной реализации потенциала, имеющегося в данном направлении.

В группе дополнительных мотивов, которые нельзя однозначно отнести ни к одной из трех категорий, выделяется мотив рождения ребенка благодаря наличию опыта воспитания детей. Это утверждение нельзя, строго говоря, отнести к мотивационной сфере, т. к. не отражает никакой потребности, но оно демонстрирует положительное влияние опыта взаимодействия с детьми на вероятность рождения ребенка.

Сравнение ответов мужчин и женщин показало, что для мужчин более значимыми являются социальные и экономические мотивы (повышение уважения со стороны окружающих, желание решить жилищные проблемы, желание укрепить семью). Среди психологических мотивов у мужчин чаще фигурируют те, что направлены на будущее, а не на самого ребенка (желание продлить себя и свойства своего рода в будущее). В то время как для женщин большее значение имеют сугубо психологические мотивы, направленные в первую очередь на ребенка или семью (желание иметь маленького ребенка, обретение смысла жизни через рождение ребенка, желание посвятить себя заботе о семье).

Для сквозных мотивов, присутствующих в мотивации рождения каждого из детей, были рассчитаны средние значения по совокупным группам (психологические, социальные и экономические) и проведено сравнение значимости в зависимости от порядка рождения ребенка (рис.).

Результаты статистической оценки изменения средних значений значимости групп мотивов, проведенной при помощи многомерного дисперсионного анализа, показали, что изменения являются статистически значимыми по каждой из групп мотивов (тест след Пиллая $p < 0{,}001$). Проведенная серия попарных сравнений выявила, что рождение каждого последующего ребенка сопряжено со снижением значимости психологических ($p < 0{,}001$ для каждой пары) и социальных

Рис. *Динамика значимости групп мотивов в зависимости от порядка рождения (источник: сост. авторами по ЖСС-2024)*

мотивов (значимость различий между важностью рождения первого и второго ребенка p_{12} = 0,012, второго и третьего p_{23} = 0,022). При этом значимость экономических мотивов растет, начиная с третьего ребенка (p_{12} = 0,122, p_{23} = 0,01). Таким образом, основной драйвер рождения ребенка — психологические мотивы, значимость которых практически в два раза выше, чем социальных и экономических, — ослабевает для детей более высоких порядков рождения. Подобный результат на фоне незначительного роста значимости экономических мотивов может приводить к общему снижению мотивации рождения вторых и третьих детей.

Превалирующая значимость психологических мотивов над социальными и экономическими была показана еще в работах конца прошлого века (Антонов & Медков, 1987; Кузьмин, 1984). Оценки, проводившиеся в указанных исследованиях, показали, что побудительная мощность психологических мотивов, измеренная как показатель среднего числа детей, которых необходимо иметь для реализации различных потребностей (обеспеченная старость, отсутствие чувства одиночества, получение уважения со стороны окружающих), свидетельствует о том, что психологические мотивы являются наиболее слабыми, иными словами, они «гарантируют» рождение наименьшего числа детей (Антонов & Медков, 1987, с. 94), что может быть вызвано тем, что многие из потребностей, отражаемых психологическими мотивами, могут быть удовлетворены рождением единственного ребенка.

Заключение

Результаты, представленные в данной работе, показывают, что наибольшее значение среди всех мотивов имеют сугубо психологические, поскольку именно они отражают удовлетворение индивидуальных потребностей личности (ребенок как смыслообразующий фактор жизни, стремление заботиться о маленьком ребенке), а социальные и экономические мотивы почти вдвое менее значимы. Это, с одной стороны, отражает кризис семейных ценностей и снижение социальной нормы рождения детей, с другой стороны, низкая значимость экономических мотивов соответствует общей закономерности снижения материального положения семьи после рождения детей. В то же время рост значимости экономических мотивов в контексте рождения третьего ребенка говорит о наличии положительного эффекта от проводимой демографической политики и обнаруживает потенциал расширения реализуемых мер поддержки в первую очередь семей с двумя и более детьми (Козлова и др., 2024), которые могут оказать положительное влияние на рост рождаемости, благодаря увеличению полноты реализации имеющейся у семьи потребности в детях.

Список источников

Антонов, А. И., Карпова, В. М., Ляликова, С. В., Синельников, А. Б., Денисова, А. В. (2024). *Жизненные стратегии семей с разным числом детей: от двух Я к семейному МЫ (ЖСС-2024). Аналитический отчет по результатам социологического исследования.* Москва: ИСЭПН ФНИСЦ РАН, 423.

Антонов, А. И., Медков, В. М. (1987). *Второй ребенок.* Москва: Издательство Мысль. 304.

Бурханова, Ф. Б., Баймурзина, Г. Р. (2022). Влияние супруга на репродуктивные установки и мотивы. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз, 15* (2), 190–204. https://doi.org/10.15838/esc.2022.2.80.12

Гудкова, Т. Б. (2019). Репродуктивные намерения россиян: мотивация и сдерживающие факторы. *Демографическое обозрение, 6* (4), 83–103. https://doi.org/10.17323/demreview.v6i4.10428

Калугина, Е. Л. (2010). Появление второго ребенка в семье как диадический стрессор и особенности супружеского совладания в этот период. *Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика, 3,* 157–163. EDN: NTUDFT

Козлова, О. А., Макарова, М. Н., Архангельский, В. Н. (2024). Методический подход к оценке факторного влияния на рождаемость в России. *Уровень жизни населения регионов России, 20* (1), 76–90. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_1_7_76_90

Кузьмин, А. И. (1984). Социально-экономические факторы и мотивы репродуктивного поведения семьи. В *Семья как объект социально-демографических исследований.* Свердловск: УНЦ АН СССР, 127.

Морозова, И. С., Белогай, К. Н., Борисенко, Ю. В., Отт, Т. О. (2014). Апробация опросника «Репродуктивные мотивы». *Вестник Кемеровского государственного университета,* (3-3), 140–145. EDN: REOUTQ

Ростовская, Т. к., Архангельский, В. Н., Кучмаева, О. В., Судьин, С. А. (2021). Факторы рождения второго ребенка в современной России (анализ социологического исследования). *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины, 29* (3), 430–436. https://doi.org/10.32687/0869-866X-2021-29-3-430-436

References

Antonov, A. I., Karpova, V. M., Lyalikova, S. V., Sinel'nikov, A. B., Denisova, A. V. (2024). *ZHiznennye strategii semej s raznym chislom detej: ot dvuh YA k semejnomu MY (ZHSS-2024) [Life strategies of families with different numbers of children: from two ME to a family WE (JSS-2024). Analytical report on the results of a sociological study].* Moscow: ISEPN FNISC RAS, 423. (In Russ.)

Antonov, A. I., Medkov, V. M. (1987). *Vtoroj rebenok [The Second Child].* Moscow: Mysl Publishing House, 304. (In Russ.)

Burkhanova, F. B., Baimurzina, G. R. (2022). Influence of the spouse on reproductive attitudes and motives. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 15* (2), 190–204. https://doi.org/10.15838/esc.2022.2.80.12 (In Russ.)

Gudkova, T. B. (2019). Fertility intentions in Russia: motivation and constraints. *Demograficheskoe obozrenie [Demographic Review], 6* (4), 83–103. https://doi.org/10.17323/demreview.v6i4.10428 (In Russ.)

Kalugina, E. L. (2010). The appearance of a second child in the family as a dyadic stressor and the characteristics of marital coping during this period. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psihologiya. Sociokinetika [Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics], 3,* 157–163. EDN: NTUDFT (In Russ.)

Kozlova, O. A., Makarova, M. N., Arkhangelsky, V. N. (2024). Methodological approach to assessing factor influence on fertility in Russia. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii [Living standards of the population of Russian regions], 20* (1), 76–90. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_1_7_76_90 (In Russ.)

Kuzmin, A. I. (1984). Socio-economic factors and motives of family reproductive behavior. In *Sem'ya kak ob"ekt social'no-demograficheskih issledovanij [The Family as an Object of Socio-Demographic Research]*. Sverdlovsk: UDC RAS USSR, 127. (In Russ.)

Morozova, I. S., Belogay, K. N., Borisenko, Yu. V., Ott, T. O. (2014). Testing of «reproductive motives» questionnaire. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Kemerovo State University], SibScript,* (3–3), 140–145. EDN: REOUTQ (In Russ.)

Rostovskaya, T. K., Arkhangelskiy, V. N., Kuchmaeva, O. V., Sudin, S. A. (2021). The factors of birth of second child in contemporary Russia: The analysis of sociological survey results. *Problemy social'noj gigieny, zdravoohraneniya i istorii mediciny [Problems Of Social Hygiene, Public Health And History Of Medicine], 29* (3), 430–436. https://doi.org/10.32687/0869-866X-2021-29-3-430-436 (In Russ.)

Карпова Вера Михайловна — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН; https://orcid.org/0000-0003-2560-6140 (Российская Федерация, 117218, г. Москва, Нахимовский пр-т, 32; e-mail: wmkarpova@yandex.ru).

Ляликова Софья Викторовна — научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН; https://orcid.org/0000-0002-9043-8158 (Российская Федерация, 117218, г. Москва, Нахимовский пр-т, 32; e-mail: lyalikova.sociology@yandex.ru).

Vera M. Karpova — PhD of Sociological Sciences, Leading Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population, Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences; https://orcid.org/0000-0003-2560-6140 (32 Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: wmkarpova@yandex.ru).

Sofia V. Lyalikova — Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population, Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences; https://orcid.org/0000-0002-9043-8158 (32 Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: lyalikova.sociology@yandex.ru).

УДК 314.04
JEL classification: J11, J18
https://www.doi.org/10.17059/udf-2025-3-5

Проблемы, прогнозы и перспективы демографического развития России[1]

А. Э. Крупко
Воронежский государственный университет, (г. Воронеж, Российская Федерация).
https://orcid.org/0000-0003-3141-5914
Автор для корреспонденции: А. Э. Крупко (glomer-a@mail.ru).

Аннотация. *Исходными данными работы являются показатели рождаемости, смертности и численности населения РФ за 2022 год. Предмет исследования — матричное и комбинированное моделирование населения. Цель исследования — раскрыть проблемы, сделать прогнозы и обосновать перспективы развития населения страны. В исследовании использовались статистический, литературный, системно-структурный, графические методы и методы прогнозирования. Матричная модель воспроизводства населения позволила рассчитать численность и структуру населения, число родившихся и умерших. С помощью модели роста рождаемости удалось определить необходимый ее уровень. Научный вклад заключается в разработке моделей воспроизводства населения, в выявлении и анализе взаимосвязей факторов моделирования. Выяснено, что по всем нашим моделям численность населения снижается, а регрессивность населения растет. Учитывая структуру фертильного населения, необходимо стимулирование рождений второго и всех последующих детей. Результаты исследования могут быть использованы органами власти при разработке программ демографического развития. Матричная модель воспроизводства населения имеет постоянные параметры, но ее можно применять и для переменных показателей в условиях экспертной оценки будущих изменений среды.*

Ключевые слова: Россия; население; прогноз; матричная модель

Problems, Forecasts and Prospects of Demographic Development of Russia

A. Krupko
Voronezh State University, (Voronezh, Russia).
https://orcid.org/0000-0003-3141-5914
Corresponding author: A. Krupko (glomer-a@mail.ru).

Abstract. *The initial data of the work are birth rate, mortality rate and population of the Russian Federation for 2022. The subject of the study is matrix and combined modelling of the population. The purpose of the study is to reveal the problems, make forecasts and justify the prospects for the development of the country's population. The study used statistical, literary, system-structural, graphical and forecasting methods. The matrix model of population reproduction made it possible to calculate the number and structure of the population, the number of births and deaths. The model of birth rate growth makes it possible to determine its necessary level. The scientific contribution lies in the development of models of population reproduction, in the identification and analysis of interrelationships of modelling factors. According to all our models, population size is decreasing and population regressivity is increasing. Taking into account the structure of fertile population it is necessary to stimulate births of the third and all subsequent children. The results of the study can be used by the authorities in the development of demographic development programmes. The matrix model of population reproduction has constant parameters, but it can be used for variable indicators in the conditions of expert assessment of future changes in the environment.*

Keywords: Russia; population; forecast; matrix model

[1] © Крупко А. Э. Текст. 2025.

Введение

Демографические процессы в современное время имеют исключительно большое значение. Если раньше рост населения считался угрозой развитию страны, то сейчас роль населения для развития стран и регионов становится всё более важной, что отчетливо видно на примере СВО. Например, мобилизация 18–25-летних мужчин в Украину почти ничего не даст, т. к. именно в этом возрасте в стране огромная демографическая «яма». Страны с большой численностью населения при прочих равных условиях имеют преимущество. Население — это не только нагрузка на природную среду, но и производительная сила. При этом в мире происходит ухудшение демографических процессов, особенно рождаемости. Большинство стран Европы, Америки и даже частично Азии перешли к суженному воспроизводству населения. Коэффициенты суммарной рождаемости с середины XX в. (1950 г.) упали более чем в 2 раза (с 4,97 детей на 1 женщину до 2,31 детей в 2023 г.). Скоро в мире в целом мы выйдем на уровень простого воспроизводства населения. По нашему мнению, это целенаправленное уничтожение потенциала развития стран и народов — «демографическое оружие».

Этим оружием явилась модель устойчивого развития, где считается, что рост населения является основной угрозой существованию человечества. Максимальное падение рождаемости в мире происходило именно в 1990-е гг., когда модель устойчивого развития усиленно внедрялась в большинстве стран. В ряде стран демографическая политика была прямо направлена на снижение рождаемости. Во многом это происходило из-за непонимания и отсутствия прогнозов демографического развития. С другой стороны, при постепенной глубинной деградации демографические показатели долго остаются внешне благоприятными. Так, в России активную демографическую политику надо было начинать еще в 1970-е гг., когда наблюдался прирост населения. Сейчас невысокая рождаемость населения для нашей страны с ее огромной территорией и ресурсами при низкой плотности жителей обуславливает угрозы существованию страны. При росте современных технологий в РФ остается много профессий простого труда, которые уже сейчас не обеспечиваются собственными трудовыми ресурсами. В перспективе численность населения может сильно упасть, что прямо угрожает безопасности страны. Для разработки программ демографического развития, оптимизации демографической политики нужно прогнозирование населения на основе различных методов и моделей для получения точной картины будущего. Особую роль, по нашему мнению, играют такие модели, которые отражают внутренний характер демографического развития. Именно такие модели мы разрабатывали в данной статье. Матричная модель воспроизводства населения России позволила рассчитать не только численность населения, родившихся и умерших за 20 лет, но и структуру населения на 2043 г. Отсюда можно рассчитать численность трудовых ресурсов и фертильный потенциал населения.

Цель исследования — раскрыть проблемы, сделать прогнозы и обосновать перспективы развития населения страны. Задачами исследования выступают анализ литературы, оценка факторов развития населения, а также само прогнозирование. Научная новизна заключается в авторском прогнозировании населения и интерпретации результатов прогнозов для использования их в демографической

практике. Теоретическое значение исследования состоит в разработке моделей воспроизводства населения, в выявлении и анализе взаимосвязей факторов моделирования. Результаты исследования могут быть использованы органами власти при разработке программ демографического и социально-экономического развития.

Обзор литературы

Прогнозирование демографических процессов имеет множество аспектов. Например, оценка оптимального демографического развития страны сделана в трудах В.В. Локосова (2020). Сценарии демографического развития показаны в трудах В.А. Ионцева (Ионцев & Субботин, 2018). Перспективы демографического развития России и особенности репродуктивного поведения мы видим у В.Н. Архангельского (2021). Влияние на процессы развития населения демографической политики раскрыто В.Г. Глушковой, Т. Е. Цыцаровой, Б.Ц. Урланисом, А.И. Антоновым, Г.П. Киселевым, В.А. Борисовым, А.Б. Синельниковым, Н.В. Зверевой, И.Н. Веселковым, В.В. Елизаровым, Л.Л. Рыбаковским, Т.А. Федотовской и многими другими (Андронова & Ланцова, 2022). Особое значение для реализации демографической политики имеет ее направленность тем изменениям демографических процессов, которые будут выявлены при прогнозировании (Архангельский и др., 2016). В настоящее время демографическая политика нуждается в коррекции.

Прогнозирование населения раскрывает и перспективы демографической безопасности страны. Среди множества работ, посвященных проблемам достижения демографической безопасности страны, можно отметить работы Л.Л. Рыбаковского, Л.П. Шахотько, Н.Н. Привалова, В.И. Ковалева и других (Овечкина & Шмарихина, 2018). Под демографической безопасностью мы понимаем совокупность воспроизводственных демографических процессов, которые в настоящее время и в будущем обеспечивают современную и перспективную численность населения и трудовых ресурсов, необходимых для полноценного выполнения всех социально-экономических функций территории. Особое значение имеет собственно прогнозирование населения, которое уже давно осуществляется многими учеными (Архангельский и др., 2017). Методологические вопросы прогнозирования населения наиболее полно были представлены у Л.Л. Рыбаковского (1978). Прогнозированию развития населения посвящены работы Л.Л. Рыбаковского, Б.Ц. Урланиса, А.Г. Вишневского, С.Г. Кузнецова, В.Н. Архангельского, Е.М. Щербаковой, В.А. Козлова, Е.Л. Сороко и других (Кашепов, 2023).

В данной статье мы использовали собственный опыт прогнозирования населения на основе матричной модели, а также авторской комбинированной модели воспроизводства населения на основе роста рождаемости в многодетных семьях (Крупко, 2024).

Матричная модель раскрывает структуру населения в прогнозный период времени, а комбинированная модель показывает необходимый уровень воспроизводства населения для отдельных групп населения. По сути, обе модели могут быть абстрактными идеальными моделями с заданными параметрами воспроизводства населения.

Материалы и методы

В исследовании использовались статистический, литературный, системно-структурный, графические методы и методы прогнозирования. Статистической основой работы являлась информация сборников Федеральной службы государственной статистики («Демографический ежегодник России»).

Результаты

Многие виды прогнозов не показывают остроту и сложность демографических процессов. Мы составили прогноз численности населения РФ по динамике населения за 2022 г. (рис. 1).

Перспективная численность населения при современной динамике населения по данному прогнозу не будет резко сокращаться, как это и было всё постсоветское время, но потенциал воспроизводства собственного населения будет падать. Миграция в значительной степени покрывала естественную убыль населения (рис. 2).

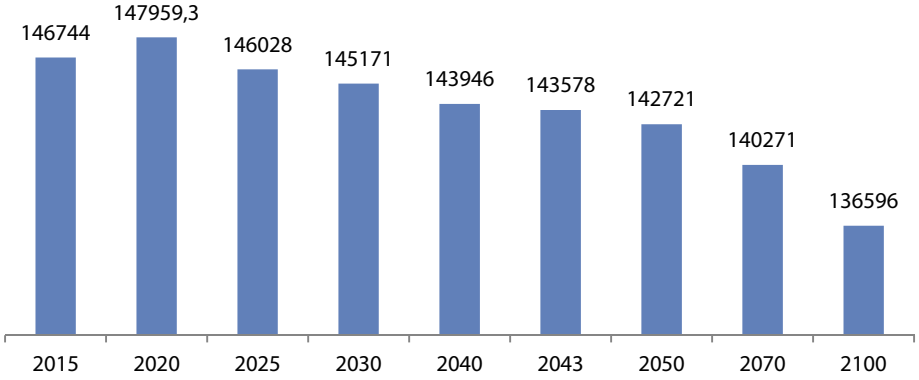

Рис. 1. *Прогноз численности населения РФ по динамике населения (источник: сост. автором)*

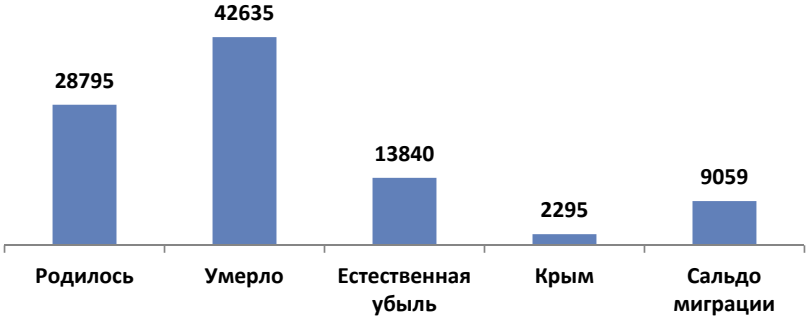

Рис. 2. *Показатели воспроизводства населения РФ в 1992–2024 гг., тыс. чел. (источник: сост. автором)*

Смертность населения РФ в 1,5 раза выше рождаемости. Надо отметить, что у мигрантов за это время родилось 2–3 млн детей. В отдельных регионах страны смертность населения была в 2 раза больше численности рожденных детей. Особенно сложная демографическая ситуация наблюдается в регионах Европейского Центра. Именно эти субъекты федерации являются историческим ядром России, центром русской культуры. В глубинке Рязанской, Смоленской и Псковской областей уже происходит полная демографическая катастрофа. То есть за счет собственного потенциала в большинстве муниципальных районах и округах этих и многих других регионах при любой демографической политике значительно повысить рождаемость и сохранить население невозможно. Смертность в некоторых МО в 5–6 раз выше рождаемости. В основном в таких регионах более благоприятна ситуация в областных центрах, которые вытягивают на себя молодое население глубинки.

Для оценки перспективного состояния собственного населения России (без учета мигрантов) мы составили матричную модель воспроизводства населения.

Эта модель позволяет вычислить (на основе современного состояния населения) величину и структуру населения в перспективное время. Матрица определяется режимом воспроизводства населения. Необходимо рассчитать и использовать соответствующие однолетние или многолетние коэффициенты фертильности женского населения и дожития всего населения $P_0, P_1, \ldots P_\varpi$ и коэффициентами $\Phi_0, \Phi_1, \ldots, \Phi_\varpi$ (1):

$$\pi = \begin{bmatrix} \Phi_0 & P_0 & \ldots & 0 \\ \Phi_1 & 0 & P_1 & 0 \\ \ldots & \ldots & \ldots & \ldots \\ \Phi & 0 & \ldots & P_\varpi \end{bmatrix} \qquad (1)$$

Произведение матрицы π и вектор-строки численности населения по однолетним или другим интервалам (2):

$$\sigma_t = (S_0, S_1, \ldots, S_\varpi), \qquad (2)$$

даст необходимый результат (3):

$$\sigma_{t+1} = \sigma_t \cdot P\,(S_0\Phi_0 + S_1\Phi_1, + \ldots S_\varpi\Phi_\varpi; S_0P_0; S_1P_1; S_\varpi P_\varpi;). \qquad (3)$$

Исходные данные модели содержат показатели рождаемости и смертности только по пятилетним интервалам. Учитывая это, мы рассчитали средние показатели по всем интервалам. Затем на 20-летний период мы рассчитали показатели матричной модели воспроизводства населения России до 2043 г. Особенности статистических показателей (по пятилетним интервалам) обусловили расчет суммарных показателей дожития и фертильности. Показатели дожития получили как произведение показателей дожития по пятилетним возрастным группам населения. Надо отметить, что матричная модель воспроизводства населения наиболее адекватна именно для однолетних групп населения с их показателями фертильности и дожития. Тогда последовательно (год за годом) получаем исключительно точную численность и структуру населения.

Важно, что миграция населения в данной модели не учитывается, но такой параметр необходимой миграции можно заложить. Показатели фертильности

и смертности (дожития) остаются для возрастных групп неизменными для всего периода прогноза. В данной модели суммарный коэффициент воспроизводства населения составил 1463,4 детей на 1000 женщин как сумма специальных коэффициентов за 2022 г. — 158 детей для всех женщин в возрасте с 15 до 19 лет, 328,5 — 20–24 года , 450,5 — 25–29 лет, 326,5 — 30–34 года, 150,4 — 35–39 лет, 46,5 — 40–44 года и 3 ребенка на 1000 женщин для 45–49 лет. Для моделирования используем средний для пятилетних групп показатель дожития каждой возрастной группы, т. к. и население дается по пятилетним интервалам. Для этого сначала рассчитываем показатели дожития начального возраста каждого возрастного интервала (рис. 3).

Например, смертность детей в возрасте (0 лет) составляет 4,4 ‰, в возрасте 1–4 года — 0,3 ‰, для 5–9 лет — 0,2 ‰, 10–14 лет — 0,2 ‰ и 15–19 лет — 0,6 ‰. Отсюда годовые показатели дожития (0 лет) составляют 0,9956, в возрасте 1–4 — 0,9997, для 5–9 лет — 0,9998, 10–14 лет — 0,9998 и 15–19 лет — 0,9994. Показатель дожития для детей возраста 0 лет в 2023 г. находится за 20 лет (к 2043 г.) как произведение всех показателей дожития (0,9956, 0,9997, 0,9997, 0,9997, 0,9997, 0,9998, 0,9998, 0,9998, 0,9998, 0,9998, 0,9998, 0,9998, 0,9998, 0,9998, 0,9998, 0,9994, 0,9994,, 0,9994, 0,9994, 0,9994) — 0,989. Отсюда показатель дожития населения за 20 лет для начала каждого возрастного интервала составит: 0–4 лет — 0,989, 5–9 лет — 0,988, 10–14 лет — 0,981, 15–19лет — 0,970, 20–24 лет — 0,955, 25–29 лет — 0,931, 30–34 лет — 0,911, 35–39 лет — 0,883, 40–44 года — 0,846, 45–49 дет — 0,796, 50–54 года — 0,728, 55–59 лет — 0,634, 60–64 года — 0,52, 65–69 лет — 0,35, 70–74 года — 0,142, 75–79 лет — 0,061, 80–84 года — 0,028, 85–89 лет — 0,016, 90–94 года — 0. Для групп

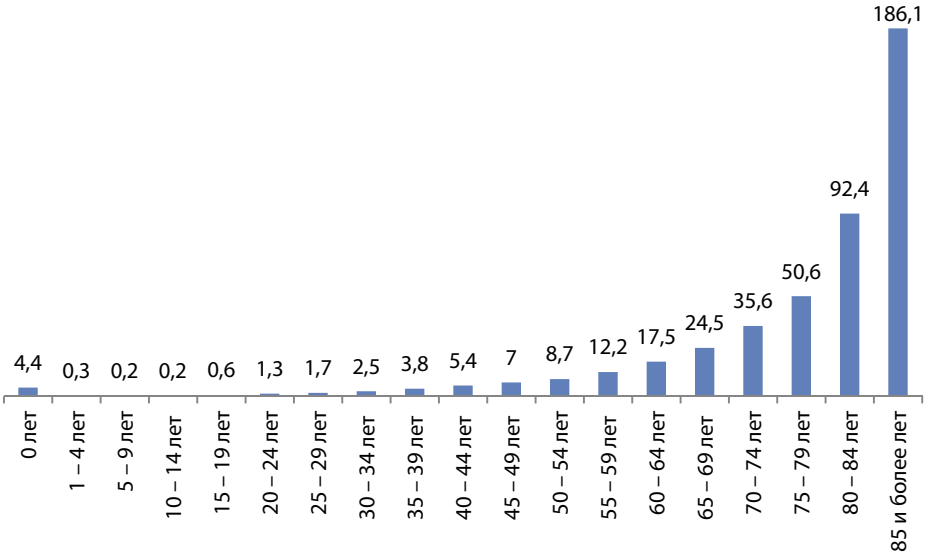

Рис. 3. *Возрастная смертность населения России в 2022 г., ‰ (источник: Демографический ежегодник России. 2023 Федеральная служба государственной статистики. https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207(дата обращения: 14.01.2025))*

старше 80 лет прогноз на основе показателя средней смертности для населения возраста свыше 85 лет будет значительно завышен, т. к. после 90 лет наблюдается резкий рост смертности. При этом показатели смертности и дожития не показаны по отдельным группам населения старше 85 лет. Можно было рассчитать показатель дожития сравнительным образом, но тогда нарушается чистота модели за счет миграционного оттока и притока населения этого возраста. Надо отметить, в этом возрасте показатели смертности наиболее высокие, а доля их небольшая. Несмотря на то, что за период 1990–2021 гг. количество долгожителей в нашей стране существенно выросло (в 2022 г. — 765697 чел., а в 1990 г. — 209109 чел.), их удельный вес в численности населения достиг лишь 0,53 % (в 1990 г. — 0,14 %) (Горошко & Пацала, 2023). В 2023 г. численность населения сократилась до 598,3 тыс. чел. В возрасте свыше 100 лет находится около 10 тыс. чел.

Для модели используем средние показатели дожития для каждой группы. Для настоящего и перспективного фертильного населения определим долю женщин. Как обычно, до возраста 30–34 года включительно эта доля меньше доли мужского населения (0,485 для девочек в возрасте 0–4 года). Показатели фертильности для групп женского населения рассчитываются как сумма показателей рождаемости за каждый год. Возрастные коэффициенты отображены на рисунке 4.

Отсюда найдем фертильность для возраста (0 лет) за 20 лет — 157,5 ‰ до 19 лет — 65,7 ‰ и в 20 лет — 224 ‰. Для возраста 4 года этот показатель составит 157,5+0,3285 ‰, или 0,486 ‰. Средний показатель для 0–4 года равен за 20 лет 355 ‰. Аналогично рассчитаны и все остальные показатели фертильности (табл. 1).

В результате моделирования получим следующее: общая численность населения России в 2043 г. (начало года) по расчетам уменьшится до 129128 тыс. чел. Родилось по нашей модели за 2023–2042 гг. 25002 тыс. детей (без учета дожития женщин в фертильном возрасте, который для женщин основных возрастов рождений высокий, поэтому погрешность составит около 100–150 тыс. чел). Родится от детей 2023 г. и более позднего возраста рождения 518 тыс. детей.

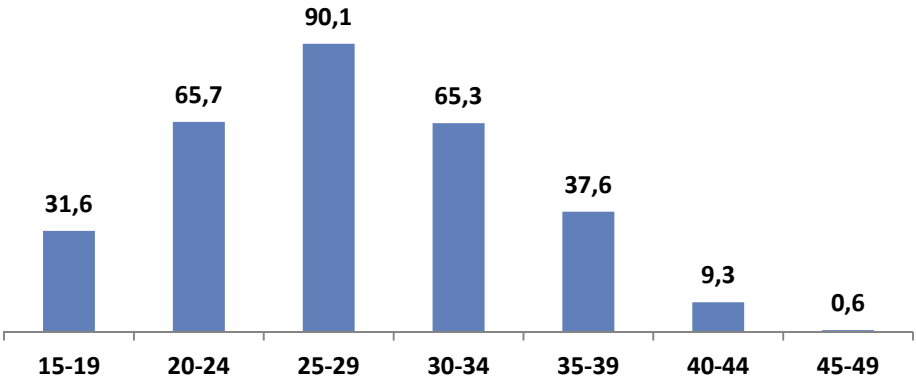

Рис. 4. *Возрастные коэффициенты рождаемости в РФ за 2022 г., ‰ (источник: Демографический ежегодник России. 2023 Федеральная служба государственной статистики. https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207 (дата обращения: 14.01.2025))*

Таблица 1

Матричная модель воспроизводства населения РФ за 2023–2042 гг.

0–4	0,485×0,355	0,9885	0	…	0	7195305
5–9	0,486×0,757	0,9845	0	…	0	9373269
10–14	0,486×1,133	0,9755	0	…	0	8972214
15–19	0,486×1,357	0,9625	0	…	0	7662690
20–24	0,483×1,143	0,9430	0	…	0	7291816
25–29	0,494×0,795	0,9210	0	…	0	7547556
30–34	0.504×0,396	0,8970	0	…	0	11034920
35–39	0,508×0,144	0,8645	0	…	0	12845231
40–44	0,516×0,031	0,8210	0	…	0	11464432
45–49	0,525×0,0015	0,7620	0	…	0	10281732
50–54	—	0,6810	0	…	0	9311007
55–59	—	0,5770	0	…	0	8987811
60–64	—	0,4350	0	…	0	10369371
65–69	—	0,2460	0	…	0	8957662
70–74	—	0,1015	0	…	0	6901324
75–79	—	0,0470	0	…	0	3156124
80–84	—	0,0270	0	…	0	2996011
85–89	—	0,0105	0	…	0	1500649
90 и старше	—	0	0	…	0	598300

Источник: сост. автором.

Смертность составит 42715 тыс. чел, не считая смертности для родившихся за 20 прогнозных лет детей. В результате мы получим следующую возрастную структуру населения для 2023 г. (рис. 5).

Показатель, который мы получили за счет моделирования на основе естественной убыли населения (за 2022 г.) в 2043 г. равен 134,6 млн чел., что на 5,5 млн чел больше, чем показано в матричной модели.

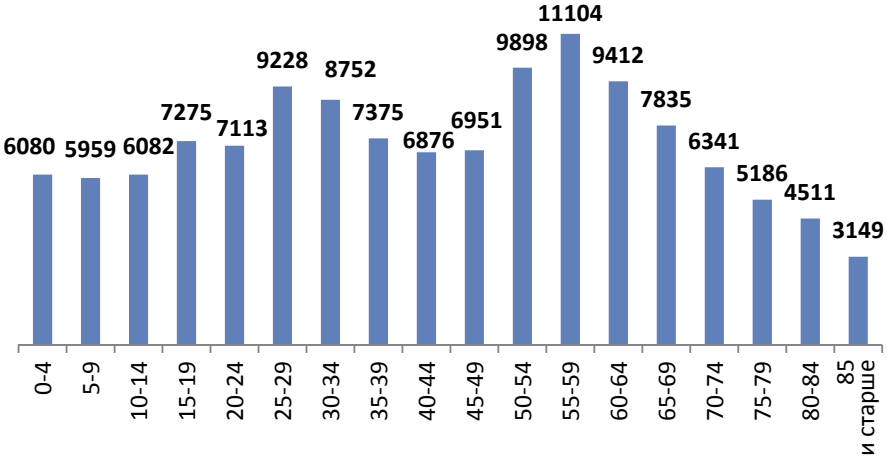

Рис. 5. *Прогнозная численность населения России в 2043 г., тыс. чел. (источник: сост. автором)*

Таблица 2

Прогноз численности населения России с учетом повышения рождаемости в многодетных семьях, млн чел.

Количество детей в семье	Год								
	2025	2030	2040	2050	2060	2070	2080	2090	2100
Базовый	146	142	136	130	125	119	113	107	101
4 ребенка	146	143	137	132	127	122	118	114	111
5 детей	146	143	138	134	131	128	127	127	129
6 детей	146	143	139	136	134	134	136	141	150
7 детей	146	143	140	138	138	140	146	157	175
8 детей	146	143	141	140	141	146	157	175	204

Источник: сост. автором.

Следующий прогноз связан с повышением рождаемости в многодетных семьях. Для оценки будущего развития населения мы использовали комбинированный прогноз населения России до 2100 г. Растет доля и численности многодетных семей в стране и в ее регионах (во многом за счет мигрантов). При этом действует и противоположная тенденция — рост доли одиночек и удельного веса семей без детей (как правило, русских). Численность многодетных семей в РФ достигла 2256,7 тыс. единиц в 2023 г. и 2646 тыс. единиц в 2025 г., детей в них соответственно — 7413,6 тыс. детей в 2023 г. и 8,69 млн детей в 2025 г. В среднем на одну многолетнюю семью приходится 3,28 ребенка.

Мы составили модели демографического развития России, предполагая рост численности детей в многодетных семьях (без учета роста многодетных семей за счет миграции), беря за основу 8,69 млн детей современных многодетных семей в 2025 г. Методика моделирования раскрыта в работе «Тенденции, прогнозы и перспективы демографического развития Воронежской области» (Крупко, 2024). На основе моделирования получим прогнозы численности жителей России на 2030–2100 гг. (табл. 2).

Обсуждение

Прогнозы показывают, что рождаемость до 4 детей (близкая к базовому варианту — 3,28 ребенка в многодетных семьях) не позволит решить проблемы демографической безопасности страны. До конца XXI столетия население страны так же, как и при базовом варианте, будет сокращаться, но чуть более низкими темпами. При рождении 5 детей в многодетных семьях получится избежать большего падения населения, но рост численности жителей начнется только с 2090 г. Рождаемость 6–8 детей у многодетных практически обеспечит сохранение населения. При этом только через цикл (с рождаемостью 6–8 детей) будет восстановлена нормальная структура населения (высокая доля молодых) и начнется рост населения, а в 2090-е гг. произойдет демографический взрыв.

Ко всему прочему, в русских регионах страны, где демографическая ситуация хуже, а возрастная структура населения более регрессивная, даже при росте рождаемости в многодетных семьях до 7–8 детей население, например, в Воронежской области (типовой регион центра России) будет уменьшаться до 2080 г. Только при нереально высокой рождаемости в 10 детей в каждой многодетной семье

население может почти сохраниться (минимальный уровень будет 1832 тыс. чел. в 2070 г.), после будет демографический взрыв (Крупко, 2024).

В современным цикле рождаемости основным трендом является ее падение, что неизбежно приведет к демографической катастрофе. Главной угрозой демографической безопасности страны является репродуктивное поведение российской молодежи в возрасте 20–29 лет, которая не хочет рожать детей и образовывать семьи (Рыбаковский & Кожевникова, 2018). Рождаемость в стране в последние годы поддерживали женщины 30 лет и старше. Наибольшая абсолютная рождаемость наблюдалась в 2022 г. в фертильном возрасте 30–34 года (377264 детей), а в возрасте 25–29 лет рождено лишь 346299 детей. Рождаемость у женщин в 35–39 лет (243465 детей) также выше рождаемости молодых женщин в возрасте 20–24 года — 229082 детей. В 2022 г. в РФ на население до 25 лет по возрасту жениха приходилось лишь 17,8 % браков, в 1990 г. соответственно 53,5 %. браков. Сейчас формируется крайне негативный цикл воспроизводства населения, поэтому если не переломить ситуацию, то демографическая катастрофа будет неизбежной. Рождаемость в следующем поколении в стране упадет до 4–6 ‰, что уже сейчас наблюдается в отдельных субъектах и во многих муниципальных районах страны.

Заключение

Матричная модель, которая позволяет дать адекватный прогноз населения при сохранении современных параметров воспроизводства населения, может широко использоваться и для комбинированного прогнозирования. На основе экспертной оценки будущих показателей фертильности и дожития можно получить достаточно точный прогноз развития населения. Также она может стать идеальной абстрактной моделью на основе разработки параметров воспроизводства для достижения необходимой в будущем численности населения. Надо отметить, что возможности для роста населения при анализе этой модели существуют. Во-первых, четко видна избыточная смертность населения, особенно после 40 лет. Во-вторых, слишком низкая фертильность (число рождений детей на тысячу женщин (15–49 лет) достигло в 2022 г. всего 33,4 ребенка). Это означает, что лишь одна из тридцати женщин фертильного возраста родила в 2022 г. Абстрактная модель, которую мы составили на основе роста рождаемости у многодетного населения, тоже может широко использоваться для моделирования возможной численности населения. Дифференциация репродуктивного поведения у населения требует оценить возможности увеличения рождаемости определенной части населения, что можно сделать по этой модели.

Прогнозы показывают сложность сохранения демографического потенциала коренного населения России. По всем нашим моделям без притока мигрантов численность населения будет падать, а регрессивность населения расти. При росте возможной многодетности до 5–6 детей у современных и у перспективных (30–35 % всего фертильного населения) многодетных семей численность населения будет снижаться практически полный демографический цикл. В некоторых регионах Центра России даже при рождении 3 детей у всего фертильного населения численность населения будет в среднесрочной перспективе сокращаться. Только позже пойдет рост.

По нашему мнению, учитывая структуру фертильного населения, в настоящее время нужна полноценная поддержка многодетности. Необходимо значительное стимулирование рождений первого ребенка (до 25 лет возраста мамы), всех вторых, третьих и последующих детей в ближайшие десять лет.

В целом демографические проблемы исключительно остры, но решить их возможно при оптимальной демографической политике, в которой в качестве обоснования будут использованы результаты адекватного прогнозирования населения.

Список источников

Андронова, Л. Н., Ланцова, Н. М. (2022). Демографические тенденции и государственная демографическая политика: Россия и зарубежный опыт. *Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, 20,* 320–341. http://doi.org/10.47711/2076-318-2022-266-285

Архангельский, В. Н. (2021). Детерминация репродуктивного поведения: методологические вопросы исследования и учет в демографической политике. В *Парадигмы и модели демографического развития: сборник статей XII Уральского демографического форума: в 2-х томах. Том I* (с. 179–195). Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН. http://doi.org/10.17059/udf-2021-2-1

Архангельский, В. Н., Данилова, И. А., Дмитриев, Р. В., Хасанова, Р. Р. (2017). Перспективы демографического развития России до середины века. *Народонаселение, 3* (77), 24–36.

Архангельский, В. Н., Иванова А. Е., Рыбаковский Л. Л. (2016). *Результативность демографической политики России.* Москва: Изд-во «Экон-Информ», 307.

Горошко, Н. В., Пацала, С. В. (2023). Долгожители в демографической структуре населения России. *Социально-трудовые исследования, 1* (50), 131–144. http://doi.org/10.34022/2658-3712-2022-50-1-131-144

Ионцев, В. А., Субботин, А. А. (2018). Современные сценарии демографического будущего мира (на примере России и Германии). *Балтийский регион, 3* (10), 4–18. http://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-3-1

Кашепов, А. В. (2023). Прогнозы численности населения России. ДЕМИС: *Демографические исследования, 2* (3), 10–27. http://doi.org/10.19181/demis.2023.3.2.1

Крупко, А. Э. (2024). Тенденции, прогнозы и перспективы демографического развития Воронежской области. *Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия. География. Геология, 3* (76), 14–27. EDN: JDXGRT

Локосов, В. В. (2020). Демографическое развитие России: динамика и социально-экономические риски. *Вестник Российской академии наук, 3* (90), 251–258. http://doi.org/10.31857/S086958732003010X

Рыбаковский, Л. Л. (1978). *Методологические вопросы прогнозирования населения.* Москва: Статистика, 208.

Рыбаковский, Л. Л., Кожевникова, Н. И. (2018). Депопуляция в России, ее этапы и их особенности. *Народонаселение, 21* (2), 13. http://doi.org/10.26653/1561-7785-2018-21-2-014 EDN: XWETJJ

Reference

Andronova, L. N., Lantsova, N. M. (2022). Demographic trends and state demographic policy: Russia and foreign experience. *Nauchny`e trudy`: Institut narodnoxozyajstvennogo prognozirovaniya*

RAN [Scientific papers: Institute of National Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences], 20, 320–341. http://doi.org/10.47711/2076-318-2022-266-285 (In Russ.)

Arkhangelsky, V. N., Ivanova A. E., Rybakovsky L. L. (2016). *Rezultativnost demograficheskoi politiki Rossii [Effectiveness of Russia's demographic policy]*. Moscow: Ekon-Inform Publishing House, 307. (In Russ.)

Arkhangelsky, V. N. (2021). Determination of reproductive behavior: methodological issues of research and accounting in demographic policy. In *Paradigmy i modeli demograficheskogo razvitiia: sbornik statei XII Uralskogo demograficheskogo foruma: v 2-kh tomakh. Tom I. [Paradigms and models of demographic development: collection of articles of the XII Ural Demographic Forum: in 2 volumes. Vol. I]* (p. 179–195). Yekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. http://doi.org/10.17059/udf-2021-2-1 (In Russ.)

Arkhanelsky, V. N., Danilova, I. A., Dmitriev, R. V., Khasanova, R. R. (2017). Prospects of Russia's demographic development until the middle of the century. *Narodonaselenie [Population], 3* (77), 24–36. (In Russ.)

Goroshko, N. V., Patsala, S. V. (2023). Centenarians in the demographic structure of the russian population. *Social & Labor Studies, 1* (50), 131–144. http://doi.org/10.34022/2658-3712-2022-50-1-131-144 (In Russ.)

Iontsev, V. A., Subbotin, A. A. (2018). Current scenarios for the demographic future of the world: the cases of Russia and Germany. *Baltic Region, 3* (10), 4–18. http://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-3-1 (In Russ.)

Lokosov, V. V. (2020). Demographic development of Russia: dynamics and socio-economic risks. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences, 3* (90), 251–258. http://doi.org/10.31857/S086958732003010X (In Russ.)

Kashepov, A. V. (2023). Population Forecasts of Russia. *DEMIS: Demographic Research, 2* (3), 10–27. http://doi.org/10.19181/demis.2023.3.2.1 (In Russ.)

Krupko, A. E. (2024). Trends, forecasts and prospects of demographic development of the Voronezh region. *Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Series. Geography. Geology, 3* (76), 14–27. EDN: JDXGRT (In Russ.)

Rybakovsky, L. L., Kozhevnikova N. I. (2018). Depopulation in Russia, its stages and their features. *Population, 21* (2), 13. http://doi.org/10.26653/1561-7785-2018-21-2-014 EDN: XWETJJ

Rybakovsky, L. L. (1978). *Methodological issues of population forecasting.* Moscow: Statistics, 208. (In Russ.)

Крупко Анатолий Эмануилович — кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры социально-экономической географии и регионоведения, Воронежский государственный университет; https://orcid.org/0000-0003-3141-5914 (Российская Федерация, 394068, Россия, г. Воронеж, ул. Хользунова, 40; e-mail: glomer-a@mail.ru).

Anatoly E. Krupko — Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Socio-Economic Geography and Regional Studies, Voronezh State University; https://orcid.org/0000-0003-3141-5914 (Russian Federation, 394068, Russia, Voronezh, Kholzlovnova str., 40; e-mail: glomer-a@mail.ru).

УДК 314.12
JEL classification: J13, J18
https://www.doi.org/10.17059/udf-2025-3-6

Информационная и психологическая помощь в подготовке к рождению ребенка как инструмент пронаталистской политики[1]

И. А. Кулькова

Институт экономики УрО РАН (г. Екатеринбург, Российская Федерация).

https://orcid.org/0000-0003-1975-0875

Автор для корреспонденции: И. А. Кулькова (i.a.koulkova@mail.ru).

Аннотация. *В статье представлены результаты авторского анализа информации в сети Интернет, направленной на подготовку к становлению родителями. Анализ проведен методом контент-анализа выдачи по запросам с целью определения достаточности и тематики информации для помощи потенциальным родителям. Библиометрический анализ публикаций в научной базе eLibrary показал недостаточность научных публикаций по данной тематике. Контент-анализ подтвердил нашу гипотезу о недостаточности информации для психологической подготовки к рождению ребенка в сети Интернет, поскольку имеющаяся информация направлена в основном на помощь в организации бытовых аспектов (список покупок, обустройство помещения, изменения в семейном бюджете, оформление документов и другие бытовые аспекты). Сделан вывод о необходимости совершенствования информационной составляющей пронаталистской политики.*

Ключевые *слова: психологическая подготовка к рождению ребенка; помощь в подготовке к рождению ребенка; пронаталистская политика; контент-анализ*

Information and psychological assistance in preparation for having a baby as a pronatalist policy instrument

I. Kulkova

Institute of Economics of the Ural Branch of RAS (Ekaterinburg, Russian Federation).

https://orcid.org/0000-0003-1975-0875

Corresponding author: I. Kulkova (i.a.koulkova@mail.ru).

Abstract. *The article presents the results of the author's analysis of information on the Internet aimed at preparing for becoming parents. The analysis was conducted using the content analysis method in order to determine the sufficiency and subject matter of information to help potential parents. Bibliometric publications' analysis in the scientific database eLibrary showed the insufficiency of scientific publications on this topic. Content analysis confirmed our hypothesis about the insufficiency of information for psychological preparation for the childbirth on the Internet, since the available information is aimed mainly at helping to organize everyday aspects (shopping list, furnishing the premises, changes in the family budget, paperwork and other everyday aspects). A conclusion is made about the need to improve the information component of the pronatalist policy.*

Keywords: psychological preparation for childbirth; assistance in preparing for childbirth; pronatalist policy; content analysis

Введение

Повышение рождаемости в России имеет стратегическое значение для обеспечения устойчивого развития страны и сохранения ее культурного и демографического потенциала. Это важный фактор для поддержания численности трудоспособного населения, что напрямую влияет на экономику, социальную сферу и национальную

[1] © Кулькова И. А. Текст. 2025.

безопасность. Рост числа детей способствует укреплению семейных ценностей, улучшению качества жизни граждан и созданию благоприятных условий для воспитания новых поколений. Кроме того, увеличение численности молодых людей помогает снизить нагрузку на пенсионную систему и поддерживать высокие темпы экономического роста. В условиях глобальных вызовов и конкуренции между странами повышение рождаемости становится ключевым элементом государственной политики, направленной на обеспечение будущего процветания России.

При этом, несмотря на объявление в России Года семьи, повышенное внимание к данном вопросу всех уровней власти и включение суммарного коэффициента рождаемости в ключевые показатели эффективности деятельности губернаторов, в 2024 г. (за 11 месяцев с января по ноябрь) рождаемость снизилась по сравнению с прошлым 2023 г. на 2,9 % и составила 8,5 рождений на тысячу человек населения, суммарный коэффициент рождаемости опустился до 1,41 рождений на 1 женщину фертильного возраста. Основными причинами сокращения рождаемости ВЦИОМ называет неуверенность населения в завтрашнем дне и материальные проблемы, в частности «рождаемость вторых детей в российских семьях падает из-за переноса выплат основной части материнского капитала со второго на первого ребенка»[1]. Однако эти причины являются внешними факторами, наряду с наличием жилья, пособиями и другими стимулирующими мерами.

Считаем, что не менее важно изучение внутренних факторов — готовности родить ребенка. Так, проведенный нами в 2020 г. социологический опрос (исследование охватило все федеральные округа Российской Федерации; в общей сложности были опрошены 831 женщина в возрасте от 15 до 49 лет; выборка формировалась методом квотирования по трем основным демографическим факторам, влияющим на репродуктивное поведение: возрасту, месту жительства и уровню дохода) показал, что психологическая готовность к появлению ребенка сильно влияет на решение родить ребенка у 69,4 % опрошенных, и еще 21,1 % отметили среднее влияние, и только 9,2 % отметили слабое влияние или его отсутствие (Кулькова, 2021). Психологическая готовность не является врожденным свойством, она формируется в социуме (семье, учебных заведениях, в рабочем коллективе, в социальных сетях в Интернете и т. д.).

Для разработки и реализации демографической политики необходимо на старте проанализировать состояние дел, поэтому целью настоящего исследования является анализ предлагаемой в сети Интернет информационной и психологической помощи в подготовке к рождению ребенка для прогнозирования ее возможного влияния на репродуктивное поведение населения. Была выдвинута гипотеза о недостаточности информации, способной помочь потенциальным родителям сформировать психологическую готовность к рождению ребенка.

Обзор литературы

Теоретическим базисом исследования является концепция репродуктивного поведения, которая начала развиваться во второй половине XX в., первоначальные идеи о влиянии установок о количестве детей на уровень рождаемости

[1] Во ВЦИОМ назвали причину падения рождаемости вторых детей. РИА Новости. 18.12.2024. https://ria.ru/20241218/rozhdaemost-1989875567.html?ysclid=m6yyzcd7i182747800 (дата обращения: 10.02.2025).

были предложены Р. Холлом, Дж. Стикосом и К. Бэком (Hill et al., 1959), а также Р. Фридменом, который акцентировал внимание на социально-психологических аспектах рождаемости (Freedman, 1961).

В России вопросы психологической готовности к рождению детей являются недостаточно изученными. Для подтверждения этого нами был проведен библиометрический анализ публикаций в базе данных eLibrary — крупнейшей российской базе научных публикаций. По запросу «подготовка к рождению ребенка» было первоначально выявлено более 350 публикаций. Все они были изучены и из пула анализируемых публикаций были удалены отчеты о проведении конференций, свидетельства и патенты на IT программы, а также публикации на иностранном языке (таджикском, киргизском и т. п.) без перевода даже заголовков статей, поскольку не представлялось возможности их проанализировать. В результате в выборке осталось 258 статей. Однако большинство из них были по вопросам медицинской помощи в родах, прегравидарной подготовке к беременности, подготовке медиков к решению проблем, которые могут возникнуть и / или возникали в процессе родов, осложненных различными заболеваниями родителей, применения различных препаратов для сохранения беременности и т. п. Таких статей было выявлено 157 (рис. 1), было принято решение об исключении их из дальнейшего анализа. Кроме того, были удалены и 9 статей по физкультуре и спорту, поскольку все они рассматривали только организацию тренировок спортсменок после родов. Таким образом, в базе публикаций для детального изучения осталось 88 статей. Следует сказать, что интерес к данной теме несколько возрос начиная с 2016 г., но не является стабильным (рис. 2).

Рис. 1. *Структура публикаций по теме «Подготовка к рождению ребенка», % (источник: сост. автором на основе собственного исследования)*

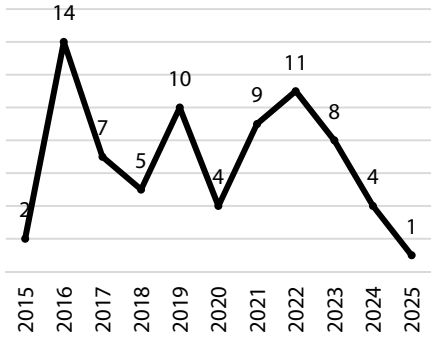

Рис. 2. *Динамика публикаций по теме «Подготовка к рождению ребенка» по годам (без публикаций по медицине), ед. (источник: сост. автором на основе собственного исследования)*

Подавляющее число публикаций были размещены в журналах (68,2 %), в т. ч. в журналах, входящих в базы данных WoS, Scopus — 8 %, в ядро РИНЦ — 11,4 %, RSCI — 5,7 %. Средний импакт-фактор журналов, в которых опубликованы статьи, составляет 0,448. На данные публикации в базе eLibrary учтено 179 цитирований, т. е. в среднем каждая публикация была процитирована 2,03 раза, и это не самоцитирования, которых всего 2. Индекс Хирша данного пула публикаций составляет 7.

Анализ содержания публикаций позволил выявить, что подготовка к родительству включает несколько аспектов: психологический, социальный, интеллектуальный и бытовой (Василькина, 2008):

— психологическая подготовка заключается в формировании внутренней готовности стать родителем, которая подразумевает положительное восприятие ребенка и осознание ответственности за его воспитание и развитие;

— социальная подготовка связана с усвоением и принятием общественных норм и традиций, характерных для конкретной социальной группы, культуры и семьи; молодые пары начинают глубже осмысливать эти вопросы под влиянием рассказов и советов близких;

— интеллектуальная подготовка направлена на получение знаний о правильном уходе за ребенком и методиках его воспитания; источниками такой информации служат книги, журналы, телевизионные программы, а также специализированные курсы для будущих родителей;

— бытовая подготовка охватывает адаптацию к изменениям в повседневной жизни после рождения ребенка; она включает распределение домашних обязанностей и согласование новых ролей и зон ответственности между партнерами.

В исследовании М. В. Сафоновой, М. А. Косиновой и Е. А. Романовой (Сафонова и др., 2021) было выявлено наличие кризиса, который переживают родители в контексте несоответствия ожиданий от родительской роли и реальности, в которой эта роль осуществляется. В сознании потенциальных родителей формируется довольно идеализированный образ родителя, который наделен выдающимися личностными качествами, демонстрирует понимание, заботу и способность воспитать «идеального» ребенка. Это в значительной мере объясняет ссылки на «неготовность» к родительству и последующую неудовлетворенность опытом воспитания, когда идеальный образ не соответствует реальной практике. Что, по мнению авторов, подтверждает особую важность программы психологической подготовки к родительству, а также психолого-педагогическое сопровождение молодых родителей в процессе формирования их родительской компетентности.

Также предшествующие исследования доказывают наличие влияния подготовки к становлению родителями на удовлетворенность браком (Сегизбаева, 2021), на снижение рисков нежелательных сексуальных связей у молодых людей (Крысько, 2017), на сокращение возникновения фрустрации в юношеском возрасте, уровня агрессии и тревожности (Толчинская, 2011), на уменьшение осложнений беременности и родов (Саввина & Новгородова, 2015).

Традиционные курсы для беременных содержат информацию об этапах родов и использовании обезболивания, облегчении болевого синдрома и родового процесса, возможных медицинских вмешательствах, а также о грудном вскармливании и уходе за новорожденным. Курсы обычно проводятся врачами и призваны

успокоить и подготовить уже фактически мам, т. к. беременность уже наступила, к собственно родам. Имеются также публикации учебного или научно-популярного характера, призванные помочь будущим родителям подготовиться к рождению ребенка, однако они содержат исключительно такие же медицинские сведения (Руководство, 2006). Некоторые ученые-психологи и педагоги разрабатывают и описывают новые подходы именно к психологической подготовке к становлению родителями (Симонова & Уманский, 2011), в т. ч. экспериментальные (Калинина & Тихонова, 2022), описана и медико-психологическая подготовка (Васильченко & Савичев, 2022).

Однако большинство публикаций посвящены исследованию степени готовности к рождению ребенка матерей, чаще уже беременных женщин (Алиева et al., 2023), отцов (Киселева, 2025), студенческих семей (Шубович et al., 2021). Отдельно следует упомянуть об одной обзорной публикации, посвященной воспитанию пренатальной культуры потенциальных родителей (Грабаровская, 2008), которая исследует теоретическую разработанность данной проблемы.

Анализ научной литературы по теме показал, что в России ученые не изучают наличие и достаточность информации в сети Интернет, способной помочь сформировать потенциальным родителям психологическую готовность к рождению детей.

Источники информации и методы

Настоящее исследование было проведено методом контент-анализа информации, имеющейся в открытом доступе в сети Интернет. Исходным положением для исследования была идея, что, когда потенциальные молодые родители чувствуют психологическую неготовность иметь детей, они ищут информацию в Интернете. В двух основных браузерах Yandex и Google был сделан запрос «как подготовиться к рождению ребенка», т. к. по последним данным на январь 2023 г. в РФ Яндексом пользуются 54,42 %, а Google — 43,5 % пользователей[1]. Изучались сайты, которые были предложены по запросу на первых 8 страницах выдачи, поскольку по результатам того же исследования всего около 1 % пользователей кликают на результаты со второй страницы выдачи, и выдачи начиная с 3-й страницы стали всё чаще повторяться, дальнейшее изучение не имело смысла. Всего мы изучили 53 выдачи. В настоящей статье представлены результаты экспресс-исследования, показывающего структуру публикаций по темам. В основу счета были положены психологический, социальный, интеллектуальный и бытовой аспекты подготовки к родительству (Василькина, 2008), однако они были расширены и дополнены.

Так, к социальным аспектам нами были отнесены сайты с советами, которые носят общий характер (характер лозунгов, без предоставления инструментов, как это сделать, например: «Только положительные эмоции!», или «Не нужно бояться!», или «Отношения с супругом после родов меняются — это нормально» и др.). Кроме того, к социальным аспектам подготовки были отнесены рекомендации слушать классическую музыку, рисовать мандалы и т. п., которые хотя

[1] Клики и поведение пользователей в выдаче: свежие исследования Google. 14.02.2023. https://pr-cy.ru/news/p/9858-kliki-i-povedenie-polzovateley-v-vydache-svezhie-issledovaniya-google?ysclid=m71mpxxrxw251808385 (дата обращения: 10.02.2025).

и содержат в себе инструментарий по осуществлению, но носят общий характер, не объясняют, как стать родителем, на что обратить внимание в воспитании и т. д.

Бытовые аспекты подготовки родителей нами были разделены на несколько тем: 1) списки вещей, которые необходимо приобрести к рождению малыша, 2) советы по обустройству помещений и распределению времени, 3) советы по оформлению документов на ребенка, 4) советы по планированию семейного бюджета, финансовые рекомендации.

Результаты исследования

Прежде всего, можно отметить, что по названию выдачи и заголовку статьи определить принадлежность информации к тому или иному аспекту невозможно. Почти все выдачи назывались: как подготовиться к рождению ребенка или нового ребенка, малыша, первого ребенка…; подготовка к рождению…; 6, 7, 8, 12 советов подготовки к рождению …; что подготовить к рождению …, готовимся стать родителями и т. п. При этом в советах мог быть только список вещей к покупке, а в названии «что подготовить» могли быть исключительно финансовые советы по организации бюджета. Был сделан первый вывод о том, что, прочитав заголовок выдачи, потенциальные родители не могут догадаться о содержимом и вынуждены открывать сайт, часто убеждаясь, что эта информация им не нужна.

Далее следует отметить, что в выдачах встречались откровенно рекламные публикации, предлагающие:

1) традиционные и нетрадиционные курсы подготовки к родам. Таких выдач было 5, они располагались не в рекламном блоке, а в середине страниц выдачи, и назывались также «как подготовиться к рождению ребенка»;

2) биострахование — персональное сохранение стволовых клеток пуповинной крови при рождении ребенка. Таких выдач было две.

Эти семь рекламных выдач были удалены из дальнейшего анализа материалов. Остальные материалы распределились по темам следующим образом (табл.). Количество в таблице больше 46, поскольку часто материалы содержали советы из разных аспектов подготовки к рождению детей, при этом доли считались от общего числа анализируемых сайтов.

Таблица

Распределение содержания информации на анализируемых сайтах по различным аспектам подготовки к рождению ребенка

Тема публикации	Количество	Доля, %
Психологические аспекты подготовки к рождению ребенка	5	10,9
Социальные аспекты подготовки к рождению ребенка	6	13,0
Интеллектуальные аспекты подготовки к рождению ребенка	11	23,9
Бытовые аспекты подготовки к рождению ребенка, всего	38	82,6
в том числе:		
списки вещей, которые необходимо приобрести к рождению малыша	20	43,5
советы по обустройству помещений	9	19,6
советы по оформлению документов на ребенка	2	4,3
советы по планированию семейного бюджета, финансовые рекомендации	7	15,2

Источник: сост. автором на основе собственного исследования.

Проведенный анализ показал, что подавляющее большинство сайтов описывают бытовые аспекты подготовки к рождению ребенка (82,6 %), особенно часто содержится информация со списком покупок, которые необходимо сделать к рождению ребенка — почти половина сайтов содержала эту информацию, а 7 сайтов (15,2 %) вообще содержали только эту информацию, еще 19,6 % сайтов содержали не названия вещей, а скорее их группы для обустройства пространства для появления нового члена семьи, хотя среди этих сайтов были и такие, которые объясняли, как правильно сделать ремонт к родам, как пространственно организовать детскую комнату и т. п. Неожиданно для нас много сайтов были посвящены планированию семейного бюджета до и после родов, финансовым советам молодым родителям.

Также достаточно много сайтов описывают информацию, которую обычно содержат традиционные курсы по подготовке беременных к родам (23,9 %). К этой же тематике мы отнесли ссылки на две книги, которые можно прочитать онлайн, написанные научно-популярным языком медиками для объяснения процесса родов и рассказа о кормлении и уходе за новорожденным.

Социальные аспекты были изложены наименее интересно, поскольку, по нашему мнению, не способствуют подготовке, советы общего характера трудно осуществимы на практике. Когда написано, что не нужно бояться чего-то, страх обычно пробуждается с новой силой.

Наибольший интерес у нас вызвали те пять сайтов, которые были отнесены к психологическим аспектам. Один из них содержал отрывки из книги С.М. Стивенсон «Радостное дитя» и объяснял, как воспитывать малыша, начиная с утробы (например, из того, что действительно полезно: разговаривать с ним, петь ему песенки), эти советы составлены на основе рекомендаций Синити Судзуки и школы Монтесори. По нашему мнению, данные советы не в полной мере подходят для родителей и детей в России, поскольку основаны на других исторических подходах к воспитанию и традициях.

Советы «В преддверии перемен», размещенные на сайте 7я.ру[1] представляют собой популярную психологию, могут быть полезны будущим родителям с точки зрения того, как, например, сделать так, чтобы «лодка семьи не разбилась о быт». В материале на сайте «Детка»[2] нас заинтересовали психологические советы, как женщине подготовить мужчину (мужа) к появлению ребенка, и почему некоторые темы, которые составляют основу страхов (карьерного, испорченной фигуры, развода и т. п.) не являются важными.

Однако наибольшую пользу в плане психологической подготовки к рождению ребенка может оказать прочтение информации на двух сайтах:

1) сайт компании Агуша, материал озаглавлен «Как подготовиться к первым родам самостоятельно?»[3]. Он содержит много полезной информации о том, что меняется с появлением ребенка и как исправить ситуацию, как преодолеть кризисы, как решить те или иные проблемы воспитания, если у родителей разные

[1] https://www.7ya.ru/article/V-preddverii-peremen/

[2] https://odmdetka.ru/article/podgotovka_k_rozhdeniyu_rebenka/

[3] https://agulife.ru/calendopedia/Novyi-chlen-semi/

подходы к воспитанию, как выстроить отношения ребенка с бабушкой, со старшими детьми и т. д.;

2) статья практикующего психолога, гештальт-терапевта и консультанта Аси Чаплыгиной «Как подготовиться к рождению ребенка?»[1]. В данной статье практические советы женщины, которая одновременно является и психологом, и мамой. Прочтение статьи помогает понять, что все дети разные, поэтому с каждым ребенком отношения выстраиваются по-разному, что действительно может успокоить родителей, описано, к чему нужно быть готовыми, что подготовить до родов (не в плане вещей, а, например, что почитать), как восстановиться после родов, как общаться с родственниками и друзьями и другая полезная информация.

Заключение

Проведенный анализ имеющейся в сети Интернет информации, призванной помочь подготовиться к рождению ребенка, показал, что в основном там содержится информация о необходимых покупках и благоустройстве бытовых моментов, связанных с появлением новорожденного. Также легко найти информацию о медицинских аспектах подготовки к родам и медицинских советах по уходу за новорожденным. Гипотеза о недостаточности в Интернете информации, призванной оказать психологическую помощь, подтвердилась, при этом именно она может оказать решающее влияние на готовность к рождению ребенка, поэтому, по нашему мнению, необходимо совершенствовать пронаталистскую политику Российской Федерации также в направлении насыщения требуемой потенциальными родителями информацией, способной помочь в психологической подготовке к становлению родителями.

Благодарности

Публикация подготовлена в рамках выполнения НИР по госзаданию Института экономики Уральского отделения РАН на 2024– 2026 гг. № 0327-2024-0009 «Механизмы регулирования экономического поведения населения в условиях современных структурных изменений социально-экономической среды».

Acknowledgements

The publication was prepared as part of the research work carried out under the state assignment of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences for 2024-2026 No. 0327-2024-0009 «Mechanisms for regulating the economic behavior of the population in the context of modern structural changes in the socio-economic environment».

Список источников

Алиева, А. Д., Тарасова, А. Ю., Палиева, Н. В., Петров, Ю. А. (2023). Психологическая диагностика готовности женщины к родам. *Главный врач Юга России, 2* (88), 38–43. EDN: PQTDGR

Василькина, Ю. (2008). В преддверии перемен. *Беременность. Мама и малыш, 6*. https://www.7ya.ru/article/V-preddverii-peremen/ (дата обращения: 10.02.2025).

Васильченко, Л. В., Савичев, С. В. (2022). Медико-психологическая подготовка беременных женщин к родам по программе «Мифы, загадки и волшебство материнства», и ее влияние на психоэмоциональное состояние беременных (на примере ОГАУЗ «Санаторий «Красиво»»). *Гуманитарный трактат, 128,* 18–23.

[1] https://yandex.ru/health/turbo/articles?id=4747&ysclid=m6ynbo0cho204905291

Грабаровская, Л. В. (2008). Теоретические подходы к воспитанию пренатальной культуры студентов как потенциальных родителей. *Известия Южного федерального университета. Педагогические науки, 4,* 87–93.

Калинина, Т. В., Тихонова, Э. В. (2022). Психологическое обеспечение готовности к осознанному родительству студенческой молодежи в условиях диверсификации современного института семьи. *Семья и личность: проблемы взаимодействия, 22,* 60–69. EDN: UIHDDT

Киселева, Д. С. (2025). Осознание мужчиной роли будущего отца в семье, ожидающей ребенка. *Студенческий, 2–4* (298), 62–66. EDN: NFVLET

Коваленко, В. С. (Ред.). (2006). *Руководство по подготовке родителей к рождению и воспитанию здорового ребенка. 10 занятий для профессиональных родителей: к здоровой России* (Изд. 2-е , доп. и испр.). Санкт-Петербург: Вертикаль, 434.

Крысько, А. А. (2017). Профилактика рискованного сексуального поведения посредством формирования психологической готовности к родительству. *Психолого-педагогические исследования, 9* (4), https://doi.org/75–85.10.17759/psyedu.2017090408

Кулькова, И. А. (2021). Влияние психологической готовности к рождению детей на репродуктивное поведение женщин. В *III Всероссийский демографический форум с международным участием. Материалы форума* (с. 54–57). Москва: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, 291. https://doi.org/10.19181/forum.978-5-89697-373-7.2021.11

Саввина, Н. В., Новгородова, У. Р. (2015). Влияние Школы позитивного материнства в снижении осложнений беременности и родов. *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины, 23* (3), 26–29. EDN: TYQEVF

Сафонова, М. В., Косинова, М. А., Романова, Е. А. (2021). Анализ социальных представлений о родительстве у взрослых, имеющих и не имеющих детей. *Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева (Вестник КГПУ), 1* (55), 94–112. https://doi.org/10.25146/1995-0861-2021-55-1-262

Сегизбаева, Р. Т. (2021). Влияние рождения ребенка на супружеские взаимоотношения. В *Современные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации. сборник статей XVIII Международной научно-практической конференции* (с. 284–290). Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г. Ю.), 326. EDN: CHLETU

Симонова, Т. О., Уманский, С. В. (2011). Психологическая программа «Счастливые роды». *Гений ортопедии, 1,* 152–154. EDN: NDEVKX

Толчинская, Л. В. (2011). *Влияние нежеланности рождения ребенка на состояние фрустрации в ранней юности:* дисс. … канд. психол. наук. Московский педагогический государственный университет. Москва, 214. EDN: QFSRRL

Шубович, В. Г., Шубович, М. М., Борисова, Е. А. (2021). Формирование осознанного родительства в студенческих семьях. *Азимут научных исследований: педагогика и психология, 10* (4), 30–34. https://doi.org/10.26140/anip-2021-1004-0006

Freedman, R. (1961–62). The Sociology of Human Fertility. *Current Sociology, 10–11,* 35–42.

Hill, R., Stycos, J. M., Back, K. W. (1959). *The family and population control.* Chapel Hill, 220.

References

Alieva, A. D., Tarasova, A. Yu., Palieva, N. V., Petrov, Yu. A. (2023). Psychological diagnostics of a woman's readiness for childbirth. *Glavnyi Vrach Uga Russia, 2* (88), 38–43. EDN: PQTDGR (In Russ.)

Freedman, R. (1961–62). The Sociology of Human Fertility. *Current Sociology, 10–11,* 35–42.

Grabarovskaya, L. V. (2008). Theoretical approaches to the education of prenatal culture of students as potential parents. *Izvestiia Iuzhnogo federalnogo universiteta [Proceeding South Federal University. Pedagogical Sciences], 4,* 87–93. (In Russ.)

Hill, R., Stycos, J. M., Back, K. W. (1959). *The family and population control.* Chapel Hill, 220.

Kalinina, T. V., Tikhonova, E. V. (2022). Psychological maintenance of readiness for conscious parenting of youth students in conditions of diversification of the modern family institution. *Semia i lichnost: problemy vzaimodeistviia [Family and Personality: Problems of Interaction], 22,* 60–69. EDN: UIHDDT (In Russ.)

Kiseleva, D. S. (2025). A man's awareness of the role of the future father in a family expecting a child. *Studentskiy, 2–4* (298), 62–66. EDN: NFVLET (In Russ.)

Kovalenko, V. S. (Ed.). (2006). *Rukovodstvo po podgotovke roditelei k rozhdeniiu i vospitaniiu zdorovogo rebenka. 10 zaniatii dlia professionalnykh roditelei: k zdorovoi Rossii (Izd. 2-e, dop. i ispr.) [A guide to preparing parents for the birth and upbringing of a healthy child. 10 lessons for Professional parents: Towards a Healthy Russia (2nd Ed., add).].* St. Petersburg: Vertical, 434. (In Russ.)

Krysko, A. A. (2017). Prevention of risky sexual behavior through the formation of psychological readiness for parenthood. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniia [Psychological-Educational Studies], 9* (4), https://doi.org/75-85.10.17759/psyedu.2017090408 (In Russ.)

Kulkova, I. A. (2021). Influence of willingness to parent on women' reproductive behavior. In *III Vserossiiskii demograficheskii forum s mezhdu-narodnym uchastiem. Materialy foruma [III All-Russian Demographic Forum with international participation. Materials of the forum]* (pp. 54–57). Moscow: Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, 291. (In Russ.). https://doi.org/10.19181/forum .978-5-89697-373-7.2021.11 (In Russ.)

Safonova, M. V., Kosinova, M. A., Romanova, E. A. (2021). Analysis of social perceptions of parenting in adults with and without children. *Vestnik Krasnoiarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astafeva (Vestnik KGPU) [Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev (Bulletin of KSPU)], 1* (55), 94–112. https://doi.org/10.25146/1995-0861-2021-55-1-262 (In Russ.)

Savvina, N. V., Novgorodova, U. R. (2015). The impact of positive motherhood on decreasing of complications of pregnancy and delivery. *Problemy sotsialnoi gigieny, zdravookhraneniia i istorii meditsiny [Problems of Social Hygiene, Public Health and the History of Medicine], 23* (3), 26–29. EDN: TYQEVF (In Russ.)

Segizbayeva, R. T. (2021). The impact of birth of a child on marital relations. In *Sovremennye nauchnye issledovaniia: aktualnye voprosy, dostizheniia i innovatsii. sbornik statei XVIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Modern scientific research: current issues, achievements and innovations. collection of articles of the XVIII International Scientific and Practical Conference]* (pp. 284–290). Penza: Science and Enlightenment (IP Gulyaev G.Yu.), 326. EDN: CHLETU (In Russ.)

Shubovich, V. G., Shubovich, M. M., Borisova, E. A. (2021). Formation of conscious parents in student families. *Azimut nauchnykh issledovanii: pedagogika i psikhologiia [Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology], 10* (4), 30–34. https://doi.org/10.26140/anip-2021-1004-0006 (In Russ.)

Simonova, T. O., Umansky, S. V. (2011). «Happy labor» psychological program. *Genii ortopedii [Orthopaedic Genius], 1,* 152–154. EDN: NDEVKX (In Russ.)

Tolchinskaya, L. V. (2011). *Vliianie nezhelannosti rozhdeniia rebenka na sostoianie frustratsii v rannei iunosti [The influence of the undesirability of having a child on the state of frustration in*

early adolescence]. Dissertation for the degree of Candidate of Psychological Sciences. Moscow Pedagogical State University. Moscow, 214. EDN: QFSRRL (In Russ.)

Vasilchenko, L. V., Savichev, S. V. (2022). Medical and psychological preparation of pregnant women for childbirth under the program «Myths, riddles and magic of motherhood», and its impact on the psycho-emotional state of pregnant women (using the example of the OSAUZ Sanatorium Krasivo). *Gumanitarnyi traktat [Humanitarian Treatise], 128,* 18–23. (In Russ.)

Vasilkina, Y. (2008). On the eve of change. Pregnancy. *Mother and baby, 6.* https://www.7ya.ru/article/V-preddverii-peremen/ (accessed: 10.02.2025). (In Russ.)

Кулькова Инна Анатольевна — доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра исследований социоэкономической динамики, Институт экономики УрО РАН; https://orcid.org/0000-0003-1975-0875 (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: i.a.koulkova@mail.ru).

Inna A. Kulkova — Doctor of Economics, Professor, Leading Re-searcher, Center for Socioeconomic Dynamics Research, Institute of Economics, Ural Branch of the RAS, https://orcid.org/0000-0003-1975-0875 (29 Moskovskaya St., Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: i.a.koulkova@mail.ru).

УДК 314.1
JEL classification: J13
https://www.doi.org/10.17059/udf-2025-3-7

Создание семьи и рождение детей в жизненных планах выпускников школ[1]

А. В. Меренков

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
(г. Екатеринбург, Российская Федерация).

https://orcid.org/0000-0001-5900-0863

Автор для корреспондентов: А. В. Меренков (anatoly.mer@gmail.com).

Аннотация. *В статье представлены результаты эмпирического исследования, проведенного в 2023 и 2024 годах среди выпускников общеобразовательных школ. Предметом изучения являлись их жизненные планы, связанные с созданием семьи и рождением детей до достижения возраста 28 лет. Целью было выяснить установки на вступление в определенном возрасте в брак, рождение детей, а также условия, при которых они будут реализованы. Методом исследования являлся контент-анализ эссе, в котором излагались жизненные планы респондентов, глубинные интервью. Анализ полученных данных показал, что областью применения результатов является организация демографической политики, направленной на формирование у учащейся молодежи ценности рождения первого ребенка до 25 лет и последующих до 28 лет.*

Ключевые слова: выпускники школ; жизненные планы; создание семьи; рождение детей

Creating a Family and the Birth of Children in Life Plans for School Graduates

A. Merenkov

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin
(Ekaterinburg, Russian Federation).

https://orcid.org/0000-0001-5900-0863

Author for correspondents: A. Merenkov (anatoly.mer@gmail.com).

Abstract. *The results of an empirical study conducted in 2023 and 2024 are presented among graduates of secondary schools. The subject of study was their life plans related to the creation of a family and the birth of children until the age of 28 years. Purpose: to find out the attitudes for entry at a certain age in marriage, the birth of children, as well as the conditions under which they will be implemented. The research method was the content analysis of the essay, which set out the life plans of the respondents, the deep interviews. An analysis of the data obtained showed that the field of application of the results is the organization of a demographic policy aimed at the formation of students' value of the first child under 25 years of age and subsequent up to 28 years.*

Keywords: school graduates; life plans; family creation; Birth of children

Введение

Проблема повышения рождаемости в России в последнее время стала очень острой. Отмечается, что «детей стало рождаться меньше: 599,6 тыс. в январе — июне 2024 года против 616,2 тысячи младенцев за первые шесть месяцев 2023 года»[2]. В связи с этим появились предложения, направленные на обеспечение

[1] © Меренков А. В. Текст. 2025.

[2] Мирзакаримова, К. (2024.) Как изменилось количество россиян в 2024 году: данные Росстата. https://journal.sovcombank.ru/zhizn/naseleniye-rossii-dannie-rosstata#h_866234822131724240728243 (дата обращения: 21.01.25).

существенного роста рождаемости в ближайшие несколько лет. В сентябре 2024 г. депутат Государственной Думы РФ Н. Останина заявила: «Вопросы демографического суверенитета столь же остры, как и завоевания технологического суверенитета, экономической независимости… По масштабам задач проблемы демографии сегодня сравнимы с проблемами, которые решают на фронте, нам сейчас нужна специальная демографическая спецоперация… Это вопрос даже не демографический, а политический»[1]. Такая оценка вызвана тем, что в самой большой в мире по территории стране требуется количество населения, позволяющее обеспечить устойчивое развитие материального и духовного производства во всех регионах.

Нынешняя ситуация является следствием демографической революции, которая привела к отказу следовать законам природы, определяющим воспроизводство человечества. Не состояние репродуктивного здоровья женщины и мужчины, позволяющее родить первого ребенка и последующих детей, а их личное желание определяет, когда и при каких условиях будет принято это решение. Новые средства контрацепции, сексуальная революция, начавшаяся в 60-х гг. прошлого века, создали эгоистическую свободу регулирования рождаемости. Исследование, проведенное в разных регионах мира в 2024 г., показало, что «сегодня в более чем половине стран мира, где проживает две трети человечества, уровень рождаемости упал ниже уровня воспроизводства в 2,1 ребенка на женщину» (Madgavkar et al., 2025, p. 6).

Основным способом повышения рождаемости в России является формирование у современной молодежи ориентаций и установок на рождение детей в том возрасте, когда состояние репродуктивного здоровья женщин и мужчин не требует применения специальных медицинских способов помощи для их зачатия. Поэтому во все времена семьей и системой образования осуществлялось формирование у каждого поколения установок на продолжение себя в потомстве. Реализация сексуальных потребностей после вступления в одобренный обществом брак обеспечивала рождение первого ребенка в 18–19 лет и последующих детей, исходя из состояния здоровья женщины. Говоря о рождаемости в настоящее время, С. П. Капица отмечает, что «в прошлом ее рост не зависел явно от числа детей, приходящихся на каждую женщину. Однако при резком изменении роста и развития (общественного производства) это привело к современному кризису рождаемости как самому острому противоречию современного мира, проистекающему и от неустроенности жизни в эпоху демографической революции, тогда так «порвалась связь времен» (Капица, 2008, с. 137). Это ведет к изменению ориентаций современной молодежи на рождение детей. Утверждается новая иерархия жизненных ценностей, с отличающимися от традиционных представлениями о значимости семьи, продолжении себя в потомстве. Подростки в 15–17 лет, размышляя о будущем, создают с разной степенью конкретизации план жизни, определяя время вступления в брак, появление детей. Их мнение по этим вопросам оказывает существенное влияние на возможность в обозримом будущем существенно увеличить рождаемость в нашей стране.

[1] Панкратьева, Е. (2024). «То, как мы сегодня живем, приводит к вымиранию страны». Эксперты — о яме, в которую рухнула Россия. https://www.e1.ru/text/family/2024/09/19/74098577/ (дата обращения: 25.01.2025).

Данные и методы

С целью выявления установок молодых людей на вступление в официальный брак и рождение первого ребенка, а также последующих детей до 28 лет нами были проведены социологические исследования. Объектом изучения стали юноши и девушки, которые окончили среднюю общеобразовательную школу и только поступили в вуз. Предметом исследования являлось содержание жизненных планов, которые они хотели бы реализовать в течение последующих десяти лет. Первое исследование было проведено в сентябре 2023 г. Второе — в 2024 г. с целью выявления возможного влияния активного обсуждения способов повышение рождаемости в России, которое происходило в «Год семьи», на мнение о времени рождения первого ребенка. Учеными, представителями органов законодательной и исполнительной власти предлагались разные меры, направленные на формирование у молодых людей установок на рождение первого ребенка до 25 лет и затем нескольких детей для обеспечения устойчивого воспроизводства населения страны. В исследовании использовался метод контент-анализа текстов на тему, связанную с трудоустройством после окончания вуза, созданием в будущем семьи, рождением детей. Респондентам предлагалось в свободной форме изложить свои жизненные планы на ближайшие десять лет с указанием, что хотели бы осуществить к 25–26, далее к 28 годам. При анализе подсчитывалась частота использования ключевых слов: трудоустройство, время вступления в брак, возраст, в котором планируется рождение первого ребенка, условия, при которых будут приняты эти решения. Массив опрошенных в совокупности составил 320 юношей и девушек 17–18 лет, получающих гуманитарное образование, поступив на первый курс Уральского федерального университета. Для выявления факторов, определяющих планирование создания семьи и рождения детей, использовался метод глубинного интервью, для которого было опрошено 12 девушек и 10 юношей.

Результаты

Основанием изучения жизненных планов молодых людей является теория о роли потребности личности в саморазвитии при конструировании своей будущей жизни. Возникает побуждение к деятельности, обеспечивающей изменение сознания и поведения, исходя из образа того, что хочется достигнуть через несколько лет. (Меренков, 2003). И. С. Кон отмечал: «Характерная черта ранней юности — формирование жизненных планов. Жизненный план возникает, с одной стороны, в результате обобщения целей, которые ставит перед собой личность, как следствие построения „пирамиды" ее мотивов, становления устойчивого ядра ценностных ориентаций, которые подчиняют себе частные, преходящие стремления. С другой стороны — это результат конкретизации целей и мотивов» (Кон, 1989, с. 167).

Исследования показали, что ведущей целью респондентов является успешное завершение учебы в бакалавриате. После получения диплома 15 % планируют поступить в магистратуру. Остальные намерены работать, исходя из потребностей в самореализации и самоутверждении в конкретных видах трудовой деятельности. «В будущем мне бы хотелось работать в таком месте, которое бы мотивировало меня на создание и реализацию чего-то нового. Самое главное для меня — это

не стоять на одном месте, а двигаться вперед по карьерной лестнице» (жен.). Такую цель ставят 46 % опрошенных. При этом 84 % будут искать высокооплачиваемую работу для достижения желаемого материального положения. «Уровень моего материального достатка к 25 годам: собственная квартира и машина, а также возможность покупки вещей для удовольствия без накоплений и напряженности… В любом случае, я наслаждаюсь молодостью на полную катушку!» (муж.).

Следует отметить, что в 2024 г., как и в 2023 г., 33 % респондентов не указали намерение создать семью до 28 лет. «Семью, думаю, я не буду заводить, стану жить и работать в свое удовольствие» (муж). Остальные две трети заявили, что в ближайшие десять лет они устроят свою личную жизнь. В 2023 г. 26 % девушек планировали к 25 годам создать семью, а 74 % — к 28 годам. Среди юношей соответственно 34 % и 66 %. Опрос 2024 г. показал, что среди девушек 36 % хотели бы вступить в брак до 25 лет, в 27–28 лет — 64 %. Среди юношей соответственно 37 % и 63 %. Наблюдается некоторый рост, в первую очередь среди девушек, доли тех, кто ориентирован вступить в брак через два-три года после получения высшего образования. В целом у большинства выпускников школ не сформирована потребность создать семью до 25 лет. Соответственно, отдаляется время принятия решения о рождении первого ребенка.

Глубинные интервью выявили факторы, влияющие на принятие решения о том, в каком возрасте планируется создать семьи и при каких условиях. «Выйти замуж я бы хотела после окончания университета, примерно в 25–26 лет, так как считаю, что в брак нужно вступать двум осознанно действующим и независимым людям, которые имеют стабильный заработок, какое-либо имущество в собственности, способные обсуждать семейные проблемы и вопросы» (жен., 2023 г.). При этом вступление в брак не ведет сразу к принятию решения родить ребенка. Действует установка на отложенное материнство. «После 23 лет я планирую вступить в брак. Ребенок может появиться через два-три года, когда я буду самореализована, смогу дать ребенку всё самое лучшее. Перед рождением детей я планирую прочитать книги по воспитанию, пройти сеанс психотерапии, чтобы закрыть все психологические проблемы и обсудить с партнером методы воспитания ребенка» (жен., 2024 г.). Решение о рождении ребенка после 25 лет обосновывается также тем, что «к этому моменту я уже достигну стабильности в профессии и появится уверенность в своих возможностях. Это даст мне внутреннюю готовность к тому, чтобы подумать о ребенке, если к тому времени всё сложится благоприятно. Я представляю, что 27–28 лет является подходящим возрастом для этого шага, если мы будем с мужем уверены, что можем обеспечить нашему будущему ребенку безопасное и счастливое детство» (жен., 2024 г.). Такая позиция выпускников школ отражает общую ситуацию в стране. Исследование, проведенное Фондом общественного мнения (ФОМ) в 2019 г., показало, что доля тех, кто считает «наиболее подходящим для женщины возрастом рождения первого ребенка 21–24 года, снизилась с 51 до 38 %… Всё чаще считают таким возраст 25–28 лет» (Осипова, 2020, с. 105).

Выявились причины откладывания рождения детей на более позднее время. «Я считаю, что дети — это большая ответственность и некоторая скованность в жизни. Поэтому я хочу сначала завести жилье, иметь стабильную работу,

стабильного мужа, в котором я могу быть уверенна, накопления, попутешествовать. И только после этого я хочу завести детей. Надеюсь, что это будет не позже 30 лет» (жен., 2023 г.). Рождение двух детей планируют 25 % девушек, трех и более — 12 %. Только одна из опрошенных, которая сразу после окончания школы в 18 лет вышла замуж за студента духовной семинарии, указала: «Мы мечтаем о большой семье и уже планируем завести детей. К 28 годам мы хотим иметь не менее пяти детей, поэтому я стремлюсь к тому, чтобы наш дом был уютным и комфортным для всех нас» (жен., 2024 г.).

С.П. Капица писал, что главная роль в утверждении у большинства молодых людей установок сокращения количества детей и семье, «отложенное материнство» «принадлежит появившемуся в современном развитом мире моральному кризису, кризису системы ценностей. К сожалению, политика в области образования и особенно СМИ ведет к тому, что мы совершенно бездумно импортируем и даже насаждаем представления, только ухудшающие ситуацию с кризисом самосознания и усиливающие дальнейшую атомизацию общества» (Капица, 2008, с. 142). На наш взгляд, следует отметить и влияние на формирование у современной молодежи установки на рождение только одного-двух детей, с учетом мнений тех демографов, которые прямо заявляют, что «как можно более скорое прекращение роста населения Земли отвечает интересам всех живущих на ней людей. Более того, я полагаю, что и 9 миллиардов человек, которые будут достигнуты к 2054 г. согласно… „низкому" варианту прогноза ООН, — это слишком много для нашей планеты. Последующее сокращение мирового населения без каких бы то ни было катаклизмов, сопряженных с огромными подъемами смертности, а только за счет более низкой рождаемости, то есть за счет суженного, а не расширенного воспроизводства населения, было бы благом» (Вишневский, 2018, с. 98).

Мужчинам и женщинам предписывается исходить при принятии решения о рождении очередного ребенка из того, как скажется его появление на демографической ситуации в мире, а не в своей стране, обогащая жизнь супругов радостью продолжения себя в потомстве. Молодых людей ориентируют на отмену взаимосвязи между сексуальной активностью и репродуктивной деятельностью человека. Это ведет к тому, что «необходимые знания, умения, нормы, ценности, регулирующие возможность продолжения рода… отдаляются … от мира сексуальных переживаний, они предназначены для того, чтобы с наименьшими потерями и с наибольшей эффективностью использовать тело в качестве средства производства другой человеческой жизни» (Беляева, 2011, с. 45).

Те, кто планируют рождение ребенка после 30 лет, не учитывают данные врачей о том, что в этом возрасте ухудшается репродуктивное здоровье женщины, позволяющее зачать и родить хотя бы первого ребенка, а не только последующих детей. «С медицинской точки зрения, фертильность связана с возрастом женщины и состоянием ее организма: по мере того, как женщина откладывает деторождение, шансы родить снижаются как из-за естественного сокращения числа ооцитов, так и из-за сопутствующих заболеваний» (Ермоленко и др., 2016, с. 12). По данным медицинских исследований, проведенных в Великобритании, более 50 % женщин, достигнувших 30-летнего рубежа и выразивших желание иметь детей, не смогли осуществить его и к 40 годам (Berrington, 2004).

Негативно сказывается на формирование у выпускников школ установок на рождение детей в наиболее благоприятном для этого возрасте отсутствие целостной системы подготовки к созданию в будущем своей семьи. Прежде она осуществлялась родителями, которые включали детей в домашнюю работу, обучали уходу за младшими братьями и сестрами, их воспитанию. Формировался опыт физического и умственного труда в интересах близких людей. В настоящее время бытовая техника позволяет экономить физические силы, люди готовят пищу из полуфабрикатов или заказывают готовую, которую доставят на дом. Приобщение ребенка в 3–4 года к дистанционному общению по сотовому телефону осложняет выработку способности в непосредственном межличностном общении реагировать на эмоции, чувства, мысли человека при обсуждении волнующих его проблем. Рождение ребенка ведет к необходимости приобретения молодыми родителями навыков физического труда при приготовлении пищи, соответствующей его возрастным особенностям, вкусам, поддержки чистоты в доме. Требуются умственные усилия при занятии игровой деятельностью, чтению книг, обучению правилам познания окружающего мира, нормам культуры общения с разными людьми. Придется ограничить реализацию личных привычек, возникших до появления первого ребенка. Кто не сумел подавить эгоистические установки, отказываются от рождения второго и последующих детей. Во все времена уход за детьми, их воспитание считалось естественным занятием, а в наше время говорят об особом «родительском труде», подчеркивая необходимость не только получения молодыми родителями специальных знаний для ухода и воспитания ребенка, но и большого терпения, выдержки.

В школе сохраняется ситуация, которая была еще в прошлом веке. Тогда в 1980-х гг. была предпринята попытка введения курса: «Этика и психология семейной жизни» для учащихся 10–11 классов. Однако многие важные вопросы межличностных отношений между супругами в нем не раскрывались, отсутствовали специалисты, способные обсуждать с учащимися сложные проблемы организации семейной жизни. И.С. Кон в то время писал: «Подготовка к браку и семье, частью которой является половое просвещение старшеклассников, — трудное дело, здесь много спорного и неясного. Но, как и всякая прочая работа, она предполагает высокий профессионализм. Страусова позиция — не вижу, не знаю, не признаю! — не только нереалистична, но и глубоко безнравственна» (Кон, 1989, с. 209). Недавно Министерство просвещения РФ заявило о разработке курса «Семьеведение» для учащихся старших классов. При его внедрении следует учитывать прежний опыт формирования в школе у молодых людей 16–17 лет установок на создание в будущем семьи и рождение детей.

Заключение

Исследования показали, что сохраняется возникшая в течении последних десяти лет ориентация молодежи на отложенное материнство, рождение не более одного-двух детей до 28–30 лет. Следовательно, весьма низкая вероятность того, что до 2030 г. существенно вырастет рождаемость в стране. Требуется не только улучшать материальное положение семей, в которых рождаются дети. Необходимо формировать силами семьи, школы, СМИ, учреждениями культуры

ценность рождения детей в том возрасте, когда будущие родители обладают высоким уровнем репродуктивного здоровья. Требуется выработка понимания того, что продолжение себя в потомстве является важнейшим предназначением человека. Реализуется принцип: «Родители подарили тебе жизнь, ты способен подарить радость появления на свет своему ребенку».

Список источников

Беляева, М. А. (2011). Проблема соотношения сексуальной и репродуктивной культуры. *Философские науки, 7,* 43–49. EDN: OFYJIJ

Вишневский, А. Г. (2018). Демографический переход и гипотеза гиперболического роста населения. *Демографическое обозрение, 5* (1), 64–105. EDN: UPPAFE

Ермоленко, К. С., Радзинский, В. Е., Рапопорт, С. И. (2016). Современное состояние проблемы реализации фертильной функции женщин позднего репродуктивного возраста. *Клиническая медицина, 94* (1),10 –15. http://doi.org/10.18821/0023-2149-2016-94-1-10-15

Капица, С. П. (2008). Демографическая революция и Россия. *Век глобализации, 1,* 128–143. EDN: MTJQDZ

Кон, И. С. (1989). *Психология ранней юности: книга для учителя*. Москва: Просвещение, 254.

Меренков, А. В. (2003). *Система детерминации человеческой деятельности.* Екатеринбург: Урал. гос. горно-геологической академии, 328. EDN: UCOMHT

Осипова, И. (2020). Репродуктивные установки россиян и отношение к государственным мерам поддержки рождаемости. *Демографическое обозрение, 7* (2), 97–120. http://doi.org/10.17323/demreview.v7i2.11143

Berrington, A. (2004). Perpetual postponement — women's, men's and couples' fertility intentions and fertility behavior. *Population Trends, 117,* 9–19.

Madgavkar, A., Noguer, C., White, O., Smit, S., Radigan, T. J. (2025). *Dependency and depopulation? Confronting the consequences of a new demographic reality.* https://www.mckinsey.com/~/media/mckinsey/mckinsey%20global%20institute/our%20research/dependency%20and%20depopulation%20confronting%20the%20consequences%20of%20a%20new%20demographic%20reality/dependency-and-depopulation-confronting-the-consequences-of-a-new-demographic-reality.pdf (дата обращения: 25.01.2025).

References

Belyaeva, M. A. (2011). The problem of the ratio of sexual and reproductive culture. *Filosofskie nauki [Russian Journal of Philosophical Sciences], 7,* 43–49. EDN: OFYJIJ (In Russ.)

Berrington, A. (2004). Perpetual postponement — women's, men's and couples' fertility intentions and fertility behavior. *Population Trends, 117,* 9–19.

Ermolenko, K. S., Radzinsky, V. E., Rapoport, S. I. (2016). The current state of the problem of the implementation of the fertile function of women of late reproductive age. *Klinicheskaya medicina [Clinical Medicine (Russian Jornal)], 94* (1), 10–15. http://doi.org/10.18821/0023-2149-2016-94-1-10-15 (In Russ.)

Kapitsa, S. P. (2008). Demographic revolution and Russia. *Vek globalizacii, 1,* 128–143. EDN: MTJQDZ (In Russ.)

Kon, I. S. (1989). *Psihologiya rannej yunosti: kniga dlya uchitelya. [Psychology of early youth: a book for a teacher].* Moscow: Education, 254. (In Russ.)

Madgavkar, A., Noguer, C., White, O., Smit, S., Radigan, T. J. (2025). *Dependency and depopulation? Confronting the consequences of a new demographic reality.* https://www.mckinsey.

com/~/media/mckinsey/mckinsey%20global%20institute/our%20research/dependency%20and%20depopulation%20confronting%20the%20consequences%20of%20a%20new%20demographic%20reality/dependency-and-depopulation-confronting-the-consequences-of-a-new-demographic-reality.pdf (accessed: 25.01.2025).

Merenkov, A. V. (2003). *Sistema determinacii chelovecheskoj deyatel'nosti. [The system of determination of human activity]*. Yekaterinburg: Ural State Mining and Geological Academy, 328. EDN: UCOMHT (In Russ.)

Osipova, I. (2020). Reproductive attitudes of Russians and attitude to state fertility support measures. *Demograficheskoe obozrenie [Demographic Review], 7*(2), 97–120. http://doi.org/10.17323/demreview.v7i2.11143 (In Russ.)

Vishnevsky, A. G. (2018). Demographic transition and hypothesis of hyperbolic growth of the population. *Demograficheskoe obozrenie [Demographic Review], 5*(1), 64–105. EDN: UPPAFE (In Russ.)

Меренков Анатолий Васильевич — доктор философских наук, профессор кафедры прикладной социологии Уральского гуманитарного института, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; https://orcid.org/0000-0001-5900-0863 (Российская Федерация, 620083, г. Екатеринбург, 620083, пр-т. Ленина, 51; e-mail: anatoly.mer@gmail.com).

Anatoly V. Merenkov — Dr. Sci. (Phil.), Professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin; https://orcid.org/0000-0001-5900-0863 (51, Lenina Ave, Ekaterinburg, 620083, Russian Federation; e-mail: anatoly.mer@gmail.com).

УДК 316.354:351/354
JEL classification: J13
https://www.doi.org/10.17059/udf-2025-3-8

Институциональные основы политики по достижению макродемографических целей: подходы к решению проблемы низкой рождаемости[1]

О. Д. Натсак

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (г. Кызыл, Российская Федерация).

https://orcid.org/0000-0003-1833-4810

Автор для корреспонденции: О. Д. Натсак (nod695596@gmail.com).

Аннотация. *В статье представлен анализ глобальных трендов рождаемости, политик и институциональных основ повышения рождаемости в странах с самыми низкими показателями воспроизводства населения, а также в России и российских регионах. Цель исследования заключалась в проведении анализа институционализации макродемографических целей современных государств, а именно достижения демографической устойчивости и повышения рождаемости. Задачи исследования — изучение подходов к решению проблемы низкой рождаемости в отдельных странах и в России. В статье показано, что многие страны, в том числе Россия, в условиях всё более снижающегося уровня рождаемости предпринимают меры институционального характера, используя новые практики, формируя отдельные государственные структуры, внедряют законодательные новеллы и вводят механизмы материального стимулирования для решения демографических проблем.*

Ключевые слова: демографическое развитие; макродемографические цели; демографическая политика; семейная политика; рождаемость; низкая рождаемость; высокая рождаемость; институционализация; программы повышения рождаемости

Institutional Framework of Policy to Achieve Macrodemographic Goals: Approaches to Solving the Problem of Low Fertility

O. Natsak

Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva (Kyzyl, Russia).

https://orcid.org/0000-0003-1833-4810

Corresponding author: O. Natsak (nod695596@gmail.com)

Abstract. *The article reveals an analysis of global fertility trends, policies, and institutional frameworks for increasing fertility in countries with the lowest population reproduction rates, as well as in Russia and Russian regions. The purpose of the study was to analyze the institutionalization of the macrodemographic goals of modern states, namely, achieving demographic sustainability and increasing the birth rate. The objectives of the research are to study approaches to solving the problem of low fertility in individual countries and in Russia. The article reveals that many countries, including Russia, in the context of an increasingly declining birth rate, are taking institutional measures, using new practices, forming separate government structures, introducing legislative innovations and introducing financial incentive mechanisms to solve demographic problems.*

Keywords: demographic development; macrodemographic goals; demographic policy; family policy; fertility; low fertility; high fertility; institutionalization; fertility improvement programs

[1] © Натсак О. Д. Текст. 2025.

Введение

Решение проблемы низкой рождаемости является важнейшим вопросом демографической повестки, затрагивающим не только семейную, брачную структуры обществ, но и развитие экономики стран в условиях старения общества, изменения репродуктивных ценностей и поведения.

Цель статьи заключается в анализе институциональных основ политики по достижению макродемографических целей и подходов к решению проблемы низкой рождаемости. Для достижения указанной цели были сформулированы следующие задачи:

— изучить тренды рождаемости в мире и динамику глобального коэффициента рождаемости;

— проанализировать изменения в рождаемости в России в сравнительном контексте показателей постсоветских государств;

— исследовать политики отдельных стран, направленные на рост воспроизводства населения;

— рассмотреть новшества в законодательстве федерального и регионального уровней и программы по повышению рождаемости субъектов РФ.

Основной гипотезой исследования выступает идея о том, что исключительно финансовые механизмы поддержки рождаемости как основа пронаталистской политики не дают быстрых, устойчивых и долговременных результатов, в этой связи необходим комплексный подход, включающий меры для повышения привлекательности ценностей многодетности и семейного образа жизни.

Вопросам демографической политики, социально-экономических рисков и демографических угроз, связанных со снижением рождаемости, посвящено значительное количество работ российских исследователей в рамках разных научных дисциплин. Среди работ последних лет можно выделить важнейшие аналитические доклады двух разных исследовательских групп. Первый из них — это «Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад — 2024», подготовленный Институтом демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН и Вологодским научным центром РАН с участием региональных исследователей[1]. В нем проведен анализ характера демографических изменений и текущей ситуации в России в целом и в разрезе регионов, результативности федеральных и региональных мер стимулирования рождаемости. Второй доклад — «Футурологический конгресс — 2036. Демография»[2], представленный Всероссийским центром изучения общественного мнения, рассматривает мега-тренды и изменения в обществе, экономике с акцентом на предвидении будущего в области демографического развития. Оба доклада показывают первоочередную значимость проблемы рождаемости для России.

[1] Ростовская, Т. К., Шабунова, А. А. и др. (20250. Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад — 2024 / отв. ред. Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова. Вологда: Вологодский научный центр РАН, 385.

[2] Футурологический конгресс–2036. Демография // ВЦИОМ [сайт]. https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/futurologicheskii_kongress-2036_demografija.pdf (дата обращения: 19.05.2025).

Материалы и методы

Информационными материалами исследования выступили глобальные данные об уровне рождаемости в странах мира[1]; данные аналитических отчетов ООН «Население мира. Политики, связанные с рождаемостью» 2021 г.[2]; «Население мира Перспективы на 2024 г.»[3]; официальные данные Росстата о демографическом и социально-экономическом развитии России и регионов[4]; данные о разных показателях, характеризующих рождаемость, размещенные в Единой межведомственной информационной статистической системе «ЕМИСС. Государственная статистика»[5].

Документальными источниками исследования стали региональные программы по повышению рождаемости субъектов РФ, принятые в 2023–2024 гг., актуализированные в соответствии с методическими рекомендациями Минтруда России[6].

Были использованы статистико-демографические методы, методы сравнительного анализа, контент-анализа официальных документов.

Результаты

Снижение рождаемости является современным демографическим трендом, наблюдающимся во многих странах мира.

Современные женщины рожают в среднем на одного ребенка меньше, чем тридцать лет назад, в настоящее время глобальный коэффициент рождаемости составляет 2,25 живорождения на одну женщину, в то время как в 1990 г.

[1] Global Fertility Rate 2024 [online]. https://database.earth/population/fertility-rate (accessed: 03.02.2025).

[2] World Population Policies. Politics Related to Fertility. UN Department Economy and Social Affairs. N-Y. 2021. 41 p. https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/undesa_pd_2021_wpp-fertility_policies.pdf (accessed: 01.02.2025).

[3] World Population Prospects. Summary of Results. 2024. UN Department Economy and Social Affairs. N-Y. 2024. https://www.un.org/development/desa/pd/content/world-population-prospects-2024-summary-results-0 (accessed: 01.02.2025).

[4] Демографический ежегодник России 2023. https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207 (дата обращения: 27.01.2025); Регионы России. Социально-экономические показатели. https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204 (дата обращения: 29.01.2025).

[5] ЕМИСС. https://www.fedstat.ru/indicators/search?searchText=%D1%80%D0%BE%D0%B6%D0%B4%D0%B0%D0%B5%D0%BC%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C (дата обращения: 31.01.2025).

[6] Постановление Правительства Ямало-Ненецкого автономного округа № 523-п от 30 июня 2023 г. «Об утверждении региональной программы по повышению рождаемостью на 2023–2025 гг.». Правительство Ямало-Ненецкого автономного округа. https://yanao.ru/dokumenty/103948/?ysclid=m6rhbrm9q3735646636 (дата обращения: 25.01.2025); Постановление Правительства Республики Ингушетия от 4 июля 2023 г. № 108 «Об утверждении региональной программы Республики Ингушетия по повышению рождаемости на период 2023–2025 г. (с изменениями и дополнениями. Гарант. Информационно-правовое обеспечение https://base.garant.ru/407370700/?ysclid=m6rio7i6dq548859780 (дата обращения: 25.01.2025); Правительства Республики Дагестан от 30 июня 2023 г. №253 «Об утверждении региональной программы по повышению рождаемости в Республике Дагестан». Гарант. Информационно-правовое обеспечение https://base.garant.ru/407122422/?ysclid=m6rj1uvrdu492471279 (дата обращения: 25.01.2025); Постановление Правительства Тюменской области «Повышение рождаемости в Тюменской области». Официальное опубликование правовых актов. http://publication.pravo.gov.ru/document/7200202306280021?ysclid=m6rj4wtxac33798527 (дата обращения: 25.01.2025); Постановление Смоленской области от 12.12.2024 г. № 973 «Об утверждении региональной программы по повышению рождаемости в Смоленской области на 2024–2027 гг.». Официальное опубликование правовых актов. http://publication.pravo.gov.ru/document/6700202412200001?ysclid=m6rk12zi8o985410454 (дата обращения: 25.01.2025) и др.

Рис. 1. *Суммарный коэффициент рождаемости в постсоветских государствах в 2024 г. (источник: Total Fertility Rate by Country in 2024 [online]. https://database.earth/population/fertility-rate/2024 (дата обращения: 02.02.2025))*

он составлял 3,31 рождения. Более чем в половине всех стран и регионов мира уровень рождаемости ниже уровня, необходимого для поддержания постоянной численности населения в долгосрочной перспективе[1].

Сравнение характеристик рождаемости в странах с самыми высокими значениями по состоянию на 2024 г. и их данными пятилетней давности показывает также снижение, но как следствие сдерживания рождаемости. В 2024 г., на первом месте в мире по количеству рождений на 1 женщину был Чад (6,0281), в 2019 г. — Сомали (6,5597); на втором месте в 2024 г. — Сомали (6,0104), в 2019 г. — Нигер (6,537), на третьем месте в 2024 г. — Конго (5,981), в 2019 г. — Чад (6,4118)[2]. Самые низкие показатели количества рождений на женщину в 2024 г. наблюдались в специальных административных регионах КНР — Макао и Гонконге — 0,6764 и 0,7265 соответственно, за которыми следовала Республика Корея, где СКР равнялся 0,7338. В 2019 г. на первом месте были Сент-Бартс (0,734), Республика Корея (0,8805), КНР (0,936)[3].

Высоки показатели СКР в отдельных субрегионах Азии. Это Афганистан (4,7606) в Центральной, Пакистан (3,5467) в Южной, Йемен (4,4995) в Юго-Западной Азии.

По географическим регионам наибольший СКР показывают женщины из африканских стран, наименьшие — из Восточной Азии.

[1] World Population Prospects: Summary of Results. 2024.

[2] Total Fertility Rate by Country in 2024 [online]. https://database.earth/population/fertility-rate/2024 (дата обращения: 02.02.2025 г.).

[3] Там же.

Россия (1,457) по СКР чуть опережает скандинавские страны, но уступает Франции (1,636), Великобритании (1,5511) и США (1,6221). Среди государств постсоветского пространства Россия (1,457) близка к странам, имеющим низкий уровень рождаемости (Республика Беларусь — 1,217, Литовская Республика — 1,2105 и Украина — 0,9879 (рис. 1). Более высокий уровень рождаемости имеют Республика Узбекистан — 3,4862, Республика Таджикистан — 3,0356, Республика Казахстан — 2,9842.

Во всех постсоветских государствах по сравнению с показателями на 1990 г. произошел спад рождаемости, за исключением Республики Казахстан.

Политика в поддержку рождаемости в странах мира

В современном мире реализуются две противоположные социально-демографические стратегии, исходя из показателей рождаемости. В странах с высокой рождаемостью, где, как правило, отсутствуют базовые социальные гарантии, социальная инфраструктура и стабильная экономика, проводят политику сдерживания через распространение методов контрацепции, внедрение основ планирования семьи, повышение возраста вступления в брак, повышения возраста матери на момент ее первых родов. Второй стратегии, связанной с политикой повышения рождаемости, придерживаются в странах, столкнувшихся с экономическими и социальными последствиями старения населения, в которых рождаемость ниже уровня, необходимого для воспроизводства населения. По данным ООН, 69 государств проводят политику сдерживания рождаемости, 55 — повышения рождаемости[1].

В экономически развитых странах демографические тенденции являются схожими: позднее вступление в брак, позднее первое рождение детей, рост доли бездетных женщин. В этих условиях считается, что поощрение более раннего материнства, влияющего на интервалы между рождениями, роды более высокого порядка, доступность вспомогательных репродуктивных технологий для возрастных пар могут положительно влиять на уровень рождаемости (Roustaei et al., 2019, p. 4–5).

Отдельные страны с низким уровнем рождаемости вводят разные меры для стимулирования рождаемости, поддержки многодетности, в т. ч. прямые выплаты, пособия семьям с детьми. Вопросы, связанные с абортами, являются одними из острых в политических повестках отдельных стран.

Как отмечается в докладе ООН «Население мира. Политика, связанная с рождаемостью» 2021 г., около половины стран с низким уровнем рождаемости принимают разные меры, направленные на ее повышение: вводят оплачиваемые и неоплачиваемые отпуска по беременности и родам с сохранением рабочего места; выделяют государственные субсидии на уход за детьми; детские или семейные пособия, оплачиваемые и неоплачиваемые родительские отпуска по уходу за детьми на дому; отцовские оплачиваемые и неоплачиваемые отпуска в связи с рождением ребенка с сохранением рабочего места; гибкий график работы

[1] World Population Policies. Politics Related to Fertility. UN Department Economy and Social Affairs. N-Y. 2021. 41 p. https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/undesa_pd_2021_wpp-fertility_policies.pdf (accessed: 01.02.2025).

родителей; налоговые льготы; премии; а также меры по улучшению репродуктивного здоровья подростков[1].

В Австралии почти 60 % работающих матерей трудятся неполный рабочий день, в Венгрии упор делается на стимулирование многодетности — семьи, имеющие трех и более детей, имеют возможность получения государственной поддержки в погашении ипотечного долга, с 2016 г. там реализуется специальная программа «Создание семейного очага»[2].

В Республике Корея, в стране с драматическим снижением рождаемости за 16 лет, правительством было направлено денежных средств в эквиваленте более 200 млрд долларов, в 2023–2024 гг. были повышены размеры ежемесячных пособий семьям с детьми до 1 года, однако эти меры не стали особо результативными. Президент Республики Корея в 2023 г. в этой связи призвал к «чрезвычайному мышлению»[3]. Рождаемость в этой стране продолжает снижаться. В качестве основной причины такого спада рождаемости указывают на то, что дети обходятся очень дорого.

Помимо экономических проблем, по причине которых молодые люди откладывают вступление в брак и рождение детей, есть и другой фактор, связанный с низкой рождаемостью. Республика Корея была одной из тех стран, в которых использовали политику сдерживания рождаемости в 1980-е гг. Как отмечает Кен Э Чо, секретарь Корейской ассоциации народонаселения, здравоохранения и социального обеспечения в 2018–2021 гг., с момента окончания Корейской войны и до 1982 г. в стране наблюдался высокий уровень рождаемости, в 1983 г. коэффициент рождаемости в стране опустился ниже уровня воспроизводства населения, равного 2,1, благодаря жесткой политике правительства по регулированию рождаемости, широкому использованию контрацепции (Cho, 2021, p. 1). От парадигмы контроля численности населения в Корее отказались лишь в 1996 г.

В 2005 г. правительство приняло Рамочный закон о низкой рождаемости в стареющем обществе и организовало Президентский комитет по стареющему обществу и демографической политике, который возглавляет президент, был обновлен базовый план по борьбе со старением общества и населения, который включает меры по поддержке беременности и деторождения, а также услуги по уходу за детьми, призванные облегчить финансовую нагрузку семей по воспитанию детей. С 2015 г. были введены дополнительные меры поддержки в поиске работы и жилья для молодоженов (Cho, 2021, p. 2).

Корейское правительство опубликовало IV базовый план по старению общества и демографической политике на 5-летний период, начинающийся в 2021 г., в котором основное внимание уделяется концепции создания «устойчивого общества, в котором все поколения будут счастливы вместе», согласно которой текущие показатели рождаемости и демографические явления являются результатом индивидуального выбора (Cho, 2021, p. 3).

[1] Там же.

[2] Там же.

[3] Merelli, A. This Asian Nation will Give Families $ 770 a Month for Ona Year. World Economic Forum [online]. Apr. 3, 2023. https://www.weforum.org/stories/2023/04/this-asian-nation-will-give-families-770-a-month-for-one-year-to-have-a-baby/ (accessed: 02.02.2025).

Инициативы правительства, связанные с проведением Национального обследования рождаемости, здоровья и благосостояния семьи, не встретили одобрения женщин, которые считают, что «правительство просто рассматривает женщин как инструмент для деторождения».

Таким образом, Республика Корея, как и другие государства, столкнувшиеся с проблемой старения населения, депопуляции, основной упор делает на финансовых инструментах стимулирования демографических процессов. Однако государственные инвестиции в семьи не приводят к росту рождаемости, проблема не только в экономике, но и в ценностях.

Еще одной страной с очень низким уровнем рождаемости является Китайская Народная Республика, в которой, как и в Республике Корея, несколько десятилетий придерживались политики ограничения роста численности населения. В 1979 г. в Китае правительством была введена в действие политика «одного ребенка». С учетом изменившейся демографической ситуации в 2016 г. было разрешено семьям иметь двух детей, позже было разрешено иметь трех детей. Однако эти меры не привели к росту рождаемости. Многие по-прежнему не желают заводить более одного ребенка из-за высоких затрат, требуемых на рождение и воспитание. Всё больше китайских женщин, особенно высокообразованных городских жительниц, не считают более брак и родительские обязанности важными аспектами жизни (Lucero-Prisno et al., 2022, p. 1). Снижение числа браков, рост разводов, отказ от рождения более одного ребенка — все эти структурные демографические сдвиги в Китае происходят на фоне роста экономики и качества жизни.

Китайское правительство пообещало улучшить дородовые и послеродовые услуги, повысить доступность лечения бесплодия, расширить доступ к ЭКО одиноких женщин, однако оно по-прежнему доступно только супружеским парам[1]. В повестке остаются вопросы запрета «немедицинских абортов». В последние годы правительство Китая ввело налоговые вычеты и другие льготы, а также попыталось решить проблему высоких затрат на воспитание ребенка, в т. ч. путем, по сути, закрытия индустрии частных репетиторских услуг[2]. Проблемы низкой рождаемости пытаются решать не только на общенациональном уровне, но и на местном. Так, власти округа Чаншань в провинции Чжецзян объявили, что семьи, имеющие двоих и троих детей, получат пособия по уходу за детьми; будут введены бесплатные гинекологические осмотры для женщин, имеющих троих детей; будут предоставлены льготное обучение в школе, жилье, бесплатный проезд в общественном транспорте тем, кто имеет троих детей, и ряд других мер[3].

Кейсы Республики Корея важны для понимания того, что политики ограничения рождаемости позволяют в определенной мере контролировать численность населения, но остановить падение рождаемости после пересмотра подходов к ним не удается, долгосрочные эффекты таких «вмешательств» неясны.

[1] Davidson, H. Chinese Government Attempts to Boost Birth Rate with New Policies. The Guardian, 17 Aug., 2022. https://www.theguardian.com/world/2022/aug/17/chinese-government-birth-rate-policies-abortions-population (accessed: 03.02.2025).

[2] Там же.

[3] Zhesheng, Hu. County Offers Rewards to Boost Fertility. China daily. 29 Aug., 2023. https://www.chinadaily.com.cn/a/202308/29/WS64ee005da31035260b81eddd.html (accessed:03.02.2025).

В Республике Корее и Китайской Народной Республике, когда говорят о том, что «ребенок обходится дорого», подразумевается не столько дефицит средств на воспитание ребенка, сколько родительская конкуренция в объемах инвестиций в ребенка, прежде всего, в его образование, развитие, от которого зависит его карьерное будущее. Культ социального успеха и высококонкурентная образовательная среда способствуют распространению малодетной модели, когда все ресурсы семьи можно направить на социализацию единственного ребенка.

Как показано выше, во многих странах пронаталистская политика переживает процесс институционализации, в ходе которого формируются новые практики, отвечающие демографическим вызовам современности. Институционализация политики повышения рождаемости происходит посредством формирования отдельных государственных структур для решения демографических проблем, как Президентский комитет по стареющему обществу и демографической политике в Республике Корея, обновления законодательства, санкционирующего многодетность, как в Китайской Народной Республике, трудового законодательства, регулирующего гибкий режим работы для женщин с детьми, как, например, в Австралии. Многие финансовые инструменты поощрения рождения детей, многодетности, когда государство берет на себя часть расходов родителей, связанных с уходом за детьми, их воспитанием, образованием, являются частью институционализации политики, ориентированной на интересы семьи.

Политика по повышению рождаемости в России

В 2007 г. в России был введен «материнский капитал», который на первых этапах предоставлялся после рождения второго ребенка, с 2020 г. данная государственная мера поддержки семей с детьми оказывается родителям после рождения первенца, предусмотрена возможность доплаты в размере 202,6 тыс. руб. при появлении второго рожденного или усыновленного ребенка. Размер материнского капитала индексируется (в настоящее время он составляет 833 тыс. руб.).

С 2019 г. в России реализовывался национальный проект «Демография», на смену которому с 1 января 2025 г. пришел новый национальный проект «Семья». На популяризацию государственной политики в сфере защиты семьи и поддержку идей и традиционных семейных ценностей был направлен Указ Президента РФ о проведении в России Года семьи в 2024 г.[1] В 2024 г. были введены возможности закрепления статуса многодетной семьи бессрочно и получения ими соответствующего удостоверения.[2].

Помимо социальных, моральных мер поддержки семей с детьми за последние два года был принят ряд новшеств в российском законодательстве

[1] Указ Президента Российской Федерации от 22 ноября 2023 г. №875 «О проведении в Российской Федерации Года семьи». Официальное опубликование нормативных актов [сайт]. http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202311220013?ysclid=m6stdxnztu107362328 (дата обращения: 11.02.2025).

[2] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 июня 2024 г. №1725-р «Об утверждении единого образца и описания бланка единого образца удостоверения, подтверждающего статус многодетной семьи в РФ». Гарант.ру. Информационно-правовой портал. https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/409179716/ (дата обращения: 27.01.2025).

ограничительного характера, которые по своему замыслу направлены на повышение демографической устойчивости и рождаемости.

В 2023 г. в нескольких субъектах РФ были приняты законы, предусматривающие административную ответственность за склонение к абортам. Такие законы, к примеру, были приняты в Республике Мордовия[1], в Новгородской области[2] и других российских регионах. Под склонением к аборту понимается «совершение действий с целью принуждения беременной женщины к искусственному прерыванию беременности путем уговоров, подкупа, обмана, выдвижения иных требований»[3]. В том же 2023 г. в некоторых регионах частные медицинские организации отказались от оказания медицинских услуг по прерыванию беременности (Республик Крым, Курская область и др.)

В частности, согласно Клиническим рекомендациям аборт по желанию женщин проводят только после консультаций психолога в женской консультации, и, если женщина отказывается от аборта, то предусматривается психологическое сопровождение женщины в период беременности и после рождения ребенка[4].

В России был принят федеральный закон, устанавливающий административную ответственность за пропаганду бездетности («чайлдфри»)[5]. Данным законом были внесены изменения в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. За распространение информации, формирование или совершение публичных действий, направленных на формирование привлекательности отказа от деторождения или искаженного представления о равноценности рождения детей и отказа от деторождения, предусмотрены штрафы. Действия закона не распространяются на информацию о монашестве, обете безбрачия (целибате) и связанном с ним отказе от деторождения[6].

В 2023 г. постановлением Правительства РФ были утверждены три региона (Новгородская, Пензенская и Тамбовская области), в которых с 1 сентября 2023 г. по 31 декабря 2024 г. был реализован пилотный проект, направленный

[1] Закон Республики Мордовия от 2 августа 2023 г. «О запрещении склонения к искусственному прерыванию беременности на территории Республики Мордовия». Официальное опубликование правовых актов [сайт]. http://publication.pravo.gov.ru/document/1300202308080010?ysclid=m6srgfeomm536660553&index=2 (дата обращения: 02.02.2025).

[2] Областной закон 13 декабря 2023 г. «О запрете склонения к искусственному прерыванию беременности на территории Новгородской области и о внесении изменений в областной закон «Об административных правонарушениях». Официальное опубликование правовых актов [сайт]. http://publication.pravo.gov.ru/document/5300202312190013?ysclid=m6srz54v4615024275&index=3 (дата обращения: 03.02.2025).

[3] Закон Республики Мордовия от 2 августа 2023 г. «О запрещении склонения к искусственному прерыванию беременности на территории Республики Мордовия». Официальное опубликование правовых актов [сайт]. http://publication.pravo.gov.ru/document/1300202308080010?ysclid=m6srgfeomm536660553&index=2 (дата обращения: 02.02.2025).

[4] Там же.

[5] Федеральный закон от 23.11.2024 г. №401-ФЗ «О внесении изменений в ст. 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях». Консультант Плюс [сайт].: https://www.consultant.ru/law/hotdocs/87133.html?ysclid=m6sqpy7spi117910404 (дата обращения: 04.02.2025).

[6] Там же.

на стимулирование рождаемости[1]. В том же году Минтрудом России были разработаны методические рекомендации по разработке региональных программ по повышению рождаемости, в которых были подробно расписаны требования к их содержанию и структуре[2]. Разработка и реализация программ повышения рождаемости, которые были приняты во всех регионах в 2023–2024 гг., стала институциональным механизмом последовательной государственной политики в сфере достижения макродемографических целей. Если ранее анализ демографического потенциала регионов проводился в рамках сугубо научного анализа ученых, то на текущем этапе такая оценка в разрезе регионов стала частью механизма формирования политики в сфере воспроизводства населения. Примечательным является то, что, помимо базовых демографических показателей, таких, как численность населения, миграция, соотношение браков и разводов, половозрастная структура, объектом комплексного анализа стала и структура женского населения.

Разработка региональных программ повышения рождаемости и специфика рекомендаций проведения анализа демографического потенциала регионов актуализируют еще один институциональный аспект политики повышения рождаемости — подготовку специалистов в области демографии для сферы госуправления.

Методические рекомендации Минтруда России нацеливали регионы на изменение имеющихся демографических тенденций, обеспечение устойчивого роста рождаемости и числа многодетных семей, а также обеспечение снижения их бедности. Принятые региональные программы были актуализированы путем внесения новых и исключения некоторых мероприятий, которые не соответствовали цели повышения рождаемости или слабо влияли на ее достижение.

Объектом управления и воздействия являются не только состоявшиеся семьи, имеющие или не имеющие детей, но и дети. В целях установления приоритета для молодых людей по созданию семьи и рождению детей было рекомендовано проводить более активную работу с детьми по укреплению семьи как главной ценности.

Рекомендации являются общими для всех регионов вне зависимости от особенностей сложившейся семейно-демографической ситуации, регионы не дифференцируются по показателям рождаемости (высокие, средние, низкие), соответственно, типовая форма является единой, различия наблюдаются в целевых значениях показателей. В принятых программах основной упор сделан на социальной помощи семьям при рождении ребенка, семьям, имеющим детей. Те или иные региональные выплаты и их размер зависят не только от уровня бюджетной обеспеченности регионов, но и от инициатив региональных администраций,

[1] Постановление Правительства РФ от 31 августа 2023 г. №419 «О реализации пилотного проекта, направленного на стимулирование рождаемости». Официальное опубликование правовых актов [сайт]. http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202309010053?ysclid=m6suzgqe14291278700&index=4 (дата обращения: 01.02.2025).

[2] Приказ Минтруда России от 05.05.2023 г. №436 (ред. от 08.12.2023) «Об утверждении Методических рекомендаций по оценке демографического потенциала субъекта Российской Федерации и разработке региональных программ по повышению рождаемости». Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации [сайт]. https://legalacts.ru/doc/prikaz-mintruda-rossii-ot-05052023-n-436-ob-utverzhdenii/?ysclid=m6ssnekgqa929545512 (дата обращения: 01.02.2025).

в этой связи региональные меры социальной поддержки семей с детьми неравномерны и отличаются от региона к региону.

Не все регионы при проведении комплексного анализа демографической ситуации и оценке демографического потенциала исследуют демографические данные в разрезе муниципальных районов. Такой анализ важен для отслеживания динамики и оценки эффективности региональных и муниципальных мер для повышения рождаемости, деятельности местных органов власти, выявления районов с самыми неблагоприятными показателями. Анализ ситуации в разрезе муниципальных районов представлен, к примеру, в региональной программе Ленинградской области относительно динамики численности женщин; женщин репродуктивного возраста; структуры женщин фертильного возраста по возрастным группам и ряда других показателей[1].

Анализ демографической ситуации в региональных программах по повышению рождаемости включает практически весь спектр факторов, влияющих на число рождений в регионе, в т. ч. показатели брачности и разводимости, но в самих комплексных планах нет механизмов воздействия на эти факторы. Содержание и структура анализа не в полной мере увязаны с таковыми программами.

Региональные различия в сфере рождаемости

В России демографические тенденции варьируются в силу экономических, этнорегиональных и социокультурных особенностей населения субъектов РФ. Социально-экономическое и демографическое развития субъектов, входящих в один и тот же федеральный округ, могут в значительной степени различаться. К примеру, в составе Северо-Западного федерального округа присутствует Ленинградская область с самым низким показателем рождаемости среди субъектов РФ и Ненецкий автономный округ, относящийся к регионам с высокой рождаемостью.

Как показано на рисунке 2, в Уральском, Сибирском, Дальневосточном и Северо-Кавказском федеральных округах, удаленных от центра, СКР превышает, а в Центральном, Северо-Западном, Южном и Приволжском округах не достигает среднероссийского значения.

По данным 2023 г. о количестве рождений на одну женщину российские регионы можно поделить на две группы:

1) регионы, в которых СКР ниже простого воспроизводства населения[2];

2) регионы, в которых СКР выше простого воспроизводства населения[3].

Ко второй группе относятся всего два субъекта РФ: Чеченская Республика (2,66) и Республика Тыва (2,44), все остальные — к первой группе.

Половина из 10 регионов с низкой рождаемостью (Рязанская, Белгородская, Смоленская, Владимирская, Тульская области) входит в состав Центрального

[1] Постановление Правительства Ленинградской области от 13.12.2024 г. № 903 «Об утверждении региональной программы по повышению рождаемости в Ленинградской области// Электронное опубликование документов. Сетевое издание. https://npa.lenobl.ru/docs/governor/view/113045/ (дата обращения: 02.02.2025).

[2] СКР до 2.

[3] СКР выше 2,1.

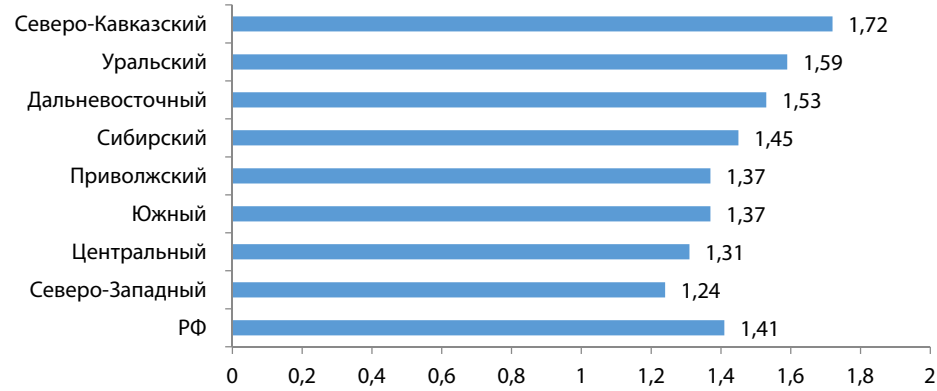

Рис. 2. *Суммарный коэффициент рождаемости в разрезе федеральных округов в 2023 г. (источник: Суммарный коэффициент рождаемости. ЕМИСС. Государственная статистика. https://www.fedstat.ru/indicator/31517 (дата обращения: 01.02.2025))*

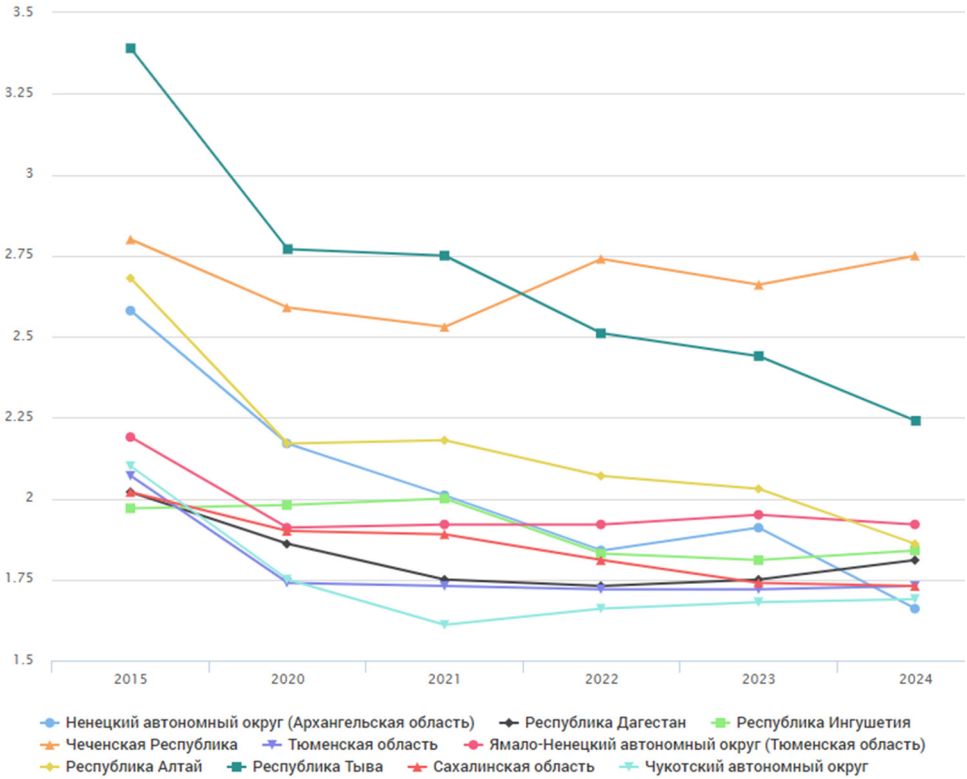

Рис. 3. *Суммарные коэффициенты рождаемости в субъектах РФ с высокой рождаемостью в 2015–2024 гг. (источник: Суммарный коэффициент рождаемости. ЕМИСС. https://www.fedstat.ru/indicator/31517 (дата обращения: 01.02.2025))*

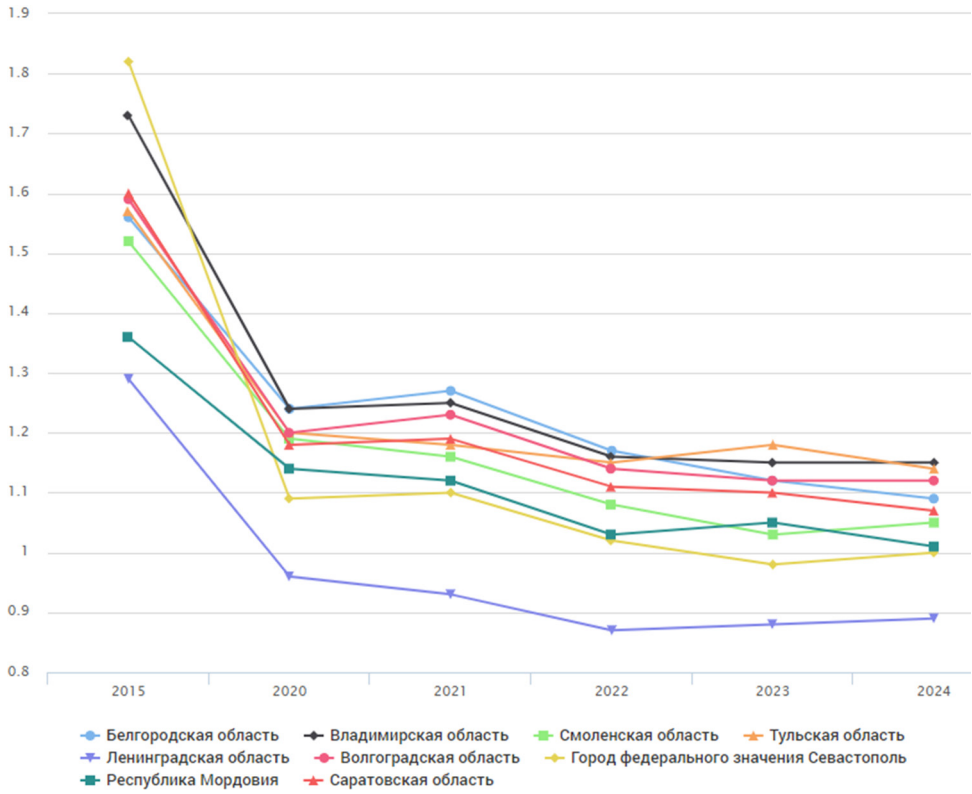

Рис. 4. *Суммарные коэффициенты рождаемости в субъектах РФ с низкой рождаемостью в 2015–2024 гг. (источник: Суммарный коэффициент рождаемости. ЕМИСС. https://www.fedstat.ru/indicator/31517 (дата обращения: 01.02.2025))*

федерального округа, по 20 % — в Южный (Волгоградская область и г. Севастополь) и Приволжский (Саратовская область и Республика Мордовия) и 10 % — в Северо-Западный (Ленинградская область) федеральные округа (рис. 3).

Наибольшую долю регионов с высокой рождаемостью составили республики Северо-Кавказского федерального округа — 30 % (Чеченская Республика, Республика Дагестан, Республика Ингушетия), по 20 % субъекты Сибирского (Республика Тыва, Республика Алтай), Дальневосточного (Чукотский АО, Сахалинская область), Приволжского (Тюменская область, Ямало-Ненецкий АО) федеральных округов, и 10 % — из Северо-Западного федерального округа.

Как показано на рисунках 3 и 4, внутри этих двух групп также происходят разнонаправленные процессы снижения и роста.

По данным 2024 г., более половины субъектов РФ имеют очень низкий показатель рождаемости (ниже 1,5 рождений на женщину) и по сравнению с 2023 г.

показали дальнейшее ее снижение[1]. Репродуктивное поведение зависит от комплекса факторов, в этой связи быстрые изменения за короткий срок невозможны.

Заключение

Репродуктивное поведение является результатом воздействия разных факторов, не только социально-экономических, но и мировоззренческих. Пронаталистская государственная политика может противоречить ценностям изменившихся гендерных укладов, феминистическому дискурсу относительно репродуктивной миссии и роли женщин в семейно-брачных отношениях. Без воспитания ценностей полной, многодетной семьи, родительской роли, реализации брачного потенциала одно лишь финансовое стимулирование рождаемости не будет успешным в достижении макродемографических целей, как показывает опыт Республики Кореи.

В России институционализация семейной и демографической политики, направленной на повышение рождаемости, получила новый импульс в течение последних двух лет. Для достижения целей в сфере демографии был принят комплекс мер, как поощряющих рождение детей, многодетность и популяризирующих традиционные семейные ценности, так и ограничивающих негативное воздействие на женщин, молодежь и население в целом ценностей и практик, противоречащих многодетной модели семьи.

Поскольку региональные программы повышения рождаемости были приняты в большинстве регионов на период с 2023 по 2025 гг., следует ожидать, что эти программы после 2025 г. с учетом апробации и оценки эффективности мер, включенных в них, будут обновлены и приняты вновь на последующий срок. Итоги 2024 г. показывают, что большинство российских регионов демонстрируют отрицательную динамику в рождаемости.

Список источников

Cho, K. A. (2021). Korea's low birth rate issue and policy directions. *Korean J Women Health Nurs, 27* (1), 6–9. https://doi.org/10.4069/kjwhn.2021.02.16

Lucero-Prisno, D. E., Kouwenhoven, M. B. N. et al. (2022). The challenges of the low birth rate in China. *Public Health Challenges, 1,* 1–4. https://doi.org/10.1002/puh2.8

Roustaei, Z., Räisänen, S., Gissler, M. et al. (2019). Fertility Rates and the Postponement of First Births: a Descriptive Study with Finnish Population Data. *BMJ Open, 9,* e026336. https://10.1136/bmjopen-2018-026336

Натсак Органа Доржуевна — кандидат философских наук, ученый секретарь, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва; https://orcid.org/0000-0003-1833-4810 (Российская Федерация, 667000, г. Кызыл, ул. Кочетова, 4; e-mail: nod695596@gmail.com).

Organa D. Natsak — Phd (Philosophy), Scientific Secretary, Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva; https://orcid.org/0000-0003-1833-4810 (4, Kochetova St., Kyzyl, 667000, Russian Federation; e-mail: nod695596@gmail.com).

[1] Суммарный коэффициент рождаемости. ЕМИСС. https://www.fedstat.ru/indicator/31517 (дата обращения: 05.02.2025).

УДК 314.335.044
JEL classification: J11, J13
https://www.doi.org/10.17059/udf-2025-3-9

Феномен внебрачной рождаемости как социальное явление[1]

Л. К. Рашитова

Национальный исследовательский университет «Московский энергетический институт» (г. Москва, Российская Федерация).

https://orcid.org/0000-0002-8591-8982

Автор для корреспонденции: Л. К. Рашитова (Rashitova5luisa@rambler.ru).

Аннотация. *В данной статье внебрачные рождения рассматриваются как значимый социальный феномен, оказывающий существенное влияние на структуру семейных отношений и общественные устои. На основе анализа данных всероссийских переписей населения 2010 и 2020 годов, а также статистических демографических ежегодников автор проводит исследование динамики внебрачных рождений в Российской Федерации с учетом региональных особенностей. В работе исследуются факторы, обусловившие изменения в сфере внебрачной рождаемости, и прослеживается эволюция общественного отношения к этому явлению.*

Ключевые слова: внебрачная рождаемость; материнская семья; одинокие матери

The phenomenon of illegitimate birth as a social phenomenon

L. Rashitova

National Research University «Moscow Power Engineering Institute» (Moscow, Russian Federation).

https://orcid.org/0000-0002-8591-8982

Corresponding author: L. Rashitova (Rashitova5luisa@rambler.ru).

Abstract. *In this article, illegitimate births are considered as a significant social phenomenon that has a significant impact on the structure of family relations and social foundations. Based on the analysis of data from the All-Russian population censuses of 2010 and 2020, as well as statistical demographic yearbooks, the author conducts a study of the dynamics of illegitimate births in the Russian Federation, taking into account regional peculiarities. The paper examines the factors that led to changes in the field of illegitimate fertility, and traces the evolution of public attitudes towards this phenomenon.*

Keywords: illegitimate birth rate; maternal family; single mothers

Введение

В современной социальной реальности высокоразвитых стран, включая Российскую Федерацию, отмечается явный рост числа однородительских семей. В отечественных академических кругах такие семейные структуры принято обозначать как «неполные».

В связи с существенным ростом доли неполных семей среди семей с несовершеннолетними детьми изучение данной категории приобретает особую значимость. Согласно данным переписи населения 2020 г., воспитанием детей в 4,85 млн семей (31,2 %) занимаются одинокие матери, а в 1,13 млн семей (7,3 %) — одинокие отцы. Сравнительный анализ с данными переписи 2010 г. демонстрирует увеличение доли семей с одинокими матерями на 2,4 п. п. и двукратное увеличение количества семей с одинокими отцами. В целом доля неполных

[1] © Рашитова Л. К. Текст. 2025.

семей с детьми в возрасте до 18 лет увеличилась в 1,2 раза — с 32,7 % в 2010 г. до 38,5 % в 2020 г. Полученные данные подчеркивают необходимость пристального изучения проблем неполных семей и разработки государственных мер поддержки для обеспечения благополучия детей, находящихся на попечении одиноких родителей (Смирнов & Селиванова, 2023).

Значительное влияние на формирование монородительских материнских семей оказывает рост числа внебрачных рождений.

Основная часть

В России исторически доля детей, рожденных вне официального брака, была ниже, чем в странах Западной Европы. В начале 1990-х гг. в контексте масштабных социально-экономических преобразований произошли существенные изменения в общественных ценностях. Это привело к значительному увеличению числа детей, рожденных вне брака.

Начиная с 1994 г. наблюдается дивергентная динамика брачной и внебрачной рождаемостей: общий уровень рождаемости снижается, в то время как внебрачная рождаемость растет. Следовательно, можно сделать вывод, что именно рост внебрачной рождаемости в период трансформации общественных отношений позволил частично смягчить негативные последствия общего демографического спада (Гилязитдинов и др., 2003).

По данным Росстата, в 2001 г. этот показатель внебрачных рождений составлял 28,8 %[1]. К 2005 г. он увеличился до 30 %, причем в городских агломерациях он был несколько ниже (28,4 %), чем в сельской местности (34,0 %) (Захаров, 2007).

В последующие годы тенденция сохранилась: в 2006 г. доля внебрачных рождений достигла 29 %, а в 2007–2008 гг. — 28 % и 30 % соответственно (Ржаницына, 2008). В 2009 г. каждый третий новорожденный (30 %) был рожден вне брака, при этом более половины из них (56 %) были официально зарегистрированы только на мать (Гришина & Колесниченко, 2009). Можно сделать вывод о значительном увеличении числа внебрачных рождений в России в начале 2000-х гг.

В 2011 г. доля рождения детей вне официального брака составила 22,3 % от общего числа новорожденных и 24,8 % среди первенцев. В 2012 г. эти показатели изменились до 22,8 % и 20,8 % соответственно. Необходимо отметить, что часть детей, рожденных вне брака, была официально зарегистрирована на основании совместного заявления родителей о признании отцовства (приблизительно половина). Оставшаяся часть детей была зарегистрирована исключительно по заявлению матери (Чурилова & Чумарина, 2014).

С 2015 г. в Российской Федерации наблюдается тенденция к сокращению как абсолютных, так и относительных показателей рождений вне брака. Данный тренд в основном обусловлен общим снижением рождаемости в стране. Доля детей, появившихся на свет вне зарегистрированного брака, составила 21 % (340364 новорожденных), что соответствует приблизительно одному из пяти случаев рождения. Несмотря на отмеченное снижение, уровень рождений вне брака

[1] Гришина, С., Колесниченко, А. (2009). Женщины все чаще решаются рожать детей только «для себя». Новые известия. www.materinstvo.ru/art/2258/ (дата обращения: 06.12.2024).

в Российской Федерации по-прежнему остается высоким, что указывает на произошедшие изменения в общественных нормах и моделях репродуктивного поведения, которые закрепились в современном обществе (Козлова & Секицки-Павленко, 2020).

Данные таблицы 1 демонстрируют количество новорожденных у женщин, не состоящих в зарегистрированном браке, по федеральным округам Российской Федерации за период с 2015 по 2023 гг. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики, в 2023 г. доля детей, рожденных женщинами, не состоящими в официальном браке, составила 23,0 %. Это число эквивалентно 291197 новорожденным.

Таблица 2 иллюстрирует тенденции изменения количества рождений вне брака по федеральным округам Российской Федерации в обозначенный период. Максимальная доля внебрачных рождений в 2023 г. отмечена в Республике Ингушетия, Республике Северная Осетия-Алания, Республике Дагестан и Чеченской Республике. В остальных регионах Российской Федерации фиксируется либо стабильность (Южный и Дальневосточный федеральные округа), либо постепенное и планомерное снижение показателей рождений вне брака (Центральный, Северо-Западный, Приволжский, Уральский и Сибирский федеральные округа).

Таблица 1

Родившиеся живыми у женщин, не состоявших в зарегистрированном браке, по федеральным округам Российской Федерации (2015–2023 гг.)

Субъекты РФ	Всего родившихся у женщин вне брака по годам								
	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Российская Федерация	419443	397588	357750	340364	309230	311174	307312	297011	291197
Центральный федеральный округ	86578	84728	76720	72337	66535	70344	69802	66545	63977
Северо-Западный федеральный округ	37464	35438	32122	30273	27971	27549	27136	25222	23589
Южный федеральный округ	36320	39899	36002	33373	31360	31628	31615	29938	29535
Северо-Кавказский федеральный округ	30481	30000	28712	34456	27207	28484	27591	33240	39856
Приволжский федеральный округ	77798	72389	63460	59009	53356	52156	51296	47754	45472
Уральский федеральный округ	41081	38108	34055	31664	28988	28939	28865	27613	26158
Сибирский федеральный округ	77421	72595	64977	51559	46168	45147	44655	41784	39149
Дальневосточный федеральный округ	25912	24431	21702	4288	5103	4361	4182	4004	3912

Источник: сост. автором по: Росстат. Естественное движение населения Российской Федерации за 2015–2023 годы (Статистический бюллетень). Таблица 4. Родившиеся живыми у женщин, не состоявших в зарегистрированном браке, по субъектам Российской Федерации. https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13269 (дата обращения: 23.12.2024).

Таблица 2

Прирост / снижение числа родившихся живыми у женщин, не состоявших в зарегистрированном браке, по федеральным округам Российской Федерации к общему числу родившихся (%) (2015–2023 гг.)

Субъекты РФ	% к общему числу родившихся																
	2015	2016	+/- 2016 к 2015	2017	+/- 2017 к 2016	2018	+/- 2018 к 2017	2019	+/- 2019 к 2018	2020	+/- 2020 к 2019	2021	+/- 2021 к 2020	2022	+/- 2022 к 2021	2023	+/- 2023 к 2022
Российская Федерация	21,6	21,1	–0,5	21,2	0,1	21,2	0	20,9	–0,3	21,7	0,8	22,0	0,3	22,8	0,8	23,0	0,2
Центральный федеральный округ	18,9	18,6	–0,3	18,7	0,1	18,5	–0,2	18,1	–0,4	19,8	1,7	20,1	0,3	20,2	0,1	20,0	–0,2
Северо-Западный федеральный округ	21,6	20,5	–1,1	20,8	0,3	20,8	0	20,9	0,1	21,7	0,8	22,1	0,4	22,3	0,2	21,8	–0,5
Южный федеральный округ	20,3	19,8	–0,5	19,8	0	19,3	–0,5	19,4	0,1	20,2	0,8	20,4	0,2	21,3	0,9	21,5	0,2
Северо-Кавказский федеральный округ	19,0	19,4	0,4	19,5	0,1	24,3	4,8	20,1	–4,2	20,9	0,8	21,1	0,2	25,7	4,6	31,4	5,7
Приволжский федеральный округ	19,7	19,0	–0,7	19,2	0,2	18,9	–0,3	19,0	0,1	19,4	0,4	19,5	0,1	20,1	0,6	19,7	–0,4
Уральский федеральный округ	22,5	21,9	–0,6	21,9	0	21,5	–0,4	21,5	0	22,1	0,6	22,4	0,3	22,9	0,5	22,3	–0,6
Сибирский федеральный округ	27,9	27,3	–0,6	27,4	0,1	26,3	–1,1	26,0	–0,3	26,6	0,6	27,1	0,5	27,2	0,1	26,7	–0,5
Дальневосточный федеральный округ	30,0	29,6	–0,4	29,1	–0,5	32,5	3,4	39,8	7,3	33,3	–6,5	34,3	1	34,0	–0,3	35,1	1,1

Источник: сост. и рассч. автором по: Росстат. Естественное движение населения Российской Федерации за 2015–2023 годы (Статистический бюллетень). Таблица 4. Родившиеся живыми у женщин, не состоявших в зарегистрированном браке, по субъектам Российской Федерации. https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13269 (дата обращения: 23.12.2024).

Таблица 3 представляет статистический анализ рождаемости у женщин, не состоящих в браке, сгруппированный по федеральным округам Российской Федерации и типам населенных пунктов за 2021 и 2022 гг. Исследование данных таблицы указывает на то, что рождение детей вне брака преобладает в городских агломерациях по всей стране. Вместе с тем отметим, что в Северо-Кавказском федеральном округе отмечается тенденция к росту числа таких рождений в сельской местности, что является характерной чертой для Республики Дагестан и Ставропольского края.

В прошлом наблюдалось увеличение количества детей, рожденных вне брака и зарегистрированных исключительно по заявлению матери. Так, в 1990 г. их было 3306 (5,1 % от общего числа), а в 2006 г. — 6845 (15,2 %). Эта тенденция сохранялась

Таблица 3

Родившиеся живыми у женщин, не состоявших в зарегистрированном браке, по федеральным округам РФ и по типу поселения (2021–2022 гг.)

Субъекты РФ	Родившиеся живыми		
	всё население	городское население	сельское население
Российская Федерация			
2021	307312	213879	93433
2022	297011	206048	90963
Центральный федеральный округ			
2021	69802	57894	11908
2022	66545	56332	10213
Северо-Западный федеральный округ			
2021	27136	22509	4627
2022	25222	21032	4190
Южный федеральный округ			
2021	31615	18613	13002
2022	29938	17628	12310
Северо-Кавказский федеральный округ			
2021	27591	12689	14902
2022	33240	15302	17938
Приволжский федеральный округ			
2021	51296	34693	16603
2022	47754	32396	15358
Уральский федеральный округ			
2021	28865	21912	6953
2022	27613	20879	6734
Сибирский федеральный округ			
2021	44655	28960	15695
2022	41784	26780	15004
Дальневосточный федеральный округ			
2021	26352	16609	9743
2022	24915	15699	9216

Источник: Демографический ежегодник России. 2023: Стат. сб. М., 256; Приложение к Демографическому ежегоднику России 2023.

до 2012 г. С 2013 г. наблюдается преобладание количества детей, рожденных вне брака и зарегистрированных по совместному заявлению родителей, над количеством детей, зарегистрированных только по заявлению матери (табл. 4).

Следует подчеркнуть, что рождение детей вне официального брака, часто рассматриваемое как вынужденная мера, обусловленная особыми обстоятельствами, уже давно вышло за рамки маргинального явления в российском обществе. Несмотря на некоторое снижение его распространенности, данное явление получило широкое распространение и требует всестороннего социологического и психологического исследования как с точки зрения причин, так и последствий.

Определение «материнской» семьи, т. е. семьи во главе с женщиной, воспитывающей ребенка без супруга, является сложной задачей. Во-первых, отсутствие официально зарегистрированного брака не всегда означает, что родители не проживают вместе и ребенок не растет в полной семье. Во-вторых, юридическое подтверждение отцовства при рождении ребенка не гарантирует активного участия отца в его материальном обеспечении и воспитании. В-третьих, некоторые женщины, воспитывающие детей самостоятельно, впоследствии вступают в брак, однако официальный статус их детей не меняется (за исключением случаев усыновления).

Законодательство Российской Федерации допускает возможность пребывания матерей-одиночек в зарегистрированных брачно-партнерских отношениях. В таком случае дети, не имея формально отца, могут расти в полноценной семье и иметь право на получение дополнительных социальных выплат и льгот, предусмотренных для одиноких матерей. Расширение государственной поддержки материально-финансовой помощи одиноким матерям может привести к увеличению количества женщин, выбирающих этот статус. Данная тенденция подтверждается опытом зарубежных стран, которые в период с 1970 по 1980 гг.

Таблица 4

Распределение детей, рожденных вне брака по форме регистрации

Годы	Родившиеся живыми, всего	вне зарегистрированного брака	из них зарегистрированные	
			по совместному заявлению родителей	по заявлению матери
2010	1788948	444891	199204	245687
2011	1796629	441531	205787	235744
2012	1902084	453506	215529	237977
2013	1895822	435993	218769	217224
2014	1942683	438516	218204	213062
2015	1940579	419443	217454	201989
2016	1888729	397588	210440	187148
2017	1690307	357750	193389	164361
2018	1604344	340364	172490	167874
2019	1481074	309230	160374	148856
2020	1436514	311174	162404	148770
2021	1398253	307312	161417	145896
2022	1304087	297011	155358	141653

Источник: Демографический ежегодник России. 2023: Стат. сб. М., С. 67.

расширили материальную помощь одиноким матерям, а также современными российскими экспериментами в сфере семейной политики на региональном уровне (Захаров & Чурилова, 2013).

Анализ статистических данных Федеральной службы государственной статистики за период с 2015 по 2023 гг. показал высокую долю женщин, родивших вне брака, в возрастной группе до 44 лет. До 2018 г. наибольшую долю среди рожениц, не состоящих в браке, составляли женщины в возрасте от 25 до 29 лет. С 2018 г. лидирующую позицию заняли представительницы возраста от 30 до 34 лет. Вероятно, это связано со смещением среднего возраста рождения детей к 30 годам и старше. Однако, учитывая снижение фертильности у женщин после 35 лет, их процент в общей массе внебрачных рождений остается ниже. Несмотря на это, в возрастной группе от 40 до 44 лет отмечается тенденция к росту рождаемости. Высокий показатель рождений вне брака наблюдается также среди девушек в возрасте 14 лет и моложе, а также от 15 до 19 лет. В последние годы тем не менее регистрируется положительная динамика, направленная на уменьшение их числа (табл. 5).

Часто молодые матери, не имеющие супруга, обладают недостаточно высоким уровнем образования, что, как правило, влечет за собой экономическую неустойчивость. Тем не менее следует подчеркнуть, что существенная часть женщин, родивших вне брака (около 20 %), осуществляют профессиональную деятельность, требующую высокой квалификации и оплачиваемую соответственно. Следовательно, решение о рождении ребенка вне брака принимается представительницами различных социальных слоев современного общества.

В настоящее время отмечается тенденция к усилению ценностной установки на материнство среди молодых женщин. Это подтверждается увеличением числа случаев, когда при столкновении с выбором между абортом и рождением ребенка

Таблица 5

Родившиеся вне брака по возрасту матери в Российской Федерации (2015–2023 гг.)

Возраст	Значение показателя по годам								
	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
14 и моложе	277	286	248	219	206	230	259	229	242
15–19	38320	34232	29215	26288	24676	25413	25149	26116	25367
20–24	92681	80953	70417	66579	61194	61586	59536	60441	61532
25–29	117251	109028	94032	84500	71121	68510	65178	60940	60307
30–34	99474	99148	93242	90351	82383	81969	80787	73386	67681
35–39	56945	58580	55548	56464	54215	56636	58974	58287	57953
40–44	13525	14303	14059	14812	14079	15361	15911	16142	16711
45–49	741	787	744	829	894	983	1093	1108	1084
50–54	60	69	74	67	87	114	84	97	87
55 и более	4	13	25	8	17	18	16	15	10
неизвестно	165	189	146	247	358	354	325	250	223

Источник: сост. автором по: Росстат. Естественное движение населения Российской Федерации за 2015–2023 год (Статистический бюллетень). Таблица 5. Родившиеся вне брака по возрасту матери по субъектам Российской Федерации в 2015 году. https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13269 (дата обращения: 23.12.2024).

молодые матери всё чаще выбирают последний вариант. Важно подчеркнуть, что решение о рождении ребенка вне брака часто сталкивается с негативной реакцией со стороны общества. Поэтому распространенное мнение, что внебрачные роды у молодых матерей являются следствием случайных и безответственных отношений, не имеет достаточных оснований.

В современном обществе женщины, руководствуясь логикой и прагматизмом, тщательно подходят к выбору супруга и планированию семьи. Отмечается тенденция к отсрочке рождения детей среди высокообразованных женщин, обусловленная их стремлением реализовать свой профессиональный и карьерный потенциал (Дегтярев и др., 2020).

В современной России наблюдается разнообразие взглядов на оптимальную модель семьи среди женщин репродуктивного возраста. Часть женщин придает равную важность как браку, так и родительству. Учитывая потенциальные трудности с заключением брака в определенный момент жизни, они рассматривают рождение ребенка вне брака как приемлемую альтернативу, считая неполную семью равноценной полноценной. Другая часть женщин, высоко ценя родительство, одновременно принижает значимость супружества. В этом случае монородительская семья выбирается осознанно и является желаемой моделью. Рождение ребенка вне брака в данном контексте — это добровольное решение женщины.

На уровень внебрачной рождаемости воздействует множество факторов, включающих в себя демографические особенности, такие как высокая смертность мужчин в молодом возрасте и масштабная трудовая миграция. Немаловажное значение имеют также социальные изменения, к числу которых относятся возрастающая популярность внебрачных союзов и предбрачных сексуальных отношений, а также трансформация общественных стереотипов. В прошлом, в рамках традиционного общества, зачатие до брака, как правило, приводило к скорейшей, а порой и вынужденной регистрации брака с целью обеспечения ребенку законного статуса. Давление со стороны общественного мнения и семейных традиций часто являлось причиной нестабильности таких браков.

Следует отметить, что, несмотря на прежнюю допустимость воспитания детей в рамках неформальных отношений, современные социологические исследования фиксируют тенденцию к всё большему осуждению незарегистрированных браков обществом. Согласно всероссийскому опросу общественного мнения, более половины респондентов (50,3 %) категорически выступают против создания семьи без официальной регистрации. Данный сдвиг в общественном сознании может оказать влияние на семейные предпочтения будущих родителей (Дегтярев и др., 2020).

В современных онлайн-сообществах, объединяющих женщин, наблюдается повышенный интерес к теме материнства вне брака. Так, на популярном ресурсе Woman.ru был поднят вопрос о целесообразности рождения ребенка без формального брачного союза и финансовой поддержки со стороны отца, а также об отсутствии каких-либо обязательств последнего по отношению к матери и ребенку. Анализ ответов участниц форума свидетельствует о многообразии точек зрения на этот вопрос. Тем не менее большинство женщин демонстрируют готовность к такому выбору.

1. Гость [2003578298]: «Мне 27, скоро 28. С удовольствием рожу, как только представится удобный случай. Не замужем. Надоело ждать чуда. Я сама себе обеспечиваю, обеспечу и своего ребенка. Хотелось бы двойняшек. Город Москва».

2. Гость [2555342514]: «Раньше не понимала и где-то осуждала таких людей. Сейчас думаю иначе. Многим женщинам не удается устроить личную жизнь, а иметь ребенка очень хочется, особенно, когда уже возраст. Но наличие средств, чтобы растить ребенка — обязательно. Не будешь же объяснять малышу, что нет папы и поэтому проблемы и т. п.».

3. Гость [2480722737]: «Если бы мне было за 30, если бы была достаточно обеспечена, если бы мои родители в состоянии были мне помочь, хотя бы морально, то да, я бы родила. Если женщине не удалось устроить личную жизнь, то почему она должна отказаться от материнства».

4. Гость [411104148]: «Если бы у меня была достаточная материальная база, то родила бы однозначно. Степень достаточно каждый выбирает самостоятельно. Ребенка я хочу больше, чем мужа, а муж — не гарантия того, что у ребенка будет отец. Мужья приходят и уходят».

5. Гость [3615117089]: «Ну если так приспичит, то да. А от мужчины я в принципе никогда не зависела, не надежное это дело».

6. Гость [1316069254]: «Я бы родила. Собственно, я так и сделала в свое время и не жалею ни разу».

7. Гость [1499558769]: «Да, однозначно. В молодости не хотела выходить замуж. Планировала встать на ноги годам к 25–30. И родить ребенка для себя. Но жизнь распорядилась иначе. Не буду возражать если дочь примет такое решение. Всем чем надо помогу»[1].

Важно подчеркнуть, что высокий показатель рождений вне брака не является характерным лишь для российской демографической ситуации. Подобные тенденции наблюдаются и в других государствах мира, что предположительно связано с либерализацией общественных взглядов на брак и семейные отношения. Согласно данным базы семейных данных Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) за 2024 г., процент внебрачных рождений в ряде стран выглядит следующим образом: Чили — 75,1 %, Коста-Рика — 72,5 %, Мексика — 70,4 %, Исландия — 69,4 %, Франция — 62,2 %, Болгария — 59,6 %, Норвегия — 58,5 %, Португалия — 57,9 %, Словения — 56,5 %, Швеция — 55,2 % (Семейная база данных ОЭСР, 2024).

Заключение

Внебрачная рождаемость, как показывает исследование, является распространенным явлением в современных социальных слоях. Мы считаем данный феномен характерной чертой современной модели рождаемости, не являющейся показателем социального неблагополучия. Однако он подчеркивает необходимость более глубокого изучения данного вопроса. Отсутствие достаточных социологических данных и психологических исследований затрудняет анализ причин и факторов, влияющих на выбор внебрачной рождаемости у различных категорий

[1] Форум Woman.ru. https://www.woman.ru/relations/men/thread/3873395/ (дата обращения: 23.12.2024).

женщин (в зависимости от уровня дохода, образования, профессии и других социально-экономических и психологических характеристик).

Список источников

Гилязитдинов, Дж. М., Миннибаев, Е. К., Латыпова (Бурханова), Ф. Б. (2003). *Женщины с детьми: положение и социальные проблемы в трансформирующемся обществе.* Уфа: Изд-во «Восточный университет», 212.

Захаров, С. В., Чурилова, Е. В. (2013). Феномен одинокого материнства в России: статистико-демографический анализ распространенности и механизмов его формирования *Мир России, 22* (4), 86–117.

Захаров, С. В. (2007). Новейшие тенденции формирования семьи в России. *Мир России, 4,* 73–112.

Козлова, О. А., Секицки-Павленко, О. О. (2020). Феномен внебрачной рождаемости как медико-социальная проблема. В *Институты развития человеческого потенциала в условиях современных вызовов: сборник статей XI Уральского демографического форума: в 2-х томах. Том II* (с. 155–160.). Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 275.

Дегтярев, А. Н., Кузнецова, А. Р., Ахметова, Г. Ф. (2020). *Республика Башкортостан. Демографический доклад. Вып. 4.* Уфа: Институт стратегических исследований Республики Башкортостан, 252.

Ржаницына, Л. С. (2008). *Проблема алиментов на детей. Московский проект*. Москва: Норт Медиа, 160.

Семейная база данных ОЭСР (2024). *Внебрачные рождения по странам в 2024 году. (2024-08-26). Обзор численности населения мира.* https://worldpopulationreview.com/country-rankings/out-of-wedlock-births-by-country (дата обращения: 06.12.2024).

Смирнов, В. М., Селиванова, О. В. (2023). Неполные семьи в России: масштабы, проблемы и социальная помощь. *Экономика труда, 10* (5), 695–714. https://doi.org/10.18334/et.10.5.117824

Чурилова, Е. В., Чумарина, В. Ж. (2014). Внебрачные рождения и добрачные зачатия в России: осознанное решение родителей? *Вопросы статистики,* (7), 43–49. https://doi.org/10.34023/2313-6383-2014-0-7-43-49

References

Gilyazitdinov, J. M., Minnibaev, E. K., Latypova (Burkhanova), F. B. (2003). *Zhenshhiny` s det`mi: polozhenie i social`ny`e problemy` v transformiruyushhemsya obshhestve [Women with children: the situation and social problems in a transforming society].* Ufa: Publishing house «Eastern University», 212. (In Russ.)

Zakharov, S. V., Churilova, E. V. (2013). The phenomenon of single motherhood in Russia: Statistical and demographic analysis of prevalence and mechanisms of its formation. *Mir Rossii [Universe of Russia], 22* (4), 86–117. (In Russ.)

Zakharov, S. V. (2007). The latest trends in family formation in Russia. *Mir Rossii [Universe of Russia], 4,* 73–112. (In Russ.)

Kozlova, O. A., Sekicki-Pavlenko, O. O. (2020). The Phenomen of Extramarital Birth as a Medical and Social Problem. In *Instituty` razvitiya chelovecheskogo potenciala v usloviyax sovremenny`x vy`zovov: sbornik statej XI Ural`skogo demograficheskogo foruma: v 2-x tomax. Tom II. [Institutes of human potential development in the context of modern challenges: collection of articles of the XI Ural Demographic Forum: in 2 volumes. Volume II.]* (pp. 155–160.). Ekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 275. (In Russ.)

Degtyarev, A. N., Kuznetsova, A. R., Akhmetova, G. F. (2020). *Respublika Bashkortostan. Demograficheskij doklad. Vy`pusk 4. [The Republic of Bashkortostan. Demographic report. Issue 4]*. Ufa: Institute of Strategic Studies of the Republic of Bashkortostan, 252. (In Russ.)

Rzhanitsyna, L. S. (2008). *Problema alimentov na detej. Moskovskij proekt [The problem of child support. The Moscow Project]*. Moscow: North Media, 160. (In Russ.)

OECD Family Database (2024). Illegitimate births by country in 2024. World population review. https://worldpopulationreview.com/country-rankings/out-of-wedlock-births-by-country (accessed: 06.12.2024). (In Russ.)

Smirnov, V. M., Selivanova, O. V. (2023). Single-parent household in Russia: scale, problems and social assistance. *E`konomika truda [Russian Journal of Labour Economics], 10*(5), 695–714. https://doi.org/10.18334/et.10.5.117824 (In Russ.)

Churilova, E., Chumarina, V. (2014). Nonmarital fertility and premarital conceptions in Russia: parents' deliberate decision? *Voprosy statistiki, 7,* 43–49. https://doi.org/10.34023 (In Russ.)

Рашитова Луиза Камилевна — кандидат социологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Московский энергетический институт»; https://orcid.org/0000-0002-8591-8982 (Российская Федерация, 111250, г. Москва, ул. Красноказарменная, д. 14, стр. 1; e-mail: Rashitova5luisa@rambler.ru).

Louise K. Rashitova — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, National Research University «Moscow Power Engineering Institute»; https://orcid.org/0000-0002-8591-8982 (14, building 1, Krasnokazarmennaya str., Moscow, 111250, Russian Federation; e-mail: Rashitova5luisa@rambler.ru).

УДК 336.018(045)
JEL classification: J23, O18, R23
https://www.doi.org/10.17059/udf-2025-3-10

Регулирование рождаемости при снижении естественной фертильности[1]

Н. Е. Русанова [а], Л. В. Ерофеева [б]

[а] Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН (г. Москва, Российская Федерация).

[б] Негосударственное частное учреждение высшего образования «Московский финансово-промышленный Университет «Синергия» (г. Москва, Российская Федерация).

[а] https://orcid.org/0000-0002-1859-2345

Автор для корреспонденции: Н. Е. Русанова (ninrus238@mail.ru).

Аннотация. *Стойкая тенденция снижения рождаемости отмечается почти во всех странах, независимо от уровня их социально-экономического развития. Одной из причин является ухудшение физиологической способности к зачатию, отмечаемое и у женщин, и у мужчин. Предпосылки таких нарушений выявляются уже в детстве, а их последствия проявляются на всех этапах принятия и реализации репродуктивных решений, включая беременность, роды и послеродовой период. Это дополняет применяемые государством пронатальные способы стимулирования естественной рождаемости медицинскими и психологическими мерами, направленными на повышение эффективности вспомогательной репродукции и коррекции репродуктивных нарушений во всех возрастах. В статье рассматриваются основные направления регулирования рождаемости, формирующейся в условиях снижения естественной фертильности, с помощью качественного анализа профильных статистических данных, экспертных оценок, нормативно-правовой и социологической информации.*

Ключевые слова: регулирование рождаемости; фертильность; аборты; контрацепция; вспомогательные репродуктивные технологии

Birth Control in Case of Reduced Natural Fertility

H. Rusanova [a], L. Erofeeva [b]

[a] ISESP FNISC RAN (Moscow, Russia).

[b] Moscow University for Industry and Finance «Synergy», Medical department (Moscow, Russia).

[a] https://orcid.org/0000-0002-1859-2345

Corresponding author: N.Rusanova (ninrus238@mail.ru).

Abstract. *A steady downward trend in the birth rate is observed in almost all countries, regardless of their level of socio-economic development. One of the reasons is the deterioration of the physiological ability to conceive, which is noted in both women and men. The prerequisites for such disorders are revealed already in childhood, and their consequences manifest themselves at all stages of making and implementing reproductive decisions, including pregnancy, childbirth and the postpartum period. This complements the prenatal methods used by the State to stimulate natural fertility with medical and psychological measures aimed at improving the effectiveness of assisted reproduction and correcting reproductive disorders at all ages. The article examines the main directions of birth control, which is formed in the context of a decrease in natural fertility, using a qualitative analysis of specialized statistical data, expert assessments, regulatory and sociological information.*

Keywords: birth control; fertility; abortions; contraception; assisted reproductive technologies

[1] © Русанова Н. Е., Ерофеева Л. В. Текст. 2025.

Введение

В последние десятилетия в большинстве стран, несмотря на активные пронатальные меры, происходит снижение рождаемости, и в России, хотя «значение суммарного коэффициента рождаемости в 2020-е годы выше показателей начала 2000-х годов, абсолютное число рождений приблизилось к уровню 2000 года».[1] С точки зрения демографии рождаемость является результатом взаимодействия биологических и поведенческих факторов, опосредующих влияние социально-экономических условий на индивидуальное репродуктивное поведение. Поведенческие ограничения числа рожденных детей включают в себя возможность зачатия, грудного вскармливания, контрацепции, сохранения или прерывания беременности, что приводит к медикализации рождаемости и снижению зависимости от естественной способности к зачатию (фекундативности). Об актуализации проблемы говорят результаты опросов студентов-медиков, а также рост тематических исследований: например, количество публикаций за 2012–2022 гг. по запросу в поисковой строке ресурса https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov слова «fertility» удвоилось (Хадарцева и др., 2023).

Обзор литературы

Проблема взаимосвязи естественной фертильности и рождаемости в мире актуализировалась примерно в середине XX в., когда определилась тенденция к снижению рождаемости в развитых странах, с одной стороны, и в клиническую практику вошли эффективные методы регулирования индивидуальной репродуктивной функции, с другой. Уже в 1980–1990 гг. были обобщены направления результативных исследований, среди которых демографический анализ позволил оценить наиболее очевидные репродуктивные потери (аборты, бесплодие, мертворождения), а медико-биологический — возможности зачатий, приводящих к рождению здорового ребенка, в т. ч. с использованием вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) (Leridon, 1990), разработаны формализованные модели женской фертильности, учитывающие физиологические и социально-демографические факторы (возраст, здоровье, брачный статус) (Wood, 1989). По мере расширения практического применения ВРТ исследования включали социальные, биологические и организационные аспекты, оказывающие влияние на фекундативность (зачатие) (Jasienska, 2009), фетальные характеристики (состояние плода в период беременности), фармакология (Kemp-Casey et al., 2024), потребность и доступность экстракорпорального оплодотворения (ЭКО) (Pinborg et al., 2015), здоровье детей, родившихся после ЭКО (Luke et al., 2020), в т. ч. по странам и регионам (Никитин, 2019). В начале 1990-х гг. были проведены первые обобщающие исследования, свидетельствующие о негативном воздействии загрязнителей окружающей среды на плодовитость человека. Хотя эти утверждения до настоящего времени не получили ни достоверных подтверждений, ни опровержений, тенденция к ухудшению физиологической репродуктивности

[1] Минздрав: рождаемость в России приблизилась к уровню 2000 года. Газета.ru https://www.gazeta.ru/social/news/2025/01/30/24965228.shtml?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fstory%2F9abe3930-c0aa-5897-82a0-15e86dd97854 (дата обращения: 30.01.2025).

населения становится всё более очевидной (Egbert te Velde et al., 2010), на что обращает внимание профессиональное сообщество репродуктологов.[1]

Результаты и обсуждение

Снижение фекундативности, называемое также «кризисом фертильности», впервые отмечено в скандинавском исследовании 1992 г., которое выявило снижение показателей мужской способности к зачатию за предшествующие полвека почти наполовину (Carlsen et al., 1992), что в 2017 г. подтвердилось для всего мира (Levine et al., 2017). Женская способность к зачатию обычно определяется через учет нарушений репродуктивной функции, прежде всего бесплодия, которое фиксируется у 15–17 % пар фертильного возраста (15–49 лет), а у девочек может быть маркирован нарушениями менструального цикла, который у каждой пятой вызван детскими болезнями (Малютина & Хадарцева, 2023). Коморбидность репродуктивных нарушений приводит к тому, что только около 13 % женщин на начало беременности можно отнести к категории здоровых (Анохина и др., 2019).

Хотя на фекундативность влияет множество факторов, от экологической обстановки до гормонального дисбаланса и генетических заболеваний, ее физиологическое снижение принципиально не меняет общую тенденцию откладывания рождений к верхней границе репродуктивного возраста. Способом решения этих противоречий являются ВРТ, которые всё сильнее отдаляют современную «медикализированную» рождаемость от «естественной»: всё больше увеличивается доля новорожденных, которых без ВРТ просто не могло быть (в популяции накапливаются заболевания, ранее препятствовавшие беременности, появляются нестандартные формы детско-родительских отношений и пр.). Такая ситуация требует изменений в политике рождаемости, которая в большинстве стран имеет пронатальную направленность.

Регулирование медикализированной рождаемости на макро- и микроуровне

Регулирование рождаемости предполагает воздействие на факторы, формирующие репродуктивный выбор женщины или потенциальной родительской пары, которые несколько различаются для «естественной» и «медикализированной» рождаемости (табл.).

Регулирование естественной рождаемости направлено на реализацию физиологической способности к рождению детей, наибольшей помехой чему обычно называют материальные трудности, а также брачно-семейные нормы и традиции. Ярким примером здесь является создание в ноябре 1917 г. в Советской России Отдела охраны материнства и младенчества при Народном комиссариате социального обеспечения («Охматмлад») с целью «создания для матери-труженицы условий, облегчающих ей выполнения функции деторождения» (Арборе-Ралли, 1920, с. 20). Вскоре были организованы первые женские консультации, которые законодательно прописывали социальную охрану материнства и бесплатную медицинскую помощь беременным, и в СССР сформировалась уникальная система

[1] XXXIV ежегодная международная конференция РАРЧ «Репродуктивные технологии сегодня и завтра».04-07.09.2024 Семинар FIGO «Глобальное снижение фертильности человечества: миф или реальность?» 04.09.2024. sem_9_310724.pdf (дата обращения: 31.01.2025).

Таблица

Основные факторы и меры пронатальной политики при «естественной» и «медикализированной» рождаемости

Вид рождаемости	Основные факторы	«Медикализированная» рождаемость
«Естественная» рождаемость	Численность населения репродуктивного возраста; Возрастно-половой состав населения репродуктивного возраста; «Общее» здоровье населения репродуктивного возраста; Репродуктивное здоровье населения репродуктивного возраста; Брачно-семейные нормы и традиции	Институциональные (законы, правовые нормы, традиции и проч.); Экономические
«Медикализированная» рождаемость	ВРТ как медицинские программы; Репродуктивное здоровье населения; Брачно-семейные традиции	Институциональные (законы, правовые нормы, традиции и проч.); Экономические; Медицинские; Психологические

Источник: сост. авторами.

охраны материнства и детства, первые качественные зарубежные аналоги которой появились лишь после Второй мировой войны. Тогда же на фоне начала снижения рождаемости в развитых странах постепенно обозначилась проблема ухудшения физиологической репродуктивности, которая потребовала институциональных изменений в системе здравоохранения. Ситуация усугублялась изменением репродуктивного поведения и стабильным ростом тенденции к отсроченному родительству, объективно снижающему возрастную фекундативность, что можно было корректировать с помощью ВРТ, хотя беременность после ЭКО подвержена большему риску, чем беременность в естественных циклах (Kemp-Casey et al., 2024), а в старшем репродуктивном возрасте часто отягощена соматической патологией и осложненным гинекологическим анамнезом. Одновременно в последние годы наблюдается увеличение числа подростковых беременностей, которая нередко проходит на фоне незрелости механизмов адаптации и инфекций, осложняющих гестацию (Смирнова и др., 2024). Таким образом, учет этих процессов в современной системе охраны репродуктивного здоровья становится необходимым.

Однако опросы молодежи, даже хорошо информированной о рисках нарушений репродуктивного здоровья, свидетельствуют о недостаточной самосохранительной активности: среди опрошенных студенток 16–27 лет, обучающихся по медицинским, естественным, гуманитарным и техническим специальностям в высших учебных заведениях г. Иваново, лишь половина из них ежегодно обращается к врачам с профилактической целью, хотя 3/4 считают возможное женское и мужское бесплодие препятствием для реализации репродуктивных планов, но основным фактором, определяющим число детей в семье, более 4/5 называют немедицинские — уровень доходов и неудовлетворительные жилищные условия (Малышкина и др., 2023). Среди московских студентов-медиков «поколения Z» (18–21 год) также приоритет отдается социальным и материальным

гарантиям — о жилье, доходах, возврате на работу после родов говорили 60–80 % опрошенных (Русанова & Ерофеева, 2024).

Заключение

Демографическое будущее России в значительной степени зависит от уровня рождаемости, который определяется репродуктивным здоровьем населения. Повышение рождаемости представляет собой сложную задачу, требующую многосторонних решений, учитывающих современные медицинские достижения и изменения общественного восприятия проблемы. Проблема ухудшения репродуктивного здоровья может быть смягчена при ликвидации факторов, оказывающих негативное влияние на репродуктивную систему человека и недопущении перехода репродуктивно значимых заболеваний в декомпенсированную форму, способствующую формированию бесплодия. При разработке государственной политики регулирования медикализированной рождаемости необходимо учитывать, что молодежь, только начинающая выстраивать свое репродуктивное поведение, осознает зависимость индивидуальной фертильности от наследственности и состояния здоровья, однако при принятии репродуктивных решений главными ориентирами называет социально-экономическую помощь государства и поддержку семьи, независимо от брачного состояния; знаниям о современных способах регулирования фертильности отводится вспомогательная роль.

Список источников

Анохина, И. А., Садова, Л. И., Садов, Н. А. (2019). Значение оздоровительных программ в профилактике осложнений беременности и родов. *Культура физическая и здоровье, 4*(72), 59–61. EDN: WYXXOI

Арборе-Ралли, Е. (1920). *Мать и дитя в Советской России.* Москва: Государственное издательство, 32.

Малышкина, А. И., Кулигина, М. В., Панова, И. А., Рычихина, Н. С. (2023). Самосохранительные и репродуктивные стратегии современной студенческой молодежи: медико-социологический анализ. *Женщина в российском обществе, 4,* 113–122. http://doi.org/10.21064/WinRS.2023.4.9. EDN: VRHODG

Малютина, Е. А., Хадарцева, К. А. (2023). Ранняя профилактика нарушений менструальной функции у студенток. *Вестник новых медицинских технологий. Электронное издание, 17*(1), 40–43. http://doi.org/10.24412/2075-4094-2023-1-1-6. EDN: OUZOWE

Никитин, А. И. (2019). Еще раз о здоровье «детей из пробирки». *Проблемы репродукции, 25*(3), 28–33. http://doi.org/10.17116/repro20192503128. EDN: TVLITZ

Русанова, Н. Е., Ерофеева, Л. В. (2024). Новые тенденции абортов и контрацепции в России. В *Устойчивость демографического развития: детерминанты и ресурсы: сб. науч. ст.* (с. 383–389). Екатеринбург: Институт экономики УРО РАН, 651. http://doi.org/10.17059/udf-2024-3-3

Смирнова, Е. Е., Жолондзиовская, О. Э., Мальгина, Г. Б., Пестряева, Л. А., Путилова, Н. В. (2024). Ранняя и поздняя репродукция: что общего и в чем различия? *Проблемы репродукции, 30*(5), 72–81. http://doi.org/10.17116/repro20243005172. EDN: NAHNOU

Хадарцева, К. А., Малютина, Е. А., Иванов, Д. В. (2023). Причины снижения фертильности в России (научный обзор литературы). *Вестник новых медицинских технологий. Электронное издание, 17*(2), 42–62. http://doi.org/10.24412/2075-4094-2023-2-1-5. EDN: FWHNSM

Carlsen, E, Giwercman, A., Keiding, N. (1992). Evidence for decreasing quality of semen during past 50 years. *BMJ: British Medical Journal, 305* (6854), 609–613. http://doi.org/10.1136/bmj.305.6854.609 EDN: BMAVTV

Velde, E., Burdorf, A., Nieschlag, E. et al. (2010). Is human fecundity declining in Western countries? *Human Reproduction, 25* (6), 1348–1353. http://doi.org/10.1093/humrep/deq085

Jasienska, G. (2009). Reproduction and lifespan: Trade-offs, overall energy budgets, intergenerational costs, and costs neglected by research. *American Journal of Human Biology, 21* (4), 524–532. http://doi.org/10.1002/ajhb.20931

Kemp-Casey, A., Hart, R. J., Milne, E., et al. (2024). Are assisted reproductive technology pregnancies more likely to be exposed to teratogenic medication? A whole-population study. *Australian and New Zealand Journal of Obstetrics and Gynaecology.* http://doi.org/10.1111/ajo.13911. EDN: SMYCUT

Leridon, H. (1990). De la procreation naturelle a la procreation assistee: le point de vue du demographe [From natural fertility to aided fertility: the demographer's contribution]. *J Soc Stat Paris, 131* (2), 3–23. PMID: 12283791.

Levine, H., Martino-Andrade, A., Mindlis, I. et al. (2017). Temporal trends in sperm count: a systematic review and meta-regression analysis. *Human Reproduction Update, 23* (6), 646–659. http://doi.org/10.1093/humupd/dmx022. EDN: YJWGPS

Luke, B., Brown, M. B., Wantman, E. et al. (2021). The risk of birth defects with conception by ART. *Human reproduction, 36* (1), 116–129. http://doi.org/10.1093/humrep/deaa272. PMID: 33251542

Pinborg, A., Loft, A., Romundstad, L. V. et al. (2016). Epigenetics and assisted reproductive technologies. *Acta Obstetricia et Gynecologica Scandinavica, 95* (1), 10–15. http://doi.org/10.1111/aogs.12799. EDN: YENQJZ

Wood, J. W. (1989). Fecundity and natural fertility in humans. *Oxf Rev Reprod Biol., 11,* 61–109. PMID: 2697833.

References

Carlsen, E, Giwercman, A., Keiding, N. (1992). Evidence for decreasing quality of semen during past 50 years. *BMJ: British Medical Journal, 305* (6854), 609–613. http://doi.org/10.1136/bmj.305.6854.609. EDN: BMAVTV

Velde, E., Burdorf, A., Nieschlag, E. et al. (2010). Is human fecundity declining in Western countries? *Human Reproduction, 25* (6), 1348–1353. http://doi.org/10.1093/humrep/deq085

Jasienska, G. (2009). Reproduction and lifespan: Trade-offs, overall energy budgets, intergenerational costs, and costs neglected by research. *American Journal of Human Biology, 21* (4), 524–532. http://doi.org/10.1002/ajhb.20931

Kemp-Casey, A., Hart, R. J., Milne, E., et al. (2024). Are assisted reproductive technology pregnancies more likely to be exposed to teratogenic medication? A whole-population study. *Australian and New Zealand Journal of Obstetrics and Gynaecology.* http://doi.org/10.1111/ajo.13911. EDN: SMYCUT

Leridon, H. (1990). De la procreation naturelle a la procreation assistee: le point de vue du demographe [From natural fertility to aided fertility: the demographer's contribution]. *J Soc Stat Paris, 131* (2), 3–23. PMID: 12283791.

Levine, H., Martino-Andrade, A., Mindlis, I. et al. (2017). Temporal trends in sperm count: a systematic review and meta-regression analysis. *Human Reproduction Update, 23* (6), 646–659. http://doi.org/10.1093/humupd/dmx022. EDN: YJWGPS

Luke, B., Brown, M. B., Wantman, E. et al. (2021). The risk of birth defects with conception by ART. *Human reproduction, 36*(1), 116–129. http://doi.org/10.1093/humrep/deaa272. PMID: 33251542

Pinborg, A., Loft, A., Romundstad, L. V. et al. (2016). Epigenetics and assisted reproductive technologies. *Acta Obstetricia et Gynecologica Scandinavica, 95*(1), 10–15. http://doi.org/10.1111/aogs.12799. EDN: YENQJZ

Wood, J. W. (1989). Fecundity and natural fertility in humans. *Oxf Rev Reprod Biol., 11,* 61–109. PMID: 2697833.

Anokhina, I. A., Sadova, L. I., Sadov, N. A. (2019). The importance of health programs in the prevention of complications of pregnancy and childbirth. *Kul`tura fizicheskaya i zdorov`e [Physical Culture and Health], 4*(72), 59–61. EDN: WYXXOI (In Russ.)

Arbor-Rally, E. (1920). *Mat` i ditya v Sovetskoj Rossii [Mother and Child in Soviet Russia]*. Moscow: State Publishing House, 32. (In Russ.)

Malyshkina, A. I., Kuligina, M. V., Panova, I. A., Rychikhina, N. S. (2023). Self-preservation and reproductive strategies of modern students: a medical and sociological analysis. *Zhenshhina v rossijskom obshhestve [Woman in Russian Society], 4,* 113–122. http://doi.org/10.21064/WinRS.2023.4.9. EDN: VRHODG (In Russ.)

Malyutina, E. A., Khadartseva, K. A. (2023). Early prevention of menstrual function disorders in female students. *Vestnik novy`x medicinskix texnologij. E`lektronnoe izdanie [Journal of New Medical Technologies, Edition], 17*(1), 40–43. http://doi.org/10.24412/2075-4094-2023-1-1-6. EDN: OUZOWE (In Russ.)

Nikitin, A.I. (2019). Offspring's health after ivf (literature review). *Problemy` reprodukcii [Russian Journal of Human Reproduction], 25*(3), 28–33. http://doi.org/10.17116/repro20192503128. EDN: TVLITZ (In Russ.)

Rusanova, N. E., Erofeeva, L. V. (2024). New trends in abortion and contraception in Russia. In *Ustojchivost` demograficheskogo razvitiya: determinanty` i resursy`: sb. nauch. st. [Sustainability of demographic development: determinants and resources: collection of scientific articles]* (pp. 383–389). Yekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 651. http://doi.org/10.17059/udf-2024-3-3 (In Russ.)

Smirnova, E. E., Zholondziovskaya, O. E., Malgina, G. B., Pestryaeva, L. A., Putilova, N. V. (2024). Early and late reproduction: what is common and what differences? *Problemy` reprodukcii [Russian Journal of Human Reproduction], 30*(5), 72–81. http://doi.org/10.17116/repro20243005172. EDN: NAHNOU (In Russ.)

Khadartseva, K. A., Malyutina, E. A., Ivanov, D. V. (2023). Causes of fertility decline in russia (scientific literature review). *Vestnik novy`x medicinskix texnologij. E`lektronnoe izdanie [Journal of New Medical Technologies, Edition], 17*(2), 42–62. http://doi.org/10.24412/2075-4094-2023-2-1-5. EDN: FWHNSM (In Russ.)

Русанова Нина Евгеньевна — доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения имени Н.М. Римашевской – обособленное подразделение ФГБУН Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН; https://orcid.org/0000-0002-1859-2345 (Российская Федерация, 117218, г. Москва, Нахимовский просп., 32; e-mail: ninrus238@mail.ru).

Ерофеева Любовь Владимировна — старший преподаватель, негосударственное частное учреждение высшего образования «Московский финансово-промышленный Университет «Синергия» (Российская Федерация, 125315, г. Москва, Ленинградский просп., 80; e-mail: LVErofeeva@synergy.ru).

Nina E. Rusanova — Dr. Sci. (Econ.), Associated Professor, Leading Researcher; Federal State Budgetary Institution of Science Insttitute of Socio-Economic Studies of Population RAS; https://orcid.org/0000-0002-1859-2345 (32 Nakhimovsky prospekt, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: ninrus238@mail.ru).

Lubov V. Erofeeva — Senior lecturer, Non-governmental Private Institution of Higher Education «Moscow Financial and Industrial University «Synergy» (80 Leningradsky ave., Moscow, 125315, Russian Federation; e-mail: LVErofeeva@synergy.ru).

УДК 364
JEL classification: I38
https://www.doi.org/10.17059/udf-2025-3-11

О роли механизмов финансовой поддержки семей с детьми в выборе стратегии социально-экономической адаптации: обзор научных исследований[1]

Е. А. Трушкова
Институт экономики УрО РАН (г. Екатеринбург, Российская Федерация).
https://orcid.org/0000-0001-7232-2576
Автор для корреспонденции: Е. А. Трушкова (trushkova_ea@inbox.ru).

Аннотация. *Целью настоящей статьи является определение роли механизмов финансовой поддержки семей с детьми в выборе стратегии социально-экономической адаптации. Объектом исследования выступают детерминанты в выборе стратегии социально-экономической адаптации населения, особенно семей с детьми. На основе анализа и синтеза результатов исследований отечественных и зарубежных ученых систематизированы и раскрыты подходы, касающиеся различных аспектов адаптации семей с детьми: рассмотрены факторы адаптационного поведения и выбора стратегий, проведено сравнение факторного влияния на возникновение форм поведения населения, связанных с повышением или поддержанием социально-экономического положения семьи, с избеганием бедности, а также возникновением форм дезадаптации семей, связанных с желанием дистанцироваться от стигматизирующего образа малообеспеченных семьей (особенно остро нуждающиеся семьи) и социальной изоляции (эксклюзии). Исходя из проактивности, реактивности, пассивности характера направленности государственных мер поддержки семей, проведена дифференциация стратегий адаптаций семей к жизненным обстоятельствам — от экономии до поиска новых возможностей, мобилизации активов в преодолении трудностей и повышении устойчивости семей к внешним вызовам.*

Ключевые слова: стратегия; адаптация; социально-экономическое положение; факторы; механизмы государственной поддержки

On the Role of Financial Support Mechanisms for Families With Children in Choosing a Strategy for Socio-Economic Adaptation: a Review of Scientific Research

E. Trushkova
Institute of Economics of the Ural Branch of RAS (Ekaterinburg, Russian Federation).
https://orcid.org/0000-0001-7232-2576
Corresponding author: E. Trushkova (trushkova_ea@inbox.ru).

Abstract. *The purpose of this article is to determine the role of financial support mechanisms for families with children in choosing a strategy of socio-economic adaptation. The object of the study is the determinants in the choice of strategy of socio-economic adaptation of the population, especially families with children. On the basis of analysis and synthesis of the results of studies, domestic and foreign scientists systematized and revealed approaches concerning various aspects of adaptation of families with children: considered the factors of adaptation behavior and choice of strategies, compared the factor influence on the emergence of forms of behavior of the population associated with improving or maintaining the socio-economic status of the family, with the avoidance of poverty, as well as the emergence of forms of disadaptation of families associated with the desire to distance themselves from stigmatizing image Based on the proactive, reactive, passive nature of state measures of family support, the differentiation of strategies of family*

[1] © Трушкова Е. А. Текст. 2025.

adaptation to life circumstances is carried out - from saving to search for new opportunities, mobilization of assets in overcoming difficulties and increasing the resilience of families to external challenges.

Keywords: *strategy; adaptation; socio-economic situation; factors; mechanisms of state support*

Введение

Концепция государственной семейной политики России до 2025 г. подчеркивает, что в процессе жизнедеятельности семьи с детьми как наиболее уязвимые сталкиваются с несколькими категориями проблем. Первая связана с внешними макроэкономическими и системными факторами, которые напрямую затрагивают семьи и сказываются на их благополучии. Это проблемы, существующие вне зависимости от конкретной семьи и семейных обстоятельств, касаются вопросов доступа образования, здравоохранения, занятости и возможности создания гибких условий трудовой деятельности. Семьям приходится пересматривать семейный бюджет в целях экономики. Вторая категория проблем непосредственно носит индивидуально-семейный характер, которые в том числе включают финансовые трудности, связанные с непредвиденными обстоятельствами и факторами. Эти проблемы часто переплетаются с макроэкономическими, усугубляя ситуацию.

В связи с этим на фоне нестабильности политико-экономической ситуации и социально-экономической напряженности в обществе поддержка семей с детьми и оказание им помощи является важным и нужным, в т. ч. и для успешности их адаптации к изменяющимся условиям жизнедеятельности. «Главными приоритетами успешного развития страны должны стать … формирование условий, при которых семья могла бы чувствовать уверенность в будущем, ощущала бы себя защищенной от рисков, связанных с появлением ребенка или нескольких детей в семье»[1]. В старой версии Концепции было сформулировано положение о том, что «сложившаяся система социальной поддержки семей с детьми в основном направлена на стимулирование рождаемости и не ориентирована на изменение социально-экономического положения семьи»[2].

Отсюда возникает необходимость переосмысления системы поддержки семей, с особым вниманием на структурный характер происходящих изменений в общественной жизни и причинную взаимообусловленность социально-экономических характеристик положения семей с детьми, учета индивидуально-личностных, ментальных, ценностных установок.

Целью настоящей статьи является определение роли механизмов финансовой поддержки семей с детьми в выборе стратегии социально-экономической адаптации. Возникает вопрос о том, насколько принимаемые меры вносят «позитивный» вклад в улучшение социально-экономического положения данной категории населения, с одной стороны, а с другой, есть ли смысл смены стратегии адаптации семей в связи с поддержкой государства.

[1] Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года, утверждённая распоряжением Правительства РФ от 25 августа 2014 года №1618-р. http://government.ru/docs/all/92699/ (дата обращения: 12.02.2025).

[2] Проект «Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года». https://www.old.mintrudkchr.ru/proekt-kontseptsii-gosudarstvennoj-semejnoj-politiki-v-rossijskoj-federatsii-na-period-do-2025-goda/ (дата обращения: 12.02.2025).

Объектом исследования являются детерминанты в выборе стратегии социально-экономической адаптации населения, особенно семей с детьми. При этом предметом должны стать различные формы адаптаций семей с учетом ценностных и мотивационных факторов в результате различной природы воздействий механизмов государственной поддержки.

Методы и методология исследования

Методология настоящей работы заключается в изучении научных работ как российских, так зарубежных ученых.

В качестве методов исследования использовались анализ и синтез результатов предыдущих исследований отечественных и зарубежных ученых; сравнения факторов адаптаций и выбора стратегий поведения семей с детьми; классификации мер поддержки семей исходя из проактивности или реактивности характера формирования стратегий адаптаций семей к различным жизненным обстоятельствам. Использован вторичный анализ социологических исследований, опубликованных в печати.

Основная часть

Обзор стратегий адаптаций семей

Усиление региональной дифференциации уровня жизни населения и фрагментация экономического пространства, на которые указывают О.А. Козлова и М.Н. Макарова в своей работе, значительно влияют на трансформацию социальной структуры общества (Козлова & Макарова, 2020, с. 84–85). Это также отражается на мотивационных и ценностных установках людей и их маргинальных настроениях.

Стратегия адаптации каждой семьи к меняющимся условиям жизни подчиняется ресурсам, нормам и ожиданиям членов семьи (Каравай, 2021, с. 124). Эти стратегии зависят, во-первых, от специфики этапа жизни, социально-экономического положения, связанного, например, с рождением детей, во-вторых, от реализации мероприятий, направленных на поддержку социальных и демографических условий развития общества, которые существуют в данный момент.

Анализ многочисленных научных работ позволил выявить ключевые стратегии адаптации семей к различным жизненным обстоятельствам. Исследователи, такие как М.И. Маллаева, Х.М. Хаджалова, Н.Е. Тихонова и А.В. Каравай (Маллаева &Хаджалова, 2011; Тихонова & Каравай, 2016, с. 44; Каравай, 2021, с. 133), в своих трудах акцентируют внимание на влиянии структуры и объема потребления на адаптационные процессы в семьях. Они отмечают повсеместный дефицит ресурсов у значительной части населения, что вынуждает семьи применять различные адаптационные механизмы — как активные, так и пассивные. Согласно исследованиям данных авторов, наиболее распространенной стратегией выступает «стратегия экономии». Выбор стратегии связан с практичностью для всех слоев населения, особенно для уязвимых групп, чьи возможности улучшить свое финансовое положение существенно ограничены. Более того, эта

стратегия зачастую становится вынужденной мерой выживания в условиях недостатка ресурсов и неопределенности обстоятельств.

Более глубокое понимание причин экономии семей требует рассмотрения более широкого спектра факторов. Так, С. Ю. Юнг и Р. Дж. Смит (Jung & Smith, 2007), изучая причины бедности, выделяют целый ряд социально-экономических факторов, включающих экономическое отставание регионов, дефицит человеческого капитала (низкий уровень образования, квалификации, здоровья населения), противоречия капиталистической системы, структурные проблемы экономики, специфические особенности социальных групп, живущих в нищете, а также влияние социальных программ на стимулирование выхода из бедности. Все эти факторы взаимодействуют между собой, создавая сложную картину причинно-следственных связей.

Социологическое изучение адаптационных стратегий семей часто основывается на «концепции уязвимости активов», предложенной К. Мозер (Moser, 1998). Она переводит фокус со «статического» анализа наличия или отсутствия материальных благ на динамический процесс, в котором решающую роль играет не только наличие угроз (потеря работы, заболевания членов семьи, природные катастрофы и т. д.), но и способность семьи эффективно противостоять этим угрозам, используя имеющиеся ресурсы и возможности для их преодоления. Ключевыми факторами, определяющими успех в преодолении трудностей, выступают устойчивость к рискам, гибкость и способность к адаптации к изменяющимся обстоятельствам, а также эффективная мобилизация имеющихся активов, будь то финансовые средства, социальные связи или индивидуальные навыки и компетенции. Эта концепция существенно отличается от традиционных подходов, которые часто сводятся к простому определению бедности на основе уровня доходов или наличия материальных имущественных благ.

П. Абрахамсон (2001), например, указывает на сдвиг от статичного понятия «бедность» к более динамичному понятию «социальная эксклюзия». Разница между этими концепциями принципиальна. Концепция «бедности» в своем упрощенном варианте фокусируется на нехватке ресурсов и неудовлетворении базовых потребностей. «Социальная эксклюзия», напротив, представляет собой значительно более сложный процесс социального отчуждения, который выходит за пределы чисто экономического аспекта. Она проявляется в ограничении доступа к образовательным услугам, медицинской помощи, достойной оплачиваемой работе, а также в социальной изоляции и дискриминации по различным признакам. Абрахамсон подчеркивает тесную взаимосвязь между бедностью и социальной эксклюзией. Социальная эксклюзия, включая процессы маргинализации, лишения и нищеты, усугубляет и углубляет проблемы, порождаемые бедностью. Это создает порочный круг, из которого самостоятельно выбраться крайне сложно.

Разложим факторы, мешающие адаптации семей, по работе (Гордон и др., 2001, с. 176):

1) фактор «отсутствия доступа к доходам и другим материальным ресурсам». Н. Е. Тихонова (2003) подчеркивает, что «доход для подавляющего большинства членов общества является тем интегральным показателем, который не только выступает следствием занятия ими определенной социальной

позиции, но и позволяет компенсировать те или иные формы дискриминации. Соответственно, для части общества с доходами, ниже медианных, уже начинают фиксироваться явления депривации, приобретающие обвальный характер для тех, кто имеет доходы ниже половины медианных. При этом взаимоналожение для домохозяйств, имеющих доходы ниже медианных, явлений дискриминации и депривации означает резкое усиление риска попадания их в группу представителей социальной эксклюзии. Однако рост этого риска автоматически доказывает, что человек с доходом ниже медианных и даже половины медианных является социально исключенным»;

2) фактор «отсутствия доступа к рынку труда» — семья, оказавшаяся в ситуации социальной эксклюзии, сталкивается с многочисленными препятствиями, урезающими ее возможности для экономического и социального развития. Ее члены могут подвергнуться дискриминации при поиске работы, иметь ограниченный доступ к качественному образованию, что в свою очередь снижает их шансы на улучшение своего экономического положения в будущем;

3) фактор «отсутствия доступа к услугам и социальным отношениям» — социальная изоляция может привести к ухудшению психологического состояния и снижению мотивации к преодолению трудностей. Необходимо учитывать особенности социальной среды, культурные нормы и ценности, влияющие на принятие решений и мобилизацию ресурсов. Психологический стресс, вызванный негативными жизненными событиями, может серьезно подорвать способность семьи эффективно реагировать на трудности. Кроме того, культурные традиции и социальные сети могут оказывать как позитивное, так и негативное влияние на адаптационные процессы. А.В. Коршунов (2011) отмечает, что в условиях динамичного развития связь между поколениями в передаче адаптационных стратегий ослабевает.

Р. Манк подчеркивает: «Эксклюзия имеет чисто пространственное измерение так же, как и социальное» (Munck, 2005, p. 61). В сельских населенных пунктах России существуют семьи с детьми, находящиеся в условиях социальной эксклюзии, поскольку отсутствие соответствующей экосистемы снижает степень их адаптации к изменяющимся условиям среды и требует поддержки государства.

А. Варызгина и Р. Кей (2014, с. 564) выделяют проблемы дезадаптации семей, связанные с желанием дистанцироваться от стигматизирующего образа малообеспеченных семьей (особенно остро нуждающиеся семьи), находящихся в социальной изоляции. Это оказывает существенное влияние и на текущее положение семьи, и на возможность улучшить ситуацию в будущем. Авторы поясняют, что «образ „достойного" формируется при условии, что демонстрируется активность, уверенность в себе, присутствие силы воли, доказательства способности обеспечить себя самостоятельно. Те люди, которые чувствуют, что не в состоянии соответствовать этому образу и отказываются от взаимодействия со структурами социальной защиты населения, подвергаются критике и могут быть обвинены в пассивности и лени, автоматически попадают в категорию „недостойных"».

А.С. Готлиб (2000) рассматривает стратегии адаптации населения как процесс поведенческого и субъективного освоения меняющейся действительности, в которой различные составляющие тесно переплетены, взаимодействуют друг с другом, зачастую компенсируя друг друга.

Совокупная роль условий среды, институциональной составляющей, программ поддержки в формировании программ адаптации населения, выбора поведения и мотивационно-ценностных составляющих рассмотрены в работе С. В. Дорошенко и Е. А. Трушковой (2019, с. 622–623).

Эмпирические исследования стратегий адаптаций семей с детьми (многодетных, простых полных семей с детьми) с точки зрения действий семей в условиях жизненных ситуаций представлены в работе А. А. Варызгиной (2016). По результатам исследования автор делает выводы, что к наиболее распространенным стратегиям преодоления бедности проактивного характера относятся смена трудовой активности (смена места работы, профессии); поиск дополнительных источников дохода, территориальная мобильность. К стратегиям преодоления бедности реактивного характера относятся: частичный переход на натуральное хозяйство; конвертация имущественных ресурсов семьи; а также получение финансовой поддержки из внешних источников (в основном это финансовая помощь со стороны родственников и друзей, реже со стороны государственных и общественных организаций).

Данные социологического опроса «Готовность к переменам», проведенного по заказу НИУ ВШЭ в сентябре-октябре 2022 г. для оценки реакций населения на изменения в обществе с учетом возникших в 2022 г. ограничений выявили, что «более активны в своей готовности к действиям семьи с детьми, и в качестве основного направления действий для увеличения своих доходов видят дополнительную занятость (больше работать, подрабатывать готовы 54 % семей с детьми против 45 % семей без детей) или смену работы (38 % против 24 %), получение нового образования (26 % против 17 %). Не хотят ничего предпринимать для роста доходов чаще бедные семьи (17 %), тогда как высокообеспеченные семьи о нежелании ничего делать сообщали реже (12 %), указывая скорее на то, что не видят необходимости в таких усилиях» (Корчагина & Прокофьева, 2024).

Таким образом, в настоящее время в научной литературе семьи с детьми с точки зрения выбора стратегии адаптации рассматриваются как субъекты, преодолевающие или не преодолевающие жизненные трудности, ориентирующиеся / не ориентирующиеся на избегание бедности / стигматизма / эксклюзии / на повышение или поддержание социально-экономического положения и т. д.

Это связано с тем, что семьи с детьми сталкиваются с повышенной иждивенческой нагрузкой, что в свою очередь приводит к увеличению финансовых и эмоциональных затрат. Тем не менее, несмотря на все сложности, семьи с детьми также демонстрируют повышенный уровень ответственности, что может способствовать активизации усилий родителей по созданию наиболее благоприятных условий для своих детей.

Существует и другой подход к анализу семей с детьми, который фокусируется на реализации мер государственной поддержки. В рамках этого подхода семьи с детьми рассматриваются как объекты государственной помощи. С одной стороны, государство предлагает ряд мер, направленных на стимулирование социально-экономического благополучия этих семей. Подобная поддержка включает в себя создание условий, способствующих улучшению уровня жизни, реализации как функции воспитания детей, так и материального обеспечения (Александрова,

2013; Теодорови, 2009). С другой стороны, существуют также меры, направленные на поддержание уровня жизни семей и преодоление жизненных трудностей. Некоторые авторы считают, что инструменты поддержки служат превентивными мерами избегания бедности (Варызгина, 2016а). На наш взгляд, это имеет место, поскольку в ряде субъектов, малых населенных пунктах, сельских поселениях ввиду отсутствия соответствующей инфраструктуры для реализации человека, возможностей повышения трудовой и профессиональной деятельности, укрепления социальных связей формируются условия социальной эксклюзии и невозможности выхода семей с детьми из состояния бедности.

Таким образом, можно сделать вывод, что семьи с детьми находятся в особом положении, которое требует комплексного подхода со стороны государства и общества. Необходимо учитывать как их уязвимость, так и активность, с которой они стремятся улучшить свою жизнь. По мнению О.Н. Калачиковой и М.А. Груздевой (2019), цель системы поддержки семей состоит в том, чтобы «обеспечить достойный уровень жизни семьям с детьми и способствовать снижению уровня бедности среди этого социально значимого сегмента населения, а разнообразие форм поддержки свидетельствует о стремлении государства охватить различные нужды семей и обеспечить адресность помощи тем, кто в ней действительно нуждается».

В основе выбора семей с детьми стратегии адаптации лежит совокупность разнообразных поведенческих действий, связанных с субъективно-оптимизационным использованием ограниченных экономических ресурсов или генерированием новых ресурсов, направленных на поддержание условий жизнедеятельности членов семей, зависящих от таких переменных, как:

1) потребности, предпочтения и возможности для получения желаемого дохода и благ в обществе;

2) нормативно-законодательные положения относительно дохода семьи, количества детей, места проживания, занятости, демографической ситуации в конкретном регионе.

Второе связано с тем, что законодательно закрепленные меры поддержки не являются универсальными и распространяется лишь на семьи, соответствующие определенным критериям. Это касается соответствия семьи определенным критериям (среднедушевой доход семьи не должен превышать установленного прожиточного минимума, имущественных критериев соответствия, соответствия количеству детей в семье и пр.). Система поддержки дифференцирована также с учетом различных этапов жизненного цикла семьи: от ожидания ребенка до воспитания детей разного возраста — от одного до нескольких (многодетные семьи). Меры поддержки семей с детьми многообразны и включают в себя широкий спектр возможностей. Дифференцируем меры поддержки семей, исходя из характера формирования стратегий адаптаций семей к различным жизненным обстоятельствам (проактивности, реактивности, пассивности — в основу дифференциации стратегий были взяты подходы А.А. Варызгиной).

Проактивные меры для адаптации семей с детьми содержат меры, направленные на предупреждение семей с детьми от различных ухудшающих обстоятельств в будущем или на поддержку: ежемесячное пособие в связи с рождением

и воспитанием ребенка, пособие по беременности и родам, единовременное пособие при рождении ребенка, ежемесячное пособие по уходу за ребенком, предоставление мер социальной поддержки семьям с детьми, проживающим (проживавшим) в новых субъектах Российской Федерации, материнский (семейный капитал) и способы распоряжения его средствами (улучшение жилищных условий, образование детей, накопительная пенсия мамы, социальная адаптация, а также специальные меры поддержки семьям военных и сотрудников силовых ведомств, пособие детям военнослужащих, семьям, подвергшимся воздействию радиации и т. д.

Если проактивные меры предотвращают многие угрозы ухудшения положения семей с детьми, реактивные меры необходимы для адаптации к новым и неизвестным рискам, на долгосрочное улучшение качества жизни семей и повышение их самостоятельности на основе смены трудовой деятельности, повышения образовательного и профессионального уровней и т. д. То есть дают толчок к активным действиям для самостоятельного улучшения жизненной ситуации в дальнейшем. Реактивные меры для адаптации семей с детьми представлены возможностью заключить социальные контракты, направленные на поиск работы, ведение личного подсобного хозяйства, осуществление индивидуальной предпринимательской деятельности и осуществление иных мероприятий, направленных на преодоление трудной жизненной ситуации[1], позволяющим оперативно реагировать на изменения жизненных ситуаций и предоставлять целевую поддержку в зависимости от конкретных нужд.

Согласно отчету Счетной палаты Российской Федерации[2], самыми востребованными и распространенными для детей с семьями являются социальные контракты, ориентированные на поиск работы. За 2021–2022 гг. их доля в общем количестве заключенных контрактов сохраняется на уровне 39 %. За два года доходы повысились в среднем у 66 % малоимущих граждан, заключивших контракт на поиск работы, и членов их семей, у 28 % — среднедушевые доходы семьи превысили размер прожиточного минимума в субъекте Российской Федерации (от 10 до 85 %).

Вторым инструментом поддержки, согласно данным Счетной палаты, являются контракты на осуществление индивидуальной предпринимательской деятельности. За 2021–2022 гг. по этому направлению заключено 156 тыс., или 28 % из общего числа. Доля заключивших контракты по этому направлению, чьи доходы повысились, составила в среднем 71 % (от 17 до 100 % в разных регионах), у 37 % среднедушевой доход семьи превысил региональный размер прожиточного минимума (от 11 до 76 %).

На ведение личного подсобного хозяйства ориентированы семьи из сельской местности (57 тыс. соцконтрактов, или 10 % из общего числа). Есть контракты, направленные на преодоление трудной жизненной ситуации (заключено 125 тыс., или 22 % из общего числа). В 2021 г. после завершения социального контракта в среднем у 52,5 % повысились доходы семьи, у 22,5 % среднедушевые доходы

[1] Федеральный закон от 17.07.1999 N 178-ФЗ (ред. от 29.10.2024) «О государственной социальной помощи». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23735/f4e461ac0e28a37c14a1ad6ac7193a2fc42b1c03/ (дата обращения: 12.02.2025).

[2] Бюллетень Счетной палаты РФ «Социальная помощь». https://www.sptulobl.ru/law/Bul-5-2023.pdf (дата обращения: 12.02.2025).

семьи превысили размер прожиточного минимума, что позволило им выйти из состояния бедности[1].

Пассивные меры для адаптации семей с детьми (единое пособие для семей с низким доходом) — мера государственной поддержки семей, чей среднедушевой доход меньше прожиточного минимума на человека в регионе проживания. На наш взгляд, данные меры направлены на преодоление обстоятельств социальной эксклюзии и невозможности выхода семей с детьми из состояния бедности. Несмотря на кажущуюся простоту — перечисление денежных средств, — эффективность этой меры напрямую зависит от многих факторов, которые часто упускаются из виду. Проблема не ограничивается простым предоставлением финансовой помощи, а требует более глубокого анализа и комплексного подхода. Во-первых, критически важен механизм определения «среднедушевого дохода» и «прожиточного минимума». Жесткое привязывание к региональному прожиточному минимуму может приводить к неравенству: в регионах с низким уровнем жизни пособие будет незначительным и не решит проблем семьи, а в регионах с высоким порог отбора будет слишком низким, что может привести к неэффективному использованию бюджетных средств.

Во-вторых, само по себе единое пособие не решает проблемы, лежащие в основе бедности. Финансовая помощь может стать лишь временной мерой, не затрагивая более глубоких причин: отсутствие работы, низкая квалификация, отсутствие доступа к качественному образованию, здравоохранению и социальным услугам. Без адресной поддержки в приобретении профессиональных навыков, содействия в поиске работы, доступности качественного дошкольного и школьного образования, а также психологической поддержки семьи эффективность единого пособия существенно снижается. Семья может использовать полученные средства на сиюминутные нужды, не инвестируя в свое будущее.

В-третьих, важно учитывать социальную составляющую проблемы. Получение пособия может быть связано со стигматизацией и социальной изоляцией семьи. Чувство стыда и неловкости, связанное с зависимостью от государственной помощи, может негативно влиять на психологическое состояние членов семьи и усугублять их социальную эксклюзию. Необходимо создавать условия, при которых получение пособия не будет восприниматься как позор, а станет частью системы социальной поддержки, которая помогает семьям преодолеть временные трудности и выйти из состояния бедности. Для этого нужна информационная кампания, направленная на дестигматизацию получателей пособий и повышение уровня осведомленности о доступных услугах социальной поддержки.

В-четвертых, регулярная оценка эффективности единого пособия с использованием объективных показателей — изменение уровня бедности среди целевой группы, улучшение доступа к образованию и здравоохранению, уровень занятости родителей — позволит своевременно выявлять недостатки и оптимизировать программу для достижения наилучших результатов. Важно также собирать обратную связь от получателей пособия, чтобы понять их потребности и адаптировать программу к реальным условиям жизни семей.

[1] Там же.

Таким образом, единое пособие для семей с низким доходом является недостаточной мерой для преодоления бедности. Для достижения устойчивого результата необходим комплексный подход, включающий адресную поддержку, развитие человеческого капитала, борьбу со стигматизацией и постоянный мониторинг эффективности программы. Только в этом случае пассивные меры социальной поддержки смогут эффективно способствовать социальной интеграции семей с детьми и выходу их из состояния бедности.

Заключение

В основе выбора стратегии адаптации семей с детьми лежит сложный переплет факторов, выходящий далеко за рамки простого «использования ограниченных экономических ресурсов». Хотя экономический аспект, безусловно, играет ключевую роль, определяя доступность жилья, питания, образования и медицинского обслуживания, он затрагивает лишь поверхностные аспекты. Для более глубокого понимания требуется анализ взаимодействия экономических, социальных, психологических и культурных переменных, формирующих индивидуальные и семейные стратегии, направленные на преодоление жизненных трудностей, ориентирующиеся / не ориентирующиеся на избегание бедности / стигматизма / эксклюзии / на повышение или поддержание социально-экономического положения и т. д.

Мы выяснили, что стремление к желаемому доходу и благам тесно связано с социальными ожиданиями и культурными нормами. В обществе, где материальное благополучие является главным показателем успеха, семьи будут прилагать больше усилий для достижения высокого уровня дохода даже в ущерб другим ценностям. В условиях динамично меняющейся реальности вторичный анализ социологических исследования выявил, что семьи с детьми демонстрируют большую готовность к активным действиям, направленным на улучшение своего экономического положения. Это свидетельствует о значимости семейных ценностей и стремлении обеспечить достойное будущее для своих детей.

Нами определено, что меры поддержки семей (в зависимости от проактивности, реактивности, пассивности характера мер) направлены на формирование различных стратегий адаптаций семей к жизненным обстоятельствам, преодолении трудностей и повышении их устойчивости к внешним вызовам — от экономии до поиска новых возможностей и мобилизации активов.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательских работ по государственному заданию Института экономики Уральского отделения РАН на период 2024–2026 гг. «Механизмы регулирования экономического поведения населения в условиях структурных изменений».

Acknowledgements

The article has been prepared in the framework of the state task to the Institute of Economics of the Ural Branch of RAS for 2024–2026 «Mechanisms for regulating the economic behavior of the population in the context of structural

Список литературы

Абрахамсон, П. (2001). Социальная эксклюзия и бедность. *Общественные науки и современность, 2,* 158–166.

Александрова, О. А. (2013). Социальное государство современной России: старые проблемы и новые вызовы. *Народонаселение, 2,* 4–13.

Варызгина, А., Кей, Р. (2014). Восприятие бедности в малом городе России. *Журнал исследований социальной политики, 12* (4), 555–568.

Варызгина, А. А. (2016a). Превентивные стратегии избегания бедности, избираемые семьями с детьми (на примере малых городов России). В *Наука, бизнес, власть – триада регионального развития: сборник статей* (с. 12–25). Санкт-Петербург: ГНИИ «Нацразвитие», 152.

Варызгина, А. А. (2016b). Стратегии преодоления бедности семьями с детьми. *Народонаселение, 2,* 99–107.

Гордон, Д., Левитас, Р., Пантазис, К. и др. (2007). Бедность и социальная исключенность в Великобритании. *SPERO, 7,* 163–190.

Готлиб, А. С. (2000). Социально-экономическая адаптация россиян: опыт сочетания количественной и качественной методологии в одном отдельно взятом исследовании. *Социология: методология, методы, математическое моделирование, 12,* 5–24.

Дорошенко, С. В., Трушкова, Е. А. (2019). Макромодель адаптации населения в изменяющейся экономике: подходы и решения. *Журнал экономической теории, 16* (4), 617–629. https://doi.org/10.31063/2073-6517/2019.16-4.2

Калачикова, О. Н., Груздева, М. А. (2019). Социальная уязвимость семей с детьми в современной России. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз, 12* (2), 147–160. https://doi.org/10.15838/esc.2019.2.62.9

Каравай, А. В. (2021). Действия россиян по улучшению собственного материального положения в эпоху COVID-19. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, 2,* 121–137. https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1837

Козлова, О. А., Макарова, М. Н. (2020). Оценка адаптации населения к изменениям условий жизнедеятельности с позиции конвергенции региональных систем расселения. *Экономика региона, 16* (1) 84–96. https://doi.org/10.17059/2020-1-7

Корчагина, И. И., Прокофьева, Л. М. (2024). Адаптация российских семей к условиям потребительских ограничений. *Народонаселение, 27* (3), 153–164. https://doi.org/10.24412/1561-7785-20243-153-164

Маллаева, М. И., Хаджалова, Х. М. (2011). Методические подходы к определению объектов социальной защиты населения. *Вестник Дагестанского государственного университета, 5,* 21–25.

Теодорович, М. Л. (2009). *Бедность как социальная проблема: стратегический подход*. Нижний Новгород: Нижегородский гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского, 451.

Тихонова, Н. Е. Каравай, А. В. (2016). Ресурсы россиян в условиях кризиса: динамика и роль в адаптации к новым условиям. *Социологические исследования, 10,* 43–53.

Тихонова, Н. Е. (2003). Феномен социальной эксклюзии в условиях России. Мир России. Социология. *Этнология, 12* (1), 36–84.

Jung, S. Y., Smith, R. J. (2007) The Economics of Poverty. *Journal of Human Behavior in the Social Environment, 16,* 21–39. https://doi.org/10.1300/J137v16n01_03

Korshunov, A. V. (2011). *Adaptation strategies of.* https://www.semanticscholar.org/paper/ADAPTATION-STRATEGIES-OF-Vladimirovich-Youth/748db1d0272552a4d9c3f2a550514a65c28294c3 (дата обращения: 12.02.2025).

Moser, C. (1998). The asset vulnerability framework: Reassessing urban poverty reduction strategies. *World Development, 26* (1), 1–19. https://doi.org/10.1016/s0305-750x(97)10015-8

Munck, R. (2005). *Globalization and Social Exclusion: a Transformationalist Perspective.* Bloomfield: Kumarian Press, 190.

References

Abrahamson, P. (2001). Social exclusion and poverty. *Obshchestvennye nauki i sovremennost [Social Sciences and Contemporary World], 2,* 158–166. (In Russ.)

Aleksandrova, O. A. (2013). The welfare state of modern Russia: old problems and new challenges. *Narodonaselenie, 2,* 4–13. (In Russ.)

Doroshenko, S. V., & Trushkova, E. A. (2019). Macromodel of population adaptation in a changing economy: approaches and solutions. *Zhurnal ekonomicheskoi teorii [Russian Journal of Economic Theory], 16* (4), 617–629. https://doi.org/10.31063/2073-6517/2019.16-4.2 (In Russ.)

Gordon, D., Levitas, R., Pantazis, K. et al (2007). Poverty and social exclusion in the UK. *SPERO, 7,* 163–190. (In Russ.)

Gottlieb, A. S. (2000). Socio-economic adaptation of Russians: experience of combining quantitative and qualitative methodology in one separate study. *Sotsiologiia: metodologiia, metody, matematicheskoe modelirovanie [Sociology: methodology, methods, mathematical modeling], 12,* 5–24. (In Russ.)

Jung, S. Y., Smith, R. J. (2007) The Economics of Poverty. *Journal of Human Behavior in the Social Environment, 16,* 21–39. https://doi.org/10.1300/J137v16n01_03

Kalachikova, O. N., Gruzdeva, M. A. (2019). Social vulnerability of families with children in modern Russia. *Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 12* (2), 147–160. https://doi.org/10.15838/esc.2019.2.62.9 (In Russ.)

Karavai, A. V. (2021). Actions of Russians to Improve Their Own Financial Situation in the Era of COVID-19. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial-nye peremeny [Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes], 2,* 121–137. https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1837 (In Russ.)

Korchagina, I. I., Prokofieva, L. M. (2024). Adaptation of Russian families to the conditions of consumer restrictions. *Narodonaselenie, 27* (3), 153–164. https://doi.org/10.24412/1561-7785-20243-153-164 (In Russ.)

Korshunov, A. V. (2011). *Adaptation strategies of.* https://www.semanticscholar.org/paper/ADAPTATION-STRATEGIES-OF-Vladimirovich-Youth/748db1d0272552a4d9c3f2a550514a65c28294c3 (accessed: 12.02.2025).

Kozlova, O. A., Makarova, M. N. (2020). Assessment of Population's Adaptation to the Changing Living Conditions in Terms of Convergence of the Regional Settlement Systems. *Ekonomika regiona [Economy of Regions], 16* (1), 84–96. https://doi.org/10.17059/2020-1-7 (In Russ.)

Mallaeva, M.I., Khadzhalova, H. M. (2011). Methodological approaches to defining objects of social protection of the population. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta [Herald of Dagestan State University], 5,* 21–25. (In Russ.)

Moser, C. (1998). The asset vulnerability framework: Reassessing urban poverty reduction strategies. *World Development, 26* (1), 1–19. https://doi.org/10.1016/s0305-750x(97)10015-8

Munck, R. (2005). *Globalization and Social Exclusion: a Transformationalist Perspective.* Kumarian Press, 190.

Teodorovich, M. L. (2009). *Bednost kak sotsialnaia problema: strategicheskii podkhod [Poverty as a social problem: a strategic approach]*. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky, 451. (In Russ.)

Tikhonova, N. E., Karavai, A. V. (2016). Resources of Russians in Crisis Conditions: Dynamics and Role in Adaptation to New Conditions. *Sotsiologicheskie issledovaniia, 10,* 43–53. (In Russ.)

Tikhonova, N. E. (2003). The Phenomenon of Social Exclusion in Russia. *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya [Universe of Russia. Sociology. Ethnology], 12* (1), 36–84. (In Russ.)

Varyzgina, A., Kay, R. (2014). Perception of poverty in a small town in Russia. *Zhurnal issledovanii sotsialnoi politiki [The Journal of Social Policy Studies], 12* (4), 555–568. (In Russ.)

Varyzgina, A. A. (2016). Prevention strategies of avoiding poverty of families with children (in case of small Russian towns). In *Nauka, biznes, vlast' - triada regio-nal'nogo razvitiya: sbornik statej [Science, business, power - the triad of regional development: a collection of articles]* (pp. 12–25). St. Petersburg: State Research Institute «NatSrazvitie», 152. (In Russ.)

Varyzgina, A. A. (2016). Strategies for overcoming poverty by families with children. *Narodonaselenie, 2,* 99–107. (In Russ.)

Трушкова Екатерина Александровна — к.э.н., старший научный сотрудник сектора исследований адаптаций региональных систем, Институт экономики УрО РАН; https://orcid.org/0000-0001-7232-2576 (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: trushkova_ea@inbox.ru).

Ekaterina A. Trushkova — PhD (Econ), Senior Researcher at the Regional Systems Adaptation Research Center, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; https://orcid.org/0000-0001-7232-2576 (29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: trushkova_ea@inbox.ru).

IV. СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

УДК 336.304
JEL classification: R14, R23
https://www.doi.org/10.17059/udf-2025-4-1

Использование цифровых технологий для здоровьесбережения пожилых людей в сельской местности[1]

К. А. Галкин

Социологический институт РАН-филиал ФНИСЦ РАН (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация).

https://orcid.org/0000-0002-6403-6083

Автор для корреспонденции: К. А. Галкин (Kgalkin1989@mail.ru).

Аннотация. *В настоящей статье рассматриваются особенности использования цифровых технологий в контексте здоровьесбережения пожилых людей, проживающих в сельских нечерноземных районах России. Исследование охватывает 80 интервью с жителями Ленинградской области и Республики Карелия. Предметом исследования является цифровизация практик здоровьесбережения пожилых людей в сельской местности. Методологической основой работы выступает тематический анализ нарративов, полученных в результате полуструктурированных интервью. Основные результаты показывают, что стратегии использования цифровых технологий пожилыми людьми значительно варьируются в зависимости от уровня развития населенных пунктов и инфраструктуры в них. Выявлено, что доступность Интернета, наличие обучающих программ и техническая поддержка играют ключевую роль в успешной интеграции цифровых технологий в практики здоровьесбережения. Научный вклад настоящего исследования заключается в выявлении особенностей цифровизации в области здоровьесбережения пожилых людей и анализа возможностей ее внедрения в сельских регионах России. Результаты могут быть использованы для разработки программ цифровизации российских регионов с учетом потребностей сельского населения.*

Ключевые слова: пожилые люди; цифровая медицина; пожилые люди в селах; лечение пожилых людей

Using digital technologies to protect the health of the older in rural areas

K. Galkin

Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, RAS, (Saint-Petersburg, Russian Federation).

https://orcid.org/0000-0002-6403-6083

Corresponding author: K. Galkin (Kgalkin1989@mail.ru).

Abstract. *This article examines the features of using digital technologies in the context of health care for the older living in rural non-Chernozem regions of Russia. The study covers 80 interviews with residents of the Leningrad Region and the Republic of Karelia. The subject of the study is the digitalization of health-saving practices for the older in rural areas. The methodological basis of the work is a thematic analysis of narratives obtained as a result of semi-structured interviews. The main results show that strategies for the use of digital technologies by older people vary significantly depending on the level of development of settlements and infrastructure in them. It has been revealed that Internet accessibility, the avail-*

[1] © Галкин К. А. Текст. 2025.

ability of training programs and technical support play a key role in the successful integration of digital technologies into health-saving practices. The scientific contribution of this study is to identify the features of digitalization in the field of health care for the older and to analyze the possibilities of its implementation in rural regions of Russia. The results can be used to develop digitalization programs for Russian regions, taking into account the needs of rural populations.

Keywords: older people; digital medicine; older people in villages; treatment of the older

Введение

Повсеместное развитие современных цифровых технологий связано с внедрением их возможностей практически во все сферы современной жизни. Цифровые технологии становятся всё более доступными и улучшают жизнь различных групп населения, включая пожилых людей (Григорьева, 2022; Hasan et al., 2016). Эта группа населения, на первый взгляд, ввиду возрастных ограничений и отсутствия должной подготовки не всегда способна эффективно использовать все преимущества цифровых технологий. Особенно это касается их применения для лечения и здоровьесбережения (Шапиро и др., 2021).

В России постепенно происходят процессы внедрения цифровых технологий в систему здравоохранения. Это, например, использование цифровых платформ для записи к врачам, отслеживания электронной очереди, а также применения технологий для лечения и получения консультаций от врачей (Коданева, 2020). Однако последняя сфера пока остается на стадии пилотных проектов и требует дальнейшей проработки.

Настоящее исследование рассматривает различные аспекты цифрового здравоохранения, включая возможности телемедицины, цифровой медицины, участия пожилых людей в медицинских форумах, а также получения информации о лечении заболеваний через Интернет. Многие исследователи подчеркивают социальные различия среди пожилых людей, которые отражаются на их доступе и готовности использовать цифровые технологии (Груздева, 2022; Плотичкина и др., 2020). Например, пожилые жители крупных городов чаще имеют возможность посещать курсы компьютерной грамотности и повышать свои навыки, в то время как пожилые люди в сельской местности сталкиваются с ограничениями. Эти ограничения включают в себя недостаток образовательных программ, проблемы с освоением новых технологий и слабую инфраструктуру, которая не дает открытого доступа к Интернету. Применение цифровых технологий в сельской местности способно улучшить качество жизни пожилых людей. Исследования показывают, что доступ к таким технологиям может компенсировать недостатки сельской медицины, включая низкое качество обслуживания и отсутствие регулярных консультаций (Мохначева и др., 2023). Это особенно необходимо для управления хроническими заболеваниями и решения острых проблем со здоровьем. Формирование цифровых компетенций у пожилых людей становится важной задачей, которая в долгосрочной перспективе может улучшить демографическую ситуацию и продлить продолжительность жизни. Эта задача включена в такие инициативы, как проект «Старшее поколение» и Национальный проект «Демография». Однако необходимо акцентировать внимание не только на развитии цифровых навыков у жителей крупных городов, но и на создании равных возможностей для жителей сельской местности. Реализация специализированных

курсов и программ по компьютерной грамотности для пожилых людей является ключевым шагом для преодоления этого разрыва.

Целью нашего исследования является анализ использования цифровых технологий пожилыми людьми в сельской местности и выявление основных стратегий и тенденций их применения.

Обзор литературы

Теоретической основой данного исследования является быстро развивающийся дискурс активного долголетия. Этот дискурс представлен как в рамках многочисленных исследовательских работ, посвященных перспективам развития пожилых людей и особенностям их жизни в различных странах, так и в международных программах поддержки активного образа жизни для пожилых людей (Walker, 2002; 2014). Сегодня такие программы реализуются практически во всех странах мира, что свидетельствует о глобальной важности данной темы. После пандемии COVID-19 дискурс активного долголетия претерпел значительные изменения. Возвращение к биологическим детерминантам в определении роли пожилых людей в обществе сменилось более рефлексивным подходом. Современные исследования сосредоточены на изучении жизненных стратегий, повседневной жизни и индивидуальных представлений пожилых людей об активности (Григорьева и др., 2020).

Одним из ключевых аспектов современных исследований стало изучение трансформации компьютерной грамотности среди пожилых людей. Использование Интернета для улучшения качества жизни пожилых людей становится не просто технологическим трендом, но и жизненной необходимостью. Исследователи отмечают, что для пожилых людей компьютерная грамотность приобретает практическую значимость, будь то для продолжения профессиональной деятельности, доступа к телемедицине или поиска информации о здоровье (Григорьева и др., 2021; Дмитриева, 2015).

Некоторые исследования показывают, что пожилые люди активно используют цифровые технологии, хотя сохраняются разрывы в цифровых компетенциях между жителями крупных городов и сельской местности (Галкин, 2021). Важным критерием эффективности использования цифровых технологий для пожилых людей является их способность обеспечивать социальную поддержку и снижать уровень социальной отчужденности. Это особенно важно для пожилых людей, проживающих в сельской местности. Постоянное общение через онлайн-платформы и цифровые сервисы может значительно улучшить их психологическое самочувствие, оказывая терапевтический эффект.

Исследования подчеркивают, что такая поддержка возможна благодаря использованию Интернета для общения в рамках телемедицины, участия в форумах и взаимодействия с другими пожилыми людьми (Goins et al., 2001; Головина, 2023). Например, обсуждение проблем здоровья или трудностей жизни в сельской местности создает чувство общности и снижает тревожность. Взаимодействие с врачами через цифровые каналы также способствует получению независимых консультаций и повышению качества медицинского обслуживания.

Таким образом, цифровые практики пожилых людей выполняют две ключевые функции: с одной стороны, они способствуют улучшению медицинского обслуживания и доступу к необходимой информации, а с другой стороны, создают возможности для социального общения и обсуждения актуальных проблем. Эти функции становятся особенно значимыми в условиях ограниченной инфраструктуры сельских регионов и дефицита медицинских услуг, характерного для удаленных населенных пунктов.

Материалы и методы

В рамках исследовательской работы, проводившейся в сёлах Ленинградской области и Республики Карелия, было собрано 80 полуструктурированных интервью: по 40 интервью в каждой локации. Возрастной диапазон информантов составил от 65 до 83 лет. Все информанты имели доступ к Интернет-ресурсам и активно обращались к ним для поиска необходимых лекарств или получения советов от врачей в различных Интернет-сообществах и профессиональных медицинских платформах.

Для анализа собранных материалов использовался тематический метод, который позволил выявить ключевые темы и обозначить основные стратегии использования цифрового здравоохранения и телемедицины пожилыми людьми в сельской местности. В рамках тематического анализа применялся конверсационный анализ, включавший в себя детальное изучение транскриптов интервью с выделением смысловых структур. Эти структуры стали основой для описания ситуаций, в которых пожилые люди применяли цифровые технологии для решения своих медицинских задач.

Результаты

Активное использование Интернет-ресурсов в здоровьесбережении

Данная стратегия связана с успешной адаптацией пожилых людей и активным использованием пожилыми людьми Интернета и его ресурсов для поддержания своего здоровья. При этом следует отметить, что в интервью выделялись два наиболее популярных типа использования пожилыми людьми Интернета. Первый связан с использованием ресурсов Интернета для поиска необходимой информации о лекарствах, а второй — для поиска клиник для лечения заболеваний и альтернатив сельской медицины, которую, как правило, информанты в интервью характеризовали как наименее качественную:

«Так хорошо, что хотя бы там (в сети — прим. интервьюера) можно хоть что-то найти, хоть какую-то информацию о клиниках, о записи к врачам и так далее, потому что в целом же у нас как здесь только можно в лучшем случае рецепт получить на запись к врачу и все, фельдшер вообще никудышная, да и в целом здесь вообще стоит сказать, что ужасное качество всего этого медицинского обслуживания, поэтому путь один — в Интернет» (ж., 68, село, Ленинградская область).

Как правило, пожилые люди, представители стратегии активного использования, чаще всего искали в Интернете информацию о подходящих клиниках и врачах в областном центре или в городе. Также важным было получение ими

дистанционных консультаций от врача и запись онлайн к врачам. Кроме того, представители данной стратегии, как правило, достаточно положительно оценивали свое здоровье, и нередко такая положительная оценка была связана с использованием пожилыми людьми цифровых ресурсов. В ходе исследования мы обнаружили, что чем выше пожилые жители сёл, преимущественно в Ленинградской области, оценивали свое здоровье, тем чаще они обращались к возможностям цифровой медицины и, в частности, к ее возможностям по поиску необходимых врачей и получению онлайн-консультаций.

При этом следует отметить, что существенных различий по полу в контексте активного использования Интернета и его ресурсов для поддержания своего здоровья у представителей данной стратегии не было обнаружено. Однако была выявлена значимость социального статуса и важность наличия материальных ресурсов для использования Интернета в поддержании своего здоровья и самочувствия. Также приоритетным было наличие соответствующей инфраструктуры, которая была преимущественно доступна в сёлах Ленинградской области, а именно возможности быстрого доступа к Интернету и использования его ресурсов для получения необходимой информации и записи к врачам.

Пассивное использование Интернет-ресурсов в здоровьесбережении

Данная стратегия, как правило, характеризовалась значительно более редким использованием ресурсов Интернета. Представители данной стратегии обычно использовали Интернет для чтения различных статей о здоровье и для заказа лекарств онлайн. Они подчеркивали, что возможность заказывать лекарства через Интернет является важным и ценным ресурсом, особенно в сельской местности, где часто наблюдается дефицит медикаментов, а заказ через фельдшерско-акушерские пункты бывает затруднен:

«Ну, насчёт лечения и я, конечно, не знаю, а вот лекарства какие-то доставать — это да, это как раз можно через Интернет. Потому что здесь у нас как: если я, например, плохо хожу, да и в Петрозаводск езжу редко, то, значит, приходится просить только на соседей надеяться, а соседи здесь у меня только в сезон. И как сезон закончился, то всё, они в город уезжают. И вот хорошо, что дочка купила мне компьютер и к Интернету меня подключила — теперь хоть я могу сама что-то заказать, а потом, когда мои едут в город, это забирают и мне привозят» (ж., 76, село, Республика Карелия).

Интересно отметить, что представители подобной стратегии среди информантов встречались чаще в сёлах Республики Карелия. Кроме того, они, как правило, обладали базовыми навыками для использования Интернета, хотя нередко отмечали, что этих навыков недостаточно. Тем не менее они успешно выполняли простые действия в Сети и использовали Интернет для «простых манипуляций», таких как поиск лекарств и оформление заказов.

Однако представители данной стратегии проявляли осторожность в использовании Интернета для консультаций с врачами. Они реже доверяли информации, полученной в Сети, предпочитая традиционные методы общения с медицинским персоналом. Их отношение к телемедицине и онлайн-консультациям можно охарактеризовать как скептическое:

«Я не знаю, но хоть все и говорят, что это удобно и в целом, конечно, хорошо (использование Интернета — прим. интервьюера), но честно сказать, не верю я в возможности прямо вот так вот, общаясь, как мы сейчас с вами, или там просто прочитав какую статью, вот так вот достаточно просто и легко: там мы сейчас вам лечение подберём и вылечим вас. Это не вызывает вообще особенного доверия. И, наверное, следует сказать, что всё же важным и значимым фактором выступает такое вот общение с глазу на глаз с врачами или вообще с любым медицинским персоналом. Поэтому я в это не верю (в лечение по Интернету — прим. интервьюера), считаю, что здесь нужно, как раньше, ходить, общаться с врачами и получать соответствующие назначения» (м., 70, село, Ленинградская область).

Данные интервью показывают, что обнаруженные различия в использовании Интернета объясняются не столько цифровым разрывом или отсутствием цифровой грамотности у пожилых людей, сколько социальными и культурными факторами, а также установками. Желание использовать или не использовать Интернет-ресурсы напрямую связано с индивидуальными предпочтениями и установками, что хорошо иллюстрирует стратегия пассивного использования.

Также стоит отметить, что важным фактором является возраст: с увеличением возраста случаев заказа лекарств через Интернет становится меньше. Таким образом, возраст пожилых людей, а также их желание использовать Интернет-ресурсы для заказа лекарств и лечения играют значительную роль в формировании их цифровых практик.

Стратегия нежелания использования Интернет-ресурсов в здоровьесбережении

Непривлекательность использования Интернет-ресурсов для лечения заболеваний и покупки различных лекарств у наших информантов в основном была связана с отсутствием опыта в использовании современных устройств, а также навыков общения в цифровой среде. Помимо этого, отсутствие цифровой грамотности, как правило, дополнялось недоверием к новым технологиям и их возможностям, что оказывало негативное влияние на готовность пожилых людей применять цифровое здравоохранение или искать необходимую информацию о своем здоровье в Интернете:

«Просто знаете, я так скажу. Ну, через месяц мне уже 80 будет, и я их все практически прожила вот без этих интернетов и других технологий. А сейчас, сегодня, уже, наверное, поздно мне что-то осваивать новое. И потом здоровье — это такая важная вещь. Не думаю, что в плане поддержания своего здоровья или даже чтения информации по лекарствам стоит обращаться к каким-то там непроверенным врачам или вообще доверять вот этим вот непроверенным источникам. Поэтому я и стараюсь в целом жить как раньше. Нет смысла что-то менять, когда, как говорится, уже одной ногой в могиле» (ж., 82, село, Республика Карелия).

Важным для представителей данной стратегии оставалось сохранение привычной коммуникации со знакомыми и проверенными врачами или фельдшерами. Как отмечали информанты, их нежелание использовать Интернет для поиска информации или заказа лекарств в значительной степени обусловлено отсутствием необходимых навыков работы с современными ИКТ-технологиями. Кроме того, пожилые люди говорили о своем общем нежелании интегрироваться в современный

мир, недоверии к технологиям и отсутствии осознания важности использования информационных технологий для лечения и получения медицинской информации.

Особо подчеркивалось, что возраст был ключевым фактором, который влиял на мотивацию или ее отсутствие у пожилых людей к освоению новых технологий. Информанты часто выражали мнение о том, что в их возрасте обучение работе с Интернетом и цифровыми технологиями не имеет смысла и не является приоритетным. Например, они предпочитали сохранять устоявшиеся способы получения медицинской помощи, ориентируясь на личный опыт и мнение знакомых медицинских работников.

Следует отметить, что подобная стратегия была характерна как для пожилых людей, проживающих в Ленинградской области, так и для жителей Республики Карелия. Это подчеркивает универсальность возрастного барьера и общего недоверия к цифровым технологиям в сельской местности. В данном случае нежелание использовать новые технологии не только ограничивало доступ к современным методам лечения и информации, но также отражало более широкие социальные и культурные установки, связанные с возрастом и восприятием изменений в технологическом окружении.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать выводы, что развитие цифрового здравоохранения, особенно в сельской местности, оказывает положительное влияние на активность пожилых людей и их возможности получать дополнительную информацию о своем здоровье и лечении заболеваний. Это особенно важно в условиях ограниченности сельской медицины и зачастую посредственного качества оказываемых медицинских услуг в сельских районах.

Преимуществом данного исследования является изучение индивидуального взгляда пожилых людей на возможности использования цифрового здравоохранения, включая использование различных платформ и форумов, посвященных лечению заболеваний. Такой подход позволил выявить индивидуальные аспекты применения цифровых технологий, которые затем легли в основу описания соответствующих стратегий использования цифрового здравоохранения пожилыми людьми.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №24-78-10118 https://rscf.ru/project/24-78-10118/.

Acknowledgements

This research was supported by the Russian Scientific Foundation, the project No 24-78-10118.

Список источников

Галкин, К. А. (2021). E-health и онлайн-сообщества здоровья в повседневности пожилых сельских жителей в период пандемии. *Успехи геронтологии, 34* (4), 538–544. https://doi.org/10.34922/AE.2021.34.4.005

Головина, С. Г. (2023). Цифровизация как инструмент сельского развития. В *Развитие современной науки и технологий в условиях трансформационных процессов. Сборник матери-*

алов IX Международной научно-практической конференции (с. 292–296). Санкт-Петербург: Печатный цех, 452. EDN: FAGMIW

Григорьева, И., Богданова Е. (2020). Концепция активного старения в Европе и России перед лицом пандемии COVID-19. *Laboratorium: журнал социальных исследований, 12* (2), 187–211. https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-2-187-211

Григорьева, И. А., Колосова, Г. В. (2021). Социальные взаимодействия в системе долговременного ухода за пожилыми. *Успехи геронтологии, 34* (6), 919–927. https://doi.org/10.34922/AE.2021.34.6.014

Григорьева, И. А. (2022). Включение пожилых в мир цифровых технологий в условиях «новой социальности». В *Интернет и современное общество: сборник тезисов докладов* (с. 40–42). Санкт-Петербург: Университет ИТМО,53. EDN: FXXQUJ

Груздева, М. А. (2022). Возрастной фактор цифрового разрыва: грани неравенства. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз, 15* (4), 228–241. https://doi.org/10.15838/esc.2022.4.82.14

Дмитриева, А. В. (2015). Компьютерная грамотность как инструмент социального включения пожилых людей в современное общество. *Журнал социологии и социальной антропологии, 18* (3), 184–197. EDN: ULQOLH

Коданева, С. И. (2020). Цифровые технологии в здравоохранении: зарубежный опыт. *Россия: тенденции и перспективы развития,* (15–1), 617–620. EDN: JPIGZS

Мохначева, Т. Е., Моногарова, Ю. Ю. & Варакина, Ж. Л. (2023). Вовлеченность организаторов здравоохранения в процесс цифровизации здравоохранения. *Социальные аспекты здоровья населения, 69* (1), 11. https://doi.org/10.21045/2071-5021-2023-69-1-11

Плотичкина, Н. В., Морозова, Е. В., Мирошниченко, И. В. (2020). Цифровые технологии: политика расширения доступности и развития навыков использования в Европе и России. *Мировая экономика и международные отношения, 64* (4), 70–83. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-4-70-83

Шапиро, С. Р., Коновалова, М. Е. (2021). Об эффективности цифровизации в здравоохранении. *Столыпинский вестник, 3* (2), 135–143. https://doi.org/10.24412/2713-1424-2021-10008

Goins, R. T., Kategile, U., Dudley, K. C. (2001). Telemedicine, rural elderly, and policy issues. *Journal of aging & social policy, 13* (4), 53–71. https://doi.org/10.1300/j031v13n04_04

Hasan, H., Linger, H. (2016). Enhancing the wellbeing of the elderly: Social use of digital technologies in aged care. *Educational Gerontology, 42* (11), 749–757. https://doi.org/10.1080/03601277.2016.1205425

Walker, A. (2002). A strategy for active ageing. *International social security review, 55* (1), 121–139. https://doi.org/10.1111/1468-246X.00118

Walker, A. (2014). The concept of active ageing. *Active ageing in Asia. Routledge,* 14–29.

References

Dmitriyeva, A. V. (2015). Computer literacy as a tool for social inclusion of older people in modern society. *ZHurnal sociologii i social'noj antropologii [Journal of Sociology and Social Anthropology], 18* (3), 184–197. EDN: ULQOLH (In Russ.)

Galkin, K. A. (2021). E-health and online health communities in the daily lives of older rural residents during the pandemic. *Uspekhi gerontologii [Advances in Gerontology], 34* (4), 538–544. https://doi.org/10.34922/AE.2021.34.4.005. (In Russ.)

Goins, R. T., Kategile, U., Dudley, K. C. (2001). Telemedicine, rural elderly, and policy issues. *Journal of aging & social policy, 13* (4), 53–71. https://doi.org/10.1300/j031v13n04_04

Golovina, S. G. (2023). Digitalization as a tool for rural development. In *Razvitie sovremennoj nauki i tekhnologij v usloviyah transformacionnyh processov. Sbornik materialov IX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii [The development of modern science and technology in the context of transformational processes development of modern science and technology in the context of transformational processes. Collection of materials of the IX International Scientific and Practical Conference]* (pp. 292–296). St. Petersburg: Printing Shop, 452. EDN: FAGMIW (In Russ.)

Grigorieva, I. A. (2022). The inclusion of the elderly in the world of digital technologies in the context of the "new sociality". In *Internet i sovremennoe obshhestvo: sbornik tezisov dokladov [Internet and modern society: a collection of abstracts]* (pp. 40–42). St. Petersburg: ITMO University, 53. (In Russ.)

Grigoryeva, I. A., Kolosova. G. V. (2021). Social interactions in the system of long-term care for the elderly. *Uspekhi gerontologii [Advances in Gerontology], 34* (6), 919–927. https://doi.org/10.34922/AE.2021.34.6.014 (In Russ.)

Grigoryeva, I., Bogdanova, E. (2020). The Concept of Active Aging in Europe and Russia in the Face of the COVID-19 Pandemic. *Laboratorium: zhurnal social'nyh issledovanij [Laboratorium: Russian Review of Social Research], 12* (2), 187–211. https://doi.org/10.25285/2078-1938-2020-12-2-187-211 (In Russ.)

Gruzdeva, M. A. (2022). The age factor in the digital divide: The edges of inequality. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 15* (4), 228–241. https://doi.org/10.15838/esc.2022.4.82.14 (In Russ.)

Hasan, H., Linger, H. (2016). Enhancing the wellbeing of the elderly: Social use of digital technologies in aged care. *Educational Gerontology, 42* (11), 749–757. https://doi.org/10.1080/03601277.2016.1205425

Kodaneva, S. I. (2020). Digital technologies in healthcare: foreign experience. *Rossiya: tendencii i perspektivy razvitiya [Russia: Trends and Prospects of Development],* (15–1), 617–620. EDN: JPIGZS (In Russ.)

Mokhnacheva, T. E., Monogarva, Y. Y., Varakina, Z. L. (2023). Involvement of healthcare administrators in the process of healthcare digitalization. *Social'nye aspekty zdorov'ya naseleniya [Social aspects of public health], 69* (1), 11. https://doi.org/10.21045/2071-5021-2023-69-1-11. (In Russ.)

Plotichkina, N. V., Morozova, E. V., Miroshnichenko, I. V. (2020). Digital Technologies: Policy for Improving Accessibility and Usage Skills Development in Europe and Russia. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World Economy and International Relations], 64* (4), 70–83. (In Russ.)

Shapiro, S. R., Konovalova, M. E. (2021). On the effectiveness of digitalization in healthcare. *Stolypinskij vestnik [Stolypin Bulletin], 3* (2), 135–143. https://doi.org/10.24412/2713-1424-2021-10008 (In Russ.)

Walker, A. (2002). A strategy for active ageing. *International social security review, 55* (1), 121–139. https://doi.org/10.1111/1468-246X.00118

Walker, A. (2014). The concept of active ageing. Active ageing in Asia. Routledge, 14–29.

Галкин Константин Александрович — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН https://orcid.org/0000-0002-6403-6083 (Российская Федерация, 190005, г. Санкт-Петербург, ул.7-я Красноармейская, д. 25; e-mail: Kgalkin1989@mail.ru).

Konstantin A. Galkin — Cand. Sci. (Soc.), Senior researcher; Sociological Institute of the RAS, Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; https://orcid.org/0000-0002-6403-6083 (25, Krasmoarmeiskaya St., Saint-Petersburg, 190005, Russian Federation; e-mail: Kgalkin1989@mail.ru).

УДК 305, 314
JEL classification: J11, J13
https://www.doi.org/10.17059/udf-2025-4-2

Статистическая оценка неиспользованного потенциала деторождений среди целевых групп женщин[1]

Т. А. Камарова [а], Н. В. Тонких [б]

[а, б] Уральский государственный экономический университет (г. Екатеринбург, Российская Федерация).

[а] https://orcid.org/ 0000-0003-0087-9310

[б] https://orcid.org/0000-0003-2957-7607

Автор для корреспонденции: Т. А. Камарова (kta@usue.ru).

Аннотация. *Статья посвящена актуальным проблемам рождаемости. Целью настоящего исследования является проведение статистической оценки неиспользованного потенциала деторождений. Предметом исследования выступает потенциальный резерв деторождений среди женщин, представляющих следующие категории: женщины в возрасте 20–24 лет, состоящие в незарегистрированном браке; женщины в возрасте от 20 до 29 лет, никогда не состоявшие в браке (одинокие); официально разведенные женщины в возрасте 30–34 лет. Информационной базой послужили результаты Всероссийской переписи населения 2020 года. Выдвинута гипотеза о возможном использовании потенциала резерва роста рождаемости в исследуемых категориях женщин при условии создания организационных условий для вступления в зарегистрированный брак. В работе использован статистический анализ данных, авторская методика расчета оценки неиспользованного потенциала деторождений среди трех категорий женщин. Представленные результаты позволили оценить теоретический максимум потенциала рождаемости среди исследуемых категорий женщин. Проведенный анализ статистических данных позволил выявить целевые группы населения для разработки комплекса мер, направленных на создание семьи, регистрации брака и рождение детей.*

Ключевые слова: рождаемость; потенциал рождаемости; брак; семья

Statistical Assessment of Unused Fertility Potential Among Target Groups of Women

T. Kamarova [a], N. Tonkikh [b]

[a, b] Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russian Federation).

[a] https://orcid.org/ 0000-0003-0087-9310

[b] https://orcid.org/0000-0003-2957-7607

Corresponding author: T. Kamarova (kta@usue.ru).

Abstract. *The article is devoted to current issues of the birth rate problem. The purpose of this study is to conduct a statistical assessment of the unused potential of childbearing. The subject of the study is a statistical assessment and calculation of the potential reserve of childbearing among women representing the following categories: women aged 20– 24 years old, in an unregistered marriage; women aged 20 to 29 years old, who have never been married (single); officially divorced women aged 30– 34 years. The information base is the results of the 2020 All-Russian Population Census. The authors put forward a hypothesis about the possible use of the potential of the reserve for fertility growth in the studied categories of women, provided that organizational conditions are created for entering into a registered marriage. The work uses statistical analysis of data, the author's methodology for calculating the estimate of the unused potential of childbearing among three categories of women. The presented results allowed us to estimate the theoreti-*

[1] © Камарова Т. А., Тонких Н. В. Текст. 2025.

cal maximum of fertility potential among the categories of women under study. The conducted analysis of statistical data allowed us to identify target population groups for developing a set of measures aimed at creating a family, registering a marriage and having children.

Keywords: fertility; fertility potential; marriage; family

Введение

Актуальность проблемы низкой рождаемости в России стала предметом интенсивного обсуждения как среди ученых, так и в обществе, особенно в свете сложных демографических тенденций, наблюдаемых в последние годы, а именно отрицательной тенденции в показателях рождаемости. Основные факторы, способствующие снижению рождаемости, включают в себя экономические трудности, недостаток социальной поддержки и изменения в ценностных ориентациях молодежи. Увеличивается доля молодых людей, выбирающих образ жизни без детей. Изменение ценностных установок требует особого внимания со стороны государственных органов, многие откладывают рождение детей на более поздний срок, что приводит к уменьшению потенциала родителей.

Целью исследования является проведение статистической оценки неиспользованного потенциала деторождений. Основные задачи исследования заключаются в проведении статистической оценки и расчете потенциального резерва деторождений при условии создания организационных условий для вступления в зарегистрированный брак женщин, представляющих следующие категории:

1) женщины в возрасте 20–24 лет, состоящие в незарегистрированном браке;
2) женщины в возрасте от 20 до 29 лет, никогда не состоявшие в браке (одинокие);
3) официально разведенные женщины в возрасте 30–34 лет.

Авторами выдвинуты следующие гипотезы исследования:

— наличие целевых групп населения среди женщин с потенциальной возможностью роста деторождений;

— возможность использования потенциала резерва роста рождаемости в исследуемых категориях женщин при условии создания организационных условий для вступления в зарегистрированный брак, создания семьи и рождения детей.

Результаты настоящего исследования могут быть использованы в качестве информационной базы при совершенствовании мер демографической политики, ориентированной на стимулирование официальной регистрации браков, создания семьи и увеличения рождаемости.

Обзор литературы

Демографические аспекты, связанные с проблемами низкой рождаемости, являются предметом научных исследований ученых на протяжении последних лет. В трудах исследуется вероятность реализации модели «ловушки низкой рождаемости» и дается оценка последствий реализации этого прогнозного сценария в странах мира (Кишенин & Максимова, 2024, с. 4–43). Вопросам основных факторов, влияющих на динамику рождаемости, посвящены труды ряда ученых, в которых акцентируется внимание на основных причинах кризиса рождаемости: увеличение возраста рождений первого ребенка, современный тренд ориентации на малодетную семью, увеличение гражданских браков и монородительства, а также изменение социально-ценностных ориентиров (Лунева & Абросимова,

2024, с. 14–20). У молодежи важными факторами, способными повлиять на принятие решения родить ребенка, являются жилищные условия (Фадеева, 2024) и финансовое благополучие (Овчинникова, 2024; Алексеевская & Щербатых, 2024, с. 12–25). Исследование И.А. Кульковой также позволило выявить основные причины снижения рождаемости: во-первых, это сокращение уровня доходов населения, во-вторых, неконтролируемый рост цен на жилье, при этом материнский капитал данную проблему не позволяет решить (Кулькова, 2023, с. 679–688). В ряде публикаций исследуются тенденции брачно-семейного поведения населения нашей страны; несмотря на важность таких аспектов, как семья и брак для россиян, отмечается увеличение семей с незарегистрированным браком (Ковалевская, 2023, с. 234–242). Негативные тренды брачного поведения среди молодежи «пробных» сожительств влияют на откладывание регистрации супружеского союза и рождаемость детей (Шабунова & Калачикова, 2024, с. 2).

Анализ показателей брачности и разводимости, форм брака важен для исследования демографической ситуации в стране. Для реализации цели Указа Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» необходимо уделять внимание созданию и сохранению семьи, традиционных семейных ценностей, рождению детей, что особенно актуально в современных демографических условиях низкой рождаемости. Важно, как относится к бракам и разводам, к институту семьи и деторождению молодое поколение, потому что именно молодежь в силу своего репродуктивного возраста способна изменить демографическую ситуацию.

Конечно, меры демографической политики могут способствовать стимулированию роста рождаемости. Ряд авторов в своих работах исследуют существующие меры демографической политики (Гармашова & Зубрилина, 2021, с. 44) и на основе анализа предлагают возможные мероприятия по повышению рождаемости, которые могут быть использованы при совершенствовании демографической политики нашей страны (Кулькова, 2023, с. 679–688). Поиск нестандартных решений, наряду с традиционными мерами стимулирования рождаемости, позволит выработать комплексный подход к решению демографической проблемы низкой рождаемости. Авторами были проанализированы и систематизированы практики нестандартных решений демографических политик зарубежных стран, оценка нестандартных мер показала потенциальную возможность для адаптации к российским условиям (Вербенская & Тонких, 2024, с. 82–98).

Материалы и методы

В работе применялись методы статистического анализа информации. В качестве информационной базы использовались результаты Всероссийской переписи населения 2020 г. Статистическая оценка и расчет потенциального резерва деторождений производились по авторской методике расчета.

Нами были определены три целевые категории женщин, которые рассматриваются как группы с потенциальной возможностью увеличения рождаемости с учетом создания условий, способствующих формированию семьи и официальной регистрации брачных отношений.

Первая целевая аудитория — официально разведенные женщины в возрасте 30–34 лет. Выбор данной возрастной группы обоснован, во-первых, репродуктивными возможностями женщин этого возраста: согласно данным Всемирной организации здравоохранения, оптимальным для рождения ребенка считается возраст до 35 лет. Во-вторых, в данной целевой группе наблюдаются трудности в поиске нового партнера и заключении повторного брака, что может ограничивать использование потенциала рождаемости от подобных союзов.

Вторая целевая аудитория — молодые женщины в возрасте 20–24 лет, состоящие в незарегистрированном супружеском союзе. Выбор данной возрастной группы обоснован, во-первых, высокими фертильно-репродуктивными возможностями женщин этого возраста, а во-вторых, тем фактом, что незарегистрированные браки рассматриваются как фактор, препятствующий рождению детей в таких союзах, что снижает резерв потенциального роста рождаемости.

Третья целевая аудитория — категория одиноких женщин в возрастных группах 20–24 года и 25–29 лет. Выбор данной категории обоснован следующими факторами: во-первых, по мнению экспертов ВОЗ возраст от 20–30 лет считается наиболее подходящим для рождения; во-вторых, как уже было отмечено выше, для женщин факт регистрации брака становится значимым для создания семьи и рождения детей.

При оценке возможного резерва рождаемости были учтены следующие факторы:

— доля бесплодия: согласно статистическим данным и экспертным оценкам, в мире и в нашей стране около 15 % пар бесплодны;

— доля женщин в 1-ой целевой исследуемой категории, считающих, что в данном возрасте рожать поздно (по результатам всероссийского опроса, проведенного в рамках авторской программы исследования в 2023 г.).

Результаты

1. В качестве информационного источника для оценки потенциала рождаемости в повторных браках были использованы данные о демографической структуре россиян, находящихся в статусе официально разведенных граждан, на основе результатов Всероссийской переписи населения Российской Федерации, проведенной в 2020 г. (табл. 1).

По результатам выборочного наблюдения репродуктивных планов населения и их отношения к регистрации брака можно отметить, что среди женщин с каждым годом факт официальной регистрации брака становится всё более обязательным как для первых, так и для повторных браков (табл. 2).

Проведем расчет возможного количества рождений детей в повторных браках среди 483655 женщин в возрасте 30–34 лет. Рассчитаем количество бесплодных женщин (15 %) (1):

$$483655 \cdot 15 / 100 = 72548 \text{ (чел.)}. \quad (1)$$

Рассчитаем количество женщин, считающих, что в данном возрасте поздно планировать рождение детей (19,8 %) (2):

$$483655 \cdot 19{,}8 / 100 = 95764 \text{ (чел.)}. \quad (2)$$

Таблица 1

Возрастная структура официально разведенных мужчин и женщин

Возраст	Всего		Мужчины		Женщины	
	Чел.	Доля	Чел.	Доля	Чел.	Доля
16–17	1700	0,02	913	0,03	787	0,01
18–19	4077	0,04	1536	0,05	2541	0,04
20–24	67201	0,73	19663	0,61	47538	0,79
25–29	271361	2,95	87446	2,73	183915	3,07
30–34	763316	8,30	279661	8,74	483655	8,07
35–39	1086732	11,82	415607	12,98	671125	11,20
40–44	1196773	13,02	465250	14,53	731523	12,21
45–49	1213270	13,20	462755	14,46	750515	12,53
50–54	1099606	11,96	412386	12,88	687220	11,47
55–59	1080972	11,76	378330	11,82	702642	11,73
60–64	1021495	11,11	329166	10,28	692329	11,55
65–69	731939	7,96	209770	6,55	522169	8,71
70–74	383540	4,17	92335	2,88	291205	4,86
75 и более	270954	2,95	46254	1,44	224700	3,75
Итого	9192936	100,00	3201072	100,00	5991864	100,00

Источник: Всероссийская перепись населения 2020. Федеральная служба государственной статистики. https://rosstat.gov.ru/vpn/2020 (дата обращения: 02.02.2025).

Таблица 2

Отношение мужчин и женщин к регистрации брака, %

Брак	Вариант ответа	2012 г.		2017 г.		2022 г.	
		Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Первый	Обязательно	60,3	65,9	58,6	65,6	56,75	66,14
	Желательно	32,4	29,8	31,4	27,3	35,72	29,73
	Нежелательно	7,2	4,3	10,0	7,1	7,52	4,13
Повторный	Обязательно	24,6	28,4	30,4	35,6	24,79	33,20
	Желательно	49,3	53,9	42,0	45,0	49,68	50,83
	Нежелательно	26,1	17,7	27,6	19,4	25,53	15,97

Источник: Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения 2022. Федеральная служба государственной статистики. https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/RPN22/index.html (дата обращения: 02.02.2025).

Таким образом, потенциал рождаемости в повторных браках среди женщин в возрасте 30–34 лет составляет (3):

$$483655 - 72548 - 95764 = 320343 \text{ (чел.)}. \quad (3)$$

Следует отметить, что расчеты проводились на основе предположения о том, что все официально разведенные женщины в возрасте 30–34 лет вступят в повторный брак. При этом учитывались уровень бесплодия и доля женщин, рассматривающих максимальный возраст для рождения детей в диапазоне 20–25 лет. Исходя из этих условий, можно предположить, что максимальный потенциальный резерв для роста рождаемости от таких союзов составит 320343 ребенка. Следует подчеркнуть, что данные расчеты являются ориентировочными

и носят приблизительный характер, без учета случаев рождения двойни или тройни, а также младенческой смертности. В реальных условиях не все женщины готовы или способны вступить в повторный брак и родить ребенка. Тем не менее даже если принять во внимание, что лишь одна треть таких женщин вновь выйдет замуж и родит детей, это всё равно будет представлять собой значительный резерв для роста рождаемости. Мы полагаем, что на фоне снижения рождаемости возрастает необходимость создания условий для заключения повторных браков и рождения совместных детей в таких союзах.

2. Статистическая оценка потенциального резерва рождаемости в контексте разработки и реализации инструментов демографической политики, направленных на стимулирование официальной регистрации супружеских отношений на основе сожительства среди молодых женщин в возрасте 20–24 лет, была проведена с использованием информации о брачной структуре населения по полу и возрасту, полученной из данных Всероссийской переписи населения Российской Федерации (табл. 3).

В результате всероссийского опроса, проведенного в рамках авторской программы исследования, было установлено, что одним из наиболее значимых факторов, учитываемых женщинами при планировании рождения ребенка (или еще одного ребенка), является наличие официально зарегистрированного брака — этот критерий отметили 20,9 % опрошенных. В то же время 6,5 % женщин указали отсутствие официальной регистрации брака как препятствие для планирования рождения ребенка.

Таблица 3

Половозрастной состав граждан, состоящих в зарегистрированном и незарегистрированном браке

Возраст	Состоящие в браке		В том числе			
			зарегистрированном		незарегистрированном	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
16–17	8377	13773	5867	8118	2510	5655
18–19	29247	83323	16579	49484	12668	33839
20–24	515248	910768	374520	710700	140728	200068
25–29	1493703	1968211	1252245	1714675	241458	253536
30–34	3190948	3592976	2822667	3224683	368281	368293
35–39	3810301	3986560	3428852	3595716	381449	390844
40–44	3526799	3541645	3185703	3190353	341096	351292
45–49	3158362	3089661	2850673	2782999	307689	306662
50–54	2819476	2670851	2568861	2438658	250615	232193
55–59	2918956	2796756	2694957	2600881	223999	195875
60–64	3161584	2975667	2962969	2806531	198615	169136
65–69	2480700	2254723	2352056	2139831	128644	114892
70–74	1624760	1363672	1558615	1304382	66145	59290
75 и более	1194961	879366	1152932	842043	42029	37323
Итого	29933422	30127952	27227496	27409054	2705926	2718898

Источник: Всероссийская перепись населения 2020. Федеральная служба государственной статистики. https://rosstat.gov.ru/vpn/2020 (дата обращения: 02.02.2025).

При оценке возможного резерва рождаемости учитывался фактор бесплодия. Доля бесплодия по оценкам экспертов в мире и в нашей стране, как мы уже выяснили выше, составляет 15 %.

Расчет количество бесплодных женщин (15 %) (4):

$$200068 \cdot 15 / 100 = 30010 \text{ (чел.)}. \quad (4)$$

Расчет количества возможных рождений детей в группе молодых женщин в связи с потенциальным ростом официальной регистрации брачных отношений в формате сожительства под влиянием управленческого воздействия инструментов демографической политики (5):

$$200068 - 30010 = 170058 \text{ (чел.)}. \quad (5)$$

Представленные расчеты показывают теоретический максимум рождаемости. В расчетах предполагается, что все женщины в возрасте 20–24 лет, находящиеся в незарегистрированных браках, официально зарегистрируют свои брачные отношения и станут родителями. Теоретический максимум скорректирован с учетом фактора бесплодия, однако не учтены случаи многоплодной беременности и уровень младенческой или детской смертности, что может существенно повлиять на реальные показатели рождаемости.

В условиях текущей демографической ситуации, характеризующейся снижением рождаемости и возрастающей значимостью официальной регистрации браков, возникает необходимость в разработке и внедрении мер, способствующих оформлению брачных отношений среди пар, состоящих в незарегистрированных союзах. Исследования показывают, что официальная регистрация брака создает более стабильные условия для воспитания детей и положительно сказывается на их благополучии (см., например, данные из исследований Института социологии РАН).

Кроме того, наличие юридически оформленного брака может способствовать улучшению социально-экономического положения семей, что также является важным фактором для принятия решения рожать детей. Таким образом, создание благоприятных условий для оформления браков может не только повысить уровень рождаемости, но и укрепить социальные связи в обществе, что в конечном итоге приведет к улучшению демографической ситуации в стране.

3. Оценка потенциальных деторождений в группе одиноких женщин в возрасте от 20 до 29 лет, которые никогда не были в браке, проводилась на основе данных о возрастной структуре населения, никогда не состоявшего в браке / супружеском союзе. Источником информации послужили данные Всероссийской переписи населения 2020 г. (табл. 4).

Рассчитаем количество бесплодных среди женщин в возрасте 20–24 лет и 24–29 лет (15 %).

Количество бесплодных женщин в возрасте 20–24 лет (6):

$$1929538 \cdot 15 / 100 = 289431 \text{ (чел.)}. \quad (6)$$

Количество бесплодных женщин в возрасте 25–29 лет (7):

Таблица 4

Возрастная структура никогда не состоявших в браке / супружеском союзе мужчин и женщин

Возраст, лет	Всего	Мужчины	Женщины
16–17	2333075	1206795	1126280
18–19	2336332	1258570	1077762
20–24	4510708	2581170	1929538
25–29	2660882	1622405	1038477
30–34	2206621	1367152	839469
35–39	1558673	920039	638634
40–44	1069994	588513	481481
45–49	802923	422523	380400
50–54	548253	278386	269867
55–59	473916	228483	245433
60–64	417591	181546	236045
65–69	310315	111582	198733
70–74	196632	55203	141429
75 и более	208562	41851	166711
Итого	19634477	10864218	8770259

Источник: Всероссийская перепись населения 2020. Федеральная служба государственной статистики. https://rosstat.gov.ru/vpn/2020 (дата обращения: 02.02.2025).

$$1038477 \cdot 15 / 100 = 155772 \text{ (чел.)}. \quad (7)$$

Потенциально возможные рождения детей, при условии нахождения пары и регистрации браков одинокими женщинами фертильного возраста от 20 до 29 лет:

— среди женщин возраста 20–24 лет (8):

$$1929538 - 289431 = 1640107 \text{ (детей)}. \quad (8)$$

— среди женщин в возрасте 25–29 лет (9):

$$1929538 - 155772 = 882705 \text{ (детей)}. \quad (9)$$

Общий потенциал рождаемости в группе одиноких женщин в возрасте от 20–24 до 29 лет (10):

$$1640107 + 882705 = 2522812 \text{ (детей)}. \quad (10)$$

Следует отметить, что представленные расчеты основаны на оптимистичном предположении о том, что все одинокие женщины в указанных возрастных группах встретят своих будущих супругов, вступят с ними в официальный брак и родят хотя бы одного ребенка. При этом в расчетах учитывалась только доля бесплодных пар, без учета случаев рождения двойняшек, тройняшек и прочих многоплодных родов.

В современных условиях, характеризующихся «взрослением» брачности и откладыванием рождения первых и последующих детей, наблюдается изменение ценностей молодежи, где приоритетами становятся карьера и личностное развитие. В результате семейные и родительские планы часто отодвигаются на второй план. С учетом этих современных реалий можно предположить, что не все женщины решатся на рождение детей, даже при наличии пары и заключении

официального брака. Однако если допустить, что хотя бы 30–40 % женщин родят по одному ребенку в молодом возрасте, то это может привести к росту количества рождений последующих детей. По результатам проведенных нами глубинных интервью с родителями, достаточно часто информанты озвучивали нарративы, смысл которых сводился к следующему: «Если бы я начала раньше рожать, то родила бы больше детей».

Актуальна разработка нестандартных и новых организационно-психологических маркетинговых инструментов, способствующих созданию благоприятных условий для формирования семейных пар и рождения детей в целевых группах: женщины в возрасте 20–24 лет, состоящие в незарегистрированном браке; женщины в возрасте от 20 до 29 лет, никогда не состоявшие в браке (одинокие); официально разведенные женщины в возрасте 30–34 лет.

Заключение

Проведенный нами анализ статистических данных позволил выявить целевые группы населения для разработки комплекса специальных организационных, социальных и финансовых мер, направленных на создание семьи, регистрацию брака и рождение детей: официально разведенные женщины и мужчины в возрасте 30–34 года; женщины в возрасте 20–24 года, состоящие в незарегистрированном браке / союзе; женщины в возрасте 20–24 года и 25–29 лет никогда не состоящие в браке (одинокие).

Считаем перспективным разработку организационно-финансовых и социально-маркетинговых технологий содействия росту количества повторных браков среди разведенных одиноких гражданок фертильного возраста; развитие программ жилищной поддержки, пересмотр возрастных рамок в условиях льготной ипотеки для молодых семей; рассмотрение целесообразности жилищной поддержки граждан в течение первого года после регистрации официального брака; актуально формирование моды на регистрацию сожительства и создание семьи в молодом возрасте 20–24 года.

Перспективные направления для разработки нестандартных мер семейной политики, направленных на повышение рождаемости в целевых группах населения, позволят использовать резервы роста рождаемости в целевых группах.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00614-П, https://rscf.ru/project/22-18-00614/

Acknowledgements

The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 22-18-00614-P, https://rscf.ru/project/22-18-00614

Список источников

Алексеевская, Т. И., Гайдаров, Г. М., Щербатых, Л. К. (2024). Анализ репродуктивных планов учащихся образовательных учреждений в период активизации поддержки семей с детьми на региональном уровне. В *Материалы междунар. науч.-практ. конф. История медицины и*

здравоохранения: взгляд в будущее (18–22 сентября 2024 г.) (с. 12–25). Уфа: Башкирский государственный медицинский университет, 196. EDN: SKFAMR

Вербенская, А. В., Камарова, Т. А., Тонких, Н. В. (2024). Политика повышения рожда-емости в поисках нестандартных решений. *ДЕМИС. Демографические исследования, 4* (4), 82–98. https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.5. EDN: ISYUZY

Гармашова, Е. П., Зубрилина, Е. Е. (2021). Экономические меры демографической по-литики в Российской Федерации. *StudNet, 4* (4), 44. EDN: WPXFSJ

Кишенин, П. А., Зинина, А. И., Максимова, Т. А. (2024). Темпы снижения рождаемости возрастают по всему миру: ловушка низкой рождаемости всё вероятнее? *Демографическое обозрение, 11* (4), 4–43. https://doi.org/10.17323/demreview.v11i4.24288 EDN: NJAYND

Ковалевская, Е. В. (2023). Тенденции брачно-семейного поведения россиян. *Регио-нальные проблемы преобразования экономики, 12* (158), 234–242. https://doi.org/10.26726/1812-7096-2023-12-234-242 EDN: YBRDPS

Кулькова, И. А. (2023). Тренды изменений репродуктивных установок в России в 2022 году. В *Демографические факторы адаптации населения к глобальным социально-экономическим вызовам: сб. науч. ст.* (с. 679–688). Екатеринбург: Институт экономики Уральского отделения РАН, 764. https://doi.org/10.17059/udf-2023-7-5 EDN: QHWAXD

Лунева, И. С., Иванова, О. Ю., Хардиков, А. В., Абросимова, Н. В. (2019). Факторы, влия-ющие на рождаемость в современной России. *Российский вестник акушера-гинеколога, 19* (2), 14–20. https://doi.org/10.17116/rosakush20191902114 EDN: YBUIHT

Овчинникова, Н. В. (2024). Репродуктивные установки молодежи. *Социальные и гу-манитарные знания, 10* (2), 202–217. https://doi.org/10.18255/2412-6519-2024-2-202-217. EDN: CAHPDU

Фадеева, Т. А. (2024). Экономические факторы, влияющие на уровень рождаемости в РФ. В *Материалы междунар. ежегод. науч.-практ. конф. Новое в науке и образовании (4 апреля 2024 г.)* (с. 79–84). Москва: Манускрипт, 264. EDN: TGVZYE

Шабунова, А. А., Калачикова, О. Н. (2024). Современная Российская семья: кризис или эволюция. *Социальное пространство, 10* (2), 2. https://doi.org/10.15838/sa.2024.2.42.2. EDN: UNUZBC

References

Alekseevskaya, T. I., Gaidarov, G. M., Shcherbatykh, L. K. (2024). Analysis of reproductive plans of students in educational institutions during the period of increased support for families with children at the regional level. In *Istoriya meditsiny i zdravookhraneniya: vzglyad v budushchee: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Ufa, 18–22 sentyabrya 2024 g. [History of medicine and healthcare: A look into the future: proceedings of the international scientific and practical conference, Ufa, September 18–22, 2024],* (pp. 12–25). Ufa: Bashkir State Medical University, 196. (In Russ.)

Fadeeva, T. A. (2024). Economic factors affecting the fertility rate in the Russian Federation. *Novoe v nauke i obrazovanii: materialy mezhdunar. ezhegod. nauch.-prakt. konf. Moskva, 4 aprelya 2024 g. [New in Science and Education: proceedings of the International Annual scientific and practical conference, Moscow, April 4, 2024],* (pp. 79–84). Moscow: Manuskript, 264. (In Russ.)

Garmashova, E. P., Zubrilina, E. E. (2021). Economic measures of demographic policy in the Russian Federation. *StudNet, 4* (4), 44. (In Russ.)

Kishenin, P. A., Zinina, A. I., Maksimova, T. A. (2024). The intensity of fertility decline is increasing worldwide: Is a low fertility trap increasingly likely? *Demograficheskoe obozrenie [Demographic review], 11* (4), 4–43. https://doi.org/10.17323/demreview.v11i4.24288 (In Russ.)

Kovalevskaya, E. V. (2023). Trends in marital and family behavior of Russians. *Regional'nye problemy preobrazovaniya ehkonomiki [Regional problems of economic transformation], 12* (158), 234–242. https://doi.org/10.26726/1812-7096-2023-12-234-242 (In Russ.)

Kul'kova, I. A. (2023). Trends in reproductive behaviour changes in Russia in 2022. In *Demograficheskie faktory adaptatsii naseleniya k global'nym sotsial'no-ehkonomicheskim vyzovam: sb. nauch. st. [Demographic factors of population adaptation to global socio-economic challenges],* (pp. 679–688). Ekaterinburg: Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 764. https://doi.org/10.17059/udf-2023-7-5 (In Russ.)

Luneva, I. S., Ivanova, O. Yu., Khardikov, A. V., Abrosimova, N. V. (2019). Factors influencing the birth rates in modern Russia. *Rossiiskii vestnik akushera-ginekologa [Russian bulletin of obstetrician-gynaecologist], 19* (2), 14–20. https://doi.org/10.17116/rosakush20191902114 (In Russ.)

Ovchinnikova, N. V. (2024). Reproductive attitudes of youth. *Sotsial'nye i gumanitarnye znaniya [Social and humanitarian knowledge], 10* (2), 202–217. https://doi.org/10.18255/2412-6519-2024-2-202-217 (In Russ.)

Shabunova, A. A., Kalachikova, O. N. (2024). Modern Russian family: Crisis or evolution. *Sotsial'noe prostranstvo [Social space], 10* (2), 2. https://doi.org/10.15838/sa.2024.2.42.2 (In Russ.)

Verbenskaya, A. V., Kamarova, T. A., Tonkikh, N. V. (2024). Non-standard demographic policy solutions aimed at increasing the birth rate. *DEMIS. Demograficheskie issledovaniya [DEMIS. Demographic Research], 4* (4), 82–98. https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.4.5 (In Russ.)

Камарова Татьяна Александровна — кандидат экономических наук, доцент, Уральский государственный экономический университет; https://orcid.org/0000-0003-0087-9310 (Российская Федерация, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45; e-mail: kta@usue.ru).

Тонких Наталья Владимировна — кандидат экономических наук, доцент, заведующий лабораторией кафедры экономики труда и управления персоналом, Уральский государственный экономический университет; https://orcid.org/0000-0003-2957-7607 (Российская Федерация, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45; e-mail: nvvorob1@mail.ru).

Tatiana A. Kamarova — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Ural State University of Economics; https://orcid.org/0000-0003-0087-9310 (62/45, 8 Marta/Narodnoy Voli Str., Ekaterinburg, Russian Federation; e-mail: kta@usue.ru).

Natalya V. Tonkikh — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of Laboratory, Department of Labor Economics and Personnel Management, Ural State University of Economics; https://orcid.org/0000-0003-2957-7607 (62/45, 8 Marta/Narodnoy Voli Str., Ekaterinburg, Russian Federation; e-mail: nvvorob1@mail.ru).

УДК 159.9, 316.6, 316.7
JEL classification: I14, I31
https://www.doi.org/10.17059/udf-2025-4-3

Социально-психологические аспекты маргинальности[1]

М. П. Китаева
Московский институт психологии (г. Москва, Российская Федерация).
https://orcid.org/0000-0002-1129-5989
Автор для корреспонденции: М. П. Китаева (kimape@mail.ru).

Аннотация. *Статья посвящена теме маргинальности как социально-психологическому феномену. Цель исследования — изучить социально-психологические аспекты маргинальности. Задачами выступали рассмотрение маргинальной личности как предмета социальной психологии личности; изучение маргинальности как формы общения и социального взаимодействия; понимание маргинальности как группового феномена. В ходе исследования применялись анализ научной литературы по теме и синтез информации в единый целостный ответ на поставленный нами целевой вопрос. В статье описано влияние маргинальности на личность в процессе социализации, через усвоение социальных установок и формирование социальной идентичности. Определено взаимодействие маргинальности и психологии групп через процессы групповой сплоченности, принятия группового решения, групповой динамики, межгрупповые отношения. Также обозначено влияние маргинальности на три стороны общения человека — коммуникативную, интерактивную и перцептивную. Выводы, полученные в нашем исследовании, могут быть использованы для отграничения маргинальности как предмета социальной психологии от маргинальности как предмета других наук. Направление следующих исследований связано с эмпирическим изучением маргинальности как социально-психологического феномена через рассмотрение особенностей идентичности и процесса ее формирования.*

Ключевые слова: маргинальность; общение; социальное взаимодействие; социальные группы; личность

Socio-Psychological Aspects of Marginality

M. Kitaeva
Moscow Institute of Psychology (Moscow, Russian Federation).
https://orcid.org/0000-0002-1129-5989
Corresponding author: M. Kitaeva (kimape@mail.ru).

Abstract. *The subject of the study is marginality as a socio-psychological phenomenon. The purpose of the study is to study the socio-psychological aspects of marginality. Research objectives: 1) consideration of marginal personality as a subject of social psychology of personality; 2) study of marginality as a form of communication and social interaction; 3) understanding marginality as a group phenomenon. The research methods are the analysis of scientific literature on the topic and the synthesis of information into a single holistic answer to the target question posed by us. The results of the study: 1) the influence of marginality on personality in the process of socialization, through the assimilation of social attitudes and the formation of social identity is described; 2) the interaction of marginality and group psychology through the processes of group cohesion, group decision-making, group dynamics, and intergroup relations is determined; 3) the influence of marginality on three aspects of human communication is indicated - communicative, interactive, and perceptual. The conclusions obtained in our study can be used to distinguish marginality as a subject of social psychology from marginality as a subject of other sciences. The following research focuses on the*

[1] © Китаева М. П. Текст. 2025.

empirical study of marginality as a socio-psychological phenomenon through consideration of the characteristics of identity and the process of its formation.

Keywords: marginality; communication; social interaction; social groups; personality

Введение

Маргинальность является предметом ряда наук: философии, социологии, криминологии, культурологии, психологии и т. д. Каждая наука изучает ее со своей точки зрения: культурология — с позиции взаимодействия разных культур и причин зарождения в рамках определенных культур, взаимодействия культур; социология — с позиции социальных процессов, происходящих на разных уровнях общественной деятельности человека (нации, государства, территориальных групп, семьи, социальных институтов и т. д.); криминология — с позиции девиантного, преступного поведения, связанного с маргинальным положением человека в обществе; философия — с позиции сверху, позволяющей рассмотреть знания, полученные в разных науках с новой, обобщающей точки зрения, собирающей воедино все конкретные знания наук в единое и непротиворечивое знание.

Маргинальность в контексте демографии рассматривается через призму демографических изменений, связанных с миграцией и изменениями в структуре населения, что способствует изменению культурного окружения и ценностно-нормативного статуса по отношению к доминирующим социальным группам.

В психологии маргинальность рассматривается обычно в рамках двух психологических наук — социальной психологии и психологии личности. Причем, если говорить о психологии личности, следует отметить, что в социальной психологии есть отдельный подраздел, который называется «социальная психология личности», который рассматривает особенности существования личности в социуме и ее формирования в социальных условиях (в которых, надо сказать, личность и формируется — она не способна зародиться вне социума). Поэтому мы считаем маргинальность предметом социальной психологии, который способен рассматриваться с разных подразделов этой науки.

Отдельно следует отметить то, что для решения вопросов разных наук (социологии, культурологии, криминологии), направленных на преодоление маргинальности современного человека, необходимо знать, как психологически преломляются эти социальная, культурная, криминальная реальности в каждом конкретном человеке, который из-за положения на грани культур, групп испытывает определенные эмоции, чувства, формирует определенные представления о мире и своем положении в нем, а также ведет себя определенным образом. Именно это знание позволит спланировать программы действий, способные помочь маргинальному человеку сохранить собственное психологическое, экономическое, правовое благополучие. А современная реальность человека такова, что он часто оказывается в ситуации маргинальности. Это связано с процессами глобализации, индустриализации, цифровизации, информатизации, медиатизации, способными вызвать кризис идентичности, психологическое отчуждение от себя, других людей и мира (Китаева, 2023; 2024).

Цель нашего исследования — изучить социально-психологические аспекты феномена маргинальности. Для этого мы поставили следующие задачи:

1) рассмотрение маргинальной личности как предмета социальной психологии личности;

2) понимание маргинальности как группового феномена;

3) изучение маргинальности как формы общения и социального взаимодействия.

Методы исследования — анализ научной литературы по теме и синтез информации в единый целостный ответ на поставленный нами целевой вопрос.

В соответствии с поставленными задачами мы выделяем следующие основные социально-психологические аспекты маргинальности, которые планируем осветить в статье:

1) влияние маргинальности на личность (социализация, социальные установки, социальная идентичность);

2) маргинальность и психология групп (групповая сплоченность, принятие группового решения, групповая динамика, межгрупповые отношения);

3) влияние маргинальности на общение человека (коммуникативная, интерактивная и перцептивная стороны общения).

Основная часть

Маргинальность и личность

В современном обществе, связанном с ускорением личного времени и с увеличением количества информации, получаемого каждым человеком, появился такой феномен, как неустойчивая множественная идентичность (Ихсанов, 2023).

У человека есть множество ролей, которые он играет в жизни, и ему постоянно приходится решать, какую из множества существующих у него ролей сейчас стоит использовать, а также то, как быстро сменить одну роль на другую, когда возникнет необходимость в этом (Бауман, 2005).

Р.Т. Мухтаев называет множественную идентичность современного человека мерцательной и приписывает ей следующий характеристики: 1) она является виртуальной; 2) она основана на подражании другим людям; 3) она подразумевает иллюзорное восприятие действительности (Мухтаев, 2021).

В.В. Лапкин отмечает положительные стороны появления множественной идентичности — она позволяет вывести общество на более высокий уровень развития (Лапкин, 2011). Р.Т. Мухтаев придерживается подобного взгляда на этот феномен. Он считает кризис идентичности человека с мерцательной идентичностью нормальным, естественным для современного человека, позволяющим повысить общие способности адаптации в изменяющихся условиях реальности. Мерцательная идентичность, с его точки зрения, помогает быстро скорректировать систему норм, ценностей, потребностей под требования окружающего мира, что позволяет оставаться адекватным в любых ситуациях (Мухтаев, 2021).

Ученые выделяют набор признаков маргинального человека. Н.А. Шалагинова к ним относит: отсутствие постоянных ценностей, невозможность удовлетворить текущие потребности, неприспособленность к социальным условиям, отсутствие постоянного членства в каких-либо социальных группах. С ее точки зрения такая маргинальность часто приводит к совершению девиантных поступков,

что является причиной деградации, деморализации личности (Шалагинова, 2017). М.С. Бирюкова считает, что маргинальность является средой развития преступности (Бирюкова, 2020b).

Н.А. Шалагинова выделяет пять стадий в процессе маргинализации личности: 1) взаимодействие человека с обществом; 2) кризис идентичности; 3) потеря идентичности; 4) изменение системы установок личности; 5) переход в другие группы (Шалагинова, 2017).

А.Ф. Поломошнов и А.П. Бахурец также отмечают, что маргинализация приводит к кризису идентичности, описывают маргинального человека следующими признаками: потеря личностью устойчивого положения в обществе; разрыв отношений с социальной средой; чувство одиночества, социального отчуждения; отсутствие устойчивых базовых ценностей (Поломошнов & Бахурец, 2020).

По Н.О. Навджавонову для маргинальной личности характерны следующие характеристики: ее нормы и ценности включают нормы и ценности разных групп; личность может в одной группе руководствоваться правилами другой группы; идентификация может происходить с разными группами; к каждой группе у человека неоднозначное отношение (Балабанова и др., 2000).

По мнению Р.Э. Парк, состояние маргинальности тяжело переживается человеком и описывается так: нет ощущения самоценности, нет стабильных отношений с другими людьми, опасение быть отвергнутым другими, избегание неопределенных ситуаций, риска, страх унижения, стеснительность, одиночество, фантазирование, страх будущего, ангедонизм, ощущение несправедливости (Шибутани, 1999). Т. Шибутани отмечает, что маргинальный человек справляется с этим некомфортным состоянием посредством ухода во множество разных дел (Шибутани, 1999). Он приводит ряд отдаленных негативных последствий для личности ее состояния маргинальности: конформизм, невротические наклонности, деперсонализация, внешний локус контроля (Шибутани, 1999).

Э.В. Стоунквист описывает развитие маргинального человека через прохождения трех фаз:

1) неосознанная маргинальность, когда человек не понимает, что его отношение к интериоризированным нормам и ценностям носит конфликтный характер;

2) осознанная маргинальность, когда человек видит свою внутреннюю конфликтность по отношению к нормам и ценностям группы;

3) приспособление к маргинальной ситуации (Балабанова и др., 2000).

Ряд ученых отмечает положительные эффекты маргинальности личности: Р.Э. Парк, Г. Зиммель — повышение творческих способностей (Шибутани, 1999); С.С. Седельников — маргинальная харизма (Седельников, 2016); Н.Н. Лысенко — развитие личности и общества (Лысенко, 2018).

Дж. Б. Манчини описывает факторы, которые не позволяют достичь маргинальной личности ранее описываемых положительных эффектов: непостоянство маргинальной ситуации, значимость утерянных идентичностей, маргинальность заметна для окружающих, большие отличия культур личности, конфликт между культурами, группа не позволяет выйти из нее, другая группа не позволяет войти в нее, обе указанные группы равноценны для человека (Балобанова и др., 2000).

Мы видим, что маргинальная личность может быть описана определенным набором качеств, процесс ее формирования проходит определенное количество стадий, маргинальность личности может приводить как к негативным, так и к позитивным последствиям для самой личности или для общества, что зависит от условий, в которых эта личность самореализуется.

Маргинальность и группа

Если говорить о негативных последствиях маргинальности, отмеченных в предыдущем разделе статьи, то можно сказать, что маргинальная личность находится между двумя группами, на границе между законопослушными гражданами общества и правонарушителями, преступниками. В это плане маргинальность можно назвать болезнью или предболезнью общества. Причем в юридической науке маргинальность рассматривается скорее как предболезнь, т. к. ее относят к правомерному поведению (Бирюкова, 2020a; 2020b).

Маргинальность формируется в обществе, при взаимодействии взрослеющего или взрослого человека с различными значимыми или менее значимыми социальными группами. То, как человек преломляет через себя это взаимодействие, и определяет степень его маргинальности.

М.С. Бирюкова отмечает следующие особенности общества, которые могут способствовать маргинализации личности, приводящие ее в состояние правовой маргинальности: социально-экономические, политические и этнические процессы, недостатки законодательства, нарушения прав, свобод и законных интересов граждан, разделение общества на определенные слои, безработица, финансовый кризис, пренебрежение нормами морали, война.

Она выделяет три этапа маргинализации: 1) формирование системы ценностей на новых нормативно-ценностных основаниях; 2) формирование собственных правил поведения, которые могут отличаться от общепринятых; 3) действия в соответствиями с новыми ценностями и правилами поведения (Бирюкова, 2020a; 2020b).

С.Е. Черная отмечает, что современное общество создает условия для миграции как перманентного процесса, что приводит к постоянному состоянию маргинальности большого количества людей, включенных в эти миграционные процессы. На уровне группового взаимодействия конфликтные идентичности маргинальной личности способны привести к напряженности и конфликтам больших социальных групп (этносов, классов, государств). При объединении маргинальных личностей формируются такие феномены, как «групповая маргинальность» или «маргинальные группы». Причем дальше эта маргинальная группа может развиваться по разному сценарию с позиции дискриминационных процессов: негативной дискриминации, когда ее нормы и ценности оказываются менее важными, чем нормы и ценности основной группы населения; позитивной дискриминации, когда основное общество начинает заботиться о маргинальных группах больше, чем об остальных своих членах (политика мультикультурализма и толерантности в европейских странах).

По разному сценарию может развиваться маргинальная группа и с позиции сплоченности и чувства «мы»: принятие норм, ценностей, регилии основной

группы, так называемая инкультурация; или сохранение своей изначальной религиозной, национальной идентичности, укрепление ее перед лицом чуждых групп, что ведет к увеличению дистанции между местным населением и мигрантами (Черная, 2021a; 2021b).

С.Е. Черная отмечает эйджизм как форму дискриминации пожилых людей, когда существовавшие ранее в традиционных культурах представления об особом почитании пожилых людей утрачиваются, и интерес к этой социальной группы в обществе пропадает. С ее точки зрения, это характерно для перехода от конфигуративной культуры к префигуративной. В результате пожилые люди исключаются из конкурентных социальных ситуаций при трудоустройстве.

В подобном маргинальном положении находятся и подростки (Черная, 2021b). О.В. Киселева определяет их как природных и социальных маргиналов (Киселева, 2021). Л.К. Фортова, Н.В. Поморцева и В.Г. Хаблак дополняют эту точку зрения, считая, что маргинальность подростков обусловлена их возрастными и индивидуальными особенностями, а также несбалансированным влиянием деятельностью воспитательных и социальных институтов (Фортова и др., 2024).

И.В. Катерный предлагает различать маргинальность и статусную лиминальность, присущую состояниям перехода, в которой и находятся люди в подростковом и пожилом возрасте (Катерный, 2020).

С.Е. Черная выделяет культурные пространства, в рамках пересечения которых личность может быть маргинализована: планетарное культурное пространство (человечество), государственное или национальное культурное пространство, этническое или религиозное культурное пространство, родовое или семейное культурное пространство (Черная, 2021b).

А.Ф. Поломошнов обозначает два подхода к идентичности этнокультурных групп: субстанциональный (примордиалистский), в котором этнические группы и этническая идентичность рассматриваются как онтологические сущности, способные к гармонизации интересов через реконструкцию исторических отношений; конструктивистский, избегающий придания онтологического статуса этносам, непротиворечиво сочетающий традиционную идентичность стран и общеевропейскую идентичность. Он считает, что положительных эффектов маргинальность дать не может (Поломошнов, 2022).

М.В. Аверина указывает такую новую группу людей, которую она называет цифровыми кочевниками. Они используют современные цифровые технологии для того, чтобы не зависеть от места, территории работы, чтобы иметь возможность зарабатывать из любого региона мира. Д. Кук выделил пять типов цифровых кочевников: фрилансеры, владельцы бизнеса, наемные работники, любители экспериментов, «диванные» кочевники (Аверина, 2023). С точки зрения М.В. Авериной, только два типа — любители экспериментов и «диванные» кочевники — являются маргинальными личности, а остальные три вида успешно социализированы и способны выбирать образ жизни.

Она обращает внимание на то, как много в современном обществе появилось новых терминов, связанных с понятием маргинальности: маргинальный человек, маргинальная среда, маргинальность положения, маргинальная ситуация, механизм маргинализации, маргинальное самосознание, маргинальный статус,

маргинальная роль, внутренняя психическая маргинализация, маргинальные аттитюды и т. д. (Аверина, 2023). Особое внимание стоит обратить на маргинальные аттитюды как установки личности, касающиеся себя, своей ингруппы и других аутгрупп. Они могут быть как позитивными, так и негативными. Причем как в отношении себя, своей ингруппы, так и в отношении аутгруппы (внутригрупповой фаворитизм, например, или принятие в качестве референтной группы группу, к которой человек не относится).

Мы видим, что маргинальность является понятием, описывающим групповые взаимоотношения, включающие формирование групповой сплоченности в случае ингруппового фаворитизма, или групповой разобщенности в случае, когда референтной является иная группа, в которую человек не входит, описывающем групповую динамику, причем, как на уровне развития одной группы, так и на уровне развития межгрупповых отношений, а также определяющем формирование социальных установок как в отношении своей группы, так и в отношении других групп.

Маргинальность и общение

О. В. Полякова рассматривает дискурс как метод производства социальной реальности. С ним связаны определенные трудности в области создания, передачи и фиксации новых знаний. Дискурс формирует определенное социальное пространство, пространство взаимодействия. П. Бурдье предлагает новый термин для понимания этих процессов — социальный габитус, являющийся социально-генетической предрасположенностью человека к осуществлению определенных социальных практик, что позволяет ему как создавать свое социальное пространство, так и осознавать его как пространство межличностного взаимодействия. О. В. Полякова показывает, как социальный габитус молодежи определяет то, какую социальную реальность они создают через развивающееся поле идей, мнений, позиций, взглядов. Благодаря этому процессу создаются новые культурные ценности.

Она рассматривает культурную маргинальность молодежи в рамках информационных технологий: информационные технологии дают власть; формирование определенных правил построения высказываний при общении с использованием информационных технологий; изучение механизмов, институтов, обеспечивающих передачу образа реальности, сформированного при помощи информационных технологий (Полякова, 2021).

Мы посмотрели на маргинальность с позиции дискурса. Рассмотрим маргинальность с позиции общения.

Общение рассматривается на трех уровнях: коммуникативном, интерактивном и перцептивном. Сразу можно отметить, что размышления о влиянии дискурса на создание социальной реальности уместны и здесь, предполагая, что дискурс возможен на всех этих трех уровнях — взаимодействия как коммуникации или как поведенческого процесса с другими людьми, в результате которого формируются определенные представления о себе и мире, а также перехода на глубоколичностный, психологический уровень, связанный с восприятием самого себя, других людей, своей и других групп.

Через перцептивный уровень формируются определенные представления о социальных группах и своем положении в них. Через коммуникативный уровень определяются конкретные правила взаимодействия с другими людьми. Через интерактивный уровень реализуется это взаимодействие на уровне самых разных социальных групп — от уровня человечества, через уровень государства, нации, этноса, социальных институтов к уровню семьи.

Мы видим, что через общение, обеспечивающее дискурсивные процессы, создается социальная реальность маргинального человека, определяющая его понимание себя и мира, а также его поведение в этом мире.

Заключение

Мы рассмотрели маргинальность как предмет социально-психологического направления в психологической науке. В качестве основных выводов нашего исследования мы можем предложить следующие:

— описано влияние маргинальности на личность в процессе социализации через усвоение социальных установок и формирование социальной идентичности;

— определено взаимодействие маргинальности и психологии групп через процессы групповой сплоченности, принятия группового решения, групповой динамики, межгрупповые отношения;

— обозначено влияние маргинальности на три стороны общения человека — коммуникативную, интерактивную и перцептивную.

Выводы, полученные в нашем исследовании, могут быть использованы для отграничения маргинальности как предмета социальной психологии от маргинальности как предмета других наук (философии, социологии, культурологии, криминологии и т. д.).

Направление следующих исследований может быть связано с эмпирическим изучением маргинальности как социально-психологического феномена через рассмотрение особенностей гендерной, социальной, возрастной, этнической идентичности как достигнутой и процесса ее формирования.

Список источников

Аверина, М. В. (2023). Концепция маргинальности как объяснительная модель функционирования социокультурных трендов. *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств, 4* (114), 27–37. http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-4114-27-37. EDN: JYPTYL

Балабанова, Е. С. и др. (2000). *Маргинальность в современной России.* Москва: МЩНФ, 208. EDN: RVDKAX

Бауман, З. (2005). *Индивидуализированное общество.* Москва: Логос, 390.

Бирюкова, М. С. (2020a). Правовая маргинальность: общетеоретическая характеристика. *Вестник Луганской академии внутренних дел имени Э. А. Дидоренко, 2* (9), 37–45. EDN: FFNRHW

Бирюкова, М. С. (2020b). Социально-правовая характеристика маргинальности. *Вестник Луганской академии внутренних дел имени Э. А. Дидоренко, 1* (8), 16–25. EDN: OPTOJB

Ихсанов, А. У. (2023). Кризис национальной культуры и идентичности человека в условиях глобализации. *Бюллетень науки и практики, 9* (3) 484–487. http://doi.org/10.33619/2414-2948/88/66 EDN: YQISCU

Катерный, И. В. (2020). Реконцептуализация статусной лиминальности в социологической теории. *Вестник российского университета дружбы народов.* Серия: Социология, 20(2) 226–238. http://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-2-226-238. EDN: BCGDMN

Киселева, О. В. (2021). Маргинальность детей и подростков как социально-психологическая проблема современного общества. *Перспективы науки, 10* (145), 81–83. EDN: MCINBO

Китаева, М. П. (2023). Маргинальность как причина психологического отчуждения в цифровом обществе *Актуальные проблемы педагогики и психологии, 4* (12) 79–86. EDN: DCDTKF

Китаева, М. П. (2024). Психологическое отчуждение личности как кризис идентичности. В *Вызовы современного мира в рамках социально-гуманитарного знания. В поисках альтернативы: материалы II Всероссийской научно-практической конференции,* (с. 57–63). Ижевск: Изд-во УИР ИжГТУ имени М. Т. Калашникова, 719. EDN: YSAKOK

Лапкин, В. В. (2011). Метаморфозы идентичности в условиях глобализации. *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС, 7* (2) 25–41. EDN: ONHDOX

Лысенко, Н. Н. (2018). Маргинальность как проблема социальной философии. Позиция. *Философские проблемы науки и техники, 12,* 96–101. EDN: YNRAIX

Мухтаев, Р. Т. (2021). Глобализация и кризис национальной идентичности: в поисках новых форм репрезентации. *Знание. Понимание. Умение, 1,* 199–215. http://doi.org/10.17805/zpu.2021.1.15. EDN: OIGNAG

Поломошнов, А. Ф. (2022). Этнокультурная маргинальность и идентичность в мультикультурных сообществах. *Гуманитарный вестник Донского государственного аграрного университета, 3,* 3–14. EDN: IRIRAQ

Поломошнов, А. Ф., Бахурец, А. П. (2020). Идентичность и маргинальность в контексте социокультурной транзитивности. *Вестник Донского государственного аграрного университета, 2-2* (36), 21–26. EDN: NKVELN

Полякова, О. В. (2021). Культурная маргинальность студенческой молодежи в контексте информационных технологий коммуникации. *Экономические и гуманитарные исследования регионов, 6,* 192–197. EDN: VSJYGR

Седельников, С. С. (2016). Маргинальная личность и утрата идентичности. В *VI Международная научно-практическая конференция «Специфика этнических миграционных процессов на территории Центральной Сибири в XX-XXI веках: опыт и перспективы». Сборник материалов.* Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 415.

Фортова, Л. К., Поморцева, Н. В., Хаблак, В. Г. (2024). Истоки маргинальности подростков в современном обществе. *Глобальный научный потенциал, 4–2* (157), 30–32. EDN: UXAEQG

Черная, С. Е. (2021a). Новая маргинальность: две тенденции. *International Journal of Medicine and Pshychology, 4* (4), 65–70. EDN: VLQWUW

Черная, С. Е. (2021b). Современные тенденции в изучении маргинальности: все дальше от психологии. *Гуманитарные науки (г. Ялта), 2* (54), 158–165. EDN: BRSIYY.

Шалагинова, Н. А. (2017). Социальная маргинальность как предпосылка девиации. *Философия права, 4* (83), 128–132. EDN: ZXMNHT

Шибутани, Т. (1999). *Социальная психология.* Ростов-на-Дону: издательство «Феникс», 544.

References

Averina, M. V. (2023). The concept of marginality as an explanatory model of the functioning of socio-cultural trends. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul`tury`i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts], 4* (114), 27–37. http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-4114-27-37 EDN: JYPTYL (In Russ.)

Balabanova, E. S. et al. (2000). *Marginal`nost` v sovremennoj Rossii [Marginality in modern Russia]*. Moscow: MSCHNF, 208. EDN: RVDKAX (In Russ.)

Bauman, Z. (2005). *Individualizirovannoe obshhestvo [An individualized society]*. Moscow: Logos, 390. (In Russ.)

Biryukova, M. S. (2020a). Legal marginality: a general theoretical characteristic. *Vestnik Luganskoj akademii vnutrennix del imeni E`. A. Didorenko [The Journal Lugansk Akademy of Internal Affairs named by E.A. Didorenko], 2* (9), 37–45. EDN: FFNRHW (In Russ.)

Biryukova, M. S. (2020b). Socio-legal characteristics of marginality. *Vestnik Luganskoj akademii vnutrennix del imeni E`. A. Didorenko [The Journal Lugansk Akademy of Internal Affairs named by E.A. Didorenko], 1* (8), 16–25. EDN: OPTOJB (In Russ.)

Chernaya, S. E. (2021a). New marginality: two trends. *International Journal of Medicine and Pshychology, 4,* 65–70. EDN: VLQWUW (In Russ.)

Chernaya, S. E. (2021b). Current trends in the study of marginality: moving further away from psychology. *Gumanitarny`e nauki (g. Yalta) [Humanities (Yalta)], 2* (54), 158–165. EDN: BRSIYY. (In Russ.)

Fortova, L. K., Pomortseva, N.V., Khablak, V. G. (2024). The origins of the marginality of adolescents in modern society. *Global`ny`j nauchny`j potencial [Global Scientific Potential], 4–2* (157), 30–32. EDN: UXAEQG (In Russ.)

Ihsanov, A. U. (2023). The crisis of national culture and human identity in the context of globalization. *Byulleten` nauki i praktiki [Bulletin of Science and Practice], 9* (3), 484–487. http://doi.org/10.33619/2414-2948/88/66 (In Russ.)

Katerny, I. V. (2020). The reconceptualization of status liminality in sociological theory. *Vestnik rossijskogo universiteta druzhby` narodov. Seriya: Sociologiya [Rudn Journal of Sociology], 20* (2), 226–238. http://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-2-226-238 EDN: BCGDMN (In Russ.)

Kiseleva, O. V. (2021). Marginality of children and adolescents as a socio-psychological problem of modern society. *Perspektivy` nauki [Science Prospects], 10* (145), 81–83. EDN: MCINBO (In Russ.)

Kitaeva, M. P. (2023). Marginality as a cause of psychological alienation in a digital society *Aktual`ny`e problemy` pedagogiki i psixologii [Actual Problems of Pedagogy And Psychology], 4* (12), 79–86. EDN: DCDTKF (In Russ.)

Kitaeva, M. P. (2024). Psychological alienation of personality as an identity crisis. Challenges of the modern world in the framework of socio-humanitarian knowledge. In *Poiskax al`ternativy`: materialy` II Vserossijskoj nauchnoprakticheskoj konferencii [Search of an alternative: proceedings of the II All-Russian Scientific and Practical Conference]* (c. 57–63). Izhevsk: Publishing house of the UIR IzhSTU named after M. T. Kalashnikov, 719. EDN: YSAKOK (In Russ.)

Lapkin, V. V. (2011). Metamorphoses of identity in the context of globalization. *Politicheskaya e`kspertiza: POLITE`KS [Political expertise: POLITEX], 7* (2), 25–41. EDN: ONHDOX (In Russ.)

Lysenko, N. N. (2018). Marginality as a problem of social philosophy. *Poziciya. Filosofskie problemy` nauki i texniki [Position. Philosophical Problems of Science and Technology], 12,* 96–101. EDN: YNRAIX (In Russ.)

Mukhtaev, R. T. (2021). Globalization and the crisis of national identity: in search of new forms of representation. *Znanie. Ponimanie. Umenie [Knowledge. Understanding. Skill], 1,* 199–215. http://doi.org/10.17805/zpu.2021.1.15 EDN: OIGNAG (In Russ.)

Polomoshnov, A. F. (2022). Ethnocultural marginality and identity in multicultural communities. *Gumanitarny`j vestnik Donskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta [Humanitarian Bulletin of the Don State Agrarian University], 3,* 3–14. EDN: IRIRAQ (In Russ.)

Polomoshnov, A. F., Bakhurets, A. P. (2020). Identity and marginality in the context of sociocultural transitivity. *Vestnik Donskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta [Bulletin of the Don State Agrarian University], 2–2* (36), 21–26. EDN: NKVELN (In Russ.)

Polyakova, O. V. (2021). Cultural marginality of students in the context of information technology communication. *E`konomicheskie i gumanitarny`e issledovaniya regionov [Economical and Humanitarical Researches of the Regions], 6,* 192–197. EDN: VSJYGR (In Russ.)

Sedelnikov, S. S. (2016). Marginal personality and loss of identity. In *VI Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya «Specifika e`tnicheskix migracionny`x processov na territorii Central`noj Sibiri v XX-XXI vekax: opy`t i perspektivy`». Sbornik materialov. [VI International Scientific and Practical Conference «The specifics of ethnic migration processes in Central Siberia in the XX-XXI centuries: experience and prospects». Collection of materials]*. Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 415. (In Russ.)

Shalaginova, N. A. (2017). Social marginality as a prerequisite for deviation. *Filosofiya prava [Philosophy of Law], 4* (83), 128–132. EDN: ZXMNHT (In Russ.)

Shibutani, T. (1999). *Social`naya psixologiya [Social psychology]*. Rostov-on-Don: Phoenix Publishing House, 544. (In Russ.)

Китаева Мария Петровна — доктор психологических наук, кандидат биологических наук, доцент кафедры социальной психологии, Московский институт психологии; https://orcid.org/0000-0002-1129-5989 (Российская Федерация, 107078, г. Москва, Докучаев пер., д. 8; e-mail: kimape@mail.ru).

Maria P. Kitaeva — Dr. Sci. (Psych.), Ph. D. (Biol.), Associate Professor of the Department of Social Psychology, Moscow Institute of Psychology; https://orcid.org/0000-0002-1129-5989 (8, Dokuchaev lane, Moscow, 107078, Russian Federation, e-mail: kimape@mail.ru).

УДК 331.5
JEL J04, J24, R23
https://www.doi.org/10.17059/udf-2025-4-4

Социальные приоритеты студентов вузов и новые возможности по их реализации на основе педагогического подхода «Обучение служением»[1]

Е. А. Колесник [а], Е. Н. Елисеева [б]

[а, б] Челябинский государственный университет (г. Челябинск, Российская Федерация).

[а] https://orcid.org/0000-0001-7522-4074

[б] https://orcid.org/0009-0008-6214-1163

Автор для корреспонденции: Е. А. Колесник (elena.kolesnik.007@yandex.ru).

Аннотация. *Учеба в вузе для современной молодежи является периодом формирования не только жестких профессиональных компетенций (hard skills), но и мягких умений и навыков (soft skill), связанных с личностными характеристиками человека и его гражданской позицией. К сожалению, этому уделяется не столь пристальное внимание в вузах при формировании учебных планов и программ. Целью данного исследования является выявление приоритетных способов формирования гибких навыков по взаимодействию с обществом с учетом социальных приоритетов студентов различных вузов г. Челябинска и оценка их отношения к базовым ценностям, которые включают отношение к здоровому образу жизни, готовность помогать тем, кто нуждается в поддержке, создание крепкой, гармоничной семьи и рождение и воспитание в ней детей и др. Гипотезу составляет предположение, что включение в образовательный процесс нового педагогического подхода «Обучение служением» значительно повысит удовлетворенность выпускников сформированностью навыков взаимодействия с обществом и расширит их инструментарий по решению социальных проблем, соответствующих приоритетам современной молодежи и общества в целом. В исследовании применялись формально-логические и диалектические методы. В статье сформулированы рекомендации организациям высшего профессионального образования, осваивающим новый образовательный подход «Обучение служением», по его эффективному применению для формирования у студентов активной, патриотичной гражданской позиции и гибких навыков по взаимодействию с институтами гражданского общества в сфере экологии, здорового образа жизни, формирования и поддержки семейных ценностей, здоровьесбережения и иных социальных областях.*

Ключевые слова: социальные приоритеты; проектная деятельность; обучение служением; hard skills; soft skill

Social Priorities of University Students and New Opportunities for Their Implementation Based on the Pedagogical Approach «Learning by Service»

E. Kolesnik [a], E. Eliseeva [b]

[a, b] Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russian Federation).

[a] https://orcid.org/0000-0001-7522-4074

[b] https://orcid.org/0009-0008-6214-1163

Corresponding author: E. Kolesnik (elena.kolesnik.007@yandex.ru).

Abstract. *For modern youth, studying at a university is a period of formation of not only hard professional competencies (hard skills), but also soft skills and abilities related to personal characteristics of a person and his/her civic position. Unfortunately, this is not given such close attention in universities when*

[1] © Колесник Е. А., Елисеева Е. Н. Текст. 2025.

forming curricula and programs. The purpose of this study is to identify priority ways of forming flexible skills for interaction with society, taking into account the social priorities of students of various universities in Chelyabinsk and to assess their attitude to basic values, which include attitude to a healthy lifestyle, willingness to help those who need support, creation of a strong, harmonious family and birth and upbringing of children in it, etc. The hypothesis is the assumption that the inclusion of a new pedagogical approach «Service Learning» in the educational process will significantly increase the satisfaction of graduates with the formation of skills for interaction with society and expand their toolkit for solving social problems corresponding to the priorities of modern youth and society as a whole. The study used formal logical and dialectical methods. The results of the study are recommendations for higher education institutions mastering the new educational approach «Service Learning» on its effective application for developing students' active, patriotic civic position and flexible skills for interaction with civil society institutions in the field of ecology, healthy lifestyle, formation and support of family values, health preservation and other social areas.

Keywords: social priorities; project activities; learning by service; hard skills; soft skill

Введение

Молодежь, как социально-демографическая группа лиц в возрасте от 14 до 35 лет (Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации») представляет особый исследовательский интерес для выявления изменений, происходящих в современном обществе в целом, и в демографической сфере в частности. Соответствие реализуемой государственной молодежной политики приоритетам и ценностям, наиболее значимым для молодого поколения, определяют результативность и эффективность такой политики. Поэтому целью данного исследования является выявление тех жизненных приоритетов, которые для молодежи, обучающейся в вузах, являются наиболее значимыми с позиции формирования их гражданской позиции, а также выявление приоритетных способов формирования гибких навыков по взаимодействию с обществом. Различные исследования, в т. ч. проводимые ВЦИОМ, подтверждают вывод о значимости участия в общественной и политической жизни страны (52 %), а также в волонтерской и добровольческой деятельности, помощь другим людям (49 %)[1].

Гипотеза, определившая данное исследование, заключается в утверждении, что включение в вузах в образовательный процесс нового модуля «Обучение служением» значительно повысит удовлетворенность выпускников сформированностью навыков взаимодействия с обществом и расширит их инструментарий по решению социальных проблем, соответствующих приоритетам самой молодежи.

Основанием для выдвижения такой гипотезы послужил ряд нормативно-правовых актов, обусловивших введение в основные образовательные программы высшего образования нового курса (модуля) «Обучение служением», призванного реализовать потенциал каждого человека, развить его таланты, воспитать патриотичную и социально ответственную личность[2]:

— Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении «Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»;

[1] Ценности молодежи (2022) ВСИОМ. https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennosti-molodezhi (дата обращения: 23.02.2025).

[2] Пункт 1б Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 года № 309 «О национальных целях развития о Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года».

— Перечень поручений по итогам заседания Госсовета, утв. Президентом Российской Федерации 29.01.2023 г. № Пр-173ГС:

«…8. Минобрнауки России совместно с Минтрудом России, Росмолодежью и Ассоциацией волонтерских центров разработать и включить в образовательные программы высшего образования курс (модуль) «Обучение служением». Срок — 1 сентября 2023 г.».

Методическая и информационная поддержка нововведения осуществляется на основании:

1. Письма Министерства науки и высшего образования РФ от 28.07.2023 № МН-5/1503-ОП «О направление методических рекомендаций и проведении вебинара»;

2. Письма Министерства науки и высшего образования РФ от 16.02.2024 № МН-11/418-ОП «О направлении информации»;

3. чата «Обучение служением»[1];

4. официального сайта программы «Обучение служением»[2];

5. платформы ДОБРО.УНИВЕРСИТЕТ[3];

6. онлайн курсов для студентов «Социальное проектирование»[4] и преподавателей «Обучение служением» в образовательном процессе»[5];

7. корпоративной программы обучения для участников программы «Обучение служением»[6].

Тем самым изменение требований к образовательному процессу вузов создали в них новую творческую площадку для формирования такого набора универсальных компетенций, которые одновременно востребованы обществом и молодежью. Выбор способа их формирования определяется конкретным вузом, а значит, есть разнообразие идей, примеров их успешной реализации и бесценного опыта для изучения.

Обзор литературы, методы исследования

Методологическую основу исследования составили труды отечественных и зарубежных ученых, посвященных анализу ценностных ориентаций и приоритетов у современного студенчества, формированию их гражданской позиции и тех гибких навыков, без которых невозможно ее формирование. Для анализа и разработки на его основе рекомендаций по совершенствованию деятельности вузов по формированию у студентов необходимых soft skills применялись формально-логические и диалектические методы: системный подход, анализ и синтез,

[1] Чат «Обучение служением». https://t.me/+TWrAyqhPi8NjNjZi (дата обращения: 23.02.2025).

[2] Обучение служением. https://sl.dobro.ru (дата обращения: 23.02.2025).

[3] Добро. УНИВЕРСИТЕТ. https://edu.dobro.ru/ (дата обращения: 23.02.2025).

[4] Курс «Социальное проектирование». https://edu.dobro.ru/courses/29/lesson843/ (дата обращения: 23.02.2025).

[5] Курс «Обучение служением для преподавателей среднего и высшего образования». https://edu.dobro.ru/courses/146/?clckid=e0cce6b0 (дата обращения: 23.02.2025).

[6] Корпоративная программа обучения для участников программы «Обучение служением». https://edu.dobro.ru/courses/182/ (дата обращения: 23.02.2025).

индукция и дедукция, а также общетеоретические методы сравнительного анализа, методы социологического опроса, анализа источников и литературы.

Эмпирическим материалом для выводов и обобщений послужили материалы ВЦИОМ, периодических изданий, круглых столов по данной проблематике, а также результаты авторского социологического исследования.

По результатам опроса ВЦИОМ 2022 г. о ценностях российской молодежи в структуре ценностных ориентаций первое место занимают ценности семейные: по 97 % назвали важными здоровье членов семьи и безопасность семьи, 96 % — отношения в семье; 95 % — материальное положение семьи. Далее следует группа ценностей, характеризующих условия по месту проживания: инфраструктура в месте проживания (94 %) и возможности для достижения поставленных целей (94 %), экологическая ситуация (90 %). Экономическая ситуация в стране важна для 89 %, полноценный досуг — для 83 %. В меньшей степени значимыми для молодых россиян оказались ценности личностного развития: перспективы продвижения по карьерной лестнице звучат в ответах 81 %, социальный статус — 72 %, творческая самореализация — 71 %. Нижние строки списка ценностных ориентиров заняли ценности социальные — участие в общественной и политической жизни (52 %) и участие в волонтерской и добровольческой деятельности, помощь другим людям (49 %).

Важность ценности здоровья подтверждают и следующие данные: 65 % молодежи внимательно относятся к своему здоровью, треть признались в обратном (33 %). Максимум следящих за здоровьем отмечен в младшей молодежной группе 14–17 лет — 74 %.

Топ-3 жизненных ориентиров российской молодежи на сегодняшний день — это высокий уровень благополучия (58 %); жить спокойно, работая и заботясь о семье (54 %) и возможность приносить пользу своему народу, обществу, активно участвуя в общественной и политической жизни (26 %). Изменить мир, внедрить что-то новое хотели бы 17 % молодых граждан, а беззаботная жизнь, без мыслей о будущем привлекает 9 %, наименее интересным для молодежи оказалось завоевание известности и популярности (6 %) 1.

Не противоречат выводам ВЦИОМ многочисленные исследования отечественных ученых о значимости для современной молодежи участия в решении социальных проблем общества. В частности, Л.А. Журавлева, Е.В. Зарубина, А.В. Ручкин, Н.Н. Симачкова и И.П. Чупина, анализируя жизненные приоритеты и ценности современной молодежи, делают выводы, что ценностное самоопределение является важнейшим внутреннем регулятором поведения личности молодого человека, формирует систему принципов, определяющих жизненные планы человека, и выступает основой для управления процессом социализации молодежи, где взаимодействие с обществом является неотъемлемой частью (Журавлева и др., 2023). Соответственно, образовательные организации, которые активно участвуют в социализации молодежи, влияют и на формирование таких принципов и ценностей.

М.Ю. Мартынова, Н.А. Белова, О.А. Зыкина и М.П. Кляус провели социально-антропологическое исследование жизненных стратегий российской молодежи

[1] Ценности молодежи (2022) ВСИОМ. https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennosti-molodezhi (дата обращения: 23.02.2025).

(Мартынова и др., 2023). В ходе изучения восприятия студентами общегражданских ценностей и российской идентичности были осуществлены массовые опросы по единому инструментарию в вузах 8 регионов четырех Федеральных округов Российской Федерации: Дальневосточного, Приволжского, Северо-Кавказского и Центрального. Анализ особенностей осознания юношами и девушками их гражданской, этнической и региональной идентичностей показал, что в молодежной среде преобладает гражданский тип идентичности. Подавляющее большинство респондентов позиционируют себя как граждане страны и видят своей родиной всю Россию. Патриотизм в сочетании с компетенциями в области социального служения значительно усиливает позитивное воздействие на общество.

По данным ряда других исследований, большинство российской молодежи отличаются высоким уровнем патриотичности, они считают себя гражданами Российской Федерации, проявляют неподдельный интерес к истории страны и своей собственной семье (Кондакова, 2023). В современных условиях деятельность институтов гражданского общества приобретает особую важность в процессе социализации российской молодежи и формирование у нее значимых для государства ценностных ориентаций (Аверкиева, 2023).

Подтверждением перспективности нового педагогического подхода «Обучение служением» является также интенсивный рост числа публикаций за 2024 г. с описанием положительного опыта его применения на площадках различных вузов страны, хотя в 2024 г. большинство вузов лишь тестировали возможности «Обучения служением» (Маракаев & Суворова, 2024; Цалко, 2024; Князева, 2024; Габович, 2024; Цалко & Понкратьева, 2024; Никитина, 2024).

Показательными являются и результаты опросов студентов относительно формирования у них положительной мотивации к участию в реальных социальных проектах, реализуемых посредством «Обучения служением» в рамках образовательных программ вузов. В частности, по итогам опроса, проведенного на онлайн-платформе Всероссийского студенческого конкурса «Твой ход» 8.09.–31.10.2023 г., из 3866 участников 64 % обучающихся положительно относятся к идее совмещения учебы и участия в развитии реально общественно значимых проектов; 45 % обучающихся знают, что в российских университетах запускается программа «Обучение служением»; 45 % хотели бы сотрудничать с социальными предпринимателями, столько же с органами власти; к работе с бюджетными организациями готовы 42 % опрошенных, с НКО — 38 %.

Встречный интерес со стороны руководителей НКО по итогам опроса Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора ВШЭ, проводимый в январе 2024 г., подтвердил у 68 % из 1002 опрошенных безусловно положительное и скорее положительное отношение к включению «Обучения служением» в российских вузах и колледжах в образовательные программы. При этом у 47 % респондентов уже есть опыт взаимодействия со студентами вузов и колледжей в рамках их проектной деятельности, что еще раз подчеркивает не только высокий потенциал такого сотрудничества, но его высокую эффективность.

Особое значение такого нововведения хотелось бы отметить и в связи с тенденцией последних лет по уменьшению контингента студентов, обучающихся по программам высшего образования, с 4267833 чел. в 2018 г. до 4167532 чел.

в 2023 г. 1, что повышает требования к тем знаниям и навыкам, которые приобретают выпускники вузов за время учебы, в т. ч. относительно формирования личной гражданской позиции, учитывающий такие важные социальные приоритеты, как крепкая традиционная семья, рождение и воспитание детей, патриотизм.

Результаты, обсуждение

В январе 2025 г. был проведен авторский опрос 2 по изучению мнений студенческой молодежи города Челябинска по реализации социальных проектов и педагогического подхода «Обучение служением» в вузах города. В опросе приняло участие 182 респондента, из которых 67 % девушек и 33 % юношей.

Результаты опроса показали, что отношение молодежи к включению в образовательную программу вуза блока «Обучение служением» разное: 60,4 % не понимают, о чем идет речь и данный подход им неизвестен, 29,7 % оценивают положительно данную деятельность как важную составляющую профессиональной подготовки, а 9,9 % — отрицательно, считают это лишним в образовательном процессе. В связи с этим и понимание сущности самого подхода у респондентов отличается (табл.).

По мнению студенческой молодежи, наиболее предпочтительной формой реализации социальных проектов в рамках подхода «Обучение служением» в вузе является организация практики в форме социального проекта (53,3 %), введение специальной дисциплины по проектной деятельности выбрали 45,1 %, а 39 % согласны выполнить курсовую работу в форме социального проекта или реализовать социальный проект, инициированный внешним заказчиком (НКО, орган власти, социально-ответственный бизнес) (рис. 1).

Тематика направлений для реализации социальных проектов разнообразна: респонденты выбирают социальную помощь и поддержку населения (50,5 %), защиту окружающей среды и экологию (46,2 %), здоровый образ жизни и развитие физической культуры (41,8 %), зоозащиту (37,4 %) и другие направления (рис. 2).

Из основных преимуществ реализации социальных проектов молодежь выделяет следующие: умение работать в команде, развитие лидерских качеств (58,2 %), опыт проектной деятельности (53,3 %), практический опыт и возможность дальнейшего трудоустройства (51,6 %), полезные контакты и связи, нетворкинг (50,5 %), и только 28 % выбрали возможность приносить пользу обществу, улучшая жизнь конкретных людей (рис. 3). На основе анализа данного выбора можно говорить о практических предпочтениях молодежи по развитию конкретных умений и навыков, которые пригодятся им в будущем трудоустройстве.

Основные препятствия и трудности, с которыми сталкиваются респонденты при реализации социальных проектов, следующие: недостаток мотивации и желания (54,9 %), недостаток информации о реализуемых социальных проектах

[1] Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга деятельности образовательных организаций высшего образования ГИВЦ МИРЭА. https://monitoring.miccedu.ru/?m=vpo&year=2023 (дата обращения: 23.02.2025).

[2] Опрос был проведен с 13 по 22 января 2025 г., в котором приняли участие 182 респондента — студенческая молодежь г. Челябинска по изучению проблем реализации подхода «Обучение служением» и социальных проектов в высших учебных заведениях.

Таблица

Распределение ответов респондентов на вопрос «По вашему мнению, «Обучение служением» — это…?»

Варианты ответа	Результат, % опрошенных
Педагогический подход, основанный на применении студентами полученных при освоении основной образовательной программы профессиональных знаний и умений для решения актуальных социально-значимых проблем реальных людей, сообществ или общества в целом	43,4
Подход, направленный на развитие у студентов социальной ответственности, патриотизма и лидерства одновременно с формированием профессиональных компетенций	30,7
Затрудняюсь ответить	25,9

Источник: составлено авторами по результатам опроса.

Рис. 1. *Распределение ответов респондентов на вопрос «Какая форма для Вас является предпочтительной при реализации социальных проектов в вузе?» (% опрошенных) (источник: сост. авторами по результатам опроса)*

Рис. 2. *Распределение ответов респондентов на вопрос «Какие направления реализации социальных проектов являются для Вас интересными?» (% опрошенных) (источник: сост. авторами по результатам опроса)*

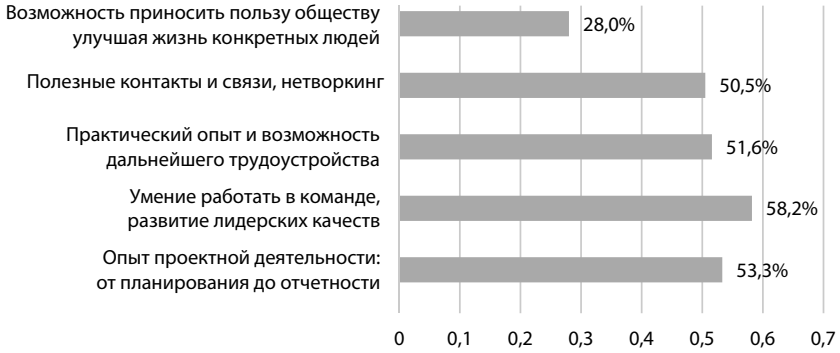

Рис. 3. *Распределение ответов респондентов на вопрос «Какие, по-Вашему мнению, преимущества дает участие в социальных проектах?» (% опрошенных) (источник: сост. авторами по результатам опроса)*

(46,7 %), недостаток знаний и опыта проектной деятельности (43,4 %), отсутствие выбора при реализации проектов, невозможность инициировать проект самостоятельно (31,3 %) (рис. 4).

Таким образом, изучение мнений студенческой молодежи выявило смутное понимание введения в образовательный процесс нового подхода «Обучение служением», но реализацию социальных проектов респонденты поддерживают в форме организации практики, введения специальной дисциплины или выполнения социального проекта. Тематика данных проектов широка: от социальной поддержки населения до защиты окружающей среды. Конечно, молодежь преследует чисто практические интересы в приобретении полезных умений и навыков в рамках реализации социальных проектов, но результат этой работы носит явный социальный общественно значимый эффект. Препятствиями для выполнения социальных проектов в вузе, по мнению студентов, являются недостаток мотивации и желания, отсутствие полной информации, знаний и опыта проектной деятельности.

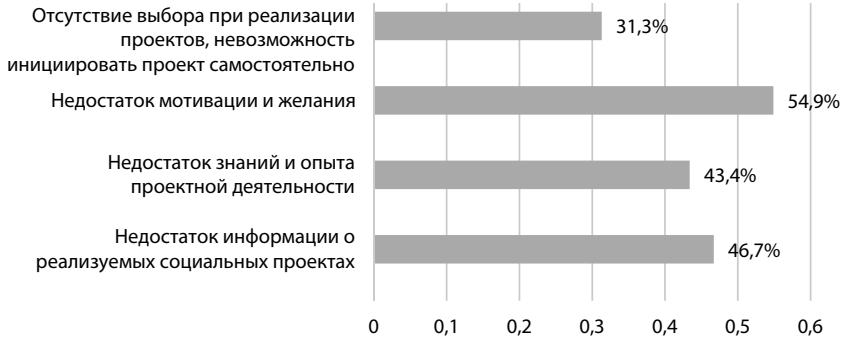

Рис. 4. *Распределение ответов респондентов на вопрос «Что для вас является препятствием для участия в социальном проекте?» (% опрошенных) (источник: сост. авторами по результатам опроса)*

В качестве рекомендаций по повышению эффективности формирования у студентов гибких навыков по взаимодействию с обществом, что по результатам опроса относится к значимым для данной возрастной группы ценностным приоритетам, предлагается усилить работу по интеграции в учебный процесс нового педагогического подхода «Обучение служением». Для этого видится целесообразным следующее:

1) создание на уровне вуза структурного подразделения или наделение соответствующими полномочиями существующего, например, Управления образовательной политики для осуществления организационной и методической помощи факультетам и преподавателям. Появление такой структуры, помимо ее основного предназначения, подчеркнет, что данная деятельность «пришла» в вуз надолго и всерьез, а значит, просто переждать интерес к ней не получится. Данная структура будет дополнять Добро.Центр, который преимущественно сосредоточен на волонтерской работе;

2) разработка на уровне вуза перечня и содержания профессиональных компетенций, формируемых обучением служением, для создания нового образовательного продукта и встраивания его в образовательную программу;

3) включение деятельности по обучению служением в эффективный контракт, что позволит повысить мотивацию предрасположенных к ней преподавателей и исключит принудительный характер ее осуществления теми, кто пока к ее осуществлению не готов;

4) формирование перечня форм обучения служением, пригодных для конкретного вуза, и их оценка в часах для включения в индивидуальные планы работы преподавателей и их учебную нагрузку;

5) закрепление в учебном расписании возможности проведения учебных занятий на основе обучения служением вне учебных кабинетов, для обоснования отсутствия преподавателя и студентов в корпусах вуза;

6) формирование открытого банка идей, а впоследствии успешно реализованных проектов для возможности ознакомления с ними;

7) создание отдельной вкладки на официальном сайте вуза, где должна отражаться положительная информация о ходе внедрения данной образовательной технологии и полезных информационных ресурсах для ее освоения;

8) формирование пула социально ориентированных некоммерческих организаций (СО НКО), которые заинтересованы во взаимодействии с вузом, заключение с ними договоров о стратегическом партнерстве и предоставление этими СОНКО информации о возможных совместных проектах и направлениях деятельности;

9) заключение договоров о стратегическом партнерстве с объектами социально-ориентированной инфраструктуры города (региона): ресурсные центры, Общественная палата и т. п.

10) разработка единого образца договора с НКО, где должен быть пункт о совместной реализации проектов с университетов по «Обучению служением»;

11) учреждение внутривузовского гранта для предоставления на конкурсной основе финансирования тем проектам, которые требуют привлечения дополнительных ресурсов. Причем авторами проектов могут быть как преподаватели, так и студенты вуза. И реализованы такие проекты могут быть как в рамках

учебного процесса, так и в качестве внеучебной деятельности. Также создание условий (календарные графики, расписание, методические материалы) для участия во внешних грантовых конкурсах для успешных долгосрочных проектов, в т. ч. путем передачи знаний от студентов старших курсов студентам младших курсов, где старшекурсники могут выступать в роли наставников. Команды подобных проектов могут быть смешанными: как разновозрастными, так и объединять студентов разных факультетов и направлений обучения;

12) обучение всех преподавателей университета по краткосрочной программе повышения квалификации «Обучение служением» с раскрытием механизма работы с платформой Добро.РФ, отчетностью и, главное, примерами успешного внедрения данного образовательного подхода;

13) обучение студентов «Обучению служением». Как вариант, в рамках дисциплины «Основы научных исследований», преподаваемой студентам на первом курсе, для формирования у них теоретической базы и понимания тех возможностей, которые им готов предоставить вуз по вопросам взаимодействия с обществом. При этом может оказаться востребованным и тот опыт, который у первокурсников мог быть сформирован еще в стенах школ;

14) организация взаимодействия с другими образовательными организациями на уровне своего региона и за его пределами с целью изучения и обмена опытом.

Перечень факторов успешной реализации обучения служением остается открытым и может быть дополнен и скорректирован. Особенно перспективным является данный подход к университетам, на базе которых в настоящее время формируются кампуса. Именно для них наиболее органичной является современная концепция «третьей миссии», а обучение служением является той технологией, которая позволяет ее успешно реализовать.

Заключение

Подытоживая результаты исследования о готовности, с одной стороны, современной молодежи к активному участию в решении реальных социальных проблем общества, с другой стороны, вузов, формирующих у студентов необходимые для этого практические гибкие навыки, можно сделать ряд выводов.

Современное студенчество сегодня является крайне востребованной частью российской молодежи, поскольку это не только ее активная часть, оно имеет достаточные знания в области социального проектирования и практический опыт по его осуществлению. Большинство молодых людей выражают готовность участвовать в решении реальных социальных проблем и относят эту готовность к числу своих значимых ценностных приоритетов.

В свою очередь сектор НКО крайне заинтересован во взаимодействии с молодежью в качестве как делового партнера, так и источника квалифицированных кадров для следующего за совместной проектной деятельностью трудоустройства.

Вузы, особенно университеты, становятся идеальной площадкой для налаживания взаимодействия между заинтересованными друг в друге сторонами. Включение в образовательные программы модуля «Обучение служением» значительно способствует налаживанию такого взаимодействия и повышению

мотивации молодежи в его реализации, т. к. дает возможность участия в реально значимых проектах.

Как показал опыт вузов, активно включившихся в процесс реализации модуля «Обучение служением», успешными формами формирования гибких компетенций у студентов по участию в жизни общества выступают:

— проектно-ориентированная дисциплина;
— курсовой проект / курсовая работа;
— производственная практика;
— выпускная квалификационная работа.

В целом направленность модуля «Обучение служением» связана с решением таким актуальных социальных вопросов, как экологическое воспитание, создание крепкой семьи и поддержание семейных ценностей, здоровьесбережение, правовое воспитание и культура безопасного поведения, духовно-нравственное и творческое воспитание и др. Развитие гармоничной личности без получения ответов на вышеперечисленные вопросы невозможно. Поэтому роль вуза в социализации и воспитании молодежи значительно возрастает при наличии в образовательных программах модуля «Обучение служением». Таким образом, сформулированные выше практические и методические рекомендации по созданию условий для успешной реализации модуля «Обучение служением» носят универсальный характер и обладают элементами научной новизны.

Список источников

Аверкиева, Е. В. (2023). Институты гражданского общества в формировании национальной идентичности молодёжи. *Наука. Культура. Общество, 29*(1), 38–50. http://doi.org/10.19181/nko.2023.29.1.3. EDN: TYTPVC

Габович, А. А. (2024). Деятельность юридических клиник как вклад в служение обществу и формирование гражданской позиции студентов. В *Обучение служением как концепция развития некоммерческого сектора экономики. Сборник материалов Всероссийской (национальной) научно-практической конференции* (с. 23–29). Ростов-на-Дону: Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), 139.

Журавлева, Л. А., Зарубина, Е. В., Ручкин, А. В., Симачкова, Н. Н., Чупина, И. П. (2023). Жизненные приоритеты и ценности современной молодежи. *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке, 12*(1–1), 158–165. http://doi.org/10.34670/AR.2023.60.41.012. EDN: LRZCLB

Князева, О. Н. (2024). Формирование личности студента на учебных занятиях посредством практико-ориентированного подхода. Россия в её прошлом и настоящем: актуальные проблемы гуманитарных наук в контексте глобальных вызовов современности. В *Материалы национальной научно-практической конференции научно-педагогических работников и аспирантов в рамках десятилетия науки и технологий* (с. 238–241). Воронеж: Воронежский государственный аграрный университет им. Императора Петра I, 255. EDN: QJVILW

Кондакова, А. А. (2023). Ценностные ориентации современной молодежи и их роль в формировании молодежной политики Российской Федерации. *Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований, 2*(10), 116–122. http://doi.org/10.24412/1994-3776-2023-2-116-122. EDN: VLXSRB

Маракаев, О. А., Суворова, Г. М. (2024). Проектирование экологической тропы на особо охраняемой природной территории в рамках модуля «Обучение служением». В *Актуальные*

проблемы совершенствования высшего образования. Тезисы докладов XVI Всероссийской научно-методической конференции (с. 388–391). Ярославль: Изд-во: ООО «Филигрань», 680. EDN: HCFJUB

Мартынова, М. Ю., Белова, Н. А., Зыкина, О. А., Кляус, М. П. (2023). Общегражданские и социокультурные ценности в восприятии российской молодежи. *Вестник антропологии, 1,* 102–124. http://doi.org/10.33876/2311-0546/2023-1/102-124. EDN: HMKRYX

Никитина, Г. В. (2024). Социальная практика и педагогический подход «Обучение служением» в подготовке будущих педагогов: сущностная характеристика и специфика реализации. В *Современные проблемы образования: теория и практика. Материалы Международной научно-практической конференции* (с. 221–223). Сургут: Сургутский государственный педагогический университет, 355.

Цалко, Т. В. (2024). Опыт вовлечения молодежи в волонтерский проект. В *Молодежь и будущее: профессиональная и личностная самореализация. Материалы XIII Международной научно-практической конференции* (с. 266–269). Владимир: Транзит-ИКС,398. EDN: MTQKZX

Цалко, Т. В., Понкратьева, Е. П. (2024). Вовлечение студентов в социальные проекты на примере программы «Обучение служением». В *Актуальные проблемы современной экономики и общества. Материалы XII международной научно-практической конференции. В 4-х частях.* (с. 204–208). Омск: Омский государственный университет путей сообщения, 319. EDN: DFVQUF

References

Averkieva, E. V. (2023). Civil society institutions in shaping the national identity of young people. *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo [Science. Culture. Society], 29*(1), 38–50. http://doi.org/10.19181/nko.2023.29.1.3. EDN: TYTPVC (In Russ.)

Gabovich, A. A. (2024). The activity of legal clinics as a contribution to the service of society and the formation of students' civic position. In *Obuchenie sluzheniem kak koncepciya razvitiya nekommercheskogo sektora e`konomiki. Sbornik materialov Vserossijskoj (nacional`noj) nauchno-prakticheskoj konferencii (s. 23–29) [Service training as a concept for the development of the non-profit sector of the economy. Collection of materials of the All-Russian (national) scientific and practical conference* (pp. 23–29)]. Rostov-on-Don: Rostov State University of Economics (RINH), 139. (In Russ.)

Zhuravleva, L. A., Zarubina, E. V., Ruchkin, A. V., Simachkova, N. N., Chupina, I. P. (2023). Life priorities and values of modern youth. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke [Context and reflection: philosophy of the world and human being], 12*(1–1), 158–165. http://doi.org/10.34670/AR.2023.60.41.012. EDN: LRZCLB (In Russ.)

Knyazeva, O. N. (2024). Formation of the student's personality in the classroom through a practice-oriented approach. Russia in its past and present: current problems of the humanities in the context of global challenges of our time. In *Materialy` nacional`noj nauchno-prakticheskoj konferencii nauchno-pedagogicheskix rabotnikov i aspirantov v ramkax desyatiletiya nauki i texnologij (s. 238–241) [Proceedings of the national scientific and practical conference of scientific and pedagogical workers and graduate students within the framework of the Decade of Science and Technology* (pp. 238–241)]. Voronezh: Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter I, 255. EDN: QJVILW (In Russ.)

Kondakova, A. A. (2023). The value orientations of modern youth and their role in shaping the youth policy of the Russian Federation. *Teleskop: zhurnal sociologicheskih i marketingovyh issledovanij [Telescope: journal of sociological and marketing research], 2*(10), 116–122. http://doi.org/10.24412/1994-3776-2023-2-116-122. EDN: VLXSRB (In Russ.)

Marakaev, O. A., Suvorova, G. M. (2024). Designing an ecological trail in a specially protected natural area within the framework of the module «Learning by service». In *Aktual`ny`e problemy` sovershenstvovaniya vy`sshego obrazovaniya. Tezisy` dokladov XVI Vserossijskoj nauchno-metodicheskoj konferencii (s. 388–391) [Actual problems of improving higher education. Abstracts of the XVI All-Russian Scientific and Methodological Conference* (pp. 388–391)]. Yaroslavl: Publishing House: Filigree LLC, 680. EDN: HCFJUB (In Russ.)

Martynova, M. Y., Belova, N. A., Zykina, O. A., Klyaus, M. P. (2023). Civil and socio-cultural values in the perception of Russian youth. *Vestnik antropologii [Herald of anthropology], 1,* 102–124. http://doi.org/10.33876/2311-0546/2023-1/102-124. EDN: HMKRYX (In Russ.)

Nikitina, G. V. (2024). Social practice and the pedagogical approach of «Teaching by service» in the training of future teachers: essential characteristics and specifics of implementation. In *Sovremenny`e problemy` obrazovaniya: teoriya i praktika. Materialy` Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (s. 221–223) [Modern problems of education: theory and practice. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference* (pp. 221–223)]. Surgut: Surgut State Pedagogical University, 355. (In Russ.)

Tsalko, T. V. (2024). The experience of involving young people in a volunteer project. In *Molodezh` i budushhee: professional`naya i lichnostnaya samorealizaciya. Materialy` XIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (s. 266–269) [Youth and the future: professional and personal self-realization. Proceedings of the XIII International Scientific and Practical Conference* (pp. 266–269)]. Vladimir: Transit-X,398. EDN: MTQKZX (In Russ.)

Tsalko, T. V., Ponkratieva, E.P. (2024). Involvement of students in social projects using the example of the «Learning by Service» program. In *Aktual`ny`e problemy` sovremennoj e`konomiki i obshhestva. Materialy` XII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. V 4-x chastyax. (s. 204–208) [Current problems of the modern economy and society. Materials of the XII International Scientific and practical conference. In 4 parts.* (pp. 204–208)]. Omsk: Omsk State University of Railway Transport, 319. EDN: DFVQUF (In Russ.)

Колесник Елена Анатольевна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры инноватики и управления, Челябинский государственный университет; https://orcid.org/0000-0001-7522-4074 (Российская Федерация, 454100, г. Челябинск, Комсомольский просп., 109А; e-mail: elena.kolesnik.007@yandex.ru).

Елисеева Елена Николаевна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры инноватики и управления Челябинский государственный университет; https://orcid.org/0009-0008-6214-1163 (Российская Федерация, 454001, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129; e-mail: eliseevalena73@mail.rumailto:petrov@www.ru).

Elena A. Kolesnik — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Innovation and Management, Chelyabinsk State University; https://orcid.org/0000-0001-7522-4074 (109A, Komsomolsky ave., Chelyabinsk, 454100, Russian Federation; e-mail: elena.kolesnik.007@yandex.ru).

Elena N. Eliseeva — Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Innovation and Management, Chelyabinsk State University, https://orcid.org/0009-0008-6214-1163 (129, Kashirin Brothers str., Chelyabinsk, 454001, Russian Federation; e-mail:eliseevalena73@mail.ru).

УДК 316.811
JEL classification: A13, J17, E24
https://www.doi.org/10.17059/udf-2025-4-5

Влияние цифровой среды на приверженность традиционным российским ценностям детей и молодежи РФ[1]

Р. А. Кузнецов
Российский государственный социальный университет (г. Москва, Российская Федерация).
https://orcid.org/0009-0006-2828-7922
Автор для корреспонденции: Р. А. Кузнецов (kra2036@yandex.ru).

Аннотация. *Цифровая среда, отличающаяся высокой степенью открытости и доступности глобального информационного пространства, создает разрыв между реальными ценностями молодежи и ожиданиями общества. Это касается и их собственных представлений о приверженности традиционным российским ценностям. Под влиянием цифровой среды молодежь активно перенимает западные ценности, ошибочно интерпретируя их как часть российской культурной традиции. Это приводит к изменению их ценностных ориентаций, усложняет взаимодействие разных поколений в обществе и снижает дальнейшую преемственность в межпоколенческой передаче традиционных российских ценностей. В исследовании представлены результаты опроса детей и молодежи в возрасте 10–17 лет на тему приверженности к ключевым ценностям и интерпретация этих результатов.*

Ключевые слова: традиционные российские ценности; цифровая среда

The Impact of the Digital Environment on the Adherence to Traditional Russian Values Among Children and Youth in Russia

R. Kuznetsov
Russian State Social University (Moscow, Russian Federation).
https://orcid.org/0009-0006-2828-7922
Corresponding author: R. Kuznetsov (kra2036@yandex.ru).

Abstract. *The digital environment, characterized by a high degree of openness and accessibility to the global information space, creates a gap between the values genuinely embraced by young people and the expectations of society, as well as their own perceptions regarding their commitment to traditional Russian values. Under the influence of the digital sphere, young people increasingly adopt Western values, often misinterpreting them as part of Russian cultural traditions. This shift leads to changes in their value orientations, complicates intergenerational interaction within society, and undermines the continuity of transmitting traditional Russian values between generations. The study presents the results of a survey conducted among children and youth aged 10–17 years, exploring their commitment to key values and providing an interpretation of the findings.*

Keywords: traditional Russian values; digital area

Введение

В условиях глобализации и стремительного развития цифровых технологий, а также внешних вызовов, стоящих перед нашим государством, вопрос сохранения традиционных ценностей становится ключевым для поддержания национальной идентичности и социальной сплоченности граждан. Традиционные

[1] © Кузнецов Р. А. Текст. 2025.

российские духовно-нравственные ценности, закрепленные в Указе Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809[1], включают патриотизм, семью, историческую память, коллективизм, справедливость и другие фундаментальные принципы, формирующие основу культурного наследия и общественной морали. Однако цифровая среда, оказывая значительное влияние на коммуникацию, социализацию и передачу культурных норм, способствует сегодня как укреплению, так и трансформации этих ценностей.

Междисциплинарные исследования указывают на постоянное увеличение числа людей, активно вовлеченных в «экранную» культуру. По данным на начало 2024 г., количество Интернет-пользователей в мире достигло 5,61 млрд чел. В январе 2024 г. количество Интернет-пользователей в России составило 130,4 млн чел., или 90,4 % населения страны. При этом среднестатистический житель России проводил в 2024 г. в сети около 8 часов 21 минут ежедневно, что на 1 час 3 минуты больше по сравнению с 2021 г. (Чуранов, 2024). Эти показатели варьируются в зависимости от возраста и пола, но статистика указывает, что молодежь проводит в Интернете больше времени по сравнению с более старшими поколениями.

К. Шваб, основатель Всемирного экономического форума, прогнозировал, что к 2025 г. произойдут значительные изменения: 1 трлн устройств будет подключено к Интернету, появится первый коммерчески доступный имплантируемый мобильный телефон, 10 % людей будут носить одежду, подключенную к сети, а 90 % населения будут иметь постоянный доступ к Интернету (Schwab, 2016). Несмотря на то, что часть его прогнозов не сбылась, мы видим, что цифровая среда сегодня меняет способы передачи в том числе культурного наследия и формирует новые ценностные ориентиры.

Современная социология предлагает множество подходов к классификации ценностей, что отражает их сложность и многогранность как социального явления. Одной из первых попыток систематизировать ценности стала работа Г. Олпорта, именно она заложила основу для последующих исследований в данной области. В дальнейшем концепция ценностей была значительно расширена и углублена в трудах Н.И. Лапина, В.С. Магуна, М.Г. Руднева, В.П. Тугаринова, А.В. Серова, Т.В. Фомичевой, М.С. Яницкого и др. Эти авторы разработали многомерные, структурированные модели, которые позволяют анализировать ценности в их социокультурной и индивидуальной парадигме. Особое место в теоретических исследованиях ценностных ориентиров занимает концепция Д.А. Леонтьева, в которой выделяются три уровня ценностей: общественные идеалы, предметно-воплощенные и личные ценности. В настоящей работе, согласно концепции Леонтьева, под ценностями мы будем принимать общественные идеалы — фундаментальные ценности, которые выполняют роль ориентиров и регуляторов общественной жизни, формируя основу социальной солидарности и коллективной идентичности (Леонтьев, 1998; Лапин, 2011; Тугаринов, 1988).

Ценности — это сложный социальный конструкт, который объединяет коллективные и индивидуальные аспекты. Их изучение позволяет рассматривать

[1] Указ Президента РФ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (№ 809 от 9 ноября 2022 г.). http://government.ru/docs/all/144022/ (дата обращения: 26.02.2025).

взаимодействие личности и общества в рамках ценностных систем, анализировать как объективные социальные процессы, так и субъективное восприятие человеком окружающей действительности. Цифровая среда, став неотъемлемой частью современной жизни, активно влияет на формирование и трансформацию ценностных систем. Особенно ярко это проявляется в молодежной среде, которая наиболее вовлечена в цифровое пространство. Социальные сети, онлайн-платформы и медиаресурсы стали ключевыми агентами социализации, которые формируют новые модели поведения, мировоззренческие установки и ценностные предпочтения. При этом цифровая среда не только транслирует ценности, но и создает условия для их переосмысления, что приводит к возникновению новых гибридных форм ценностного сознания.

Таким образом, изучение ценностей в условиях цифровизации требует комплексного подхода, учитывающего как объективные изменения в социальной структуре, так и субъективное восприятие цифровой реальности индивидами. Это позволяет выявить динамику ценностных ориентаций, определить степень их соответствия традиционным установкам и разработать стратегии передачи их следующим поколениям в условиях цифровой трансформации общества.

Целью данной статьи является сравнение ожиданий общества в отношении приверженности традиционным российским ценностям молодежи с реальными данными, полученными в ходе проведенного социологического исследования, и выявление степени соответствия ценностных ориентаций детей и молодежи в возрасте 10–17 лет этим ожиданиям.

Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

1) выявить ценностные ориентации детей и молодежи в возрасте 10–17 лет в условиях цифровизации;

2) сравнить выявленные ценностные ориентации исследуемого поколения с традиционными российскими ценностями, закрепленными в Указе Президента РФ;

3) проанализировать влияние цифровой среды на трансформацию ценностей молодого поколения и выявить возможные противоречия между ожиданиями общества и реальными данными.

Научная новизна исследования заключается в эмпирическом анализе приверженности традиционным российским ценностям молодого поколения в условиях цифровой среды. Впервые на основе данных социологического опроса проводится сравнение ожиданий общества с реальными ценностными ориентациями, что позволяет выявить разрыв между идеальными представлениями о традиционных ценностях и их фактическим воплощением в жизни различных поколений. Данное исследование вносит вклад в понимание динамики ценностных ориентаций в условиях цифровизации.

Объекты и методы исследования

Настоящее исследование было проведено в период в декабре 2023 — январе 2024 гг. с целью анализа приверженности традиционным российским ценностям различных поколенческих когорт в условиях цифровой среды. В рамках исследования были применены количественные и качественные методы сбора и анализа данных, что позволило обеспечить комплексный подход к изучению заявленной

проблематики. Выборка исследования составила 166 респондентов, репрезентирующих детей и подростков в возрасте 10–17 лет. Эта возрастная когорта находится на этапе активной социализации и формирования ценностных ориентаций под влиянием образовательных институтов, сверстников и цифровой среды и является наименее исследованной.

Гендерный состав выборки был сбалансирован, географическое распределение респондентов охватывало различные регионы России, включая крупные города и сельские районы, что позволило учесть региональные особенности в восприятии традиционных ценностей.

Основным методом сбора данных стал онлайн-опрос, проведенный с использованием авторской анкеты, включающей 20 вопросов закрытого, полузакрытого и открытого типов. Анкета была разработана с учетом ключевых аспектов исследования и направлена на выявление ценностных ориентаций респондентов и уровня их цифровой грамотности (частоты использования цифровых технологий, степени вовлеченности в цифровую среду и навыков работы с Интернетом и социальными сетями).

Следует отметить, что анкета также включала в себя вопросы, позволяющие оценить влияние цифровой среды на трансформацию ценностных ориентаций и выявить возможные противоречия между ожиданиями общества и реальными данными.

Для анализа данных были применены следующие критерии:

1) сравнение ценностных ориентаций с традиционными российскими ценностями путем оценки степени приверженности респондентов к ценностям, закрепленным в Указе Президента РФ, и выявления различий в ценностных ориентациях между поколенческими когортами;

2) оценка влияния цифровой среды на трансформацию ценностей путем анализа роли цифровых технологий в изменении способов коммуникации, социализации респондентов, выявления «цифрового разрыва» между поколениями и его влияния на восприятие традиционных ценностей.

Для обработки и анализа данных использовались как количественные, так и качественные методы. Статистическая обработка данных с использованием программного обеспечения (SPSS, Excel) включала расчет процентных соотношений, корреляций и выявление значимых тенденций. Качественный анализ включал в себя интерпретацию открытых вопросов с применением контент-анализа для выявления ключевых тем, связанных с восприятием традиционных ценностей и влиянием цифровой среды.

Результаты

Анализ распределения ответов респондентов на вопрос «Вы считаете себя носителем российских национальных ценностей?» (рис. 1) позволяет выявить характерные особенности ценностных ориентаций детей и подростков (10–17 лет). Результат ответов демонстрирует высокий уровень приверженности традиционным ценностям: 79 % респондентов данной возрастной группы идентифицируют себя носителями национальных ценностей. Однако следует отметить, что 12 %

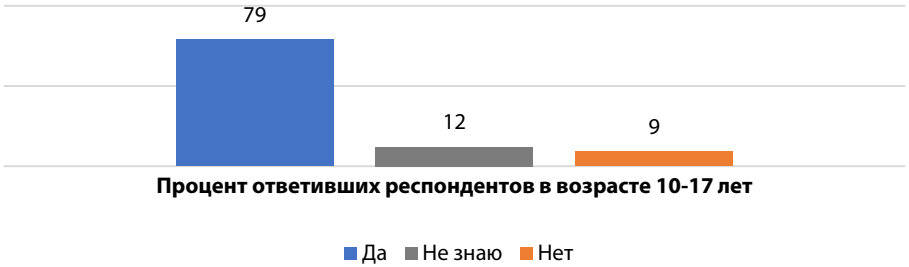

Рис. 1. *Распределение ответов на вопрос «Вы считаете себя носителем российских национальных ценностей?» (% от совокупности опрошенных) (n=166) (источник: сост. автором)*

респондентов этой группы затруднились с ответом; 9 % не разделяют традиционные российские ценности.

Далее был проведен анализ ответов о приверженности ценностям среди детей и молодежи в возрасте 10–17 лет, которые дали утвердительный ответ на вопрос «Вы считаете себя носителем российских национальных ценностей?». Результаты ответов представлены на рисунке 2.

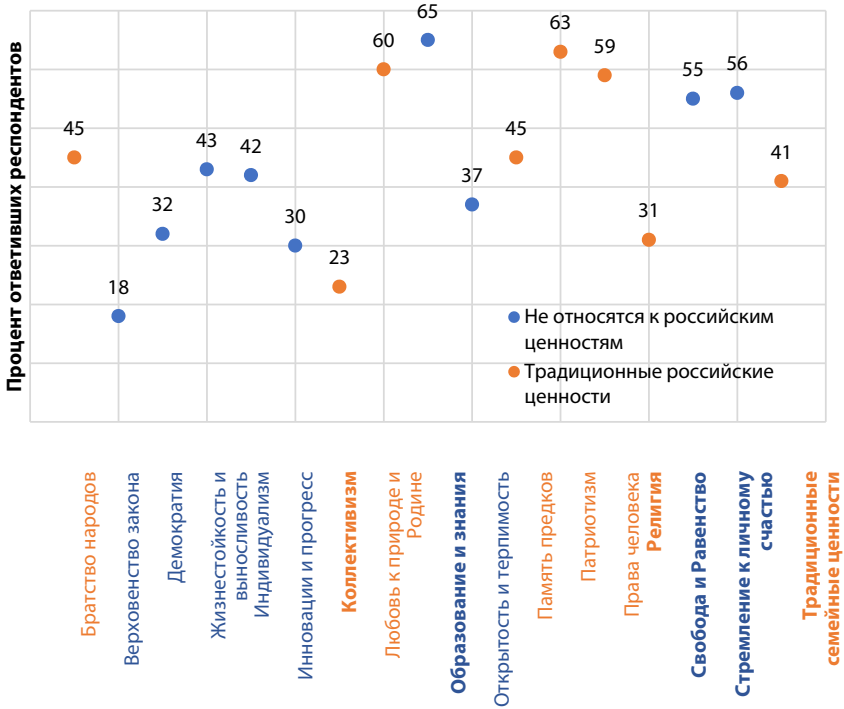

Рис. 2. *Распределение ответов респондентов в возрасте 10–17 лет, которые считают себя носителями традиционных культурных ценностей, на вопрос «Какие ценности из списка ниже Вам близки?» (% от совокупности опрошенных, n=131) (источник: сост. автором)*

Согласно ответам, заметно низкий уровень поддержки получили ценность коллективизма и религии. Эти ценности, закрепленные в Указе Президента РФ (далее — Указ) как один из ключевых элементов национальной идентичности, играющие важную роль в формировании духовно-нравственных ориентиров, демонстрируют слабую приверженность среди респондентов. Такое расхождение может свидетельствовать о снижении среди детей и молодежи значимости общественных интересов в пользу индивидуальных. Это противоречит традиционным социальным установкам, в фокусе внимания которых взаимопомощь и коллективное единство. Традиционные семейные ценности, охватывающие институт семьи и преемственность поколений, поддерживаются на уровне 41 %. То есть меньше половины респондентов в возрасте 10–17 лет, считающих, что они являются носителями традиционных российских ценностей, не разделяют традиционные семейные ценности, хотя вопрос их сохранения в современном российском обществе стоит сегодня крайне остро и находится во внимании не только ученых, но и высшего руководства страны. Поддержка ценности исторической памяти и братства народов выражены на уровне 45 %.

Тем не менее патриотизм и любовь к природе и Родине остаются одними из наиболее поддерживаемых ценностей, уровень приверженности среди опрошенных респондентов составляет 63 % и 60 % соответственно. Этот показатель соответствует приоритету патриотизма и уважения к национальным символам, отраженным в Указе как фундаментальные принципы. Высокая поддержка данных ценностей подтверждает их устойчивость среди молодежи и значимость в формировании гражданской идентичности.

Отметим, что такие принципы, как индивидуализм и стремление к личному счастью, не закрепленные в Указе как традиционные, демонстрируют умеренную или высокую поддержку: 42 % и 56 %. Это расхождение может быть связано с влиянием глобализации и распространением западных культурных ценностей.

Таким образом, результаты нашего исследования показывают, что ценностные ориентации детей и молодежи в возрасте 10–17 лет лишь частично соответствуют традиционным российским ценностям, закрепленным в Указе. При этом наблюдается заметный сдвиг в сторону индивидуализма и установок, ориентированных на личность, что указывает на гибридный характер ценностных ориентиров современной молодежи. Этот гибридизм выражается в сочетании элементов традиционных и современных и / или западных ценностей, что обусловлено влиянием как локального, так и глобального культурного контекста.

С одной стороны, высокая поддержка таких ценностей, как патриотизм и любовь к природе и Родине, свидетельствует о сохранении национальных символов и культурных установок. Мы связываем это с активной их трансляцией через образовательные учреждения и медиа с целью формирования гражданской идентичности. С другой стороны, интерес к таким установкам, как стремление к личному счастью и индивидуализм, говорит о том, что молодежь адаптирует традиционные ценности под влиянием глобальных трендов, пропагандирующих самореализацию, автономию и личную свободу.

Гибридность ценностных ориентаций также проявляется в избирательном отношении молодежи к исторической памяти и идее братства народов. Несмотря

на формальное признание их важности, эти ценности слабо интегрированы в мировоззрение молодых людей в нашей многонациональной стране. Это может быть связано с тем, что исторические и коллективистские установки воспринимаются через призму современных реалий, где доминируют прагматизм и индивидуализм.

Таким образом, ценностные ориентации молодежи представляют собой сложный и многогранный феномен, отражающий взаимодействие традиционного наследия и новых культурных тенденций, формирующихся в условиях цифровой глобализации.

Обсуждение

Современная цифровая среда, являясь глобальным мультикультурным пространством, играет ключевую роль и оказывает значительное влияние на формирование ценностей детей и молодежи в возрасте 10–17 лет. Этим объясняется низкий уровень поддержки среди опрошенных ценностей коллективизма, религии, исторической памяти, братства народов и традиционных семейных ценностей.

Особое внимание хотелось бы уделить демографическим аспектам, которые напрямую связаны с изменением ценностных ориентаций молодежи. Постепенное снижение рождаемости в России продолжается со второй половины 2016 г., за это время она сократилась значительно — на треть (35 %) 1. Этот тренд отражает глубокие изменения в восприятии семьи и материнства среди разных поколений и подтверждается также исследованием, проведенным ВЦИОМ в период с 10 по 17 ноября 2024 г., в котором можно проследить корреляцию между возрастом и отношением к рождению детей. Молодые люди 18–24 лет чаще всего считают текущее время не подходящим для рождения детей (37 %) или остаются нейтральными (37 %). Возрастная когорта 35–44 года показала более сбалансированные ответы: 29 % считают время подходящим для рождения детей, 33 % остаются нейтральными, а 23 % считают его неподходящим.

В первую очередь цифровая среда усиливает индивидуализацию через активное вовлечение детей и молодежи в использование международных социальных платформ. Социальные сети, такие как запрещенный в РФ Instagram, TikTok и YouTube, формируют у молодежи установку на личный успех и самореализацию, подчеркивая важность индивидуальных достижений и создание личного бренда, а также страх «отмены» (Вдовина & Кузнецов, 2023). В таком контексте культура коллективизма, которая традиционно была одним из ключевых элементов российской идентичности, утрачивает свою актуальность. Наше исследование подтверждает, что поколение Z, выросшее в условиях цифровизации, демонстрирует снижение интереса к коллективным ценностям в пользу индивидуализма и личной свободы (Ryasnyanskaya и др., 2022). Коллективные интересы всё чаще уступают место индивидуализму, что объясняет трансформацию ценностных установок в сторону личностно-ориентированных ориентиров. Мы разделяем мысль о том, что «человекоцентричность, прекрасная сама по себе, доведенная до крайности <…>, в выборе главных ценностей — права и свободы личности, может привести к атомизации общества, к его распаду» (Багдасарян, 2024).

[1] Современная демографическая ситуация в России. Аналитический инструмент iMonitoring. https://www.iminfin.ru/news/536-sovremennaya-demograficheskaya-situatsiya-v-rossii (дата обращения: 25.02.2025).

Наблюдаемый сдвиг в сторону индивидуализма может быть связан не только с влиянием цифровой среды, но и с демографическими изменениями в обществе. Снижение уровня рождаемости и откладывание создания семьи среди молодежи старшего возраста (18–30 лет) свидетельствуют о том, что традиционные семейные ценности становятся менее приоритетными в условиях цифровой трансформации. Цифровая среда формирует новую парадигму взгляда на семью, где акцент делается на личную свободу и карьеру. Семья, религия и школа, будучи основными агентами социализации, в наибольшей степени сталкиваются сегодня с вызовами, связанными с активным вовлечением молодежи в цифровую среду.

Увеличение времени, проводимого представителями этой возрастной когорты в Интернете, снижает роль семьи как ключевого агента социализации. Это может объяснять умеренный уровень поддержки традиционных семейных ценностей. Цифровая среда, предоставляя широкий спектр альтернативных форм общения и информации, частично замещает функции семьи, что ослабляет ее влияние на формирование ценностных ориентаций. Наблюдаемый в ходе исследования низкий уровень поддержки религиозных ценностей среди молодежи (31 %) и процесс секуляризации, который активизировала цифровая среда, находят свое подтверждение и в анализе А.В. Дудкиной, которая отмечает наличие противоречий между традиционными духовно-нравственными ценностями и современными вызовами цифровой эпохи. Это особенно заметно в контексте ослабления влияния традиционных религиозных институтов на формирование ценностных ориентаций молодого поколения (Дудкина, 2022). Образовательные же учреждения, несмотря на свои усилия, не всегда успевают интегрировать цифровые технологии в воспитательную работу. Это снижает их эффективность в формировании традиционных ценностей, таких как историческая память и братство народов. В условиях активного воздействия цифровой среды, где информации предоставляется множество, школа утрачивает свою монополию на трансляцию традиционных знаний и ценностей.

Глобализация, сопровождающаяся стиранием границ между культурами, вносит изменения в восприятие национальных и традиционных ценностей. Глобальные платформы, предлагающие универсальный контент, редко учитывают национальные особенности, что снижает интерес молодежи к таким ценностям, как историческая память и братство народов. Молодые люди всё чаще идентифицирует себя с глобальным сообществом, что ослабляет их связь с национальной идентичностью и этническими ценностями.

Кроме того, характерной особенностью цифровой среды является фрагментация информации и внимания, что затрудняет глубокое усвоение традиционных ценностей. Это подтверждают ранее сделанные выводы, что «цифровая среда плохо приспособлена для долгого сложного обсуждения серьезных проблем, ее отличает бессистемность, фрагментарность знания, отсутствие рефлексии, критического и самостоятельного мышления» (Володенков и др., 2023). Избыток информации и ее поверхностное потребление приводит к тому, что у молодежи не формируется системного понимания таких ценностей, как коллективизм и религия, которые требуют длительного и структурированного воспитания. Вместо этого ценности, которые предполагают сложные процессы осмысления

и усвоения, теряют свою актуальность и уступают свое место простым и легко воспринимаемым установкам.

Другим важным фактором является влияние развлекательного контента, который преобладает в цифровой среде. Фильмы, сериалы и видеоблоги зачастую акцентируют внимание на индивидуализме, гедонизме и стремлении к личному счастью. Эти ценности, ярко представленные в популярном контенте, объясняют высокий уровень поддержки индивидуализма (42 %) и стремления к личному счастью (56 %) среди молодежи. В то же время традиционные ценности редко становятся центральной темой в цифровом пространстве, поэтому не являются в фокусе внимания молодого поколения.

Таким образом, цифровая среда формирует новый контекст социализации молодежи, в котором глобализация, информационная фрагментация и доминирование развлекательного контента ослабляют приверженность традиционным ценностям. Эти механизмы требуют переосмысления подходов к популяризации национальных и традиционных ценностей, с учетом особенностей цифровой эпохи. Укрепление исторической памяти, братства народов и других традиционных установок возможно только при активном включении этих тем в образовательные и медийные стратегии, адаптированные под запросы и формат цифровой аудитории.

Современная цифровая среда активно формирует альтернативные источники авторитета, которые часто вступают в противоречие с традиционными ценностями. Молодежь всё чаще ориентируется на блогеров и инфлюенсеров, чья популярность основана на пропаганде индивидуализма, гедонизма и скептицизма в отношении традиционных институтов. Эти цифровые лидеры мнений создают конкурентную среду для таких традиционных источников авторитета, как религиозные институты, которые демонстрируют низкий уровень влияния среди молодежи. Например, поддержка религии составляет всего 31 %, что объясняется не только процессами секуляризации, но и слабым присутствием религиозных лидеров в цифровом пространстве в формате, привлекательном для молодого поколения.

Кризис идентичности, вызванный противоречием между традиционными и современными ценностями, также является важным аспектом влияния цифровой среды на молодежь. Слабая поддержка коллективизма может быть связана также с трудностями формирования устойчивой идентичности, характерными для цифровой эпохи. В условиях постоянного информационного давления и быстро меняющихся трендов молодежь часто оказывается в ситуации, где традиционные ценности воспринимаются как устаревшие и неактуальные. Это особенно заметно в отношении исторической памяти, поддержка которой среди респондентов составляет 45 %. Молодежь может не видеть прямой связи между историческим наследием и своей современной жизнью, что ослабляет ее приверженность этой ценности.

Экономические и социальные изменения, усиливаемые цифровой средой, оказывают дополнительное влияние на ценностные ориентации молодежи. В условиях нестабильности и неопределенности молодежь всё чаще фокусируется на личном благополучии и стремлении к личному счастью.

Изменения в структуре семьи, такие как рост числа разводов, снижение уровня рождаемости и малодетность, также отражаются на уровне поддержки традиционных семейных ценностей, который составляет всего 41 %. Влияние цифровой среды в данном контексте заключается в формировании альтернативных представлений о семейной жизни, которые чаще акцентируют внимание на личной свободе и индивидуализме.

Таким образом, цифровая среда создает многослойные вызовы для приверженности молодежи традиционным ценностям. Альтернативные источники авторитета, кризис идентичности и ускоряющиеся социально-экономические изменения ведут к трансформации ценностных ориентаций, где традиционные установки уступают место индивидуализму, гедонизму и акценту на личное благополучие. Преодоление этих вызовов требует адаптации традиционных институтов к новым условиям цифровой эпохи, а также активной популяризации национальных ценностей через платформы, понятные и доступные для молодежи.

Заключение

Цифровая среда, с одной стороны, расширяет доступ к информации и культурному наследию, с другой — способствует размыванию традиционных ценностей под воздействием глобальных трендов, особенно это заметно среди молодежной аудитории. Исследование выявило значительное влияние цифровой среды на ценностные ориентации детей и молодежи 10–17 лет. Несмотря на высокий уровень идентификации с традиционными российскими ценностями (79 %), наблюдается снижение поддержки таких ключевых принципов, как коллективизм, религия, историческая память и семейные ценности. Это свидетельствует о гибридизации ценностных ориентаций, где традиционные установки сочетаются с индивидуализмом и стремлением к личному счастью. Цифровая среда, предоставляя альтернативные формы социализации, ослабляет роль семьи, религии, образовательных институтов в передаче традиционных ценностей.

Таким образом, цифровая среда оказывает значительное влияние на ценностные ориентации молодежи, способствуя гибридизации традиционных и современных установок. Для сохранения национальной идентичности необходимо адаптировать образовательные и медийные стратегии к новым условиям цифровой эпохи. Дальнейшие исследования могут быть направлены на разработку эффективных механизмов взаимодействия традиционных институтов с цифровой средой для сохранения культурного наследия.

Список источников

Багдасарян, В. Э., Иерусалимский, Ю. Ю., арх. Сильвестр (С. П. Лукашенко). (2024). *Традиционные ценности как основа нового мировоззренческого строительства России.* Ярославль: Шукаев и семья Ярославь, 296.

Вдовина, М. В., Кузнецов, Р. А. (2023). Межпоколенческое взаимодействие и проблема «отмены» ценностей старшего поколения в условиях цифровизации общества. *Социальная политика и социология, 22* (2), 44–49. https://doi.org/10.17922/2071-3665-2023-22-2-44-49. EDN: DQYDTF

Володенков, С. В., Федорченко, С. Н., Печенкин, Н. М. (2023). Влияние цифровой среды на современное мировоззрение: Pro et Contra. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология, 25*(1), 113–133. https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-1-113-133. EDN: QWTETU

Дудкина, А. В. (2022). Традиционные ценности российского общества в цифровую эпоху. *Гуманитарный вектор, 17*(4), 83–92. https://doi.org/10.21209/1996-7853-2022-17-4-83-92. EDN: XJBZMR

Лапин, Н. И. (2011). Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации. *Социологические исследования, 9,* 3–18. EDN: OGBDOV

Леонтьев, Д. А. (1998). Ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании: виды, детерминанты, изменения во времени. *Психологическое обозрение, 1,* 13–25.

Тугаринов, В. П. (1988). *Избранные философские труды*. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 343.

Фомичева, Т. В. (2012). К определению понятия «ценности»: социолого-исторический аспект. *Ученые записки РГСУ, 7*(107), 63–71. EDN: PUAKFJ

Чуранов, Е. (2024). Статистика интернета и соцсетей на 2024 год — цифры и тренды в мире и в России. *Web-Canape*. https://www.web-canape.ru/business/statistika-interneta-i-socsetej-na-2024-v-mire-i-v-rossii/ (дата обращения: 20.01.2025).

Ryasnyanskaya, N. A., Balakireva, L. M., Kravchenko, N. N., Makarova, E. V. (2022). Russian society in the context of digitalization: Problems and prospects for development. *In Business 4.0 as a Subject of the Digital Economy. Advances in Science, Technology & Innovation* (pp. 1179–1183). Springer Cham, 1223 https://doi.org/10.1007/978-3-030-90324-4_196

Schwab, K. (2016). *The Fourth Industrial Revolution*. Switzerland: Geneva,172. https://law.unimelb.edu.au/__data/assets/pdf_file/0005/3385454/Schwab-The_Fourth_Industrial_Revolution_Klaus_S.pdf (дата обращения: 02.01.2025).

References

Bagdasarjan, V. E., Ierusalimskij, Y. Y., arch. Silvestr (Lukashenko S. P.) (2024). *Traditsionnye tsennosti kak osnova novogo mirovozzrencheskogo stroitelstva Rossii [Traditional values as the basis of new worldview construction in Russia]*. Yaroslavl: Shukaev and the Yaroslav family, 296. (In Russ.)

Churanov, E. (2022). Statistika interneta i sotsetej na 2024 god — tsifry i trendy v mire i v Rossii [Internet and social media statistics for 2024 — Figures and trends in the world and in Russia]. *Web-Canape*. https://www.web-canape.ru/business/statistika-interneta-i-socsetej-na-2024-v-mire-i-v-rossii/ (accessed: 20.01.2025). (In Russ.)

Dudkina, A. V. (2022). Traditional values of Russian society in the digital age. *Gumanitarnyj vektor [Humanitarian vector], 17*(4), 83–92. https://doi.org/10.21209/1996-7853-2022-17-4-83-92. EDN: XJBZMR (In Russ.)

Fomicheva, T. V. (2012). Definition of the concept of «value»: sociological and historical aspects. *Uchenye zapiski RGSU [RSSU Academic Notes], 7*(107), 63–71. EDN: PUAKFJ (In Russ.)

Lapin, N. I. (2011). Social cultural factors for Russian stagnation and modernization. *Sotsiologic heskie issledovaniya, 9,* 3–18. EDN: OGBDOV (In Russ.)

Leontiev, D. A. (1998). Value representations in individual and group consciousness: Types, determinants, changes over time. *Psikhologicheskoe obozrenie [Psychological Review], 1,* 13–25. (In Russ.)

Ryasnyanskaya, N. A., Balakireva, L. M., Kravchenko, N. N., Makarova, E. V. (2022). Russian society in the context of digitalization: Problems and prospects for development. In *Business 4.0 as a Subject of the Digital Economy. Advances in Science, Technology & Innovation* (pp. 1179–1183). Springer Cham, 1223 https://doi.org/10.1007/978-3-030-90324-4_196

Schwab, K. (2016). *The Fourth Industrial Revolution*. Switzerland: Geneva, 172. https://law.unimelb.edu.au/__data/assets/pdf_file/0005/3385454/Schwab-The_Fourth_Industrial_Revolution_Klaus_S.pdf (accessed: 02.01.2025).

Tugarinov, V. P. (1988). *Izbrannye filosofskie Trudy [Selected philosophical works]*. Leningrad: Leningrad State University Press, 343. (In Russ.)

Vdovina, M. V., Kuznetsov, R. A. (2023). Intergenerational interaction and the problem of the "abolition" of the values of the older generation in the conditions of digitalization of society. *Sotsialnaya politika i sotsiologiya [Social Policy and Sociology], 22* (2), 44–49. https://doi.org/10.17922/2071-3665-2023-22-2-44-49. EDN: DQYDTF (In Russ.)

Volodenkov, S. V., Fedorchenko, S. N., Pechenkin, N. M. (2023). Influence of the digital environment on the contemporary worldview: pro et contra. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya [RUDN Journal of Political Science], 25* (1), 113–133. https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-1-113-133. EDN: QWTETU (In Russ.)

Кузнецов Руслан Анатольевич — аспирант кафедры социологии, этнографии и социометрии, Российский государственный социальный университет; https://orcid.org/0009-0006-2828-7922 (Российская Федерация, 129226, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4; e-mail: kra2036@yandex.ru).

Ruslan A. Kuznetsov — Postgraduate Student of the Department of Sociology, Ethnography and Sociometry, Russian State Social University; https://orcid.org/0009-0006-2828-7922 (4, Vilgelma Pika St., Moscow, 129226, Russian Federation, e-mail: kra2036@yandex.ru).

УДК 314.1
JEL classification: J14
https://www.doi.org/10.17059/udf-2025-4-6

Перенниалы: поколение next[1]

Т. В. Куприна
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Российская Федерация).
http://orcid.org/0000-0002-8184-2490
Автор для корреспонденции: Т. В. Куприна (tvkuprina@mail.ru).

Аннотация. *В статье представлена проблема межпоколенческого перехода и появление нового поколения перенниалов — людей, не соответствующих своему биологическому возрасту, продолжающих трудовую деятельность и ведущих активный образ жизни, что связано с чувством субъективного благополучия. Доказывается, что серебряная экономика имеет большой потенциал, снижая давление на демографическую ситуацию. Обобщаются экспериментальные данные, доказывающие, что развитие жизненно значимых функций может происходить в любом возрасте (способность к обучению, взвешенность решений, эмоциональная устойчивость, творческие способности, эмпатия и другое).*

Ключевые слова: перенниалы; серебряная экономика; серебряный возраст; субъективное благополучие; межпоколенческий переход

Perennials: Generation Next

T. Kuprina
Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation).
http://orcid.org/0000-0002-8184-2490
Corresponding author: T. Kuprina (tvkuprina@mail.ru).

Abstract. *The article presents the problem of intergenerational transition and the emergence of a new generation of perennials, people who do not match their biological age, who continue working and leading an active lifestyle. The phenomenon is associated with a sense of subjective well-being. It is proved that the Silver Economy has great potential, reducing the pressure on the demographic situation. There summarized experimental data, proving that the development of vital functions can happen at any age (learning ability, balanced decisions, emotional stability, creativity, empathy, etc.).*

Keywords: perennials; silver economy; silver age; subjective well-being; intergenerational transition

Введение

Современные условия жизни меняют не только окружающую среду, но и людей, населяющих ее. Учитывая демографическую ситуацию во многих странах мира, уменьшение рождаемости, увеличение продолжительности жизни, а вместе с тем и старение населения, необходимо принимать во внимание особенности и возможности старшего поколения.

По данным Всемирной Организации Здравоохранения, к 2050 г. население старше 65 удвоится. Следовательно, речь может идти о сохранении

[1] © Куприна Т. В. Текст. 2025.

как физического, так и ментального благополучия, включающего позитивные эмоции, сохранение когнитивных функций и чувство значимости в социальной жизни (Helliwell et al., 2024).

В настоящее время вышеуказанными проблемами занимаются эксперты и исследователи в области социологии, геронтологии, демографии и других областей знания. Всё активное население старшего возраста стремится понять и, соответственно, реализовать свои физические и умственные возможности, часто вопреки укоренившимся стереотипам восприятия их как отживший, отработавший и ни к чему не пригодный балласт для общества.

В то же время, как отмечает В. Яковлев, цивилизацией создана богатая культура физических и ментальных техник, позволяющих поддерживать себя в форме в старшем возрасте. И с точки зрения бизнеса люди за 60 — вполне платежеспособная и перспективная аудитория. Рынок услуг для этой аудитории должен быть не меньше, чем рынок услуг и развлечений для детей. Однако в современной культуре нет представления о возрасте за 60 как о полноценном, значимом этапе человеческой жизни (Яковлев, 2013).

Следует учитывать и новое направление экономического развития, а именно, экономику знаний. Старшее поколение в этом плане является богатейшим носителем профессиональных знаний и жизненного опыта. По данным японских исследователей И. Нонака и Х. Такеучи, необходимо видеть экономический эффект в неформализованном знании. Важно научиться понимать ценность того, что остается скрытым, неоднозначным. Они указывают, что в 1990-х гг., например, в американских компаниях проводились обширные сокращения за счет увольнения пожилых сотрудников, которые унесли с собой те самые невысказанные идеи, неформальный опыт, оставив в компаниях определенный вакуум. Позже приходилось принимать их на работу вновь, в качестве консультантов (Нонака & Такеучи, 2011).

Таким образом, возникает проблема переосмысления возрастной стереотипизации. В условиях демографического дисбаланса выявление ресурсов и возможностей старшего поколения могло бы помочь сохранить устойчивость на рынке труда и в экономике, в целом.

Основная часть

Возможности Серебряной экономики

Увеличение доли людей старшего возраста по всему миру оказывает существенное влияние на различные экономические секторы, следовательно, необходимо учитывать потребности и возможности данной категории социума.

В частности, увеличение доли старшего поколения и размер его дохода становятся особенно значимыми в контексте потребительского кризиса. Старшее поколение теперь рассматривается не как угроза дополнительных социальных расходов, а как источник большей коммерческой возможности, основанной на стабильном доходе, уровне сбережений и особых видов потребностей. Серебряная экономика (Silver Economy) всё еще недооценивается во многих странах, особенно с потенциально высоким спросом. Внедрение серебряной экономики могло бы помочь

повышению качества жизни старшего поколения, инициировать создание новых рабочих мест и способствовать поддержке экономического роста (Páleník, 2015).

В немногочисленных исследованиях в области серебряной экономики осуществляется экономическая оценка увеличения населения старшего возраста, в частности, принимается во внимание покупательская способность, сбережения, потребление, новые возможности для инноваций и предоставления товаров и услуг. Это может повлиять на уровень спроса, потребительских расходов и привести к изменениям в структуре производства и занятости в различных секторах экономики.

Наиболее возрастным считается европейское население. Однако в настоящее время страны и других континентов сталкиваются с демографическим переходом. К 2050 г. доля возрастного населения в Восточной Азии будет выше европейского уровня. Более того, уже половина старшего поколения (более 65 лет) проживает в Азии. Предполагается, что в будущем с самым многочисленным старшим поколением будут такие страны, как Китай, Индия, США, Индонезия и Бразилия. Данные о многочисленности старшего поколения, экономической стабильности стран (покупательская способность и уровень жизни), открытости экономики (доля в мировой торговле) создают основу для оценки потенциального спроса на «серебряное» производство. Экономика стран БРИКС признается как имеющая наибольший потенциал для «серебряного» рынка, учитывая высокий рост ВВП и уровня экспорта и импорта (Páleník, 2015).

Предполагается, что повысится спрос старшего поколения на различные виды органических и диетических продуктов, поддерживающих здоровье и предупреждающих заболевания (особенно телемедицина и телеуход — *telemedicine and telecare*); транспортные услуги; непрерывное обучение (университеты третьего возраста — *universities of the third age*); услуги ресторанов и отелей; рекреационные, финансовые и страховые услуги.

Важным выводом исследований является подтверждение межпоколенческого перехода от молодых домохозяйств к страшим, что выводит на первый план важность проблемы межпоколенческой солидарности.

Следовательно, необходимо обратить внимание на новую оценку возраста, возрастных характеристик и возможностей. Речь идет о новой возрастной категории — перенниалах. Термин «перенниалы» был введен Джин Пелл в 2016 г., обозначившей новый образ мышления вне возраста.

Перенниалы (англ. *perennials*) — категория людей, чей ментальный возраст не соответствует их биологическому, стремящихся выйти за рамки возрастных стереотипов, используя преимущества своего возраста и оставаясь активными[1].

Понятие «перенниалы» включает в себя людей разных возрастов, интересующихся происходящим в мире, разбирающихся в технологиях, взаимодействующих с разными возрастными группами. Они активны, креативны, уверены в себе, делятся своим опытом, являются наставниками других. В данной ситуации наступление пенсионного возраста не означает завершение, например, профессиональной деятельности, т. к. люди серебряного возраста остаются социально активными и востребованными.

[1] Социологи рассказали о новом поколении без возраста. Кто такие перенниалы. https://dzen.ru/a/ZwzU_MoIlSjYX7vE (дата обращения: 12.01.2025).

Социолог М. Гильен указывает, что активность не определяется возрастом, молодое поколение больше стремится к социальному развитию, а не только профессиональному; люди могут менять сферу деятельности и в старшем возрасте; разные поколения учатся в одних группах онлайн; старшее поколение продолжает работать. Ученый приходит к выводу, что происходит смещение в сторону старшего поколения: рабочая сила, потребление, социальное и политическое влияние[1].

С другой стороны, концепт «оставаться моложе» больше относится к внутреннему самоощущению, что связано с чувством субъективного благополучия. Оценка субъективного благополучия описывает, как люди определяют свое положение в жизни, а также различные виды их деятельности, что может помочь контролировать как экономические, так и социальные условия жизни (Dolan et al., 2013). Субъективное благополучие также связано с эмоциональным состоянием, чувством осмысленности жизни, позитивными и негативными переживаниями (Panek & Zwierzchowski, 2023). Существуют различные параметры, характеризующие субъективное благополучие. Некоторые исследования показывают сильную взаимосвязь с демографическими переменными.

Результаты крупных популяционных опросов выявили U-образную связь между субъективным благополучием и возрастом. Доказывается, что субъективное благополучие выше у молодых и пожилых людей и ниже у людей между этими возрастными группами. (Clark, 2019). Уровень образования может дать преимущества не только на рынке труда, но и в состоянии здоровья, более высоком статусе и самооценке (McMahon, 2017). Наибольшее влияние на субъективное благополучие оказывают межличностные отношения (семья, друзья и др.), среда проживания, общественные институты (Godefroy & Lollivier, 2014).

Доказано, что люди в 80–90 лет, активно общающиеся с более молодым поколением, живут дольше. Лучший способ достигнуть межпоколенческого взаимопонимания — изменить последовательную жизненную модель (обучение — трудовая деятельность — выход на пенсию). Например, многие люди старшего поколения продолжают работать, что может снизить налоговую нагрузку на более молодых. В то же время повышается возможность межпоколенческого общения и сотрудничества на рабочем месте. Постоянное обучение чему-то новому также повышает взаимодействие между поколениями и повышает уровень субъективного благополучия.

Обобщая экспериментальные данные различных исследований, можно выделить главные особенности старшего поколения (Kozlova & Kuprina, 2014):

1) с возрастом взаимодействие нейронов мозга улучшается, что способствует обучению и в старшем возрасте, сосредотачивая внимание на конкретном материале и выбирая подходящие стратегии обучения;

2) принятие решений с возрастом более взвешенное и ориентировано на долгосрочную перспективу;

3) повышена эмоциональная устойчивость, т. к. она связана с развитием эмоционального интеллекта (EQ), т. е. умением управлять эмоциями и избегать конфликтных ситуаций:

[1] Там же.

4) реакция на критику с возрастом менее острая, что связано с развитым EQ;

5) по данным исследований, многие люди старше 65 лет чувствуют себя моложе своих лет;

6) творческие способности у людей старшего возраста часто демонстрируют нестандартный и инновационный подход к решению задач, ориентируясь на потребности окружающих;

7) исследования показывают, что уровень счастья начинает расти после 55 лет и с увеличением возраста процент людей, считающих себя счастливыми, увеличивается;

8) с возрастом снижается уровень эгоцентричности. Прежде всего, с возрастом усиливается чувство эмпатии: людям легче понимать других. Двадцатилетние, генерируя идеи, чаще исходят из собственных нужд. Зрелый мозг лучше может связать потребности других и собственные;

9) повышена способность к иностранным языкам. С возрастом мозг лучше понимает грамматические и словообразовательные конструкции, а жизненный опыт и мотивация помогают прогрессировать быстрее. То, что раньше принимали за неспособность людей старшего поколения учиться, на самом деле просто следствие использования неподходящих для этой аудитории учебных материалов: их надо приспосабливать к возрастным особенностям зрения и слуха;

10) человек способен сохранить хорошую память, несмотря на возраст. Если на начальном этапе тестирования молодые показывают лучшие результаты, то после того, как со старшей группой проведены тренинги по улучшению памяти, она показывает такие же хорошие результаты, что и молодая.

Заключение

В настоящее время размываются возрастные границы, профессиональная деятельность и активный образ жизни не заканчиваются по достижении пенсионного возраста, т. к. уровень субъективного благополучия у всех различный. Появилось поколение перенниалов, не соответствующих своему биологическому возрасту, продолжающих профессиональную деятельность, ведущих активный образ жизни и имеющих свои преимущества. Однако в обществе существенно недооценивается потенциал серебряного возраста и возможности серебряной экономики, которые могли бы способствовать улучшению демографической ситуации, снижая нагрузку на молодое поколение.

Можно согласиться с исследованиями МГУ им. М.В. Ломоносова и РАН, что сформировать позитивное восприятие серебряного возраста помогут меры социальной политики: возможность продолжения профессиональной деятельности без понижения в должности, активное участие в общественной жизни, мониторинг здоровья населения.

Перспективным исследованием могло бы стать выявление максимального потенциала серебряного поколения перенниалов.

Список источников

Нонака, И., Такеучи, Х. (2011). *Компания — создатель знания. Зарождение и развитие инноваций в японских фирмах.* Москва: ЗАО «Олимп-Бизнес», 384.

Яковлев, В. (2013). *Возраст счастья. Что общего у тех, кто живет долго и счастливо?* Москва: Манн, Иванов и Фербер, 336.

Clark, A. (2019). Born to be mild? Cohort effects don't (fully) explain why well-being is U-shaped in age. (pp. 387–408). In *The Economics of Happiness,* Switzerland: Springer Cham, 481. http://doi.org/10.1007/978-3-030-15835-4_17

Dolan, P., Kavetsos, G., Tsuchiya, A. (2013). Sick but satisfied: The impact of life and health satisfaction on choice between health scenarios. *Journal of Health Economics, 32*(4), 708–714. http://doi.org/10.1016/j.jhealeco.2013.04.002

Godefroy, P., Lollivier, S. (2014). Satisfaction and quality of life. *Économie et Statistiques, 469–470,* 199–232. http://doi.org/10.3406/estat.2014.10427

Helliwell, J. F., Layard, R., Sachs, J. D., De Neve, J.-E., Aknin, L. B., Wang, S. (2024). *World Happiness Report 2024.* University of Oxford: Wellbeing Research Centre, 158.

Kozlova, O. A., Kuprina, T. V. (2014). Working (Labor) and Creative Potential of the Seniors of Russia and Other Countries: Problems and Strategies to Use the Potential of Seniors. In *Life perspectives, meaning of life, satisfaction and social saturation of seniors living in Slovakia and abroad. [Collection of scientific works]* (pp. 130–145). Slovakia: Presov University, 267.

McMahon, W. (2017). *Higher learning, greater good: The private and social benefits of higher education.* Baltimore: Johns Hopkins University Press. https://www.researchgate.net/publication/318113728_Higher_Learning_Greater_Good_The_Private_and_Social_Benefits_of_Higher_Education (дата обращения: 12.01.2025).

Páleník, V. (2015). *Potential of the Silver Economy in an Ageing Europe dealing with an Ongoing Debt Crisis and Problems in the Labour.* Serbia: Srbsko razvojno udruženje Bački Petrovac, 136.

Panek, T., Zwierzchowski, J. (2023). *Subjective Well-Being in European Union Countries*. Warsaw: Warsaw School of Economics, 108.

References

Nonaka, I., Takeuchi, H. (2011). *Kompaniya — sozdatel' znaniya. Zarozhdeniye i razvitiye innovatsiy v yaponskikh firmakh [The Company as a Creator of Knowledge. The Birth and Development of Innovations in Japanese Firms]*. Moscow: ZAO Olimp-Business, 384. (In Russ.)

Yakovlev, V. (2013). *Vozrast schast'ya. Chto obshchego u tekh, kto zhivet dolgo i schastlivo? [The Age of Happiness. What Do Those Who Live Long and Happily Ever After Have in Common?]*. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, 336. (In Russ.)

Clark, A. (2019). Born to be mild? Cohort effects don't (fully) explain why well-being is U-shaped in age. (pp. 387–408). In *The Economics of Happiness,* Switzerland: Springer Cham, 481. http://doi.org/10.1007/978-3-030-15835-4_17

Dolan, P., Kavetsos, G., Tsuchiya, A. (2013). Sick but satisfied: The impact of life and health satisfaction on choice between health scenarios. *Journal of Health Economics, 32*(4), 708–714. http://doi.org/10.1016/j.jhealeco.2013.04.002

Godefroy, P., Lollivier, S. (2014). Satisfaction and quality of life. *Économie et Statistiques, 469–470,* 199–232 http://doi.org/10.3406/estat.2014.10427

Helliwell, J. F., Layard, R., Sachs, J. D., De Neve, J.-E., Aknin, L. B., Wang, S. (2024). *World Happiness Report 2024.* University of Oxford: Wellbeing Research Centre, 158.

Kozlova, O. A., Kuprina, T. V. (2014). Working (Labor) and Creative Potential of the Seniors of Russia and Other Countries: Problems and Strategies to Use the Potential of Seniors. In *Life perspectives, meaning of life, satisfaction and social saturation of seniors living in Slovakia and abroad. [Collection of scientific works]* (pp. 130–145). Slovakia: Presov University, 267.

McMahon, W. (2017). *Higher learning, greater good: The private and social benefits of higher education.* Baltimore: Johns Hopkins University Press. https://www.researchgate.net/publication/318113728_Higher_Learning_Greater_Good_The_Private_and_Social_Benefits_of_Higher_Education (дата обращения: 12.01.2025).

Páleník, V. (2015). *Potential of the Silver Economy in an Ageing Europe dealing with an Ongoing Debt Crisis and Problems in the Labour.* Serbia: Srbsko razvojno udruženje Bački Petrovac, 136.

Panek, T., Zwierzchowski, J. (2023). *Subjective Well-Being in European Union Countries*. Warsaw: Warsaw School of Economics, 108.

Куприна Тамара Владимировна — кандидат педагогических наук, доцент, кафедра иностранных языков и перевода, кафедра международной экономики и менеджмента, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; http://orcid.org/0000-0002-8184-2490 (Российская Федерация, 620002 г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19; e-mail: tvkuprina@mail.ru).

Tamara V. Kuprina — CandSc. (Pedagogy), Associate Professor, Associate Professor, Department of Foreign Languages and Translation and Department of International Economics and Management, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin. http://orcid.org/ 0000-0002-8184-2490 (19, Mira St., Yekaterinburg, Russian Federation, 620002; e-mail: tvkuprina@mail.ru).

УДК 308
JEL classification: J13
https://www.doi.org/10.17059/udf-2025-4-7

Одиночество как результат скрытого социального сиротства: анализ влияния отсутствия поддержки со стороны социума[1]

К. В. Молодец

Приднестровский государственный университет имени Т. Г. Шевченко
(г. Тирасполь, Приднестровская Молдавская Республика).

https://orcid.org/0009-0004-2049-5386

Автор для корреспонденции: К. В. Молодец (Mir.1010@mail.ru).

Аннотация. *В данной статье подчеркивается, как недостаток социальных связей может привести к усилению одиночества и изоляции и способствовать воспроизводству феномена скрытого социального сиротства. Скрытое социальное сиротство характеризуется ситуацией, когда ребенок находится в окружении людей, но испытывает глубокое чувство отсутствия значимых отношений и поддержки. Автор дает социологическую интерпретацию данным опроса, проведенного в апреле 2024 года в рамках научно-исследовательской работы (К.В. Молодец) при кафедре социологии и социальных технологий Института государственного управления и социально-гуманитарных наук ПГУ имени Т.Г. Шевченко. Представленные результаты помогут не только диагностировать уровень социального взаимодействия респондентов, но и понять механизмы, способствующие возникновению одиночества в современном приднестровском обществе, а также разработать более целенаправленные и эффективные стратегии поддержки детей в Приднестровье, испытывающих одиночество. Результаты анализа будут представлять интерес для специалистов в области социальных наук, поскольку понимание скрытого социального сиротства может повлиять на разработку программ, направленных на развитие социальных связей и вовлечение граждан в активное общественное взаимодействие.*

Ключевые слова: скрытое социальное сиротство; одиночество; семья; социальная работа; государственная социальная поддержка

Loneliness as a Result of Hidden Social Orphanhood: an Analysis of the Impact of Lack of Social Support

K. Molodec

Shevchenko Pridnestrovian State University (Tiraspol, Pridnestrovie).

https://orcid.org/0009-0004-2049-5386

Corresponding author: K. Molodets (Mir.1010@mail.ru).

Abstract. *This article highlights how a lack of social connections can lead to increased loneliness and isolation and contribute to the reproduction of the phenomenon of hidden social orphanhood. Hidden social orphanhood is characterized by a situation when a child is surrounded by people, but experiences a deep sense of lack of meaningful relationships and support. The author provides a sociological interpretation of the data of a survey conducted in April 2024 as part of research work (K.V. Molodetc) at the Department of Sociology and Social Technologies of the Institute of Public Administration and Social Sciences and Humanities of PSU named after T.G. Shevchenko. The presented results will help not only to diagnose the level of social interaction of respondents, but also to understand the mechanisms that contribute to the emergence of loneliness in modern Pridnestrovian society. The results of the study will help to develop more*

[1] © Молодец К. В. Текст. 2025.

targeted and effective strategies to support children in Pridnestrovian experiencing loneliness. The results of the analysis will be of interest to social scientists, since understanding hidden social orphanhood can influence the development of programs aimed at developing social connections and involving citizens in active social interaction.

Keywords: hidden social orphanhood; loneliness; family; social work; state social support

Введение

В условиях экономических трудностей и миграции населения Приднестровья проблема одиночества и социального сиротства становится особенно актуальной. В исследованиях А.Н. Оставной, проведенных до 2015 г., рассматриваются причины миграции населения Приднестровья. По ее данным, миграция населения Приднестровья в значительной степени обусловлена экономическими факторами: 60,8 % назвали основной причиной трудное материальное положение. Среди других значимых факторов трудности с трудоустройством (52,0 %), задержка выплаты заработной платы (26,5 %) и снижение доходов (21,6 %). Социально-политические факторы также вносят свой вклад, включая отсутствие жизненных перспектив (52,9 %), политический кризис (18,6 %) и апатию (8,8 %) (Оставная, 2015). Одиночество среди несовершеннолетних в Приднестровье зачастую связано с состоянием социальной изоляции, когда дети ограничены в контактах с окружающими. Социальное сиротство в Приднестровье характеризует ситуацию, когда дети находятся без родительского ухода, но не зарегистрированы как сироты 1. Известно, что социальное сиротство относится к детям, чьи родители по различным причинам не могут выполнять свои родительские функции. Причинами социального сиротства в Приднестровье могут быть экономические трудности, отсутствие социальной поддержки и низкий уровень жизни семей, также алкоголизмом, уголовная ответственность родителей и другие обстоятельства могут служить трамплином к распространению явления скрытого социального сиротства. Данные проявления способствуют ухудшению условий жизни детей, недостатку внимания и заботы, что создает риски для их дальнейшей социализации и социально-психологического здоровья.

Так, в 2023 г. за неисполнение родителями или лицами, их заменяющими, обязанностей по воспитанию и содержанию несовершеннолетних (статья 5.59 КоАП ПМР) к административной ответственности было привлечено 1349 чел.2 Следует отметить, что количество таких нарушений из года в год остается высоким. В частности, в 2022 г. количество привлеченных лиц за указанное правонарушение составило 1326 чел., а в 2021 г. — 1404 чел. С конвенциональной позиции Е.М. Боковой, одиночество как результат скрытого социального сиротства можно рассматривать как следствие деформации социальных связей и недостаточной интеграции личности в общественное пространство. В условиях, когда общественные институты не обеспечивают должного уровня взаимодействия между гражданами, возникает ситуация, когда индивиды оказываются изолированными

[1] Социальное сиротство: В Приднестровье изменён порядок выявления неблагополучных семей (2024). https://novostipmr.com/ru/news/24-05-20/socialnoe-sirotstvo-v-pridnestrove-izmenyon-poryadok-vyyavleniya (дата обращения: 20.05.2024).

[2] Дети — главная ценность каждой семьи и государства (2024). https://prokuror-pmr.org/deti-glavnaya-czennost-kazhdoj-semi-i-gosudarstva/ (дата обращения: 20.12.2024).

и не могут реализовать свой потенциал. Социальная конвенциональность, с которой связаны нормы и ценности общества, становится непроницаемой для значительной части населения, что усиливает чувство одиночества и безысходности.

Обзор литературы

Ключевым аспектом методологической проблематики является необходимость анализа социального контекста, в котором развиваются отношения между людьми. Исследование должно учитывать не только индивидуальные характеристики личности, но и культурные, исторические и экономические условия, в которых она находится. С точки зрения методологии конвенционализма предполагается комплексность анализа феномена скрытого социального сиротства, что позволяет более глубоко понять механизмы взаимодействия в обществе и их влияние на субъективное восприятие одиночества.

Применение концептуального подхода Е.М. Бобковой открывает новые горизонты для изучения явления скрытого социального сиротства. Это позволяет не только выявить его причины, но и осмыслить пути преодоления социальной изоляции, что является важным шагом к формированию более гармоничного и устойчивого общества (Бобкова, 2018).

В последние годы актуализировались исследования, посвященные социальному сиротству, его причинам и возможным путям решения данной проблемы. Одним из значимых подходов является формирование ответственного родительства, как рассматривается в работе А.М. Спивак. Автор подчеркивает важность внедрения эффективных практик поддержки детей и их семей, что позволяет создать более благоприятную среду для роста и развития подопечных (Спивак, 2022).

А.В. Акимова обращает внимание на патронатное воспитание, анализируя существующие формы устройства детей в Российской Федерации. В своей работе она выделяет позитивную динамику патронатного воспитания, особенно на примере Самарской области, где активно реализуются новые направления социальной политики, направленные на поддержку семей (Акимова, 2021).

Э.Р. Гафарова и Е.Б. Архипова акцентируют внимание на современных методах привлечения ресурсов в некоммерческом секторе через интеллектуальное волонтерство и онлайн-платформы. Их исследование позволяет понять, как эти инструменты могут способствовать более эффективному решению задач социального обслуживания, обеспечивая взаимодействие между различными участниками (Гафарова & Архипова, 2021).

В своей работе М.Д. Мельситов подчеркивает, что одиночество становится особенно заметным в социальном контексте, которое характеризуется отсутствием стабильных межличностных связей. Социальное сиротство в свою очередь возникает в результате глобализации, миграции и изменений в структуре семей, что приводит к ослаблению традиционных ценностей. Люди начинают чувствовать себя изолированными от общества, теряя прежние ориентиры и поддержку. Распространение одиночества связано с дефицитом социальных коммуникаций, когда личные отношения уступают место виртуальным контактам. Интенсивное развитие технологий не только создает иллюзию взаимодействия, но и углубляет чувство отстраненности (Мельситов, 2017). В таком контексте одиночество

становится способом внутренней защиты, позволяя индивиду и социальной группе избегать стресса, связанного с постоянными изменениями окружающего мира. Социальное сиротство и одиночество взаимосвязаны. Одно явление усиливает другое. Создание сообществ, основанных на доверии и эмпатии, позволит людям лучше адаптироваться к изменяющимся условиям жизни, снижая тем самым уровень одиночества в обществе.

Работы указанных исследователей подчеркивают необходимость комплексного подхода к решению проблем, связанных с социальным сиротством, и представляют собой важный вклад в развитие социального обслуживания в современном обществе.

Результаты

В апреле 2024 г. в рамках научно-исследовательской работы (Молодец, 2024) при кафедре социологии и социальных технологий Института государственного управления и социально-гуманитарных наук ПГУ им. Т.Г. Шевченко был проведен социологический опрос среди несовершеннолетних детей Приднестровья. Социологическое исследование не имело дополнительного финансирования и осуществлялось в качестве научно-исследовательского поиска в рамках диссертационной работы старшего преподавателя кафедры социологии и социальных технологий Института государственного управления и социально-гуманитарных наук ПГУ им. Т.Г. Шевченко К.В. Молодец.

Для исследования влияния одиночества среди несовершеннолетних (14–17 лет) на проявление феномена скрытого социального сиротства в Приднестровье была определена выборка респондентов.

Важными критериями выборки стали:

1) возраст: респонденты в возрасте 14–17 лет для учета переходного возраста и особенностей социального развития;

2) социальный статус: включил как детей из полных семей, так и из неполных или неблагополучных семей, а также тех, кто находится в социальных учреждениях;

3) географическое положение: выборка включила респондентов из различных районов республики (город, сельская местность) для учета культурных и социальных факторов;

4) метод отбора: был осуществлен целенаправленный отбор респондентов через образовательные учреждения, социальные службы и организации, работающие с молодежью в Приднестровье.

Размер выборки составил 384 респондента. Выборка являлась кластерной и представила широкий спектр жизненных обстоятельств, что позволило получить комплексные данные о феноменах одиночества и социального сиротства.

Полученные данные социологического исследования показали следующие результаты.

Скрытое социальное сиротство в Приднестровье проявляется в трагической тенденции, связанной с чувством одиночества среди различных возрастных групп. Согласно опросу, 45,2 % респондентов никогда не задумываются об одиночестве, что может свидетельствовать о нормализации этого состояния как части повседневной реальности. Тем не менее значительная доля населения (17,8 %)

осознает его всего лишь раз в несколько месяцев и 15,1 % — раз в несколько недель. Данные указывают на циклический характер переживаний одиночества, которое всё же проникает в жизнь людей, но не является доминирующим.

С другой стороны, 11 % опрошенных задумываются о своем одиночестве несколько раз в неделю, и еще 11 % — несколько раз в день. Представленные цифры подчеркивают, что существует значительная группа, которая испытывает острое чувство изоляции, что может свидетельствовать о глубоком эмоциональном кризисе в обществе. В условиях ограниченных ресурсов и нестабильной социальной среды Приднестровья такие переживания становятся особенно актуальными, формируя контекст скрытого социального сиротства, когда индивидуумы ощущают себя оставленными наедине с собственными «внутренними демонами», что требует внимательного социологического анализа и адресных решений (рис. 1).

Скрытое социальное сиротство у несовершеннолетних представляет собой сложный феномен, отражающий отсутствие эмоциональной поддержки и социального взаимодействия в жизни подростков. Анализ данных о чувстве одиночества среди молодежи показывает, что 49,3 % респондентов воспринимают одиночество как нейтральное состояние. Данные свидетельствуют о том, что многие подростки привыкают к своему изолированному положению, а также о нормализации состояния эмоциональной отстраненности в их повседневной жизни (рис. 2).

Среди тех, кто испытывает одиночество, 45,2 % заявили, что никогда не сталкивались с этим чувством. Сегодня многие молодые люди находят утешение в виртуальных общениях или альтернативных формах социальной активности, это может создавать иллюзию эмоциональной связи. Однако в условиях настоящего

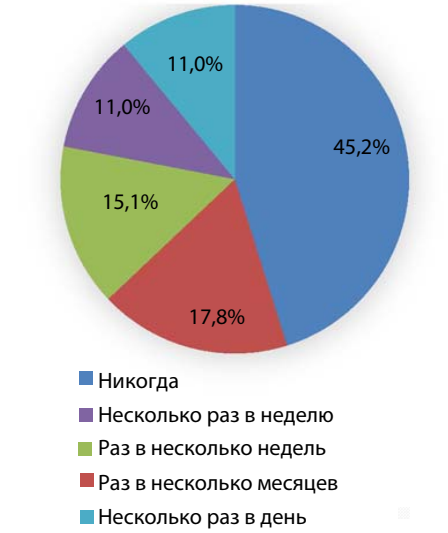

Рис. 1. *Ответы респондентов на вопрос «Часто ли Вы задумываетесь об одиночестве?» (источник: сост. автором)*

Рис. 2. *Ответы респондентов на вопрос «Что для Вас одиночество?» (источник: сост. автором)*

взаимодействия часто наблюдается сильное недовольство собственным эмоциональным состоянием, особенно у тех, кто ощущает одиночество несколько раз в неделю (11 %) или даже раз в день (13,7 %) (рис. 3).

Современное общество сталкивается с феноменом, который можно обозначить как социальная смерть. И.Е. Левченко в своем социологическом исследовании рассматривает феномен социальной смерти как сложное и многоуровневое явление, которое проявляется в различных аспектах социальной жизни. На микроуровне социальная смерть проявляется в малых социальных группах, где индивид теряет связь с референтными группами, такими как семья, друзья и коллеги. Происходить это может по различным причинам, включая конфликты, стигматизацию или просто изменение жизненных обстоятельств. Например, человек, который потерял работу и не может найти новую, может ощутить себя изолированным от своих прежних социальных кругов, что приводит к ухудшению его психоэмоционального состояния. На мезоуровне феномен социальной смерти обозначает отказ индивида от участия в функционировании социальных институтов, таких как государственные или муниципальные структуры, а также различные общественные объединения. Это может быть связано с ощущением бессмысленности участия в этих институтах, особенно если они не отвечают потребностям граждан или не предоставляют необходимую поддержку. Например, люди, испытывающие социальную депривацию или сталкивающиеся с репрессивными политическими режимами, могут чувствовать, что их голос не имеет значения, что приводит к их отстранению от активной гражданской позиции.

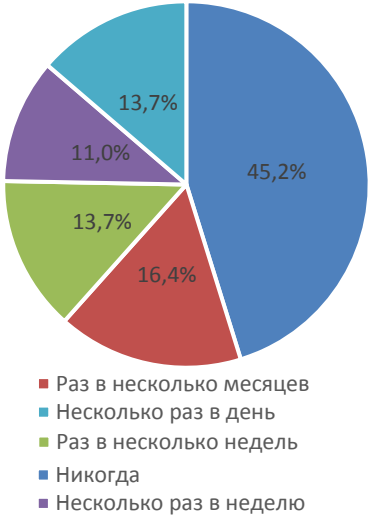

Рис. 3. *Ответы респондентов на вопрос «Как часто Вы испытываете чувство одиночества?» (источник: сост. автором)*

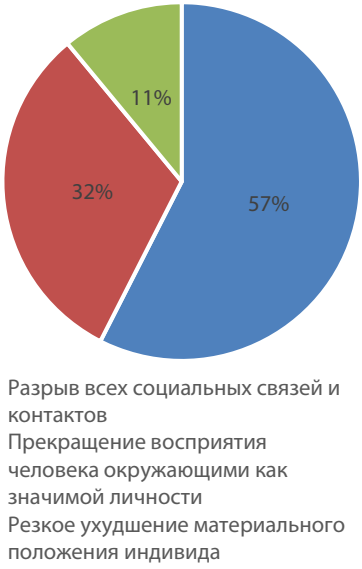

Рис. 4. *Ответы респондентов на вопрос «Что такое, по Вашему мнению, социальная смерть?» (источник: сост. автором)*

На макроуровне социальная смерть охватывает более широкие слои населения и выражается в «выпадении» из общественной жизни в целом. Это может происходить в условиях экономических кризисов, войн или других катастроф, когда большие группы людей оказываются в ситуации, при которой они не могут участвовать в социальной жизни. Например, в условиях массовой миграции или беженства люди нередко сталкиваются с социальной изоляцией и утратой своей идентичности.

И.Е. Левченко выделяет несколько факторов, которые способствуют возникновению и распространению социальной смерти. Во-первых, это неудовлетворительное состояние гуманитарной среды, которое может проявляться в недостатке образовательных и культурных ресурсов. Во-вторых, аномия, т. е. состояние, при котором социальные нормы и ценности теряют свою силу, может привести к чувству безысходности и социальной дезориентации. Социальная депривация, возникающая в результате экономических и социальных неравенств, также играет ключевую роль в этом процессе. Кроме того, давление репрессивных политических режимов и нетерпимость общественного мнения могут способствовать социальной смерти, поскольку они заставляют людей замыкаться в себе и отказываться от активного участия в жизни общества (Левченко, 2001).

Данное понятие, по мнению приднестровских респондентов, в первую очередь ассоциируется с разрывом всех социальных связей и контактов (57,5 %) (рис. 4).

При этом многие несовершеннолетние ощущают влияние социальных факторов, приводящих к изоляции. К примеру, в нашем опросе 12,3 % участников признались, что могут отнести себя к числу «хикки» — это когда индивидуумы намеренно отказываются от социальной жизни, подверженные влиянию как личных, так и социальных обстоятельств. Напротив, 60,3 % респондентов отвергли возможность идентификации с данной категорией, свидетельствуя об устойчивом стремлении к социальным взаимодействиям и групповой принадлежности, что является важным для личной идентичности в юности. При этом треть участников (27,4 %) затруднились ответить, что может указывать на неопределенность в их восприятии себя в контексте социальных связей (рис. 5).

Важным моментом остается и второе определение социальной смерти — прекращение восприятия личности как значимой (31,5 %) (рис. 4). Явно проявляется глубина проблемы, когда индивид теряет свою ценность в глазах общества, что играет ключевую роль в формировании его самооценки. Скрытое социальное сиротство у несовершеннолетних представляет собой сложный и многогранный феномен, формирующийся под воздействием разных факторов, включая семейные и социальные условия. В условиях, когда эффективность социальной поддержки оказывается недостаточной, подростки могут сталкиваться с изоляцией и отсутствием значимых связей. Процент людей, отождествляющих себя с «хикки», указывает на широкое распространение желания уйти в себя, что в свою очередь подчеркивает серьезность проблемы социализации молодежи.

Согласно полученным данным, 34,2 % респондентов столкнулись с явлением социальной смерти, что также подчеркивает актуальность проблемы. Важно отметить, что подавляющее большинство (65,8 %) не осознают его проявлений в своей жизни, это может свидетельствовать о неосведомленности молодежи

о социальных угрозах. Вопрос о принадлежности к группе также вызывает интерес: 37 % участников исследования чувствуют себя частью коллектива. Данные могут свидетельствовать о поиске поддержки среди сверстников, что особенно важно в подростковом возрасте (рис. 6).

Однако 31,5 % затруднились ответить на этот вопрос, что указывает на потенциальную изоляцию и отсутствие социальных связей. Следовательно, неопределенность может быть фактором, способствующим социальной смерти, поскольку отсутствие группы оставляет подростков без необходимых ресурсов для эмоциональной и социально-психологической поддержки (рис. 7).

Скрытое социальное сиротство у несовершеннолетних также может представлять собой явление, возникающее на стыке эмоциональной изоляции и недостатка доверительных отношений в семьях и среди сверстников.

Данные опроса свидетельствуют о том, что 80,8 % респондентов утверждают, что у них есть люди, с которыми они могут быть искренними и которым полностью доверяют. Однако, несмотря на этот высокий процент, следует обратить внимание, что 15,1 % участников сталкиваются с отсутствием таких отношений, что может указывать на масштабы потенциального одиночества и социальной изоляции.

Взаимоотношения в семьях также вызывают озабоченность. Данные опроса показали, что только 38,4 % респондентов описывают свои отношения как близкие к идеалу, в то время как 4,8 % не ощущают ни уважения, ни доверия. Многие дети могут сталкиваться с перманентной эмоциональной нестабильностью и дефицитом поддержки (рис. 8).

Опрос, проведенный среди подростков, показывает тревожные данные: 35,6 % респондентов указывают на то, что у них всегда хватает свободного времени,

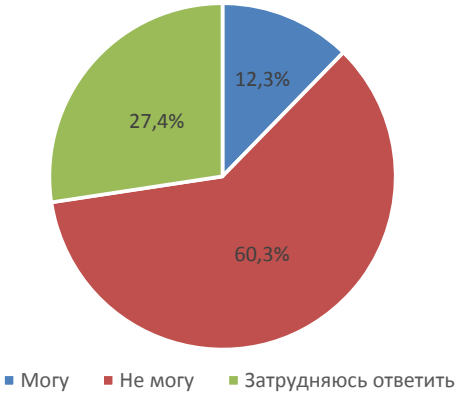

Рис. 5. *Ответы респондентов на вопрос «Можете ли Вы себя причислить к «хикки» — людям, отказывающимся от социальной жизни, стремящимся к крайней степени изоляции и уединения вследствие различных социальных и личных факторов?» (источник: сост. автором)*

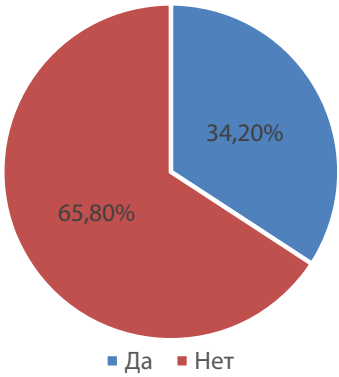

Рис. 6. *Ответы респондентов на вопрос «Сталкивались ли Вы лично с феноменом социальной смерти?» (источник: сост. автором)*

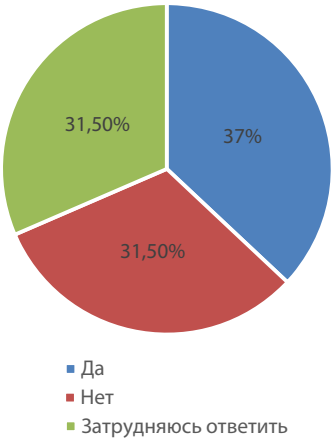

Рис. 7. *Ответы респондентов на вопрос «Чувствуете ли Вы принадлежность к какому-либо коллективу, группе людей?» (источник: сост. автором)*

Рис. 8. *Ответы респондентов на вопрос «Хорошие ли у Вас взаимоотношения в семье?» (источник: сост. автором)*

однако это не означает ощутимость поддержки со стороны окружающих. Более того, 39,7 % участников отмечают, что «чаще хватает, чем не хватает» времени для общения, что указывает на определенное напряжение в отношениях. Число тех, кто ощущает, что «чаще не хватает, чем хватает» времени, достигает 20,5 %, что подчеркивает важные пробелы в социальных связях и эмоциональном взаимодействии. Лишь 4,2 % совершенно не ощущают нехватки внимания, что свидетельствует о редкости искренних и внимательных отношений. Результаты опроса поднимают вопрос о необходимости конвенциональности усилий различных социальных институтов, направленных на поддержку детей и подростков как в учебной, так и в культурной сфере, что позволит преодолеть основные проявления скрытого социального сиротства (рис. 9).

Результаты опроса также показывают, что большинство респондентов (71,2 %) располагают несколькими часами свободного времени в день, однако они предпочитают проводить его в компании близких (50,7 %), что указывает на необходимость социальных связей для эмоционального благополучия.

Тенденция к предпочтению одиночества (30,1 %) среди молодежи может быть тревожным сигналом, указывающим на локализацию проблем, связанных со скрытым сиротством. Подобная ситуация может быть обусловлена высокой степенью изоляции, связанной с недостатком доверительных отношений в семьях и социальных группах. Лишь 1,6 % респондентов отметили желание проводить время в компании незнакомых, что подтверждает стремление к безопасной эмоциональной среде (рис. 10).

Социологическая интерпретация полученных данных опроса о близких и доверительных отношениях в контексте феномена скрытого социального сиротства подчеркивает сложные динамики человеческой привязанности. Результаты

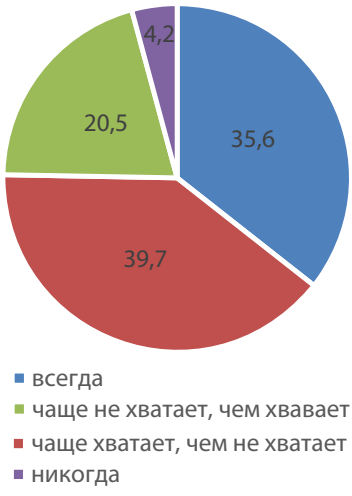

Рис. 9. *Ответы респондентов на вопрос «Всегда ли у Ваших близких и друзей хватает на Вас времени?» (источник: сост. автором)*

Рис. 10. *Ответы респондентов на вопрос «Как Вы предпочитаете проводить свое свободное время?» (источник: сост. автором)*

показывают, что лишь 38,4 % участников имеют одного близкого человека, в то время как 42,5 % смогли установить более широкую сеть доверительных связей, охватывающую от двух до пяти людей. В данном случае очевидно, что качество отношений важнее их количества, и в условиях современного общества многие дети испытывают нехватку глубокой эмоциональной поддержки (рис. 11).

Учитывая, что 41 % респондентов испытали сильное предательство со стороны близких, можно предположить, что страх предательства может ограничивать детей в их стремлении развивать доверительные связи. Данный феномен можно рассматривать как стратегию самозащиты, в которой индивиды избегают близости, чтобы не повторять болезненные опыты прошлого. В результате, в социуме возникает явление скрытого социального сиротства, когда, несмотря на наличие поверхностных социальных связей, большинство испытывает эмоциональную изоляцию и одиночество, что углубляет кризис доверия и уменьшает социальную поддержку (рис. 12).

На основе представленных данных опроса также можно сделать несколько ключевых выводов, отражающих отношение несовершеннолетних к одиночеству и собственным внутренним переживаниям. Так, 11 % респондентов отметили, что им тяжело находиться наедине с собой. Возможно рассмотреть наличие внутреннего конфликта, чувства тревоги или низкой самооценки. Такие переживания у молодежи могут быть связаны с недостаточной поддержкой со стороны взрослых или сверстников, а также с ощущением неопределенности в периоде подросткового и юношеского роста. Преобладающее большинство (67,1 %) не придает данному состоянию большого значения, что может указывать на признание важности личного пространства и уединения в процессе самопознания

Рис. 11. *Ответы респондентов на вопрос «Сколько в Вашем окружении людей, с которыми у Вас близкие и доверительные отношения?» (источник: сост. автором)*

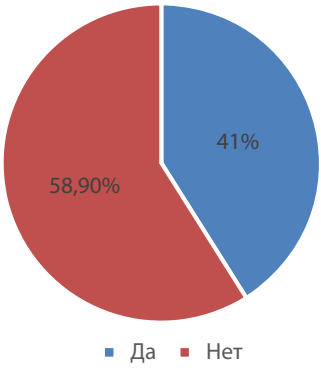

Рис. 12. *Ответы респондентов на вопрос «Испытывали ли Вы когда-нибудь сильное предательство со стороны близких людей?» (источник: сост. автором)*

и формирования идентичности. 21,9 % респондентов вместо тяжести в одиночестве ощущают скорее удовольствие (рис. 13).

Для некоторых несовершеннолетних время наедине с собой может служить средством для саморефлексии и развития, что является положительным знаком. 27,4 % опрошенных стремятся избежать одиночества. Подростки могут испытывать острое чувство социальной изоляции или нуждаться в поддержке и общении, что может быть вызвано различными социальными факторами, такими как проблемы с интеграцией в коллектив или личные переживания. 53,4 % заявили, что не избегают одиночества. Результаты подчеркивают, что большая часть молодого поколения может научиться находить баланс между социальной активностью и необходимостью быть наедине с собой. Впоследствии можно говорить о более высоком уровне эмоционального интеллекта и способности к самоидентификации. Что касается тех, кто затрудняется с ответом (19,2 %), возможно, это свидетельствует о колебаниях в самоощущении или переходном состоянии между желанием одиночества и потребностью в общении (рис. 14).

На основе представленных данных о восприятии одиночества несовершеннолетними можно выявить несколько интересных аспектов, касающихся личной ответственности, социальных отношений и социокультурного контекста. Так, 19,2 % респондентов винят в своем одиночестве самих себя. Это может указывать на высокий уровень самокритики и внутреннего конфликта, а также на наличие чувства собственной неудачи в отношении социальных взаимодействий. Такие чувства могут возникать из-за низкой самооценки, неуверенности в себе или негативного опыта общения. 16,4 % респондентов обвиняют в своем одиночестве друзей и близких людей. Следовательно, можно акцентировать внимание на проблемы в межличностных отношениях, которые могут приводить к чувству изоляции и одиночества. Возможно, респонденты испытывают недостаток поддержки от своих близких, что подчеркивает важность здоровых социальных связей. 5,5 %

Рис. 13. *Ответы респондентов на вопрос «Тяжело ли Вам оставаться наедине с собой?» (источник: сост. автором)*

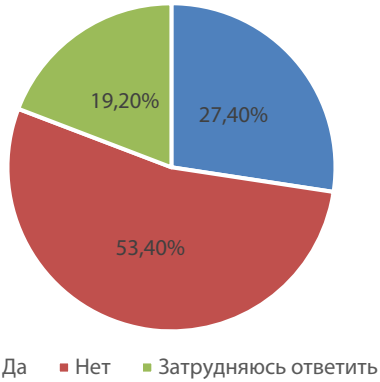

Рис. 14. *Ответы респондентов на вопрос «Пытаетесь ли Вы избежать одиночества?» (источник: сост. автором)*

респондентов считают, что причиной их одиночества является современное общество. Можно говорить о критическом восприятии социокультурной среды, которая конкурентна и не предлагает достаточной поддержки молодежи, основанной на стандартах доказательности практик в Приднестровье. Данный фактор может свидетельствовать о социальной напряженности и изменениях в современных межличностных отношениях. Наибольшая доля респондентов (58,9 %) считает свое одиночество неудачным стечением обстоятельств, что указывает на пассивное восприятие одиночества как нечто внешнее и непреодолимое, а не следствие собственных действий или решений. Такой подход также может

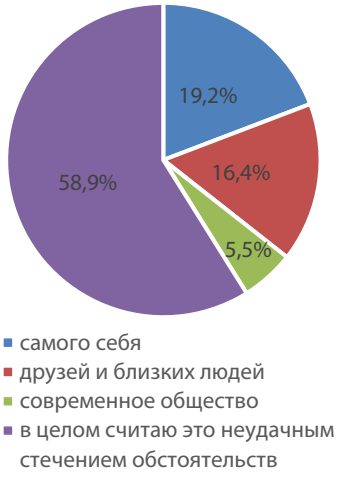

Рис. 15. *Ответы респондентов на вопрос «Кого Вы вините в своем одиночестве?» (источник: сост. автором)*

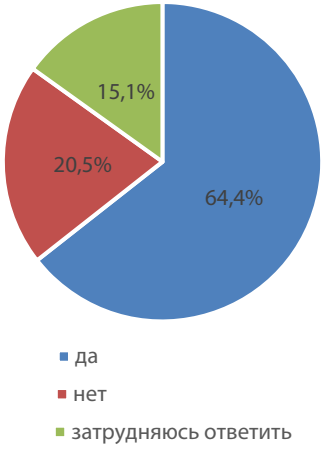

Рис. 16. *Ответы респондентов на вопрос «Считаете ли Вы свое материальное положение благополучным?» (источник: сост. автором)*

свидетельствовать о безысходности и недостатке активных попыток изменить свою ситуацию (рис. 15).

Данные вопроса о восприятии несовершеннолетними своего материального положения представляют интересные инсайты, касающиеся не только экономического статуса, но и связанных с ним психосоциальных аспектов. Большинство респондентов (64,4 %) считают свое материальное положение благополучным. Высокий уровень удовлетворенности среди молодежи может влиять на их общую психологическую стабильность, уверенность в будущем и уровень социальной активности. В данном контексте можно также предположить, что они имеют доступ к необходимым ресурсам для полноценного развития, образования и досуга. 20,5 % опрошенных заявляют, что не считают свое материальное положение благополучным. Группа респондентов может испытывать социальное напряжение и беспокойство о будущем. Чувства могут быть вызваны недостаточными ресурсами для удовлетворения базовых потребностей, доступа к образованию, культурным или спортивным секциям. Они также могут испытывать чувства зависти к сверстникам, что может сказаться на их самооценке и общем психоэмоциональном состоянии. 15,1 % респондентов затрудняются с ответом. Проявляется неопределенность в восприятии собственного положения. Такие подростки могут находиться в переходном состоянии, когда они еще не сформировали четкого мнения о своем материальном положении, возможно, колеблясь между удовлетворенностью и недовольством, на них оказывают влияние как внешние обстоятельства, так и внутренние переживания (рис. 16).

Заключение

Данное исследование демонстрирует феномен скрытого социального сиротства, которое может проявляться неявно, оставаясь вне поля зрения. Важно учитывать, что это явление требует комплексного подхода и внимания со стороны общества, семьи и образовательных учреждений, чтобы эффективно поддерживать подростков и гармонизировать их эмоциональное состояние.

Социальная смерть как понятие также имеет множество аспектов. Разрыв всех социальных связей — один из главных признаков, который обнаруживают подростки в условиях скрытого сиротства. Это приводит не только к снижению самооценки, но и к ощущению ненужности. Второй аспект, связанный с восприятием индивида, затрагивает уровень значимости, который обществом прилагается к каждому человеку. Если общество перестает воспринимать подростка как полноценную личность, это формирует замкнутое и деструктивное восприятие себя.

Следовательно, важно осознавать, что социальное сиротство и социальная смерть — это не только личные проблемы, но и вызовы для общества в целом. Необходимы комплексные меры, направленные на восстановление социальной связи и поддержку молодежи, чтобы помочь им вновь обрести место в обществе и развить здоровые межличностные отношения. Корреляция между опытом социальной смерти и чувством принадлежности к группе открывает новые горизонты для дальнейших исследований в области социологии и психологии, подчеркивая необходимость уделять внимание социальной интеграции молодежи.

Также исследование показало следствие неэффективных взаимодействий в семье, которые могут способствовать возникновению скрытого социального сиротства, когда подростки оказываются в ситуации, лишенной искренности и близости, необходимых для полноценного психоэмоционального и социального развития.

Таким образом, для эффективной борьбы с явлением скрытого социального сиротства необходимо усиление социальных взаимодействий и формирование поддерживающей среды, способствующей развитию значимых человеческих связей.

В качестве рекомендаций предлагаем следующие меры:

1) конвенциональный подход: необходимость разработки подхода, объединяющего усилия государства, общества и образовательных учреждений;

2) научные исследования: открытие новых перспектив для научных исследований в области социологии и социальной работы;

3) разработка образовательных программ, направленных на развитие эмоционального интеллекта, поможет подросткам эффективнее справляться с одиночеством и научиться не бояться оставаться наедине с собой;

4) создание безопасных площадок для общения: необходимо создать условия для открытого общения среди молодежи. Как пример, клубы по интересам, образовательные курсы или группы поддержки в офлайн и онлайн пространствах, которые помогут подросткам свободно делиться своими переживаниями и находить единомышленников;

5) психологическая помощь: регулярное приглашение специалистов-социальных психологов для проведения тренингов по улучшению эмоционального благополучия и работы с проблемами одиночества. Это поможет молодежи формировать здоровые механизмы преодоления трудных ситуаций;

6) поддержка инициатив, направленных на углубленное познание себя, таких как творческие и иные занятия, способствующие выражению себя и созданию положительного отношения к личному времени.

Таким образом, для минимизации скрытого социального сиротства в Приднестровье рекомендуется развивать системы поддержки семьи и ответственного родительства. Важно внедрять образовательные программы для родителей, направленные на укрепление семейных отношений и повышение уровня их социальной ответственности. Эффективные форматы, такие как тренинги и консультации, помогут снизить риск появления ситуации социального сиротства, обеспечивая поддержку на уровне сообщества. Необходимы внедрение платформ для активного вовлечения граждан в социальные инициативы, разработка инноваций в интеграции технологий для улучшения доступа к социальным ресурсам и создание в Приднестровье онлайн-платформ для оказания социальных услуг, обмена информацией и поддержки семей и детей.

Список источников

Акимова, А. В. (2021). Актуальность развития регионального опыта по патронатному воспитанию. В *Социальная работа и социальная политика в условиях меняющейся архитектуры*

социального государства: материалы Всероссийской конференции (6–7 апреля 2021 года, г. Екатеринбург) (с. 112–120). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 395.

Бобкова, Е. М. (2018). *Соцнально-конвенцнональный механизм устойчивости социума в условиях непризнаности: социологический подход (на примере Приднестровья):* автореф. дис. … д-ра социол. наук, 44.

Гафарова, Э. Р., Архипова, Е. Б. (2021). Применение онлайн-платформ интеллектуального волонтерства в деятельности некоммерческих организаций. В *Социальная работа и социальная политика в условиях меняющейся архитектуры социального государства: материалы Всероссийской конференции (6–7 апреля 2021 года, г. Екатеринбург)* (с. 121–130). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 395.

Левченко, И. Е. (2001). Феномен социальной смерти. *Социологические исследования, 6,* 22–31.

Мельситов, М. Д. (2017). Специфика одиночества в современном обществе: социальные особенности. *Наука, образование и культура, 5* (20), 91–94.

Оставная, А. Н. (2015). Трудовая миграция приднестровского населения: проблемы и тенденции. *MOLDOSCOPIE, 3* (70), nr.3 (LXX), 107–115.

Спивак, А. М. (2022). Формирование ответственного родительства и внедрение эффективных практик поддержки детей и семей с детьми: системный подход. В *Десятилетие детства. Счастливая конференция (27 мая 2022 года, г. Сургут)* (с. 27–30). Сургут: Изд-во бюджетного учреждения Ханты-Мансийского автономного округа — Югры «Ресурсный центр развития социального обслуживания», 284.

References

Akimova, A. V. (2021). Relevance of the Development of Regional Experience in Patronal Education. In *Social`naya rabota i social`naya politika v usloviyax menyayushhejsya arxitektury` social`nogo gosudarstva: materialy` Vserossijskoj konferencii (6–7 aprelya 2021 goda, g. Ekaterinburg) [Social work and social policy in the context of the changing architecture of the welfare state: proceedings of the All-Russian Conference (April 6–7, 2021, Ekaterinburg)]* (pp. 112–120). Yekaterinburg: Ural Publishing House. University, 395. (In Russ.)

Bobkova, E. M. (2018). *Socznal`no-konvencznonal`ny`j mexanizm ustojchivosti sociuma v usloviyax nepriznanosti: sociologicheskij podxod (na primere Pridnestrov`ya) [The social-conventional mechanism of social stability in conditions of obscurity: a sociological approach (using the example of Transnistria)]:* abstract of the dissertation Doctor of Social Sciences, 44. (In Russ.)

Gafarova, E. R., Arkhipova, E. B. (2021). Using Online Platforms of Intellectual Volunteering for Activity of Non-Profit Organizations. In *Social`naya rabota i social`naya politika v usloviyax menyayushhejsya arxitektury` social`nogo gosudarstva: materialy` Vserossijskoj konferencii (6–7 aprelya 2021 goda, g. Ekaterinburg) [Social work and social policy in the context of the changing architecture of the welfare state: proceedings of the All-Russian Conference (April 6–7, 2021, Ekaterinburg)]* (pp. 121–130). Yekaterinburg: Ural Publishing House. University, 395. (In Russ.)

Levchenko, I. E. (2001). The phenomenon of social death. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies], 6,* 22–31. (In Russ.)

Melsitov, M. D. (2017). The specifics of loneliness in modern society: social features. *Nauka, obrazovanie i kul`tura [Science, Education and Culture], 5* (20), 91–94. (In Russ.)

Ostavnaya, A. N. (2015). Labor migration of the Transnistrian population: problems and trends. *MOLDOSCOPIE, 3* (70), nr.3 (LXX), 107–115.

Spivak, A. M. (2022). Formation of responsible parenting and implementation of effective practices for supporting children and families with children: a systematic approach. In *Desyatiletie detstva.*

Schastlivaya konferenciya (27 maya 2022 goda, g. Surgut) [Decade of childhood. Happy Conference (May 27, 2022, Surgut)] (pp. 27–30). Surgut: Publishing house of the budgetary institution of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Yugra «Resource Center for the Development of social services», 284. (In Russ.)

Молодец Кристина Викторовна — старший преподаватель кафедры социологии и социальных технологий, Приднестровский государственный университет имени Т. Г. Шевченко; https://orcid.org/0009-0004-2049-5386 (Приднестровье, г. Тирасполь, Покровская ул., 107; e-mail: Mir.1010@mail.ru).

Kristina V. Molodets — Senior Lecturer, Department of Sociology and Social Technologies, Shevchenko Pridnestrovian State University; https://orcid.org/0009-0004-2049-5386 (107, Pokrovskaya St., Tiraspol, Pridnestrovie; e-mail: Mir.1010@mail.ru).

УДК 316.6
JEL classification: J1, I15
https://www.doi.org/10.17059/udf-2025-4-8

Влияние состояния здоровья на восприятие населением социальных рисков[1]

О. А. Пышминцева [а], М. Н. Макарова [б]

[а, б] Институт экономики УрО РАН (г. Екатеринбург, Российская Федерация).

[а] https://orcid.org/0000-0002-5710-9459

[б] https://orcid.org/0000-0001-6144-6178

Автор для корреспонденции: О. А. Пышминцева (pyshmintseva.oa@uiec.ru).

Аннотация. *В постоянно меняющемся мире всё острее стоят вопросы, связанные со способностью и возможностью человека адекватно реагировать на требования среды, выбрать оптимальный способ реакции на возрастающие социальные риски в виде той или иной формы поведения (деструктивной или конструктивной), определять способы психологической защиты. В работе представлены отдельные результаты проведенного авторами социологического опроса «Социальный риск и жизнестойкость населения» среди трудоспособного населения Свердловской области в апреле-ноябре 2024 года. Основные результаты заключаются в эмпирическом выводе, что с ухудшением здоровья снижается жизнестойкость населения и в разы возрастают социальные риски. Также было выявлено, что в зависимости от уровня здоровья отмечаются разные стратегии жизненных позиций по устойчивости к рискам и повышению продолжительности своей жизни. Полученные результаты могут быть представлены для научного обоснования при разработке государственных программ по повышению продолжительности жизни населения и снижению социальных рисков среди населения.*

Ключевые слова: социальные риски; здоровье; жизнестойкость; продолжительность жизни; социологический опрос

Impact of the State of Health on the Perception of Social Risks by the Population

O. Pyshmintseva [a], M. Makarova [b]

[a, b] Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russian Federation).

[a] https://orcid.org/0000-0002-5710-9459

[b] https://orcid.org/0000-0001-6144-6178

Corresponding author: O. Pyshmintseva (pyshmintseva.oa@uiec.ru).

Abstract. *In a constantly changing world, the issues related to the ability and possibility for a person to adequately respond to environmental requirements, choose the optimal way to respond to increasing social risks in the form of one or another form of behavior (destructive or constructive), and determine methods of psychological protection are becoming increasingly acute. The paper presents individual results of a sociological survey «Social Risk and Resilience of the Population» conducted by the authors among the working-age population of the Sverdlovsk Region in April-November 2024. The main results in the article are that with deteriorating health, the resilience of the population decreases and social risks increase significantly. It was also found that, depending on the level of health, different strategies of life positions are noted for resistance to risks and increasing life expectancy. The results obtained can be presented for scientific justification in the development of state programs to increase life expectancy of the population and reduce social risks among the population.*

Keywords: social risks; health; resilience; life expectancy; sociological survey

[1] © Пышминцева О. А., Макарова М. Н. Текст. 2025.

Введение

В повседневной жизни человек постоянно сталкивается с ежедневными стрессами и множеством различных видов социальных рисков. Ежедневно приходится принимать тот или иной риск. Так, потеря или смена работы несут материальные риски, интенсивные выбросы в окружающую среду промышленных предприятий, управление неисправным автомобилем, употребление ежедневно алкоголя приводят к физиологическому риску — потере здоровья; постоянный рост требований на работе, высокая динамика жизни, интенсивный информационный поток приводят к риску депрессии и потери контроля над своей жизнью. Повседневные вызовы требуют особых адаптационных механизмов, состоящих из совокупности навыков и установок, которые помогают изменять поведение при преодолении стрессовой ситуации. Уровень сформированности жизнестойкости, который состоит из системы убеждений о себе, мире, об отношениях с миром и включает компоненты вовлеченности, контроля, принятия риска, позволяет снимать внутреннее напряжение в стрессовых ситуациях (Соболева & Шумакова, 2014).

Одним из ресурсов жизнестойкости является психологическое и физиологическое состояние здоровья, то, как человек себя чувствует в данный момент. От уровня здоровья зависит и восприятие окружающего мира, а также совладание над стрессом.

Таким образом, целью исследования является оценка уровня здоровья и восприятия социальных рисков населением трудоспособного возраста. Гипотеза заключается в том, что в зависимости от состояния здоровья изменяется вероятность реализации социальных рисков.

Обзор литературы

Теоретической основой являются работы Б. Т. Величковского, в которых он отмечал, что низкая покупательная способность и заработная плата снижают жизнестойкость населения, повышают социальный стресс в виде утраты трудовой мотивации и, как следствие, невозможности обеспечить достойную жизнь себе и своей семье. Данный социальный стресс со временем приводит к утрате здоровья (Величковский, 2007; 2013).

Обзор научных исследований по проблематики социального риска выявил несколько научных подходов к изучению социального риска. Так, Г. И. Тамошина и Е. В. Тимошина рассматривали социальный риск с экономической точки зрения как потерю материальной обеспеченности в процессе трудовой деятельности (Тамошина & Тимошина, 2009). Исследователи, придерживающиеся технологического подхода, рассматривали социальный риск с точки зрения антропогенного воздействия на природу, что порождает риски ухудшение окружающей среды (Яницкий, 2003; Луман, 1993). Социокультурного подхода придерживался М. Дуглас, который при оценке риска и выбора модели поведения опирался на ценности, принятые в данной культуре (Дуглас, 2000). Исследователи Института психологии РАН рассматривают социальный риски в психологическом аспекте: восприятия, переживания, осмысления людьми различных социальных рисков и глобальных угроз (Нестик & Журавлев, 2020). Поведенческий аспект рассматривают российские (Зубков, 2003) и зарубежные ученые (Канеман & Тверски,

2003; Аллен & Бедкок, 2003), понимая под социальным риском процесс принятия решения субъектом и его действия в условиях неопределенности.

Расширение понимания социального риска осуществляется также в контексте социологических исследований. Ряд российских социологов рассматривают социальный риск через призму неопределенности, неустойчивости, нелинейности развития социума, что порождает новые риски для жизнедеятельности общества (Мозговая, 2019; Зубок & Чупров, 2017; Микрюков & Илюшин, 2022).

Авторы придерживаются подхода по рассмотрению социальных рисков с позиции социальной биологии человека, когда социальный риски провоцируют у населения социальный стресс и в краткосрочный период вызывает снижение качества жизни, а на долгосрочную перспективу — сокращение продолжительности жизни.

Материалы и методы

В качестве эмпирической базы исследования нами использовались данные социологического спроса «Социальный риск и жизнестойкость населения», проведенного авторами в апреле-ноябре 2024 г. на территории Свердловской области. Выборка составила 391 чел. трудоспособного возраста, репрезентативна по полу и возрасту.

Обработка и анализ исходной информации осуществлялись с помощью программного обеспечения IBM SPSS Statistics. Для анализа использовались ответы на вопросы, которые определяют состояние здоровья респондентов и характеризуют отдельные социальные риски, затрагиваемые в процессе опроса. Авторами были построены таблицы и графики для одномерных и двумерных распределений ответов респондентов, а также рассчитаны коэффициенты статистической значимости для полученных распределений и был производен расчет индекса относительного риска.

Результаты

По результатам социологического опроса, 40,7 % опрошенных в трудоспособном возрасте в Свердловской области оценивают свое состояние здоровья как очень хорошее и хорошее, 46,8 % респондентов оценили как удовлетворительное и 8,4 % — как плохое и очень плохое, 4 % затруднились с ответом.

Значимыми факторами субъективного восприятия плохого здоровья оказались пол и возраст. Плохое самочувствие чаще отмечали мужчины (57 % от всех ответов «плохое и очень плохое здоровье»), чем женщины. Из них 9 % в возрасте 20–24 года, 9 % в возрасте 30–34 и 35–39 лет и 13 % в возрасте 60–64 года (рис. 1).

Более жизнестойкими являются женщины, т. к. чаще отмечали «хорошее и очень хорошее» здоровье (57,2 % от всех ответов «хорошее и очень хорошее»), «удовлетворительное» здоровье (57,1 %) и реже по сравнению с мужчинами «плохое и очень плохое» здоровье. Женщины начинали чаще отмечают плохое самочувствие уже только после 50 лет.

Наблюдается прямая взаимосвязь субъективной оценки состояния здоровья респондентов и восприятия ими социальных рисков (рис. 2). Респонденты, имеющие очень хорошее и хорошее здоровье, воспринимают социальные риски менее

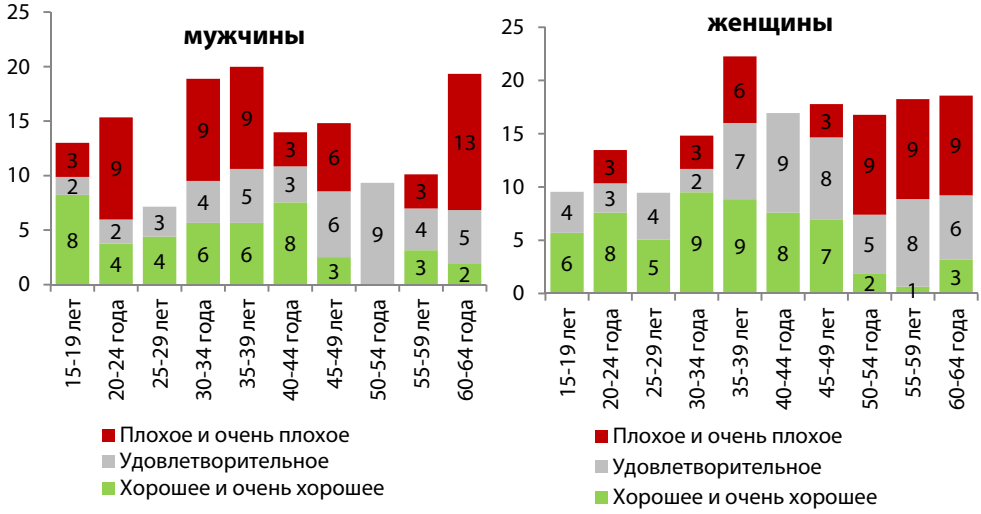

Рис. 1. *Парные распределения оценок респондентов здоровья и возраста респондентов, % от всей выборочной совокупности по полу (коэффициент сопряженности 0,55, p=0,002) (источник: сост. авторами)*

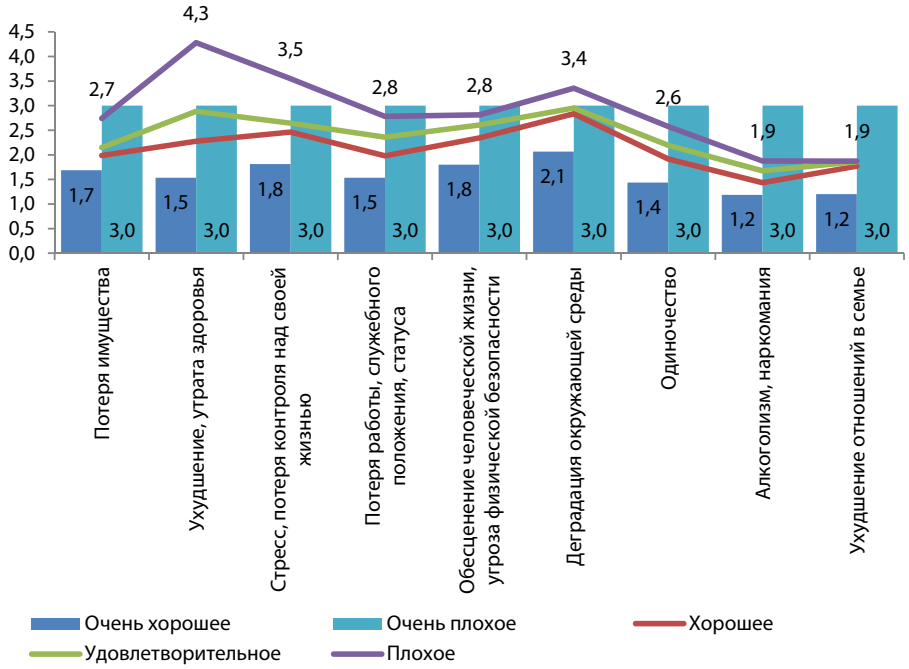

Рис. 2. *Парные распределения оценок респондентов здоровья и восприятия ими социальных рисков, % от всей выборочной совокупности (источник: сост. авторами)*

остро, в отличии от респондентов с плохим здоровьем. Высокий уровень физиологического и коммуникационного рисков наблюдается среди респондентов с плохим здоровьем. Так, угроза ухудшения здоровья они оценивали как очень высокий уровень (4,5 балла), стресс, потеря контроля над своей жизни и деградация окружающей среды оценили как высокий уровень риска (3,5 и 3,4 балла).

Примечательно, что респонденты, оценивающие свое здоровье как очень плохое, воспринимают все социальные риски одинаково — средний уровень риска (3 балла).

В зависимости от уровня здоровья статистически значимые различия обнаружены для шести из девяти социальных угроз: ухудшение, утрата здоровья, стресс, потеря контроля над своей жизнью, потеря работы, служебного положения, статуса, обесценение человеческой жизни, угроза физической безопасности, деградация окружающей среды, одиночество, алкоголизм, наркомания и ухудшение отношений в семье.

Восприятие физиологического риска как утраты здоровья оценивалось респондентами по шкале в среднем от низкого уровня риска (1,5 балла среди респондентов с очень хорошим здоровьем) до очень высокого уровня (4,3 балла среди респондентов с плохим здоровьем). Индекс относительного риска равен 1,8, т. е. риск потери здоровья в 1,8 раза чаще встречается у респондентов, у которых имеется проблемы со здоровьем, чем у тех, кто оценивает свое здоровье как хорошее и очень хорошее (ОР 1 = 1,8, 95 % ДИ: 0,41–0,80). Так, среди тех, у кого наблюдаются проблемы со здоровьем, 72 % отметили разного уровня риска потери здоровья, а те, у кого хорошее здоровье, только 39,4 % имеют данные риски.

На втором месте в рейтинге среди статистически значимых социальных рисков в зависимости от уровня здоровья оказался коммуникационный риск. Стресс, потеря контроля над своей жизненной ситуацией оценивались респондентами в среднем от низкого уровня риска (1,8 балла среди респондентов с очень хорошим здоровьем) до высокого уровня риска (3,5 балла среди респондентов с плохим здоровьем). У 60,5 % респондентов с удовлетворительным и плохим здоровьем было отмечено наличие данного социального риска, а у респондентов с хорошим и очень хорошим здоровьем только у 44 % (ОР = 1,4, 95 % ДИ: 0,11–0,52). Риск одиночества и социальной изоляции оценивались респондентами в среднем от низкого уровня риска (1,4 балла среди респондентов с очень хорошим здоровьем) до среднего уровня риска (3 балла среди респондентов с очень плохим здоровьем). У респондентов с плохим здоровьем отмечается только у 45,4 % наличие данного риска, а у респондентов с хорошим здоровьем — и вовсе всего у 24,3 % (ОР = 1,9, 95 % ДИ: 0,31–0,93).

На третьем месте в рейтинге среди статистически значимых социальных рисков в зависимости от уровня здоровья расположился статусный и профессиональный риск. Страх потери работы, служебного положения и статуса тревожит 46,3 % респондентов с удовлетворительным и плохим здоровьем и 26,4 % респондентов с хорошим и очень хорошим здоровьем. Уровень риска оценивается от низкого (1,5 балла среди респондентов с очень хорошим здоровьем) до среднего (3 балла среди респондентов с очень плохим здоровьем).

[1] Относительный риск (ОР) — отношение риска наступления определенного события у лиц, подвергшихся воздействию фактора риска, по отношению к контрольной группе.

Уровень деструктивного и воспроизводственного рисков оценивается практически всеми респондентами как низкий, эти риски занимают предпоследнюю и последнюю строчку в рейтинге рисков. Однако следует отметить, что респонденты с очень плохим здоровьем оценивали уровень этого риска как средний (табл. 1).

Для выявления того, какие факторы больше всего влияют на снижение продолжительности жизни человека, респондентам были предложены вопрос «Что хуже всего, по вашему мнению, влияет на качество и продолжительность жизни» и 5 вариантов ответа на выбор.

По результатам опроса видно, что респонденты вне зависимости от уровня здоровья отметили стресс как главную причину снижения продолжительности жизни. На втором месте отметили вредные привычки, несмотря на то что для большинства респондентов деструктивный риск находится на достаточно низком уровне (табл. 2).

На третьем месте у респондентов с удовлетворительным и плохим здоровьем оказалась некачественная медицинская помощь, что может свидетельствовать о негативном опыте обращения в медицинские учреждения и являться одной из основных причин их плохого самочувствия. А у респондентов с хорошим здоровьем на третьем месте оказался такой фактор риска, как недостаток физической активности. При этом респонденты с плохим самочувствием отмечали недостаток физической активности реже, всего 6,8 % от всех ответивших в данной группе, т. е. обладая проблемами со здоровьем, они не осознают важность роли физической активности для поддержания здоровья, и данный фактор уходит на задний план в их жизни.

На четвертом месте для респондентов с удовлетворительным и плохим здоровьем и на 5-м месте для респондентов с хорошим здоровьем разместился такой фактор снижения продолжительности жизни, как неправильное питание.

Таблица 1

Рейтинг компонентов социального риск в зависимости от состояния здоровья респондентов

Социальные риски	Оценка состояния здоровья									
	Очень хорошее		Хорошее		Удовлетворительно		Плохое		Очень плохое	
	оценка	ранг	оценка	ранг	оценка	ранг	оценка	ранг	оценка	ранг
Ухудшение, утрата здоровья	1,53	2	2,3	2	2,9	1	4,3	1	3	1
Потеря контроля над своей жизненной ситуацией	1,81	1	2,5	1	2,6	2	3,5	2	3	1
Потеря работы, служебного положения, статуса	1,53	2	2,0	3	2,4	3	2,8	3	3	1
Одиночество и социальная изоляция	1,44	3	1,9	4	2,2	4	2,6	4	3	1
Ухудшение отношений в семье, с друзьями	1,20	4	1,8	5	1,9	5	1,9	5	3	1
Алкоголизм, наркомания	1,19	5	1,4	6	1,7	6	1,9	6	3	1

Источник: сост. авторами.

Таблица 2

Рейтинг факторов риска, влияющих на продолжительность жизни в зависимости от состояния здоровья

Факторы риска	хорошее и очень хорошее		удовлетвори-тельное		плохое и очень плохое	
	доля, %	ранг	доля, %	ранг	доля, %	ранг
Стресс	15,8	1	16,0	1	15,9	1
Вредные привычки	15,3	2	12,3	2	14,4	2
Недостаток физической активности	10,7	3	10,4	5	6,8	8
Наследственные, хронические заболевания	10,4	4	9,4	8	11,1	5
Неправильное питание	10,3	5	10,6	4	11,8	4
Плохая экология	9,8	6	9,9	6	7,5	7
Некачественная медицинская помощь	9,5	7	11,1	3	11,9	3
Материальное неблагополучие, бедность	7,6	8	9,8	7	10,4	6
Одиночество	4,3	9	2,9	10	3,6	10
Злоупотребление гаджетами	2,1	10	3,1	9	1,0	11
Низкий уровень образования	2,0	11	1,8	12	1,0	12
Неэффективные программы социальной поддержки	1,8	12	2,8	11	4,8	9
Затрудняюсь ответить	0,5	—	0,1	—	0,0	—
Итого	100,0	—	100,0	—	100,0	—

Источник: сост. авторами.

При этом значительно меньше респондентов отмечали, что на снижение их продолжительности жизни влияет материальное неблагополучие (10,4 % и 7,6 % соответственно). Хотя для того, чтобы хорошо питаться и заниматься спортом, важную роль играют финансовые возможности.

Самым незначительным фактором, по мнению респондентов, являются неэффективные программы социальной поддержки, поскольку нет никакой связи между реализации социальных программ и продолжительностью жизни.

С целью выявления поведенческих стратегий по противостоянию социальным рискам был предложен вопрос «Что Вы делаете для того, чтобы прожить дольше?» и предложили выбрать не более 3 вариантов, что определяет основные жизненные ориентиры населения на будущее.

В результате анализа было выявлено, что респонденты, обладающие хорошим и очень хорошим здоровьем, имеют активную жизненную стратегию, чтобы прожить дольше: 19,6 % ответили, что много гуляют на свежем воздухе, 18,5 % регулярно занимаются спортом и 17,9 % стараются правильно питаться (табл. 3). Примечательно, что активная жизненная позиция вызвана тем, что в данной группе находятся в основном молодежь и лица среднего возраста.

Респонденты с удовлетворительным уровнем здоровья так же отметили активные жизненные ориентиры, что и респонденты с хорошим здоровьем, из них 20,1 % ответили, что много гуляют на свежем воздухе, чуть меньше занимаются регулярно спортом — 14,9 % и правильно питаются 14,9 %.

Таблица 3

Жизненные ориентиры в зависимости от уровня здоровья

Жизненный ориентир	хорошее и очень хорошее		удовлетворительное		плохое и очень плохое	
	доля, %	ранг	доля, %	ранг	доля, %	ранг
Много гуляю на свежем воздухе	19,6	1	20,1	1	13,1	3
Регулярно занимаюсь физкультурой и спортом	18,5	2	14,9	2	10,4	6
Правильно питаюсь	17,9	3	14,9	3	21,5	1
Регулярные осмотры у врачей и диспансеризация	13,1	4	12,5	5	14,1	2
Провожу больше времени с друзьями и родными	10,4	5	13,6	4	6,3	7
Меньше читаю новостные ленты и смотрю ТВ	10,3	6	9,5	6	11,6	4
Стараюсь меньше проводить время за гаджетами	4,4	7	6,7	7	5,5	8
Затрудняюсь ответить	2,3	8	2,9	8	3,1	10
Ничего не делаю (мне всё равно)	1,8	9	2,8	9	11,0	5
Другое	1,8	10	2,2	10	3,3	9
Итого	100,0	—	100,0	—	100,0	—

Источник: сост. авторами.

Для респондентов с низким здоровьем отмечается иная поведенческая стратегия — поддерживающая, а именно на приоритетном месте выступает правильное питание — 21,5 % ответивших выбрали данную категорию. На втором месте регулярные осмотры у врачей и диспансеризации — 14,1 % выбрали данную категорию; несмотря на то, что данной группой было отмечено одним из факторов риска снижения продолжительности жизни оказание некачественной медицинской помощи, они по-прежнему полагаются и доверяют свое здоровье медицинским организациям. На третьем месте по выбору жизненных ориентиров оказались регулярные прогулки на свежем воздухе — 13,1 % выбрали данную категорию среди респондентов с плохим здоровьем.

Также отмечаются среди респондентов с плохим и очень плохим здоровьем те, кто выбрали достаточно пассивную жизненную позицию, — 11 % отметили категорию «ничего не делаю (мне всё равно)» — они уже отчаялись и не ставят цель прожить как можно дольше, у них, скорее, цель «сколько проживу, столько и проживу».

Заключение

Наше исследование показало, что в зависимости от уровня здоровья по-разному воспринимаются социальные риски. Чем хуже здоровье, тем ниже жизнестойкость, тем выше вероятность наступления тех или иных социальных рисков.

Были выявлены значимые факторы субъективного восприятия плохого и очень плохого здоровья — ими оказались пол и возраст. Мужчины чаще ощущали у себя плохое самочувствие, а также чем старше человек, тем больше вероятность плохого уровня здоровья. Также было выявлено, что в зависимости от уровня здоровья отмечаются разные стратегии жизненных позиций по устойчивости к рискам и повышению продолжительности своей жизни. В связи с этим требуется дифференцированная государственная политика по повышению продолжительности

жизни населения и снижению социальных рисков, что позволит сформулировать приоритеты социальной политики.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта РНФ (проект №24-28-00654).

Acknowledgments

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project No. 24-28-00654).

Список источников

Величковский, Б. Т. (2007). Значение социального стресса и эффективной трудовой мотивации в формировании образа жизни и состояния здоровья населения России. *Вестник Российской академии медицинских наук, 5,* 41–48. EDN: OZONIZ

Величковский, Б. Т. (2013). Социальная биология человека. *Вестник Российского государственного медицинского университета, 5–6,* 9–18. EDN: ULLWGJ

Дуглас, М. (2000). *Чистота и опасность: Анализ представлений об осквернении и табу.* Москва: Канон-Пресс-Ц: Кучково поле, 285.

Зубков, В.И. (2003). *Социологическая теория риска.* Москва: Изд-во РУДН, 230. EDN: QOCDSB

Канеман, Д., Тверски, А. (2003). Рациональный выбор, ценности и фреймы. *Психологический журнал, 24* (4), 31–42. EDN: OOYAOX

Луман, Н. (1994). Понятие риска. THESIS, 5, 135–160.

Микрюков, В. О., Илюшин, С. Н. (2022). *Теоретико-методологический анализ социальных рисков современного общества.* Москва: ООО «Научно-издательский центр Инфра-М», 159. http://doi.org/10.12737/1111372

Мозговая, А. В. (2019). Идентификация, оценка и адаптация к риску в условиях неопределённости. *Социологическая наука и социальная практика, 7* (4(28)), 151–165. http://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.4.6808

Нестик, Т. А., Журавлев, А. Л. (Ред.) (2020). *Человек в условиях глобальных рисков: социально-психологический анализ.* Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 594.

Соболева, Е. В., Шумакова, О. А. (2014). Феномен жизнестойкости в зарубежных и отечественных исследованиях. *Современные научные исследования и инновации, 5–2* (37). https://web.snauka.ru/issues/2014/05/34519 (дата обращения: 01.02.2025). EDN: QLOOOJ

Тамошина, Г. И., Тимошина, Е. В. (2009). Социальные риски: классификация и управление. *ФЭС: Финансы. Экономика. Стратегия, 8,* 6–9. EDN: KYIFST

Зубок, Ю. А., Чупров, В. И. (2018). Рискогенность социокультурной среды обитания как фактор формирования социальных настроений. *Вестник Томского государственного университета: Философия. Социология. Политология, 43,* 148–160. http://doi.org/10.17223/1998863

Яницкий, О. Н. (2003). Социология риска: ключевые идеи. *Мир России. Социология. Этнология, 1,* 3–33. EDN: CQTRBS

Allen, N. B., Badcock, P. B. (2003). The Social Risk Hypothesis of Depressed Mood: Evolutionary, Psychosocial, and Neurobiological Perspectives. *Psychological bulletin, 129* (6), 887–913. http://doi.org/10.1037/0033-2909.129.6.887

References

Allen, N. B., Badcock, P. B. (2003). The Social Risk Hypothesis of Depressed Mood: Evolutionary, Psychosocial, and Neurobiological Perspectives. *Psychological bulletin, 129* (6), 887–913. http://doi.org/10.1037/0033-2909.129.6.887

Velichkovsky, B. T. (2007). The importance of social stress and effective occupational motivation in the forming of life-style, population health, and the development of demographic processes in. *Vestnik Rossijskoj akademii medicinskih nauk [Annals of the Russian Academy of Medical Sciences], 5,* 41–48. EDN: OZONIZ (In Russ.)

Velichkovsky, B. T. (2013). Social human biology as a science. *Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo medicinskogo universiteta [Bulletin of the Russian State Medical University], 5– 6,* 9–18. EDN: ULLWGJ (In Russ.)

Douglas, M. (2000). *Chistota i opasnost': Analiz predstavlenij ob oskvernenii i tabu [Purity and Danger: An Analysis of Concepts of Pollution and Taboo]*. Moscow: Canon-Press-C: Kuchkovo Pole, 285. (In Russ.)

Zubkov, V. I. (2003). *Sociologicheskaya teoriya riska [Sociological Theory of Risk]*. Moscow: RUDN University Press, 230. EDN: QOCDSB (In Russ.)

Kahneman, D., Tversky, A. (2003). Rational Choice, Values, and Frames. *Psihologicheskij zhurnal, 24* 4), 31–42. EDN: OOYAOX (In Russ.)

Luhmann, N. (1994). The Concept of Risk. *THESIS, 5,* 135–160. (In Russ.)

Mikryukov, V. O., Ilyushin, S. N. (2022). *Teoretiko-metodologicheskij analiz social'nyh riskov sovremennogo obshchestva [Theoretical and methodological analysis of social risks of modern society]*. Moscow: OOO «Scientific Publishing Center Infra-M», 159. http://doi.org/10.12737/1111372 (In Russ.)

Mozgovaya, A. V. (2019). Identifying, evaluating, and adapting to risksin an atmosphere of uncertainty. *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika, 7* (4(28)), 151–165. http://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.4.6808 (In Russ.)

Nestik, T. A., Zhuravlev, A. L. (Eds.) (2020). *Chelovek v usloviyah global'nyh riskov: social'no-psihologicheskij analiz [Human in the conditions of global risks: a socio-psychological analysis]*. Moscow: Publishing house «Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences», 594. (In Russ.)

Soboleva, E. V., Shumakova, O. A. (2014). The phenomenon of hardiness in foreign and domestic research. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovacii [Modern scientific research and innovation], 5–2* (37). https://web.snauka.ru/issues/2014/05/34519 (accessed: 01.02.2025). EDN: QLOOOJ (In Russ.)

Tamoshina, G. I., Timoshina, E. V. (2009). Social risks: classification and management. *FES: Finansy. Ekonomika. Strategiya [FES: Finance. Economy. Strategy], 8,* 6–9. EDN: KYIFST (In Russ.)

Zubok, Yu. A., Chuprov, V. I. (2018). Riskogenics of the sociocultural habitat as a factor of social sentiment formation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta: Filosofiya. Sociologiya. Politologiya [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science], 43,* 148–160. http://doi.org/10.17223/1998863 (In Russ.)

Yanitsky, O. N. (2003). Sociology of risk: key ideas. *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya [Universe of Russia. Sociology. Ethnology], 1,* 3–33. EDN: CQTRBS (In Russ.)

Пышминцева Ольга Александровна — младший научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН; https://orcid.org/0000-0002-5710-9459 (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: pyshmintseva.oa@uiec.ru).

Макарова Мария Никитична — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН; https://orcid.org/0000-0001-6144-6178 (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: makarova.mn@uiec.ru).

Olga A. Pyshmintseva — Junior Researcher, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; https://orcid.org/0000-0002-5710-9459 (29 Moskovskaya str., Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: pyshmintseva.oa@uiec.ru).

Mariya N. Makarova — Candidate of Economic Sciences, Institute Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; https://orcid.org/0000-0001-6144-6178 (29 Moskovskaya str., Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: makarova.mn@uiec.ru).

УДК 316.62:33
JEL classification: C30, Z19
https://www.doi.org/10.17059/udf-2025-4-9

Статистическое исследование социальных девиаций в современном обществе[1]

Е. А. Сысоева [а], В. С. Ипполитова [б]

[а, б] Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва (г. Саранск, Российская Федерация).

[а] https://orcid.org/0000-0002-8823-6792

Автор для корреспонденции: Е. А. Сысоева (sysoewa@mail.ru).

Аннотация. *Социальные девиации представляют собой серьезную угрозу благополучию общества, обусловливая необходимость комплексного изучения данного феномена и разработки эффективных мер борьбы с ними. Целью исследования является проведение статистического анализа социальных девиаций в Российской Федерации для выявления основных закономерностей, характеризующих девиантное поведение в регионах России. В работе применен различный инструментарий для комплексного статистического и эконометрического анализа социальных девиаций. Авторами рассмотрена динамика, структура и тенденции развития преступности в Российской Федерации, на основе кластерного анализа проведена дифференциация регионов России по уровню девиации, выявлены факторы, влияющие на число девиантов в регионах каждого кластера, осуществлен корреляционно-регрессионный анализ социально-экономических факторов, оказывающих влияние на уровень девиации в стране. Научная новизна и значимость полученных результатов заключаются в возможности их применения органами государственной власти, правоохранительными органами, социальными службами и другими заинтересованными структурами для разработки и реализации целенаправленной политики в сфере профилактики и коррекции социальных девиаций.*

Ключевые слова: девиантное поведение; социальные девиации; кластерный анализ; корреляционно-регрессионный анализ

Statistical Study of Social Deviations in Modern Society

E. Sysoeva [a], V. Ippolitova [b]

[a, b] National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation).

[a] https://orcid.org/0000-0002-8823-6792

Corresponding author: E. Sysoeva (sysoewa@mail.ru).

Abstract. *Social deviations pose a serious problem for the well-being of society, necessitating a comprehensive study of this phenomenon and the development of effective measures to combat them. The aim of the study is to conduct a statistical analysis of social deviations in the Russian Federation to identify the main patterns characterizing deviant behavior in the regions of Russia. The paper uses various tools for a comprehensive statistical and econometric analysis of social deviations. The authors examined the dynamics, structure and trends in the development of crime in the Russian Federation, differentiated the regions of Russia by the level of deviation based on cluster analysis, identified the factors influencing the number of deviants in the regions of each cluster, and performed a correlation and regression analysis of the socio-economic factors influencing the level of deviation in the country. The scientific novelty and significance of the results obtained lie in the possibility of their application by government bodies, law enforcement agencies, social services and other interested structures to develop and implement a targeted policy in the field of prevention and correction of social deviations.*

[1] © Сысоева Е. А., Ипполитова В. С. Текст. 2025.

Keywords: deviant behavior; social deviations; cluster analysis; correlation and regression analysis

Введение

В условиях стремительно меняющегося мира, характеризующегося глубокими социально-экономическими, культурными и технологическими трансформациями, проблема социальных девиаций приобретает всё большую остроту и сложность. Девиации, представляющие собой отклонения от общепринятых норм и ценностей (преступность, наркомания, алкоголизм, экстремизм, коррупция или иные формы асоциального поведения), не просто бросают вызов стабильности и благополучию общества, но и становятся серьезным препятствием на пути его гармоничного развития. Важно понимать, что само понятие «девиации» относительно и зависит от конкретного общества, его исторического контекста и культурных особенностей. То, что считается девиантным в одном обществе, может быть нормой в другом. Более того, границы нормы постоянно смещаются под влиянием различных факторов, таких как глобализация, миграционные процессы, технологический прогресс, изменения в ценностных ориентациях и т. д. Это делает анализ социальных девиаций еще более сложным и требует постоянного пересмотра существующих подходов к их исследованию.

Комплексное изучение феномена социальных девиаций, выявление его причин и разработка эффективных мер противодействия представляют собой актуальную задачу современной социологии, криминологии, психологии, статистики и других смежных наук. Актуальность темы исследования обусловлена недостаточной разработанностью проблемы девиантного поведения с точки зрения статистического анализа.

Обзор литературы

Изучением отдельных видов и форм девиантного поведения занимались представители различных наук, исследующих поведение человека, таких как социология (Мкртумова, 2005; Смелзер, 1994; Шереги, 2024), психология (Змановская, 2021), теория и философия права (Туркулец и др., 2020), психиатрия (Гилинский, 2021; 2022), педагогика (Клейберг & Козлов, 2024; Шаманова & Масленникова, 2022).

Значительный вклад в разработку проблем девиантного поведения, исследование масштабов и форм их распространения в обществе внесли многие отечественные и зарубежные ученые, среди которых Г. Беккер, М.И. Бобнева, М. Вебер, Ю.Г. Волков, Я.И. Гилинский, А.Н. Гончарова, И. Гофман, А.С. Гречин, А.Г. Здравомыслов, Л.Г. Ионин, А. Коэн, В.Н. Кудрявцев, Д.А. Леонтьев, Д. Матц, С.В. Моисеев, Е.М. Пеньков, В.Д. Плахова, У. Самнер, Н.М. Тапчанян и другие.

Исследуемая проблематика в теории рассмотрена достаточно широко, однако нерешенным остается множество проблем, связанных с проведением комплексного пространственного-временного статистического исследования социальных девиаций, формирования системы показателей, характеризующих масштабы данных проявлений.

Материалы и методы

Теоретической основой исследования послужили труды российских и зарубежных ученых, посвященные изучению социальных девиаций.

В основу исследования положены статистические материалы о состоянии и развитии социальных девиаций в Российской Федерации за период с 2000 по 2023 гг. Для достижения целей исследования применялись различные методы анализа. Аналитический метод позволил выявить тенденции и закономерности, связанные с социальными девиациями. Метод сравнительного анализа использовался для сопоставления данных разных лет, что дало возможность выявить изменения в состоянии девиаций с течением времени. Табличные и графические методы представления статистических данных позволили визуализировать результаты и сделать их более доступными для понимания. Методы кластерного анализа помогли выделить группы социальных девиаций на основе их схожести, корреляционно-регрессионный анализ дал возможность установить взаимосвязи между различными факторами, способствующими возникновению девиаций. Для обработки и анализа информации использовались современные пакеты прикладных программ (ППП) статистического анализа, такие как Microsoft Excel и «Statistica 6.0».

Результаты

В соответствии с Уголовным Кодексом Российской Федерации преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное уголовным кодексом под угрозой наказания.

Преступность является наиболее опасным и хорошо изученным видом социальных девиаций. В этой связи актуальным является проведение статистического исследования динамики и структуры преступности.

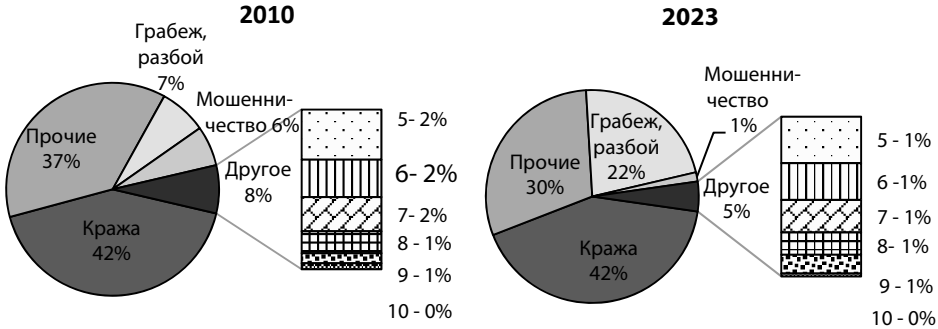
Статистический анализ преступности в Российской Федерации как одного из наиболее распространенных девиантных проявлений

Исследования показывают, что количество зарегистрированных преступлений в Российской Федерации в 2010–2023 гг. сократилось на 25,9 % (681,6 тыс. преступлений), уровень преступности за анализируемый период сократился на 28,2 % (рис. 1). Если в 2010 г. на 100 тыс. чел. населения приходилось 1852,4 преступлений, то в 2023 г. на 100 тыс. чел. населения приходилось 1329,6 преступлений. Рост преступности отмечался в 2015, 2019 и 2020 гг. В 2015 г. по сравнению с 2014 г. уровень преступности увеличился на 8,8 %. Эксперты связывают это с экономическим кризисом в стране, когда снижение уровня жизни подтолкнуло людей на совершение преступлений (Позднякова & Брюно, 2023). Рост уровня преступности в 2019 и 2020 гг. составил 1,7 % и 1 % соответственно.

При сравнении структуры преступности в Российской Федерации за 2010 и 2023 гг. можно констатировать некоторые изменения (рис. 2). Наибольшая доля в структуре преступности как в 2010 г., так и в 2023 г. приходилась на кражи. При этом удельный вес краж сократился за анализируемый период на 12,2 п. п. К 2023 г. значительно увеличилась доля мошенничества (на 16,2 п. п.). Доля грабежей и разбоев сократилась на 5,9 п. п. Влияние на такое перераспределение

Рис. 1. *Количество зарегистрированных преступлений и уровень преступности на 100 тыс. чел. населения по Российской Федерации, 2010–2023 гг. (источник: сост. авторами по: Количество преступлений, зарегистрированных в отчетном периоде. ЕМИСС. https://www.fedstat.ru/indicator/36224?ysclid=m5dscb76rm882607235 (дата обращения: 01.01.2025))*

1 - кража
2 - прочие
3 - грабеж, разбой
4 - мошенничество
5 - убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, изнасилование
6 - присвоение или растрата
7 - неправомерное завладение транспортным средством без цели хищения (угон)
8 - нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств
9 - взяточничество
10 - хулиганство

Рис. 2. *Структура преступности в Российской Федерации, 2010 и 2023 гг., % (источник: сост. авторами по: Количество преступлений, зарегистрированных в отчетном периоде. ЕМИСС. https://www.fedstat.ru/indicator/36224?ysclid=m5dscb76rm882607235 (дата обращения: 01.01.2025))*

в структуре преступности в Российской Федерации вероятнее всего оказала цифровизация, в результате чего стало увеличиваться интернет-мошенничество. Удельный вес других видов преступлений за рассматриваемый период изменился незначительно. Рассчитанный индекс Рябцева, значение которого составило 0,195, свидетельствует о существенном уровне различий структур.

За анализируемый период структура преступности по степени тяжести преступлений, совершенных на территории Российской Федерации, не претерпела существенных изменений (рис. 3). Можно отметить тот факт, что в 2010 г. наибольший удельный вес в структуре приходился на преступления средней тяжести (38,5 %), а в 2023 г. — на преступления небольшой тяжести (40,4 %). Наименьший удельный вес в структуре составляют особо тяжкие преступления, при этом за рассматриваемый период их удельный вес увеличился на 2,8 п. п. В свою очередь индекс Рябцева, составивший 0,044, подтверждает низкий уровень различий структур 2010 и 2023 гг.

За период 2010–2023 гг. как в сельской местности, так и в городах и поселках городского типа количество зарегистрированных преступлений сократилось на 40,1 % и 20,1 % соответственно (рис. 4). При этом структура преступности по типу местности поменялась незначительно. Если в 2010 г. в городах и поселках городского типа Российской Федерации совершалось 76,8 % от общего числа преступлений, то в 2023 г. удельный вес составил 82,9 %, увеличившись на 6,1 п. п. Аналогично для сельской местности: 20,4 % преступлений в 2010 г. против 16,5 % в 2023 г. Низкий уровень различия структур 2010 и 2023 гг. также подтверждает индекс Рябцева, составивший 0,123.

Структура преступности в Российской Федерации по принадлежности преступников к гражданству за анализируемый период изменилась несущественно (рис. 5). Так, в 2010 и в 2023 гг. преобладающая доля преступлений совершена гражданами России. В 2010 г. только 1,9 % преступлений совершено иностранными гражданами и лицами без гражданства, из них 1,7 % — гражданами государств-участников СНГ. Удельный вес преступлений, совершенных

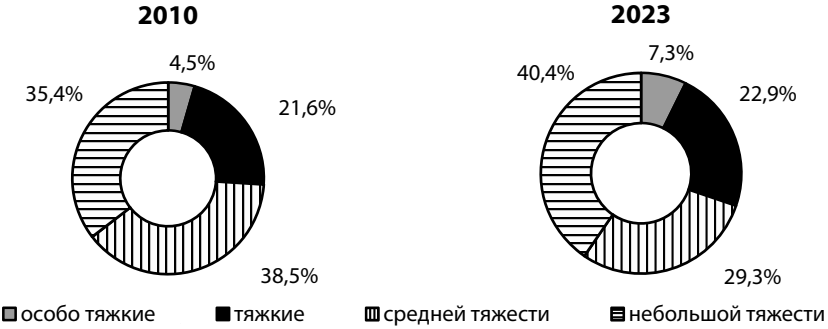

Рис. 3. *Структура преступности по степени тяжести преступлений в Российской Федерации, 2010 и 2023 гг., % (источник: сост. авторами по: Количество преступлений, зарегистрированных в отчетном периоде. ЕМИСС. https://www.fedstat.ru/indicator/36224?ysclid=m5dscb76rm882607235 (дата обращения: 01.01.2025))*

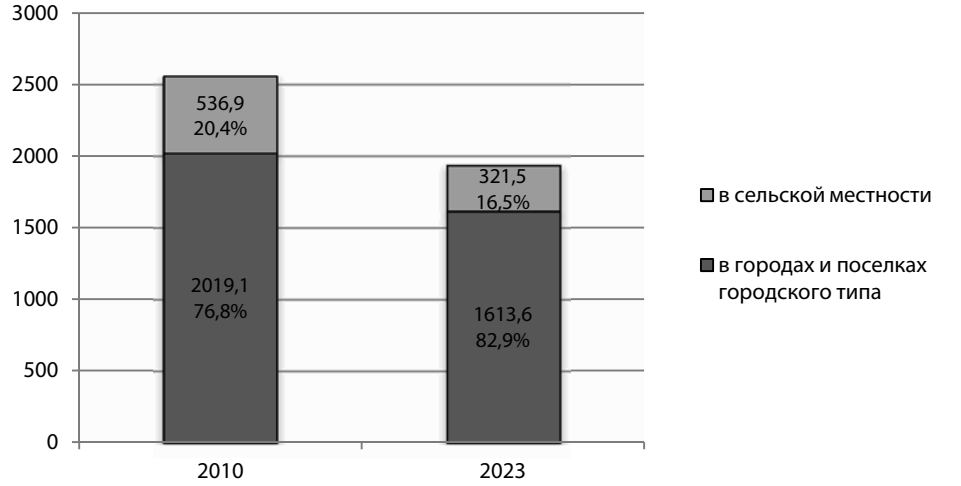

Рис. 4. *Количество зарегистрированных преступлений по типу местности в Российской Федерации, 2010 и 2023 гг., тыс. ед. (источник: сост. авторами по: Количество преступлений, зарегистрированных в отчетном периоде. ЕМИСС. https://www.fedstat.ru/indicator/36224?ysclid=m5dscb76rm882607235 (дата обращения: 01.01.2025))*

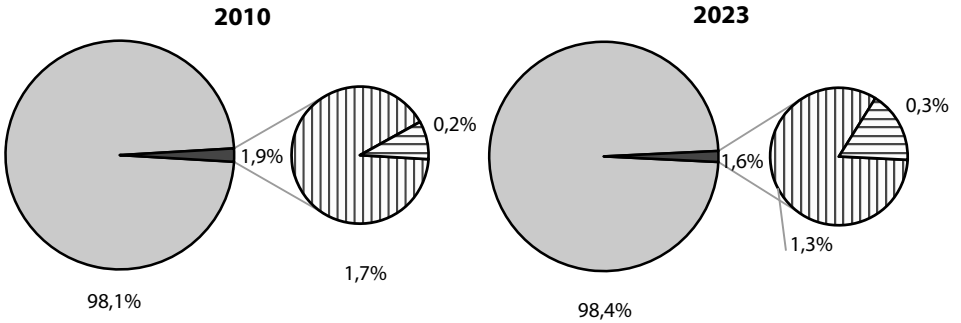

Рис. 5. *Структура преступности в Российской Федерации по принадлежности преступников к гражданству, 2010 и 2023 гг., % (источник: сост. авторами по: Количество преступлений, зарегистрированных в отчетном периоде. ЕМИСС. https://www.fedstat.ru/indicator/36224?ysclid=m5dscb76rm882607235 (дата обращения: 01.01.2025))*

иностранными гражданами и лицами без гражданства, за период 2010–2023 гг. снизился на 0,3 п. п. При этом доля преступлений, совершенных гражданами государств-участников СНГ, сократилась на 0,4 п. п. Индекс Рябцева, рассчитанный для анализа существенности различий структур 2010 и 2023 гг., составил 0,074, что говорит о низком уровне различий структур.

Таким образом, можно констатировать, что преступная среда за анализируемый период времени в Российской Федерации полностью стабильна и контролируема и проявляется в тенденции к снижению уровня преступности и минимальными изменениями в структуре преступности по различным критериям. Огромная роль в достижении таких результатов принадлежит деятельности органов внутренних дел, в т. ч. направленной на профилактику преступлений.

Кластеризация регионов Российской Федерации по уровню девиации

Для того чтобы выявить, как дифференцируются регионы Российской Федерации по уровню девиации, был проведен кластерный анализ. Уровень девиации нельзя охарактеризовать каким-либо одним результативным признаком, поэтому данная категория представлена группой зависимых переменных:

Y_1 — Число лиц, взятых под наблюдение с диагнозом «алкоголизм и алкогольные психозы», установленным впервые в жизни, на 100 тыс. чел. населения;

Y_2 — Число лиц, взятых под наблюдение с диагнозом «наркомания», установленным впервые в жизни, на 100 тыс. чел. населения;

Y_3 — Число лиц, совершивших преступления, на 100 тыс. чел. населения;

Y_4 — Число умерших от самоубийств на 100 тыс. чел. населения.

Процесс кластеризации по указанным признакам был произведен по данным 85 регионов Российской Федерации за 2023 г. Статистическая обработка данных была проведена с использованием ППП «Statistica 6.0».

Прежде чем приступить к кластеризации, была проведена проверка исходных данных на наличие аномальных наблюдений с использованием правила «ящик с усами». По результатам расчетов выявлено, что для Y_1 аномальными являются те наблюдения, значения которых меньше минус 63,3 и больше 153. Таким оказалось наблюдение, значение которого равно 296,5, принадлежащее Чукотскому автономному округу. Для Y_2 аномальными являются те наблюдения, значения которых меньше минус 13,7 и больше 28,6, для Y_4 — наблюдения, значения которых меньше минус 23 и больше 45. Установлено, что такие наблюдения отсутствуют. Для Y_3 аномальными являются те наблюдения, значения которых меньше минус 203 и больше 1387,7. Таким оказалось наблюдение, значение которого равно 1546, принадлежащее Республике Алтай. Таким образом, при проведении кластерного анализа были исключены наблюдения, соответствующие Чукотскому автономному округу и Республике Алтай. В результате в кластеризации участвовали 83 субъекта Российской Федерации. Исходные данные были стандартизованы. В качестве меры близости для разбиения объектов на классы было использовано евклидово расстояние.

В результате реализации процедур иерархического кластерного анализа, а именно: метода одиночной связи, метода полной связи, метода невзвешенной средней связи, метода Уорда (Варда), — были получены дендрограммы разбиения регионов на кластеры. Следует отметить, что метод Уорда наиболее наглядно представляет разделение исследуемой совокупности регионов на кластеры.

Окончательная кластеризация проводилась методом *k*-средних. Наилучшим является разбиение рассматриваемой совокупности на три кластера, поскольку отсутствуют совпадения средних значений (рис. 6).

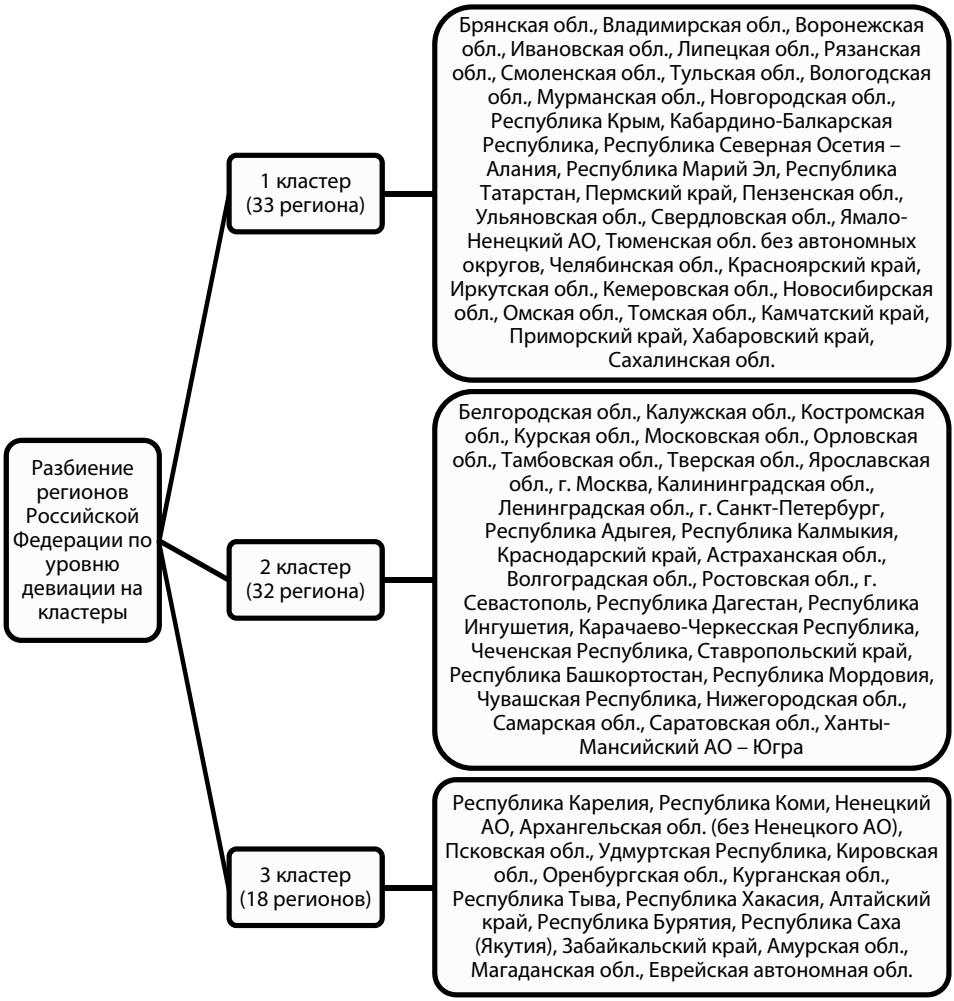

Рис. 6. *Разбиение регионов Российской Федерации по уровню девиации на кластеры (источник: сост. авторами)*

Затем для каждого кластера были определены средние значения показателей (табл.).

Первый кластер оказался самым многочисленным: он включает 33 региона, преимущественно из Центрального, Сибирского и Приволжского федеральных округов. Данный кластер можно охарактеризовать как кластер со средним уровнем девиации, поскольку субъектам, входящим в него, характерны средние значения всех показателей девиации по сравнению с другими кластерами. Исключение составляет число лиц, взятых под наблюдение с диагнозом

Таблица

Средние значения показателей по кластерам

Показатель	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3	Ранжирование по кластерам		
				Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3
Y_1	50,97	28,19	70,03	2	3	1
Y_2	12,07	5,00	7,95	1	3	2
Y_3	625,93	473,71	889,39	2	3	1
Y_4	9,15	7,33	22,66	2	3	1

Источник: сост. авторами.

«наркомания», установленным впервые в жизни, на 100 тыс. чел. населения, которое является самым высоким среди полученных кластеров.

Во второй кластер вошли 32 субъекта, главным образом из Центрального, Южного и Приволжского федеральных округов. Второй кластер характеризуется низким уровнем девиации, поскольку субъекты данного кластера имеют самые низкие значения всех показателей девиации.

Третий кластер стал самым малочисленным, включает 18 регионов из Дальневосточного и Северо-Западного федеральных округов. Данный кластер отличается высоким уровнем девиации, поскольку субъекты данного кластера имеют самые высокие значения всех показателей девиации, за исключением числа лиц, взятых под наблюдение с диагнозом «наркомания», установленным впервые в жизни, на 100 тыс. чел. населения.

Для того чтобы не оставлять без внимания регионы, которые были исключены из-за аномальных значений для достижения корректных результатов кластеризации, рассмотрим для них значения всех исследуемых показателей. Республика Алтай характеризуется чрезвычайно высокой преступностью и большим числом умерших от самоубийств, другие показатели девиаций в данной республике достаточно низкие. Чукотский автономный округ характеризуется очень высокой алкоголизацией населения, высокой преступностью и большим числом умерших от самоубийств. При этом отсутствуют лица, взятые под наблюдение с диагнозом «наркомания», установленным впервые в жизни.

Следовательно, по уровню девиации регионы Российской Федерации распределились следующим образом:

— очень высокий уровень девиации — Республика Алтай и Чукотский автономный округ;

— высокий уровень девиации — регионы, вошедшие в третий кластер;

— средний уровень девиации — регионы, попавшие в первый кластер;

— низкий уровень девиации — регионы, попавшие во второй кластер.

Таким образом, кластерный анализ демонстрирует значительные различия в уровне социальных девиаций регионов России.

Сравнительный анализ взаимосвязи уровня девиации с демографическими показателями по регионам Российской Федерации

Уровень девиации влияет на демографическую обстановку. Высокая распространенность социальных девиаций может негативно воздействовать на демографические показатели. Для более детального изучения этих зависимостей

проведен сравнительный анализ взаимосвязи уровня девиации с ключевыми демографическими показателями, такими как:

— общий коэффициент рождаемости (число родившихся на 1000 чел. населения);
— общий коэффициент смертности (число умерших на 1000 чел. населения);
— коэффициент естественного прироста населения на 1000 чел. населения;
— ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет;
— коэффициент миграционного прироста на 10 тыс. чел. населения.

Для этого по полученному в результате кластерного анализа разбиению регионов Российской Федерации по уровню девиации на кластеры были вычислены средние значения исследуемых показателей. Визуально результаты представлены в виде лепестковых диаграмм (рис. 7).

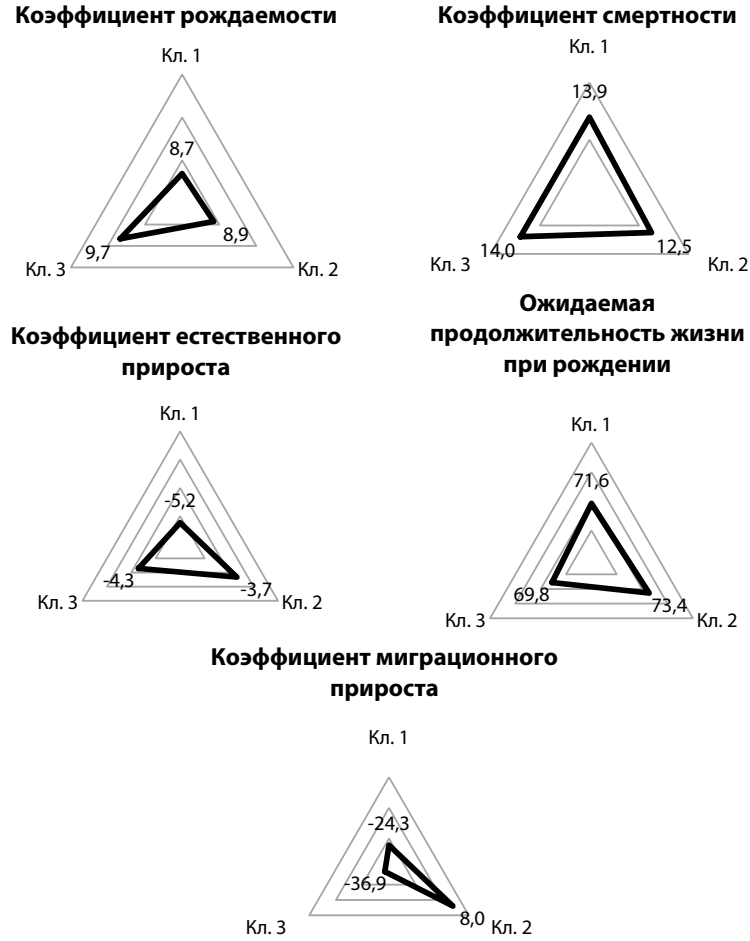

Рис. 7. *Средние значения демографических показателей по кластерам регионов Российской Федерации по уровню девиации за 2023 г. (источник: сост. авторами)*

В третьем кластере, характеризующимся высоким уровнем девиации, отмечается максимальная смертность при одновременно высоком уровне рождаемости. Однако естественный прирост остается отрицательным и составляет минус 4,3. Это означает, что смертность значительно превышает рождаемость, что ведет к сокращению численности населения. Кроме того, в этом кластере зафиксированы минимальное значение ожидаемой продолжительности жизни при рождении и максимальная миграционная убыль. Таким образом, высокая степень девиации в регионах третьего кластера сопряжена с негативными демографическими тенденциями, такими как высокая смертность, отрицательный естественный прирост и миграционный отток. Это указывает на деструктивное влияние девиации на демографическое развитие регионов.

Первый кластер, отличающийся средним уровнем девиации, характеризуется высокой смертностью и самой низкой рождаемостью среди анализируемых кластеров. Это приводит к максимальному значению естественной убыли населения. При этом показатели ожидаемой продолжительности жизни при рождении и миграционной убыли в данном кластере занимают среднее положение относительно других кластеров. Следовательно, средний уровень девиации также оказывает негативное влияние на демографическую ситуацию, хотя его последствия менее выражены, чем в третьем кластере.

Второй кластер, имеющий низкий уровень девиации, демонстрирует средние показатели рождаемости и смертности населения, а также наименьшее значение естественной убыли. Кроме того, низкий уровень девиации приводит к наибольшим значениям ожидаемой продолжительности жизни при рождении среди всех кластеров. В отличие от остальных кластеров, второй кластер демонстрирует положительное сальдо миграции. Таким образом, низкий уровень девиации ассоциируется с благоприятной демографической ситуацией, включающей умеренные показатели рождаемости и смертности, минимальную естественную убыль, высокий уровень ожидаемой продолжительности жизни и миграционный прирост. Следовательно, снижение уровня девиации способствует улучшению демографической ситуации.

Республика Алтай и Чукотский автономный округ выделяются среди остальных регионов вследствие чрезвычайно высокого уровня девиации, что делает целесообразным их отдельное рассмотрение вне выделенных кластеров. Данным регионам присущи высокая рождаемость (13,1 родившихся на 1000 чел. населения в Республике Алтай и 10,6 — в Чукотском автономном округе) и сравнительно низкая смертность (11,6 умерших на 1000 чел. населения в Республике Алтай и 10,2 — в Чукотском автономном округе), что обеспечивает небольшой естественный прирост (1,5 и 0,4 чел. на 1000 чел. населения соответственно). Это во многом обусловлено низкой долей населения старше трудоспособного возраста. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в данных регионах остается низкой — 68,5 лет в Республике Алтай и 66,2 года в Чукотском автономном округе. Кроме того, несмотря на положительный естественный прирост, оба региона характеризуются миграционной убылью (17 чел. на 10000 населения в Республике Алтай и 18 — в Чукотском автономном округе). Таким образом, аномально высокий уровень девиации в данных регионах сопровождается

противоречивыми демографическими тенденциями: с одной стороны, относительно высокая рождаемость и положительный естественный прирост, с другой — низкая продолжительность жизни и выраженная миграционная убыль.

В связи с тем, что кластеры различаются по уровню девиации и по социально-экономическим показателям, целесообразно выявить, какие показатели в большей степени влияют на уровень девиации в каждом кластере. Для этого целесообразно использовать методы корреляционно-регрессионного анализа.

Многофакторное моделирование влияния социально-экономических факторов на уровень девиации в регионах Российской Федерации

Социальные девиации — сложное и многогранное явление, на которое оказывает влияние большое количество разнообразных факторов, таких как индивидуальные, педагогические, психологические и социальные факторы, определяющиеся социальными, экономическими, политическими и другими условиями существования общества.

Для анализа факторов, влияющих на уровень девиации, по результатам кластеризации регионов Российской Федерации был проведен корреляционно-регрессионный анализ по данным за 2023 г. В качестве результативного признака (Y) был выбран показатель числа девиантов на 100 тыс. чел. населения, представляющий собой сумму четырех показателей девиаций, использованных в процессе кластерного анализа. В качестве факторных признаков были выбраны следующие показатели, отражающие действие экономических и социальных факторов:

X_1 — Удельный вес городского населения в общей численности населения (%), отражает уровень урбанизации. С одной стороны, высокий уровень урбанизации может приводить к повышению числа девиантов. Это связано с тем, что высокая плотность населения может приводить к большей анонимности и снижению социального контроля, в городах более широкая доступность незаконных товаров и услуг и более высокий уровень стресса, который может толкать людей к девиации. С другой стороны, высокий уровень социальной защиты, образования и возможностей трудоустройства в городах может приводить к снижению числа девиантов;

X_2 — Общие коэффициенты разводимости на 1000 чел. населения. Развод может иметь значительное влияние не только на разводящихся, но и на их детей, особенно на психическое здоровье и благополучие, что может привести к увеличению числа девиантов;

X_3 — Уровень безработицы (%). Безработные люди могут испытывать финансовые трудности, что возможно приведет к стрессу, тревоге и депрессии. Эти негативные эмоции могут в свою очередь увеличить риск участия в девиации;

X_4 — Численность населения с денежными доходами ниже границы бедности (в % от общей численности населения) характеризует уровень бедности в стране. Высокий уровень бедности приводит к отсутствию возможностей у населения удовлетворять свои потребности, что в свою очередь может подтолкнуть людей к девиантным проявлениям;

X_5 — Число собственных легковых автомобилей на 1000 чел. населения (шт.). Наличие собственного легкового автомобиля может свидетельствовать о высоком уровне жизни, что приводит к снижению числа девиантов. С другой стороны,

собственный автомобиль может быть поводом для беспокойства и даже привести к финансовым трудностям (например, в случае его поломки), что может стать причиной увеличения числа девиантов;

X_6 — Соотношение среднедушевых доходов населения с величиной прожиточного минимума (раз). Увеличение соотношения среднедушевых доходов населения с величиной прожиточного минимума свидетельствует об улучшении финансового положения граждан, что может положительно повлиять на число девиантов, т. е. привести к его снижению;

X_7 — Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя (кв. м), отражает жилищную обеспеченность населения. Увеличение данного показателя может свидетельствовать о повышении уровня жизни и приводить к снижению числа девиантов;

X_8 — Удельный вес домашних хозяйств, имевших доступ к сети Интернет (%). Интернет представляет собой инструмент, который может как содействовать, так и препятствовать девиантному поведению. С одной стороны, Интернет может расширять доступ к образовательным ресурсам и информации, способствовать социальному взаимодействию и поддержке, обеспечивать возможности для самовыражения и творчества. Это может привести к снижению числа девиантов. С другой стороны, Интернет может стать платформой для кибербуллинга и травли, способствовать распространению экстремизма и радикализации, предоставлять доступ к незаконному контенту, что повышает риск вовлечения в девиантную деятельность;

X_9 — Удельный вес общей площади жилых помещений, оборудованной одновременно водопроводом, водоотведением, отоплением, горячим водоснабжением, газом или напольными электроплитами (%). Увеличение данного показателя может означать повышение качества жизни и вести к снижению числа девиантов;

X_{10} — Розничные продажи алкогольной продукции на душу населения (литры этанола). Высокий уровень продажи алкогольной продукции может увеличить вероятность возникновения девиантных проявлений.

Статистическая обработка данных была проведена с использованием ППП «Statistica 6.0».

В первую очередь исследовался уровень девиации в регионах первого кластера. При проведении корреляционного анализа была получена матрица парных коэффициентов корреляции. При 10 %-ом уровне значимости коэффициенты корреляции между результативным признаком и факторами X_1, X_2, X_5 и X_{10} признаны статистически значимыми, а остальные коэффициенты — статистически незначимыми, следовательно, факторы X_3, X_4, X_6, X_7, X_8, X_9 исключаются из дальнейшего исследования в рамках первого кластера. Из матрицы парных коэффициентов корреляции также следует, что факторы X_4 и X_6 сильно связаны, однако они оба исключены ввиду незначимости, следовательно, проблема мультиколлинеарности не возникла. На основе анализа матрицы парных коэффициентов корреляции с использованием шкалы Чеддока были получены следующие выводы:

— между зависимой переменной Y и факторами X_1 и X_5 наблюдается умеренная прямая связь, что подтверждается коэффициентами корреляции, равными соответственно 0,41 и 0,31;

— между зависимой переменной Y и фактором X_2 наблюдается высокая прямая связь, что подтверждается коэффициентом корреляции, равным 0,71;

— между зависимой переменной Y и фактором X_{10} наблюдается заметная прямая связь, что подтверждается коэффициентом корреляции, равным 0,53.

В процессе реализации процедуры пошагового регрессионного анализа были исключены факторы X_1 и X_5, т. к. фактические значения их t-статистик незначимы.

На основании критерия Стьюдента было установлено, что коэффициенты регрессии признаются статистически значимыми при пятипроцентном уровне значимости. Полученное уравнение регрессии по критерию Фишера считается статистически значимым при пятипроцентном уровне значимости. Уравнение регрессии выглядит следующим образом (1):

$$Y(\text{кластер 1}) = -132{,}1 + 140{,}6 \cdot X_2 + 21{,}8 \cdot X_{10}. \quad (1)$$

Следовательно, при увеличении общего коэффициента разводимости на 1000 чел. населения на единицу, число девиантов на 100 тыс. чел. населения увеличится на 140,6 чел.; при увеличении розничных продаж алкогольной продукции на душу населения на один литр этанола число девиантов на 100 тыс. чел. населения увеличится на 21,8 чел.

Коэффициент детерминации для данной модели, равный 0,604, свидетельствует о том, что вариация числа девиантов на 100 тыс. чел. населения на 60,4 % обусловлена вариацией включенных в уравнение регрессии факторов и на 39,6 % обусловлена вариацией других, неучтенных факторов. Средняя относительная ошибка аппроксимации для данной модели составила 9,9 %, что свидетельствует о высоком качестве модели и ее пригодности для прогнозирования.

Далее проведено исследование уровня девиации в регионах второго кластера. При 10 %-ом уровне значимости статистически значимыми признаны коэффициенты корреляции между результативным показателем и факторами X_3, X_5, X_6, X_7 и X_9, остальные коэффициенты признаны статистически незначимыми, следовательно, факторы X_1, X_2, X_4, X_8, X_{10} были исключены из дальнейшего исследования в рамках второго кластера. Проблема мультиколлинеарности в данном случае также не возникла. Анализ матрицы парных коэффициентов корреляции в совокупности со шкалой Чеддока позволил констатировать следующее:

— между зависимой переменной Y и факторами X_3, X_6 и X_9 наблюдается умеренная обратная связь, что подтверждается коэффициентами корреляции, равными соответственно минус 0,4, минус 0,3 и минус 0,4;

— между зависимой переменной Y и фактором X_5 наблюдается заметная прямая связь, что подтверждается коэффициентом корреляции, равным 0,5;

— между зависимой переменной Y и фактором X_7 наблюдается умеренная прямая связь, что подтверждается коэффициентом корреляции, равным 0,48.

В ходе реализации пошагового регрессионного анализа были исключены факторы X_3 и X_7, поскольку фактические значения их t-статистик незначимы.

При пятипроцентном уровне значимости коэффициенты регрессии признаются статистически значимыми по критерию Стьюдента. По критерию Фишера уравнение регрессии является статистически значимым при пятипроцентном уровне значимости. Уравнение регрессии имеет следующий вид (2):

$$Y(\text{кластер 2}) = 505{,}8 + 1{,}2 \cdot X_5 + 55{,}4 \cdot X_6 - 2{,}8 \cdot X_9. \quad (2)$$

Из уравнения регрессии следует, что при увеличении числа собственных легковых автомобилей на 1000 чел. населения на единицу, число девиантов на 100 тыс. чел. населения увеличится на 1,2 чел.; при увеличении соотношения среднедушевых доходов населения с величиной прожиточного минимума на один раз, число девиантов на 100 тыс. чел. населения уменьшится на 55,4 чел.; при увеличении удельного веса общей площади жилых помещений, оборудованной одновременно водопроводом, водоотведением, отоплением, горячим водоснабжением, газом или напольными электроплитами на один процентный пункт, число девиантов на 100 тыс. чел. населения уменьшится на 2,8 чел.

Коэффициент детерминации для данной модели, равный 0,534, свидетельствует о том, что вариация числа девиантов на 100 тыс. чел. населения на 53,4 % обусловлена вариацией включенных в уравнение регрессии факторов и на 46,6 % обусловлена вариацией неучтенных факторов. О высоком качестве полученной модели свидетельствует значение средней относительной ошибки аппроксимации, которое составило 11,9 %.

Далее корреляционно-регрессионный анализ уровня девиации проводился по регионам третьего кластера. Установлено, что при 10 %-ом уровне значимости коэффициенты корреляции между результативным показателем и факторами X_3, X_4, X_5 и X_7 являются статистически значимыми, а остальные коэффициенты — статистически незначимыми, следовательно, факторы X_1, X_2, X_6, X_8, X_9, X_{10} исключаются из дальнейшего исследования в рамках третьего кластера. Совместное исследование матрицы парных коэффициентов корреляции и шкалы Чеддока дало основание заключить следующее:

— между зависимой переменной Y и факторами X_3 и X_4 наблюдается заметная прямая связь, что подтверждается коэффициентами корреляции, равными соответственно 0,66 и 0,61;

— между зависимой переменной Y и фактором X_5 наблюдается умеренная прямая связь, что подтверждается коэффициентом корреляции, равным минус 0,46;

— между зависимой переменной Y и фактором X_7 наблюдается заметная обратная связь, что подтверждается коэффициентом корреляции, равным минус 0,63.

Мультиколлинеарность между указанными факторами отсутствует.

Полученные фактические значения t-статистик факторов X_4 и X_5 оказались незначимы, поэтому они были исключены из дальнейшего рассмотрения.

Согласно критерию Стьюдента, коэффициенты регрессии рассматриваются как статистически значимые при десятипроцентном уровне значимости. Критерий Фишера свидетельствует о том, что полученное уравнение регрессии признается статистически значимым при пятипроцентном уровне значимости. Уравнение регрессии для третьего кластера (3):

$$Y(\text{кластер 3}) = 1174{,}0 + 45{,}6 \cdot X_3 - 15{,}5 \cdot X_8. \quad (3)$$

При увеличении уровня безработицы на один процентный пункт число девиантов на 100 тыс. чел. населения увеличится на 45,6 чел.; при увеличении общей площади жилых помещений, приходящейся в среднем на одного жителя, на 1 кв. м, число девиантов на 100 тыс. чел. населения уменьшится на 15,5 чел.

Для этой модели коэффициент детерминации составил 0,541, следовательно, вариация числа девиантов на 100 тыс. чел. населения на 54,1 % обусловлена вариацией включенных в уравнение регрессии факторов и на 45,9 % обусловлена вариацией других факторов. Значение средней относительной ошибки аппроксимации составило 11,2 %, что дает основание говорить о высоком качестве модели и возможности ее использования для прогнозирования.

Таким образом, в результате многофакторного моделирования влияния социально-экономических факторов на уровень девиации в регионах Российской Федерации были выявлены основные факторы, обусловливающие девиацию в каждом из кластеров. Именно эти факторы должны быть учтены органами власти при борьбе с социальными девиациями.

Заключение

В ходе исследования был проведен статистический анализ социальных девиаций, детально изучен такой компонент, как преступность. С помощью кластерного анализа все субъекты Российской Федерации были поделены на четыре группы в зависимости от уровня распространения в них социальных девиаций (очень высокий, высокий, средний, низкий уровень). Полученные таким образом результаты исследования могут стать источником информации для органов власти, которые смогут точечно направлять административный ресурс на борьбу с отклоняющимся поведением в особо нуждающихся регионах.

Развивая результаты кластерного анализа, по каждой группе федеральных субъектов был проведен корреляционно-регрессионный анализ, выявивший ключевые факторы, которые определяют развитие социальных девиаций в конкретном кластере. Знание причин, развивающих девиантность среди населения, позволит разрабатывать стратегии и принимать управленческие решения на государственном уровне по противодействию социальным девиациям.

Таким образом, проведенное комплексное статистическое исследование социальных девиаций в современном обществе является незаменимым инструментом для принятия стратегических решений в рамках социальной политики государства.

Список источников

Гилинский, Я. И. (2021). *Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений»*. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 603.

Гилинский, Я. И. (2022). Девиантология постмодерна. *Российский девиантологический журнал, 2* (1), 10–16. https://doi.org/10.35750/2713-0622-2022-1-10-16

Змановская, Е. В. (2021). Современная российская девиантология: история, методология, социальные вызовы и актуальные тенденции. *Российский девиантологический журнал, 1* (1), 12–23. https://doi.org/10.35750/2713-0622-2021-1-12-23

Клейберг, Ю. А., Козлов, В. В. (2024). *Цифровая ювенальная девиантология*. Москва: Академия национального образования и науки, 198.

Мкртумова, И. В. (2005). *Социальная конструкция девиации в различных социальных институтах*. Казань: Университет управления «ТИСБИ», 178.

Позднякова, М. Е., Брюно, В. В. (2023). Девиантное поведение населения как отражение дезадаптационных процессов в российском обществе (по материалам государственной статистики). *Вестник Института социологии, 4* (14), 306–330. http://doi.org/10.19181/vis.2023.14.4.17

Смелзер, Н. (1994). Социология. Москва: Феникс, 688.

Туркулец, А. В., Туркулец, С. Е., Кособокова, А. А. (2020). *Социальные девиации: философско-правовые, социологические и криминологические аспекты*. Хабаровск: Дальневосточный государственный университет путей сообщения, 139.

Шаманова, А. В., Масленникова, А. В. (2022). Реализация государственной социальной политики и сглаживание социальных девиаций. В *Материалы XXIII Международной научной конференции «Цивилизация знаний: российские реалии»* (08–29 апреля 2022 г.) (с. 263–267). Киров: Межрегиональный центр инновационных технологий в образовании, 843. http://doi.org/10.52376/978-5-907623-36-1_263

Шереги, Ф. Э. (2024). *Социология девиации* (2-е изд., испр. и доп.). Москва: Изд-во Юрайт, 332.

References

Gilinsky, Ya. I. (2021). *Deviantologiya: sociologiya prestupnosti, narkotizma, prostitucii, samoubijstv i drugix «otklonenij» [Deviantology: Sociology of Crime, Drug Addiction, Prostitution, Suicide, and Other "Deviations"]*. St. Petersburg: Legal Center Press, 603. (In Russ.)

Gilinsky, Ya. I. (2022). Postmodern Deviantology. *Rossijskij deviantologicheskij zhurnal [Russian journal of deviant behavior], 2* (1), 10–16. https://doi.org/10.35750/2713-0622-2022-1-10-16 (In Russ.)

Kleiberg, Yu. A., Kozlov, V. V. (2024). *Cifrovaya yuvenal`naya deviantologiya [Digital juvenile deviantology]*. Moscow: Academy of National Education and Science, 198. (In Russ.)

Mkrtumova, I. V. (2005). *Social`naya konstrukciya deviacii v razlichny`x social`ny`x institutax [Social construction of deviation in various social institutions]*. Kazan: University of Management "TISBI", 178. (In Russ.)

Pozdnyakova, M. E., Bruno, V. V. (2023). Deviant behavior of the population as a reflection of maladaptive processes in Russian society (based on state statistics). *Vestnik Instituta sociologii [Bulletin of the Institute of Sociology], 4* (14), 306–330. http://doi.org/10.19181/vis.2023.14.4.17 (In Russ.)

Shamanova, A. V., Maslennikova, A. V. (2022). Implementation of state social policy and smoothing out social deviations. In *Materialy` XXIII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Civilizaciya znanij: rossijskie realii» (08–29 aprelya 2022 g.) [Proceedings of the XXIII International Scientific Conference "Civilization of Knowledge: Russian Realities" (April 8–29, 2022)]* (pp. 263–267). Kirov: Interregional Center for Innovative Technologies in Education, 843. http://doi.org/10.52376/978-5-907623-36-1_263 (In Russ.)

Sheregi, F. E. (2024). *Sociologiya deviacii (2-e izd., ispr. i dop.). [Sociology of deviation (2nd ed., revised and supplemented)]*. Moscow: Yurayt Publishing House, 332. (In Russ.)

Smelser, N. (1994). *Sociologiya [Sociology]*. Moscow: Phoenix, 688. (In Russ.)

Turkulets, A. V., Turkulets, S. E., Kosobokova, A. A. (2020). *Social`ny`e deviacii: filosofsko-pravovy`e, sociologicheskie i kriminologicheskie aspekty` [Social deviations: philosophical and legal, sociological and criminological aspects]*. Khabarovsk: Far Eastern State Transport University, 139. (In Russ.)

Zmanovskaya, E. V. (2021). Modern Russian Deviantology: History, Methodology, Social Challenges, and Current Trends. Rossijskij deviantologicheskij zhurnal [Russian journal of deviant behavior], 1(1), 12–23. https://doi.org/10.35750/2713-0622-2021-1-12-23 (In Russ.)

Сысоева Евгения Александровна — доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой статистики и информационных технологий в экономике и управлении, экономический институт, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва; https://orcid.org/0000-0002-8823-6792 (Российская Федерация, 430005, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68; e-mail: sysoewa@mail.ru).

Ипполитова Валерия Сергеевна — студентка, экономический институт, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва (Российская Федерация, 430005, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68; e-mail: ippolitova.vs@gmail.com).

Evgeniya A. Sysoeva — Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Head of the Department of Statistics and IT in economics and management, Institute of Economics; National Research Ogarev Mordovia State University, https://orcid.org/0000-0002-8823-6792 (68, Bolshevistskaya Str., Saransk, 430005, Russian Federation, e-mail: sysoewa@mail.ru).

Valeria S. Ippolitova — 4nd year student of field of training "Statistics", Institute of Economics; National Research Ogarev Mordovia State University (68, Bolshevistskaya Str., Saransk, 430005, Russian Federation, e-mail: ippolitova.vs@gmail.com).

УДК 316.346.3:613.86:616-053.9
JEL classification: J11, J14, I12
https://www.doi.org/10.17059/udf-2025-4-10

Факторы риска тревоги и депрессии у старшего поколения[1]

Ю. Е. Шматова
Вологодский научный центр Российской академии наук (г. Вологда, Российская Федерация).
https://orcid.org/0000-0002-1881-0963
Автор для корреспонденции: Ю. Шматова (ueshmatova@mail.ru).

Аннотация. *Общемировая тенденция демографического старения актуализирует проблему сохранения здоровья и повышения благополучия старшего поколения. В зрелом возрасте увеличивается вероятность развития психических расстройств, в том числе тревоги, депрессии, суицидов и сопутствующего бремени. В работе представлены отдельные результаты федерального статистического выборочного наблюдения состояния здоровья населения 2023 года с целью поиска факторов риска субъективной тревоги и депрессии у лиц старше 60 лет посредством сравнительного анализа и расчета показателя относительного риска. Выборка — 36585 респондентов. По итогам исследования выявлено, что каждый второй испытывает повышенную тревогу или депрессию. Факторами риска выступают: женский пол; возраст старше 70–75 лет; низкий уровень образования; отсутствие спутника жизни, одиночество; наличие ряда серьезных хронических заболеваний и инвалидности; материальное неблагополучие; проживание в коммунальной квартире; отсутствие сбалансированного питания; низкая двигательная и социальная активность. Полученные результаты могут быть применены для научного обоснования и сопровождения управленческих решений, направленных на укрепление физического и психологического самочувствия представителей старшего поколения, повышения качества их жизни и снижения социально-экономического бремени тревоги и депрессии.*

Ключевые слова: старшее поколение; тревога; депрессия; факторы риска

Risk Factors for High Levels of Depression and Depression in the Older Generation

Yu. Shmatova
Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Vologda, Russian Federation).
https://orcid.org/0000-0002-1881-0693
Corresponding author: Yu. Shmatova (ueshmatova@mail.ru).

Abstract. *The global trend of demographic aging actualizes the problem of preserving the health and improving the well-being of the older generation. In adulthood, the likelihood of developing mental disorders increases, including anxiety and depression, suicide and related burdens. The paper presents selected results of a federal statistical sample observation of the health status of the population in 2023 in order to find risk factors for subjective anxiety and depression in people over 60 years of age by means of comparative analysis and calculation of relative risk. The sample consisted of 36,585 respondents. Results: every second person experiences increased anxiety or depression. Risk factors: female gender; age over 70-75 years; low level of education; lack of a life partner, loneliness; presence of a number of serious chronic diseases and disabilities; financial disadvantage; living in a communal apartment; lack of balanced nutrition; low motor and social activity. The results obtained can be applied to scientifically substantiate and support management decisions aimed at strengthening the physical and psychological well-being of the older generation, improving their quality of life and reducing the socio-economic burden of anxiety and depression.*

Keywords: older generation; anxiety; depression; risk factors

[1] © Шматова Ю. Е. Текст. 2025.

Введение

Проблема демографического старения актуальна для подавляющего большинства стран мира. Увеличивается доля представителей старшего поколения, часть из которых обладают удовлетворительным здоровьем и имеют возможность на фоне сокращения трудовых ресурсов продолжать учувствовать в производственной деятельности. Однако многие из них подвержены риску развития психических расстройств, особенно депрессии и тревоги[1]. В течение жизни, по данным ученых, вероятность развития любого психического расстройства для обоих полов достигает 30 %, а к 75 годам — 47 % мужчин и 53 % женщин (McGrath et al., 2023). В современном мире проблема распространения данных расстройств среди лиц старшего возраста приобретает глобальный характер (Sarı et al., 2024).

Депрессия и тревожные расстройства, по данным Всемирной организации здравоохранения, ежегодно приводят к потере 12 млрд рабочих дней и обходятся мировой экономике почти в 1 трлн долл. При этом каждый вложенный в борьбу с этими болезнями доллар, по мнению экспертов, способен принести экономике в четыре раза больше за счет улучшения здоровья и повышения производительности труда[2].

Депрессия является, по мнению экспертов ВОЗ, основной причиной инвалидности во всем мире и основным фактором нефатальной потери здоровья. Для решения проблем психических расстройств ВОЗ представила Комплексный план действий в области психического здоровья на 2013–2030 гг.[3], в котором основное внимание уделяется профилактике, раннему выявлению и лечению расстройств (Eckardt, 2022).

Большое депрессивное расстройство характеризуется подавленным настроением, недостатком физической энергии, нарушением сна, снижением концентрации внимания, утратой интереса к жизни и удовольствия от повседневной деятельности. У людей с депрессией наблюдаются когнитивные нарушения, низкая самооценка, трудности с принятием решений, чувство беспомощности и безнадежности.

Тревога и депрессия в старших возраста зачастую взаимно сопряжена с рядом когнитивных нарушений (деменцией, болезнью Альцгеймера), хронических заболеваний (особенно сердечно-сосудистых, онкологических и др.) и инвалидностью (Alexopoulos, 2005; Kang et al., 2017; Elser et al., 2023; Смирнова и др., 2021; Капустенская и др., 2009; Терегулова и др., 2021; Агарков & Негребецкий, 2023). Всё это еще больше усложняет клиническую картину (Gold et al., 2020), создает проблемы для диагностики и лечения.

В свою очередь недиагностированные или непролеченные тревожные и депрессивные расстройства связаны с многочисленными неблагоприятными последствиями, включая снижение физических функций (Pinton, 2023), риск развития соматических заболеваний, падение качества жизни и уровень благополучия пожилых людей. Было доказано, что депрессия и тревога значительно снижают

[1] Психическое здоровье и пожилые люди. Бюллетень ВОЗ. 20 октября 2023 г. https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/mental-health-of-older-adults (дата обращения: 20.01.2025).

[2] Депрессия и тревожные расстройства ежегодно приводят к потере 12 миллиардов рабочих дней и обходятся мировой экономике почти в 1 трлн долларов. https://news.un.org/ru/story/2022/09/1432581 (дата обращения: 20.01.2025).

[3] Комплексный план действий в области психического здоровья на 2013–2030. Всемирная организация здравоохранения. https://iris.who.int/handle/10665/355464 (дата обращения: 20.01.2025).

возможность социального участия, а значит, и уровень удовлетворенности жизнью у пожилых людей (Lv et al., 2024).

Депрессия повышает риск роста числа самоубийств. Данные статистики ВОЗ и Росстата подтверждают наиболее высокие уровни суицидов именно в старших возрастах. Так, в 2022 г. суициды среди россиян старше 60 лет составляли 18,4 случая на 100 тыс. населения, в то время как в среднем по стране — 9,7. Причем показатель начинает увеличиваться в мужской популяции после 65 лет, а в женской — после 75 лет, достигая пика среди лиц старше 85 лет.

Другим негативным последствием нелеченых тревоги и депрессии у лиц позднего возраста становится увеличение расходов на здравоохранение.

Учеными было доказано, что своевременная диагностика и лечение депрессии значительно снижают вероятность развития деменции (Livingston et al., 2024). А эта проблема крайне актуальна в современном мире. Так, в 2023 г. насчитывалось более 55 млн чел. с деменцией, а к 2050 г. их доля достигнет 139 млн чел.[1]

Также к косвенным издержкам тревоги и депрессии представителей старшего поколения можно отнести снижение производительности труда (выход на пенсию), невыполнение домашних ролей, ухудшение финансового положения и возросшая потребность в неформальном уходе (Snow & Abrams, 2016). Среди всех возрастных состояний деменция и депрессия являются двумя распространенными состояниями, которые часто возникают одновременно в пожилом возрасте, и их сложные взаимосвязи существенно увеличивают бремя ухода. При этом общее бремя тревоги и депрессии позднего возраста для лиц, осуществляющих уход, и общества является значительным и продолжает расти, что делает его глобальной проблемой общественного здравоохранения (Sun, 2025). Особенно актуальна проблема в странах с низким уровнем дохода.

С 1990 по 2021 гг. число случаев депрессии позднего возраста увеличилось во всем мире (среди мужчин с 6,7 млн до 18 млн, а женщин с 13 млн до 31 млн). В 2021 г. регионом с наибольшим числом случаев заболеваемости, распространенности и потерь DALY вследствие депрессии позднего возраста была Восточная Азия, а именно Китай, Индия и Индонезия (Cheng et al., 2024; Sun, 2025).

По данным различных исследований в зависимости от используемого метода обследования, распространенность депрессии у пожилых людей составляет от 13 % до 32 % (Abdoli, 2022; Forlani , 2014; Hu и др., 2022; Zenebe et al., 2021) со значительными различиями в зависимости от пола, региона и социально-экономического уровня.

На фоне социальной изоляции в период пандемии COVID-19 распространенность тревожных расстройств и депрессии значительно выросла (Козырева & Смирнов, 2022; Доброхлеб, 2020; Головкина, 2023; Zhao et al.,2023).

Таким образом, цель данного исследования состоит в том, чтобы вычислить относительный риск комплекса факторов, повышающих риск развития у лиц старше 60 лет субъективной тревоги и депрессии.

[1] Деменция. Информационный бюллетень. https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/dementia (дата обращения: 20.01.2025).

Обзор литературы

Говоря о факторах риска развития депрессии, исследования указывают на увеличение вероятности ее наступления по мере увеличения возраста, достигая 20–25 % в группе 85–89 лет и 30–50 % в возрасте старше 90 лет (Luppa et al., 2012).

Распространенность аффективных расстройств (тревоги и депрессии) в течение жизни выше у женщин (Михайлова, 2004; McGrath et al., 2023; Faravelli, 2013; Cheng et al., 2024). Это гендерное неравенство объясняется не только биологическими факторами, такими как генетическая предрасположенность и гормональные изменения (Li & Graham, 2017), но и системным неравенством и культурными нормами. По сравнению с мужчинами, пожилые женщины часто сталкиваются с более низким уровнем образования, социальным статусом (Jeuring et al., 2018), уровнем дохода и неравенством в сфере труда, с повышенным риском вдовства и одиночества по причине более долгой продолжительности жизни. Всё это снижает возможности их социальной активности и семейного взаимодействия, в конечном итоге повышая риск тревоги и депрессии.

Но ученые выяснили, что у мужчин при депрессии сильнее, чем у женщин, выражены снижение общей физической и социальной активности, способности к самообслуживанию, риск развития инсульта и других тяжелых инвалидизирующих последствий (Forlani, 2014).

К факторам риска развития тревожных и депрессивных расстройств, помимо пола и возраста, по результатам ряда исследований, относятся отсутствие социальной поддержки (Du и др., 2022), проживание в сельской местности, наличие хронических заболеваний и инвалидности (Yang, 2022), курение и злоупотребление алкоголем (Abdoli, 2022), ограниченный доступ к ресурсам психического здоровья (Sun et al., 2020). Неженатый статус значительно увеличивает риск неблагоприятных последствий для психического здоровья. Китайскими коллегами был доказан потенциальный защитный эффект брака для мужчин: наличие супруги значительно снижало риск одиночества и развития симптомов депрессии (Hsiao, 2023). Хорошее самочувствие как у мужчин, так и у женщин предупреждает риск развития депрессивных состояний (Hsiao, 2023), выступая защитным фактором.

Большую пользу психическому здоровью пожилых людей путем решения проблемы тревоги и депрессии могут, по мнению ученых, принести позитивное межпоколенческое общение (Sharifi, 2024), вовлечение в социальную активность (Lv et al., 2024), улучшение систем социальной поддержки, предоставление инновационных медицинских услуг для обеспечения благополучия пожилых людей и их интеграции в общество. Особого внимания заслуживает ключевая роль эмоциональной и финансовой поддержки в снижении повышенной тревожности и депрессии среди представителей старшего поколения.

Таким образом, можно сделать вывод, что фиксируются значительные масштабы распространения тревоги и депрессии среди представителей старшего возраста. Это имеет серьезные негативные последствия как для самого пожилого человека в плане его здоровья, социальной активности, ощущения удовлетворенности жизнью, его финансового и душевного благополучия, качества жизни, так и создает тяжелое бремя для членов его семьи, а также для общества в целом, снижая трудовой потенциал и увеличивая нагрузку на службы системы

здравоохранения и социальной поддержки. Ряд факторов риска развития тревожных и депрессивных состояний, в т. ч. среди лиц старшей возрастной группы, достаточно изучен и широко представлен в научной литературе. Однако он сводится в основном к возрасту, полу, ограниченным возможностям здоровья, отсутствию социального взаимодействия. На наш взгляд, требуется их дальнейшее комплексное и более углубленное исследование.

Материалы и методы

В основу работы легли данные федерального статистического выборочного наблюдения состояния здоровья населения 2023 г. (ВНСЗН-2023[1]). Выборка составила боле 36,5 тыс. россиян старше 60 лет. Более 19,5 тыс. из них признались, что испытывали «сильную» или «умеренную» тревогу и депрессию, а около 17 тыс. выступили в качестве контрольной группы для анализа, т. к. не отметили субъективных симптомов изучаемых душевных состояний.

Нами были определены 4 блока факторов: социально-демографические (регион, пол, возраст, уровень образования, семейное положение); социально-экономические (уровень дохода, покупательная способность, жилищные условия); медико-биологические (самооценка состояния здоровья, наличие заболеваний); поведенческие (питание, физическая активность, досуг, вредные привычки).

Для оценки силы воздействия факторов на развитие тревоги и депрессии мы производили расчет показателя относительного риска (ОР), а также применяли метод сравнительного анализа вероятности наступления неблагоприятных исходов в целевой и контрольной группе при наличии и отсутствии того или иного фактора риска.

Обработка и анализ исходной информации осуществлялись с помощью программного обеспечения Microsoft Office Excel и IBM SPSS Statistics (ver.22.0). В результатах представлены факторы, которые продемонстрировали связь (негативную или защитную) с показателями субъективной тревоги и депрессии.

Результаты

По результатам выборочного обследования, практически половина (53 %) представителей возрастной группы 60+ находились в 2023 г., по их субъективному восприятию, «в состоянии тревоги и / или депрессии». Более 8 % из них охарактеризовал их степень как «сильную». Рассмотрим далее влияние различных факторов риска развития данных состояний.

Социально-демографические факторы. Региональный анализ масштабов распространения субъективной тревоги и депрессии показал, что чаще им подвержены лица старше 60 лет в Астраханской и Брянской областях (свыше 70 %), Республике Калмыкия, Кировской, Ульяновской областях и г. Севастополе (свыше 65 %). Самые низкие показатели отмечаются среди пожилых жителей Республик Чечня (лишь каждый пятый), Мордовия (каждый четвертый) и Саха (каждый третий).

Значимыми факторами риска развития тревожных и депрессивных состояний, по нашим расчетам, как и в большинстве научных исследований, оказались

[1] Росстат. https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/zdor23/PublishSite_2023/index.html (дата обращения: 20.01.2025).

женский пол (ОР = 1,19; 95 % ДИ: 1,17–1,21) и увеличивающийся возраст. Так, среди прекрасной половины симптомы данных расстройств отметили 58 %, а среди мужчин — 45 %, в группе 60–64 года — 42 %, старше 80 лет — около 70 %.

Нами выявлено, что уровень образования выступает фактором риска тревоги и депрессии: чем он выше, чем меньше уязвимость психики к подобным расстройствам. Так, доля не испытывающих тревогу и депрессию среди пожилых людей, не имеющих образования, составила 24 %, с неполным средним — 35 %, со средним — 43 %, с средним профессиональным — 48 %, с высшим — 53 %.

Крепкая семья, а именно наличие официального штампа в паспорте, является защитным фактором развития тревожных и депрессивных состояний (ОР = 0,79; 95 % ДИ: 0,76–0,81), а отсутствие партнера (в случае развода или смерти супруга либо холостого образа жизни в целом — ОР = 1,28; 95 % ДИ: 1,25–1,30) и испытываемое чувство одиночества (ОР = 1,73; 95 % ДИ: 1,70–1,76), напротив, повышают риск появления данных состояний. Самые высокие показатели тревоги и депрессии отмечаются в группе овдовевших (62 %), а также среди одиноких (59 %) и разведенных (52 %).

Дополнительно мы проанализировали отношения не только с супругом или супругой, а также наличие в семье несовершеннолетних детей, т. е. внуков респондентов. Было получено, что совместное проживание с ними снижает вероятность появления тревожных и депрессивных проявлений у пожилого члена семьи (лишь у 38 %).

Общение очень важно для данной возрастной группы. Однако многие из них начинают испытывать определенные трудности в этой сфере, что в свою очередь увеличивает вероятность ухудшения их психологического состояния. По нашим расчетам, пожилые, признавшиеся, что им очень «тяжело общаться и понимать других людей» и что они сами «боятся быть непонятыми», имеют повышенный риск развития симптомов тревоги и депрессии (ОР = 1,14; 95 % ДИ: 1,01–1,29).

Социально-экономические факторы риска. Негативная оценка представителями старшего поколения своего материального положения повышает вероятность развития изучаемых нами состояний (ОР = 1,38; 95 % ДИ: 1,35–1,41). Так, среди тех, кто «живет в крайней нужде», испытывают сильную или умеренную тревогу и депрессию 78 %, кому «денег не хватает на продукты, лекарства, одежду», — 69 % (среди «не имеющих материальных трудностей» — менее 40 %).

Оценка ежемесячного денежного дохода на одного члена семьи респондентов позволила нам сделать некоторые выводы о неоднозначности его влияния на психоэмоциональное состояние пожилых жителей страны. Так, минимальный уровень тревожности и депрессии (38 %) наблюдается в группе пожилых с минимальным уровнем дохода (до 10 тыс. руб.), а максимальный (70 %) — при самом высоком (более 200 тыс.руб.). Также высокие показатели наблюдаются в группе лиц со среднемесячным доходом 10–15 тыс. руб. на человека (62 %) и 15–20 тыс. руб. (59 %). Учитывая размеры пенсии в стране, подавляющее большинство пенсионеров попадают именно в эту в группу риска.

Говоря об условиях проживания, мы сделали вывод, что наибольшие негативные последствия для психики пожилого человека несет проживание в коммунальной квартире (62 %).

Медико-биологические факторы риска. По нашим расчетам, именно состояние здоровья оказалось наиболее значимым фактором риска развития тревоги и депрессии в исследуемой возрастной группе. Более 80 % с «плохим» и 88 % с «очень плохим» здоровьем испытывают изучаемые состояния. Относительный риск данного фактора равен 3,18 (95 % ДИ: 3,04–3,33). Наличие группы инвалидности аналогичным образом значительно увеличивает вероятность утраты психологического равновесия, появления повышенной тревоги и депрессивных состояний (у каждого четвертого; ОР = 1,52; 95 % ДИ: 1,50–1,55).

Как правило, низкая самооценка своего здоровья обоснована наличием серьезного заболевания. Нами обнаружена стойкая связь между всеми диагнозами (артериальная гипертония, инсульт, инфаркт, стенокардия, онкология, заболевания печени, почек, желудка, поджелудочной и щитовидной железы, сахарный диабет, остеохондроз, остеопороз, артрит, астма, варикозное расширение вен и др.) и ощущением повышенной тревоги / депрессии (ОР в пределах 1,18–1,53).

Проведенные нами расчеты показали, что наиболее высокие показатели наблюдаются у представителей старшего поколения, страдающих онкологическими заболеваниями (77 %), а также имеющими в анамнезе инсульт, остеопороз, сердечные заболевания (более 70 %), ревматоидным артритом, подагрой, сахарным диабетом и заболеваниями печени и почек, патологиями щитовидной железы, бронхиальной астмой, желчнокаменной болезнью (две трети).

Наряду с состоянием здоровья и имеющимися заболеваниями, представляет интерес оценка влияния деятельности медицинских организаций на психоэмоциональное состояние лиц старшего возраста. Нами было дополнительно проанализирована оценка деятельности служб здравоохранения, которая показала, что удовлетворенность медицинской помощью, оказываемой государственными и частными учреждениями, снижает вероятность развития симптомов тревоги и депрессии у возрастных пациентов (ОР = 0,66; 95 % ДИ: 0,63–0,70 и ОР = 0,78; 95 % ДИ: 0,74–0,83). Данный вывод подчеркивает значимость предоставления высококачественных медицинских услуг представителям старшего поколения.

Поведенческие факторы риска. Анализируя данную группу причин, мы выявили ряд защитных факторов развития тревоги и депрессии среди пожилых респондентов. К ним относятся частое (ежедневно или 5–6 раз в неделю) употребление в пищу фруктов, ягод, овощей, мяса, рыбы (ОР в пределах 0,84–0,91); повседневная домашняя работа средней интенсивности (ОР = 0,92; 95 % ДИ: 0,91–0,94), ежедневные пешие прогулки (ОР = 0,86; 95 % ДИ: 0,85–0,88) и, вопреки результатам некоторых научных исследований, ежедневное курение (ОР = 0,77; 95 % ДИ: 0,74–0,80) и употребление спиртных напитков чаще 2–3 раз в неделю (ОР = 0,90; 95 % ДИ: 0,84–0,97). Последнее наблюдение требует дополнительного изучения и уточнения. Можно предположить, что алкоголь и никотин обладают специфических расслабляющим эффектом, который может временно приводить к снижению чувства тревоги и угнетению депрессивных проявлений, особенно в случае длительного стажа их употребления. Однако, несмотря на краткосрочный эффект, нельзя забывать о серьезной опасности чрезмерного курения и употребления спиртных напитков для здоровья человека, особенно в старшем возрасте на фоне широкого спектра соматических заболеваний.

Более низкий уровень тревоги и депрессии отмечается среди тех лиц старше 60 лет, которые в качестве досуга выбирают «посещение мероприятия, кинотеатра» (43 %), «занятие любимым делом (спорт, фото, музыка, рисование и так далее)» (48 %). В целом подавляющее большинство пожилых респондентов выбирает пассивные формы времяпрепровождения: просмотр телевидения (87 %), общение с друзьями и близкими (56 %), чтение книг, журналов (44 %). Каждый четвертый респондент старше 60 лет свободное время проводит «за компьютером, планшетом или в смартфоне», что, согласно проведенным расчетам, становится дополнительным фактором риска развития тревожных и депрессивных состояний (ОР = 1,12; 95 % ДИ: 1,10–1,14).

Обсуждение

Таким образом, анализ данных ВНСЗН-2023 и расчет относительного риска некоторых факторов субъективно высокого уровня тревоги и депрессии у лиц старше 60 лет позволил выделить ряд защитных факторов: мужской пол, высокий уровень образования, крепкое семейное положение и проживание с внуками / правнуками, удовлетворенность организацией медицинского обслуживания, сбалансированное питание, повседневная бытовая физическая активность и прогулки на свежем воздухе.

К факторам риска можно отнести: женский пол; возраста старше 70–75 лет; низкий уровень образования; отсутствие спутника жизни и одиночество (объективное и субъективное); наличие ряда серьезных хронических заболеваний и инвалидности; материальное неблагополучие; проживание в коммунальной квартире; отсутствие сбалансированного питания; низкая двигательная и социальная активность.

Заключение

Анализ показал, что практически каждый второй житель России старше 60 лет чувствует у себя повышенную тревогу и депрессию, а значит, нуждается в профессиональной психологической поддержке. Но обратиться за ней готовы лишь 4 % по причине недоверия, сомнения в эффективности деятельности психолога и высокой стоимости услуг. В связи с этим следует освящать и популяризовать деятельность специалистов по психическому здоровью, совершенствовать систему доступного бесплатного медицинского наблюдения в рамках ОМС.

Важным является реализация мероприятий по повышению качества жизни пенсионеров, укреплению физического здоровья лиц старше 60 лет и повышению их физической активности и социального взаимодействия, что может существенно снизить риски развития тревожно-депрессивных проявлений, а значит личную и общественную нагрузку на первичную медико-санитарную помощь.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10128, https://rscf.ru/project/23-78-10128/

Acknowledgements

The research was supported by the Russian Science Foundation grant No. 23-78-10128, https://rscf.ru/project/23-78-10128/

Список источников

Агарков, Н. М., Негребецкий В. А. (2023). Психологический домен пациентов с ишемической болезнью сердца, перенесших новую коронавирусную инфекцию, в ранние сроки выздоровления. *Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики, 3,* 243–256. http://doi.org/10.24412/2312-2935-2023-3-243-256

Головкина, Д. А., Васюта, А. К., Тихонова, Ю. Г., Авдеева, Т. И., Кинкулькина, М. А. (2023). Депрессивные расстройства у лиц, перенесших COVID-19: клиническое наблюдение. *Доктор. Ру, 22* (6), 44–48. http://doi.org/10.31550/1727-2378-2023-22-6-44-48

Доброхлеб, В. Г. (2020). Современная пандемия и риск роста социальной изоляции пожилых людей. *Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право, 3,* 166–173. http://doi.org/10.26653/2076-4650-2020-3-15

Капустенская, Ж. И., Пустозеров, В. Г., Ананьев, А. А., Ковалева, Л. П. (2009). Тревожные и депрессивные расстройства у лиц пожилого и старческого возраста с хронической церебральной ишемией. *Сибирский медицинский журнал, 7,* 183–185.

Козырева, П. М., Смирнов, А. И. (2022). Социальная изоляция и одиночество в пожилом возрасте. *Социологическая наука и социальная практика, 10* (4), 46–63. http://doi.org/10.19181/snsp.2022.10.4.9282

Михайлова, Н. М. (2004). Депрессии в позднем возрасте. *Русский медицинский журнал, 14,* 835.

Смирнова, М. П., Чижов, П. А., Баранов, Ю. И. и др. (2021). Ассоциации дефицита железа у пациентов с хронической сердечной недостаточности. *Вестник современной клинической медицины, 4,* 27–34. http://doi.org/10.20969/VSKM.2021.14(4).27-34

Терегулова, Д. Р., Ахмадеева, Л. Р., Бакиров, Б. А. (2021). Когнитивные нарушения, тревога и депрессия у пациентов с хроническими лимфопролиферативными заболеваниями. *Саратовский научно-медицинский журнал, 1,* 151–155. EDN: SJKHQZ

Abdoli, N., Salari, N., Darvishi, N. et al. (2022). The global prevalence of major depressive disorder (MDD) among the elderly: A systematic review and meta-analysis. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews, 132,* 1067–1073. https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2021.10.041

Alexopoulos, G. S. (2005). Depression in the elderly. *Lancet, 365* (9475), 1961–1970. http://doi.org/10.1016/s0140-6736(05)66665-2

Cheng, Y., Fang, Y., Zheng, J. et al. (2024). The burden of depression, anxiety and schizophrenia among the older population in ageing and aged countries: An analysis of the Global Burden of Disease Study 2019. *General Psychiatry, 37* (1), Article e101078. http://doi.org/10.1136/gpsych-2023-101078

Du, M., Dai, W., Liu, J., Tao, J. (2022). Less Social Participation Is Associated With a Higher Risk of Depressive Symptoms Among Chinese Older Adults: A Community-Based Longitudinal Prospective Cohort Study. *Front Public Health.* Feb 9, 10:781771. http://doi.org/10.3389/fpubh.2022.781771

Eckardt, J. P. (2022). Barriers to WHO Mental Health Action Plan updates to expand family and caregiver involvement in mental healthcare. *General Psychiatry, 35* (2), Article e100784, http://doi.org/10.1136/gpsych-2022-100784

Elser, H., Horváth-Puhó, E., Gradus, J. L. et al. (2023). Association of early-, middle-, and late-life depression with incident dementia in a Danish cohort. *JAMA Neurology, 80* (9), 949–958, http://doi.org/10.1001/jamaneurol.2023.2309

Faravelli, C., Scarpato, M. A., Castellini, G., Lo Sauro, C. (2013). Gender differences in depression and anxiety: The role of age. *Psychiatry Research, 210* (3) 1301–1303. https://doi.org/10.1016/j.psychres.2013.09.027

Forlani, C., Morri, M., Ferrari, B. et al. (2014). Prevalence and Gender Differences in Late-Life Depression: A Population-Based Study. *The American Journal of Geriatric Psychiatry, 22* (4), 370–380. https://doi.org/10.1016/j.jagp.2012.08.015

Gold, S. M. et al. (2020). Comorbid depression in medical diseases. *Nature Reviews Disease Primers, 6* (1), 69. http://doi.org/10.1038/s41572-020-0200-2

Hsiao, F. Y., Peng, L. N., Lee, W. J., Chen, L. K. (2023). Sex-specific impacts of social isolation on loneliness, depressive symptoms, cognitive impairment, and biomarkers: Results from the social environment and biomarker of aging study. *Archives of Gerontology and Geriatrics, 106,* 104872. https://doi.org/10.1016/j.archger.2022.104872

Hu, T., Zhao, X., Wu, M. et al. (2022). Prevalence of depression in older adults: A systematic review and meta-analysis. *Psychiatry Research, 311,* 114511, https://doi.org/10.1016/j.psychres.2022.114511

Jeuring, H. W., Comijs, H. C., Deeg, D. J. H., Stek, M. L., Huisman, M., Beekman, A. T. F. (2018). Secular trends in the prevalence of major and subthreshold depression among 55–64-year olds over 20 years. *Psychological Medicine, 48* (11), 1824–1834, http://doi.org/10.1017/s0033291717003324

Kang, H., Yun, H., Lee, S. W., Yeo, W. S. (2017). Analysis of small biomolecules and xenobiotic metabolism using converted graphene-like monolayer plates and laser desorption/ionization time-of-flight mass spectrometry. *Talanta, 168,* 240–245. https://doi.org/10.1016/j.talanta.2017.03.046

Li, S. H., Graham, B. M. (2017). Why are women so vulnerable to anxiety, trauma-related and stress-related disorders? The potential role of sex hormones. *The Lancet Psychiatry, 4* (1), 73–82. https://doi.org/10.1016/S2215-0366(16)30358-3

Livingston, G. et al. (2024). Dementia prevention, intervention, and care: 2024 report of the Lancet standing Commission. *The Lancet, 404* (10452), 572–628. https://doi.org/10.1016/s2215-0366(23)00193-1

Luppa, M. et al. (2012). Age- and gender-specific prevalence of depression in latest-life — Systematic review and meta-analysis. *Journal of Affective Disorders, 136* (3), 212–221. https://doi.org/10.1016/j.jad.2010.11.033

Lv, R., Yang, L., Li, J. et al. (2024). Relationship between social participation and life satisfaction in community-dwelling older adults: Multiple mediating roles of depression and cognitive function. *Archives of Gerontology and Geriatrics, 117,* 105233, https://doi.org/10.1016/j.archger.2023.105233

McGrath, J. J., Al-Hamzawi, A., Alonso, J. et al. (2023). Age of onset and cumulative risk of mental disorders: a cross-national analysis of population surveys from 29 countries. *The Lancet Psychiatry, 10* (9), 668–681. https://doi.org/10.1016/S2215-0366(16)30358-3

Pinton, A., Wroblewski, K., Schumm, L. P., Hawkley, L. C., Huisingh-Scheetz, M. (2023). Relating depression, anxiety, stress and loneliness to 5-year decline in physical function and frailty. *Archives of Gerontology and Geriatrics, 115,* 105199, https://doi.org/10.1016/j.archger.2023.105199

Sarı, E., Karakuş, B. Ş., Demir, E. (2024). Economic uncertainty and mental health: Global evidence, 1991 to 2019. *SSM — Population Health, 27,* 101691. https://doi.org/10.1016/j.ssmph.2024.101691

Sharifi, S., Khorzoughi, K. B., Rahmati, M. (2024). The association between intergenerational relationships and depression among older adults: A comprehensive systematic literature review. *Archives of Gerontology and Geriatrics, 119,* 105313. https://doi.org/10.1016/j.archger.2023.105313

Snow, C. E., Abrams, R. C. (2016). The indirect costs of late-life depression in the United States: A literature review and perspective. *Geriatrics (Basel), 1* (4). https://doi.org/10.3390/geriatrics1040030

Sun, Q., Wei, Y., Xie, H. et al. (2025). The global, regional, and national late-life depression burden and trends from 1990 to 2021: A systematic analysis for the Global Burden of Disease

Study 2021. *Archives of Gerontology and Geriatrics, 131,* 105758. https://doi.org/10.1016/j.archger.2025.105758

Yang, S. N., Chueh, Ch. H., Peng, L. N., Tsai, Y. W. (2022). Impacts of intervals between sequential development of depression and dementia in older adults: A nationwide population-based study. *Archives of Gerontology and Geriatrics, 101,* 104693. https://doi.org/10.1016/j.archger.2022.104693

Zenebe, Y., Akele, B., M W. S., Necho, M. (2021). Prevalence and determinants of depression among old age: A systematic review and meta-analysis. *Annals of General Psychiatry, 20*(1), 55. https://doi.org/10.1186/s12991-021-00375-x

Zhao, Y., Wu, X., Tang, M. et al. (2023). Late-life depression: Epidemiology, phenotype, pathogenesis and treatment before and during the COVID-19 pandemic. *Frontiers in Psychiatry, 14,* Article 1017203, https://doi.org/10.3389/fpsyt.2023.1017203

References

Agarkov, N. M., Negrebetsky V. A. (2023). Psychological domain of patients with coronary heart disease who have suffered a new coronavirus infection in the early stages of recovery. *Sovremenny`e problemy` zdravooxraneniya i medicinskoj statistiki [Current Problems of Health Care and Medical Statistics], 3,* 243–256. http://doi.org/10.24412/2312-2935-2023-3-243-256 (In Russ.)

Golovkina, D. A., Vasyuta, A. K., Tikhonova, Yu. G., Avdeeva, T. I., Kinkulkina, M. A. (2023). Depressive disorders in COVID-19 survivors: a clinical case. *Doctor.Ru, 22*(6), 44–48. http://doi.org/10.31550/1727-2378-2023-22-6-44-48 (In Russ.)

Dobrokhleb, V. G. (2020). The current pandemic and the risk of increasing social isolation of older people. *Nauchnoe obozrenie. Seriya 1. E`konomika i pravo [Scientific review. Series 1. Economics and Law], 3,* 166–173. http://doi.org/10.26653/2076-4650-2020-3-15 (In Russ.)

Kapustenskaya, J.I., Pustozerov, V.G., Ananyev, A.A., Kovaleva, L.P. (2009). Anxiety and depressive disorders in elderly and senile people with chronic cerebral ischemia. *Sibirskij medicinskij zhurnal [Siberian Medical Journal], 7,* 183–185. (In Russ.)

Kozyreva, P. M., Smirnov, A. I. (2022). Social isolation and loneliness in old age. *Sociologicheskaya nauka i social`naya praktika, 10*(4), 46–63. http://doi.org/10.19181/snsp.2022.10.4.9282

Mikhailova, N.M. (2004). Depression in later life. *Russkij medicinskij zhurnal [Russian Medical Journal], 14,* 835. (In Russ.)

Smirnova, M. P., Chizhov, P. A., Baranov, Yu. I. et al. (2021). Associations of iron deficiency in patients with chronic heart failure. *Vestnik sovremennoj kliniche-skoj mediciny` [The Bulletin of Modern Clinical Medicine], 4,* 27–34. http://doi.org/10.20969/VSKM.2021.14 (4).27-34 (In Russ.)

Teregulova, D. R., Akhmadeeva, L. R., Bakirov, B. A. (2021). Cognitive impairment, anxiety, and depression in patients with chronic lymphoproliferative diseases. *Saratovskij nauchno-medicinskij zhurnal [Saratov Journal of Medical Scientific Research], 1,* 151–155. EDN: SJKHQZ (In Russ.)

Abdoli, N., Salari, N., Darvishi, N. et al. (2022). The global prevalence of major depressive disorder (MDD) among the elderly: A systematic review and meta-analysis. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews, 132,* 1067–1073. https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2021.10.041

Alexopoulos, G. S. (2005). Depression in the elderly. *Lancet, 365*(9475), 1961–1970, http://doi.org/10.1016/s0140-6736(05)66665-2

Cheng, Y., Fang, Y., Zheng, J. et al. (2024). The burden of depression, anxiety and schizophrenia among the older population in ageing and aged countries: An analysis of the Global Burden of Disease Study 2019. *General Psychiatry, 37*(1), Article101078. http://doi.org/10.1136/gpsych-2023-101078

Du, M., Dai, W., Liu, J., Tao, J. (2022). Less Social Participation Is Associated With a Higher Risk of Depressive Symptoms Among Chinese Older Adults: A Community-Based Longitudinal Prospective Cohort Study. *Front Public Health*. Feb 9, 10:781771. http://doi.org/10.3389/fpubh.2022.781771

Eckardt, J.P. (2022). Barriers to WHO Mental Health Action Plan updates to expand family and caregiver involvement in mental healthcare. *General Psychiatry, 35* (2), Article e100784, http://doi.org/10.1136/gpsych-2022-100784

Elser, H., Horváth-Puhó, E., Gradus, J.L. et al. (2023). Association of early-, middle-, and late-life depression with incident dementia in a Danish cohort. *JAMA Neurology, 80* (9), 949–958, http://doi.org/10.1001/jamaneurol.2023.2309

Faravelli, C., Scarpato, M.A., Castellini, G., Lo Sauro, C. (2013). Gender differences in depression and anxiety: The role of age. *Psychiatry Research, 210* (3), 1301–1303. https://doi.org/10.1016/j.psychres.2013.09.027

Forlani, C., Morri, M., Ferrari, B. et al. (2014). Prevalence and Gender Differences in Late-Life Depression: A Population-Based Study. *The American Journal of Geriatric Psychiatry, 22* (4), 370–380. https://doi.org/10.1016/j.jagp.2012.08.015

Gold, S.M. et al. (2020). Comorbid depression in medical diseases. *Nature Reviews Disease Primers,* 2020, 6 (1), 69. http://doi.org/10.1038/s41572-020-0200-2

Hsiao, F.Y., Peng, L.N., Lee, W.J., Chen, L.K. (2023). Sex-specific impacts of social isolation on loneliness, depressive symptoms, cognitive impairment, and biomarkers: Results from the social environment and biomarker of aging study. *Archives of Gerontology and Geriatrics*. Volume 106, 104872. https://doi.org/10.1016/j.archger.2022.104872

Hu, T., Zhao, X., Wu, M., et al. (2022). Prevalence of depression in older adults: A systematic review and meta-analysis. *Psychiatry Research, 311,* 114511, https://doi.org/10.1016/j.psychres.2022.114511

Jeuring H.W., Comijs H.C., Deeg D.J.H., Stek M.L., Huisman M., Beekman A.T.F. (2018). Secular trends in the prevalence of major and subthreshold depression among 55-64-year olds over 20 years. *Psychological Medicine, 48* (11), 1824–1834, http://doi.org/10.1017/s0033291717003324

Kang, H., Yun, H., Lee, S.W., Yeo, W.S. (2017). Analysis of small biomolecules and xenobiotic metabolism using converted graphene-like monolayer plates and laser desorption/ionization time-of-flight mass spectrometry. *Talanta, 168,* 240–245. https://doi.org/10.1016/j.talanta.2017.03.046

Li, S.H., Graham, B.M. (2017). Why are women so vulnerable to anxiety, trauma-related and stress-related disorders? The potential role of sex hormones. *The Lancet Psychiatry, 4* (1), 73–82. https://doi.org/10.1016/S2215-0366(16)30358-3

Livingston, G. et al. (2024). Dementia prevention, intervention, and care: 2024 report of the Lancet standing Commission. *The Lancet, 404* (10452), 572–628. https://doi.org/10.1016/s2215-0366(23)00193-1

Luppa, M., et al. (2012). Age- and gender-specific prevalence of depression in latest-life — Systematic review and meta-analysis. *Journal of Affective Disorders, 136,* 3, 212–221. https://doi.org/10.1016/j.jad.2010.11.033

Lv, R., Yang, L., Li, J. et al. (2024). Relationship between social participation and life satisfaction in community-dwelling older adults: Multiple mediating roles of depression and cognitive function. *Archives of Gerontology and Geriatrics, 117,* 105233, https://doi.org/10.1016/j.archger.2023.105233

McGrath, J.J., Al-Hamzawi, A., Alonso, J., et al. (2023). Age of onset and cumulative risk of mental disorders: a cross-national analysis of population surveys from 29 countries. *The Lancet Psychiatry,10* (9), 668–681. https://doi.org/10.1016/S2215-0366(16)30358-3

Pinton, A., Wroblewski, K., Schumm, L.P., Hawkley, L.C., Huisingh-Scheetz, M. (2023). Relating depression, anxiety, stress and loneliness to 5-year decline in physical function and frailty. *Archives of Gerontology and Geriatrics, 115,* 105199, https://doi.org/10.1016/j.archger.2023.105199

Sarı, E., Karakuş, B.Ş., Demir, E. (2024). Economic uncertainty and mental health: Global evidence, 1991 to 2019. *SSM — Population Health, 27,* 101691, https://doi.org/10.1016/j.ssmph.2024.101691

Sharifi, S., Khorzoughi, K.B., Rahmati, M. (2024). The association between intergenerational relationships and depression among older adults: A comprehensive systematic literature review. *Archives of Gerontology and Geriatrics, 119,* 105313. https://doi.org/10.1016/j.archger.2023.105313

Snow, C.E. & Abrams, R.C. (2016). The indirect costs of late-life depression in the United States: A literature review and perspective. *Geriatrics (Basel), 1* (4), https://doi.org/10.3390/geriatrics1040030

Sun, Q., Wei, Y., Xie ,H. et al. (2025). The global, regional, and national late-life depression burden and trends from 1990 to 2021: A systematic analysis for the Global Burden of Disease Study 2021. *Archives of Gerontology and Geriatrics, 131,* 2025, 105758, https://doi.org/10.1016/j.archger.2025.105758

Yang, S.N., Chueh, Ch.H., Peng, L.N., Tsai, Y.W. (2022). Impacts of intervals between sequential development of depression and dementia in older adults: A nationwide population-based study. *Archives of Gerontology and Geriatrics, 101,* 104693. https://doi.org/10.1016/j.archger.2022.104693

Zenebe, Y., Akele, B., M W.S., Necho, M. (2021). Prevalence and determinants of depression among old age: A systematic review and meta-analysis. *Annals of General Psychiatry, 20* (1), p. 55, https://doi.org/10.1186/s12991-021-00375-x

Zhao, Y., Wu, X., Tang, M. et al. (2023). Late-life depression: Epidemiology, phenotype, pathogenesis and treatment before and during the COVID-19 pandemic. *Frontiers in Psychiatry, 14,* Article 1017203, https://doi.org/10.3389/fpsyt.2023.1017203

Шматова Юлия Евгеньевна — кандидат экономических наук, научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук; https://orcid.org/0000-0002-1881-0963 (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ueshmatova@mail.ru).

Yulia E. Shmatova — PhD (Econ.), researcher, Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences; https://orcid.org/0000-0002-1881-0963 (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russia, e-mail: ueshmatova@mail.ru).

V. МИГРАЦИЯ И МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ

УДК 331,5 339.92
JEL classification: F66, J61
https://www.doi.org/10.17059/udf-2025-5-1

«Новая» миграция из Китая в регионы России[1]

Е. Алаи [а], Е. Б. Бедрина [б]

[а, б] Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Российская Федерация).

[б] Институт экономики УрО РАН (г. Екатеринбург, Российская Федерация).

[б] https://orcid.org/0000-0002-7420-7499

Автор для корреспонденции: Е. Б. Бедрина (Bedrina1967@mail.ru).

Аннотация. *Статья посвящена изучению «новой» китайской миграции в регионы России. Предметом исследования являются потоки китайской миграции, появившиеся после реформ 1978 года, проводимых в Китае, которые провозгласили курс на модернизацию и открытость экономики. Авторами применен критический подход к анализу феномена «новой» китайской миграции на Западе и в регионах России. Использованы эмпирические данные из официальных источников, а также информация о занятости китайских мигрантов в Свердловской области, полученная на основе полуструктурированного интервью китайских мигрантов, проведенного в сентябре-октябре 2023 года и январе 2024 года. На основе сравнительного анализа уточнено определение «новой» китайской миграции в регионы России в современных условиях. Сделаны выводы о ее перспективах и роли российских вузов в ее формировании. Данное исследование может быть интересно всем, кто занимается изучением Китая и миграции из этой страны.*

Ключевые слова: миграционные процессы; китайские мигранты; высококвалифицированные мигранты; регионы России

«New» Migration from China to Russian Regions

Y. Alai [a], E. Bedrina [b]

[a, b] Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russian Federation).

[b] Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russian Federation).

[b] https://orcid.org/0000-0002-7420-7499

Corresponding author: E. Bedrina (Bedrina1967@mail.ru).

Abstract. *The article is devoted to the study of the «new» Chinese migration in the regions of Russia. The subject of the study is the flows of Chinese migration that appeared after the reforms of 1978 carried out in China, which proclaimed a course towards modernization and openness of the economy. The authors used a critical approach to the analysis of the phenomenon of the «new» Chinese migration in the West and in the regions of Russia. Empirical data from official sources were used, as well as information on the employment of Chinese migrants in the Sverdlovsk region, obtained on the basis of semi-structured interviews with Chinese migrants conducted in September-October 2023 and January 2024. Based on the comparative*

[1] © Алаи Е., Бедрина Е. Б. Текст. 2025.

analysis, the definition of the «new» Chinese migration in the regions of Russia in modern conditions was clarified. Conclusions were made about its prospects and the role of Russian universities in its formation. This study may be of interest to all those who study China and migration from this country.

Keywords: migration processes; Chinese migrants; highly skilled migrants; regions of Russia

Введение

Актуальность данной работы кроется в интересе к исследованию феномена «новой» миграции из Китая в регионы России, которая появляется в последние годы с завидным опозданием, в отличии от стран Запада, в результате выстраивания новых российско-китайских отношений и усиления взаимного экономического интереса стран друг к другу.

Термин «новые эмигранты», или «новые переселенцы» («синь иминь») впервые появился в китайской литературе с начала периода реформ и открытости экономики (Ларин, 2008, с. 60), которые пришли на смену неудавшемуся «Большому скачку». Переход Китая к политике реформ был утвержден в 1978 г. пятой Сессией Всекитайского собрания народных представителей и призван создать условия для модернизации китайской экономики путем перехода от директивно-плановой к рыночной социалистической экономике с китайской спецификой и от экономической закрытости к росту международного обмена и сотрудничества в области науки, техники, культуры и образования. Политика «открытых дверей» была призвана прежде всего привлечь в китайскую экономику зарубежные инвестиции (Чжифен, 2003, с. 105).

Параллельно с созданием благоприятного инвестиционного климата рос студенческий обмен: Китай начал расширять масштабы отправки китайских студентов на учебу за границу, особенно в страны с относительно развитой наукой и техникой, а также принимать иностранных студентов из развитых стран (Ouyang, 2024, p. 141). Были сняты различные ограничения на выезд из страны, упрощены визовые режимы. Всё это вылилось в массовую миграцию из Китая, которую стали называть «новой волной», или «новой миграцией» (Kuang, 2008; Анохина, 2012; Алешковский и др., 2019). Причем более состоятельные, образованные и успешные китайцы, преимущественно из городов, перемещались в более богатые страны, тогда как более бедные и менее образованные слои населения, особенно из сельской местности, — в страны с более низким уровнем жизни населения. Благодаря этому в новой волне китайской миграции образовались две большие группы — «традиционные» и «новые» мигранты. В связи с чем среди исследователей нет единого представления о феномене «новой» китайской миграции. Одни подразумевают под ней весь поток китайской миграции, появившийся после 1978 г. (Анохина, 2012; Алешковский и др., 2019), другие — только высокообразованных мигрантов ((Kuang, 2008). Ф.С. Губайдуллина называет три мотива «новой миграции»: поиск работы, расширение бизнеса, получение образования (Губайдуллина, 2024, с. 211).

Оценивая размах Китайской миграции новой волны в странах Европы, исследователи отмечают ее преобладание в Великобритании, Франции, Италии, Испании, Германии и Нидерландах (Алешковский и др., 2019, с. 29). Е.С. Анохина (2012) отмечает высокий уровень китайской миграции в США и Канаде, пик которой пришелся на 80–90-е гг. XX в. Она определяет следующие черты «новой»

миграции из Китая: переход от традиционной занятости (прачечные, общественное питание, торговля) к большему разнообразию, включая сферу финансов, IT и науку; более высокий уровень образования, чем у традиционных китайских мигрантов; средний уровень дохода; компактное расселение либо проживание в пригороде больших городов с хорошей инфраструктурой; организация собственных профессиональных и бизнес-ассоциаций. З.С. Чертина (2020, с. 177) пишет, что в США выходцы из КНР достигли значительных высот в научной сфере, они значительно представлены в Силиконовой долине.

По состоянию на первую половину 2024 г. в общей сложности из Китая эмигрировали около 450 тыс. чел., что на 8 % больше по сравнению с аналогичным периодом 2023 г. Это демонстрирует тенденцию продолжающегося роста, который отражает желание китайцев жить в глобальном мире, получать образование за рубежом, стремление к поиску возможностей трудоустройства и к лучшему качеству жизни.[1]. Кроме того, в 2020 г. Китай вышел на первое место по численности иностранных студентов, обучающихся за рубежом (Сяоин & Абжаппарова, 2021, с. 39). А в 2021 г., по данным Международной организации по миграции, численность китайских студентов, обучающихся за рубежом, составила 1 млн чел. (Маколифф & Оучо, 2024, с. 43), при этом доля возвращающихся обратно в Китай равнялась примерно 1/3 от закончивших обучение китайских студентов (Сяоин & Абжаппарова, 2021, с. 39).

В этих условиях Россия является одним из конкурентов на мировом рынке труда за привлечения человеческого капитала из Китая, в т. ч. высококвалифицированных и высокообразованных трудовых мигрантов. В связи с чем исследовательской проблемой становится оценка характеристики Китайской миграции в регионах России. Для этого на первом этапе оцениваются объемы и динамика китайкой миграции в субъекты Российской Федерации, на втором этапе оценивается роль российских вузов в формировании «новой» китайской миграции в России на основе социологического опроса.

Полученные результаты позволили авторам сделать вывод о наличии «новой» китайской миграции в современной России. При этом подтверждена мысль, что важную роль в ее формировании играют российские вузы.

Методы и данные

В исследовании используются эмпирические данные официальной статистики, взятые из Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС), а также данные, полученные в результате полуструктурированного интервью китайских мигрантов (n = 22), проведенного в сентябре-октябре 2023 г. и январе 2024 г. в местах занятости китайских мигрантов в Свердловской области, реализуемое на их родном языке.

Основными методами исследования является статистический и сравнительный анализ, а именно сопоставление объемов и динамики китайских миграционных потоков в федеральных округах и городах федерального значения, а также

[1]搜狐网. “2024 年中国移民人口趋势.” 搜狐网，2024 年 8 月 13 日，https://m.sohu.com/a/800335406_121693403/ (Sohu.com. «Trends of China’s Immigrant Population in 2024.» Sohu.com, August 13, 2024. https://m.sohu.com/a/800335406_121693403/).

основных характеристик «новых» мигрантов, появившихся после начала китайских реформ в странах Европы, а также в США и Канаде, и данных социологического опроса. Идея о важности вузов в развитии «новой» китайской миграции заимствована нами у М.И. Добрыниной (2023, с. 154). Новые российские регионы, Крым и Севастополь не учитываются в исследовании ввиду отсутствия соответствующей статистики.

Результаты

Статистическая оценка китайской миграции в регионах России

Поскольку китайская миграция в российских регионах значительно различается по объемам и динамике, мы решили проанализировать потоки китайских мигрантов в укрупненной форме в разрезе федеральных округов.

Как и ожидалась, безусловным лидером среди российских регионов по потокам китайской миграции является Дальний Восток, который имеет протяженную границу с Китаем. Приграничное положение имеют Дальневосточные регионы: Забайкальский (в составе с ноября 2028 г.), Хабаровский, Приморский края, Амурская область и Еврейская автономная область; с китайской стороны — Автономный район Внутренняя Монголия и две северо-восточные провинции — Хэйлунцзян и Цзилинь. Как видно по данным рисунка, китайская миграция в Дальневосточном федеральном округе традиционно была высокой, исключение составил период с 2000 по 2006 гг., после него по мере улучшения экономической ситуации китайская миграция в регионе начала увеличиваться и к 2019 г. достигла своего пика — численность прибывших составила около 8 тыс. чел.

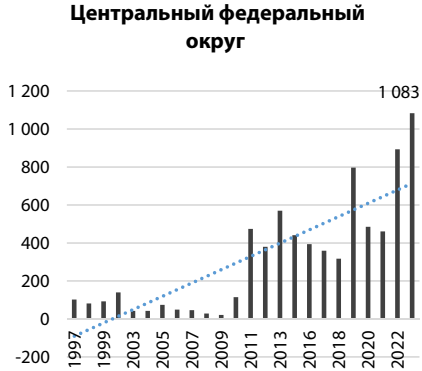
Вторым по объему китайской миграции выступает Сибирский федеральный округ, регионы которого привлекают китайских мигрантов богатством древесины и других природных ресурсов. Кроме того, он имеет небольшой участок границы с Китаем (Республика Алтай, Забайкальский край (до присоединения в Дальневосточному федеральному округу в ноябре 2018 г.)). Пик миграции из Китая в Сибирский федеральный округ пришелся на 2011 г. и составил чуть более 3000 прибывших. После 2011 г. миграция из Китая в регионы Сибирского федерального округа активизировалась вплоть до 2017 г., после которого произошла демаркация границы, и китайская миграция стала неактуальна.

Третье место по объемам китайской миграции занимает Уральский федеральный округ. Очевидно, что на сотрудничество в данном случае сказывается срединное положение и промышленный потенциал регионов, прежде всего Свердловской области (Татаркин, 2005). В данном случае можно наблюдать две волны миграции из Китая: с 2007 по 2012 гг. и с 2019 по 2023 гг., причем пик пришелся на 2019 г. и составил около 2 тыс. чел.

Миграция в городе федерального значения Санкт-Петербурге практически повторяет миграцию в Северо-Западном федеральном округе. В обоих случаях мы видим миграционную паузу с 2007 по 2010 гг. и пиковую нагрузку почти в 1,5 тыс. чел., пришедшую на 2013 г.

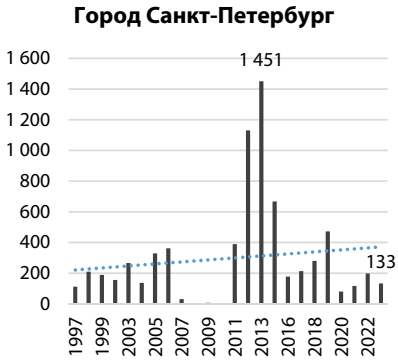
Миграция в Центральный федеральный округ небольшая, но имеет постоянную ярко выраженную тенденцию к росту, и к 2023 г. она достигла чуть более 1 тыс. чел.

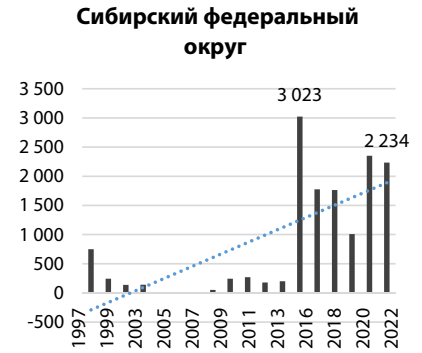
Миграция из Китая в Приволжский и Южный федеральные округа весьма незначительна с максимальным уровнем миграции в Приволжском федеральном округе в районе 600 чел. в 2015 г. и Южном ФО в районе 700 чел. в 2023 г.

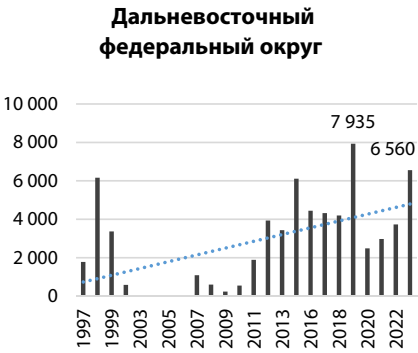

Окончание рис. на след. стр.

Окончание рис.

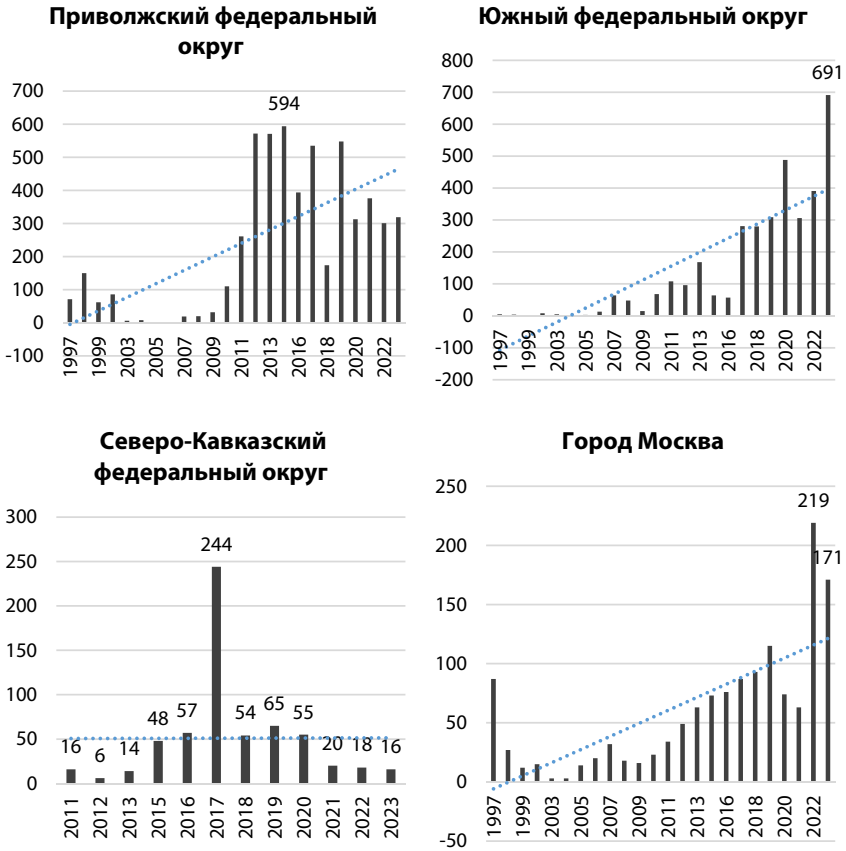

Рис. *Численность прибывших из Китая в Федеральные округа Российской Федерации за период 1997–2023 гг. (источник: ЕМИСС: https://www.fedstat.ru/indicator/43514 (дата обращения: 06.02.2025))*

Наименее привлекательными для китайских мигрантов оказались Северо-Кавказский федеральный округ и город федерального значения Москва с максимальной миграцией 244 чел. в 2017 г. и 219 чел. в 2022 г. соответственно.

Таким образом, сравнительный анализ китайской миграции в российские регионы (федеральные округа) на основе официальных данных, полученных из открытых источников, показывает значительное разнообразие объемов и динамики, определяемых как по географии, так и по временному признаку, очевидно, объяснимое различными условиями принимающей территории в различные периоды времени. При этом во всех федеральных округах и городах федерального значения, за исключением Северо-Кавказского федерального округа, существует

положительный тренд, что свидетельствует о возможном росте китайской миграции в российские регионы в ближайшей перспективе.

Роль российских вузов в привлечении «новых мигрантов» в Российскую Федерацию

Росту современной китайской миграции в российские регионы способствует активная деятельность российских вузов по набору иностранных студентов. Большая численность населения и курс правительства на модернизацию и инновационное развитие экономики делают Китай интересным участником глобального рынка образовательных услуг. Благодаря чему в некоторых учебных заведениях китайские студенты вышли на первое место среди иностранных учеников.

Правительство Китая также стремится к расширению образовательной миграции, стимулирую и поощряя студентов, получающих образование в зарубежных вузах. В частности, с начала XXI в. оно финансирует стипендии для молодежи, получающей образование за рубежом. В свою очередь студенты знакомятся с новыми технологиями и методами организации труда и помогают продвигать интересы Китая в других странах.

Интерес к получению иностранного образования в Китае значителен. Среди причин, по которым китайцы предпочитают обучаться за рубежом, выделяют: во-первых, то, что обучение за рубежом является предпочтительным на китайском рынке труда и дает больше шансов для трудоустройства и карьерного роста у себя на родине; во-вторых, некоторые китайцы рассматривают получение образования за рубежом в качестве возможности переезда в другую страну; в-третьих, молодыми китайцами порой движет желание получить более богатый опыт и возможность понять другую культуру; в-четвертых, считается, что сдать вступительные экзамены за рубежом проще, чем в Китае; в-пятых, имеет значение стремление получить более качественное образование (Сяоин & Абжаппарова, 2021, с. 40).

У России накоплен значительный опыт по обучению китайской молодежи. Еще в начале XX в. Правительство Российской Империи поощряло обучение китайских студентов в российских учебных заведениях (Ларин, 2009, с. 63), обращая внимание на их высокую мотивацию и незаурядные способности. В 1950-е гг. китайские студенты проходили обучения в Советском Союзе и стажировались на советских предприятиях. Современные российские вузы так же видят в Китае значительный ресурс для развития современных обменов и академической мобильности.

Наше социологическое исследование показало, что большинство китайских студентов являются участниками рынка труда, что также соответствует данным опроса, проведенного в России в 2007 г. (1/3 китайских студентов, обучающихся в России, имеют подработки в виде торговых агентов, гидов, переводчиков или владеют своим бизнесом) (Ларин, 2009, с. 231). Нами также были выявлены сферы занятости китайских студентов, обучающихся в России: образование (в т. ч. репетиторство, преподавание на языковых курсах), переводы, IT, финансы, логистика, наука и бизнес. Некоторые из китайских студентов и китайцев — выпускников российских вузов имели собственный бизнес или регистрировались как самозанятые. Часть студентов, несмотря на большие языковые различия

русского языка и китайского, имела хорошие языковые навыки и активно взаимодействовала с местным населением. Получение образования в России и знание местного языка предопределяли востребованность их обладателей на современном российском рынке труда. Такие выпускники российских вузов становились посредниками между представителями «традиционных» китайцев и местным российским обществом в случае появления вопросов и потребностей во взаимодействии. Кроме того, многие студенты высказывали желание продолжить образование в России на более высокой ступени: в магистратуре или аспирантуре. Некоторые из них высказывали желание и после получения образования остаться в России, другие говорили, что собираются вернуться в Китай.

В целом полученная нами информация соответствовала описанием «новой» китайской миграции в США и Канаде в 80–90 гг. XX в., сделанной Е.С. Анохиной (2012). Благодаря чему мы решили уточнить понятие «новой» китайской миграции применительно к России. Таким образом, под «новой» китайской миграцией в регионы России мы понимаем миграцию высококвалифицированных и высокообразованных слоев китайского общества, в т. ч. студентов, получающих образование в российских вузах, появившуюся после 2010 г. и отличающуюся от традиционной миграции из Китая. Данную миграцию мы связываем с ростом экономического сотрудничества России и Китая, а также с деятельностью российских вузов по привлечению китайских студентов.

Заключение

Таким образом, нами был изучен феномен «новой» китайской миграции применительно к России и дано ей определение. Мы связали эту миграцию с ростом экономического сотрудничества Китая и России и деятельностью российских вузов по привлечению китайских студентов. Также мы рассмотрели объемы и динамику китайской миграции в регионах России в разрезе федеральных округов и городов федерального значения. В результате был сделан вывод о дальнейшей перспективе ее расширения в сложившихся российских условиях.

Благодарности

Статья подготовлена в соответствии с планом НИР по гос. заданию Института экономики УрО РАН на 2024–2026 гг. №0327-2024-0009 «Механизмы регулирования экономического поведения населения в условиях структурных изменений».

Acknowledgements

The article has been prepared in the framework of the state task to the Institute of Economics of the Ural Branch of RAS for 2024–2026№0327-2024-0009 «Mechanisms for regulating the economic behavior of the population in the context of structural changes.»

Список источников

Kuang, E. M. M. (2008). The new Chinese migration flows to Africa. *Social Science Information, 47* (4), 643–659.

Ouyang, M. (2024). An Overview of Study of Foreigners in China during the 40 Years of Reforms Period (1978–2018). *Vestnik NSU. Series: History and Philology, 23* (4), 139–150. https://doi.org/10.25205/1818-7919-2024-23-4-139-150

Алешковский, И. А., Кузовлев, С. С., Слука, Н. А. (2019). «Новая» миграция как фактор формирования китайской диаспоры в Европейском Союзе. *Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика, 2,* 25–39. https://doi.org/10.56429/2414-4894-2019-29-3-25-39

Анохина, Е. С. (2012). «Новая» китайская миграция и политика КНР по ее регулированию. Томск: Томский государственный университет, 248. EDN: RUUEVH

Губайдуллина, Ф. С. (2024). Китайская диаспора и взаимодействие культур В *Экономическая теория: поиск альтернатив развития. Сборник научных статей* (с. 205–215). Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 340. https://doi.org/10.17059/easet/2024/17

Добрынина, М. И. (2023). Китайская миграция в условиях модернизации: российский вектор. *Вестник Забайкальского государственного университета, 29*(1), 149–157. https://doi.org/10.21209/2227-9245-2023-29-1-149-157

Ларин, А. Г. (2009). *Китайские мигранты в России. История и современность.* Москва: Восточная книга, 512. EDN: QPNYOH

Ларин, А. Г. (2008). *Китай и зарубежные китайцы. Экспресс-информация, №2 (147).* Москва: Институт Дальнего Востока, 94.

Маколифф, М., Оучо, Л. А. (Ред). (2024). *Доклад о миграции в мире.* Женева: Международная организация по миграции (МОМ), 414.

Сяоин, Л., Абжаппарова, А. А. (2021). Особенности образовательной миграции китайской молодежи. *Вестник Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева. Серия: Политические науки. Регионоведение. Востоковедение. Тюркология, 2* (135), 38–50. https://doi.org/10.32523/2616-6887/2021-135-2-38-50

Татаркин, А. И. (2005). Социально-экономический статус срединного региона России. *Экономика региона, 2* (2), 5–22. EDN: JWYVWV

Чертина, З. С. (2020). Китайцы в США. «образцовое меньшинство»: миф или реальность. *Новая и новейшая история, 5,* 168–180. https://doi.org/10.31857/S013038640011368-2

Чжифен, Ч. (2003). Экономические реформы в Китае: их особенности, механизмы, факторы успеха. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки,* (4), 104–118. EDN: NDIDAH

References

Aleshkovsky, I. A., Kuzovlev, S. S., Sluka, N. A. (2019). New» migration as the factor of the formation of the Chinese diaspora in the European union. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 27: Globalistika i geopolitika [Bulletin of Moscow University. Series 27: Global Studies and Geopolitics], 2,* 25–39. https://doi.org/10.56429/2414-4894-2019-29-3-25-39 (In Russ.)

Anokhina, E. S. (2012). «Novaya» kitajskaya migraciya i politika KNR po ee reguliro-vaniyu [«New» Chinese migration and the PRC's policy of regulating it]. Tomsk: Tomsk State University, 248. EDN: RUUEVH (In Russ.)

Chertina, Z. S. (2020) Chinese in the USA. «Model minority»: myth or reality. *Novaya i novejshaya istoriya [Modern and Contemporary History], 5,* 168–180. https://doi.org/10.31857/S013038640011368-2 (In Russ.)

Gubaidullina, F. S. (2024). The Chinese Diaspora and cultural interaction. In *E`konomicheskaya teoriya: poisk al`ternativ razvitiya. Sbornik nauchny`x statej [Economic theory: the search for alternatives to development. Collection of scientific articles]* (pp. 205–215). Yekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 340. https://doi.org/10.17059/easet/2024/17 (In Russ.)

Dobrynina, M. I. (2023). Chinese migration in the context of modernization: the Russian vector. *Vestnik Zabajkal`skogo gosudarstvennogo universiteta [Transbaikal State University Journal], 29* (1), 149–157. https://doi.org/10.21209/2227-9245-2023-29-1-149-157 (In Russ.)

Kuang, E. M. M. (2008). The new Chinese migration flows to Africa. *Social Science Information, 47* (4), 643–659.

Larin, A. G. (2009). *Kitajskie migranty` v Rossii. Istoriya i sovremennost` [Chinese migrants in Russia. History and Modernity]*. Moscow: Vostochnaya kniga, 512. EDN: QPNYOH (In Russ.)

Larin, A. G. (2008). *Kitaj i zarubezhny`e kitajcy. E`kspress-informaciya №2 (147) [China and foreign Chinese. Express Information No. 2 (147)]*. Moscow: Institute of the Far East, 94.

McAuliffe, M., Oucho, L. A. (Ed.) (2024). *Report on migration in the world 2024*. Geneva: International Organization for Migration (IOM), 414. (In Russ.)

Ouyang, M. (2024). An Overview of Study of Foreigners in China during the 40 Years of Reforms Period (1978–2018). *Vestnik NSU. Series: History and Philology, 23* (4), 139–150. https://doi.org/10.25205/1818-7919-2024-23-4-139-150

Tatarkin, A. I. (2005). Socio-economic status of the central region of Russia. *E`konomika regiona [Economy of the Regions], 2* (2), 5–22. EDN: JWYVWV

Xiaoyin, L., Abzhapparova, A. A. (2021). Features of educational migration of Chinese youth. *Vestnik Evrazijskogo nacional`nogo universiteta im. L.N. Gumileva. Se-riya: Politicheskie nauki. Regionovedenie. Vostokovedenie. Tyurkologiya [Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University. Russia: Political Sciences. Regional studies. Oriental studies. Turkology], 2* (135), 38–50. https://doi.org/10.32523/2616-6887/2021-135-2-38-50 (In Russ.)

Zhifeng, Ch. (2003). Economic reforms in China: their specific features, mechanisms and factors of their success. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarny`e nauki [Tambov University Review: Series Humanities],* (4), 104–118. EDN: NDIDAH (In Russ.)

Еэрлань Алаи — аспирант, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Российская Федерация, 620062, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19; e-mail: aray.yerlan@inbox.ru).

Бедрина Елена Борисовна — кандидат экономических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; старший научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН; https://orcid.org/0000-0002-7420-7499 (Российская Федерация, 620062, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19; 620014, ул. Московская, д. 29; e-mail: Bedrina1967@mail.ru).

Alai Yerlan — Postgraduate Student, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (19 Mira Street, Yekaterinburg, 620062, Russian Federation; e-mail: aray.yerlan@inbox.ru).

Elena B. Bedrina — PhD (Econ.), Associate Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin; Senior Researcher, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; https://orcid.org/0000-0002-7420-7499 (19 Mira St., 620062; 29 Moskovskaya St., 620014, Yekaterinburg, Russian Federation; e-mail: Bedrina1967@mail.ru).

УДК 314.72+37.014
JEL classification: R23
https://www.doi.org/10.17059/udf-2025-5-2

Взаимосвязь системы образования и миграционных процессов: обзор публикаций[1]

Н. Ю. Журавлев

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (г. Сыктывкар, Российская Федерация).

https://orcid.org/0000-0002-0390-1424.

Автор для корреспонденции: Н. Ю. Журавлев (zhuravlev.nazar@yandex.ru).

Аннотация. *В работе представлены обзор и группировка исследований с 2015 по 2025 годы, рассматривающих тему миграции населения в контексте получения образования. На основе анализа публикаций, находящихся в открытом доступе в научной электронной библиотеке eLibrary.ru, описаны основные направления изучения образовательной миграции, а также перечислены авторы, затрагивающие в своих исследованиях вопросы взаимосвязи системы образования и миграционных процессов. Публикации сгруппированы по трем основным направлениям: оценка влияния качества образования на уровень регионального развития, анализ миграционных установок и миграционного поведения студенческой и учащейся молодежи, учет особенностей системы образования как фактора миграционной мобильности населения.*

Ключевые слова: миграция населения; образование; факторы миграции; обзор публикаций

The Interrelation Between the Education System and Migration Processes: Publications Review

N. Zhuravlev

Institute for Socio-Economic and Energy Problems of the North, Federal Research Centre "Komi Science Centre of the Ural Branch of the RAS" (Syktyvkar, Russian Federation).

https://orcid.org/0000-0002-0390-1424.

Corresponding author: N. Zhuravlev (zhuravlev.nazar@yandex.ru).

Abstract. *The paper presents an overview and grouping of studies from 2015 to 2025 that address the topic of population migration in the context of education. Based on the analysis of publicly available publications in the scientific electronic library eLibrary.The main directions of studying educational migration are described, as well as the authors who address the issues of the relationship between the education system and migration processes in their research. The publications are grouped into three main categories: assessment of the impact of the quality of education on the level of regional development, analysis of migration attitudes and migration behavior of students and students, and consideration of the specifics of the education system as a factor of migration mobility of the population.*

Keywords: population migration; education; migration factors; review of publications

Введение

Получение высшего образования остается одним из самых эффективных инструментов восходящей социальной мобильности. Возможность профессионального обучения и присутствие в регионе высших учебных заведений с востребованными на рынке труда специальностями и благоприятной репутацией

[1] © Журавлев Н. Ю. Текст. 2025.

являются важными факторами миграционной привлекательности, а наибольший вклад в миграцию молодежи оказывают перемещения, связанные с выбором образовательной траектории (Габдрахманов и др., 2019). После установления единых правил приемной кампании для всех вузов России и внедрения в 2009 г. Единого государственного экзамена миграционная мобильность абитуриентов из провинциальных городов в крупные центры с развитыми университетскими системами значительно возросла (Козлов и др., 2017), что обусловило увеличение миграции молодежи за пределы регионов. Уровень территориальной доступности образования также является важным фактором, определяющим интенсивность образовательной миграции. Для России среднее расстояние до высшего образовательного учреждения, которое необходимо преодолеть абитуриенту, составляет 107 км, а для большинства регионов, в особенности российского Севера, эта величина значительно больше (Громов и др., 2016). Проблему территориальной доступности образования также усугубило закрытие значительной части филиалов вузов, не отвечающих требованиям к качеству предоставляемых образовательных услуг (Габдрахманов и др., 2022).

Одним из последствий роста интенсивности образовательной миграции оказалось усиление социально-экономического неравенства между регионами, в особенности это отразилось на регионах ресурсного типа. Последние характеризуются существенным миграционным оттоком населения, драйвером которого становится образовательная миграция как важнейший элемент миграционных стратегий домохозяйств (Курбатова и др. 2022).

Фактор образования, характеризующийся в т. ч. количеством студентов на душу населения в регионе, оказывается высоко значимым для потенциального развития территории и влияет на миграционную активность не только молодежи, но и всего трудоспособного населения (Вакуленко, 2019). Необходимость учета особенностей современной системы образования России, выраженных как в условиях поступления в образовательные учреждения, упрощающих переезд к месту обучения, так и в роли вузов в социально-экономическом развитии региона, через формирование и привлечение человеческого капитала, обуславливает актуальность данной работы.

Целью работы является описание группировки основных наиболее востребованных публикаций, рассматривающих вопросы взаимосвязи образования и миграции в зависимости от объекта и предмета исследования.

Подборка публикаций осуществлялась через научную электронную библиотеку eLibrary.ru как наиболее крупную русскоязычную базу данных путем семантического поиска на основе нейросети опубликованных за период с 2015 по 2025 гг. работ с ранжированием по количеству цитирований. Из полученного списка отбирались публикации, затрагивающие взаимосвязь миграции и образования и имеющие не менее чем 10 цитирований, что отчасти характеризует уровень востребованности публикации.

Основная часть

Интерес к образовательной миграции проявляют многие исследователи, однако для большинства из них это лишь одна из составляющих миграционных

процессов. Исследования миграции в контексте образования часто пересекаются с изучением возрастной структуры мигрантов и направлением перемещений, анализом всей совокупности факторов, миграционных стратегий молодежи и др. Среди авторов, затрагивающих в т. ч. тему образовательной миграции, следует отметить К.А. Чернышева, Н.В. Мкртчяна, изучающего ее как один из факторов миграционного поведения молодежи, Ю.Ф. Флоринскую, исследующую миграционные установки студентов. Отдельного упоминания заслуживает Институт образования, научное подразделение Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» и публикуемая им серия «Современная аналитика образования[1]. В рамках данного исследования использовались работы, непосредственно анализирующие образовательную миграцию (Габдрахманов и др., 2019), а также рассматривающие темы доступности образования (Громов и др., 2016) и межрегиональной мобильности студентов (Козлов и др., 2017).

Исходя из цели исследования, рассмотренные публикации были сгруппированы по следующим категориям: изучение миграционных установок и поведения учащихся, абитуриентов и выпускников вузов, оценка влияния образовательной миграции на социально-экономический потенциал территорий и анализ сущности образовательной миграции и влияющих на нее факторов. Первую группу обозначим как «Студенческая миграция», вторую — «Региональный аспект», а третью — «Факторы и механизмы».

Группа «Студенческая миграция» включает в себя работы, предметом исследования которых является миграционное поведение или установки, а в качестве объекта выступают абитуриенты, студенты или выпускники вузов. В публикациях анализируются направление миграционных потоков, факторы, определяющие привлекательность для абитуриентов того или иного учебного заведения и, соответственно, населенного пункта, в котором заведение располагается. В качестве примера можно привести статью Л.В. Антосик и Н.В. Ивашиной (2021), в которой анализируются направления миграции и факторы, определяющие выбор выпускников вузов. К этой же категории можно отнести работу И.С. Кашницкого, Н.В. Мкртчяна и О.В. Лешукова (Kashnitsky et al., 2016), где исследуется миграционная активность молодых людей в период получения профессионального образования.

В эту группу включены также публикации, которые исследуют жизненные и образовательные стратегии молодых людей, включающие их миграционные намерения (планы, установки, траектории и т. д.). Данные статьи более тяготеют к качественным методам исследования. Так, в работах Ю.Ф. Флоринской анализируются образовательные и миграционные стратегии выпускников школ (Флоринская, 2017; Карачурина & Флоринская. 2019), еще одна работа совместно с коллективом авторов рассматривает межрегиональную миграцию молодежи с учетом фактора образования (Карцева и др., 2021).

К самой крупной группе «Региональный аспект» отнесены публикации, где в качестве объекта исследования выступает определенная территория (регион, город, арктическая территория, страна), а предметом — социально экономические последствия образовательной миграции. К примерам можно отнести

[1] Современная аналитика образования. https://ioe.hse.ru/sovaobr (дата обращения: 02.02.2025).

работу Р.Х. Симонян (2017), рассматривающую международный аспект образовательной миграции и ее региональные особенности применительно к субъектам Российской Федерации. Отдельные статьи оценивают влияние образовательной миграции или миграционных установок студентов конкретных регионов: Волгоградской области (Одинцов и др., 2020), Республики Тува (Чернышев и др., 2023), Республики Башкортостан (Атаева & Уляева, 2018), Республики Коми (Журавлев, 2021), Республики Удмуртия (Санникова, 2015) и др. Часть исследователей в качестве объекта выбирают регионы, обладающие характерным признаком: по отраслевой принадлежности (Курбатова и др., 2022), по принадлежности к определенной территории (Чернышев и др., 2023), в т. ч. к Арктической зоне (Зайков и др., 2018; Чернышев и др., 2024). Встречаются работы, оценивающие влияние образовательной миграции в границах городской агломерации (Алексейчева & Нехорошева, 2020).

Статьи, относящиеся к группе «Факторы и механизмы», встречаются реже двух предыдущих, объектом исследования в них выступает сам процесс образовательной миграции. В данной категории присутствуют как обзорные статьи, исследующие различные подходы к изучению явления (Замотин, 2016), так и работы, анализирующие факторы и точки притяжения образовательной миграции (Габдрахманов и др., 2022; Чернышев и др., 2023; Питухин и др., 2023) Указанные публикации при желании можно отнести ко второй группе, поскольку используются данные, характеризующие миграционные потоки конкретных территорий, однако в большей степени фокус работ сосредоточен на механизмах и причинах миграции, исходя из чего выбор был сделан в пользу третьей.

Заключение

Вопрос взаимосвязи системы образования и миграционных процессов не потеряет своей актуальности еще очень долгое время. Несмотря на совершенствование технологий дистанционного обучения и постепенное развитие региональных вузов, получение образования в крупном городе всё еще остается одним из самых доступных для молодых людей вариантов мобильности, которых зачастую привлекает не столько качество профессионального обучения, сколько более широкий круг социальных и экономических возможностей, предоставляемый «большим городом».

Группировка публикаций дает возможность оценить степень проработанности темы и глубину интереса к проблеме миграционного оттока населения с регионов, порождаемого образовательной миграцией, а также подчеркнуть наиболее значимые аспекты данного интереса.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №24-78-10061, https://rscf.ru/project/24-78-10061/).

Acknowledgements

This research was supported by the Russian Scientific Foundation (the project No 24-78-10061, https://rscf.ru/project/24-78-10061/).

Список источников

Алексейчева, Е. Ю., Нехорошева, Е. В. (2020). Большие данные и экономика образования: управленческая дилемма повседневной образовательной миграции московской агломерации. *Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Экономика, 1* (23), 89–101. https://doi.org/10.25688/2312-6647.2020.23.1.10

Антосик, Л. В., Ивашина, Н. В. (2021). Факторы и направления межрегиональной миграции выпускников вузов в России. *Вопросы образования, 2,* 107–125. https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-2-107-125

Атаева, А. Г., Уляева, А.Г. (2018). Межрегиональная молодежная миграция как угроза утери человеческого капитала территории (на материалах Республики Башкортостан и регионов Приволжского федерального округа). *Вестник Томского государственного университета. Экономика, 44,* 38–57. https://doi.org/10.17223/19988648/44/2

Вакуленко, Е. С. (2019). Мотивы внутренней миграции населения в России: что изменилось в последние годы? *Прикладная эконометрика, 3* (55), 113–138. https://doi.org/10.24411/1993-7601-2019-10013

Габдрахманов, Н. К., Карачурина, Л. Б., Мкртчян, Н. В., Лешуков, О. В. (2022). Образовательная миграция молодежи и оптимизация сети вузов в разных по размеру городах. *Вопросы образования, 2,* 88–116. https://doi.org/10.17323/1814-9545-2022-2-88-116

Габдрахманов, Н. К., Никифорова, Н. Ю., Лешуков, О. В. (2019). «От Волги до Енисея…»: образовательная миграция молодежи в России. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. Москва: НИУ ВШЭ, 48.

Громов, А. Д., Платонова, Д. П., Семенов, Д. С., Пырова, Т. Л. (2016). *Доступность высшего образования в регионах России.* Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. Москва: НИУ ВШЭ, 32.

Журавлев, Н. Ю. (2021). Миграционное поведение студенчества северного города. *ДЕМИС. Демографические исследования, 1* (2), 182–193. https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.2.14

Зайков, К. С., Каторин, И. В., Тамицкий, А. М. (2018). Миграционные установки студентов, обучающихся по образовательным программам высшего образования арктической направленности. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз, 11* (3), 230–247. https://doi.org/10.15838/esc.2018.3.57.15

Замотин, М. П. (2016). Образовательная миграция в миграционных исследованиях российских авторов. *Дискурс, 5,* 77–86. https://doi.org/10.32603/2412-8562-2016-0-5-77-86

Карачурина, Л. Б., Флоринская, Ю. Ф. (2019). Миграционные намерения выпускников школ малых и средних городов России. *Вестник Московского университета. Серия 5.* География, 6, 82–89. EDN: XZQZSR

Карцева, М. А., Мкртчян, Н. В., Флоринская, Ю. Ф. (2021). Межрегиональная миграция молодежи в России и выстраивание жизненных стратегий. *Журнал Новой экономической ассоциации, 52* (4), 162–180. https://doi.org/10.31737/2221-2264-2021-52-4-7

Козлов, Д. В., Платонова, Д. П., Лешуков, О. В. (2017). *Где учиться и где работать: межрегиональная мобильность студентов и выпускников университетов.* Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. Москва: НИУ ВШЭ, 32.

Курбатова, М. В., Донова, И. В., Кранзеева, Е. А., Леухова, М. Г. (2022). Образовательная миграция в регионах ресурсного типа. *Мир России. Социология. Этнология, 31* (1), 91–112. https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-1-91-112

Одинцов, А. В., Шипицин, А. И., Марченко, А. Ю. (2020). Центростремительная миграция молодежи из российской провинции: причины и тенденции (на примере Волгоградской обла-

сти). *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, 3,* 335–354. https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.788

Питухин, Е. А., Зятева, О. А., Щеголева, Л. В., Соколов, В. Е. (2023). Образовательная миграция в регионах России: статистический подход. *Высшее образование в России, 32* (8–9), 48–69. https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-8-9-48-69

Санникова, О. В. (2015). Некомпенсируемая образовательная миграция как проблема развития российского региона. *Теория и практика общественного развития,* 19–21.

Симонян, Р. Х. (2017). Миграционные настроения российской молодежи: региональный аспект. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены, 6,* 313–326. https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.6.16

Флоринская Ю. Ф. (2017). Выпускники школ из малых городов России: образовательные и миграционные стратегии. *Проблемы прогнозирования, 1,* 114–125. EDN: YOATCP

Чернышев, К. А., Конышев, Е. В., Петров, Е. Ю. (2024). Образовательная миграция из арктических регионов России, не имеющих самостоятельных вузов. *Арктика и Север, 55,* 130–144. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.55.130

Чернышев, К. А., Мирязов, Т. Р., Петров, Е. Ю. (2023). Образовательные миграции в Сибири: исследование на основе данных социальной сети. *Географический вестник, 4* (67), 41–51. https://doi.org/10.17072/2079-7877-2023-4-41-51

Чернышев, К. А., Митягина, Е. В., Петров, Е. Ю. (2023). Выявление зон тяготения центров высшей школы по цифровым следам пользователей социальной сети. *Народонаселение, 26,* 4, 75–86. https://doi.org/10.19181/population.2023.26.4.7

Чернышев, К. А., Митягина, Е. В., Чернышева, Н. В., Петров, Е. Ю. (2023). Масштабы и направления образовательной миграции тувинской молодёжи. *Новые исследования Тувы,* 2, 70–83. https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.5

Kashnitsky, I. S., Mkrtchyan, N. V., Leshukov, O. (2016). Interregional youth migration in Russia: A comprehensive analysis of demographic statistical data. *Educational Studies, 3,* 169–203.

References

Aleksejcheva, E. Y., Nekhorosheva, E. V. (2020). Big Data and the economics of education: the managerial dilemma of everyday educational migration in the Moscow agglomeration. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Ekonomika [Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Economics], 1* (23), 89–101. https://doi.org/10.25688/2312-6647.2020.23.1.10 (In Russ.)

Antosik, L. V., Ivashina, N. V. (2021). Factors and directions of interregional migration of university graduates in Russia. *Voprosy obrazovaniya [Education Studies], 2,* 107–125. https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-2-107-125 (In Russ.)

Ataeva, A. G., Ulyaeva, A. G. (2018). Interregional youth migration as a threat to the loss of human capital of the territory (based on the materials of the Republic of Bashkortostan and the regions of the Volga Federal District). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika [Tomsk State University Journal of Economics], 44,* 38–57. https://doi.org/10.17223/19988648/44/2 (In Russ.)

Chernyshev, K. A., Mityagina, E. V., Chernysheva, N. V., Petrov, E. Y. (2023). The scope and directions of educational migration of Tuvan youth. *Novye issledovaniya Tuvy [New studies of Tuva], 2,* 70–83. https://doi.org/10.25178/nit.2023.2.5 (In Russ.)

Chernyshev, K. A., Mityagina, E. V., Petrov, E. Y. (2023). Identification of gravity zones of higher school centers based on the digital footprints of social network users. *Narodonaselenie [Population], 26* (4), 75–86. https://doi.org/10.19181/population.2023.26.4.7 (In Russ.)

Chernyshev, K. A., Konyshev, E. V., Petrov, E. Y. (2024). Educational migration from the Arctic regions of Russia, which don't have independent universities. *Arktika i Sever [The Arctic and the North], 55,* 130–144. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.55.130 (In Russ.)

Chernyshev, K. A., Miryazov, T. R., Petrov, E. Y. (2023). Educational migration in Siberia: a study based on social network data. *Geograficheskij vestnik [Geographical bulletin], 4* (67), 41–51. https://doi.org/10.17072/2079-7877-2023-4-41-51 (In Russ.)

Florinskaya Y. F. (2017). School graduates from small towns in Russia: educational and migration strategies. *Problemy prognozirovaniya [Forecasting problems], 1,* 114–125. EDN: YOATCP (In Russ.)

Gabdrahmanov, N. K., Karachurina, L. B., Mkrtchyan, N. V., Leshukov, O. V. (2022). Educational migration of young people and optimization of the university network in different cities. *Voprosy obrazovaniya [Education Studies], 2,* 88–116. https://doi.org/10.17323/1814-9545-2022-2-88-116 (In Russ.)

Gabdrahmanov, N.K., Nikiforova, N. Y., Leshukov, O. V. (2019). «Ot Volgi do Eniseya…»: obrazovatelnaya migraciya molodezhi v Rossii [«From the Volga to the Yenisei ...»: educational migration of youth in Russia]. National Research University «Higher School of Economics», Institute of Education. Moscow: HSE, 48. (In Russ.)

Gromov, A. D., Platonova, D. P., Semenov, D. S., Pyrova, T. L. (2016). *Dostupnost vysshego obrazovaniya v regionah Rossii [Accessibility of higher education in the regions of Russia]*. National Research University «Higher School of Economics», Institute of Education. Moscow: HSE, 32. (In Russ.)

Karachurina, L. B., Florinskaya, Y. F. (2019). Migration intentions of graduates of schools in small and medium-sized cities of Russia. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografiya. [Bulletin of the Moscow University. Series 5. Geography], 6,* 82–89. EDN: XZQZSR (In Russ.)

Karceva, M. A., Mkrtchyan, N. V., Florinskaya, Y. F. (2021). Interregional migration of youth in Russia and building life strategies. *Zhurnal Novoj ekonomicheskoj associacii [Journal of the New Economic Association], 52* (4), 162–180. https://doi.org/10.31737/2221-2264-2021-52-4-7 (In Russ.)

Kashnitsky, I. S., Mkrtchyan, N. V., Leshukov, O. (2016). Interregional youth migration in Russia: A comprehensive analysis of demographic statistical data. *Educational Studies, 3,* 169–203.

Kozlov, D. V., Platonova, D. P., Leshukov, O.V. (2017). *Gde uchitsya i gde rabotat: mezhregionalnaya mobilnost studentov i vypusknikov universitetov [Where to study and where to work: interregional mobility of university students and graduates]*. National Research University «Higher School of Economics», Institute of Education. Moscow: HSE, 32. (In Russ.)

Kurbatova, M. V., Donova, I. V., Kranzeeva, E. A., Leuhova, M. G. (2022). Educational migration in resource-type regions. *Mir Rossii. Sociologiya. E`tnologiya [Universe of Russia. Sociology. Ethnology], 31* (1), 91–112. https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-1-91-112 (In Russ.)

Odincov, A. V., Shipicin, A. I., Marchenko, A. Y. (2020). Centripetal migration of young people from the Russian province: causes and trends (on the example of the Volgograd region). *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeny [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 3,* 335–354. https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.788 (In Russ.)

Pituhin, E. A., Zyateva, O. A., Shchegoleva, L. V., Sokolov, V. E. (2023). Educational migration in Russian regions: statistical approach. *Vysshee obrazovanie v Rossii [Higher Education in Russia], 32* (8-9), 48–69. https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-8-9-48-69 (In Russ.)

Sannikova, O. V. (2015). Uncompensated educational migration as a problem of the development of the Russian region. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya [Theory and Practice of Social Development],* 19–21. (In Russ.)

Simonyan, R. H. (2017). Migration sentiments of Russian youth: a regional aspect. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i socialnye peremeny [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 6,* 313–326. https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.6.16 (In Russ.)

Vakulenko, E. S. (2019). The motives of internal migration in Russia: What has changed in recent years? *Prikladnaya ekonometrika [Applied Econometrics], 3* (55), 113–138. https://doi.org/10.24411/1993-7601-2019-10013 (In Russ.)

Zajkov, K. S., Katorin, I. V., Tamickij, A. M. (2018). Migration attitudes of students enrolled in higher education programs of Arctic orientation. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 11* (3), 230–247. https://doi.org/10.15838/esc.2018.3.57.15 (In Russ.)

Zamotin, M. P. (2016). Educational migration in migration studies by Russian authors. Diskurs [The discourse], 5, 77–86. https://doi.org/10.32603/2412-8562-2016-0-5-77-86 (In Russ.)

Zhuravlev, N. Y. (2021). Migration behavior of the students of the northern city. *DEMIS. Demograficheskie issledovaniya [DEMIS. Demographic research], 1* (2), 182–193. https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.2.14 (In Russ.)

Журавлев Назар Юрьевич — старший инженер, лаборатория демографии и социального управления, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН; https://orcid.org/0000-0002-0390-1424. (Российская Федерация, 167982, г. Сыктывкар, ГСП-2, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: zhuravlev.nazar@yandex.ru).

Nazar Y. Zhuravlev — senior engineer, laboratory of demography and social management, ISEPN of Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; https://orcid.org/0000-0002-0390-1424 (26 Kommunisticheskaya St., GSP-2, Syktyvkar, 167982, Russian Federation; e-mail: zhuravlev.nazar@yandex.ru).

УДК 339.92
JEL classification: F22, I25, O15
https://www.doi.org/10.17059/udf-2025-5-3

Анализ образовательной миграции иностранных студентов УрФУ на региональном уровне[1]

А. А. Ишуков [а], Д. А. Мендес Калдерон [б]

[а] Институт экономики УрО РАН (г. Екатеринбург, Российская Федерация).
https://orcid.org/0000-0003-4420-6329

[а, б] Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Российская Федерация).

Автор для корреспонденции: А. А. Ишуков (ishukov.aa@uiec.ru).

Аннотация. *В статье рассматривается образовательная миграция иностранных студентов, получающих образование в Уральском федеральном университете им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. С помощью анализа литературы и проведенного социологического исследования в статье выявлены мотивы и трудности иностранных студентов, а также проведена оценка влияния студенческой мобильности на человеческий капитал в Свердловской области. Основным мотивом обучения в России для иностранных студентов являются финансовые возможности, основной трудностью выступает языковой барьер. УрФУ привлекает иностранных студентов наличием образовательных программ с международной аккредитацией и зарубежными стажировками. Выявлено, что значительная часть опрошенных иностранных студентов готова продолжить обучение в России и УрФУ в частности, при этом о намерении работать в РФ в дальнейшем заявили лишь четверть респондентов. Таким образом, необходимо предлагать дополнительные адаптационные и профессиональных возможности иностранным студентам для возможности концентрации человеческого капитала и усиления экономического потенциала региона.*

Ключевые слова: образовательная миграция; высшее образование; регион; адаптационные возможности для иностранных студентов

Analysis of Educational Migration of URFU Foreign Students at the Regional Level

A. Ishukov [a], J. Mendez Calderon [b]

[a] Institute of Economics of the Ural Branch of RAS (Ekaterinburg, Russian Federation).
https://orcid.org/0000-0003-4420-6329

[a, b] Ural Federal University (Ekaterinburg, Russian Federation).

Corresponding author: A. Ishukov (ishukov.aa@uiec.ru).

Abstract. *Educational migration of foreign students studying at Ural Federal University is examined in the article. Using literature analysis and sociological survey, the motives and difficulties of foreign students are identified in the article, and the impact of student mobility on human capital in the Sverdlovsk region is assessed. The main motive for studying in Russia for foreign students is financial capabilities, the main difficulty is the language barrier. UrFU attracts foreign students with the availability of educational programs with international accreditation and foreign internships. It was found that a significant number of the surveyed foreign students are ready to continue their education in Russia and UrFU in particular, while only a quarter of the respondents who expressed a desire to work stated their intention to work in Russia in the future. Thus, it is necessary to offer additional adaptation and professional opportunities to foreign students to enable the concentration of human capital and strengthen the economic potential of the region.*

Keywords: educational migration; higher education; region; adaptation opportunities for foreign students

[1] © Ишуков А. А., Мендес Калдерон Д. А. Текст. 2025.

Введение

В глобализированном контексте, когда международное образование становится стратегическим инструментом регионального развития, образовательная миграция представляет собой ключевое явление, которое не только обогащает культурный ландшафт региона, но и занимает важную роль в его экономическом и социальном развитии. Данная статья направлена на предоставление аналитического материала образовательным учреждениям и регулирующим органам для выстраивания стратегии по оптимизации региональных процессов интернационализации. Выделяя сильные стороны интернализации образования и проблемы, с которыми сталкиваются студенты в процессе обучения, исследование не только способствует пониманию феномена миграции, но и предлагает меры по улучшению адаптации и интеграции студентов, тем самым усиливая роль образования как движущей силы социально-экономического прогресса.

Обзор литературы

Рост международной студенческой миграции изменил глобальный ландшафт высшего образования (Sumarti, 2021; Brown, 2025). В последнее десятилетие Россия столкнулась с устойчивым ростом численности иностранных студентов, а именно с 187300 в 2010 г. до более 389100 в 2024 г. Этот рост отражает усилия российского правительства по продвижению страны как глобального участника образовательного пространства. Согласно национальным целям развития, ожидается, что к 2025 г. численность иностранных студентов увеличится до 410 тыс. чел. Эти данные содержатся в Едином плане по достижению национальных целей развития до 2030 г. и на перспективу до 2036 г., утвержденном Председателем Правительства России М. Мишустиным. Большая часть иностранных студентов приезжает в Россию из стран бывшего СССР, таких как Казахстан и Узбекистан, а также из Китая. Однако наблюдается заметный рост численности студентов из Африки, Ближнего Востока и Латинской Америки[1].

Привлечение иностранных студентов является не только экономическим императивом, но и средством позиционирования России как конкурентоспособного игрока на мировом рынке образования с потенциальными эффектами в дипломатической, культурной и экономической сферах (Sauer, 2019; Ganina et al., 2021). Исследования показывают, что иностранных студентов привлекает Россия по разным причинам, таким как финансовая доступность, высокие образовательные стандарты и особые академические возможности (Shively, 2017). Наибольшей популярностью пользуются образовательные программы по медицине, инженерии, естественным наукам и международным отношениям, что подчеркивает академическое разнообразие предлагаемых возможностей для иностранцев российскими университетами[2].

За последние пять лет произошло два события, которые повлияли на миграцию студентов на территории России. Во-первых, пандемия COVID-19 в 2019 г.,

[1] Козлова, О. (2018). Сколько Россия зарабатывает на студентах-иностранцах. NEWS. https://news.ru/economics/studenty-rossiya-inostrannye-vuzy-obuchenie-stoimost-dohody/ (дата обращения: 10.02.2025).

[2] Why international students choose Russian universities. HED magazine, 2 (22), https://hedclub.com/en/publication/why_international_students_choose_russian_universities_385(дата обращения: 10.02.2025).

которая существенно изменила процессы интернационализации. Ограничения на поездки и переход на форматы дистанционного обучения стали серьезными проблемами для иностранных студентов (Rohr, 2015). В результате этого некоторые студенты предпочли покинуть страну. Опрос показывает, что иностранные студенты адаптировали свой процесс обучения к новой реальности, хотя и с неоднозначным восприятием онлайн-обучения. Они подчеркивают логистические преимущества, такие как мобильность и снижение затрат, но также выражают обеспокоенность ограничениями в общении и чувствуют себя более уязвимыми по сравнению со своими российскими сверстниками. Во-вторых, в 2022 г. начался военный конфликт между Россией и Украиной. Россия столкнулась с международными ограничениями, которые усложнили жизнь многим иностранным студентам, в т. ч. с ограничениями по банковским переводам, по подачи заявок, уходу международных компаний с потребительского рынка, прекращением сотрудничества с Россией отдельных образовательных организаций.

Иностранная молодежь сталкивается со многими трудностями, от подачи заявки на обучение до общения с русскоязычными студентами и преподавателями[1]. Выделяются несколько ключевых проблем, влияющих на социальную и академическую интеграцию иностранных студентов[2]:

— пробелы в знаниях;
— культурные различия;
— непростое социальное взаимодействие;
— продолжительная адаптация;
— недостаточная мотивация и подготовка.

Несмотря на это, многие российские университеты стремятся стать более конкурентоспособными на международной арене, привлекая иностранных студентов, что способствует развитию мультикультурной среды (Киселева, 2022; Ветошкина & Касумова, 2022). УрФУ также старается развивать международное сотрудничество и привлекать иностранных студентов. В 2024/2025 учебном году в университете обучаются 4600 иностранных студентов из 100 стран мира. Университет готов продолжать работать в направлении развития программ студенческого обмена, программ второго диплома и поддержки талантливых студентов. Кроме того, с запуском нового кампуса увеличатся инфраструктурные возможности.

Материалы и методы

Социологическое исследование проводилось с октября 2024 г. по декабрь 2024 г. в рамках совместного проекта Центра исследований социоэкономической динамики Института экономики УрО РАН и образовательной программы «Мировая экономика и международный бизнес» Института экономики и управления Уральского федерального университета с помощью электронной анкеты. Целью опроса являлось изучение международной образовательной миграции иностранных студентов УрФУ и ее роли в региональном развитии. Результаты исследования являются предварительными, т. к. реализация совместного проекта продолжается.

[1] Растет количество иностранных студентов, желающих обучаться в России. https://urfu.ru/ru/news/47589/ (дата обращения: 10.02.2025).

[2] Там же.

В рамках исследования был проведен опрос среди иностранных студентов, проходящих обучение в ведущем вузе Урала — Уральском федеральном университете, расположенном в Екатеринбурге. В опросе приняли участие 69 студентов из 23 стран Европы, Центральной и Южной Америки, Азии, Ближнего Востока и Африки (55 % юноши, 45 % девушки), обучающихся на разных образовательных программах УрФУ. 77 % принявших участие в опросе студентов проходят обучение в бакалавриате, 23 % в магистратуре и аспирантуре.

Дискуссии и результаты

Были выявлены три основных причины выбора российского вуза у иностранных студентов:

— финансовая доступность (56,5 %);

— улучшение качества жизни благодаря переезду в другую страну (42 %);

— рекомендация родных и друзей (35 %).

Это говорит о том, что репутация российского образования и финансовые аспекты являются ключевыми факторами при принятии решения иностранными студентами.

Среди главных причин выбора образовательной программы в УрФУ являются получение стипендии (48 %), наличие интересных программ (45 %), наличие международной аккредитации (41 %), возможность прохождения стажировки за рубежом (39 %). Студенты, обучающиеся в УрФУ, отмечают высокий уровень безопасности (61 %), низкие цены по сравнению с другими странами и вузами (59 %), низкие цены по сравнению с родной страной (51 %) и высокую культуру в общении (49 %).

Основной трудностью, возникающей при обучении на программах, является сложность в понимании контента занятий (61 %). Языковая проблема также является острой, респонденты считают, что языковой барьер выступает основным ограничением, с которыми сталкиваются иностранные студенты в России (73 %).

Согласно данным на рисунке 1, 49 % всех опрошенных студентов уделяют внимание исключительно учебе, 51 % респондентов совмещают учебу с работой. Таким образом, очевидно, что половина всех иностранных студентов нуждается в дополнительном источнике дохода.

Согласно данным на рисунке 2, 46 % иностранных студентов планируют продолжить обучение в магистратуре и аспирантуре как в России, так и в других странах, причем абсолютное большинство из них хотят обучаться именно в России, однако 48 % иностранных студентов планируют работать, а не продолжать обучение на следующей ступени образования, причем лишь четверть из них готова остаться работать в Екатеринбурге и Свердловской области. Важно заметить, что 86 % всех опрошенных студентов планируют работать по специальности. В целом полученные результаты свидетельствуют о заинтересованности иностранных студентов в дальнейшем развитии своей академической и профессиональной карьеры, и, если будут созданы необходимые условия для выстраивания их профессионального трека, они смогут продолжить обучение в регионе и в дальнейшем пополнить рынок труда в качестве специалистов.

Рис. 1. *Результаты социологического опроса по вопросу «Совмещаете ли Вы учебу с работой», % (источник: сост. авторами)*

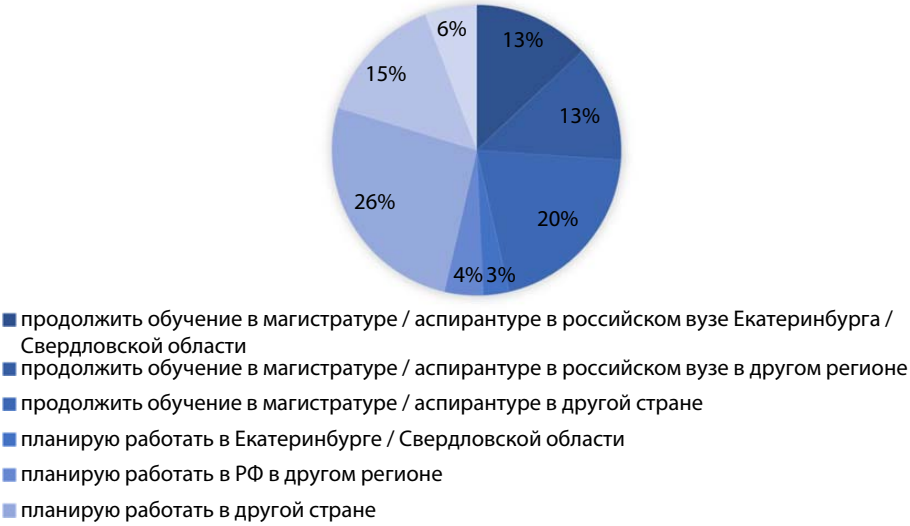

Рис. 2. *Результаты социологического опроса по вопросу «Что планируете после получения образования в УрФУ», % (источник: сост. авторами)*

Заключение

Таким образом, нами проанализирован феномен образовательной миграции иностранных студентов в контексте социально-экономического развития Свердловской области на примере Уральского федерального университета. На основе опроса иностранных студентов, а также обзора литературы были получены

результаты, которые позволяют лучше понять современную динамику, проблемы и возможности этого явления для дальнейшего развития Свердловской области.

Основным фактором, привлекающим иностранных студентов в Россию, является финансовая доступность. УрФУ выделяется тем, что предлагает программы с международной аккредитацией и возможностями по стажировкам за рубежом. Основной трудностью для иностранных студентов является языковой барьер.

Межкультурное взаимодействие укрепляет образовательную среду и способствует обмену знаниями и навыками между студентами. Необходимо предлагать дополнительную поддержку иностранным студентам, такую как интенсивные курсы русского языка, культурные мероприятия и наставничество, чтобы облегчить их социальную и академическую адаптацию. Инвестиции в студенческие общежития, платежные системы и службы психологической и академической поддержки внесут значительный вклад в улучшение студенческого опыта. Увеличение количества программ, преподаваемых на английском языке, предоставляемых возможности получения двойных дипломов и международные карьерные возможности помогут привлечь больше иностранных студентов в российскую образовательную систему.

Важно отметить, что образовательная миграция является сложным и многомерным явлением, которое может способствовать социально-экономическому развитию регионов. Однако для максимизации этих преимуществ необходимо внедрять инклюзивную политику и стратегии, которые преодолевают культурные, языковые и структурные барьеры. УрФУ может закрепиться в качестве основной модели образовательной интернационализации и ключевого фактора регионального и глобального прогресса.

Благодарность

Статья подготовлена в соответствии с планом НИР по гос. заданию Института экономики УрО РАН на 2024–2026 гг. «Механизмы регулирования экономического поведения населения в условиях структурных изменений».

Acknowledgements

The article has been prepared in the framework of the state task to the Institute of Economics of the Ural Branch of RAS for 2024–2026 «Mechanisms for regulating the economic behavior of the population in the context of structural changes».

Список источников

Ветошкина, Ю. В., Касумова С. (2022). Изучение адаптации иностранных студентов (на примере ПГНИУ и ПГМУ). В *Социокультурная адаптация иностранных студентов в российских вузах: проблемы, решения, лучшие практики. Сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции* (с. 16–22). Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 90. EDN: ISNTZK

Киселева, В. М. (2022). Проблемы адаптации иностранных студентов в российских вузах (на примере Пермского государственного национального исследовательского университета). В *Социокультурная адаптация иностранных студентов в российских вузах: проблемы, решения, лучшие практики. Сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции* (с. 27–31). Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 90. EDN: IYJWUL

Brown, B. (2025). Stuck with Two Choices — Social Bonding or Bettering Myself Linguistically: The Tension of English and Peer Relationships in Study Abroad. *Journal of Language, Identity & Education,* 1–15. https://doi.org/10.1080/15348458.2025.2450675

Ganina, E. V., Kozlovtseva, N. A., Matveenko, V. E., Kerimov, A. S., Sukhorukova, D. V. (2021). Immigration situation in Russia (2016–2020). *SHS Web of Conferences, 125,* 06001. https://doi.org/10.1051/shsconf/202112506001

Sauer, L. E. R. (2019). The social life of teenagers studying abroad and their L2 development. *Moderna Language Journal, 103* (3), 456–478. https://doi.org/10.1111/modl.12589

Shively, R. L., Devlin, A. M. (2017). Study Abroad Research in Second Language Acquisition and International Education. *John Benjamins Publishing Company, 2* (1), 135. https://doi.org/10.1075/sar

Sumarti, S. (2021). Writing errors in students' foreign language acquisition. *Eralingua: Jurnal Pendidikan Bahasa Asing dan Sastra, 5* (1), 45–58. https://doi.org/10.26858/eralingua.v4i2.12483

Trushcheleva, M., Pallardó López, V. (2015). Demographic evolution and the importance of migration flows in Russia: a historical overview. *Population Papers, 21* (86), 3–30. https://www.scielo.org.mx/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S14057425201500040003 (дата обращения: 10.02.2025).

References

Brown, B. (2025). I have two options — to establish social connections or to improve in linguistics.: Tension in English and relationships with peers while studying abroad. *English, features and pronunciation,* 1–15. https://doi.org/10.1080/15348458.2025.2450675

Ganina, E. V., Kozlovtseva, N. A., Matveenko, V. E., Kerimov, A. S., Sukhorukova, D. V. (2021). Migration policy in Russia (2016–2020). *Web conference SHS, 125,* 06001. https://doi.org/10.1051/shsconf/202112506001

Kiseleva, V. M. (2022). Problems of adaptation of foreign students in Russian universities (on the example of the experience of perm state university). In *Sotsiokulturnaia adaptatsiia inostrannykh studentov v rossiiskikh vuzakh: problemy, resheniia, luchshie praktiki. Sbornik statei po materialam Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Socio-cultural adaptation of foreign students in Russian universities: problems, solutions, best practices. Collection of articles based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference]* (pp. 27–31). Name: Perm State University, 90 years EDN: IIJVUL (In Russ.)

Sauer, L. E. R. (2019). The social life of young people studying abroad and their development in the framework of 2. *Journal Moderna Language, 103* (3), 456–478. https://doi.org/10.1111/modl.12589

Shively, R. L., Devlin, A. M. (2017). Research on studying abroad in the field of second language learning and international education. *The State of John Benjamins, 2* (1), 135. https://doi.org/10.1075/sar

Sumarti, S. (2021). Written errors when learning a foreign language by students. *Eralingua: Pandikan Baba Asing Danastra Magazine, 5* (1), 45–58. https://doi.org/10.26858/eralingua.v4i2.12483

Truscheleva, M., Pallardo Lopez, V. (2015). Demographic evolution and the importance of migration flows in Russia: a historical overview. *Population Reports, 21* (86), 3–30. https://www.scielo.org.mx/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S14057425201500040003 (Accessed: 10.02.2025).

Vetoshkina, Yu. V., Kasumova, S. (2022). Study of adaptation of foreign students (on the example of psu and psmu). In *Sotsiokulturnaia adaptatsiia inostrannykh studentov v rossiiskikh vuzakh: problemy, resheniia, luchshie praktiki. Sbornik statei po materialam Vserossiiskoi nauchno-*

prakticheskoi konferentsii [Socio-cultural adaptation of foreign students in Russian universities: problems, solutions, best practices. Collection of articles based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference] (pp. 16–22). Name: Perm State University, 90. EDN: ISNTZK (In Russ.)

Ишуков Александр Александрович — доцент, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; младший научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН; https://orcid.org/0000-0003-4420-6329 (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: ishukov.aa@uiec.ru).

Мендес Калдерон Джудит Ариана — студент, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Российская Федерация, 620062, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19; e-mail: arijudim@gmail.com).

Alexander A. Ishukov — Associate Professor, Ural Federal University; Research Assistant, Institute of Economics of the Ural Branch of RAS; https://orcid.org/0000-0003-4420-6329 (29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: ishukov.aa@uiec.ru).

Judith Ariana Mendez Calderon — Student, Ural Federal University (19, Mira St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: arijudim@gmail.com).

УДК 314.1
JEL classification: J61
https://www.doi.org/10.17059/udf-2025-5-4

Мотивы и ожидания потенциальных мигрантов: миграция из Азербайджана в страны ЕС[1]

Р. Керимов
Институт Географии Министерства Науки и Образования Азербайджана (г. Баку, Азербайджан).
https://orcid.org/0000-0001-5059-2735
Автор для корреспонденции: Р. Керимов (rovshan_karimov@yahoo.com).

Аннотация. *В статье исследуются факторы, влияющие на принятие решений населением по вопросу миграции из страны. Исследование проводилось на примере граждан Азербайджана, то есть потенциальных мигрантов, заинтересованных в ближайшей и среднесрочной перспективах мигрировать из своей страны в регион Европейского Союза с целью постоянного проживания. Посредством опроса изучены мотивы и ожидания молодого поколения от запланированного ими переезда в страны ЕС. Исследование актуально с точки зрения понимания интересов и озабоченностей населения, планирующего мигрировать из постсоветского пространства, а также прогнозирования международных миграционных процессов.*

Ключевые слова: миграция; потенциальный мигрант; принятие решений; опрос

Motivations and Expectations of Potential Migrants: Migration from Azerbaijan to EU Countries

R. Karimov
Institute of Geography at the Ministry of Science and Education (Baku, Azerbaijan).
https://orcid.org/0000-0001-5059-2735
Corresponding author: R. Karimov (rovshan_karimov@yahoo.com).

Abstract. *The paper is dedicated to the decision-making among the citizens of Azerbaijan toward migrating to the countries of European Union. Specifically, it studies the motivations and expectations of the young generation of Azerbaijan interested in migrating to the region of EU through surveying. As a case study from the post-Soviet region, the research is relevant in terms of understanding the interests and concern of potential young migrants as well as forecasting the nature of migration processes in the near and medium perspectives.*

Keywords: migration; potential migrant; decision-making; survey

Introduction

The population of Azerbaijan lived in integration with the population of other soviet republics for seventy years until the fall of the USSR in 1991. Relatedly, the cities of this former country traditionally were the major destination for Azerbaijani labor migrants (Braux, 2013). After 90s, when Azerbaijan became an independent, the geography of international migrations expanded. Migration from Azerbaijan mostly happens because of socioeconomic factors, and the intensity of migration in Azerbaijan was related to the economic situation and economic growth observed in the country (Bayramov et al., 2021). Recently, such economic factors as accessibility to social services in a country of immigration (Endryushko, 2020), or amendments made to laws

[1] © Керимов Р. Текст. 2025.

on migration legislation and migration policy in the neighbor countries have influenced the intensity of migrations from Azerbaijan (Grigoreva & Mukomel, 2014; Morticelli, 2021). While Russia remained to be the major destination for Azerbaijani migrants since early 90es of the twentieth century (Karimov, 2021), the migration of population from Azerbaijan to other countries took place at large scale as well. This process is underway nowadays. Azerbaijani migrants are pulled by such countries as Kazakhstan, Turkey, Arab countries of the Persian Gulf, Eastern and Western Europe, etc. (Migration…, 2023). Meanwhile, among the citizens of Azerbaijan, the interest in migrating to post-Soviet countries has been decreased, whereas toward other regions, in particular Europe, this interest increased. This is evidenced also by the analysis of the official statistic data on the number of migrants for the last decades (PoA, 2024). However, migrations from Azerbaijan to European countries typically involves those who are self-confident, had the necessary language skills and qualification (Yunusov, 2013).

Factors responsible for the increasing interests toward migrating to Europe are related to changes in the socio-economic situation, growing interest in getting higher education abroad, employment opportunities for high-paid jobs in Europe, cultural globalization trends, and etc. in the sending country (Gurbanov, 2014). Meantime, being involved in economically more advantageous international migrations is the subject of limitedness and tough competition. Potential migrants are aware of this situation and they make efforts to increase their qualification and language skills to achieve residence permit in a destination country desired (Jafarova, 2023; Yunusov, 2013). Interests, opportunities, expectations, as well as education and knowledge capacities of this group of population toward the migration issue are quite different, however. Considerable part of educated people migrating from Azerbaijan has moved to the countries of European Union and the United Kingdom, but most notably to Germany. According to Eurostat, by 2016, about 11,5 thousand (or more than 40 %) of Azerbaijanis who got the residence permit for abroad have migrated to Germany.

Aim of the paper

In this paper, the motivations of potential migrants with respect to living and working in the countries of European Union are explored. Specifically, in this research, it is tried to evaluate variety in interests, self-confidence, readiness and opportunities among the young generation of Azerbaijan willing to migrate to the region of EU with the purpose of earning, improve formal qualification and education and living in the near and medium perspectives. Exploring the interests of migrants is important in terms of knowing reasons, motivations and degree of impacts of external factors on the decision-making of migrants as well as from view of forecasting relevant migration processes.

Methodology

This research was conducted mainly based on surveying method. First, the survey involved men and women at 18–30 years of age with either bachelor or master education background as well as those studying at universities to know whether are they intending in migrating abroad due to economic reasons in the near and medium perspectives or not. Out of them, the respondents who said "they are planning to migrate and work in the countries of European Union" were addressed with specific questions.

These questions with multiple choice were about the motivations, external factors, various causes, expectations, concerns, opportunities etc. of the respondents. In total, 130 persons expressed their interest in migrating to the shown region. Accordingly, 65 males and 65 females each at 30 and under years of age living in various cities and districts of Azerbaijan were involved in a specially created survey composed of different questions about opportunities and decision-making with respect to migrating from Azerbaijan to the countries of European Union. The survey was carried out with following the confidentiality of all the personal data collected. The results of the survey were analysed both for males and females separately and altogether. The analysis allowed know the respondents' awareness, ambitions, motivations and opportunities with respect to migrating.

Results

Regarding a desired destination (a country), most potential migrants, as it was found out through a survey, were interested in migrating to the countries EU. Another lesser number of respondents indicated to USA and Canada, whereas the regions of Asia came behind with significant difference.

To the question "which country would you migrate most of all?", Germany as the most preferred country was mentioned by 27 % of the respondents, whereas the following countries were the English-speaking countries: United Kingdom (15 %), Canada (14 %), and USA (14 %). Other countries were significantly behind: Italy (7.5 %), Norway (5 %), France (3 %), etc.

The next question addressed to the respondents was about their motivations in migrating to the countries of EU. Thus, with respect to the question "what is your main relevant motivation?", the answers were as follows: "I want to improve my living conditions abroad" — 56 %; "I want to live in much democratic country" — 24 %; "I am pushed to migrate by low level of development" — 19 %"; "I want to take education" — 6 %.

Regarding the question "How would you access the probability of your migration to the European Union?", 49 % answered that this probability is about "fifty/fifty" depending on certain factors and conditions related to personal activity ("medium" probability). Among the respondents, 29 % mentioned that they have "enough personal characteristics and capacity" to migrate to this region in the near future ("high" probability). Another 8 % said "migrating to the EU is a question of time", meaning "sooner or later" this migration will take place ("very high" probability). Interestingly, only 14 % recognized that though they are very interested in migrating to the EU, it seems they will not have such a capacity ("low" probability).

It was also revealed that most Azerbaijani potential migrants strongly believe in their capacity of finding a suitable job in a destination country in the future. Results of the survey toward the countries of EU emphasized mostly the choice "high» as 59 % of the respondents answered so. Another 14 % demonstrated much higher confidence in their feedbacks saying this probability is "very high". Here it can be added that the feedbacks of 77 % of men and of 69 % of women were "high" and "very high" respectively. Among the respondents, 21 % indicated to "low", and only 4 % pointed out to "very low" toward this probability, whereas 2 % of the respondents acknowledged their unawareness.

Next question of the survey was: "What kind of job would you engage in a EU member state"? The results showed that more than half of Azerbaijani respondents think or at least hope that their qualification fully or partially will be requested in a country of immigration where they would like to reside. Thus, 57 % of participants of the conducted survey (60 % of men and 51 % of women) said they intend to engage skilled jobs in a destination country, and 14 % of the respondents said they are ready to embrace any kind of work as a source of income there. Meanwhile, 29 % of the respondents noticed that they have no clear idea or have not decided about which kind of jobs can be occupied by them in a country they could migrate to.

The role of curbing factors of migration was investigated too. More than a third part of all respondents explained their "delay in migrating" with the lack of financial means. Thus, 36 % of the respondents expressed concern over their financial capability that would not allow them to meet initial stay costs abroad. Eventually this factor turned out to be a main difficulty for them. Meantime, 12 % of respondents said that they have not enough language skills necessary for living in a country they would like to migrate. Interestingly, as it was revealed, very small percentage of potential migrants expressed their concern over the qualification (or specialty) they own. Thus, only 6 % indicated to their «unrequested qualification", which as they think, curbs them from decision to migrate. This can be associated with lack of awareness among them.

With respect to migration from Azerbaijan to Europe, respondents willing to migrate to the region of EU were asked also to compare the influencing push and pull factors and assess the degree of impact of these factors on their decision. In the list of push factors (i.e. those relevant to Azerbaijan) the followings were included: dissatisfaction of respondents towards welfare, salary, poor housing, gender issue, healthcare and education (economic factors) as well as the dissatisfaction with respect to discrimination, management, human rights, presence of conflict, crime and violence, lack of security, environmental concerns associated with natural disasters and pollution (non-economic factors). To the question "how push factors do affect on your decision to migrate?", 41 % of respondents said that the role of these factors in their decision to migrate from Azerbaijan is "high". As it was found, decisions of this group of respondents were variable depending on the situation present in the country they live. 34 % of respondents said the role of push factors is "medium", noting that both push and pull factors have an impact on their decision. For 24 % of respondents, the impact of push factors turned out to be "low", since they answered that they would "prefer to live abroad in any case" (Figure). Under "push factors" the followings were considered: situation in the labor market, high salary and social security, favorable healthcare, low costs for living, high technologies (economic factors); availability of relatives, rights and freedom, high law and order conditions, favorable ecological situation, cultural tolerance, easy adaptation conditions, safety, and low crime rate (non-economic factors). Considerable difference by men and women with respect to the degree of impact of push factors was not observed.

Regarding the role of pull factors in relevant decision-making, 19 % of respondents stated that certain pull factor(s) seem to be crucial in their decision to migrate. Opinions of this group of respondents can be formulated as below: "I don't have any serious problems in my country where I currently live, and the reason why I am eager

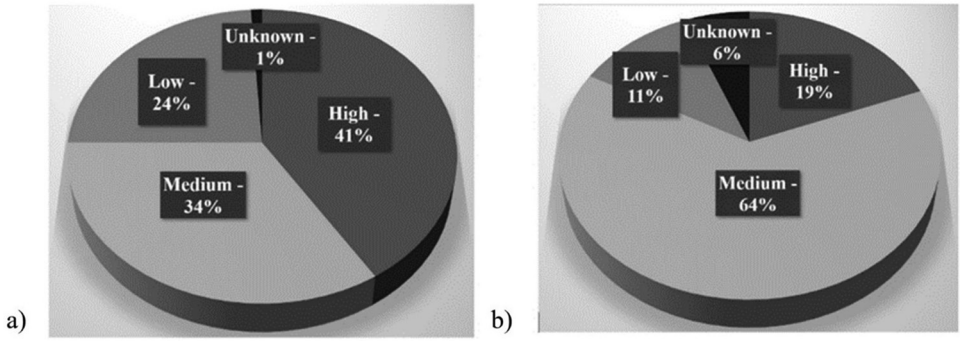

Fig. *Degree of influence of push factors (a) and pull factors (b) on the decisions of Azerbaijanis to migrate to EU countries (according to a survey conducted)*

to migrate from here is not related to push factors rather this is related to my will and high interest in living in a country to which I am planning to migrate. The available (financial) opportunities I possess allow me to do it. Probably I will not return back ever unless there is a weighty reason". Meantime, for 11 % of respondents, the impact of pull factors is "low" as their main goal, as we found, is to leave home country where they are dissatisfied with their living. This group of respondents believe their migration will work for good anyway. Meanwhile, the majority (64 %) of respondents, in opposition to those who are strongly attained to either pull or push factors, performed hesitation with respect to the pull factors ("medium" role in decision-making). Their position in this context can be described as "I will return to my home country depending how my works will go in a country of immigration. I will be back if situation there will get worsen or change against my expectations and interests" (Figure 1).

The respondents were asked also to answer to the question below: "would you return to your home country once the problems which took you to a country of immigration are solved?". Among the respondents, 21 % answered "yes, definitely", and 24 % answered "no, I wouldn't if I get a job". While only 16 % of women answered that they would return, much higher percentage of feedbacks (27 %) were received from men. Meanwhile, 51 % of respondents said they do not know which decision they would take in this situation, since it "will depend on the adaptation capacities", and 4 % more did not answer. The received results for the question shown above evidences that actually the impact of push factors in economic migration on Azerbaijanis is not so highly influential as one could imagine.

Conclusion

The results of the survey of this research and our conversation with the same involved respondents shows that in Azerbaijan young generation at 18 to 30 years of age willing to migrate from home country are mostly interested in moving to Europe rather than to other regions with taking into consideration both the geographical proximity and the earning opportunities available. Despite the presence of high qualification and skill

requirements of employing businesses in Europe, potential migrants in Azerbaijan are highly-motivated and eager to apply for living in this region. More ambitious potential migrants, as our survey shows, performs high tendency to get their complementary education in the universities situated in the European countries as well as be employed in the private sector of this region.

Meantime, toward migrating to Europe, most potential migrants without enough knowledge about the labor market country of immigration have no clear idea which businesses are likely to hire them in case their applications are accepted. Eventually, most of them has not yet clearly decided how long they will be able stay in a country of arrival, or will they return back ultimately under favorable circumstances in the home country. Hence, there is a big difference between the real situation with job opportunities in a country of immigration and job-engaging potential of the citizens of Azerbaijan interested in migrating to Europe.

It was defined that most migrants seem too hesitating in their decisions (the «medium» social group prevails) which indicates that external factors may make the potential migrants to change their decision in their future.

Also, as the answers of questions showed, for most questions put reflecting the motivations and interests of migrants, no significant differences between the opinions of men and women exist.

Finally, one of the most important thing revealed in this research was that the role of push factors in economic migration of Azerbaijanis is not high, rather most potential migrants are more influenced by pull factors.

Список источников

Bayramov, S. V., Muradov, R. S., Efendiyev, R. J., Hajiyeva, L. A., Aliyev, E. S. (2021). Modeling the assessment of the connection of migration and economic development: Case of Azerbaijan. *Journal of Eastern European and Central Asian Research, 8* (1), 110–120. https://doi.org/10.15549/jeecar.v8i1.653

Braux, A. P. (2013). Azerbaijani migrants in Russia. *Caucasus Analytical Digest, 57* (3), 5–7. https://css.ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/center-for-securities-studies/pdfs/CAD-57-5-7.pdf (accessed: 20.01.2025).

Gurbanov, S. (2014). Migration and brain drain: survey for the Azerbaijan economy. *Journal of Qafqaz University. Economics and Administration, 2* (1), 3–13. https://ssrn.com/abstract=2604362 (accessed: 20.01.2025).

Jafarova, K. (2023). The meaning of education in migrants' experiences: the case of high-skilled migrants from Azerbaijan in Poland. *Central and Eastern European Migration Review, 12* (2), 191–206. https://doi.org/10.54667/ceemr.2023.25

Migration in the Republic of Azerbaijan: a country profile. 2013–2021. (2023). Geneva: IOM, 140. https://publications.iom.int/books/migration-republic-azerbaijan-country-profile-2013-2021 (accessed: 20.01.2025).

Morticelli, A. (2021). *Human rights of irregular migrants in the European Union.* Nomos, Baden-Baden, 357. https://doi.org/10.5771/9783748925255

PoA (Population of Azerbaijan). (2024). Yearly bulletin of the State Statistical Committee of the Azerbaijan Republic. Baku: Az Mega Group Press, 138.

Yunusov, A. (2013). *Integration in Azerbaijan's migration processes.* CARIM–East Research Report. European University Institute. Robert Schuman Centre for Advanced Studieshttps://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/29437/CARIM-East_RR-2013-09.pdf?sequence=1 (accessed: 20.01.2025).

Григорьева, К. С., Мукомель, В. И. (2014). Мигранты и россияне на рынке труда: условия, режим труда, заработная плата. В *Мигранты, мигрантофобии и миграционная политика* (с. 82–99). Москва: НП «Центральный Дом адвоката», Московское бюро по правам человека, «Academia», 245. https://www.fnisc.ru/index.php?page_id=1198&id=3988 (дата обращения: 20.01.2025).

Керимов, Р. Н. (2021). Экономическая миграция из Азербайджана в Россию. В *Настоящее и будущее России в меняющемся Мире: общественно-географический анализ и прогноз: Материалы международной научной конференции (XII Ежегодная научная Ассамблея АРГО), Ижевск, 13–18 сентября 2021 года*. (с. 679–687). Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 936. EDN HBEBGI.

Эндрюшко, А. А. (2020). Доступ мигрантов к социальным услугам в России на примере граждан Азербайджана. *Журнал исследований социальной политики, 18*(4), 689–704. 10.17323/727-0634-2020-18-4-689-704

References

Bayramov, S. V., Muradov, R. S., Efendiyev, R. J., Hajiyeva, L. A., & Aliyev, E. S. (2021). Modeling the assessment of the connection of migration and economic development: Case of Azerbaijan. *Journal of Eastern European and Central Asian Research, 8*(1), 110–120. https://doi.org/10.15549/jeecar.v8i1.653

Braux, A. P. (2013). Azerbaijani migrants in Russia. *Caucasus Analytical Digest, 57*(3), 5–7. https://css.ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/center-for-securities-studies/pdfs/CAD-57-5-7.pdf (Accessed: 20.01.2025).

Endryushko, A. (2020). Dostup migrantov k sotsialnym uslugam v Rossii na primere grazhdan Azerbaydzhana. *Jurnal Issledovaniy Sotsialnoy Politiki [Journal of Social Policy Research, 18*(4), 689–704. https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-4-689-704 (In Russ.)

Grigoryeva, K. S., Mukomel, V. I. (2014). Migrants and Russians in the labour market: conditions, labor regime, wages In *Migranty, migrantofobii i migracionnaya politika [Migration, migrantophobia and migration policy]*. (pp. 82–99). Moscow: Centralnyj Dom advokata, 245. https://www.fnisc.ru/index.php?page_id=1198&id=3988 (accessed: 20.01.2025). (In Russ.)

Gurbanov, S. (2014). Migration and brain drain: survey for the Azerbaijan economy. *Journal of Qafqaz University. Economics and Administration, 2*(1), 3–13. https://ssrn.com/abstract=2604362 (accessed: 20.01.2025).

Jafarova, K. (2023). The meaning of education in migrants' experiences: the case of high-skilled migrants from Azerbaijan in Poland. *Central and Eastern European Migration Review, 12*(2), 191–206. https://doi.org/10.54667/ceemr.2023.25

Karimov, R. N. (2021). Economic migration from Azerbaijan to Russia. In *Materialy mezhdunar. nauch. konf. "Nastoyashcheye i budusheye Rossii v menyayushchemsya mire: obshchestvenno-geograficheskiy analiz i prognoz". XII Yezhegodnaya Nauchnaya Assambleya Assotsiatsii Rossiyskikh Geografov-Obshchestvovedov. 13-18 sent. 2021 g., Izhevsk [Proceedings of the international scientific conference "The present and future of Russia in a changing world: sociogeographical analysis and forecast". 12th Annual Scientific Assembly of the Association of Russian Social Geographers. 13-18 sent. 2021 g., Izhevsk]* (pp. 679–686). Izhevsk: Publishing Center "Udmurt University", 937. EDN HBEBGI (In Russ.).

Migration in the Republic of Azerbaijan: a country profile. 2013–2021. (2023). Geneva: IOM, 140. https://publications.iom.int/books/migration-republic-azerbaijan-country-profile-2013-2021 (accessed: 20.01.2025).

Morticelli, A. (2021). *Human rights of irregular migrants in the European Union*. Nomos, Baden-Baden,357. https://doi.org/10.5771/9783748925255

PoA (Population of Azerbaijan). (2024). Yearly bulletin of the State Statistical Committee of the Azerbaijan Republic. Baku: Az Mega Group Press, 138.

Yunusov, A. (2013). *Integration in Azerbaijan's migration processes. CARIM–East Research Report. European University Institute*. Robert Schuman Centre for Advanced Studies. https://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/29437/CARIM-East_RR-2013-09.pdf?sequence=1 (accessed: 20.01.2025).

Керимов Ровшан — кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник, Институт Географии им. Гасана Алиева Министерства науки и образования Азейбарджана; https://orcid.org/0000-0001-5059-2735 (Республика Азербайджан, AZ1143, г. БАКУ, пр. Г.Джавида, д. 115; e-mail: rovshan_karimov@yahoo.com).

Rovshan Karimov — PhD (Geogr.), Leading Researcher, Institute of Geography named after Hasan Aliyev of the Ministry of Science and Education Republic of Azerbaijan; https://orcid.org/0000-0001-5059-2735 (115 G.Javid Ave., Baku, AZ1143, Republic of Azerbaijan; e-mail: rovshan_karimov@yahoo.com).

УДК 314.8
JEL classification: J11, R23
https://www.doi.org/10.17059/udf-2025-5-5

Социально-демографическое воспроизводство регионов Центрального Черноземья: проблемы и перспективы[1]

Е. В. Реутов

Белгородский государственный национальный исследовательский университет (г. Белгород, Российская Федерация).

https://orcid.org/0000-0003-0270-168X

Автор для корреспонденции: Е. В. Реутов (reutovevg@mail.ru).

Аннотация. *В статье анализируются параметры и факторы социально-демографического воспроизводства регионов Центрального Черноземья. Цель статьи — выявление ключевых тенденций социально-демографического воспроизводства регионов Центрального Черноземья в период специальной военной операции и определение его основных перспектив. Отмечаются общие для всех регионов тенденции эрозии демографического потенциала, выражающиеся в устойчивой естественной убыли населения и снижении миграционного прироста. Обращается внимание на межрегиональную дифференциацию миграционных процессов, обусловленную близостью к зоне СВО и уровнем угроз, от восстановления положительного миграционного баланса в Воронежской области до сохранения интенсивного миграционного оттока в Белгородской области. Основываясь на результатах экспертного опроса, прогнозируется сохранение неблагоприятных демографических тенденций в среднесрочной перспективе с их возможным смягчением в долгосрочной.*

Ключевые слова: социально-демографическое воспроизводство; демографический потенциал; рождаемость; смертность; миграция; миграционный отток

Socio-Demographic Reproduction of the Regions of the Central Black Earth Region: Problems and Prospects

E. Reutov

Belgorod State University (Belgorod, Russian Federation).

https://orcid.org/0000-0003-0270-168X

Correspondence author: E. Reutov (reutovevg@mail.ru).

Abstract. *The article analyzes the parameters and factors of socio-demographic reproduction of the regions of the Central Black Earth Region. The purpose of the article is to identify the key trends in the socio-demographic reproduction of the regions of the Central Black Earth Region during the special military operation and to determine its main prospects. General trends in the erosion of demographic potential, expressed in a stable natural population decline and a decrease in migration growth, are noted for all regions. Attention is drawn to the interregional differentiation of migration processes due to the proximity to the SMO zone and the level of threats — from the restoration of a positive migration balance in the Voronezh Region to the preservation of an intensive migration outflow in the Belgorod Region. Based on the results of the expert survey, the preservation of unfavorable demographic trends in the medium term with their possible mitigation in the long term is predicted.*

Keywords: socio-demographic reproduction; demographic potential; fertility; mortality; migration; migration outflow

[1] © Реутов Е. В. Текст. 2025.

Введение

Пять субъектов Российской Федерации — Белгородская, Воронежская, Курская, Липецкая и Тамбовская области — представляют собой исторически сложившийся макрорегион Центральное Черноземье, в рамках которого в течение нескольких последних столетий сформировались устойчивые экономические и культурные связи, а также, в определенной степени, общая идентичность. В период СССР регионы Центрального Черноземья получили разностороннюю экономическую специализацию, в которой видное место занимал аграрно-промышленный комплекс, а также различные отрасли промышленности, в т. ч. горнодобывающая. Кроме того, макрорегион выполнял важную транзитную функцию, связывая Центральную Россию с южными регионами и Украиной. Наличие многообразной производственной базы, сети высших учебных заведений, транспортных артерий в совокупности формировали привлекательность макрорегиона для проживания, способствуя его социально-демографическому воспроизводству, необходимому в свою очередь для воспроизводства трудовых ресурсов. Данные факторы действовали и в постсоветский период, благодаря чему ряд регионов Центрального Черноземья, прежде всего Белгородская, Воронежская и Липецкая области, сохранили свой социально-демографический потенциал или, по крайней мере, минимизировали его эрозию. По оценке В.В. Пациорковского, «в 2010–2018 гг. только одна Белгородская область сумела сохранить и даже едва заметно нарастить численность населения. Все другие области теряли численность населения в наблюдаемый период. При этом если потери Воронежской и Курской областей можно рассматривать как минимальные, то потери Липецкой области близки к средним по стране, а потери Тамбовской области превышают их более, чем в два раза» (Пациорковский, 2020, с. 614).

Социально-демографическое воспроизводство территорий следует рассматривать как совокупность демографических и экономико-социальных процессов, направленных на формирование устойчивого населения, обладающего определенным качеством человеческого и социокультурного капитала, необходимого для комплексного развития территорий.

Ключевыми факторами социально-демографического воспроизводства следует считать, во-первых, демографический потенциал территорий и, во-вторых, формирующиеся в результате стихийной социальной практики и государственной политики условия, стимулирующие либо являющиеся барьерами социально-демографическому воспроизводству. Что касается демографического потенциала, то, с точки зрения О.Л. Рыбаковского и О.А. Таюновой, он «может обозначать как потенциал роста населения, так и потенциал прироста населения по каждой, по нескольким либо по всем компонентам демографического движения населения. Потенциал роста населения показывает общие изменения, возможные общие итоги изменений параметров населения. Потенциал прироста населения можно рассматривать как разность максимально (условно) допустимых возможностей и инерционного сценария демографического развития» (Рыбаковский & Таюнова, 2019, с. 22). А.И. Кузьмин считает: «Демографический потенциал как синтетическая категория представляет собой не просто численность или массу населения страны или макрорегиона, а определенную систему

оценки потенциалов его жизнеспособности, брачности, рождаемости, разводимости, формирования половозрастной и семейно-брачной структуры и территориальной подвижности населения (включая маятниковую миграцию)» (Кузьмин, 2016, с. 187). С точки зрения Л.Н. Славиной, «основными компонентами демографического потенциала являются численность населения, определяемая естественным приростом и миграцией, а также демографические структуры (возрастно-половая, брачно-семейная и проч.). Способность потенциала к физическому воспроизводству, развитию и реализации в жизни во многом зависит от поведения самого населения — демографического (матримониального, репродуктивного, самосохранительного и др.) и миграционного. На возможности потенциала влияют качество демографических процессов на конкретной территории и проводимая на ней политика (экономическая, социальная, демографическая и проч.)» (Славина, 2021, с. 204).

Рассматривая демографический потенциал как ресурс и фактор экономического развития региона, М.Г. Полухина и Р.М. Логвинова предлагают считать основными характеристиками демографического потенциала области динамику численности населения, его половозрастную и трудовую структуру, степень его экономической активности (Полухина & Логвинова, 2015, с. 19).

В эмпирико-описательных работах, посвященных анализу демографического потенциала территорий, он, как правило, исследуется через призму динамики численности населения и влияющих на нее непосредственно рождаемости, смертности, миграций и опосредованно — факторов, определяющих уровень и характер рождаемости, смертности, миграции (от собственно демографических — динамика деторождения, уровень и характер заболеваемости и др. до социально-экономических — уровень и качество жизни, занятость, алкоголизация и др.) (Бюраева, 2023; Кылгыдай, 2022). С точки зрения создания условий для развития сельских территорий региона с преобладающим аграрным производством при анализе демографическом потенциале региона обращается также на соотношении городского и сельского населения (Бадмаева, 2017).

В углубленных демографических исследованиях особое внимание при анализе демографического потенциала обращается на такие факторы естественного воспроизводства населения, как численность и динамика населения в репродуктивном возрасте и особенно женщин данной категории, состояние их здоровья, в т. ч. репродуктивного (Жуковец и др., 2019).

В настоящей статье, однако, не ставится задачей детальный анализ всех компонентов демографического потенциала, а социально-демографическое воспроизводство рассматривается с точки зрения базовых параметров демографической ситуации в регионах — естественного и миграционного движения, а также влияния на них факторов экономического, но прежде всего социально-политического и геополитического характера.

Цель данной статьи — выявление ключевых тенденций социально-демографического воспроизводства регионов Центрального Черноземья в период специальной военной операции и определение его основных перспектив, исходя из текущей ситуации, определяемой как совокупность демографических, социально-экономических и социально-политических параметров.

Материалы и методы

Эмпирической основой статьи являются данные Росстата, отражающие демографическую ситуацию в регионах Центрального Черноземья в 2021–2024 гг., и результаты экспертного опроса, проведенного в августе-сентябре 2024 г. (N = 32) в рамках выполнения государственного задания «Регулирование демографического поведения населения сельских территорий Центрально-Черноземного экономического района как основной механизм социального воспроизводства в условиях депопуляции» (рук. С. А. Вангородская). Опрос проводился в форме анкетирования (закрытые и полузакрытые вопросы). В качестве экспертов выступали ученые, преподаватели вузов (59,4 %), государственные (муниципальные) служащие (15,6 %), сотрудники государственных (муниципальных) учреждений (6,3 %), депутаты представительных органов регионального и местного уровней (6,3 %), представители НКО (6,3 %) и другие (6,3 %). В экспертной выборке представлены все регионы Центрального Черноземья.

Результаты

Масштабный геополитический конфликт России и Запада последнего десятилетия, острой фазой которого стала специальная военная операция, существенным образом скорректировал параметры социально-демографического воспроизводства ряда регионов Центрального Черноземья и значительно усилил их дифференциацию в данном аспекте. Оказавшись в непосредственной близости к зоне боевых действий, а впоследствии и включившись в нее, Белгородская и Курская области испытали своего рода социально-демографический «шок», выразившийся в резкой интенсификации миграционных процессов, в частности, в росте выездной миграции и активных внутрирегиональных перемещениях населения приграничных территорий.

Значимость данных процессов для последующего развития регионов, в сочетании с прямым ущербом, наносимым производственному и социальному секторам экономики, нашли отражение в утвержденной в декабре 2024 г. Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г. В частности, в качестве одного из основных направлений развития Центрального федерального округа был отмечен «ускоренный экономический рост территорий, граничащих с Украиной (Белгородская, Брянская и Курская области), в т. ч. за счет обеспечения восстановления объектов инфраструктуры, пострадавших от обстрелов, и разработки мер поддержки пострадавших организаций»[1].

Анализ данных статистики показывает общность тенденций естественного движения населения в регионах Центрального Черноземья. За последние почти четыре года в Белгородской области естественная убыль населения составила в совокупности более 45 тыс. чел., в Воронежской области — более 75 тыс., в Курской области — более 38 тыс., в Липецкой — более 37 тыс., в Тамбовской — более 38 тыс. (табл. 1).

[1] Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.12.2024 г. № 4146-р. http://government.ru/docs/all/157308/ (дата обращения: 01.02.2025).

Таблица 1

Естественный прирост / убыль в регионах Центрального Черноземья

Регионы	Естественный прирост / убыль			
	2021	2022	2023	Январь-октябрь 2024
Белгородская область	–15817	–10869	–10139	–9888
Воронежская область	–27902	–18094	–16160	–13207
Курская область	–14538	–9698	–7864	–6434
Липецкая область	–14644	–9096	–8219	–6662
Тамбовская область	–13506	–9772	–8474	–6914

Источник: Социально-экономическое положение России. Январь 2023 года / Росстат. С. 321; Социально-экономическое положение России. Январь 2024 года / Росстат. С. 293; Социально-экономическое положение России. Январь-ноябрь 2024 года / Росстат. С. 306. https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801 (дата обращения: 02.02.2025).

Таким образом, естественная убыль населения является устойчивым трендом последних лет, который может приобретать ситуативные флуктуации, но лишь в сторону увеличения, как в 2021 г. в связи с пандемийной сверхсмертностью. При этом во всех регионах Центрального Черноземья к 2023 г. было зафиксировано незначительное снижение естественной убыли населения, видимо, также как результат спада пандемии коронавируса и трансформации его в сезонное заболевание. Пока, однако, сложно сказать, в какой мере и закрепится ли вообще данная тенденция в 2024 г. ввиду продолжающегося снижения рождаемости, особенно заметного в Белгородской области. Данный регион, как видно из таблицы 1, явно не сможет сохранить, пусть и небольшой, темп снижения естественной убыли населения, и в 2024 г. ее размер превысит значение предыдущего года.

Миграционный прирост населения в течение большей части постсоветского периода позволял стабилизировать численность населения большинства регионов Центрального Черноземья (за явным исключением депрессивной Тамбовской области). Особенно это было характерно для Белгородской области, удачно сочетавшей параметры благоприятных природно-климатических условий, экономического роста и транзитного статуса функцию. Начало СВО резко ограничило приток населения, особенно в приграничные с Украиной регионы, и вызвало противоположный процесс, обусловленный дестабилизацией обстановки — сначала в Белгородской, затем в Курской области и сопутствующей девальвацией состояния личной и общественной безопасности (Реутов и др., 2023). Как видно из таблицы 2, в период 2022–2024 гг. лишь Воронежская область смогла сохранить миграционный прирост, хотя его объем и снизился достаточно ощутимо в 2022 г. и так и не восстановился до значения 2021 г.

Вместе с тем нужно отметить, что, возможно, миграционный прирост населения Воронежской области существенно выше, нежели отражаемый данными органов статистики из-за беженцев из Белгородской и Курской областей, проживающих в Воронежской области без постоянной регистрации. Однако позитивный экономический эффект такого рода миграционного прироста является спорным. Скорее, он создает повышенную нагрузку на социальные службу и бюджет региона. В целом же анализ данных о миграционных процессах в регионах Центрального Черноземья позволяет, помимо явного и общего для всех регионов

Таблица 2

Миграционный прирост / убыль в регионах Центрального Черноземья

Регионы	Миграционный прирост/убыль			
	2021	2022	2023	Январь-октябрь 2024
Белгородская область	6436	–11965	–3649	–6361
Воронежская область	10062	625	4421	2966
Курская область	1698	–2275	1185	–2183
Липецкая область	258	–2739	–1741	–311
Тамбовская область	–9	–3207	–1381	–1073

Источник: Социально-экономическое положение России. Январь 2023 года / Росстат. С. 327; Социально-экономическое положение России. Январь 2024 года / Росстат. С. 299; Социально-экономическое положение России. Январь-ноябрь 2024 года / Росстат. С. 312. https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801 (дата обращения: 02.02.2025).

кризиса в 2022 г., сделать вывод прежде всего об их крайней неравномерности. Регионы резко дифференцированы по миграционной привлекательности, основными факторами которой, в отличие от прошлых лет, лежат во внеэкономической плоскости. Белгородская область испытала наибольший шок миграционного оттока, масштабы которого, скорее всего, намного превышают верифицируемые данными официальной статистики. К настоящему времени тенденция отрицательного миграционного прироста закрепилась во всех регионах Центрального Черноземья, за исключением Воронежской области, усиливая тем самым эрозию социально-демографического потенциала регионов.

Даже при изменении социально-политических условий, связанном с прекращением или «заморозкой» российско-украинского конфликта, сложно ожидать слома негативных миграционных тенденций и тем более заметного уменьшения темпов естественной убыли населения, формируемой гораздо более устойчивыми факторами, нежели политические или даже социально-экономические.

С целью определения перспектив демографических процессов в регионах Центрального Черноземья был проведен экспертный опрос (N = 32). Безусловно, экспертные оценки не смогут служить основанием для построения математических моделей демографических процессов и в значительной мере отражают социальный опыт самих экспертов, преломленный через их личную практику. Тем не менее они зачатую являются одними из немногих способов прогнозирования социальной реальности в условиях неопределенности. Экспертные оценки касались таких ключевых процессов социально-демографического воспроизводства, как рождаемость, смертность и миграция, и были ориентированы н среднесрочную (5 лет) и долгосрочную (10 лет) перспективы.

В отношении рождаемости прогноз экспертов на краткосрочную перспективу носит умеренно негативный характер. Хотя большинство (53,1 %) опрошенных экспертов и прогнозирует сохранение рождаемости на прежнем уровне, значительной является и доля тех, кто считает, что рождаемость будет снижаться (37,5 %). Рост же рождаемости не прогнозирует никто (табл. 3).

В долгосрочную перспективу эксперты смотрят более оптимистично, хотя и со значительной долей неопределенности: 21,9 % прогнозируют снижение рождаемости, столько же — сохранение ее на текущем уровне и 25,0 % — рост (табл. 4).

Таблица 3

Как Вы считаете, какие тенденции будут преобладающими для рождаемости в регионах Центрального Черноземья в ближайшие 5 лет?

Вариант ответа	Кол-во ответивших, %
Снижение рождаемости	37,5
Сохранение рождаемости на прежнем уровне	53,1
Рост рождаемости	0
Затрудняюсь ответить	9,4

Источник: сост. автором.

Таблица 4

Как Вы считаете, какие тенденции будут преобладающими для рождаемости в регионах Центрального Черноземья в ближайшие 10 лет?

Вариант ответа	Кол-во ответивших, %
Снижение рождаемости	21,9
Сохранение рождаемости на прежнем уровне	21,9
Рост рождаемости	25,0
Затрудняюсь ответить	31,2

Источник: сост. автором.

В отношении смертности действуют те же оценочные тенденции. В краткосрочной перспективе практически равные доли экспертов указывают на ее рост (46,9 %) или сохранение на нынешнем уровне (43,8 %) без каких-либо указаний на возможность снижения (табл. 5).

Однако в долгосрочной перспективе ожидается перелом тенденции, при котором смертность будет расти по мнению лишь 15,6 % экспертов, сохранится на текущем уровне — 34,4 % и будет снижаться — 21,9 % (табл. 6). Данный прогноз можно рассматривать как умеренно позитивный, отмечая при этом высокую степень неопределенности.

Таблица 5

Как Вы считаете, какие тенденции будут преобладающими для смертности в регионах Центрального Черноземья в ближайшие 5 лет?

Вариант ответа	Кол-во ответивших, %
Рост смертности	46,9
Сохранение смертности на прежнем уровне	43,8
Снижение смертности	0
Затрудняюсь ответить	9,3

Источник: сост. автором.

Таблица 6

Как Вы считаете, какие тенденции будут преобладающими для смертности в регионах Центрального Черноземья в ближайшие 10 лет?

Вариант ответа	Кол-во ответивших, %
Рост смертности	15,6
Сохранение смертности на прежнем уровне	34,4
Снижение смертности	21,9
Затрудняюсь ответить	28,1

Источник: сост. автором.

Таблица 7

Как Вы считаете, какие тенденции будут преобладающими для миграционных процессов регионов Центрального Черноземья в ближайшие 5 лет?

Вариант ответа	Кол-во ответивших, %
Отток населения	46,9
Миграционный баланс	37,5
Приток населения	9,4
Затрудняюсь ответить	6,2

Источник: сост. автором.

Таблица 8

Как Вы считаете, какие тенденции будут преобладающими для миграционных процессов регионов Центрального Черноземья в ближайшие 10 лет?

Вариант ответа	Кол-во ответивших, %
Отток населения	18,8
Миграционный баланс	34,4
Приток населения	18,8
Затрудняюсь ответить	28,0

Источник: сост. автором.

Относительно миграционных процессов, то и здесь доминирующий на краткосрочную перспективу пессимизм сменяется более благоприятными оценками на долгосрочную, однако уже не оптимистическими, а, скорее, нейтральными. Так, с точки зрения 46,9 % экспертов, в ближайшие 5 лет для регионов Центрального Черноземья будет характерен отток населения как доминирующая тенденция. Миграционный баланс прогнозируют 37,5 %, приток — 9,4 % (табл. 7).

В долгосрочной перспективе преобладают экспертные ожидания миграционного баланса (34,4 %) при равных и умеренных долях (18,8 %) ожиданий чистого оттока и притока населения и высоком уровне неопределенности оценок (табл. 8).

Заключение

Таким образом, процесс социально-демографического воспроизводства регионов Центрального Черноземья в настоящее время следует охарактеризовать как эрозию демографического потенциала регионов, вызванную накоплением и взаимопереплетением факторов демографии (спад рождаемости, вызванный прохождением «дна» численности населения (женщин) в фертильном возрасте, здравоохранения (пандемийная сверхсмертность и отложенная рождаемость), социально-экономической ситуации (неопределенность на рынке труда и стагнация доходов граждан вплоть до 2023 г.) и главное — социально-политической обстановки (близость к зоне военных действий и резко выросший уровень угроз фактически всем сферам жизнедеятельности, от личной безопасности до хозяйственной деятельности и экономической стабильности). Однако влияние последней группы факторов дифференцировано по регионам Центрального Черноземья, что отражается на перспективах их социально-демографического воспроизводства.

Перспектива урегулирования геополитического конфликта и прекращение его наиболее острой фазы — специальной военной операции — могут существенно скорректировать процессы социально-демографического воспроизводства,

особенно в долгосрочной перспективе, вернув, например, миграционную привлекательность приграничным регионам (хотя бы за счет возвратной миграции). Однако сокращение естественной убыли населения за счет роста рождаемости является уже предметом комплексной и долгосрочной государственной и общественной политики, включающей меры материального стимулирования, инфраструктурного строительства и повышения качества социальных сервисов, а также социокультурного проектирования.

Благодарность

Исследование выполнено в рамках проекта Государственного задания FZWG-2023-0006 «Регулирование демографического поведения населения сельских территорий Центрально-Черноземного экономического района как основной механизм социального воспроизводства в условиях депопуляции».

Acknowledgments

The article has been prepared within the framework of the State Task FZWG-2023-0006 «Regulation of demographic behavior of the population of rural areas of the Central Chernozem economic region in conditions of depopulation».

Список источников

Бадмаева, Н. В. (2017). Демографический потенциал и проблемы занятости сельского населения южнороссийских регионов. *Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН, 2* (2), 110–118. https://doi.org/10.22162/2587-6503-2017-2-2-110-118.

Бюраева, Ю. Г. (2023). Демографический потенциал Республики Бурятия: динамика и факторы снижения в условиях новых вызовов. *Социологические исследования, 10,* 65–77. https://doi.org/10.31857/S013216250028305-8

Жуковец, И. В., Заболотских, Т. В., Лещенко, О. Я., Андриевская, И. А., Зарицкая, Э. Н. (2019). Демографический потенциал Амурской области. *Бюллетень физиологии и патологии дыхания, 74,* 78–85. https://doi.org/10.36604/1998-5029-2019-74-78-85

Кузьмин, А. И. (2016). Основные подходы к оценке демографического потенциала территории. В *Проблемы моделирования социальных процессов: Россия и страны АТР: материалы Второй всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Владивосток, 7–8 декабря 2016 г.* (с. 183–187). Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 778. EDN: WBPHXG

Кылгыдай, Ай. К. Ч. (2022). Демографический потенциал приграничного региона Сибири. *Природные ресурсы, среда и общество, 2* (14), 36–40. https://doi.org/10.24412/2658-4441-2022-2-36-40

Пациорковский, В. В. (2020). Демографическое развитие Центрально-Черноземного макрорегиона: движение и расселение населения. В *Международный демографический форум. Материалы заседания, 22–24 октября 2020 года* (с. 612–617). Воронеж, 982.

Полухина, М. Г., Логвинова, Р. М. (2015). Демографический потенциал Орловской области и его экономический анализ. *Вестник сельского развития и социальной политики, 1* (5), 19–23. EDN: VOJQOZ

Реутов, Е. В., Гармашев, А. А., Полухин, О. Н., Реутова, М. Н. (2023). Трансформация восприятия проблематики безопасности в приграничном регионе в условиях специальной военной операции. *Власть, 4,* 86–94. https://doi.org/10.31171/vlast.v31i4.9695

Рыбаковский, О. Л., Таюнова, О. А. (2019). Демографический потенциал: из истории понятия. *Народонаселение, 2,* 17–25. https://doi.org/10.24411/1561-7785-2019-00012

Славина, Л. Н. (2021). Демографический потенциал Красноярского края в контексте социальных трансформаций в постсоветские десятилетия. *Исторический курьер, 4* (18), 203–213. https://doi.org/10.31518/2618-9100-2021-4-19

References

Badmaeva, N. V. (2017). Demographic potential and problems of employment of the rural population of the southern Russian regions. *Byulleten' Kalmyckogo nauchnogo centra RAN [Bulletin of the Kalmyk Scientific Centre of the RAS], 2* (2), 110–118. https://doi.org/10.22162/2587-6503-2017-2-2-110-118 (In Russ.)

Byuraeva, Yu. G. (2023). Demographic potential of the Republic of Buryatia: dynamics and factors of decline in the context of new challenges. *Sociologicheskie issledovaniya, 10,* 65–77. https://doi.org/10.31857/S013216250028305-8 (In Russ.)

Zhukovec, I. V., Zabolotskih, T. V., Leshchenko, O. Ya., Andrievskaya, I. A., Zarickaya, E. N. (2019). Demographic potential of the Amur region. *Byulleten' fiziologii i patologii dyhaniya [Bulletin Physiology and Pathology of Respiration], 74,* 78–85. https://doi.org/10.36604/1998-5029-2019-74-78-85 (In Russ.)

Kuz'min, A. I. (2016). Basic approaches to assessing the demographic potential of a territory. In *Problemy modelirovaniya social'nyh processov: Rossiya i strany ATR: materialy Vtoroj vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, Vladivostok, 7–8 dekabrya 2016 g. [Problems of modeling social processes: Russia and Asia-Pacific countries: Proceedings of the Second All-Russian scientific and practical conference with international participation, Vladivostok, December 7–8, 2016]* (pp. 183–187). Vladivostok: Dal'nevost. federal. un-t, 778. EDN: WBPHXG (In Russ.)

Kylgydaj, Aj. K. Ch. (2022). Demographic potential of the border region of Siberia. *Prirodnye resursy, sreda i obshchestvo [Natural Resources, Environment and Society], 2* (14), 36–40. https://doi.org/10.24412/2658-4441-2022-2-36-40 (In Russ.)

Paciorkovskij, V. V. (2020). Demographic development of the Central Black Earth macroregion: population movement and settlement. In *Mezhdunarodnyj demograficheskij forum. Materialy zasedaniya 22–24 oktyabrya 2020 goda [International Demographic Forum. Meeting materials, October 22–24, 2020]* (pp. 612–617). Voronezh, 982. (In Russ.)

Poluhina, M. G., Logvinova, R. M. (2015). Demographic potential of the Oryol region and its economic analysis. *Vestnik sel'skogo razvitiya i social'noj politiki [Bulletin of Rural Development and Social Policy], 1* (5), 19–23. EDN: VOJQOZ (In Russ.)

Reutov, E. V., Garmashev, A. A., Poluhin, O. N., Reutova, M. N. (2023). Transformation of perception of security issues in the border region in the context of a special military operation. *Vlast' [The Authority], 4,* 86–94. https://doi.org/10.31171/vlast.v31i4.9695 (In Russ.)

Rybakovskij, O. L., Tayunova, O. A. (2019). Demographic potential: from the history of the concept. *Narodonaselenie [Population], 2,* 17–25. https://doi.org/10.24411/1561-7785-2019-00012 (In Russ.)

Slavina, L. N. (2021). Demographic potential of Krasnoyarsk Krai in the context of social transformations in the post-Soviet decades. *Istoricheskij kur'er [Historical Courier], 4* (18), 203–213. https://doi.org/10.31518/2618-9100-2021-4-19 (In Russ.)

Реутов Евгений Викторович — кандидат социологических наук, доцент, Белгородский государственный национальный исследовательский университет; https://orcid.org/0000-0003-0270-168X (Российская Федерация, 308015, Белгород, ул. Победы, д. 85; e-mail: reutovevg@mail.ru).

Evgeniy V. Reutov — Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor, Belgorod State University; https://orcid.org/0000-0003-0270-168X (85, Pobedy St., Belgorod, 308015, Russian Federation; e-mail: reutovevg@mail.ru).

УДК 314.7
JEL classification: O15
https://www.doi.org/10.17059/udf-2025-5-6

Миграция населения геостратегических территорий России[1]

А. В. Смирнов

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (г. Сыктывкар, Российская Федерация).

https://orcid.org/0000-0001-6952-6834

Автор для корреспонденции: А. В. Смирнов (av.smirnov.ru@gmail.com).

Аннотация. *В статье рассматривается миграция населения геостратегических территорий, определенных Стратегией пространственного развития Российской Федерации. Муниципальная статистика позволила оценить показатели интенсивности и результативности миграционных процессов, а также состав мигрирующих по полу и возрасту. Показано, что геостратегические территории существенно различаются по показателям миграции. Муниципальные образования Арктики и Дальнего Востока лидируют по показателям подвижности населения, а Калининградской области и Крыма — по миграционному приросту. Цифровые следы из профилей пользователей социальной сети «ВКонтакте» позволили выявить основные направления перемещений из геостратегических территорий в 2015 и 2022 годах. Для большинства территорий ведущим направлением перемещений является региональная столица. Арктика больше тяготеет к Санкт-Петербургу, а Северный Кавказ — к Москве. Дальнейшие исследования должны быть направлены на комплексный анализ демографической ситуации в геостратегических территориях.*

Ключевые слова: геостратегические территории; миграция; население; муниципальные образования; Арктика; Россия

Migration of the Population of Russian Geostrategic Territories

A. Smirnov

Institute for Socio-Economic and Energy Problems of the North, Federal Research Centre "Komi Science Centre of the Ural Branch of the RAS" (Syktyvkar, Russian Federation).

https://orcid.org/0000-0001-6952-6834

Corresponding author: A. Smirnov (av.smirnov.ru@gmail.com).

Abstract. *The article examines the migration of the population of geostrategic territories defined by the Strategy for Spatial Development of the Russian Federation. Municipal statistics made it possible to assess the intensity and effectiveness of migration processes, as well as the structure of migration by sex and age. The study shows that geostrategic territories differ significantly in migration indicators. Municipalities of the Arctic and the Far East are leaders in population mobility indicators, and the Kaliningrad Region and Crimea are leaders in migration growth. Digital traces from the profiles of users of the social media «VKontakte» made it possible to identify the main directions of movement from geostrategic territories in 2015 and 2022. For most territories, the leading direction of movement is the regional capital. The Arctic is more closely aligned with St. Petersburg, and the North Caucasus with Moscow. Further research should be aimed at a comprehensive analysis of the demographic situation in geostrategic territories.*

Keywords: geostrategic territories; migration; population; municipalities; Arctic; Russia

[1] © Смирнов А. В. Текст. 2025.

Введение

В Стратегии пространственного развития Российской Федерации определен перечень геостратегических территорий, важных для обеспечения национальной безопасности и связности территорий страны. Эти территории отличаются особым пространственным расположением, находятся либо у государственного границы, либо в слабозаселенных частях Севера России. Демографический потенциал этих важных территорий во многом зависит от миграционных процессов. Поэтому задача изучать закономерности миграции населения геостратегических территорий крайне актуальна.

В данной статье объектом изучения стало население 620 муниципальных образований (МО), относимых к числу геостратегических территорий. Это 26,6 % от всех муниципальных образований России первого уровня. Изучаемые территории охватывают более половины площади страны. Их население на начало 2023 г. составляет 28,4 млн чел., или 19,4 % от численности населения России. В начале статьи рассмотрены виды геостратегических территорий и приведены работы об их демографическом развитии. Затем представлена методика анализа миграции на муниципальном уровне. В эмпирической части статьи рассмотрены показатели миграции населения геостратегических территорий России по данным муниципальной статистики и цифровым следам населения. В заключении обобщены основные результаты исследования.

Обзор литературы

Геостратегические территории России

В России были разработаны и приняты две стратегии пространственного развития. Первая из них[1] утверждена в 2019 г. и действовала до 2025 г. Вторая стратегия[2] принята в конце 2024 г. и действует до 2030 г. Определение геостратегической территории Российской Федерации в обоих стратегических документах совпадает. Это «территория в границах одного или нескольких субъектов Российской Федерации (части субъектов Российской Федерации), имеющая существенное значение для обеспечения территориальной целостности и национальной безопасности, развитие которой требует дополнительных ресурсов в связи со специфическими условиями жизни и ведения хозяйственной деятельности».

Состав геостратегических территорий в двух документах различается. В «Стратегии 2025» были выделены два типа таких территорий (табл. 1). В число приоритетных геостратегических территорий вошли субъекты РФ, характеризующиеся эксклавным положением (Крым, Севастополь и Калининградская область), субъекты РФ Северо-Кавказского и Дальневосточного федеральных округов, Арктическая зона РФ. Дополнительно был определен перечень приграничных геостратегических территорий, куда вошли все субъекты РФ, граничащие с другими странами. В «Стратегии 2030» отказались от деления геостратегических

[1] Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 г. № 207-р (ред. от 30.09.2022) «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года».

[2] Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2024 г. № 4146-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года».

Таблица 1

Геостратегические территории по двум стратегиям пространственного развития России

Типы территорий	Стратегия 2025	Стратегия 2030
I. Приоритетные геостратегические территории	1. Эксклавы (Респ. Крым, Севастополь, Калининградская область) 2. Северо-Кавказский ФО 3. Дальневосточный ФО 4. Арктическая зона РФ	1. Донецкая и Луганская народные республики 2. Калининградская область 3. Республика Крым и Севастополь 4. Дальневосточный ФО 5. Северо-Кавказский ФО 6. Арктическая зона РФ 7. Приграничные (только муниципальные образования, примыкающие к государственной границе с недружественными государствами).
II. Приграничные геостратегические территории	Все приграничные субъекты РФ целиком	

Источник: Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 и 2030 гг.

территорий на два типа. Сам перечень геостратегических территорий тоже несколько изменился. Во-первых, в него вошли новые субъекты РФ: Донецкая и Луганская народные республики, Запорожская и Херсонская области. Во-вторых, Калининградская область и Крым (с Севастополем) теперь относятся к разным геостратегическим территориями. В-третьих, Арктическая зона рассматривается в более широких границах, определенных не Указом Президента от 2 мая 2014 г. № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации», а Федеральным Законом от 13.07.2020 г. № 193-ФЗ «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации». В-четвертых, приграничные регионы теперь входят в перечень не целиком, а частично — муниципальными образованиями, примыкающими к государственной границе. Причем речь идет только о государствах, «совершающих в отношении Российской Федерации, российских юридических лиц и физических лиц недружественные действия». Перечень этих государств утвержден распоряжением Правительства Российской Федерации от 5 марта 2022 г. № 430-р.

Демографические процессы в геостратегических территории России уже становились объектом научных исследований. Изучалась динамика численности их населения (Пациорковский и др., 2021), особенности депопуляции (Безвербный & Мирязов, 2022) и демографические проблемы (Симагин & Муртузалиева, 2020). Исследовались отдельные группы геостратегических территорий, к примеру, на Дальнем Востоке (Симагин, 2021), в Арктической зоне (Смирнов, 2023) и эксклавах (Симагин, 2020). В некоторых работах использовались демографические данные муниципального уровня, но еще не было исследований, которые охватывали бы все типы геостратегических территорий и различные параметры миграции населения.

Методы и данные

Объектом изучения стали муниципальные образования России первого уровня, расположенные на геостратегических территориях в соответствии со Стратегией пространственного развития России до 2030 г. Однако принято решение рассматривать все приграничные муниципальные образования, а не только находящиеся вблизи недружественных государств. Также не рассматривались

Рис. *Геостратегические территории России (источник: сост. автором по данным Стратегии пространственного развития РФ на период до 2030 г.)*

территории четырех новых регионов, поскольку муниципальная миграционная статистика по ним отсутствует. Всего отобраны 620 муниципальных образований, некоторые из них входят сразу в несколько групп геостратегических территорий (рис.). Например, одновременно являются арктическими и дальневосточными или Северо-Кавказскими и приграничными. Территории неоднородны по экономической специализации (Romashina, 2020) и возрастному составу (Петросян и др., 2019). Самая большая группа территорий по количеству — приграничные (232 муниципальных образования), по численности населения — Северо-Кавказские (10,2 млн чел.), по площади — дальневосточные (7,0 млн км^2).

Основным источником сведений о миграции и численности населения территорий стала База данных показателей муниципальных образований (БДПМО) Росстата[1]. Из нее выгружены данные в разрезе муниципальных образований, 5-летних возрастных групп, пола и направления миграции за 2015–2022 гг. Длительный 8-летний временной период позволяет нивелировать статистические выбросы и пропуски в базе данных.

Муниципальная статистика была обогащена данными из социальной сети «ВКонтакте». Использовались две выгрузки данных о миграционных потоках. Первая собрана в 2015 г. рамках проекта «Виртуальное население России»[2], поддержанного Русским географическим обществом, и включает 3,8 записей о миграционных перемещениях (Замятина & Яшунский, 2018; Смирнов, 2022). Вторая

[1] База данных показателей муниципальных образований. Росстат. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.htm (дата обращения: 14.10.2024).

[2] Виртуальное население России. https://webcensus.ru/ (дата обращения: 14.10.2024).

выгрузка выполнена в 2022 г. в рамках проекта Российского научного фонда[1] и включает 1,6 млн перемещений (Чернышев и др., 2023). Если первая выгрузка охватывает общую миграцию (смена места жительства и обучение), то вторая сосредоточена только на образовательных миграциях — из места рождения или обучения в школе в место нахождения вуза. Использование цифровых следов позволяет определить наиболее популярные направления перемещений жителей разных муниципальных образований.

Результаты и обсуждение

Поскольку геостратегические территории охватывают большое пространство и включают огромное число муниципальных образований, рассмотрим средние значения показателей миграции по всем МО одного типа (табл. 2). По миграционной подвижности, т. е. общему числу перемещений на 1000 жителей, геостратегические территории несколько превосходят средний по стране уровень (75,1 и 71,9 ‰ соответственно). Самое высокое значение наблюдается в Арктической зоне (114,2 ‰). Высокая подвижность зафиксирована и в другом пространственно-удаленном макрорегионе — Дальнем Востоке (91,1 ‰). Низкие значения наблюдаются в южных территориях: Северном Кавказе (40,5 ‰) Крыму и Севастополе (45,0 ‰). Миграционная убыль по геостратегическим территориям (–4,7 ‰) превышает среднюю по всем МО России (–3,7 ‰). Прирост фиксируется только в эксклавных МО, находящихся в благоприятных природно-климатических зонах. В Калининградской области средний прирост по территориям составил 4,3 ‰, в Крыму — 3,5 ‰. Наибольшая убыль — на Дальнем Востоке (–7,1 ‰), несколько ниже — в приграничных МО (–6,2 ‰) и Арктике (–5,4 ‰).

В геостратегических территориях ниже средней доля внутрирегиональной миграции, но она достигает большой величины на Дальнем Востоке (58,9 %) и в Калининградской области (58,6 %). Огромные расстояния между населенными пунктами и эксклавное положение затрудняют перемещение между регионами. Самая низкая доля миграции внутри региона в Крыму (40,3 %) и на Северном Кавказе (42,1 %). В последнем наблюдается наивысшая средняя доля межрегионального миграционного обмена (53,9 %). Наименее склонны к межрегиональным перемещениям жители муниципальных образований Калининградской области (30,2 %) и Дальнего Востока (35,7 %). Доля межрегионального обмена в геостратегических МО оказалась даже ниже средней по стране. Исключениями стали Крым (16,8 %), Калининградская область (11,2 %) и приграничные территории (7,2 %). Небольшой отрыв приграничных территорий от среднего по стране уровня вероятно связан с тем, что среди них мало городов, преобладают сельские и малые поселения.

Средняя доля женщин в миграционном обмене превышает 50 % по всем группам геостратегических муниципальных образований. Самая низкая доля в Арктике (50,4 %), высокая — на Северном Кавказе (52,6 %). Наибольшие средний возраст переместившегося и доля мигрантов старше 65 наблюдаются

[1] Chernyshev K., Petrov E., Mitiagina E., Chernysheva N., Goiko V. (2023) The inter-municipal educational migration in Russia, Mendeley Data, V2. https://data.mendeley.com/datasets/nk8k7b998x/2 (дата обращения: 14.10.2024).

Таблица 2

Средние значения показателей миграции по геостратегическим муниципальным образованиям России разных типов, 2015–2022 гг.

Показатель	Россия	Геостратегические территории	Калининградская обл.	Крым и Севастополь	Северный Кавказ	Дальний Восток	Арктическая зона	Приграничные
Миграционная подвижность, ‰	71,9	75,1	85,4	45,0	40,5	91,1	114,2	74,5
Миграционный прирост (убыль), ‰	–3,7	–4,7	4,3	3,5	–1,7	–7,1	–5,4	–6,2
Доля миграции, %:								
– внутри региона	55,2	52,2	58,6	40,3	42,1	58,9	46,3	56,0
– между регионами	37,8	41,1	30,2	43,0	53,9	35,7	47,5	36,8
– международной	7,0	6,7	11,2	16,8	4,0	5,4	6,2	7,2
Доля женщин в обмене, %	52,6	52,0	52,7	51,9	52,6	51,5	50,4	52,3
Средний возраст мигранта, лет	31,4	31,3	32,6	33,0	31,0	30,8	32,3	31,0
Доля мигрантов в возрасте 65+, %	6,2	5,2	6,7	6,5	4,0	5,0	5,3	5,5

Источник: сост. по БДПМО Росстата.

в Калининградской области и Крыму. Наименьшая доля пожилых в миграционном обмене среди муниципальных образований Северного Кавказа, а наименьший средний возраст — на Дальнем Востоке.

В таблице 3 представлена типология муниципальных образований по знаку сальдо миграции трех видов перемещений: внутри региона, между регионами и международной. Например, к типу 1 отнесены муниципальные образования, в которых наблюдается прирост по всем трем видам миграции, а к типу 8 — убыль по всем видам миграции. Распределение геостратегических муниципальных образований по типам близко к тому, которое наблюдается по всем МО России. В геостратегических территориях ниже удельный вес МО четвертого и первого типа, выше — второго и третьего. Некоторые группы геостратегических территорий отличаются от среднего уровня. Так, МО Калининградской области тяготеют ко второму типу (убыль внутри региона и прирост по остальным направлениям). Для остальных групп МО, за исключением Крыма, межрегиональный прирост редок. МО первого типа много в эксклавах, а в приграничных территориях самая высокая доля МО восьмого типа (убыль по трем направлениям). На Северном Кавказе чаще, чем в других группах, встречаются МО третьего типа (убыль в межрегиональной миграции и прирост по остальным направлениям).

Таблица 4 показывает, куда чаще всего совершают миграционные перемещения жители муниципальных образований. Во всех группах геостратегических территорий жители наибольшего числа муниципальных образований выбирают в качестве крупнейшего направления миграции столицу своего региона. Но если в Калининградской области в свою столицу предпочитают переезжать жители 95,5 % муниципальных образований, то в Арктической зоне — всего 55,8 %. К Москве больше тяготеют Крым и Северный Кавказ,

Таблица 3

Распределение муниципальных образований России по миграционному по приросту / убыли населения и направлениям перемещений, 2015–2022 гг.

Группировка муниципальных образований	Число МО	Типы муниципальных образований по приросту / убыли (внутри региона / между регионами / международный)								
		тип 1 + + +	тип 2 – + +	тип 3 + – +	тип 4 – – +	тип 5 + + –	тип 6 – + –	тип 7 + – –	тип 8 – – –	нет данных
Россия	2330	145	217	267	1455	7	13	25	173	28
Геостратегические территории	620	31	65	81	375	1	5	11	44	7
Калининградская обл.	22	5	14	—	3	—	—	—	—	—
Крым и Севастополь	26	5	8	1	12	—	—	—	—	—
Северный Кавказ	143	9	15	31	78	1	—	4	5	—
Дальний Восток	230	6	19	31	143	—	2	6	21	2
Арктическая зона	77	2	5	14	45	—	1	—	5	5
Приграничные	232	7	15	13	166	—	2	5	24	—

Источник: сост. по БДПМО Росстата.

Таблица 4

Распределение муниципальных образований России по крупнейшему направлению перемещений, 2015 г.

Группировка муниципальных образований	Число МО	Крупнейшее направление перемещений						
		Москва	СПб	Столица своего региона	Столица другого региона	Не столица в своем регионе	Не столица в другом регионе	Нет данных
Россия	2330	200	71	1799	94	155	6	5
Геостратегические территории	620	49	25	480	28	33	1	4
Калининградская обл.	22	1	—	21	—	—	—	—
Крым и Севастополь	26	3	—	19	—	4	—	—
Северный Кавказ	143	23	—	98	5	13	1	3
Дальний Восток	230	12	1	200	11	6	—	—
Арктическая зона	77	7	16	43	11	—	—	—
Приграничные	232	9	10	191	6	14	—	2

Источник: сост. по данным проекта «Виртуальное население России».

к Санкт-Петербургу — Арктическая зона (20,8 % муниципальных образований). Арктические МО также чаще тяготеют к столицам других регионов. Зачастую расстояние до регионального центра и центров соседних регионов из территорий Арктики примерно одинаково. Поэтому жители выбирают для переезда более крупные города. В нестоличные территории своего региона чаще всего перемещаются из муниципалитетов Крыма. Нестоличный город другого региона выбрали жители всего одного муниципального образования. Это Малокарачаевский

Таблица 5

Распределение муниципальных образований России по крупнейшему направлению образовательной миграции, 2022 г.

Группировка муниципальных образований	Число МО	Крупнейшее направление перемещений (образование)						
		Москва	СПб	Столица своего региона	Столица другого региона	Не столица в своем регионе	Не столица в другом регионе	Нет данных
Россия	2330	152	79	1880	131	57	2	29
Геостратегические территории	620	24	32	492	47	13	—	11
Калининградская обл.	22	—	1	21	—	—	—	—
Крым и Севастополь	26	—	—	24	2	—	—	—
Северный Кавказ	143	15	—	111	6	9	—	2
Дальний Восток	230	8	6	186	21	1	—	8
Арктическая зона	77	4	21	34	17	—	—	1
Приграничные	232	4	10	205	8	4	—	1

Источник: сост. по набору данных «The inter-municipal educational migration in Russia».

муниципальный район, крупнейшим направлением миграции для жителей которого является Кисловодск.

Если построить аналогичную таблицу по данным образовательной миграции, то доля региональных столиц станет еще выше (табл. 5). Исключения — Арктика и Дальний Восток. Как направление образовательной миграции Санкт-Петербург лидирует в 27,3 % муниципальных образований Арктической зоны.

Проведенный анализ показал, что муниципальные образования, расположенные в геостратегических территориях России, отличаются от среднего по стране уровня по большинству показателей миграции. Наиболее подвижны жители арктических территорий, самый миграционно привлекательные — западные эксклавы, а реже всего перемещаются за пределы своего региона жители Дальнего Востока. Наибольший дисбаланс между полами среди мигрантов наблюдается на Северном Кавказе, а наивысшая доля пожилых среди мигрантов — в Крыму и Калининградской области.

Заключение

Геостратегические территории России важны для развития экономики, обеспечения связности территории страны и национальной безопасности. Миграция населения — это процесс, который во многом определяет перспективы долгосрочного развития. Мы выяснили, что в геостратегических территориях показатели миграции хуже, чем в среднем по стране. Это касается прежде всего дальневосточных, арктических и приграничных территорий. У 60,5 % геостратегических муниципальных образований отрицательное сальдо миграции как внутри региона, так и между регионами.

Полученные результаты могут найти применение в изучении пространственного и демографического развития России, в региональном и муниципальном

планировании. Чтобы оценить долгосрочные перспективы развития геостратегических территорий, следует провести комплексное исследование, включающее анализ уровней рождаемости, продолжительности жизни, состава населения по возрасту, статусу занятости и уровню образования.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №24-78-10061 (https://rscf.ru/project/24-78-10061/).

Acknowledgements

The research was supported by the Russian Science Foundation grant, project no. 24-78-10061 (https://rscf.ru/project/24-78-10061/).

Список источников

Безвербный, В. А., Мирязов, Т. Р. (2022). Депопуляция геостратегических территорий Российской Федерации в зеркале пространственной демографии: теоретико-методологические аспекты. *Политическая наука, 4,* 185–206. https://doi.org/10.31249/poln/2022.04.09

Замятина, Н. Ю., Яшунский, А. Д. (2018). Виртуальная география виртуального населения. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, 1* (143), 117–137. https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.1.07

Пациорковский, В. В., Симагин, Ю. А., Муртузалиева, Д. Д. (2021). Динамика численности населения приоритетных геостратегических территорий России в 2010–2018 гг. *Вестник Института социологии, 12* (2), 123–142. https://doi.org/10.19181/vis.2021.12.2.718

Петросян, А. Н., Шевчук, Е. И., Кириллов, П. Л., Мозгунов, Н. А. (2019). Географические особенности старения населения России. *Демографическое обозрение, 6* (2), 55–83. https://doi.org/10.17323/demreview.v6i2.9872

Симагин, Ю. А. (2021). Демографическая безопасность дальневосточных геостратегических территорий России. *Уровень жизни населения регионов России, 17* (2), 228–234. https://doi.org/10.19181/lsprr.2021.17.2.6

Симагин, Ю. А., Муртузалиева, Д. Д. (2020). Демографические проблемы геостратегических территорий Дальнего Востока России. *Народонаселение, 23* (4), 153–160. https://doi.org/10.19181/population.2020.23.4.14

Симагин, Ю. А. (2020). Демографические проблемы эксклавных приоритетных геостратегических территорий России. В *Институты развития человеческого потенциала в условиях современных вызовов: сборник статей XI Уральского демографического форума, Екатеринбург, 04–05 июня 2020 года. Том I* (с. 239–245). Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 275.

Смирнов, А. В. (2022). Цифровые следы населения как источник данных о миграционных потоках в российской Арктике. *Демографическое обозрение, 9* (2), 42–64. https://doi.org/10.17323/demreview.v9i2.16205

Смирнов, А. В. (2023). *Демография российской Арктики в цифровую эпоху.* Москва: Изд-во «Экон-Информ», 239. EDN: AQHJCS

Чернышев, К. А., Митягина, Е. В., Петров, Е. Ю. (2023). Выявление зон тяготения центров высшей школы по цифровым следам пользователей социальной сети. *Народонаселение, 26* (4), 75–86. https://doi.org/10.19181/population.2023.26.4.7

Romashina, A. A. (2020) Types of Municipalities in Russian Federation by Economic Structure and Position in Settlement Pattern. *Regional Research of Russia, 10,* 164–171. https://doi.org/10.1134/S2079970520020112

References

Bezverbny, V. A., Miryazov, T. R. (2022). Depopulation of geostrategic territories of the Russian Federation in the mirror of spatial demography. *Politicheskaya nauka [Political Science], 4,* 185–206. https://doi.org/10.31249/poln/2022.04.09 (In Russ.)

Chernyshev, K. A., Mityagina, E. V., Petrov, E. Yu. (2023). Identifying gravity zones of higher school centers by digital traces of social media users. *Narodonaselenie [Population], 26* (4), 75–86. https://doi.org/10.19181/population.2023.26.4.7 (In Russ.)

Patsiorkovsky, V. V., Simagin, Yu. A., Murtuzalieva, D. D. (2021). Population dynamics of priority geostrategic territories of Russia in 2010-2018. *Vestnik Instituta sotsiologii [Bulletin of the Institute of Sociology], 12* (2), 123–142. https://doi.org/10.19181/vis.2021.12.2.718 (In Russ.)

Petrosian, A. N., Shevchuk, E. I., Kirillov, P. L., Mozgunov, N. A. (2019). Geographical features of Russia's population ageing. *Demograficheskoe obozrenie [Demographic Review], 6* (2), 55–83. https://doi.org/10.17323/demreview.v6i2.9872 (In Russ.)

Romashina, A. A. (2020) Types of Municipalities in Russian Federation by Economic Structure and Position in Settlement Pattern. *Regional Research of Russia, 10,* 164–171. https://doi.org/10.1134/S2079970520020112

Simagin, Yu. A. (2021). Demographic security of the far eastern geostrategic territories of Russia. *Uroven zhizni naseleniya regionov Rossii [Living Standards of the Population in the Regions of Russia], 17* (2), 228–234. https://doi.org/10.19181/lsprr.2021.17.2.6 (In Russ.)

Simagin, Yu. A., Murtuzalieva, D. D. (2020). Demographic problems of geostrategic territories of the Russian Far East. *Narodonaselenie [Population], 23* (4), 153–160. https://doi.org/10.19181/population.2020.23.4.14 (In Russ.)

Simagin, Yu. A. (2020). Demographic Problems of Exclaves Priority Geostrategic Territories of Russia. In *Instituty razvitiya chelovecheskogo potentsiala v usloviyakh sovremennykh vyzovov: sbornik statei XI Uralskogo demograficheskogo foruma, Ekaterinburg, 04–05 iyunya 2020 goda. Tom I [Institutions for the Development of Human Potential in the Context of Modern Challenges: Collection of Articles from the XI Ural Demographic Forum, Yekaterinburg, June 4–5, 2020. Volume I]* (pp. 239–245). Ekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 275. (In Russ.)

Smirnov, A. V. (2022). Digital traces of the population as a data source on migration flows In the Russian Arctic. *Demograficheskoe obozrenie [Demographic Review], 9* (2), 42–64. https://doi.org/10.17323/demreview.v9i2.16205 (In Russ.)

Zamyatina, N. Yu., Yashunsky, A. D. (2018). Virtual geography of virtual population. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 1* (143), 117–137. https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.1.07 (In Russ.)

Смирнов Андрей Владимирович — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера ФИЦ Коми НЦ УрО РАН; https://orcid.org/0000-0001-6952-6834 (Российская Федерация, 167982, г. Сыктывкар, ГСП-2, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: av.smirnov.ru@gmail.com).

Andrey V. Sminrov — PhD (Econ.), Senior Researcher, Institute for Socio-Economic and Energy Problems of the North, Federal Research Centre "Komi Science Centre of the Ural Branch of the RAS"; https://orcid.org/0000-0001-6952-6834 (26, Kommunisticheskaya st., Syktyvkar, Komi Republic, Russian Federation; e-mail: av.smirnov.ru@gmail.com).

УДК 614.446 (325.1)
JEL classification: I18, R23
https://www.doi.org/10.17059/udf-2025-5-7

Риски миграционной политики и проблемы региональной наркоситуации[1]

Н. Л. Струин [а], А. В. Поддубный [б], Н. И. Сморудова [в], О. В. Забродин [г]

[а] Уральский государственный медицинский университет; Институт экономики УрО РАН (г. Екатеринбург, Российская Федерация).

[б] Областная наркологическая больница (г. Екатеринбург, Российская Федерация)

[в] АНО «Агентство социальных стратегий и проектов» (г. Екатеринбург, Российская Федерация).

[г] Областной клинический психоневрологический госпиталь ветеранов войн (г. Екатеринбург, Российская Федерация).

[а] http//orcid.org/0000-0002-4843-601X

Автор для корреспонденции: Н. Л. Струин (struin.nl@uiec.ru).

Аннотация. *В статье приводится анализ и оценка данных по наркоситуации в Свердловской области в сравнении с данными по Российской Федерации (РФ) и регионами, входящими в состав Уральского федерального округа (УрФО). Проанализированы статистические материалы по основным оценочным показателям системы здравоохранения региона: общая заболеваемость (болезненность) наркоманией, первичная заболеваемость и уровень пристрастности населения к употреблению наркотиков, а также оценена динамика по основным группам наркотических и психостимулирующих препаратов среди лиц, впервые взятых на учет с диагнозом «наркомания» за период 2019–2023 годы. Также проанализированы данные по медицинскому освидетельствованию иностранных граждан, которые прибыли на территорию региона и в обязательном порядке должны пройти медицинское обследование для получения вида на жительство (ВНЖ) или патента (разрешения) на трудовую деятельность в РФ. Проанализирована за период 2019–2023 годы статистика регистрации социально значимых заболеваний в приоритетных странах исхода иностранных граждан — трудовых мигрантов, включая заболеваемость наркоманией и основными инфекциями, преимущественно связанными с употреблением наркотических веществ. Сформированы государственные действия, направленные на потенциальные риски, инициируемые иностранцами в части незаконного оборота и потребления психоактивных веществ, а также определен потенциал угроз при реализации этих рисков среди автохтонного населения региона.*

Ключевые слова: психоактивные вещества; иностранные граждане; заболеваемость наркоманией; мигранты; социально значимые заболевания; эпидемические риски

The Risks of Migration Policy and the Problems of Regional Drugsitation

N. Struin [a], A. Poddubny [b], N. Smorudova [c], O. Zabrodin [d]

[a] Ural State Medical University; Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russian Federation).

[b] Regional Narcological Hospital (Ekaterinburg, Russian Federation).

[c] ANO «Agency for Social Strategies and Projects» (Ekaterinburg, Russian Federation).

[d] Sverdlovsk Regional Clinical Psychoneurological Hospital for War Veterans (Ekaterinburg, Russian Federation).

[a] http//orcid.org/0000-0002-4843-601X

Corresponding author: N. Struin (struin.nl@uiec.ru).

[1] © Струин Н. Л., Поддубный А. В., Сморудова Н. И., Забродин О. В. Текст. 2025.

Abstract. *The article provides an analysis and assessment of drugsitational data in the Sverdlovsk region in comparison with data in the Russian Federation (RF) and regions that are part of the Ural Federal District (Ural Federal District). Statistical materials on the main evaluative indicators of the healthcare system of the region are analyzed: general incidence (soreness), primary incidence and level of addiction to drug use, as well as dynamics in the main groups of drug and psychostimulating drugs among persons first taken into account with the diagnosis of drug addiction. For the period 2019–2023, as well as data on a medical examination of foreign citizens who arrived in the region and must undergo a medical examination for a residence permit (residence permit) or a patent (permission) for labor activities in the Russian Federation. Analyzed for the period 2019–2023. Statistics of registration of socially significant diseases in the priority countries of the outcome of foreign citizens - labor migrants, including the incidence of drug addiction and basic infections mainly related to the criminal use of narcotic substances. State actions have been formed aimed at potential risks initiated by foreigners regarding the illegal turnover and consumption of psychoactive substances, as well as the potential of threats in the realization of these risks among the autochthonous population of the region.*

Keywords: psychoactive substances; foreign citizens; drug addiction incidence; migrants; socially significant diseases; epidemic risks

Введение

Привлечение иностранной рабочей силы в условиях демографического спада, наблюдающегося сегодня в России, — это важная тема, активно обсуждаемая бизнесом, чиновниками, специалистами в области демографии, экономики, правоохранительной деятельности и безопасности и ряда других (Бедрина & Неклюдова, 2024).

Тяжкие преступления против личности со стороны мигрантов, задержание иностранцев в качестве варщиков (химиков), закладчиков (кладменов) и курьеров по перевозке психотропных веществ, формирование этнических группировок и анклавов в крупных городских агломерациях — это только часть вопросов, связанных с темой пребывания иностранцев в России. Согласно некоторым исследованиям (Иванова, 2013; Вафина, 2013; Багреева & Куцев, 2023), иностранные граждане формируют для автохтонного населения регионов как серьезные социальные (например, в части доступа к медицинской помощи и образовательным услугам), так и эпидемические риски по социально-значимым болезням и наркомании (Онищенко, 2013; Струин и др., 2016; Рязанцев и др., 2023; Струин, 2024). При этом проблему наркомании среди мигрантов органы государственного управления относят больше к полицейским вопросам и приоритетам, выпуская из виду значительные медицинские последствия.

Так, Свердловская область имела в 1997–2000 гг. печальный опыт серьезной вспышки ВИЧ / СПИД в городе Верхняя Салда, когда два наркопотребителя с ВИЧ-инфекцией, прибывшие из Украины, путем реализации внутри территориальной группы наркопотребителей «новой технологии приготовления наркотика» из маковой соломки (так называемая «ханка») сформировали большой очаг ВИЧ-инфекции, потребовавший принятия серьезных не только административных решений, но и противоэпидемических мероприятий на уровне губернатора региона.

До 2021 г. ситуация с наркопреступностью в РФ с участием мигрантов осложнялась тем, что среди мигрантов оказывалось большое количество наркоманов. Среди детей-подростков легальных мигрантов каждый третий принимал различные наркопрепараты (Кокунова & Андреев, 2017).

В 2017 г. по официальным данным МВД России из 30 самых разыскиваемых на территории России преступников-наркоторговцев только 3 являлись гражданами Российской Федерации, остальные были иностранным гражданами.

Важно отметить, что в пункте 48 «Стратегии государственной антинаркотической политики до 2020 года»[1] увеличение уровня незаконной миграции и рост международной преступности с появлением новых каналов контрабанды относились к неконтролируемым (плохо контролируемым) рискам, на которые следовало обратить особое внимание. Примечательно, что уже в тексте новой «Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года»[2] незаконная миграция уже не относится к рискам и угрозам национальной безопасности, а упоминаются лишь транснациональные преступные группировки. Однако этот момент видится нам достаточно спорным с учетом той информации, которая распространяется в средствах массовой информации.

Сегодня точных и корректных данных о числе иностранцев, находящихся в России как на легальном, так и нелегальном положении, нет. Основные миграционные потоки сформированы преимущественно гражданами Киргизии, Таджикистана, Узбекистана, на долю которых приходится суммарно 87,0 % всех международных мигрантов в России, прибывших в нашу страну с целью «работа» (в пределах 3,5–4 млн чел.), согласно данным силовых структур.

Безусловно, при таких значительных и где-то даже ведомственно противоречивых цифрах числа иностранных граждан, находящихся в РФ с разным правовым статусом, важно выстраивать корректную и устойчивую региональную миграционную политику, позволяющую реализовать систему проактивной и устойчивой защиты автохтонного населения от рисков возможных биологических и санитарно-эпидемиологических угроз и имеющих место потенциальных последствий, в т. ч. и связанных с наркопотреблением. И здесь наркозависимость является не только вопросом медицинского характера, но и прежде всего, что наиболее важно, социального, т. к. отражается на жизнедеятельности «здорового» общества, самым простым примером чего является рост числа отравлений детей лекарственными препаратами, что косвенно говорит об интересе к изменению сознания.

Согласно Всемирному докладу о наркотиках за 2023 г., опубликованному Управлением ООН по наркотикам и преступности (УНП ООН), количество страдающих от расстройств, вызванных употреблением запрещенных препаратов, достигло 39,5 млн чел. Лишь каждый пятый из них имеет возможность заняться реабилитацией и лечением. Число людей, употребляющих наркотики, выросло с 240 млн в 2011 г. до 296 млн в 2021 г.[3]

[1] Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года (утв. Указом Президента РФ от 9 июня 2010 г. № 690 https://base.garant.ru/12176340/ (дата обращения: 23.11.2024).

[2] Указ Президента РФ от 23 ноября 2020 г. № 733 «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года». https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74838781/ (дата обращения: 23.11.2024).

[3] Доклад управления ООН по наркотикам и преступности. https://www.unodc.org/res/WDR-2023/WDR23_ExSum_Russian.pdf (дата обращения: 02.01.2025).

И тут наиболее остро стоит вопрос, что делать, если наркозависимым является мигрант (иностранный гражданин или лицо без гражданства), в особенности если он совершает преступления, мотивом которых прямо или косвенно являются наркотики. Ведь согласно сегодняшним реалиям, человек, который зависит от наркотиков, практически никогда сам добровольно не пойдет к врачу, а продолжит свою деятельность, активно вовлекая в этот процесс других людей в полном соответствии с основными этапами теории дифференциальной ассоциации, сформулированной Сазерлендом[1]: техникам употребления наркотиков обучаются, как и любому другому навыку (1); обучение происходит в процессе общения с другими индивидами и не возникает спонтанно (2); обучение происходит в ограниченных личностно значимых малых группах (3); обучение включает передачу техники совершения поведенческих актов, ранжируемых от примитивных до крайне сложных (4); дифференциальные ассоциации предполагают конфликт между легальными и нелегальными кодами поведения (5); дифференциальные ассоциации различаются по частоте, времени воздействия, приоритету и интенсивности (6). Именно все эти этапы и были реализованы в Верхней Салде наркоманами-иностранцами с ВИЧ-инфекцией в территориальной группе наркопотребителей, последствием чего стала вспышка ВИЧ / СПИД.

Понимание механизмов вовлечения мигрантов в распространение наркотиков и реализация ими технологических аспектов наркотрафика, которые усиливаются этнопсихологическим компонентом этих лиц (национальные особенности темперамента, мышления, специфика построения взаимоотношений, формы общения и поведения внутри своей группы и др.) являются важными и значимыми для выстраивания региональной миграционной политики во взаимосвязи с региональными медико-профилактическими программами, включая профилактику наркомании, чтобы минимизировать синергический эффект взаимодействия российских и иностранных наркопотребителей.

Результаты

Оценивая ситуацию по наркомании в Свердловской области и сравнивая ее с ситуацией в РФ и УрФО, мы решили начать с уровня общей заболеваемости (болезненности) наркоманией (табл. 1). Этот показатель характеризует общее число лиц, наблюдающихся у психиатров-наркологов, в так называемой группе диспансерного наблюдения за весь период наблюдения.

В Свердловской области динамика формирования Д-группы продолжала сохраняться позитивной, как и в целом по УрФО, и в 2023 г. Всего у 6874 чел. установлен диагноз «синдром зависимости от наркотических веществ» (в 2022 г. — 6649 чел.). И пусть прирост составил лишь 3,4 %, в проблеме наркомании применять термин «в пределах статистической ошибки» неправомерно, ведь в динамике за пять лет показатель общей заболеваемости наркоманией в Свердловской области в сравнении с 2023 г. повысился на 18 %. Да и данный показатель выше на 6,8 % по отношению к общероссийскому показателю 2022 г.

[1] Скочилов, Р. В. (2016). Современные подходы к оказанию социальной и психологической помощи потребителям наркотиков: учеб.- метод. пособие. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 76. EDN: DWBZQG

Таблица 1

Общая заболеваемость наркоманией в 2019–2023 гг. (человек/показатель на 100 тыс.)

Территория	2019 г.		2020 г.		2021 г.		2022 г.		2023 г.	
	Абс.	Показ	Абс.	Показ	Абс.	Показ	Абс.	Показ	Абс.	Показ
Свердл. обл.	5936	143,0	5986	144,4	6307	152,9	6649	162,2	6874	168,6
РФ	236214	160,9	224117	152,7	227365	155,9	229743	157,8	228718	156,2
УрФО	21679	177,5	19976	161,8	20613	167,2	20658	170,3	20629	170,5

Источник: материалы ФГУ «ЦНИИОИЗ Минздрава России». www.mednet.ru (дата обращения: 23.12.2024).

Причиной этого нам видится «накопление» в популяции лиц, которые должны были быть своевременно заподозрены в употреблении наркотиков, но не обратились за наркологической помощью и не были осмотрены врачом психиатром-наркологом.

Аналогичная ситуация в части статистики имеет место в Свердловской области и с лицами, инфицированными ВИЧ и гепатитами В-С, прежде всего по причине употребления наркотиков, и которые также уклоняются от контакта с врачами и посещения медицинских учреждений. Об этом говорит и академик В. Покровский: «… за весь период наблюдения в нашей стране с 1987 года зарегистрированы в общей сложности 1 миллион 700 тысяч человек, инфицированных ВИЧ. Около 500 тысяч из них уже умерли. Таким образом, сейчас более 1,2 миллиона россиян живут с диагнозом ВИЧ-инфекции, а у нескольких сотен тысяч ВИЧ-инфекция ещё даже не диагностирована врачами в связи с не обращаемостью …». Среди всех выявленных с ВИЧ / СПИД в период 1987–2022 гг. 55,6 % были заражены при употреблении наркотиков.

Пораженность ВИЧ-инфекцией на 31.12 2023 г. составила 817,6 на 100 тыс. населения России, т. е. с ВИЧ жили 0,8 % всего населения России и 1,4 % населения в возрасте 15–49 лет. Показатель пораженности ВИЧ-инфекцией, превышающий среднее значение по стране, имели 24 субъекта Российской Федерации, из них 5 субъектов УрФО: Свердловская (зарегистрировано 2020,2 живущих с ВИЧ на 100 тыс. населения), Челябинская (1461,7) области, Ханты-Мансийский АО (1393,2), Тюменская (1280,3), Курганская (1201,4) области. В этих 24 наиболее неблагополучных регионах к концу 2023 г. проживало более трети (35,8 %) всего населения страны, в них же было зарегистрировано 51,9 % новых выявленных случаев ВИЧ-инфекции, хотя доля внутривенного употребления наркотиков составила ориентировочно 22,5 %[1].

Независимые эксперты считают, как бы к этим цифрам не относились государственные структуры, что число потребителей наркотиков по России в действительности превышает 5 млн, или 3 % населения страны. По данным разных соцопросов, это число могло достигать 7,5–8 млн чел., и на каждого зарегистрированного (учетного) наркопотребителя в стране в среднем приходится не менее 10 чел., потребляющих наркотики и неизвестных как полиции, так и здравоохранению и социальным службам.

[1] ВИЧ-инфекция в Российской Федерации в 2023 г. http://www.hivrussia.info/wp-content/uploads/2024/09/spravka-vich-v-rossii-2023-god.pdf (дата обращения: 23.10.2024).

Исходя из этих экспертных данных, мы оценили статистику по распространенности пагубного употребления наркотиков среди населения (табл. 2), однако данный показатель мы не можем считать полностью корректным, поскольку он по уровню весьма близок к показателю болезненности. И что важно, 2023 г. практически полностью коррелирует с данными 2022 г.

Другой важный показатель для оценки наркомании — первичная заболеваемость, которая характеризуется выявлением больных, обратившихся за наркологической помощью в течение текущего года впервые в жизни (табл. 3).

Уровень первичной заболеваемости наркоманией в Свердловской области в течение 3 последних лет (с 2021 по 2023 гг.) стабилен. В 2023 г. показатель по сравнению с 2022 г. не изменился и составил 18 случаев на 100 тыс. чел. населения (в 2022 г. — 18,0 случая на 100 тыс. чел. населения), но за 5 лет вырос на 24,1 %. Показатель выше данных по Российской Федерации в 1,9 раза и выше показателя по УрФО в 1,3 раза (по итогам 2022 г.).

Высокий уровень первичной заболеваемости наркоманией связан с широким разнообразием синтетических наркотиков, доступных по цене и условиям предложения, а также способами употребления. Наиболее распространенными способами приема синтетических стимуляторов являются: интраназальный, пероральный, сублингвальный, а также курение. При этом специалисты отмечают увеличение числа наркопотребителей, практикующих инъекционное введение этих веществ, когда введение новых синтетических стимуляторов значительно повышает риск инфицирования ВИЧ среди потребителей этой группы ПАВ. Важно понимать, что психостимуляторам присуще свойство усиливать эмпатические эффекты, тем самым повышая сексуальный интерес и соответствующую половую активность, что также может способствовать половому пути передачи ВИЧ-инфекции.

Таблица 2

Распространенность пагубного употребления наркотиков (общая, чел./на 100 тыс.)

Территория	2019 г.		2020 г.		2021 г.		2022 г.		2023 г.	
	Абс.	Показ	Абс.	Показ	Абс.	Показ	Абс.	Показ	Абс.	Показ
Свердл. обл.	3990	96,1	3979	96,0	4087	99,1	4275	104,3	4269	104,7
РФ	165019	112,4	157388	107,5	161027	110,2	161917	111,2	159519	108,9
УрФО	12975	106,3	11969	98,2	12162	100,0	12106	99,8	11853	98,0

Источник: материалы ФГУ «ЦНИИОИЗ Минздрава России». www.mednet.ru (дата обращения: 23.12.2024).

Таблица 3

Первичная заболеваемость наркоманией за период 2019–2023 гг. (чел./показатель на 100 тыс.)

Территория	2019		2020		2021		2022		2023	
	Абс.	Показ.	Абс.	Показ.	Абс.	Показ.	Абс.	Показ.	Абс.	Показ.
Свердл. обл.	605	14,5	562	13,6	740	17,9	738	18,0	734	18,0
РФ	14519	10,0	12495	8,5	13896	9,5	13967	9,6	12859	8,8
УрФО	1731	14,2	1463	12,0	1834	15,1	1713	14,1	1624	13,4

Источник: материалы ФГУ «ЦНИИОИЗ Минздрава России». www.mednet.ru (дата обращения: 23.12.2024).

И сегодня в условиях меняющейся наркосцены всё еще недостаточно данных, посвященных изучению социальных и поведенческих особенностей потребителей синтетических катинонов. Эти препараты (альфа ПВП, мефедрон, также известны как соли) так и позиционируются, как группа «наркоэмпатиков», легкодоступных по деньгам и возможности получить их. Данные по соотношению потребляемых наркотических веществ у лиц с впервые выявленным диагнозом «наркомания» в Свердловской области приведены в таблице 4.

В 2023 г. стабилизировалось число лиц, впервые взятых под наблюдение с сочетанным употреблением наркотиков (их практически половина от общего числа — 42 %). Число лиц с опийной зависимостью продолжило тенденцию к уменьшению на 14 %.

На этом фоне отмечается рост числа пациентов с зависимостью от психостимуляторов на 18 %. Важно отметить, что многие из наркопотребителей своевременно не обращались за медицинской, социальной или психологической помощью в связи с употреблением синтетических препаратов. Четвертое место пятый год подряд сохраняют пациенты с зависимостью от каннабиса, при этом их количество также незначительно подросло. В принципе, это вполне соотносится с данными Управления ООН по наркотикам в целом по миру — около 22 млн чел. употребляют кокаин, 36 млн — амфетамин, примерно 60 млн — опиоиды и 219 млн — марихуану.

Тут важно заметить, что в РФ обязанность пройти диагностику, профилактические мероприятия, лечение от наркомании и (или) медицинскую и (или) социальную реабилитацию в связи с потреблением наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ в сегодняшних условиях возлагаются на гражданина с подозрением на употребление наркотических и психотропных средств судами, в соответствии с Уголовным Кодексом РФ, Кодексом РФ об административных правонарушениях, Уголовно-процессуальным кодексом РФ.

Оценивая ситуацию по возможному участию мигрантов (иностранных граждан) в проблеме распространения наркотиков и психоактивных веществ, важно оценивать законность нахождения последних[1] в России с точки зрения их здоровья и возможных пагубных пристрастий, что позволяет говорить о феномене формирования государственными структурами, включая региональный уровень управления, разнообразных рисков реализации миграционного законодательства России.

[1] Приказ Роспотребнадзора № 467, ФМБА России №173 от 23.08.2021 г. «Об утверждении Порядка представления материалов, свидетельствующих о наличии обстоятельств, являющихся основанием для принятия (приостановления, возобновления действия, отмены) решений о нежелательности пребывания (проживания) иностранного гражданина или лица без гражданства в Российской Федерации, принятых в связи с наличием обстоятельств, создающих реальную угрозу здоровью населения, их рассмотрения, а также информирования Федеральной службы безопасности Российской Федерации и территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации о принятии (приостановлении, возобновлении действия и отмене) таких решений, форм соответствующих решений и уведомления». https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=400854 (дата обращения: 23.12.2024).

Таблица 4

Соотношение групп потребляемых наркотических веществ у лиц с впервые выявленным диагнозом наркомания в Свердловской области (период 2019–2023 гг.)

Наименование вещества	2019		2020		2021		2022		2023	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Опиоиды	160	26,4	138	24,6	228	30,8	221	29,9	189	25,8
Каннабис	88	14,5	70	12,4	52	7,0	61	8,3	69	9,4
Психостимуляторы	103	17,0	142	25,3	152	20,5	143	19,4	168	22,9
Другие наркотики и их сочетания	254	42,0	212	37,7	308	41,6	313	42,4	308	42,0

Источник: ГАУЗ СО «Областная наркологическая больница».https://onbso.ru/ (дата обращения: 23.12.2024).

Говоря о «портрете» прибывшего в РФ иностранца, сегодня более половины (55 %) международных мигрантов, учтенных Росстатом в 2023 г., — мужчины, 45 % — женщины. Подавляющее большинство из них (76 %) находится в трудоспособном возрасте, под которым орган статистики понимает диапазон от 16 лет до достижения пенсионного возраста (в 2023 г. он составлял 58 лет для женщин и 63 года для мужчин). Наиболее распространенной возрастной когортой среди обоих полов является диапазон 20–24 года. На пожилых приходится 11 % международных мигрантов, на детей — 13 %[1].

Среди приехавших из-за рубежа высокая доля состоящих в браке. Из всех мигрантов в возрасте старше 14 лет таким статусом обладают 51 %. Менее трети (28 %) никогда не были замужем или женаты, 5 % находятся в разводе, 3 % овдовели.

Подавляющее большинство (80 %) международных мигрантов предпочитают российские города проживанию в сельской местности. Среди отдельных регионов по чистому миграционному приросту в 2023 г. лидировали Московская область, а также два региона УрФО — Тюменская область и Ханты-Мансийский автономный округ — на них пришлось 57 % совокупного миграционного прироста по международной миграции.

Мы решили оценить ситуацию по приоритетным для России странам исхода иностранных граждан в части государственной статистики по зарегистрированным в этих странах социально значимых заболеваний, прежде всего наркомании (табл. 5), и инфекций, для которых наркотики являются приоритетным путем заражения, и определенных приказом Министерства здравоохранения РФ от 19.11.2021 г. № 1079н «Об утверждении Порядка проведения медицинского освидетельствования, включая проведение химико-токсикологических исследований наличия в организме иностранного гражданина или лица без гражданства наркотических средств или психотропных веществ либо новых потенциально опасных психоактивных веществ и их метаболитов, на наличие или отсутствие у иностранного гражданина или лица без гражданства инфекционных заболеваний, представляющих опасность для окружающих,

[1] Виноградова, Е. (2024). Росстат раскрыл «портрет» мигранта в России: Кто и с какими целями въезжает в страну из-за рубежа. https://www.rbc.ru/economics/22/07/2024/669a2afd9a7947271d418486 (дата обращения: 23.12.2024).

и заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)... »[1].

Согласно данных Росстата, которому в 2017 г. был передан учет миграции из ведения МВД РФ, в 2023 г. распределение иностранцев по основным странам исхода было следующим: Таджикистан (31 %), Киргизия (10 %), Украина, Армения и Казахстан — по 9 %, Узбекистан (8 %), Азербайджан и Молдова — по 4 %, Туркменистан (2 %).

Приведенная в таблице 5 статистика интересна для сравнения тем, что согласно данным РПН, приведенным в Государственном докладе[2], в 2023 г. в РФ на ВИЧ было протестировано 3194672 иностранных граждан и выявлено 3301 ВИЧ-позитивных, или 0,1 % от числа обследованных в данной группе населения. При этом выявление ≥ 1,0 % в отдельной эпидемически значимой по ВИЧ / СПИД группе населения (беременные, мигранты, секс-работники и др.) является признаком генерализованной эпидемии в популяции. А указанные в таблице 5 данные позволяют предполагать неполный учет как наркопотребителей, так и ВИЧ-инфицированных в странах исхода. При этом уровень употребления наркотиков инъекционным способом у ВИЧ-инфицированных в основных странах исхода мигрантов, согласно данным их национальных органов здравоохранения, колеблется от 57,2 % до 73,4 %, хотя традиционно там приоритетным наркотическим веществом являются каннабиноиды.

Эти цифры очень четко говорят о ситуации с формированием потенциальных рисков для автохтонного населения от мигрантов — на 31.12.2023 г. с ВИЧ жили пока еще 0,8 % всего населения России, в 44 регионах регистрировалась высокая пораженность ВИЧ-инфекцией (более 0,5 % от общей численности населения)[3].

Проанализируем, как в Свердловской области иностранные граждане проходили медицинское освидетельствование на инфекции, представляющие опасность для населения (табл. 6) и являющиеся основанием для принятия соответствующего решения на предмет получения патента / разрешения на работу / вида на жительство и т. д. или решения на ограничения пребывания иностранного гражданина на территории РФ, согласно приказу Роспотребнадзора № 467,

[1] Приказ Министерства здравоохранения РФ от 19.11.2021 г. №1079н «Об утверждении Порядка проведения медицинского освидетельствования, включая проведение химико-токсикологических исследований наличия в организме иностранного гражданина или лица без гражданства наркотических средств или психотропных веществ либо новых потенциально опасных психоактивных веществ и их метаболитов, на наличие или отсутствие у иностранного гражданина или лица без гражданства инфекционных заболеваний, представляющих опасность для окружающих, и заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции), формы бланка и срока действия медицинского заключения об отсутствии факта употребления наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ, а также формы, описания бланка и срока действия медицинского заключения о наличии (отсутствии) инфекционных заболеваний, представляющих опасность для окружающих». https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=415747 (дата обращения: 23.12.2024).

[2] Государственный доклад «О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Российской Федерации в 2023 году». https://www.rospotrebnadzor.ru/documents/details.php?ELEMENT_ID=27779 (дата обращения: 23.12.2024).

[3] Справка ВИЧ в России в 2023 г. http://www.hivrussia.info/wp-content/uploads/2024/09/spravka-vich-v-rossii-2023-god.pdf (дата обращения: 23.10.2024).

Таблица 5

Число впервые зарегистрированных социально-значимых заболеваний, подлежащих контролю у иностранных граждан в России, в основных странах исхода трудовых мигрантов за период 2019–2023 гг. (всего, чел.)

Страны	Год	Гепатиты парентер.	Наркомания, токсикомания	ВИЧ-инфекция		СПИД
				Абсолют.	На 100 тыс.	
Азербайджан	2019	359	2874	686	6,9	190
	2020	206	2845	547	5,5	104
	2021	130	5964	671	6,7	105
	2022	162	4279	749	7,4	89
	2023	429	4203	886	8,7	169
Казахстан	2019	719	3108	3518	19,0	93
	2020	579	2520	3342	17,8	—
	2021	—	—	—	—	—
	2022	6704	2306	38770	—	—
	2023	15018	2342	—	—	—
Кыргызстан	2019	10580	160	745	12,0	43
	2020	4805	157	675	10,3	65
	2021	2090	135	846	12,6	—
	2022	3119	131	1094	15,7	—
	2023	9234	170	1054	14,8	—
Таджикистан	2019	7763	187	1320	14,3	108
	2020	4173	173	1397	14,8	86
	2021	3945	334	922	9,8	76
	2023	4336	285	1100	10,9	90
Узбекистан	2020	11485	12195	2817	—	—
	2021	7900	—	3300	9,4	—
	2022	29460	—	3889	10,9	—
	2023	29460	—	3889	10,9	—

Источник: Межгосударственный статистический комитет СНГ. https://new.cisstat.org/web/guest/cis-stat-home?iFrameId=45049 (дата обращения: 23.12.2024).

Таблица 6

Число выявленных социально значимых заболеваний, подлежащих контролю у иностранцев в Свердловской области* за период 2021–2023 гг. (всего, чел.)

Показатель	Значение показателя по годам		
	2021	2022	2023
Общее число обследованных иностранных граждан	94564	87467	94464
выявлено инфекционных заболеваний, всего, в том числе:	527	471	406
туберкулез	141	108	43
сифилис	299	276	272
ВИЧ-инфекция	87	87	91
Лепра	0	0	0

* официальные данные Министерства здравоохранения Свердловской области.

Источник: сост. авторами.

ФМБА России № 173 от 23.08.2021 г. «Об утверждении Порядка представления материалов ....» .

Примечательно, что в приведенном в таблице 6 перечне заболеваний отсутствует оценка состояния здоровья иностранных граждан по такому показателю, как «наркомания / токсикомания» при том, что в странах исхода данная патология медицинской статистикой учитывается (табл. 5). Причиной неустановления «распространенности пагубного влияния употребления наркотических веществ», который является важным медицинским прогностическим показателем, в группе иностранцев, является организационная ошибка Минздрава Свердловской области, который определил проведение этого исследования за уполномоченными медицинскими учреждениями по работе с освидетельствованием иностранцев вместо единого специализированного наркологического учреждения, который как раз и обязан формировать единую базу учета наркопотребителей, проводить с ними лечебно-профилактические мероприятия с целью минимизации последствий в регионе от наркомании, включая и приехавших иностранцев. Это позволяет иностранцам, у кого отмечается подозрение на наркотические препараты, пройти «сушку» или детокс, в медицинских центрах, содержащимися иностранными диаспорами, для последующей возможной легализации в РФ.

Если сравнить данные Минздрава Свердловской области и данные территориального Управления Роспотребнадзора (ТУ РПН), которые указаны этой структурой в своих Государственных докладах за 2021, 2022 и 2023 гг. (табл. 7), то мы можем увидеть, как расходятся данные статистики не только по числу привлеченных к медицинскому освидетельствованию иностранцев, но и по числу выявленной патологии, где расхождение составляет в 1,5–2 раза.

Ив своих докладах ТУ РПН также не поднимает перед Минздравом Свердловской области вопрос об организации освидетельствования иностранцев на наркотики, не учитывая положения теории, сформулированной Сазерлендом и наглядно реализованной в Верхней Салде.

Понимание расхождения статистики важно с позиций прежде всего реализации ТУ РПН по Свердловской области своих функций в части принятия решений о нежелательности пребывания иностранцев с проблемами по здоровью и поведению в регионе. Документы оформляются преимущественно на лиц с ВИЧ-инфекцией. А пока порядка 40 % прибывающих мигрантов (прежде всего из Таджикистана) имеют двойное гражданство (второе — РФ) либо членов семьи в РФ, то сложность в реализации последующего выдворения лиц с ВИЧ / СПИД

Таблица 7

Статистика обследованных иностранных граждан и выявленной патологии по Государственным докладам ТУ РПН по Свердловской области в 2021–2023 гг.

Год	Обследовано всего	из них выявлено		
		ТВС	ВИЧ	Сифилис
2021	76984	39	68	92
2022	86740	68	68	97
2023	83530	30	42	18

Источник: государственный доклад Управления Роспотребнадзора по Свердловской области. https://www.66.rospotrebnadzor.ru/303 (дата обращения: 23.12.2024).

с территории РФ, в т. ч. и как потенциальных наркопотребителей (распространителей наркотиков и инфекции), учитывая приоритетность этого пути для инфицирования в странах исхода, во многом связана с решением Конституционного суда РФ[1] в отношении лиц с ВИЧ / СПИД, которые имеют намерение проживать в Российской Федерации длительное время, поскольку здесь постоянно проживают их семьи, т. к. это «… не может быть признано соразмерным и адекватным конституционно значимым целям и ценностям». Это наглядно показывает, как серьезно и системно должна быть организована работа региональных ТУ РПН в отношении полноты освидетельствования, учета, контроля и реального понимания ситуации по иностранным гражданам, прибывающих на территорию РФ.

Пораженность ВИЧ-инфекцией на 31.12 2023 г. составила 817,6 на 100 тыс. населения России, т. е. с ВИЧ жили 0,8 % всего населения России. Показатель пораженности ВИЧ-инфекцией, превышающий среднее значение по стране, имели 24 субъекта Российской Федерации, из них 5 субъектов УрФО: Свердловская (зарегистрировано 2020,[2] живущих с ВИЧ на 100 тыс. населения), Челябинская (1461,7) области, Ханты-Мансийский АО (1393,2), Тюменская (1280,3), Курганская (1201,4) области.

В этих 24 наиболее неблагополучных регионах к концу 2023 г. проживало более трети (35,8 %) всего населения страны, в них же было зарегистрировано 51,9 % новых выявленных случаев ВИЧ-инфекции и 63,3 % летальных исходов среди больных ВИЧ-инфекцией в 2023 г. 2

Заключение

Проблема региональной миграционной политики и ее реализация различными региональными и федеральными структурами в Свердловской области создает возможный синергический эффект для ухудшения ситуации с уровнем наркопотребления в регионе. При этом не выстроена системность, полнота и оценка реализуемых профилактических мероприятий в отношении иностранцев и завоза ими в РФ инфекций, представляющих опасность для населения; отсутствует сопоставимый учет, необходимый для реализации государственных функций по решению вопроса о нежелательности пребывания мигрантов участвующими в этом федеральных структур.

В регионе должны быть сформированы региональные ключевые показатели эффективности (KPI — Key Performance Indicators) как по уровням принятия решений (губернатор, региональное правительство, главы городов / населенных пунктов), так и по уровням исполнителей медико-профилактических и полицейских мероприятий по проблеме ограничения распространения наркотиков и по иностранным гражданам.

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 12.03.2015 №4-П «По делу о проверке конституционности положений части четвертой статьи 25.10 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», подпункта 13 пункта 1 статьи 7 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и пункта 2 статьи 11 Федерального закона «О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)» в связи с жалобами ряда граждан».

[2] Справка ВИЧ в России в 2023 г. http://www.hivrussia.info/wp-content/uploads/2024/09/spravka-vich-v-rossii-2023-god.pdf (дата обращения: 23.12.2024).

Проводимые среди мигрантов медико-санитарные мероприятий должны безусловно обеспечивать соблюдение прав человека, быть интегрированы в региональные и федеральные программы по ВИЧ / СПИД и туберкулезу, интегрироваться в общую систему здравоохранения, реализуемых прежде всего в местах компактного проживания и работы мигрантов.

Список источников

Багреева, Е. Г., Куцев, В. В. (2023). Незаконная миграция как фактор распространения наркотических средств. *Вопросы безопасности, 2,* 57–67. https://doi.org//10.25136/2409-7543.2023.2.43456

Бедрина, Е. Б., Неклюдова, Н. П. (2024). Реализация миграционной политики в Свердловской области глазами экспертов: поиск управленческих решений. *Ars Administrandi (Искусство управления), 16* (1), 98–123. https://doi.org//10.17072/2218-9173-2024-1-98-123

Вафина, Г. Г. (2013). Государственный контроль за организацией медицинского освидетельствования иностранных граждан. *Практическая медицина, 1–4* (73),79–81.

Иванова, Л. Ю. (2013). Социальные риски для здоровья трудовых мигрантов. *Вестник института социологии, 6,* 131–145.

Кокунова, С. Д., Андреев, А. П. (2017). Влияние незаконной миграции на наркоситуацию в Российской Федерации. *Национальная безопасность / NOTA BENE, 5* (52), 1–13. EDN: ZSHHVB

Онищенко, Г. Г., Симкалова, Л. М. (2013). Совершенствование федерального эпидемиологического надзора, обеспечение биологической безопасности населения Российской Федерации. *Журнал микробиологии, эпидемиологии и иммунобиологии, 5,* 27–35. EDN: TLHNUT

Рязанцев, С. В., Иванова, А. Е., Вангородская, С. А. (2023). Медицинская помощь таджикским трудовым мигрантам в России. *Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н. А. Семашко, 2,* 76–82. https://doi.org//10.25742/NRIPH.2023.02.011

Струин, Н. Л., Белявский, А. Р., Струина, Н. Н. (2016). Система управления эпидемиологическими рисками при социально значимых инфекциях. *Здоровье населения и среда обитания, 2* (275), 20–24. EDN: VOFPBN

Струин. Н. Л. (2024). Государственная политика в области миграции как источник потенциальных эпидемических рисков для населения. В *Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты и перспективы: сборник научных статей: в двух томах. Т. 2.* (с. 290–295). Минск: Право и экономика, 560.

References

Bagreeva, E. G., Kutsev, V. V. (2023). Illegal migration as a factor in the distribution of narcotic drugs. *Voprosy` bezopasnosti [Security Issues], 2,* 57–67. https://doi.org//10.25136/2409-7543.2023.2.43456 (In Russ.)

Bedrina, E. B., Neklyudova, N. P. (2024). Implementing migration policy in the Sverdlovsk region from the experts' point of view: Searching for management solutions. *Ars Administrandi (Iskusstvo upravleniya) [Ars Administrandi], 16* (1), 98–123. https://doi.org//10.17072/2218-9173-2024-1-98-123 (In Russ.)

Ivanova, L. Y. (2013). Social risks for the health of migrant workers. *Vestnik instituta sotziologii, 4* (1), 130–145. (In Russ.)

Kokunova, S. D., Andreev, A. P. (2017). The impact of illegal migration on the drug situation in the Russian Federation. *Nacional`naya bezopasnost` / NOTA BENE [National Security / NOTA BENE], 5* (52), 1–13. EDN: ZSHHVB

Onishchenko, G. G., Simkalova, L. M. (2013). Improvement of federal epidemiologic surveillance, provision of biologic security of population of Russian Federation. *Zhurnal mikrobiologii, èpidemiologii i immunobiologii [Journal of microbiology, epidemiology and immunobiology], 5,* 27–35. EDN: TLHNUT (In Russ.)

Ryazantsev, S. V., Ivanova, A. E., Vangorodskaya, S. A. (2023). Medical care for Tajik migrant workers in Russia. *Bulletin of Semashko National Research Institute of Public Health,* (2), 76–82. https://doi.org//10.25742/NRIPH.2023.02.011 (In Russ.)

Struin, N. L. (2024). State policy in the field of migration as a source of potential epidemic risks for the population In *Strategiya razvitiya e`konomiki Belarusi: vy`zovy`, instrumenty` i perspektivy`: sbornik nauchny`x statej: v dvux tomax.T.2. [Belarus' economic development strategy: challenges, tools and prospects: collection of scientific articles: in two volumes. Vol.2]* (pp. 290–295). Minsk: Law and Economics, 560. (In Russ.)

Struin, N. L., Belyavsky, A. R., Struina, N. N. (2016). Epidemiological risk management system of socially significant infections. *Zdorov`e naseleniya i sreda obitaniya [Public Health and Life Environment - Ph&Le], 2* (275), 20–24. EDN: VOFPBN (In Russ.)

Vafina, G. G. (2013). State control over the organization of the medical examination of foreign citizens. *Prakticheskaya medicina [Practical medicine], 1–4* (73), 79–81. (In Russ.)

Струин Николай Львович — кандидат медицинских наук, доцент, Уральский государственный медицинский университет; старший научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН; http//orcid.org/0000-0002-4843-601X (Российская Федерация, 620028, г. Екатеринбург, ул. Репина, 3; 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: struin.nl@uiec.ru).

Поддубный Антон Владимирович — кандидат медицинских наук, главный врач, ГАУЗ Свердловской области «Областная наркологическая больница», главный внештатный специалист психиатр-нарколог УрФО (Российская Федерация, 629014 Екатеринбург, пр. Ленина, д. 7; e-mail: onb-public@mis66.ru).

Сморудова Надежда Игоревна — стажер-исследователь, АНО «Агентство социальных стратегий и проектов» (Российская Федерация, 620075 г. Екатеринбург, ул. Д. Зверева, д. 11; e-mail: garda_n@inbox.ru).

Забродин Олег Валентинович — начальник, ГАУЗ Свердловской области «Свердловский областной клинический психоневрологический госпиталь для ветеранов войн»; главный внештатный специалист-нарколог Министерства здравоохранения Свердловской области (Российская Федерация, 620036, г. Екатеринбург, ул. Соболева, д. 25; e-mail: gvvsite@gvvso.ru).

Nikolay L. Struin — Candidate of Medical Sciences, Associate Professor, Ural State Medical University; Senior Researcher, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; http//orcid.org/0000-0002-4843-601X (3, Repina St., 620028, Ekaterinburg; st. 29, Moskovskaya, 620014, Ekaterinburg, Russian Federation; e-mail: struin.nl@uiec.ru).

Anton V. Poddubny — Candidate of Medical Sciences, chief physician of the «Regional Narcological Hospital», chief freelance specialist psychiatrist-narcologist of the Urals Federal District (7, Lenin Ave., 629014 Ekaterinburg, Russian Federation; e-mail: Onb-Public@Mis66.ru).

Nadezhda I. Smorudova — research intern, ANO "Agency for Social Strategies and Projects" (11, D. Zvereva St., 620075, Ekaterinburg, Russian Federation; e-mail: garda_n@inbox.ru).

Oleg V. Zabrodin — Head of the «Sverdlovsk Regional Clinical Psychoneurological Hospital for War Veterans», Chief Forest Narcologist of the Ministry of Health of the Sverdlovsk Region (25, Sobolev St., 620036, Ekaterinburg, Russian Federation; e-mail: gvvsite@gvvso.ru).

VI. ВКЛАД ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОГРАММ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ В ЗДОРОВЬЕСБЕРЕЖЕНИЕ НАЦИИ

УДК 316.354.2
JEL classification: J24
https://www.doi.org/10.17059/udf-2025-6-1

Социальное самочувствие среднего медицинского персонала государственных организаций здравоохранения Свердловской области: по результатам социологического исследования[1]

К.В. Кузьмин [а], В.С. Харченко [б], Л.Е. Петрова [в]

[а] Свердловский областной медицинский колледж (г. Екатеринбург, Россия).
https://orcid.org/0000-0002-9063-4642

[б] Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, (г. Екатеринбург, Россия).
https://orcid.org/0000-0002-0909-6550

[в] Екатеринбургская академия современного искусства (институт)(г. Екатеринбург, Россия)
https://orcid.org/0000-0003-2981-916X

Автор для корреспонденции: К.В. Кузьмин (konstantinkuzmin1966@gmail.com).

Аннотация. *Представлены результаты социологического исследования, проведенного в Свердловской области в 2023 г. Опрошены главные медицинские сестры государственных организаций здравоохранения («эксперты») и работники из числа среднего медицинского персонала («сотрудники»). Анализ удовлетворенности опрошенных работой показал, что слабым местом в управлении человеческими ресурсами является инвестирование в развитие персонала — обучение и продвижение. Уровень вовлеченности экспертов в работу составил 51 %, что указывает на «зону безразличия»: такой персонал не вовлечен в работу, равнодушен как к успехам, так и к неудачам своей организации, что требует проработки системы корпоративных ценностей и выстраивания качественно новых по содержанию коммуникаций внутри медицинского коллектива и в отношениях между руководителями и их подчиненными. Уровень вовлеченности сотрудников составляет 38 %, что близко к «зоне разрушения»: медицинские организации утрачивают возможности продуктивной и эффективной работы персонала, что также требует качественных изменений, направленных на мотивирование работников для достижения целей развития организации.*

Ключевые слова: средний медицинский персонал; социальное самочувствие; удовлетворенность трудом; вовлеченность персонала

Social Well-Being of Nursing Staff of State Healthcare Institutions in the Sverdlovsk Region: Based on the Results of an Sociological Study

K. Kuzmin [a], V.Kharchenko [b], L. Petrova [c]

[a] Sverdlovsk Regional Medical College (Ekaterinburg, Russia).
https://orcid.org/0000-0002-9063-4642

[b] Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia).
https://orcid.org/0000-0002-0909-6550

[c] Yekaterinburg Academy of Modern Art (Institute) (Ekaterinburg, Russia).
https://orcid.org/0000-0003-2981-916X

[1] Кузьмин К.В., Харченко В.С., Петрова Л.Е. Текст. 2025.

Corresponding author: K. Kuzmin (konstantinkuzmin1966@gmail.com).

Abstract. *The results of a sociological study conducted in the Sverdlovsk region in 2023 are presented. Chief nurses of government health care organizations ("experts") and paramedical personnel ("employees") were interviewed. An analysis of the job satisfaction of respondents showed that the weak point in human resource management is investing in personnel development - training and promotion. The level of involvement of experts in the work was 51 %, which indicates a "zone of indifference": such personnel are not involved in the work, are indifferent to both the successes and failures of their organization, which requires elaboration of a system of corporate values and building qualitatively new ones on the content of communications within the medical team and in relations between managers and their subordinates. The level of employee engagement is 38 %, which is close to the "destruction zone": medical organizations are losing opportunities for productive and efficient work of staff, which also requires qualitative changes aimed at motivating employees to achieve the organization's development goals.*

Keywords: nursing staff; social well-being; job satisfaction; staff engagement

Введение

В современных организациях задачи по управлению персоналом все больше опираются на знания о том, какие проблемы есть у действующих сотрудников, каково их отношение к компании как к работодателю, как они оценивают рабочее место и пр. Владея этой информацией, можно не только лучше понимать, как распределить ресурсы на управление персоналом, но и как сделать работу сотрудников более эффективной и полезной для организации (Ищенко, 2006; Ловчева, 2010; Митрофанова & Гришаева, 2020). Средний медицинский персонал государственного здравоохранения практически не изучен с точки зрения его притязаний, оценки работы, условий труда и требований к работодателю, хотя, несомненно, такая информация позволила бы лучше понять «слабые» зоны в работе с персоналом, выявила бы проблемы, решение которых повысило бы качество труда и выполнения поставленных перед организацией задач.

Различные прикладные исследования, посвященные изучению проблем управления персоналом, сводятся к анализу уровня удовлетворенности и вовлеченности персонала (Долженко, 2014; Коновалова, 2014; Михалкина & Михалкина, 2017; Смирнов, 2019; Чеглакова & Кабалина, 2016; Hajiali et al., 2021; Uddin et al., 2019), изучению лояльности работодателю («индекс eNPS») (Громова, 2020; Ламихов, 2019; Strenitzerová & Achimský, 2019); реже встречается анализ мотивации (Несова & Федорова, 2016). Все эти показатели представляют собой индикаторы («измерители») оценки благополучия персонала и отражают оценки места работы и компании в целом, так как именно они связаны с состоянием социального самочувствия. В трудовой сфере под «социальным самочувствием» мы понимаем комплексное описание соотношения между тем, какие притязания и ожидания есть у работников, и как они их реализуют в определенных трудовых отношениях, рабочей среде, у конкретного работодателя. Для комплексного изучения социального самочувствия персонала мы определили следующие индикаторы: удовлетворенность работой, вовлеченность персонала, его лояльность (или приверженность) работодателю (Харченко, 2022) и уровень мотивации (Харченко, 2023). В настоящей работе мы сфокусируемся на двух основных компонентах социального самочувствия: удовлетворенности работой и вовлеченности, которые

позволили охарактеризовать базовые индикаторы среднего медицинского персонала государственных организаций здравоохранения.

Под удовлетворенностью работой мы подразумеваем отношение, оценку и эмоциональное состояние работников, вызванное реализацией потребности в труде. Выступая в качестве индикатора социального самочувствия, удовлетворенность работой помогает понять общее отношение сотрудников организации к труду и занятости, а также оценку социально-трудовых отношений в компании, то есть этот показатель отражает общую оценку персоналом своей работы в самом общем «приближении» — насколько сотрудники довольны работой, как оценивают ее с точки зрения потенциала реализации собственных ожиданий.

Вовлеченность персонала определяется нами как приверженность работе в организации (компании) и заинтересованность работников в достижении ею эффективных результатов, ее целей и успеха. Этот индикатор социального самочувствия указывает не только на психологическое состояние работников, но и характеризует их поведение. Именно с вовлеченностью связывают отношение работников к организации и, как следствие, повышение производительности и качества выполняемого труда.

Изучение показателей социального самочувствия отражает текущее состояние отношения персонала к своей работе и работодателю и позволяет определить зоны развития (изменений) в работе с персоналом. Сопоставление данных с предыдущим периодом оценивания или бенчмарками (эталонными значениями) помогает определить, насколько выявленное состояние социального самочувствия критично, требует усиленного внимания или может быть изменено в долгосрочной перспективе. В конечном счете понимание социального самочувствия персонала помогает организации определить свой потенциал на изменения и улучшение эффективности работы, производительности и качества оказываемых услуг.

Материалы и методы

Исследование проведено в феврале-марте 2023 г. на основе экспертного опроса главных медицинских сестер — руководителей медсестринских коллективов государственных организаций здравоохранения Свердловской области (далее — «экспертов») и онлайн-анкетирования среднего медицинского персонала (далее — «сотрудников»). Отбор единиц анализа в выборочную совокупность производился по принципу достижимой выборки: всего было опрошено 70 экспертов (ошибка выборки составила 11,6 %; достигнутая выборка — 56 %); от сотрудников было получено 1314 ответов (ошибка выборки составила 1,05 %, достигнутая выборка — 4,1 %, что адекватно для больших социально-профессиональных групп).

Определены следующие задачи исследования:

1. Оценка общей удовлетворенности трудом — по методике ВЦИОМ;
2. Оценка удовлетворенности занятого персонала различными аспектами работы — по адаптированной методике Gallup Q12;
3. Оценка вовлеченности персонала в работу — по методике AON Hewitt;

Результаты

В рамках изучения показателей общей удовлетворенности трудом была применена методика ВЦИОМ, преимуществом которой является простота измерений: респондентам задается вопрос: «Удовлетворены ли Вы в целом своей нынешней работой?» с пятью вариантами ответов («вполне удовлетворен», «скорее удовлетворен», «скорее не удовлетворен», «совершенно не удовлетворен», «затрудняюсь ответить»), на основе которых посредством суммирования положительных ответов рассчитывается индекс удовлетворенности.

Опрошенные эксперты высоко оценили свою удовлетворенность трудом: 90 % отметили, что в целом удовлетворены, а о том, что «вполне удовлетворены», сообщили двое из пяти опрошенных (41 %). В то же время общий уровень удовлетворенности сотрудников оказался ожидаемо ниже и составил только 75 %, причем лишь треть опрошенных (35 %) указала, что работой довольны полностью (рис. 1).

Если сравнивать показатель общей удовлетворенности сотрудников с общероссийскими показателями, то можно обнаружить, что он ниже на 9 процентных пунктов (п. п.): весной 2024 г. об удовлетворенности заявили 84 % россиян, а 48 % дали уверенный ответ «вполне удовлетворен»[1].

Общая оценка удовлетворенности работой имеет волнообразные изменения в зависимости от стажа работы в здравоохранении (рис. 2). У персонала с небольшим стажем (менее 1 года) удовлетворенность работой является максимальной (90 %), далее, с накоплением опыта работы и стажа, удовлетворенность снижается до 73 % у работников со стажем от трех до пяти лет и далее практически не меняется — колеблется в пределах 2–3 п. п. (составляет 71–73 % у работников со стажем от 3 до 30 лет). У группы работников со стажем более 31 года уровень удовлетворенности работой резко отличается по сравнению с персоналом со стажем 3–30 лет, но сопоставим с теми, у кого стаж 1–2 года: по результатам исследований удовлетворенность работой у «стажистов» составила 83 %.

В рамках изучения показателей удовлетворенности различными аспектами работы была применена адаптированная методика Gallup Q12, позволяющая их оценить на основе 4 блоков:

1. Блок «Базовые потребности персонала» фокусируется на ответе на вопрос: «Что я как сотрудник получаю?» и отражает оценку оснащенности рабочего места, удовлетворенности условиями труда, понимания своих целей и задач в работе;

2. Блок «Личный вклад» по сути является ответом на вопрос: «Что я как сотрудник даю компании?». Он помогает выяснить, как сотрудники оценивают созданные компанией условия для эффективной работы, насколько стремятся выполнять работу качественно, добросовестно, ощущают ли признание со стороны руководителя, коллектива.

3. Блок «Команда» помогает выяснить, считают ли себя сотрудники частью коллектива, насколько они вовлечены в деятельность компании, разделяют её миссию и цель.

[1] Не только деньги, или О факторах выбора работы в России. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ne-tolko-dengi-ili-o-faktorakh-vybora-raboty-v-rossii (дата обращения: 12.12.2024).

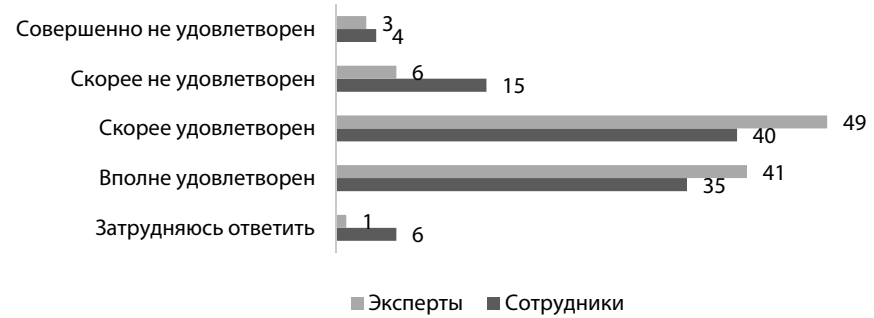

Рис. 1. *Сравнительные показатели общей удовлетворенности работой, в % от общего числа опрошенных экспертов и сотрудников (источник: составлено авторами по результатам исследования)*

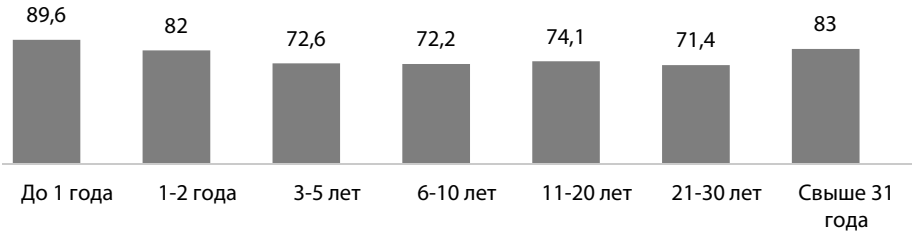

Рис. 2. *Уровень общей удовлетворенности работой у сотрудников с разным стажем работы в здравоохранении, в % к общему числу по выбранным группам респондентов (источник: составлено авторами по результатам исследования)*

4. Блок «Развитие» позволяет найти ответ на вопрос сотрудников: «Как я могу расти в компании?» и отражает оценку персоналом возможностей профессионального развития, продвижения, роста и обучения (Харченко, 2023).

Учитывая особенности выборки, при разработке инструментария была учтена специфика двух изучаемых целевых групп — рядового персонала и экспертов (главных медицинских сестер), в связи с чем вопросы опросника имели небольшие различия (табл. 1).

Участникам опроса нужно было оценить, насколько они согласны или не согласны с предложенными им 12 утверждениями по 5-балльной шкале («совершенно не согласен», «скорее не согласен», «и да, и нет», «скорее согласен», «полностью согласен»). Этот способ оценивания позволил не только дать оценку по каждому утверждению (параметру), но и сопоставить оценки, полученные от двух анализируемых групп респондентов — главных медицинских сестер и рядовых сотрудников из числа среднего медицинского персонала.

Итак, экспертам было предложено оценить удовлетворенность работой своих сотрудников — лиц из числа среднего медицинского персонала; иными словами, адаптированные под эту логику оценки формулировки утверждений позволили понять, насколько, по мнению экспертов, их подчиненные удовлетворены различными аспектами своей работы (рис. 3).

Таблица 1

Вопросы опросника измерения удовлетворенности работой

№ п/п	Утверждения	
	Анкета 1. Эксперты	**Анкета 2. Сотрудники**
A.	*Базовые потребности персонала*	
1.	Все сотрудники знают, какие профессиональные требования к ним предъявляются на работе	Я знаю, что ожидается от меня на работе
2.	У сотрудников имеются в наличии все материалы и оборудование, необходимые для качественного выполнения работы	У меня есть все материалы и оборудование, необходимые для качественного выполнения работы
B.	*Личный вклад*	
3.	Для сотрудников созданы возможности каждый день на рабочем месте заниматься тем, что у них получается лучше всего	У меня есть возможность каждый день на рабочем месте заниматься тем, что у меня получается лучше всего
4.	В нашем медицинском учреждении создана и успешно функционирует система поощрений за хорошую работу, выполненную сотрудниками	За последние семь дней я получил(а) признание или похвалу за хорошую работу
5.	Непосредственные руководители и коллеги всегда заботятся о вхождении в коллектив новых сотрудников	Мой непосредственный руководитель или кто-то из коллег заботится обо мне как о личности
6.	В нашем медицинском учреждении поощряют личностный и профессиональный рост сотрудников	На работе есть тот, кто поощряет мое развитие
C	*Команда*	
7.	В нашем медицинском учреждении всегда считаются с мнением сотрудников	На работе с моим мнением считаются
8.	Цель нашего медицинского учреждения заставляет сотрудников чувствовать важность выполняемой ими работы	Цель моего медицинского учреждения заставляет меня чувствовать, что моя работа важна
9.	Мои подчиненные стремятся делать свою работу качественно	Мои коллеги стремятся делать свою работу качественно
10.	У меня на работе сложились не только профессиональные, но и дружеские отношения с подчиненными	У меня есть лучший друг на работе
D	*Развитие*	
11.	Мы постоянно обсуждаем вопросы дальнейшего профессионального развития своих работников	За последние полгода со мной на работе обсуждали мое дальнейшее профессиональное развитие
12.	В нашем медицинском учреждении созданы возможности дополнительного обучения и профессионального роста сотрудников	В прошлом году у меня была возможность на работе учиться и профессионально расти

Источник: составлено авторами.

Рис. 3. *Доля утвердительных ответов («полностью согласен» и «скорее согласен») экспертов по утверждениям об удовлетворенности различными аспектами работы их сотрудников, в % к общему числу опрошенных экспертов (источник: составлено авторами по результатам исследования)*

Таким образом, трое из четырех экспертов (74 %) уверены, что их подчиненные «всегда стремятся делать работу качественно»; две трети (67 %) — что все сотрудники знают, какие профессиональные требования к ним предъявляются на работе; трое из пяти участников опроса — что у них сложились дружеские отношения с подчиненными, они постоянно обсуждают вопросы их дальнейшего профессионального развития, в медицинской организации созданы возможности дополнительного обучения и профессионального роста сотрудников, а непосредственные руководители и коллеги «заботятся о вхождении в коллектив новых сотрудников», тем более, что цель организации заставляет их чувствовать важность выполняемой ими работы. В меньшую сторону отличается степень согласия экспертов с такими утверждениями, как: «в нашем медицинском учреждении всегда считаются с мнением сотрудников» (39 % согласившихся) и «в нашем медицинском учреждении создана и успешно функционирует система поощрений за хорошую работу, выполненную сотрудниками» (43 %).

Значимые противоречия были обнаружены по результатам анализа ответов сотрудников (рис. 4).

По блоку 1 («Базовые потребности персонала») выяснилось, что 70 % опрошенных знают, что «ожидается от них на работе», но только 43 % подтвердили, что у них есть «все материалы и оборудование для выполнения качественной работы».

По блоку 2 («Личный вклад») свыше половины опрошенных (56 %) указали на то, что у них есть возможность заниматься на своем рабочем месте в медицинской организации тем, в чем они чувствуют себя профессионалами.

По блоку 3 («Команда») только половина опрошенных (49 %) согласилась с утверждением, что на работе с их мнением считаются. Лишь 57 % участников опроса отметили, что ощущают важность своей работы; при этом две трети (64 %) отметили, что их коллеги стремятся делать работу качественно. Наконец, только 44 % указали на то, что у них сложились дружественные отношения в коллективе: чаще на этот факт указывают работники со стажем свыше 20 лет (53 %).

В блоке 4 («Развитие») только 4 из 10 участников опроса (37 %) отметили, что у них была возможность обсудить вопросы своего профессионального развития и роста за последние 6 месяцев; половина опрошенных указала, что в прошлом году у них была возможность учиться и профессионально расти.

Для более полного и наглядного представления о выявленных различиях в оценке удовлетворенности среднего медицинского персонала различными аспектами работы с точки зрения экспертов и сотрудников нами была использована 5-балльная шкала оценивания (рис. 5).

Таким образом, по мнению экспертов, меньше всего их подчиненные удовлетворены наличием материалов и оборудования для качественной работы (3,4 балла), возможностями для выполнения своей работы как можно лучше (3,31), поощрением личностного и профессионального роста персонала (3,3), учетом мнения в решении важных для организации вопросов и обсуждении текущих задач (3,14), а также системой поощрений за выполняемую работу (3,06).

Сотрудники относительно высоко оценивают такие аспекты, как знание ожиданий от их работы (3,78 балла), стремление коллег выполнять свою работу качественно (3,66), ощущение важности работы (3,43), возможность на рабочем месте

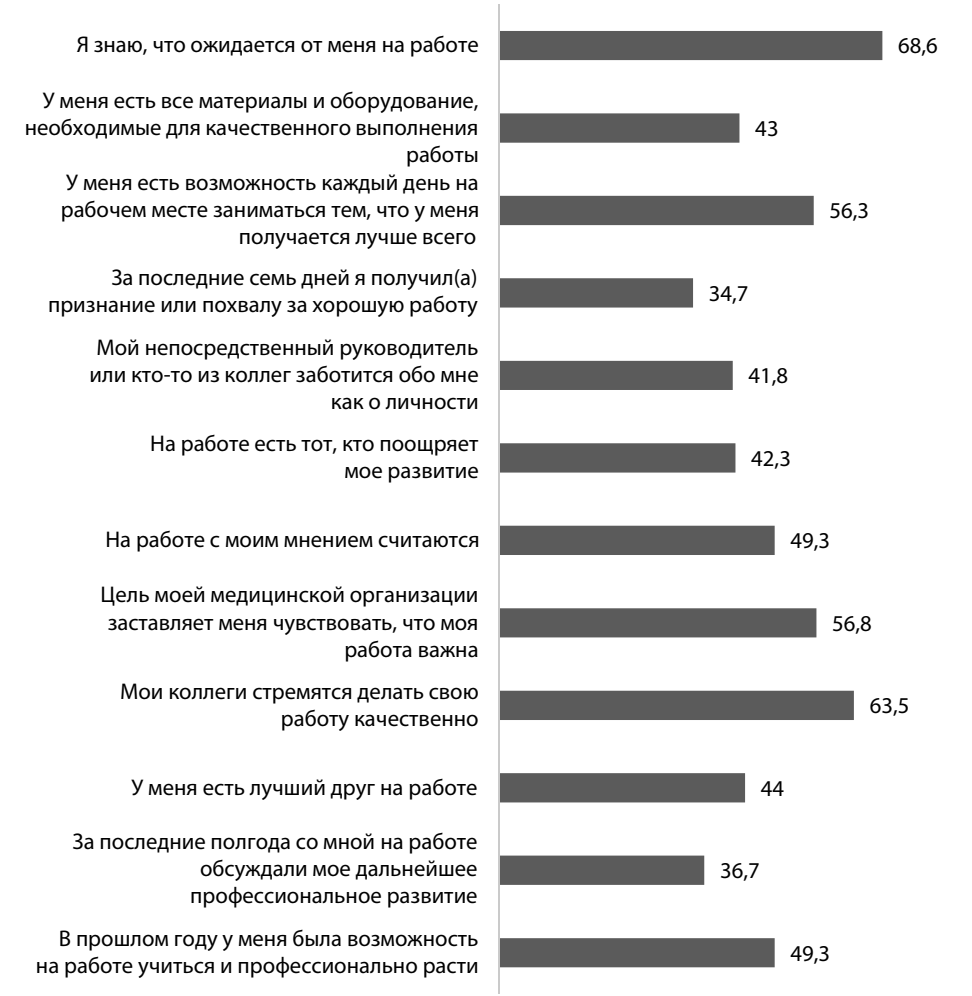

Рис. 4. *Доля утвердительных ответов («полностью согласен» и «скорее согласен») сотрудников по утверждениям об удовлетворенности различными аспектами работы их сотрудников, в % к общему числу опрошенных сотрудников (источник: составлено авторами по результатам исследования)*

заниматься тем, что получается лучше всего (3,42). Самые низкие оценки получили: дружественные отношения с коллегами (3,06), забота о сотруднике как о личности (3,04), поощрение развития (2,99), обсуждение возможностей профессионального роста (2,79) и признание и похвала за работу (2,78).

Можно заметить, что мнения экспертов и сотрудников сходятся в оценке таких аспектов работы, как понимание ожиданий к выполняемым задачам, требований к ним (3,79 и 3,78 соответственно) и стремление персонала выполнять работу как можно более качественно (3,74 и 3,66). Наибольшая разница наблюдалась

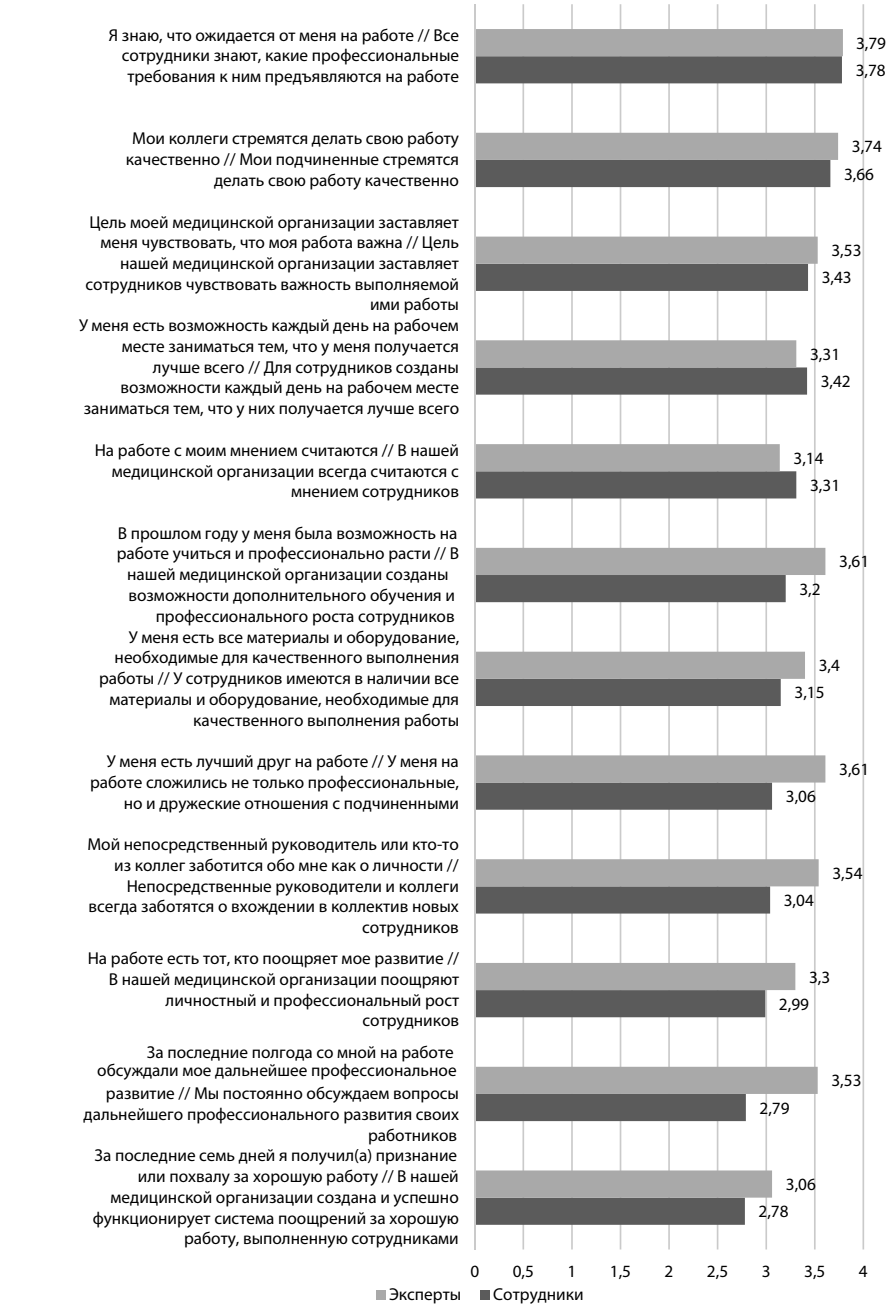

Рис. 5. *Оценки удовлетворенности различными аспектами работы среднего медицинского персонала, по 5-балльной шкале (источник: составлено авторами по результатам исследования)*

в оценках уровня восприятия заботы со стороны коллег и руководителя (разница в 0,5 балла), сформированности дружественных отношений в коллективе (в 0,55) и обсуждения возможностей профессионального развития на текущем месте работы (в 0,74).

Для изучения вовлеченности персонала мы воспользовались методикой измерения вовлеченности, разработанной компанией «AON Hewitt» и включающей в себя три аспекта поведения:

1. Блок вопросов «Говорит» отражает оценку сотрудниками заинтересованности в работе в организации — они позитивно отзываются и о компании, и о коллегах, и о клиентах.

2. Блок «Остается» содержит вопросы, направленные на изучение потенциала увольнения сотрудников, а также указывает на их приверженность, самооценку их как части организации.

3. Вопросы в блоке «Стремится» помогают понять мотивацию персонала: насколько работники готовы выполнять работу качественно, эффективно, а также насколько сама организация создает условия для такого ощущения, устремления.

Все шесть утверждений по трем блокам необходимо было оценить по степени согласия или несогласия с ними по 6-балльной шкале от «совершенно не согласен» до «полностью согласен». Так как вопросы о вовлеченности были предложены экспертам и сотрудникам в одинаковых формулировках, стало возможным не только выяснить особенности и уровень вовлеченности, но и сравнить их у изученных групп медицинских работников (рис. 6).

Почти восемь из десяти экспертов (82 %) отметили, что, когда им предоставляется возможность, они всегда хорошо отзываются о работе в своей организации; почти 3/4 опрошенных (73 %) готовы ее рекомендовать друзьям, ищущим работу. 72 % опрошенных сотрудников также утвердительно ответили на вопрос о том, отзываются ли они хорошо о своей работе при удобном случае, но только около двух третей (63 %) дали положительный ответ на вопрос о готовности рекомендовать свою медицинскую организацию как место работы тем, кто ее ищет.

Семь из десяти экспертов (71 %) считают, что им потребуются серьезные причины для увольнения; еще примерно столько же (70 %) отметили, что редко думают об уходе из своей организации и работе в другом месте. Только две трети опрошенных сотрудников (67 %) утвердительно ответили на вопрос о том, что потребуются серьезные причины для того, чтобы они уволились; 59 % отметили, что редко думают об уходе из организации.

Почти две трети опрошенных экспертов (64 %) считают, что их организация вдохновляет делать работу как можно лучше; еще столько же (63 %) позитивно оценили свои возможности в мотивации достижения большего в работе. Наиболее низкие показатели были обнаружены у сотрудников: только 55 % сказали, что организация вдохновляет выполнять свою работу как можно лучше; чуть меньшее число (53 %) согласились с тем, что она мотивирует достигать большего, чем это необходимо для формального выполнения своих обязанностей.

Итак, позитивнее всего обе группы опрошенных оценивают такой аспект вовлеченности, как «Говорит», заявляя, что положительно отзываются о своем месте работы и рекомендуют свою организацию как место работы другим. Самые

Рис. 6. *Доля положительных ответов на вопросы о вовлеченности («полностью согласен», «согласен», «скорее согласен) у экспертов и сотрудников, в % к общему числу по выбранным группам респондентов (источник: составлено авторами по результатам исследования)*

низкие показатели вовлеченности отмечены по блоку «Стремится»: и эксперты, и сотрудники значительно реже сообщали о том, что их организация вдохновляет делать работу как можно лучше и мотивирует достигать большего, чем формально требуется.

На основе выбранной методики был рассчитан индекс вовлеченности персонала медицинских организаций, который формируется на основе ответов на вопросы трех блоков (Говорит; Остается; Стремится) и измеряется от 0 % до 100 %, а интерпретируется по «зонам» значений, в которых чем выше значение, тем более высокой вовлеченностью обладает персонал. Так, по методике AON Hewitt, показатель ниже 45 % считается критическим и требует серьезных изменений в работе с персоналом; благоприятным значением является уровень вовлеченности персонала выше 65 % (Чеглакова & Кабалина, 2016).

Наши подсчеты показали, что уровень вовлеченности опрошенных экспертов составил 51 %, что указывает на «зону безразличия» — такой персонал ответственно и качественно выполняет свои должностные обязанности, но не вовлечен в работу своей организации, будучи равнодушным как к ее успехам, так и к неудачам; требуются серьезные усилия, чтобы повысить его вовлеченность,

организовав эффективную и продуктивную работу. Согласно полученным результатам, основной фокус работы с вовлеченностью должен быть направлен на блок «Стремится» — создание условий, мер и инициатив, направленных на развитие мотивации и формирование мотивирующей среды в работе руководителей медсестринских коллективов.

Уровень вовлеченности среднего медицинского персонала изученных медицинских организаций составляет лишь 38 %, что, согласно примененной методологии, очень близко соответствует «зоне разрушения»: медицинские организации утрачивают возможности продуктивной и эффективной работы собственного персонала. Неслучайно лишь 2/3 работников «при случае» позитивно отзываются о своей организации, а более 40 % время от времени задумываются об увольнении. При этом только 55 % опрошенных отмечают, что «их организация вдохновляет выполнять работу как можно лучше».

Обсуждение

Полученные в ходе исследования данные заставляют серьезно задуматься, так как подавляющее большинство экспертов и сотрудников составили те, кто проработал в здравоохранении свыше 10 лет (более 85 %) и ныне составляют костяк наиболее квалифицированных, опытных и готовых продолжать свое обучение посредством повышения квалификации и профессионального переобучения специалистов среднего звена, способных также стать наставниками для «новичков», только начинающих работать в здравоохранении. Кадровые потери в этом случае могут оказаться невосполнимыми и создать угрозы для дальнейшей эффективной работы государственных медицинских организаций.

Заключение

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы:

1. Общая удовлетворенность работой у среднего медицинского персонала неоднородна: более высоко ее оценивают руководители медсестринских коллективов, значительно ниже удовлетворенность «рядового» персонала.

2. Анализ удовлетворенности различными аспектами работы показал, что слабым местом в управлении человеческими ресурсами является инвестирование в развитие персонала — обучение и продвижение. Именно этими сторонами работы средний медицинский персонал не удовлетворен больше всего.

3. Проведенное исследование выявило достаточно низкие показатели вовлеченности медицинского персонала. Чтобы сформировать высокую вовлеченность и у экспертов, и у сотрудников, потребуются значительные усилия, направленные в первую очередь на различные аспекты мотивации, а именно: «зона безразличия» — проработки системы корпоративных ценностей и выстраивания качественно новых по содержанию коммуникаций внутри медицинского коллектива и в отношениях между руководителями и их подчиненными, а «зона разрушения» — качественных изменений, направленных на мотивирование работников для достижения целей медицинской организации.

4. Регулярное изучение социального самочувствия медицинского персонала позволит выявлять слабые зоны в управлении персоналом и формировать

программы, направленные на улучшение условий работы, повышение вовлеченности персонала и создание эффективной рабочей среды.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках выполнения Плана государственного задания Министерства здравоохранения Свердловской области (2023 год).

Acknowledgements

The study was carried out as part of the implementation of the State Task Plan of the Ministry of Health of the Sverdlovsk Region (2023).

Список источников

Громова, Н. В. (2020). Лояльность персонала как фактор обеспечения конкурентоспособности российских компаний. *Современная конкуренция, 14*(2(78)), 60–72. https://doi.org/10.37791/1993-7598-2020-14-2-60-72 EDN: XLWNAM

Долженко, Р. А. (2014). Вовлеченность персонала: индикаторы и способы оценки. *Мотивация и оплата труда,* (4), 258–267. EDN: RBZYJH

Ищенко, И. Г. (2006). *Кадровая политика и социальные технологии в управлении персоналом.* Пенза: Изд-во ПГПУ им. В.Г. Белинского, 135. EDN: QOGHKL

Коновалова, В. Г. (2014). Управление вовлеченностью персонала: факторы успехов и неудач. *Кадровик,* (9), 74–84. EDN: YOBGWL

Ламихов, Ю. Б. (2019). Оценка уровня лояльности персонала предприятия как элемент формирования трудовой мотивации. *Общество: социология, психология, педагогика, 6*(62), 50–54. https://doi.org/10.24158/spp.2019.6.7 EDN: TNUYHR

Ловчева, М. В. (2010). Удовлетворенность трудом как индикатор корпоративной социальной политики. *Кадровик,* 2–2, 12–19. EDN: QAUOIL

Митрофанова, Е. А., Гришаева, С. А. (2020). Учет специфики цифрового поколения в образовании и управлении персоналом. *Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России, 9*(3), 21–26. https://doi.org/10.12737/2305-7807-2020-21-26 EDN: BBYQWD

Михалкина, Е. В., Михалкина, Д. А. (2017). Подходы и механизм управления мотивацией и вовлеченностью работников. *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки,* (4), 49–56. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2017-1-4-49-56 EDN: ZXKIAD

Несова, Л. В., Федорова, А. Э. (2016). Мониторинг социального самочувствия работников производственного предприятия. *Управленец, 1*(59), 26–31. EDN: VSFAGT

Смирнов, П. С. (2019). Вовлечённость персонала: типы, уровни проявления и связи с практиками управления человеческими ресурсами. *Организационная психология, 9*(1), 81–95. EDN: VPGQXS

Харченко, В. С. (2022). Лояльность персонала современной организации: опыт применения Employee Net Promoter System (eNPS). *Социально-трудовые исследования, 3*(48), 152–165. https://doi.org/10.34022/2658-3712-2022-48-3-152-165 EDN: UFGQWL

Харченко, В.С. (2023). Формула абсолютной мотивации: методика измерения и практика применения для изучения мотивации персонала. *Мотивация и оплата труда, 1,* 64–74. https://doi.org/10.36627/2618-8864-2023-1-1-64-74 EDN: KZEACZ

Чеглакова, Л. М., Кабалина, В. И. (2016). Вовлечённость персонала: теоретические подходы, эмпирические результаты. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки, 1*(41), 121–128. EDN: VYURPR

Hajiali, I., Fara Kessi, A. M., Budiandriani, B., et al. (2021). Determination of Work Motivation, Leadership Style, Employee Competence on Job Satisfaction and Employee Performance. *Golden*

Ratio of Human Resource Management, 2 (1), 57–69. https://doi.org/10.52970/grhrm.v2i1.160 EDN: KSDZND

Strenitzerová M., & Achimský K. (2019). Employee satisfaction and loyalty as a part of sustainable human resource management in postal sector. *Sustainability, 11* (17), 4591. https://doi.org/10.3390/su11174591

Uddin M. A., Mahmood M., & Fan L. (2019). Why individual employee engagement matters for team performance? Mediating effects of employee commitment and organizational citizenship behaviour. *Team Performance Management, 25* (1–2), 47–68. https://doi.org/10.1108/TPM-12-2017-0078

References

Dolzhenko, R.A. (2014). Employee engagement: indicators and methods of evaluation. *Motivacija i oplata truda [Motivation and Remuneration], (4),* 258–267. EDN: RBZYJH (In Russ.)

Cheglakova, L. M., & Kabalina, V. I. (2016). Employee engagement: theoretical approaches, empirical results. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Serija: Social'nye nauki [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences], 1* (41), 121–128. EDN: VYURPR (In Russ.)

Gromova, N. V. (2020). Personnel loyalty as a factor in ensuring the competitiveness of Russian companies. *Sovremennaja konkurencija [Journal of Modern Competition], 14* (2(78)), 60–72. https://doi.org/10.37791/1993-7598-2020-14-2-60-72 EDN: XLWNAM (In Russ.)

Hajiali, I., Fara Kessi, A. M., Budiandriani, B. et al. (2021). Determination of Work Motivation, Leadership Style, Employee Competence on Job Satisfaction and Employee Performance. *Golden Ratio of Human Resource Management, 2* (1), 57–69. https://doi.org/10.52970/grhrm.v2i1.160 EDN: KSDZND

Ishchenko, I. G. (2006). *Kadrovaja politika i social'nye tehnologii v upravlenii personalom [Personnel policy and social technologies in personnel management]*. Penza, Publishing House of the State Pedagogical University named after V.G. Belinsky, 135. EDN: QOGHKL (In Russ.)

Kharchenko, V. S. (2022). Loyalty of the personnel of a modern organization: the experience of using the employee net promoter score (eNPS) system. *Social"no-trudovye issledovanija [Social & Labor Research], 3* (48), 152–165. https://doi.org/10.34022/2658-3712-2022-48-3-152-165 EDN: UFGQWL (In Russ.)

Kharchenko, V. S. (2023). Formula of absolute motivation: measurement technique and application practice for studying staff motivation. *Motivacija i oplata truda [Motivation and Remuneration], 1,* 64–74. https://doi.org/10.36627/2618-8864-2023-1-1-64-74 EDN: KZEACZ (In Russ.)

Konovalova, V. G. (2014). Employee engagement management: factors of success and failure. *Kadrovik [Personnel officer], 9,* 74–84. EDN: YOBGWL (In Russ.)

Lamikhov, Yu. B. (2019). The assessment of staff loyalty as an element of work motivation. *Obshhestvo: sociologija, psihologija, pedagogika [Society: Sociology, Psychology, Pedagogy], 6* (62), 50–54. https://doi.org/10.24158/spp.2019.6.7 EDN: TNUYHR (In Russ.)

Lovcheva, M. V. (2010). Job satisfaction as an indicator of corporate social policy. *Kadrovik [Personnel officer], 2–2,* 12–19. EDN: QAUOIL (In Russ.)

Mikhalkina, E. V., Mikhalkina, D. A. (2017). Approaches and mechanism of management of motivation and involvement of workers. *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski [State and Municipal Management Scholar Notes], (4),* 49–56. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2017-1-4-49-56 EDN: ZXKIAD (In Russ.)

Mitrofanova, E. A., & Grishaeva S. A. (2020). Digital generation considirations in education and human resources management. *Upravlenie personalom i intellektual'nymi resursami v*

Rossii [Personnel and Intellectual Resources Management in Russia], 9(3), 21–26. https://doi.org/10.12737/2305-7807-2020-21-26 EDN: BBYQWD (In Russ.)

Nesova, L. V., & Fyodorova, A. E. (2016). Monitoring of social well-being of employees of industrial enterprises. *Upravlenec [The Manager], 1*(59), 26–31. EDN: VSFAGT (In Russ.)

Smirnov, P. S. (2019) Employee engagement: types, levels of realization and links with human resource management practice. *Organizacionnaja psihologija [Organizational Psychology], 9*(1), 81–95. EDN: VPGQXS (In Russ)

Strenitzerová, M., & Achimský, K. (2019). Employee satisfaction and loyalty as a part of sustainable human resource management in postal sector. *Sustainability, 11*(17), 4591. https://doi.org/10.3390/su11174591

Uddin, M. A., Mahmood, M., & Fan L. (2019). Why individual employee engagement matters for team performance? Mediating effects of employee commitment and organizational citizenship behavior. *Team Performance Management, 25*(1–2), 47–68. https://doi.org/10.1108/TPM-12-2017-0078

Кузьмин Константин Викторович — кандидат исторических наук, доцент, руководитель Координационного научно-методического центра по социальной работе в системе здравоохранения Свердловской области, ГБПОУ «Свердловский областной медицинский колледж» (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Репина, д. 2а; e-mail: konstantinkuzmin1966@gmail.com).

Харченко Вера Сергеевна — кандидат социологических наук, заведующий кафедрой медиакоммуникаций, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина» (Российская Федерация, 620075, г. Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51; e-mail: vskharchenko@urfu.ru).

Петрова Лариса Евгеньевна — кандидат социологических наук, доцент, профессор кафедры социокультурного развития территории, МБОУ ВО «Екатеринбургская академия современного искусства (институт)» (Российская Федерация, 620075, г. Екатеринбург, ул. Культуры, д. 3; e-mail: petrova@eaca.ru).

Konstantin V. Kuzmin — Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor, Head of the Coordinating Scientific and Methodological Center for Social Work in the Healthcare System of the Sverdlovsk Region, Sverdlovsk Regional Medical College (2a Repina St., Ekaterinburg, 620014, Russian Federation, e-mail: konstantinkuzmin1966@gmail.com).

Vera S. Kharchenko — Cand. Sci. (Soc.), Head of the Department of Media Communications, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (51 Lenina Pr., Ekaterinburg, 620075, Russian Federation, e-mail: vskharchenko@urfu.ru).

Larisa E. Petrova — Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor, Professor of the Department of Sociocultural Development of the Territory, Ekaterinburg Academy of Modern Art (Institute) (3, Kul'tury St., Ekaterinburg, 620012, Russian Federation, e-mail: petrova@eaca.ru).

УДК 378, 314.1
JEL classification: I23, J13
https://www.doi.org/10.17059/udf-2025-6-2

Детские центры на базе высших педагогических учебных заведений как фактор повышения рождаемости среди молодёжи[1]

Т.В. Левченко [а], А.И. Щукина [б]

[а, б] Херсонский государственный педагогический университет (г. Херсон, Россия)

[а] https://orcid.org/0009-0007-2713-0736

Автор для корреспонденции: А.И. Щукина (9266502699@mail.ru)

Аннотация. *В статье рассматривается проект создания детских центров на базе высших учебных заведений, направленный на поддержку матерей-студенток и студенток, планирующих материнство, а также на повышение общего качества высшего образования и научных исследований, что позволит создать синергетический эффект для всех участников образовательного процесса; раскрываются основные задачи таких центров, общая концепция их функционирования. Приводятся результаты опроса студентов вуза, демонстрирующие актуальность этой идеи. Данный проект является важным инструментом для улучшения демографической ситуации и создания эффективной системы дошкольного образования.*

Ключевые слова: детский центр; планирование беременности; матери-студентки

Children's Centers Based on Higher Pedagogical Educational Institutions as a Factor in Increasing the Birth Rate Among Young People

T. Levchenko [a], A. Shchukina [b]

[a, b] Kherson State Pedagogical University (Kherson, Russia).

[a] https://orcid.org/0009-0007-2713-0736

Corresponding author: A. Shchukina (9266502699@mail.ru).

Abstract. *The article discusses a project to create children's centers based on higher education institutions, aimed at supporting both student mothers and students planning motherhood, as well as improving the overall quality of higher education and scientific research, creating a synergetic effect for all participants in the educational process. The article reveals the main tasks of such centers, the general concept of their functioning. The results of a survey of university students are also presented, demonstrating the relevance of this idea. This project is an important tool for improving the demographic situation and creating an effective preschool education system.*

Keywords: children's center; pregnancy planning; student mothers

Введение

Актуальность создания детских центров в педагогических университетах обусловлена множеством факторов, влияющих на современное общество и систему высшего образования. Мы наблюдаем спад рождаемости и увеличение числа желающих прервать беременность среди студенток, что подчеркивает необходимость разработки эффективных инструментов, способствующих созданию условий для совмещения учебы и родительства, а также формированию осознанного материнства.

[1] ©Левченко Т.В., Щукина А.И. Текст. 2025.

По данным Росстата, за 2014 г. родилось 1,947 млн детей, а за 2023 г. цифры значительно упали — до 1,265 млн. Мы видим значительный спад рождаемости с 2014 по 2023 г., который составил 682 тыс. чел. Таким образом, мы наблюдаем регрессивный этап в рождаемости детей, ситуация с каждым годом только ухудшается, несмотря на поддержку государством молодых семей[1].

Актуальность данной темы подчеркивается регулярным её обсуждением в СМИ. Так, на сайте ИПО обсуждался вопрос о создании такого центра в Санкт-Петербургском государственном университете[2]. Там учатся порядка 30 тыс. студентов, среди которых есть семьи, которым необходим присмотр за детьми, пока родители учатся. Также на сайте РИА Новости появилась информация о том, что глава комитета ГД по труду и соцполитике Ярослав Нилов (ЛДПР) направил обращение министру образования и науки Валерию Фалькову с предложением создавать детские сады при вузах[3]. В 2020 г. депутат Госдумы Иван Сухарев выступил с инициативой создать ясли-сады при вузах, услугами которых могли бы пользоваться студенты с детьми, пишет RT[4]. В своем обращении на имя главы Минобрнауки парламентарий отметил, что рождение детей ставит в затруднительное положение большинство студентов.

Также мы предполагаем, что сниженная потребность в создании семьи и рождении детей служит изменению репродуктивных установок.

Обзор литературы

Н.Н. Тарбеев и А.В. Силкина в своих исследованиях подчеркивают, что студенты не торопятся вступать в брак, рожать детей, но при этом от этого не отказываются, а стараются грамотно «спланировать» рождение детей, ставя на первое место получение образования, построение карьеры (Тарбеев & Силкина, 2023, с. 82–84).

Исследование, проведенное А.П. Мережниковым и О.П. Степановой, выявило совокупность негативных психических состояний, вызванных беременностью у обучающихся в вузе студенток. Данные эксперимента показали, что в группе студенток отмечается высокий процент респондентов с выраженной тревожностью по поводу затруднений в учебной деятельности. Выявлена совокупность негативных психических состояний, переживаемых женщинами в период беременности. Тревожность, фрустрация, ригидность и депрессия прямо коррелируют с низким тонусом, напряжённостью, тревогой, неустойчивостью эмоционального тона и неудовлетворённостью жизнью в целом. Снижение настроения порождает целый спектр негативных состояний, и наоборот, повышение настроения приводит к оптимизации состояния (Мережников & Степанова, 2019, с. 327–338).

В исследованиях Л.В. Куликова, А.Ю. Малёновой, Ю.В. Потаповой рассматривается проблема беременности в студенческом возрасте, и показано, что в 74 % случаев беременность не запланирована, более того, она является нежелательной,

[1] Управление Федеральной службы государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/12781 (дата обращения: 18.11.2024).

[2] https://rg.ru/2025/02/06/reg-szfo/i-semia-i-karera.html (дата обращения: 28.05.2025)

[3] https://ria.ru/20231125/detsady-1911827892.html (дата обращения: 28.05.2025).

[4] https://russian.rt.com/russia/news/809656-gosduma-yasli-universitet (дата обращения: 28.05.2025).

препятствующей ведущей деятельности из-за психологических особенностей беременных студенток. Всё это приводит к эмоциональной и социальной депривации, что наводит беременных студенток на мысли об аборте в 76 % случаев. Такой показатель может говорить о неготовности принять роль родителя. Влияют также установки в обществе, ценностные ориентации, представления о личностной успешности, карьере, желании усовершенствоваться, и только после завершения формирования личной успешности девушки готовы к созданию семьи (Куликов и др., 2000, с.135–167).

Однако, в случае неудовлетворения витальных, психологических и социокультурных потребностей может возникать состояние фрустрации, в результате которого человек иногда проявляет агрессию по отношению к ребенку. Насилие над детьми может провоцироваться неблагоприятными социальными условиями, быть связано с личными травмами родителя, деструктивным взаимодействием в семье. Насильственное поведение родителей часто имеет неосознаваемые мотивы, связанные с фрустрацией, потребностью в самоутверждении. Теория «смещенной агрессии» объясняет, почему объектом насилия становятся самые уязвимые члены семьи — дети. (Алексеева, 2006, с. 27–34).

Результаты исследований указывают на необходимость не только финансовой поддержки со стороны государства, но и оказания психологической поддержки будущим матерям-студенткам. Детский центр на базе педагогического вуза может на регулярной основе оказывать психологическую поддержку беременным студенткам и мамам-студенткам, таким образом существенно снижая рост тревожности, а также подготавливая молодых матерей к осознанному материнству. Такие центры могут не только поддерживать студентов-родителей, но и способствовать улучшению общей атмосферы в образовательной среде, создавая комфортные условия для обучения и воспитания детей.

А.А. Серебрякова в своем исследовании акцентировала внимание на стремлении к оздоровлению общества и его демографическому развитию. По итогу реализованной программы было выявлено, что в процессе психологического сопровождения у беременных студенток повысилась эмоциональная устойчивость, они стали более уравновешенными, снизился уровень депрессивности. Сформировалась доминанта родов, что способствовало осознанному поведению на всех этапах родов и отсутствию осложнений в послеродовом периоде (Серебрякова, 2012, с. 164–166).

Детский центр на базе педагогического вуза должен не только готовить к материнству, но и давать полноценную возможность для продолжения учебного процесса. Организация дошкольного учреждения на территории студенческого кампуса предоставит возможность будущим мамам не делать выбор между учебой и созданием семьи, а позволит совместить получение образования и материнство.

Кроме того, внедрение детских центров может привлечь молодых специалистов в университеты, обеспечивая им возможность развития карьеры в образовательной сфере в сочетании с родительскими обязательствами. Это, в свою очередь, поможет повысить уровень преподавания и научных исследований в педагогических вузах, создавая синергию между образовательными и воспитательными процессами.

Проект создания дошкольных групп подразумевает создание Центра, в котором будут находиться дети сотрудников университета, а также матерей-студенток бюджетного и контрактного образования в возрасте от двух месяцев до трех лет и от трех лет до школьного возраста. Согласно Федеральному закону от 29.12.2012 № 273-ФЗ (в ред. от 25.12.2023) «Об образовании в Российской Федерации», ст. 67. Организация приема на обучение по основным общеобразовательным программам, п.1, получение дошкольного образования в образовательных организациях может начинаться по достижении детьми возраста двух месяцев.

В центре молодые мамы смогут оставить своего ребёнка под присмотром опытных сотрудников, педагогов-психологов, а также студентов-стажеров, на время работы, лекций, зачетов и экзаменов, согласно положению СанПиН 2.4.1.3049-13 «Санитарно-эпидемиологические требования к устройству, содержанию и организации режима работы дошкольных образовательных организаций».

Педагогическая практика играет ключевую роль в профессиональном становлении будущих педагогов и психологов, обеспечивая синергию теории и практики. Педагогическая практика и преподавательский подход должны основываться на понимании того, что знание не существует в вакууме — оно формируется и осваивается в процессе деятельности.

А.Н. Леонтьев утверждал, что деятельность является основой формирования личности. Личность не просто пассивно получает информацию, она активно включает эти знания в свою жизнь через опыт, посредством которого строится понимание окружающего мира (Леонтьев, 1975).

Детский центр от двух месяцев до трех лет поспособствует продолжению грудного вскармливания, формированию здоровой привязанности ребенка к матери и адекватному здоровому состоянию матери.

Основоположники теории привязанности — Дж. Боулби и М. Эйнсворт в своих работах не только описали привязанность как базовую характеристику, которая формируется в результате взаимодействия матери и ребенка, но и обратили внимание на различия в привязанностях, а также на их причины (Боулби, 2003).

Привязанность к матери, в свою очередь, закладывает дальнейшие установки материнства у детей. При формировании амбивалентной, отвергающей, дезорганизованной привязанности между ребенком и матерью эти характеристики будут способствовать отражению в дальнейшей негативной установке к родительству, тогда как надежный тип привязанности формирует положительную связь и способствует в дальнейшем формированию позитивной установки ребенка к родительству. Для формирования надежного типа привязанности необходимо нахождение ребенка с матерью, а также психологическое здоровье матери (Авдеева, 2017, с. 7–14).

Детский центр для детей от трех лет до поступления в школу может предоставить обширную программу развития здоровой личности. Мы можем опираться на существующий опыт реализации подобной программы при Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова — дошкольное учреждение, которое зарекомендовало себя как одно из самых престижных.

Университет может стать центром проведения научных исследований в области педагогики и психологии, применяя новейшие методы воспитания и обучения.

Это, в свою очередь, позволит повысить уровень вовлеченности студентов в научную деятельность через практический опыт, что будет способствовать популяризации науки среди молодежи. Многие ученые обсуждают современные проблемы в научной сфере. Например, Н.В. Третьяк в своей статье отмечает ухудшение качества образования в России, связывая эту проблему с раздробленностью образовательных структур и недостатком интереса к науке (Третьяк, 2022, с. 114–119).

Опыт детских учреждений активно используется и за рубежом. В США при Стэнфордском университете работает детский сад «Stanford Children's Center», который предлагает программы для детей от двух до пяти лет. В Великобритании при Оксфордском университете работает «Oxford Brookes University Nursery»), которая предлагает программы для детей от двух до четырех лет.

Студенты, обучающиеся по направлениям подготовки «Педагогическое образование» и «Психология», смогут начать практику в стенах высшего учебного заведения под руководством профессионалов. Согласно Федеральному закону от 24.07.2023 № 385-ФЗ, студенты выпускных курсов педагогических колледжей могут работать в дошкольных учреждениях. Кроме того, закон предоставляет право на занятие должностей учебно-вспомогательных работников обучающимся по образовательным программам высшего образования. Такой практический опыт, с одной стороны, позволит приступить к работе сразу после завершения обучения, имея за плечами опыт работы с детьми, а с другой — снимет вопрос дефицита кадров в центре. Ведь на протяжении многих веков вопрос о важности теоретических и практических знаний в обучении оставался одним из наиболее актуальных и спорных среди педагогов и философов. Данная дискуссия затрагивает фундаментальные аспекты образовательного процесса, определяя, как сочетание этих двух базовых компонентов может влиять на развитие критического мышления, инновационного подхода и профессиональных навыков у обучающихся. Как утверждал Г. Спенсер: «…великая цель образования — не знания как таковые, а действия» (Спенсер, 2020, с. 220).

Методы исследования

В данном исследовании мы сосредоточили внимание на теоретическом анализе существующих научных данных, касающихся беременности среди студенток и совмещения родительства с учебным процессом в университете. Основная цель нашего исследования заключается в глубоком понимании всех психологических и психических аспектов, связанных с жизнедеятельностью будущих матерей и матерей-студенток.

Теоретический анализ дал нам возможность осмыслить актуальность поднятой темы и выявить ключевые проблемы, с которыми сталкиваются беременные или уже имеющие детей студентки. В эмпирической части исследования мы провели контент-анализ объективных мнений студентов Херсонского государственного педагогического университета по рассматриваемой проблеме с помощью опроса, направленного на выяснение актуальности проблемы исследования. В опросе присутствовали вопросы, в которых уточнялось, приходилось ли им делать выбор между обучением и родительством, а если приходилось, то в какую сторону этот выбор склонялся. Мы использовали открытые вопросы,

что позволило глубже проанализировать проблему, а также понять эмоциональную окраску сообщений, чувств и мнений респондентов. Это позволило нам более полно осветить проблемы, с которыми сталкиваются студенты, являющиеся или только планирующие стать родителями.

Результаты

В опросе приняли участие 104 студента: 99 женщин и 5 мужчин. Более 54,0 % респондентов имеют высшее образование, неоконченное высшее и среднее профессиональное — у четверти опрошенных. В зарегистрированном браке состоят 60,0 % учащихся студентов, 18,0 % находятся в незарегистрированных отношениях, в разводе — 12,5 % опрошенных, 8,0 % не состоят в отношениях. Среди опрошенных 54,8 % являются лицами в возрасте от 36 лет и выше, 44,2 % — молодёжь в возрасте от 18 до 36 лет, и 1,0 % младше 18 лет.

Нам было крайне важно понимать, имеют ли студенты детей, и если имеют, то какое количество, а если не имеют, то по какой причине. Нам удалось выяснить, что среди опрошенных 28,8 % имеют двух детей, у 25,0 % есть один ребёнок, 21,2 % не имеют детей, у 20,2 % есть три ребёнка в семье, 2,9 % не хотят иметь детей, а 1,9 % опрошенных не могут иметь детей.

Мы решили выяснить, вставали ли студенты перед выбором между учебой и родительством, а также какой выбор они сделали. Как выяснилось, 55,3 % студентов (57 чел.) не сталкивались с таким выбором. Из них мы можем вычесть 27 студентов, не имеющих детей, получается 30 студентов, не сталкивавшихся с таким выбором, а это 28,8 %, т. е. меньшая часть. 44,7 % опрошенных сталкивались с такой проблемой, из них 31,1 % совмещали, в пользу родительства сделали выбор 6,8 % испытуемых, а 3,9 % — в пользу учебы. У остальных также наблюдались определенные трудности в этой сфере.

Нам также было интересно мнение студентов по вопросу создания детских центров на базе вузов. Мы объяснили, что в таких центрах будут бесплатно присматривать за детьми опытные педагоги и психологи, пока родители будут находиться на занятиях и экзаменах, а также родители смогут получать консультацию и помощь специалистов, посещать тренинги до рождения ребенка и после. Далее мы спросили, позволит ли такой центр молодым родителям совмещать учебу и родительство. На этот вопрос 78,6 % студентов ответили положительно, только 8,7 % считают, что такой центр не поможет в решении проблемы. Оставшиеся 12,7 % респондентов считают, что такой способ поможет в случае финансовой поддержки таких семей, так как в случае, когда студент будет вынужден работать и учиться, скорее всего, от рождения ребенка откажутся. Особенно такой способ будет полезен матерям-одиночкам, не имеющим семьи, которая поможет в воспитании ребенка.

Главной целью создания детского центра на базе педагогического вуза является повышение уровня рождаемости среди молодого населения при одновременной возможности получения высшего образования.

Мы считаем, что детский центр может решить ряд проблем, а именно:

1. Уменьшение количества искусственных прерываний беременности.
2. Отказ от учебы из-за рождения ребенка.

3. Студенты старших курсов педагогических и психологических факультетов смогут получать регулярную практику в стенах вузов.

4. Уменьшение риска психологических и педагогических проблем в воспитании детей.

5. Стабилизация психологического здоровья матерей, в том числе профилактика послеродовой депрессии и материнского выгорания.

6. Уменьшение нагрузки на детские сады и ясли.

7. Повышение уровня образованности среди молодежи.

8. Уменьшение текучки кадров среди молодых специалистов в сфере образования, а именно в высших учебных заведениях.

В дальнейшем такой проект можно было бы вывести на самоокупаемость с помощью предложения услуг лицам, не обучающимся в университете, при наличии в нём свободных мест. Предполагается, что центр разработает уникальные методики по воспитанию детей на разных уровнях развития, а также учитывая индивидуальные особенности ребёнка. Услуги, которые центр сможет оказывать лицам, не обучающимся в университете, будут предоставляться на платной основе. Программы будут построены согласно всем психолого-педагогическим особенностям детей дошкольного возраста и системе нравственных и традиционных ценностей в РФ.

Заключение

Таким образом, основываясь на результатах нашего исследования, мы считаем, что создание детских центров на базе педагогических университетов представляет важный шаг к улучшению условий для студентов-родителей, будет содействовать увеличению рождаемости и активированию профессионального потенциала молодых специалистов, что актуализирует исследование данной темы.

Детский центр может стать кластером для повышения демографии, основой для осознанного материнства среди молодежи, местом для преодоления психологических трудностей, реализации новейших психолого-педагогических моделей и методик дошкольного образования, привлечения молодых сотрудников и площадкой для практики студентов.

Список источников

Авдеева, Н. Н. (2017). Теория привязанности: современные исследования и перспективы. *Современная зарубежная психология, 6*(2), 7–14. https://doi.org/ 10.17759/jmfp.2017060201. EDN: ZFDGXR.

Алексеева, Л. С. (2006). Проблемы жестокого обращения с детьми в семье. *Педагогика, (5),* 27–34. EDN: NBONQH.

Боулби, Дж. (2003). *Привязанность.* Москва: Гардарики, 447.

Куликов, Л.В., Малёнова, А.Ю., Потапова, Ю.В. (2020). Субъективная картина материнства в российских и зарубежных исследованиях. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология, 4,* 135–167. https://doi.org/10.11621/vsp.2020.04.07. EDN: ZLHKBM.

Леонтьев А.Н. (1975). *Деятельность. Сознание. Личность.* Москва: Политиздат, 304. EDN: ZJUELZ

Мережников, А. П., Степанова О. П. (2019). Психические состояния будущих матерей, обучающихся в вузе. *Перспективы науки и образования. 1* (37), 327–338. https://doi.org/ 10.32744/pse.2019.1.24 EDN: YXRKLZ.

Серебрякова, А. А. (2012). Отношение к беременности студенток, обучающихся в высших учебных заведениях. *Альманах современной науки и образования, 11* (66), 164–166. EDN: PGJXFV.

Спенсер, Г. (2020). *Эволюция сознания — ключ к воспитанию. Рекомендации выдающегося социолога и философа: по трудам Г. Спенсера.* Москва: Амрита-Русь, 220.

Тарбеев, Н. Н., Силкина, А. В. (2023). Особенности репродуктивных установок современной студенческой молодежи. *Российский научный журнал «Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований», 1* (9), 82–84. https://doi.org/10.24412/1994-3776-2023-1-82-84. EDN: RWOWCJ.

Третьяк, Н.В. (2022). Проблемы популяризации научных знаний в условиях современной реальности. В *Популяризация и пропаганда научных знаний в современной России: цели, задачи, ресурсы: материалы Всероссийского круглого стола с международным участием* (с. 114–119). Москва: Изд-во «Экон-Информ», 119. EDN: ZBCBXQ.

References

Avdeeva, N. N. (2017). Attachment theory: current research and perspectives. *Sovremennaya zarubezhnaya psixologiya [Journal of Modern Foreign Psychology], 6* (2), 7–14. https://doi.org/10.17759/jmfp.2017060201. EDN: ZFDGXR (In Russ.)

Alekseeva, L. S. (2006). Issues of cruel treatment of children in families. *Pedagogika, (5),* 27–34. EDN: NBONQH

Bowlby, J. (2003). *Privyazannost`[Attachment].* Moscow: Gardariki, 447. (In Russ.)

Kulikov, L.V., Malenova, A.Yu., & Potapova, Yu.V. (2020). The subjective picture of motherhood in Russian and foreign studies. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psixologiya [Moscow University Psychology Bulletin], 4,* 135–167. https://doi.org/10.11621/vsp.20.04.07. EDN: ZLHKBM (In Russ.)

Leontiev A.N. (1975). *Deiatelnost. Soznanie. Lichnost [Activity. Conscience. Personality].* Moscow: Politizdat, 304. EDN: ZJUELZ.

Merezhnikov, A. P., & Stepanova O. P. (2019). Mental states of expectant mothers studying at the university. *Perspektivy` nauki i obrazovaniya [Perspectives of science and education], 1* (37), 327–338. https://doi.org/10.32744/pse.2019.1.24. EDN: YXRKLZ (In Russ.)

Serebryakova, A. A. (2012). The attitude towards pregnancy of female students studying at higher educational institutions. *Al`manax sovremennoj nauki i obrazovaniya [Almanac of Modern Science and Education], 11* (66), 164–166. UHT: HOW MUCH (In Russ.)

Spencer, G. (2020). *Evoliutsiia soznaniia - kliuch k vospitaniiu. Rekomendatsii vydaiushchegosia sotsiologa i filosofa: po trudam G. Spensera. [The evolution of consciousness is the key to education. Recommendations of an outstanding sociologist and philosopher: based on the works of G. Spencer].* Moscow: Amrita-Rus, 220.

Tarbeev, N. N., & Silkina, A. V. (2023). The peculiarities of reproductive attitudes of modern students. *Rossijskij nauchny`j zhurnal «Teleskop: zhurnal sociologicheskix i marketingovy`x issledovanij» [Russian scientific journal Telescope: journal of sociological and marketing research»], 1* (9), 82–84. https://doi.org/10.24412/1994-3776-2023-1-82-84. EDN: RWOWCJ (In Russ.)

Tretyak, N.V. (2022). Problems of popularization of scientific knowledge in the conditions of modern reality. In *Populiarizatsiia i propaganda nauchnykh znanii v sovremennoi Rossii: tseli, zadachi, resursy: materialy Vserossiiskogo kruglogo stola s mezhdunarodnym uchastiem [Popularization and*

promotion of scientific knowledge in modern Russia: goals, objectives, resources: materials of the All-Russian Round table with international participation] (pp. 114–119). Moscow: Ekon-Inform Publishing House, 119. EDN: ZBCBXQ

Левченко Татьяна Васильевна — преподаватель кафедры общей и социальной психологии, Херсонский государственный педагогический университет; https://orcid.org/0009-0007-2713-0736 (Российская Федерация, 273003, г. Херсон, ул. Университетская, д. 27; e-mail: tatianaauctor@yandex.ru).

Щукина Алёна Ивановна — студентка Института психологии, Херсонский государственный педагогический университет; https://orcid.org/0009-0007-2713-0736 (Российская Федерация, 273003, г. Херсон, ул. Университетская, д. 27; e-mail: 9266502699@mail.ru).

Tatyana V. Levchenko– lecturer at the Department of General and Social Psychology, Kherson State Pedagogical University; https://orcid.org/0009-0007-2713-0736 (27 Universitetskaya str., Kherson, 273003, Russian Federation; e-mail: tatianaauctor@yandex.ru).

Alyona I. Shchukina — student, Institute of Psychology, Kherson State Pedagogical University (27 Universitetskaya str., Kherson, 273003, Russian Federation; e-mail: 9266502699@mail.ru).

УДК 314.4
JEL classification: I18, H75
https://www.doi.org/10.17059/udf-2025-6-3

Влияние реализации национального проекта «Здравоохранение» на здоровье населения Вологодской области[1]

Л.Н. Нацун

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» (г. Вологда, Россия).

https://orcid.org/0000-0002-9829-8866

Автор для корреспонденции: Л.Н. Нацун (leyla.natsun@yandex.ru)

Аннотация. *В работе представлен обзор динамики показателей здоровья населения Вологодской области за период реализации национального проекта «Здравоохранение». Посредством анализа статистических данных проверялась гипотеза об улучшении в этот период показателей смертности и заболеваемости под влиянием реализации мероприятий национального проекта. Показано, что в регионе за исследуемый период удалось повысить пятилетнюю выживаемость онкологических больных и снизить летальность пациентов с болезнями системы кровообращения, состоящих под диспансерным наблюдением. Отмечены проблемы регионального здравоохранения, которые могли препятствовать более эффективному выполнению проекта. Методические ограничения проведённого исследования определяются особенностями использованных эмпирических данных. Результаты могут представлять интерес для специалистов в области исследований общественного здоровья и здравоохранения. В перспективе полученные данные будут использованы в рамках моделирования системы регионального здравоохранения.*

Ключевые слова: заболеваемость населения; смертность от неинфекционных заболеваний; региональное здравоохранение; национальный проект «Здравоохранение»

The Impact of the National Healthcare Project's Implementation on the Health of the Vologda Oblast Population

L. Natsun

Federal State Budgetary Institution of Sciences Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (Vologda, Russia)

https://orcid.org/0000-0002-9829-8866

Corresponding author: L. Natsun (leyla.natsun@yandex.ru)

Abstract. *The paper presents an overview of the dynamics of health indicators of the Vologda Oblast population over the period of implementation of the national Healthcare project. Through the analysis of statistical data, the hypothesis of an improvement in mortality and morbidity rates during this period was tested under the influence of the implementation of measures of the national project. It is shown that in the region, during the study period, it was possible to increase the five-year survival rate of cancer patients and reduce the mortality rate of patients with diseases of the circulatory system under medical supervision. The problems of regional health care, which could hinder the more effective implementation of the project, were noted. The methodological limitations of the conducted research are determined by the peculiarities of the empirical data used. The results may be of interest to specialists in the field of public health and public health research. In the future, the data obtained will be used in the framework of modeling the regional healthcare system.*

Keywords: morbidity of the population; mortality from non-communicable diseases; regional healthcare system; national Healthcare project

[1] Нацун Л.Н. Текст. 2025.

Введение

Здоровье населения, народосбережение и содействие максимальной реализации человеческого потенциала закреплены в Национальных целях развития Российской Федерации, а также в качестве императивов национальных проектов, охватывающих вопросы демографии, здравоохранения и социальной поддержки граждан. Воздействие качества и доступности медицинского обслуживания на здоровье населения сложно отделить от сопутствующего влияния социально-демографических факторов. Проблема обеспечения населения качественными услугами здравоохранения решается инструментами социальной и экономической политики и имеет отношение к задачам в области снижения немонетарных неравенств. При этом, согласно оценкам экспертов, влияние состояния системы здравоохранения на здоровье населения ограничивается лишь 10 %-ным вкладом на фоне 50 %-ного вклада факторов условий и образа жизни (Карпов & Махнев, 2017). Исследования отечественных авторов подтверждают, что обеспеченность системы здравоохранения ресурсами напрямую влияет на показатели общественного здоровья. Доступность медицинской помощи является одним из первостепенных условий для воспроизводства населения, снижения показателей заболеваемости, инвалидности и смертности. Установлено, что рост обеспеченности врачами и амбулаторно-поликлиническими учреждениями сопровождается снижением заболеваемости и инвалидности среди детей (Тимофеев и др., 2021).

Для решения вопросов кадрового и материально-технического обеспечения здравоохранения на федеральном уровне предпринят целый комплекс мер, в том числе в рамках реализации национального проекта «Здравоохранение». В данной работе на примере Вологодской области будет проанализирована динамика целевых показателей национального проекта, характеризующих здоровье населения, за период его реализации.

Обзор литературы

В современном мире растёт значимость медицинских факторов сохранения и укрепления общественного здоровья. Это обусловлено формированием новых вызовов, связанных с распространением устойчивых к антибиотикам инфекционных заболеваний[1], так и с накоплением в популяции бремени неинфекционных хронических заболеваний (НИЗ). Неинфекционные заболевания в значительной мере препятствуют увеличению продолжительности здоровой жизни. Именно НИЗ приводят к большему числу случаев смерти среди лиц в возрасте до 70 лет, чем все остальные причины смерти вместе взятые[2].

Российскими исследователями активно разрабатываются вопросы выявления и оценки вклада ведущих факторов риска в распространение неинфекционных болезней среди населения. Наибольший интерес представляют многоцентровые эпидемиологические исследования, которые позволяют собирать и обрабатывать по единой методологии большие объёмы эмпирических данных о здоровье

[1] Устойчивость к антибиотикам. Всемирная организация здравоохранения. URL: https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/antibiotic-resistance (дата обращения: 03.02.2025).

[2] Неинфекционные заболевания. Всемирная организация здравоохранения. URL: https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/noncommunicable-diseases (дата обращения: 03.02.2025).

населения. Примером может служить проект ЭССЕ РФ, нацеленный на выявление и оценку факторов риска сердечно-сосудистых заболеваний. С использованием данных этого исследования была проведена оценка экономического ущерба от основных факторов риска хронических неинфекционных заболеваний и установлено, что наиболее масштабным является ущерб для общественного здоровья, связанный с распространением артериальной гипертензии (АГ), ожирения, курения и низкой физической активности (Концевая и др., 2020). Приведённые данные подтверждают не только значимость ведения здорового образа жизни, но и необходимость своевременной диагностики опасных нарушений здоровья, таких как артериальная гипертензия.

В рамках исследований на территории Вологодской области установлено, что к числу наиболее значимых факторов риска принадлежат такие управляемые факторы, как социально-экономические характеристики людей, их поведение в отношении своего здоровья (Короленко, 2018). Эти факты подтверждают, что образ жизни определяет основной круг факторов, формирующих здоровье населения, и указывают на необходимость комплексного межведомственного подхода к реализации программ и проектов в сфере укрепления общественного здоровья.

Острой проблемой здравоохранения Вологодской области выступает кадровый дефицит. В 2021 г. в регионе укомплектованность штатных должностей врачей составляла 52 % при коэффициенте совместительства 1,6. Наибольший дефицит врачей отмечался в стационарах (коэффициент совместительства 1,9)[1]. Наиболее негативно нехватка медицинского персонала отражается на доступности услуг здравоохранения для жителей сельских населённых пунктов (Калашников & Лихачева, 2017).

Выявление наиболее угрожающих общественному здоровью факторов риска может служить информационной основой для определения приоритетов государственной политики в данной сфере. Ведущим среди них, безусловно, выступает развитие профилактической медицины и совершенствование первичного звена здравоохранения.

Материалы и методы

Информационную базу исследования составили данные Федеральной службы государственной статистики, данные по показателям выполнения Национального проекта, представленные в ЕМИСС, а также сборники данных региональной медицинской статистики, официальные публикации органов государственной власти, паспорт национального проекта «Здравоохранение». Обработка статистических данных проводилась в программе MS Excel.

Результаты

В период 2019–2024 г. в России и её регионах были реализованы мероприятия национального проекта «Здравоохранение». Ключевые цели данного проекта были связаны с достижением положительных результатов в отношении

[1] Основные показатели деятельности учреждений здравоохранения Вологодской области за 2018 год (2019). Департамент здравоохранения Вологодской области. Медицинский информационно-аналитический центр. Вологда, 85.

общественного здоровья, совершенствованием самой системы здравоохранения, результативности её функционирования. Основные направления, которые нашли отражение в задачах национального проекта, это снижение ущерба общественному здоровью от сердечно-сосудистых заболеваний, новообразований, сокращение потерь населения трудоспособного возраста, снижение младенческой смертности, а также ликвидация кадрового дефицита в медицинских организациях, оказывающих первичную медико-санитарную помощь. В таблице 1 приведены значения целевых показателей национального проекта по состоянию на 2018 г., их целевые уровни и достигнутые к 2023 г. значения для России в целом и для Вологодской области.

Из приведённых данных следует, что и для России в целом, и для Вологодской области по состоянию на 2023 г. плановые значения индикаторов национального проекта не были достигнуты. Исключением являлся только показатель младенческой смертности по России в целом. Это свидетельствует о том, что реализация мероприятий проекта, по всей видимости, была недостаточно эффективной. Чтобы понять, в каких направлениях существовали наиболее выраженные проблемы, рассмотрим динамику ряда дополнительных показателей.

Для преодоления негативных процессов в общественном здоровье, связанных с распространением угрожающих жизни неинфекционных хронических заболеваний, в рамках национального проекта «Здравоохранение» были реализованы тематические федеральные проекты «Борьба с сердечно-сосудистыми заболеваниями» и «Борьба с онкологическими заболеваниями». Среди ключевых индикаторов этих проектов присутствовал ряд показателей, характеризующих смертность пациентов от причин соответствующих классов болезней.

Таблица 1

Целевые показатели Национального проекта «Здравоохранение»

Целевые показатели	Территория	Базовое значение (2018 г.)	Достигнутое значение (2023 г.)	Плановое значение на 2024 г.	Выполнение: да (+) / нет (-)
1. Смертность населения трудоспособного возраста, случаев на 100 тыс. населения	РФ	477,6	500,7	350,0	(–)
	ВО	566,5	576,3		(–)
2. Смертность от болезней системы кровообращения, случаев на 100 тыс. населения	РФ	583,1	556,7	450,0	(–)
	ВО	740,2	786,8		(–)
3. Смертность от новообразований, в том числе от злокачественных, случаев на 100 тыс. населения	РФ	200,6	191,6	185,0	(–)
	ВО	217,5	221,4		(–)
4. Коэффициент младенческой смертности (на 1000 родившихся живыми)	РФ	5,1	4,2	4,5	(+)
	ВО	5,2	6,0		(–)

Источники: ЕМИСС. URL: https://fedstat.ru/ (дата обращения: 03.02.2025); Паспорт национального проекта «Здравоохранение» (утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24 декабря 2018 г. № 16). URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72085920/?ysclid=m6qd3c2c6b242508510 (дата обращения: 03.02.2025); Основные показатели деятельности учреждений здравоохранения Вологодской области за 2018 год (2019). Департамент здравоохранения Вологодской области. Медицинский информационно-аналитический центр. Вологда, 85.

За период 2021–2024 гг. в Вологодской области снизилась летальность больных с болезнями системы кровообращения среди лиц с болезнями системы кровообращения, состоящих под диспансерным наблюдением (с 3,44 % до 1,48 %). В то же время, целевые уровни показателей больничной летальности пациентов с инфарктом миокарда, острым нарушением мозгового кровообращения, достигнуты не были. По показателям смертности населения от ишемической болезни сердца и цереброваскулярных болезней наиболее свежие статистические данные представлены за 2021 г., и уровни этих показателей значительно превышали целевые (табл. 2).

Снижение смертности населения от новообразований требует выявления онкопатологий на начальных стадиях развития. По данным Министерства здравоохранения, благодаря реализации Федерального проекта «Борьба с онкологическими заболеваниями» удалось достичь заметных результатов в совершенствовании работы онкологической службы. По состоянию на 2022 г. в России по сравнению с 2018 г. на 13,5 % снизилась одногодичная летальность онкобольных, на 6,6 % выросла их пятилетняя выживаемость, на 5,1 % увеличилась доля случаев ЗНО, выявленных на ранних стадиях[1].

В Вологодской области отмечалось улучшение отдельных показателей, характеризующих результативность работы онкологической службы. Так, наблюдался рост пятилетней выживаемости с 53,9 % в 2021 г. до 60,0 % в 2024 г. и доли случаев ЗНО, выявленных на ранних стадиях, с 55,1 % в 2018 г. до 57,2 % в 2023 г. При этом не удалось достичь целевых значений показателей смертности. За период с 2018 по 2023 г. произошло повышение одногодичной летальности с 23,0 % до 24,17 %. По состоянию на 2021 г. уровень смертности населения от злокачественных новообразований заметно превышал целевое значение (табл. 2).

На фоне сохранения высоких уровней смертности населения от новообразований и болезней системы кровообращения в регионе регистрировался рост заболеваемости по отдельным причинам из этих классов. Общая заболеваемость новообразованиями в расчёте на 100 тыс. человек выросла с 3776,8 в 2018 г. до 3929,4 в 2021 г., злокачественными новообразованиями в расчёте на 100 тыс. человек — с 1959,9 в 2018 г. до 2116,1 в 2021 г. В то же время, за 2018–2021 гг. первичная заболеваемость новообразованиями в расчёте на 100 тыс. человек снизилась с 1137,5 до 1030,4, а злокачественными новообразованиями — с 364,7 до 323,1. Что касается заболеваемости по классу болезней системы кровообращения, то увеличение первичной заболеваемости регистрировалось по заболеваниям, характеризующимся повышенным кровяным давлением: с 11430,3 на 100 тыс. человек в 2018 г. до 11663,2 на 100 тыс. человек в 2021 г. За тот же период общая и первичная заболеваемость в расчёте на 100 тыс. человек по таким диагнозам, как ишемия и цереброваскулярные болезни, снизились[2].

[1] Федеральный проект «Борьба с онкологическими заболеваниями». Министерство здравоохранения Российской Федерации. URL: https://minzdrav.gov.ru/poleznye-resursy/natsproektzdravoohranenie/onko (дата обращения: 03.02.2025).

[2] Основные показатели деятельности учреждений здравоохранения Вологодской области за 2018 год (2019). Департамент здравоохранения Вологодской области. Медицинский информационно-аналитический центр. Вологда, 83; Основные показатели деятельности учреждений здравоохранения Вологодской области за 2021 год (2022). Департамент здравоохранения Вологодской области. Медицинский информационно-аналитический центр. Вологда, 82.

Таблица 2

Целевые показатели Федеральных проектов: значения для Вологодской области

Целевые показатели	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	План на 2024 г.	Выполнение: да (+) / нет (-)
ФП «Борьба с сердечно-сосудистыми заболеваниями»									
Больничная летальность от инфаркта миокарда, %	—	—	—	17,9	18,9	14,2	21,6**	8,00	(–)
Больничная летальность от острого нарушения мозгового кровообращения, %	—	—	—	26,5	24,6	25,2	32,1**	14,00	(–)
Летальность больных с болезнями системы кровообращения среди лиц с болезнями системы кровообращения, состоящих под диспансерным наблюдением (умершие от БСК, состоявшие под диспансерным наблюдением / число лиц с БСК, состоявших под диспансерным наблюдением), %	—	—	—	3,44	3,59	2,84	1,48*	4,8	(+)
Смертность населения от ишемической болезни сердца, на 100 тыс. населения	420,2	374,6	399,1	441,6	—	—	—	287,3	(–)
Смертность населения от цереброваскулярных болезней, на 100 тыс. населения	217,0	220,1	287,9	276,2	—	—	—	167,8	(–)
ФП «Борьба с онкологическими заболеваниями»									
Одногодичная летальность больных со злокачественными новообразованиями, %	23,0	20,0	24,8	25,1	25,01	24,17	—	17,3	(–)
Смертность населения от злокачественных новообразований, на 100 тыс. населения	214,9	228,6	219,5	205,1	—	—	—	192,3	(–)
Удельных вес больных со злокачественными новообразованиями, состоящих на учете 5 лет и более, из общего числа больных со злокачественными образованиями, состоящих под диспансерным наблюдением, %	—	—	—	55,6	57,3	56,5	60,0*	60,0	(+)
Доля злокачественных новообразований, выявленных на I-II стадии, %	55,1	56,2	55,0	56,1	56,4	57,2	—	63,0	(–)

* — значение показателя по состоянию на декабрь 2024 года; ** — значение показателя по состоянию на январь 2024 года. Пропуски в таблице означают отсутствие статистических данных по показателю.

Источник: ЕМИСС. URL: https://fedstat.ru/ (дата обращения: 03.02.2025).

Обсуждение

Поскольку статистические данные по отдельным показателям представлены не за весь период выполнения национального проекта, это не позволяет отразить полную картину динамики состояния здоровья населения и развития отрасли здравоохранения. Однако даже неполные данные позволяют судить о наличии проблем с реализацией целей национального проекта в регионе. Барьерами, которые помешали более успешно выполнить плановые мероприятия, стали сложные обстоятельства функционирования отрасли в период пандемии, а также системные проблемы нехватки врачей в регионе.

Следует отметить, что регистрируемый в регионе рост общей заболеваемости новообразованиями на фоне улучшения показателей их диагностики, повышения пятилетней выживаемости среди пациентов может свидетельствовать о повышении эффективности работы первичного звена регионального здравоохранения, в том числе об улучшении качества диагностических процедур и последующего лечения.

Рост первичной заболеваемости болезнями, характеризующимися повышенным кровяным давлением, также может свидетельствовать о том, что среди населения увеличивается удельный вес контингента пациентов, имеющих риски сердечно-сосудистых катастроф. Это актуализирует задачи, связанные с организацией качественного диспансерного наблюдения таких пациентов и формирования у них высокой приверженности назначенному врачом лечению. О том, что в регионе такие задачи относительно успешно решаются, свидетельствует снижение летальности больных с БСК, состоящих на диспансерном наблюдении.

В этой связи нельзя однозначно сказать, что невыполнение в регионе плановых уровней больничной летальности пациентов с болезнями системы кровообращения является недоработкой только со стороны системы здравоохранения. Для определения вклада медицинских факторов в выживаемость больных с хроническими НИЗ необходимы более глубокие исследования, учитывающие, в том числе, влияние на здоровье пациентов их образа жизни. В исследовании поведенческих факторов здоровья, проведённом ранее на территории Вологодской области, были получены выводы о том, что для региона в большей степени, чем для страны в целом, характерны недостаточная медицинская активность населения, слабая информированность по вопросам правильного питания, менее выраженная забота о собственном здоровье (Короленко, 2020). Эти особенности актуализируют задачи по дальнейшему совершенствованию просветительской работы с населением для повышения приверженности практикам здорового образа жизни.

На примере других регионов России проводились исследования, направленные на выявление наиболее значимых факторов риска больничной летальности пациентов с болезнями системы кровообращения. Например, в отношении пациентов с острым коронарным синдромом показано, что важнейшее значение в предсказании исходов лечения имеет возраст пациентов, а также показатели уровня креатинина, гипергликемии, значение индекса системного воспалительного ответа (SIRI) (Болтунов и др., 2024). Проводятся также углублённые медицинские исследования факторов риска летальности в отношении пациентов с БСК молодого (Медведева и др., 2023) и старшего возраста (Тишкина, 2024).

Отечественные исследователи обращают внимание на несовершенство действующей системы сбора статистических данных, имеющих важнейшее значение для контроля эффективности проводимой политики, в том числе, оценки результативности федеральных проектов. Высказывалось мнение о необходимости совершенствования существующего алгоритма сбора первичной информации, характеризующей результаты работы онкологической службы. В качестве альтернативы системе, основанной на сборе районной и областной статистической отчётности, предлагается опираться преимущественно на сведения из популяционных раковых регистров как наиболее надёжный источник данных, в частности для расчёта показателя одногодичной летальности (Мерабишвили, 2022). В качестве одной из мер по повышению эффективности реализации национального проекта «Здравоохранение» предлагалось создание и внедрение региональных программ страхования стоимости лекарственного обеспечения больных онкологическими заболеваниями, а на федеральном уровне принять меры по повышению доступности для граждан лекарственного обеспечения при хронических заболеваниях, сопровождающихся максимальным социально-экономическим ущербом (Юсупова, 2020).

Заключение

В работе на основе статистических данных за период с 2018 по 2024 г. проверялось предположение о снижении в период реализации национального проекта «Здравоохранение» показателей смертности от неинфекционных заболеваний (болезней системы кровообращения и новообразований) среди населения Вологодской области. Выявлено, что в регионе за исследуемый период удалось повысить пятилетнюю выживаемость онкологических больных и снизить летальность пациентов с болезнями системы кровообращения, состоящих под диспансерным наблюдением. Но по ряду показателей не удалось достичь плановых значений. Для повышения эффективности региональной системы здравоохранения можно рекомендовать совершенствование диспансерного наблюдения больных с неинфекционными заболеваниями, стимулирование их к выполнению медицинских назначений, ведению здорового образа жизни, совершенствование лекарственного обеспечения пациентов с хроническими заболеваниями. Снижению больничной летальности может способствовать повышение качества медицинской помощи в стационарах, выявление групп риска среди пациентов с болезнями системы кровообращения, переживших операции. Результаты работы могут представлять интерес для специалистов в области общественного здоровья и здравоохранения. В перспективе полученные данные будут использованы в рамках моделирования системы регионального здравоохранения.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01783 (проект https:// rscf.ru/project/24-28-01783/).

Acknowledgements

This research was supported by the Russian Scientific Foundation, the project No 24-28-01783 (the project https:// rscf.ru/project/24-28-01783/).

Список источников

Болтунов К. С., Курочкина О. Н., Атапина Н. В. и др. (2024). Факторы риска госпитальной летальности у пациентов с острым коронарным синдромом в Республике Коми. *Российский кардиологический журнал, 29* (S8), 258. EDN: HVVGAL

Калашников, К. Н., Лихачева, Т. н. (2017). Проблемы дефицита медицинских кадров в сельских территориях. *Вопросы территориального развития, 2* (37), 6 http://vtr.vscc.ac.ru/article/2205/full (дата обращения: 03.02.2025). EDN: YLEFLJ

Карпов, О. Э., Махнев, Д. А. (2017). Модели систем здравоохранения разных государств и общие проблемы сферы охраны здоровья населения. *Вестник Национального меди-ко-хирургического Центра им. Н. И. Пирогова, 12* (3), 92–100. EDN: ZEFXJD

Концевая, А. В., Муканеева, Д. К., Мырзаматова, А. О. и др. (2020). Экономический ущерб факторов риска, обусловленный их вкладом в заболеваемость и смертность от основных хронических неинфекционных заболеваний в Российской Федерации в 2016 году. *Кардиоваскулярная терапия и профилактика,* (1), 48–55. http://doi.org/10.15829/1728-8800-2020-1-2396 EDN: KHEFQW

Короленко, А. В. (2018). Факторы общественного здоровья: опыт социологического исследования (на материалах Вологодской области). *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки, 1* (49), 89–102. EDN: YVOJCS

Короленко, А. В. (2020). Физическое здоровье и его поведенческие факторы в оценках населения страны и региона: опыт сравнительного анализа. *Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта, 1* (17), 3–45. EDN: PAFPWV

Тимофеев, Л. Ф., Петрова, П. Г., Борисова, Н. В., Туркебаева, Л. К., Тимофеев, А. Л. (2021). Ресурсы здравоохранения в Восточной экономической зоне и их корреляционная связь с показателями здоровья. *Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: Медицинские науки, 3* (24), 61–65. http://doi.org/10.25587/SVFU.2021.24.3.008 EDN: GFZZXH

Медведева, Е. А., Гелис, Л. Г., Русак, Т. В., Кузнецова, Т. В. (2023). Факторы риска и структура коморбидности у пациентов молодого возраста с инфарктом миокарда. *Кардиологический вестник, 18* (2–2), 133. EDN: IEYRJU

Мерабишвили, В. М. (2022). Состояние онкологической помощи в России. Аналитические показатели: одногодичная летальность (популяционное исследование на уровне федерального округа). *Вопросы онкологии, 68* (1), 38–47. http://doi.org/10.37469/0507-3758-2022-68-1-38-47 EDN: YNIFSG

Тишкина, И. Е., Кулешова, Т. М., Фролова, М. А. и др. (2024). Инфаркт миокарда у лиц 75 лет и старше: факторы, влияющие на госпитальную летальность. *Российский кардиологический журнал, 29* (3), 99–104. http://doi.org/10.15829/1560-4071-2024-5629 EDN: ZSRZDJ

Юсупова, И. В., Арзамасова, А. Г. (2020). Актуальная повестка реализации национальных проектов «Демография» и «Здравоохранение» в Республике Татарстан. *Казанский экономический вестник, 5* (49), 63–67.

References

Boltunov K. S., Kurochkina O. N., Atapina N. V. et al. (2024). Risk factors of fatal mortality in patients with acute coronary syndrome in the Komi Republic. *Rossijskij kardiologicheskij zhurnal [Russian Journal of Cardiology]. 29* (S8), 258. EDN: HVVGAL (In Russ.)

Kalashnikov, K. N., Likhacheva, T. N. (2017). Problems of shortage of medical personnel in rural areas. *Voprosy territorial'nogo razvitija [Territorial Development Issues]. 2* (37). http://vtr.vscc.ac.ru/article/2205/full (Accessed: 02/03/2025). (In Russ.)

Karpov, O. E., & Makhnev, D. A. (2017). Models of healthcare systems of different states and common problems of public health protection. *Vestnik Nacional'nogo mediko-hirurgicheskogo Centra im. N. I. Pirogova [Bulletin of Pirogov National Medical & Surgical Center], 12* (3), 92–100. EDN: ZEFXJD (In Russ.)

Kontseva, A.V., Mukaneeva, D. K., Myrzamatova, A. O., Balanova, Yu. A., Khudyakov, M. B. et al. (2020). Economic damage caused by risk factors due to their contribution to morbidity and mortality from major chronic noncommunicable diseases in the Russian Federation in 2016. *Kardiovaskuljarnaja terapija i profilaktika [Cardiovascular Therapy and Prevention]. 19* (1), 48–55. http://doi.org/10.15829/1728-8800-2020-1-2396 EDN: KHEFQW. (In Russ.)

Korolenko, A.V. (2018). Public health factors: the experience of sociological research (based on the materials of the Vologda Oblast). *Vestnik Nizhegorodskogo uni-versiteta im. N.I. Lobachevskogo. Serija: Social'nye nauki [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences]. 1* (49), 89–102. EDN: YVOJCS (In Russ.)

Korolenko, A.V. (2020). Physical health and its behavioral factors in the estimates of the population of the country and the region: the experience of comparative analysis. *Zdorov'e cheloveka, teorija i metodika fizicheskoj kul'tury i sporta [Health, Physical Culture and Sports]. 1* (17), 3–45. (In Russ.)

Medvedeva, E. A., Gelis, L. G., Rusak, T. V., Kuznetsova, T. V. (2023). Risk factors and the structure of comorbidity in young patients with myocardial infarction. *Kardiologicheskij vestnik [Russian Cardiology Bulletin]. 18* (2–2), 133. EDN: IEYRJU (In Russ.)

Merabishvili, V. M. (2022). The state of cancer care in Russia. Analytical indicators: one-year mortality (population-based study at the federal district level). *Voprosy onkologii [Problems of oncology]. 68* (1), 38–47. h http://doi.org/10.37469/0507-3758-2022-68-1-38-47 EDN: YNIFSG (In Russ.)

Timofeev, L. F., Petrova, P. G., Borisova, N. V., Turkebayeva, L. K., Timofeev, A. L. (2021). Health resources in the Eastern Economic Zone and their correlation with health indicators. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M.K. Ammosova. Serija: Medicinskie nauki [Bulletin of the Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov. Series: Medical Sciences]. 3* (24), 61–65. http://doi.org/10.25587/SVFU.2021.24.3.008 EDN: GFZZXH (In Russ.)

Tishkina, I. E., Kuleshova, T. M., Frolova, M. A. et al. (2024). Myocardial infarction in people aged 75 and over: factors affecting hospital mortality. *Rossijskij kardiologicheskij zhurnal [Russian Journal of Cardiology]. 29* (3), 99–104. http://doi.org/10.15829/1560-4071-2024-5629 EDN: ZSRZDJ (In Russ.)

Yusupova, I. V., Arzamasova, A. G. (2020). The current agenda for the implementation of the national projects «demography» and «healthcare» in the Republic of Tatarstan. *Kazanskij jekonomicheskij vestnik [Kazan Economic Bulletin]. 5* (49), 63–67. (In Russ.)

Нацун Лейла Натиговна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, ФГБУН ВолНЦ РАН; https://orcid.org/0000-0002-9829-8866 (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а, e-mail: leyla.natsun@yandex.ru)

Leila N. Natsun — PhD (Econ.), senior researcher, VolRC RAS; https://orcid.org/0000-0002-9829-8866 (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russia, e-mail: leyla.natsun@yandex.ru).

УДК: 159.9, 37.018.36
JEL classification: J13
https://www.doi.org/10.17059/udf-2025-6-4

Молодые мужчины с приобретенной инвалидностью: методологические аспекты проведения исследования[1]

Т. К. Ростовская

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН (Москва, Россия).

Институт современных языков, межкультурной коммуникации и миграций Российского университета дружбы народов (Москва, Россия).

https://orcid.org/0000-0002-1629-7780

Автор для корреспонденции: Т. К. Ростовская (rostovskaya.tamara@mail.ru).

Аннотация. *Приобретенная инвалидность — социальный феномен, имеющий особую социальную характеристику проблемы в современном российском обществе. Исследование факторов, влияющих на жизнедеятельность молодых мужчин с приобретенной инвалидностью, является сегодня особенно актуальным, во-первых, в силу постоянности проблемы инвалидизации общества, требующей осознания и выработки универсальных социологических подходов к ее оценке и принципов решения; во-вторых, молодые мужчины с приобретенной инвалидностью в современном обществе представляют собой важный элемент социальной структуры. Все это обусловливает необходимость разработки методологии для проведения социологического исследования, направленного на поиск новых систематизированных теоретических подходов, отражающих многогранность инвалидности, в частности, ресурсный демографический потенциал молодых мужчин с приобретенной инвалидностью.*

Ключевые слова: инвалидность, молодые мужчины, самосохранительное поведение, стратегия

Young Men with Acquired Disability: Methodological Aspects of Research Study

T. Rostovskaya

Institute of Demographic Research, Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);

Institute of Modern Languages, Intercultural Communication and Migration, RUDN University (Moscow, Russia). https://orcid.org/0000-0002-1629-7780

Corresponding author: T. Rostovskaya (rostovskaya.tamara@mail.ru).

Abstract. *Acquired disability is a social phenomenon that has a special social characteristic of the problem in modern Russian society. The study of factors affecting the life activity of young men with acquired disability is of great relevance today, firstly, due to the permanence of the problem of disability in society, which requires awareness and development of universal sociological approaches to its assessment and principles of solution. Secondly, young men with acquired disabilities in modern society represent an important element of the social structure. All this makes it necessary to develop a methodology for sociolog-*

[1] Доработанная версия ранее опубликованных статей: 1) Ростовская, Т. К., Фомина, О. Е. (2024). О пилотном проекте в рамках реализации Стратегии действий по сбережению мужчин и поддержке ответственного отцовства. Социальные аспекты здоровья населения, 70(4):4. http://doi.org/10.21045/2071-5021-2024-70-4-4; 2) Ростовская, Т. к., Наберушкина Э.К. (2024). Молодые мужчины с приобретенной инвалидностью: разработка исследовательского проекта. Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки, 17(1), 24–34. http://doi.org/10.17213/2075-2067-2024-1-24-34

©Ростовская Т. К. Текст. 2025.

ical research aimed at finding new systematized theoretical approaches that reflect the multifaceted nature of disability, and in particular, the resource demographic potential of young men with acquired disability.

Key words: disability, young men, self-preservation behavior, strategy

Введение

Положение мужчины в современном российском обществе рассматривается в контексте геополитической ситуации и новой социальной роли в обеспечении национальной безопасности, формирования устойчивого состояния стратовой структуры общества и его функционирования.

В связи с этим, стратегическими национальными целями является создание условий для «приумножения населения, сбережения мужчин за счет предотвращения их преждевременной смертности, формирования социальной нормы/модели ответственного отцовства и укрепления института многопоколенной традиционной семьи как принципиально важного ресурса обеспечения национальной и демографической безопасности Российской Федерации» (Ростовская & Наберушкина, 2024).

Разработанная по инициативе ИДИ ФНИСЦ РАН в 2023 г. Стратегия действий по сбережению мужчин и поддержке ответственного отцовства (далее — Стратегия)[1] является актуальным основополагающим документом на национальном уровне, «определяющим основные направления государственной политики в отношении, во-первых, формирования самосохранительного поведения мужчин и укрепления социодемографического потенциала мужского населения как основного ресурса обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, во-вторых, нацелена на формирование социальной нормы / модели ответственного отцовства, повышение статуса мужчины в семейной сфере, обеспечивающего межпоколенную трансляцию и формирующего преемственность российских традиционных ценностей»[2].

Широкий спектр поставленных задач в части сбережения народа России обусловливает ответственность государства и общества, прежде всего, за сохранение российских мужчин, их здоровьесбережение. Решение этих задач невозможно без актуализации научного подхода к изучаемой проблематике и консолидации усилий ученых при разработке программ социологического исследования, направленных на помощь и поддержку участников СВО и их реабилитацию (Ростовская, 2023а).

---

[1] Авторский коллектив: Т. К. Ростовская, д-р социол. наук, профессор, зам. председателя Научного совета, г. Москва; О. И. Аполихин, член-корр. РАН, д-р мед. наук, профессор, директор НИИ урологии и интервенционной радиологии им. Н. А. Лопаткина — филиал ФГБУ «НМИЦ радиологии» Минздрава России, член Общественной палаты РФ, г. Москва; Е. Н. Васильева, д-р социол. наук, главный научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, г. Москва, профессор Волгоградского государственного университета, г. Волгоград; А. Е. Иванова, д-р экон. наук, профессор, зав. отделом здоровья и самосохранительного поведения Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, г. Москва; Ч. И. Ильдарханова, д-р социол. наук, директор Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан, г. Казань; О. Н. Калачикова, канд. экон. наук, заместитель директора, зав. отделом исследований уровня и образа жизни населения Вологодского научного центра РАН, г. Вологда; А. А. Шабунова, д-р экон. наук, доцент, директор Вологодского научного центра РАН, г. Вологда.

[2] Стратегия действий по сбережению мужчин и поддержке ответственного отцовства, утвержденная научным советом «Демографические и миграционные проблемы России» ООН РАН в марте 2023 года.

Значимость проведения Всероссийского социологического исследования «Социальный феномен приобретенной инвалидности молодых мужчин в зеркале социологического измерения» (далее — Всероссийское исследование)[1] связана с необходимостью принятия государственных мер в отношении молодых людей с приобретенной инвалидностью в возрасте до 35 лет включительно.

Приобретенная инвалидность — «сложный социальный феномен, актуальность которого значительно возросла в российском обществе в период с 2022 г., а его существование, функционирование и дальнейшее развитие способно оказывать значительное влияние на жизнь общества. Качественные изменения положения молодых мужчин-инвалидов не представляются возможными без прохождения процесса самоидентификации, саморефлексии», принятия новых физических и психосоциальных изменений, формирования новой стратегии социального поведения (Баринова, 2015).

По данным Федеральной службы государственной статистики (Росстат), на начало 2024 г. в Российской Федерации проживало 146,2 млн чел., из них молодежь в возрасте от 14 до 35 лет включительно составляет около 37,0 млн чел. (25 % от всего населения страны)[2].

Численность молодежи является одним из основополагающих факторов системного влияния на социально-экономическое развитие страны, рост населения, рост и сокращение трудовых ресурсов и, как следствие, пенсионной нагрузки, а также уровень обороноспособности государства (Ростовская, 2023б).

Исследовательское внимание проекта сосредоточено на молодых людях с инвалидностью как наиболее уязвимой части молодежной страты, чьи ресурсы и возможности зачастую остаются «невидимыми» и наделяются статусом несущественности. Традиционно людей с инвалидностью принято было рассматривать как объект заботы, иждивенцев. Мы предлагаем подход, в рамках которого молодые люди с инвалидностью рассматриваются с позиции их человеческого ресурсного потенциала, который следует активизировать путем повышения эффективности каналов и механизмов социально-реабилитационной и социокультурной сферы.

Гипотеза исследования

Активизация системного взаимодействии государства, гражданского общества, семьи, бизнеса, усиление информационного компонента семейно-демографической государственной политики позволит сохранить и повысить ресурсный потенциал молодых мужчин с приобретенной инвалидностью: трудовую и социальную активность, здоровьесбережение, благополучное супружество и ответственное отцовство.

Методологическая база исследования

В отечественной социологической науке инвалидность за последние десятилетия активно рассматривалась в исследованиях Е. Ярской-Смирновой (Ярская-Смирнова & Лошакова, 2003), В. Ярской (Ярская, 2008), Е. Воеводиной (Воеводина,

[1] Руководитель Всероссийского исследования Ростовская Т. К., д-р социол. наук, профессор

[2] Население. РОССТАТ. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/12781 (дата обращения 05.02.2025).

2014), Э. Наберушкиной (Наберушкина, 2017), Т. Ростовской (Ростовская & Наберушкина, 2024), Elmira K. Naberushkina, Olga E. Fomina (Naberushkina & Fomina, 2024).

К числу основных теорий и концепций, имеющих первоочередное значение для проведения исследования, следует отнести теории демографической безопасности (Г.В. Осипов, Л.Л. Рыбаковский, С.В. Рязанцев, Т. к. Ростовская, и др.); теории потребности в детях (А.И. Антонов, В.А. Борисов); подходы, рассматривающие специфику активного долголетия в мужских и женских популяциях, а также рисковое поведение акторов (О.И. Аполихин, А.Е. Иванова, Н.М. Римашевская, и др.).

Методология исследования

В 2025 г., объявленном Президентом России Годом защитника Отечества, актуальным и значимым является авторский исследовательский проект, связанный с проведением Всероссийского социологического исследования «Социальный феномен приобретенной инвалидности молодых мужчин в зеркале социологического измерения» (далее — Всероссийское исследование)[1]. Целью данного исследования является выявление факторов, определяющих ресурсный потенциал человека (готовность и способность к обучению, освоению новых профессий, к вовлечению в социальные активности гражданского общества и др.), а также самосохранительный потенциал (брачное, репродуктивное поведение и установки мужчин с инвалидностью и практики родительства). Разработанный инструментарий Всероссийского исследования позволяет проведение:

количественного (выборочного) исследования путем массового опроса лиц в возрасте от 18 до 65 лет (не менее 400 человек в федеральном округе);

— анкетного опроса респондентов с приобретенной инвалидностью в возрасте от 18 до 35 лет (не менее 50 в каждом субъекте РФ, участвующих в исследовании);

— экспертного опроса (руководители органов исполнительной власти, общественных организаций, реализующих программы поддержки данной категории населения; не более пяти в каждом субъекте РФ, участвующем в исследовании).

Проектируемая новизна исследования

Исследование позволит выявить ресурсный потенциал молодых мужчин с приобретенной инвалидностью и направления активизации их человеческого потенциала в сфере семьи, родительства, занятости, образования, общественной деятельности.

Новизна исследования состоит в выявлении взаимосвязей факторов, определяющих ресурсный потенциал молодых мужчин с инвалидностью через призму объективных (социально-экономический и семейный статус, общественное отношение; характер и тяжесть травмы, степень инвалидности) и субъективных (субъективный опыт столкновения с инвалидностью, как инвалидность повлияла на жизнь) факторов.

Исследование позволит с учетом представленных эмпирических данных определить направления и особенности ресурсного потенциала референтной группы, с учетом жизненной ситуации и трудностей интеграции молодых мужчин с приобретенной инвалидностью.

[1] Руководитель Всероссийского исследования Ростовская Т. К., д-р социол. наук, профессор

Комплексный анализ детерминант изменений векторов объективных факторов, таких, как характер травмы (при каких обстоятельства, когда, где), особенности влияния инвалидность на социально-экономическое благополучие, на личную (семейную жизнь), способность к рождению и воспитанию детей, позволит определить барьеры интеграции в сфере трудовой занятости, в сфере семьи и ближайшего окружения.

Изучение субъективных факторов — наличие проблем в семье и их характер (с супругой, с детьми, с родителями, с ближайшими родственниками), ценностные установки молодых мужчин, определение места и роли семьи в системе ценностей даст возможность выявить причины, мешающие интеграции молодых мужчин с приобретенной инвалидностью на различных уровнях: государства и общества; местного сообщества (соседство); семьи и ближайшего окружения, а также позволит определить личные потребности для успешной интеграции.

Результаты проведенного исследования будут использованы в мониторинге и реализации мер демографической и социальной политики на микро-, мезо- и макроуровне: формировании методического обеспечения механизма взаимодействия между инвалидами и общественными социальными институтами; формировании тематического контента СМИ; формировании концептуальных и законодательных актов семейной и демографической политики; оценки эффективности демографической политики.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования теоретических и эмпирических результатов при проектировании государственных, региональных и муниципальных программ по реализации мер социальной политики по созданию благоприятной среды для полноценной и независимой жизни людей с инвалидностью, по развитию толерантности в отношении данных граждан; в деятельности по повышению потенциала социальной среды сред для людей с инвалидностью.

Благодарность

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 25-28-00140) на базе Института демографических исследований ФНИСЦ РАН

Acknowledgements

The article has been prepared with the support of the Russian Science Foundation (the project No 25-28-00140) on the basis of the Institute of Demographic Research of the National Research Research Center of the Russian Academy of Sciences

Список источников

Баринова, Г. В. (2015). Инвалидность как социальный феномен современного российского общества (социально-философский анализ): автореф. … дис. д-ра филос. наук: 09.00.11. — Москва, 22. EDN: SJHPMJ

Воеводина, Е.В. (2014). «Инвалид» как социальная стигма и пространство для дискуссий. *Вестник Московского государственного гуманитарно-экономического института, 4* (20), 10–16.

Наберушкина, Э.К. (2017). Обзор социальных проблем инвалидности в контексте занятости, социальной политики и социальных дистанций. *Журнал исследований социальной политики, 15* (2), 333–340. http://doi.org/10.17323/727-0634-2017-15-2-333-340

Ростовская, Т. К. (2023а). Роль мужчины в современном российском обществе. *Социологические исследования, 4,* 159–160. http://doi.org/10.31857/S013216250025455-3

Ростовская, Т. К. (2023б). О разработке Стратегии действий по сбережению мужчин и поддержке ответственного отцовства: авторский взгляд. *Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 16* (1), 40–47. http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-1-40-47

Ростовская, Т. К., Наберушкина Э.К. (2024). Молодые мужчины с приобретенной инвалидностью: разработка исследовательского проекта. *Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки, 17* (1), 24–34. http://doi.org/10.17213/2075-2067-2024-1-24-34

Ярская, В.Н. (2008). Инклюзия — новый код социального равенства. В *Образование для всех: политика и практика инклюзии* (с.11–16). Саратов: Научная книга, 341.

Ярская-Смирнова, Е.Р., Лошакова, И.И.(2003). Инклюзивное образование детей-инвалидов. *Социологические исследования, 5* (229), 100–107. EDN: OOOTMB

Naberushkina, E. K., Fomina, O. E., Levshits, A. D., Knyazkova, E. A. (2024). Social profile of mothers raising children with disabilities: a survey in rural and small-town Russia. *Changing Societies & Personalities, 8* (2), 313–333. http://doi.org/10.15826/csp.2024.8.2.276

References

Barinova, G. V. (2015). *Invalidnost kak sotsialnyi fenomen sovremennogo rossiiskogo obshchestva (sotsialno-filosofskii analiz) [Disability as a social phenomenon of modern Russian society (socio-philosophical analysis)]:* Abstract. ... dissertation of Dr. Philos. Sciences: 09.00.11. — Moscow, 22. EDN: SJHPMJ (In Russ.)

Naberushkina, E. K., Fomina, O. E., Levshits, A. D., & Knyazkova, E. A. (2024). Social profile of mothers raising children with disabilities: a survey in rural and small-town Russia. *Changing Societies & Personalities, 8* (2), 313–333. http://doi.org/10.15826/csp.2024.8.2.276

Naberushkina, E.K. (2017). An overview of social disability issues in the context of employment, social policy, and social distance. *Zhurnal issledovanii sotsialnoi politiki [Journal of Social Policy Research], 15* (2), 333–340. http://doi.org/10.17323/727-0634-2017-15-2-333-340 (In Russ.)

Rostovskaya, T. K. (2023a). The role of men in modern Russian society. *Sociologicheskie issledovaniya, 4,* 159–160. http://doi.org/10.31857/S013216250025455-3 (In Russ.)

Rostovskaya, T.K. (2023b). On the development of an Action Strategy to save men and support responsible fatherhood: the author's view. *Vestnik Iuzhno-Rossiiskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriia: Sotsialnoekonomicheskie nauki [Bulletin of the South-Russian State Technical University (Npi). Series: Socio-Economic Sciences], 16* (1), 40–47. http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-1-40-47 (In Russ.)

Rostovskaya, T.K., & Naberushkina E.K. (2024). Young men with acquired disabilities: development of a research project. *Vestnik Iuzhno-Rossiiskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriia: Sotsialnoekonomicheskie nauki [Bulletin of the South-Russian State Technical University (Npi). Series: Socio-Economic Sciences], 17* (1), 24–34. http://doi.org/10.17213/2075-2067-2024-1-24-34 (In Russ.)

Vojvodina, E.V. (2014). «Disabled person» as a social stigma and a space for discussion. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarno-ekonomicheskogo instituta [Bulletin of the Moscow State Humanitarian and Economic Institute], 4* (20), 14. (In Russ.)

Yarskaya, V.N. (2008). Inclusion is a new code of social equality. In *Obrazovanie dlya vsex: politika i praktika inklyuzii [Education for all: Inclusion policy and practice]* (pp.11–16). Saratov: Scientific Book, 341. (In Russ.)

Yarskaya-Smirnova, E.R., Loshakova, I.I. (2003). Inclusive education of children with disabilitie s. *Sotsiologicheskie issledovaniia, 5*(229), 100–107. EDN: OOOTMB (In Russ.)

Ростовская Тамара Керимовна — доктор социологических наук, профессор, заместитель директора Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН; директор, Институт современных языков, межкультурной коммуникации и миграций Российского университета дружбы народов. https://orcid.org/0000-0002-1629-7780 (119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, к. 1; 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6, e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru).

Tamara K. Rostovskaya — Doctor of Sociology, Professor; Deputy Director, Institute for Demographic Research, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences; Director, Institute of Modern Languages, Intercultural Communication and Migration of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). https://orcid.org/0000-0002-1629-7780 (Bldg. 1, 6, Fotievoi St., 119333 Moscow; 6, Miklukho-Maklaya St., 117198 Moscow, Russian Federation. e-mail: rostovskaya.tamara@mail.ru).

УДК 614.446 (325.1)
JEL classification: I18, R23
https://www.doi.org/10.17059/udf-2025-6-5

«Санитарный щит» Роспотребнадзора и проблема завоза в Россию социально значимых и инфекционных заболеваний трудовыми мигрантами по регионам Уральского федерального округа[1]

Н.Л. Струин[а,б], Н.Н.Струина[в], Н.И. Сморудова[в]

[а] Уральский государственный медицинский университет (г. Екатеринбург, Россия)

[б] Институт экономики УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия)

http//orcid.org/0000-0002-4843-601X

[в] АНО «Агентство социальных стратегий и проектов» (г. Екатеринбург, Россия)

Автор для корреспонденции: Н.Л. Струин (struin.nl@uiec.ru).

Аннотация. *В статье приводится оценка данных по заболеваемости иностранных граждан, прибывших на территорию регионов, входящих в Уральский федеральный округ (УрФО) с целью трудоустройства и временного проживания в субъектах округа. Проанализированы материалы Государственных докладов территориальных Управлений Роспотребнадзора субъектов РФ, входящих в УрФО, «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» за период 2018–2023 гг. с оценкой полноты и эффективности реализации должностными лицами Роспотребнадзора государственных функций и мероприятий по предупреждению завоза на территорию субъектов РФ социально-значимых заболеваний, определенных Постановлением Правительства РФ №715 от 01.12.2004, на которые в обязательном порядке должны пройти медицинское обследование иностранные граждане и вынужденные переселенцы для получения вида на жительство (ВНЖ) или патента (разрешения) на трудовую деятельность в РФ. Оценено соответствие противоэпидемических мероприятий федеральному проекту «Санитарный щит». Проанализирована за период 2018–2023 гг. статистика регистрации социально значимых заболеваний в основных странах исхода иностранных граждан — трудовых мигрантов. Проведен разбор эпидемической ситуации и влияния на нее иностранных граждан на примере инфекций, передаваемых половым путем (ИППП), с учетом особенностей «ковидного» и «постковидного» периодов, включая оценку ограничений для иностранных граждан на предмет въезда на территорию РФ. Определены потенциальные эпидемические риски, формируемые этой группой населения, а также определен потенциал угроз при реализации этих рисков среди автохтонного население региона.*

Ключевые слова: роспотребнадзор; иностранные граждане; «санитарный щит»; мигранты; социально значимые заболевания; эпидемические риски

«Sanitary shield» of Rospotrebnadzor and the problem of importation of socially significant and infectious diseases into Russia by labor migrants in the regions of the Ural Federal District

N. Struin[a, b], N. Struina[c], N. Smorudova[c]

[a] Ural State Medical University (Ekaterinburg, Russia)

[b] Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia)

http//orcid.org/0000-0002-4843-601X

[c] ANO «Agency for Social Strategies and Projects» (Ekaterinburg, Russia)

Corresponding author: N. Struin (struin.nl@uiec.ru)

[1] ©Струин Н.Л., Струина Н.Н., Сморудова Н.И. Текст. 2025.

Abstract. *The article provides data on the incidence of foreign citizens who arrived in the regions included in the Ural Federal District (Ural Federal District) for the purpose of employment and temporary residence in the regions of the district. The materials of the State reports of the territorial Directorates of Rospotrebnadzor of the constituent entities of the Russian Federation included in the Urals Federal District, "On the sanitary and epidemiological well-being of the population" for the period 2018–2023, are analyzed. with an assessment of the completeness and effectiveness of the implementation by officials of Rospotrebnadzor of state functions and measures to prevent the importation into the territory of constituent entities of the Russian Federation of socially significant diseases, defined by Decree of the Government of the Russian Federation No. 715 of December 1, 2004, for which foreign citizens and forced migrants must undergo a mandatory medical examination to obtain a residence permit (residence permit) or a patent (permit) to work in the Russian Federation. The compliance of anti-epidemic measures with the federal project "Sanitary Shield" was assessed. Analyzed for the period 2018–2023. statistics of registration of socially significant diseases in the main countries of origin of foreign citizens as labor migrants. An analysis of the epidemic situation and the impact of foreign citizens on it was carried out using the example of sexually transmitted infections (STIs), taking into account the characteristics of the "Covid" and "post-Covid" periods, including assessment of restrictions for foreign citizens to enter the territory of the Russian Federation. Potential epidemic risks posed by this group of the population have been identified, as well as the potential for threats in the implementation of these risks among the autochthonous population of the region.*

Key words: Rospotrebnadzor; foreign citizens; «sanitary shield»; migrants; socially significant diseases; epidemic risks

Введение

Вопросы привлечения иностранной рабочей силы в условиях демографического спада, наблюдающегося сегодня в России, — важная тема, активно обсуждаемая бизнесом, чиновниками, специалистами в области демографии, экономики, правоохранительной деятельности и безопасности и ряда других (Бедрина & Неклюдова, 2024). Появляющиеся в СМИ новости о насильственных преступлениях против личности со стороны мигрантов, задержании иностранцев в качестве закладчиков и курьеров по перевозке психотропных веществ, формирование этнических группировок и анклавов в крупных городских агломерациях — это только часть вопросов, связанных с темой пребывания иностранцев в России.

Согласно некоторым исследованиям (Иванова, 2013; Вафина, 2013; Багреева & Куцев, 2023), иностранные граждане формируют для автохтонного населения регионов серьезные социальные (например, в части доступа к медицинской помощи и образовательным услугам) и эпидемические риски по социально-значимым болезням (Онищенко, 2013; Струин и др., 2016; Рязанцев и др., 2023; Струин, 2024).

Сегодня тезис о дефиците рабочей силы в России является просто оправданием массового завоза в страну большого числа иностранцев, количество которых исчисляется миллионами — по мнению руководителя Следственного комитета России Бастрыкина[1], в России сегодня проживают и работают от 14,5 до 16,5 млн трудовых мигрантов вместе с женами и детьми[2], что составляет до 10 % от населения страны и сформировано преимущественно гражданами

[1] А. Бастрыкин — выступление на Петербургском международном юридическом форуме URL: https://rutube.ru/video/65a615e0d99abfe9de6fef56df80e40d/?t=0 (дата обращения: 14.09.2024).

[2] Международный статистический комитет СНГ. URL: https://new.cisstat.org/web/guest/cis-stat-home?iFrameId=45049 (дата обращения: 23.12.2024).

Киргизии, Таджикистана, Узбекистана, на долю которых приходится суммарно 87,0 % всех международных мигрантов, прибывших в Россию с целью «работа»!

Официальная позиция по числу иностранцев, нелегально находящихся в стране, тоже разнится: по данным МВД РФ, их число в пределах 630 тыс. чел. [1], по данным иных силовых структур — в пределах 3,5–4 млн чел.

Понятно, что миграция сейчас — единственный способ сохранить численность населения в России. Несмотря на усилия государства по увеличению рождаемости, значительно это пока не поможет: даже если прогноз Росстата [2] будет реализован и рождаемость начнет расти, коэффициент суммарной рождаемости к 2046 г. достигнет лишь 1,7 рождений на одну женщину.

Безусловно, при таких значительных, пусть и противоречивых, цифрах числа иностранных граждан, находящихся в РФ, важно выстраивать и реализовывать систему проактивной и устойчивой защиты автохтонного населения от рисков возможных биологических и санитарно-эпидемиологических угроз.

Сегодня в России имеет место реализуемая Роспотребнадзором в рамках национального проекта «Демография» система «Санитарный щит», которая направлена на сохранение здоровье человека, предупреждение попадания в страну новых инфекций, сведения к минимуму возможностей как от их проникновения на территорию нашей страны, так и имеющих место потенциальных последствий.

«Санитарный щит» декларирует [3] работу с информационным ресурсом, где граждане смогут получить достоверную информацию о состоянии окружающей среды и эпидемиологической обстановки.

Результаты

В качестве информационного ресурса для анализа авторами были использованы государственные доклады «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» за период 2018–2023 гг. с официальных сайтов территориальных управлений Роспотребнадзора (ТУ РПН) регионов, входящих в УрФО.

В контексте высказывания Президента России В. Путина на ПМЭФ-2024: «… Осмысленной миграционной политики у нас не выстроено пока. <…> Нельзя видеть, что проблемы не существует, она есть», — нам было важно оценить элементы реализации государственных функций федеральных структур, имеются в виду взаимоотношения ТУ РПН, региональных управлений МВД России и ФСБ России, судебных органов, в отношении ситуации с мигрантами и возможности законного нахождения последних [4] в России, что позволяет говорить о феномене

[1] Санитарный щит. URL: https://www.rospotrebnadzor.ru/about/info/news_time/news_details.php?ELEMENT_ID=18907 (дата обращения: 23.12.2024).

[2] Демографический прогноз до 2046 года. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/220709 (дата обращения: 23.12.2024).

[3] Санитарный щит. URL: https://www.rospotrebnadzor.ru/about/info/news_time/news_details.php?ELEMENT _ID=18907 (дата обращения: 23.12.2024).

[4] Приказ Роспотребнадзора №467, ФМБА России №173 от 23.08.2021 «Об утверждении Порядка представления материалов, свидетельствующих о наличии обстоятельств, являющихся основанием для принятия (приостановления, возобновления действия, отмены) решений о нежелательности пребывания (проживания) иностранного гражданина или лица без гражданства в Российской Федерации, принятых в связи

формирования государственными структурами различных рисков реализации миграционного законодательства России.

Говоря о «портрете» прибывшего в РФ иностранца, сегодня более половины (55 %) международных мигрантов, учтенных Росстатом в 2023 г., — мужчины, 45 % — женщины. Подавляющее большинство из них (76 %) находится в трудоспособном возрасте, под которым орган статистики понимает диапазон от 16 лет до достижения пенсионного возраста (в 2023 г. он составлял 58 лет для женщин и 63 года для мужчин). Наиболее распространенной возрастной когортой среди обоих полов является диапазон 20–24 года. На пожилых приходится 11 % международных мигрантов, на детей — 13 % (Виноградова, 2024).

Среди приехавших из-за рубежа высокая доля состоящих в браке. Из всех мигрантов в возрасте старше 14 лет таким статусом обладают 51 %. Менее трети (28 %) никогда не были замужем или женаты, 5 % находятся в разводе, 3 % овдовели.

Подавляющее большинство (80 %) международных мигрантов предпочитают российские города проживанию в сельской местности. Среди отдельных регионов по чистому миграционному приросту в 2023 г. лидировали Московская область, а также два региона УрФО: Тюменская область и Ханты-Мансийский автономный округ — на них пришлось 57 % совокупного миграционного прироста по международной миграции.

Мы решили оценить ситуацию по приоритетным для России странам исхода иностранных граждан в части государственной статистики по зарегистрированным в этих странах социально значимым заболеваниям (табл.1), на которые должны быть обследованы иностранные граждане в соответствии с приказом Министерства здравоохранения РФ от 19.11.2021 № 1079н «Об утверждении Порядка проведения медицинского освидетельствования, включая проведение химико-токсикологических исследований наличия в организме иностранного гражданина или лица без гражданства наркотических средств или психотропных веществ либо новых потенциально опасных психоактивных веществ и их метаболитов, на наличие или отсутствие у иностранного гражданина или лица без гражданства инфекционных заболеваний, представляющих опасность для окружающих, и заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)… »[1], среди которых наркомания, туберкулез, ВИЧ-инфекция и СПИД, сифилис.

с наличием обстоятельств, создающих реальную угрозу здоровью населения, их рассмотрения, а также информирования Федеральной службы безопасности Российской Федерации и территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации о принятии (приостановлении, возобновлении действия и отмене) таких решений, форм соответствующих решений и уведомления». URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=400854 (дата обращения: 23.12.2024).

[1] Приказ Министерства здравоохранения РФ от 19.11.2021 г. № 1079н «Об утверждении Порядка проведения медицинского освидетельствования, включая проведение химико-токсикологических исследований наличия в организме иностранного гражданина или лица без гражданства наркотических средств или психотропных веществ либо новых потенциально опасных психоактивных веществ и их метаболитов, на наличие или отсутствие у иностранного гражданина или лица без гражданства инфекционных заболеваний, представляющих опасность для окружающих, и заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции), формы бланка и срока действия медицинского заключения об отсутствии факта употребления наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ, а также формы, описания бланка и срока действия

Таблица 1

Число впервые зарегистрированных социально-значимых заболеваний, подлежащих контролю у иностранных граждан в России, в основных странах исхода трудовых мигрантов за период 2018–2023 гг. (всего, человек)

Страны	Год	Наркомания	Активный ТВС	Носители ВИЧ	СПИД	Сифилис
Азербайджан	2018	2014	3762	630	181	981
	2019	2874	3613	686	190	826
	2020	2845	2558	547	104	666
	2021	2964	2535	671	105	836
	2022	4279	2877	749	89	1127
	2023	4293	2816	886	169	1130
Армения	2018	569	626	429	211	69
	2019	486	543	448	173	110
	2020	387	374	398	5	141
	2021	376	351	400	197	439
	2022	307	390	535	230	604
	2023	244	361	500	221	710
Кыргызстан	2018	287	5270	726	94	399
	2019	160	5096	745	43	347
	2020	157	3518	675	65	227
	2021	135	3896	846	—	234
	2022	131	4038	1094	—	348
	2023	170	3850	1054	—	463
Молдова	2018	863	680	292	1347	680
	2019	4320	701	241	1335	701
	2020	527	534	157	938	534
	2021	682	636	139	1174	636
	2022	1006	764	182	1331	764
	2023	1142	796	222	1144	796
Таджикистан	2018	344	5102	1422	162	369
	2019	187	5159	1320	108	424
	2020	173	3758	1397	86	218
	2021	334	3787	922	76	266
	2022	—	—	—	—	—
	2023	285	4040	1100	90	324
Узбекистан	2020	12195	10562	2817	—	1943
	2021	—	12200	3300	—	2300
	2022	—	12589	3899	—	2965
	2023	—	12589	3899	—	2965

Источник: Межгосударственный статистический комитет СНГ. URL: https://new.cisstat.org/web/guest/cis-stat-home?iFrameId=45049 (дата обращения: 23.12.2024).

Согласно данных Росстата, которому в 2017 г. был передан учет миграции из ведения МВД РФ, в 2023 г. распределение иностранцев по основным странам исхода было следующим: Таджикистан (31 %), Киргизия (10 %), Украина, Армения и Казахстан — по 9 %, Узбекистан (8 %), Азербайджан и Молдова — по 4 %, Туркменистан (2 %).

Приведенная в таблице 1 статистика интересна для сравнения тем, что согласно данным РПН, приведенным в Государственном докладе[1], в 2023 г. в РФ на ВИЧ было протестировано 3194672 иностранных граждан и выявлено 3301 ВИЧ-позитивных, или 0,1 % от числа обследованных в данной группе населения. При этом выявление ≥ 1,0 % в отдельной эпидемически значимой по ВИЧ/СПИД группе населения (беременные, мигранты, секс-работники и др.) является признаком генерализованной эпидемии в популяции. А указанные в таблице 1 данные позволяют предполагать неполный учет как наркопотребителей, так и ВИЧ-инфицированных в странах исхода. При этом уровень употребления наркотиков инъекционным способом у ВИЧ-инфицированных в основных странах исхода мигрантов, согласно данным национальных органов здравоохранения, колеблется от 57,2 % до 73,4 %, хотя традиционно там в приоритете должны быть каннабиноиды.

Эти цифры очень четко говорят о ситуации с формированием потенциальных рисков для автохтонного населения от мигрантов: на 31.12.2023 с ВИЧ жили пока еще 0,8 % всего населения России, в 44 регионах регистрировалась высокая пораженность ВИЧ-инфекцией (более 0,5 % от общей численности населения)[2].

Теперь оценим, как ситуация с выявленными у иностранцев инфекциями, представляющими опасность для населения, была реализована в территориях УрФО (табл.2) и проанализирована в государственных докладах ТУ РПН субъектов округа.

Как видно из данных таблицы 2, в ТУ РПН УрФО работа по реализации «Санитарного щита» применительно к мигрантам организована разнонаправленно. При этом территории трех субъектов УрФО: Тюменской области, ЯНАО и ХМАО, а также Московской области, в 2023 г. лидировали — на них пришлось 57 % совокупного миграционного прироста по международной миграции, а четкое понимание и описание ситуации по проблемам заболеваний у мигрантов в ХМАО и ЯНАО в государственных докладах отсутствует и потенциальные риски по проблеме мигрантов в данных субъектах федеральной структурой в лице ТУ РПН даже не рассматривается, хотя эта работа региональными органами исполнительной власти в сфере здравоохранения в учреждениях здравоохранения организована надлежащим образом. Примером недостаточной работы с мигрантами может служить и ситуация 2021 года в ЯНАО, когда у ребенка, прибывшего

медицинского заключения о наличии (отсутствии) инфекционных заболеваний, представляющих опасность для окружающих». URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=415747 (дата обращения: 23.12.2024).

[1] Государственный доклад «О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Российской Федерации в 2023 году». URL: https://www.rospotrebnadzor.ru/documents/details.php?ELEMENT_ID=27779 (дата обращения: 23.12.2024).

[2] Справка ВИЧ в России в 2023 г. URL: http://www.hivrussia.info/wp-content/uploads/2024/09/spravka-vich-v-rossii-2023-god.pdf (дата обращения: 23.12.2024).

Таблица 2

Число выявленных социально значимых заболеваний, подлежащих контролю у иностранцев, в субъектах УрФО за период 2018- 2023 гг. (всего, человек)

Субъект УрФО	Год	Обследовано всего	из них выявлено*		
			ТВС	ВИЧ	Сифилис
Курганская обл.	2018	3258	10	5	5
	2019	3070	14	4	4
	2020	1922	7	2	1
	2021	2894	3	2	5
	2022	4379	12	9	11
	2023	4614	9	5	9
Свердловская обл.	2018	62341	77	20	74
	2019	58435	74	32	38
	2020	36979	12	24	22
	2021	76984	39	68	92
	2022	86740	68	68	97
	2023	83530	30	42	18
Челябинская обл.	2018	28984	11	23	35
	2019	31249	21	25	34
	2020	18403	14	15	21
	2021	37610	18	31	55
	2022	—	9	24	46
	2023	47022	30	50	67
Тюменская обл.	2018	37 213	8	29	2
	2019	26195	18	27	7
	2020	16233	1	4	3
	2021	24679	1	5	23
	2022	37610	5	21	47
	2023	—	—	38	—
ХМАО	2018	—	—	—	—
	2019	—	—	—	—
	2020	—	—	—	—
	2021	—	—	—	—
	2022	—	—	—	—
	2023	—	—	—	—
ЯНАО	2018	—	5	12	—
	2019	—	10	14	—
	2020	—	9	10	—
	2021	—	8	9	—
	2022	—	7	36	—
	2023	—	1	37	—

* — данные по лицам с наркопотреблением в государственных докладах не отражены и степень влияния иностранных наркопотребителей на эпидемический процесс инфекций, представляющих опасность для населения РФ (ВИЧ, гепатиты В-С), не может быть оценена

Источник: государственные доклады Управлений Роспотребнадзора в субъектах УрФО URL: https://www.45.rospotrebnadzor.ru/documen/doclad; https://www.66.rospotrebnadzor.ru/303; https://74.rospotrebnadzor.ru/268; https://86.rospotrebnadzor.ru/dokumentyi/gosudarstvennyie-dokladyi.html; https://72.rospotrebnadzor.ru/dokumenty/dokumenty-upravleniya-rospotrebnadzora/doklady/; https://89.rospotrebnadzor.ru/documents/regional/other/ (дата обращения: 23.12.2024).

из Таджикистана, был зарегистрирован вакциноподобный полиовирус 2 типа, из очага было привито против полиомиелита 7 человек. Это дополнительно показывает, насколько серьезно и системно должна быть организована работа региональных ТУ РПН в отношении учета, контроля и реального понимания ситуации по иностранным гражданам, прибывающим на территорию РФ.

Четкость и структурированность в государственных докладах информации по мигрантам должна помочь также оценить реализацию ТУ РПН субъектов УрФО государственной функции в части принятия/отмены решений о нежелательности пребывания иностранных граждан на территории РФ[1]. Эти данные будут рассмотрены в таблице 3.

В части принятия решений о нежелательности ряд ТУ РПН в УрФО идут по «легкому» пути для имитации государственной функции в оформлении документов — преимущественно на мигрантов с ВИЧ-инфекцией. А учитывая то, что порядка 40 % прибывающих мигрантов (прежде всего из Таджикистана) имеют двойное гражданство (второе — РФ), либо членов семьи в РФ, сложность в реализации выдворения с территории РФ иностранцев с ВИЧ/СПИД, в том числе и как потенциальных наркопотребителей, учитывая приоритетность этого пути для инфицирования в странах исхода, во многом связана с решением Конституционного суда РФ[2] в отношении лиц с ВИЧ/СПИД, которые имеют намерение проживать в Российской Федерации длительное время, поскольку здесь постоянно проживают их семьи, где сказано, что это «... не может быть признано соразмерным и адекватным конституционно значимым целям и ценностям».

По данным Федерального центра профилактики СПИД, показатель заболеваемости ВИЧ-инфекцией в 2023 г. в России составил 40,04 на 100 тыс. населения, а превышение среднероссийского значения по итогам 2023 г. имели 34 субъекта Федерации, в числе которых регионы УрФО: Челябинская (71,76), Тюменская (65,27), Свердловская (64,73), Курганская (64,67) области, Ямало-Ненецкий автономный округ (49,04)[3]. Во всех 34 регионах в 2023 г., где отмечается превышение среднероссийского показателя по ВИЧ, проживало 44,7 % населения страны.

[1] Приказ Роспотребнадзора №467, ФМБА России №173 от 23.08.2021 «Об утверждении Порядка представления материалов, свидетельствующих о наличии обстоятельств, являющихся основанием для принятия (приостановления, возобновления действия, отмены) решений о нежелательности пребывания (проживания) иностранного гражданина или лица без гражданства в Российской Федерации, принятых в связи с наличием обстоятельств, создающих реальную угрозу здоровью населения, их рассмотрения, а также информирования Федеральной службы безопасности Российской Федерации и территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации о принятии (приостановлении, возобновлении действия и отмене) таких решений, форм соответствующих решений и уведомления» URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=400854 (дата обращения: 23.12.2024).

[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 12.03.2015 №4-П «По делу о проверке конституционности положений части четвертой статьи 25.10 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», подпункта 13 пункта 1 статьи 7 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и пункта 2 статьи 11 Федерального закона «О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)» в связи с жалобами ряда граждан». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176615/ (дата обращения: 23.12.2024)

[3] Справка ВИЧ в России в 2023 г. URL: http://www.hivrussia.info/wp-content/uploads/2024/09/spravka-vich-v-rossii-2023-god.pdf (дата обращения: 23.12.2024).

Таблица 3

Выполнение государственной функции по принятию решения о нежелательности пребывания иностранцев в РФ за период 2018–2023 гг.

Субъект УрФО	Год	Решения о нежелательности пребывания в РФ*				
		Подготовлено / принято	Приостановлено	Отменено судом	Возобновлено	Семья у ВИЧ+
Курганская обл.	2018	9/5	—	1	—	3
	2019	8/2	—	—	—	1
	2020	—/2	—	1	—	—
	2021	—/2	—	—	—	—
	2022	—/13	1	3	—	—
	2023	3/1	1	1	—	—
Свердловская обл.	2018	131/107	—	13	—	—
	2019	—	—	—	—	—
	2020	63/3	—	—	—	—
	2021	—/4	—	—	—	—
	2022	110/—	3	2	—	14
	2023	96/—	9	5	—	15
Челябинская обл.	2018	—/1	—	—	—	—
	2019	21/—	—	—	—	—
	2020	3/3	—	—	—	—
	2021	—/13	—	—	—	—
	2022	—/2	—	—	—	—
	2023	—/33	—	—	—	—
Тюменская обл.	2018	6/8	6	2	25	—
	2019	38/19	—	9	—	24
	2020	8/—	—	1	—	4
	2021	19/—	—	1	—	—
	2022	15/—	—	—	—	—
	2023	—	—	—	—	—
ХМАО	2018	—	—	—	—	—
	2019	—	—	—	—	—
	2020	—	—	—	—	—
	2021	—	—	—	—	—
	2022	—	—	—	—	—
	2023	—	—	—	—	—
ЯНАО	2018	7	—	—	—	—
	2019	79/31	—	—	—	—
	2020	—	—	—	—	—
	2021	5	—	—	—	—
	2022	—	—	—	—	—
	2023	24	—	—	—	—

* (—) нет информации в государственных докладах

Источник: государственные доклады Управлений Роспотребнадзора в субъектах УрФО. URL: https://www.45.rospotrebnadzor.ru/documen/doclad; https://www.66.rospotrebnadzor.ru/303; https://74.rospotrebnadzor.ru/268; https://86.rospotrebnadzor.ru/dokumentyi/gosudarstvennyie-dokladyi.html; https://72.rospotrebnadzor.ru/dokumenty/dokumenty-upravleniya-rospotrebnadzora/doklady/; https://89.rospotrebnadzor.ru/documents/regional/other/ (дата обращения: 23.12.2024).

Пораженность ВИЧ-инфекцией на 31.12 2023 составила 817,6 на 100 тыс. населения России, то есть с ВИЧ жили 0,8 % всего населения. Показатель пораженности ВИЧ-инфекцией, превышающий среднее значение по стране, имели 24 субъекта Российской Федерации, из них 5 субъектов УрФО: Свердловская (зарегистрировано 2020,2 живущих с ВИЧ на 100 тыс. населения), Челябинская (1461,7) области, Ханты-Мансийский АО (1393,2), Тюменская (1280,3), Курганская (1201,4) области. В этих 24 наиболее неблагополучных регионах к концу 2023 г. проживало более трети (35,8 %) всего населения страны, в них же было зарегистрировано 51,9 % новых выявленных случаев ВИЧ-инфекции и 63,3 % летальных исходов среди больных ВИЧ-инфекцией в 2023 г.[1]

Именно поэтому мероприятия в рамках так называемого «Санитарного щита» Роспотребнадзора важны не только в части профилактики социально значимых инфекций среди автохтонного населения (Струин и др., 2022), но и минимизации добавления новых случаев со стороны приезжающих мигрантов, имеющих родственные связи в РФ.

Из данных таблицы 3 следует, что ТУ РПН в УрФО не ведут системной работы в части преемственности и реализации информации по принятым/отложенным или возобновленным материалам в отношении иностранцев. На примере государственных докладов ТУ РПН по Свердловской области, как наиболее аналитически выстроенных, можно отметить, какую проблему формируют иностранцы с подозрением на инфекции, представляющие опасность для населения, намеренно не завершая процедуру дообследования. Тем самым они формируют конкретные эпидемические риски для населения регионов, продолжая, возможно, находиться на территории РФ. Так, в 2020 г. в Свердловской области процедуру дообследования прошли только 33 чел. (55,9 %), у 26 — диагноз под вопросом, при этом 38,4 % приходится на лиц с предварительным диагнозом «туберкулез». В 2021г. недообследовано было 6,9 % лиц с подозрением, в 2022 г. — недообследовано 97 чел. (40,6 %), в 2023 г. таких иностранцев было 102 чел. (49,3 % от числа лиц с подозрением на заболевания). Таким образом, не прошедшие полное обследование иностранные граждане, учитывая плотность и компактность их проживания и незаконность нахождения в РФ, создают потенциальную угрозу гражданам РФ в виде возможных очагов туберкулеза, передачи ВИЧ и сифилиса, в том числе и вертикальным путем. И здесь важная роль органов МВД региона в части обеспечения требований законодательства РФ и пресечения незаконного пребывания в стране, но результатов обратной связи от МВД в государственных докладах ТУ РПН по Свердловской области не имеется.

По другим регионам УрФО понять ситуацию с дообследованием и последующим принятием решения о нежелательности из государственных докладов не представляется возможным ввиду отсутствия соответствующей аналитики. Таким образом, выполнение своей государственной функции в отношении решений о нежелательности пребывания иностранных граждан в РФ и в части инициативы по реализации межведомственного взаимодействия по вопросам выдворения иностранцев со стороны ТУ РПН субъектов УрФО как реализации «Санитарного щита» имеет формальное действие и низкую эффективность.

[1] Там же.

Таблица 4

Стоимость годового лечения одного пациента с ВИЧ-инфекцией в 2020 г. согласно принятых схем лечения

Схема №	Стоимость (рублей)	Стоимость (долларов)
1	10227,00	142
2	18287,00	254
3	91761,00	1272
4	99820,00	1384

Источник: Стоимость основных схем лечения ВИЧ в России в 2020 г. Международная коалиция по лечению ВИЧ/СПИД. URL: https://itpc.ru/ (дата обращения: 25.12.2024).

Для понимания того, сколько это может стоить бюджету, мы взяли материалы Коалиции по готовности к лечению (ITPC EECA)[1] в части основных схем лечения пациентов с ВИЧ-инфекцией за 2020 г. и их стоимости. Не раскрывая препараты, которые входят в состав этих схем, мы приводим только их стоимость в национальной валюте (табл. 4).

Из таблицы 3 следует, что согласно данным ТУ РПН, в субъектах УрФО иностранцев с ВИЧ, которые находятся на территории РФ в связи с родственными связями за период 2018–2023 гг., всего 61 человек и затраты государства на их лечение располагаются в диапазоне от 8662 долл. (по схеме 1) до 84424 долл. (схема 4). Во сколько реально обходятся государству затраты на лечение иностранцев, больных социальными инфекциями, представляющих опасность для населения по постановлению Правительства РФ № 715, в целом оценить не представляется возможным.

Однако, если попробовать провести расчет на число иностранцев с ВИЧ, выявленных в России в 2023 г. (3301 чел.) применительно к схемам лечения[2] и исходя из расчета, что 40 % лиц имеют второе гражданство — российское, и не подпадут под решение о депортации (выдворении с территории РФ), то затраты государства только для этой группы лиц будет в пределах от 187582 до 1828264 долларов США в ценах 2020 г.

Заключение

Проект «Санитарный щит» сегодня в регионах является более декларативным проектом Роспотребнадзора, не подкрепленным должными компетенциями должностных лиц в ТУ РПН субъектов УрФО, что подтверждается аналитикой государственных докладов, в которых не выстроена системность, полнота и оценка реализуемых профилактических мероприятий в отношении иностранцев и завоза ими в РФ инфекций, представляющих опасность для населения.

Подразумевая под собой организацию и эффективную реализацию мероприятий по межведомственному взаимодействию заинтересованных ведомств, «Санитарный щит» на уровне регионов не обеспечивает в полном объеме всего необходимого комплекса мероприятий и реализацию участвующими в этом федеральными структурами в субъектах федерации государственных функций по решению вопроса о нежелательности пребывания мигрантов.

[1] Материалы Международной коалиции по лечению ВИЧ/СПИД в России за 2020 г. URL: https://itpc-eeca.org/ (дата обращения: 25.12.2024).

[2] Там же.

Проводимые среди мигрантов медико-санитарные мероприятия должны, безусловно, обеспечивать соблюдение прав человека, быть интегрированы в общую систему здравоохранения, в региональные и федеральные программы по ВИЧ/СПИД и туберкулезу, реализуемые прежде всего в местах компактного проживания и работы мигрантов.

Реализация мероприятий по предупреждению завоза иностранцами на территорию России инфекций, представляющих опасность для населения, принятие мер реагирования в отношении каждого случая инфекционного заболевания у мигранта должно быть ключевым показателем эффективности (KPI - Key Performance Indicators) деятельности должностных лиц ТУ РПН, отражая качество и результат действий за определённый период времени в рамках проекта «Санитарный щит».

Список литературы

Багреева, Е.Г., & Куцев, В.В. (2023). Незаконная миграция как фактор распространения наркотических средств. *Вопросы безопасности, 2,* 57–67. https://doi.org//10.25136/2409-7543.2023.2.43456

Бедрина, Е.Б., & Неклюдова, Н.П. (2024) Реализация миграционной политики в Свердловской области глазами экспертов: поиск управленческих решений. *Ars Administrandi (Искусство управления), 16* (1), 98–123. https://doi.org//10.17072/2218-9173-2024-1-98-123

Вафина, Г.Г. (2013) Государственный контроль за организацией медицинского освидетельствования иностранных граждан. *Практическая медицина, 1–4* (73),79–81.

Виноградова, Е. (2024). *Росстат раскрыл «портрет» мигранта в России: Кто и с какими целями въезжает в страну из-за рубежа.* URL: https://www.rbc.ru/economics/22/07/2024/669a2afd9a7947271d418486 (дата обращения: 23.12.2024).

Иванова, Л.Ю. (2013). Социальные риски для здоровья трудовых мигрантов. *Вестник института социологии, 6,* 131–145.

Онищенко, Г.Г., & Симкалова, Л.М. (2013). Совершенствование федерального эпидемиологического надзора, обеспечение биологической безопасности населения Российской Федерации. *Журнал микробиологии, эпидемиологии и иммунобиологии, 5,* 27–35.

Рязанцев, С. В., Иванова, А. Е., & Вангородская, С. А. (2023). Медицинская помощь таджикским трудовым мигрантам в России. *Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н. А. Семашко, 2.* 76–82. https://doi.org//10.25742/NRIPH.2023.02.011

Струин, Н.Л., Белявский, А.Р., & Струина, Н.Н. (2016). Система управления эпидемиологическими рисками при социально значимых инфекциях. *Здоровье населения и среда обитания, 2* (275), 20–24.

Струин, Н.Л. (2024). Государственная политика в области миграции как источник потенциальных эпидемических рисков для населения. В *Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты и перспективы: сборник научных статей: в двух томах. Т.2.* (с. 290–295). Минск: Право и экономика, 560.

References

Bagreeva, E.G., & Kutsev, V.V. (2023). Illegal migration as a factor in the distribution of narcotic drugs. *Voprosy` bezopasnosti [Security Issues], 2,* 57–67. https://doi.org//10.25136/2409-7543.2023.2.43456 (In Russ.)

Bedrina, E.B., & Neklyudova, N.P. (2024). Implementing migration policy in the Sverdlovsk region from the experts' point of view: Searching for management solutions. *Ars Administrandi (Iskusstvo upravleniya) [Ars Administrandi], 16*(1), 98–123. https://doi.org//10.17072/2218-9173-2024-1-98-123 (In Russ.)

Ivanova, L. Y. (2013). Social risks for the health of migrant workers. *Vestnik instituta sotziologii, 4*(1), 130–145. (In Russ.)

Onishchenko, G.G., & Simkalova, L.M. (2013). Improvement of federal epidemiologic surveillance, provision of biologic security of population of Russian Federation. *Zhurnal mikrobiologii, èpidemiologii i immunobiologii [Journal of microbiology, epidemiology and immunobiology], 5,* 27–35. (In Russ.)

Ryazantsev, S.V., Ivanova, A.E., & Vangorodskaya, S.A. (2023). Medical care for Tajik migrant workers in Russia. *Bulletin of Semashko National Research Institute of Public Health, (2)*. 76–82. DOI:10.25742/NRIPH.2023.02.011 (In Russ.)

Struin, N.L., Belyavsky, A.R., & Struina, N.N. (2016). Epidemiological risk management system of socially significant infections. *Zdorov`e naseleniya i sreda obitaniya [Public Health and Life Environment - Ph&Le], 2*(275), 20–24. (In Russ.)

Struin, N.L. (2024). State policy in the field of migration as a source of potential epidemic risks for the population In *Strategiya razvitiya e`konomiki Belarusi: vy`zovy`, instrumenty` i perspektivy`: sbornik nauchny`x statej: v dvux tomax.T.2. [Belarus' economic development strategy: challenges, tools and prospects: collection of scientific articles: in two volumes. Vol.2]* (pp. 290–295). Minsk : Law and Economics, 560. (In Russ.)

Vafina, G.G. (2013) State control over the organization of the medical examination of foreign citizens. *Prakticheskaya medicina [Practical medicine], 1–4*(73), 79–81. (In Russ.)

Vinogradova, E. (2024). *Rosstat revealed the «portrait» of a migrant in Russia: Who enters the country from abroad and for what purposes*. URL: https://www.rbc.ru/economics/22/07/2024/669a2afd9a7947271d418486 (accessed: 23.12.2024). (In Russ.)

Струин Николай Львович — кандидат медицинских наук, доцент, Уральский государственный медицинский университет; старший научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН, http//orcid.org/0000-0002-4843-601X (Российская Федерация, 620028, г. Екатеринбург, ул. Репина, 3; 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: struin.nl@uiec.ru).

Струина Нина Николаевна — врач-исследователь, АНО «Агентство социальных стратегий и проектов» (Российская Федерация, 620075 г. Екатеринбург, ул. Д.Зверева, 11; e-mail: garda_n@inbox.ru).

Сморудова Надежда Игоревна — стажер-исследователь, АНО «Агентство социальных стратегий и проектов» (Российская Федерация, 620075 г. Екатеринбург, ул. Д.Зверева, 11; e-mail: garda_n@inbox.ru).

Nikolay L. Struin — Candidate of Medical Sciences, Associate Professor, Ural State Medical University; Senior Researcher, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, http//orcid.org/0000-0002-4843-601X (3, Repina St., 620028, Ekaterinburg; st. 29, Moskovskaya, 620014, Ekaterinburg, Russian Federation; e-mail: struin.nl@uiec.ru).

Nina N. Struina — Doctor-researcher, ANO "Agency for Social Strategies and Projects" (11, D. Zvereva St., 620075, Ekaterinburg, Russian Federation; e-mail: garda_n@inbox.ru).

Nadezhda I. Smorudova — Research Intern, ANO "Agency for Social Strategies and Projects" (11, D. Zvereva St., 620075, Ekaterinburg, Russian Federation; e-mail: garda_n@inbox.ru).

Факторы и механизмы демографического развития [Текст]: сб. науч. ст. / ред. д-р
У 81 экон. наук, проф. О. А. Козлова, д-р экон. наук, проф. А. П. Багирова, д-р истор. наук, проф. Г. Е. Корнилов, д-р экон. наук, проф. И. А. Кулькова, д-р философ. наук, проф. Б. Ю. Берзин, канд. экон. наук Н. П. Неклюдова, О. А. Пышминцева; Рос. акад. наук, Урал. отд-ние, Ин-т экономики. — Электрон. текст. дан. (11,7 Мб). — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2025. — 832 с. — 1 опт. компакт-диск (CD-ROM). — Текст: электронный.

ISBN 978-5-94646-700-1

Сборник объединяет исследования, анализирующие ключевые аспекты демографического развития. В фокусе внимания авторов — исторические и социально-экономические детерминанты демографических процессов, современные миграционные вызовы и стратегии их регулирования, а также механизмы стимулирования рождаемости. Отдельные работы посвящены социологическим и психологическим аспектам изучения демографических тенденций, анализу влияния государственных программ на сохранение здоровья населения и их практической реализации. Материалы систематизированы в тематические разделы, что обеспечивает логичность структуры и удобство восприятия. Издание ориентировано на широкий круг специалистов: экономистов, управленцев в сфере демографии, социологов, психологов, медиков, историков, географов, а также преподавателей, аспирантов и представителей НКО.

УДК 314
ББК 60.7 (2 Рос)

Научное издание

ФАКТОРЫ И МЕХАНИЗМЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
Сборник статей

Рекомендовано к изданию Ученым советом Института экономики УрО РАН
Протокол Ученого совета №6 от 25.03.2025. Рег. №02(24) (протокол редсовета №3 от 24.03.2025)

Редактирование: А. А. Кононеко, Н. А. Леготина.
Компьютерная верстка Е. В. Леготиной

Электронное издание
1 оптический компакт-диск
Издание поставляется на одном CD-ROM диске и может быть использовано в локальном и сетевом режимах.

Подписано к использованию 2.06.2025.
Объем 11,7 Мб. Уч.-изд. л. 56.
Тираж 10 шт.

Систем. требования: PC не ниже класса Pentium I; 32 Mb RAM; свободное место на HDD 16 Mb; Windows 95/98; программа просмотра файлов .pdf; дисковод CD-ROM 2-х и выше; мышь.

Издатель: Институт экономики УрО РАН.
620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29, тел. +7(343) 371-45-36
Сайт: www.uiec.ru; e-mail: lavrikova.ug@uiec.ru.

Изготовитель: ООО «Сигнум»
620034, г. Екатеринбург, ул. Готвальда, 3, оф. 115.
тел.: +7 (343) 351-74-33.